Пажескій
Его Императорскаго Величества
Корпусъ

За сто лѣтъ
1802 - 1902

141/2

925.211.1
KP 2477/1

Томъ I

ПАЖЕСКІЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРПУСЪ

за СТО лѣтъ

Его Императорское Величество

Государь Императоръ

Николай Александровичъ

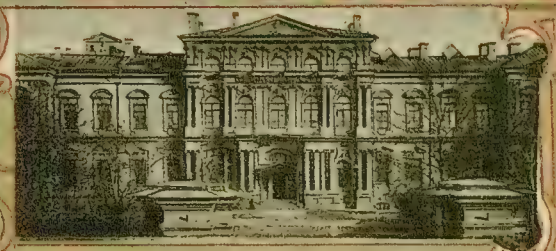
Ея Императорское Величество

Государыня Императрица

Александра Феодоровна

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“.

ПАЖЕСКІЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
КОРПУСЪ



за сто лѣтъ

Н. Пирогов.

СОСТАВИЛЪ

Д. М. Лёвшинъ

ИЗДАНІЕ

Пажескаго Юбилейнаго Комитета

ПЕЧАТАНО

въ заведеніи графическихъ искусствъ

„Т-ва Художественной Печати“

Спб. Англійскій пр., 28

1902

Печатано по распоряженію г. Предсѣдателя Пажескаго Юбилейнаго Комитета

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

(Съ портрета, рисованнаго пажемъ Рейнталемъ въ 1888 г.)

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе I

ВВЕДЕНІЕ.

Глава I.

Пажи до реформы. Пажи временъ Петра. Пажи въ первое время послѣ реформы.

Дореформенный дворъ и зарожденіе процесса подражанія. Стольники Царя и Царицы. Ихъ образованіе.—Дворъ Петра.—Пажи его времени.—Ихъ образованіе.—Пажи послѣ Петра.—Пажи на Западѣ . . . . . 1— 40

Глава II.

Царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны.

Развитіе процесса подражанія.—Дворъ Императрицы Елизаветы.—Пажи и ихъ придворная служба.—Ихъ нравы и нравы общества.—Наставники пажей.—Образованіе временъ Елизаветы Петровны.—Вліяніе западно-европейскаго образованія на образованіе въ Россіи.—Иностранцы-наставники въ Россіи.—Образованіе пажей.—Заботы о малолѣтнихъ пажахъ.—Графъ Сиверсъ.—Меморіалъ барона Шуди.—Разборъ меморіала.—Инструкція, данная барону Шуди.—Соотношеніе между меморіаломъ и инструкціею.—Разборъ инструкціи.—Когда основанъ Пажескій корпусъ.—Дѣятельность пажей временъ Петра, его наслѣдниковъ и Елизаветы Петровны.—Привилъ Петръ званіе пажа къ званію стольника Царицы и отчасти стольника царя или пересадилъ его изъ Европы въ Россію . . . . . 41— 86

Глава III.

Царствованіе Императрицы Екатерины и Императора Павла.

Увлеченіе Императрицы Екатерины въ духѣ просвѣтительной философіи.—Происхожденіе философіи вѣка просвѣщенія.—Процессъ подражанія и роль, которую играла въ немъ Императрица Екатерина.—Творческій процессъ.—Воспитаніе и образованіе.—Общій ходъ развитія того и другого съ дореформенныхъ временъ до воцаренія Императрицы Екатерины.—Профессіональное и гуманитарное образованіе.—Иванъ Ивановичъ Бецкій и его просвѣтительная дѣятельность.—Значеніе этой дѣятельности.—Австрійская система Янковича де-Міріево.—Отношеніе русскихъ къ австрійской системѣ.—Педагогическій персоналъ временъ Императрицы Екатерины.—Какъ воспользовалось русское общество тою школою, которую ему предлагало правительство.—Академикъ Миллеръ.—Планъ для обученія пажей и разборъ его.—Чѣмъ долженъ быть Пажескій корпусъ по мнѣнію академика Миллера.—Преобразованіе корпуса въ духѣ австрійской системы.—Планъ сенатора Завадовскаго.—Разборъ его.—Придворная и школьная жизнь временъ Императрицы Екатерины по воспоминаніямъ Н. П. Брусилова и А. А. Башилова.—Случай съ Шешковскимъ.—Дѣятельность пажей въ царствованіе Императрицы Екатерины.—Пажи и Пажескій корпусъ въ XVIII вѣкѣ.—Нѣкоторыя мѣропріятія относительно корпуса Павла I.—Заключеніе . . . . . 87—178

ПАЖЕСКІЙ Е. И. В. КОРПУСЪ ЗА СТО ЛѢТЪ.

стр.

Глава I.

Царствованіе Императора Александра I (1801—1810 г.)

Коронація.—Просвѣтительныя стремленія.—Общее и военное образованіе.—Домашнее образованіе и воспитаніе.—Положеніе педагоговъ.—Генералъ Клингеръ.—„Учрежденіе Пажескаго корпуса".—Первые годы послѣ реформы . . . . . 179—256

Глава II.

Царствованіе Императора Александра I (1810—1825 г.

Мальтійскій орденъ за границей и у насъ.—Католическая и православная церкви корпуса.—Переѣздъ въ новое зданіе въ 1810 году.—Зданіе корпуса.—Опредѣленіе въ пажи и прошенія, которыя подавались по этому случаю.—Пажи воспитывающіеся дома и отношеніе къ нимъ корпуса.—Высшее начальство и заботы его о корпусѣ.—Внутреннее помѣщеніе корпуса.—Отраженіе событій 1812 года на жизни корпуса.—Отголосокъ въ корпусѣ броженія умовъ второй половины царствованія Александра I.—Воспитательный персоналъ корпуса.—Вліяніе его на воспитанниковъ.—Ученіе въ корпусѣ.—Учителя.—Военное воспитаніе.—Старшіе и младшіе воспитанники.—Придворная служба по воспоминаніямъ пажей П. Дарагана и А. Гангеблова.—Производство въ офицеры.—Корпусъ въ царствованіе Императора Александра I. Общія замѣчанія. Пажи.—Государственные дѣятели . . . . . 257—368

Глава III.

Царствованіе Императора Николая I.

Вступленіе на престолъ.—Взгляды Императора на образованіе и воспитаніе.—Общее и военное образованіе.—Высшее военно-учебное начальство.—Генералъ К. Ѳ. Клингенбергъ.—Фронтовыя увлеченія.—Похороны Императора Александра I.—Коронація.—Лагерь.—Посѣщеніе Государемъ корпуса.—Придворная служба пажей.—Передѣлка зданія.—Директора корпуса.—Карлъ Карловичъ Жирардотъ.—Жизнь корпуса въ его время и его вліяніе на эту жизнь.—Корпусные офицеры.—Иванъ Ѳедоровичъ Ортенбергъ.—Преподаватели и учебное дѣло.—Образованіе и воспитаніе въ корпусѣ. Общая характеристика.—Военное воспитаніе.—Старшіе и младшіе воспитанники.—Соціальное значеніе Пажескаго корпуса.—Пажи-дѣятели . . . . . 369—532

Глава IV.

Царствованіе Императора Александра II.

Крымская кампанія.—Ея герой, князь В. И. Васильчиковъ.—Эпоха 60-хъ годовъ.—Начало преобразовательной дѣятельности.—Генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ и военно-учебное дѣло въ его время.—Пажескій корпусъ въ первое время царствованія Императора Александра II.—Директора корпуса.—Пажескій корпусъ по воспоминаніямъ Л. И. Януша.—Пажи дѣятели . . . . . 533—622

Глава V.

Царствованіе Императора Александра III и Пажескій корпусъ въ наши дни.

Реформы царствованія Императора Александра III.—Музей корпуса.—Уходъ генерала Ѳ. К. Дитерихса.—Перемѣны въ жизни корпуса послѣднихъ лѣтъ.—Педагогическіе офицерскіе курсы.—Заключеніе . . . . . 623—694

Примѣчанія . . . . . 695—716

Знамя ВЫСОЧАЙШЕ пожалованное корпусу

10 октября 1902 года.

Хромолит. „Т-ва Худож. Печ."

Предисловіе.

Императрица Елизавета основала въ 1759 году Пажескій корпусъ, какъ учебное заведеніе, Императоръ Александръ I преобразовалъ его въ военное учебное заведеніе въ 1802 г. Въ этомъ году 10-го Октября было подписано Государемъ такъ называемое „Учрежденіе Пажескаго корпуса", вводившее его въ новую жизнь. Слѣдовательно, въ настоящемъ, 1902 году, минуло сто лѣтъ существованія корпуса, какъ военно-учебнаго заведенія.

10 Октября 1902 года было Высочайше разрѣшено праздновать 100 лѣтній юбилей корпуса. Празднованіе этого юбилея по Высочайшему повелѣнію отложено на 12 Декабря.

Пажескій юбилейный комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта О. Б. Рихтера, пожелалъ ко дню юбилея дать возможность бывшимъ пажамъ познакомиться съ прошлымъ ихъ родного заведенія. Съ этою цѣлью намъ было поручено написать очеркъ подъ заглавіемъ „Пажескій Е. И. В. корпусъ за сто лѣтъ".

Работу нашу мы исполнили по слѣдующему плану. Въ трехъ главахъ введенія мы прослѣдили возникновеніе пажескаго званія у насъ и заграницей, судьбы пажей при Петрѣ и при его ближайшихъ наслѣдникахъ, указали, когда основали для пажей учебное заведеніе подъ названіемъ „Пажескій корпусъ" и затѣмъ прослѣдили ходъ эволюціи постепенно превращавшей, со второй половины XVIII столѣтія, Пажескій корпусъ—общеобразовательное учебное заведеніе въ Пажескій корпусъ—военно-учебное заведеніе.

Въ пяти главахъ, непосредственно слѣдующихъ за введеніемъ, мы разсмотрѣли жизнь корпуса за истекшія 100 лѣтъ.

Насколько позволили намъ поставленныя юбилейнымъ комитетомъ задачи: возможно пристальнѣе слѣдить за судьбами собственно Пажескаго корпуса, и обратить, главнымъ образомъ, вниманіе на его внутренную жизнь,—мы прослѣдили и судьбы образованія въ Россіи, какъ общаго, такъ и военнаго. Постарались мы уловить и отраженіе общественныхъ настроеній среди воспитанниковъ корпуса, а также опредѣлить общественное значеніе корпуса во второй половинѣ XVIII столѣтія и первой половинѣ XIX столѣтія.

Три главы введенія и 5 главъ слѣдующихъ за введеніемъ составили первый томъ. Во второй—мы выдѣлили „Приложенія". Въ нихъ вошли двѣ наши статьи „о Дореформенномъ Дворѣ и его значеніи" и „о пажахъ заграницей"; „Планъ для обученія пажей" академика Миллера на нѣмецкомъ языкѣ; „Учрежденіе Пажескаго

корпуса генерала Клингера на нѣмецкомъ языкѣ; всѣ положенія о корпусѣ; списки пажей, выпущенныхъ изъ корпуса, формы одежды и личный составъ корпуса. На послѣдній списокъ мы предлагаемъ смотрѣть только какъ на матеріалъ для будущихъ работъ, по которому можно оріентироваться; ни на особенную точность, ни на полноту онъ нисколько не претендуетъ.

Для составленія нашего труда мы пользовались главнымъ образомъ источниками, хранящимися въ архивѣ корпуса, въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, въ Военно-учебномъ Архивѣ Главнаго Штаба, въ Архивѣ Министерства Двора, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ архивахъ, а также воспоминаніями бывшихъ пажей и служащихъ, находящимися въ музеѣ корпуса. Изъ печатныхъ источниковъ намъ особенно послужили, кромѣ многихъ другихъ, „Матеріалы для исторіи Пажескаго корпуса“ графа Г. А. Милорадовича. „Пажи за 185 лѣтъ“, О. фонъ-Фреймана и воспоминанія бывшихъ пажей, разбросанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Намъ остается сказать про художественную сторону изданія.

Трудъ завѣдывать ею взялъ на себя Почетный Опекунъ генералъ-маіоръ баронъ Ѳ. Е. Мейендорфъ. Въ иллюстрированіи книги приняли участіе: художникъ П. Пироговъ, академикъ художникъ Н. Самокишъ и баронеса. Е. П. Мейендорфъ.

Что же касается портретовъ пажей-дѣятелей, то въ изданіе вошли тѣ, которые удалось получить и которые помѣщаются въ музеѣ корпуса на стѣнахъ, предназначенныхъ для портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Въ самомъ изданіи они распредѣлены по старшинству выпусковъ по тѣмъ царствованіямъ, въ теченіе которыхъ играли наиболѣе видную роль.

Въ заключеніе этихъ строкъ приносимъ неподдѣльно искреннюю и глубокую благодарность предсѣдателю Пажескаго Юбилейнаго Комитета генералъ-адъютанту Оттону Борисовичу Рихтеру. Единственно его довѣріе и нравственная поддержка дали намъ возможность довести нашу работу до конца и, мало того, окончить ее въ срокъ. За участіе къ намъ и указанія благодаримъ мы искренно и управляющаго канцеляріею Военнаго Министерства, бывшаго пажа генералъ-лейтенанта А. Ѳ. Редигера. Благодаримъ мы также вице-предсѣдателя Пажескаго Юбилейнаго Комитета генералъ-адъютанта барона Ф. Е. Мейендорфа и всѣхъ членовъ Юбилейнаго Комитета, которые въ той или иной степени оказывали намъ содѣйствіе.

Не можемъ мы не вспомнить съ благодарностью и слѣдующихъ лицъ, бесѣды съ которыми принесли намъ не мало пользы: В. А. Бильбасова, А. С. Лаппо-Данилевскаго, и П. Я. Дашкова. Послѣдній, какъ всегда любезно, предоставилъ въ наше распоряженіе нѣсколько гравюръ.

Д. Лёвшинъ.

С.-Петербургъ.
30 Ноября 1902 г.

Состоящій при Особѣ Его Величества

Генералъ-адъютантъ

О. Б. РИХТЕРЪ.

Предсѣдатель Пажескаго юбилейнаго комитета.

Фототип. „Т-ва Худож. Печ.".

ВВЕДЕНІЕ.

ПАЖИ И ПАЖЕСКІЙ КОРПУСЪ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Глава А.

Ореформенный дворъ

И Зарожденіе Процесса Подражанія - Столькими Цари и Царицы Ихъ Образованіе Дворъ Петра. Парки Его Времени и Ихъ Образованіе. Парки Подъ Петра. Парки На Западѣ.

одражаніе, свойственное дѣтямъ и юношамъ, что отлично знаютъ родители и воспитатели, свойственно и отдѣльнымъ націямъ.

Для дѣтей и юношей такое стремленіе зарождается вслѣдствіи того, что они находятся въ соприкосновеніи съ взрослыми, превосходство которыхъ признаютъ надъ собой. Для націи оно зарождается тогда, когда нація менѣе культурная входитъ въ соприкосновеніе съ болѣе культурной. Дѣти и юноши, признавъ превосходство своихъ родителей или тѣхъ или другихъ взрослыхъ лицъ, начинаютъ съ того, что перенимаютъ ихъ манеры, способы выражаться, походку, однимъ словомъ, они подражаютъ внѣшности, но въ то же время, если только юноши носятъ въ себѣ зародыши самобытности, то они тому, что перенимаютъ, придаютъ индивидуальную окраску и этимъ какъ бы протестуютъ противъ обезличенія. Послѣ цѣлаго ряда неуклюжихъ попытокъ въ подражательномъ духѣ ихъ, однако, озаряетъ мысль, что не во внѣшности дѣло, а во внутреннемъ содержаніи. Тогда они или бросаютъ свои прежніе образцы и ищутъ другихъ идеаловъ для себя, или остаются имъ вѣрны, если сознаютъ, что внѣшность идеаловъ отвѣчаетъ ихъ внутреннему содержанію. Нація, признавъ превосходство другой, тоже перенимаетъ сначала одежду, игры, иностранныя слова или такъ называемыя „блестки цивилизаціи“, при этомъ въ нѣдрахъ ея, если она имѣетъ зародыши самобытности, проявляется тоже протестъ противъ возможнаго обезличенія, выражающійся въ томъ, что часть ея или группа лицъ отстаиваетъ упорно старое, въ то время, какъ другая часть или группа тянетъ на новый путь. Черезъ очень продолжительный срокъ нація тоже начинаетъ догадываться, что не во внѣшности заключается почувствованное превосходство образца, а въ чемъ-то другомъ, въ чемъ именно, она уясняетъ себѣ такъ-же внезапно и случайно, какъ внезапно озаряетъ юношу мысль, что не во внѣшности заключается превосходство взрослыхъ, а въ ихъ внутреннемъ содержаніи.

Но вотъ настаетъ день, когда мало-мальски талантливый юноша, окрѣпнувъ, набравшись мыслей и понятій у своихъ идеаловъ, обогатившись черезъ нихъ достаточнымъ количествомъ свѣдѣній, претворивъ и переработавъ ихъ по своему, становится на ноги и на свой рискъ и страхъ пускается въ невѣдомую даль.—Такъ птенчикъ, выучившись летать, покидаетъ родное гнѣздо и самъ своими собственными силами добываетъ дневное пропитаніе.

Настаетъ и для націи время, когда, усвоивъ духъ чуждой цивилизаціи, претворивъ его сообразно психическимъ своимъ особенностямъ, она перестаетъ нуждаться въ иностранномъ образцѣ, тогда и она на свой рискъ и страхъ тоже пускается въ невѣдомую даль, сама еще хорошенько не зная, какихъ цѣлей достигать, куда и къ какимъ идеаламъ стремиться. Одно ей ясно—отнынѣ она должна искать ихъ безъ помощи другихъ, своими собственными силами и средствами. Не хватитъ у нея храбрости сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, она будетъ на вѣки обречена играть второстепенную роль и тащиться на буксирѣ за другими, а храбрости у нея не хватитъ лишь въ томъ случаѣ, если въ ней не будетъ жизнеспособности и зародышей самобытности. Разъ она только жизнеспособна и самобытна, она непремѣнно перейдетъ Рубиконъ, отдѣляющій періодъ подражанія отъ періода самостоятельной творческой работы. Это—законъ.

Два раза Россія вступала на путь подражанія [1]). Въ первый разъ произошло это тогда, когда крещеніе Владиміра Святого привело къ намъ на Русь греческаго священника, который помогъ язычнику, человѣку-звѣрю по преимуществу, понемногу превратиться въ христіанина, человѣка-духа по преимуществу. Слѣдовательно, греческое духовенство повліяло, главнымъ образомъ, цивилизующе [2]), т. е. оно способствовало тому, что русскій человѣкъ, при его помощи, одержалъ побѣду не столько въ области матеріальной, сколько въ области духовной. Плоды этой побѣды были упрочены въ теченіе двухъ вѣковъ татарскаго ига; борьба за вѣру православную укрѣпила самую вѣру, заставила полюбить ее, дорожить ею, какъ сокровищемъ, которое, того и гляди, можно потерять, дала случай искать вѣнца мученическаго, показать на дѣлѣ, что не даромъ носишь названіе христіанина.

Татарское иго превратило послушнаго ученика грековъ, робко слѣдовавшаго за своимъ учителемъ, въ самостоятельнаго дѣятеля, понявшаго и почувствовавшаго значеніе христіанской нравственности, правда, далеко не всегда вѣрно и широко толковавшаго ея положенія и

далеко не всегда слѣдовавшаго въ своей жизни ея предписаніямъ, но зато благоговѣйно преклонявшагося передъ ея высокимъ идеаломъ и все-таки, какъ никакъ, по мѣрѣ силъ и возможности и по своему крайнему разумѣнію, старавшагося согласовать съ ней свои поступки. Великая разруха, это — великое испытаніе земли русской, когда на карту было поставлено ея существованіе, показала, что ученикъ грековъ не только самостоятельный человѣкъ, но и при томъ крѣпкій духомъ человѣкъ, который не даромъ прошелъ ихъ школу и вынесъ всю тяжесть татарщины.

Смутное время сдѣлало очевиднымъ, что ученики переросли учителей и что теперь, если уже итти въ науку, надо обратиться къ другимъ наставникамъ, къ какимъ—на это указывали намъ политическія задачи, настоятельно толкавшія насъ на Западъ. Но что сдѣлалось очевиднымъ послѣ смуты, то уже чуялось немногими еще до начала ея.

„Московскіе люди второй половины XVI вѣка и начала XVII, желая воспользоваться житейски-полезными знаніями Запада и нравственно-безвредными удобствами, имъ придуманными, выписывали изъ-заграницы на царскую службу врачей, суконныхъ мастеровъ, рудознайцевъ, которые умѣютъ находить руду серебряную и золотую, часовщиковъ, пушкарей и другихъ мастеровыхъ людей. Въ 1617 г. московское купечество на запросъ правительства высказалось, что полезно поощрять иноземцевъ къ устройству заводовъ и всякихъ промысловъ въ Россіи, потому что отъ того будетъ заработокъ русскимъ людямъ, которые, увидѣвъ у иноземцевъ мастерство или промыселъ, ему научатся и сами за него ухватятся“ [3]).

Но уже до начала смуты выяснилось, что подражаніе пойдетъ по той дорогѣ, по которой оно должно итти въ силу управляющихъ имъ законовъ и что, слѣдовательно, процессъ начнется съ того, что подражатели, не умѣя отличить существеннаго отъ внѣшняго, примутся за пересаживаніе этого внѣшняго. Объ этомъ и свидѣтельствуетъ профессоръ В. О. Ключевскій, говоря, что уже при Борисѣ стало замѣтнымъ пристрастіе русскихъ къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ. Дѣло доходило даже до брадобритія, и Авраамъ Палицынъ, говоря о нововводимыхъ дѣлахъ того времени, съ негодованіемъ прибавляетъ: „старіи мужи брады своя постризаху, въ юноши перемѣняхуся“ [4]).

Выяснилось до смуты и другое обстоятельство, что очагомъ гдѣ зародится процессъ и откуда онъ станетъ распространяться—будетъ дворъ царя. Царь Борисъ задумалъ вызвать ученыхъ изъ-заграницы

и основать школы для обученія русскихъ разнымъ языкамъ. Почему это такъ, станетъ совершенно понятнымъ, если вспомнить, что дворъ вынужденъ былъ въ силу политическихъ причинъ раньше массы населенія войти въ соприкосновеніе съ Западомъ и что, вслѣдствіе историческихъ условій, царь съ окружающимъ его дворомъ уже въ это время были вершителями судебъ объединенной Россіи. Желающихъ узнать, какъ это произошло, мы отсылаемъ къ приложенію (№ 1). Здѣсь же только замѣтимъ, что въ силу законовъ подражанія, разъ высшіе—царь и приближенные—были втянуты въ подражательный процессъ, низшіе, обыкновенно, берущіе высшихъ за образецъ, въ свою очередь, должны были подражать имъ. Такимъ образомъ, проводникомъ западной культуры, уже тогда, сдѣлался высшій служилый классъ, превратившійся послѣ Петра въ дворянство, а мѣстомъ, гдѣ онъ запасался западными идеями, обычаями и модами,—дворъ царя.

Послѣ смуты положеніе вещей нисколько не измѣнилось, а, наоборотъ, все то, что до смуты было ничѣмъ инымъ, какъ слабымъ неопредѣленнымъ контуромъ, теперь превратилось въ отчетливый рисунокъ. „Такъ, при дворѣ составился кружокъ вліятельныхъ любителей западно-европейскаго комфорта и даже образованія. Одинъ изъ членовъ кружка ласковый и веселый бояринъ Ник. Ив. Романовъ, дядя царя Алексѣя Михаиловича, другъ и любимецъ иноземцевъ, былъ большой любитель нѣмецкой музыки, держалъ у себя всякаго рода музыкальные инструменты, одѣлъ своихъ людей въ ливреи по иностранному образцу, а по другому извѣстію себѣ самому сшилъ платье иноземнаго покроя для охотничьихъ поѣздокъ, несмотря на упреки патріарха, который, наконецъ, радѣя о душевномъ спасеніи добраго боярина, выпросилъ себѣ подъ благовиднымъ предлогомъ опасные костюмы и изрѣзалъ ихъ на куски. Это тотъ самый Романовъ, англійскій ботикъ котораго, найденный Петромъ Великимъ въ измайловскомъ амбарѣ дѣдушки, сталъ родоначальникомъ русскаго флота. Другой—бояринъ Б. И. Морозовъ, воспитатель Алексѣя Михаиловича, ввелъ ту же новизну въ дворецъ государевъ, одѣлъ своего питомца и состоявшихъ при немъ сверстниковъ его въ нѣмецкое платье, ввелъ даже въ учебную программу царя пріемъ наглядnаго обученія, знакомя его съ нѣкоторыми предметами посредствомъ нѣмецкихъ гравированныхъ картинокъ. Третій придворный—О. М. Ртищевъ среди поднявшихся толковъ о необходимости школьнаго образованія, вызвалъ въ основанный имъ подъ Москвою монастырь нѣсколько десятковъ

ученыхъ малорусскихъ монаховъ ради россійскаго просвѣщенія, свободныхъ мудростей ученія и посылалъ къ нимъ московскую приказную молодежь учиться языкамъ, грамматикѣ славянской, греческой, латинской, даже до риторики и философіи. Возникъ спросъ на книги, по которымъ можно было бы безъ усиленной подготовки познакомиться съ западно-европейскою политикою и наукою, и кіевскіе ученые съ переводчиками посольскаго приказа составляли, переводили и издавали космографіи, лексиконы, грамматики, разнаго рода энциклопедическіе сборники“ [5]).

Чтобъ разъяснить вопросъ, какимъ образомъ дворъ снабжалъ служилымъ персоналомъ Русь XVII столѣтія и почему этотъ персоналъ былъ тѣсно съ нимъ связанъ, мы приведемъ одну изъ блестящихъ страницъ извѣстнаго изслѣдованія проф. В. О. Ключевскаго, носящаго названіе „Боярская дума“. „По разсказу Котошихина и по книгамъ разряднаго приказа“, пишетъ Василій Осиповичъ, „можно представить себѣ обычную служебную карьеру родовитаго человѣка XVII столѣтія“. „Лѣтъ 10 родовитаго человѣка берутъ во дворецъ, онъ стольничаетъ у царицы. Достигнувъ 15 лѣтъ, „недоросль“ становится служилымъ новикомъ. Его берутъ съ царицыной половины и опредѣляютъ въ царскій чинъ или штатъ, назначаютъ въ стольники или въ спальники къ царю спать у него въ „комнатѣ“, разувать и раздѣвать его. Камеръ-пажъ государыни превращается въ камеръ-пажа государя. Эта служба въ государевой комнатѣ на всю жизнь даетъ ему почетное званіе ближняго или комнатнаго человѣка. Изъ спальниковъ его жалуютъ, смотря по степени его знатности, въ дворяне московскіе или стольники. Людей неважныхъ фамилій возводили изъ званія московскихъ дворянъ въ стольники, но для большой знати стольничество еще сохраняло значеніе придворной должности или придворнаго порученія и не было выше сословнаго званія дворянина московскаго. Потому нерѣдко бываетъ, что старшій братъ служилъ дворяниномъ московскимъ, когда младшій числился стольникомъ, или отецъ значился въ спискѣ дворянъ, когда его дѣти уже были стольниками; наконецъ, иногда дворяниномъ писался человѣкъ, бывшій прежде стольникомъ. Стольникъ или дворянинъ московскій—штабъ-офицеръ или капитанъ гвардіи—исполняетъ разнообразныя порученія правительства дипломатическія, военныя и административныя. Онъ посылается посломъ въ иноземное государство, присутствуетъ у иноземнаго посольства въ Москвѣ, командуетъ провинціальными

дворянами въ армейскихъ полкахъ въ качествѣ полковника или сотеннаго головы, ротнаго офицера, управляетъ какимъ-нибудь второстепеннымъ приказомъ въ Москвѣ, воеводствуетъ по городамъ, назначается въ писцы для поземельной описи областей, командируется для сыскныхъ дѣлъ, производитъ какое-либо дознаніе, словомъ, онъ на посылкахъ для всякихъ дѣлъ. Когда во дворцѣ аудіенція, пріемъ или отпускъ иноземныхъ пословъ, его съ тремя товарищами наряжаютъ въ казенное бѣлое, камчатное на горностаяхъ платье, надѣваютъ на него высокую, бѣлую шапку, даютъ въ руки серебряный топоръ и ставятъ подлѣ престола. Если назначенный стоять въ числѣ этихъ рындъ [6]), онъ заупрямится, станетъ говорить, что ему съ такими товарищами „быть невмѣстно“, и откажется надѣть мундиръ рынды, на ослушникѣ, по царскому приказанію, издерутъ все платье, въ которомъ онъ пріѣхалъ во дворецъ, облекутъ его въ парадный костюмъ и поставятъ подлѣ царя, а по окончаніи пріема, раздѣнутъ и высѣкутъ въ Разрядѣ или передъ царскимъ окномъ „при всѣхъ людяхъ“, приговаривая: „не ослушайся царскому указу“. Наконецъ, лѣтъ черезъ 30, иногда болѣе, иногда менѣе—родовитому стольнику или дворянину московскому „думу сказывали“,—жаловали чинъ окольничаго или прямо боярина, смотря по степени его родовитости. Такова была школа, сообщавшая политическую выправку древне-русскому государственному совѣтнику изъ придворнаго боярства. Съ дѣтства онъ вращался во дворцѣ, на глазахъ у государя, узналъ всѣ покои, жилыя и пріемныя комнаты и палаты, узналъ людей, порядки и самъ становился всѣмъ извѣстенъ. Исправляя разнообразныя порученія правительства, онъ близко знакомился съ правительственнымъ механизмомъ и управляемымъ обществомъ, съ пріемами управленія. Въ думу вступалъ онъ думцемъ и правителемъ, которому, по выраженію боярина М. Салтыкова, московскіе обычаи были старовѣдомы, съ большимъ навыкомъ во всякихъ дѣлахъ. Этотъ навыкъ замѣнялъ ему умъ, талантъ, размышленіе“ [7]).

Только что приведенный отрывокъ вполнѣ подтверждаетъ ту мысль, что въ XVII столѣтіи высшій служилый классъ былъ поставленъ въ условія, благодаря которымъ близко соприкасаясь съ очагомъ, гдѣ постепенно прививалась западная культура, т. е. съ дворомъ, онъ имѣлъ возможность распространять ее и по лицу земли русской. Для насъ въ этомъ отрывкѣ особенно интересно указаніе на то, что стольники царицы такъ-же, какъ и стольники царя, въ первые годы пребыванія

на половинѣ государя, въ сущности, были ничѣмъ инымъ, какъ дореформенными пажами. Если это такъ, то, слѣдовательно, и въ дореформенной Руси, какъ и позже, пажи съ дѣтства имѣли возможность впитывать въ себя западную культуру и затѣмъ дѣлаться ея проводниками.

На то, что именно стольники царицы были пажами дореформенной Руси, на это указываетъ и другой историкъ И. Е. Забѣлинъ. Вотъ, что онъ говоритъ по этому вопросу.

Въ стольники къ царицѣ берутъ боярскихъ, окольничихъ и ближнихъ людей, дѣтей лѣтъ 10 возрастомъ, а какъ они будутъ 15 и 17, они въ томъ чину не бываютъ, а бываютъ въ царскій чинъ взяты, въ стольники же или, особенно близкіе, въ спальники. А бываетъ ихъ въ стольникахъ человѣкъ 20. Прямая ихъ должность обозначена самимъ ихъ званіемъ; они стольничали за столомъ царицѣ и, кромѣ того, сопровождали ее въ выѣздахъ и походахъ. Какъ дѣти, имъ не было опредѣлено окладного жалованья, но зато ихъ должность проводила ихъ на лучшую дорогу, на дѣйствительной службѣ въ государевомъ чину. Хотя Котошихинъ и говоритъ, что были дѣти бояръ и вообще первостепеннаго сословія въ государствѣ, однако, судя по фамиліямъ, изъ которыхъ избраны царицыны стольники, можно заключить, что всѣ эти фамиліи вовсе не принадлежали людямъ знатнымъ; это были вообще дворяне родовые, мелкопомѣстные, нисколько не знатные, вступавшіе во дворецъ лишь по дворцовымъ связямъ, особенно же по родству и свойству съ царицей или съ приближенными къ ней людьми. Къ концу XVII столѣтія число стольниковъ быстро возрастаетъ, особенно съ того времени, когда въ государевъ дворецъ явилось нѣсколько царицъ, собиравшихъ около себя свой особый чинъ. И другое обстоятельство могло увеличить ихъ число: Петръ сталъ забирать своихъ сверстниковъ-дворянъ къ себѣ на службу въ свое потѣшное войско. Тогда всѣ тѣ, кто не желалъ, чтобъ дѣти ихъ потѣшничали и, стало быть, по понятіямъ вѣка безобразничали въ Преображенскомъ, всѣ лежебоки и бѣлыя ручки, старались уйти въ стольники къ царицамъ, гдѣ служба была легкая. Такъ, въ 1668 г., у одной царицы Прасковьи Ѳеодоровны, супруги царя Ивана Алексѣевича, ея стольниковъ числилось 263 челов., изъ которыхъ въ то время по требованію явилось 62, а 201 оказались въ нѣтяхъ, жили по деревнямъ. Въ 1696 г. отъ царицы Евдокіи Лопухиной присланы были въ разрядъ на смотръ для службы 76 чел. и послѣ смотру, за малолѣтствомъ, были отставлены къ царицыну

чину по прежнему. Какъ уже говорено, стольники особаго оклада не получали, а были жалованы платьемъ, которое получали или готовымъ, или кусками тканей и деньгами на прикладъ. Въ 1653 г. они получали на холодное платье, всего по оцѣнкѣ и съ деньгами, рублей по 17 слишкомъ, что на наши деньги составитъ 17×17=289 р. [8]).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія изысканія, которыя завели бы насъ слишкомъ далеко, согласимся, пока, до ознакомленія съ родомъ службы пажей, съ двумя приведенными почтенными историками, что стольники царицы и отчасти, въ первые годы своей дѣятельности, стольники царя — были дореформенными пажами, а затѣмъ посмотримъ, чему они могли обучаться.

Конечно, прямыхъ указаній на то, чему обучали стольниковъ царицы и царя мы не имѣемъ, но при помощи нѣкоторыхъ косвенныхъ данныхъ, думается, мы можемъ составить себѣ, хотя и приблизительное, но довольно-таки вѣрное представленіе о томъ, чему могли ихъ обучать, въ какой умственной атмосферѣ они вращались и что могли они усваивать помимо практики и навыка, который пріобрѣтали, какъ мы только-что видѣли, вращаясь во дворцѣ среди придворнаго люда.

Слово „образованіе“ не было извѣстно нашимъ предкамъ, они знали другое—„наука“, происшедшее, повидимому, отъ навыкъ, наукъ, и дошедшее до насъ въ этомъ измѣненномъ видѣ въ смыслѣ „Wissenschaft“ и „science“. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе его физическое нисколько не соотвѣтствовало духовному и что же удивительнаго, если онъ являлся передъ обществомъ, преимущественно своимъ физическимъ существомъ. Быть можетъ, скажутъ, что и въ старину, до эпохи преобразованія, русскіе люди учили дѣтей своихъ, и между старинными русскими людьми были люди грамотные, начитанные; безспорно, что нѣкоторые учились, что были люди грамотные и между крестьянами, зато были неграмотные между знатью и это всего лучше указываетъ на случайность явленія [9]). И, дѣйствительно, ученіе являлось благопріятною случайностью и отнюдь не было системою; того, что мы называемъ школьнымъ ученіемъ не было и въ заводѣ, весь фондъ знанія до-Петровскаго времени сводится къ тому механизму, который такъ прекрасно и характерно выраженъ въ пѣсняхъ про Василія Буслая, котораго мать отдавала учиться грамотѣ:

Грамота ему въ наукъ пошла,
Посадили его перомъ писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло,
Отдавали они его пѣтью учить,
Пѣтье Василію въ наукъ пошло [10]).

Эта же пѣснь указываетъ и на методъ.

Навыкъ, по пѣсни—наукъ, замѣнялъ всѣ сложные современные педагогическіе пріемы обученія. Средствомъ же заставить пріобрѣтать этотъ столь желательный навыкъ, въ случаѣ, если обучающійся оказывался не податливымъ, служила спасительная лоза или, попросту, розга. Въ силу ея вѣрили столь непоколебимо, что даже не стѣснялись сочинять въ честь ея вирши и помѣщать ихъ въ буквари. Въ одномъ изъ нихъ находимъ такого рода восхваленіе ея благотворнаго вліянія:

Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ,
И волю злую въ благу прилагаетъ [11]).

Что же касается побудительной причины учиться или, выражаясь точнѣе, причины, которая побуждала родителей обучать дѣтей грамотѣ, то ее надо искать въ общемъ религіозномъ настроеніи; читать обучали, чтобы можно было заниматься священнымъ писаніемъ, быть книжнымъ, т. е. начитаннымъ и ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ же священномъ писаніи; письму, чтобы списывать тѣ же священныя книги, кладезь всякой премудрости. Служебная цѣль, повидимому, не играла никакой роли въ стремленіи стать начетникомъ, и если подъячіе и дьяки, выражаясь современнымъ языкомъ, дѣлали карьеру и изъ ничего превращались въ думныхъ дьяковъ, соперниковъ родовитыхъ бояръ, отчасти благодаря своей грамотности, то необходимо помнить, что не одно это выдѣляло ихъ, а и нѣкоторыя другія соображенія московскихъ государей.

Стремленіе глубже вникнуть въ суть священнаго писанія, служило для немногихъ отдѣльныхъ лицъ стимуломъ для занятій грамматикой; грамматика замѣняла экзегетику, она позволяла проникнуть въ тайну смысла священнаго писанія. Но такихъ лицъ было немного.

Въ общемъ же все свѣтское образованіе вполнѣ исчерпывалось—умѣніемъ читать, писать, а дальнѣйшее умственное развитіе продолжалось на почвѣ книгъ религіознаго содержанія и только къ концу XVII вѣка книжный матеріалъ сдѣлался болѣе разнообразнымъ: истори-

ческія сочиненія (хронографы), географическія (космографіи), средневѣковыя повѣсти и романы [12]) стали привлекать къ себѣ вниманіе русскихъ людей — это была легкая, мало замѣтная струя только-что нашедшаго выходъ на поверхность земли, подземнаго ручья.

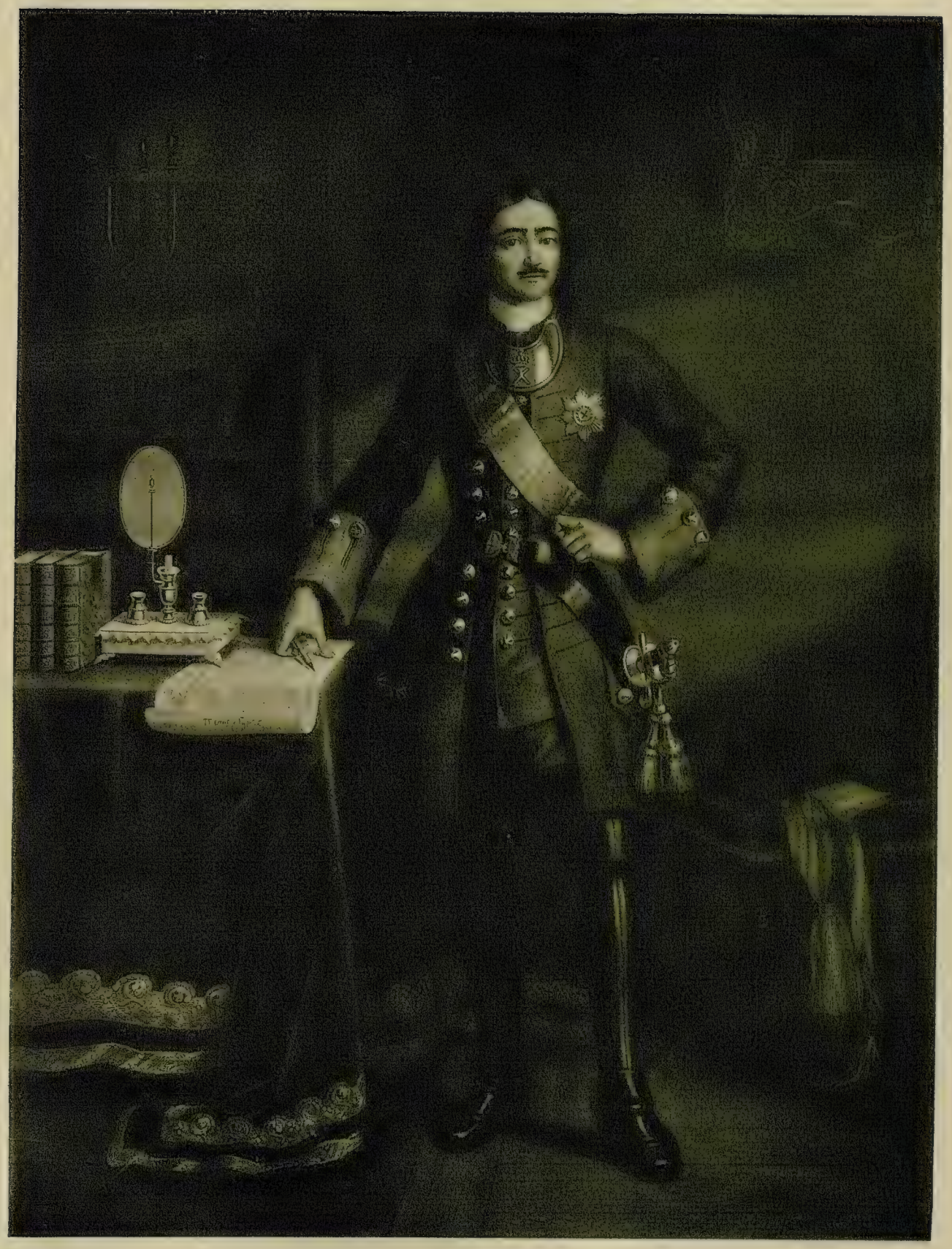
Но гдѣ же ариѳметика спроситъ удивленный читатель? Неужели, къ концу XVII столѣтія не считали нужнымъ обучать ариѳметикѣ? Нѣтъ, не считали, по крайней мѣрѣ такъ отвѣчаютъ источники своимъ краснорѣчивымъ молчаніемъ [13]). Они только говорятъ, что счетная мудрость или цифирь была извѣстна нашимъ предкамъ, но ни слова о томъ, что это знакомство считалось обязательнымъ и что цифирь входила въ число общеобразовательныхъ предметовъ, какъ бы мы сказали теперь; но зато обученіе церковному пѣнію было своего рода внѣкласснымъ занятіемъ нашихъ временъ, ему обучались почти-что всѣ. Итакъ общее образованіе ограничивалось ученіемъ чтенію по азбукѣ, часослову и псалтырю, въ наученіи письму; обученіе церковному пѣнію дополняло его. Съ такимъ небольшимъ запасомъ знаній молодой человѣкъ вступалъ въ жизнь, но взамѣнъ этого, запасъ суевѣрій, вынесенныхъ имъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, былъ весьма великъ. Онъ выросталъ посреди таинственныхъ, чудесныхъ дѣйствій, сосредоточенныхъ на томъ, чтобъ защищать его отъ разнообразныхъ демоническихъ силъ, начиная съ дурного людского глаза и подобныхъ „прозороковъ“ и оканчивая „клятымъ словомъ“, которое способно было еще до рожденія отдать ребенка въ полонъ демону, лѣшему или водяному.

Какъ только въ ребенкѣ пробуждался смыслъ, онъ чувствовалъ, что въ каждомъ темномъ углу его клѣти и двора, въ каждой непроходимой части лѣса, въ трясинѣ болота, въ омутѣ рѣки, въ глубокомъ и заросшемъ оврагѣ всюду живетъ невѣдомая сила, отъ которой жутко и страшно ему, совсѣмъ беззащитному; онъ видѣлъ, что отъ этой невѣдомой силы жутко и страшно было всѣмъ въ домѣ, большимъ и малымъ; что всѣ вѣровали во что-то, о чемъ и подумать было опасно. Выростая больше и прислушиваясь къ повѣствованіямъ и разсказамъ своихъ родителей и родичей о дѣйствіяхъ и дѣлахъ этой силы, онъ и самъ могъ наблюдать разные случаи, несомнѣнно свидѣтельствовавшіе о порабощеніи всего нравственнаго существа человѣка какому-то навожденію, о совершенной беззащитности этого существа передъ кознями дьявола. Онъ могъ примѣтить, что лукавый не только пугаетъ людей, но даже и вселяется въ нихъ, кричитъ, кличетъ невѣдомыми голосами, бьетъ человѣка объ полъ, вздымаетъ,

какъ колоду и т. д. Это онъ могъ не разъ видѣть даже въ своемъ приходѣ, въ своей церкви. А если бы и не представлялось подобныхъ случаевъ, то понятливый ребенокъ могъ увѣровать въ ихъ дѣйствительность и изъ того только, что большіе, старшіе въ его присутствіи, принимали столько благочестивыхъ мѣръ противъ дьявольскаго навожденія, творили столько молитвъ, заклинаній, нашептываній, смываній заговоровъ, освященій и т. д. Нерѣдко и онъ самъ бывалъ виновникомъ подобныхъ дѣйствій,—надъ нимъ самимъ все это творилось и совершалось [14]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что обрядовая сторона религіи играла для него во всю послѣдующую жизнь немаловажную роль и сама религіозность получала языческую окраску.

Изъ него выходилъ христіанинъ, въ которомъ не умиралъ язычникъ; и это во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ высшихъ и кончая низшими. Даже такой просвѣщенный и умный человѣкъ, какъ царь Алексѣй Михаиловичъ, такъ сказать, передовой, и тотъ не избѣгъ этой окраски. Въ одномъ письмѣ къ патріарху Никону онъ разсказываетъ, между прочимъ, что, придя въ церковь проститься съ покойникомъ, онъ никого не засталъ изъ лицъ, назначенныхъ сидѣть у гроба; одинъ лишь священникъ говорилъ псалтырь и тотъ кричалъ во всю голову и всѣ двери растворилъ отъ великаго страха, что у покойника въ утробѣ шумѣла грыжа, взнесло животъ и лицо начало пухнуть... „Я думалъ, что онъ ожилъ и двери растворилъ для того — хотѣлъ бѣжать“ разсказывалъ священникъ государю. „И меня прости, владыко святой“, присовокупляетъ государь, „отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а при мнѣ се грыжа ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть у живаго, да и мнѣ прійде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавитъ; а насъ только я да священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ; и я, перекрестясь и взявъ за руку его, свѣта, сталъ цѣловать, а въ умѣ держу-то слово: „отъ земли созданъ и въ землю идетъ чего боитися?“ [15]) Фактъ этотъ, чистосердечно разсказанный самимъ тишайшимъ царемъ, чрезвычайно характеренъ и живо рисуетъ намъ тотъ умственный уровень, котораго достигали просвѣщенные люди того времени. Не трудно догадаться, что чѣмъ ниже было соціальное положеніе человѣка, тѣмъ болѣе онъ былъ суевѣренъ!

Возвращаясь ко стольникамъ царицы, которые насъ, главнымъ образомъ, интересуютъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что



Петръ

„Т-ва ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ"

многіе изъ нихъ не отставали отъ другихъ: и они обучались по букварю, часослову и псалтырю чтенію, затѣмъ письму и церковному пѣнію, а по ихъ спинамъ при прохожденіи этого курса прогуливалась спасительная лоза, неразлучная спутница всякаго ученія; и ихъ дѣтское воображеніе было наполнено страшными образами домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и другихъ злыхъ духовъ, мѣшающихъ человѣку жить мирно, а всякія заклинанія и нашептыванія пріучали придавать особенное значеніе обрядности, которая часто замѣняла самую религію. Но если встрѣчались лица, не отстававшія отъ вѣка, то были и отсталые, которымъ грамота не была въ обычаѣ, что, однако, не мѣшало имъ, если они были родовиты, двигаться впередъ наравнѣ съ первыми, а иногда и опережать своихъ другихъ, болѣе впечатлительныхъ и воспріимчивыхъ товарищей, не остававшихся равнодушными къ новшествамъ, какъ мы знаемъ, начинавшимъ появляться въ дворцовой средѣ, гдѣ съ перерывами уже тогда протекала ихъ послѣдующая жизнь. Новшества эти составляли нѣкоторыя иноземныя забавы, какъ потѣха—карта, латы и новыя книги, космографіи, повѣсти и средневѣковые романы. Вотъ эта-то возможность находиться съ дѣтства въ той средѣ, въ которую, вслѣдствіе просвѣтительныхъ потребностей, понемногу и незамѣтно, проникали начала чуждой жизни ставили стольниковъ царицы въ исключительно благопріятныя условія въ смыслѣ расширенія ихъ кругозора.

Но читателю можетъ, пожалуй, придти въ голову мысль, что проникнувшее во дворецъ иноземное вліяніе измѣнило общій характеръ дворцовой жизни? Ничуть не бывало, напротивъ того, никогда выработанныя вѣками формы этой жизни не получали такой законченности, не достигали такого совершенства, какъ именно въ это время, въ годы царствованія Алексѣя Михаиловича.

Передъ тѣмъ, какъ изчезнуть, жизнь эта дала полный цвѣтъ—такъ роза начинаетъ вянуть только тогда, когда достигаетъ предѣльной своей красоты.

Умеръ царь Алексѣй Михаиловичъ и вскорѣ послѣ его смерти началось разложеніе придворныхъ порядковъ. Старое уступало мѣсто новому, но не сразу, а съ борьбой отстаивая свои позиціи и покидая ихъ лишь тогда, когда держаться не представлялось возможности. Побѣду, конечно, одержали новыя формы жизни, но содержаніе этихъ формъ долго оставалось тѣмъ-же, чѣмъ было раньше, и совершенно не изчезло никогда; такъ, на мѣсто увядшей розы, на томъ же кустѣ вы-

ростаетъ другая, часто еще болѣе красивая, еще болѣе яркая, чѣмъ первая, но все же роза.

Сказочный дворъ Алексѣя Михаиловича замѣнилъ скромный дворъ Великаго Петра, выросшій впослѣдствіи въ еще болѣе сказочный дворъ Великой Екатерины. На смѣну стольнику царицы и стольнику царя пришелъ скромный пажъ и камеръ-юнкеръ Петра I, превратившіеся въ блестящихъ пажей и камеръ-юнкеровъ Сѣверной Семирамиды.

Странное совпаденіе—незадолго до переселенія Петра въ Петербургъ старый Кремлевскій дворецъ, свидѣтель великолѣпной и пышной жизни симпатичнѣйшаго царя XVII вѣка, человѣка мягкаго примиряющаго ума, весь сгорѣлъ [16]), какъ бы не желая оставаться очевидцемъ водворенія новыхъ, казавшихся многимъ столь чуждыми русскому быту, началъ. Онъ какъ бы предчувствовалъ, что о немъ забудутъ, какъ о чемъ-то лишнемъ, ненужномъ и что на берегахъ Невы выростутъ соперники, которые своимъ блескомъ затмятъ его.

Но соперники эти выросли не скоро, не до того было великому работнику на тронѣ. Первые годы его сознательной дѣятельности всецѣло ушли на реформы, вызвавшія, съ одной стороны, сочувствіе у немногихъ близко стоявшихъ къ нему лицъ, а съ другой—сопротивленіе большинства столь упорное, что не малаго труда стоило великому государю преодолѣть ихъ, но въ концѣ концовъ онъ побѣдилъ. Дѣятельность Петра такъ глубоко затронула всѣ народные интересы, что и понынѣ не одинаково относятся къ ней: одни порицаютъ ее, а другіе восхваляютъ. Не входя въ ея оцѣнку, мы, для уясненія послѣдующаго, позволимъ себѣ сказать, что все-таки можно считать болѣе или менѣе установившимся взглядъ на эту кипучую дѣятельность не какъ на ломку стараго строя, во имя отвлеченнаго идеала, а какъ на дѣятельность, вызванную настоятельною потребностью разрѣшить политическія задачи, поставленныя предыдущими царствованіями. Политическія задачи могли быть рѣшены при помощи ultima ratio regis—пушекъ. Пушки же, по мѣткому выраженію пр. Ключевскаго, привели къ школѣ, а еще раньше къ финансовымъ реформамъ, которыя повлекли за собою административныя преобразованія. Вотъ эта-то необходимость рѣшить политическія задачи на западѣ, какъ мы замѣтили выше, и втянула царя и дворъ, еще до смуты, въ подражательный процессъ, а слѣдовательно, неминуемо должны были преемственно втянуть въ тотъ же процессъ и Петра, и, дѣйствительно, втянули. Но

ИЗОБРАЖЕНIЕ БРАКА ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПЕТРА ПЕРВАГО САМОДЕРЖЦА ВСЕРОСIИСКАГО, и пробала, и пр.
чаiа, и пробал, Которой отправлен в Санктпитербурхе февраля … дня 1712

1. Его Величество. 2: Ее Величество. 3: фамилiя их Величеств, и принцы Министерские Принципалные дамы. 4. Министры Статские, Полские, и прочие. 5. Российские Министры и адмирал и генералы и протчие Ца. 6. Маршал его Светлость Князь Меншиков. 7: Господа шаферы. 8. Музыка и прочее.

„Т-во Художеств. Печати"

до Петра подражательный процессъ развивался очень медленно, при немъ же пошелъ быстро впередъ.

„Народъ собрался въ дорогу и ждалъ вождя“ [17]), такъ характеризовалъ положеніе до-Петровской Руси покойный Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Собираться и медленно собираться въ натурѣ русскаго человѣка. Онъ могъ долго простоять такъ въ раздумьи, не приди такой вождь, какъ Петръ, который энергично и стремительно схватилъ этого русскаго человѣка за руку и повелъ его по дорогѣ, на которую онъ уже нерѣшительно ступилъ одной ногой. Вотъ почему реформы пронеслись надъ народомъ, какъ миражъ, всѣхъ напугавшій, никому непонятный, несмотря на то, что глубоко правъ Василій Осиповичъ Ключевскій, говоря: „дѣятельность Петра принято обыкновенно называть геніальною, я неохотно принимаю это истертое, изношенное неопредѣленное названіе, я только хочу сказать, что во всей европейской исторіи я не знаю другого государя, который бы въ такой степени былъ руководителемъ своего народа, такъ хорошо чувствовалъ и понималъ его насущныя потребности и такъ много сдѣлалъ для ихъ удовлетворенія“.

Но откуда-же бралъ Петръ образцы для своихъ реформъ?—Тамъ, гдѣ ихъ находилъ: большею частью за границей, т. е. иначе говоря, подражалъ. Откуда онъ бралъ людей для проведенія своихъ преобразованій? Опять-таки изъ чужихъ краевъ, но только въ томъ случаѣ, если не находилъ подъ рукою своихъ, коренныхъ русскихъ. Что-же касается иностранцевъ, то, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, приглашая ихъ, Петръ никогда не упускалъ изъ виду необходимость замѣнить ихъ, какъ можно скорѣе, русскими. Но въ томъ-то и дѣло, что великій реформаторъ полагалъ, что сдѣлать такую замѣну удастся гораздо скорѣе, чѣмъ это оказалось возможнымъ въ дѣйствительности, да сверхъ того ему представлялось весьма нетруднымъ въ извѣстное время однихъ убрать, а на ихъ мѣсто посадить другихъ; практика-же выяснила, что удалять людей съ насиженныхъ мѣстъ далеко не такъ легко, какъ это представлялось въ теоріи, и кромѣ того нужда въ свѣдующихъ людяхъ изъ иностранцевъ далеко не такъ скоро миновала, какъ это казалось на первыхъ порахъ [18]).

Итакъ, реформы наполнили первые годы царствованія Петра. Если-же принять во вниманіе, что не мало времени заняли и войны, что за свои 50 лѣтъ жизни императоръ исколесилъ всю Русь вдоль и поперекъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что ему некогда было

заниматься дворомъ и заботиться о поддержкѣ его блеска. Простотѣ, окружавшей Петра, способствовала и привычка жить внѣ дома, усвоенная имъ съ дѣтства и обусловленная грустными обстоятельствами его юныхъ лѣтъ. А простота была, дѣйствительно, поразительная. До переѣзда въ Петербургъ, въ Преображенскомъ, Петръ жилъ въ одномъ плохенькомъ деревянномъ домикѣ, который одинъ современный иностранецъ цѣнилъ въ 100 талеровъ. Въ Петербургѣ Петръ построилъ небольшіе дворцы: зимній и лѣтній съ тѣсными комнатами. По словамъ Миниха, при Петрѣ не было видно ни камергеровъ, ни камеръ-юнкеровъ, ни пажей, ни дорогой посуды. Расходы по двору, поглощавшіе при отцѣ Петра 100 т. рубл., простирались при Петрѣ не свыше 60 т. Обыкновенную прислугу Петра составляли 10—12 молодыхъ дворянъ большею частью незнатнаго происхожденія, которые назывались денщиками, и столько-же гвардейскихъ гренадеръ. Свою будничную жизнь онъ старался устроить какъ можно проще и дешевле: монарха, котораго считали самымъ богатымъ и могущественнымъ, часто видали въ истасканныхъ башмакахъ и чулкахъ, заштопанныхъ государыней или одною изъ царевенъ. Дома, вставши съ постели, онъ принималъ въ простомъ старенькомъ халатѣ изъ китайской нанки и выѣзжалъ въ незатѣйливомъ кафтанѣ, который мѣнялъ только тогда, когда самъ кафтанъ напоминалъ ему объ этомъ. Лѣтомъ, выходя недалеко, обыкновенно не надѣвалъ шапки, ѣздилъ на плохой парѣ и въ такомъ кабріолетѣ, въ которомъ, по замѣчанію одного иностранца, не всякій купецъ отважился бы выѣхать. Въ особенныхъ случаяхъ, когда его, напр., приглашали на свадьбу, онъ бралъ кабріолетъ у щеголя, генералъ-прокурора Ягужинскаго напрокатъ. Онъ чувствовалъ себя неловко въ великолѣпныхъ палатахъ и, будучи за границей, избѣгалъ ихъ, но зато любилъ маленькія комнаты и, когда попадалъ въ комнату съ высокимъ потолкомъ, приказывалъ себѣ дѣлать низкій потолокъ изъ полотна. Среди торжественной обстановки онъ, привыкшій къ власти, всюду чувствовавшій себя царемъ, конфузился и терялся, обливался потомъ, тяжело дышалъ и краснѣлъ, когда ему приходилось въ парадной формѣ въ присутствіи двора подъ балдахиномъ выслушивать высокопарныя, но неизбѣжныя, рѣчи какого-нибудь иноземнаго посла, а между тѣмъ дворъ царицы, по свидѣтельству иностранцевъ, ничѣмъ не уступалъ своимъ великолѣпіемъ любому изъ германскихъ дворовъ. Почему-же такая разница, неужели Петръ считалъ его лишь мишурой, совершеннно излишнею роскошью?

Такого заключенія отнюдь нельзя сдѣлать, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній и скорѣе можемъ предположить, что, какъ уже говорили, особенныя условія государевой жизни выработали и особенный дворъ, игравшій въ исторіи Россіи ничуть не меньшую роль, чѣмъ игралъ дворъ его отца съ боярами и окольничими, а впослѣдствіи дворы другихъ русскихъ государей,—онъ тоже былъ центромъ, откуда просвѣщеніе шло и разливалось широкою рѣкою по всей Руси православной, но время было горячее, а потому и работа нужна была кипучая, да и, какъ мы видѣли, спѣшные вопросы не успѣвали назрѣвать, какъ уже жизнь требовала на нихъ отвѣта.

Работниками, умѣвшими быстро и хорошо дѣйствовать, Петръ и окружалъ себя, и принималъ въ составъ своего маленькаго и неприхотливаго двора, съ которымъ и кочевалъ по нашему отечеству. Другое дѣло, государыня Екатерина I, она, ставъ женой великаго монарха, должна была быть окружена подобающимъ почетомъ, внѣшнимъ выраженіемъ котораго и служилъ ея дворъ, уже, въ 1721 г. какъ мы только что видѣли, не уступавшій ни одному изъ германскихъ. Петръ женился на Екатеринѣ въ 1711 г., послѣ Прутскаго похода. Какъ разъ къ этому году относятся и первыя назначенія во всѣ новые придворные чины [19]). Въ этомъ же году появляются впервые въ Россіи и первые пажи, съ которыми, однако, Петръ, познакомился еще въ свою первую поѣздку за границу. О существованіи же ихъ и о томъ, что они составляютъ необходимую принадлежность всякаго благоустроеннаго европейскаго двора, онъ, очевидно, зналъ раньше, такъ какъ въ снаряженное имъ посольство, съ Лефортомъ во главѣ, были включены пажи, назначеніе которыхъ и заключалось въ томъ, чтобы придать ему европейскій обликъ [20]). Про пріемъ посольства Лефорта у бранденбургскаго курфюрста Голиковъ разсказываетъ слѣдующее: „въѣздъ въ Кенигсбергъ, предначиналъ курфюршескій оберъберейторъ на богато убранной лошади, за нимъ ведены 9 лошадей, въ томъ же уборѣ, потомъ прусской конной гвардіи три роты: первая на сѣрыхъ лошадяхъ, вторая на вороныхъ, третья на гнѣдыхъ, передъ ними ѣхали литаврщикъ и трубачи. Первую велъ генералъ-маіоръ фонъ Тейтау, вторую—подполковникъ и камергеръ фонъ Занбургъ,—третью, полковникъ и камергеръ фонъ-Гроте; за ротами ѣхалъ Фитеръ-Маршалъ, а за ними 29 каретъ цугомъ и три четвернями, потомъ курфюршескій учитель (губернаторъ отъ пажей); за нимъ вели 17 лошадей подъ попонами, шитыми золотомъ и серебромъ.

Потомъ, пажескій гофмейстеръ, послѣдуемый двѣнадцатью курфюршескими и шестью посольскими пажами; за ними 6 посольскихъ калмыковъ, съ колчанами стрѣлъ и съ луками; за сими шли: 40 россійскихъ солдатъ со своими офицерами въ 10 шеренгахъ. Потомъ 6 россійскихъ же трубачей, трубящихъ въ серебряныя трубы; всѣ они были одѣты, какъ и солдаты, въ нѣмецкое платье.

За ними ѣхали россійскіе волонтеры въ зеленыхъ русскихъ кафтанахъ съ серебряными плетеными съ кистями нашивками.

Потомъ прусскихъ два литаврщика и 16 трубачей, бія въ литавры и трубя въ трубы.

Затѣмъ генералъ-маіоръ и гвардіи капитанъ фонъ-Солфетъ.

За нимъ придворные кавалеры (камеръ-юнкеры) на богато убранныхъ лошадяхъ.

Потомъ шли посольскіе лакеи въ нѣмецкихъ красныхъ кафтанахъ, выложенныхъ серебряными галунами, въ четыре шеренги, за ними ѣхали въ каретахъ посольскіе дворяне.

Передъ посольскою каретою шли 24 курфюршескихъ лакеевъ въ шесть шеренгъ, ливрея была новая голубая, съ золотыми кружевами, расшитыми по малиновому бархату.

По сторонамъ кареты, 12 россійскихъ гайдуковъ въ венгерскомъ платьѣ, съ серебряными кованными нашивками; на грудяхъ гербы россійскіе, серебряные же, кованные; каждый несъ на плечѣ серебряный обухъ или сѣкиру; по обѣимъ же сторонамъ кареты курфюршескіе 24 драбанта съ золочеными алебардами.

Послы имѣли на себѣ русскіе богато унизанные каменьями и жемчугомъ кафтаны.

Шествіе заключали остальные посольскіе дворяне.

При въѣздѣ въ городъ началась изъ всѣхъ пушекъ пальба, троекратно повторяемая“ [20]).

Вотъ, при какихъ обстоятельствахъ познакомился Петръ съ пажами за границей въ свою бытность у курфюрста, дворъ котораго онъ имѣлъ, по замѣчанію того же Голикова, первою своею школою. Здѣсь, вѣроятно, государь познакомился ближе и съ ихъ службою: 6 изъ нихъ, повидимому, были прикомандированы къ посольству подъ названіемъ Moskowitische Pagen [21]). На это намекаетъ то обстоятельство, что ихъ сочли нужнымъ выдѣлить въ особую группу, во время церемоній державшуюся, однако, вмѣстѣ съ курфюрстерскими и, наконецъ, то, что въ день аудіенціи только 6 пажей ѣхали

верхами. Этихъ шесть пажей Голиковъ называетъ россійскими (Moskowitische). Во время церемоніи они ѣхали верхами такъ же, какъ курфюрстерскіе, и, какъ эти послѣдніе, были одѣты въ мундиры краснаго сукна, окаймленные золотымъ шитьемъ [22]). Въ дальнѣйшей своей поѣздкѣ по Европѣ Петръ вторично встрѣтился съ ними въ Голландіи. Въ день аудіенціи, передъ каретою пословъ, шли 10 пажей въ богатыхъ ливреяхъ [23]) и, наконецъ, въ третій разъ—въ аудіенціи у цесаря: они опять-таки шли впереди цесарской кареты, въ которой везли пословъ [24]). Такимъ образомъ, уже по возвращеніи изъ-за границы государь зналъ, что пажи непремѣнные участники торжествъ. Изъ дошедшей до насъ переписки бывшаго при нашемъ дворѣ прусскаго посла, мы узнаемъ, что въ 1707 году, при немъ состоялъ пажъ, который присутствовалъ при его ссорѣ съ Меньшиковымъ, потребовавшей вмѣшательства государя [25]). Въ 1710 году, нашъ посланникъ въ Константинополѣ Толстой, испросивъ въ 1710 году аудіенцію у султана для переговоровъ о мирѣ, пріѣхалъ въ предшествіи 12 пажей верхами въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ золотомъ по борту вышитыхъ. Оба указанные факта стоятъ одиноко и потому не позволяютъ сдѣлать никакого заключенія. Можно только по поводу ихъ замѣтить, что пажъ Кейзерлинга ему служитъ, состоитъ у него для посылокъ, а Толстому, повидимому, они понадобились для приданія большей эффектности его свиданію съ султаномъ. Ему, по всѣмъ вѣроятіямъ, хотѣлось поразить великолѣпіемъ азіатскій умъ владыки правовѣрныхъ, по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе выносишь изъ сдѣланнаго Голиковымъ описанія этого торжественнаго шествія нашего представителя [26]).

Мы имѣемъ еще одно свидѣтельство того же Голикова о томъ, что въ 1711 г. Петру пришлось столкнуться съ пажами за границей на бракосочетаніи его сына, злополучнаго цесаревича Алексѣя съ принцессою Вольфенбютельскою. На этомъ торжествѣ шлейфъ королевы польской несли два пажа, тогда какъ шлейфъ принцессы три фрейлины [27]).

Вѣнчаніе это происходило 14 октября 1701 г., а черезъ два дня „герцогъ Антонъ-Ульрихъ, пользуясь толь счастливымъ для дому его союзомъ и благорасположеніемъ его Величества предложилъ нѣсколько пунктовъ касательно до Царевича и разныхъ другихъ матерій“. Изъ этихъ пунктовъ 9-й гласилъ слѣдующее: „такожде прошу Ваше Царское Величество благоволить кронъ-принца гофштатъ учре-

дить, сколько служителей при немъ быть, пока онъ еще у насъ пробудетъ и притомъ прошу, чтобъ графу Головкину при немъ остаться".

Другими словами, Антонъ-Ульрихъ желалъ, чтобы жена кронпринца, наслѣдника престола, имѣла свой дворъ, чтобы въ Россіи она была окружена своими и тѣмъ внѣшнимъ блескомъ, къ которому привыкла у себя въ Германіи. Высказать прямо свои желанія герцогъ не рѣшался и высказалъ ихъ въ формѣ заботы о сохраненіи престижа наслѣдника. Петръ сдѣлалъ на этомъ заявленіи помѣтку: „Будетъ учинено, что довлѣетъ" [29]). За годъ передъ тѣмъ, 31 октября, государь выдалъ замужъ свою племянницу Анну Іоанновну за герцога Курляндскаго, еще до свадьбы, черезъ полномочныхъ представившаго меморіалъ. По странному совпаденію, 9-ый пунктъ меморіала заключалъ въ себѣ такое же требованіе объ учрежденіи двора Ея Высочества [30]), но высказанное вполнѣ опредѣленно. Брачный этотъ договоръ утвержденъ 10 іюня, за 4 мѣсяца до вѣнчанія. Были-ли уважены требованія герцога Курляндскаго, мы не знаемъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, невполнѣ; дворъ такъ, какъ онъ его понималъ, врядъ-ли былъ учрежденъ, по крайней мѣрѣ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній; можетъ быть, просто не успѣли его организовать. Во всякомъ случаѣ, герцогъ, и по политическимъ отношеніямъ не имѣвшій возможности настаивать на этомъ, черезъ шесть недѣль послѣ брака и физически лишился ея:—онъ умеръ, оставивъ Анну Іоанновну своими силами справляться со страной, которую Петръ предпочелъ, когда дошла до нея очередь, подчинить семейными узами, а не оружіемъ. Что же касается просьбы герцога Вольфенбютельскаго, то „что довлѣетъ, было учинено". Къ принцессѣ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ баронъ Гергардъ Іоганнъ Левенвольде, отецъ графовъ Левенвольде — оберъ-гофмаршала и оберъ-шталмейстера [31]). Въ концѣ декабря того же года Петръ возвратился въ Петербургъ и черезъ два мѣсяца, 19-го февраля 1712 года, обнародовалъ о своемъ бракѣ съ Екатериною, хотя еще 6 марта 1711 года объявилъ, что Екатерина есть истинная государыня.

Если все сказанное сопоставить съ данными списка всѣхъ чиновъ XVIII столѣтія, изъ котораго видно, что самыя раннія придворныя назначенія относятся къ 1711 году, то мы можемъ, не боясь ошибиться, сказать, что конецъ 1711 года и есть то время, когда у насъ появился дворъ на европейскій ладъ, а съ нимъ вмѣстѣ и пажи. Въ 1712 г. Петръ окончательно объявилъ Петербургъ столицей. Новый городъ сталъ во главѣ Россіи, а съ нимъ и новый дворъ. Какъ сила обстоятельствъ,—

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.

Фототип. „Т-ва Худож. Печати".

особенныя условія дѣтской жизни Петра,—выселили его изъ стараго московскаго кремля, такъ та же сила обстоятельствъ вынудила его переселиться въ Петербургъ и учредить дворъ на европейскій ладъ; не могъ же онъ, учредивъ дворы для наслѣдника и племянницы, не учредить его для государыни и не могъ онъ, съ дѣтства бѣжавшій отъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ и другихъ, окружить ими царицу. Онъ могъ создать для нея только обстановку, подобную той, въ которой вращались царственныя особы болѣе извѣстныхъ ему германскихъ дворовъ. Онъ ее и создалъ, но не сразу, а постепенно; къ назначеннымъ уже въ 1711 г. ко двору лицамъ онъ въ слѣдующій годъ присоединилъ еще Ягужинскаго, пожалованнаго въ камергеры [32]), Нарышкина, пожалованнаго изъ комнатныхъ стольниковъ тоже въ камергеры [33]), затѣмъ, черезъ 4 года были назначены къ императрицѣ камеръ-юнкера Монсъ и Балкъ; оберъ-гофмейстеръ ея двора [34]) появляется только въ 1723 г., черезъ два года послѣ обнародованія извѣстной табели о рангахъ; въ этомъ же году назначенъ оберъ-гофмейстеръ двора Петра I, бывшій маршалкъ его дома Матвѣй Дмитріевичъ Олсуфьевъ; за годъ передъ этимъ впервые былъ назначенъ шталмейстеръ Иродіонъ Михайловичъ Кошелевъ; но въ полномъ составѣ дворъ при императорѣ Петрѣ все-таки не существовалъ и потому слова камеръ-юнкера Берхгольца относительно того, что дворъ царицы въ 1721 году былъ такъ хорошъ, блестящъ, какъ всѣ дворы германскіе, надо понимать относительно, а то обстоятельство, что онъ, 7 лѣтъ отсутствовавшій изъ Петербурга, возвратившись въ него за три года до коронаціи (1724 г.), описываетъ дворъ, какъ что-то новое,—подтверждаетъ справедливость нашего заключенія касательно постепенности его возникновенія: еще въ 1714 году камеръ-юнкеру Берхгольцу онъ не представлялся настоящимъ дворомъ. Обязанности придворныхъ чиновъ не были опредѣлены: такъ, мы знаемъ, что упомянутый уже нами камеръ-юнкеръ Монсъ, состоявшій въ этомъ званіи съ 1716 года, управлялъ селами и деревнями, состоящими за государыней; управляющіе и приказчики, а также и игуменьи тѣхъ обителей, которыя находились подъ особымъ покровительствомъ царицы, въ скоромъ времени стали присылать ему отчеты по имѣніямъ, по монастырямъ, смѣты приходовъ и расходовъ, у него просили доклада о тѣхъ или иныхъ распорядкахъ передъ государыней. Принятіе на службу въ вѣдомство государыни разныхъ лицъ, судъ и расправа не только надъ ними, но даже раз-

боръ дрязгъ между монахинями и настоятельницами царицыныхъ пустошей, назначеніе жалованья чиновниковъ и служителей, все это зависѣло отъ него. Другими словами, онъ, будучи лицомъ приближеннымъ, распоряжался всѣмъ и фактически завѣдывалъ дворомъ. Кромѣ того, на Монсѣ лежало устройство празднествъ и гуляній, до которыхъ такая охотница была Екатерина Алексѣевна, онъ долженъ былъ вести корреспонденцію съ заграничными поставщиками товаровъ, вѣдаться съ портными и портнихами государыни, сопровождать ее за границу, хлопотать во всѣхъ ея переѣздахъ объ удобствахъ пути и при остановкахъ по городамъ [35]).

Таковы были обязанности Вилима Монса, но не камеръ-юнкера. Ему императрица довѣряла, а потому и возлагала исполненіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ порученій. Его примѣръ лучше всего доказываетъ, что регламентаціи обязанностей придворныхъ чиновъ не существовало во все царствованіе императора Петра (Монсъ казненъ въ 1724 г.), что и вполнѣ понятно: императрица была довольна управителемъ своего двора, а государь со своимъ незатѣйливымъ дворомъ продолжалъ кочевать по Россіи и являться тамъ, гдѣ нужно было его присутствіе.

Переходя теперь къ пажамъ, мы смѣло можемъ предположить, что и ихъ служба не была опредѣлена и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, у Петра не было пажей, что всѣ они состояли при императрицѣ или при царевнахъ. Послѣднія догадки подтверждаютъ уже приведенныя нами выше свидѣтельства Миниха, что при Петрѣ не было видно пажей, а также знакомаго намъ камеръ-юнкера Берхгольца, заявившаго въ своемъ дневникѣ, что „почти всю свиту императора составляли нѣсколько денщиковъ“, да и личныя свойства государя и его образъ жизни говорятъ скорѣе за вѣрность этой догадки, чѣмъ противъ. Ту же мысль, обобщая ее, высказываетъ и Н. Е. Волковъ: „по тѣмъ Высочайшимъ повелѣніямъ“, говоритъ онъ, „и по другимъ документамъ, которые дошли до нашего времени, можно судить, что всѣ придворные чины состояли при императрицѣ, а не при императорѣ“ [36]). Но есть нѣкоторыя указанія, какъ будто противорѣчащія только-что высказанному предположенію.

Въ изданіи, посвященномъ спеціально біографическимъ даннымъ о пажахъ [37]), мы находимъ слѣдующее: „съ самыхъ юныхъ лѣтъ Бредаль былъ пажемъ двора Петра I“. „Сначала Девіеръ былъ пажемъ Петра I, который слѣдилъ за его воспитаніемъ, а затѣмъ онъ изъ камеръ-

пажей поступилъ въ денщики. „Будучи пажемъ императора Петра и обративъ на себя вниманіе красотою и ловкостью, Шуваловъ былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ“. „Въ 1701 г. Петръ I случайно увидалъ юношу и, замѣтивъ чрезвычайное его остроуміе и ловкость, взялъ Ягужинскаго къ себѣ въ камеръ-пажи и, какъ выражено въ грамотѣ, Ягужинскій „жительствовалъ при дворѣ Его Величества“ [38]). Всѣ эти выписанныя нами мѣста, если ихъ разобрать, въ сущности, не противорѣчатъ только-что высказанному; въ самомъ дѣлѣ, выраженіе „пажемъ двора Петра I“, можетъ употребляться въ смыслѣ „двора временъ Петра I“, вѣроятно, въ томъ же смыслѣ говорится и о пажѣ императора Петра и о томъ, что государь взялъ Ягужинскаго къ себѣ въ камеръ-пажи, т. е. къ своему двору; послѣднее, въ особенности, вѣроятно, такъ какъ встрѣча государя съ Ягужинскимъ относится къ 1701 году, когда царь о европейскомъ дворѣ совсѣмъ и не думалъ. Очень возможно, что остроумный и ловкій юноша понравился Петру, который взялъ его и поселилъ у себя, почему „онъ и имѣлъ жительство при дворѣ Его Величества“, и заставилъ исполнять при своей особѣ ту службу, которую впослѣдствіи несли пажи; это и дало поводъ говорить о томъ, что Ягужинскій былъ камеръ-пажемъ Петра, тогда какъ онъ, въ сущности, былъ предвозвѣстникомъ появленія ихъ у насъ. Тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что свѣдѣнія и о Ягужинскомъ, и о Девіерѣ, и о Шуваловѣ идутъ изъ иностранныхъ источниковъ, которые имѣли обыкновеніе, такъ сказать, европеизировать русскія понятія, т. е. подыскивать явленіямъ русской жизни приблизительно аналогичныя явленія европейской; такъ, въ одномъ нѣмецкомъ сочиненіи, дворецкій временъ Бориса Годунова называется Hoffmeister [39]). Кейзерлингъ, о которомъ уже шла рѣчь, пишетъ своему королю и говоритъ о гофмаршалѣ князя Меньшикова, имѣть котораго впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и мечталъ, но, конечно, при Петрѣ не имѣлъ [40]).

Графъ П. И. Ягужинскій.

Въ такомъ же смыслѣ говорили о Ягужинскомъ [41]), какъ о пажѣ, и о Девіерѣ, и о Шуваловѣ, какъ о пажахъ двора Петра, отожествляя его съ дворомъ императрицы. Строго говоря, Девіеръ былъ въ томъ же смыслѣ пажемъ, какъ и Ягужинскій; онъ тоже былъ взятъ Петромъ „къ себѣ“ и приблизительно при такихъ же обстоятельствахъ: государь совершенно случайно увидѣлъ его на купеческомъ кораблѣ, съ которымъ онъ прибылъ въ Голландію въ качествѣ юнги, отдалъ его въ услуженіе Меньшикову, который принялъ его, какъ скорохода. Какъ-то императоръ разговорился съ Девіеромъ и, открывъ въ немъ способности, взялъ его къ себѣ. Онъ сдѣлалъ его офицеромъ гвардіи и вскорѣ затѣмъ своимъ денщикомъ [42]).

Но такъ или иначе, ни Ягужинскій, ни Девіеръ ни въ какой церемоніи не участвовали въ качествѣ пажей и о назначеніи ихъ ко двору въ эту должность до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній, а потому на нихъ мы должны смотрѣть скорѣе, какъ на своеобразныхъ фактическихъ пажей, а не какъ на оффиціальныхъ. Къ тому времени, какъ появились послѣдніе, и Ягужинскій и Девіеръ уже дѣйствовали на государственномъ поприщѣ. Это были два типичныхъ представителя такихъ пажей, которые нужны были Петру въ первую половину его реформаторской дѣятельности:—способные, энергичные, умѣвшіе схватывать и приводить въ исполненіе мысли и желанія Петра, въ которыхъ для нихъ олицетворялись всѣ традиціи. Если вѣрно, что война родитъ героевъ, то не менѣе вѣрно, что каждая эпоха родитъ нужныхъ ей дѣятелей. Дворъ Петра—это мастерская, это центръ, въ которомъ кипитъ работа, центръ, который понуждаетъ и другихъ къ такой же напряженной работѣ, въ немъ могутъ удерживаться только люди, способные выдержать ее; пройдутъ они еще въ юныхъ годахъ этотъ искусъ,—довѣріе царя имъ обезпечено, а вмѣстѣ съ нимъ и доступъ ко всякимъ почестямъ, но подъ условіемъ не опускать рукъ. Такихъ людей Петръ искалъ и умѣлъ находить, но при этомъ онъ не спра-

Графъ А. М. Девіеръ.

влялся объ ихъ происхожденіи и національности и это вовсе не было какимъ-нибудь partie pris, а лишь необходимостью, знаменемъ этого тревожнаго переходнаго времени. Точно также въ эти года спѣшнаго созиданія было не до формальностей, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что все зачисленіе въ пажи, какими были Ягужинскій и Девіеръ, ограничивалось тѣмъ, что юношу, въ которомъ Петръ подмѣчалъ задатки способностей, онъ бралъ къ себѣ, а затѣмъ черезъ гвардію и должность денщика проводилъ въ люди.

Съ переселеніемъ въ Петербургъ насталъ болѣе спокойный періодъ и, какъ намъ уже извѣстно, появился дворъ европейскаго образца, а съ нимъ новыя требованія, требованія придворной службы—неясныя, неопредѣленныя, но все же требованія. Изъ сохранившагося проекта церемоніала коронаціи государыни императрицы Екатерины Алексѣевны видно, что уже въ это время у пажей былъ гофмейстеръ [43]), который, внѣ всякаго сомнѣнія, имѣлъ за ними хоть какія-нибудь наблюденія и чему-нибудь да обучалъ ихъ, и даже мы можемъ предположить съ достаточною долею вѣроятности, что чтенію, письму и цифири, которымъ уже къ этому времени обучали во всѣхъ школахъ.

Но это опять-таки предположенія: совершенно неясно, жили-ли пожалованные ко двору въ званіе пажей во дворцѣ или же у себя дома и только для отправленія своей придворной службы являлись ко двору. Для отвѣта на этотъ вопросъ мы имѣемъ только два свидѣтельства: въ 1722 году во время персидскаго похода императрица, сопровождавшая государя, принимала у себя женъ Шафкала Таркскаго, Алди-Гирея, въ 14 день августа „по полудни, въ 5 часу, пріѣзжали онѣ къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ въ шатеръ, которыя достойное подданское подчиненіе учинили и принесли Ея Величеству подарки: нѣсколько парчей и фрукты и допущены были къ рукѣ Ея Величества и потомъ отпущены назадъ вскорѣ. Въ то время поставлено было передъ шатромъ въ линію нѣсколько отъ гвардіи гренадеровъ съ ружьемъ, а при Ея Величествѣ стояли 4 человѣка пажей, два гайдука и прочіе придворные въ нарядномъ платьѣ“ [44]).

Чрезъ 9 дней (23 авг.) послѣ пріема у императрицы состоялся торжественный въѣздъ государя и государыни въ Дербентъ, о чемъ походный журналъ повѣствуетъ такъ: „Въ 6 часу пополуночи о той рѣчки пошли степью подлѣ моря, къ городу Дербентъ и шли до огородовъ виноградныхъ, которые близъ города, отъ рѣчки Дербахъ, въ 6 верстахъ въ 399 саженяхъ, куда пришедъ въ полдни, остановились;

а ихъ Величества ставки поставлены были въ огородахъ, гдѣ обѣдали. Между тѣмъ же объявлено офицерамъ и солдатамъ, чтобъ сбирались въ строй; а въ 4-мъ часу пополудни пошли къ городу строемъ, съ распущенными знаменами и музыкою и шли такимъ образомъ: перво шелъ батальонъ гранодировъ, передъ которымъ Его Величество ѣхалъ на лошади, яко Полковникъ, съ обнаженною шпагою, по сторонамъ шли пѣшкомъ Его Величества 4 пажа въ уборномъ платьѣ; за Его Величествомъ послѣдовала гвардія; позади полковъ изволили ѣхать въ каретѣ Ея Величество Государыня Императрица, а за Ея Величествомъ въ четырехъ каретахъ ѣхали гофъ-дамы, за Ея Величествомъ шли Астраханскій, Ингерманландскій и прочіе пѣхотные полки отъ авангардіи [45]).“

Изъ этихъ свидѣтельствъ какъ будто слѣдуетъ, что пажи настолько срослись съ дворомъ императрицы, что разъ этотъ дворъ съ гофъ-дамами и другими придворными собирался въ путешествіе, то и пажи поднимались вмѣстѣ съ нимъ; но съ другой стороны могло быть и такъ: пажи въ опредѣленное время являлись на дежурство, исполняли свои обязанности, а затѣмъ возвращались въ свои дома, а въ случаѣ, если дворъ отправлялся въ путешествіе, то нѣкоторые по назначенію обязаны были сопровождать его.

Наконецъ, если мы вспомнимъ, что Толстой явился къ султану въ сопровожденіи 12 пажей, то въ насъ можетъ закрасться сомнѣніе, не были-ли эти четыре пажа персидскаго похода декоративными? Тѣмъ болѣе, что въ одномъ случаѣ они состоятъ при императрицѣ, въ другомъ идутъ около государя и называются пажами Его Величества; но то обстоятельство, что государыню сопровождали и гофъ-дамы, говоритъ за то, что они въ числѣ придворныхъ были взяты въ Высочайшее путешествіе. То же обстоятельство, что во время пріема женъ Шафкала они состояли при государынѣ, а при въѣздѣ въ Дербентъ шли по сторонамъ государевой лошади, указываетъ только на глубокое пониманіе Петромъ натуры азіатовъ: по ихъ понятіямъ, передъ нимъ императрица, какъ женщина, должна была стушевываться. Онъ— повелитель, а она лишь его жена, а потому ему главный почетъ, а не ей.

Такимъ образомъ, декоративными врядъ-ли они были. Что же касается мѣста ихъ жительства, то практика персидскаго похода показываетъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось долго и неотлучно оставаться при дворѣ, но была-ли такая неотлучность необходимымъ условіемъ этого званія, все-таки неясно.

Есть еще одно соображеніе, которое можетъ кое-какъ помочь разобраться въ этомъ интересномъ для насъ вопросѣ.

„Гофмейстеръ пажевъ", занявшій послѣднюю ступень придворной лѣстницы и находившійся въ одномъ рангѣ съ надворнымъ уставщикомъ, гофъ-секретаремъ, надворнымъ библіотекаремъ, антикваріусомъ, надворнымъ камергеромъ, надворнымъ аудиторомъ, надворнымъ квартирмейстеромъ, надворнымъ аптекаремъ, шлосъ-фохтомъ, надворнымъ цейгъ-мейстеромъ, кабинетъ-курьерами, мундшенками, кухенъ-мейстерами, келлеръ-мейстерами, экзерцисъ-мейстерами и надворнымъ барбиромъ [46]),—былъ пересаженъ на нашу русскую почву съ нѣмецкой почвы. Съ нимъ, какъ мы видѣли, Петръ познакомился при торжественномъ въѣздѣ въ Кенигсбергъ. Можетъ быть, наше знакомство съ кругомъ его обязанностей за границей поможетъ намъ притти къ нѣкоторымъ заключеніямъ о вѣроятной его дѣятельности въ Россіи.

При Бранденбургскомъ дворѣ пажескій гофмейстеръ былъ какъ бы главный надзиратель пажей; онъ жилъ въ особомъ домѣ при дворѣ, въ которомъ жили и они, слѣдилъ за ихъ занятіями, за отправленіемъ ими придворной службы, обѣдалъ съ ними за однимъ столомъ и появлялся во главѣ ихъ въ торжественныхъ случаяхъ. Замѣтимъ кстати, что пажи несли службу, какъ при курфюрстѣ, такъ и при кронпринцѣ и другихъ высочайшихъ особахъ и, несмотря на это, они всѣ группировались около него и обучались одному и тому же подъ его наблюденіемъ.

А обучались они фехтованію, французскому языку и танцамъ; первые два предмета являлись какъ бы краеугольными камнями образованія; съ нихъ начинался день: одна часть фехтовалась, а другая обучалась французскому языку, что же касается письма и ариѳметики (Rechnen), то изученіе ихъ предоставлялось доброй волѣ каждаго; въ расписаніи занятій сказано, что когда два первые урока взяты, то до 11 часовъ пажи могутъ дома (in quartier) читать хорошую книгу или писать и считать. Такъ дѣло обстояло до 1712 года, въ этомъ году былъ взятъ информаторъ, которому поручили обучать пажей геометріи, фортификаціи, географіи и исторіи, латинскому языку, письму и ариѳметикѣ [47]).

Теперь, если вспомнить, что Петръ имѣлъ обыкновеніе во всѣхъ своихъ реформахъ прямо пересаживать образецъ и затѣмъ уже, сообразно практическимъ требованіямъ, видоизмѣнялъ его, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что гофмейстеръ и въ Россіи былъ надзирателемъ пажей,

слѣдившимъ за ихъ образованіемъ и отправленіемъ ими придворной службы, что онъ тоже жилъ съ ними вмѣстѣ и разрѣшалъ имъ отпускъ и что, слѣдовательно, сами пажи жили, если не въ самомъ дворцѣ, то гдѣ-нибудь невдалекѣ, но врядъ ли у родителей.

Что же касается образованія, которое могли получать русскіе пажи временъ Петра, то и о немъ мы можемъ догадываться. Петръ самъ прекрасно танцовалъ, у него былъ въ этомъ отношеніи одинъ конкурентъ, щеголь Ягужинскій. Учились танцамъ и дочери Петра, Елизавета Петровна и Анна Петровна, а также и племянница Анна Іоанновна. По всей вѣроятности, обучались этому искусству и пажи, тѣмъ болѣе, что ихъ прообразы, бранденбургскіе пажи, тоже были мастера этого дѣла. Съ 1714 года Петръ объявилъ, что дворянинъ не можетъ жениться, если не представитъ свидѣтельства о выдержаніи экзамена изъ грамоты, цифири и части геометріи. Это было то образованіе, которое позволяло пользоваться правами взрослаго человѣка. Очевидно, и пажи обучались всѣмъ этимъ предметамъ и, какъ знать, можетъ быть, познакомились раньше другихъ съ второю напечатанною гражданскимъ шрифтомъ (по характеру начертанія близко подходящему къ латинскому алфавиту) переводною книгою „Приклады како пишутся комплименты разные“, напечатанною съ цѣлью способствовать осуществленію идеи Петра—сдѣлать дворянство не только орудіемъ распространенія техническаго образованія, но и свѣтскости, приличія и манеръ. Они читали, а можетъ быть, и изучали и вторую, изданную позже, но съ тою же цѣлью, знаменитую книгу „Юности честное зерцало“, представлявшую изъ себя самый обыкновенный букварь, сопровождающійся наставленіями, какъ благородному молодому человѣку слѣдуетъ себя держать въ обществѣ и особенно при дворѣ; это—учебное руководство великосвѣтскихъ манеръ и приличій. Оно учило, какъ вести себя со старшими или ровней, на какой дистанціи отъ встрѣтившагося дѣлать поклонъ, какъ снимать и на какой сторонѣ держать шляпу и т. д. Эти книги имѣли громадный успѣхъ: онѣ выдержали нѣсколько изданій. Наконецъ, иностранные языки должны были входить въ программу обученія. Петръ создалъ для дворянства нѣмецкія и французскія школы и этимъ показалъ громадное значеніе, которое онъ придаетъ изученію языковъ, какъ вѣрнѣйшему средству сдѣлать сокровища европейской науки доступными русскимъ людямъ. Вотъ, конечно, приблизительно, картина того, чему могъ обучиться юноша въ бытность свою пажемъ при дворѣ. Затѣмъ

онъ опять-таки, какъ всѣ дворяне, обязанъ былъ пройти практическую военную школу—иначе говоря, поступить рядовымъ въ гвардію, „узнать съ фундамента солдатское дѣло“—безъ него, по указу февраля 1714 г., онъ не могъ быть произведенъ въ офицеры.

Весьма вѣроятно, этотъ переходъ совершался тогда, когда ему исполнялось 15 лѣтъ. По указу 1723 г. дворянамъ запрещено было учиться долѣе 15 лѣтъ.

Вотъ то немногое, что мы можемъ сказать о пажахъ временъ Петра, не болѣе того намъ извѣстно объ ихъ дѣятельности временъ императрицы Екатерины I, императора Петра II и императрицы Анны Іоанновны.

Когда умеръ преобразователь, взбаламученное имъ море стало понемногу успокаиваться, но, конечно, не сразу. По мѣрѣ того, какъ высота волнъ уменьшалась и шумъ, поднятый ихъ столкновеніемъ, затихалъ, а поверхность становилась все ровнѣе и ровнѣе, старая московская партія поднимала больше голову и возвышала свой голосъ. И когда ей показалось, что все улеглось, она потянула назадъ, къ до-Петровской Руси. Но дѣло было сдѣлано; возвратиться къ прежнимъ порядкамъ не было возможности тѣмъ болѣе, что, какъ мы знаемъ, Петръ только ускорилъ тотъ процессъ, который начался еще до него. Но въ томъ то и горе, что въ историческіе процессы, вообще говоря, мало кто вдумывается. Большею частью современники не въ состояніи отдать себѣ даже отчета въ значеніи комедій, драмъ и трагедій, въ которыхъ они выступаютъ актерами. Для нихъ все значеніе этихъ дѣйствій исчерпывается ближайшими послѣдствіями; какъ же тутъ требовать пониманія процессовъ, пониманія, предполагающаго предварительное изученіе предшествующихъ судебъ того или другого народа. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такому изученію ни старая московская, консервативная партія, ни прогрессивная не предавались. Для нихъ дѣло казалось гораздо проще. Одни думали, что стоитъ оказаться сильнѣе, уничтожить введенныя новшества и дѣло въ шляпѣ, другіе, частью по неволѣ, частью сознательно втянутые въ подражательный процессъ, продолжали по инерціи итти по вновь проложенному пути.

Борьба этихъ двухъ партій являлась показателемъ той работы, которая, какъ мы знаемъ, совершается въ нѣдрахъ каждаго самобытнаго народа, разъ онъ вступитъ на путь подражанія. Заключается эта работа въ томъ, что часть народа инстинктивно протестуетъ про-

тивъ возможнаго обезличенія, держится за старину и этимъ своимъ постояннымъ протестомъ вынуждаетъ чуждые элементы впитываться постольку, поскольку они, дѣйствительно, полезны и необходимы для дальнѣйшаго роста того или другого народа. Вотъ почему борьба названныхъ партій имѣла на первыхъ порахъ слѣдствіемъ отмѣну нѣкоторыхъ реформъ или видоизмѣненіе ихъ въ духѣ старины.

Но, во всякомъ случаѣ, ближайшіе наслѣдники Петра, если и отмѣнили нѣкоторыя нововведенія, то все же, въ общемъ, оставались вѣрны его главной традиціи: они подражали Западу. Они, въ той или иной мѣрѣ, пересаживали въ Россію западную культуру, а за ними ту же культуру пересаживали и ихъ ближайшіе сотрудники, входившіе въ составъ двора, при которомъ попрежнему росли пажи, будущіе придворные и въ то же время, какъ и при Петрѣ, государственные дѣятели. Они также, но только сызмала, впитывали въ себя западную культуру, а затѣмъ являлись проводниками ея въ русскомъ обществѣ, т. е. орудіями развивавшагося въ немъ подражательнаго процесса.

Чему учились, какъ служили пажи, до насъ дошло весьма немного свѣдѣній.

Учились, повидимому, они очень мало, даже, вѣроятно, меньше, чѣмъ при Петрѣ, требовавшемъ, чтобы, такъ или иначе, всѣ учились. Теперь же, когда некому было съ дубинкою въ рукахъ побуждать къ занятіямъ, пылъ учебный, повидимому, поостылъ у многихъ, въ томъ числѣ и у пажей.

Къ тому же, какъ на зло, бѣднымъ пажамъ и не посчастливилось: долгое время они совсѣмъ оставались безъ гофмейстера, т. е. непосредственнаго руководителя, что, конечно, не могло не отозваться на ихъ образованіи. Весьма интересенъ тотъ фактъ, что когда былъ обнародованъ указъ въ ноябрѣ 1731 г., приглашавшій дворянскихъ дѣтей записываться во вновь учрежденный кадетскій корпусъ, императрица Анна Іоанновна сама назначила 12 пажей, состоявшихъ при царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ и царевнѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ, незадолго до того скончавшихся [48]).

Сдѣлано это было для того, чтобы разжечь угасшій учебный пылъ, такъ какъ дворяне неохотно шли на встрѣчу желаній правительства и страшились отдавать своихъ дѣтей въ кадетскій корпусъ.

Такимъ образомъ, пажи, по желанію государыни, сдѣлались первыми кадетами славнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса, одного изъ первыхъ разсадниковъ просвѣщенія въ Россіи. Однако, примѣръ импе-

ратрицы не сразу увлекъ дворянство. Потребовался еще указъ въ декабрѣ того же года съ повтореннымъ приглашеніемъ и объясненіемъ выгодъ, какія даетъ воспитаніе дѣтей въ корпусѣ. На этотъ вторичный призывъ отвѣтилъ сенаторъ Новосильцовъ. Онъ записалъ своего сына. На этотъ разъ примѣръ Новосильцова повліялъ и нѣкоторые родители рѣшились отдать и своихъ сыновей въ новое учебное заведеніе, такъ что ко дню открытія корпуса, 17 февраля 1732 года, набралось 56 мальчиковъ.

Послѣ переименованія 12 пажей въ кадеты, число первыхъ значительно сократилось; сколько ихъ осталось достовѣрно неизвѣстно; повидимому, въ царствованіе Анны Іоанновны число ихъ колебалось. Было время, когда оно равнялось 5 камеръ-пажамъ и 12 пажамъ [49]), но, очевидно, такъ называемаго штатнаго ихъ числа не существовало, несмотря на то, что императрица, какъ можно судить по инструкціямъ, даннымъ ею оберъ-гофмейстеру, оберъ-гофмаршалу и гофмаршалу Дмитрію Шепелеву, стремилась внести извѣстный порядокъ въ неустановившуюся и не вылившуюся ни въ какія опредѣленныя формы придворную службу [50]).

Эти инструкціи отчасти объясняютъ намъ, почему временами находили возможнымъ обходиться безъ гофмейстеровъ пажевыхъ. Пажи считались придворными служителями, что по смыслу бывшей тогда въ ходу терминологіи отнюдь не означало чего-нибудь унизительнаго, а просто указывало, что они несли придворную службу, какъ и другіе царевы слуги—какъ первое тогда придворное лицо, оберъ-гофмейстеръ, какъ его помощники, оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалъ, и многіе другіе. О томъ, что это такъ, свидѣтельствуетъ общее названіе придворной одежды, которая, какъ у оберъ-гофмейстера, такъ и у пажей, называлась ливреей (либрею).

Поступая на эту придворную службу, пажи приносили наравнѣ съ другими придворными и присягу, а также за свою службу получали жалованье.

Обязанности ихъ, судя по вышеупомянутымъ инструкціямъ, даннымъ императрицею оберъ-гофмейстеру, оберъ-гофмаршалу и гофмаршалу, видимо намѣчались данными лицами. Въ разной степени они руководили службой юныхъ пажей такъ же, какъ и службой остальныхъ придворныхъ служителей. Вотъ почему отсутствіе гофмейстера пажей могло только отзываться на учебномъ дѣлѣ и почти не отзывалось на придворномъ.

Въ какомъ же отношеніи къ пажамъ находился, по смыслу инструкціи, оберъ-гофмейстеръ, этотъ, по выраженію той же инструкціи, вѣрный слуга и честный придворный человѣкъ. Онъ, какъ главный управляющій дворцомъ, былъ и главный ихъ начальникъ, докладчикъ о нихъ, какъ, впрочемъ, и о всѣхъ, передъ государыней. Кромѣ того, онъ завѣдывалъ и церемоніальною частью—слѣдилъ за тѣмъ, чтобы, кому слѣдуетъ, наряжались пажи и въ томъ количествѣ, въ какомъ они полагались по рангу того или другого лица.

Оберъ-гофмаршалъ соприкасался съ пажами болѣе непосредственно. Онъ направлялъ каждодневную ихъ службу, а также заботился о томъ, чтобы они были удовлетворены всѣмъ нужнымъ. Въ экстренныхъ, торжественныхъ случаяхъ онъ опять-таки слѣдилъ, чтобы пажи исполняли исправно свои обязанности.

Что же касается гофмаршала, то онъ, въ качествѣ помощника оберъ-гофмаршала, замѣнялъ его въ тѣхъ или другихъ случаяхъ и вообще облегчалъ ему исправленіе всѣхъ обязанностей, а, слѣдовательно, также постоянно соприкасался съ пажами.

Если послѣ всего сказаннаго задать себѣ вопросъ: кто-же былъ настоящимъ начальникомъ пажей?—то едва-ли можно ошибиться, сказавъ, что оберъ-гофмаршалъ, такъ какъ оберъ-гофмейстеръ могъ быть скорѣе названъ шефомъ, имѣвшимъ высшій надзоръ, а гофмаршалъ былъ только помощникъ оберъ-гофмаршала, отъ котораго зависѣло—передать ему завѣдываніе пажами или нѣтъ.

За этимъ первымъ вопросомъ невольно возникаетъ второй: неужели же къ началу царствованія Анны Іоанновны весь дворъ состоялъ изъ только-что названныхъ придворныхъ высшихъ чиновъ, руководившихъ втроемъ подчиненными или низшими служащими? Иначе говоря, неужели промежутокъ между оберъ-гофмейстеромъ, оберъ-гофмаршаломъ и гофмаршаломъ и камеръ-фурьерами, фурьерами и пажами ничѣмъ не былъ заполненъ?

Въ этомъ отношеніи на помощь намъ приходитъ книга Н. А. Волкова: „Дворъ русскихъ императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ“.

Просматривая списокъ всѣхъ придворныхъ чиновъ XVIII столѣтія по категоріямъ, по старшинству пожалованія, легко притти къ заключенію, что если промежутокъ между тремя высшими чинами двора и низшими служащими и былъ заполненъ въ интересующее насъ время, то очень мало. Дворъ императрицы еще не сфор-

мировался окончательно и въ теченіе 10 лѣтъ ея царствованія росъ очень медленно. Видимо, что хотя императрица и заботилась о его блескѣ, но, главнымъ образомъ, желала, чтобы былъ внесенъ нѣкоторый порядокъ въ то, что уже существовало и что она получила въ наслѣдіе отъ предшественниковъ. Вслѣдствіе такого положенія вещей, трое высшихъ чиновъ двора, о которыхъ мы неоднократно говорили, дѣйствительно, почти-что непосредственно управляли цѣлой фалангой низшихъ придворныхъ служащихъ и входили во всевозможныя подробности, въ которыя входить предписывала имъ инструкція и, слѣдовательно, стояли очень близко къ пажамъ, такъ близко, что могли исключить необходимость имѣть при нихъ полагающагося имъ гофмейстера.

Теперь представимъ себѣ подобно тому, какъ представили себѣ обычную карьеру родовитаго человѣка XVII столѣтія и карьеру пажей временъ Петра и временъ Анны Іоанновны [51]).

„Случай“, уже тогда игравшій не малую роль въ Россіи, приводилъ мальчика или юношу ко двору. Или кто-нибудь изъ его родныхъ, или просто близкихъ, желавшій порадѣть о немъ, осмѣливался иногда просить лично императрицу, большею же частью, оберъ-камергера всесильнаго Бирона, или, наконецъ, оберъ-гофмейстера. Никто не справлялся въ родословныхъ книгахъ о его происхожденіи, никто не интересовался знать, сколько ему лѣтъ. Вполнѣ было достаточно, что государыня желала имѣть его при дворѣ—и онъ ко двору на службу поступалъ. Ему назначали жалованье 44 руб. въ годъ, шили ливрею, ежедневную и богатую или статсъ-ливрею для особенно торжественныхъ случаевъ. Шили и ту и другую подъ надзоромъ придворнаго комиссара, въ распоряженіе котораго назначали команду какого-нибудь полка съ офицеромъ во главѣ.

Ежедневная ливрея состояла изъ: 1) кафтана, желтаго цвѣта, съ черными обшлагами, посеребренными томпаковыми пуговицами съ петлями, обшитыми серебрянымъ позументомъ съ битью; 2) штановъ, одинаковаго цвѣта съ кафтаномъ; 3) камзола чернаго цвѣта съ серебряными томпаковыми пуговицами; 4) чулокъ, пунсовыхъ или бѣлыхъ; 5) башмаковъ; 6) парика; 7) пуховой шляпы, обшитой прорѣзнымъ позументомъ и епанчи краснаго цвѣта на стамедовой подкладкѣ [52]).

Выдавали ему ее срокомъ на годъ на руки и отбирали, когда онъ отчислялся отъ двора. Богатая отличалась нѣкоторыми подробностями и выдавалась только въ особенно торжественныхъ случаяхъ

и по миновании надобности отбиралась для храненія въ гардеробахъ, которыми завѣдывалъ придворный комиссаръ.

Наряженный въ обыкновенную ливрею юный пажъ начиналъ отправлять свою придворную службу, въ тайны которой посвящалъ его или гофмейстеръ пажевъ, если онъ имѣлся въ наличности, или же гофмаршалъ и его помощникъ. Не обходилось тутъ, конечно, дѣло и безъ помощи старшихъ товарищей, камеръ-пажей, уже искушенныхъ въ трудностяхъ пажескихъ обязанностей.

Службой юноша былъ занятъ цѣлый день: то ему приходилось служить за обѣдомъ, то за ужиномъ, то выѣзжать, сопутствуя кареты лицъ императорской фамиліи, то исполнять какія-нибудь порученія.

Назначался балъ во дворцѣ—пажи присутствовали на немъ, прислуживая лицамъ царской фамиліи. Собирались - ли просто поиграть въ карты, они тоже являлись необходимою принадлежностью вечера и за свое долготерпѣніе, такъ какъ засиживались иногда подолгу, вознаграждались, такъ называемыми, карточными деньгами въ размѣрѣ 50 руб. на одного человѣка. При Аннѣ Іоанновнѣ это было выгодною статьею дохода. Сама императрица не любила играть, но придворные очень—и она, снисходя къ ихъ слабостямъ, почти ежедневно собирала у себя кружокъ близкихъ ей людей, которому разрѣшалось предаваться тому, что у многихъ уже въ это время обратилось въ страсть.

Нечего и говорить, что пріемъ посла, похороны высочайшихъ особъ, коронація, все это не обходилось безъ присутствія пажей.

Прослуживъ такимъ образомъ лѣтъ 5, иногда меньше, иногда больше, пажъ производился въ камеръ-пажи. Внѣшнимъ выраженіемъ его званія служили штаны съ серебрянымъ вызолоченнымъ галуномъ, страусовый плюмажъ чернаго цвѣта и позументъ, которымъ былъ обложенъ камзолъ. Служба его, въ общемъ, какъ кажется, отъ такой перемѣны званія, мало въ чемъ измѣнялась; какъ болѣе опытнаго и старшаго, его назначали туда, гдѣ новичокъ или слишкомъ молодой могъ напутать.

Въ этомъ званіи юноша пробывалъ года 4 и затѣмъ его производили въ офицеры въ гвардію или армію и очень рѣдко давали камеръ-юнкерское званіе и оставляли при дворѣ. При производствѣ камеръ-пажи получали чинъ поручика гвардіи или капитана арміи, а пажи, если они, минуя званіе камеръ-пажа, удостоивались производства,—что иногда дѣлалось,—поручика арміи.

Начиналась жизнь. Но далеко не такая опредѣленная, какъ стольника временъ царя Алексѣя Михаиловича или даже пажа двора Петра, если государь признавалъ его способнымъ. Если случайно пажъ попадалъ ко двору, то только такой же случай могъ опять вынести его на поверхность житейскаго моря, но зато ничего не стоило ему и затеряться гдѣ-нибудь въ армейской службѣ и даже въ рядахъ гвардіи, гдѣ никто и не вспомнилъ бы о немъ и о его былой близости ко двору.

Не надолго всплывали и избранники. Слишкомъ сильно взволновалъ великій преобразователь русское общество: они поминутно, то появлялись, то исчезали. Пажи, если были таковыми, Лялинъ [53]) и Шубинъ [54]) — въ особенности послѣдній, могли бы не мало разсказать о томъ, какъ легко было тогда быстро взлетѣть на высоту и также быстро слетѣть оттуда, рискуя при паденіи жестоко разбиться.

Лучшимъ доказательствомъ непрочности тогдашнихъ соціальныхъ отношеній можетъ служить примѣръ внука знаменитаго князя Василія Васильевича Голицына, сотрудника Софьи и одного изъ первыхъ русскихъ сановниковъ, еще при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ рѣшительно ставшихъ на сторону лицъ, втянутыхъ въ подражательный процессъ. Иностранныя географическія карты, парадные портреты иностранныхъ и русскихъ государей, библіотека, гдѣ церковная книга и коранъ стояли рядомъ, придавали его дому вполнѣ европейскій видъ. Князь доходилъ до того въ своемъ свободомысліи, что составилъ проэктъ освобожденія крестьянъ и ласкалъ іезуитовъ.

Внукъ его, Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, медленно подвигался по іерархической лѣстницѣ. Въ годъ вступленія императрицы Анны Іоанновны, сорока лѣтъ, онъ былъ маіоромъ. Потерявъ первую жену, онъ отправился въ Италію, женился на итальянкѣ и пошелъ дальше дѣда, только ласкавшаго іезуитовъ, но остававшагося православнымъ. Князь Михаилъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, жены, перешелъ въ католичество, чѣмъ воспользовалась партія, враждебная Голицынымъ, во главѣ которой стоялъ Бирономъ. Желая унизить представителя ненавистнаго имъ рода, эта партія выставила переходъ въ католичество почти-что какъ измѣну. Государыня повелѣла тогда князю Голицыну принять должность шута и за то, что онъ однажды пролилъ квасъ на ея платье, дала ему прозвище Квасника.

1838 года 18 января послѣдовалъ указъ придворной конторѣ такого содержанія:

„Ея Императорское Величество именнымъ указомъ Всемилостивѣйше изволила указать Михаилу Алексѣевичу, сыну Голицыныхъ-Кваснику, быть при дворѣ своего Императорскаго Величества пажемъ и жалованье ему и мундиры производить противу прочихъ пажей".

Приказъ былъ подписанъ оберъ-гофмаршаломъ Левенвольде и гофмаршаломъ Шепелевымъ.

И вотъ, болѣе чѣмъ сорокалѣтній бывшій маіоръ, имѣвшій уже сына поручикомъ, превратился въ пажа. Но этимъ его злоключенія не кончились. Впослѣдствіи его женили въ ледяномъ домѣ на камчадалкѣ Евдокіи Ивановнѣ, прозванной Буженіновой,—а со второй женой развели. При Аннѣ Леопольдовнѣ Голицыну разрѣшили удалиться въ Москву. Жена его, камчадалка, умерла и онъ женился еще разъ. Скончался князь 60 лѣтъ отъ роду [55]).

Только-что приведенный фактъ, связанный съ званіемъ пажа, не требуетъ комментарій; онъ ясно указываетъ на неустойчивость положенія того или другого лица и на возможность самыхъ фантастическихъ измѣненій въ его судьбѣ.

Итакъ, передъ нашими глазами, послѣдовательною вереницею прошли и стольникъ царицы, въ извѣстномъ возрастѣ обращавшійся въ стольника царя, а затѣмъ, сохраняя это званіе, въ государственнаго дѣятеля, и пажъ Петра, ученикъ въ мастерской царя-работника и, наконецъ, неопредѣленный обликъ пажа временъ Анны Іоанновны, мало чѣмъ отличавшагося отъ своихъ собратій, служившихъ при дворѣ Екатерины I и Петра II. Если мы вспомнимъ, что стольники царицы жили во дворцѣ и прислуживали въ покояхъ царицы, т. е. были ея пажами, и что въ извѣстномъ возрастѣ, лѣтъ 15, ихъ переводили въ покои царя и производили въ камеръ-пажи и что на первыхъ порахъ они продолжали прислуживать такъ-же, какъ и у царицы, и только современемъ, по достиженіи извѣстнаго возраста, исполняли нѣкоторыя болѣе или менѣе серьезныя порученія. Это съ одной стороны, а съ другой, если мы вспомнимъ, что пажи, малолѣтніе и юноши, тоже жили, хотя не всѣ, во дворцѣ и тоже прислуживали въ царскихъ покояхъ,—то намъ станетъ ясно, что Петръ сдѣлалъ не пересадку пажескаго званія изъ Европы въ Россію, а прививку его къ уже существовавшему званію стольника.

Главная разница между стольниками и пажами заключалась въ томъ, что, переходя изъ половины царицы на половину государя и превращаясь въ стольники царя, молодой человѣкъ могъ находиться

въ этомъ званіи до сѣдыхъ волосъ, т. е. иначе говоря, для многихъ въ этомъ званіи сливалось два послѣ-петровскихъ придворныхъ званія—камеръ-пажа и камеръ-юнкера, и переходъ изъ одного въ другое обозначался только родомъ порученій и выступленіемъ на поприщѣ государственной службы, что, въ свою очередь, въ значительной степени, обусловливалось возрастомъ.

Сліяніе это объясняется всѣмъ извѣстными счетами мѣстничества, этими пережитками родовыхъ счетовъ удѣльныхъ князей.

Нѣкоторые роды не могли по своему происхожденію получить званіе выше стольника, а между тѣмъ и возрастъ и способности ихъ позволяли пользоваться ими, какъ служебнымъ матеріаломъ; вотъ этотъ-то моментъ, когда на стольника возлагалось служебное порученіе внѣ дворца, и былъ моментомъ, когда, переставая быть камеръ-пажемъ, онъ дѣлался камеръ-юнкеромъ.

То же обстоятельство, что въ дореформенной Руси, въ концѣ XVII столѣтія, переходъ изъ половины царицы въ половину государя являлся одновременно повышеніемъ въ званіи, производствомъ изъ пажей въ камеръ-пажи, вполнѣ объясняется особенностями тогдашняго быта.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы указали въ другомъ мѣстѣ [56]), всѣ стремились, изъ чистыхъ или корыстныхъ цѣлей, стать поближе къ царю и близость, выражавшаяся въ томъ или другомъ придворномъ званіи, являлась показательницею и того довѣрія, которое питалъ царь къ приближенному человѣку, что, въ свою очередь, обусловливало и степень того участія, на которое онъ могъ расчитывать. Исходя изъ этой точки зрѣнія, понятно, что простое приближеніе ко двору было большимъ шагомъ впередъ, а потому, полученіе въ дѣтствѣ званія стольника царицы могло въ значительной степени служить залогомъ и дальнѣйшихъ повышеній.

Этому стремленію ко двору шла на встрѣчу сыздавна установившаяся потребность въ лицахъ мужскаго пола, которыя могли бы прислуживать въ покояхъ царицы. При строгомъ теремномъ режимѣ, таковыми могли быть только мальчики, которые по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, въ силу своего неподходящаго возраста, должны были покидать покои царицы. Такая необходимость ставила стольниковъ царицы въ такое положеніе, изъ котораго было только два выхода: или отчислиться отъ двора, или же напрячь всѣ силы, чтобы остаться при немъ, но остаться можно было только перейдя на половину го-

сударя, а это значило приблизиться, т. е. повыситься въ званіи. Къ этому всѣ и стремились, но не всѣмъ удавалось достичь этого повышенія, какъ не всѣмъ удавалось позже изъ пажей попасть въ камеръ-пажи.

Что, вводя у насъ званіе пажа, Петръ сдѣлалъ не пересадку съ одной почвы на другую, а прививку, станетъ еще яснѣе изъ послѣдующаго, а потому мы займемся въ данную минуту другимъ: уяснимъ себѣ, какъ зародилось званіе пажа на Западѣ и во что оно превратилось къ тому времени, когда съ нимъ познакомился Петръ.

Когда болѣе или менѣе организовавшаяся и окрѣпшая христіанская церковь вступила на путь обращенія средневѣковыхъ варваровъ, ринувшихся на разлагавшуюся Римскую имперію, она встрѣтилась съ непреоборимымъ препятствіемъ: звѣрь свилъ въ варварѣ такое прочное гнѣздо, что, казалось, въ немъ не могло найтись мѣста для духа. Было съ чего притти въ отчаяніе, но церковь нашла выходъ изъ своего труднаго положенія. Понявъ, что этого звѣря обратить въ христіанина можно не только не сразу, а очень и очень нескоро, она рѣшилась дѣйствовать постепенно, другими словами, церковь пошла на уступки. Цѣль моя, сказала она себѣ, способствовать тому, чтобы въ каждой отдѣльной личности человѣкъ-звѣрь покорился человѣку-духу, но этого достичь я могу лишь въ томъ случаѣ, если я дамъ этой личности посильную работу, исполненіе которой незамѣтно улучшитъ ея первобытную природу. Звѣриное начало въ первобытномъ варварѣ, разсуждала далѣе церковь, главнымъ образомъ, выражается въ его потребности драться. Совсѣмъ уничтожить такую потребность невозможно, но умѣрить ее вполнѣ мыслимо, — стоитъ только ограничить кругъ ея примѣненія, а для этого надо ясно поставить цѣль. Церковь цѣль поставила: войну съ невѣрными. „Только съ невѣрными можешь ты драться“, объяснила она средневѣковому варвару, „и тогда ты будешь воиномъ Христа“. Вотъ эти то воины Христа, поставившіе себѣ задачею борьбу съ невѣрными, и были не кто иные, какъ рыцари.

Но чтобы бороться удачно, надо было выучиться бороться, а чтобы выучиться, надо было учиться и, по возможности, съ раннихъ лѣтъ. Отсюда ясно, что къ рыцарямъ, сдѣлавшимися извѣстными своими пріемами въ борьбѣ съ нехристями, стали стекаться ученики. Но такъ какъ, съ одной стороны, тогдашніе пути сообщенія далеко не способствовали быстротѣ передвиженія, а съ другой—выучиться трудному дѣлу искусно владѣть оружіемъ нельзя было, то и возникла

мысль поселять учениковъ на жительство на нѣсколько лѣтъ у рыцарей, прославившихся своими подвигами. Ученики оставались въ домѣ рыцаря до тѣхъ поръ, пока не дѣлались сами достойными получить званіе рыцаря. Но за всякое ученіе платятъ. Платили и ученики, только не деньгами, а своими услугами и въ извѣстный періодъ по крайней мѣрѣ, преимущественно на половинѣ дамъ. Вотъ эти ученики рыцарей, проживавшіе въ ихъ семействѣ, и были извѣстны въ средніе вѣка подъ названіемъ пажей.

Когда пажи подростали и дѣлались способными принять участіе въ сраженіяхъ, то на нихъ для практики возлагали обязанность принимать участіе въ эксплоатаціи побѣды, т. е. въ преслѣдованіи, и здѣсь они, что называется, набивали себѣ руку.

Какъ извѣстно, рыцарство, по мѣрѣ того, какъ феодализмъ уступалъ мѣсто абсолютизму, болѣе и болѣе превращалось въ придворную знать и, въ концѣ концовъ, дѣло дошло до того, что рыцарь окончательно растворился въ вельможу. Въ то-же время пажъ—рыцарь въ зародышѣ—превратился въ пажа—будущаго придворнаго. Завершилась эта метаморфоза въ царствованіе „короля-солнца“ Людовика XIV, который для мелкихъ германскихъ князей раздробленной Германіи служитъ недосягаемымъ идеаломъ, въ особенности, относительно всего, что касалось придворной жизни [57]).

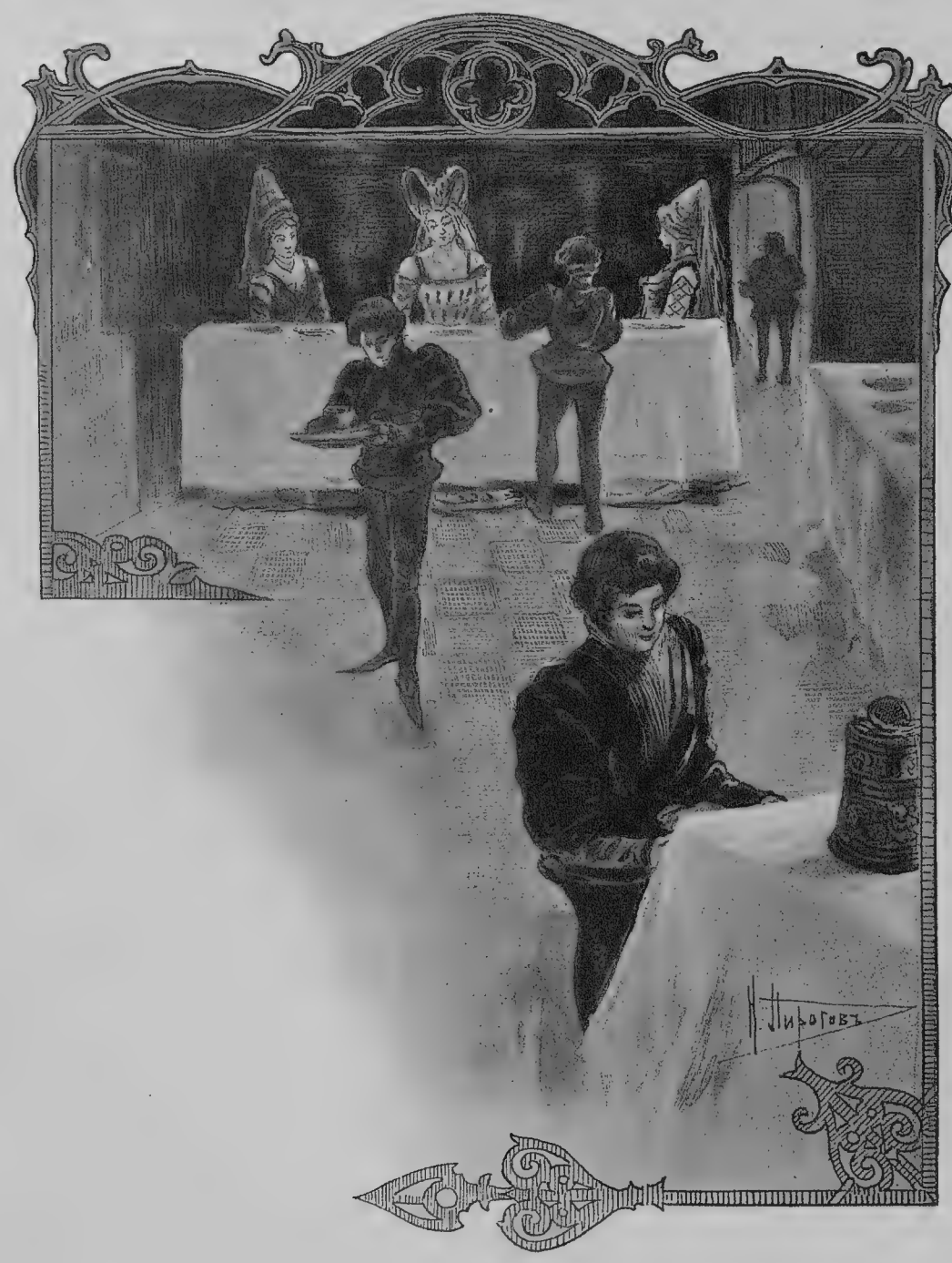
Съ пажемъ одного изъ германскихъ дворовъ, какъ мы знаемъ, и познакомился Петръ, т. е. въ тотъ моментъ познакомился, когда настоящее ихъ назначеніе быть сначала учениками, а потомъ подмастерьями военнаго дѣла, отошло на задній планъ и замѣнилось другимъ—быть придворными въ зародышѣ и съ дѣтства проникаться началами изысканной культуры.

Нельзя не признать, что прививка западнаго европейскаго пажа къ русскому стольнику были какъ нельзя болѣе кстати: въ этомъ европейскомъ обликѣ ему было гораздо легче втянуться въ подражательный процессъ и, въ свою очередь, сдѣлаться проводникомъ западныхъ началъ среди русскаго общества.

Какъ мы видѣли, съ первыхъ шаговъ ему и пришлось играть именно эту роль; оказавшись при дворѣ-мастерской Петра въ положеніи ученика, обязаннаго присмотрѣться, понаторѣть и затѣмъ и другихъ научить тому, что они видѣли.

Однако, не мѣшаетъ припомнить и то, что на первыхъ порахъ, т. е. въ началѣ царствованія императора Петра и въ послѣдующія

царствованія, т. е. императрицы Екатерины I, императора Петра II и императрицы Анны Іоанновны, трудно было опредѣленно отвѣтить на вопросъ, удалась-ли прививка реформатора или нѣтъ, и если удалась, то на сколько и къ чему, главнымъ образомъ, будутъ готовить пажей: къ военной службѣ, къ придворной или гражданской. Припомнимъ, наконецъ и то, что нѣкоторыя обстоятельства царствованія Анны Іоанновны невольно наводятъ на мысль, что, пожалуй, прививка Петра не удалась и что, пожалуй, пажи, если и останутся въ числѣ чиновъ двора, то не болѣе, какъ въ видѣ декораціи, и что къ образованію ихъ будетъ приложено очень немного старанія.



„Тов. Худ. печ.“ Англійскій 28.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ПАЖЕСКАГО КОРПУСА, КАКЪ УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНІЯ.

Домъ адмирала Крюйса.

Глава II.

Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.

Развитіе процесса подражанія.
Дворъ императрицы Елизаветы.
Пажи и ихъ придворная служба.
Ихъ нравы и нравы общества.
Наставники пажей.
Образованіе временъ Елизаветы Петровны.
Вліяніе западно-европейскаго образованія на образованіе въ Россіи.
Иностранцы-наставники въ Россіи.
Образованіе пажей.
Заботы о малолѣтнихъ пажахъ.
Графъ Сиверсъ.
Меморіалъ барона Шуди. Разборъ меморіала.
Инструкція, данная барону Шуди.
Соотношеніе между меморіаломъ и инструкціею.
Разборъ инструкціи.
Когда основанъ Пажескій корпусъ?
Дѣятельность пажей временъ Петра, его наслѣдниковъ и Елизаветы Петровны.
Привилъ Петръ званіе западно-европейскаго пажа къ званію стольника царицы и отчасти стольника царя или пересадилъ его изъ Европы въ Россію?

Можно считать, не боясь ошибиться, 26 ноября 1741 года днемъ, когда вступила на престолъ дочь Петра — императрица Елизавета. Переходъ власти въ руки этой государыни обозначалъ перемѣну во многомъ и, въ особенности, возвращеніе къ традиціямъ ея отца или, вѣрнѣе, стремленіе возвратиться къ нимъ. Елизавета Петровна попыталась замѣнить иностранныхъ дѣятелей своими русскими, а если послѣднее не всегда оказывалось возможнымъ и своевременнымъ, то изъ такого положенія она выходила слѣдующимъ образомъ: иностранцамъ предоставляла исполненіе второстепенныхъ ролей, позволяла имъ быть суфлерами, первыя же роли поручала русскимъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, подражательный процессъ, зародившійся, какъ мы видѣли, еще до Петра, быстро развившійся при немъ—и это несмотря на то, что старая партія старалась всѣми силами задержать его поступательное движеніе—подражательный процессъ, говоримъ мы, при преемникахъ Петра, какъ будто заглохшій, изсякшій,—при Елизаветѣ Петровнѣ выбился на просторъ, принялъ ровное и спокойное теченіе.

Такъ ручей, съ трудомъ, робко пробивающійся между скалъ, въ ущельяхъ перескакивающій съ камня на камень и вдругъ исчезающій изъ глазъ, показывается вновь гдѣ-нибудь далѣе, но теперь онъ уже не ручей, а бурный потокъ, все сокрушающій на своемъ пути; еще немного, и потокъ превращается въ рѣку, спокойно несущую среди широкихъ равнинъ свои воды къ морю.

Но рѣчка или донесетъ свои воды до моря, или затеряется гдѣ-нибудь въ пескахъ; не то происходитъ съ подражательнымъ процессомъ, разъ онъ зародился въ самостоятельной самобытной натурѣ или среди націи, имѣющей зародыши самостоятельности и самобытности. Какъ мы уже знаемъ, и въ томъ или другомъ случаѣ, уже на первыхъ порахъ зарожденія подражательнаго процесса, и самостоятельныя натуры, и націи съ зародышами самобытности, инстинктивно протестуютъ противъ возможнаго обезличенія; протестъ этотъ часто проявляется неуклюже, не кстати, сплетается съ неуклюжими же попытками перенять чужое, не отдавая себѣ ясно отчета, что пере-

нимать слѣдуетъ и что перенимать не слѣдуетъ, но такъ или иначе онъ показываетъ, что есть—дурное-ли, хорошее,—а свое, съ которымъ съ трудомъ разстаются и къ которому стараются приспособить чужое. Наконецъ, послѣ ряда усилій примирить чужое со своимъ, настаетъ моментъ, когда чужое беретъ верхъ надъ своимъ, когда чужое воспринимается съ жадностью и въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ успѣваютъ его превратить въ свое. Это тотъ моментъ, когда потокъ превращается въ рѣку, спокойно текущую въ ровныхъ берегахъ.

Но для націи и для отдѣльнаго самобытнаго человѣка это только кажущееся спокойствіе. Въ то время, когда развивается процессъ насыщенія своего чужимъ, свое начинаетъ понемногу справляться съ предлагаемымъ ему въ избыткѣ чужимъ, начинаетъ воспринимать его все менѣе и менѣе, все съ большимъ и большимъ разборомъ, зарождается контръ-процессъ—творческій, созидательный: собранный матеріалъ приводится въ порядокъ, прилаживается, служитъ для выработки еще неяснаго, гдѣ-то вдали мерцающаго неопредѣленнаго идеала. Понемногу идеалъ выясняется, чужое воспринимается приблизительно въ томъ же количествѣ, въ какомъ оно успѣваетъ вырабатываться въ свое; настаетъ моментъ приблизительнаго равновѣсія, когда работа подражательная равняется работѣ созидательной; нѣкоторое время оба процесса идутъ параллельно, но вскорѣ равновѣсіе нарушается въ пользу творческаго процесса, онъ беретъ верхъ, человѣкъ или нація начинаетъ творить на свой рискъ и страхъ, стремиться къ еще окончательно не оформившемуся идеалу, но стремиться своими силами и средствами, безъ чужой помощи. Черезъ указанный путь прошли всѣ, великія и малыя, самостоятельныя натуры, всѣ самобытные, самостоятельные народы, черезъ этотъ путь прошла и Россія.

Съ частью этого пути мы уже познакомились, мы даже указали, что царствованіе императрицы Елизаветы совпало съ тѣмъ моментомъ, когда въ высшихъ слояхъ общества, при дворѣ, чужое усваивалось въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ могло претвориться въ свое, и усваивалось, почти безъ разбора. Кромѣ того, отличительною чертою этого царствованія было еще и то обстоятельство, что подражаніе нѣмцамъ смѣнилось подражаніемъ французамъ, что въ конечномъ результатѣ сводилось все же къ подражанію тѣмъ же нѣмцамъ, такъ какъ послѣдніе сами вступили въ это время на стезю подражанія французамъ. Читая нѣмецкія книги и бумаги той эпохи, поражаешся

обиліемъ въ нихъ чисто французскихъ и нѣмецкихъ французированныхъ словъ [2]).

Итакъ, галломанія сдѣлалась, въ особенности, къ концу царствованія императрицы Елизаветы, маніею высшихъ слоевъ русскаго общества. Посреди всего этого увлеченія иностраннымъ, мощною фигурою выдавался русскій самородокъ, великій нашъ ученый Ломоносовъ; появленіе его въ это время и его дѣятельность показывали, что творческій, созидательный контръ-процессъ началъ уже зарождаться въ эту эпоху всеобщаго увлеченія чужимъ. Положительныя стороны его дѣятельности, несомнѣнно, свидѣтельствовали о томъ, что Ломоносовъ не былъ только протестомъ противъ подражательнаго процесса, что можно было бы заключить, вспомнивъ его борьбу съ нѣмцами въ академіи наукъ, а былъ показателемъ зарождавшагося творческаго контръ-процесса.

Гдѣ же особенно ярко обнаружилось подражаніе?

Очагомъ его, какъ и прежде, оставался дворъ и близко ко двору стоящіе. Проводникомъ служило воспитаніе. Отражающимъ зеркаломъ являлась, конечно, литература, свившая себѣ гнѣздо по сосѣдству отъ двора и находившаяся въ зависимости отъ него.

Вотъ, что говоритъ про дворъ Елизаветы Петровны князь Щербатовъ: „Дворъ, подражая или, лучше сказать, угождая императрицѣ, въ златотканныя одежды облекался; вельможи изыскивали въ одѣяньи все, что есть богатѣе, въ столѣ все, что есть драгоцѣннѣе, въ питьѣ все, что есть рѣже, въ услугѣ—возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ. Экипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, не столь для нужды удобныя, какъ существенно для виду, учинялись нужными для воженія позлащенныхъ каретъ. Домы стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ, дорогими мебелями, зеркалами и другими. Все сіе доставляло удовольствіе самимъ хозяевамъ, вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возростало и человѣкъ дѣлался почтителенъ (почтенъ?) по мѣрѣ великолѣпности его житья и уборовъ“ [3]).

„Государыня страстно любила празднества. При дворѣ бывали безпрестанно банкеты, куртаги, балы, маскарады, комедія французская и русская, итальянская опера и проч. Всѣ они дѣлились на разныя категоріи; каждый разъ опредѣлялось, въ какомъ именно быть костюмѣ—въ робахъ, шлафрокахъ или самарахъ для дамъ, въ цвѣтномъ или

богатомъ платьѣ для мужчинъ. Два раза въ недѣлю бывали при дворѣ маскарады—одни для двора и для тѣхъ лицъ, которыхъ государыня удостаивала приглашеніемъ, другіе для шести первыхъ классовъ и знатнаго шляхетства. Кромѣ того, бывали часто еще публичные праздники для дворянства. А иногда на нихъ допускались и купечество и всякаго званія люди, кромѣ людей боярскихъ. На эти маскарады дамы должны были являться въ домино съ „баутами“ и „быть на самыхъ малыхъ фижменахъ, т. е., чтобъ обширностью были малые. Строго запрещалось привозить съ собою малолѣтнихъ и употреблять въ убранствѣ хрусталь и мишуру. Дозволялось являться въ различныхъ маскахъ и платьяхъ маскарадныхъ, „точію кромѣ пилигримскаго, арлекинскаго и непристойныхъ деревенскихъ“. Кромѣ того, мужчинамъ строжайше запрещалось имѣть оружіе т. е. сабли, кинжалы и прочее. На праздникахъ этихъ „знатная маска“ отдѣлялась отъ „вольной маски“. Даже французы, которые въ то время гордились Версалемъ и его праздниками, не могли надивиться роскоши нашего двора.

„Красота и богатство аппартаментовъ, говоритъ де-ла-Месселіеръ, секретарь французскаго посольства, невольно поразили насъ, но удивленіе вскорѣ уступило мѣсто пріятнѣйшему ощущенію при видѣ 400 дамъ, наполнявшихъ оные. Онѣ были почти всѣ красавицы, въ богатѣйшихъ костюмахъ, осыпанныхъ брилліантами, но насъ ожидало еще новое зрѣлище: всѣ шторы были разомъ опущены и дневный свѣтъ внезапно былъ замѣненъ блескомъ 1200 свѣчей, которыя отражались со всѣхъ сторонъ въ многочисленныхъ зеркалахъ; загремѣлъ оркестръ, состоявшій изъ 80 музыкантовъ. Великій князь съ великою княгинею подали примѣръ танцамъ... Вдругъ услышали мы глухой шумъ, имѣвшій нѣчто весьма величественное. Двери внезапно отворились настежь, и мы увидѣли великолѣпный тронъ, съ котораго сошла императрица, окруженная своими царедворцами, и вошла въ большую залу. Воцарилась всеобщая тишина. Государыня поклонилась троекратно. Дамы и кавалеры окружили ихъ, говорили съ ними по французски, какъ говорятъ въ Парижѣ. Зала была огромная и заразъ танцовали до 20 минуэтовъ, что производило довольно странную, но въ то же время пріятную для глазъ картину. Контроданцевъ вообще танцовали мало, всего нѣсколько польскихъ и англезовъ. Въ 11 часовъ оберъ-гофмейстеръ объявлялъ Ея Величеству, что ужинъ готовъ. Всѣ перешли въ очень большую и богато убранную залу, освѣщенную

900 свѣчами. По серединѣ стоялъ фигурный столъ на 400 персонъ, на хорахъ во все время ужина гремѣла вокальная и инструментальная музыка. Были кушанья всѣхъ возможныхъ странъ Европы и прислуживали французскіе, русскіе, нѣмецкіе и итальянскіе оффиціанты, которые старались ухаживать за своими соотечественниками".

На этихъ балахъ и маскарадахъ часто разыгрывались лотереи и почти всегда садились за ужинъ по билетамъ, которые раздавались гостямъ, такъ-что случай рѣшалъ, какому кавалеру сидѣть около какой дамы.

Банкеты бывали великолѣпные; обыкновенно среди фигурнаго стола „дѣлали преизрядною фигурою фонтанъ съ каскадами, который во все время кушанья треніемъ воды продолжался и около каскада установлено бывало премножество налитыми бѣлымъ воскомъ шкаликами, которые въ то время были зажжены также въ залѣ и галереѣ въ паникадилахъ и кронштейнахъ зажжено бывало премножество бѣлаго воска свѣчъ".

Въ 1744 году Елизавета Петровна вздумала приказать, чтобы на нѣкоторые придворные маскарады всѣ мужчины являлись безъ масокъ въ огромныхъ юбкахъ на фижмахъ, одѣтые и причесанные, какъ одѣвались дамы на куртагахъ, а дамы въ мужскомъ придворномъ платьѣ. Такіе метаморфозы крайне не нравились мужчинамъ, которые бывали оттого въ дурномъ настроеніи духа. Съ другой стороны, дамы казались жалкими мальчиками.

Танцовали въ то время всѣ превосходно. Извѣстный въ то время балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэтъ лучше, чѣмъ въ Россіи [4]).

Но этотъ дворъ, о которомъ мы только-что говорили, впрочемъ, какъ и Россія въ половинѣ XVIII вѣка, производилъ, по выраженію проф. В. А. Бильбасова, „культурную иллюзію, какъ въ декоративной живописи, только на перспективномъ отдаленіи; при болѣе близкомъ знакомствѣ всякая иллюзія пропадала".

„Какъ дворцы императорской фамиліи, такъ и дома вельможъ, были въ то время по большей части деревянные. Расположеніе въ общемъ было одно и то же: одна или нѣсколько большихъ залъ для пріемовъ и нѣсколько клѣтушекъ для жилья. Постройка чисто плотничная, на скорую руку: двери не затворялись, въ окна дуло, въ полахъ щели, печи дымили. Въ лѣтнемъ дворцѣ въ Петербургѣ окна великокняжеской половины выходили съ лѣвой стороны на Фонтанку, которая

тогда была вонючимъ болотомъ, съ другой—на узкій грязный дворикъ"; въ Москвѣ въ деревянномъ флигелѣ дворца „вода текла по стѣннымъ обшивкамъ и комнаты были чрезвычайно сыры. Въ архіерейскомъ домѣ, принадлежавшемъ императрицѣ, въ комнатахъ, отведенныхъ для великаго князя, „печи такъ ветхи, что, когда ихъ топили, то въ трубѣ былъ видѣнъ огонь, такъ много было трещинъ и дымъ наполнялъ комнаты". Въ московскомъ домѣ Нарышкиныхъ на свадьбѣ хозяина, на которой присутствовала императрица и весь дворъ, чтобы проводить молодыхъ въ спальню, великой княгинѣ пришлось пройти нѣсколько холодныхъ коридоровъ, взбираться по нетопленнымъ лѣстницамъ, наконецъ, пройти галлерею, только-что выстроенную изъ сырыхъ досокъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ капала вода".

Для первыхъ родовъ великой княгины Екатерины, подарившей императрицѣ наслѣдника престола, были приготовлены двѣ комнаты въ лѣтнемъ дворцѣ рядомъ съ покоями императрицы, причемъ кровать была поставлена между трехъ дверей, въ которыя сквозило, сзади кровати два окна, въ которыя дуло; послѣ родовъ одну дверь заколотили, повѣсили двойную суконную занавѣску, заставили большимъ экраномъ и, тѣмъ не менѣе, такъ дуло, что великая княгиня получила ревматизмъ.

Дома были худо выстроены, еще хуже меблированы. Въ то время мебель была принадлежностью не комнаты, даже не дома, а извѣстнаго лица и возилась за этимъ лицомъ, какъ возились и платье, бѣлье, обувь. Дворъ въ то время, говоритъ Екатерина, былъ такъ бѣденъ мебелью, что зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые служили имъ въ зимнемъ дворцѣ, перевозились вслѣдъ за ними въ лѣтній дворецъ въ Петергофъ и даже ѣздили съ ними въ Москву. При этихъ перевозкахъ многое ломалось и билось и въ такомъ изломанномъ видѣ ставилось на свое мѣсто, такъ что и пользоваться этою мебелью было довольно трудно. Если такъ дѣлалось при дворѣ, при томъ, что дворцовъ было много, а мебели мало, то въ частныхъ домахъ было еще хуже [5]).

Однимъ словомъ, всѣ неуклюжіе пріемы подражанія, сопровождающія изысканія того, что составляетъ суть превосходства тѣхъ, у кого подражаютъ, и неумѣнье этого найти сказывались въ это время очень ярко.

Среди всей только-что представленной обстановки необходимою ея принадлежностью и однимъ изъ лучшихъ украшеній являлись пажи,

которые въ царствованіе императрицы Елизаветы вполнѣ аклиматизировались при русскомъ дворѣ и вопроса о томъ, продолжать ли имъ существовать при немъ, въ эту эпоху, не могло быть никакого. Они должны были существовать уже по одному тому, что блистали при Версальскомъ дворѣ. Въ началѣ царствованія государыни былъ установленъ комплектъ ихъ: камеръ-пажей—8, а пажей—24.

„Ея Императорское Величество государыня Императрица Елизавета Петровна Всемилостивѣйше указать соизволили именнымъ своимъ указомъ при дворѣ Ея Императорскаго Величества содержать комплектъ камеръ-пажей 8, пажей 24 человѣка“ гласитъ указъ 5 октября 1742 г., одинъ изъ первыхъ, дошедшихъ до насъ указовъ, касающихся внутренней жизни пажей [6]).

Положеніе ихъ со временъ царствованія императрицы Анны измѣнилось въ томъ только отношеніи, что на нихъ стали больше обращать вниманіе, ими больше занимались и обязанности ихъ получили бо́льшую опредѣленность уже по одному тому, что съ момента появленія извѣстныхъ инструкцій оберъ-гофмейстеру, оберъ-гофмаршалу прошло не мало лѣтъ, придворныя отношенія успѣли установиться, а отбыванія тѣхъ или другихъ придворныхъ службъ обратиться почти-что въ механическую привычку.

И вотъ эти то службы поглощали все время камеръ-пажей и пажей.

То они участвовали съ факелами въ рукахъ въ похоронныхъ процессіяхъ, сопровождающихъ тѣло умершей высочайшей особы, то въ дни коронаціонныхъ торжествъ при въѣздѣ частью скакали за каретой государыни и великихъ княгинь, частью сидѣли на ремняхъ, а во время самаго коронаціоннаго шествія неизмѣнно шли за кавалергардами съ своимъ гофмейстеромъ во главѣ. Пріѣзжалъ посолъ,—за императорской каретой опять ѣхали пажи, а при пріемѣ его у дверей стояли они же. Устраивался ли куртагъ, банкетъ,—пажи опять присутствовали на нихъ, прислуживая высочайшимъ особамъ, передавая пригласительные билеты, на которыхъ значилось кому и гдѣ сидѣть. Они же разносили карты тѣмъ изъ гостей, которые предпочитали провести вечеръ, сражаясь за зеленымъ столомъ. Собиралась ли императрица въ путешествіе, на богомолье,—въ свитѣ ея слѣдовали пажи, но кромѣ этихъ экстренныхъ случаевъ имъ приходилось отбывать и ежедневную службу за царскимъ столомъ, гдѣ они прислуживали. Впрочемъ, въ дни царствованія Елизаветы Петровны,—какъ мы знаемъ, любившей и умѣвшей повеселиться, но въ тоже время

смотрѣвшей, подобно отцу, на ассамблеи, какъ на средство пріучить русскихъ, предпочитавшихъ сидѣть у себя по домамъ, къ общежитію,— куртаги, банкеты, спектакли всякаго рода были до того обыденнымъ явленіемъ, что въ представленіи пажей они, по всѣмъ вѣроятіямъ, рисовались скорѣе, какъ отбываніе обязанностей, чѣмъ какъ источникъ личнаго веселья. Приходилось пажамъ и исполнять разныя порученія и не только въ чертѣ города и ближайшихъ окрестностяхъ, но и отправляться для этого въ другіе города. Въ общемъ, ихъ постоянно отвлекали отъ учебныхъ занятій и, въ особенности, потому, что императрица вела подвижную жизнь. Но на это смотрѣли болѣе, чѣмъ сквозь пальцы, считая, что разъ ихъ хоть кой-чему учили — и то благо [7]). Въ общемъ, очевидно, на нихъ смотрѣли не какъ на молодыхъ людей, серьезно подготовляющихся къ какой-нибудь опредѣленной дѣятельности, а какъ на необходимый придворный придатокъ, безъ котораго дворъ утерялъ бы нѣкоторую часть блеска. Это особенно рельефно сказалось въ дни, когда готовились праздновать свадьбу цесаревича. Былъ изданъ именной указъ, по которому было велѣно знатнымъ особамъ обоего пола изготовить богатыя платья и кареты цугами. „И понеже сіе торжество черезъ нѣсколько дней продолженіе быть имѣетъ“, сказано въ этомъ указѣ, „то для онаго каждой персонѣ, какъ мужской, такъ и дамамъ, по одному новому платью себѣ сдѣлать надобно. Служителей же при экипажахъ по нижеписанной пропорціи имѣть: 1 и 2 классовъ персонамъ у каждой кареты по 2 гайдука и по 8—12 лакеевъ, кто сколько похочетъ, только не менѣе 8 было, по 2 скорохода такожде и кто пожелаетъ притомъ еще по два или по одному пажу и по два егеря“ [8]).

Однако, эти живыя украшенія, много занятыя своею службою, находили время не только пошалить, но даже и побезобразничать, что отнюдь не удивительно, если перенестись въ ту эпоху, когда европейская культура, не успѣвшая еще и на Западѣ отдѣлаться отъ нѣкоторой средневѣковой грубости, столкнулась въ Россіи съ азіатскою дикостью.

„Въ самыхъ лучшихъ развитыхъ людяхъ того времени замѣчали грубость. Какъ языкъ еще не выдѣлился, не освободился отъ своей церковно-славянской основы, съ трудомъ прилаживался къ чуждымъ для него формамъ европейской поэзіи и еще болѣе чуждому содержанію, какъ въ эротическихъ поэмахъ Анакреона, переведенныхъ Ломоносовымъ и даже Державинымъ, отражались еще жестокость и

грубость, точно такъ-же характеры дѣйствующихъ лицъ еще хранили на себѣ рѣзкіе слѣды стараго быта. Даже тѣ изъ дѣятелей, которые, повидимому, безъ раздѣла предались новому европейскому направленію, для которыхъ Петръ и его реформы были предметомъ восторженнаго поклоненія, и на тѣхъ борьба съ отжившимъ, отверженнымъ или былымъ наложила національную печать. Взгляните на Ломоносова, лучшаго, благороднѣйшаго бойца новаго направленія, достойнаго подражателя Петровскихъ начинаній. Какая могучая сила и вмѣстѣ съ тѣмъ какая жестокость характера, мало еще смягченнаго образованіемъ. Странно звучитъ въ его устахъ нѣжная пѣсня греческаго лирика. Онъ въ своей сферѣ только за химическими опытами, за изслѣдованіемъ законовъ природы и математическими выкладками, туда обращена вся его симпатія, тутъ нуженъ одинъ умъ; поэтъ же онъ по обязанности и только на имя Петра откликается онъ съ поэтическимъ восторгомъ, да негодованіе на поборниковъ безсмысленной обрядности вырываютъ у него нѣсколько ѣдкихъ стиховъ. Всѣ знаютъ изъ разсказовъ Штелина его страшную физическую силу, его неустанную слабость къ вину, его грубыя шалости, циническія перебранки съ литературными врагами. Ломоносовъ—лучшій представитель тѣхъ суровыхъ поколѣній, которыя воспитывались среди шумной работы Петрова преобразованія, которыя были выдвинуты впередъ этимъ хаотическимъ броженіемъ, изъ котораго должна была возникнуть новая Россія“ [9]).

Несмотря на внѣшній, кажущійся лоскъ, и придворные, окружавшіе императрицу, немногимъ отличались отъ Ломоносова. Они такъ-же, какъ и Елизавета Петровна, принадлежали къ суровымъ поколѣніямъ переходной эпохи, а потому, несомнѣнно, производили культурную иллюзію. Культурную иллюзію производили и пажи. Съ одной стороны, они участвовали въ придворныхъ спектакляхъ: „Сего же числа, (Февраля 7, 1752 г.) при дворѣ ея императорскаго величества играны были ея императорскаго величества пажами русскія комедіи, гдѣ допущены были для смотрѣнія только придворные кавалеры, а постороннихъ допущено никого не было“ [10]), сказано въ журналахъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ; а съ другой стороны, они пускались въ непріятныя препирательства съ гофъ-фурьерами. „По опредѣленію придворной конторы къ комиссару Кибасову посланъ указъ и велѣно у камеръ-пажа Ивана Неронова за учиненное имъ при дворѣ Ея Императорскаго Величества командѣ ослушаніе и за предпочтеніе гофъ-

фурьеровъ передъ собою хуже, дабы впредь такихъ непорядковъ при дворѣ Ея Императорскаго Величества происходить не могло и каждый придворный служитель одинъ одного характеръ въ почтеніи имѣлъ, въ штрафъ вычести изъ его, Неронова, жалованія Сентябрской сего 746 года трети за два мѣсяца, считая годовой окладъ его въ сто сорокъ рублевъ, 23 рубля 33½ коп.“ [11]).

Правда, что и наставники пажей, несмотря на свои иностранныя имена, отнюдь не могли быть отнесены къ сливкамъ педагогическаго міра. Одинъ изъ нихъ, бывшій информаторъ (учитель) императора Петра II, будучи назначенъ гофмейстеромъ пажей, обратилъ все свое вниманіе на казенное сукно и на операціи съ нимъ, очевидно, считая, что такое занятіе куда прибыльнѣй занятія съ пажами съ вознагражденіемъ за это гофмейстерскимъ жалованіемъ въ 600 руб. Не долго пришлось ему наслаждаться плодами своей ловкости, вскорѣ г-нъ Соломонъ Зейсманъ былъ уличенъ въ неблаговидныхъ своихъ дѣяніяхъ и удаленъ [12]). Его обязанности поручили исполнять другому учителю пажескому Георгію Носке, представлявшему исключеніе изъ общихъ правилъ. Но не долго пришлось ему возиться съ пажами, всего 3 года. Вскорѣ нашли желательнымъ поручить ему воспитаніе будущаго президента академіи наукъ Кирилла Разумовскаго. Носке, видимо, пользовался настолько прочной репутаціей знающаго человѣка, что его уроками дорожили. Такъ, извѣстный Карлъ Сиверсъ сыгравшій, какъ мы увидимъ далѣе, не малую роль въ судьбахъ пажескаго корпуса, поручилъ ему своего племянника не менѣе извѣстнаго Якова Сиверса, съ которымъ онъ и занимался [13]). О смѣнившихъ Носке—Фрейслебенѣ и Дефолини, до насъ дошли болѣе, чѣмъ скудныя, свѣдѣнія. О Фрейслебенѣ мы знаемъ, что его рекомендовалъ повѣренный резидентъ короля польскаго и курфюрста саксонскаго Пецольдъ. Въ аттестатѣ, данномъ Фрейслебену, сказано, что онъ происходилъ изъ „отъ самодревнѣйшихъ временъ славной и знатной саксонской фамиліи и что его отецъ былъ духовникомъ Августа II короля польскаго, когда онъ еще былъ только курфюрстомъ саксонскимъ“ [14]). О Дефолини,—что съ нимъ придворная контора обращалась болѣе чѣмъ безцеремонно, прямо на Ты, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, вовсе не указываетъ на то, что придворная контора относилась съ неуваженіемъ къ личности Дефолини, а къ званію, которое онъ носилъ—пажескаго учителя-иностранца. Чему учили и какъ воспитывали иностранцы-гофмейстеры и учителя пажей въ царствованіе Елизаветы,

до насъ тоже дошло немного свѣдѣній. Однако мы знаемъ, что наказанія, которыя къ нимъ примѣнялись, отнюдь не могутъ быть названы гуманными. Такъ, въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1752 годъ мы находимъ слѣдующія строки:

„Ея Императорскаго Величества въ придворной конторѣ въ присутствіи оберъ-гофмаршала и гофмаршала собраны всѣ двора Ея Императорскаго Величества камеръ-пажи и пажи, при которыхъ назначено было пажу Петру Аргамакову, который сего Сентября 18 дня во время обѣденнаго кушанія, вышедъ изъ комнаты отъ стола Ея Императорскаго Величества, сказалъ вслухъ, что Ея Императорское Величество соизволило пожаловать гофъ-фурьера Ивана Скобельцина камеръ-фурьеромъ, а того ему Аргамакову объявить было не приказано, и собою онаго безъ приказа чинить не подлежало, за что Ея Императорское Величество соизволила имѣть Высочайшій гнѣвъ.

„За то содерзновеніе ему, Аргамакову, хотя и подлежало учинить наказаніе розгами на кухнѣ; то, что онъ то учинилъ по простотѣ, затѣмъ онаго на кухнѣ наказанія ему не учинено, а чтобы впредь никому изъ апартаментовъ Ея Императорскаго Величества таковыхъ словъ никому выносить было не повадно, велѣно учителю пажескому Ивану Фрейслебену учинить ему Аргамакову наказаніе розгами-жъ, при собраніи пажей въ ихъ квартирѣ, которое и учинено.

Иванъ Фрейслебенъ“ [15]).

Интересно, что сѣченіе на кухнѣ, а также и мытье посуды, производить которое назначались пажи, главнымъ образомъ, нѣмецкаго происхожденія. Эти два наказанія весьма широко примѣнялись къ бранденбургскимъ пажамъ [16]). Оттуда они пожаловали къ намъ.

Мы замѣтили, что о томъ, чему и какъ учили пажей, до насъ дошло немного свѣдѣній. Постараемся восполнить ихъ недостатокъ нѣкоторыми соображеніями, а для этого представимъ себѣ состояніе образованія въ царствованіе императрицы Елизаветы.

Вспомнимъ во-первыхъ, что сама императрица Елизавета могла въ извѣстной степени считаться одною изъ образованныхъ женщинъ своего времени. Она знала нѣсколько языковъ и умѣла прекрасно танцовать и того же требовала отъ окружающихъ [17]). Кромѣ того вспомнимъ, что она дообразовала своего племянника Петра Ѳеодоровича, будущаго императора Петра III, пріѣхавшаго въ Россію съ весьма скуднымъ запасомъ знаній, но зато прошедшаго черезъ всѣ степени

унизительныхъ наказаній, которыя возлагалъ на него Брюммеръ, начиная съ сидѣнія въ своей спальнѣ съ нарисованнымъ осломъ на шеѣ и съ розгою въ рукахъ, и это въ то время, какъ придворные кавалеры обѣдали и въ видѣ развлеченія любовались въ открытую дверь на несчастнаго принца, и кончая сѣченіемъ хлыстомъ [18]).

Въ Россіи его выучили русскому языку и, сверхъ того, поручили академику Штелину обучать „надлежащимъ наукамъ“. „Три года занимался Штелинъ со своимъ ученикомъ. Приноравливаясь къ склонностямъ и вкусамъ ученика, онъ разсматривалъ съ нимъ книги съ картинами, дѣлалъ математическія модели по старымъ монетамъ, разсказывалъ древнюю русскую исторію, а по моделямъ Петра I—новѣйшую, разсматривалъ планъ комнатъ ученика. Когда ученикъ не хотѣлъ сидѣть, учитель ходилъ съ нимъ по комнатѣ, занимая его „полезнымъ разговоромъ“. По сознанію самаго Штелина „первые полъгода во время пребыванія въ Москвѣ прошли болѣе въ приготовленіи къ ученію, чѣмъ въ настоящемъ ученіи“. Въ Петербургѣ ученіе великаго князя „пошло серьезнѣе“, проходили по глобусу математическую географію, изучали исторію сосѣднихъ государствъ, объясняли положеніе „текущихъ государственныхъ дѣлъ“, фортификацію и артиллерію.

„Для узнанія укрѣпленія русскаго государства“ великій князь получилъ отъ фельдцейхмейстера принца Гессенъ-Гомбургскаго большую тайную книгу, подъ названіемъ „Сила Имперіи“, въ которой были изображены всѣ укрѣпленія отъ Риги до китайскихъ границъ, въ планѣ и профиляхъ. По вечерамъ разсматривали различныя книги, особенно же такія, въ которыхъ были поучительныя картины, инструменты, модели изъ кунсткамеры „съ объясненіемъ посредствомъ разговора“.

„Въ своемъ отчетѣ объ учебныхъ занятіяхъ“ хвастливый Штелинъ не удовольствовался цѣлою таблицею съ номенклатурой различныхъ предметовъ, пройденныхъ съ великимъ княземъ, и прибавилъ указанія, по которымъ легко судить, какъ изучались предметы. Вотъ выдержка изъ этихъ указаній: „Старались извлечь пользу изъ каждаго случая, какъ напримѣръ, на охотѣ просматривали книги объ охотѣ съ картинками; при плафонахъ объяснены миѳологическія метаморфозы, при кукольныхъ машинахъ объясненъ механизмъ и всѣ уловки фокусниковъ; при пожарѣ показаны всѣ орудія и ихъ композиція; при министерскихъ аудіенціяхъ объяснено церемоніальное право дворовъ;

на прогулкѣ по городу показано устройство полиціи, въ особенности, пожарной".

Въ угожденіе вкусамъ Елизаветы Петровны, великаго князя мучили танцами. „Сама Императрица, говоритъ Штелинъ, была отличная и прекрасная танцовщица изъ всего двора. Всѣ старались хорошо танцовать, поэтому и принцъ долженъ былъ выправлять свои ноги, хотя онъ и не имѣлъ къ тому охоты. Четыре дня въ недѣлю мучилъ его Лоде, и если онъ послѣ обѣда являлся со своимъ скрипачемъ Гайя, то его высочество долженъ былъ бросить все и итти танцовать. Это доходило до балетовъ. Принцъ долженъ былъ съ фрейлинами танцовать на маскарадахъ" [19]).

Съ перваго взгляда, можетъ казаться, что образованіе великаго князя велось безъ всякаго смысла, однако, если вглядѣться пристальнѣе въ программу, которую заставлялъ проходить Петра Ѳеодоровича академикъ Штелинъ, легко замѣтить, что она отражала вполнѣ на себѣ взгляды на обученіе, которые тогда господствовали въ Европѣ и въ Россіи. Цивилизація, какъ мы ее понимаемъ теперь, только зарождалась тогда въ Европѣ; гражданская служба, хотя и отдѣлялась отъ военной, но еще не настолько рѣзко, чтобы требовать особой подготовки, скорѣе такой спеціальной подготовки требовала военная служба, которая считалась по преимуществу благородной. Такое ея значеніе дѣлало то, что все дворянство, т. е. правящіе классы стремились въ ряды арміи, но уже къ этому времени выяснилось, что тѣхъ знаній, которыя молодые люди, въ качествѣ пажей, получали въ домахъ рыцарей недостаточно, что надо завести какъ бы спеціальныя учебныя заведенія, гдѣ знатоки дѣла могли бы посвятить себя исключительно обученію подростающихъ поколѣній военному искусству. Такими учебными заведеніями явились такъ называемыя рыцарскія „академіи", первоначально возникшія въ Италіи. Въ нихъ въ первое время ихъ существованія обучали только верховой ѣздѣ и умѣнію владѣть пикой, но по мѣрѣ того, какъ развивалось военное дѣло, такого умѣнія оказывалось слишкомъ мало [20]).

Изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія вынудило обратить серьезное вниманіе на фортификаціонныя сооруженія, а слѣдовательно, и на самую фортификацію, какъ науку, изучающую ихъ. Но, такъ какъ фортификація не можетъ быть изучена безъ знанія геометріи и тригонометріи, то пришлось и эти науки ввести въ „рыцарской академіи". Когда же шпага придворнаго замѣнила пику рыцаря, то къ

только-что названнымъ занятіямъ присоединили и фехтованіе. Почему не вводилась артиллерія, станетъ совершенно понятнымъ, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что стрѣлять, управлять орудіемъ приходилось далеко не каждому, для этого съ самаго начала появленія артиллеріи, существовали спеціалисты, необходимость же оборонять укрѣпленіе или брать его, могла выпасть на долю каждаго офицера а потому и считали нужнымъ, по возможности — всякаго изъ нихъ познакомить съ элементами фортификаціи.

Но въ то время, какъ итальянцы и нѣмцы рѣшали вопросъ подготовки офицеровъ при помощи академій, французы рѣшили его при помощи кадетскихъ ротъ, сначала входившихъ въ составъ полковъ, а потомъ выдѣленныхъ изъ нихъ, соединенныхъ вмѣстѣ и расположенныхъ въ опредѣленныхъ для ихъ мѣстопребыванія городахъ. Но въ этихъ ротахъ приблизительно обучали или, вѣрнѣе, пытались обучать тому-же, что и въ академіяхъ. Названіе это переняли у французовъ нѣмцы, въ то время, когда они многое перенимали у своихъ сосѣдей. Переняли они и основную идею и въ 1717 году учредили въ Берлинѣ роту, которая черезъ нѣсколько времени превратилась въ кадетскій баталіонъ, еще черезъ нѣсколько времени кадетскій баталіонъ превратился въ кадетскій корпусъ, который поглотилъ существовавшія до тѣхъ поръ рыцарскія академіи. Вначалѣ въ этой ротѣ преподавалось только чтеніе, письмо, французскій и нѣмецкій яз., фехтованіе, вольтижировка и танцы; ко времени основанія у насъ, по образцу берлинскаго кадетскаго корпуса, шляхетскаго кадетскаго корпуса—программа перваго была расширена; въ немъ уже преподавали ариѳметику, элементы географіи и фортификаціи, причемъ сообщались и нужныя для пониманія послѣдней математическія свѣдѣнія [21]).

Совершенно правъ историкъ берлинскаго кадетскаго корпуса, говоря, что французскія кадетскія роты, только въ томъ смыслѣ могутъ считаться родоначальницами нѣмецкихъ кадетскихъ корпусовъ, что послѣднія воспользовались ихъ названіемъ и основною идеею, вся же организація ихъ, какъ въ учебномъ, такъ и въ строевомъ отношеніи, есть дѣло нѣмецкихъ рукъ [22]).

Что же касается нашего шляхетскаго корпуса, то онъ былъ устроенъ по образцу нѣмецкаго. Съ устройствомъ его ознакомился еще Ягужинскій въ царствованіе Петра [23]). Вызвалъ же его къ жизни, какъ мы знаемъ, Минихъ. Позже, на первыхъ порахъ его дѣятельности выяснилось, что устроители не знали еще—какой характеръ намѣре-

ваются они придать вновь созданному учебному заведенію: корпуса или замиравшихъ рыцарскихъ академій. Выяснилось и другое, что въ учебномъ планѣ скажется національный характеръ — русская ширь или то, что носитъ современное названіе многопредметности, въ этомъ отношеніи онъ не мало походилъ на умершую, едва зародившись, Академію, основанную Ришелье еще въ XVI в. [24]).

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что эта многопредметность вызывалась и другою потребностью—создать заведеніе, которое могло бы подготовлять, какъ къ военной, такъ и къ гражданской службѣ.

И дѣйствительно, корпусъ раздѣлялся на 4 класса. Въ четвертомъ или низшемъ кадеты обучались русскому и латинскому языкамъ, чистописанію и ариѳметикѣ. Въ третьемъ классѣ—геометріи, географіи и грамматикѣ, во второмъ—фортификаціи, артиллеріи, исторіи, правильному въ письмѣ складу и стилю, риторикѣ, юриспруденціи, морали, геральдикѣ и прочимъ воинскимъ и политическимъ наукамъ. Въ первомъ классѣ обучались далѣе тѣмъ наукамъ, къ которымъ въ прежнихъ классахъ болѣе „склонности, прилежанія и понятія показали“; переводились въ этотъ классъ и выпускались изъ него военными и гражданскими чинами послѣ строгаго экзамена. Русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ кадеты обучались во всѣхъ классахъ, также и латинскому по охотѣ [25]).

Итакъ, къ тому времени, какъ стали обучать великаго князя въ Россіи, на Западѣ того, что теперь называется спеціальнымъ военнымъ образованіемъ, почти не существовало: оно выражалось въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по фортификаціи и въ связанной съ нею неразрывно математикѣ. Мѣсто его замѣняло военное воспитаніе, сводившееся, главнымъ образомъ, къ пріобрѣтенію практическихъ навыковъ, но не въ полкахъ, а въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Однимъ изъ средствъ воспитать внѣшнимъ образомъ молодого воина, полировать его, считали танцы, которые, не говоря уже о Франціи, играли не малую роль и въ Германіи. У насъ въ Россіи дѣло обстояло приблизительно такъ-же, съ тою только разницей, что учрежденіемъ шляхетскаго корпуса мы пытались создать заведеніе, которое давало бы то небольшое спеціально-военное образованіе, которое получали молодые люди въ Европѣ, сверхъ того, воспитало бы ихъ въ военномъ духѣ, сообщая извѣстные навыки, и, наконецъ, позволило бы имъ получить то, что мы называемъ общимъ образованіемъ, которое такъ нужно для гражданской службы.

Слѣдовательно, мы можемъ притти къ заключенію, что великому князю, по тогдашнимъ русскимъ понятіямъ, давали образцовое образованіе. Его учили фортификаціи, подъ которой подразумѣвались и свѣдѣнія изъ математики, т. е. онъ получалъ спеціально-военное образованіе, а затѣмъ въ легкой формѣ знакомили его со всѣми науками, которыя полагалось знать образованному человѣку, причемъ нельзя не замѣтить, что методъ академика Штелина въ основѣ былъ правильный, но только примѣнялся имъ уродливо, онъ всѣми силами старался возбудить интересъ въ своемъ питомцѣ, такъ сказать, использовать какъ можно полнѣе законъ интереса и этимъ вызвать его къ самодѣятельности. Кромѣ того онъ, старался связать эти знанія, ассоціируя ихъ съ внѣшними впечатлѣніями, которыя въ тотъ или другой моментъ получалъ великій князь.

Въ миніатюрѣ всѣ дворяне, воспитывавшіе своихъ дѣтей дома и не отдававшіе ихъ въ кадетскій корпусъ, старались своимъ дѣтямъ доставить возможность въ лицѣ какого-нибудь гувернера или гувернантки получить руководителя въ родѣ академика Штелина, который, какъ и они, не могъ похвастаться тѣмъ, что былъ спеціалистомъ того дѣла, за которое взялся. „Саксонецъ по рожденію, выписанный въ 1735 году въ академію, Штелинъ состоялъ въ ней ординарнымъ профессоромъ элоквенціи и поэзіи. По требованію слѣдственной объ академіи наукъ комиссіи онъ представилъ подробный перечень своихъ трудовъ, ярко рисующій и Штелина и академію того времени. За что только не брался и чего только ни дѣлалъ саксонецъ академикъ! Въ академической аудиторіи онъ читалъ русскимъ и нѣмецкимъ студентамъ публичныя лекціи (publica): литературную исторію, о элоквенціи и ораторіи, реторику, о правахъ естественныхъ, критику, нравоучительную науку; приватно жъ (privata) училъ нѣмецкому штилю, первымъ началамъ собранной философіи Готштеда, сокращенной Вольфовой логикѣ и прочее. По порученію академіи сочинялъ поздравительные вирши на всякіе случаи—на новый годъ и коронацію, на дни рожденія, побѣды, мирныя заключенія, издавалъ описаніе иллюминацій и фейерверковъ, составлялъ виньетки къ книгамъ и ландкартамъ, работалъ въ кунсткамерѣ, приводилъ въ порядокъ библіотеку и т. п. По требованію двора выдумывалъ медали на побѣды надъ татарами, на смерть Анны Ивановны и на восшествіе Елизаветы Петровны, описалъ катафалкъ въ крѣпостной церкви при погребеніи Анны Ивановны, переводилъ комедіи и интермедіи съ итальянскаго на нѣмецкій,

переводилъ, отчасти простымъ штилемъ, а отчасти виршами, итальянскія оперы, описывалъ картины въ Петергофѣ, велъ придворный журналъ, устраивалъ оперный залъ въ Москвѣ, управлялъ музыкантскимъ хоромъ, сочинялъ эмблемы къ фейерверку и т. п.“ [26]).

Таковъ былъ академикъ Штелинъ; Екатерина признавала въ немъ не столько наставника, сколько „шута гороховаго“. Въ извѣстной степени она была права. Онъ, дѣйствительно, какъ педагогъ былъ шутомъ гороховымъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ, за которое взялся и только случайно примѣнявшаго вѣрный методъ, да и то такъ уродливо, что въ его примѣненіи онъ не приносилъ никакой пользы. Съ этой же точки зрѣнія и дворянскіе наставники и наставницы, начинавшіе появляться въ Россіи въ качествѣ самозванныхъ педагоговъ, тоже были больше шутами гороховыми, чѣмъ наставниками. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, на вопросъ — что такое прилагательное, отвѣтилъ не задумываясь—это, должно быть, какія-нибудь выдумки нашихъ академиковъ. Когда я уѣзжалъ изъ моего отечества, объ этомъ что-то не было слышно! Другой заставлялъ своего ученика учить наизусть выдержки изъ французскаго академическаго словаря, третій пичкалъ своего питомца Вольтеромъ, Расиномъ, Буало и Корнелемъ, такъ, что къ 12 годамъ онъ былъ основательно знакомъ съ названными авторами, но и только. „Можно считать, что Россія,“ писалъ впослѣдствіи одинъ изъ воспитанниковъ случайнаго педагога только-что описаннаго типа: „единственная страна въ мірѣ, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ своего собственнаго языка и всего того, что относится до родины. „Лица, въ Петербургѣ и Москвѣ, считающія себя просвѣщенными, заботятся о томъ, чтобы ихъ дѣти выучились по французски и для этого окружаютъ ихъ иностранцами, съ большими тратами для себя приглашаютъ къ нимъ учителей танцевъ и музыки, но совсѣмъ не прилагаютъ никакихъ стараній для того, чтобы они выучились бы родному языку. Такимъ образомъ, это блестящее воспитаніе, притомъ весьма дорого стоящее, ведетъ къ полному незнанію своей собственной страны, къ индиферентизму относительно ея и даже, можетъ быть, и къ презрѣнію къ ней“ [27]).

Но съ этими недостатками ничего нельзя было подѣлать, они были логическими послѣдствіями вступившаго въ свои права подражательнаго процесса, охватившаго, однако, какъ свидѣтельствуетъ и авторъ приведенныхъ передъ этимъ строкъ, только высшіе слои

общества, столичное дворянство и неуспѣвшаго еще спуститься въ средніе и низшіе его слои—въ провинціальное дворянство.

Итакъ, послѣ всего сказаннаго, что мы можемъ отвѣтить на вопросъ чему обучались пажи?

Намъ кажется, мы будемъ недалеки отъ истины, если скажемъ, что прежде всего иностраннымъ языкамъ, вѣроятно, фортификаціи и математикѣ, фехтованію, верховой ѣздѣ, танцамъ и, по примѣру кадетъ шляхетскаго корпуса, драматическому искусству. Велось преподаваніе этихъ предметовъ, конечно, черезъ пень въ колоду, программъ, конечно, никакихъ не было, сами предметы, то появлялись въ програмѣ, то исчезали изъ нея. За спеціалистами, понятно, не гнались. Кто объявлялъ себя учителемъ, тѣмъ и дорожили и поручали учить нѣсколькимъ предметамъ заразъ. Но главнымъ занятіемъ пажей, несомнѣнно, было отправленіе придворныхъ служебныхъ обязанностей, а затѣмъ и танцы, такъ какъ въ эту эпоху, по мѣткому выраженію историка Забѣлина, главнымъ наставникомъ Россіи былъ не кто иной, какъ балетмейстеръ Ланде, и его руководства, прямого или косвеннаго рѣдко кому изъ молодыхъ столичныхъ дворянъ, а, въ особенности, такъ или иначе соприкасавшихся со дворомъ, удавалось миновать [28]).

Такой выводъ подтверждаютъ и нѣкоторые дошедшіе до насъ документы. Когда на мѣсто учителя Носке опредѣленъ былъ въ 1745 году 5 Іюня по контракту на два года педагогъ Яганъ-Фридрихъ Фрейслебенъ, ему, какъ ранѣе и Носке было повелѣно „по достаточному его знанію“ учить камеръ-пажей и пажей: французскому языку, нѣмецкому, географіи и ариѳметикѣ. Кромѣ того, подъ его росписку ему выдали казенныя книги и другіе инструменты и даже дана особая инструкція, одобренная императрицей и учившая, какъ надо поступать съ камеръ-пажами и пажами. Инструкція эта не дошла до насъ.

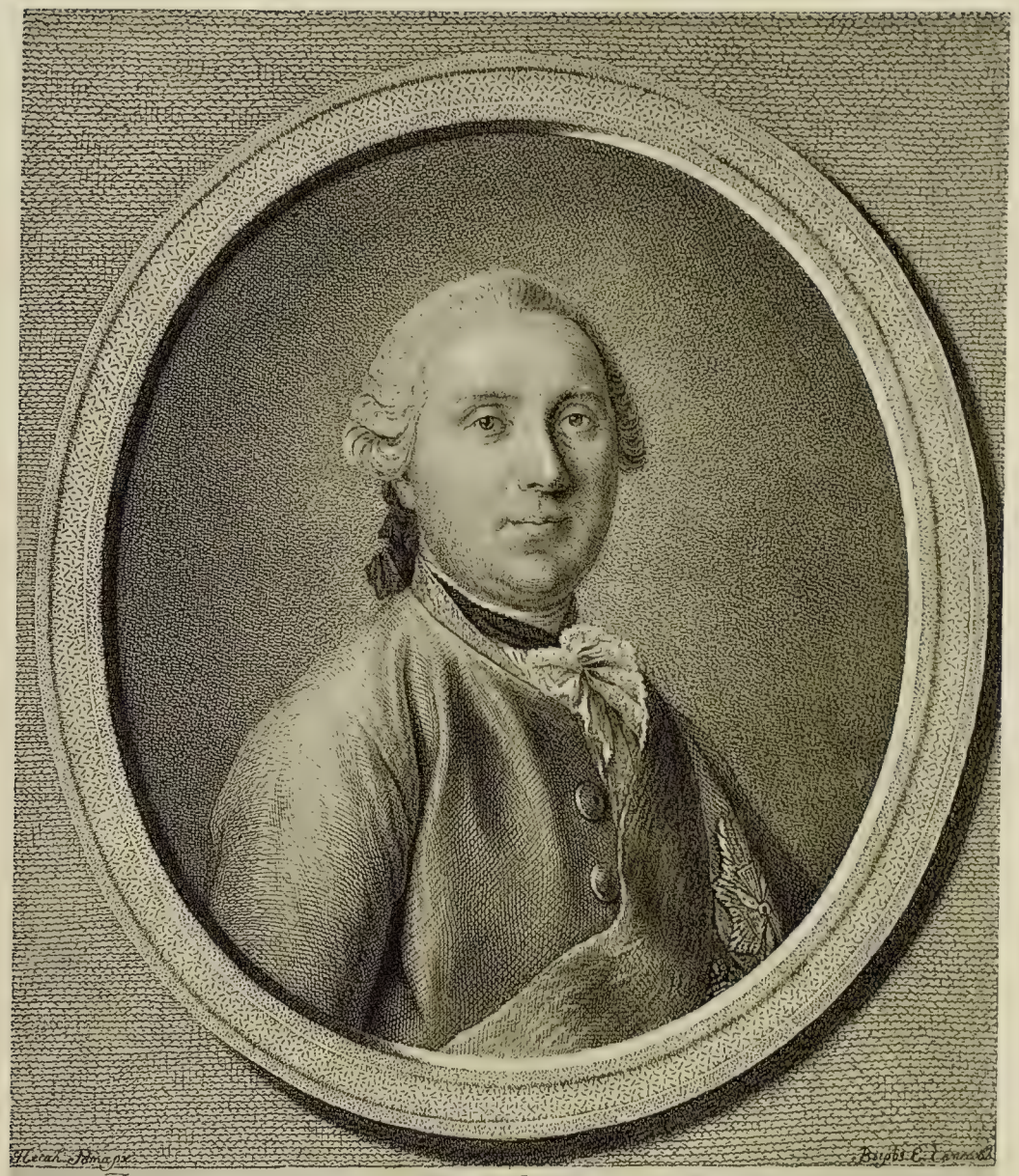
Указомъ 17 Іюня 1743 года повелѣно было камеръ-пажамъ и пажамъ и прочимъ придворнымъ служителямъ учиться неотмѣнно верховой ѣздѣ въ манежѣ конюшеннаго вѣдомства, но такъ какъ камеръ-пажи и пажи уклонялись отъ исполненія этого указа, то онъ былъ повторенъ черезъ 4 года съ прибавленіемъ угрозы оштрафованія за ослушаніе. Въ 1748 году 26 Января, опредѣленъ танцовальщикъ двора Михаилъ Литровъ къ обученію танцамъ фрейлинъ, камеръ-пажей и пажей. Объ этомъ пажамъ и камеръ-пажамъ объявлялось подпискою,“ а учителю ихъ Фрейслебену данъ ордеръ принуждать ихъ учиться танцамъ“ [29]).

Заботились и о малолѣтнихъ, которыхъ набралось сверхъ комплекта не малое количество, что, конечно, объясненій не требуетъ. Эти малыши, которые не могли ни нести придворной службы, ни учиться у учителя пажей и не имѣли лицъ, которыя могли бы заняться ихъ образованіемъ и воспитаніемъ, обратили на себя вниманіе императрицы и она повелѣла ихъ отдавать разнымъ лицамъ. Такъ, именнымъ указомъ 23 Іюня 1744 года пажи Будаковы (въ другихъ мѣстахъ Бутаковы), дѣти бывшаго камеръ-юнкера Елизаветы Петровны, когда она еще была великой княжной, отданы были для обученія нѣмецкому языку пастору шляхетскаго кадетскаго корпуса, съ платою помѣсячно изъ ихъ жалованья за обученіе и пищу, такъ-какъ пажескій учитель находился въ Москвѣ, а Бутаковы, по малолѣтству, были оставлены въ Петербургѣ.

Это стремленіе заботиться о малолѣтнихъ внушило мысль воспользоваться уже существовавшими при дворѣ придворными пансіонами въ видѣ пѣвческаго для придворныхъ пѣвчихъ и калмыцкаго для привозимыхъ къ двору калмычковъ, предназначавшихся въ придворные служителя. Въ эти начальные пансіоны отдавались и малолѣтніе пажи и тамъ подготовлялись для поступленія въ пажескую школу. Такъ, у французскаго учителя Ритгарда въ началѣ 1759 года были въ наукѣ и смотрѣніи два малолѣтнихъ пѣвчихъ и пажъ Пантелеймонъ Печеринъ, у Дмитрія Демьяновича Смаилова, состоявшаго съ 1755 г. въ мундшенкскихъ помощникахъ, а съ 1760 г. камердинеромъ великаго князя Павла Петровича—жили въ смотрѣніи нѣсколько калмычковъ и среди нихъ пажъ-калмычекъ Петръ Ивановичъ Черкасовъ. Оба эти пажа оставались въ пансіонахъ до открытія настоящаго корпуса [30]).

Всѣ эти данныя указываютъ на удивительную патріархальность существовавшихъ тогда отношеній и еще лишній разъ подтверждаютъ, что, принявъ внѣшній блестящій видъ, дворъ скрывалъ внутри далеко не установившіяся отношенія, гдѣ нынѣшній воспитатель калмычковъ и завтрашній камердинеръ опекаетъ пажей въ ожиданіи, что этотъ пажъ подростетъ и тогда поступитъ въ придворное учебное заведеніе.

Такъ неопредѣленно, безпорядочно и произвольно шло дѣло обученія и подготовки пажей къ жизни и къ служебной дѣятельности до 1759 года. Сказать точно, къ чему ихъ готовили, весьма трудно, но все-таки большинство шло въ военную службу, причемъ, повидимому, не существовало никакихъ установившихся правилъ для выпуска въ офицеры.



Augustissimae omnium Rossiarum IMPERATRICIS Supremus Aulae Praefectus, vices summi belli ducis gerens, actualis sacri cubiculi Clauiger, variorum equestrium ordinium Eques, sacri Romani Imperii Comes Carolus de Sievers.

Графъ К. Е. СИВЕРСЪ

„1-ое ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ"

До насъ дошли документы со списками пажей, въ заголовкѣ которыхъ сказано: просятся въ выпускъ и противъ каждой фамиліи указано куда именно. У фамилій тѣхъ, которыхъ императрица считала достойными полученія офицерскихъ эполетъ, она ставила крестъ и затѣмъ подписывала списокъ [31]).

Въ 1759 году произошелъ крутой переломъ въ жизни корпуса.

За два года передъ тѣмъ, а именно 21 Сентября 1757 года [32]) гофмаршаломъ Высочайшаго двора былъ назначенъ Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ, впослѣдствіи графъ. Интересна судьба этого человѣка. Она носитъ на себѣ отпечатокъ той сказочности, которою отличается судьба многихъ дѣятелей XVIII столѣтія.

„Въ Везенбергскомъ уѣздѣ жилъ въ царствованіе Елизаветы Петровны нѣкій ландратъ баронъ фонъ Тизенгаузенъ, который имѣлъ тамъ до 8 помѣстій и походилъ на маленькаго владѣтельнаго князя. У него то и начали свое служебное поприще два сына капитана Сиверса. Старшій, носившій съ отцомъ одно имя (Іохимъ, Іоаннъ), занималъ мѣсто управляющаго, а младшій—Карлъ, сдѣлался камердинеромъ ландрата. Одинъ современникъ и почитатель Сиверсовъ, упоминая въ запискахъ объ этомъ періодѣ ихъ жизни, замѣчаетъ, что оба брата были въ большой милости у ландрата и что Карлъ пользовался многими преимуществами передъ другими слугами, напримѣръ, онъ не носилъ ливреи и одѣвался въ нѣмецкое платье по собственному вкусу“. Но это расположеніе къ младшему брату тотчасъ миновалось, какъ скоро онъ попросился въ отставку; надобно замѣтить, что почтенный баронъ очень не любилъ, если кто самъ оставлялъ его службу и устраивалъ свою судьбу помимо его баронской протекціи.

Карлъ Сиверсъ, ловкій статный юноша, отправился искать счастья въ Петербургъ, который служилъ обѣтованнымъ городомъ для молодыхъ нѣмцевъ, ищущихъ случая составить себѣ карьеру. Здѣсь онъ нашелъ пріютъ въ какомъ-то домѣ, куда приходила иногда повеселиться прислуга принцессы Елизаветы. Сиверсъ владѣлъ кое-какъ скрипкой и охотно игралъ танцы для своихъ новыхъ знакомцевъ. Его наружность и услужливость возбудили живое участіе въ горничныхъ Елизаветы: своими похвалами онѣ успѣли заинтересовать въ его пользу и самую принцессу. Елизавета взяла его въ свою службу сначала въ качествѣ форрейтора, а потомъ буфетчика. Убѣдившись въ его скромности и расторопности, она возложила на него важное порученіе:

съѣздить въ Эстляндію и тайкомъ занять для нея денегъ у богатыхъ помѣщиковъ. Неизвѣстно, съ какимъ успѣхомъ молодой человѣкъ выполнилъ свое порученіе. Между прочимъ, онъ отнесся къ барону Тизенгаузену, но послѣдній изъ робости уклонился отъ сношеній съ принцессой. Вскорѣ потомъ въ Петербургѣ произошелъ переворотъ 25 Ноября 1741 г. Брауншвейгская фамилія была арестована и Елизавета вступила на престолъ. Разумѣется, между лицами, получившими награды, Карлъ Сиверсъ занималъ не послѣднее мѣсто. 5 Февраля 1742 года [33]) онъ былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ къ великому князю Петру Ѳеодоровичу и въ томъ же году былъ посланъ къ берлинскому двору для передачи Фридриху II андреевской звѣзды; вмѣстѣ ему поручено было узнать покороче Ангальтъ-Цербстскую принцессу и привезти ея портретъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправленъ былъ въ Эстляндію и Лифляндію для торжественнаго объявленія Абовскаго мира. Когда впослѣдствіи, въ 1544 году, Екатерина съ матерью въ первый разъ подъѣзжали къ Москвѣ, гдѣ должны были встрѣтиться съ императрицею, въ 3 верстахъ отъ первопрестольной встрѣтилъ ихъ камеръ-юнкеръ Сиверсъ [34]). Черезъ годъ Карлъ Ефимовичъ женился. Бракъ этотъ праздновался при дворѣ обѣдами, балами и французскимъ спектаклемъ. Наслѣдникъ престола и его супруга занимали на свадьбѣ мѣсто посаженыхъ отца и матери. Въ томъ же году курфюрстъ саксонскій, бывшій тогда викаріемъ Германской Имперіи, пожаловалъ Карла Сиверса баронскимъ титуломъ. Въ 1751 году Карлъ получилъ достоинство камергера, а въ слѣдующемъ году лифляндское дворянство записало въ свои члены фамилію Сиверсовъ и, конечно, въ томъ числѣ и Карла Ефимовича. Когда родился Павелъ Петровичъ, Сиверса отправили въ Вѣну, чтобы пригласить императора и императрицу быть воспріемниками новорожденнаго. Петербургскіе и вѣнскіе дворы находились тогда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Сиверсу, кромѣ того, поручено было завести переговоры о тѣсномъ союзѣ съ разными европейскими дворами противъ Фридриха II. Послѣ Вѣны Карлъ посѣтилъ Неаполь, Римъ, Парижъ, Голландію, Ганноверъ и въ августѣ 1755 года возвратился въ Петербургъ [35]). Черезъ два года, какъ мы уже замѣтили, онъ былъ назначенъ гофмаршаломъ, а еще черезъ два занялся пажами, ихъ образованіемъ и воспитаніемъ, что ему въ качествѣ гофмаршала, ближайшаго помощника оберъ-гофмаршала, по смыслу инструкціи Анны Іоанновны, и надлежало дѣлать. Баронъ Сиверсъ, идя на встрѣчу желанія императрицы, чтобы ея дворъ, по возмож-

ности, ближе походилъ на законодателя придворной жизни Европы—Версальскій дворъ, выписалъ изъ Франціи нѣкоего барона Шуди, который Высочайшимъ указомъ, даннымъ 30 Сентября 1759 года придворной конторѣ, пожалованъ гофмейстеромъ пажей съ жалованьемъ въ 600 рублей, съ квартирой и столомъ. Прежнему гофмейстеру, извѣстному намъ Дефолини, съ которымъ такъ непочтительно обращались при дворѣ, посылая ему бумаги, носившія отпечатокъ черезъчуръ патріархальныхъ отношеній, гдѣ общепринятое въ такихъ случаяхъ слово Вы было замѣнено словомъ Ты,—дали абшидъ.

Баронъ тотчасъ же по принесеніи присяги принялся за составленіе докладной записки, въ которой онъ выразилъ свой взглядъ на воспитаніе и образованіе. Эту докладную записку Шуди назвалъ меморіаломъ. Чѣмъ то свѣжимъ, хорошимъ и бодрымъ вѣетъ отъ этого меморіала. Въ немъ столько вѣры въ лучшую сторону юношеской природы, въ чуткость ея къ воздѣйствію добрымъ словомъ, что какъто странно звучитъ этотъ одинокій голосъ среди другихъ, стоявшихъ за сѣченіе на кухнѣ и другіе насильственныя исправительныя мѣры, и прозвучалъ онъ тогда, когда во Франціи еще не раздавался призывной кликъ Руссо. Только въ 1762 г. появился „Эмиль“, въ которомъ Руссо со свойственной ему страстностью призывалъ къ реформѣ воспитанія. Но зато баронъ, вѣроятно, былъ знакомъ съ „мыслями о воспитаніи“ скончавшагося еще въ 1704 году Джона Локка, этого удивительнаго „дѣдушки по неволѣ“ атеизма и матеріализма. Правда, Локкъ былъ авторомъ „опыта изслѣдованія человѣческаго разума“, но въ то же время и авторомъ сочиненія „о разумности христіанства“, въ которомъ вполнѣ искренно доказывалъ, что христіанская религія, очищенная отъ всякихъ позднѣйшихъ примѣсей, есть самое разумное ученіе о нравственности [36]).

Вообще въ Англіи, а по ея слѣдамъ и во Франціи, уже носились въ это время идеи о воспитаніи, которыя Руссо [37]) облекъ въ столь увлекательную форму и согрѣлъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Носились эти идеи и въ средней Европѣ, гдѣ „Коперникъ педагогіи“ — Амосъ Коменскій проводилъ ихъ въ жизнь и проповѣдывалъ въ своихъ сочиненіяхъ. И идеи Локка, и идеи Коменскаго, а такъ-же, какъ Янсенистовъ, такъ или иначе достигали парижскихъ салоновъ и обсуждались тамъ. Очевидно, прислушался къ нимъ и баронъ Шуди, а затѣмъ при представившемся удобномъ случаѣ изложилъ въ своемъ меморіалѣ. Первымъ условіемъ, при которомъ, по мнѣнію барона, можно

правильно вести воспитаніе заключается въ пріобрѣтеніи воспитателемъ довѣрія воспитываемыхъ. Между тѣми и другими должны существовать дружескія отношенія.

Шуди говоритъ: „что его наставленія пажи будутъ принимать добровольно, такъ какъ онъ будетъ стараться быть пріятнымъ и получить довѣренность молодыхъ людей“.

Въ этомъ отношеніи Шуди расходился съ Локкомъ, который находилъ желательнымъ съ ранняго возраста подчинить волю воспитываемаго, а затѣмъ уже, когда тотъ достигнетъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, перейти съ нимъ на дружескую ногу. Въ немъ, въ данномъ случаѣ, проглядываетъ оптимистъ Руссо, говорившій, что все выходитъ прекраснымъ изъ рукъ Творца и что вся задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы подслушать природу, а для того, чтобы получить эту возможность, надо поставить себя въ такія условія, при которыхъ было бы удобно производить нужныя наблюденія. А что въ этихъ цѣляхъ можетъ быть удобнѣе положенія, при которомъ воспитанникъ любитъ своего наставника и довѣряетъ ему?

Конечно, трудно сказать, почему баронъ высказался именно въ этомъ смыслѣ, потому ли, что онъ, дѣйствительно, думалъ, что такой способъ дѣйствія наилучшій въ примѣненіи къ какимъ-угодно возрастамъ, или потому, что, предполагая имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ великовозрастными юношами, онъ желалъ подчеркнуть то обстоятельство, что задаваться цѣлью предварительно покорить ихъ волю поздно и ни къ чему не приведетъ, такъ какъ такое обращеніе они истолкуютъ, какъ продолженіе хорошо имъ знакомой воспитательной системы, главнымъ пріемомъ которой являлось сѣченіе на кухнѣ, и конечно, своихъ душъ не откроютъ.

Какъ второй основной принципъ своей теоріи воспитанія Шуди выдвигаетъ такое положеніе. Всѣ воспитывающіеся должны быть равны между собою, дабы „всѣ тѣ господа пажи, несмотря ни на кого одинъ передъ другимъ ни зависти, ни преимущества не имѣлъ“. И называя это равенство „матерью премудрости“ настаиваетъ на томъ, „чтобы общее жительство всѣхъ сихъ господъ пажей соединить могло“. Въ только-что приведенномъ педагогическомъ положеніи, повидимому, сказывается отголосокъ теоріи естественнаго права, двадцать пять вѣковъ оспаривавшей первенство у теоріи исторической школы права. „Первая изъ названныхъ теорій неустанно въ разныхъ формахъ утверждала, что существуетъ право вѣчное, безусловное, общее всѣмъ народамъ,

воплощающее неизмѣнныя требованія абсолютной справедливости. Вторая теорія утверждала, что право, какъ продуктъ народной жизни, какъ одна изъ ея сторонъ — подобно языку, нравамъ, обычаямъ, искусству и т. д. непрерывно измѣняется съ поступательнымъ ходомъ культуры, вырабатывая самые разнообразные принципы въ зависимости отъ измѣненія условій жизни, характера даннаго народа [38]), если въ теченіе 25 вѣковъ существованія философіи права споръ между двумя школами велся большею частью среди ученыхъ и въ него посвящались немногіе любители отвлеченнаго мышленія, за то бывали времена, когда результаты его дѣлались достояніемъ большинства и это большинство хватало на лету наиболѣе понятныя положенія одной изъ сторонъ, воспринимало ихъ болѣе чувствомъ, чѣмъ умомъ и носилось съ ними, какъ съ какимъ то завѣтнымъ откровеніемъ.

Во Франціи для естественнаго права, такимъ именно временемъ было XVIII столѣтіе. Въ первую половину его оно постепенно проникало въ массу, какъ наилучшій и убѣдительный аргументъ противъ феодальнаго права, по сути своей насильственнаго, а потому и искусственнаго и неестественнаго. Во вторую,—оно было у всѣхъ на устахъ, а многихъ побуждало къ дѣятельному протесту, а въ концѣ столѣтія, въ связи съ многими другими причинами, вызвало взрывъ, извѣстный подъ именемъ французской революціи.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Шуди такъ или иначе былъ знакомъ съ главнѣйшими положеніями излюбленной его современниками теоріи и постарался воспользоваться ими въ педагогическихъ цѣляхъ. Всѣ родятся равными, а потому всѣ равны—гласитъ естественное право. Всѣ воспитывающіеся должны быть равны между собой, утверждаетъ Шуди, тогда только воспитаніе можетъ принести плоды. Для того же, чтобы можно было поддерживать это естественное равенство, надо воспитываемыхъ поставить въ одинаковыя условія и, слѣдовательно, не позволять однимъ жить у себя дома, а другимъ при дворѣ. Надо всѣхъ соединить въ одномъ общемъ интернатѣ, необходимо это, кромѣ того, какъ въ видахъ лучшаго воспитательнаго воздѣйствія, т. е. по тогдашнимъ понятіямъ, главнымъ образомъ, надзора, такъ и въ видахъ исправнаго отправленія придворной службы.

Слѣдовательно, и теоретическо-педагогическія соображенія, и служебныя требовали поселенія пажей всѣхъ вмѣстѣ и подчиненія ихъ общему всѣмъ режиму.

Такимъ мѣстомъ, гдѣ пажи могли быть поселены, представлялся для Шуди домъ адмирала Крюйса. Тамъ уже нѣкоторые изъ нихъ жили и сверхъ того имѣлись не занятыя комнаты.

Въ случаѣ принятія его предложенія, Шуди предполагалъ урегулировать отпускъ пажей и, чтобы не подвергать ихъ соблазну самовольно отлучаться, просилъ даже уничтожить въ Крюйсовомъ домѣ одну изъ двухъ лѣстницъ и оставить одинъ только выходъ.

Установивъ основныя принципы и высказавъ предварительныя соображенія, баронъ выясняетъ, въ чемъ состоитъ задача воспитанія.

На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ такъ: задача воспитанія состоитъ въ попеченіи о дарахъ духа, нрава и корпуса.

Подъ попеченіемъ о дарахъ духа Шуди понимаетъ умственное образованіе, которое, по его мнѣнію, сводится къ развитію разума и памяти, что достигается изученіемъ извѣстныхъ наукъ. И развитіе разума, и развитіе памяти при помощи усвоенія тѣхъ или другихъ наукъ, имѣютъ, конечно, цѣлью выработать дѣятелей способныхъ, какъ къ гражданской службѣ, такъ и къ военной.

Но чтобы достичь такой цѣли, надо, говоритъ Шуди, выбрать науки „не педагогическія, не сухія, которыя до школъ касаются“, но такія, которыя даютъ вѣрныя понятія обо всемъ, что имѣетъ прямое приложеніе къ жизни военнаго человѣка и мирнаго гражданина.

Итакъ, школа, по мнѣнію французскаго барона, должна преслѣдовать чисто утилитарныя цѣли: она должна не только подготовлять къ жизни, но и даже приспособляться къ ней, слѣдить за ея требованіями въ сферѣ гражданской и военной и сообразно съ этимъ видоизмѣнять свои учебные планы.

Ставъ на эту точку зрѣнія, Шуди и раздѣлилъ науки: на педагогическія сухія, которыя до школъ касаются, т. е., иными словами, которыя по установившимся понятіямъ годны для того, чтобы развить умъ, расширить кругозоръ, словомъ теоретическія и эти онъ забраковалъ какъ не нужныя, и на такія „которыя даютъ вѣрное понятіе обо всемъ томъ, что имѣетъ прямое приложеніе къ жизни“, т. е. на чисто-прикладныя и за этими онъ призналъ развивающее значеніе для разума и для „понятія“. И въ этомъ взглядѣ, опять нельзя не усмотрѣть вліяніе Локка.

Для Локка конечный идеалъ воспитанія—гражданинъ, обладающій здравымъ смысломъ, тонкимъ пониманіемъ общественныхъ отношеній и высокоразвитымъ общественнымъ чувствомъ. Поэтому, по его мнѣнію,

изъ умственнаго воспитанія должно быть выкинуто все то, что сколько-нибудь не соотвѣтствуетъ развитію практическаго смысла.

Предлагая далѣе искусныхъ учителей, которые могли бы руководить занятіями пажей, Шуди указываетъ и на тѣ предметы, которые онъ считаетъ желательнымъ ввести въ корпусъ. Это все наши хорошіе, старые знакомые, которыхъ мы уже встрѣчали и въ заграничныхъ программахъ, и въ программѣ шляхетскаго корпуса, и въ учебномъ планѣ, по которому обучали великаго князя Петра Ѳеодоровича, которые частью и наконецъ преподавались раньше и пажамъ.

Яганъ Литхенъ, по мнѣнію Шуди, можетъ преподавать: нѣмецкій и латинскій языкъ, а если пожелаютъ, то физику, геометрію и фортификацію и алгебру; Морамбертъ—французскій языкъ, хорошее писаніе, исторію, географію и ваппенкунстъ (геральдику), науку, нужную для изученія новой исторіи, такъ какъ она показываетъ преимущества и титулы знатнѣйшихъ дворовъ Европы. Новостью въ этой программѣ является физика, которая, очевидно, должна была играть служебную роль при фортификаціи и отчасти латынь, уступка средневѣковымъ схоластическимъ традиціямъ.

Рекомендуя названныхъ учителей, Шуди предлагаетъ: назначить имъ жалованье въ 300 руб. каждому въ годъ, отвести имъ казенную квартиру и обезпечить казеннымъ дровянымъ и свѣчнымъ довольствіемъ. Столоваться они должны были, по предположеніямъ меморіала, съ пажами.

За это вознагражденіе преподаватели должны были нести, кромѣ учительскихъ, и воспитательскія обязанности, „наблюдать присмотръ о добромъ порядкѣ и честныхъ поступкахъ пажей“.

Такое соединеніе обязанностей, въ то время вполнѣ естественное, вслѣдствіе несложности педагогическаго дѣла, имѣло, теоретически разсуждая, безусловно хорошую сторону; оно подымало авторитетъ воспитателя, окружая его ореоломъ извѣстной учености. Но если, съ теоретической точки зрѣнія, такое соединеніе имѣло хорошую сторону, то на практикѣ, при отношеніи къ учителямъ и вообще къ педагогическому персоналу, какъ къ слугамъ, хорошая сторона такого соединенія совершенно уничтожалась.

Говоря объ учителяхъ, баронъ не упускаетъ случая еще разъ напомнить воспитательный пріемъ, къ которому у него лежитъ сердце: учителя должны поступать съ пажами „тихо и честно, наказанія и грубыя слова непристойны для дворянъ“.

Какъ видите, баронъ переросъ не только свое время, но даже и наше: онъ мечтаетъ о воспитаніи безъ наказаній и вѣритъ въ осуществимость своихъ мечтаній тогда, когда и въ сосѣдней еще Германіи воспитывали принцевъ больше хлыстомъ, чѣмъ словомъ, кадетъ всего за 19 лѣтъ передъ тѣмъ сажали—на цѣпь, а въ Россіи сѣкли пажей на кухнѣ [39]).

Правда, баронъ оправдываетъ свои сокровенныя мечты сословными соображеніями, но видимо, этимъ онъ хотѣлъ, какъ придать больше вѣскости своему мнѣнію, такъ и не выйти изъ предѣловъ намѣченной ему задачи: высказаться по поводу воспитанія дворянъ.

Переходя къ развитію даровъ „нрава“, т. е. къ нравственному воспитанію, Шуди высказываетъ такую мысль: дѣло такого воспитанія должно быть—„пажей истинными патріотами и братьями сдѣлать“.

Послѣднее пожеланіе имѣетъ тотъ же источникъ, какъ и желаніе добиться среди пажей равности „матери премудрости“ и какъ оно высказывается въ сословномъ смыслѣ.

Изъ дальнѣйшаго видно, что Шуди, будучи иностранцемъ, совсѣмъ не знавшимъ Россіи, писалъ свой меморіалъ, воображая, что онъ имѣетъ дѣло съ воспитаніемъ юношей, принадлежащихъ къ западноевропейской аристократіи. Такъ, онъ говоритъ, что сдѣлать пажей патріотами и братьями тѣмъ болѣе легко, что они, „происходя не только отъ честнаго дворянства, но государства знатнѣйшихъ домовъ“, получили и усвоили всѣ нужныя для этого основанія отъ своихъ предковъ и ему остается только привести эти основанія въ знаніе и укрѣпить.

Фельдмаршалъ гр. А. И. Шуваловъ.

Наконецъ, попеченіе о „дарахъ корпуса“ или физическое воспитаніе должно сводиться къ „наученіямъ, которыя дворянству приличны“, т. е. къ обученію верховой ѣздѣ, фехтованію, танцамъ, рисованію и музыкѣ.

Если мы, принявъ во вниманіе вышеприведенныя замѣчанія, постараемся отдать себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, которое, въ общемъ, производитъ меморіалъ, то, прежде всего, должны сказать, что такъ и кажется, что призвали человѣка, объяснили ему, въ чемъ состоитъ служба пажей въ Россіи, разсказали о

томъ, какую они дѣлали впослѣдствіи карьеру, указали при этомъ на примѣры трехъ Шуваловыхъ, канцлера Воронцова и другихъ, познакомили его съ предметами, которые урывками имъ преподавали и—попросили поставить ихъ, какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи на ту же высоту, на которой стоятъ Версальскіе пажи.

Баронъ Шуди, выслушавъ это и вообразивъ себѣ по примѣрамъ Шуваловыхъ и Воронцова, генеологію которыхъ онъ, очевидно, принялъ на вѣру, что всѣ пажи принадлежатъ „къ государству знатнѣйшимъ домамъ“, и написалъ инструкцію въ соотвѣтственномъ духѣ. Образцомъ для него, по всѣмъ вѣроятіямъ, служилъ Локкъ, въ своихъ „мысляхъ о воспитаніи“, имѣвшій постоянно въ виду англійскаго джентльмена. Но были у барона и свои излюбленныя мысли, порожденныя той атмосферой, насыщенной популяризованными положеніями естественнаго права, въ которой ему пришлось вращаться во Франціи, и вотъ эти излюбленныя мысли о равенствѣ и братствѣ онъ, въ предѣлахъ поставленной себѣ сословной задачи и постарался провести въ написанномъ имъ меморіалѣ. Но баронъ глубоко заблуждался: пажи—арапы, персіяне, калмыки, духовнаго званія, неизвѣстнаго происхожденія, безъ всякой генелогіи, такъ и пестрятъ глаза и краснорѣчиво доказываютъ, что сословные предразсудки играли болѣе, чѣмъ незначительную роль въ дни царствованія ближайшихъ наслѣдниковъ Петра, что отнюдь не удивительно, если вспомнить сказочныя карьеры Скавронскихъ, Румянцевыхъ, Сиверсовъ и многихъ другихъ. Казалось бы, что такая среда была болѣе способна воспринять мысли о равенствѣ и братствѣ, но это могло казаться только иностранцу, не успѣвшему приглядѣться къ русской жизни въ первую половину XVIII столѣтія. Наоборотъ, именно она-то была всѣхъ меньше расположена признать равенство и братство между отдѣльными своими членами, изъ которыхъ каждый считалъ, что не кто иной, какъ онъ, пользуется наибольшимъ фаворомъ, и конечно, считалъ, что это, въ виду его исключительныхъ качествъ, вполнѣ справедливо. Если же къ этому прибавить, что къ персіянамъ, арапамъ и калмыкамъ примѣшивались сыновья, дѣйствительно, родовитыхъ людей, то станетъ вполнѣ ясной вся тщетность мечты барона о водвореніи среди пажей идеи равенства и братства. То же незнаніе условій русской жизни и, въ частности жизни русскаго дворянства, готовило и другое разочарованіе идеалисту Шуди—нравы пажей, какъ мы знаемъ, далеко не отличались мягкостью, къ нимъ приходилось примѣ-

нять весьма крутыя мѣры: такъ крестника великаго князя Петра Ѳеодоровича (впослѣдствіи пожалованнаго прямо въ камеръ-пажи), Петра Ѳеодорова Туркмана, изъ персіянъ, пришлось послѣ домашняго ареста отправить въ Троице-Сергіевскій монастырь подъ смотрѣніе учителя семинаріи съ дозволеніемъ пускать его только въ церковь. Черезъ нѣсколько времени другого камеръ-пажа Полозова пришлось, „за непорядочные его поступки и неоднократно чинимыя имъ продерзости", взять въ придворную контору, арестовать и, снявъ камеръ-пажескую ливрею, отослать его съ дежурнымъ гофъ-штабъ-квартирмейстеромъ или камеръ-фурьеромъ въ домъ его матери, при которой учинить ему, Полозову, должное наказаніе розгами, затѣмъ, нѣсколько времени содержавъ въ придворной конторѣ подъ карауломъ, отослать въ смотрѣніе и крѣпкое содержаніе учителю пажескому Фрейслебену, которому содержать его, Полозова, никуда неотпускно. Матери же Полозова, въ домѣ которой онъ жилъ, велѣно было немедленно выѣхать къ мужу въ Москву, потому что всѣ „непорядки и своевольства" камеръ-пажа произошли отъ ея потворства.

Но, повидимому, пажи не унимались: при придворной конторѣ завели особую журнальную книгу, въ нее записывали тѣхъ служителей двора, которые за „учиненныя при дворѣ продерзости штрафованы съ тѣмъ, чтобы записаннымъ три раза выпускъ отъ двора не давать, ни офицерскихъ чиновъ, ни другихъ никакихъ награжденій". Хотя такое распоряженіе и касалось вообще придворныхъ служителей, но упоминаніе объ офицерскомъ чинѣ указываетъ на то, что пажи въ значительной степени способствовали заведенію подобной журнальной книги. И вотъ этихъ пажей—сыновей своего вѣка, Шуди предлагалъ воспитывать безъ наказаній, воздѣйствовать на нихъ только добрымъ словомъ [40]).

Очень вѣроятно, что когда мечтателю и предшественнику Бецкаго пришлось столкнуться съ горькою дѣйствительностью, которая сразу отрезвила его и показала ему всю тщету его надеждъ, онъ уѣхалъ въ отпускъ и больше уже въ Россію не возвращался, оставивъ трудъ проводить свои идеи избраннымъ имъ учителямъ Литхену и Монраберту.

Однако, мы зашли немного впередъ, а потому возвратимся еще на нѣкоторое время къ меморіалу.

Въ немъ Шуди занялся и хозяйственными, и административными вопросами. Онъ предложилъ прежнее столовое довольствіе придвор-

ной кухни, производившееся подъ наблюденіемъ канцеляріи придворнаго комиссара Маслова, замѣнить другимъ. Неудобнымъ же считалъ баронъ прибѣгать къ помощи придворной кухни потому, что „какъ оно (довольствіе) черезъ многія руки происходитъ, то господа пажи иногда худо трактаментъ имѣли“. Онъ предлагаетъ назначить въ годъ на довольство каждаго пажа сто рублей слишкомъ и затѣмъ отдать содержаніе стола на подрядъ.

Дрова же Шуди предпочитаетъ получать натурою.

Многочисленная крѣпостная прислуга, которою окружали себя русскіе пажи, была такъ вредна, что онъ, имѣя въ виду Версальскій дворъ, при которомъ на двухъ пажей дается одинъ служитель и одинъ парикмахеръ, состоящій на королевскомъ жалованьи, предложилъ замѣнить ее казенною прислугою. Тутъ онъ опять вспоминаетъ принципъ равенства, онъ боится, что бѣдные будутъ завидовать богатымъ, что молодой человѣкъ „высокаго рожденія“ станетъ смотрѣть на низшаго по рожденію пажа съ презрѣніемъ и попытается „отмѣннымъ быть“.

Наконецъ, чтобы отправленіе придворной службы не мѣшало бы ученію, Шуди проситъ отмѣнить указъ, повелѣвающій при Высочайшемъ столѣ находиться всѣмъ камеръ-пажамъ и пажамъ, говоря, что невозможно требовать, чтобы молодые люди, не спавши до 2—3 часовъ ночи, на другой день являлись бы къ 7 часамъ утра на урокъ. Для устраненія этого неудобства онъ проситъ позволенія раздѣлить пажей на двѣ очереди, изъ которыхъ одна должна дежурить во дворцѣ и присутствовать при Высочайшемъ столѣ, а другая оставаться въ корпусѣ и заниматься науками, чередуясь ежедневно съ первой.

Въ отвѣтъ на этотъ меморіалъ послѣдовала инструкція, „данная Ея Императорскаго Величества изъ придворной конторы Двора Ея Императорскаго Величества гофмейстеру пажей Ѳеодору Генриху барону Шуди“ и помѣченная 25 Октября 1759 года.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО именнымъ своего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указомъ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ изволила пожаловать Васъ, Бар. Шуди, ко двору своего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Гофмейстеромъ пажей съ жалованьемъ по шести сотъ рублей въ годъ, которые имѣете получить изъ вышереченной Придворной конторы. А чтобъ, какъ Двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, такъ и комнаты ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ пажей могли Вы имѣть во всегдашнемъ смотрѣніи и порядкѣ, для того ихъ жительствомъ помѣстить съ камеръ-пажами и пажами, кои нынѣ жительство имѣютъ въ Крейсовскомъ домѣ и для обученія ихъ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ и другихъ принадлежащихъ для дворянства наукъ

опредѣлить особливыхъ учителей, чтобъ оные пажи по малолѣтству безъ наукъ время напрасно не препровождали, чего ради столъ . . . . . и питьемъ учредить въ томъ Крейсовскомъ домѣ или гдѣ имъ жить назначено будетъ.—Кушать Вамъ и учителямъ съ тѣми камеръ-пажами и пажами за общимъ столомъ и оной ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА всемилостивѣйшій именной Указъ Вамъ объявленъ и въ вѣрной ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ службѣ къ присягѣ Вы приведены и тѣмъ чиномъ и съ показаннымъ жалованьемъ въ придворный списокъ написаны такожъ въ семъ Двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и комнаты ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ камеръ-пажамъ и пажамъ о пожалованіи Васъ въ Гофмейстеры пажей въ придворной конторѣ объявлено новый оныхъ камеръ-пажей и пажей именной списокъ съ ихъ старшинствомъ отъ придворной конторы Вамъ отданъ, а ежели и то впредь въ ней опредѣлены будутъ, то посыланы будутъ изъ Придворной конторы особые ордеры. А какимъ порядкомъ Вамъ, Барону Шуди, будучи въ-томъ чинѣ поступать, опредѣлено дать сію инструкцію, по которой чинить слѣдующее:

1-е. Въ Крейсовскомъ домѣ, гдѣ нынѣ нѣкоторые камеръ-пажи и пажи жительство имѣютъ, а при томъ для помѣщенія другихъ и порожніе покои есть, оные Вамъ съ Гофъ-Фурьеромъ Петромъ Ключаревымъ обще осмотрѣть и кому въ тѣхъ покояхъ жительство имѣть слѣдуетъ учинить росписаніе и представить въ придворную контору письменнымъ рапортомъ, почему о учиненіи для Васъ, тако жъ и учителей и камеръ-пажей и пажей столоваго кушанья и объ отпускѣ питей, свѣчъ, дровъ и протчаго учинено будетъ надлежащее разсмотрѣніе.

2-е. Помянутыхъ пажей всѣхъ, сколько ихъ при Дворѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА находится, росписать кому съ которыми камеръ-пажами дежурство при Дворѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА имѣть надлежитъ, то, разумѣется, и по комнатѣ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ о дежурствѣ оныхъ пажей учинить росписаніе.

3 е. По тѣмъ росписаніямъ всякій день наблюдать, чтобъ они при Дворѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и при комнатѣ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ на дежурствѣ въ надлежащее время были и кому изъ нихъ ночевать и не дождавшись смѣны отъ Двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА не отлучались и тѣмъ ихъ дежурства вести всегда порядочную записку, чтобы впредь ежели паче чаянья для чего потребуется, то-бъ можно было знать кто и когда дежурные были, а въ случаѣ викторіальныхъ дней и прочихъ банкетовъ такожъ аудіенцій и другихъ экстръ — при Дворѣ были всѣ неотлучно во всякой чистотѣ и исправности, а притомъ въ викторіальные дни и въ торжественные праздники, въ кои обыкновенно штатсъ-ливрея употребляется и нынѣ оная у нихъ у всѣхъ по рукамъ имѣется, то-бъ они во оной всѣ были непремѣнно, а что та штатсъ-ливрея была у нихъ вся въ наличности и во всякой чистотѣ и исправности имѣть надсматриваніе, а въ случаѣ оной выпуску или отпусковъ въ домъ оную отъ нихъ отбирать и отдавать въ казенную придворную контору немедленно.

4-е. Въ Воскресные же, праздничные и викторіальные дни, что какъ камеръ-

пажи, такъ и пажи ко Двору ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА были до начатія Божественной Литургіи, дабы оные могли оную слушать и тому и оное не оставлять, чтобы въ квартирахъ утренніе и вечерніе и когда должно кушать, то и ко оному принадлежащія предъ кушаньемъ и послѣ кушанья молитвы читали. И къ этому шли съ принадлежащимъ благоговѣніемъ, какъ христіанская должность повелѣваетъ, дабы чрезъ то всякій чтился и наблюдалъ свой законъ прилежно, чтобъ оный всегда у нихъ въ памяти и въ совершенной исправности былъ неотмѣнно.

5-е. Сверхъ того въ великіе посты каждый-бы по своему закону постился и при томъ исповѣдывался и Святыхъ Христовыхъ Таінъ пріобщался точію не всѣ въ одно время, но росписать по недѣльно, чтобы при Дворѣ на дежурствѣ и во услугахъ недостатку въ нихъ не было, и кто на которой недѣлѣ поститься будетъ, объ оныхъ по прошествіи каждой недѣли въ Придворную контору письменно рапортовать, а ходить для слушанья Божіей службы въ придворную церковь, а на исповѣдь къ придворнымъ же священникамъ, чего ради особому священнику и быть не слѣдуетъ.

6-е. Въ случаѣ походовъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ въ Петергофъ, въ Село Царское, въ Ораніенбаумъ и другія мѣста объ отправленіи оныхъ имѣть Вамъ стараніе и наблюденіе, чтобъ въ оныхъ мѣстахъ никогда недостатку въ оныхъ не было, а кто именно въ походы отправлены, и сколько числомъ, и съ которыми камеръ-пажами тамо находиться будутъ, о томъ въ Придворную Контору письменно рапортовать.

7-е. Что же слѣдуетъ до честныхъ поступковъ пажей онаго крайне наблюдать, чтобъ какъ при Дворѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, такъ и внѣ Двора въ лучшемъ порядкѣ, въ чистотѣ и исправности платья, бѣлья и убранства и волосовъ и прочьяго находились и никакихъ непристойныхъ поступковъ и рѣзвостей и ни надъ кѣмъ насмѣшекъ не чинили, а въ случаѣ банкетовъ со столовъ кушанья, конфектъ и прочаго не брали. А буде за кѣмъ, что непорядочное и неисправное усмотрите, тѣхъ отъ онаго отвращайте словами, а въ случаѣ, какъ молодыхъ дѣтей, наказывать, смотря по состоянію лѣтъ и какъ благороднымъ дѣтямъ прилично, а буде и то что пуще преступленіе учинитъ, объ оныхъ представлять въ придворную контору не упуская времени письменно, какъ о томъ и ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніе есть почему оные штрафованы будутъ неупустительно точію во всѣхъ случаяхъ, какъ съ тѣми пажами поступать скромно и неогорчительно какъ съ честными дворянами надлежитъ, дабы оные могли лучше отъ увѣщанія, нежели отъ штрафа и наказанія въ порядкѣ и исправности находиться.

8-е. Въ помянутомъ Крейсовскомъ домѣ или гдѣ имъ жить опредѣлено будетъ въ квартирахъ ихъ наблюдать, чтобы сторонніе при нихъ никто жительства не имѣли и кому къ нимъ не должно не приходили да и собственныхъ ихъ людей камеръ-пажу не болѣе двухъ, а пажамъ не болѣе одного каждому имѣть, а притомъ и оные чтобъ были постоянные люди, а ежели у которыхъ

окажутся люди худаго состоянія, тѣхъ держать не велѣть, чтобъ отъ таковыхъ худыхъ слѣдствій быть не могло.

9-е. Когда же для ученія тѣхъ пажей учителя опредѣлены будутъ, росписать время, въ которое ихъ чему обучать, а именно—чужестранныхъ языковъ, геометріи, географіи, фортификаціи и исторіи, рисованію, биться на рапирахъ и танцовать и проч., что до честныхъ дворянъ надлежитъ, и надъ тѣми учителями смотрѣть, чтобъ обучали порядочно и прилежно и безъ закрытно, дабы они напрасно жалованья получать не могли, а буде усмотрите за учителями неисправность, на оныхъ представлять въ Придворную Контору письменно со обстоятельствомъ, сверхъ того и самому Вамъ, въ какихъ наукахъ Вы искусство имѣете, имъ показывать и обучать и въ томъ употреблять трудъ и стараніе примѣрное, дабы тѣ пажи чрезъ то къ постоянному и пристойному разуму и благороднымъ поступкамъ наивяще преуспѣвать и отъ того учтивыми, пріятными и во всемъ совершенными себя показать могли, какъ христіанскій законъ и честная ихъ природа повелѣваетъ, за чтобъ и вы особливо похвалу себѣ пріобрѣсти могли, а сколько надлежитъ къ тому обученію книгъ, бумаги, чернилъ и проч., оное отъ Придворной конторы требовать вамъ письменно, да сверхъ того тѣмъ же пажамъ велѣть переводить съ Французскаго на россійскій языкъ Французски комедіи, экстракты для поднесенія ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВАМЪ, чего надъ ними приказать прилежно смотрѣть учителямъ, чтобы исправно переводили, а для переписанія присылать оные въ придворную контору, наканунѣ тѣхъ дней, въ которые тѣ спектакли будутъ, а что касается до исправной ѣзды на лошадяхъ, то оной имъ обучаться въ придворномъ манежѣ, гдѣ ихъ обучать велѣно, а для обученія танцамъ въ вѣдомствѣ Придворной конторы учителя имѣются, коимъ для обученія въ тотъ домъ ходить приказано будетъ.

10-е. Въ бытность тѣхъ пажей въ квартирахъ наблюдать и точно имъ подтверждать, чтобы они изъ квартиръ своихъ, также въ случаѣ и прямо изъ Дворца, своевольно никуда не ходили, а буде и то для своей надобности отлучиться пожелаетъ, тѣ бы у васъ спрашивались, кому и насколько времени отлучиться надобно, а болѣе уволеннаго времени не быть.

11-е. Въ случаѣ кто изъ камеръ пажей и пажей занеможетъ, объ оныхъ давать знать Придворному лекарю, который ихъ осматривать и пользовать долженъ и въ томъ вамъ имѣть прилежное стараніе, чтобъ безъ пользованія и смотрѣнія никто оставленъ не былъ, а для вѣдома о томъ письменно неупустительно рапортовать, а о пользованіи тѣмъ лекарямъ оныхъ камеръ-пажей и пажей повелѣніе есть, а ежели паче чаянія у кого опасная болѣзнь или оспа и тому подобное усмотрится, то того-же часа рапортовать и другихъ никого къ таковымъ не допускать.

12-е. А когда для тѣхъ камеръ-пажей и пажей, гдѣ они въ казенномъ домѣ жительство имѣть будутъ, столъ кушаньямъ и питьямъ и проч. учредится, то объ ономъ отсель данъ будетъ вамъ реестръ и по оному наблюдать, чтобъ все доходило непремѣнно, да и кушали-бы какъ камеръ-пажи, такъ и пажи обще

съ вами и съ учителями всѣ вмѣстѣ за однимъ столомъ, честно и порядочно и по утру не позже 12, они вечеру не позже 9 часовъ; чтобъ отобѣдавъ а вслучаѣ и отужинавъ во Дворецъ быть могли, а порознь по прихотямъ кушанья никому не давать, развѣ и то въ случаѣ боленъ окажется, то для таковой пристойное кушанье отдѣлять, что надлежитъ дозволять, чего ради назначить для того стола особливо столовую комнату. А при томъ столѣ посуда, какъ столовая, такъ и поваренная, была-бы всегда въ чистотѣ и исправности, а къ тому столу для содержанія бѣлья и прiборовъ опредѣленъ будетъ тафельдекерскій помощникъ; А къ приготовленію кушанья повареные служителя, да къ топленію печей, свѣчъ и проч., истопники—надлежащее число и оные вамъ содержать въ страхѣ и въ порядкѣ, а за преступленіе и наказывать, а въ случаѣ крайне худыхъ поступковъ представлять въ придворную контору письменно, почему безъ разсмотрѣнія оставлено не будетъ, но при этомъ напоминается, чтобъ тѣмъ придворнымъ служителямъ отъ ихъ людей обидъ отнюдь чинено не было; А ежели тотъ столъ учредится на какомъ другомъ основаніи, то о томъ дано будетъ вамъ особое наставленіе. Точно при этомъ напоминается, ежели паче чаянія изъ живущихъ въ томъ домѣ камеръ-пажей и пажей кто отъ Двора выбудетъ или отпущенъ будетъ въ отпускъ, а вмѣсто онаго другого въ тотъ домъ для жительства помѣщено не будетъ, то на онаго опредѣленной порціи не забирать, почему разумѣется, чтобъ порціи принимались на наличное число людей, дабы чрезъ то интересу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА напрасно убытка быть не могло.

13-е. Что же касается до камеръ-пажей ежели паче-чаянія за ними какую неисправность, а кольми паче, что непорядочное усмотрите, то оный самому вамъ некрементовать, а представлять о томъ главнымъ командирамъ.

14-е. Для съѣзду помянутыхъ камеръ-пажей и пажей во Дворецъ и обратно въ ихъ квартиру имѣютъ даваны быть съ большой придворной конюшни двѣ четверомѣстны коляски, за которыми на конюшню посылать опредѣленныхъ при томъ ПАЖЕСКОМЪ КОРПУСѢ придворныхъ служителей въ надлежащее время, ибо для содержанія тѣхъ лошадей и экипажу въ томъ Крейсовскомъ домѣ удобныхъ мѣстъ не имѣется; о дачѣ тѣхъ колясокъ съ лошадьми Придворная контора стараніе имѣть не оставитъ.

15-е. Буде же чего въ сей инструкціи не изображено, а усмотрите вы, что къ лучшей пользѣ для содержанія тѣхъ пажей, а паче къ приращенію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса и къ доброму порядку объ ономъ представлять вамъ въ Придворную контору письменно и требовать къ пополненію сей инструкціи особой резолюціи.

16-е. Напротивъ же того и вы имѣете себя держать честно и порядочно и никакой командѣ противностей и ослушанія отнюдь не чинить и исправлять должность со всеусерднѣйшимъ прилежаніемъ, съ лучшимъ тщаніемъ. Тако-же, что при Дворѣ непублично происходитъ, онаго никому не объявлять подъ опасеніемъ отвѣта; и во всемъ поступать, какъ присяжная должность и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указы повелѣваютъ и быть вамъ, когда при

Дворѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА публичные столы происходятъ, то при тѣхъ столахъ и въ тѣхъ покояхъ при своей должности всегда непременно, а когда публичныхъ столовъ не бываетъ, то въ таковые времена пажей въ смотрѣніе поручать дежурнымъ камеръ-пажамъ, которые обыкновенно надъ пажами по своему чину смотрѣніе имѣть должны, чего ради въ небытность вашу при Дворѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и всегда тѣхъ пажей камеръ-пажамъ въ смотрѣніе препоручать, дабы вы при своей должности и мѣстахъ находились, чтобъ было порядочно и исправно какъ выше сего въ пунктахъ изображено.

О вышеписанномъ о всемъ вамъ Гофмейстеру пажей Барону Шуди чинить по сей инструкціи исполненіе непремѣнно и для вѣдома и надлежащаго исполненія. Оную инструкцію объявить и помянутымъ камеръ-пажамъ и пажамъ всѣмъ неотмѣнно, дабы оные о томъ учрежденіи знали и ни въ чемъ, что до онаго принадлежитъ невѣдѣніемъ отговариваться и противностей чинить не могли.

Подлинная инструкція заприписаніемъ руки по пунктамъ Его Превосходительства Генералъ-Лейтенанта ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Гофъ-Маршала дѣйствительнаго Камергера и орденовъ Св. Александра и Св. Анны и Бѣлаго Орла кавалера Барона господина ***Сиверса***.

За скрѣпою по листамъ Регистратора ***Ивана Алексѣева***.

У подлинной инструкціи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
За справою канцеляриста ***Аврама Мельникова***.
Придворной конторы печать.

Октября 25-го дня 1759 года.

Вчитываясь внимательно въ только-что приведенную инструкцію и въ меморіалъ барона, не трудно уяснить взаимныя отношенія этихъ двухъ документовъ. Баронъ установилъ общія руководящія начала, и, главнымъ образомъ, педагогическія и этическія. Инструкція развила эти начала болѣе подробно и, воспользовавшись случаемъ, постаралась закрѣпить на бумагѣ порядокъ отправленія пажами придворной службы, которая до тѣхъ поръ исполнялась по традиціи, установленной оберъ-гофмаршалами и помощниками ихъ—гофмаршалами. Эта ея часть, занимающаяся вопросами придворной службы, является логическимъ послѣдствіемъ все болѣе и болѣе усложнявшейся придворной жизни. Мы уже знаемъ, что при Петрѣ обязанности лицъ, принадлежавшихъ ко двору, до того были мало разграничены, что каждый постоянно вторгался въ чужую сферу, вовсе не желая этого дѣлать, а просто потому, что самый дворъ, послѣ разгрома дореформеннаго двора, только нарождался, и такъ какъ во всякомъ начинающемъ

развиваться организмѣ функціи его органовъ еще не разграничены, то и въ организмѣ двора онѣ постоянно смѣшивались и въ первое время даже и не ощущалось надобности въ какомъ-нибудь разграниченіи. Первая намъ извѣстная попытка формулировать придворныя обязанности, какъ мы знаемъ, исходила отъ Анны Іоанновны, давшей инструкцію оберъ-гофмейстеру, оберъ-гофмаршалу и гофмаршалу; вторая принадлежала обер-гофмейстеру Фонъ-Миниху, представившему императрицѣ Елизаветы „проэктъ генеральнаго придворнаго регламента“ [42]); третью попытку, какъ мы только что видѣли, сдѣлалъ баронъ Сиверсъ, давъ инструкцію для службы пажей при дворѣ [43]).

Весьма интересно, что въ трехъ приведенныхъ случаяхъ и государыня, и придворные шли по дорогѣ, уже намѣченной въ до-петровской Руси правительствомъ, вообще говоря, старавшемся узаконить путемъ канцелярскимъ то, что ранѣе того узаконяла сама жизнь. Оно поступало такъ, какъ рекомендовалъ относительно дѣтей поступить Руссо: Руссо говоритъ — надо прислушаться къ голосу природы ребенка и сообразно съ этимъ воспитывать его. Правительство до-Петровской Руси, своимъ поведеніемъ тоже какъ бы говорило—я прислушивалось къ жизни и, что она возвышаетъ хорошаго въ законъ, узаконяю и я.

Изъ сказаннаго вполнѣ выясняется историческое значеніе части инструкціи, трактующей о придворныхъ обязанностяхъ пажей. До ея появленія пажи, введенные въ Россію больше въ качествѣ украшенія, непремѣннаго придатка двора въ европейскомъ вкусѣ, сорокъ слишкомъ лѣтъ постепенно приспособлялись къ условіямъ русской жизни и сравнительно долго трудно было рѣшить вопросъ, акклиматизируются ли они у насъ, или нѣтъ. За эти сорокъ лѣтъ практика устанавливала ихъ обязанности и, наконецъ, въ 1759 г. писанная инструкція узаконила окончательно то, что выработала практика.

Очевидно, составитель инструкціи придавалъ особенное значеніе сейчасъ разобранной части и здѣсь чувствовалъ себя хозяиномъ. Изъ предложенныхъ Шуди общихъ основаній, онъ принялъ дѣленіе дежурившихъ пажей и камеръ-пажей на очереди, чего добивался Шуди въ учебныхъ цѣляхъ. Что же касается учебной части, то тутъ составитель, видимо, не считаетъ себя компетентнымъ: онъ указываетъ, какъ на нужныя, на тѣ же науки, за которыя стоитъ и Шуди, за исключеніемъ латинскаго языка и артиллеріи. Такое самовольное сокращеніе курса, казалось бы, опровергаетъ сдѣланное нами заявленіе

о некомпетентности автора въ учебной части. Человѣкъ, который рѣшается вычеркнуть два предмета, очевидно, знаетъ, чего онъ хочетъ, но это можетъ казаться лишь на первый взглядъ. Вспомнимъ, что, устранивъ и артиллерію и латинскій языкъ, составитель, въ тоже время въ концѣ перечисленія предметовъ дѣлаетъ прибавку „и проч., что до честныхъ дворянъ надлежитъ“ и что въ самомъ еще началѣ, въ своего родѣ введеніи“ онъ говоритъ, и для обученія ихъ французскаго и нѣмецкаго языковъ и другихъ принадлежащихъ для дворянства наукъ, опредѣлить особливыхъ учителей“. Этими замѣчаніями авторъ инструкціи показываетъ, что вовсе не его дѣло—опредѣлять, какого рода наука входитъ въ число принадлежащихъ для дворянства наукъ“, что сдѣлать такое опредѣленіе онъ предоставляетъ другимъ, болѣе его понимающимъ, людямъ. Объ его сознаніи въ томъ, что онъ мало знакомъ съ вопросами учебнаго дѣла и предоставляетъ разрѣшеніе ихъ всецѣло Шуди, свидѣтельствуетъ и слѣдующее мѣсто инструкціи: „Когда же для ученія тѣхъ пажей учителя будутъ, росписать время, въ которое ихъ чему обучать“. Слѣдовательно, и расписаніе времени, такъ-же, какъ и опредѣленіе предметовъ, предоставлялось барону. Очевидно, и артиллерію и латинскій яз. Сиверсъ исключилъ изъ программы просто потому, что дойдя до нихъ онъ случайно прекратилъ перечисленіе. Настолько же некомпетентнымъ признаетъ себя авторъ и въ вопросахъ воспитанія нравственнаго. Въ этой области онъ отдѣлывается общими фразами и мѣстами въ родѣ такихъ: „и въ томъ употреблять трудъ и стараніе примѣрное, дабы тѣ пажи черезъ то, къ постоянному и пристойному разуму и благороднымъ поступкамъ наивяще преуспѣвать и отъ того учтивыми, пріятными и во всемъ совершенными себя показать могли, какъ христіанскій законъ и честная природа ихъ повелѣваетъ“.

Но такъ-какъ приведенная тирада слѣдуетъ тотчасъ за указаніями по учебной части и приглашеніями барона самому заняться преподаваніемъ, то, очевидно, авторъ полагалъ всѣ свои надежды главнымъ образомъ на просвѣщеніе и думалъ, какъ Сократъ, что знаніе тожественно съ добродѣтелью.

Есть, однако, три вопроса, одинъ въ области образованія и два въ области воспитанія, относительно которыхъ составитель инструкціи держался вполнѣ опредѣленнаго мнѣнія. Относительно образованія онъ думалъ, что очень важно велѣть пажамъ „переводить съ французскаго на россейскій языкъ французскіе комедіи, экстракты для под-

несенія Ея Императорскому Величеству и ихъ Императорскимъ Высочествамъ, что надъ ними приказать прележно смотрѣть учителямъ, чтобы исправно переводили, для переписанія присылать въ придворную контору наканунѣ тѣхъ дней, въ которые тѣ спектакли будутъ". Это мнѣніе о полезности перевода комедіи, носитъ на себѣ явный слѣдъ увлеченія театромъ самой императрицы и ея окружающихъ и является вполнѣ естественнымъ фазисомъ развитія подражательнаго процесса, когда еще сущность превосходства образца не уяснена, а превосходство почувствовано. Относительно воспитанія авторъ инструкціи предполагалъ, во первыхъ, что вести пажей по системѣ, исключающей наказаніе, какъ то думалъ Шуди, невозможно и что сразу совершить переходъ отъ розогъ на кухнѣ только къ добрымъ словамъ, врядъ-ли удастся, а потому онъ и рекомендуетъ: „А буде за кѣмъ, что непорядочное, неисправное усмотрите, тѣхъ отъ онаго отвращайте словами, а въ случаѣ, какъ молодыхъ дѣтей, наказывать смотря по состоянію лѣтъ и какъ благороднымъ дѣтямъ прилично, а буде и то что пуще преступленіе учинитъ, объ оныхъ представлять въ придворную контору не упуская времени письменно, какъ о томъ и Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе есть, почему оные штрафованы будутъ неупустительно точію во всѣхъ случаяхъ, какъ съ тѣми пажами поступать скромно и не огорчительно, какъ съ честными дворянами надлежитъ, дабы оные могли лучше отъ увѣщанія, нежели отъ наказанія или штрафа въ порядкѣ и исправности находиться". Послѣдняя фраза носитъ явное вліяніе Шуди, но въ то же время указываетъ и на недовѣріе къ возможности примѣнить его систему во всей полнотѣ.

Во-вторыхъ, составитель инструкціи твердо убѣжденъ, что камеръ-пажи должны являться помощниками гофмейстера и учителей и что они способны ими быть, „когда публичныхъ столовъ не бываетъ, то въ таковыя времена пажей въ смотрѣніе поручить дежурнымъ камеръ-пажамъ, которые обыкновенно надъ пажами по своему чину смотрѣніе имѣть должны, чего ради въ небытность Вашу при Дворѣ Ея Императорскаго Величества и всегда тѣхъ пажей камеръ-пажамъ въ смотрѣніе препоручать, дабы всѣ при сей должности и мѣстахъ находились, чтобъ было порядочно и исправно, какъ выше въ пунктахъ изображено". Вотъ какимъ образомъ, изъ чисто служебныхъ понятій, по которымъ камеръ-пажъ естественно являлся начальникомъ пажа, выросли отношенія, при которыхъ старшій ученикъ, камеръ-пажъ,

игралъ роль начальника среди младшихъ товарищей-учениковъ, а впослѣдствіи, когда былъ уничтоженъ камеръ-пажескій классъ, то по традиціи старшій спеціальный сталъ тиранить младшій, а затѣмъ, подражая старшему спеціальному, и седьмой общій тиранить шестой и въ свою очередь, подражая седьмому, пятый классъ сталъ, что называется, подтягивать четвертый и третій классы.

Есть, наконецъ, пунктъ инструкціи, отразившій особенности чисто-русскаго быта, а именно тотъ, гдѣ ведется рѣчь о посѣщеніи церкви, о постѣ и говѣніи. Пажи благочестивой царицы, друга духовенства, должны были отличаться богомоліемъ и для этого воспитываться въ близкомъ общеніи съ церковью. Это общеніе должно было замѣнить имъ преподаваніе Закона Божія, введеннаго гораздо позже.

Итакъ, инструкція, данная барону Шуди отъ придворной конторы въ 1759 году, окончательно превратила придворный полупансіонъ въ придворную дворянскую школу, впервые официально названную „Пажескимъ корпусомъ“. „Для съѣзду помянутыхъ камеръ-пажей и пажей во дворецъ и обратно въ ихъ квартиру имѣютъ даваны быть съ большой придворной конюшни двѣ четверомѣстныя коляски за которыми на конюшню посылать опредѣленныхъ при томъ „Пажескомъ корпусѣ“ придворныхъ служителей“, сказано въ 14 пунктѣ инструкціи. Однако, инструкція эта превращала придворный полупансіонъ только въ дворянскую школу, но не въ военную, настолько не военную, что въ ней не преподавалась военная экзерсиція, а только верховая ѣзда. Что питомцы ея, тѣмъ не мѣнѣе предназначались замѣщать и военныя должности, на это указываетъ преподаваніе фортификаціи, о которой мы знаемъ, что она явилась въ XVII ст. на Западѣ, а въ XVIII у насъ военной наукой par excellence. Почему же это такъ? А потому, что по понятіямъ того времени особой нужды въ спеціалистахъ военнаго дѣла—не ощущалось. Тогда только начали сознавать, что военное дѣло есть своего рода спеціальность, требующая предварительной научной подготовки, и что оно само дѣлится на спеціальности, тоже требующія предварительной подготовки, но между смутнымъ сознаніемъ и чувствомъ нужды громадная разница, подразумѣвающая нѣсколько десятковъ лѣтъ умственнаго прогрессивнаго движенія.

Къ замѣщенію командnаго элемента въ арміи, въ интересующую насъ эпоху, считался, по традиціи, пригоднымъ всякій мало-мальски грамотный дворянинъ, а если онъ оказывался не только грамотнымъ,

но даже и вообще образованнымъ, то являлся желаннымъ человѣкомъ на какихъ-угодно мѣстахъ не только военныхъ, но и гражданскихъ. Правда, какъ мы знаемъ, у насъ были попытки создавать спеціальныя военныя учебныя заведенія, какъ напримѣръ, Шляхетскій кадетскій корпусъ, Инженерную и Артиллерійскую шляхетскія школы, но эти попытки, не отвѣчая потребностямъ жизни, силою тѣхъ же потребностей отклонялись отъ прямой цѣли и незамѣтно дѣлались разсадниками, сравнительно говоря, вообще образованныхъ людей. Этими же соображеніями объясняется и энциклопедичность нашихъ программъ военно-учебныхъ заведеній XVIII столѣтія, энциклопедичность, которая дала поводъ одному историку высказаться про программу шляхетскаго корпуса такъ: il y a deux manières de ne rien apprendre dont l'une est de vouloir apprendre tout [44]).

Фельдмаршалъ графъ П. И. Шуваловъ.

Но вотъ вопросъ: 25 октября 1759 г. можетъ-ли считаться днемъ учрежденія пажескаго корпуса? Если мы для рѣшенія его, прибѣгнемъ къ сравненію пажескаго корпуса съ заграничными учебными заведеніями, то получимъ утвердительный отвѣтъ. Кадетскій берлинскій корпусъ, образовавшійся изъ роты потѣшныхъ Фридриха Великаго, считаетъ годомъ своего основанія 1717, тотъ годъ, когда онъ составлялъ только роту и когда въ немъ начали преподавать намеки на науки [45]). Французская école royale [46]) считается основанной въ

1753 году, съ того момента, когда 80 молодыхъ людей поселяются въ одномъ мѣстѣ и подчиняются одному общему режиму.

Слѣдовательно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что днемъ основанія пажескаго корпуса, какъ учебнаго заведенія, надо считать 25 октября 1759 г. но только какъ полувоеннаго, а не военно-учебнаго заведенія [47]). Такого превращенія онъ дождался тоже въ октябрѣ, но только 10-го числа и 43 года спустя.

Въ концѣ концовъ, и то только въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елизаветы отчасти выяснилось, что пажей имѣютъ въ виду готовить къ военной службѣ.

Посмотримъ теперь, выяснились ли сдѣланныя нами ранѣе догадки, что Петръ привилъ званіе западно-европейскаго пажа къ туземному русскому званію стольника царицы и отчасти стольника царя?

А для этого прослѣдимъ карьеру нѣсколькихъ пажей первой половины XVIII столѣтія. Вотъ передъ нами прототипъ пажей—графъ П. И. Ягужинскій, „око царя". Мальчикомъ взятъ онъ ко двору, затѣмъ исполнялъ при Петрѣ обязанности денщика. Черезъ нѣсколько времени получилъ придворное званіе дѣйствительнаго камергера, а еще черезъ нѣсколько—военное генералъ-маіора. Исполнялъ разныя дипломатическія порученія, а также порученія по внутреннему управленію въ качествѣ оберъ-прокурора. Кромѣ того, онъ былъ командиромъ драбантовъ, впослѣдствіи кавалергардовъ, оберъ-шталмейстеромъ и, несмотря на все это, отсидѣлъ въ тюрьмѣ за противодѣйствіе „верховникамъ", наконецъ, его назначили подполковникомъ конной гвардіи и посланникомъ въ Берлинѣ. Вотъ другой прототипъ пажей—графъ А. М. Девіеръ: не то португалецъ, не то испанецъ, онъ поступаетъ пажемъ ко двору Петра, затѣмъ дѣлается его денщикомъ, черезъ нѣсколько времени—генералъ-адъютантомъ, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ — первымъ генералъ-полицмейстеромъ, назначается присутствовать въ сенатѣ и возводится въ графское достоинство. Умираетъ Петръ — Девьеръ принимаетъ участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью возвести на престолъ Анну Петровну, герцогиню Гольштинскую. Его хватаютъ, допрашиваютъ, лишаютъ чиновъ, орденовъ, наказываютъ кнутомъ и ссылаютъ въ Сибирь, гдѣ онъ влачитъ жалкое существованіе въ теченіе 12 лѣтъ. Императрица Елизавета разрѣшаетъ ему пріѣхать въ Петербургъ, возвращаетъ графское достоинство, чины, ордена, имѣніе и назначаетъ опять генералъ-полицмейстеромъ.

За этими двумя типичными, какъ мы уже имѣли случай говорить,

пажами Петра слѣдуютъ два брата Шуваловыхъ, оба впослѣдствіи фельдмаршалы: старшій—графъ Александръ Ивановичъ и младшій—графъ Петръ Ивановичъ. Александръ, сначала пажъ, потомъ камеръ-юнкеръ Елизаветы Петровны, дѣйствительный камергеръ, унтеръ-лейтенантъ лейбъ-кампаніи, генералъ-маіоръ, графъ, генералъ-адъютантъ, подполковникъ Семеновскаго полка, генералъ-аншефъ, наконецъ, фельдмаршалъ и главно-управляющій „тайною канцеляріею“.

Братъ его Петръ также несъ свою службу при императорѣ Петрѣ, а затѣмъ продолжалъ ее камеръ-юнкеромъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Былъ онъ, подобно брату, пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, въ генералъ-маіоры, въ графы, зачисленъ въ лейбъ-кампанію, назначенъ генералъ-адъютантомъ и, наконецъ, генералъ-фельдмаршаломъ, но тутъ сходство въ ихъ карьерѣ кончается. Петръ носилъ званіе сенатора; командовалъ дивизіею, потомъ обсерваціоннымъ корпусомъ, былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, конференцъ-министромъ, управлялъ артиллерійскою и оружейною канцеляріею и, въ качествѣ сенатора, присутствовалъ въ сенатѣ по важнѣйшимъ дѣламъ. Имъ былъ составленъ проэктъ о преобразованіи инженерной и артиллерійской школы въ артиллерійскій и инженерный шляхетскій корпусъ, который и былъ осуществленъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти. Однако, при жизни онъ еще успѣлъ многое сдѣлать для лучшей постановки учебнаго дѣла въ упомянутой инженерной и артиллерійской школахъ[48]).

Двое Шуваловыхъ помогли выйти въ люди и своему племяннику, всѣмъ извѣстному Ивану Ивановичу, сыгравшему такую важную роль въ исторіи нашего просвѣщенія основаніемъ московскаго университета и академіи художествъ. Сначала пажъ, потомъ камеръ-пажъ и камеръ-юнкеръ, онъ,

Оберъ-камергеръ Ив. Ив. Шуваловъ.

несмотря на то, что душа его лежала къ наукамъ и искусствамъ, занимался и вопросами военными,—черезъ его руки проходили почти всѣ бумаги, касавшіяся событій семилѣтней войны. Какъ бы внѣшнимъ, выраженіемъ этой его причастности къ военному дѣлу служатъ его военныя званія: онъ былъ генералъ-поручикомъ, генералъ-адъютантомъ. Но и въ качествѣ военнаго пришлось ему близко стоять къ дорогимъ его сердцу дѣламъ просвѣщенія — его назначили директоромъ сухопутнаго Шляхетскаго кадетскаго корпуса. Пажескому же корпусу Иванъ Ивановичъ вдвойнѣ близокъ, и какъ питомецъ, и какъ его высшій начальникъ. Мы знаемъ, что оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалъ вѣдали пажей, но главнымъ начальникомъ—докладчикомъ по дѣламъ придворнымъ, касавшимся ихъ, всегда бывалъ оберъ-камергеръ. Иванъ Ивановича назначили оберъ-камергеромъ въ 1778 году [49]).

До своей смерти почти двадцать лѣтъ касался онъ дѣла корпуса, въ которомъ воспитывался. Остается совершенною загадкою, какимъ образомъ человѣкъ, такъ сказать, весь ушедшій въ вопросы образованія, остался въ сторонѣ, когда дѣло шло о преобразованіи его роднаго заведенія. Какъ могло случиться, что графъ Сиверсъ написалъ инструкцію, преобразовавшую придворный полупансіонъ въ закрытое полу-военное учебное заведеніе. Остается предположить, что Сиверсъ дѣйствовалъ въ качествѣ официальнаго лица, а многое суфлировалъ ему Иванъ Ивановичъ.

Не меньшую роль, чѣмъ Шуваловъ, игралъ въ царствованіе Елизаветы Петровны другой пажъ—графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ. Сначала пажъ при Елизаветѣ царевнѣ, затѣмъ камеръ-пажъ, гофъ-юнкеръ, камеръ-юнкеръ, ея секретарь, вице-канцлеръ и канцлеръ, онъ 10 лѣтъ управлялъ внѣшнею политикою Россіи и снискалъ общее уваженіе. Не миновалъ онъ и военныхъ чиновъ. Онъ носилъ званіе поручика лейбъ-кампаніи съ чиномъ генералъ-лейтенанта [50]).

Ранѣе Воронцова и Ивана Ивановича Шувалова, въ пажахъ былъ Корнилій Богдановичъ Бороздинъ. Будучи взятъ ко двору вдовствующей царицы Прасковьи Ѳеодоровны, онъ обратилъ на себя вниманіе Петра. Его отдали съ сохраненіемъ званія пажа въ инженерную школу. По окончаніи курса въ ней онъ принялъ участіе въ различныхъ войнахъ, въ томъ числѣ и семилѣтней. Былъ первымъ изъ русскихъ, получившихъ назначеніе начальника артиллеріи арміи. Храбро сражался онъ подъ Цорндорфомъ, Пальцигомъ, подъ Кунерсдорфомъ. Ему первому пришла въ голову мысль посадить артиллерій-

скую прислугу на коней и въ такомъ видѣ ввести эту импровизированную конную артиллерію въ сраженіе, т. е., другими словами, онъ какъ бы изобрѣлъ конную артиллерію. Умеръ Бороздинъ генералъ-аншефомъ [51]).

Если мы вдумаемся внимательно въ только-что приведенные факты изъ жизни первыхъ появившихся на Руси пажей и, кстати, припомнимъ придворную жизнь пажей, то увидимъ, что и въ царствованіе Елизаветы Петровны карьера пажа были тою же карьерою стольника, какъ она была ею при Петрѣ и его ближайшихъ наслѣдникахъ. Было, конечно, различіе, но небольшое, обусловленное разницею между средой, въ которой вращался стольникъ и той въ которой вращался пажъ.

Канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, по какому-нибудь случаю въ первую половину XVIII столѣтія рано попавшій ко двору пажъ черезъ пень въ колоду научался чему-нибудь, преимущественно, языкамъ и танцамъ. Въ бытность свою при дворѣ онъ присматривался къ людямъ, къ новымъ порядкамъ, начиналъ понимать жизнь, исполненную въ ту эпоху самыхъ вопіющихъ противорѣчій, запасался связями и, если судьба ему улыбалась, то по пробытіи извѣстнаго числа лѣтъ при дворѣ назначался камеръ-юнкеромъ, если же не особенно, то офицеромъ въ гвардію, а если судьба была къ нему особенно немилостива или онъ самъ, не отличаясь честолюбіемъ, болѣе тяготѣлъ къ роднымъ полямъ и лѣсамъ, то офицеромъ въ армію.

Но, такъ или иначе, разставшись съ званіемъ пажа, онъ считался способнымъ на исполненіе какихъ-угодно порученій отъ малыхъ до великихъ, но если случай и тутъ приходилъ ему на выручку, его на-

Генералъ-аншефъ К. Б. Бороздинъ.

значали то командовать дивизіею, то присутствовать въ сенатѣ по особо важнымъ дѣламъ, то посломъ, то дѣлали директоромъ кадетскаго корпуса, то кураторомъ университета и т. д. На всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ, какъ и бывшій стольникъ царицы, стоявшій у очага, гдѣ зарождался подражательный процессъ и, можетъ быть, незамѣтно для него самого дѣйствовавшій въ его духѣ, онъ, говоримъ мы, тоже дѣйствовалъ подъ вліяніемъ процесса, являвшагося въ то время слѣдствіемъ насущной потребности русскаго народа, но дѣйствовалъ онъ гораздо рѣшительнѣе стольника и гораздо сознательнѣе его.

Не избѣгъ пажъ, государственный дѣятель, и нареканій. Нельзя забывать, однако, что онъ былъ сыномъ своего суроваго времени, когда мололи, а мука еще не выходила. И надо быть благодарнымъ, когда среди шумной толпы лицъ, борющихся, топящихъ другъ друга, то безвозвратно погибающихъ, то только на время совсѣмъ исчезающихъ, а потомъ вновь всплывающихъ, можно встрѣтить Ивана Ивановича Шувалова, Михаила Илларіоновича Воронцова и Корнилія Богдановича Бороздина и сказать: а вѣдь они были пажи!

Екатерина

„Гос. Художеств. печати"

Глава III.

Царствованіе императрицы Екатерины и императора Павла.

Увлеченіе императрицы Екатерины въ духѣ просвѣтительной философіи.
Происхожденіе философіи вѣка просвѣщенія.
Процессъ подражанія и роль, которую играла въ немъ императрица Екатерина.
Творческій процессъ.
Воспитаніе и образованіе. Общій ходъ развитія того и другого съ дореформенныхъ временъ до воцаренія императрицы Екатерины.
Профессіональное и гуманитарное образованіе.
Иванъ Ивановичъ Бецкій и его просвѣтительная дѣятельность.
Значеніе этой дѣятельности.
Австрійская система и Янковичъ-де-Маріево.
Отношеніе русскихъ къ австрійской системѣ.
Педагогическій персоналъ временъ императрицы Екатерины.
Какъ воспользовалось русское общество тою школою, которую ему предлагало правительство.
Академикъ Миллеръ. Планъ для обученія пажей и разборъ его.
Чѣмъ долженъ быть Пажескій корпусъ по мнѣнію академика Миллера.
Насколько привились къ жизни проэкты Миллера.
Преобразованіе корпуса въ духѣ австрійской системы.
Планъ сенатора Завадовскаго. Разборъ его.
Придворная и школьная жизнь пажей временъ императрицы Екатерины по воспоминаніямъ Н. П. Брусилова и А. А. Башилова.
Случай съ Шешковскимъ.
Дѣятельность пажей въ царствованіе императрицы Екатерины.
Пажи и пажескій корпусъ въ XVIII вѣкѣ.
Нѣкоторыя мѣропріятія относительно корпуса императора Павла I.
Заключеніе.

Съ самаго начала своего царствованія императрица Екатерина стала дѣйствовать въ духѣ Петра, т. е. въ духѣ реформъ. Очень скоро ей пришлось, однако, убѣдиться въ одной неоспоримой истинѣ, что если учрежденія и играютъ важную роль въ жизни народной, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, то люди играютъ еще большую роль въ той самой жизни, которую они создаютъ. Императрица вскорѣ поняла, что можно создавать какія-угодно хорошія учрежденія, но если не будетъ людей способныхъ въ нихъ дѣйствовать, ничего ни выйдетъ путнаго, и, наоборотъ, при сравнительно неудовлетворительномъ государственномъ строѣ, но при наличности способныхъ и порядочныхъ дѣятелей, самые недостатки этого строя сгладятся.

Отсюда ясно, что она пришла къ мысли создать иную породу людей. Но что менѣе понятно: она думала, что это дѣло сравнительно легкое, что стоитъ поставить какое-нибудь лицо съ дѣтства въ иныя условія, стоитъ его изолировать отъ окружающей среды и затѣмъ соотвѣтственно воспитывать—и новая порода создана.

Подобный взглядъ можетъ представиться, съ нашей, современной точки зрѣнія, болѣе чѣмъ наивнымъ, онъ вызываетъ такую же улыбку снисхожденія, какъ и другой, взглядъ, высказанный той же Екатериною. Она въ одномъ письмѣ къ своей бывшей гувернанткѣ пишетъ, что обѣщаетъ ей создать въ Россіи третье сословіе [1]).

Но стоитъ намъ перенестись въ середину XVIII столѣтія во Францію, въ Англію или въ Германію и познакомиться съ жизнью и взглядами тогдашнихъ людей, улыбка снисхожденія изчезнетъ и невольно придется воскликнуть: да иначе при всѣхъ своихъ выдающихся способностяхъ великая монархиня и думать не могла. Мысли, которыя она высказывала и которыя она пыталась проводить въ жизнь, что называется, носились въ воздухѣ, ими была насыщена атмосфера, это была своего рода умственная эпидемія безграничной вѣры въ разумъ человѣка, логическое послѣдствіе всего предыдущаго развитія.

И въ самомъ дѣлѣ. Сначала, въ связи съ другими причинами, христіанство разрушило римскую имперію, но разрушило настоящимъ

христіанскимъ образомъ, не вынимая меча, а всесокрушающею силою своихъ мучениковъ. Затѣмъ, идя по тому же пути перерожденія человѣка, перевоспитанія его, оно выступило съ своею проповѣдью среди варваровъ, довершившихъ начатое христіанами разрушеніе языческаго міра. Но тутъ то оно и не удержалось на своей первоначальной высотѣ. Церковь рѣшила, что, какъ мы уже упоминали, говоря о рыцаряхъ, итти медленною дорогою переработки внутренняго „я“ человѣка слишкомъ утомительно и нескоро приведетъ къ желаннымъ результатамъ, да и кромѣ того она поняла, что сразу передѣлать полуживотную натуру средневѣковаго варвара, въ которомъ въ гораздо большей степени жилъ человѣкъ-звѣрь, чѣмъ человѣкъ-духъ, прямо невозможно, и вотъ она пошла на уступки. Она дала выходъ его звѣрскимъ наклонностямъ, поставивъ ему благородную цѣль борьбы съ язычниками и, такъ сказать, насильственное обращеніе ихъ въ христіанство. Эти борцы за вѣру — рыцари, воины Христа, несомнѣнно въ значительной мѣрѣ содѣйствовали смягченію нравовъ средневѣкового общества.

Но уступки, сдѣланныя церковью по необходимости, уступки вызванныя тѣмъ, что ей приходилось дѣйствовать среди общества съ весьма развитою животною природою, невольно втянула и церковь на невѣрный путь. Допустивъ насильственное превращеніе язычника въ христіанина, отступивъ отъ завѣтовъ Христа, стремившагося къ внутренней переработкѣ человѣка, церковь допустила и даже потребовала насильственнаго обращенія человѣка-духа съ человѣкомъ-звѣремъ, она потребовала, чтобы человѣкъ-духъ попиралъ, истязалъ и изнурялъ человѣка-звѣря, другими словами, она поставила передъ средневѣковымъ обществомъ аскетическій идеалъ и, такимъ образомъ, и тутъ въ области внутренняго перерожденія человѣка церковь предложила дѣйствовать мечомъ.

Наконецъ, мечомъ же она стала преслѣдовать и свободную мысль человѣка и ее она сковала аристотелевскою изуродованною логикою и схоластикою, а затѣмъ всякій свободный полетъ ея старалась задушить въ самомъ корнѣ.

Такъ незамѣтно отъ одной, казалось, логической уступки, переходя все къ новымъ и новымъ уступкамъ и все болѣе удаляясь отъ завѣтовъ Учителя, средневѣковая церковь опустилась до уровня феодальнаго общества, въ которомъ господствовало насиліе всякаго рода.

Опустившись до его уровня, она и съ нимъ вступила въ борьбу за земную власть. Въ этой борьбѣ опять-таки видную роль играетъ все тотъ же мечъ.

Такое положеніе вещей не могло продолжаться долго: угнетенная личность должна была возстать во имя своихъ моральныхъ правъ, во имя своихъ естественныхъ правъ, вопросъ о которыхъ, какъ мы знаемъ, занималъ еще и языческій міръ и который церковь рѣшила въ свою пользу, т. е. что ей, а не кому другому, принадлежитъ естественное право опеки надъ свѣтскимъ обществомъ. И личность возстала, она возстала сначала противъ аскетическаго идеала, противъ необходимости угнетать физическую природу человѣка, затѣмъ она возстала противъ оковъ схоластики.

Наступила эпоха возрожденія—возрожденія античнаго идеала, гармоническаго развитія всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ человѣческой природы и свободнаго изслѣдованія.

Античный міръ сдѣлался предметомъ изученія, поклоненія и подражанія.

Эпоха возрожденія положила грань между наукою и религіею. Пути ихъ раздѣлились. Она же дала толчекъ протесту противъ насильственныхъ феодальныхъ правъ.

Всѣми своими побѣдами эпоха возрожденія обязана разуму. Свободный человѣческій разумъ получилъ съ тѣхъ поръ первенствующее значеніе, на него стали возлагаться всѣ надежды. Опираясь на него, эмпирикъ Бэконъ призналъ источникомъ научнаго знанія опытъ. Раціоналистъ Декартъ все свелъ къ нему, его одного онъ призналъ несомнѣннымъ фактомъ нашего сознанія и знаніе тогда только истинно научнымъ, когда оно становится вполнѣ яснымъ для разума. Въ то же время ученіе объ естественномъ правѣ свелось къ ученію „о правѣ разума“.

Наконецъ, право разума признано и въ религіозныхъ вопросахъ, и здѣсь онъ завоевалъ себѣ мѣсто и вызвалъ къ жизни протестанство, реформатство, англиканство, пуританство, индепенденство, квакерство и множество сектъ, для борьбы съ которыми церковь пустила въ ходъ все то же старое испытанное средство—мечъ.

Но чѣмъ дальше развивалось западно-европейское общество, тѣмъ болѣе глубокіе корни пускала вѣра въ разумъ и въ его всемогущую силу. Понемногу эта вѣра превратилась въ фанатизмъ. Чувство, руководимое смутнымъ инстинктомъ и въ свою очередь руководившее

волею человѣка, признавалось чѣмъ-то безусловно низшимъ, безконечно малою величиною, о которой и говорить не стоитъ, его роль вполнѣ отрицалась такъ же, какъ роль воли, которая по какому-то недоразумѣнію отождествлялась съ всесильнымъ владыкою—разумомъ.

Но странное дѣло, масса увлекавшаяся поклоненіемъ разуму, совершенно не замѣчала, что вѣра въ него и увлеченіе имъ только потому и были возможны, что сводившееся къ нулю чувство подхватило продуктъ работы ума, сдѣлало его своимъ достояніемъ и стало имъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Въ результатѣ для массы руководителемъ ея воли все же явилось изгнанное разумомъ чувство.

Но она этого отнюдь не сознавала и не понимала и была вполнѣ чистосердечно убѣждена, что дѣйствуетъ по велѣнію своего кумира—разума. Понятно, что такая, для громаднаго большинства, слѣпая вѣра въ разумъ, на ряду съ весьма несовершеннымъ состояніемъ историческихъ знаній, должны была создать полнѣйшее презрѣніе къ историческимъ условіямъ развитія того или другого народа и вселить увѣренность, что разъ разумъ признаетъ что-нибудь хорошимъ, то вездѣ и всюду это признанное имъ хорошимъ, должно оказать свое благотворное вліяніе.

Послѣ всего сказаннаго совершенно ясно, почему Екатерина была увѣрена, что она можетъ создать въ Россіи третье сословіе и новую породу людей. Она была только дочерью своего увлекавшагося разумомъ времени, она, какъ и большинство современниковъ, не отдавала себѣ отчета въ той неразрывной связи, какая существуетъ между тремя основными элементами человѣческой души: умомъ, чувствомъ и волею. Она упускала изъ виду, что развитіе одного изъ этихъ элементовъ въ ущербъ другимъ двумъ противоестественно и безнаказанно пройти не можетъ, что рано или поздно, попранныя чувства и воля возьмутъ свое. Екатерина не знала, что необузданная воля варвара долго мѣшала зараждающемуся обществу принять форму общества цивилизованнаго и культурнаго, что долго попиравшійся во имя религіознаго чувства разумъ потребовалъ признанія своихъ правъ и что порабощенныя теперь чувства и воля въ свою очередь когда-нибудь тоже потребуютъ признанія и своихъ правъ.

Какъ извѣстно, императрица Екатерина по рожденію и по воспитанію принадлежала западной Европѣ. Слѣдовательно, вступая на престолъ и дѣлаясь центромъ двора, т. е. очага, гдѣ зародился и откуда распространялся подражательный процессъ, она въ то же время болѣе,

чѣмъ кто-либо, могла взять на себя роль естественной руководительницы разумнаго и осмысленнаго подражанія Западу. Ко времени ея воцаренія значительно расширился кругъ лицъ, понимавшихъ, чему надо подражать, что въ значительной мѣрѣ облегчало задачу императрицы. На зато, если расширился кругъ осмысленныхъ подражателей, то вмѣстѣ съ тѣмъ расширялся и кругъ всевозможныхъ галломановъ и англомановъ, которые полагали, что вся суть въ формѣ и что стать европейцемъ дѣло совсѣмъ не трудное: стоитъ лишь сдѣлаться имъ по внѣшнему виду.

„Времена Екатерины", говоритъ академикъ Пыпинъ, „были въ прошломъ вѣкѣ по преимуществу временемъ „европейничанія", доходившаго до размѣровъ, которые становятся странными" [2]).

Вотъ эта-то галломанія или европейничаніе осмѣивалось въ различныхъ сатиристическихъ журналахъ второй половины XVIII вѣка.

Облегчало задачу императрицы и другое обстоятельство: она, будучи еще великой княжной, не тратила даромъ времени, она изучила окружающихъ ея людей, изучила насколько могла Россію и настолько сумѣла полюбить свое второе отечество, освоиться съ нимъ, что въ концѣ концовъ всѣ забыли ея иностранное происхожденіе, а русскій народъ иначе не звалъ ее, какъ „матушка Екатерина".

Мы уже раньше обратили вниманіе на то, что въ царствованіе императрицы Елизаветы замѣчались слѣды нарождавшагося творческаго контръ-процесса и что мощная фигура самородка Ломоносова краснорѣчиво свидѣтельствовала о томъ, какія сокровища скрываются въ темныхъ массахъ русскаго народа.

Въ царствованіе Екатерины едва замѣтные слѣды обозначились яснѣе.

Явилось стремленіе къ изученію народа и къ сближенію съ его жизнью и интересами. Изданіе лѣтописей, описаніе Россіи увеличивали горизонтъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній выроставшее политическое могущество Россіи расширило національный патріотизмъ до степени, изображенной поэзіею Державина; этотъ патріотизмъ заставлялъ оглядываться на славныя дѣянія прошедшаго, на доблести русскаго народа и на его настоящее. Наконецъ, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVIII вѣка возникли попытки изученія народнаго характера и этнографической старины.

Сама Екатерина занялась исторіею.

Самыми знаменательными представителями той стороны обще-

ственнаго мнѣнія, которое уже тогда начинало зарождаться и которое старалось критически выяснить положеніе вещей, были Новиковъ и пажъ Радищевъ. Новиковъ, послѣ Ломоносова, едва-ли не замѣчательнѣйшій представитель умственныхъ стремленій общества прошлаго вѣка, какъ по настойчивости своихъ исканій и труда, такъ и по своей судьбѣ.

Сатирическій публицистъ въ началѣ своей дѣятельности, неутомимый издатель книгъ, историкъ, археологъ, мистическій философъ— онъ въ основѣ всего былъ горячій патріотъ, искавшій просвѣщенія для блага народа, подавленное состояніе котораго ему было видно. Его критическое отношеніе къ жизни касается уже самыхъ серьезныхъ предметовъ общественнаго и народнаго быта, какъ крѣпостное право, недостатки въ церковной жизни, испорченность чиновничества. Его историческіе труды „Вивліоѳика“ и пр. надолго остались однимъ изъ капитальныхъ источниковъ для нашихъ историковъ. Предполагали не безъ основанія, что вліяніе Новикова сказалось на комедіи фонъ-Визина и на исторіи Карамзина.

Дѣятельность Радищева была подорвана катастрофой безжалостнаго преслѣдованія; нѣсколько печальныхъ истинъ, необдуманно высказанныхъ передъ людьми, неспособными признать ихъ, навлекли на него гоненіе, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. Позднѣйшіе критики бросили въ него еще нѣсколько камней, но каковы бы ни были частные недостатки его книги, она осталась памятникомъ такого пониманія самой тяжкой народной бѣды, на которое съ отраднымъ чувствомъ можетъ указать историкъ, какъ на честный голосъ среди льстивыхъ и низкопоклонныхъ дифирамбовъ. Нѣсколько страницъ въ его книгѣ — первая ясно поставленная картина крестьянскаго быта, которой продолженіе явилось только въ сороковыхъ годахъ съ несмѣлыми осужденіями крѣпостного права въ литературѣ и затѣмъ уже съ открытымъ осужденіемъ съ конца пятидесятыхъ годовъ.

Въ послѣднихъ двухъ десятилѣтіяхъ прошлаго вѣка возникаетъ въ первыхъ, иногда замѣчательныхъ пробахъ изученіе народныхъ обычаевъ, преданій, собираніе народныхъ пѣсенъ: это было не случайное дѣло простого любопытства, а именно опредѣленное, хотя часто весьма неумѣлое, желаніе разыскать народную старину, какъ исторически поучительный остатокъ древнихъ временъ. Таковы были, въ особенности, труды Чулкова, Новикова, Прача. Остатки древности воз-

буждали все бо̀льшее историческое любопытство; еще во времена Татищева въ кругу людей новаго образованія были любители старыхъ рукописей, теперь они являются чаще и съ бо̀льшимъ пониманіемъ историческаго значенія памятниковъ старины. Однимъ изъ такихъ любителей былъ графъ Мусинъ - Пушкинъ, по мысли котораго были собираемы лѣтописи изъ монастырскихъ библіотекъ. Цѣлый рядъ лѣтописей древнихъ и среднихъ временъ изданъ былъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Вопросы исторіи уже связываются съ современностью; между ними чувствуется тѣсная связь; сравнивается старое и новое, разыскиваются причины общественныхъ явленій; указываются ошибки, заявляются идеалы. Таковы слѣдующіе за Татищевымъ и Ломоносовымъ труды кн. Щербатова и Болтина, въ которыхъ видятъ зародыши славянофильства: ихъ смущали въ новомъ русскомъ обществѣ разныя неблагопріятныя явленія, которыя были отчасти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ „броженія, наступившаго послѣ реформы“ [3]).

Но если творческій контръ-процессъ сказывался въ жизни вообще, и сказывался на столько, что его можно было ясно замѣтить,—въ вопросахъ воспитанія и образованія, то есть въ коренныхъ въ сущности вопросахъ, самый внимательный наблюдатель едва ли нашелъ бы его слѣды. Въ предыдущихъ главахъ мы уже намѣтили въ общихъ чертахъ ходъ дѣла воспитанія и образованія въ Россіи. Здѣсь, для лучшаго пониманія послѣдующаго, напомнимъ читателю то, что ему извѣстно.

Въ дореформенной Россіи все образованіе сводилось къ чтенію и письму и пѣнію и непосредственною цѣлью имѣло подготовить русскаго человѣка къ пониманію священнаго писанія, въ которомъ для нашихъ предковъ сосредоточивалась вся премудрость. Но того, что мы называемъ профессіональнымъ, классическимъ и вообще гуманитарнымъ образованіемъ, не существовало. Воспитаніе также не составляло особаго предмета заботы. Какъ бы подразумѣвалось, что цѣлью его должно быть воспитаніе мальчика въ духѣ православной церкви и что заботу эту должны брать на себя родители, а помогать имъ въ этомъ дѣлѣ должно своими совѣтами духовенство.

Но такъ какъ для большинства родителей вся религія сводилась къ внѣшней уставной формѣ, которою это большинство и дорожило, то естественно, что воспитать въ духѣ православной церкви значило, по понятіямъ русскаго человѣка XVIII столѣтія, сдѣлать изъ юноши ревностнаго исполнителя церковныхъ обрядовъ. О внутреннемъ пере-

воспитаніи недавняго язычника въ настоящаго христіанина думали очень немногіе, а потому въ безчисленныхъ суевѣріяхъ, которыхъ придерживались на Руси того времени и знатные и незнатные, постоянно всплывалъ наружу язычникъ.

Но уже въ XVII столѣтіи выяснилось, что своими доморощенными средствами Россія не справится съ военными задачами, которыя ей ставила государственная политика. Казалось, что еще на Востокѣ и на Югѣ можно было бороться такъ, какъ боролись до сихъ поръ, пользуясь несовершеннымъ оружіемъ и примитивными, сравнительно, пріемами веденія войны, но что на Западѣ надо европейскому искусству противопоставить что-нибудь равносильное. Отсюда явилась потребность въ техническомъ образованіи, которая сдѣлалась еще болѣе ощутительной, потому что и развитіе экономической жизни страны тоже вынуждало обратиться къ помощи того же техническаго образованія. Къ нему и обратились, но не къ теоріи его, а къ практическимъ пріемамъ, выработаннымъ техникой; ихъ постарались привить, а для этого стали приглашать знакомыхъ съ ними иностранцевъ.

Петръ, понявъ, что политическія задачи, поставленныя предшественниками, могутъ быть рѣшены только силою оружія, одновременно понялъ, что изученіе одной практической стороны военнаго дѣла недостаточно, что необходимо знакомство и съ теоретической стороной его техники, а также и съ вспомогательными математическими науками, благодаря которымъ теорія можетъ сдѣлаться понятной.

Это побудило его обратить вниманіе, какъ, главнымъ образомъ, на военное, такъ вообще на техническое теоретическое образованіе, а также и на изученіе языковъ, безъ котораго сношенія съ иностранцами, обладавшими нужными русскимъ знаніями, было невозможно.

Такія его заботы о распространеніи техническо-теоретическаго образованія вполнѣ отвѣчали насущнымъ потребностямъ русскаго народа.

Но этимъ онъ не удовлетворился. Ему хотѣлось, чтобы русскіе люди получили и то, что мы называемъ теперь среднимъ образованіемъ, а также и высшее образованіе. Другими словами, увлеченный подражательнымъ процессомъ, въ который онъ былъ втянутъ, онъ стремился по образцу Европы насадить то, что уже совсѣмъ не отвѣчало потребностямъ его народа. Плодомъ этого стремленія явилась академія наукъ и при ней, такъ называемая, академическая гимназія, которая долгое

время не могла набрать учениковъ и должна была чуть ли не силою втаскивать ихъ въ свои классы.

То же подражаніе побудило Петра обратить вниманіе и на пріобрѣтеніе его подданными внѣшняго европейскаго лоска, для чего онъ пожелалъ обучить ихъ танцамъ.

Такимъ образомъ, сами собой выяснились тѣ предметы, которые стали у насъ преподаваться.

Во-первыхъ, языки, какъ орудіе для усвоенія всякихъ европейскихъ знаній, во-вторыхъ, военныя науки и, главнымъ образомъ, фортификація и артиллерія и, какъ вспомогательныя, ариѳметика, геометрія и алгебра и въ-третьихъ, танцы, какъ средство пріобрѣсти внѣшній европейскій лоскъ.

Итакъ, въ дни правленія Петра преобладали заботы о распространеніи военнаго образованія, что отвѣчало преобладанію военныхъ интересовъ, которые и до его царствованія занимали, какъ мы знаемъ, первое мѣсто и подчиняли себѣ всѣ другіе. Это первенствующее ихъ значеніе приводило къ тому, что военная служба являлась въ глазахъ русскаго общества XVII столѣтія какъ бы болѣе необходимою, а гражданская только вспомогательною. Выше всего стояла для дореформенной Руси придворная служба, которая въ значительной степени опредѣляла размѣръ и военныхъ способностей того или другого лица. Оказывалъ царь большее довѣріе извѣстному боярину, что выражалъ пожалованіемъ ему болѣе высокаго придворнаго званія, и этотъ бояринъ считался болѣе способнымъ, чѣмъ кто-либо другой, и среди командnаго элемента арміи занять болѣе высокій постъ.

Взаимоотношеніе между тремя только-что поименованными родами службы въ концѣ концовъ было слѣдующее: придворное званіе обусловливало военный чинъ, военный чинъ—іерархическое положеніе въ арміи въ военное время и положеніе въ администраціи въ мирное; слѣдовательно всѣ три рода службы неразрывно связывались, даже какъ бы сливались.

Петръ какъ будто уничтожилъ значеніе придворной службы и ея вліяніе на военную и гражданскую, но это только какъ будто, на самомъ дѣлѣ, въ силу личныхъ своихъ особенностей онъ видоизмѣнилъ, какъ службу, упростивъ ее до неузнаваемости, такъ и ея значеніе—соразмѣривъ свое довѣріе со способностями приближенныхъ лицъ, а не съ ихъ родовитостью.

Военную же службу отъ гражданской онъ постарался рѣшительно отдѣлить. Для этого то Петръ и попробовалъ давать лицамъ, посвящающимъ себя одной изъ поименованныхъ категорій государственной службы, спеціальную подготовку. Но русское дворянство, привыкшее, какъ мы видѣли, относиться съ особымъ уваженіемъ къ военной службѣ, уклонялось отъ полученія спеціальнаго образованія нужнаго для прохожденія гражданской службы и предпочитало готовить себя въ ряды арміи.

Другими словами, попытка диференціаціи общественныхъ функцій не удалась и не удалась потому, что время такой диференціаціи еще не настало: государственный организмъ не былъ еще достаточно развитъ, а потому въ ней и не нуждался. Не былъ же онъ въ достаточной мѣрѣ развитъ потому, что, повторимъ еще разъ, цѣли государственной активной обороны преобладали въ это время надъ всѣми другими цѣлями и въ жертву имъ приносилось все остальное.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется и другое: упомянутая нами неудача Петра, заключавшаяся въ томъ, что ему не удалось насадить въ Россіи безотносительное гуманитарное знаніе, которое при тогдашнемъ положеніи вещей не отвѣчало никакимъ потребностямъ русскаго человѣка. Что для успѣшнаго веденія войны надо быть знакомымъ съ орудіями войны и умѣть ихъ изготовлять, это русскіе люди начала XVIII вѣка отлично понимали. Стали они отчетливо понимать, приходя въ частное соприкосновеніе съ иностранцами, и значеніе промышленности. Понимали они и то, что иностранные языки для нихъ, постоянно сталкивающихся съ учителями, совсѣмъ не понимающими по русски или, во всякомъ случаѣ, очень плохо уразумѣвшими ихъ родной языкъ—полезны. Наконецъ, понимали они и то, что если царь и царевна хорошо танцы танцуютъ, то имъ надо выучиться дѣлать то же самое.

Но для подавляющаго большинства изъ подданныхъ Петра совершенно не было понятно, для чего нужна академія наукъ и академическая гимназія. Научить, какъ надо жить, оба эти учрежденія не научатъ, этому учитъ святое писаніе и лучшіе изъ духовенства; какъ быть хорошимъ воиномъ и успѣшно заниматься промышленными предпріятіями они также не могутъ научить, а потому, разсуждалъ современникъ, оба эти учрежденія „ни къ чему“.

Въ этомъ отношеніи моментъ возникновенія академіи наукъ былъ

знаменательный моментъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Создавалось что-то такое, что совершенно не отвѣчало народнымъ нуждамъ, что навязывалось ему, но что должно было наложить особенную печать на все его дальнѣйшее развитіе, такъ какъ повлекло за собою возникновеніе цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учрежденій, которымъ правительство покровительствовало и при помощи которыхъ пыталось будить русскую мысль.

Просвѣтительная дѣятельность Петра наложила печать и на дѣятельность его наслѣдниковъ. Они пошли по его стопамъ, они тоже пытались отдѣлить военную службу отъ гражданской. Такъ открытію Шляхетскаго корпуса при Аннѣ Іоанновнѣ предшествовалъ указъ, данный Сенату 29 Іюля 1731 г., въ которомъ мы читаемъ: „Весьма нужно, дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ къ военному дѣлу въ теоріи обучены, потомъ и въ практику годны были; того ради указали мы учредить корпусъ кадетовъ, состоящій изъ 200 человѣкъ шляхетскихъ дѣтей отъ 13 до 18 лѣтъ какъ россійскихъ, такъ эстляндскихъ и лифляндскихъ провинцій, которыхъ обучать ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, артиллеріи, шпажному дѣйству, на лошадяхъ ѣздить и прочимъ къ воинскому дѣлу потребнымъ наукамъ. А понеже не каждая природа къ воинскому склонна, также въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе; того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованія, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ дабы, видя природную склонность, потому бъ и къ ученію опредѣлять“ [4]).

Мысль указа о томъ, что поступленіе на ту или другую службу должно было обусловливаться природною склонностью къ ней, приведена была въ исполненіе слѣдующимъ образомъ: „въ первомъ высшемъ классѣ (всѣхъ было 4), говоритъ полковникъ Мельницкій, занимались преимущественно тѣми науками, къ коимъ кадеты показывали больше склонности въ прежнихъ классахъ и соображаясь съ предназначеннымъ родомъ службы, безъ всякаго, однако, при томъ пристрастія. Съ этою цѣлью при переводѣ кадетъ въ первый классъ составлялся совѣтъ изъ начальства корпуса и учителей для опредѣленія, кто къ какимъ наукамъ показываетъ болѣе наклонностей, что и исполнялось при назначеніи воспитанниковъ къ выпуску изъ корпуса“ [5]).

Какъ мы сейчасъ видѣли, попытка отдѣлить военную службу отъ

гражданской у наслѣдниковъ Петра, какъ и у него самого, прежде всего отразилась на ихъ просвѣтительной дѣятельности.

Они пытались создать что-то въ родѣ единой профессіональной школы съ военнымъ, однако, оттѣнкомъ, въ послѣднемъ классѣ которой начиналась бы спеціализація.

Нельзя не замѣтить, что съ педагогической точки зрѣнія желаніе справляться съ наклонностями воспитанниковъ представляется явленіемъ весьма замѣчательнымъ.

Это желаніе свидѣтельствуетъ, что уже и тогда смутно сознавали законъ интереса и полагали, что, руководясь имъ въ дѣлѣ образованія и даже государственной службы, можно достигнуть удивительныхъ результатовъ. Кромѣ того, это же желаніе свидѣтельствуетъ, что у насъ въ Россіи принципъ индивидуальности въ образованіи сталъ примѣняться раньше, чѣмъ его примѣнили при воспитаніи. Оно и понятно, въ до-Петровской Руси признавалось, какъ мы знаемъ, только христіанское воспитаніе въ духѣ православной церкви, при Петрѣ и его наслѣдникахъ къ понятію православнаго воспитанія присоединили понятіе о военномъ воспитаніи.

Пошли наслѣдники по стопамъ Петра и въ смыслѣ насажденія гуманитарнаго образованія или распространенія общаго теоретическаго образованія.

Въ этомъ отношеніи замѣчательно начинаніе бывшаго пажа, извѣстнаго уже намъ Ивана Ивановича Шувалова.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы стало ясно, что академическій университетъ въ Петербургѣ и состоящая при академіи гимназія не могутъ удовлетворить своему назначенію, что они существуютъ болѣе номинально, чѣмъ на дѣлѣ; въ особенности, университетъ, изображающій изъ себя настоящую пародію: въ немъ даже профессоровъ было больше, чѣмъ студентовъ. Для того, чтобы вывести его изъ такого ненормальнаго положенія, записали принудительно въ число студентовъ 30 человѣкъ казенно-коштныхъ, но и это не помогло, на время университетская жизнь оживилась, но послѣ экзамена 20 студентамъ, лекціи прекратились.

Правительство, видя эту неудачу, рѣшило достичь своей цѣли размноженія наукъ въ Имперіи другимъ путемъ, а именно: по мысли Ивана Ивановича Шувалова оно открыло университетъ въ Москвѣ въ 1755 г. Дѣлая это, оно расчитывало на центральное положеніе старой столицы, на большое число живущихъ въ ней дворянъ и раз-

ночинцевъ, на большую легкость содержанія учащихся — у родныхъ или знакомыхъ, наконецъ, на несомнѣнной потребности въ образованіи, о которой будто бы свидѣтельствовало „великое число домашнихъ учителей, содержимыхъ помѣщиками въ Москвѣ“.

При университетѣ открыты были двѣ гимназіи—одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Становясь студентомъ, гимназистъ-недворянинъ получалъ шпагу и дворянство, а оканчивая университетъ, студентъ получалъ первый оберъ-офицерскій чинъ. Вотъ эти то чисто служебныя преимущества, которыя указывали на реальную пользу прохожденія университетскаго курса, независимо отъ того, что тамъ преподавалось, и сдѣлали свое дѣло.

Университетъ привлекъ слушателей и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ принялся мечтать, ободренный первымъ удачнымъ опытомъ, о томъ, какъ онъ покроетъ всю Россію сѣтью учебныхъ заведеній. Въ маленькихъ городахъ это должны были быть элементарныя школы для обученія грамотѣ и ариѳметикѣ; изъ нихъ учащіеся должны были направляться „въ знатные города“, гдѣ проектировалось устроить гимназіи, а изъ гимназій кончившіе должны были переходить въ высшія учебныя заведенія обѣихъ столицъ. „Изъ этого грандіознаго проекта осуществлена одна самая ничтожная часть. Шуваловъ обратился къ академикамъ за совѣтомъ, гдѣ и какія гимназіи должны были учреждены въ Россіи“? Академикъ Фишеръ далъ на этотъ вопросъ очень любопытный отвѣтъ. „Еслибы наука въ россійскомъ государствѣ, говоритъ Фишеръ, большее приращеніе получила и если бы по даннымъ совершенно было извѣстно, на какой конецъ учреждены бываютъ училища, то я совѣтывалъ бы стараться безъ упущенія времени о заведеніи во всѣхъ главныхъ городахъ каждой провинціи новыхъ школъ и гимназій. Но понеже подданные не подлинно еще вѣдаютъ, сколь великіе и полезные плоды приносятъ науки государству, то я за благо разсуждаю не вдругъ сіе дѣло производить, но сперва только въ нѣкоторыхъ городахъ учредить тому опытъ... Прежде всего, по моему мнѣнію, надлежитъ гимназію основать въ Казани“. Казанская гимназія или, вѣрнѣе, двѣ,—одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, дѣйствительно, была основана уже въ 1758 г. и осталась единственной [6]).

Такъ старалось правительство насаждать науки, но, по замѣчанію почтеннаго академика, даромъ тратило свои усилія. Общество откликалось сочувственно лишь тогда, когда видѣло непосредственную

практическую выгоду въ ихъ изученіи, т. е. въ сущности требовала профессіональнаго образованія.

Интересно то, что правительство и дворъ, втянутые въ подражательный процессъ стремились пересадить въ Россію просвѣщеніе Запада цѣликомъ. Общество же, тоже втянутое въ процѣссъ подражаній, брало изъ этого просвѣщенія то, въ чемъ оно нуждалось и то, что было ему по плечу, согласовалось съ его развитіемъ. Оно съ жадностію набросилось на иностранные языки и на танцы, но изъ средства превратило то и другое въ цѣль, сдѣлало ихъ принадлежностью внѣшне-европейски образованнаго человѣка.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Елизаветы Петровны въ Россіи привилось профессіональное образованіе и, главнымъ образомъ, военное и поверхностное полуобразованіе, состоящее изъ изученія языковъ и тонкости танцовальнаго искусства.

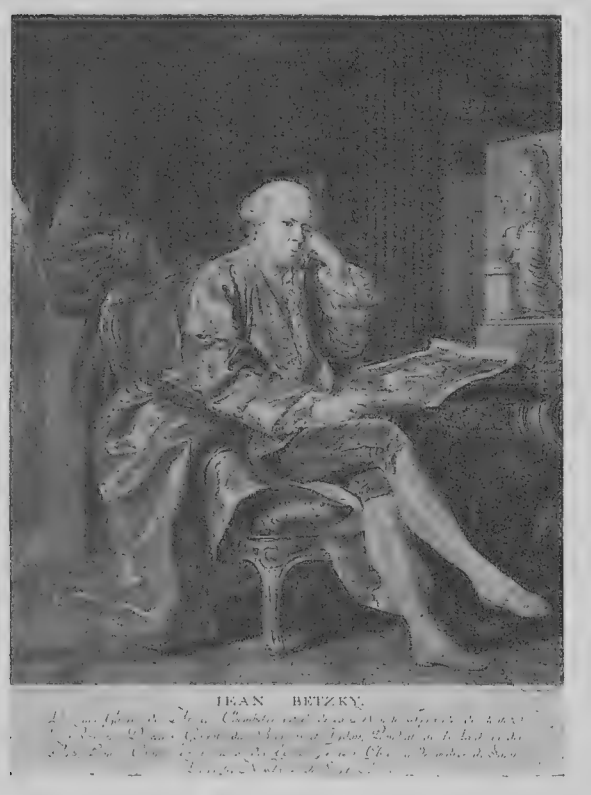
Къ понятіямъ православнаго и военнаго воспитанія присоединилось понятіе о свѣтскомъ воспитаніи, заключавшееся въ усвоеніи манеръ гувернеровъ и гувернантокъ, которые настолько уже наводнили Москву, а съ ней и Россію, что ввели въ заблужденіе правительство, вообразившее, что въ Россіи существуетъ несомнѣнная потребность въ общемъ гуманитарномъ образованіи.

Наконецъ, судя по хорошо намъ извѣстной инструкціи, данной барону Шуди, среди русскихъ начинало распространяться убѣжденіе, что науки вообще могутъ способствовать перевоспитанію человѣка, что образованіе непосредственно вліяетъ на воспитаніе, что, благодаря ему, молодые люди „къ постоянному и пристойному разуму и благороднымъ поступкамъ наивяще преуспѣвать и отъ того учтивыми, пріятными и во всемъ совершенными себя показать могутъ, какъ христіанскій законъ и честная ихъ природа повелѣваютъ“.

Какъ мы уже говорили, императрица Екатерина на первыхъ порахъ своего царствованія увлеклась мыслью создать въ интернатахъ новую породу людей. Слѣдовательно, на первый планъ она выдвинула воспитательную задачу, которую полагала рѣшить не одними только средствами образованія, но и нѣкоторыми другими пріемами. Тѣмъ не менѣе, будучи дочерью своего раціоналистическаго вѣка, она положила главную свою надежду на благотворное вліяніе образованія. Чтобы удобнѣе воздѣйствовать на воспитанниковъ, она рѣшилась изолировать ихъ отъ окружающей среды въ полной увѣренности, что человѣкъ при рожденіи, согласно ученію Локка, въ умственномъ

отношеніи представляетъ изъ себя не что иное, какъ tabul'y ras'y, на которой можно писать, что угодно; все зависитъ съ одной стороны отъ обстановки, въ которую онъ попадетъ, а съ другой отъ знанія и искусства пишущаго.

Помощникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій чистый продуктъ заграничнаго воспитанія и образованія [7]). Онъ помогъ осуществить идею императрицы и на первыхъ порахъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ ничего не было сдѣлано—въ сферѣ женскаго образованія и воспитанія. Дѣло было поведено такъ, что воспитанницы первыхъ выпусковъ Смольнаго института по справедливому замѣчанію автора удивительно граціознаго и въ тоже время вдумчиваго очерка Е. С. Шумигорскаго [8]), посвященнаго описанію жизни знаменитой смолянки Е. И. Нелидовой, не были совершенно подготовлены къ жизни. Оторванныя съ раннихъ лѣтъ отъ семьи и родныхъ онѣ возвратились по окончаніи курса чуждыя тѣхъ интересовъ, которыми жили ихъ близкіе и безсильныя облагораживающе воздѣйствовать на нихъ. Тѣмъ же недостаткомъ страдала постановка педагогическаго дѣла и въ открытыхъ по проекту Бецкаго воспитательныхъ домахъ. Чтобы ближе познакомить читателя съ педагогическими пріемами Бецкаго, посмотримъ, какъ онъ воспитывалъ кадетъ Шляхетскаго корпуса, управлять которымъ онъ былъ назначенъ 7 марта 1765 г.



Ив. Ив. Бецкій.

Бецкій предписалъ всѣмъ кадетамъ сдѣлать балотированіе „съ намѣреніемъ безпристрастнѣйшимъ образомъ вѣдать каждаго кадета поступокъ, нравъ, честныя мысли, самыя сокровенныя склонности къ доброму или злому, о чемъ никто лучше знать не можетъ, какъ ихъ сотоварищи, бывающіе ежеминутно свидѣтелями ихъ поведенія, всегда обращающіеся съ ними вмѣстѣ; для того опредѣляется: 1) всѣхъ кадетъ

отъ 14 лѣтъ и выше, въ уравненіе шести лѣтъ раздѣлить на шесть частей. Каждая часть должна на основаніи вышеприведеннаго намѣренія балотироваться, кого удостаиваютъ—класть согласные балы, о комъ сомнѣваются — сомнительные, котораго совсѣмъ отвергаютъ — несогласные, и такъ поступали со всѣми шестью частями, причемъ совершенно быть имъ свободнымъ, дабы совѣстно по мыслямъ своимъ оное производили, а тотъ за кого балы класть будутъ, долженъ на то время выходить вонъ, 2) по окончаніи сего частнаго балотированія выбрать изъ каждой части достойнѣйшихъ въ разсужденіи числа бѣлыхъ баловъ по 6 человѣкъ, коихъ будетъ отъ всѣхъ частей 36,—а ежели случится, что многіе кадеты въ одной части ровные будутъ имѣть число баловъ бѣлыхъ и прочихъ, такихъ перебалотировать снова оставшими изъ того числа столько разъ, дабы до шести несомнительныхъ дойти, 3) означеннымъ 36 человѣкамъ объявить вышеупомянутое намѣреніе балотированія и сдѣлать еще увѣщаніе, чтобы они при балотированіи всѣхъ кадетъ, не взирая ни на кого и не для какихъ причинъ противъ совѣсти своей не поступали, но по самой справедливости, какъ требуетъ долгъ честнаго человѣка, дали бы знать о каждомъ кадетѣ свое безпристрастное мнѣніе, полагая балы, какъ выше сказано, въ чемъ ихъ при начатіи балотированія привести къ присягѣ“.

„И потому ясно, что всѣ кадеты каждой части собственную пользу имѣютъ для своего сотоварища въ сущей правдѣ балы класть, дабы въ числѣ шести кадетъ, которые право имѣть будутъ оставшихся балотировать не повѣриться такимъ, которые того не могутъ быть достойны“ [9]).

„Увольненіе кадетъ было вовсе прекращено на томъ основаніи, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей“ [10]).

По докладу Бецкаго повелѣно было принимать черезъ каждые три года вмѣстѣ съ кадетами отъ 14—16 мѣщанскихъ дѣтей съ цѣлью образовать изъ нихъ для корпуса воспитателей и учителей. Въ докладѣ по этому поводу Бецкій говоритъ: „или дѣлать и дѣлать цѣлое совершенное или такъ и оставить не начинать“. Далѣе объясняя съ какимъ трудомъ заведеніе пріобрѣтаетъ достойныхъ воспитателей, Бецкій говоритъ, что большею частью принимаютъ такихъ, которыхъ

вовсе не знаютъ, и часто принуждены бываютъ перемѣнять ихъ,— что для воспитанія безполезно, для начальниковъ прискорбно, а для воспитанниковъ крайне вредно. Мѣщанскія же дѣти, которыя окончатъ курсъ наукъ въ корпусѣ, будутъ обязаны сему заведенію всѣмъ своимъ благополучіемъ и весьма естественно возымѣютъ къ нему привязанность. Отъ совѣта и генералъ-директора зависѣть будетъ только доставить этимъ дѣтямъ тѣ познанія, которыя необходимы для преподавателей, ибо сказано въ докладѣ, если желать того, чтобы кадеты знали много, то надлежитъ неустанно стараться о знаніи тѣхъ, кои ихъ обучать должны".

Въ обученіи мѣщанскихъ дѣтей вмѣстѣ съ кадетами Бецкій видитъ, кромѣ соревнованія, особую пользу, заключающуюся въ томъ, что черезъ такое взаимное обращеніе „кадеты, привыкнувъ заблаговременно не пренебрегать тѣми, кои законами общества опредѣлены къ нижнему противъ нихъ состоянію, научатся исподоволь судить о людяхъ по прямымъ достоинствамъ, а не по дѣламъ, не мало отъ нихъ не зависящимъ" [11]).

Не безъ вліянія Бецкаго въ Шляхетскомъ корпусѣ 9 мая 1785 г. происходилъ праздникъ бѣдныхъ. „Къ сему дню по повелѣнію Императрицы", читаемъ мы въ офиціальной исторіи 1-го кадетскаго корпуса: „собраны были въ корпусѣ сто человѣкъ старыхъ и немощныхъ нищихъ, для угощенія коихъ разставлены были на галлереѣ длинные столы. Множество любопытныхъ зрителей изъ дворянъ и купечества стеклось на празднество милосердія. Въ 11 часовъ утра воспитанники двухъ старшихъ возрастовъ сами начали носить кушанья и, разставя блюда по столамъ, пошли за гостями, которые между тѣмъ занимались съ товарищами ихъ ласковыми и привѣтливыми разговорами. Страдальцы, хромые и лишенные зрѣнія, поддерживаемы были питомцами. Не только взрослые, но и отроки участвовали въ этомъ подвигѣ человѣколюбія; на лицахъ ихъ изображалась сердечная радость, что они могутъ служить подпорою старости и нищетѣ. Началось пиршество. Усердные ревностные питомцы такъ искусно подчивали, угощали съ такою ловкостью, кормили и поили гостей своихъ, какъ будто бы нарочно тому учились. Желаніе угодить бѣднымъ и злополучнымъ въ добрыхъ и нѣжныхъ душахъ рождаетъ находчивую внимательность, способную ко всему. Въ эти минуты бѣдные страдальцы забыли немощи и убожество; любовь и ласковость все очаровываютъ! Разговаривая съ гостями своими, воспитанники узнали отъ одного старика, что

онъ служилъ въ Семеновскомъ полку при Петрѣ I и былъ во многихъ походахъ съ Великимъ Государемъ. Восхищеніемъ и жалостью закипѣло сердце питомцевъ. Усиленно стали они просить начальниковъ своихъ, чтобы престарѣлаго воина временъ Петровыхъ оставили у нихъ въ корпусѣ. „Можно ли ему быть въ богадѣльнѣ? говорили они: пусть онъ живетъ съ нами; онъ состарѣлся въ службѣ отечеству, а мы только-что готовимся служить. Мы должны любить, уважать и успокаивать старыхъ воиновъ“ [12]).

Просьба добрыхъ юношей была исполнена.

Думается, что приведеннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ дѣятельности И. И. Бецкаго въ Шляхетскомъ корпусѣ и вывесть заключеніе, что если императрица, объявившая именнымъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату. 7 марта 1765 г., что она принимаетъ корпусъ подъ непосредственное свое вѣдѣніе, была дочерью своего раціоналистическо - теоретически настроеннаго времени, то ея сотрудникъ И. И. Бецкій былъ не менѣе ея сыномъ своей эпохи.

Но во всякомъ случаѣ, въ его дѣятельности знаменательно то, что онъ уже не полагалъ всю свою надежду на одно только образованіе, а на извѣстнаго рода воспитательное воздѣйствіе, на педагогическіе пріемы. Интересно и то, что Бецкій допускалъ, кромѣ христіанскаго, военнаго и поверхностнаго французскаго, еще какое то воспитаніе, опирающееся на выводы, добытые путемъ наблюденій надъ психическою природою человѣка.

Однако, всѣ благія начинанія императрицы и Бецкаго оказались теоретичными и разсудочными. Почва, на которой приходилось ихъ примѣнять, въ особенности, Бецкому, была мало извѣстна. За періодомъ увлеченія насталъ періодъ разочарованія. Но императрица Екатерина не была изъ тѣхъ людей, которые отступаютъ при первой неудачѣ. Выяснилось, что создать другую породу людей не удастся, надо сузить задачу рѣшила она, а именно, не отказываясь совершенно отъ воспитательныхъ цѣлей, нужно выдвинуть на первый планъ образовательныя цѣли. Но какое образованіе вводить въ Россіи, чему учить русскихъ? Вотъ вопросъ. Екатерина знала, что до нея въ Россіи господствовало военно-гражданское профессіональное образованіе. Она его не отрицала, а наоборотъ, поощряла. Разсуждая про Шляхетскій корпусъ, вдохновляемый ею Бецкій писалъ: „Довольно, кажется, изъяснено и доказано, что воспитанію въ Шляхетскомъ кадетскомъ кор-

пусѣ должно быть практическому, паче нежели теоретическому, учиться юношеству болѣе отъ смотрѣнія и слышанія, нежели отъ тверженія уроковъ, что порядкомъ Шляхетскаго сего училища надо быть вовсе отличнымъ отъ наблюдаемаго въ школахъ, академіяхъ и университетахъ; что елико можно надлежитъ избѣгать излишнихъ праздностей, нарядовъ и всего того, что жизнь изнѣжить и въ ослабленіе привести можетъ и не слѣдовать въ томъ примѣру большей части молодыхъ людей другихъ государствъ. Сего ради нѣсколько строго въ томъ настою, что завиваніе, пудра, помада и всѣ некстати уборы излишни; что пища долженствуетъ быть простая, но здоровая и достаточная; что надлежитъ больше тѣло пріучать къ трудамъ, нежели принуждать разумъ къ размышленіямъ и соображеніямъ; чтобы блестящая поверхность не была предпочитаема простымъ и правдолюбимымъ нравамъ; но преимущество давано было трудамъ, постоянству и доброй вѣрѣ. Тѣмъ въ ненависть приведены будутъ праздность, лицемѣріе и ласкательство, пріятный токмо видъ имѣющія и часто нынѣ прямому достоинству предпочитаемыя.

„Происходящее отъ сихъ несдержностей зло есть тѣмъ большее что не токмо многія ненужныя и не необходимыя вещи дѣлаются черезъ то нужными и необходимыми, но и украшающіеся сими притворствами люди, довольствуясь быть учтивы и ласковы, не имѣютъ уже впрочемъ ни истиннаго усердія къ отечеству, ни способности къ полезнымъ дѣламъ, а только самихъ себя любятъ“ [13]).

Эти строки не оставляютъ сомнѣнія, что на первый планъ выдвигались въ образованіи и воспитаніи кадетъ практическія и профессіональныя цѣли и что въ правительственныхъ сферахъ считалось несомнѣннымъ, что эта постановка учебнаго и воспитательнаго дѣла въ корпусѣ должна отличаться отъ таковой же въ академіи, т. е. академической гимназіи и въ университетѣ. Если же принять во вниманіе и письменно и устно высказанное мнѣніе императрицы о томъ, что ея кадеты приготовляются не единственно для войны, а сдѣлаются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаютъ быть и выберутъ себѣ поприще по своимъ вкусамъ и склонностямъ [14]), то можно съ увѣренностью сказать, что и въ царствованіе Екатерины отдѣлять спеціальную подготовку къ гражданской службѣ отъ спеціальной подготовки къ военной не представлялось нужнымъ. Оно и понятно, и при ней, какъ и при ея предшественницахъ, государственный организмъ не нуждался въ рѣзкой дифференціаціи общественныхъ функцій, т. е. въ рѣзкомъ отдѣленіи воен-

ной службы отъ гражданской. Петровскія попытки раздѣленія ихъ къ этому времени сказались, но очень слабо.

Итакъ, профессіональное военно-гражданское образованіе, какъ мы только-что говорили, противополагалось какому-то другому, но какому? Общему, такому, которое мы назвали гуманитарнымъ, которое не преслѣдовало чисто практическихъ цѣлей, а ставило себѣ задачею вообще образовать и развить человѣка.

Въ чемъ именно оно должно было состоять, ни императрица, ни ея современники не отдавали себѣ яснаго отчета и, по правдѣ сказать, не могли его дать, потому что люди той эпохи не обладали нужными знаніями для опредѣленія того, что болѣе всего способствуетъ общему развитію человѣка да и сверхъ того самое развитіе отождествлялось съ развитіемъ ума; совершенно упускали изъ виду, что идеалъ развитія человѣческой личности есть гармоничное развитіе всѣхъ трехъ элементовъ духовной жизни—ума, чувства и воли, чему образованіе и должно способствовать.

Въ распространеніи этого неопредѣленнаго общаго образованія ярко сказалось вліяніе подражательнаго процесса, въ который были втянуты высшіе слои русскаго общества.

Во-первыхъ, по образцу иностранныхъ университетовъ продолжалъ свою дѣятельность московскій университетъ, а во-вторыхъ, народныя общеобразовательныя школы были построены на основахъ, выработанныхъ, такъ называемою, австрійскою системою.

Главнымъ проводникомъ этой австрійской системы въ Россіи былъ нѣкто Янковичъ-де-Миріево, сербъ по рожденію. „Во второй половинѣ XVIII вѣка образцовымъ типомъ общеобразовательной школы считалась прусская. По прусскому образцу реформированы были и австрійскія училища (1774 г.) подъ руководствомъ самого устроителя прусской школы и реформатора школьнаго метода Фельбигера, котораго Марія-Терезія для этой цѣли выпросила у Фридриха II. Въ одномъ изъ округовъ Венгріи устраивалъ школы по методу Фельбигера сербъ Янковичъ, прошедшій курсъ юридическихъ и экономическихъ наукъ въ вѣнскомъ университетѣ. По просьбѣ Екатерины II Іосифъ II рекомендовалъ ей Янковича, какъ человѣка, трудившагося уже по устроенію народныхъ школъ, знающаго языкъ россійскій и исповѣдывающаго православный законъ. Вызванный въ Россію Янковичъ сдѣлался истиннымъ творцомъ русской общеобразовательной школы. Выработанный имъ по Фельбигеру и Гену планъ учебныхъ заведеній былъ

принятъ „комиссіею объ устройствѣ народныхъ училищъ“, учрежденною въ 1782 г. и положенъ въ основу устава народныхъ училищъ, Высочайше утвержденнаго 5 апрѣля 1786 г. По плану Янковича предстояло учредить три типа общеобразовательныхъ школъ: двухклассныя, трехклассныя и четырехклассныя. Школы перваго типа носили названіе малой, второго—средней, третьяго—главной.

Эта общеобразовательная школа преподавала главнѣйшіе предметы, распредѣляя ихъ по классамъ концентрическими кругами, такъ что программы каждаго класса представляли нѣчто цѣльное.

Въ первомъ классѣ малой школы проходилось чтеніе, письмо, знаніе цифръ, краткій катехизисъ, священная исторія и начатки русской грамматики. Во второмъ классѣ катехизисъ проходился подробнѣе, но безъ текстовъ и, кромѣ того, ариѳметика, книга „о должностяхъ человѣка и гражданина“, чистописаніе и рисованіе. Средняя школа состояла изъ тѣхъ же двухъ классовъ, но присоединяла къ нимъ третій, въ которомъ проходился катехизисъ съ текстами, объясненіе евангелія, русская грамматика съ орѳографическими упражненіями, всеобщая и русская исторія и краткая географія Россіи. Наконецъ, въ главной народной школѣ присоединяется къ тремъ предыдущимъ еще четвертый классъ: въ немъ географія и исторія проходились подробнѣе, затѣмъ преподавались математическая географія, грамматика съ упражненіями въ сочиненіяхъ, преимущественно, дѣлового характера (писемъ, счетовъ, росписокъ и т. п.), основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры.

Главное отличіе новой школы отъ предыдущей должно было, однако, заключаться не столько въ программѣ, сколько въ способѣ ея выполненія. По австрійской системѣ учитель находился въ классѣ не для задаванія и выспрашиванія уроковъ, а для самого усвоенія проходимыхъ предметовъ. Для этого, прежде всего, учитель долженъ былъ заниматься съ цѣлымъ классомъ, а не съ отдѣльными учениками. Въ прежнее время каждый ученикъ учился самъ по себѣ: одни уходили впередъ, другіе—отставали, такъ что никакого общаго дѣла въ классѣ нельзя было дѣлать. Идеальнымъ порядкомъ въ классѣ считалось, когда каждый зубрилъ свою часть предмета вслухъ, и учитель, увѣренный, что всѣ ученики заняты дѣломъ, самъ могъ тоже заняться своими дѣлами.

Теперь этотъ шумъ долженъ былъ замѣниться молчаніемъ и общимъ вниманіемъ къ тому, что говоритъ учитель. Въ классѣ явились

классныя доски, на которыхъ учитель писалъ то, что надо было учить такъ, чтобы всѣ видѣли объясненія и разсказа учителя не требовалось. Школа, главнымъ образомъ, занималась усвоеніемъ урока. Для этого рекомендовались особые пріемы: учитель читалъ вслухъ текстъ учебника. Затѣмъ читали тоже самое ученики поочередно. Затѣмъ всѣ хоромъ, далѣе учитель писалъ на доскѣ начальныя буквы каждой фразы, подлежавшей запоминанію и заставлялъ классъ повторять фразу на память; наконецъ, и буквы стирались и та же фраза произносилась наизусть. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Янковичъ требовалъ разсказа своими словами; гдѣ было можно, онъ совѣтовалъ прибѣгать къ наглядному обученію; въ высшихъ классахъ рекомендовалось даже вызывать въ ученикѣ самостоятельную работу мысли, но основой преподаванія все же оставался учебникъ и его усвоеніе,—по возможности, буквальное — цѣлымъ классомъ въ теченіе урока. Въ собственномъ смыслѣ, школа Янковича не ставила своею задачею воспитаніе, но отношенія учителя къ дѣтямъ должны были основываться на новыхъ педагогическихъ идеяхъ. Наказанія, особенно тѣлесныя, безусловно изгонялись изъ школы. Для поддержанія классной дисциплины считалось достаточнымъ увѣщанія, предостереженія, угрозы, лишенія пріятнаго и устыженія.

Но мало было составить типъ общеобразовательной школы, надо было его провести въ жизнь, а для этого надо было имѣть подъ рукой и учебники и учительскій персоналъ. О томъ и другомъ позаботились. Австрійскіе учебники перевели на русскій языкъ, а учителей попробовали подготовлять въ главномъ народномъ училищѣ и въ отдѣлившейся отъ него учительской семинаріи [15]).

Что же касается проведенія въ жизнь только-что указаннаго плана, то въ этомъ отношеніи встрѣтилось не мало затрудненій уже по одному тому, что весь планъ былъ, какъ и академія и университетъ, продуктомъ головныхъ размышленій, мало имѣвшимъ общаго съ потребностями русскаго народа, которому преподносилась готовая система, совсѣмъ несообразованная съ его запросами, система, и у себя на родинѣ, въ Пруссіи и Австріи, не вполнѣ отвѣчавшая народнымъ требованіямъ.

Совершенно естественно, что народъ русскій и постарался взять изъ нея лишь то, что ему нужно было въ моментъ ея введенія.

Огромное большинство учениковъ главныхъ училищъ (губернскихъ) были дѣти купцевъ, мѣщанъ и солдатъ. Родители предназначали ихъ

или для продолженія своего занятія, или для приказной службы; въ обоихъ случаяхъ для нихъ было достаточно пройти низшіе классы народнаго училища. Посланный комиссіею въ 1789 г. ревизоръ, бывшій пажъ Козодавлевъ, принужденъ былъ констатировать, что программа главныхъ училищъ „повсюду превышаетъ“ потребности населенія. „Во всѣхъ главныхъ училищахъ, писалъ онъ, найдено мною, что число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученія въ третьемъ разрядѣ. Сіе происходитъ отъ того, что родители учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны только предметы двухъ низшихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки они почитаютъ безполезными... Всякій знаетъ, что для сниманія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописаніе,— почему и невозможно ожидать, чтобы многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы“.

Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.

Еще хуже обстояло дѣло съ „малыми народными училищами“, проектированными въ уѣздныхъ городахъ. Потребность образованія чувствовалось здѣсь гораздо слабѣе, чѣмъ въ губернскихъ городахъ и открытіе школъ поставлено было въ зависимости отъ щедрости мѣстныхъ думъ. На первыхъ порахъ, сгоряча, такихъ училищъ открылось сразу довольно много въ уѣздахъ. Но скоро думы начали тяготиться содержаніемъ училищъ; и не только открытіе новыхъ школъ не шло съ первоначальною быстротою, но и раньше открытыя мѣстами стали закрываться. Такъ въ 1790 г., обыватели Лебедяни, Шацка,

Спасска и Темпикова подали губернской власти слѣдующія почти одинаковыя заявленія: „купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей въ школахъ не состоитъ, да и впредь къ изученію въ училища посылать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища у насъ желанія не состоитъ и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы“. И училища были закрыты.

Непріязненное отношеніе къ новой школѣ чувствовалось и въ губернскихъ городахъ. Такъ, въ Вяткѣ причины малаго количества учениковъ въ главномъ училищѣ объяснялись въ 1797 году слѣдующимъ образомъ: „здѣшніе обитатели, мало соревнуя предположенной цѣли просвѣщенія, неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ народныя училища. Многіе лучше хотѣли заблаговременно пріучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностныхъ, въ которыхъ они сами обращаются. Такъ-же многіе отдаютъ дѣтей своихъ для обученія по церковнымъ книгамъ къ причетникамъ, восхищаясь, когда дѣти ихъ могутъ читать въ церкви часословъ и псалтырь“[16]).

Послѣ всего сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что народъ требовалъ профессіональной школы, а не австрійской общеобразовательной. Неудовлетворили эти школы и дворянство, оно туда своихъ дѣтей не посылало, а предпочитало воспитывать дома при помощи гувернеровъ и гувернантокъ, которые къ тому времени уже начали наводнять Россію, или въ частныхъ, содержимыхъ тѣми же иностранцами пансіонахъ, а затѣмъ или пристраивали на службу въ гвардію или-же подъ покровительство какого-нибудь родственника въ менѣе желательную—гражданскую службу или же, наконецъ, снабдивъ своихъ дѣтей тѣмъ, что называлось домашнимъ образованіемъ, дворянство посылало ихъ въ кадетскій корпусъ, на который смотрѣло, подобно государынѣ, какъ на высшее профессіональное училище, подготовляющее къ болѣе успѣшному прохожденію служебнаго поприща.

Правъ ли былъ народъ, отворачиваясь отъ школъ австрійской системы? Безусловно, онъ чувствовалъ, что стать самостоятельно на ноги удастся ему только тогда, когда онъ освободится отъ чужестранцевъ-профессіоналовъ.

Право было и дворянство—оно тоже не понимало нужды въ австрійской системѣ, когда на практикѣ, въ жизни, видѣло, что для служебнаго преуспѣянія необходимо пріобрѣсть европейскій обликъ, умѣніе говорить на иностранныхъ языкахъ, имѣть самое поверхно-

стное знакомство съ ходомъ европейскихъ событій, обладать приличными манерами и умѣть танцовать: на спросъ оно и отвѣчало предложеніямъ молодыхъ людей, усвоившихъ себѣ всѣ эти нужныя качества въ годы, когда они получали домашнее образованіе.

Могло ли дворянство поступить иначе? Въ большинствѣ, конечно, нѣтъ, оно шло по той дорогѣ, по которой велъ его за собой все болѣе и болѣе развивавшійся подражательный процессъ.

Для полноты картины намъ остается поговорить о педагогическомъ персоналѣ временъ Екатерины. „Преподаватели этой эпохи большею частью выходили изъ духовнаго званія; въ видѣ примѣси къ нимъ, встрѣчались дѣти мѣщанъ, какъ мы знаемъ, готовившіяся вступить на это поприщѣ при кадетскомъ корпусѣ. И тѣ и другіе дѣлались учителями принудительно, одни по назначенію эпархіальнаго начальства, а другіе въ силу того факта, что ихъ съ дѣтства готовили къ этой профессіи. Для тѣхъ и другихъ выхода изъ педагогической службы не было. Въ особенности же, для первыхъ. Такимъ образомъ, о выборѣ учительской професіи по призванію и о переходѣ въ другія профессіи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не могло быть и рѣчи. Учителю приходилось мириться съ положеніемъ, изъ котораго невозможно было выйти, или искать забвенія въ винѣ. А между тѣмъ примириться съ этимъ положеніемъ для человѣка, сколько-нибудь талантливаго, было слишкомъ трудно. Грошевое учительское жалованіе, большею частью, не доплачивалось или просрочивалось приказомъ. Старый педагогъ, служившій съ самаго основанія народныхъ училищъ, говоритъ по этому поводу въ 1811 году слѣдующее: „мною въ продолженіе 25-лѣтняго служенія замѣчено, что всѣ учителя, служащіе на старомъ положеніи, были всегда бѣдны и претерпѣвали великій недостатокъ, нынѣ же по дороговизнѣ всѣхъ вещей еще болѣе увеличилась ихъ бѣдность и доводила иныхъ до крайности. Я всегда скорбѣлъ и нынѣ скорблю душою, взирая на бѣднаго трудолюбца“. Соціальное положеніе провинціальнаго учителя было самое унизительное. Его третировали и мѣстные богатѣи, и мѣстные чиновники, и тѣ, которые преклонялись передъ силою чиновъ и денегъ, т. е. въ сущности, всѣ, не исключая его самого. Милость сильныхъ къ нему выражалась обидною подачкой; при немилости онъ рисковалъ быть побитымъ „палочьемъ“, какъ грозила одному педагогу жена козловскаго смотрителя. Что удивительнаго, если при всѣхъ этихъ условіяхъ люди, сохранившіе теплоту сердца и интересъ къ своему дѣлу, являлись единичными исключеніями.

Огромное большинство скоро махало рукой на все и кое-какъ тянуло служебную лямку. Педагогическіе пріемы Янковича уступили мѣсто старому зубренію въ одиночку; учитель ограничивался обязанностью выспрашивать, а чаще всего и эту обязанность перелагалъ на болѣе способныхъ учениковъ. Самъ онъ считалъ себя еще очень исправнымъ, если высиживалъ въ школѣ всѣ назначенные дни и часы; очень часто и этого не бывало. Словомъ, учитель и ученики, къ обоюдному удовольствію, сводили свои обязанности къ минимуму и составляли молчаливый заговоръ, чтобы обмануть начальство въ годичныхъ отчетахъ и мѣстную публику на ежегодныхъ торжественныхъ актахъ [17]). Подтвержденіемъ только-что приведенной характеристики педагогическаго персонала екатерининскихъ временъ служатъ и слѣдующія строки: „По образу мыслей, учителя прежде всего были сынами XVIII вѣка: то же черезмѣрное уваженіе къ лицу, а не къ личности человѣческой; то же гиперболическое благоговѣніе передъ знатностью—даютъ учителямъ того времени типъ угодливости и низкопоклонства, живо напоминающее незабвеннаго Третьяковскаго. Во всѣхъ людяхъ, сколько-нибудь превышающихъ ихъ сферу, они видятъ сановниковъ, великихъ и преславныхъ государственныхъ мужей. Людей, призванныхъ начальствовать надъ учителями, они взводятъ на великій пьедесталъ просвѣтителей юношества, покровителей наукъ, меценатовъ, пылающихъ неугасимою любовью къ просвѣщенію. Направленіе это выражалось въ обыкновеніи произносить рѣчи въ чрезвычайномъ изобиліи и при всякомъ случаѣ, который хотя немного носилъ характеръ торжественности, напр., актъ публичный, посѣщеніе начальника, день именинъ или рожденія начальника и т. п. „Изъ этихъ рѣчей мы видимъ, что каждый почти ораторъ прежде всего долгомъ считаетъ направить свою рѣчь преимущественно къ первенствующему въ собраніи лицу, возблагодарить его за высокое вниманіе, удивиться его гражданскимъ доблестямъ вообще и по части просвѣщенія въ особенности, а также и просить высокаго дозволенія прибѣгать подъ главноначальничью десницу и отъ благодати ея наполняться источниками милости“.

Въ заключеніе обыкновенно сыпались похвалы, а иногда ораторъ впадалъ въ патетическое настроеніе и восклицалъ „души наши (вѣроятно, учащихъ и учащихся) вѣчно не забудутъ сего благополучнаго часа, въ который имѣемъ счастье зрѣть вашу особу, милосердно внемлющую намъ“. Тотъ же характеръ имѣютъ и канты, писавшіеся

въ честь знаменитыхъ посѣтителей. Приводимъ одинъ изъ такихъ кантовъ.

Съ восторгомъ радостнымъ встрѣчаемъ
Тебя, о знаменитый князь!
Мы счастьемъ новымъ поставляемъ
Твое днесь посѣщеніе насъ,
Цвѣти, расти и утверждайся,
О юность нашихъ дней,
Подъ новымъ кровомъ просвѣщенья
Въ блаженствѣ пользы здѣсь твоей.
Прими отъ насъ благодаренье,
Прими, высокій меценатъ.
Твоимъ возвысивъ посѣщеньемъ,
Счастливъ нашъ вертоградъ.

Или

Се къ намъ грядешь, нашъ попечитель,
Гряди, начальникъ, нашъ отецъ,
Щедротъ монаршихъ совершитель,
Гряди, ты пользъ нашъ здѣсь творецъ.

Почти всѣ эти педагоги задавали „отъ сихъ и до сихъ“, а нѣкоторые показывали по вѣдомости пройденнымъ то, чего не успѣли пройти. Публикѣ изъ всѣхъ силъ являли „новопріобрѣтенные успѣхи“. Она любовалась ими во время публичныхъ актовъ, но оставалась холодною и даже нѣсколько враждебною.

Публичные акты должны были показать товаръ лицомъ. Къ нимъ долго подготовлялись, ихъ производили съ особенною торжественностью, какъ будто они составляли главнѣйшую задачу въ жизни учебныхъ заведеній.

За нѣсколько дней начинались приготовленія къ этому важному событію: учителя готовили учениковъ, директоръ разъѣзжалъ по домамъ городскихъ властей съ приглашеніемъ, стараясь собрать ихъ какъ можно болѣе. Обыкновенно порядокъ акта былъ слѣдующій. Сначала учитель входилъ на кафедру и произносилъ рѣчь, преимущественно, въ тонѣ, лестномъ для посѣтителей. По окончаніи учительской рѣчи начинались рѣчи учениковъ. По прочтеніи рѣчей начинался экзаменъ всѣхъ классовъ порознь, причемъ спрашивались ученики такимъ же порядкомъ, какъ при испытаніи приватномъ.

Въ заключеніе акта ученики награждались книгами, а въ періодъ упадка числа учащихся въ черниговскомъ училищѣ и золотыми или

позолоченными и серебряными медалями. (Были примѣры, что дѣвочки за отличные успѣхи въ наукахъ награждались платьями). Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ оканчивающихъ курсъ говорилъ благодарственную рѣчь. Иногда для большаго привлеченія посѣтителей директоръ прибѣгалъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ плѣнять публику. Такъ, по случаю уменьшенія числа учащихся въ 1794 г. директоръ Оженовичъ - Дивтинарецъ употребилъ особенное стараніе для того, чтобы созвать побольше публики и чтобы, какъ можно болѣе, ее занять. Въ вождѣленный день испытанія, говоритъ составитель исторической записки, по произнесеніи рѣчи и по прочтеніи кантовъ, начался экзаменъ въ первомъ классѣ, во время котораго дѣти самаго малаго возраста, показывая на доскѣ происхожденіе буквъ, складовъ и разныя цифры, приводили зрителей въ такое восхищеніе, что, не дождавшись окончанія испытанія, тогда же, къ удовольствію родителей, осыпали дѣтей похвалами. Въ время экзамена во 2 классѣ учитель разносилъ и дарилъ посѣтителямъ нарочно написанные 32 чертежа на александрійской бумагѣ, которыхъ нѣкоторые изъ посѣтителей еще требовали. Затѣмъ экзаменовались ученики 3 и 4 классовъ, которые дали на всѣ вопросы безостановочные отвѣты, приводили слушателей даже въ невѣроятность, когда же дѣло дошло до физики, то два ученика 4 класса вступили въ пространный разговоръ о пользѣ естествоиспытанія и о свѣтѣ, причемъ, когда выходили сомнительные отвѣты, то другіе ихъ товарищи предлагали диспутантамъ возраженія, на которыя тѣ давали удовлетворительные отвѣты. Разговоръ этотъ, по словамъ составителя, былъ такъ устроенъ, что даже не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о физикѣ понимали его и видѣли противъ какихъ суевѣрныхъ заблужденій приведена критика.

Такими до сего необыкновенными средствами, говоритъ авторъ записки, утѣшились всѣ зрители, а особенно граждане которые воспріяли даже смѣлость при всей публикѣ благодарить директора за такія новости, для плѣненія ихъ сердецъ и для исправленія неправильно мыслящихъ устроенныя. Все это, заключаетъ авторъ, предполагаетъ, что народное училище можетъ со-временемъ достигнуть до той цѣли, для которой оно учреждено, и что высокомонаршія заведенія, преслѣдуемыя умами способными, предоставятъ благополучіе цѣлому народу".

Итакъ, и дворянство и народъ отнеслись несочувственно къ искусственной общеобразовательной школѣ. Дворянство отвернулось

отъ нея и у себя, въ деревняхъ устроило, примѣняясь къ дѣйствительнымъ требованіямъ жизни своеобразную профессіональную школу, родъ подготовительной къ правительственной профессіональной, носившей военногражданскій характеръ и окрестило ее именемъ домашняго образованія. Но подготовительной она была только для меньшинства дворянъ, для большинства „домашнимъ образованіемъ“ ограничивались всѣ научныя потуги, послѣ которыхъ, дворянинъ поступалъ, главнымъ образомъ, въ ряды войскъ и, сравнительно, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, на гражданскую службу. Народъ, т. е., свободная его часть, взялъ отъ общеобразовательной школы только то, что ему нужно было въ практикѣ—умѣнье читать, писать и считать, т. е. тоже на свой манеръ приспособилъ общеобразовательную школу къ цѣлямъ профессіональнымъ.

Такъ относились русскіе люди къ просвѣтительнымъ попыткамъ второй половины царствованія императрицы Екатерины, что же касается воспитательныхъ начинаній первой половины ея правленія, то на нихъ большинство посмотрѣло съ недоумѣніемъ, а въ лучшемъ меньшинствѣ онѣ заронили стремленіе къ нравственному совершенствованію, къ самовоспитанію и, несомнѣнно, незамѣтно способствовали смягченію тяжести крѣпостнаго ига.

Пажескій корпусъ, къ которому мы теперь возвратимся, тоже подвергся наравнѣ съ другими существовавшими въ то время учебными заведеніями двумъ реформамъ. Одна въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, коснулась, главнымъ образомъ, воспитательной стороны дѣла и другая въ 80-хъ годахъ была произведена въ духѣ реформъ Янковича-де-Миріево.

Проэктъ первой реформы корпуса былъ порученъ академику Миллеру, который представилъ его на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ „плана для обученіе пажей“. На первый взглядъ кажется немного страннымъ, почему именно исторіографу Миллеру, а не спеціалисту по воспитательной части, Бецкому, поручили это дѣло. Однако, нѣкоторыя біографическія данныя, касающіяся Миллера, могутъ помочь намъ уяснить это, повидимому, странное обстоятельство.

„Миллеръ по образованію своему былъ гимназистъ, едва пробывшій годъ въ лейпцигскомъ университетѣ. Пріѣхалъ онъ въ Россію въ 1725 году и двадцати-двухълѣтнимъ юношой былъ сдѣланъ преподавателемъ латинскаго языка, исторіи и географіи при академической гимназіи. Склонности къ опредѣленной спеціальности у него не было.

Отправляясь въ Россію, онъ имѣлъ въ виду не столько науку, сколько службу. Съ истинно бюргерскою наивностью и простодушіемъ онъ самъ разсказываетъ намъ свои тогдашніе планы на жизнь. „Въ первые годы, говоритъ онъ: я болѣе прилежалъ къ свѣдѣніямъ, требуемымъ отъ библіотекаря, расчитывая сдѣлаться зятемъ Шумахера и наслѣдникомъ его должности“. Имѣя въ виду этотъ чистосердечный разсказъ, мы поймемъ, что Ломоносовъ очень правдоподобно изобразилъ роль Миллера въ первые годы его академической службы въ слѣдующихъ словахъ: „Шумахеръ для укрѣпленія себѣ присвоенной власти приласкалъ на помощь студента Миллера, ибо усмотрѣлъ, что оный Миллеръ, какъ еще молодой студентъ и недалекій въ наукахъ надежды примется охотно за одно съ нимъ ремесло въ надеждахъ скорѣйшаго полученія чести, въ чемъ Шумахеръ и не обманулся, ибо сей студентъ, ходя по профессорамъ, переносилъ, другъ про друга оскорбительныя вѣсти и тѣмъ привелъ ихъ въ немалыя ссоры, которымъ ихъ несогласіемъ Шумахеръ весьма воспользовался, представляя ихъ у президента смѣшными и неугомонными“.

Но такое фаворитство у Шумахера продолжалось не долго. По несовсѣмъ яснымъ причинамъ Шумахеръ скоро охладѣлъ къ Миллеру. „Тогда, говоритъ намъ опять самъ Миллеръ: у меня исчезли надежды сдѣлаться его зятемъ. Я счелъ нужнымъ проложить другой ученый путь — это была русская исторія... г. Байеръ подкрѣпилъ меня въ этомъ предпріятіи“.

Какъ видимъ, „предпріятіе заняться русскою исторіею“, было вызвано у Миллера не столько учеными, сколько практическими соображеніями. Вскорѣ послѣ такого рѣшенія Миллеру представился еще одинъ исходъ: ѣхать съ Берингомъ въ Сибирскую экспедицію 1733 г. „Я былъ этому радъ, говоритъ Миллеръ, потому-что такимъ образомъ освобождался на долгое время отъ неурядицъ въ академіи и, удаленный отъ ненависти и вражды, могъ наслаждаться покоемъ, завися только отъ самого себя“. Итакъ, и при этомъ выборѣ Миллера руководили соображенія чисто личнаго свойства. Рѣшившись ѣхать въ Сибирь, онъ врядъ-ли предчувствовалъ, что эта поѣздка будетъ имѣть огромное значеніе для всей его ученой будущности. „Безъ этихъ странствій, признается онъ самъ: впослѣдствіи мнѣ было-бы трудно добыть пріобрѣтенныя мною знанія“.

Дѣйствительно, если случай размолвки съ Шумахеромъ толкнулъ Миллера на русскую исторію, то такой же случай—поѣздка въ

Сибирь, открылъ ему возможность познакомиться съ источниками русской исторіи, притомъ источниками особенными—актами. Конечно, это былъ случай, что Миллеру пришлось разбирать содержаніе сибирскихъ архивовъ, но нельзя не признаться, что случаемъ этимъ Миллеръ воспользовался отлично: въ результатѣ изъ десятилѣтней поѣздки по Сибири Миллеръ привезъ 30 фоліантовъ актовъ, списанныхъ въ разныхъ сибирскихъ архивахъ и до сихъ поръ печатаемыхъ археографическою комиссіею.

Вскорѣ по возвращеніи онъ сдѣлалъ представленіе объ учрежденіи при академіи историческаго департамента для сочиненія исторіи и географіи Россійской Имперіи. По предложенію Миллера департаментъ долженъ былъ состоять изъ исторіографа, двухъ адъюнктовъ, изъ которыхъ одинъ для разъѣздовъ по провинціальнымъ архивамъ, двухъ переводчиковъ и двухъ переписчиковъ. Помѣщаться онъ долженъ былъ непремѣнно въ Москвѣ.

Предложеніе Миллера было отвергнуто, опять-таки благодаря Шумахеру, который видѣлъ тутъ желаніе ускользнуть изъ подъ его власти, но очень скоро послѣ того, 10 Ноября 1747 г., съ Миллеромъ былъ заключенъ контрактъ, въ силу котораго онъ назначался исторіографомъ и обязывался сочинять генеральную россійскую исторію. Обѣщано ему было по окончаніи сибирской исторіи устроить и департаментъ при академіи по плану, который имъ самимъ сочиненъ быть имѣетъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 29 Янв. 1748 г., Миллеръ совершилъ, наконецъ, шагъ, передъ которымъ самъ колебался—принялъ русское подданство. За два дня передъ этимъ былъ учрежденъ и историческій департаментъ при академіи, но подчиненъ двойному контролю: академической канцеляріи и особаго историческаго собранія академиковъ; оба эти учрежденія тормазили всячески ученую дѣятельность Миллера.

Намъ нѣтъ надобности, впрочемъ, разсказывать исторію всѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергался Миллеръ послѣ того, какъ закабалилъ себя въ русское подданство. Достаточно будетъ сказать, что среди всѣхъ встрѣченныхъ имъ непріятностей онъ не потерялъ окончательно изъ вида своей главной ученой задачи. Двадцать два года спустя послѣ возвращенія изъ Сибири ему удалось наконецъ осуществить свою давнишнюю мечту—переѣхать въ Москву поближе къ московскимъ архивамъ.

„Прилично исторіографу жить въ Москвѣ для надобности архивовъ, повторялъ онъ, два года до смерти, свою мысль, высказанную

имъ впервые чуть-ли не сорокъ лѣтъ раньше. Правда, первое мѣсто полученное имъ въ Москвѣ, была должность надзирателя Воспитательнаго дома, но, перебираясь на это мѣсто въ 1765 г., онъ уже имѣлъ въ виду словесное предложеніе вице-канцлера Алек. Мих. Голицына назначить его хранителемъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Едва устроившись въ Москвѣ, онъ поспѣшилъ напомнить Голицыну объ этомъ предложеніи, „столь соотвѣтствующемъ моимъ склонностямъ и цѣли моихъ занятій". „Моею существенною цѣлью,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ къ Голицыну 9 Янв. 1766 года—было при хлопотахъ о мѣстѣ въ архивѣ оказать значительную услугу государству, которому я служу болѣе 40 лѣтъ. Я посвятилъ себя, преимущественно, обрабатыванію русской исторіи,—занятіе, которое мнѣ пришлось оставить, но отъ котораго отказаться мнѣ слишкомъ трудно. Если мною воспользуются для архива, я льщу себя надеждою вернуться къ этому занятію и, такимъ образомъ, потрудиться для академіи, отъ которой я получаю содержаніе". Наконецъ 27 Марта 1766 года назначеніе Миллера начальникомъ архива состоялось и онъ былъ у цѣли, давно намѣченной. Въ письмѣ къ своему начальнику И. И. Бецкому онъ выражалъ искреннее свое настроеніе, говоря, „что мѣсто въ архивѣ обезпечитъ мнѣ покой на старости и дастъ возможность передать потомству знанія, пріобрѣтенныя въ Россіи въ теченіе 40 лѣтъ". Судьба подарила ему 17 лѣтъ жизни на исполненіе его намѣренія, которое онъ блестяще и привелъ въ исполненіе. Въ 1793 году его не стало [19]).

Итакъ, разгадка порученія написать планъ для обученія пажей лежитъ въ томъ, что Миллеръ одно время, и притомъ въ самое горячее для Ив. Ив. Бецкаго время, былъ его подчиненнымъ и близко стоялъ въ качествѣ надзирателя Воспитательнаго дома къ педагогическому дѣлу. Естественно было Бецкому, заваленному работой, поручить часть ея человѣку, который, хотя въ концѣ концовъ и избралъ случайно своею спеціальностью русскую исторію, но не прочь былъ поработать и въ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія, имѣя врожденную склонность къ энциклопедизму, столь цѣнимому и, дѣйствительно, бывшему крайне необходимымъ въ XVIII столѣтіи, когда маломальски образованныя люди были на-расхватъ.

Содержаніе нѣкоторыхъ дѣлъ, хранящихся въ знаменитыхъ портфеляхъ Миллера въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ вообще любилъ останавливаться на педагогическихъ вопросахъ, не мало надъ ними подумалъ и могъ

даже считаться въ нихъ въ нѣкоторомъ родѣ спеціалистомъ. Такъ напримѣръ, въ названныхъ портфеляхъ хранятся: „Проектъ учрежденія исправительнаго дома“. „Краткое увѣдомленіе объ училищѣ и пансіонномъ содержаніи, которые находятся въ домѣ коллежскаго совѣтника Миллера на Яузѣ на бывшей улицѣ, гдѣ прежде была Яузская аптека“. „Мысли объ учрежденіи университета въ Москвѣ.“ „Проектъ объ учрежденіи при академіи наукъ пансіона“. „Планъ учрежденія земледѣльческихъ классовъ при академіи наукъ“. „Проектъ учрежденія гимназіи и школъ и составъ ихъ по губернскимъ и провинціальнымъ городамъ“. „Мнѣніе Миллера касательно гимназіи“. „Проектъ учрежденія школъ въ Россійской Имперіи“. Дальнѣйшее развитіе того же „проекта о четырехъ различныхъ родовъ школъ“ писано Миллеромъ въ 1767 году на нѣмецкомъ языкѣ. „Проектъ учрежденія училища, которое бы приготовляло чиновниковъ для статской службы“. Наконецъ, портфель № 390 содержитъ весьма интересныя данныя о дѣятельности Миллера въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ и показываетъ, что онъ былъ не только педагогъ-теоретикъ, но и практикъ [20]).

Слѣдовательно, Бецкій, обращаясь къ Миллеру, зналъ, къ кому онъ обращается, и былъ увѣренъ, что вручаетъ судьбу Пажескаго корпуса въ вѣрныя руки. Миллеръ не обманулъ его надеждъ, онъ написалъ „планъ для обученія пажей“, который дѣлаетъ честь его составителю и подтверждаетъ заключеніе, которое мы вывели изъ разсмотрѣнія дѣлъ, хранящихся въ портфеляхъ, а именно, что онъ былъ знатокомъ педагогическаго дѣла.

Но, въ то же время, планъ для обученія пажей, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ принадлежитъ такому же истинному сыну XVIII вѣка, какимъ былъ Бецкій, искренно вѣрящему, что, главнымъ образомъ, знаніе способствуетъ воспитанію человѣка, что преподаваніе морали и естественнаго права можетъ перевоспитать юношу, что почти - что механическое внушеніе тѣхъ или другихъ истинъ перерабатываетъ человѣческій характеръ.

Начинаетъ свой планъ Миллеръ съ заявленія, что пажи должны жить въ особенно для этого отведенномъ помѣщеніи подъ надзоромъ пажескаго гофмейстера и учителя. Затѣмъ онъ выражаетъ требованія, которымъ эти люди должны отвѣчать. Учеными, умными и нравственными людьми — вотъ кѣмъ должны быть эти руководители юношей.

Гофмейстеръ обязанъ слѣдить за тѣмъ, говоритъ Миллеръ, чтобы пажи вели себя такъ, какъ то требуется отъ добродѣтельныхъ, нравственныхъ и приличныхъ молодыхъ людей; въ то-же время онъ обязанъ слѣдить и за ихъ здоровьемъ.

Онъ же направляетъ ихъ учебныя занятія и составляетъ для учителей расписаніе учебныхъ часовъ и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы послѣдніе добросовѣстно исполняли все то, что имъ полагается дѣлать. Онъ же сопровождаетъ ихъ ко двору и въ театръ.

Все, что пажи видятъ во время спектакля, онъ разъясняетъ. Гофмейстеръ обѣдаетъ вмѣстѣ съ пажами и вообще онъ ихъ никогда не долженъ оставлять безъ бдительнаго надзора; присутствуетъ онъ также и при ихъ вставаніи и въ моментъ, когда они ложатся спать.

Такимъ образомъ, гофмейстеръ, по проекту Миллера, долженъ былъ соединять въ своемъ лицѣ, какъ функціи директора, такъ и инспектора классовъ, и очень близко стоять къ своимъ воспитанникамъ.

Между наиболѣе достойными учителями предполагалось распредѣлить весь комплектъ пажей, поручивъ каждому изъ нихъ вѣдать человѣкъ 10—12, за поведеніе которыхъ они должны были отвѣчать передъ гофмейстеромъ. Эти учителя должны были спать въ одной комнатѣ съ своими учениками и обѣдать съ ними. Во время обѣда имъ предписывалось вести полезные разговоры. Пропускъ уроковъ учителями могъ быть допускаемъ только въ случаяхъ болѣзни. Наказывать они имѣютъ право однимі словами, т. е. выговорами и увѣщаніями. При наличности болѣе важныхъ проступковъ они должны о таковыхъ докладывать гофмейстеру, который по изслѣдованіи обстоятельствъ дѣла докладываетъ оберъ-гофмаршалу. Въ отсутствіе гофмейстера старшій или наиболѣе достойный, по общему признанію, учитель замѣщаетъ его. Если одному изъ учителей встрѣтится надобность удалиться на нѣкоторое время, то онъ можетъ это дѣлать только съ согласія оберъ-гофмейстера, а порученныхъ его надзору пажей онъ препоручаетъ ближайше къ нему живущему преподавателю.

Вотъ и всѣ предписанія, касающіяся педагогическаго персонала корпуса. Какъ видно, авторъ плана для обученія пажей предполагалъ въ лицѣ преподавателя соединить двѣ функціи—учительскую и воспитательскую, что вполнѣ согласовалось со взглядами его современниковъ и его собственными, согласно которымъ учить—значило, въ то же время, и воспитывать. И современники Миллера, и онъ самъ смутно чувствовали, что для того, чтобы заниматься дѣломъ воспи-

танія, надо обладать авторитетомъ знанія, но это смутное чувство приводило ихъ къ ложному положенію, которое можно формулировать такъ: всякій что-нибудь знающій человѣкъ, умный и нравственный, можетъ выступить и въ роли преподавателя, и въ роли воспитателя безразлично. Можетъ онъ это дѣлать потому, что, пользуясь своимъ болѣе или менѣе энциклопедическимъ знаніемъ, онъ въ состояніи будетъ передать своимъ питомцамъ знаніе того, что есть добродѣтель, нравственная жизнь, порядочность и, если сообщивъ эти и другія знанія онъ потрудится повторять ихъ какъ можно чаще, то и его воспитанники сдѣлаются знающими, добродѣтельными, нравственными и порядочными.

Эта мысль и развивается подробно въ послѣдующихъ строкахъ плана, гдѣ говорится о томъ, что учителя должны пользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе пажи поступаютъ въ корпусъ очень юными; потому и представляется возможность постояннымъ повтореніемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, моральныхъ сентенцій и обращеніемъ вниманія при чтеніи на то, что называется la morale de l'histoire, внушать юношамъ отвращеніе отъ зла и парализовать въ нихъ стремленіе, къ такъ называемымъ, mechancété des pages—составляющимъ обыденное явленіе среди пажей европейскихъ дворовъ.

Какъ будто вспомнивъ, при этомъ, что уничтожить такое зло непосредственные руководители юношей могутъ не однѣми сентенціями, а своимъ личнымъ примѣромъ, Миллеръ еще разъ возвращается къ вопросу о педагогическомъ персоналѣ и подчеркиваетъ, что люди, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за пажами, должны быть людьми вѣрными и нравственными. Но и этого, по его мнѣнію, мало: надо еще, чтобы ни одинъ изъ проступковъ пажей не оставался безъ взысканія, тогда только хорошій примѣръ учителей будетъ имѣть свое дѣйствіе, иначе, наоборотъ, дурной примѣръ товарищей уничтожитъ вліяніе хорошаго примѣра преподавателей.

Высказавъ свое мнѣніе на счетъ педагогическаго персонала и методовъ воспитанія, Миллеръ переходитъ къ вопросу о самомъ ученьи, о томъ, чему надо учить. Для этого онъ прежде всего старается, опираясь, по всей вѣроятности, на уже имѣющіеся примѣры, опредѣлить—чѣмъ собственно готовятся быть пажи.

По его мнѣнію, они назначаются для занятія впослѣдствіи высшихъ придворныхъ должностей и для пополненія рядовъ арміи офицерами. „Но, разсуждаетъ онъ дальше: высшіе придворные чины по-

сылаются иногда въ качествѣ представителей къ чужимъ дворамъ, а офицеры нерѣдко переходятъ на гражданскую службу". Принявъ всѣ эти обстоятельства во вниманіе, и слѣдуетъ образовать ихъ такъ, чтобы они во всѣхъ случаяхъ находились на высотѣ своего призванія.

Такимъ образомъ, Миллеръ смотрѣлъ на Пажескій корпусъ, какъ на своего рода профессіональную придворную военно-гражданскую школу, имѣющую цѣлью прежде всего подготовлять придворныхъ должностныхъ лицъ, а затѣмъ поставлять офицеровъ для арміи и готовить гражданскихъ чиновъ. Многолѣтнія наблюденія его надъ русскою жизнью показали ему, что хотя придворная служба и отдѣлилась отъ военной, но все-таки связь между той и другой была очень сильна. Тѣ же наблюденія убѣдили его, что и гражданская служба не успѣла отдѣлиться отъ военной, а потому онъ, какъ настоящій историкъ, и постарался согласоваться съ велѣніями жизни.

Средствами поставить на должную высоту этотъ разсадникъ государственныхъ дѣятелей Миллеръ считалъ: во-первыхъ, то, о чемъ теперь такъ много говорятъ, а именно—сохраненіе въ учащихся жизнерадостности, наблюденіе за тѣмъ, чтобы они не подверглись переутомленію и согласованіе ученія съ индивидуальностью каждаго изъ учащихся и, во-вторыхъ, выработку соотвѣтственной программы.

Но такъ-какъ Пажескій корпусъ отличался тою особенностью, что его ученики несли придворную службу и это, въ сущности, считалось ихъ главною обязанностью, а ученіе являлось какъ бы дополненіемъ, вызваннымъ потребностью времени, то Миллеръ, предвидя насколько такое взаимоотношеніе службы и образованія должно неблагопріятно отзываться на послѣднемъ, предлагаетъ устроить еженедѣльные повѣрочные экзамены, а учителямъ напоминаетъ, что они должны, какъ можно чаще, возвращаться къ уже пройденному. Только тогда исполненіе служебныхъ обязанностей не отзовется пагубно на ученіи.

Въ качествѣ программы Миллеръ предлагаетъ слѣдующую:

1. Законъ Божій.
2. Русскій языкъ.
3. Чистописаніе.
4. Рисованіе.
5. Ариѳметика.
6. Геометрія.
7. Этика.
8. Французскій яз.
9. Нѣмецкій яз.
10. Итальянскій яз.
11. Латинскій яз.
12. Исторія.
13. Географія.
14. Военныя науки.
15. Законовѣдѣніе.

По поводу каждаго изъ этихъ предметовъ почтенный исторіографъ высказываетъ свое мнѣніе.

1. Такъ, про законъ Божій онъ говоритъ, что занятіе этимъ предметомъ должно быть поручено ученому и примѣрному во всѣхъ отношеніяхъ духовному лицу. Что касается метода, котораго должно держаться названное лицо, то онъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: преподаватель долженъ настолько ясно излагать предметъ, чтобы всѣ ученики его понимали и могли усваивать смыслъ преподаваемаго, а не запоминать одни только слова.

Однако, онъ не долженъ пускаться, при помощи сравненій или какихъ-либо другихъ способовъ, въ разъясненіе того, что является словами Божьяго откровенія. Въ такихъ случаяхъ, ему рекомендуется прямо ссылаться на слова священнаго писанія и требовать, чтобы самыя главныя доказательства, подтверждающія то или другое положеніе вѣры, были хорошо усвоены разумомъ.

Вообще же, предлагается больше обращать вниманіе на практическую сторону христіанства, чѣмъ на теоретическую, т. е. на догматику.

Необходимо, чтобы ученики поняли, насколько одно знаніе недостаточно, какъ для душевнаго счастья въ этой преходящей жизни, такъ и для будущей вѣчной, надо, чтобы они получили убѣжденіе, что, кромѣ знанія, слѣдуетъ проникнуться сознаніемъ своей грѣховности, вѣрить въ необходимость и дѣйствительность заслугъ Христа и съ непоколебимою увѣренностью положиться на нихъ.

Эти общія замѣчанія лютеранина на то, чѣмъ должно быть преподаваніе закона Божія, весьма замѣчательны и показываютъ, что какъ мертвый предметъ, безжизненный, наполненный ничего не говорящими догматическими положеніями, Миллеръ совсѣмъ не признавалъ его. Но еще замѣчательнѣе то обстоятельство, что онъ рѣшился разсуждать на такую тему, какъ преподаваніе Закона Божія въ православномъ учебномъ заведеніи. Правда, онъ даетъ только руководящія начала, однако, такія, которыя приведенныя въ исполненіе, неминуемо должны были стѣснять иниціативу священника.

2. Относительно русскаго языка Миллеръ такого мнѣнія: слѣдуетъ обращать вниманіе на правописаніе, изученіе грамматическихъ правилъ; на красоту языка, выражающуюся въ порядкѣ размѣщенія словъ и въ выборѣ ихъ (въ этомъ хорошими помощниками могутъ служить лучшіе писатели); на различіе, существующее между словами низкими

и высокими и ихъ употребленіемъ; на объясненіе неизвѣстныхъ словъ священнаго писанія и церковныхъ книгъ; на чтеніе поэтовъ, причемъ всѣ трудныя и юношамъ непонятныя мѣста должны быть разъяснены и точно также должны быть указаны разница между стихотворною формою и прозаическою и преимущества первой и, наконецъ, на сочиненіе короткихъ и „по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ“.

3. Третьимъ предметомъ по важности Миллеръ считаетъ чистописаніе. На него, говоритъ онъ, должно быть обращено съ самаго ранняго возраста самое строгое вниманіе и не только въ спеціально отведенные для занятія имъ часы надо требовать, чтобы пажи учились этому искусству, но при занятіи всѣми другими предметами преподаватель каждаго изъ нихъ долженъ требовать соблюденія правилъ чистописанія.

Придаваніе такого большого значенія чистописанію объясняется тѣмъ, что для гражданской служебной карьеры того времени оно имѣло громадное значеніе и потому въ школѣ являлось необходимымъ профессіональнымъ предметомъ. Многіе родители отдавали своихъ дѣтей въ учрежденныя императрицею Екатериной училища исключительно для того, чтобы они выучились считать, читать и хорошо, красиво и отчетливо писать.

4. Про рисованіе въ планѣ замѣчается, что это такой предметъ, для занятія которымъ, какъ для занятія музыкой, надо имѣть особыя дарованія, а потому преуспѣвать въ рисованіи каждый можетъ лишь до извѣстной степени. Въ виду этого предлагается сдѣлать его какъ бы внѣкласснымъ занятіемъ и обязательнымъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Съ тѣми, у кого способности окажутся хорошими, проходить больше, а съ малоуспѣшными меньше. Но во всякомъ случаѣ, при веденіи занятій предлагается соблюдать постепенный переходъ отъ срисовыванія человѣческихъ фигуръ съ гипса къ рисованію съ натуры и съ гипсовыхъ фигуръ, затѣмъ тоже къ рисованію цвѣтовъ, проспектовъ, ландшафтовъ и т. д.

Четвертое мѣсто полуобязательное рисованіе занимаетъ въ планѣ видимо только въ силу ассоціаціи идей и то по смежности.

5. Ариѳметику предлагается проходить такъ, чтобы каждому правилу сопутствовало его доказательство и учитель долженъ требовать, чтобы ученики запоминали правила и разумно усваивали себѣ ихъ доказательства.

Въ видѣ руководства рекомендуется книга знаменитаго Эйлера.

6. Геометрія представляется для нашего историка полезною въ двухъ отношеніяхъ: она вообще способствуетъ развитію привычки логически мыслить, а въ частности необходима для тѣхъ, кто посвящаетъ себя военной службѣ, такъ-какъ поможетъ имъ легче справиться съ фортификаціею, съ механикой и съ другими отдѣлами математики.

7. Этика, названная въ планѣ Tugend-Lehre, считается настолько важною, что предлагается заниматься ею съ самаго ранняго возраста, но соображаясь при занятіяхъ этимъ предметомъ съ лѣтами пажей. Младшихъ можно обучать этикѣ, постоянно и настойчиво убѣждая ихъ дѣйствовать въ духѣ добра и предостерегая ихъ отъ зла. При этихъ убѣжденіяхъ и предостереженіяхъ очень хорошо пользоваться баснями, примѣрами изъ исторіи и, какъ можно чаще, повторять изреченія Соломона и Іисуса сына Сирахова, дабы ихъ, такъ сказать, внѣдрить въ сознаніе. Съ послѣднею цѣлью полезно за обѣдомъ читать по одной главѣ изъ этихъ нравственныхъ книгъ священнаго писанія, такъ-какъ онѣ даютъ матеріалъ для разсужденій и обсужденій.

Что же касается старшихъ пажей, то для нихъ надо назначить особые часы, въ которые они занимались-бы этикою и естественнымъ правомъ; то и другое должно преподаваться въ основныхъ чертахъ. Въ видѣ руководства могутъ служить небольшія компиляціи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Среди компиляцій надо выбрать такія, въ которыхъ мысли выражены ясно и правильно. Въ заключеніи уроковъ по естественному праву желательно познакомить пажей вкратцѣ съ международнымъ правомъ европейскихъ государствъ.

8. Необходимыми иностранными языками считаются — нѣмецкій и французскій. Желательно, чтобы знаніе ихъ было доведено до такой степени совершенства, чтобы пажи на этихъ языкахъ могли бы свободно и правильно говорить, соблюдая при этомъ хорошее произношеніе. Кромѣ того, желательно, чтобы они владѣли ими настолько, чтобы могли написать на томъ и на другомъ въ элегантномъ стилѣ составленное письмо.

Не всѣ имѣютъ одинаковыя способности къ языкамъ, разсуждаетъ нашъ академикъ, а потому слѣдуетъ удовольствоваться для нѣкоторыхъ лицъ и тѣмъ, если они изучатъ хотя бы одинъ изъ названныхъ языковъ въ желательной степени совершенства. Выборъ языка предоставляется усмотрѣнію учениковъ. Старшимъ пажамъ

надо, если они того захотятъ, дать возможность изучать и итальянскій языкъ. Первоначальное обученіе языка должно основываться больше на упражненіи въ разговорѣ и въ чтеніи, чѣмъ на заучиваніи грамматическихъ правилъ. Правила должны разъясняться тогда, когда намѣреваются заняться отдѣлкою языка, когда отъ ученика требуютъ, чтобы онъ переводилъ и составлялъ предложенія. Совсѣмъ не нужно, чтобы грамматическія правила заучивались наизусть; гораздо лучше, если они будутъ схватываться умомъ.

Заучиваніе наизусть можетъ имѣть мѣсто только при запоминаніи отдѣльныхъ словъ, выраженій и краткихъ діалоговъ, и въ грамматикахъ при прохожденіи склоненій и спряженій; надо обращать вниманіе на то, чтобы ученикъ не заучивалъ ничего такого, о чемъ онъ не имѣлъ бы яснаго представленія, а для этого ему надо предварительно разъяснятъ каждое неизвѣстное слово. Тотъ, кто изучаетъ или уже изучилъ грамматически свой родной языкъ, тому такое изученіе при занятіяхъ иностранными языками будетъ служить великимъ подспорьемъ. Преподаваніе иностраннаго языка учителемъ, основательно знакомымъ, кромѣ своего родного, и съ туземнымъ языкомъ, чувствующимъ себя въ состояніи указать на различные идіотизмы того и другого и разъяснить ихъ—будетъ особенно полезно.

Только-что приведенныя разсужденія, писанныя въ 1765 году, сдѣлали бы честь и современному педагогу. Къ сожалѣнію, большинство изъ прекрасныхъ пожеланій Миллера и теперь, черезъ 137 лѣтъ, остаются пожеланіями, въ особенности, послѣднее, между тѣмъ, самое важное, можно даже сказать, основное.

9. На исторію историографъ смотритъ такъ: съ моральной и политической точки зрѣнія она является учительницею, обучающею примѣрами, но есть и другая точка зрѣнія, которая заставляетъ, по его мнѣнію, дорожить исторіею послѣднихъ двухъ вѣковъ, а именно, та, которая требуетъ, чтобы за событіями слѣдили въ отношеніи ихъ вліянія на государственное устройство.

Исходя изъ этого соображенія, древнюю исторію предлагается проходить вкратцѣ, но такое предложеніе не относится къ отечественной исторіи, которую надо знать одинаково подробно, какъ за древній, такъ и за новый періоды времени.

Далѣе предлагается установить при изученіи исторіи отдѣльныхъ странъ количественную градацію, основанную на такомъ положеніи: исторія сосѣдей и государствъ, съ которыми Россія имѣетъ сношеніе

за періодъ, равняющійся приблизительно 100 годамъ, должна быть изучена подробнѣе исторіи другихъ странъ.

Весьма интересно слѣдующее заявленіе Миллера: чистое знаніе безъ всякаго отношенія къ нашей собственной личности безполезно, любопытство не обладаетъ способностью самоограниченія, а ищетъ все новыхъ и новыхъ конечныхъ цѣлей. Отсюда онъ приходитъ къ такому заключенію: преподаваніе исторіи должно преслѣдовать практическія цѣли и всегда имѣть въ виду наше личное совершенствованіе и увеличеніе запаса знаній того, что полезно для нашего государства.

Къ числу историческихъ знаній Миллеръ относитъ генеалогію и хронологію. Генеалогія или наука, занимающаяся родословною царствующихъ европейскихъ домовъ, изучается при помощи таблицъ. При занятіяхъ генеалогіей слѣдуетъ обращать, главнымъ образомъ, вниманіе на изученіе родовъ сосѣднихъ странъ и тѣхъ изъ нихъ, которыя играютъ роль въ современной жизни, на брачные союзы, результатомъ которыхъ является территоріальный приростъ или полученіе большихъ наслѣдствъ.

Хронологія связана съ исторіею. Изучая ее, не надо обращать вниманія на мелочи, дабы не очень обременять память.

Достаточно знать даты главнѣйшихъ эпохъ и замѣчательнѣйшихъ событій. Не безполезны висячія синхроническія таблицы.

Итакъ, исторія, по мнѣнію нашего академика, наука чисто утилитарная. Это собраніе полезныхъ свѣдѣній. Центромъ этихъ знаній должно быть все то, что касается собственной страны, все остальное группируется около и связывается съ этими основными знаніями; это есть своего рода историческое отечествовѣдѣніе, о которомъ такъ усиленно говорятъ теперь. Миллеръ допускаетъ и философію исторіи, но только, какъ этику.

10. Географія—подраздѣляется на три различныя отрасли знанія: на географію математическую, за ней слѣдуетъ историческая географія, а уже за нею физическая, которой можно удѣлять лишь столько времени, сколько его остается отъ преподаванія первыхъ двухъ отдѣловъ, тѣмъ болѣе, что большею частью ее можно изучить безъ учителя, читая лишь хорошія книги.

Въ математической географіи слѣдуетъ сообщать тѣ свѣдѣнія, которыя нужны для чтенія ландкарты; большее можно сообщать лишь въ томъ случаѣ, если найдется кто-нибудь особенно даровитый, любознательность котораго придется удовлетворить.

Въ географіи предлагается соблюдать тотъ же принципъ, что и въ исторіи: свою страну сдѣлать центромъ изученія, а все остальное связать съ ней, помня при этомъ, что чѣмъ страна имѣетъ для насъ большее значеніе, тѣмъ слѣдуетъ изучать ее больше. Такимъ образомъ, переходя отъ извѣстнаго—своего отечества, къ неизвѣстному—сосѣднимъ и другимъ странамъ, можно, по крайней мѣрѣ, быть увѣреннымъ, что если за недостаткомъ времени чего-нибудь не поспѣешь изучить, то это не будетъ касаться отечества.

При прохожденіи курса исторической географіи предлагается обращать также вниманіе на государственное устройство изучаемыхъ странъ, а также на геральдику, но въ общихъ чертахъ, свявывая ее съ описаніемъ гербовъ различныхъ государствъ. При занятіи геральдикой желательно наглядность. Какъ руководство, рекомендуется книга Бюшинга. Стремленіе поставить географическое отечествовѣдѣніе на твердую ногу и это во вторую половину XVIII стол. да еще со стороны иностранца, представляется явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ. Видно, не даромъ Миллеръ путешествовалъ по Сибири и Россіи.

11. Военныя науки предлагаются, какъ нѣчто дополнительное, для тѣхъ, кто ими интересуется, или кого родители пожелаютъ посвятить военной службѣ; для всѣхъ такихъ лицъ, по мнѣнію автора плана, „для обученія пажей“ слѣдуетъ назначить особые часы, въ которые они могли бы основательно изучить сначала геометрію, тригонометрію, затѣмъ нужную для разбивки лагерей геодезію, фортификацію, являющуюся необходимой при окопкѣ тѣхъ же лагерей и при постройкѣ крѣпостей, артиллерію или, по крайней мѣрѣ, хоть что-нибудь изъ нея, такъ какъ эту науку нужно знать для должнаго веденія осадъ, и, наконецъ, механику, знаніе которой весьма полезно при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Всѣ эти знанія служатъ украшеніемъ офицера, а въ случаѣ недостатка инженерныхъ или артиллерійскихъ офицеровъ, то они могутъ оказаться и очень полезными.

Въ разсужденіяхъ о военныхъ предметахъ мы встрѣчаемся съ уже намъ хорошо знакомымъ явленіемъ: фортификація является центромъ военныхъ знаній, математика—вспомогательнымъ средствомъ ихъ лучше усвоить, а артиллерія боязливо, не смѣло предъявляетъ свои права на вниманіе. Новинку въ этой военной программѣ составляетъ геодезія, которая еще боязливѣе, чѣмъ артиллерія, поднимаетъ свой голосъ и указываетъ, что она можетъ оказаться не безполезной при рѣшеніи

вопросовъ военной науки, о которой совсѣмъ не упоминается и которая уже существуетъ, а именно тактики.

12. Для лицъ, посвящающихъ себя придворной и гражданской службѣ, Миллеръ предлагаетъ устроить тоже родъ дополнительнаго курса, въ которомъ проходилось бы: общее государственное право и, въ частности, государственное право главнѣйшихъ европейскихъ державъ, гражданское право и, въ особенности, русское гражданское право. Въ этомъ же дополнительномъ курсѣ предполагалось знакомить пажей съ умѣніемъ составлять законы по Монтескье и съ церемоніалами. Знаніе всего этого, замѣчаетъ Миллеръ, можетъ быть потребовано отъ будущаго государственнаго и будущаго придворнаго дѣятеля.

О латинскомъ языкѣ говорится „въ планѣ“ какъ бы мимоходомъ: и, снисходя къ духу времени, пажи должны знать его настолько, чтобы они могли читать прозу, склонять, спрягать, умѣли бы поставить правильно падежи и въ состояніи были бы понять незамысловатую сентенцію или надпись. Совсѣмъ ничего въ немъ не понимать, замѣчаетъ Миллеръ: согласно установленнымъ въ Европѣ обычаямъ, считается неприличнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ: какъ напр., во время путешествій или при дипломатическихъ сношеніяхъ, такъ даже можетъ оказаться и вреднымъ.

Этимъ собственно и заканчивается учебная программа.

Въ качествѣ внѣклассныхъ занятій Миллеръ предлагалъ неизбѣжные танцы и при этомъ рекомендовалъ преподавать ихъ, какъ можно лучше, затѣмъ верховую ѣзду, но только для старшихъ пажей; срокъ обученія ея онъ не считаетъ нужнымъ дѣлать особенно продолжительнымъ, и, наконецъ, для желающихъ—обученіе музыкѣ: игрѣ на роялѣ, на скрипкѣ и на флейтѣ.

Въ общемъ, только-что изложенная программа, кажется, подтверждаетъ выше высказанное нами мнѣніе, заключающееся въ томъ, что она несомнѣнно принадлежитъ человѣку опытному и весьма освѣдомленному въ педагогическихъ вопросахъ. Всѣ замѣчанія Миллера по поводу преподаванія того или другого предмета показываютъ, что онъ, хотя и никогда не изучалъ психологіи, какъ науки, но внимательно всматривался въ дѣтскую и юношескую природу и попытался результаты своихъ наблюденій закрѣпить на бумагѣ для тѣхъ, кому придется приводить въ исполненіе его планъ. Вопросъ о томъ, кто у кого и что заимствовалъ въ области мысли, являлся всегда вопросомъ очень сложнымъ и запутаннымъ: стоитъ вспомнить такъ называемые случаи кон-

геніальности, хотя бы, напримѣръ, тотъ, который далъ поводъ къ извѣстному спору между Лейбницемъ и Ньютономъ относительно открытія интегральнаго исчисленія; слѣдовательно къ этому вопросу надо относиться съ большою осторожностью. Сознаніе необходимости такого осторожнаго отношенія и не позволяетъ намъ утверждать, что Миллеръ заимствовалъ свои воззрѣнія на учебное дѣло у Локка. А между тѣмъ, въ самомъ основаніи воззрѣній того и другого лежитъ сходство. И для Миллера и для Локка школьное ученіе является дѣломъ служебнымъ, но Локкъ думаетъ при помощи его развить здравый смыслъ, а Миллеръ снабдить учениковъ запасомъ полезныхъ для жизненной карьеры свѣдѣній и попутно развить въ нихъ любовь къ добродѣтели и стремленіе къ совершенствованію.

Чтобы покончить съ планомъ для обученія пажей намъ остается сказать нѣсколько словъ.

Для преподаванія предметовъ, поименованныхъ въ программѣ, Миллеръ считаетъ нужнымъ имѣть слѣдующихъ преподавателей:

1. Учителя математики, который бы училъ: ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи.

2. Учителя философіи для преподаванія этики, естественнаго и международнаго правъ. Онъ же можетъ вести курсъ латинскаго языка.

3. Учителя исторіи: для исторіи собственно, для географіи, генеалогіи и геральдики.

4. Учителя законовѣдѣнія для гражданскаго и государственнаго правъ и для сообщенія свѣдѣній по церемоніальной части.

Эти 4 учителя предназначались и для исполненія воспитательскихъ обязанностей. Подборъ преподавателей-воспитателей, обязанныхъ жить съ пажами и проводить съ ними время, сдѣланъ не зря. Они такъ подобраны, чтобы могли и въ внѣклассное время сообщать свѣдѣнія по тѣмъ предметамъ, усвоеніе которыхъ признавалось наиболѣе полезнымъ. Двое изъ нихъ—учитель математики и учитель законовѣдѣнія, очевидно, предназначались для воздѣйствія на рѣшившихся спеціализироваться пажей: одинъ для воздѣйствія на будущихъ военныхъ, а другой — на будущихъ придворныхъ и на будущихъ гражданскихъ чиновниковъ.

На двухъ другихъ: на учителя исторіи и философіи возлагались обязанности воспитателей для того, чтобы первый могъ укрѣпить любовь къ добродѣтели, а второй могъ бы пользоваться каждымъ случаемъ обогащать пажей свѣдѣніями по отечествовѣдѣнію.

Кромѣ названныхъ четырехъ преподавателей имѣлось въ виду пригласить еще восьмерыхъ, но не въ качествѣ воспитателей, а просто учителей:

1. Учителя русскаго языка, который въ случаѣ надобности долженъ былъ являться въ роли воспитателя, если оказалось бы, что четыре первыхъ не въ состояніи справиться со своими обязанностями. Онъ же долженъ былъ заниматься русскою каллиграфіею.

2. Учителя французскаго языка.

3. Учителя нѣмецкаго языка.

4. Учителя итальянскаго языка.

Всѣ четверо обязаны преподавать въ двухъ классахъ—въ одномъ младшемъ и въ одномъ старшемъ. Такъ какъ на нихъ будетъ возложено преподаваніе и стилистики, то они должны быть, говоритъ Миллеръ, людьми учеными.

5. Учителя каллиграфіи для иностранныхъ языковъ.

6. Учителя рисованія.

7. Учителя музыки.

8. Учитель Закона Божьяго, которымъ можетъ быть священникъ одной изъ ближайшихъ церквей или же изъ Невской лавры. Преподаватель этотъ состоитъ на жалованьи.

Верховой ѣздѣ пажъ можетъ обучаться въ придворномъ манежѣ.

При составленіи расписанія надо принимать во вниманіе слѣдующее: 1) Пажи по возрастамъ или по успѣхамъ въ языкахъ и наукахъ должны дѣлиться на два или на три класса, слѣдовательно, въ одинъ и тотъ же часъ разные пажи у разныхъ учителей успѣютъ взять два или три урока. 2) Во время урока Закона Божьяго и этики, которые преподаются всѣмъ пажамъ заразъ, другихъ уроковъ, естественнымъ образомъ, быть не можетъ. 3) Для поддержки интереса къ ученію слѣдуетъ часто мѣнять предметы. 4) Для удобства живущихъ внѣ стѣнъ корпуса учителей и для сбереженія времени уроки для одного и того же учителя могутъ быть назначены подрядъ.

Заканчивается планъ для обученія замѣчаніями общаго характера о томъ, что человѣколюбіе и учтивость ко всякому, а также и къ низшимъ, необходимость порядка во всѣхъ дѣлахъ, соблюденія чистоты въ одеждѣ и забота о ея опрятности—все это должно быть при каждомъ удобномъ случаѣ внушаемо юношамъ. Ничего пажъ не долженъ ни хранить, ни дарить, безъ вѣдома начальства. Начальство хранитъ деньги и выдаетъ ихъ ему на руки маленькими суммами. Куреніе

запрещается, такъ же, какъ и преждевременное нюханіе табаку. Вино можно пить только за обѣдомъ, употребленіе водки совершенно запрещается. Игры въ карты и въ кости разрѣшаются въ присутствіи гофмейстера, а на деньги строго воспрещаются. Затѣмъ разрѣшается: игра въ мячъ, въ особенности, въ дурную погоду; въ кегли на дворѣ дома; обѣ эти игры полезны, такъ-какъ заставляютъ двигаться; танцы и игра въ шашки равно, какъ и игра въ шахматы—и та, и другая пріучаютъ думать. Но при этомъ слѣдуетъ предупреждать всякія ссоры. Любители брани должны быть лишаемы права игры.

Въ отношеніи здоровья слѣдуетъ наблюдать, чтобы пища не была бы слишкомъ питательна: говядина, овощи, молоко и мучныя кушанья должны восприниматься въ извѣстной пропорціи. Родителямъ запрещается приносить варенье и этимъ портить желудки. Для того, чтобы пажи двигались, какъ можно больше, каждый изъ учителей въ хорошую погоду отправляется по очереди со своими пажами гулять въ императорскіе сады, при этомъ онъ долженъ заниматься съ ними полезными разговорами. Спать пажи должны ложиться въ опредѣленные часы, такъ же, какъ и вставать. Бодрость и жизнерадостность (Fröhlichkeit) должны быть поддерживаемы всѣми силами и средствами.

Не забылъ Миллеръ и торжественнаго экзамена въ присутствіи оберъ-гофмаршала, гофмаршала и другихъ высшихъ чиновъ двора. Говоря о нихъ, онъ выражалъ желаніе, чтобы государыня императрица соизволила трехъ лучшихъ поощрять маленькими подарками.

Излагая планъ, мы попутно сдѣлали оцѣнку отдѣльныхъ его частей, намъ надо теперь отдать себѣ отчетъ въ томъ впечатлѣніи, которое онъ производитъ въ цѣломъ, а затѣмъ и отвѣтить на вопросъ—какого типа учебное заведеніе рисовалось Миллеру, когда онъ писалъ его.

Намъ кажется, что приведенный планъ для обученія пажей у насъ въ Россіи принадлежитъ къ числу выдающихся трактатовъ по образованію второй половины XVIII стол.; воспитательная часть разработана въ немъ гораздо слабѣе. Правда, что и образовательная часть не отличается систематичностью изложенія, но отдѣльные отрывочно высказанные въ ней мысли крайне замѣчательны и пріобрѣтаютъ особую цѣну потому, что отъ нихъ не вѣетъ исключительною теоретичностью, а въ нихъ отражается вдумчивый, наблюдательный и образованный практикъ-педагогъ.

Многія изъ нихъ, какъ напримѣръ, мысли о преподаваніи языковъ, о значеніи отечествовѣдѣнія, о необходимости ввести курсъ этики,

настолько опередили свое время, что и теперь не потеряли своей свѣжести, уже не говоря о томъ, что далеко еще не вошли въ учебный обиходъ.

Что всѣ мысли, высказанныя относительно постановки педагогическаго дѣла, дѣйствительно дороги Миллеру видно изъ того, что онъ съ особенною любовью останавливается на нихъ и удѣляетъ имъ почти весь свой трактатъ.

Объясняется это, конечно, тѣмъ, что послѣ интереса историка слѣдовалъ въ Миллерѣ интересъ преподавателя, интересъ же воспитателя едва-едва сказывался въ немъ; это въ свою очередь находится въ связи съ весьма распространеннымъ убѣжденіемъ XVIII вѣка, по которому главную роль въ воспитаніи играетъ знаніе и мѣры предупрежденія и пресѣчанія, сводящія ко бдительному и неукоснительному надзору лишь помогаютъ усвоенію его.

Но говоря, что интересъ воспитателя въ Миллерѣ едва-едва сказывался, мы становимся на нашу современную точку зрѣнія, съ которой и судимъ его планъ для обученія пажей, самъ же Миллеръ, распространяясь такъ полно объ образованіи, думалъ, что онъ вполнѣ входитъ въ виды императрицы Екатерины и своего начальника Бецкаго, мечтавшихъ пересоздать нравственную природу своихъ соотечественниковъ. Разница между ними заключалась въ томъ, что государыня и Бецкій уже чувствовали, что есть какое-то эмпирическое воспитаніе, опирающееся на изученіе природы человѣка, но пріемы при помощи которыхъ они хотѣли проводить его въ жизнь, были пріемами раціоналистовъ. Въ особенности, этимъ страдалъ Бецкій, съ этимъ недостаткомъ онъ соединялъ другой—полное незнаніе Россіи, отсюда понятно, что всѣ его попытки были впередъ обречены испытать участь попытокъ безпочвенныхъ. Нѣмецъ Миллеръ въ этомъ отношеніи выгодно отличался отъ своего принципала, онъ, несомнѣнно зналъ Россію и притомъ съ двухъ сторонъ—со стороны ея прошлаго и со стороны настоящаго; такое опытное знаніе, пріобрѣтенное тяжелымъ трудомъ, и сдѣлало то, что въ немъ эмпирическій элементъ сказался довольно громко. Взглядъ его на воспитаніе, какъ на нѣчто, почти тождественное съ образованіемъ, несомнѣнно, взглядъ раціоналиста, но, способы, при помощи которыхъ онъ думалъ воспитывать знаніемъ, обнаруживаютъ въ немъ въ извѣстной степени эмпирика. Итакъ, Бецкій, будучи, больше по чутью, эмпирикомъ—по взглядамъ на воспитаніе, по пріемамъ воспитанія былъ раціоналистъ. Мил-

леръ, будучи по взглядамъ на воспитаніе раціоналистомъ,—по пріемамъ воспитанія былъ въ извѣстной степени эмпирикъ.

Вотъ эта то развитая обстоятельствами жизни Миллера эмпирическая жилка и помогла ему установить, по нашему мнѣнію, вѣрный взглядъ на задачи Пажескаго корпуса. Изучая Россію и русскую исторію, онъ понялъ, что Россія нуждается, главнымъ образомъ, въ профессіональной школѣ, понялъ онъ и то, что время рѣзкаго раздѣленія труда наступающее тогда, когда государственный организмъ достигаетъ довольно значительной степени развитія, для Россіи не настало. Ему было ясно, что просвѣщеніе, сопровождавшее побѣдоносное шествіе подражательнаго процесса, которому зарождавшійся творческій контръ-процессъ не могъ оказать никакого сопротивленія, идетъ съ верху, отъ двора. Принявъ все это во вниманіе, онъ, кстати сказать, отдавшій дань и творческому контръ-процессу своимъ основательнымъ изученіемъ Россіи, рѣшилъ, что созданный за 6 лѣтъ передъ тѣмъ Сиверсомъ и барономъ Шуди Пажескій корпусъ можетъ сослужить большую службу Россіи, превратившись въ школу, подготовляющую государственныхъ дѣятелей, способныхъ служить на высшихъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ должностяхъ.

Пажескій корпусъ представлялся историографу наиболѣе подходящимъ для такой роли, потому, что пажи съ дѣтства вращаясь въ сферахъ, рѣшавшихъ судьбы Россіи, въ сферахъ, гдѣ жизнь кипѣла, гдѣ Европа учила Россію, гдѣ Россія съ жаромъ подражала своей учительницѣ,—какъ бы самой судьбой предназначались для роли просвѣтителей и цивилизаторовъ. Стоитъ только образовать ихъ, какъ слѣдуетъ, они составятъ готовый кадръ, изъ котораго можно будетъ комплектовать ряды государственныхъ дѣятелей, мечталъ Миллеръ.

Вотъ почему онъ и предложилъ для ихъ образованія ту обширную программу, которую мы уже разбирали. При составленіи ея онъ не упустилъ изъ виду необходимости считаться съ нѣкоторою потребностью въ отдѣленіи трехъ родовъ службы другъ отъ друга и проэктировалъ рядъ дополнительныхъ курсовъ: одинъ для будущихъ придворныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, а другой для военныхъ.

Одно только упустилъ изъ виду Миллеръ, а именно то, что еще довольно долго Россія будетъ нуждаться въ образованіи и воспитаніи, носящихъ военный оттѣнокъ, что опять-таки вполнѣ естественно, если принять во вниманіе Спенсеровское положеніе о постоянномъ и медленномъ превращеніи государства военнаго типа въ то, что онъ назы-

валъ государствомъ промышленнаго типа, и подъ которымъ подразумѣвалъ тотъ фазисъ развитія государственной жизни, когда мирныя задачи выступаютъ на первый планъ, а военныя на задній. По плану нашего академика Пажескій корпусъ утрачивалъ совершенно военный характеръ, а получалъ характеръ гражданскаго высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ допускалось военное воспитаніе и военное образованіе для нѣкоторыхъ лицъ, желающихъ избрать военную карьеру [21]).

Насколько привились идеи Миллера въ Пажескомъ корпусѣ, въ какой степени планъ получилъ осуществленіе—все это вопросы, на которые мы не можемъ отвѣтить. Мы можемъ только догадываться, впрочемъ, съ достаточною долею вѣроятія, что предположенія и предложенія Миллера постигла та же участь, какъ и его предшественника барона Шуди. Баронъ въ слѣдующемъ году послѣ полученія извѣстной уже намъ инструкціи уѣхалъ въ отпускъ и больше уже не возвращался, на его мѣсто былъ назначенъ нѣкій Литхенъ, пробывшій во главѣ корпуса въ качествѣ гофмейстера до 9 Января 1762 г. Его смѣнилъ ненадолго учитель Морамбертъ, котораго въ свою очередь смѣнилъ Ротштейнъ. Ротштейнъ управлялъ корпусомъ до 29 Ноября 1779 года. Когда онъ состарился и не могъ уже съ прежнею энергіею исполнять свои обязанности, то императрица назначила гофмейстеромъ шевалье де-Вильнефъ [22]). Отъѣздъ барона и нежеланіе его возвратиться обратно въ Россію, конечно, могутъ быть истолкованы въ разномъ смыслѣ, но намъ кажется, что немного понадобилось Шуди времени, чтобы присмотрѣться къ окружавшей его средѣ и къ тѣмъ, кто долженъ былъ выступить въ роли исполнителей его. Вскорѣ ему, по всѣмъ вѣроятіямъ, стало совершенно ясно, что осуществить свои педагогическіе взгляды ему врядъ-ли удастся и прежде всего за невозможностью найти хорошихъ помощниковъ.

Та же причина,—недостатокъ подходящаго педагогическаго персонала, обрекли и проэкты Миллера, если не на окончательное забвеніе, то во всякомъ случаѣ на такое примѣненіе ихъ, взглянувъ на которое, онъ съ ужасомъ отвернулся бы и поспѣшилъ бы отречься отъ какой бы то ни было солидарности съ исполнителями его предначертаній. Съ нимъ произошло-бы то же самое, что происходитъ съ авторомъ, пьесу котораго бездарные актеры безбожно коверкаютъ.

Что врядъ-ли учителя и гофмейстеры пажей находились на высотѣ своего призванія, можно судить по слѣдующему обстоятельству. Когда возвратившійся изъ Лейпцигскаго университета графъ Влади-

міръ Григорьевичъ Орловъ обратилъ на себя вниманіе своею ученостью и просвѣщеннымъ взглядомъ, то Екатерина задумала послать въ этотъ университетъ шестерыхъ пажей. На поданномъ ей 1766 года 22 Февраля спискѣ пажей она выбрала шесть человѣкъ и собственноручно отмѣтила на немъ кружками ихъ фамиліи, повелѣвъ послать этихъ пажей въ Лейпцигскій университетъ для слушанія наукъ.

Выборъ палъ на Алексѣя Кутузова, Петра Челищева, Алексѣя Рубановскаго (всѣ трое—18-ти лѣтъ) Александра Римскаго-Корсакова (15 л.), Александра Радищева (16 л.) и Сергѣя Янова (17 л.) [23]).

„Руководителемъ молодежи избранъ былъ пресловутый маіоръ Бокумъ, весьма вѣрно изображенный Радищевымъ, въ написанной имъ біографіи О. В. Ушакова". „Не зналъ нашъ путеводитель, говорилъ Радищевъ: что худо отвергать справедливые подчиненныхъ требованія и что вѣчная власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости. Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали, наконецъ, презирать его власть". Русскіе студенты и, въ числѣ ихъ, Радищевъ жаловались властямъ на несчастную и горестную жизнь, въ которую ввергнулъ ихъ маіоръ Бокумъ. Онъ подвергалъ молодыхъ людей жестокому тѣлесному наказанію: билъ фухтелемъ, сѣкъ розгами и т. п.; пререканіямъ, столкновеніямъ и оскорбленіямъ не было конца. Гофмейстеръ Бокумъ обмѣнивался со своими питомцами не только дерзостями и бранью, но и пощечинами.

Матеріальное положеніе студента Радищева было самое незавидное. Во время пребыванія своего въ Лейпцигскомъ университетѣ Радищевъ жилъ со своимъ товарищемъ Алексѣемъ Кутузовымъ. Въ донесеніяхъ своихъ изъ Лейпцига кабинетъ-курьеръ Яковлевъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ изображаетъ бытъ русскихъ студентовъ и обращеніе съ ними гофмейстера.

„Алексѣй Кутузовъ и Александръ Радищевъ—во второмъ этажѣ, безъ гофмейстера. У нихъ одна комната посредственной величины, а спятъ въ той же комнатѣ въ сдѣланной въ стѣнѣ глухой отъ пола и до потолка перегородки такой величины, какъ кровати стать могли и отъ того, что воздухъ не можетъ порядочно проходить, всегда сырость. Кровати деревянныя, нанятыя у хозяина; перины же и подушки собственныя, а одѣяла у Кутузова свои, а у Радищева казенное, данное по пріѣздѣ въ Лейпцигъ, ветхо, надѣвается безъ подшивки простыни.

„У каждаго комнату моютъ въ годъ два раза и чистота въ оныхъ дурно наблюдается. Во всякомъ кушаньѣ масло горькое тоже и и мясо старое крѣпкое да случалось и протухлое. А г. Радищевъ находился въ бытность мою въ Лейпцигѣ боленъ да и по отъѣздѣ еще не выздоровѣлъ и за болѣзнью къ столу ходить не могъ, а относилось ему кушанье на квартиру. Онъ въ разсужденіи его болѣзни за отпускомъ худого кушанья прямой претерпѣваетъ голодъ".

Русскихъ студентовъ Лейпцигскаго университета обвиняли въ нравственной распущенности, „въ непреодолѣваемой склонности къ женскому полу, развившейся подъ вліяніемъ лейпцигской жизни. Должно признаться, что городъ Лейпцигъ мѣсто соблазнительное и что такихъ довольно здѣсь находится, кои, молодыхъ людей слабость видя, ко всему ихъ склонить умѣютъ". Обвиненіе это подтверждаетъ и Радищевъ, но главную причину зла видитъ въ отсутствіи надзора и руководства. „Во все продолженіе нашего пребыванія въ Лейпцигѣ, говоритъ Радищевъ: кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ-то, на дрова, одежду, пищу, но даже на ученіе, на покупку книгъ. Не утаю и того, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не онѣ къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ.

Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за пажами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень".

Если вѣрить извѣстіямъ, доходившимъ изъ Лейпцига, во всемъ тамошнемъ университетѣ не было и трехъ профессоровъ, которые не ссорились бы между собою изъ корыстныхъ видовъ, а мѣстные жители наперерывъ старались о томъ, чтобы насчетъ русскихъ студентовъ вознаградить себя за убытки, понесенные во время послѣдней войны.

Свѣтлыя стороны лейпцигской жизни заключались для Радищева и его товарищей въ тѣхъ познаніяхъ, которыя выносили они изъ бесѣдъ и лекцій профессоровъ и изъ научныхъ занятій подъ руководствомъ профессоровъ, наиболѣе внимательныхъ къ своимъ русскимъ слушателямъ.

Въ первые года, 1767—1769 годъ, русскіе студенты обучались логикѣ, естественному праву, народному праву, универсальной исторіи, генеральному политическому праву, исторіи всѣхъ государствъ и о состояніи оныхъ. Объ успѣхахъ русскихъ студентовъ черезъ полтора года по пріѣздѣ ихъ въ Лейпцигъ отзывались такимъ образомъ: „Всѣ

генерально съ удивленіемъ признаются, что въ такое короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самимъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются. Особенно хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во-первыхъ—старшаго Ушакова, а за нимъ Янова и Радищева, которые превзошли частію своихъ учителей“ [24]).

И это несмотря на отсутствіе надзора и руководства.

Только-что приведенныя доказательства возможной общей несостоятельности пажескихъ гофмейстеровъ и учителей могутъ, однако, считаться лишь косвенными доказательствами. Прямыхъ данныхъ, какъ о нихъ, такъ и о томъ, какъ примѣнялся планъ для обученія пажей на дѣлѣ, мы не имѣемъ. Тѣмъ не менѣе сопоставленіе сказаннаго о Бокумѣ съ тѣмъ, что намъ извѣстно вообще о педагогическомъ персоналѣ временъ Екатерины, позволяетъ намъ и эти косвенныя доказательства принять, какъ бы за прямыя.

Что же касается самаго плана для обученія пажей и его вліянія на жизнь корпуса, мы можемъ только догадываться.

20 лѣтъ Пажескій корпусъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, руководился имъ офиціально, не забывая въ то же время и инструкціи барона Шуди, а черезъ 20 лѣтъ подвергся онъ и новой реформѣ въ духѣ австрійской системы. 26 Февраля 1785 года на имя Завадовскаго, подъ руководствомъ котораго дѣйствовалъ Янковичъ-де-Миріево, послѣдовалъ указъ императрицы Екатерины, гласившій слѣдующее:

„Петръ Васильевичъ! представленный Вами планъ для обученія пажей Двора Нашего Императорскаго Величества мы пріемлемъ за благо, повелѣвая только прибавить къ числу прочихъ назначенныхъ въ ономъ знаній языки латинскій и греческій. На основаніи того сдѣлайте надлежащее распоряженіе, дабы таковое ученіе какъ поскорѣе могло воспріять свое начало, о чемъ слѣдуетъ согласиться съ нашимъ оберъ-гофмаршаломъ. Когда все такимъ образомъ по представленному отъ Васъ плану придетъ въ устройство, тогда не только возможно позволить прочимъ благороднымъ молодымъ людямъ учиться въ классахъ Пажескаго корпуса, но и непремѣнно надлежитъ приказать, чтобъ рейтъ-пажи и яхтъ-пажи ходили для обученія въ сіи классы. Выборъ учителей слагаемъ мы на васъ, пребываю всегда вамъ благосклонна.

Екатерина“.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 26 дня.

Видимо, Завадовскій, состоявшій предсѣдателемъ комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, въ число членовъ которой входили Ф. И. Эпинусъ, П. И. Пастуховъ и Янковичъ де-Миріево, работалъ энергично съ 1782 года, комиссія успѣла преобразовать воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, мѣщанское училище, сухопутный шляхетскій корпусъ, вопросъ же о Пажескомъ корпусѣ она рѣшила въ три недѣли. Пятаго февраля императрица повелѣла осмотрѣть положеніе учебнаго дѣла ученія въ Пажескомъ корпусѣ, освидѣтельствовать успѣхи пажей и потомъ ввести порядокъ, который долженъ быть во всѣхъ россійскихъ училищахъ по Высочайше утвержденному плану, а къ 26 Февраля, судя по только-что приведенному указу, все было сдѣлано. П. В. Завадовскій писалъ оберъгофмаршалу дѣйствительному камергеру Орлову:

„Милостивый Государь мой, Григорій Никитичъ! Изъ приложеній, у сего прилагаемыхъ, Ваше Высокопревосходительство усмотрѣть соизволите, на какомъ основаніи по волѣ Ея Императорское Величество ученіе въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества въ корпусѣ впредь должно быть преподаваемо. Для расположенія по оному классовъ находя домъ, пажами нынѣ занимаемый, неудобнымъ потому, что для каждаго изъ четырехъ классовъ, на кои корпусъ сей въ ученіи раздѣленъ, потребенъ будетъ особливый покой, прошу симъ Ваше Высокопревосходительство для опредѣленія другого учебнаго дома учинить Ея Императорскому Величеству донесеніе, ибо въ настоящемъ жилищѣ пажей негдѣ открыть дѣйствительнымъ образомъ предполагаемаго для нихъ ученія. Между тѣмъ прилагалось стараніе о доставленіи сему корпусу искусныхъ учителей. Въ которые же дни положено ученіе языковъ греческаго и латинскаго, о томъ буду имѣть честь представить Вашему Высокопревосходительству новую на раздѣленіе часовъ таблицу, пребывая съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ Вашего Высокопревосходительства милостиваго Государя моего всепокорнѣйшимъ слугою

Петръ Завадовскій“.

Итакъ, новыя реформы потребовали и новаго помѣщенія. Въ четвертый разъ послѣ того, какъ собрали пажей въ домѣ адмирала Крюйса, пришлось имъ переѣзжать: въ первый разъ они переѣхали 26 Іюля 1762 г. въ Наумовъ домъ, гдѣ прежде были придворныя кондитерскія; во второй разъ—въ старый зимній деревянный дворецъ;

въ третій разъ, въ 1766 году—въ домъ Амосова. Этотъ домъ былъ купленъ по представленію Карла Ефимовича Сиверса, вслѣдствіи желанія императрицы, чтобы пажи помѣщались въ домѣ, который имъ принадлежалъ бы исключительно. За него заплатили 14 тысячъ рублей, исправленъ онъ былъ на счетъ продавца.

Каменный двухъ-этажный домъ Амосова выходилъ на Мойку, а противоположной стороной на Луговую улицу. Наконецъ, въ четвертый разъ пажи переѣхали изъ дома гофъ-штабъ-квартирмейстера Амосова на Милліонную, въ домъ сенатора Завадовскаго, за который ему заплатили 10 тысячъ рублей. Совершился этотъ переѣздъ въ концѣ 1788 г. Новый же порядокъ вещей былъ введенъ въ корпусъ раньше—5 Апрѣля того же 1788 года. Въ чемъ же онъ состоялъ?

На это даетъ отвѣтъ новый планъ для обученія пажей, выработанный комиссіею сенатора Завадовскаго.

„Расположеніе ученія въ семъ корпусѣ должно быть, сказано въ планѣ: какъ и вездѣ сообразно тому роду состоянія, въ которое учащіеся, по окончаніи своего воспитанія, вступаютъ, но какъ пажи большею частію выпускаются въ службу военную, то нужны и полезны для нихъ быть, кажутся, слѣдующія науки, благородное воспитаніе военнаго человѣка составляющія, и черезъ которое не меньше просвѣщенія пріобрѣтутъ и тѣ, кои опредѣляются въ статскую.

1) Законъ Божій, 2) языки: россійскій, 3) французскій, 4) нѣмецкій, 5) ариѳметика, 6) географія, 7) исторія и статистика, 8) геометрія, 9) механика и гидравлика, 10) физика, 11) исторія натуральная, 12) архитектура гражданская, 13) военная наука, какъ-то: артиллерія и фортификація, 14) рисованіе, 15) музыка и упражненія тѣлесныя, какъ-то: танцованіе, фехтованіе, манежъ.

Для изученія всѣхъ положенныхъ предметовъ, довольно опредѣлить 8 лѣтъ, а для лучшей въ преподаваніи наукъ удобности раздѣлить Пажескій корпусъ на четыре класса, изъ коихъ въ каждомъ быть пажамъ два года.

Науки же въ первомъ классѣ предлагаются слѣдующія:

1) Законъ Божій, привосокупивъ исторію священную, 2) чтеніе и письмо: россійское, 3) французское, 4) нѣмецкое, 5) ариѳметику, 6) танцованіе и музыку.

Для второго класса:

1) Пространный катехизисъ, 2) грамматику россійскую, 3) французскую, 4) нѣмецкую, 5) продолженіе ариѳметики, 6) рисованіе, 7) географію, 8) исторію, 9) танцованіе и музыка.

Для третьяго класса:

1) Переводы россійскіе, 2) французскіе, 3) нѣмецкіе, 4) рисованіе, 5) геометрія, тригонометрія, 6) алгебра, 7) архитектура гражданская и, если время допуститъ, начало наукъ военныхъ, 8) продолженіе исторіи и географіи, 9) музыка.

Въ четвертомъ классѣ.

1) Слоги: россійскій 2) французскій, 3) нѣмецкій, 4) механика и гидравлика, 5) физика, 6) ариѳметика, 7) военныя науки, 8) рисованіе, 9) манежъ, 10) фехтованіе.

По сему положенію, хотя первый классъ и состоитъ изъ одной грамоты, однако, въ разсужденіи малолѣтства принимаемыхъ иногда въ сей корпусъ, необходимъ. Впрочемъ, когда принимаются такіе, которые положили уже нѣкоторое основаніе въ предметахъ, сему классу предназначенныхъ, таковыхъ помѣщать можно прямо во второй или третій классъ, смотря по ихъ пріобрѣтеннымъ знаніямъ, въ которомъ случаѣ остается имъ пробыть въ семъ корпусѣ столько времени, сколько для окончанія наукъ въ слѣдующихъ классахъ положено.

По оной будутъ пажи ежедневно обучаться три часа поутру и два часа послѣ обѣда. Поутру полезнѣе для нихъ начинать ученіе въ 7 часовъ и кончать въ 10 часовъ, дабы дежурные при Дворѣ пажи изъ уроковъ своихъ ничего не теряли и могли бы къ должности своей поспѣшать заблаговременно. Послѣ же обѣда начинать въ три часа и кончать въ 5 часовъ. Часы ученія расположены по упомянутой таблицѣ, такъ что одинъ и тотъ же учитель обучать можетъ своей наукѣ во всѣхъ четырехъ классахъ, какъ-то: россійскій, французскій и нѣмецкій обучать должны въ первомъ классѣ читать и писать, во второмъ—грамматикѣ, въ третьемъ—переводамъ, въ четвертомъ—сочиненію и слогу. Такимъ же образомъ учитель частей математическихъ обучать можетъ во второмъ классѣ ариѳметикѣ, въ третьемъ—геометріи, тригонометріи и алгебрѣ, а въ четвертомъ—механикѣ и гидравликѣ, ибо что касается до ариѳметики въ первомъ классѣ, то

начальныя въ оной правила преподавать будетъ учитель россійскаго языка, такъ какъ и учить въ обоихъ нижнихъ классахъ катехизису по примѣру училищъ народныхъ. То же разумѣть должно и объ учителяхъ рисованія, музыки и танцованія. Географіи обыкновенно обучаетъ тотъ, кто и исторіи равно, какъ и исторіи натуральной тотъ, кто физикѣ, а архитектурѣ гражданской, кто наукамъ военнымъ, чѣмъ число учителей сократится. Сколько же всѣхъ числомъ и сколько потому достается учить изъ нихъ каждому въ недѣлю, то видно изъ приложеннаго здѣсь расписанія подъ буквой Б.

Расписаніе потребному числу учителей для Пажескаго корпуса съ означеніемъ—сколько изъ нихъ часовъ учить каждому въ недѣлю.

1. Россійскій учитель, обучающій, кромѣ языка Россійскаго, во всѣхъ четырехъ классахъ: въ первомъ ариѳметику, а въ первомъ и второмъ катехизису имѣетъ всего часовъ въ недѣлю 22
2. Французскаго языка учитель 18
3. Нѣмецкаго языка 18
4. Учитель ариѳметики въ IV классѣ, геометріи, тригонометріи и алгебрѣ, въ III механикѣ и гидравликѣ въ IV, имѣетъ 12
5. Учитель географіи и исторіи въ трехъ послѣднихъ классахъ 14
6. Учитель исторіи натуральной и физики въ двухъ послѣднихъ классахъ 8
7. Учитель архитектуры гражданской и наукъ военныхъ . 8
8. Учитель рисованія во всѣхъ четырехъ классахъ . . 8
9. Учитель танцованія въ первыхъ двухъ классахъ . . 4
10. Учитель музыки въ трехъ первыхъ классахъ 6
11. Манежъ 2

Если же на которыя двѣ науки, какъ то: на архитектуру гражданскую или военную одного учителя не сыщется, въ такомъ случаѣ необходимость велитъ имѣть разныхъ учителей. Объ учителѣ россійскомъ предполагается здѣсь, чтобы онъ зналъ по-нѣмецки и по-французски, французскій же учитель разумѣлъ языкъ россійскій или нѣмецкій, а учитель нѣмецкаго языка французскій или россійскій, дабы они, кромѣ природнаго языка, могли при переводахъ изъяснять вещи

и по другимъ. Науки вообще должно преподавать на языкѣ россійскомъ, когда же въ которой наукѣ нельзя будетъ найти такого учителя, котораго обучалъ бы на россійскомъ, въ такомъ случаѣ подлежитъ учить оный изъ иностранныхъ на томъ, на коемъ воспитанники окажутся сильнѣе. Каждую изъ наукъ назначенныхъ стараться должно пройти въ своемъ классѣ два раза, на что для каждаго класса опредѣляемое время двухъ лѣтъ кажется достаточно. Симъ же временемъ, однако же, отличной остроты и особыхъ дарованій ограничивать не должно, но переводить изъ нижняго въ высшій классъ и по первомъ курсѣ, буде кто хорошо успѣетъ. Въ разсужденіи способа преподаванія держаться всѣхъ тѣхъ предписаній, какія о народныхъ училищахъ изданы, а книги для соблюденія единообразья имѣть одинакія съ извѣстнымъ кадетскимъ корпусомъ. По сему распоряженію надобно, чтобы для каждаго класса былъ особый покой. Гофмейстеръ долженъ прилежно наблюдать, дабы пажи всѣ въ классы ходили и не одинъ безъ нужды не отбывалъ, такожъ чтобы приходили въ надлежащее время и преподаванное ученіе слушали внимательно, къ чему гофмейстеру можно бы имѣть въ помощь особаго надзирателя, который бы всегда въ классахъ былъ и за пажами смотрѣлъ, впрочемъ, и гофмейстеру можно каждый день классы посѣщать, когда онъ на томъ же дворѣ живетъ и при томъ заставлять иногда учителей дѣлать пажамъ малые экзамены сверхъ ежегоднаго одного публичнаго по примѣру училищъ народныхъ. При семъ не должно бы давать пажамъ никакихъ отпусковъ, которые, отвлекая ихъ отъ ученія, заставляютъ терять невозвратно дорогое для нихъ время.

Полезно также собрать для нихъ библіотеку изъ хорошихъ книгъ россійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, съ тѣмъ, чтобы пажи оныя читали подъ присмотромъ одного изъ живущихъ при нихъ учителей, который обязанъ будетъ имѣть попеченіе за порядкомъ и цѣлостью сія библіотеки. Но еще полезнѣе и ободрительнѣе для прилежнѣйшихъ изъ нихъ, еслибы при выпускѣ изъ сего корпуса получить чинъ больше не за старшинство по списку послужному, но за успѣхи въ ученіи, сопряженные почти съ добропорядочнымъ и похвальнымъ поведеніемъ.

По числу сего корпуса не могутъ быть классы многолюдны, то пользу ученія можно бы распространять въ семъ мѣстѣ и для другихъ дворянъ, дозволивъ желающимъ благороднымъ дѣтямъ приходить наравнѣ съ пажами въ классы и также всѣмъ тутъ преподава-

емымъ наукамъ учиться, отъ которыхъ учителя не должны требовать себѣ особливой платы, но мѣсто для жилищъ въ Пажескомъ домѣ имѣть они не могутъ.

Тайный совѣтникъ ***Петръ Завадовскій***“ [25]).

Особыхъ комментарій планъ для обученія пажей, предложенный сенаторомъ Завадовскимъ, врядъ ли требуетъ. Онъ вполнѣ отражаетъ настроеніе второй половины царствованія императрицы Екатерины и въ частности основныя положенія австрійской системы. Все вниманіе обращено на ученіе, ни слова не говорится о воспитаніи, само-же ученіе предлагается въ той же формѣ и въ томъ видѣ, въ которомъ его предлагали и для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Нельзя, однако, не отмѣтить, во-первыхъ, то обстоятельство, что Пажескій корпусъ признается учебнымъ заведеніемъ, готовящимъ, главнымъ образомъ, къ военной службѣ—подготовка къ гражданской отходитъ совершенно на второй планъ. Эта задача какъ бы поглощается первой.

Подчеркивалось это въ программѣ тѣмъ, что военныя вспомогательныя науки, къ которымъ относились различныя отрасли математики, предполагалось проходить подробнѣе, чѣмъ въ остальныхъ училищахъ. Такъ, вводился курсъ алгебры, тригонометріи и гидравлики и, наконецъ, преподавались и чисто военныя науки: артиллерія и фортификація. Всѣ эти предметы распредѣлялись такъ, чтобы сызмала пажъ могъ постепенно получить такія знанія, которыя въ послѣднемъ классѣ облегчили бы ему усвоеніе артиллеріи и фортификаціи. Но такъ какъ въ остальномъ программа была почти сколкомъ съ программъ, проэктированныхъ въ главной народной школѣ, то совершенно правъ Завадовскій говоря, что, изучая науки, вошедшія въ программу, „и благородное воспитаніе военнаго человѣка, составляющія, въ то же время черезъ нихъ не меньше просвѣщенія пріобрѣтутъ и тѣ, кои опредѣляются въ штатскую“.

Во-вторыхъ, въ планѣ Завадовскаго имѣется уже должность инспектора классовъ, помощника гофмейстера въ лицѣ „особливаго надзирателя, который всегда въ классахъ былъ и за пажами смотрѣлъ“.

Въ третьихъ, планъ довольно робко предлагаетъ при выпускѣ опираться не на количество лѣтъ пребыванія въ пажескомъ званіи, а оказанные успѣхи. Это предложеніе является попыткою установить первенствующее значеніе ученія передъ службою и намекаетъ на то, что Пажескій корпусъ въ сущности есть учебное заведеніе, въ кото-

ромъ все вниманіе должно быть обращено на учебное дѣло, а не на отправленіе служебныхъ обязанностей. Но это было только весьма несмѣлый намекъ и притомъ преждевременный. Тотъ же планъ дѣлаетъ уступку совершенно обратному порядку вещей. Онъ предлагаетъ пребывать въ каждомъ изъ 4 классовъ два года, и предлагаетъ онъ это для того, чтобы какъ-нибудь примирить служебныя обязанности пажей съ ученическими ихъ обязанностями. Говоря о планѣ Завадовскаго, нельзя не обратить вниманія на указъ Государыни, въ которомъ она выражаетъ свою волю относительно того, чтобы въ Пажескомъ корпусѣ не уничтожили введеннаго Миллеромъ преподаванія латинскаго языка и, кромѣ того, прибавили еще къ нему и греческій языкъ.

Относительно латинскаго языка понятно почему, императрица стояла за него: она соглашалась съ доводомъ Миллера что образованному человѣку того времени, приходящему въ соприкосновеніе съ иностранцами необходимо знать его. Что касается греческаго языка, то, надо полагать, за него высказалась Государыня вслѣдствіе увлеченія греческимъ проэктомъ, которое въ то время не успѣло еще остыть [26]).

Планъ Завадовскаго постигла та же участь, что и планъ Миллера, т. е. онъ остался документомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что къ насажденію просвѣщенія прилагали у насъ не мало заботъ, но что эти заботы силою вещей должны были ограничиваться больше разсужденіями на бумагѣ и благими пожеланіями, чѣмъ имѣющими дѣйствительное жизненное значеніе мѣрами. Другая порода людей не создалась, а съ тою, которая имѣлась въ наличности дѣйствительно трудно было провести въ практику то, что казалось столь желательнымъ и возможнымъ въ кабинетѣ.

Но если относительно плана Миллера мы имѣемъ лишь косвенныя доказательства того, что онъ почти не привился къ жизни, то относительно плана Завадовскаго, мы можемъ сказать это съ увѣренностью, опираясь на записки двухъ пажей Брусилова и Башилова. Записки эти, рисуя постановку учебнаго и воспитательнаго дѣла въ корпусѣ, рисуютъ въ то же время и придворную жизнь пажей послѣднихъ годовъ царствованія императрицы Екатерины, а потому онѣ для насъ вдвойнѣ интересны.

Но прежде, чѣмъ дать слово названнымъ пажамъ—замѣтимъ, что, вступивъ на престолъ, императрица очень скоро обратила вниманіе на непорядки, господствовавшіе при дворѣ.

Не прошло и двухъ недѣль по воцареніи Екатерины, какъ 11 іюля Ея Императорское Величество изволила Высочайше указать, чтобъ отнынѣ впредь, кромѣ аккредитованныхъ пословъ и министровъ, всѣ другіе чужестранцы равно, какъ и здѣшніе подданные Ея Императорскому Величеству чрезъ оберъ-камергера, а дамы всѣ безъ изъятія чрезъ оберъ-гофмейстерину, а въ небытность ея чрезъ гофмейстерину, подводимы и представляемы были.

19 Іюля Екатерина, присутствуя въ Сенатѣ, слушала любопытный докладъ о придворныхъ нижнихъ чинахъ. Неизвѣстно, когда, и неизвѣстно кѣмъ былъ установленъ такой порядокъ: придворная контора, увольняя тафельдекеровъ, мундшенковъ, камеръ-лакеевъ, кухентрейберовъ, лакеевъ, гайдуковъ и другую придворную челядь, представляетъ Сенату для награжденія за службу ихъ чинами и къ опредѣленію къ статскимъ дѣламъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ этой придворной челяди служили при дворѣ не больше года; Сенатъ награждаетъ ихъ чинами прапорщиковъ, подпоручиковъ и даже поручиковъ, предоставляя имъ и соотвѣтствующее служебное мѣсто. Екатерина выслушала докладъ и отмѣнила такой непорядокъ, повелѣвъ придворныхъ нижнихъ чиновъ награждать придворными же чинами и увольнять ихъ съ паспортами, выдаваемыми придворною конторою. Избалованная придворная челядь возроптала, Екатерина скоро узнала объ этомъ неудовольствіи и 8 Августа написала оберъ-гофмаршалу графу Сиверсу собственноручное письмо, въ которомъ объявляла, что этимъ указомъ она хотѣла „не обидѣть ни человѣка, ни мѣсто“, которое ему предоставлялось. Въ самомъ дѣлѣ, гайдукъ, прослуживъ при дворѣ года два, увольняется съ чиномъ подпоручика и назначается воеводою въ какой-либо городъ—это обидно не только для мѣста, но и для чина.

15 Августа, Екатерина утвердила докладъ оберъ-камергера графа П. Б. Шереметева о должности и преимуществахъ оберъ-камергера и должности придворныхъ кавалеровъ [27]). Такимъ образомъ императрица сдѣлала попутно попытку узаконить то, что исполнялось въ силу установившагося обычая, причемъ, повидимому, попытки ея предшественниковъ ей не были извѣстны и не только ей, императрицѣ, но и тѣмъ, кого онѣ ближе всего касались. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ пажамъ, Брусилову и Башилову и посмотримъ, что они намъ разскажутъ про придворную жизнь и про жизнь пажей въ корпусѣ послѣднихъ лѣтъ царствованія Великой Императрицы.

А. А. Башиловъ.

„Воспоминанія мои не заключаютъ въ себѣ ничего ни политическаго, ни историческаго; это просто воспоминанія былого, пишетъ Брусиловъ. Я разсказываю не красно, но вѣрно, такъ, какъ я видѣлъ и понималъ вещи. Легко можетъ быть, что въ запискахъ моихъ читатель не найдетъ ничего любопытнаго. Не ища славы авторской, я и тѣмъ буду доволенъ, если эти записки приведутъ на память былое или доставятъ хотя нѣкоторое развлеченіе или хотя даже минуту сладкаго сна; а сколько толстыхъ книгъ изъ того только и бьются!

Я помню себя съ трехъ лѣтъ. Воспитывался я у бабушки, которая, какъ всѣ бабушки вообще, любила меня безъ памяти и баловала напропалую. Я былъ упрямъ и до крайности застѣнчивъ. Много стоило трудовъ втолкать меня въ гостиную, если кто-нибудь былъ тамъ посторонній, а особливо дамы: я боялся ихъ, какъ огня. Эти милыя качества и до сѣдины меня не оставили. Въ то время только вводилось прививаніе натуральной оспы. Въ уѣздахъ были плохіе медики, нашъ уѣздный эскулапъ не умѣлъ прививать оспы; меня повезли въ Москву. Медикъ, который долженъ былъ дѣлать эту операцію, по большимъ своимъ занятіямъ, не могъ пріѣхать въ квартиру; меня повезли къ нему. Довезти было не трудно, но вынуть изъ кареты труднѣе: я поднялъ ужасный крикъ; дѣлать было нечего, медикъ рѣшился привить мнѣ оспу въ каретѣ; и такимъ образомъ совершилась эта операція среди бѣла дня на улицѣ бѣлокаменной Москвы: происшествіе довольно необыкновенное. Можно бы изъ этого вывести заключеніе, что вся жизнь моя будетъ сцѣпленіемъ странныхъ приключеній, однако-жъ, все обстоитъ благополучно. Привезя упрямца домой, вздумали одѣть меня туркомъ. Я носилъ чалму, желтые сапоги, деревянный ятаганъ. Не знаю, не это ли было причиною впослѣдствіи необыкновеннаго моего влеченія къ нѣжному полу. Я во всѣхъ влюблялся. Стоило мнѣ только увидѣть стройную талію, коротенькій башмачекъ, чтобы потерять сердце недѣли на двѣ до другой встрѣчи.

По шестому году посадили меня за букварь и часовникъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ смѣшно такое образованіе, но такое начало не совсѣмъ худо. Оно съ юныхъ ногтей знакомитъ съ роднымъ языкомъ

и научаетъ страху Божію. Тогда еще не учили порусски на французскія манеръ, не было ни а, ни бе, а были просто азъ, буки, вѣди и проч. Признаюсь, я и теперь не могу равнодушно слышать, какъ русскія дѣти складываютъ бе, а—ба; мнѣ кажется понятнѣе: буки, азъ—ба. Славянская азбука есть вмѣстѣ и молитва и законъ. Что значатъ для русскаго всѣ бе, а, ве: совершенно никакого понятія съ этимъ не сопрягается, кромѣ пустого звона словъ, между тѣмъ, какъ читая славянскую азбуку, я научаюсь многому: азъ вѣдый глаголъ, добро есть живете земля иже и; како люди мыслете; нашъ онъ покой; рцы слово твердо. Вотъ, съ первымъ понятіемъ ребенка, съ первымъ началомъ, прежде еще складовъ, говоритъ ему Господь, что онъ вѣдаетъ помыслы людей, знаетъ, какъ живутъ они на землѣ, на коей суть; вмѣстѣ съ тѣмъ люди признаютъ, что одинъ Богъ успокоиваетъ ихъ, и обязуются хранить данное слово. Гг. филологи, не хвалитесь мудростію вашею!.. Однакожъ, я удалился отъ своего предмета; извините, старики болтливы.

Восьми лѣтъ повезли меня въ Петербургъ и чрезъ посредство благодѣтельнаго родственника В. приняли меня въ Пажескій корпусъ. Это тогда было довольно важно, ибо весь комплектъ состоялъ только изъ 60 пажей, большею частью, дѣтей знатныхъ особъ. Для принятія въ число ихъ сына секундъ-маіора, и очень небогатаго надобна была сильная протекція. Она и была у меня. В., о которомъ я упомянулъ, былъ при императрицѣ Елисаветѣ капитаномъ гвардіи и пользовался особенною милостью наслѣдника. По кончинѣ Петра III В. переведенъ былъ въ армію капитаномъ и скоро оставилъ службу съ чиномъ секундъ-маіора. Онъ жилъ всегда въ Москвѣ и, сколько по прежней извѣстности своей при дворѣ, столько и по характеру честному, твердому, прямому, настоящему русскому, пользовался общимъ уваженіемъ. Съ отцемъ тогдашняго временщика онъ былъ въ дружеской связи, но былъ столь высокъ духомъ, что связь эту употреблялъ только на услуги ближнимъ, для себя не хотѣлъ ничего. Стороной предложено ему было, что онъ можетъ быть сравненъ съ сверстниками, которые давно уже были генералы; онъ отклонилъ это предложеніе. „Безъ заслугъ не хочу наградъ,—отвѣчалъ онъ,—и В. никогда Чупятовымъ не будетъ“. Ну, милостивые государи, подумайте-ка, многіе ли изъ насъ могутъ дать такой отвѣтъ?

Наконецъ, я въ корпусѣ. Матушка плакала, оставила меня подъ присмотромъ дядьки и поручила попеченію дальняго родственника,

честнаго, добраго, почтеннаго ветерана, бывшаго казначеемъ военнаго ордена. Онъ, К., Ж. и Д. благодѣтельствовали мнѣ, но болѣе всѣхъ баловалъ меня В. и Н. О. Д. Они, по излишней добротѣ своей, первые ласками своими и отличіями отъ другихъ дѣтей поселили во мнѣ какую-то самонадѣянность, которую я причисляю къ моимъ прочимъ достоинствамъ, то-есть упрямству, капризамъ и застѣнчивости. Послѣдняя втеченіе моей жизни надѣлала мнѣ много хлопотъ. И смѣшно, и жалко, какъ вспомнишь былое, и еще смѣшнѣе, что и теперь, на седьмомъ десяткѣ, я точно тотъ же застѣнчивый кадетъ, какимъ былъ восьми лѣтъ. Когда я занималъ впослѣдствіи довольно важныя должности, многіе поступки мои приписывали гордости, но это не что иное было, какъ застѣнчивость. Я иногда не кланялся, не отвѣчалъ, точно по застѣнчивости.

Безъ всякаго самолюбія могу сказать, что у меня доставало столько ума, чтобы не быть гордымъ; да и чѣмъ гордиться?

Въ корпусѣ, который тогда совсѣмъ не такъ былъ устроенъ, какъ нынѣ учебныя заведенія, не было общихъ дортуаровъ, а пажи размѣщались по разнымъ; жило вмѣстѣ по три, по четыре и даже по одному, смотря по величинѣ. У всякаго былъ свой дядька; это еще болѣе умножало безпорядокъ. Въ той каморкѣ, въ третьемъ этажѣ, гдѣ жилъ я, помѣщались С., Ч., Л. и И. Ѳ. П. Лишь только шевалье де-Вильневъ, бывшій нашимъ гувернеромъ, помѣстилъ меня въ эту каморку, дядька, чтобы утѣшить меня на новосельѣ, купилъ мнѣ кедровыхъ орѣховъ. Я забылъ горе; но лишь только развернулъ бумагу, какой-то шалунъ ударилъ по бумагѣ, орѣхи разсыпались по полу, шалуны начали ихъ хватать, топтать ногами; я заревѣлъ во все горло; злодѣи тотчасъ положили ревъ мой на музыку, назвали пьесу „Плачъ Брусилова“ и принялись разыгрывать въ двѣ скрипки. Наконецъ, легкія мои должны были уступить соединеннымъ силамъ скрипокъ.

Этотъ урокъ не послужилъ мнѣ въ пользу: я все остался такимъ же капризнымъ и плаксою. Много терпѣлъ я насмѣшекъ; это меня озлило; я далъ волю языку; на бѣду, некому было унять меня, и это послужило къ конечному моему несчастію. Злыми насмѣшками я всѣхъ отъ себя отталкивалъ и потому во всю жизнь не имѣлъ друга. „Обрѣтый друга обрѣте сокровище, говоритъ Сирахъ: и есть другъ общникъ трапезамъ и не пребудетъ въ день скорби твоея“.

Съ самаго малолѣтства вселилась въ меня страсть къ авторству. Въ корпусѣ началъ я издавать рукописную газету, въ которой осмѣ-

ивалъ, какъ умѣлъ, своихъ товарищей. Благоразумный Клостерманъ, инспекторъ классовъ, запретилъ мнѣ эту шалость. „S' il continue, сказалъ онъ il deviendra un autre****“.

Порядокъ въ корпусѣ былъ тогда совсѣмъ иной. Я сказалъ уже, что дортуаровъ не было; постелей и платья казенныхъ также не было. Всякій одѣвался какъ хотѣлъ, формы никакой не было. Чай у всякаго былъ свой, только столъ для пажей былъ общій. Камеръ-пажи къ столу не ходили; имъ носили кушанье въ комнаты. На столъ отпускалось на каждаго пажа по рублю въ день; правда, что всегда было шесть блюдъ, но я думаю, что m-r Masiose находилъ тутъ порядочный счетецъ. Къ столу насъ призывали по колокольчику; мы не въ порядкѣ шли; а бѣжали, какъ шалуны; кто первый прибѣгалъ, тотъ садился, гдѣ хотѣлъ. Шумъ, крикъ и шалости всякаго рода; я думаю, и на улицѣ давали знать, что мы обѣдали; но когда приходили къ столу гувернеры, тогда столъ продолжался смирно. Въ половинѣ восьмаго часа утра звонокъ сзывалъ насъ въ классы. Ихъ было четыре: въ первомъ учили русской грамотѣ и начальнымъ правиламъ ариѳметики; во второмъ—греческому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, грамматикѣ, древней и новой исторіи, географіи и ариѳметикѣ и алгебрѣ; въ третьемъ продолжались тѣ же предметы и, сверхъ того, преподавали геометрію, минералогію; учили фехтованію; въ четвертомъ классѣ—высшія науки и фортификацію. Танцовальный и рисовальный классы были общіе. Верховой ѣздѣ обучали въ придворномъ манежѣ.

Миръ вамъ, почившіе наставники! Дѣло прошлое, но, sauf l'honneur, справедливость требуетъ сказать, что учили очень небрежно. Учили погречески и полатыни, но едва ли кто изъ насъ умѣлъ читать полатыни и едва ли кто зналъ греческую азбуку отъ альфы до омеги. Нѣмецкій и французскій языки также были въ небреженіи, и если кто изъ насъ зналъ что нибудь, то только тѣ, которые брали приватныхъ учителей. Инспекторъ классовъ, почтенный Клостерманъ, былъ человѣкъ очень образованный, даже ученый; но по старости лѣтъ мало занимался нашими успѣхами; а гувернеръ шевалье де-Вильнёвъ, лишившійся руки при штурмѣ Очакова, былъ храбрый офицеръ, исполненный чести во всей силѣ слова, но рѣдко принималъ на себя трудъ заглядывать въ классы. Мы славились шалостями: были даже такіе пажи, которые вовсе не ходили въ классы; другіе брали особыхъ учителей, не полагаясь много на познанія своихъ.

M-r Lelieure мастеръ былъ чинить перья, и весь классъ проходилъ въ томъ, что онъ очинивалъ цѣлые пучки. Учитель греческаго языка не подвинулъ меня дальше дельты. M-r Pingo, танцовальный учитель, толстый италіанецъ, училъ насъ, сидя въ креслахъ и, имѣя страсть къ хиромантіи, больше занимался нашими руками, нежели ногами. Онъ предсказывалъ намъ будущее, смѣшилъ насъ и самъ смѣялся, а прочіе дѣлали свои salto mortale по столамъ и скамьямъ. Это назывался танцовальный классъ. Предсказанія m-r Pingo бывали, однакожъ, иногда удачны. Однажды, посмотрѣвъ на ладонь И. Ѳ. П., онъ сказалъ: „Ты будешь великій генералъ!“. Самый скучный классъ былъ минералогическій; но, по счастью, учитель нашъ получилъ страсть къ французскому языку. Насъ было двое въ третьемъ классѣ, которые лучше другихъ умѣли говорить пофранцузски; И. Ѳ. П. и я. Мы тотчасъ приняли мѣры: когда приходилъ учитель давать уроки минералогіи, одинъ изъ насъ приносилъ французскіе разговоры; тогда учитель садился на лавку, а ученики учились въ чехарду-ѣзду; такимъ образомъ, преблагополучно проходили наши два минералогическіе часа. Учителя рисованія пажи не любили. Это былъ старикъ въ рыжемъ парикѣ, очень строгій и взыскательный. Классъ его бывалъ по средамъ послѣ обѣда; тогда всѣ скамьи сдвигались къ окнамъ, чтобы свѣтлѣе было рисовать; а столикъ учителя съ разложенными рисунками оставался среди комнаты. Что же сдѣлали шалуны: къ столику учителя привязали двѣ веревочки и протянули въ разные концы комнаты. Лишь только учитель усѣлся и разложилъ свои рисунки, вдругъ дернули за одну веревочку: столъ полетѣлъ въ сторону. Эта шалость кончилась тѣмъ, что бѣднаго старика вытолкали, а парикъ его и рисунки изорвали въ клочки. Составъ пажей былъ довольно страненъ. Тѣхъ, которые были познатнѣе, производили въ камеръ-пажи; и это былъ важный шагъ, ибо изъ камеръ-пажей выпускали въ гвардію поручиками, что тогда равнялось маіорскому чину. Производство въ камеръ-пажи имѣло характеръ рыцарскій. Пажъ преклонялъ колѣна, государыня дотрогивалась рукою до его щеки, вручала ему шпагу. Пажи, которые пробыли въ корпусѣ болѣе 9 лѣтъ, выпускались въ армію капитанами, наравнѣ съ сержантами гвардіи; а тѣ, которые служили менѣе десяти и болѣе шести лѣтъ, выпускались въ армію поручиками. Пажамъ производилось жалованья 37 рублей 50 копеекъ въ треть, да на мундиръ ежегодно по сту рублей. У кого былъ хорошій дядька, то деньги прибиралъ къ себѣ;

А. Н. Салтыковъ (1770—1837 г.)

Д. Н. Салтыковъ (1767—1826 г.)

Пажи временъ Императрицы Екатерины II.

(Копіи съ портретовъ принадлежащихъ И. А. Всеволожскому).

Фототипія „ Т-ва Худож. Печ.".

а шалуны тратили ихъ на пряники, сбитень и прочія лакомства. Я помню забавный анекдотъ. Одинъ пажъ, получивъ третное жалованье, все тотчасъ проматывалъ на яблоки, сбитень, пряники и проч. Дядька журилъ его, но, не видя толку, рѣшился пожаловаться его дядѣ. Строгій дядюшка не умѣлъ лучше распорядиться, какъ велѣлъ шалуну по истеченіи трети представлять ему отчетъ, куда дѣвалъ онъ 37 рублей 50 копеекъ. Приходитъ треть, наступаетъ время отчета. Ну, что написать въ графахъ расходной книжки? Онъ выдумалъ расходъ законный. Дядьку звали Ѳокой. Шалунъ пишетъ въ расходъ: 1-го числа Ѳокѣ на баню 10 копеекъ, 2-го числа Ѳокѣ на баню 10 копеекъ, и такимъ образомъ, Ѳока всѣ четыре мѣсяца ежедневно ходилъ въ баню. Кажется, что и шалунъ-контролеръ имѣлъ свою баню. Обыкновенный мундиръ у пажей былъ свѣтло-зеленаго сукна, подбитый краснымъ стамедомъ. Отъ воротника до подола, по обѣимъ сторонамъ и сзади, на фалдахъ, были золотыя петлицы съ дутыми желтыми пуговицами; камзолъ красный съ золотыми петлицами; нижнее платье красное съ золотыми шлифами, башмаки съ красными каблуками, шляпа треугольная, голова въ пудрѣ, съ буклями, и кошелекъ. У камеръ-пажей былъ такой же мундиръ, но камзолъ шитый золотомъ, по манеру маіорскаго галуна, и шпага. Парадный мундиръ былъ богатый: свѣтло-зеленаго бархата, шитый по всѣмъ швамъ золотомъ; камзолъ красный бархатный, шитый золотомъ, нижнее платье зеленое бархатное, шляпа шитая золотомъ. Мундиръ богатый и въ тогдашнее время, когда рубль серебра былъ въ рубль мѣди, мундиръ стоилъ до 700 рублей. Мундиръ этотъ былъ казенный и хранился въ придворной кладовой. Въ торжественные дни выдавали его пажамъ, а потомъ опять относили въ кладовую. Такъ какъ мундиры эти шиты были уже давно, то весьма не многіе приходились въ пору, и очень часто на маленькаго пажа надѣвали мундиръ, шитый на большой ростъ; мундиръ едва не волочился по полу, рукава надобно было засучить, застегнуть мундира не было возможности: онъ сидѣлъ кулемъ. Несмотря на богатство наряда, мы были въ немъ не очень ловки. Сами мы это чувствовали, и какъ счастливъ изъ насъ былъ тотъ, кому хотя нѣсколько мундиръ приходился въ пору! Совсѣмъ тѣмъ богатый нарядъ не мало внушалъ уваженія. Я помню, однажды, въ какой-то праздникъ мы, дежурные, нарядились въ свои золотые кафтаны и предъ отправленіемъ во дворецъ явились къ гувернеру. У него тогда былъ какой-то маркизъ chevalier de S. Louis. Де-Виль-

нёвъ хотѣлъ везти его во дворецъ къ выходу; но, сдѣлавшись нездоровъ, поручилъ намъ довезти маркиза. Увидя придворную карету, въ которой насъ возили, m-r le marquis началъ отвѣшивать намъ пренизкіе поклоны. Мы на этотъ разъ сохранили важность и даже не улыбнулись. Насилу усадили маркиза на переднюю лавочку; но когда подъѣхали къ крыльцу, маркизъ, какъ учтивый кавалеръ, хотѣлъ выйти изъ кареты первый; но какъ обернуться спиною къ такимъ золотымъ господамъ? Маркизъ началъ вылѣзать изъ кареты задомъ. Тутъ мы ужъ не выдержали, захохотали во все горло и бросились опрометью на верхъ, оставя m-r le marquis у подъѣзда. Не знаю, попалъ ли онъ во дворецъ.

Въ обыкновенные дни наряжались на дежурство восемь пажей: четыре на половину государыни и четыре на половину наслѣдника: но, такъ какъ наслѣдникъ жилъ въ Гатчинѣ и только по праздникамъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, то всѣ восемь пажей были на половинѣ императрицы. Должность наша состояла въ слѣдующемъ: у дверей кавалерской комнаты стояло по два пажа, два у входа въ тронную и два у входа въ брилліантовую комнату. Когда великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи и великія княжны Александра, Елена, Марія и Екатерина Павловны приходили поутру къ императрицѣ, что бывало ежедневно, мы открывали двери. У обѣденнаго стола государынѣ служили два камеръ-пажа, а пажи служили за тѣми особами, которыя находились за столомъ императрицы. Обѣдъ былъ въ два часа въ брилліантовой комнатѣ. Не знаю, какъ прежде, но съ 1793 года за столомъ государыни были ежедневно князь Зубовъ, А. С. Протасовъ, П. Б. Пассекъ и гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій. Часто приглашались графиня Скавронская, графъ Зубовъ, графъ и графиня Браницкіе графъ Ангальтъ, княгиня Дашкова, графъ Эстергази, М. Л. Кутузовъ, князь Юсуповъ, С. Л. Львовъ, графъ Строгановъ, Кушелевъ и другіе. Графъ Браницкій носилъ тогда еще польское платье. Въ дни совѣта приглашались къ столу: графъ Остерманъ, графъ Безбородко, Стрекаловъ, графъ Самойловъ, графъ Завадовскій. Столъ былъ круглый; тогда кушанья всѣ становились на столъ, блюда всѣ были покрыты крышками. Приглашенные всѣ собирались въ брилліантовую комнату и ожидали выхода государыни. Предъ выходомъ камердинеръ З. К. Зотовъ, отворивъ дверь, кричалъ: „крышки!“ Сейчасъ крышки съ блюдъ снимались, и входила государыня; за нею иногда калмычекъ и одна или двѣ ан-

глійскія собачки. По правую руку государыни всегда сидѣли А. С. Протасова, возлѣ нея князь Зубовъ; князь Барятинскій противъ государыни, Пассекъ возлѣ него. На столъ ставились четыре золотыя чаши, а иногда предъ государынею ставили горшокъ русскихъ щей, обернутый салфеткою и покрытый золотой крышкой, и она сама разливала. Государыня кушала на золотомъ приборѣ, прочіе на серебрѣ.

Государыня кушала очень тихо, обмакивала кусочки хлѣба въ соусѣ и кормила собачекъ. Разговоръ за столомъ былъ непринужденный, веселый, по большей части, порусски. Говорили, шутили, смѣялись безъ всякаго принужденія. Я помню, однажды зашла рѣчь о русскихъ пѣсняхъ. *** сказалъ о какой-то совсѣмъ мало извѣстной. Его заставили спѣть нѣсколько куплетовъ, и старикъ хриплымъ голосомъ затянулъ. Мы повыскакали за ширмы; нельзя было утерпѣть чтобы не хохотать, а смѣяться было нельзя, даже по той маленькой причинѣ, что мы и розги были въ его командѣ. За столомъ не было никакихъ разговоровъ политическихъ или даже о дѣлахъ. Однажды зашла рѣчь о Каліостро. Государыня изволила разсказывать, что этотъ фокусникъ взялъ у одного изъ придворныхъ перстень и бросилъ его за окно.—„Помилуй, что ты дѣлаешь?“—„Не безпокойтесь, отвѣчалъ Каліостро, указывая на ѣздоваго, который на хромой лошади ковылялъ по площади: прикажите остановить этого ѣздоваго, перстень у него на рукѣ“. Остановили ѣздоваго и точно, перстень былъ у него на пальцѣ. Иногда государыня разсказывала о своемъ вояжѣ. „Въ Бѣлоруссіи, говорила она: назначенъ былъ обѣдъ въ домѣ одного помѣщика. Съ большой дороги къ дому вела длинная аллея. Вся эта аллея была усыпана свѣжими розами. Кто-то изъ изъ свиты государыни хотѣлъ обратить на это ея вниманіе.—Ну, что-жъ, отвѣчала императрица съ ея небесной улыбкой: эта почесть скорѣе для моихъ лошадей“. Изъ обыкновенныхъ обѣдовъ я помню одинъ весьма замѣчательный.

По взятіи Варшавы, славный Суворовъ прибылъ ко двору. Ему отведенъ былъ Таврическій дворецъ, здѣсь, по обычаю своему, завѣсивъ всѣ зеркала и лежа на соломѣ, принималъ онъ корпусъ гвардейскихъ офицеровъ.

Онъ приглашенъ былъ къ столу императрицы. Въ тотъ же день приглашена была дочь его графиня Зубова съ мужемъ. Всѣ собрались въ брилліантовой комнатѣ, гдѣ накрытъ былъ столъ и ожидали государыню. Суворовъ вбѣжалъ въ комнату, подскочилъ, такъ ска-

зать, къ дочери, перекрестилъ ее, потомъ перекрестилъ ей животъ (она была въ тягости).

Тотчасъ вошла государыня и посадила героя возлѣ себя по лѣвую руку. Суворовъ былъ въ парадномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, шитомъ по всѣмъ швамъ золотомъ, на немъ были брилліантовые знаки св. Андрея, брилліантовый эполетъ и большой брилліантовый бантъ на шляпѣ. Весь столъ разсказывалъ онъ о штурмѣ. Лестно отзывался онъ о своемъ дежурномъ генералѣ Исленьевѣ, который также былъ приглашенъ къ столу. Исленьевъ былъ прекрасный мужчина въ бѣломъ кавалерійскомъ мундирѣ, съ Георгіемъ на шеѣ и Владиміромъ черезъ плечо: другой ленты у него не было. Настоящій Эфестіонъ новаго Александра!

Я упомянулъ уже, что государыня кушала тихо. Чтобы не задерживать стола, кушанья подавались своимъ чередомъ, и государынѣ метръ д'отели подавали на двухъ, а иногда на четырехъ тарелкахъ тѣ блюда, которыя были уже обнесены. Она выбирала какое-нибудь одно.

Суворовъ, разсказывая о штурмѣ, также отсталъ отъ прочихъ тремя или четырьмя блюдами. Государыня взглянула на Барятинскаго, и тотчасъ два метръ д'отеля поднесли Суворову съ каждой стороны по двѣ тарелки. Онъ, будто не зная, что съ ними дѣлать, сложилъ все на свою тарелку, перемѣшалъ и началъ кушать.

Никто даже не улыбнулся. По окончаніи стола государыня изволила отойти во внутренніе апартаменты. Суворовъ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, началъ щипать калмыченка, прыгать около него, тормошить. Тотъ бросился бѣжать, Суворовъ за нимъ, изъ комнаты въ комнату, наконецъ въ бѣлую залу. Не догнавъ калмыченка, швырнулъ въ него своею шляпою съ брилліантовымъ бантомъ, сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Какое чудное смѣшеніе высокаго ума, честолюбія и гордости!

Въ воскресные дни бывали малые выходы въ церковь. Государыня безъ всякой церемоніи изволила шествовать чрезъ столовую комнату и въ церкви стояла иногда въ фонарикѣ, а иногда въ столовой у открытыхъ дверей въ фонарикъ церковный, облокотясь на спинку стула. Въ большіе праздники бывали большіе выходы. Государыня изволила итти въ предшествіи придворнаго штата чрезъ тронную въ церковь. Въ такихъ случаяхъ она имѣла на себѣ ордена св. Андрея, Георгія и Владиміра, а иногда и малую брилліантовую

корону. По сторонамъ ея шли дежурный генералъ-адъютантъ и вахмистръ кавалергардовъ, за нею вся царская фамилія. По возвращеніи тѣмъ же порядкомъ изъ церкви, государыня останавливалась въ кавалерской комнатѣ—здѣсь подходили къ рукѣ; въ два часа былъ выходъ въ столовую комнату, гдѣ къ столу приглашалось человѣкъ до 40 и болѣе. Въ высокоторжественные дни и кавалерскіе праздники столы бывали въ георгіевской залѣ, тогда государыня кушала на тронѣ, въ малой коронѣ, ей прислуживали первые чины двора. Иногда государыня имѣла на себѣ платье гвардейскаго полка, то-есть дамское платье свѣтлозеленаго сукна, обложенное золотымъ галуномъ. Въ кавалерскіе дни св. Андрея кавалеры имѣли красные чулки, башмаки съ бантами, мантію зеленаго бархата съ глазетовымъ воротникомъ, поверхъ его Андреевская цѣпь и круглая шляпа съ загнутымъ полемъ напереди и съ страусовыми перьями. Шляпъ не снимали даже за столомъ; только во время провозглашенія здоровья кавалеры, вставая, снимали шляпы. Александровскіе кавалеры имѣли мантіи малиновыя. Въ георгіевской залѣ, когда государыня кушала на тронѣ, столъ накрывался покоемъ, а въ срединѣ, противъ трона, особый столъ для духовенства. Хоры музыки и знаменитая тогда Маджіорлетта оглашали залу пиршествъ. Богатство одеждъ придавало особенное великолѣпіе двору. Камергеры и камеръ-юнкеры и всѣ придворные чины были во французскихъ кафтанахъ, облитыхъ золотомъ. Одежда кавалергардовъ особенно была блистательна. Ихъ было шестьдесятъ человѣкъ; всѣ рослые люди.

Всѣ они имѣли капитанскіе и поручичьи чины, капралъ ихъ—чинъ подполковника, вахмистръ—бригадира, князь Зубовъ былъ поручикомъ, а государыня—капитаномъ. Въ будни кавалергарды имѣли на груди и спинѣ серебряные сюпервесты, палаши, ружья и лядунки серебряныя, шляпы съ галуномъ и чернымъ плюмажемъ. Парадная форма была: сюпервесты, палаши, ружья, все кованаго серебра; на рукахъ, на ногахъ, на сапогахъ серебряныя накладки, шлемы серебряные съ черными перьями. Это были совершенно серебряныя латы, и надобно было выбирать молодцевъ, которые бы могли снести такую тяжесть. Разъ въ недѣлю бывали театры въ Эрмитажѣ и вечера въ брилліантовой комнатѣ. Играли въ карты. У государыни были особенныя карты, она играла въ бостонъ. Князь Зубовъ и старикъ Ч. составляли всегдашнюю ея партію, четвертый перемѣнялся. Старикъ Ч. за бостономъ горячился и даже до того забывался, что иногда

кричалъ: это забавляло государыню. На святкахъ въ тронной бывали куртаги. Пѣли святочныя пѣсни, хоронили золото, играли въ фанты, въ веревочку. Государыня мастерица была ловить въ веревочку. Когда бывало среди круга подойдетъ къ кому-нибудь и станетъ разговаривать, тотъ возьметъ свои мѣры, сниметъ руки съ веревочки, и вдругъ она ударитъ, человѣка чрезъ три, того, который и не воображалъ быть пойманъ. Куртаги оканчивались всегда танцами. Въ Царскомъ Селѣ государыня жила, какъ помѣщица. Вся стража состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ рядовыхъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, подъ командою гвардіи офицера, такъ что въ дворцовомъ караулѣ стоялъ унтеръ-офицеръ. О сержантахъ гвардіи, этой особенной кастѣ людей, которыхъ давно уже нѣтъ, можно бы было многое сказать; но они такъ вѣрно въ своихъ семи жилетахъ изображены въ „Лебедянской ярмонкѣ“, что объ этомъ и говорить не хочется. Въ хорошіе вечера государыня гуляла со всѣмъ дворомъ въ саду и, возвратясь съ прогулки, садилась на скамейкѣ противъ монумента Румянцева. Здѣсь начиналась игра à la guerre или, какъ называли, въ знамена. Кавалеры и фрейлины раздѣлялись на двѣ партіи: одна становилась у дворца, другая къ сторонѣ концертной залы. У каждой было свое знамя; кто отбивалъ знамя, тотъ одерживалъ побѣду. Арбитромъ былъ князь Барятинской; онъ садился на ступеньки монумента. Attention, messieurs! — кричалъ онъ, и игра начиналась, бѣгали, ловили другъ друга, употребляли всѣ хитрости, чтобы отбить знамя. Въ этой игрѣ князь Зубовъ и камергеръ М. П. отличались. Быстрѣе ихъ никто не бѣгалъ. Осенью императрица жила въ Таврическомъ дворцѣ. Туда всѣ пріѣзжали во фракахъ, часто танцовали и даже въ саду. Бывали и русскія пляски; великія княжны Александра и Елена Павловны участвовали въ сихъ пляскахъ, кавалеромъ ихъ былъ графъ Ч., который плохо говорилъ порусски, но плясалъ порусски въ совершенствѣ [28]).

„Выходъ на гулянье императрицы было торжество для знатныхъ, которые добивались благосклонности и взгляду. Для насъ она казалась богинею, и лицо ея сіяло какъ солнце. Тутъ, во время прогулки на лугу, игрывали въ игры, почти военныя, de barre, и были двѣ стороны войскъ, одна подъ командою Александра, другая—Константина; офицеры всѣ были ребята славные, веселые, а именно: графъ Чернышевъ, графъ Эльмпъ и многіе другіе; войско—были великія княжны и амазонки—фрейлины. Императрица потѣшалась вну

ками и любовалась тою непринужденностью, какою всѣ пользовались, несмотря на царицу обладательницу полушара земного. Тутъ брали въ плѣнъ стариковъ, какъ-то: князя Несвицкаго, графа Строганова, Черткова, князя Барятинскаго. Они служили аманатами. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ также бѣгалъ, воевалъ, и его сотрудникъ былъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ. Припомнилъ я теперь, какъ пишу, какое было забавное происшествіе, въ которомъ я игралъ важную роль. Одинъ прекрасный вечеръ, въ Царскомъ Селѣ, императрица во время прогулки шла медленно; за нею вся свита, а въ концѣ кортежа пажи. Разставленныя копны съ сѣномъ представляли собою деревню, съ тою только разницею, что луга Екатерины были эдемъ, цѣлыя поля розовыя. Князь Зубовъ, подозвавши меня, сказалъ: „Возьмите генерала Львова и бросьте на копну“. Повиноваться должно было, но какъ схватить Львова: генералъ въ лентѣ, старикъ, любимый царицею; ну—какъ осердится: бѣда, опять розги! Что же? Чтобы гулянье сдѣлать веселѣе и царицу посмѣшить, князь Зубовъ осмѣлился взять клочекъ сѣнца и очень вѣжливо положилъ на плечо царицѣ. Это былъ сигналъ штурма; безначаліе, и кто во что горазъ—пошли разметывать копны, бросать на фрейлинъ и кавалеровъ, а насъ, стая пажей, бросилась на Львова, повалила на копну, и ну—его заваливать сѣномъ; онъ кричитъ, бранится, а князь Зубовъ съ великими князьями ну—его тащить за ноги. Копны всѣ разметали, императрица сѣла на скамейку, смѣялась. Тутъ досталось и другимъ—старухамъ штатсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинѣ Протасовой и графинѣ Ливенъ; но всѣ шутили, бѣгали, не сердились; за нами гонялся Сергѣй Лаврентьевичъ, и наши вержеты растрепались, и мы Барятинскому также услужили: царица кивнула, мы забыли страхъ, и князь Барятинскій былъ обсыпанъ сѣномъ. Вотъ какъ иногда забавлялась обожаемая царица, которой трепетали другія державы и которая раскидала турокъ, поляковъ и забросала ихъ сѣномъ, только пороховымъ.

Иногда, лучше сказать, весьма часто, императрица, любовалась великими княжнами, и онѣ въ русскомъ сарафанѣ плясали по-русски подъ двѣ скрипки, на которой на одной игралъ старикъ капельмейстеръ Паскевичъ, полковничьяго ранга, въ большомъ пудреномъ парикѣ, въ шитомъ кафтанѣ, при шпагѣ; и secondo игралъ тоже какой-то 70-лѣтній дѣтина. Судите сами, съ какимъ мы восторгомъ смотрѣли на умилительное лицо великой Екатерины, на ея радость,

и наконецъ, на обниманіе двухъ ангеловъ въ сарафанахъ. Недостанетъ силъ все описать, и памяти не станетъ, когда вспомнишь, что это было въ 1794 или 95 году, а нынѣ 1841; стало быть, тому назадъ 47 лѣтъ, немного не полъ-вѣка!

Однажды чуть было не вышла трагическая сцена. У императрицы была американская кошка; она была весьма сердита, и мы ея боялись до смерти; но она никогда не бросалась. Однажды, во время начала гулянья, великая княгиня Елизавета Алексѣевна изволила итти въ комнаты императрицы, именно въ ту, гдѣ въ Царскомъ Селѣ перламутровый полъ. На окошкѣ сидѣла преспокойно американская кошка; какъ только завидѣла Елизавету Алексѣевну, бросилась на шею и ну царапать; кошку на силу оторвали; кончилось болѣе испугомъ, чѣмъ ранами, потому что она вцѣпилась въ косынку, которая послужила защитою, и весьма важною. Кошку тотчасъ отправили въ заточенье, и мы были очень рады, потому что отъ нея убѣжать невозможно, а мы боялись не столько за ноги, сколько за чулки, потому что дядька не повѣрилъ бы, чтобъ во дворцѣ кошка могла царапаться. Но вѣдь у двора первая штука—другъ другу вредить, чтобъ самому выслужиться!

Не могу не разсказать еще одинъ вечеръ въ Царскомъ Селѣ. Государыня, нагулявшись, всегда садилась играть въ шахматы вчетверомъ, а иногда въ вистъ. Кавалеры все были дѣти по 80 лѣтъ, и это всегда было въ билліардной комнатѣ. Великіе князья, великія княжны играли всегда въ фанты, а главные коноводы были любезнѣйшій изъ придворныхъ графъ Чернышевъ и любезно-дерзкій графъ Эльмптъ. Всегда бывало играли въ муфти, „par ordre de moufti“, и муфти всегда былъ Эльпмтъ. Онъ дурачился, обманывалъ, ловилъ, и фантовъ всегда набиралась цѣлая шляпа. Фанты вынимала Анна Степановна Протасова, и достался фантъ „le docteur et le malade“: больной былъ А. П. Нащокинъ, а лекарь—графъ Эльмптъ. Сняли бѣлые чахлы съ креселъ, устлали билліардъ, положили Нащокина, оборотили стулъ вмѣсто подушки, повязали голову салфеткой, убрали тѣло чахлами бѣлыми, и сдѣлался халатъ. Повели передъ царицею кругомъ билліарда; всѣ шли по два въ рядъ, а графъ Эльмптъ сзади шелъ. Привязали въ петлицѣ нѣсколько пустыхъ бутылокъ, длинные бумажные ярлыки, каминная кочерга коротенькая вмѣсто клистирной трубки, положили Нащокина, и ну—ему ставить клистиръ. Государыня такъ хохотала, что почти до слезъ. Я думаю, каково было Нащокину. Онъ сердился,

вертѣлся, но повиновался, какъ тотъ вельможа въ „Горѣ отъ ума“. Потомъ опять фантъ: „ambassade turque“; камергеръ Олешевъ избранъ: онъ былъ очень тихъ, скроменъ, родня Суворову, и желалъ такъ веселиться, какъ иному весело лѣзть на висѣлицу; но дѣлать нечего: il allait des plastrons. Эльмптъ главный церемоніймейстеръ, а пажи всегда были его прислужники и все мигомъ достанутъ. Опять чахлы съ креселъ, сдѣлали на Олешева чалму, нажгли пробку, намарали брови, сдѣлали бороду черную, одѣли въ чахлы и навѣшали шалей. Онъ морщился, просилъ пощады, но безъ этой процессіи веселья бы не было. Шутка эта впослѣдствіи имѣла весьма непріятное окончаніе. Олешевъ, котораго государь Павелъ Петровичъ любилъ, бывши дежурнымъ въ Павловскѣ, говорилъ объ этой насмѣшкѣ, и когда государь Павелъ Петровичъ взошелъ на престолъ, то графъ Эльмптъ выключенъ былъ изъ службы и отосланъ къ отцу въ Ригу.

Въ Царскомъ Селѣ бывали спектакли, и тогда лучшій поэтъ былъ для комедій г. Копьевъ. Императрица Екатерина любила поощрять всѣ издѣлія. Изъ Тулы пріѣзжали купцы и мастеровые и привозили съ собою стальныя вещи. Императрица покупала ихъ на нѣсколько тысячъ, и всѣ знатные, глядя на сіе, обязаны были тоже дѣлать, и потому иногда разыгрывались безденежныя лотереи изъ стальныхъ вещей, и такимъ образомъ, у каждаго изъ живущихъ въ Царскомъ Селѣ или пріѣзжающихъ была какая-либо штучка стальная“ [29]).

Пажи въ то время славились шалостями. Это велось въ корпусѣ еще отъ временъ Елисаветинскихъ. Всегда въ корпусѣ былъ одинъ какъ бы атаманъ шалуновъ; имена этихъ атамановъ съ почтеніемъ переходили изъ рода въ родъ шалуновъ. Въ мое время атаманомъ былъ Н.,—шалунъ, какого, я думаю, не бывало. Шалости пажей временъ прошедшихъ сохранились въ устномъ преданіи. Такимъ образомъ, разсказывали, что при Елисаветѣ какой-то старичекъ генералъ пріѣхалъ во дворецъ и ждалъ выхода императрицы. Шалуны тотчасъ замѣтили провинціала, обступили его, прицѣпили крючокъ къ его парику, конецъ шнурка привязали къ стулу и старались удержать его на одномъ мѣстѣ. Входитъ государыня, старикъ поклонился, парикъ слетѣлъ съ головы. При Екатеринѣ эти шалости пажей продолжались. Любимая забава наша была таскать патроны у караульныхъ кавалергардовъ и сержантовъ. Лишь только задремлетъ кто изъ нихъ (что иногда случалось), тотчасъ патронъ вытащенъ изъ сумы и летѣлъ въ каминъ. Эти хлопушки насъ забавляли, хотя за это и больно наказывали. Послѣ

этой шалости лучшая была катанье по бѣлой залѣ. Къ шляпѣ, несмотря на то, что она была шита золотомъ (о простыхъ уже и говорить нечего), привязывали три платка; на шляпу садился шалунъ, а другіе, взявшись за концы платковъ, катали тройкой по всей залѣ, зато и шляпы были всѣ въ клочкахъ: одинъ такой променадъ по залѣ и новую шляпу дѣлалъ въ дырахъ. Маленькихъ придворныхъ пѣвчихъ мы очень боялись—это были наши придворные враги. Длинными своими рукавами они ловко щелкали насъ по шелковымъ чулкамъ. Наконецъ, одна шалость была непростительная и надѣлала много шуму въ городѣ. Пріѣхалъ въ Петербургъ графъ д'Артуа. При дворѣ былъ балъ. Не знаю, какой злой духъ вложилъ въ голову шалунамъ писать на спинахъ кресты на зеленыхъ пѣхотныхъ, синихъ кавалерійскихъ и красныхъ артиллерійскихъ мундирахъ мѣломъ, а на бѣлыхъ морскихъ мундирахъ углемъ. Шалуны перекрестили почти всѣхъ, но этого имъ было мало: надобно было поставить крестъ архіепископу, бывшему въ свитѣ принца. Онъ сидѣлъ у карточнаго стола государыни. Самый отчаянный изъ шалуновъ Н. подошелъ къ столу и во всю длину мантіи архіепископа поставилъ крестъ. Шалость или, правильнѣе сказать, преступленіе было слишкомъ велико; однакожъ, дѣло кончилось исправительнымъ наказаніемъ.

Я началъ дежурить съ 1793 года. Помню бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича, великолѣпный фейерверкъ, бывшій на Невѣ, и быковъ на дворцовой площади. Это были послѣдніе быки. Противъ фонарика на половинѣ императрицы строился высокій помостъ со ступенями. Всѣ ступени были укладены жареными гусями, утками, курами, окороками и проч., наверху помоста стоялъ быкъ съ позолоченными рогами; голова быка была утверждена на желѣзномъ болтѣ, такъ что стоило труда ее отнять. Все это сверху до низу закрывалось зеленою тафтяною занавѣсою. Другой такой же быкъ, съ посеребренными рогами, ставился противъ подъѣзда наслѣдника. Кругомъ были фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ. Все это окружено было цѣпью часовыхъ, полицейскихъ и веревками, такъ что площадь была пуста, а народъ въ ожиданіи сигнала толпился за веревками и въ прилегающихъ къ площади улицахъ. Государыня являлась въ фонарикѣ: это было знакомъ къ началу. Народъ съ крикомъ бросался на добычу, тафта въ нѣсколько секундъ изорвана была въ клочки; молодцы, по большей части, мясники, собирались артелями и бросались на быковъ, одни влѣзали на быка и начинали работать около головы, за которую

выдавалось съ золотыми рогами сто рублей, съ серебряными пятьдесятъ; между тѣмъ остальная шайка отбивала народъ, бросая въ него окороками, гусями, индѣйками. Наконецъ, если шайка была сильна и успѣла отбить другихъ, она въ торжествѣ несла голову на дворцовый подъѣздъ; случалось, что во время этого тріумфальнаго шествія другая шайка нападала—тутъ начинался настоящій кулачный бой, иногда отбивали голову, и награду получалъ не тотъ, кто отдѣлилъ ее отъ туловища. Зрѣлище, конечно, дикое, но изъ дворца смотрѣть было забавно.

Другая картина была еще забавнѣе. Пьяницы, не помышляя о быкахъ и наградахъ, прямо бросались къ виннымъ фонтанамъ, иной прямо попадалъ въ бассейнъ и оттуда, черпая шапкою, обливалъ народъ. Одинъ взлѣзъ и сѣлъ на трубку фонтана, разумѣется, онъ пересталъ дѣйствовать, огорченные пьяницы начали швырять въ него шапками, палками, чѣмъ попало, наконецъ, сбили врага—онъ рухнулся въ бассейнъ, и фонтанъ опять заигралъ. Не помню, въ 1793 или въ 1794 году явился при дворѣ персидскій принцъ. У его свѣтлости была прекрасная черная борода и ногти выкрашены красною краскою. Былъ и посолъ персидскій; этотъ ѣздилъ на сѣромъ жеребцѣ, у котораго нижняя часть хвоста выкрашена была красною краскою, какъ будто въ крови. Приличное украшеніе варвара! Вслѣдъ за этими господами явился и слонъ. Когда государыня подошла къ окну, онъ сталъ на колѣна и положилъ хоботъ на голову. Послѣ этого подали ему цѣлый лотокъ саекъ и большей кулекъ яблокъ; онъ все это благополучно скушалъ. Около этого времени случилось въ Зимнемъ дворцѣ забавное воровство. Въ тронной было пять серебрянныхъ люстръ. Однажды является къ гоффурьеру подмастерье придворнаго серебряныхъ дѣлъ мастера и говоритъ ему, что заказано сдѣлать шестую люстру такого же фасона, и мастеръ прислалъ его съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ для образца одинъ подсвѣчникъ. Гоффурьеръ, который лично зналъ этого подмастерья, нимало не усомнился, велѣлъ гайдукамъ подать лѣстницу и подмастерье полѣзъ отвинчивать подсвѣчникъ. Гоффурьеръ еще берегъ его: „смотри, не упади, голубчикъ“, говорилъ онъ.—„Не безпокойтесь, Алексѣй Петровичъ,—отвѣчалъ плутъ,—дѣло знакомое“! Отвинтилъ подсвѣчникъ и былъ таковъ. Люстра эта такъ и оставалась безъ одного подсвѣчника... Дѣло въ томъ, что этотъ подмастерье отошелъ отъ мастера, а гоффурьеръ этого не зналъ. Въ 1796 году прибылъ въ Петербургъ молодой шведскій король съ дядею своимъ герцогомъ Зюдерманландскимъ. Герцогъ былъ маленькій сѣдой ста-

ричекъ, въ черномъ платьѣ и съ черною короткою мантіею на плечахъ, на шпагѣ нитяной темлякъ. Король высокій, стройный мужчина, довольно пріятной наружности. Въ прогулкахъ по набережной, гдѣ онъ жилъ, въ домѣ шведскаго посланника, носилъ онъ длинный синій сюртукъ съ высокимъ и узкимъ лифомъ, что казалось очень страннымъ, потому что тогда въ Петербургѣ носили лифа очень широкіе и очень низкіе. По случаю пріѣзда короля вельможи давали пиры, одинъ богаче другаго. Въ день бала, даннаго генералъ-прокуроромъ графомъ Самойловымъ, въ домѣ его, гдѣ нынѣ губернскія присутственныя мѣста, въ ту минуту, какъ государыня выходила изъ кареты, явился извѣстный метеоръ, освѣтившій и перепугавшій весь городъ и имѣвшій даже вліяніе на умъ великой Екатерины. Она почла это дурнымъ предзнаменованіемъ. Лѣтомъ 1796 года въ золотой залѣ Царскосельскаго дворца праздновали рожденіе великаго князя Николая Павловича, нынѣ благополучно царствующаго государя. Я былъ тогда дежурнымъ и съ чувствомъ пріятной гордости вспоминаю этотъ радостный день, радостный для Россіи, радостный для всего человѣчества.

Кромѣ метеора, были и другія предзнаменованія. Какъ бы кто ни думалъ, но жизнь великихъ и сильныхъ земли имѣетъ связь съ силами небесными. Простой человѣкъ родится и обращается въ персть, отъ которой взятъ; рожденіе и кончина Великихъ, потрясающихъ вселенную, предвозвѣщается намъ свыше, какъ доказательство, что они исполнители воли Господней, что они суть отблескъ божества. Того лѣта въ Царскомъ Селѣ ночью сдѣлался безъ всякой причины такой сильный дымъ, что испугались, не горитъ ли гдѣ. Разбудили князя Зубова, онъ вышелъ: дымъ былъ сильный и болѣе подъ окнами почивальни государыни. Осмотрѣли весь дворецъ, нигдѣ не было огня; полагали, что горитъ лѣсъ въ окрестности; посылали во всѣ стороны нигдѣ ничего не нашли. Въ началѣ ноября 1796 года государыня чувствовала себя не совсѣмъ здоровою. 4-го ноября за столомъ она говорила, что Рожерсонъ (лейбъ-медикъ) совѣтуетъ ей пустить кровь, „но я,—прибавила государыня,—хочу это сдѣлать послѣ праздниковъ“. Я былъ дежурнымъ за столомъ и самъ это слышалъ. 6-го ноября поутру, мы, дежурные, пріѣхали во дворецъ. Гоффурьеръ Шмаковъ сказалъ намъ: „ступайте, дѣти, домой, стола не будетъ“. Мы не заставили себѣ повторить это два раза и поѣхали въ корпусъ. Въ тотъ день выпалъ первый снѣгъ. Послѣ обѣда пошелъ я съ товарищемъ гулять. Лишь только вышли мы на Дворцовую площадь, какъ увидѣли

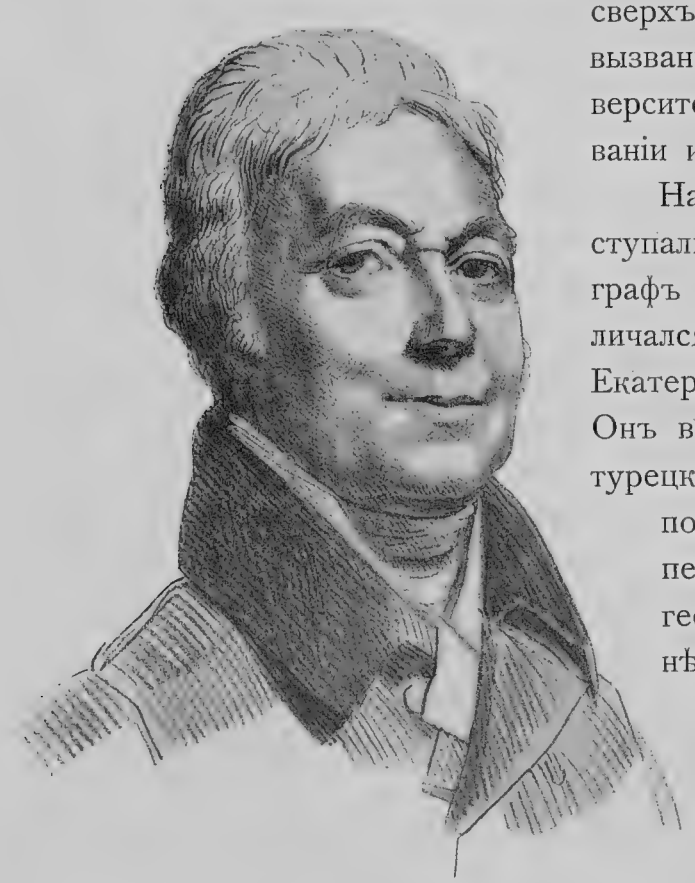
у фонарика нѣсколько каретъ. Мы были оба дежурные, кареты у подъѣзда убѣждали насъ, что при дворѣ столъ, а насъ нѣтъ. Мы подумали, что Шмаковъ обманулъ насъ (онъ любилъ иногда балагурить), побѣжали въ корпусъ, одѣлись и явились во дворецъ. Было часа три за полдень. Первое, что мнѣ представилось, при входѣ въ тронную, былъ скороходъ, который, облокотясь на экранъ у камина, горько плакалъ. Я думалъ, что онъ что-нибудь напроказилъ, и что Шмаковъ велѣлъ посадить его въ свѣчную, — обыкновенное наказаніе нижнихъ придворныхъ служителей. Я спросилъ скорохода, но не могъ добиться отъ него отвѣта. Тутъ у окна увидѣлъ я гайдука въ слезахъ. Вотъ и этотъ плачетъ! Что это такое? Вхожу я въ кавалерскую комнату и нахожу тутъ князя Барятинскаго, Н. П. Архарова и еще нѣкоторыхъ, даже члена придворной конторы Н., который никогда не приглашался къ обыкновенному столу императрицы. У всѣхъ блѣдныя лица, всѣ шепчутся и безпрестанно входятъ въ брилліантовую комнату.

Любопытство мое возрастало; наконецъ, я узналъ печальную истину: съ государыней сдѣлался ударъ. Часъ отъ часу кавалерская комната наполнялась, къ вечеру съѣхалось много, сѣни были наполнены любопытными, ибо печальная вѣсть разнеслась уже по городу. Въ эту минуту можно было видѣть, сколько императрица была любима“ [30]).

Не стало той, при которой такъ беззаботно и жизнерадостно, среди исполненія несложныхъ обязанностей и далеко не головоломнаго ученія, протекали дѣтство и юношество пажей и которая, можетъ быть, слишкомъ снисходительно смотрѣла на ихъ выходки. Enfants de tonnerres, какъ звала императрица росшихъ на ея глазахъ шалуновъ-пажей, если вѣрить преданію, не всегда шалили невинно. Méchancetés des pages, къ искорененію которыхъ стремился почтенный академикъ Миллеръ, вызванные чувствомъ благороднаго негодованія,—дѣйствительно, принимали характеръ злыхъ выходокъ. Сохранился разсказъ, повторенный А. Н. Корсаковымъ въ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ знаменитому Степану Ивановичу Шешковскому, взятый имъ „изъ давнихъ воспоминаній Селиванова“, „что будто бы пажи подстерегли тайныхъ дѣлъ мастера и безцеремонно высѣкли его, за что, конечно, и потерпѣли“ [31]). Насколько это достовѣрно, трудно сказать, но во всякомъ случаѣ показываетъ, что они не оставались равнодушны къ темнымъ сторонамъ тогдашней жизни.

Но рано или поздно наставалъ конецъ счастливымъ, беззаботнымъ дѣтству и юношеству,—приходилось выступать въ роли дѣятелей.

Въ предыдущей главѣ мы познакомились съ тѣмъ, что удалось сдѣлать нѣкоторымъ пажамъ въ царствованіе императрицы Елизаветы. Посмотримъ, что сдѣлали они въ „золотой вѣкъ“ великой Екатерины. Во-первыхъ, нѣкоторые изъ нихъ, какъ Михаилъ Илларіоновичъ Воконцовъ, продолжали и первое время работу, начатую въ предшествующее царствованіе. Въ такомъ же положеніи оказался и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Но если Михаилъ Илларіоновичъ въ 1765 году покинулъ свою должность канцлера и уже больше не выступалъ въ роли государственнаго дѣятеля, до своей смерти, въ 1767 году, Иванъ Ивановичъ, потерявъ всякое вліяніе и принужденный первыя 15 лѣтъ правленія императрицы жить за границей, въ 1777 году возвратился, былъ милостиво принятъ и назначенъ оберъ-камергеромъ, почему получилъ возможность вѣдать родными ему пажами и, сверхъ того, назначенъ опять кураторомъ вызваннаго имъ къ жизни Московскаго университета. Скончался онъ уже въ царствованіи императора Павла въ 1798 году.



Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.
Посолъ въ Лондонѣ.

На смѣну отходившихъ стариковъ выступали молодые пажи-дѣятели. Извѣстный графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ отличался въ дни царствованія императрицы Екатерины въ дѣлахъ противъ непріятеля. Онъ воевалъ противъ турокъ въ первую турецкую войну и заслужилъ въ сраженіи подъ Ларгою георгіевскій крестъ 4 степени, а въ сраженіи подъ Кагуломъ георгіевскій крестъ 3 степени. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ опять проявилъ отчаянную храбрость. Въ эту же войну попробовалъ графъ Семенъ Романовичъ свои силы и на дипломатическомъ поприщѣ: онъ принялъ участіе въ заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.

Не прошло и 8 лѣтъ, какъ его отправили полномочнымъ министромъ въ Венецію, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ ему поручили заключить конвенцію съ Великобританіею касательно торговыхъ отношеній британскихъ подданныхъ въ

Россіи. Въ царствованіе императора Павла онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при Великобританскомъ Дворѣ. Должность эту онъ занималъ съ перерывомъ до 1806 года, когда вышелъ въ отставку и поселился въ Англіи, гдѣ и прожилъ до своей кончины въ 1832 г.

Графъ Семенъ Романовичъ открываетъ собою доблестный рядъ георгіевскихъ кавалеровъ, которыхъ среди пажей насчитывается болѣе, чѣмъ сто человѣкъ, а также государственныхъ дѣятелей-героевъ.

При той же Ларгѣ, при которой отличился Семенъ Романовичъ, отличился и другой пажъ—свѣтл. князь Сергѣй Александровичъ Меньшиковъ. Ему за оказанную въ сраженіи съ непріятелемъ храбрость и за овладѣніе ретраншаментомъ и батареею пожалованъ георгіевскій крестъ 4 степени.

Принялъ участіе въ первой турецкой войнѣ и графъ Морковъ, получившій впослѣдствіи, въ дни царствованія Екатерины, три степени ордена св. Георгія. Четвертую степень ему пожаловали за взятіе Очакова, третью за взятіе Измаила и вторую за участіе въ польской кампаніи 1792 года подъ Мензержицкомъ, гдѣ онъ на голову разбилъ конфедератовъ.

Во вторую турецкую войну, въ теченіе которой Морковъ заслужилъ двѣ степени ордена св. Георгія, другой пажъ, герой двѣнадцатаго года, гр. Тормасовъ заслужилъ свой первый орденъ: то былъ тоже Георгій (3 степени). Подъ Мачиномъ онъ совершилъ блестящую атаку. Такъ славно начатое поприще Тормасовъ продолжалъ и въ дни польскихъ неурядицъ, сопровождавшихъ третій раздѣлъ Польши. Онъ отличился при Виткенопѣ, при Лобарѣ, у Дубенки и подъ Мацеевицами, а при штурмѣ Праги начальствовалъ одною изъ штурмовыхъ колоннъ. Наградою за его труды ему былъ орденъ Бѣлаго Орла и Св. Станислава отъ короля Станислава Августа и орденъ Св. Владиміра 2 степени и золотая шпага съ надписью „за храбрость“.

Польскія войны принесли орденъ Георгія 3 степени и другому пажу Козенсу, основателю и устроителю военно-конскихъ заводовъ, въ дни царствованія Императора Александра I.

Наконецъ, также польская кампанія выдвинула и бывшаго пажа Анрепа, удостоившагося полученія ордена Георгія 3 степени за сраженіе подъ Остроленкою. Четвертую степень этого ордена Рейнгольдъ Карловичъ получилъ раньше за участіе въ дѣйствіяхъ въ Финляндіи за дѣло у Пардалишлякскаго моста близъ Нейшлота.

Началъ отличаться во время войны въ Финляндіи, извѣстный герой двѣнадцатаго года и кавалеръ двухъ степеней Георгія, третьей и второй, Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ. Въ эту кампанію онъ былъ два раза раненъ: сначала въ плечо, а потомъ въ ногу.

Шведская и польская кампаніи выдвинули, какъ храбреца, будущаго дѣятеля временъ Императора Александра, графа Николая Николаевича Новосильцова. Правда, онъ не былъ отличенъ орденомъ Георгія, но зато украшенъ Владиміромъ 4 степени съ бантомъ.

Но, принимая блестящее участіе въ войнахъ, которыя принуждена была вести императрица, пажи являлись помощниками ея и въ мирной законодательной работѣ. Задумала государыня приступить къ работамъ по кодификаціи права и съ этой цѣлью приказала созвать комиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія,—въ числѣ депутатовъ, избранныхъ присутствовать въ названной комиссіи явились бывшіе пажи: Бѣляевъ и князь Щербатовъ, принявшіе участіе въ ея работахъ.

Рѣшается государыня приступить къ реорганизаціи административнаго управленія Россіи, — опять бывшіе пажи ревностно принимаются за дѣло и оказываются на высотѣ своего призванія. Особенно выдѣлился среди нихъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ. Начавъ свое служебное поприще на военной службѣ, онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе великаго князя Петра Ѳеодоровича. Императрица назначила его помощникомъ великаго князя, когда тотъ сталъ во главѣ сухопутнаго шляхетскаго корпуса. Въ кратковременное царствованіе императора Петра III, Мельгуновъ быстро пошелъ въ гору. Когда совершился переворотъ 28 Іюля 1762 г., враги Мельгунова постарались очернить его передъ императрицей, но она сразу со свойственнымъ ей умѣньемъ выбирать людей поняла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Государыня рѣшила, что онъ человѣкъ очень и очень полезный государству и назначила его губернаторомъ Новороссійскаго края. Съ этого поста онъ былъ назначенъ на должность президента камеръ-коллегіи, а затѣмъ ярославскаго губернатора. Черезъ нѣкоторое время онъ открылъ Ярославское намѣстничество, а еще черезъ годъ Костромское. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ архангелогородскимъ и ярославскимъ.

Весьма характеренъ и для императрицы и для Мельгунова слѣдующій отрывокъ изъ статьи „Черты изъ жизни Екатерины“, помѣщенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Новой и Древней Россіи.

„Между генералъ-губернаторомъ“ и въ царствованіе Екатерины II, говорится въ этой статьѣ „Мельгуновъ былъ признаваемъ по уму его въ числѣ отличныхъ и пользовался общимъ уваженіемъ. Мельгуновъ, однако, имѣлъ слабость въ кругу близкихъ ему особъ отзываться иногда въ смыслѣ и духѣ критическомъ насчетъ императрицы. Такой образъ мыслей, равно какъ и многіе отзывы Мельгунова, были государынѣ извѣстны.

Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ.
Архангелогородскій и ярославскій генералъ-губернаторъ.

Однажды Мельгуновъ, пріѣхавши въ столицу по дѣламъ службы, имѣлъ у императрицы докладъ, продолжавшіейся очень долго. Нѣкоторые изъ близкихъ государынѣ особъ, замѣтивъ такую продолжительность, удивились тому, зная, что императрицѣ извѣстенъ образъ мыслей Мельгунова. Когда послѣдній вышелъ изъ кабинета, одинъ изъ приближенныхъ въ ироническомъ смыслѣ напомнилъ императрицѣ объ его отзывахъ на ея счетъ. Екатерина на это сказала. „Все знаю, но вижу въ немъ человѣка государственнаго; и, такъ презирая личнаго моего въ немъ врага, уважаю достоинство. Я, подобно пчелѣ должна и изъ ядовитыхъ растеній выбирать соки, которые въ смѣшеніи съ другими, могутъ быть полезными“.

Въ 1788 году Мельгуновъ скончался. На одномъ съ нимъ поприщѣ, т. е. на административномъ подвизался извѣстный Яковъ Сиверсъ, родной племянникъ оберъ-гофмаршала и основателя Пажескаго корпуса, какъ учебнаго заведенія. Былъ-ли Сиверсъ пажемъ, намъ не удалось установить, но несомнѣнно одно, что вмѣстѣ съ пажами онъ учился у гофмейстера Носке такъ, что, если онъ службу пажа не несъ, то образованіемъ своимъ обязанъ корпусу. Его административная дѣятельность какъ проводника въ жизнь „учрежденія для управленія губерніями“ крайне замѣчательна.

Выступали пажи въ царствованіе Екатерины и въ роли руководителей воспитанія и образованія юношества, такъ, баронъ Мальтицъ дѣйствовалъ въ качествѣ директора воспитательнаго училища при Императорской Академіи Художествъ, той самой академіи которой учредителемъ и ревностнымъ устроителемъ, былъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, сдѣлавшій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ 10 лѣтъ гораздо больше, чѣмъ И. И. Бецкій въ 30 лѣтъ.

Другой пажъ—извѣстный Осипъ Петровичъ Козодавлевъ былъ сначала отправленъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ пробылъ около 12 лѣтъ. Возвратившись въ Россію, онъ былъ опредѣленъ въ протоколисты въ Сенатъ. Затѣмъ онъ былъ назначенъ директоромъ академической типографіи и въ то же время редакторомъ „Собесѣдника русскаго слова“. Въ 1784 году Высочайше повелѣно Козодавлеву быть „въ комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ для употребленія его въ дѣлѣ по усмотрѣнію ея“. Осипу Петровичу немедленно поручили присмотръ по учебной части за народными школами въ Петербургской губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ работахъ комиссіи. Онъ сочинилъ проэктъ или пространный планъ россійскихъ университетовъ. Черезъ нѣсколько времени его послали ревизовать училища десяти губерній.

Въ то же время Осипъ Петровичъ выступилъ и въ качествѣ писателя. Онъ сочинилъ комедію „Нашла коса на камень“, перевелъ нѣсколько комедій съ нѣмецкаго языка и помѣщалъ въ „Растущемъ виноградѣ“—ежемѣсячномъ сочиненіи, которое издавалось отъ С.-Петербургскаго главнаго народнаго училища, рядъ статей; между прочимъ, разсужденіе о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ [32]).

Кромѣ Козодавлева, и другіе бывшіе пажи не смѣло выступали на литературномъ поприщѣ; что называется, баловались перомъ,—Челищевъ, [33]) и Ниловъ, и болѣе серьезно занимались литературой Кутузовъ и Радищевъ.

Эти два послѣднихъ имени принадлежатъ пажамъ-общественнымъ дѣятелямъ.

Что бы ни говорили и какъ бы ни смотрѣли на массонское и мартинистическое движеніе въ Россіи, охватившее верхніе слои русскаго общества второй половины XVIII столѣтія, нѣсомнѣнно одно, что оно сыграло громадную воспитательную и образовательную роль и не только для высшихъ соціальныхъ слоевъ, но и для низшихъ. Очеловѣчивъ высшіе, оно въ значительной степени облегчило участь

низшихъ. Но этого мало, оно пріучило русское общество вдумываться въ нѣкоторые вопросы высшаго порядка, относящіеся къ области религіи и философіи, оно явилось въ значительной степени противовѣсомъ нарождавшемуся модному и поверхностному вольтеріанству и вредному неглубокому скептицизму, поддержало жажду къ идеалу и развило любовь къ рѣшенію этическихъ проблемъ и не къ холодному, разсудочному отношенію къ нимъ, а къ вполнѣ жизненному.

Хладнокровно видѣть страданіе крѣпостного человѣка массонъ и мартинистъ не могъ. Массономъ былъ пажъ Дубянскій, а мартинистомъ-писателемъ и храбрымъ офицеромъ Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ. Другъ Новикова, онъ игралъ видную роль въ только-что указанномъ движеніи. Но если массоны и мартинисты не могли хладнокровно относиться къ судьбамъ закрѣпощеннаго русскаго народа, не относились хладнокровно къ нимъ и нѣкоторые русскіе люди, имѣвшіе лишь косвенное отношеніе къ массонству и мартинизму, Самымъ раннимъ защитникомъ крѣпостныхъ явился извѣстный Александръ Николаевичъ Радищевъ, своимъ сочиненіемъ „Путешествіе отъ Москвы до Петербурга“ навлекшій гнѣвъ императрицы и подвергшійся за него ссылкѣ. Странное дѣло, Радищевъ изобразилъ въ яркихъ, почти художественныхъ краскахъ то, что заклеймила и сама императрица. Спрашивается, отчего же могло произойти недоразумѣніе между ней и ея бывшимъ пажемъ? Дѣло станетъ вполнѣ яснымъ, если принять во вниманіе, что императрица стояла на государственной точкѣ зрѣнія, а ея подданный на отвлеченно человѣческой. Крѣпостное право императрица признавала несомнѣннымъ зломъ, но зломъ, при наличности извѣстныхъ данныхъ переносимымъ, которое надо было терпѣть. Пылкій идеалистъ Радищевъ терпѣть не хотѣлъ и негодовалъ всею своею благородной душой; онъ думалъ идти на-проломъ, не справляясь ни съ какими историческими условіями. Другими словами, онъ дѣлалъ ту же ошибку, которую въ началѣ своего царствованія сдѣлала, въ особенности въ области воспитанія, императрица, думавшая, что стоитъ захотѣть имѣть въ распоряженіи другихъ людей и они появятся, какъ только примѣнятъ къ воспитанію ихъ отвлеченные раціональные методы воспитанія, и это не справляясь ни съ наслѣдственностью, ни съ порочными особенностями, ни, наконецъ, съ историческими условіями. Но умудренная опытомъ и изученіемъ русской исторіи, государыня во вторую поло-

вину своего царствованія поняла свою ошибку, а потому болѣе, чѣмъ холодно отнеслась къ страстной пылкой проповѣди идеалиста, не желавшаго считаться ни съ какими государственными точками зрѣнія. Но идеалистъ остался до конца убѣжденнымъ идеалистомъ, онъ покорился волѣ монархини, но убѣжденію не измѣнилъ.

Перу Радищева принадлежатъ 6 томовъ сочиненій, такъ что Александръ Николаевичъ безспорно первый крупный писатель-пажъ. Въ честь его въ Саратовѣ выстроенъ музей его имени [34]).

Мы кончили обзоръ дѣятельности пажей вѣка славной Екатерины. Если прибавить въ видѣ дополненія, что почти всѣ пажи по окончаніи корпуса поступали на военную службу, что только очень немногіе посвящали себя чисто придворной службѣ и, наконецъ, что на гражданскую они переходили, большею частью, побывавъ сначала на военной, то можно съ увѣренностью сказать, что къ концу царствованія императрицы Екатерины завершилась эволюція, постепенно превращавшая пажа—придворнаго въ зародышѣ, въ пажа—воина въ зародышѣ, какъ разъ обратная той, которая произошла на Западѣ — и превратила пажа-будущаго воина въ пажа будущаго придворнаго. Такая обратная эволюція вполнѣ объясняется тѣми условіями русской жизни, въ которыя были поставлены пажи въ моментъ появленія ихъ въ нашемъ отечествѣ, а также и тѣми, въ которыхъ имъ пришлось существовать и дѣйствовать въ теченіе XVIII столѣтія.

Эта же эволюція служитъ наиболѣе убѣдительнымъ отвѣтомъ на поставленный выше вопросъ: пересадилъ ли Петръ пажей съ западной почвы на нашу или привилъ это званіе къ уже имѣвшемуся у насъ званію стольника царицы и отчасти стольника царя? Съ условіями русской жизни, вызвавшими вышеупомянутую обратную эволюцію, читатель нашъ знакомъ, а потому мы о нихъ не будемъ здѣсь очень распространяться, а постараемся лишь вкратцѣ ихъ резюмировать.

Пажи появились въ Россіи въ тотъ моментъ, когда Петръ немного преждевременно попробовалъ отдѣлить или, какъ выражаются обыкновенно въ этихъ случаяхъ, дифференцировать общественныя функціи. Эта дифференціація, какъ не отвѣчавшая требованіямъ дѣйствительности, не удалась. Придворная, военная и гражданская службы въ до-петровское время сливавшіяся, послѣ Петра чрезвычайно медленно и постепенно разъединялись, но къ концу XVIII столѣтія выяснилось, что собственно болѣе рѣзко отдѣлились военная и граж-

данская службы отъ чисто придворной и что та санкція, которую придворная служба давала военной и гражданской въ значительной степени утратила свое значеніе. Взаимное отношеніе военной и гражданской службъ при Петрѣ, несмотря на то, что онъ дѣлалъ усилія отдѣлить одну отъ другой, сводилось къ тому, что военная служба поглощала гражданскую. Послѣ Петра эти отношенія измѣнились въ томъ смыслѣ, что хотя гражданская служба и потребовала спеціальной подготовки, такъ же, какъ и военная, но въ то же время отправленія военныхъ обязанностей служило какъ бы ручательствомъ того, что въ случаѣ надобности такъ же успѣшно будутъ исполнены всевозможныя порученія и въ области гражданскаго управленія. Другими словами, медленно совершавшееся превращеніе Россіи изъ государства съ преобладающими военными интересами въ государство съ преобладающими мирными интересами сопровождалось чрезвычайно медленнымъ отступленіемъ военнаго элемента съ перваго на второй планъ, и выступленіемъ гражданскаго со втораго на первый планъ. Можно сказать, что къ концу XVIII столѣтія военный элементъ все-таки игралъ первенствующую роль. Такимъ образомъ, сама жизнь вынудила превращеніе пажа-придворнаго въ зародышѣ въ пажа-военнаго въ зародышѣ, что было равносильно превращенію его въ государственнаго дѣятеля въ зачаткѣ. А отсюда слѣдуетъ, что подъ прикрытіемъ иностраннаго названія пажа развилось чисто-туземное званіе стольника царицы и отчасти стольника царя, основные черты которыхъ:—близость съ дѣтства ко двору, возможность стать съ раннихъ лѣтъ близко къ очагу подражательнаго процесса, несшаго съ собою просвѣщеніе, возможность, кромѣ того, набраться житейской мудрости и вѣроятіе сдѣлаться въ той или другой степени государственнымъ дѣятелемъ — сохранились и къ концу царствованія императрицы Екатерины.

Если только это такъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія что Петръ не пересадилъ къ намъ пажа съ Запада, а сумѣлъ сдѣлать прививку этого званія къ существовавшему уже ранѣе.

Что же касается Пажескаго корпуса какъ учебнаго заведенія, то онъ отразилъ на себѣ со дня своего основанія въ 1759 году 25 октября вѣянія, сопровождавшія одинъ изъ основныхъ процессовъ, развивавшихся въ русскомъ обществѣ извѣстный подъ названіемъ подражательнаго. Отразились на немъ и медленно совершавшаяся въ государственномъ организмѣ дифференціація функцій, а также и медлен-

ное перерожденіе Россіи изъ государства съ преобладающими военными интересами въ государство съ преобладающими мирными интересами. Выразилось только-что указанное въ томъ, что 1) теоретическія педагогическія системы иностранцевъ педагоговъ нашли себѣ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ XVIII столѣтія, пріютъ въ корпусѣ; 2) Пажескій корпусъ бралъ на себя задачу одно время подготовлять часть своихъ питомцевъ въ особомъ дополнительномъ курсѣ къ военной службѣ, а другихъ въ соотвѣтственномъ дополнительномъ курсѣ къ гражданской службѣ. 3) Къ концу столѣтія, когда всѣми чувствовалось, что военный элементъ долженъ еще играть первенствующую роль въ виду того, что мирные интересы не успѣли еще взять верхъ надъ военными, Пажескій корпусъ былъ объявленъ учебнымъ заведеніемъ, которое имѣетъ цѣлью готовить военныхъ, способныхъ въ то же время, если понадобится, отправлять обязанности и въ гражданскомъ вѣдомствѣ.

Русскій человѣкъ въ XVIII ст. требовалъ и настойчиво требовалъ профессіональной школы. Правительство сначала пошло на встрѣчу этой потребности, но какъ бы въ тоже время инстиктивно сознавало или, вѣрнѣе, чувствовало, что исключительно профессіональная школа можетъ дать толчекъ къ развитію односторонняго утилитаризма и, такимъ образомъ, не исполнить той задачи, какая лежитъ на каждой школѣ: быть носительницею свѣтлыхъ идеаловъ и готовить изъ своихъ питомцевъ не прислужниковъ жизни, а борцовъ за прогрессъ, понимаемый въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Такая боязнь принудила правительство ввести въ среднюю школу общеобразовательные предметы, которые имѣли исключительною цѣлью развивать вообще, а въ частности развивать жажду къ идеалу.

Такимъ предметомъ въ профессіональной школѣ, какою былъ Пажескій корпусъ, явилась одно время этика, затѣмъ преподаваніе Закона Божьяго.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о сословномъ вопросѣ. Пажескій корпусъ въ силу историческихъ причинъ — въ началѣ отнюдь не былъ сословнымъ учебнымъ заведеніемъ. Исключительно дворянскій характеръ онъ пріобрѣтаетъ въ царствованіи императрицы Екатерины, что вполнѣ объясняется тенденціею этого царствованія, вызванною историческою обстановкою той эпохи.

Резюмируя все предыдущее, можно сказать, что къ концу столѣтія Пажескій корпусъ послѣ долгихъ треволненій собрался наконецъ

вступить въ новую жизнь, которая съ начала XXX столѣтія и потекла относительно ровно, спокойно, только изрѣдка нарушаемая тѣми или другими измѣненіями или небольшими нововведеніями. Такъ, періоду сознательной зрѣлой дѣятельности предшествуетъ въ жизни отдѣльныхъ людей періодъ исканій, колебаній порывовъ, сомнѣній. Трудно переживать это время и легко неокрѣпшему существу погибнуть. Выдержитъ оно эту борьбу со своими порывами и съ средою, завоюетъ себѣ положеніе, заставитъ себя признать или приспособится къ окружающему, оно можетъ быть увѣрено, что впредь никакія погоды и бури житейскія его не сломятъ. Ему остается только развиваться, итти по намѣченному пути. Тоже вѣрно и для учрежденій.

Восемнадцатый вѣкъ для нашего корпуса какъ разъ и былъ этимъ труднымъ временемъ, когда для него рѣшался гамлетовскій вопросъ — to be, or not be, на который весь складъ тогдашней жизни отвѣтилъ, to be и мало того, указалъ, чѣмъ Пажескому корпусу надо быть главнымъ образомъ военнымъ учебнымъ заведеніемъ.

Требованія жизни понялъ императоръ Павелъ, начавшій свое царствованіе первымъ извѣстнымъ Высочайшимъ приказомъ въ числѣ прочаго касавшійся и пажей.

Ноября 7 дня.

1. Пароль Полтава.

2. Его Императорское Величество Императоръ Павелъ Петровичъ принимаетъ на себя шефа и полковника всѣхъ гвардіи полковъ.

3. Его Императорское Высочество Великій князь Александръ Павловичъ въ Семеновскій полкъ полковникомъ.

4. Его Императорское Высочество Великій князь Константинъ Павловичъ въ Измайловскій полкъ полковникомъ.

5. Его Императорское Высочество Великій князь Николай Павловичъ въ конную гвардію полковникомъ.

6. Полковникъ Аракчеевъ комендантомъ въ городѣ.

7. Адъютанты при Его Императорскомъ Величествѣ Павлѣ Петровичѣ назначаются: генералъ-маіоръ Плещеевъ, генералъ-маіоръ Шуваловъ, бригадиръ Ростопчинъ, полковникъ Кушелевъ и камеръ-пажъ Нелидовъ, который и жалуется въ маіоры [35]).

8. Полковникъ Аракчеевъ въ Преображенскій полкъ.

9. Подполковнику Кологривову быть въ эскадронѣ гусаръ какъ лейбъ такъ и его полку казаками, что и будетъ составлять полкъ, прочее-же поступать по уставу.

10. Господамъ генераламъ служащимъ другого мундира не носить, кромѣ того корпуса, которому принадлежатъ вообще, чтобы офицеры не носили ни въ какомъ случаѣ иного одѣянія, какъ мундиры.

Такимъ образомъ, бывшій пажъ столь впослѣдствіи извѣстный графъ Ѳ. Ростопчинъ и камеръ-пажъ Нелидовъ по желанію Императора были назначены адъютантами къ Его Величеству.

Генералъ-Адъютантъ
Аркадій Ивановичъ Нелидовъ.

Мы сказали, что императоръ Павелъ чутко отнесся къ требованіямъ жизни. Жизнь высказывалась за превращеніе Пажескаго корпуса въ военное учебное заведеніе, и вотъ 11 Сентября 1797 года послѣдовалъ указъ Императора Павла гласившій слѣдующее: „по прошенію находившагося Двора нашего при пажахъ гофмейстеромъ маіора шевалье де-Вильне, уволивъ его за старостью и болѣзнями отъ сей должности, повелѣваемъ быть гофмейстеромъ надъ пажами сухопутнаго корпуса поручику Литвинову съ жалованіемъ, по штату положеннымъ, а дирекцію надъ пажескимъ корпусомъ имѣть генералъ-маіору отъ артиллеріи Шапошникову“ [36]). Въ тотъ-же день послѣдовалъ указъ кабинету. „Генералъ-маіору отъ артиллеріи Шапошникову, опредѣленному директоромъ надъ Пажескимъ корпусомъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ производить жалованіе по чину его изъ нашего Кабинета“ [37]).

Ясно было, что Императоръ Павелъ хотѣлъ придать Пажескому корпусу болѣе военный видъ, чѣмъ онъ имѣлъ до сихъ поръ, и средствомъ къ этому считалъ назначеніе директора. На то-же намѣреніе Государя указываетъ и слѣдующія его распоряженія:

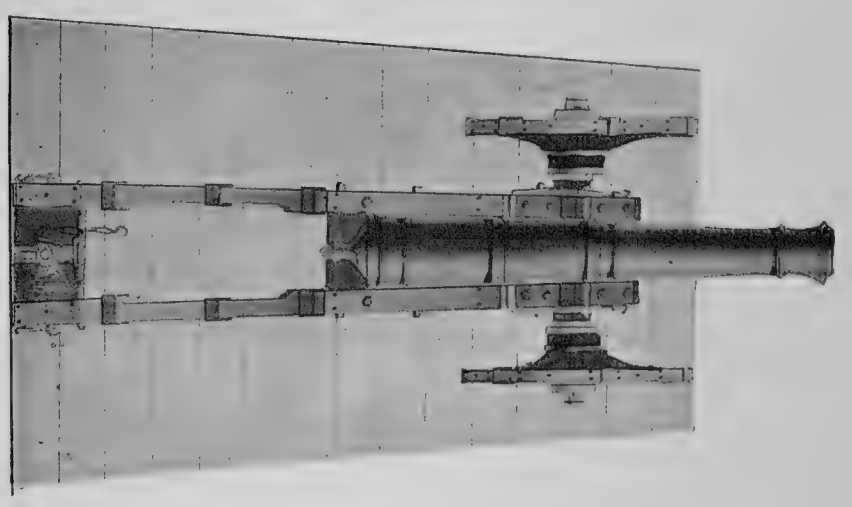
1. „Чтобы рейтъ-пажи (17 человѣкъ) значущіеся въ спискѣ, подписанномъ шталмейстеромъ графомъ Зубовымъ, и яхтъ-пажи (6 чел.)

оберъ-гофмейстеромъ княз. Петромъ Голицынымъ обращены были въ Пажескій корпусъ, гдѣ они будутъ содержаны, на томъ основаніи, какъ и прочіе пажи, съ исправленіемъ притомъ первымъ изъ нихъ должности рейтъ-пажа".

2. Въ Декабрѣ 1796 г., былъ произведенъ усиленный выпускъ изъ корпуса и, вѣроятно въ томъ-же мѣсяцѣ, на мѣсто выпущенныхъ, принято въ корпусъ 25 кадетъ.

Но вскорѣ другія заботы отвлекли вниманіе Государя. Ему пришлось только намѣтить реформы корпуса въ военномъ духѣ, окончательно же они были произведены въ слѣдующее царствованіе.

Если царствованіе Императора Павла началось особою милостью къ одному изъ пажей, то и конецъ его ознаменовался такою же милостью къ другому пажу, имя котораго составляетъ гордость заведенія, въ которомъ онъ воспитывался. Мы говоримъ о фельдмаршалѣ Иванъ Ѳеодоровичѣ Паскевичѣ.



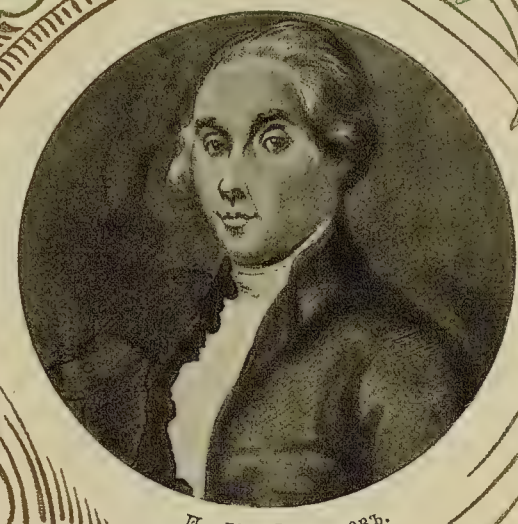
Рисунокъ исполненный лейбъ-пажемъ Паскевичемъ.

21 Сентября 1800 года, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ сообщилъ графу Шереметеву, что Государь Императоръ приказалъ, чтобы пять человѣкъ, выбранные для постояннаго дежурства при его особѣ, именовались не камеръ-пажами, а лейбъ-пажами.[38])

8 Октября того же года шефъ Пажескаго корпуса графъ Николай Петровичъ Шереметевъ прислалъ на имя директора Пажескаго корпуса генералъ-маіора Шапошникова бумагу такого содержанія:

„Сего Октября 7 дня господинъ оберъ гофмаршалъ и кавалеръ Нарышкинъ сообщилъ мнѣ при письмѣ съ имяннымъ Его Императорскаго Величества Высочайшимъ повелѣніемъ объявленныхъ имъ господиномъ Нарышкинымъ придворной конторѣ 5 Октября три копіи, въ коихъ изображено во 1-ыхъ: Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ лейбъ-гвардіи въ полкъ поручиками: лейбъ-пажа Паскевича и камеръ-пажа Челищева, изъ коихъ перваго

Радищевскій музей въ Саратовѣ.



А. Н. Радищевъ.

флигель - адъютантомъ. Во 2-ыхъ Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ: артиллерійскаго 2-аго корпуса кадета Костомара опредѣлить въ службу ко двору Его Величества лейбъ-пажемъ съ содержаніемъ противу другихъ. Въ третьихъ, Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ, чтобы отнынѣ впредь на всегда выпускаемы отъ Высочайшаго Двора лейбъ-пажи гвардіи поручиками и флигель-адъютантами, камеръ-пажи гвардіи прапорщиками и корнетами, а пажи арміи прапорщиками и корнетами; о чемъ къ свѣдѣнію и должному по онымъ Высочайшимъ повелѣніямъ исполненію симъ Вашему Превосходительству и рекомендую“ [39]).

И такъ всетаки Пажескій корпусъ переходилъ изъ XVIII стол. въ XIX полу-военнымъ, полу-гражданскимъ учебнымъ заведеніемъ, но не окончательно военнымъ. Онъ какъ будто остановился въ нерѣшительности спрашивая себя вѣрно-ли онъ понялъ призывъ жизни, которая между тѣмъ ясно ему говорила: тебѣ надо сдѣлаться военнымъ учебнымъ заведеніемъ.

1802–1902

ПАЖЕСКІЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
КОРПУСЪ
ВЪ XIX и НАЧАЛѢ XX СТОЛѢТІЯ

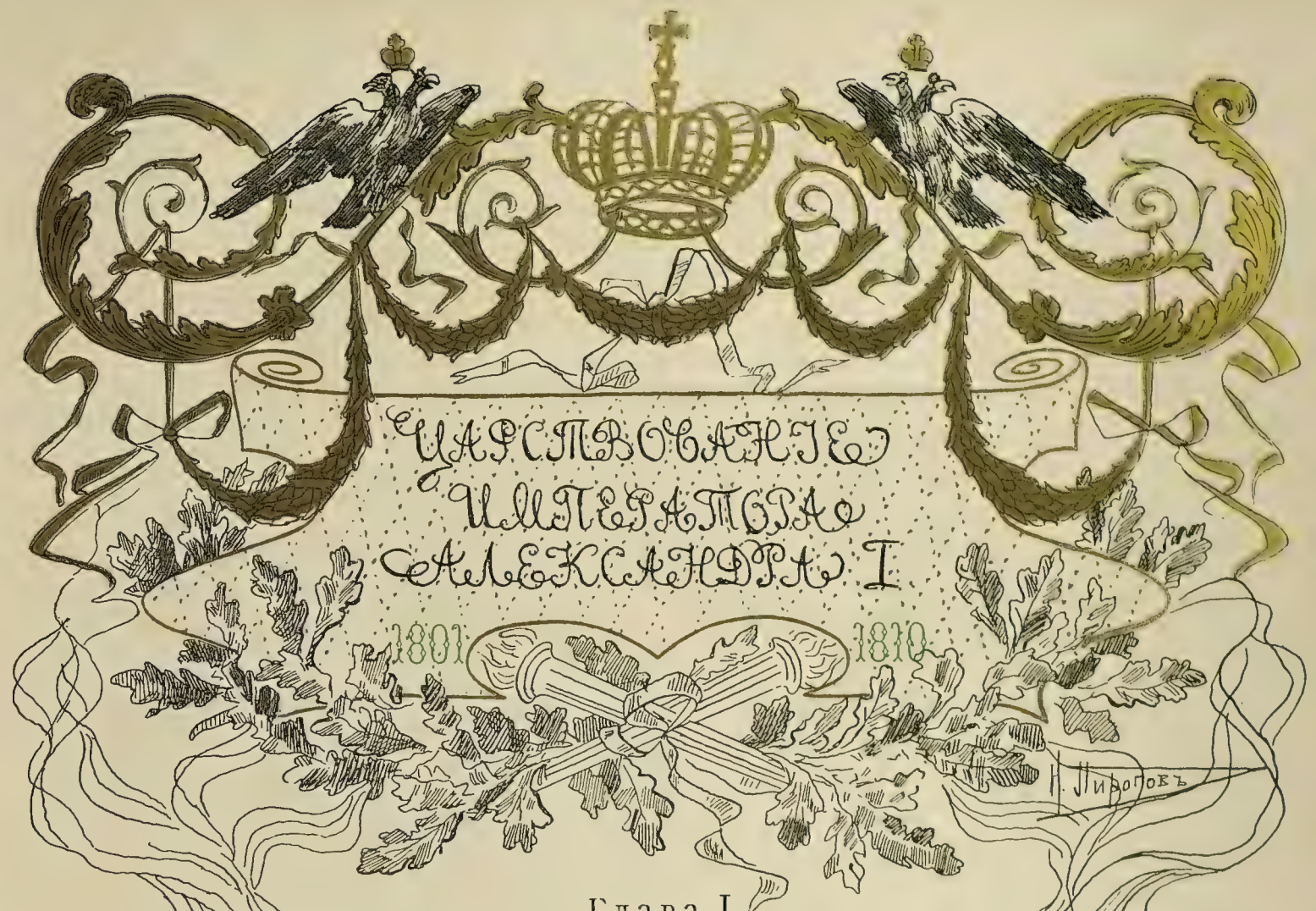
Н. Самокишъ

Александръ

„Тип. ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ“.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

1801 — 1810



Глава I.

Коронація.
Просвѣтительныя стремленія.
Общее и военное образованіе.
Домашнее образованіе и воспитаніе.
Положеніе педагоговъ.
Генералъ Клингеръ.
„Учрежденіе Пажескаго Корпуса“.
Первые годы послѣ реформы.

„11 Марта 1801 г. появился манифестъ о вступленіи на престолъ Императора Александра I. Всѣ спѣшили другъ къ другу съ поздравленіемъ, обнимались, цѣловались, какъ въ Христовъ день, и распивали шампанское“ [1]). „Развѣ сегодня Пасха?“ спросилъ 8-лѣтній мальчикъ у своей матери, подходя въ этотъ день къ окну.—Нѣтъ, что ты? — „Да что-же вонъ солдаты на улицѣ христосуются“ [2]). Неизвѣстно, что отвѣтила мать

своему сыну, но этотъ фактъ такъ врѣзался ему въ память, что уже впослѣдствіи старцемъ онъ его вспоминалъ.

Такъ привѣтствовали императора Александра I, на котораго полагали много надеждъ; слава о его добротѣ, кротости, привѣтливости уже давно распространилась среди народа, и теперь, когда онъ воцарился, всѣ были увѣрены, что для Россіи начнется, если и не золотой вѣкъ, то во всякомъ случаѣ близко къ нему подходящій. Таково было настроеніе въ Петербургѣ въ первые дни по восшествіи на престолъ молодого Государя; таково же оно было и тогда, когда 5 мѣсяцевъ спустя онъ пріѣхалъ въ Бѣлокаменную короноваться. Еще за нѣсколько дней до его прибытія народъ, а съ нимъ и нѣкоторыя лица изъ образованной молодежи бѣгали къ заставѣ посмотрѣть: „не восходитъ ли красное солнышко“ [3]).

5-го Сентября 1801 года оно взошло для Москвы. Царь прибылъ въ Петровскій дворецъ. „Вставай, вставай, сударь“, говорилъ въ 3 часа утра старый дядька одному изъ юнцовъ, неоднократно слетавшихъ въ предыдущіе дни къ заставѣ. „Есть вѣрныя вѣсти, что Императоръ въ Петровскомъ дворцѣ“. „Не прошло и четверти часа, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, такъ неожиданно и рано оторванный отъ сладкаго сна, юнецъ: какъ я уже былъ готовъ и на своемъ гнѣдомъ клеперѣ скоро галопировалъ за заставою.

Несчетное множество народа тѣснилось къ дворцу; необыкновенное оживленіе наполняло всю дорогу; въ иныхъ мѣстахъ толпы народа мѣшали самымъ экипажамъ придворныхъ, въ другихъ доставалось и пѣшеходцамъ отъ нашей братіи, конныхъ.

Было почти 5 часовъ утра, когда я достигъ пункта моего назначенія и очень сильно почувствовалъ всю невыгоду моей кавалерійской прогулки: мнѣ нельзя было втѣсниться ближе ко дворцу, ближе къ вожделѣнному отцу народа, мнѣ нельзя было свободно, наряду со всѣми участвовать въ общихъ восторгахъ вѣрноподданническихъ; и потому я, повѣривъ моего коня служителю въ гостиницѣ, втолпился въ народъ пѣшкомъ, лишился одного платка, потерялъ нѣсколько пуговицъ съ сюртука и, наконецъ, достигнувъ цѣли, остановился на ряду со многими противъ окошка, въ которое, по догадкамъ моего ближайшаго сосѣда, купца, долженъ былъ явиться Александръ.

Волнуясь въ народномъ морѣ и разговаривая, хоть и слишкомъ лаконически, съ разными ожидающими, я прогулялъ минуту перваго явленія, всѣми ожидаемаго.... Вдругъ раздалось громкое ура! ура! и

Фото-литогр. „Т-ва Худож. Печ.“.

меня потрясло съ головы до ногъ! Я не зналъ, на землѣ ли я, мои глаза сами собою приковывались къ общей радости, и я въ первый разъ увидѣлъ Императора, подъ Москвой, столицею знаменитою въ мірѣ своемъ усердіемъ къ монархамъ.

Александръ былъ въ полномъ мундирѣ и веселъ, какъ свѣтлый день майскій. Никто не окружалъ его! Другіе, однако-жъ, замѣтили Цесаревича и генераловъ поодаль. Онъ кланялся на всѣ стороны и ура не прерывалось.

Нѣкоторые изъ стоящихъ подлѣ меня видѣли также мелькомъ Императрицу и Великихъ Князей. Я стоялъ до тѣхъ поръ, пока онъ не оставилъ окошка, пока старый нашъ фельдмаршалъ Салтыковъ не выѣхалъ изъ дворца и пока слухъ, вѣроятно, для спокойствія Императора же распущенный въ народѣ, что Государь не будетъ болѣе у окна, не заставилъ меня итти прочь вмѣстѣ съ другими.

Нашелъ своего коня, прискакалъ домой, пишу къ тебѣ и ничего, кромѣ восторговъ, не имѣю въ душѣ моей. Несчастный ты человѣкъ! Ты не видѣлъ Александра Императора первый разъ подъ Москвою! Vale“ [4]).

Когда на другой день Государь поѣхалъ одинъ прогуляться верхомъ по Тверской, народъ, узнавъ его, кинулся къ нему и окружилъ. „Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно, пишетъ современникъ: какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ младенца своего. Ни крика, ни шума; но сквозь легкій шопотъ услышалъ онъ вокругъ себя и „батюшка“, и „родимый“, и „красное солнышко“ и все, что въ простонародномъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго. Царскій конь, сбруя и одежда, все въ народѣ освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностью. Передъ владыками Востока народъ въ страхѣ падаетъ ницъ, на Западѣ смотрѣли нѣкогда на королей въ почтительномъ молчаніи, на одной только Руси цари бываютъ иногда такъ смѣло и явно обожаемы“ [5]).

На 8-ое былъ назначенъ торжественный въѣздъ Государя въ Москву, въ которомъ, какъ и всегда, должны были участвовать камеръ-пажи и пажи. Еще 23 Августа прибыло первое отдѣленіе, а 26-го присоединилось и второе. Всѣхъ ихъ было перевезено 18 камеръ-пажей, 29 пажей. Кромѣ этихъ, прибывшихъ изъ Петербурга, ожидались 2 камеръ-пажа и 19 пажей изъ отпуска. Гофмейстеръ и помощникъ его пріѣхали со своими питомцами [6]).

8-го Сентября состоялся торжественный въѣздъ. Погода стояла чудная и теплая. Населеніе столицы почти удвоилось, множество построекъ появилось въ Москвѣ, успѣли также притти и пріѣхать толпами люди возвращенные изъ Сибири. Среди общества и народа царствовалъ единодушный восторгъ [7]). „Будучи еще у Петровскаго дворца, мы услышали девять пушечныхъ выстрѣловъ, пишетъ очевидецъ: и съ тѣмъ же вмѣстѣ торжественный благовѣстъ церковный. Пушки, какъ мнѣ извѣстно, поставлены были противъ Чудова монастыря, и вотъ соединившійся съ ними необыкновенный гулъ большого соборнаго и прочихъ колоколовъ здѣсь у насъ вдали производилъ что-то невыразимое! Сначала не могли мы понять ни себя, ни всего насъ окружающаго: въ одно и то-же время, кажется, всѣ были нѣмы и всѣ что-то необычайное очень сильно чувствовали. Такова эта мудреная музыка, возвѣстительница радушной готовности подданныхъ встрѣтить царя-отца.

Въ сію же самую минуту всѣ войска строились по мѣстамъ назначеннымъ, а чиновники, опредѣленные къ церемоніальному кортежу, одинъ за другимъ и въ густыхъ толпахъ собирались въ Петровскій дворецъ.

Шествіе началось одною половиною конной гвардіи съ ея штандартомъ; за симъ послѣдовали кареты всѣхъ пяти классовъ особъ цугами, расположенныя старшинствомъ выѣзда, по чинамъ своихъ владѣльцевъ, но порожнія. Передъ каждымъ изъ сихъ экипажей ѣхали ихъ шталмейстеры, лакеи шли пѣшкомъ. Весьма богатые цуги графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, княгини и князя Дашковыхъ, А. Ѳ. Сабурова, г.г. Савеловыхъ, Всеволожскаго и другихъ многихъ.

Знатное Россійское дворянство ѣхало верхами по два въ рядъ, въ губернскихъ мундирахъ, предпочтительно въ московскихъ, кажется, для того, чтобы менѣе было въ семъ случаѣ пестроты. За дворянствомъ послѣдовали гг. сенаторы въ своихъ каретахъ.

Пятая перемѣна: штабъ-квартирмейстеръ верхомъ; за нимъ шестьдесятъ придворныхъ лакеевъ, шесть камеръ-лакеевъ и шесть скороходовъ, всѣ по два въ рядъ и въ самыхъ богатыхъ ливреяхъ. Товарищи мои, зрители, остановили свой внимательный взоръ на скороходахъ и называли ихъ красавцами. За симъ послѣдовали придворныя кареты цугами; въ нихъ сидѣло по два чиновника, къ свитѣ Императора принадлежащіе, но въ церемоніи мѣстъ не имѣвшіе.

Въ группѣ гг. Инспекторовъ Пажескаго Е. И. В. корпуса вмѣсто А. И. Завадовскій, слѣдуетъ читать *А. И. Завадскій*.

8-го Сентября состоялся торжественный въѣздъ. Погода стояла чудная и теплая. Населеніе столицы почти удвоилось, множество построекъ появилось въ Москвѣ, успѣли также притти и пріѣхать толпами люди возвращенные изъ Сибири. Среди общества и народа царствовалъ единодушный восторгъ [7]). „Будучи еще у Петровскаго дворца, мы услышали девять пушечныхъ выстрѣловъ, пишетъ очевидецъ: и съ тѣмъ же вмѣстѣ торжественный благовѣстъ церковный. Пушки, какъ мнѣ извѣстно, поставлены были противъ Чудова монастыря, и вотъ соединившійся съ ними необыкновенный гулъ большого соборнаго и прочихъ колоколовъ здѣсь у насъ вдали производилъ что-то невыразимое! Сначала не могли мы понять ни себя, ни всего насъ окружающаго: въ одно и то-же время, кажется, всѣ были нѣмы и всѣ что-то необычайное очень сильно чувствовали. Такова эта

ихъ шталмейстеры, лакеи шли пѣшкомъ. Весьма богатые цуги графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, княгини и князя Дашковыхъ, А. Ѳ. Сабурова, г.г. Савеловыхъ, Всеволожскаго и другихъ многихъ.

Знатное Россійское дворянство ѣхало верхами по два въ рядъ, въ губернскихъ мундирахъ, предпочтительно въ московскихъ, кажется, для того, чтобы менѣе было въ семъ случаѣ пестроты. За дворянствомъ послѣдовали гг. сенаторы въ своихъ каретахъ.

Пятая перемѣна: штабъ-квартирмейстеръ верхомъ; за нимъ шестьдесятъ придворныхъ лакеевъ, шесть камеръ-лакеевъ и шесть скороходовъ, всѣ по два въ рядъ и въ самыхъ богатыхъ ливреяхъ. Товарищи мои, зрители, остановили свой внимательный взоръ на скороходахъ и называли ихъ красавцами. За симъ послѣдовали придворныя кареты цугами; въ нихъ сидѣло по два чиновника, къ свитѣ Императора принадлежащіе, но въ церемоніи мѣстъ не имѣвшіе.

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“.

Открытая дворцовая коляска цугомъ, въ ней два церемоніймейстера (Ланской и Мезонневъ) съ ихъ знаками. Оберъ-церемоніймейстеръ (графъ Головкинъ), камергеры верхами. Вышніе придворные чины въ каретахъ. Члены Государственнаго Совѣта. Два гофмаршала (Демидовъ и Строгановъ) въ открытой колескѣ съ ихъ жезлами. Оберъ-Гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ съ жезломъ и, наконецъ, другое отдѣленіе кавалергардовъ.

„Вотъ и Государь! Ура!“ вскричало вдругъ тысячи голосовъ. „Вотъ и Государь“, говорилъ я самъ себѣ безпрестанно, и не умѣю тебѣ выразить, что со мною сдѣлалось: вся моя душа ощутила нѣчто небесное, а отъ необыкновеннаго восторга волосы поднялись на головѣ моей!

Весьма тихо, на прекрасной лошади съ ангельскимъ лицомъ ѣхалъ нашъ Императоръ; подлѣ него сподвижникъ Суворова, царевичъ Константинъ Павловичъ; за ними оберъ-шталмейстеры и безчисленная свита. Государь кланялся на всѣ стороны; волны народа покланялись ему; все это было сопровождаемо торжественною тишиною. Мы, зрители, всѣ вмѣстѣ, кажется, съ каждымъ излишнимъ движеніемъ своимъ боялись потерять и одну драгоцѣнную минутку.

Императрица-мать изволила ѣхать въ богатой каретѣ подъ короною. Восемь лошадей были заложены въ карету. Каждую изъ нихъ держалъ конюшенный служитель. Подлѣ кареты былъ шталмейстеръ. На ремняхъ сидѣли четыре пажа, по сторонамъ шли восемь гайдуковъ, а тотчасъ-же за каретою слѣдовали шесть камеръ-пажей верхами.

Вторая торжественная карета Императрицы Елизаветы Алексѣевны. При ней сохраненъ описанный церемоніалъ безъ малѣйшаго отличія отъ первой. „Вотъ наша благодѣтельница!“ сказалъ нѣкто изъ стоявшихъ подлѣ меня. „Благодѣтельница, благодѣтельница! Добрая Государыня!“ повторяли другіе, и благодѣтельница была весела, какъ радость небесная! Эта радость сіяла на лицѣ ея! Признаюсь тебѣ въ моемъ неучтивствѣ: чтобы видѣть всю царскую фамилію, я никому не успѣваю кланяться, и одно мгновенье, употребляемое теперь на поклонъ, для меня чрезвычайно дорого.

Въ послѣдующихъ экипажахъ ѣхали великія княгини, великіе князья и великія княжны. Ихъ кареты заложены были цугами; у каретъ ихъ двора шталмейстеры, на ремняхъ по два пажа, за каретами по два камеръ-пажа верхами и по четыре гайдука у каждой.

„Благословенная фамилія нашихъ государей! думалъ я, — вездѣ

вижу и духъ, и черты Великой Екатерины!“ Ихъ поклоны, ихъ снисходительная привѣтливость къ своему народу, и въ самой юности ихъ, принадлежитъ только русскимъ государямъ. Дѣти нашихъ царей тоже поселяютъ въ мою душу что-то необыкновенное. Смотрю на нихъ и восторгъ мой все непрерывенъ: хочу говорить много, много радостнаго, и могу только твердить: „какія небесныя лица“.

За царскими каретами послѣдовала команда кавалергардовъ [8]). За командою кавалергардовъ слѣдовали придворные экипажи, въ нихъ сидѣли оберъ-гофмейстерина, гофмейстерины, штатсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины.

За симъ слѣдовала другая половина конной гвардіи, двѣнадцать почтальоновъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ верхами, дорожные экипажи Его Императорскаго Величества и всей Императорской фамиліи. Заключеніе сей торжественной церемоніи: шесть почтальоновъ верхами“ [9]).

Такъ описалъ юный свидѣтель торжественный въѣздъ Государя въ первопрестольную.—Чувство, волновавшее его, волновало всѣхъ.

Среди общества и народа царствовалъ единодушный восторгъ и предметомъ его былъ Александръ. „Какъ онъ чудесенъ! пишетъ очевидецъ: въ сорокъ лѣтъ знали мы его еще молодцомъ и красавцемъ—что же былъ онъ въ двадцать три?“ [10])

Если всѣ зрители были такъ высоко настроены, то легко себѣ представить, какою гордостью были преисполнены карапузы пажи, сидѣвшіе на ремняхъ, и молодые люди камеръ-пажи и пажи, ѣхавшіе верхами за каретой. Вѣдь они были участниками этой торжественной и пышной церемоніи, на которую другіе только смотрѣли.

Черезъ восемь дней, 15 сентября, пажи участвовали уже въ другой: шествіи на коронацію, „которое началось, когда ихъ Величества прибыли въ аудіенцъ-камеру и изволили сѣсть подъ балдахиномъ въ креслѣ и когда ударилъ залпъ пушекъ, заиграли литавры и трубы. Открывалъ это шествіе взводъ кавалергардовъ подъ предводительствомъ одного офицера, а вслѣдъ за нимъ шли 26 пажей и камеръ-пажей съ ихъ гофмейстеромъ“. Пройдя сквозь церковь, они ожидали окончанія службы въ Крестовой Синодальной Палатѣ. По окончаніи ея, когда шествіе въ томъ же порядкѣ направилось въ Архангельскій Благовѣщенскій соборъ, а затѣмъ ко Красному Крыльцу и обратно во внутренніе покои, пажи шли на своемъ прежнемъ мѣстѣ за кавалергардами. Они вышли изъ собора еще въ то время, когда

Фото-литогр. „Т-ва Худож. Печ.".

повисшія надъ Москвой съ утра тучи ходили по небу и, казалось, хотѣли помѣшать солнцу своимъ сіяніемъ увеличить блескъ церемоніи, но когда на порогѣ собора показалась царственная чета, порывомъ вѣтра согнало послѣднія тучи, покрывавшія солнце, и торжественное шествіе предстало во всемъ блескѣ. Среди зрителей раздались восклицанія: „какъ онъ хорошъ, какой онъ ангелъ.“

„Въ лицѣ Государя было болѣе застѣнчивости, робости, чѣмъ смѣлости: онъ какъ бы чувствовалъ всю важность, всю тягость царской власти, которую принялъ. Не съ самонадѣянностью и гордымъ величіемъ шелъ онъ; не страхъ внушали его взгляды, кроткіе, привѣтливые, а безпредѣльную любовь, сочувствіе и готовность къ самопожертвованію. Каждый мысленно ободрялъ его: „Смѣлѣй! Смѣлѣй! Вѣрь, что господство дикой власти менѣе надежно, чѣмъ господство разума, что проявленіе благотворнаго добра въ нравственной жизни народа такъ же необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты въ царствѣ растительномъ. Смѣлѣе, смѣлѣе — Богъ милостивъ, мы за тобой!“ Митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ велъ помазанника; раздѣляя съ народомъ восторгъ и слезы умиленія, онъ сказалъ, указывая на вѣнценосца: „Посмотрите, православные, какимъ Богъ наградилъ насъ царемъ—прекрасенъ и лицомъ, и душою“ [12]).

Обойдя соборы, царственная чета возвратилась во внутренніе покои и, когда оберъ-гофмаршалъ возвѣстилъ, что все готово къ столу, отправилась въ Грановитую Палату на обѣдъ, по окончаніи котораго возвратилась вновь во внутренніе покои. Этимъ закончился день 15 Сентября, памятный не только для Москвы, свидѣтельницы Коронованія Царя, но и для Россіи, узнавшей изъ манифеста, обнародованнаго этого числа, о рядѣ милостей, дарованныхъ ей Государемъ [13]), а изъ указа, появившагося одновременно съ манифестомъ, объ учрежденіи комиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ, членами которой были утверждены въ числѣ 5 сенаторовъ, избранныхъ самимъ Сенатомъ, два бывшихъ пажа [14]): уже извѣстный намъ дѣятель по народному просвѣщенію временъ Екатерины, Осипъ Петровичъ Козодавлевъ [15]), составитель пространнаго плана Россійскихъ университетовъ, не забытый и покойнымъ Павломъ Петровичемъ, поручившимъ ему устроить юнкерскую школу при Сенатѣ, директоромъ которой онъ его назначилъ, и возведшимъ его въ Сенаторы,—и Николай Николаевичъ Новосильцовъ [16]), родившійся въ годъ назначенія Козодавлева пажемъ, вышедшій изъ корпуса въ 83 году, про-

ведшій все царствованіе Екатерины въ походахъ и сраженіяхъ и въ исполненіи небольшихъ дипломатическихъ порученій, а царствованіе Павла—заграницей, гдѣ онъ слушалъ лекціи физико-математическихъ и медицинскихъ наукъ. Это былъ тотъ самый Новосильцовъ, про котораго еше въ 1797 г. Александръ, рекомендуя его Лагарпу, какъ одного изъ просвѣщенныхъ людей, съ которыми онъ дѣлится своими завѣтными мыслями, писалъ: „Всего - на - всего насъ только четверо, а именно: Новосильцовъ, графъ Строгановъ, молодой Чарторыжскій, мой адъютантъ, выдающійся молодой человѣкъ, и я“ [17]). Вступивъ на престолъ, онъ вызвалъ его изъ чужихъ краевъ и назначилъ членомъ негласнаго комитета. Comitè du Salut publique, такъ называлъ Императоръ въ шутку, этотъ прообразъ Государственнаго Совѣта, обсуждавшій нужныя преобразованія и состоявшій, кромѣ Новосильцова, изъ князя Кочубея и только-что названныхъ графа Строганова и князя Адама Чарторыжскаго [18]), и въ сущности рѣшавшій, по крайней мѣрѣ, въ первое время царствованія Императора Александра, всѣ дѣла.

Графъ Н. Н. Новосильцовъ.
Предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

Не пришлось этой комиссіи, согласно первому пункту даннаго черезъ 7 дней послѣ ея учрежденія наставленія, освободить обезсмертившаго свое имя пажа Александра Николаевича Радищева [19]). О немъ вспомнили раньше, и еще 15 Марта освободили изъ-подъ надзора уничтоженной въ день коронаціи тайной экспедиціи [20]), даровали право пріѣзда въ столицу, возвратили чинъ коллежскаго со-

вѣтника, Владимірскій крестъ 4 степени и, кромѣ того, разрѣшили снова опредѣлиться на службу. Онъ поступилъ въ комиссію составленія законовъ, подъ начальство графа Завадовскаго. „Дѣйствія новаго правительства возбудили въ немъ ложныя надежды, мысль объ освобожденіи крестьянъ снова овладѣла его помыслами и, въ разговорахъ съ графомъ Завадовскимъ, онъ, не стѣсняясь, обнаружилъ свой свободный образъ сужденій. Графъ замѣтилъ ему однажды, что этотъ слишкомъ восторженный образъ мыслей уже разъ навлекъ на него несчастье. Разсказываютъ, что Завадовскій обратился къ нему съ дружескимъ упрекомъ: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, что-то ты пустословишь по-прежнему! Или мало тебѣ Сибири?“ Пораженный этими словами опытнаго государственнаго дѣльца, Радищевъ сдѣлался задумчивъ, сталъ тревожиться, говорилъ, что до него добираются. За мѣсяцъ до дня преобразованія родного заведенія, утромъ 11 Сентября 1802, онъ схватилъ большой стаканъ царской водки и выпилъ его разомъ. Къ вечеру онъ скончался [21]). „Такъ прекратилась жизнь того пажа, историческая заслуга котораго заключается въ отрицаніи крѣпостного права тогда, когда объ этомъ и думать было страшно и когда такъ искренно и живо никто не сочувствовалъ положенію народа [22]). Черезъ годъ послѣ его кончины родился другой пажъ, горячо приведшій въ исполненіе то, о чемъ горячо мечталъ несчастный Радищевъ: 28 Декабря 1803 года появился на свѣтъ Божій знаменитый Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ [23]).

Но возвратимся къ коронаціоннымъ торжествамъ. Балы, гулянія въ Сокольникахъ, маскарады, театральныя представленія и концерты смѣняли другъ друга и уносили все населеніе Москвы въ вихри веселья [24]). Отъ него оно очнулось лишь тогда, когда дворъ покинулъ ее. Со дворомъ уѣхали и пажи, принимавшіе во всѣхъ этихъ празднествахъ несомнѣнное участіе, но сказать точно—какое, мы къ сожалѣнію, не можемъ, такъ какъ никакихъ журналовъ, дневниковъ и записокъ, по которымъ можно было бы судить объ ихъ роли, не осталось; мы можемъ только догадываться, что дежурства во дворцѣ, служба во время стола, участіе въ нѣкоторыхъ аудіенціяхъ, присутствіе на балахъ и въ театрѣ, составлявшія въ предшествовавшія царствованія сущность ихъ обязанности въ обыкновенное время, продолжали составлять ихъ и теперь.

Но, такъ или иначе, раздѣленные на 4 отдѣленія пажи покинули гостепріимную Москву. Первое изъ этихъ отдѣленій, находившееся

подъ командой штабсъ-капитана Клингенберга состояло изъ одного камеръ-пажа и 11 пажей; второе, имѣвшее старшимъ камеръ-пажа, заключало въ себѣ 6 камеръ-пажей, 5 пажей; третье, также съ камеръ-пажемъ во главѣ, состояло изъ 4 камеръ-пажей и 7 пажей; четвертое, съ которымъ ѣхалъ самъ гофмейстеръ полковникъ Шикъ съ кухней, состояло изъ 12 пажей [25]).

3 Ноября всѣ были на мѣстѣ [26]), и жизнь понемногу стала входить въ свою колею. Но недолго шла она по проторенной дорожкѣ, скоро, менѣе, чѣмъ черезъ годъ, пришлось съ нея свернуть и пойти по другому пути.

Уже въ прошлое царствованіе преобразованіе Пажескаго корпуса носилось въ воздухѣ. Мы знаемъ, что въ 1797 году появился указъ Императора Павла, по которому впервые былъ назначенъ директоръ корпуса артиллеріи генералъ-маіоръ Шапошниковъ; кромѣ того, за мѣсяцъ до кончины Государя, инспекторъ классовъ Клостерманъ подалъ оберъ-камергеру графу Шереметеву, докладывавшему Его Величеству о дѣлахъ корпуса, записку, заключавшую въ себѣ какъ бы программу желательныхъ реформъ по учебной части [27]). Но назначеніе директора мало въ чемъ измѣнило прежній порядокъ вещей, а записка не вызвала никакихъ улучшеній.

Клостерманъ подалъ прошеніе объ отставкѣ 18 Іюня 1801 года, за четыре дня до перваго собранія негласнаго комитета, цѣлью котораго была систематическая работа надъ реформою безобразнаго зданія администраціи имперіи (reforme de l'édifice informe du gouvernement de l'empire) [28]), въ которомъ бывшій пажъ Новосильцовъ игралъ роль самаго разсудительнаго [29]).

31 Іюля 1801 года, указомъ по Кабинету Клостерманъ уволенъ отъ службы и ему назначена пенсія, не половинная, какъ онъ просилъ, т. е. въ размѣрѣ 700 рублей, а всего въ 500 рублей.

Въ Пажескомъ корпусѣ онъ прослужилъ 30 лѣтъ. Такъ, этому предвѣстнику преобразованія Пажескаго корпуса не пришлось участвовать въ самомъ преобразованіи. Оно прошло безъ него, при участіи болѣе молодыхъ силъ.

Если юному Императору и его сотрудникамъ по негласному комитету Россія представлялась больнымъ организмомъ, нуждавшимся въ леченіи, и, если цѣлью своей работы они ставили „реформу безобразнаго зданія“, то, конечно, они не могли не обратить вниманія на вопросы воспитанія и образованія вообще и военнаго образованія и воспитанія въ частности.

Мы уже изъ предшествующаго знаемъ, что, во второй половинѣ XVIII столѣтія, двѣ системы народнаго просвѣщенія смѣнили одна другую. Первая изъ нихъ направлена была, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы создать новую породу людей, т. е. главною своею задачею полагала народное воспитаніе; вторая, явившаяся слѣдствіемъ разочарованія въ первой, все свое вниманіе устремила на обученіе. На военно-учебныхъ заведеніяхъ, исполнявшихъ роль общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, отразились увлеченія и разочарованіе Екатерины.

Бецкій и Янковичъ-де-Міріево явились представителями двухъ различныхъ взглядовъ Великой Императрицы. Если мы при этомъ вспомнимъ, что русское дворянство, стоявшее у кормила правленія, по традиціи и по инерціи продолжало смотрѣть на военную службу, какъ на свою исконную обязанность и что потому оно особенно симпатизировало военно-учебнымъ заведеніямъ, то намъ станетъ ясно, что когда въ негласномъ комитетѣ зашла рѣчь о вопросахъ просвѣщенія, то въ связи съ ними неминуемо должна была зайти рѣчь и о военномъ образованіи; и она зашла и, такъ сказать, отголоскомъ ея явился „планъ воспитанія юношества“, составленный уже извѣстнымъ намъ Новосильцовымъ.

Но прежде, чѣмъ говорить о военномъ образованіи, скажемъ нѣсколько словъ о просвѣтительныхъ попыткахъ временъ Императора Александра I вообще. Съ ними повторилась исторія увлеченій и разочарованій его знаменитой бабки. Въ началѣ, 23-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, Государь только и мечталъ о томъ, какъ лучше насадить всевозможныя знанія въ своемъ отечествѣ, какъ лучше познакомить общество съ послѣднимъ словомъ науки Запада. Ничто не щадилось для этой цѣли, ни средства, ни труды. „Рѣдко какой-нибудь правитель, пишетъ современникъ: оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ Императоръ Александръ. Замѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія Императора, нерѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли русскіе писатели не всегда могутъ расчитывать на приличный гонораръ за большія научныя сочиненія. Въ такихъ случаяхъ Императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи Императору, и, если только онѣ имѣютъ

какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ печатать ихъ на счетъ Кабинета и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ“ [31]).

Неудивительно послѣ этого, что переводы, знакомившіе русскаго читателя съ умственнымъ движеніемъ Европы, посыпались, какъ изъ рога изобилія. Вновь учрежденное въ 1802 году Министерство Народнаго Просвѣщенія не отставало отъ частной литературной дѣятельности, оно работало, что называется во-всю. Плодомъ этой работы явились предварительныя правила народнаго просвѣщенія, содержавшія выработанный въ министерствѣ планъ учрежденія и управленія высшими и низшими учебными заведеніями. Организованы шесть учебныхъ округовъ. Попечителемъ Петербургскаго былъ назначенъ все тотъ же Новосильцовъ, а въ городахъ были учреждены гимназіи и уѣздныя училища, въ Казани и Харьковѣ основаны университеты. Обнародованъ новый регламентъ для академіи наукъ, предсѣдателемъ которой былъ опять-таки назначенъ попечитель Петербургскаго учебнаго округа И. Н. Новосильцовъ. Въ Петербургѣ учрежденъ Педагогическій институтъ, для образованія знающихъ свое дѣло педагоговъ, и сдѣлано многое другое [32]), что указывало на желаніе монарха пролить свѣтъ знанія на необъятную Россію. Но кромѣ этого желанія пролить свѣтъ, т. е. итти въ ширь, въ смыслѣ распространенія знаній, было и другое—объединить до тѣхъ поръ разрозненную дѣятельность разныхъ школъ. Это желаніе выразилось, въ объявленіи, „что народное просвѣщеніе въ Россійской Имперіи составляетъ особую государственную часть, ввѣренную министру“ [33]), въ учрежденіи Главнаго управленія училищъ и въ той послѣдовательности, съ которой былъ расчитанъ курсъ въ приходскомъ, въ уѣздномъ училищахъ и въ гимназіяхъ.

Въ общемъ, зданіе народнаго образованія было задумано хорошо и обѣщало сдѣлаться красивою, законченною постройкою: министръ; при министрѣ училищный совѣтъ, членами котораго являлись попечители округовъ, представители интересовъ ихъ въ Петербургѣ; во главѣ округа университетъ, вѣдавшій всѣ учебныя заведенія въ немъ находящіяся; въ каждомъ губернскомъ городѣ гимназія, директоръ которой вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ во главѣ уѣздныхъ училищъ губерніи; въ каждомъ уѣздномъ городѣ уѣздное училище подъ управленіемъ смотрителя, начальника приходскихъ училищъ уѣзда, находившихся подъ наблюденіемъ помѣщиковъ, священниковъ и почтеннѣйшихъ жителей, вотъ главныя части этого зданія [34]). Ре-де-шоссе (rez-de-chaussée)

въ немъ занимали приходскія школы съ одно-годичнымъ курсомъ; бель-этажъ—уѣздныя училища съ двухъ-годичнымъ, третій этажъ—гимназіи съ четырехъ-годичнымъ. Чтобы добраться до четвертаго—университета—надо было послѣдовательно пожить во всѣхъ трехъ этажахъ.

Постройку стали воздвигать постепенно, но, по винѣ ли мастеровъ или, можетъ быть, архитекторовъ, руководившихъ постройкой, работа, вначалѣ заспорившаяся, скоро замедлилась, а когда все-таки успѣли кое-что сдѣлать, пришлось измѣнить первоначальный планъ, вслѣдствіе чего въ конечномъ результатѣ получилось ни то, ни се.

Пораженный пожаромъ Москвы, удрученный войнами съ Наполеономъ, разочарованный въ жизни, усумнившійся въ могуществѣ человѣческаго разума, утративший завидную способность жить иллюзіями,—Императоръ Александръ, во вторую половину своего царствованія, уже не былъ энтузіастомъ первыхъ лѣтъ. Грусть и печаль не сходили съ его лица, онъ былъ озабоченъ одною высокою мыслью: примирить вѣру и разумъ и само просвѣщеніе основать на истинахъ евангельскихъ. Съ этою цѣлью онъ соединилъ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій, а также дѣлами Святѣйшаго Синода, и во главѣ этого учрежденія поставилъ бывшаго пажа князя Александра Николаевича Голицына [35]), послѣ бурно проведенной молодости, сразу остепенившагося, понявшаго суетность этого міра и искренно желавшаго, чтобы и другіе испытали радости чистой вѣры, которую обрѣлъ онъ. Съ этихъ поръ воспитаніе въ духѣ христіанской церкви, вотъ, что стало любимою мечтою какъ Императора, такъ и Голицына. Но во что искренно вѣрили и Государь и его министръ, то обратили въ доходную статью, въ смыслѣ карьеры, многіе ихъ сотрудники и, вмѣсто христіанскаго воспитанія, получились правовѣрные подвиги Магницкаго и его подражателя Рунича.

Князь А. Н. Голицынъ.
Министръ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

Такимъ образомъ, если Екатерина, разочаровавшись въ возможности создать новую породу людей, ограничилась болѣе скромною задачею—просвѣтить ту, которая существуетъ, то Александръ, усумнившись въ необходимости начинять своихъ подданныхъ знаніями, взялъ на себя еще болѣе скромную задачу—воспитывать ихъ такъ, какъ учитъ церковь. Другими словами, начавъ съ воспитанія, бабка кончила образованіемъ, внукъ же, начавъ съ образованія, перешелъ къ воспитанію.

Обращаясь теперь къ военному образованію, мы прежде всего встрѣчаемся здѣсь съ полною неопредѣленностью плановъ и идеаловъ, en petit съ тѣмъ, что современникъ замѣтилъ en grand относительно всѣхъ реформъ и выразилъ это такъ: M. de Kotchoubé fut frappé du peu d'ordre qui regnait encore dans touts les projets de l'Empereur. Il ne s'était fait aucun plan, il frappait pour ainsi dire à toutes les portes n'étant trop sûr de son fait [36]). Выпутаться изъ такого положенія помогъ проэктъ Зубова, явившійся отголоскомъ дворянскихъ традицій XVIII вѣка, согласно которымъ оно смотрѣло на военную службу, какъ на свое главное дѣло. Сущность его заключалась въ томъ, что предполагалось во всѣхъ губернскихъ городахъ открыть такъ называемыя военныя училища, родъ подготовительныхъ школъ, въ которыхъ бы дѣти дворянъ получали свѣдѣнія, нужныя для безпрепятственнаго поступленія въ корпусъ. Проэктъ, повидимому, понравился Государю, такъ какъ уже 15 Августа одинъ изъ генераловъ получилъ, при рескриптѣ, наставленіе и приказаніе осмотрѣть тѣ мѣста, гдѣ по проэкту Зубова предполагалось учредить эти училища [37]).

Изъ наставленій остановимся на первомъ, гласящемъ, между прочимъ, „что военныхъ училищъ на всемъ пространствѣ Имперіи полагается семнадцать, изъ нихъ восемь большихъ". „Большія училища отъ малыхъ будутъ различествовать не предметами ученія, но числомъ учениковъ: въ первыхъ полагается по двѣ роты по 120 ч. въ каждой [38]), во вторыхъ по одной",—и на второмъ, гдѣ сказано: „предметомъ сихъ училищъ будетъ приготовлять молодыхъ дворянъ предварительными науками, доставлять ежегодно съ каждой роты по 16 человѣкъ въ здѣшніе кадетскіе корпуса и по 8 человѣкъ въ университетъ для окончательнаго образованія первыхъ въ военной, а послѣднихъ въ гражданской службѣ" [39]). Изъ только-что приведенныхъ наставленій видно, что, съ одной стороны, вновь предполагаемыя

училища должны были сдѣлаться общеобразовательными учебными заведеніями, а съ другой, что съ воспитательной точки зрѣнія они должны были преслѣдовать цѣли чисто военныя. Выходитъ, что, заботясь, главнымъ образомъ, о подготовкѣ своихъ питомцевъ къ военной службѣ, они, въ тоже время должны были готовить ихъ въ университетъ. Это станетъ вполнѣ яснымъ, если мы вспомнимъ, что въ теченіе всего XVIII вѣка и на корпуса смотрѣли, какъ на общеобразовательныя учебныя заведенія, въ которыхъ преподавалось все, что угодно, въ томъ числѣ и военныя науки, но съ военною воспитательною системою, выражавшеюся въ томъ, что экзерциціи занимали въ нихъ важное мѣсто, организація была сколкомъ съ организаціи строевыхъ частей и дисциплина прививалась иногда очень энергично и съ ранняго дѣтства. Слѣдовательно, новостью въ этомъ проэктѣ является широта замысла. Дерптъ, Вологда, Тобольскъ и Харьковъ, вотъ крайніе пункты пространства, предназначеннаго для основанія губернскихъ военныхъ училищъ [40]),—и затѣмъ отношеніе ихъ къ корпусамъ, обратное существующему нынѣ: корпусамъ проэкта предназначалась роль современныхъ училищъ, а училищамъ роль современныхъ корпусовъ.

Въ негласномъ комитетѣ Зубовскій проэктъ разсматривался въ 1803 году [41]), но еще въ 1802 году, когда возбуждался вопросъ о министерствахъ, возникла мысль о подчиненіи военно-учебныхъ заведеній министру народнаго просвѣщенія [42]), что, указывая на стремленіе объединить все, что касалось вопросовъ образованія и воспитанія вообще, указывало въ то же время и на то, что необходимость выдѣленія вопросовъ военнаго образованія въ отдѣльное вѣдомство сознавалось еще очень смутно, но все же настолько, что приведенная мысль была отвергнута. Наконецъ, въ 1803 году, при обсужденіи самаго проэкта Зубова въ негласномъ комитетѣ, высказали предположеніе, еще болѣе убѣдительно показавшее, что положительно не знали—какъ быть съ военнымъ образованіемъ и воспитаніемъ. А именно, высказали мнѣніе, что желательно было бы соединить военныя школы, для научнаго образованія ихъ воспитанниковъ, съ губернскими гимназіями и въ воспитательномъ отношеніи подчинить эти школы строгой военной дисциплинѣ, съ тѣмъ, чтобы большинство окончившихъ гимназическій курсъ производилось прямо въ офицеры арміи, а болѣе способныхъ переводить въ высшія военныя училища для подготовленія къ офицерской службѣ въ спеціальныхъ родахъ оружія [43]).

Такимъ образомъ, и тутъ традиціи XVIII вѣка давали себя знать. Чувствовали, что надо что-то такое сдѣлать другое, но, что именно, навѣрное, не знали, а потому совершенно незамѣтно возвращались къ уже испытанному. И въ самомъ дѣлѣ, гимназіи съ особой дисциплиной, если бы ихъ осуществили, были бы ни чѣмъ инымъ, какъ тѣми же корпусами XVIII вѣка, только составленными изъ двухъ заведеній и съ расширенною, сообразно требованіямъ времени, общеобразовательною программою. Что же касается до высшихъ военныхъ училищъ,—для подготовленія къ офицерской службѣ въ спеціальныхъ родахъ оружія, то эти новинки свидѣтельствуютъ о томъ, что еще и до войнъ съ Наполеономъ понимали, что ни Шляхетскій артиллерійскій корпусъ, уже къ этому времени превратившійся во 2 кадетскій корпусъ [44]), ни юнкерскія команды при артиллерійскихъ частяхъ, выпускавшія практически подготовленныхъ спеціалистовъ [45]), не отвѣчаютъ назрѣвшимъ требованіямъ спеціализаціи въ самомъ военномъ дѣлѣ.

Только-что нами разобранное предложеніе постигла та же участь, что и мысль о подчиненіи военно-учебныхъ заведеній министру народнаго просвѣщенія,—оно не было принято или, вѣрнѣе, было принято, но лишь въ соображеніе при обсужденіи проэкта Зубова въ особой комиссіи, состоявшей изъ двухъ членовъ главнаго правленія училищъ министерства народнаго просвѣщенія: бывшаго пажа Новосильцова и автора „Положенія о Пажескомъ корпусѣ“ генерала Клингера, а также и нѣкоторыхъ другихъ лицъ [46]). Въ 1805 году комиссія представила Государю докладъ о порядкѣ учрежденія военныхъ училищъ и къ нему присоединила „Планъ военнаго воспитанія“ [47]), принадлежавшій перу „génie à toute sauce“, какъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ звали Новосильцова [48]). Что же представлялъ изъ себя этотъ планъ воспитанія?—Видоизмѣненный и распространенный проэктъ Зубова, такъ понравившійся Государю. Основная его идея, сводившаяся къ тому, чтобы корпусамъ 1 и 2 Петербургскимъ предназначалась роль современныхъ военныхъ училищъ, а военнымъ губернскимъ училищамъ роль современныхъ корпусовъ, осталась нетронутой. „Военное образованіе молодыхъ людей должно было начинаться въ губернскихъ военныхъ училищахъ, а оканчиваться въ кадетскихъ корпусахъ 1 и 2 Петербургскомъ“, гласитъ 1-ая статья „Плана военнаго воспитанія“ [49]).

Поправки, предложенныя въ 1803 году въ негласномъ засѣданіи къ проэкту Зубова, тоже не были забыты и оказали свое вліяніе.

„Воспитаніе въ губернскихъ военныхъ училищахъ раздѣлялось, согласно статьѣ 6 и 7 того же плана, на часть учебную и военныхъ упражненій (строевую). Первыя должны были преподаваться два года въ училищѣ, учрежденномъ по примѣру уѣздныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а потомъ пять лѣтъ въ губернской гимназіи. Строевой-же части полагалось обучать воспитанниковъ въ военныхъ училищахъ штабъ и оберъ-офицерами, при нихъ находящимися. Начальству предоставлялось принять мѣры, чтобы разстояніе между гимназіями и военными училищами не было слишкомъ велико“ [50]). По статьѣ 9—„въ каждомъ военномъ училищѣ, изъ одной, либо двухъ ротъ состоящемъ, находиться одному штабъ-офицеру (директору) и нѣсколькимъ оберъ-офицерамъ, кои наблюдаютъ за благонравіемъ воспитанниковъ, пріучаютъ ихъ къ военной дисциплинѣ, а въ свободные часы и во время лѣтнихъ вакацій упражняются съ ними въ строевыхъ ученіяхъ“ [51]). По 10-ой статьѣ—„по окончаніи гимназическаго курса, предполагалось производить воспитанникамъ публичное испытаніе, по выдержаніи коего они поступали бы въ кадетскіе корпуса. Тѣ же, которые оказались бы неспособными къ военной службѣ, могли поступать въ университеты“ [52]).

Въ высшемъ военномъ учебномъ заведеніи, въ корпусѣ, курсъ ученія долженъ былъ продолжаться четыре года [53]). „Въ 1-ый годъ назначено преподавать: алгебру до уравненій 3-ей степени, геометрію и прямолинейную тригонометрію, полевую фортификацію, исторію россійскую и всеобщую, географію, рисованіе и ситуацію; языки русскій, нѣмецкій, французскій. Во второй годъ: продолженіе алгебры и приложеніе ея къ геометріи, коническія сѣченія, статистику, логику и общую энциклопедію, краснорѣчіе, рисованіе и языки“ [54]).

При переходѣ на третій курсъ предполагалось „раздѣлить воспитанниковъ на три отдѣленія: пѣхотное, кавалерійское и отдѣленіе для инженеровъ, артиллеристовъ и генеральнаго штаба. Всѣ три отдѣленія подъ руководствомъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ должны были особенно упражняться по тому роду службы, къ коему назначались. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ намѣревались преподавать: высшую математику, механику, примѣненіе правилъ фортификаціи къ мѣстности, поліоркетику, артиллерію, физическую и математическую географію. Права—естественное, народное и военное; мораль, изъясненіе записокъ славныхъ полководцевъ. Исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ, свѣдѣнія по

технологіи, нужныя артиллеристу и инженеру, рисованіе и языки. Кромѣ того, для инженеровъ—курсъ гидротехнической архитектуры, а для кавалеристовъ—курсъ ветеринарной медицины.

По окончаніи четырехъ-годичнаго курса и по выдержаніи въ немъ испытанія воспитанниковъ пѣхотнаго и коннаго отдѣленій положено выпускать прапорщиками и корнетами въ армію; наиболѣе отличившіеся прилежаніемъ и добронравіемъ назначались въ гвардію (ст. 19).

Наконецъ, по статьѣ 20 и 21 воспитанниковъ, посвящающихъ себя инженерной и артиллерійской службамъ, предполагалось оставлять въ корпусахъ, для пріобрѣтенія высшихъ познаній и съ этою цѣлью учредить два спеціальныхъ курса: одинъ для инженеровъ и генеральнаго штаба, а другой для артиллеристовъ. Всѣ они должны были, кромѣ теорій, довершить свое образованіе практическими упражненіями подъ руководствомъ искусныхъ опытныхъ офицеровъ и путешествіями для обозрѣнія крѣпостей въ Финляндіи и въ другихъ ближнихъ губерніяхъ. Срокъ выпуска ихъ зависѣлъ отъ успѣха ихъ.

По выдержаніи экзамена назначено выпускать ихъ на дѣйствительную службу подпоручиками и поручиками; если же кто изъ нихъ обратитъ на себя особенное вниманіе превосходными дарованіями, о таковыхъ докладывать Государю“ [55]).

Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе „плана для воспитанія“. Въ немъ въ зародышѣ мы находимъ современное устройство нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Два училищныхъ и 5 гимназическихъ классовъ „Плана для воспитанія“, въ сущности, должны были играть ту же роль, которую теперь играютъ 7 общеобразовательныхъ классовъ современныхъ корпусовъ; отдѣленія 2-хъ послѣднихъ корпусныхъ классовъ—ту, которую исполняютъ нынѣ существующія спеціальныя училища: пѣхотныя, инженерныя, артиллерійскія и кавалерійскія, а дополнительные теоретико-практическіе курсы,—ту, которую предназначаютъ академіямъ артиллерійской, инженерной и генеральнаго штаба. Училища инженерное [56]), артиллерійское [57]), школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ [58]), а также и школа колонновожатыхъ [59]), впослѣдствіи обратившаяся въ военную академію, возникли еще въ царствованіе Императора Александра [56]) и возникли вслѣдствіе чисто практическихъ соображеній, на которыя натолкнули обстоятельства той воинственной эпохи; не будь ихъ, очень вѣроятно, что еще долго пришлось бы ждать пре-

вращенія проэктированныхъ планомъ отдѣленій въ спеціальныя училища, а тутъ, когда грянулъ громъ Наполеоновскихъ побѣдъ, когда напуганная Европа застыла въ страхѣ за свою судьбу и устремила свой взоръ на того, кто приковывалъ къ себѣ вниманіе всѣхъ и поражалъ искусствомъ, съ которымъ преодолѣвалъ самыя большіе военныя трудности и выходилъ съ честью изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, тогда военные люди всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и русскіе, сначала почувствовали, а потомъ и поняли, что не одно счастье, не одна случайность были причинами успѣховъ удивительнаго человѣка, одолѣвавшаго, повидимому, съ такой легкостью лучшихъ полководцевъ своего времени. Имъ стало ясно, что онъ знаетъ что-то такое, чего они не знаютъ, что онъ владѣетъ тайною управлять людьми и подготовлять ихъ для тяжелой военной дѣятельности. Изъ многочисленныхъ столкновеній съ нимъ они вынесли убѣжденіе, что каждый родъ войскъ только тогда можетъ быть на высотѣ своего призванія, когда будетъ подготовленъ заранѣе къ исполненію своихъ особенныхъ обязанностей. Однимъ словомъ, практика Наполеоновскихъ войнъ вынудила, по крайней мѣрѣ, у насъ осуществить то, о чемъ собрались было благодушно помечтать. Эти же войны и у насъ и заграницей заставили призадуматься надъ вопросами войны вообще, поразмыслить о томъ, отъ чего зависитъ успѣхъ; иначе говоря, они заставили вспомнить о теоріи военнаго дѣла, о принципахъ его. Клаузевицъ, отрицатель принциповъ [60]), и баронъ Жомини, ярый ихъ приверженецъ [61]), но оба глубокіе теоретики, вывели свои взаимнопротивоположныя теоріи изъ опыта тѣхъ же Наполеоновскихъ войнъ, участниками которыхъ они были. Въ Россіи, пріютившей у себя барона Жомини, даже организовалось военное общество, занявшееся изученіемъ теоретическихъ вопросовъ войны. Оно издавало такъ называемый военный журналъ и въ числѣ подписчиковъ, какъ видно изъ печатавшагося въ журналѣ списка, состояли пажи старшихъ классовъ [62]).

Итакъ, Наполеонъ вызвалъ къ жизни то, что безъ него имѣло большое вѣроятіе остаться въ состояніи зародыша. Съ другой стороны, онъ же помѣшалъ выполненію такъ хорошо и стройно задуманнаго „плана для воспитанія“ и помѣшалъ потому, что вынудилъ своими войнами обратить вниманіе на удовлетвореніе насущныхъ потребностей и устроить то, что вызывалось необходимостью даннаго момента, не заботясь о стройности цѣлаго. А это цѣлое, дѣйствительно,

должно было быть такимъ же красивымъ зданіемъ, какъ и зданіе народнаго просвѣщенія, и притомъ построеннымъ въ томъ же вкусѣ: предсѣдатель непремѣннаго совѣта для устройства и главнаго управленія всѣми военными учебными заведеніями, которымъ былъ назначенъ Великій Князь Константинъ Павловичъ, соотвѣтствовалъ министру народнаго просвѣщенія; состоявшій подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ—главному училищному совѣту министерства народнаго просвѣщенія; корпуса—университетамъ; губернскія гимназіи служили соединительною галлереею для этихъ двухъ рядомъ воздвигнутыхъ построекъ, наконецъ, два класса военныхъ училищъ отвѣчали двумъ классамъ уѣздныхъ училищъ. Мы уже видѣли, что зданіе народнаго просвѣщенія не было достроено такъ, какъ предполагалось это сдѣлать по первоначальному плану—тоже случилось и съ зданіемъ военно-учебныхъ заведеній. Но если отчасти причиной тому былъ Наполеонъ, то, съ другой стороны, обстоятельства второй половины царствованія Благословеннаго Императора, въ свою очередь, оказали свое дѣйствіе. Мистицизмъ, мрачный, нездоровый, далекій отъ того, которымъ былъ воодушевленъ одинъ изъ просвѣтителей Россіи, Новиковъ, и здѣсь свилъ себѣ гнѣздо, какъ то можно заключить изъ одного письма Великаго Князя Константина Павловича къ генералу Сипягину: „До Васъ дошли, можетъ быть, слухи, пишетъ Великій Князь: что 2-го кадетскаго корпуса кадету Волотскому, мальчику лѣтъ пятнадцати, каждую ночь является видѣніе въ бѣлой монашеской мантіи, въ клобукѣ и съ деревяннымъ крестомъ въ рукахъ и уговариваетъ его, чтобы онъ непремѣнно шелъ въ монахи, почему сей Волотскій со слезами на глазахъ просилъ корпуснаго іеромонаха какими-нибудь средствами избавить его отъ сего видѣнія. Іеромонахъ, по простотѣ своей и особенно услышавъ отъ него, что и прежде еще дома являлась ему ночью какая-то женщина, которая уговаривала его, чтобы онъ шелъ въ монахи, и потому суевѣрные его родители возили его тогда къ Ѳеодосію Тотьминскому, гдѣ умывали его святою водою и давали ему въ водѣ пить какой-то песокъ, въ подражаніе чего и корпусной іеромонахъ поилъ его святою водою, водилъ его въ алтарѣ кругомъ престола, читалъ надъ нимъ молитвы, но когда ничего не помогло, тогда уже онъ доложилъ начальствующему въ корпусѣ генералъ-маіору Маркевичу. Но между тѣмъ министръ духовныхъ дѣлъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ требовалъ уже по сему дѣлу къ себѣ іеромонаха. Я въ отвѣтъ на

увѣдомленіе о семъ происшествіи генералъ-маіора Маркевича предписываю ему: 1) что іеромонаху не слѣдовало приступить къ оному, не доложась ему, и если бы за кадетами былъ надлежащій, какой слѣдуетъ, присмотръ и наблюденіе, что они никогда не могутъ отлучиться безъ позволенія, то тогда и не было-бы возможности іеромонаху приступить прежде, нежели дошло сіе по начальству до его свѣдѣнія; 2) находя, что симъ іеромонахъ не соблюлъ своей обязанности, приступивъ къ дѣлу, не доложивъ корпусному начальству, а притомъ, что такового простого ума священнослужителя, каковъ оказался симъ поступкомъ оный іеромонахъ, неприлично имѣть при кадетахъ въ корпусѣ, котораго настоящая обязанность была бы стараться своими убѣжденіями отклонить суевѣрныя вкоренившіяся въ младенчествѣ заблужденія въ кадетѣ Волотскомъ, а не вкоренять болѣе оныя въ мысляхъ молодого человѣка читаніемъ надъ нимъ молитвъ и прочаго, представить о перемѣщеніи іеромонаха въ другое мѣсто и о назначеніи на мѣсто его другого; кадета же отдать въ руки лѣкарямъ, ибо полагаю, что въ немъ дѣйствуетъ воображеніе отъ болѣзни; на счетъ же того, что послѣ почтенный князь Александръ Николаевичъ вмѣшивается во всѣ дѣла, даже въ видѣнія, я Вамъ скажу, что я никакихъ видѣній никогда не видывалъ, а ежели увижу князя Александра Николаевича, хотя и въ видѣ видѣнія, то вѣрно увижу его и тогда съ одной и той же стороны, съ которой я, какъ вамъ извѣстно, всегда его вижу“ [63]). Только-что описанный случай интересенъ еще въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ Великій Князь, оставшійся до конца дней своихъ предсѣдателемъ совѣта о военныхъ училищахъ, переименованнаго за годъ до его смерти, въ совѣтъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ [64]), понималъ задачи христіанскаго воспитанія, которое желалъ привить своему народу его царственный братъ и насколько мало понимали ихъ нѣкоторыя лица, стоявшія близко къ дѣлу воспитанія будущихъ воиновъ, защитниковъ Царя и отечества. Судя по этому примѣру, можно предположить, что здѣсь Магницкій и Руничъ не остались безъ подражателей.

Этимъ довершается аналогія, существующая въ періодѣ царствованія Императора Александра I между судьбами образованія и воспитанія вообще и военнаго образованія и воспитанія въ частности. Резюмируя ее, мы скажемъ—суровая дѣйствительность безжалостно разбила многія мечты молодого монарха, оставивъ нетронутымъ только то, что отвѣчало ея несомнѣннымъ потребностямъ. Огорченный, онъ

уже въ зрѣлыхъ годахъ, обратился къ Утѣшителю всѣхъ страждущихъ и, найдя у Него успокоеніе, воспрянулъ духомъ и отдался новой мечтѣ — заставить подрастающее поколѣніе съ юныхъ лѣтъ проникнуться истинами божественнаго ученія, но и этой мечтѣ, послѣдней въ его жизни, не суждено было исполниться!. .

Но колеблясь во всемъ, въ одномъ Императоръ Александръ былъ твердо убѣжденъ, а именно въ томъ, что дисциплина есть душа арміи и что выучка и внѣшняя выправка играютъ въ военномъ дѣлѣ не маловажную роль. Это убѣжденіе сложилось у него еще въ ту пору, когда совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, дрожа отъ страха, онъ готовился, на какомъ-нибудь вахтъ-парадѣ предстать предъ грозныя очи своего отца, и, боясь ошибиться, прибѣгалъ къ совѣтамъ тонкаго знатока тайнъ всевозможныхъ экзерцицій и вахтъ-парадовъ, печальной памяти Алексѣя Андреевича Аракчеева. Привычка—вторая натура, а тѣмъ болѣе купленная дорогою цѣною горькаго опыта. Черезъ все царствованіе Императора Александра красною нитью проходитъ мысль, что въ военномъ дѣлѣ нѣтъ мелочей, что все въ немъ важно и все требуетъ тщательнаго изученія. Но каждую вѣрную въ основѣ мысль можно при приведеніи ея въ исполненіе исказить до неузнаваемости, такъ именно и случилось съ мыслью Государя: ее изуродовали до того, что Цесаревичъ Константинъ, самъ вышедшій изъ той же Павловской школы, писалъ въ 1817 году изъ Варшавы своему постоянному корреспонденту генералу Сипягину слѣдующее: „На приказъ, отданный у Васъ въ корпусѣ 30 Января, что Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что гвардейскіе полки наряжаютъ для караула 1-го отдѣленія изъ другихъ баталіоновъ офицеровъ, и подтверждается, что всѣ офицеры должны равно знать службу, скажу Вамъ, что нечего дивиться тому, что полковые командиры выбираютъ и однихъ и тѣхъ же посылаютъ офицеровъ въ 1-е отдѣленіе на раздѣлку, ибо нынѣ завелась во фронтѣ такая танцовальная наука, что и толку не дашь; такъ поневолѣ пошлешь тѣхъ же самыхъ офицеровъ, точно какъ на балахъ обыкновенно увидишь прыгаютъ: французскій кадриль всегда одни и тѣ же лица, — пары четыре или восемь, а другіе не пускаются. Я болѣе двадцати лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго Государя былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ, а нынѣ такъ перемудрили, что и не найдешься“ [65]). Это увлеченіе отозвалось и на военно-учебныхъ заведеніяхъ.

До сихъ поръ мы говорили объ официальномъ воспитаніи и

образованіи, теперь обратимся къ частному или такъ называемому домашнему воспитанію, наиболѣе излюбленному нашимъ дворянствомъ, находившемуся внѣ сферы вліянія правительства и составлявшему, частью подготовительную ступень для офиціальнаго, частью прямо открывавшему дверь служебной карьеры. „Какъ пчелы налетаютъ на дерево и облѣпляютъ всѣ его вѣтки, такъ эмигранты набѣжали въ Россію, набѣжали, нанесли и водворили у насъ тысячи дотолѣ незнаемыхъ предразсудковъ, разврата, бездѣльничества,—словомъ, всего, что было сквернаго, гнуснаго и преступнаго во Франціи.

Бѣглецовъ, вмѣсто презрѣнія, приняли съ распростертыми руками и они скоро завладѣли умами русскими, служили для насъ примѣромъ внѣшняго лоска, образованія и казались учеными, сами ничего не зная. Отъ нихъ мы приняли всѣ пороки, заблужденія, чванились сходствомъ съ ними и отвергли вѣру въ Бога.

Въ тысячахъ французовъ, наводнившихъ Россію, конечно, были люди со свѣдѣніями, честные и съ честнымъ нравомъ, но ихъ было немного, а между тѣмъ всѣ остальные поддонки заняли мѣста въ дворянскихъ семьяхъ и явились образователями ума и сердца не только дѣтей, но и самихъ ихъ пріютившихъ. Русскіе дворяне стали подражать пришлецамъ, затвердили наизусть лучшихъ французскихъ авторовъ, пѣли французскіе романсы, знали множество анекдотовъ, каламбуровъ. Вѣсть о томъ, что подобнымъ выходцамъ живется хорошо въ Россіи, усилила наплывъ французовъ. Люди низкаго состоянія, не имѣвшіе достатка и имущества въ своемъ отечествѣ, не привыкшіе трудомъ и знаніемъ снискивать себѣ пропитаніе, потянулись въ Россію pour se faire outchitel des enfants. Корабли, нагруженные гувернерами и гувернантками, мусьями и мадамами, безпошлинно выгружались въ Кронштадтѣ и вся эта толпа развозилась по государству. Они принимались въ дома безъ всякой оцѣнки ихъ знаній и нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для тѣхъ обязанностей, которыя принимали на себя. Появившись въ семействѣ, люди основывали прочность своего положенія на совершенно особыхъ „началахъ“...

Гувернеры и гувернантки скоро дѣлались повелителями въ семействѣ и тиранами дѣтей, которые не смѣли жаловаться на дурное съ ними обращеніе, ни проговориться о порокахъ и дурномъ поведеніи своихъ наставниковъ и наставницъ. Съ другой стороны, воспитатели прикрывали пороки своихъ воспитанниковъ, и очарованные родители только и твердили дѣтямъ, что они во всемъ должны

брать примѣръ съ французскаго экземпляра и что все, чему онъ ихъ научитъ хорошо и сущая истина. Такимъ образомъ, сложивъ съ себя добровольно родительскую власть и отрекшись отъ воспитанія своихъ дѣтей, отцы и матери отдали ихъ на произволъ пришлецовъ, которые, не стыдясь, печатали въ газетахъ объявленія, что будутъ учить насъ любви къ отечеству, приверженности къ вѣрѣ и Государю. Вмѣсто того они поселяли въ семьѣ полнѣйшій разладъ: внушали дѣтямъ неуваженіе къ родителямъ и, если не презрѣніе, то полное равнодушіе ко всему русскому и сочувствіе ко всему иностранному. Восхваляя Тюрена, Конде, Наполеона и другихъ, они унижали Румянцева и Суворова; твердили, „что во Франціи все превосходно, забавы безъ числа, всѣ блаженствуютъ“; въ Россіи же все мрачно и скучно, что люди не живутъ, а только дышатъ. „О вѣрѣ же, если не положительными, то мимоходными выраженіями поселяютъ сомнѣніе“. Съ самихъ раннихъ лѣтъ юноши узнавали отъ своихъ воспитателей, что дѣлалось въ Лондонѣ, Парижѣ, но о Россіи не слыхали ни слова.

Какихъ результатовъ можно было ждать отъ такихъ наставниковъ? Большинство ихъ едва знало грамоту и вся ихъ дѣятельность ограничивалась обученіемъ, чтенію и письму. „Тогда, говоритъ Г. Р. Державинъ: учили языкамъ безъ грамматики, числамъ и измѣреніямъ—безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ и вѣрѣ—безъ катехизиса“ [67]).

„Время Пожарскаго слыветъ вѣкомъ невѣжества и пустоты, писалъ бывшій пажъ С. Р. Воронцовъ другому бывшему пажу графу Растопчину: но наше время, торжественно провозглашенное вѣкомъ просвѣщенія и философіи, едва-ли, въ извѣстномъ смыслѣ, не носитъ на себѣ болѣе зачатковъ варварства, чѣмъ всѣ предыдущія поколѣнія; потому что наше полупросвѣщеніе, наше ложное образованіе, эгоизмъ и развращеніе нашихъ нравовъ, развиваемые нашимъ правительствомъ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, уже давно успѣли бы заглушить въ насъ всякую искру патріотизма, еслибы нашъ патріотизмъ не восторжествовалъ надъ угнетающею его силою т. е. Наполеономъ [68]).

Вотъ картина тогдашняго домашняго воспитанія, воспроизведенная по показаніямъ русскихъ современниковъ, а вотъ мнѣніе о томъ же предметѣ современника - иностранца, знаменитаго Жозефа-де-Местръ, бывшаго сардинскаго посла въ Петербургѣ, высказанное имъ въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому: „Un autre inconvénient terrible, qui nait de cette manie scientifique, c'est que le gouvernement, manquant de professeurs pour

la satisfaire est constamment obligé de recourir aux nations étrangères; et comme les hommes véritablement instruits et moraux cherchent peu à quitter leur patrie, ou ils sont récompensés et honorés, ce sont toujours, non seulement des hommes médiocres, mais souvent gangrénés et même flétris, qui viennent sous le pole offrir leur prétendue science pour de l'argent. Aujourd'hui surtout la Russie se couvre chaque jour de cette écume que les tempêtes politiques chassent des autres pays. Ces transfuges n'apportent ici que de l'audace et des vices sans amours et ans estime pour le pays, sans liens domestiques, civils ou religieux, ils se moquent de ces Russes inclairvoyants qui leur confient ce qu'ils ont de plus cher; ils se hatent d'accumuler assez d'or pour se procurer ailleurs une existence indépendante et après avoir cherché d'en imposer à l'opinion par quelques essais publiques, qui ne sont pour des véritables juges que des spectacles d'ignorance; ils partent et s'en vont dans leur patrie se moquer de la Russie dans de mauvais livres que la Russie achete de ces misérables, si même elle ne les traduit pas“ [69]). Какъ видно, графъ Жозефъ де-Местръ, пробывшій въ Россіи довольно долго, пришелъ, относительно иностранныхъ воспитателей юношества, къ тѣмъ же пессимистическимъ заключеніямъ, къ какимъ пришли и русскіе люди той эпохи. Но судъ современниковъ, говорятъ, пристрастенъ. Они, утверждаютъ, стоятъ слишкомъ близко къ событіямъ, играютъ въ нихъ роль актеровъ, а не находятся по отношенію къ нимъ въ положеніи хладнокровныхъ зрителей, а потому къ ихъ сужденіямъ слѣдуетъ относиться съ бо́льшею осторожностью, съ бо́льшимъ разборомъ, такъ какъ они склонны преувеличивать въ ту или другую сторону. Можетъ быть, и въ только-что приведенныхъ отзывахъ есть преувеличеніе—спросятъ насъ. Конечно, да, но за то въ нихъ заключается большая доля правды. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дурные иностранные элементы привили много нехорошаго русскому юношеству и русскому обществу, но также несомнѣнно, какъ, впрочемъ, тоже замѣтилъ одинъ современникъ, что съ водвореніемъ французовъ въ семействахъ дворянскихъ состояніе крѣпостныхъ, господскихъ людей улучшилось; съ рабами начали обращаться лучше, снисходительнѣе, стали видѣть въ нихъ человѣка, по крайней мѣрѣ, une espèce du genre humain. „Возліяніе Бахусу весьма уменьшилось, бесѣды дворянскія начали оканчиваться безъ игры въ коммерческую т. е. поединка на кулакахъ“ [70]). Кромѣ того, устами многихъ изъ нихъ полуобразованному обществу говорила просвѣщенная Европа, она призывала ра-

ботать, трудиться и идти впередъ въ дѣлѣ цивилизаціи, и ея призывъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. На него отозвались лучшіе русскіе умы, молчавшіе тогда, когда за Европу выдавали себя садовники, предлагавшіе лѣтомъ заниматься своею спеціальностью, а зимою педагогическою дѣятельностью [71]), кондитеры [72]) или же барабанщики [73]), оставшіеся въ наслѣдіе отъ Великой Арміи, погребшей свою славу въ холодныхъ снѣгахъ нашего отечества. Да, эти лучшіе умы встрепенулись, когда они услышали рѣчи такихъ лицъ, какъ швейцарецъ Будри, бывшій преподаватель пажа Ф. Мирковича, родной братъ Марата, но общаго съ нимъ ничего не имѣвшій и даже попросившій у императрицы Екатерины позволенія измѣнить свою фамилію [74]), нѣмецъ Дункерсъ, бывшій профессоръ одного изъ германскихъ университетовъ, слѣдившій, въ качествѣ гувернера, за первыми шагами извѣстнаго дѣятеля и профессора 40-хъ годовъ Конст. Дмитр. Кавелина [75]) и французъ Жоніо [76]), хотя хвастливый и немного поверхностный, но сумѣвшій, однако, увлечь и внушить уваженіе къ просвѣщенію молодому Грановскому, будущему знаменитому профессору исторіи Московскаго университета. Эту хорошую сторону иностраннаго вліянія мыслящіе современники, если и замѣчали, то какъ-то вскользь, она, повидимому, не бросалась имъ въ глаза, несмотря на то, что всѣ кругомъ ихъ подражали иностранцамъ и, если можно такъ выразиться, бредили ими. Для нихъ это увлеченіе было модой и они, отчасти, были правы. Дѣйствительно, громадное большинство приглашало къ себѣ французовъ и нѣмцевъ и подражало имъ только изъ-за моды, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ это нужно и какая можетъ произойти отъ того польза, и уже, конечно, не подозрѣвая, что оно является орудіемъ совершавшаго свое развитіе подражательнаго процесса.

XIX столѣтіе застало подражательный процессъ въ полномъ разгарѣ и въ той его фазѣ, когда лучшіе умы подражали сознательно, а, шедшая за ними, толпа дѣлала это по инерціи, что она, вѣроятно, продолжала бы и долго дѣлать, еслибы Наполеонъ, влюбленный въ идею всемірной имперіи, какъ въ нее былъ влюбленъ Карлъ Великій и Карлъ V, не вздумалъ попытать свое счастье и обратить Россію въ одну изъ подвластныхъ ему провинцій. Такая попытка вызвала дружный отпоръ всего населенія, вызвала взрывъ патріотизма и доказала русскимъ, какъ имъ дорого потерять все то, что съ такимъ трудомъ они пріобрѣли. Война 1812 года

заставила ихъ увѣровать въ свои силы [77]). Съ горделивымъ чувствомъ вышли они изъ нея, чувствомъ, увеличившимся послѣ того, какъ они побѣдоносно прошлись по Европѣ, играя роль освободителей. Горделивое чувство вызвало на размышленіе относительно того, не пора ли стать на ноги и прекратить окончательно подражаніе [78]). Отдѣльные голоса, въ теченіе всего XVIII столѣтія [79]) предостерегавшіе противъ подражательныхъ увлеченій, слились теперь въ дружный хоръ, правда, еще не очень громкій, но все-таки достаточно громкій для того, чтобы на него обратить вниманіе, но не настолько, чтобы заглушить голоса тѣхъ, которые, возвратившись изъ заграничнаго похода, гдѣ они имѣли возможность убѣдиться въ превосходствѣ западной культуры, звали итти по стопамъ Запада [80]). Такимъ образомъ, послѣ заграничныхъ походовъ общество раздѣлилось какъ бы на три части. Правительство и съ нимъ нѣкоторые мыслящіе люди, сознавая необходимость многое еще заимствовать у иностранцевъ, держалось ихъ и подражало вполнѣ сознательно [81]). Часть примыкавшаго къ нему высшаго слоя шла по ставшей для него традиціонной дорогѣ слѣпого заимствованія [82]), а другая его часть приглашала прекратить подражаніе [83]), боясь утратить свою русскую самобытность, цѣну которой она поняла послѣ Бородинскаго сраженія и послѣдующихъ событій. Но опасенія ея были напрасны: въ 1820 году появилась поэма Пушкина „Русланъ и Людмила“, надѣлавшая много шуму и ясно показавшая, что литература вступила на самостоятельный, народный путь [84]). Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, Рубиконъ перейденъ, самобытность и жизнеспособность русскаго народа доказана. Литература — зеркало общества — отразила работу творческаго процесса, вступившаго въ неравную борьбу съ подражательнымъ, достигшимъ апогея своего развитія. Но какъ вода, капля за каплей, подтачиваетъ самыя, повидимому, несокрушимыя глыбы гранита, такъ и творческая работа общества понемногу стала подтачивать то, что оно создало въ періодъ подражательныхъ увлеченій. Въ этомъ переходѣ одного процесса въ другой, современники, какъ мы замѣтили выше, не отдавали себѣ отчета, они чувствовали, что что-то происходитъ особенное, но что именно—сказать они не могли. Для многихъ вся цѣль сводилась къ тому, чтобы отдѣлаться отъ иностранцевъ и ихъ вліянія. Имъ казалось это такъ просто, что они искренно удивлялись тѣмъ, кто съ ними возился. А между тѣмъ послѣдніе были необходимы такъ же, какъ было необходимо то урод-

ливое подражаніе, противъ котораго ратовали нѣкоторые русскіе люди. Подражаніе и иностранцы подготовили творчество и русскихъ совершенно такъ же, какъ мавры и арабы въ значительной мѣрѣ создали испанцевъ, испанцы французовъ, французы нѣмцевъ. Значеніе иностранцевъ отлично понималъ Императоръ Александръ: „Могу ли я помочь тому, что образованіе у насъ еще такъ отстало и, до тѣхъ поръ, покуда не сознаютъ нужды, чтобъ родители побольше заботились о немъ, если бы я не прибѣгалъ къ содѣйствію извѣстныхъ иностранцевъ, дарованіе которыхъ испытано, число способныхъ людей и безъ того малое еще уменьшилось бы значительно. Что сдѣлалъ бы Петръ I, если бы не пользовался бы службою иностранцевъ? Чувствую, что въ то же время въ этомъ есть зло; но зло меньшее изъ двухъ, ибо можемъ ли мы отсрочить событія до тѣхъ временъ, въ которое наши земляки будутъ находиться на высотѣ всѣхъ тѣхъ должностей, которыя они будутъ занимать“ [85])? возразилъ Государь адмиралу Павлу Васильевичу Чичагову, когда тотъ сталъ укорять его въ пристрастіи къ иноземцамъ. Затѣмъ Государь добавилъ: „Все это я сказалъ Вамъ для того, чтобы доказать, что въ данную минуту нельзя взять за правило—не употреблять на службу иностранцевъ“ [86]).

Въ особенности, это было вѣрно относительно педагогическаго персонала. Иностранцы были здѣсь положительно необходимы. Русскіе педагоги, большею частью, разночинцы, получившіе образованіе въ семинаріяхъ, гимназіяхъ, также въ университетѣ [87]), какъ по умственному своему развитію, такъ, уже конечно, по воспитанію, были ниже тѣхъ, которые принимали ихъ къ себѣ для преподаванія своимъ дѣтямъ. Ихъ при тогдашнемъ крѣпостномъ строѣ жизни считали стоящими немного выше окружавшей барина дворни. Имъ платили деньги, требовали, чтобъ они учили, но къ столу допускали не всегда [88]). Нашимъ барамъ они представлялись чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ непригодныхъ къ настоящей работѣ рабовъ, которые въ греческой жизни играли роль педагоговъ. Понятно, что мало-мальски обезпеченные и способные люди педагогіей не занимались и предпочитали все на свѣтѣ, только не это унизительное положеніе, притомъ еще плохо оплачиваемое. Дворянскія дѣти, усваивая этотъ взглядъ въ усадьбахъ, приносили его въ школу и примѣняли къ педагогамъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло въ гимназіяхъ, куда, сказать мимоходомъ они рѣдко попадали, въ благородныхъ пансіонахъ и въ корпу-

сахъ и, конечно, относились къ нимъ, нельзя сказать, чтобы съ большимъ уваженіемъ, чему въ корпусахъ способствовало и то обстоятельство, что многіе учителя вышли изъ солдатскихъ дѣтей, воспитывавшихся въ гимназіяхъ съ цѣлью пополнять открывавшіяся преподавательскія вакансіи [89]). Для нихъ они никоимъ образомъ не могли служить авторитетами. Педагоги же иностранцы, хотя они тоже, какъ мы видѣли, зачастую не отличались ни умственнымъ развитіемъ, ни знаніемъ, ни происхожденіемъ, являлись представителями высшей культуры, за которой всѣ гнались. Къ нимъ относились нѣсколько съ бо̀льшею дозою уваженія, они въ глазахъ дворянъ стояли ступенью выше доморощенныхъ учителей. Это большое уваженіе къ иностранцамъ-педагогамъ дѣти приносили и въ школу, но въ общемъ и для нихъ, какъ и для родителей, все-таки педагогъ являлся существомъ низшаго порядка. Такой взглядъ до того укоренился въ нашемъ обществѣ того времени, что, когда бывшій пажъ Григорій Андреевичъ Глинка, впослѣдствіи воспитатель Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, имѣвшій независимое состояніе, поступилъ профессоромъ словесности и русскаго языка въ Дерптскій университетъ,—Н. М. Карамзинъ счелъ необходимымъ указать на него и написать статью о немъ подъ заглавіемъ „Феноменъ“ [90]).

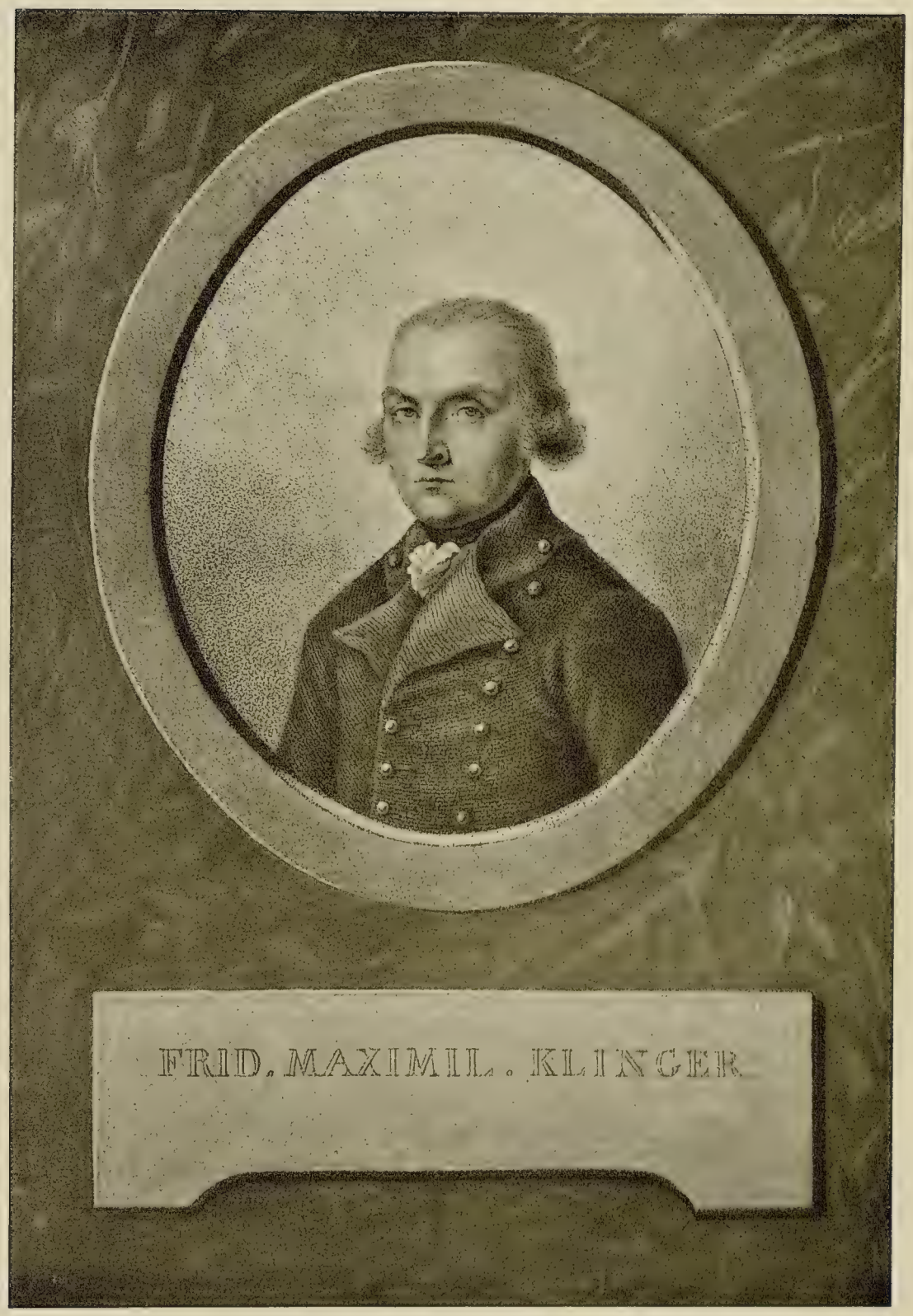
Итакъ, въ школѣ иностранецъ-педагогъ и для родителей и для дѣтей имѣлъ бо̀льшее значеніе, чѣмъ его собратъ русскій. Правительство это знало и отдавало предпочтеніе первому, часто не умѣя разобраться въ его дѣйствительныхъ познаніяхъ, но увѣренное, что онъ лучше справиться со своею задачею, чѣмъ русскій. Такое положеніе вещей, конечно, не могло способствовать процвѣтанію педагогическаго дѣла въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, страдавшаго и отъ другого обстоятельства—любви русскихъ отцовъ и матерей къ иностраннымъ пансіонамъ. Всѣ тѣ лица, которыя не имѣли возможности дать своимъ дѣтямъ такъ называемаго домашняго образованія, посылали ихъ, при малѣйшемъ удовлетворительномъ состояніи своего кармана, въ пансіоны. Нѣкоторые современники описываютъ эти пансіоны въ очень мрачныхъ краскахъ, такъ, одинъ изъ нихъ говоритъ: „содержатели пансіоновъ имѣли только одну цѣль — наживу, брали дорого и часто не отдѣляли мальчиковъ отъ дѣвочекъ“ [91]).

Другой выражается слѣдующимъ образомъ: „француженки открыли въ этихъ вертепахъ торгъ честью русскихъ женщинъ и дѣвушекъ. Сколько сгубили такихъ дѣтей: въ десять, двѣнадцать лѣтъ

мальчики пили мертвую чашу и знали всѣ продѣлки разврата“ [92]). Столь суровый приговоръ смягчается дошедшими до насъ свѣдѣніями о нѣкоторыхъ очень и очень хорошихъ пансіонахъ, гдѣ, дѣйствительно, основательно учились. Мы заговорили объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ оттого, что прежде, чѣмъ поступить въ правительственныя школы, дворянскія дѣти очень часто проходили, какъ мы замѣтили выше, предварительный курсъ въ иностранныхъ пансіонахъ и, такимъ образомъ, плохо подготовленныя попадали въ руки тоже плохо подготовленныхъ педагоговъ. Легко себѣ представить, что выходило изъ такого сочетанія! Но строго судить увлеченія и недостатки нашихъ предковъ мы врядъ ли можемъ. Стоитъ припомнить, что все описанное нами происходило въ то время, когда мыслящая Россія съ такимъ же трудомъ переживала начало превращенія процесса подражательнаго въ процессъ творческій, съ какимъ сто лѣтъ назадъ она пережила первые шаги подражательнаго процесса,—чтобы удержаться отъ какихъ бы то ни было рѣзкихъ сужденій и проникнуться желаніемъ въ „этой переходной эпохѣ услышать послѣднее слово всякаго отходившаго и начальную мысль зарождавшагося порядка вещей“.

Теперь, когда мы познакомились, хотя и въ общихъ чертахъ съ стремленіями общества и правительства временъ Александра I, обратимся къ Пажескому корпусу. Какъ мы знаемъ, реформа корпуса, назрѣвшая въ царствованіе Императора Павла, была осуществлена только въ царствованіе Императора Александра I, первая половина котораго, какъ мы видѣли, была наполнена мечтаніями и попытками преобразовать „безобразное зданіе“. Воспитаніе и образованіе пажей, такъ близко стоявшихъ ко двору, не могло не обратить вниманія молодого монарха, отъ него не могли ускользнуть его недостатки и онъ пожелалъ ихъ устранить. Для этой цѣли Государь обратился къ одному изъ тѣхъ иностранцевъ, которые по его словамъ „были зло, но меньшее изъ двухъ“, а именно, къ директору Перваго кадетскаго корпуса генералу Клингеру и поручилъ ему составить новое Положеніе для Пажескаго Корпуса.

Поэтъ, драматургъ [93]), писатель философскихъ романовъ [94]), поклонникъ Руссо [95]) и вольтеріанецъ [96])—Клингеръ попалъ болѣе или менѣе случайно въ Россію, по протекціи герцога Фридриха Виртембергскаго, рекомендовавшаго его своей дочери супругѣ Великаго Князя Павла Петровича—Маріи Ѳеодоровнѣ. Произошла эта пере-



Генералъ КЛИНГЕРЪ

„Тип ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ"

мѣна въ его судьбѣ въ 1780 году [97]), когда ему было 28 лѣтъ и послѣ того, какъ ему пришлось испытать не мало горя, разочарованій и нужды въ своей странѣ, гдѣ родившись бѣднякомъ и оставшись рано безъ отца, онъ съ трудомъ прокладывалъ себѣ дорогу. Да, эти 28 лѣтъ прошли не даромъ для Клингера; они не мало способствовали обузданію его пылкаго свободолюбиваго характера, а также его поэтической, но слишкомъ большой фантазіи. Сначала ученикъ приходской школы, затѣмъ по милости обратившаго на него на улицѣ вниманія нѣкоего Цинка ученикъ гимназіи, обязанный пѣть въ опредѣленные дни въ недѣлѣ церковныя пѣсни въ домахъ гражданъ города Франкфурта на Майнѣ, а въ дни торжественныхъ похоронъ шествовать впереди печальной колесницы, — Клингеръ благополучно окончилъ гимназію, самъ изучилъ французскій и англійскій языки, много читалъ и сталъ пробовать свои силы въ литературѣ. По окончаніи гимназіи онъ продолжалъ свои научныя занятія въ Гиссенѣ, гдѣ, какъ остроумно было замѣчено кѣмъ-то, онъ, какъ подобаетъ всякому порядочному нѣмецкому поэту, пробовалъ заниматься юриспруденціею, но кончилось тѣмъ, что увлекся литературою. Это увлеченіе сблизило его съ кружкомъ Гете, съ которымъ, впрочемъ, онъ потомъ разошелся, и создало ему имя [98]). Первое время онъ писалъ драмы, изъ которыхъ одна, „Sturm und Drang“, дала названье всему періоду нѣмецкой литературы, явившемуся протестомъ противъ всякихъ условныхъ формъ, ложныхъ чувствъ и стѣсненій творческаго духа.

Будучи протестомъ, этотъ періодъ не могъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, избѣгнуть большихъ крайностей, и онъ не только не избѣгъ ихъ, а еще какъ бы узаконилъ. Эти-то крайности весьма рельефно выразились въ названной драмѣ, что по всѣмъ вѣроятіямъ послужило поводомъ окрестить и все направленіе, весьма и весьма грѣшившее реакціонными излишествами, ея именемъ [99]).

Драмы поставили Клингера въ необходимость имѣть дѣло съ театральнымъ міромъ, а это, въ свою очередь, помогло ему выпутаться изъ бѣды, когда, не поладивъ въ Веймарѣ съ Гете, онъ принужденъ былъ удалиться оттуда и искать какого-нибудь выхода изъ своего затруднительнаго положенія. Выходъ нашелся,—въ Лейпцигѣ ему предложили мѣсто театральнаго стихотворца, которое онъ принялъ. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, онъ почему-то бросилъ эту службу и поступилъ въ дѣйствующую австрійскую армію, куда его

опредѣлилъ протежировавшій ему герцогъ Фридрихъ Виртембергскій. Съ ней онъ принялъ участіе въ войнѣ за Баварское наслѣдство [100]), предпринятой Пруссіею съ цѣлью помѣшать Австріи усилиться и въ сущности ограничившейся стратегическими и тактическими передвиженіями. По окончаніи этой войны, такъ мѣтко прозванной нѣмецкими солдатами „картофельной войной“ [101]), Клингеръ, снабженный герцогомъ Фридрихомъ Виртембергскимъ рекомендаціею, а также и 400-ми гульденовъ, отправился искать счастье въ Россіи [102]), которое въ ней и нашелъ.

По пріѣздѣ въ свое второе отечество, онъ встрѣтилъ поддержку въ другомъ нѣмецкомъ поэтѣ, въ Людвигѣ-Генрихѣ Николаи, уже ранѣе его пріютившемся въ гостепріимной Россіи, подъ крылышкомъ Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, у которой онъ теперь занималъ мѣсто библіотекаря и секретаря [103]). Николай, впослѣдствіи баронъ и президентъ Академіи наукъ, помогъ ему устроиться чтецомъ при Вел. Кн. Павлѣ Петровичѣ, зачислившимъ его въ поручики въ свои „гатчинскія войска“, а именно, въ морской батальонъ, положившій вмѣстѣ съ эскадрономъ кирасиръ основаніе маленькой арміи Великаго Князя [104]). Когда Императрица Екатерина заблагоразсудила отправить своего сына и его жену путешествовать по Европѣ, Клингеръ и баронъ Николаи оказались въ свитѣ графа и графини Сѣверныхъ [105]). По возвращеніи, узнавъ о томъ, что того и гляди произойдетъ разрывъ съ Турціею, онъ отпросился у Великаго Князя въ дѣйствующую армію. Рекомендованный Румянцеву, Клингеръ былъ записанъ въ Петербургскій полкъ, но, такъ и не дождавшись военныхъ дѣйствій, онъ, когда выяснилось, что сражаться не придется, возвратился обратно къ Великому Князю, но не надолго [106]). Вскорѣ онъ опредѣлился въ сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ офицеромъ, опредѣлился потому, что служба въ немъ была гораздо выгоднѣе, какъ въ смыслѣ чинопроизводства, такъ и содержанія. Корпусные офицеры считались чиномъ выше армейскихъ, а въ смыслѣ матеріальномъ капитанъ корпуса былъ обставленъ лучше бригадира арміи [107]). Здѣсь Клингеръ былъ послѣдовательно произведенъ въ капитаны, маіоры, подполковники и полковники, послѣдніе два чина онъ уже получилъ въ царствованіе Императора Павла, благоволившаго къ нему по старой памяти и назначившаго его къ концу 1800 года директоромъ корпуса, совмѣстно съ возвращеннымъ изъ ссылки по желанію Государя извѣстнымъ Платономъ Зубовымъ, причемъ

обязанности ихъ Императоръ раздѣлилъ такъ: графъ Зубовъ получилъ содержаніе и постъ, а Клингеръ несъ дѣйствительную службу.

Ихъ въ свою очередь онъ подчинилъ главному начальству Великаго Князя Константина Павловича [108]). Въ такомъ положеніи полковникъ корпуса или генералъ-маіоръ арміи, Клингеръ дожилъ до вступленія на престолъ Императора Александра I, когда онъ сдѣлался настоящимъ директоромъ съ жалованіемъ, такъ какъ графъ Зубовъ, братъ подавшаго проэктъ объ учрежденіи училищъ, удалился на покой; тогда-же Клингеру поручили и Пажескій Корпусъ [109]) и обязали его написать для этого заведенія новое положеніе, что онъ и исполнилъ. Кромѣ того, какъ мы знаемъ, его назначили членомъ училищнаго совѣта и попечителемъ Дерптскаго университета. Эту должность онъ получилъ благодаря энтузіасту Парроту, увлекавшемуся личностью Императора Александра, профессору названнаго университета, который въ свою очередь увлекъ Государя, вступившаго съ нимъ въ переписку.

Парротъ былъ посланъ произвести слѣдствіе въ корпусѣ. Императоръ желалъ знать, что было причиною тому, что въ его присутствіи лопнулъ воздушный шаръ, на поднятіе котораго онъ пріѣхалъ смотрѣть. Явившись въ корпусъ, Парротъ разговорился съ генераломъ Клингеромъ и очень скоро убѣдился, что передъ нимъ такой же горячій поклонникъ молодого Императора, какъ и онъ самъ. Переговоривъ съ нимъ, онъ предложилъ его Императору въ попечители [110]).

Кромѣ этихъ двухъ отвѣтственныхъ должностей, Клингеръ занималъ и третью: онъ былъ почетнымъ членомъ Совѣта подвѣдомственныхъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровны институтовъ, причемъ вся финансовая сторона дѣла и была возложена на него. Въ концѣ концовъ, все свелось къ тому, что вообще всѣ дѣла Совѣта всею своею тяжестью легли на него. Назначеніе это онъ получилъ потому, что для вдовствующей Императрицы былъ старымъ знакомымъ, которому она довѣряла. Старый знакомецъ остался на этомъ посту до конца дней своихъ, т. е. до 1836 года [111]), тогда какъ Дерптскій университетъ онъ покинулъ въ 1817 г. [112]), а Пажескій корпусъ въ 1820 году [113]).

Теперь, когда мы познакомились съ внѣшними обстоятельствами его жизни, скажемъ нѣсколько словъ о его личности. Пылкій, свободолюбивый, увлекающійся поборникъ идей Руссо на первыхъ по-

рахъ своей жизни, онъ, съ годами, превращался въ разсудительнаго, владѣющаго собой скептика во вкусѣ Вольтера, а съ 1812 года, когда единственный его сынъ, способный, одаренный юноша, съ прекраснымъ характеромъ, блистательно окончившій Пажескій корпусъ, раненный при Бородинѣ, умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ ампутаціи ноги, генералъ Клингеръ обратился въ мизантропа [114]), ушедшаго въ свое горе, по инерціи служившаго и по инерціи жившаго. Чужестранецъ, мечтавшій чуть не до конца дней своихъ возвратиться въ Германію, онъ съ трудомъ свыкался съ порядками, чуждой ему Россіи [115]), которую, какъ большинство тогдашнихъ иностранцевъ и образованныхъ русскихъ, не зналъ. Вполнѣ сынъ вѣка, онъ думалъ, что можно дѣйствительность пригнуть къ капризу теоріи, но, съ другой стороны, какъ истый послѣдователь Руссо, онъ не вѣрилъ въ прогрессъ и ни въ какія воспитательныя теоріи [116]), а вмѣстѣ съ тѣмъ, увлекшись дѣятельностью Императора Александра, онъ на время отказался отъ своихъ мечтаній о возвращеніи на родину и весь отдался дѣлу просвѣщенія Россіи [117]) и настолько, что надолго забросилъ свою писательскую дѣятельность [118]). Суровый съ виду, несообщительный, довольствовавшійся кружкомъ близкихъ людей, Клингеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, про которыхъ циркулировало не мало неблагопріятныхъ для нихъ слуховъ. Про него говорили, что онъ дѣлилъ весь родъ человѣческій на двѣ категоріи—на „die Menschen und die Russen“ [119]).

На эти слухи онъ мало обращалъ вниманія и шелъ своей дорогой [120]).

Вотъ какимъ былъ тотъ, кому Пажескій корпусъ обязанъ своимъ новымъ Положеніемъ, превратившимъ его въ настоящее военно-учебное заведеніе.

Прежде, чѣмъ приняться за его составленіе, генералъ Клингеръ сталъ знакомиться съ состояніемъ корпуса. Онъ обратился къ графу Николаю Петровичу Шереметеву, оберъ-камергеру и шефу корпуса за нужными разъясненіями, которыя послѣдній съ готовностью ему сообщилъ, а когда генералъ Шапошниковъ, директоръ корпуса, возвратился изъ отпуска, то графъ Шереметевъ отправилъ его къ новому главноуправляющему съ письмомъ такого содержанія: „Милостивый Государь мой, Ѳедоръ Ивановичъ, честь имѣю препроводить при семъ явившагося изъ отпуска Артиллеріи Генералъ-маіора и Пажескаго корпуса Директора, Генерала Шапошникова, который, зная

Копія.

Графъ Николай Петровичъ. Разсмотрѣвъ представленныя при докладѣ вашемъ Учрежденіе Пажескаго Корпуса въ новомъ его преобразованіи, и дополненіе къ прежнему штатному онаго положенію сочиненные Генералъ-Маіоромъ Клингеромъ, утверждаю оные во всей ихъ силѣ, повелѣвая, первое при семъ возвращаемое ввести немедленно въ дѣйствіе подъ руководствомъ того же Генералъ-Маіора Клингера, на коего обще съ вами возлагаю и выборъ достойныхъ и способныхъ людей какъ въ Директоры сего Корпуса, такъ и къ прочимъ должностямъ; по послѣднему же предписано отъ МЕНЯ Министру Финансовъ отпускать ежегодно на содержаніе Пажескаго Корпуса къ назначенной въ Придворномъ штатѣ суммѣ, еще по восьми тысячь восьми сотъ восьмидесяти пяти рублей, изъ Государственныхъ Казначействъ. Желая, чтобъ при такомъ новомъ распоряженіи и пособіи, воспитаніе Пажей обратилось въ существенную пользу, пребываю всегда вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою шако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С. П. бургѣ
Октября 10го
1802 года.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Къ штатному положенію по Пажескому Корпусу вѣденія Оберъ-Каммергера.

	Число людей.	Одному Рубли	к.	Всѣмъ Рубли	к.
По военной части.					
Директоръ Пажей; Генералъ-Маіорскаго или Полковничья чина, съ жалованьемъ и столовыми по прежнему штату - - - - - - -	1				
Гофмейстеръ Пажей; чина Штабъ-Офицерскаго, съ жалованьемъ и столовыми по прежнему штату - - - - - - - - - -	1				
Гувернеровъ; чина Штабъ или Оберъ-Офицерскаго три; въ числѣ сихъ, одинъ съ жалованьемъ и столовыми по прежнему штату, а за пѣмъ - -	2	600	-	1200	—
Каптенармусъ - - - - - - - -	1	70	-	70	—
Унтеръ-офицеровъ - - - - - - -	3	70	-	210	—
Барабанщиковъ - - - - - - - -	3	60	-	180	—
На аммуницію - - - - - - - -	--	—	-	200	—
И того - -	11	—	-	1860	—
По части учебныхъ классовъ.					
Инспекторъ классовъ; чина Штабъ-Офицерскаго; жалованья 800 рублей, на столъ по 1 рублю на день; производить изъ суммы опредѣленной на содержаніе учителей - - - - - - -	1				
На содержаніе Учителей въ добавокъ къ прежней штатной суммѣ - - - - - - - -	-	—		3000	—
На книги, бумагу и класные потребности -	-	—		200	—
И того - -	1	—	-	3200	—
По Конторѣ Пажескаго Корпуса.					
Казначей - - - - - - - - -	1	500	-	500	—
Бухгалтеръ - - - - - - - - -	1	300	-	300	—
Писарей - - - - - - - - -	2	150	-	300	—
На конторскія расходы - - - - -	-	—	-	150	—
И того - -	4	—	-	1250	—
По части внутренней Полиціи.					
Швейцаръ - - - - - - - - -	1	75	-	75	—
Солдатъ - - - - - - - - -	2	40	-	80	—
Сторожей съ истопниками - - - - -	8	40	-	320	—
И того - -	11	—	-	475	—

	Число людей.	Одному		Всѣмъ	
		Рубли	к.	Рубли	к.
Лѣкарь - - - - - - - - - - - -	1	400	—	400	—
На обмундировку швейцара и всѣхъ нижнихъ чиновъ - - - - - - - - - -	—	—	—	200	—
На починки Пажескаго дома, дрова и свѣчи въ добавокъ къ прежней шпатной суммѣ - -	—	—	—	1500	—
А всего - -	—	—	—	8885	—

На подлинномъ подписано: Графъ Шереметевъ.

совершенно теперешнее положеніе корпуса, можетъ доставить Вамъ, въ пополненіе сообщенныхъ отъ меня о немъ свѣдѣній, все, что только нужно знать Вашему Превосходительству.

При семъ же препровождаю планы и чертежи питомцевъ корпуса, изъ которыхъ изволите усмотрѣть, что многіе пажи упражнялись съ довольнымъ успѣхомъ“ [121]).

Переговоривъ съ генераломъ Шапошниковымъ въ первыхъ числахъ Сентября 1802 г., генералъ Клингеръ тотчасъ же принялся за дѣло и уже черезъ нѣсколько дней представилъ графу Шереметеву планъ преобразованія, который тотъ, въ свою очередь, доставилъ Государю. 14 Сентября послѣдовалъ указъ на имя шефа корпуса: „Графъ Николай Петровичъ, представленный при донесеніи Вашемъ планъ преобразованія Пажескаго корпуса, сочиненный Генералъ-маіоромъ Клингеромъ, я утвердилъ и сообразно тому поручилъ ему, по сношеніи съ Вами, составить начертаніе обязанностей каждаго чиновника, сдѣлать штаты и прочія распоряженія къ исполненію сего плана нужныя“ [122]).

Императоръ Александръ, какъ можно заключить изъ только-что приведеннаго указа, съ интересомъ слѣдилъ за ходомъ преобразовательной работы, не обошедшейся, какъ, впрочемъ, не обходится ни одна реформа, безъ жертвъ: генералъ Шапошниковъ того же 14 Сентября и тѣмъ же указомъ былъ уволенъ отъ службы. „По представленію же Вашему, сказано въ немъ о бывшемъ директорѣ пажей генералъ-маіорѣ Шапошниковѣ: за тридцатиосьмилѣтнюю его службу повелѣлъ производить ему половинный пенсіонъ изъ Кабинета“ [123]). Повидимому, бесѣда съ главноуправляющимъ вмѣсто того, чтобъ выяснить послѣднему состояніе Пажескаго корпуса, выяснила директору его, что не остается ничего другого, какъ подать въ отставку, что онъ и поспѣшилъ сдѣлать.

Вскорѣ съ цѣлью, вѣроятно, очистить корпусъ отъ дореформенныхъ воспитанниковъ, состоялось производство камеръ-пажей въ офицеры: двухъ, въ числѣ ихъ и будущаго военнаго министра Чернышева, 20 Сентября 1802 г., одного 23 Сентября, четырехъ 24 Сентября и троихъ 26 Сентября [124]). Это была уже вторая серія выпускаемыхъ: первая, состоявшая изъ 8 человѣкъ, еще 10 Августа получила свои офицерскія эполеты. Черезъ 6 дней послѣ второго, назовемъ его, дореформеннаго выпуска, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, „чтобы на имѣющіяся нынѣ семь ваканцій камеръ-пажескихъ“

сказано въ бумагѣ, посланной извѣстнымъ Трощинскимъ графу Шереметеву: „избраны были изъ Пажей не по старшинству ихъ службы, но по отличности успѣховъ въ наукахъ, произведя всѣмъ имъ подъ наблюденіемъ того же г-на Клингера, согласный съ проэктомъ Учрежденія, экзаменъ, по коему оказавшихся достойнѣйшими семь пажей представить Его Величеству къ произведенію въ камеръ-пажи [125]).

Такое Высочайшее повелѣніе показывало твердое намѣреніе Государя смотрѣть на пажей, какъ на воспитанниковъ учебнаго заведенія, для которыхъ успѣхъ въ ученіи долженъ имѣть рѣшающее значеніе, а не какъ на юношей, призванныхъ, главнымъ образомъ, служить и, между прочимъ, заниматься науками. Оно ясно обнаруживало желаніе Императора показать, что камеръ-пажеское званіе, предметъ мечты каждаго пажа, можетъ быть пріобрѣтено только цѣною умственныхъ усилій и есть награда „достойнѣйшихъ“ за ихъ труды. Какъ вообще было велико желаніе Государя водворить новый порядокъ, видно уже потому, что, не дождавшись введенія Положенія, Императоръ поспѣшилъ обратить въ практику то, что еще только намѣревался узаконить черезъ нѣкоторое время.

Наконецъ 10 Октября былъ данъ на имя графа Шереметева рескриптъ слѣдующаго содержанія: „Графъ Николай Петровичъ! Разсмотрѣвъ представленное при докладѣ Вашемъ Учрежденіе Пажескаго корпуса въ новомъ его преобразованіи и дополненіе къ прежнему штатному онаго положенію, сочиненныя Генералъ-маіоромъ Клингеромъ, утверждаю оныя во всей ихъ силѣ, повелѣвая первое, при семъ возвращаемое, ввести немедленно въ дѣйствіе подъ руководствомъ того же Генералъ-маіора Клингера, на коего обще съ Вами возлагаю и выборъ достойныхъ и способныхъ людей какъ въ директоры сего корпуса, такъ и къ прочимъ должностямъ; по послѣднему предписано отъ меня Министру Финансовъ отпускать ежегодно на содержаніе Пажескаго корпуса къ назначенной въ придворномъ штатѣ суммѣ еще по восьми тысячъ восьмисотъ восьмидесяти пяти рублей изъ государственныхъ казначействъ, желая, чтобъ при таковомъ новомъ распоряженіи и пособіи воспитаніе пажей обратилось въ существеннѣйшую пользу. Пребываю всегда къ Вамъ благосклонный“ [126]).

Черезъ два дня графъ Шереметевъ писалъ генералу Клингеру: „Нужнымъ поставляю извѣстить, что, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія Его Императорскаго Величества, предписалъ я всѣмъ чиновникамъ Пажескаго корпуса, камеръ-пажамъ и пажамъ собраться зав-

трашнимъ утромъ въ 9 часовъ, т. е. 13 числа сего Октября, въ Пажескій корпусъ, для прослушанія новаго Учрежденія, Высочайше изданнаго. Стремясь же, со всѣмъ усердіемъ моимъ, дабы внушеніе Высочайшей воли, въ семъ Учрежденіи изображенное, было выполнено во всей своей силѣ, непремѣннымъ долгомъ почелъ бы самъ быть при томъ чтеніи въ корпусѣ, если бы жестокая простуда, съ зубною болью соединенная, позволила мнѣ хоть мало стать съ постели, черезъ что, будучи лишенъ способовъ, побуждаюсь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство принять на себя трудъ подкрѣпить своимъ присутствіемъ въ корпусѣ дѣйствительное впечатлѣніе Высочайшаго Учрежденія. Одолженіе сіе будетъ мнѣ тѣмъ чувствительнѣе, что при всѣхъ обязанностяхъ сдѣлаете Вы тѣмъ пріязненное удовлетвореніе той признательности, съ коей вмѣстѣ прося принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и т. д. [127]).

Итакъ, 13 октября, въ 9 часовъ Положеніе было прочитано въ Пажескомъ корпусѣ, находившемся тогда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Училище Правовѣдѣнія.

Новое Положеніе не вполнѣ выражало задушевныя мысли, потрудившагося надъ нимъ генерала Клингера. Оно не вполнѣ плодъ его педагогическихъ думъ уже потому, что оно являлось, если можно такъ выразиться, продуктомъ совмѣстнаго творчества двухъ лицъ: главноуправляющаго Пажескимъ корпусомъ и его шефа.

Кромѣ того, если бы даже ему былъ представленъ полный просторъ въ этомъ смыслѣ, то и тогда врядъ ли бы онъ могъ бы ихъ провести, такъ какъ, въ сущности, относился отрицательно къ какимъ бы то ни было педагогическимъ теоріямъ, а потому, если только личные его взгляды нашли мѣсто въ Положеніи, то только тѣ, которые онъ усвоилъ какъ педагогъ-практикъ, прибѣгавшій къ рутиннымъ и несложнымъ пріемамъ механической дисциплины [128]).

Послѣ этой краткой замѣтки обратимся къ самому Положенію. „Директоръ долженъ предположить себѣ главнымъ основаніемъ, что Пажескій корпусъ есть училище для образованія нравовъ и характера, и въ которомъ имѣютъ быть преподаваемы нужныя офицеру познанія; что корпусъ сей есть совокупно такое воинское установленіе, гдѣ благородное юношество черезъ воспитаніе приготовляется къ воинской службѣ строгимъ повиновеніемъ, совершенною подчиненностью и не принужденнымъ, но добровольнымъ выполненіемъ должностей своихъ. Будущее счастье и слава сихъ молодыхъ дворянъ зависитъ отъ упо-

мянутыхъ обстоятельствъ, а потому директоръ долженъ обращать на нихъ равное вниманіе".

Такъ начинается Учрежденіе Пажескаго корпуса. Въ этихъ немногихъ строкахъ выражена цѣль вновь преобразованнаго заведенія—готовить молодыхъ дворянъ къ офицерскому званію и указаны средства для этого — дисциплина и нужныя для офицера познанія.

Дисциплиной надѣялись развить и укрѣпить характеръ, сдѣлать его такимъ, какимъ онъ долженъ быть у настоящаго военнаго, готоваго съ любовью всегда слѣпо повиноваться приказаніямъ начальства, а сообщеніемъ нужныхъ для офицеровъ познаній надѣялись удовлетворить требованіямъ военнаго искусства.

Посмотримъ же, какъ намѣревались прививать ту субординацію, про которую въ одномъ мѣстѣ Учрежденія сказано, „что воспитывающимся въ Пажескомъ корпусѣ главнѣйше вперяемо быть должно, что субординація достохвальна какъ въ начальствующихъ, такъ и въ повинующихся, и что слава нашего званія и счастье каждаго отъ оной зависятъ", и посмотримъ также, что понимали подъ „нужными офицеру познаніями".

Во-первыхъ, дисциплину предполагали „вперять, по завѣтамъ Суворова,—показомъ". Примѣромъ въ этомъ отношеніи должны были служить офицеры корпуса или, какъ ихъ звали тогда, гувернеры. „Примѣръ поведенія ихъ, сказано въ Учрежденіи: сильнѣе всего можетъ имѣть на воспитанниковъ истинное и существенное вліяніе". Такихъ гувернеровъ по штату полагалось три, каждый изъ нихъ завѣдывалъ отдѣленіемъ.

Во-вторыхъ, пріученіемъ съ юныхъ лѣтъ къ воинской организаціи, іерархіи и воинскимъ упражненіямъ.

Пажи составляли роту, командовать которою былъ призванъ штабъ-офицеръ, носившій названіе гофмейстера, а исполнять въ ней роль младшихъ офицеровъ — гувернеры.

Отправленіе обязанностей старшихъ въ отдѣленіяхъ и унтеръ-офицеровъ во фронтѣ должно было пріучать будущихъ офицеровъ къ несенію обязанностей какъ во внутреннемъ быту, такъ и во фронтѣ.

Наконецъ, военныя упражненія имѣли цѣлью познакомить пажей со всѣми тонкостями разныхъ построеній, далеко не простыхъ въ то время, и окончательно пріучать ихъ къ субординаціи, отъ которой „зависѣло счастье каждаго". Они же предназначались и для того, чтобъ познакомить ихъ съ несеніемъ нѣкоторыхъ обязанностей службы.

„Камеръ-пажи и пажи, сказано въ Учрежденіи: зимою въ свободные часы упражняются въ ружьѣ, офицеры обучаютъ ихъ по одиночкѣ, пока они не пріобрѣтутъ довольно навыка къ обученію отдѣленіями. Какъ же скоро въ томъ успѣютъ, то заставляютъ ихъ попеременно командовать отдѣленіями, дабы навыкли къ командованію и объясненію ружейныхъ пріемовъ. Они должны быть при томъ въ полной аммуниціи.

Камеръ-пажи должны обучаться дѣйствовать галлебардою, потому что, когда пажи состроятся въ роту, тогда они въ качествѣ унтеръ-офицеровъ разставляются во фронтѣ. Когда всѣ они въ состояніи будутъ обучаться по-ротно, тогда вся рота выходитъ на ученье въ лѣтніе мѣсяцы по нѣсколько разъ въ недѣлю. Штабъ-офицеръ командуетъ ротою, а офицеры стоятъ во фронтѣ.

Для перемѣны можно тогда заставлять пажей поочередно командовать плутонгами, подъ руководствомъ офицеровъ“. Вотъ въ чемъ заключалась одна часть упражненій, которую можно назвать, придерживаясь терминологіи той эпохи, „экзерциціею“.

Упражненія въ гарнизонной службѣ, какъ мы ее называемъ теперь, сводились къ тому, что ежедневно выставлялся пикетъ изъ 12 пажей, ефрейтора и барабанщика; „пикетомъ, гласитъ Учрежденіе: командуетъ камеръ-пажъ; по подлежащимъ мѣстамъ въ домѣ ставятся пажи на посты. Командующій за унтеръ-офицера посылаетъ свои рапорты въ надлежащей формѣ директору, командиру и офицеру, правящему должность адъютанта. Унтеръ-офицеръ разсылаетъ свои патрули по дому. Во время классовъ, равно какъ и ночью, караулъ не стоитъ. За полчаса до пробитія утренней зари идутъ караульные въ назначенные для караульни мѣсто и не прежде оставляютъ оное, какъ уже по пробитіи вечерней зари. Вступаетъ новый караулъ въ 11 часовъ послѣ развода и стоитъ до 2 часовъ, а потомъ отъ 4 до пробитія вечерней зори. Часовые обязаны тогда, когда караульные обѣдаютъ съ прочими пажами, приходить на ихъ смѣну“. Дежурному офицеру вмѣнялось въ обязанность часто посѣщать караульныхъ, а имъ становиться къ ружью для директора и дежурнаго офицера, а честь отдавать только главноуправляющему корпусомъ, директору и командиру.

Разводъ, носившій названіе вахтъ-парада, долженъ былъ происходить ежедневно и служить какъ бы повѣркою знакомства пажей съ тонкостями экзерциціи. „Вахтъ-парадъ бываетъ въ одиннадцать часовъ по окончаніи классовъ, читаемъ мы въ Учрежденіи: всѣ офицеры,

пажи и камеръ-пажи должны быть при оном. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ бываетъ оный въ 9 часовъ. Въ воскресные дни послѣ парада читаютъ пажамъ, построеннымъ въ роту, по нѣскольку главъ изъ воинскаго устава Его Императорскаго Величества, дабы научились познавать свои должности; читаютъ же уставъ камеръ-пажи по очереди".

„Кромѣ того, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ 10 часовъ, когда пробьютъ на молитву, тогда построятся пажи для церковнаго парада и пойдутъ по-взводно въ церковь; требуетъ то же Учрежденіе: младшій офицеръ въ качествѣ адъютанта строитъ вахтъ-парадъ и командуетъ отдѣленіями такъ, что три отдѣленія по-очереди между собою смѣняются и всегда достается итти въ караулъ пажамъ изъ одного только отдѣленія. По окончаніи развода диктуетъ адъютантъ одному изъ камеръ-пажей приказъ начальника корпуса или директора, а камеръ-пажъ диктуетъ оные старшимъ пажамъ трехъ отдѣленій. Онъ имѣетъ книгу, въ которую вписываетъ сіи приказы; то же дѣлать обязано всякое отдѣленіе".

Такимъ образомъ, какъ можно заключить изъ только-что приведеннаго, мысль—незамѣтно, механически пріучить къ экзерциціямъ, къ исполненію начальническихъ приказаній и отправленію обязанностей военнослужащаго, послѣдовательно и методически проведена въ Учрежденіи. Такъ и чувствуется, что составитель былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что привычка—вторая натура; для него, очевидно, это не банальная фраза и онъ, видимо, не вѣрилъ, что si l'on chasse le naturel par la porte, il reviendra au galop par la fenêtre. Особенно ярко это сказалось въ требованіи по воскреснымъ днямъ, послѣ развода, читать построенной ротѣ уставъ Его Императорскаго Величества. Какъ мыслитель, поэтъ и поклонникъ Руссо, Клингеръ не могъ не сознавать, что отъ такого чтенія ничего не должно было остаться, кромѣ скуки и извѣстнаго недовольства, но какъ вѣрный хранитель Фридриховскихъ традицій механической дисциплины, находившей въ свое время не мало поклонниковъ, какъ отчасти ученикъ мага вахтъ-парадовъ Аракчеева, онъ, инстинктивно, по привычкѣ вѣрилъ въ спасительность механическаго метода въ военномъ дѣлѣ и нисколько не сомнѣвался въ томъ, что слушавшіе уставъ пажи и читавшіе его по очереди камеръ пажи этимъ способомъ „научатся познавать свои должности".

Обратимся къ „усвоенію нужныхъ офицеру знаній". Они должны были быть усвоены въ 4 года, въ 4 классахъ.

Въ первомъ классѣ предполагалось проходить:

1. Языки россійскій, французскій, нѣмецкій съ преподаваніемъ грамматическихъ правилъ,
2. Чистописаніе на сихъ языкахъ,
3. Географію,
4. Россійскую исторію,
5. Ариѳметику,
6. Рисованіе,
7. Ситуацію,
8. Законъ.

Во второмъ классѣ:

1. Тѣ же три языка съ грамматикой,
2. Упражненіе въ переводѣ,
3. Географію,
4. Европейскую исторію,
5. Рисованіе,
6. Ситуацію,
7. Ариѳметику, геометрію, полевую фортификацію,
8. Законъ.

Въ третьемъ:

1. Тѣ же языки, упражненія въ сочиненіи,
2. Географію статистическую,
3. Исторію всеобщую,
4. Рисованіе,
5. Ситуацію,
6. Алгебру, геометрію, тригонометрію,
7. Коническое сѣченіе,
8. Фортификацію долговременную, артиллерію,
9. Физику,
10. Законъ.

Въ четвертомъ:

1. Образованіе въ слогѣ на упомянутыхъ трехъ языкахъ,
2. Образованіе въ слогѣ, въ дѣлахъ и въ негоціяціяхъ употребляемомъ,
3. Статистическую географію,
4. Рисованіе,
5. Ситуацію,
6. Исторію о трактатахъ и негоціяціяхъ государственныхъ,
7. Исторію дипломатическую и о политическомъ отношеніи государствъ и правленіяхъ европейскихъ,

8. Алгебру, Геометрію, Тригонометрію, Коническое сѣченіе, Высшую геометрію, Фортификацію долговременную, Артиллерію, Физику, Статику, Механику,

9. Законъ.

Всматриваясь въ эту программу, нельзя не замѣтить, что въ ней чрезвычайно послѣдовательно была проведена мысль—давать постепенно перевѣсъ военнымъ предметамъ и служащимъ для нихъ подготовительными надъ общеобразовательными. Въ первомъ классѣ военныхъ предметовъ нѣтъ, если не считать ситуацію, во второмъ уже появляется полевая фортификація и вспомогательная для нея геометрія, въ третьемъ ее замѣняетъ долговременная и къ ней присоединяется артиллерія и вспомогательныя—физика, алгебра, тригонометрія и коническое сѣченіе, наконецъ, въ четвертомъ—долговременную фортификацію сопутствуютъ, кромѣ названныхъ, высшая геометрія, статика и механика. Однако, сдѣланное замѣчаніе, не даетъ намъ права утвердительно сказать, что 4-ый классъ былъ спеціально военный, мы можемъ только отмѣтить, что въ немъ преобладали военные предметы съ ихъ вспомогательными, и только. Но, съ другой стороны, та же программа заставляетъ думать, что не хотѣли наносить большаго ущерба и общеобразовательнымъ предметамъ, а потому въ 4-мъ классѣ и имъ удѣлили видное мѣсто. Такое стремленіе быть сильнымъ на всѣхъ пунктахъ грозило опасностью сдѣлаться слабымъ на всѣхъ и, во всякомъ случаѣ, указывало на то, что принципъ спеціализаціи не былъ выдержанъ во всей его строгости, что вполнѣ отвѣчало взглядамъ того времени и исторической обстановкѣ, въ которой они сложились. Тогда еще нуждались въ умныхъ людяхъ вообще, а не въ знатокахъ-спеціалистахъ. Человѣкъ, кончившій курсъ по такой программѣ могъ быть и дипломатомъ и чѣмъ угодно другимъ, а не только военнымъ. Другая особенность этой программы заключается въ томъ, что въ ней такъ и сквозитъ тотъ взглядъ, который до эпохи Наполеоновскихъ войнъ установился на военныя знанія, какъ на совокупность свѣдѣній по артиллеріи и фортификаціи: уже не говоря о стратегіи и тактикѣ но и о военной исторіи въ ней нѣтъ помину, онѣ совсѣмъ не признавались науками нужными. И въ этомъ, какъ и во взаимномъ соотношеніи военныхъ предметовъ съ общеобразовательными, видно вліяніе XVIII вѣка, отъ традицій котораго освобождались только съ трудомъ и постепенно.

Если мы сравнимъ разбираемую программу съ приведенной въ другомъ мѣстѣ программою 4-хъ классовъ „плана воспитанія“ то тамъ въ виду болѣе поздней редакціи „плана“ мы встрѣтимъ и стратегію, и тактику, и военную исторію, и даже изъясненіе записокъ великихъ полководцевъ, но то же сравненіе убѣдитъ насъ, что корпуса „плана“ предполагалось сдѣлать гораздо болѣе спеціальными военными учебными заведеніями, чѣмъ Пажескій корпусъ, что опять-таки объясняется болѣе позднею редакціею его и условіями поступленія въ проэктируемые имъ корпуса. Вѣдь въ нихъ воспитанники должны были поступать по окончаніи гимназіи, а въ Пажескій корпусъ прямо изъ дома.

Наконецъ, если мы сравнимъ программу „учрежденія“ съ введенной Завадовскимъ по приказанію Императрицы Екатерины, то въ результатѣ придемъ къ убѣжденію, что новая отличалась и большею широтою и отвѣчала главному назначенію пажей служить въ будущемъ офицерами, такъ какъ въ ней уже со втораго класса введена въ число предметовъ полевая фортификація, тогда какъ дореформенная программа въ 3-мъ классѣ допускала военные предметы, „если время останется“, а узаконяла ихъ только въ послѣднемъ, въ четвертомъ классѣ. Замѣчательно, что увеличивъ число предметовъ, новое Положеніе не увеличило число лѣтъ для ихъ прохожденія.

Познакомившись съ способами проведенія субординаціи и съ нужными для офицера познаніями, перейдемъ теперь къ должностнымъ лицамъ. Поговоримъ сначала о блюстителѣ программы—инспекторѣ классовъ. Онъ хотя и имѣлъ „въ полномъ вѣдѣніи все до классовъ принадлежащее“, но измѣнить что-либо въ ней не имѣлъ права. „Онъ, сказано въ Учрежденіи: распредѣляетъ учебные часы, смотритъ за прилежаніемъ и успѣхами воспитанниковъ и отвѣтствуетъ какъ за способъ преподаванія наукъ, такъ и за все прочее. Обязанъ непремѣнно въ каждую лекцію посѣщать классы, наблюдать успѣхи и нерадѣніе учениковъ, замѣчать методу учителей и, буде усмотритъ надобность что либо поправить, наставляетъ ихъ въ томъ безъ свидѣтелей.

Онъ избираетъ учителей, представляетъ ихъ директору. Каждый новый учитель принимается на четыре мѣсяца для испытанія и опредѣляется въ настоящую должность тогда, когда въ теченіи сего времени подастъ причину быть имъ довольнымъ. Учителямъ, неисправнымъ въ преподаваніи лекцій, даетъ наставленіе. Примѣтивъ, за которымъ изъ нихъ частыя упущенія, долженъ представить директору, что

такой учитель за небрежность въ должности не можетъ болѣе терпимымъ быть въ корпусѣ. Обязанъ прилагать всевозможныя старанія, пріискивать самыхъ искусныхъ учителей и доводить ихъ, чтобы они всѣ предметы преподавали по лучшей однообразной методѣ. Каждый учитель ежемѣсячно подаетъ ему рапортъ. Въ оном каждый учитель долженъ отмѣтить учениковъ прилежныхъ и нерадивыхъ; изъ рапортовъ сихъ, составивъ одинъ общій по предметамъ наукъ и по классамъ, представляетъ за своимъ подписаніемъ, одинъ главноуправляющему корпусомъ и другой директору.

Офицерамъ всѣхъ четырехъ отдѣленій сообщаетъ списокъ всѣмъ камеръ-пажамъ и пажамъ, которые у нихъ находятся, дабы нерадивыхъ побуждать къ ученію. Ежегодно съ перваго числа Сентября надлежитъ ему всѣхъ вообще пажей по-классно экзаменовать въ присутствіи директора, штабъ и оберъ-офицеровъ. По совершенномъ окончаніи экзамена составляетъ новый классный списокъ по усмотрѣннымъ имъ въ учащихся способностямъ и назначаетъ каждому пажу мѣсто.

Долженъ выбирать лучшія и цѣли ученія соотвѣтственнѣйшія книги; также имѣть попеченіе, чтобы книги сіи содержаны были въ чистотѣ и сохранности.

Для сего долженъ иногда нечаянно осматривать при офицерахъ книги, инструменты, планы, тетради и, буде найдетъ, что вещи сіи не въ порядкѣ или и вовсе утрачены, то доноситъ директору, передъ которымъ офицеры въ томъ имѣютъ отвѣтствовать.

Имѣетъ смотрѣніе тоже за библіотекою, которая долженствуетъ состоять изъ историческихъ, воинскихъ, нравоучительныхъ и къ образованію слога служащихъ книгъ. Книги сіи для употребленія раздаетъ пажамъ по билетамъ съ означеніемъ въ нихъ заглавія книги, на тотъ конецъ, дабы каждый изъ нихъ пользовался тѣми книгами съ должною бережливостью и въ цѣлости ихъ возвращалъ. На сію библіотеку въ первый годъ употребить 500 руб. изъ остаточной, а послѣ ежегодно по 200 руб. изъ классной суммы".

Нельзя не обратить вниманіе на детальность съ какою Учрежденіе указывало инспектору его обязанности; оно не упустило изъ виду напомнить ему даже необходимость „наставлять учителей безъ свидѣтелей" и объяснило, какъ ему, въ качествѣ библіотекаря, надо выдавать книги.

Также подробно и наставительно опредѣляется въ Учрежденіи обязанности 3-хъ офицеровъ, завѣдующихъ отдѣленіями и живущихъ

въ квартирѣ рядомъ со спальней своего отдѣленія: „Обязанность офицеровъ въ отношеніи къ пажамъ двоякая, именно: какъ наставники они должны воспитывать и образовать ихъ, а какъ военные чиновники— пріучать и руководствовать къ будущему опредѣленію по воинской службѣ; вслѣдствіе сего, должны они имѣть всю возможную осмотрительность въ разсужденіи собственныхъ поступковъ своихъ въ качествѣ наставниковъ; въ разсужденіи же исполненія должностей въ качествѣ военныхъ чиновниковъ, ибо примѣръ поведенія ихъ сильнѣе всего можетъ имѣть на воспитанниковъ истинное и существенное вліяніе.

Офицерамъ должно между собою жить и обходиться благопристойно и дружелюбно; поступать съ пажами вѣжливо и приличнымъ дворянину образомъ; а тѣмъ самымъ, равно какъ и всякими другими средствами, возбуждать и питать въ пажахъ любовь чести и благородныя мысли, быть въ рѣчахъ съ ними осторожнымъ, не предаваться гнѣву и не выходить изъ терпѣнія; буде усмотрятъ даже въ нихъ что-либо предосудительное или какое взысканіе заслуживающее, должны представлять имъ дурныя слѣдствія изъ проступковъ ихъ, для нихъ же самихъ происходящія, и быть строги, но всегда справедливы; нарушеніе субординаціи отнюдь не долженствуетъ быть оставляемо безъ вниманія.

Каждый офицеръ имѣетъ свое отдѣленіе и отвѣтствуетъ за поведеніе, упражненія и опрятность воспитанниковъ онаго, равно какъ за чистоту покоевъ, одежды, бѣлья, обуви и постелей.

Такъ какъ въ воскресные и праздничные дни дозволяется пажей отпускать къ своимъ родственникамъ, то офицеръ и долженъ стараться знать таковыхъ, подлинно ли они ихъ посѣщаютъ, ибо отвѣтствуетъ директору за тѣхъ пажей, коимъ даетъ позволеніе итти со двора. Позволеніе сіе есть награда за прилежаніе и доброе поведеніе, и офицеръ отдѣленія имѣетъ власть не давать къ выходу позволенія тому изъ пажей, который онаго не заслуживаетъ.

Каждое утро подаетъ ему старшій пажъ о состояніи отдѣленія рапортъ по обыкновенной формѣ.

Онъ долженъ пажей своихъ часто и неожиданно посѣщать, дабы видѣть, чѣмъ они занимаются и какъ себя ведутъ; нерадивыхъ долженъ побуждать къ ученію; ибо за сіе неотмѣнно долженъ ему отвѣчать такъ, какъ и за нравственное ихъ поведеніе.

Ежемѣсячно перваго числа подаетъ онъ директору списокъ по формѣ, какъ изображено въ предыдущемъ параграфѣ; а директоръ

препровождаетъ всѣ полученные списки къ главноуправляющему корпусомъ.

Каждый офицеръ обучаетъ своихъ пажей пріемамъ ружья сперва по одиночкѣ, а потомъ вмѣстѣ. Когда же состроятся пажи въ роту, тогда становится онъ въ надлежащее ему мѣсто передъ фронтомъ".

Читая эти строки, можно подумать, что они написаны не сто лѣтъ тому назадъ для офицеровъ-гувернеровъ, а въ настоящее время, какъ руководящія начала для офицеровъ-воспитателей. Аналогія въ требованіяхъ на столько выдержана, что еслибы не языкъ, иллюзія была бы полная. Онъ только и выдаетъ настоящій, почтенный возрастъ приведенной инструкціи, въ которой нашли примиреніе поэтъ и ученикъ Руссо съ военнымъ рутинеромъ и ученикомъ Аракчеева. Плодомъ такого примиренія явилось желаніе соединить въ одномъ лицѣ офицера-начальника съ гувернеромъ-наставникомъ. Одинъ слѣдитъ, чтобы процвѣтала субординація, а другой, чтобы пажи развивались какъ нравственно, такъ и умственно. Однако, при внимательномъ чтеніи только-что приведенной инструкціи, не трудно замѣтить, что она уповала, главнымъ образомъ, на примѣръ и на механическое усвоеніе нравственныхъ качествъ наставниковъ, хотя на ряду съ этимъ она не отрицаетъ и даже поощряетъ бесѣды, увѣщанія и побужденія къ добрымъ поступкамъ, но тутъ же предостерегаетъ отъ излишнихъ разговоровъ, предлагая „быть въ рѣчахъ съ ними осторожными" и этимъ какъ бы еще разъ напоминаетъ, что какъ ни хороши разговоры, а примѣръ лучше.

Весьма интересно также требованіе, чтобы спальни отдѣленія были рядомъ съ квартирой отдѣленнаго офицера-гувернера. Оно напоминаетъ англійскую систему воспитанія съ тюторами, неразлучно находящимися съ воспитанниками и живущими съ ними одною жизнью, и указываетъ на желаніе составителя Учрежденія поставить офицера-гувернера, какъ можно ближе къ воспитанникамъ его отдѣленія. Учрежденіе идетъ еще дальше: оно высказывается за то, чтобы офицеръ-гувернеръ зналъ родственниковъ воспитанниковъ, къ которымъ они ходятъ въ отпускъ, „такъ какъ въ воскресные, читаемъ мы: и праздничные дни дозволяется пажей отпускать къ родственникамъ, то офицеръ и долженъ стараться знать таковыхъ, подлинно-ли они ихъ посѣщаютъ". Мнѣніе о томъ, что офицеру-гувернеру должны быть извѣстны родственники воспитанниковъ показываетъ, что уже и тогда понимали, что школа должна болѣе или менѣе вторгаться въ част-

ную, семейную жизнь, что между ней и семьей не можетъ не быть связи.

Если, по мысли автора Учрежденія, офицеръ-гувернеръ призванъ былъ исполнять двѣ функціи, то гофмейстеръ долженъ былъ взять на себя исполненіе цѣлыхъ трехъ обязанностей: гувернера, ротнаго командира и руководителя придворною службою пажей; „Штабъ-офицеръ, сказано: состоя подъ зависимостью директора, исправляетъ всѣ должности по своему чину и потому имѣетъ смотрѣніе надъ всѣми пажами; преимущественно же, яко особый надзиратель надъ камеръ-пажами; вслѣдствіе чего, въ отношеніи къ симъ послѣднимъ принадлежатъ ему всѣ тѣ должности, какія и прочимъ офицерамъ предписаны въ послѣдующемъ параграфѣ (т. е. въ томъ, гдѣ говорится объ офицерахъ-гувернерахъ).

Онъ не долженъ никогда упускать изъ виду, что камеръ-пажи не только обязаны съ такою же точностью выполнять всѣ должности, какъ простые пажи, но что содержаны быть должны еще съ большей строгостью; поелику они старѣе лѣтами, слѣдственно, зрѣлѣе умомъ, и что сверхъ сего, какъ возвышены они въ настоящій рангъ по особливой милости Монарха, единственно за отличіе въ ученіи и поведеніи, то и сохраненіе преимуществъ онаго впредь зависитъ отъ тѣхъ же качествъ.

Онъ имѣетъ надзоръ за всѣми воинскими ихъ упражненіями; и при обученіи камеръ-пажей и пажей пріемамъ ружья по одиночкѣ долженъ всегда присутствовать; когда же состроятъ ихъ въ роту, тогда онъ самъ ими командуетъ.

О всемъ, въ домѣ происходящемъ, доноситъ ему дежурный офицеръ, а онъ—директору. Долженъ посѣщать классы, спальни и пажей часто и нечаянно, наблюдаетъ за исполненіемъ должностей офицеровъ, взыскиваетъ строго упущенія и во всемъ помогаетъ директору, имѣя непрестанно въ предметѣ общее благо корпуса. Онъ водитъ пажей ко двору Его Императорскаго Величества, когда должно имъ явиться на куртагъ; даетъ имъ особенное наставленіе, какъ тамъ себя вести, наблюдаетъ за ними, поправляетъ ихъ, замѣчаетъ неисправныхъ и каждый разъ доноситъ о поведеніи ихъ директору.

Камеръ-пажи и пажи, которымъ дойдетъ очередь служить при Дворѣ, прежде, нежели тамъ должны явиться, представляются ему черезъ дежурнаго офицера. Онъ осматриваетъ каждаго, опрятно ли и пристойно ли одѣтъ, даетъ имъ наставленіе, какъ исполнять свою

при Дворѣ должность и учитъ ихъ быть тамъ въ поступкахъ благопристойными и почтительными. Въ первое число каждаго мѣсяца обязанъ подавать директору имянной списокъ о всѣхъ камеръ-пажахъ, а директоръ представляетъ оный къ главноуправляющему корпусомъ. Въ спискѣ семъ означаются пять предметовъ: поведеніе, нравъ, опрятность, штрафъ и номеръ класса".

Слѣдовательно, въ сущности гофмейстеръ пажей, въ качествѣ командира роты, является помощникомъ директора—„онъ во всемъ ему помогаетъ", но въ то же время онъ исполняетъ одни и тѣ же обязанности, что и подчиненные ему гувернеры, съ той лишь разницей, что вѣдаетъ камеръ-пажей, т. е. молодыхъ людей, которые уже сами должны служить примѣромъ для другихъ. Какъ гофмейстеръ, ротный командиръ дѣйствуетъ, повидимому, самостоятельно. Тутъ онъ является во всеоружіи своихъ правъ: онъ одинъ распоряжается придворною службою молодыхъ людей, надъ которыми начальствуетъ въ качествѣ командира. Очевидно, что званіе гофмейстера оставлено, чтобы показать, что реформа, превращавшая Пажескій корпусъ въ военное учебное заведеніе, не умаляла придворной функціи пажей, наблюдать за исполненіемъ которыхъ Учрежденіе поручило тому, кому оно поручило наблюдать и за ихъ военнымъ воспитаніемъ. Придворная служба не должна была итти въ ущербъ чисто военной, а потому гофмейстеру-командиру, лицу наиболѣе способному удержать равновѣсіе въ желательномъ направленіи, и предлагали примирять требованіе той и другой.

Надъ гофмейстеромъ-командиромъ и вообще надъ всѣми членами корпуса стоялъ директоръ. Про него въ Учрежденіи сказано: „Поелику онъ же отвѣтствуетъ за всѣ части, за нравы, за военный порядокъ, за науки, за полицію, за экономію, то каждый, по симъ частямъ должность отправляющій, состоитъ подъ его повелѣніемъ, а онъ самъ подъ повелѣніемъ главноуправляющаго корпусомъ.

А какъ директоръ корпуса ревностью къ службѣ долженъ подавать къ подражанію примѣръ своимъ подчиненнымъ, то и надлежитъ ему неослабно смотрѣть, какимъ образомъ выполняютъ они свои должности, и не упускать изъ виду ни единой части. На каковой конецъ часто и неожиданно посѣщаетъ онъ классы, столовую во время обѣда и ужина, спальни пажей, дабы тѣмъ удобнѣе наблюдать за поступками ихъ и упражненіями.

Всѣмъ извѣстно, колико чистота и опрятность необходимо по-

требны для сохраненія здоровія, а особливо тамъ, гдѣ многіе живутъ вмѣстѣ и одну имѣютъ спальню. Почему въ семъ случаѣ директоръ обязанъ быть весьма бдителенъ: часто самъ все осматривать и ни на кого не полагаться; ибо начальникъ, строго исполняющій свою должность и самъ вездѣ присутствующій, принудитъ и подчиненныхъ быть таковыми-жъ.

Директоръ наистрожайше смотритъ за исполненіемъ должностей офицеровъ; ибо сіе послужитъ непрерывнымъ и очевиднымъ наставленіемъ юношеству черезъ подражанія видимымъ примѣромъ образовать себя къ службѣ. Коль скоро директоръ строго взыскиваетъ съ офицеровъ, то равномѣрно и офицеры строго взыскиваютъ съ юношества, имъ ввѣреннаго; а юношество почитаетъ тогда сіе справедливымъ. Воспитывающимся въ Пажескомъ корпусѣ главнѣйше вперяемо быть должно, что субординація достохвальна, какъ въ начальствующихъ, такъ и въ повинующихся; и что слава нашего званія и счастье каждаго отъ оной зависитъ.

Директоръ наблюдаетъ, чтобы пажамъ и камеръ-пажамъ при самомъ малѣйшемъ отступленіи отъ сей главной цѣли не было дѣлано никакого послабленія; почему и смотритъ, чтобы обхожденіе съ ними было вѣжливое, непринужденное, благопристойное и безъ грубости, не только на дѣлѣ, но даже на словахъ:—не страхъ, а убѣжденіе въ ихъ обязанностяхъ долженствуетъ ими руководствовать; тогда и поступки молодыхъ людей будутъ свободны, откровенны и полны довѣренности къ начальникамъ и ко всѣмъ другимъ, съ кѣмъ доведется обращаться, что самое послужитъ доказательствомъ хорошаго и дворянину свойственнаго воспитанія, а со стороны надзирателей рачительнаго о томъ попеченія. Тщательно смотритъ, чтобы поступки ввѣренныхъ ему молодыхъ людей были вѣжливы и благопристойны; чтобы возбуждаемы были въ нихъ благородныя чувствованія и чтобы они мысли свои выражали исправно, осторожно и учтиво; ибо, ежели сіе требуется отъ всякаго воспитаннаго, то кольми паче отъ молодого дворянина, имѣющаго счастье быть близкимъ къ Государю и къ Августѣйшей его Фамиліи и служить передъ лицомъ Монарха.

Поступки директора и офицеровъ съ пажами и между собою должны и здѣсь служить примѣромъ. Начальникъ каждаго отдѣленія обязанъ по своей части смотрѣть за поступками пажей между собою и не дозволять имъ ничего грубаго и непристойнаго; о всякомъ же важномъ случаѣ доносить главноуправляющему корпусомъ“.

Эти перечисленія и разъясненія обязанностей директора производятъ то же впечатлѣніе, что и уже извѣстные намъ параграфы Учрежденія объ обязанностяхъ офицеровъ. Съ одной стороны требованія субординаціи, неуклоннаго ея проведенія и строжайшаго смотрѣнія за исполненіемъ должностей офицеровъ, съ другой, боязнь, чтобъ не исполняли слишкомъ буквально эти требованія и не пересолили бы, не обратили бы въ рутину, въ виду чего составитель и пускается въ разсужденія о томъ, что не страхъ, а убѣжденіе должно служить основаніемъ всякаго повиновенія. Другими словами, здѣсь такъ-же, какъ и въ инструкціи офицерамъ, Руссо и Аракчеевъ протягиваютъ другъ другу руку.

Интересно, что мы не встрѣчаемъ указаній на обязанность директора слѣдить за исполненіемъ придворной службы пажей. Это подтверждаетъ нашу мысль, что въ этомъ отношеніи гофмейстеръ былъ совершенно самостоятеленъ, въ эту сферу его дѣятельности начальникъ не вмѣшивался. Не менѣе интересно и то обстоятельство, что инспекторъ является прямо подчиненнымъ лицомъ директору, имѣющимъ непосредственныя съ нимъ сношенія, а офицеры-гувернеры о важныхъ проступкахъ пажей своихъ отдѣленій доносятъ главноуправляющему корпусомъ, т. е. помимо директора, лицу, стоящему выше его. Такое нарушеніе субординаціи совсѣмъ необъяснимо, тѣмъ болѣе еще, что офицеры-гувернеры, какъ мы видѣли, подчинялись и гофмейстеру-командиру, помощнику директора. Такимъ образомъ, придворная служба и отчасти нравственное воспитаніе ускользаютъ отъ него. Подобный порядокъ вещей нѣсколько нарушалъ цѣльность его власти и грозилъ нѣкоторыми усложненіями въ будущемъ.

Кромѣ уже поименованныхъ отраслей, директору была подчинена полиція. „Полиція, сказано въ Учрежденіи: состоитъ подъ вѣдѣніемъ директора: онъ печется о спокойствіи, порядкѣ и чистотѣ въ корпусѣ; на сей конецъ имѣетъ въ повелѣній своемъ двухъ унтеръ-офицеровъ. Нужно всегда въ готовности и въ надлежащемъ порядкѣ содержать ведра съ водою и ручныя пожарныя трубы. На всякій случай надлежитъ держать также бочки съ водою зимою въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не мерзнетъ; унтеръ-офицеры должны смотрѣть за огнемъ въ домѣ и въ 10 часовъ осматривать, во всѣхъ ли печкахъ и каминахъ огонь погашенъ. Одинъ изъ казенныхъ людей долженъ ночью въ комнатахъ караулить; а унтеръ-офицеры ночью попере-

мѣнно, по крайней мѣрѣ, два раза, весь домъ обойти и по-утру рапортовать директору обо всемъ ими примѣченномъ. Швейцаръ записываетъ имена всѣхъ входящихъ и выходящихъ, исключая директора. Не принадлежащихъ къ дому всякаго спрашиваетъ, къ кому пришелъ.

Ни одного изъ пажей, какого бы ранга ни былъ, не выпускаетъ, если не покажетъ ему билета за подписаніемъ офицера о дозволеніи итти со двора. Записываетъ часъ, когда пажъ вышелъ и когда возвратился. По утрамъ и по вечерамъ подаетъ директору полный списокъ о всѣхъ проходившихъ въ ворота; и долженъ за то отвѣтствовать.

Ворота отворяются въ 7 часовъ съ половиною, а въ вечеру затворяются въ 10 часовъ. Въ сію пору пажи должны быть дома, кромѣ тѣхъ, которые при Дворѣ дежурятъ или отлучились по особому дозволенію директора.

Прислужникамъ пажей отнюдь не жить подлѣ ихъ спаленъ; но вмѣстѣ всѣмъ въ нижнемъ этажѣ. Поелику многочисленность ихъ безполезна и ведетъ къ безпорядку и нечистотѣ, то полагается на 5 пажей по одному служителю и по одному же на четырехъ камеръ-пажей.

Они подчинены полиціи и, буде окажутся виновными, наказываются ею, а не пажами, которые могутъ только жаловаться.

Въ домѣ содержать подъ командою унтеръ-офицера воинскій караулъ. У воротъ стоитъ часовой, а въ домѣ по мѣстамъ, гдѣ требуетъ необходимость, посты“.

Всѣми этими мѣрами надѣялись подвергнуть молодыхъ людей бдительному надзору, но забывали, что, вручая главное наблюденіе швейцару, вручали его въ мало-надежныя руки, которыя съ удовольствіемъ ощупывали каждую перепадавшую имъ монету. Правда, отчасти помочь этому горю думали учрежденіемъ унтеръ-офицерскаго караула и постановкой часового у воротъ, но при этомъ упускали изъ виду, что пропущенный сговорчивымъ швейцаромъ пажъ не выберетъ для прогулки дорогу, проходящую черезъ постъ бдительнаго служаки, а всякую, кромѣ этой. Въ томъ же параграфѣ о полиціи, который мы только-что разбирали, не совсѣмъ ясно поставленъ вопросъ о прислугѣ. Трудно сказать о какой идетъ рѣчь, о казенной или о собственной пажеской, о ихъ крѣпостныхъ, отправляемыхъ съ дорогими сыновьями заботливыми матушками.

Перейдемъ теперь къ экономіи: „экономія управляется комитетомъ въ домѣ. Извѣстность, какъ употребляются казенныя деньги, есть весьма важный предметъ для нравственности воспитанниковъ; и

потому ничто въ семъ случаѣ не должно производимо быть скрытно. На сей конецъ собираться комитету и присутствовать при торгахъ, производимыхъ съ поставщиками о нужныхъ вещахъ и подписывать договоры. Все для содержанія пажей потребное покупать не иначе, какъ по контракту. Комитетъ разсматриваетъ подаваемые въ оный счеты. Поставщикамъ писать счеты на гербовой бумагѣ; каждая въ нихъ статья подписывается тѣмъ, кто по оной отъ поставщика каждую вещь принялъ.

Счетъ подписывается внизу казначеемъ и бухгалтеромъ, который за исправность онаго отвѣтствуетъ. Комитетъ повѣряетъ обоихъ ихъ, и ни по какому счету не чинитъ платежа, пока не будетъ оный разсмотрѣнъ и освидѣтельствованъ.

Бухгалтеръ ведетъ журналъ всѣмъ дѣламъ, въ комитетѣ трактуемымъ, и счетамъ, по коимъ слѣдуетъ учинить платежъ; журналъ сей подписывается всѣми присутствующими и въ оригиналѣ со счетами— главноуправляющему корпусомъ, который тогда даетъ позволеніе учинить платежъ.

Въ комитетѣ присутствуетъ директоръ, штабъ-офицеръ и всѣ офицеры.

1-е примѣчаніе. Казначей и бухгалтеръ зависятъ отъ управляющаго. Какого бы они чина ни были, одинъ другому не командуетъ; всѣ они состоятъ подъ приказаніемъ цѣлаго комитета во время засѣданія. Казначей и бухгалтеръ обязаны вести свои книги по данной формѣ. Въ концѣ года книги ихъ разсматриваются подробно комитетомъ.

2-е примѣчаніе. Когда отъ одной статьи останется излишекъ, а въ другой напротивъ окажется недостатокъ, то позволяется излишкомъ первой замѣнить недостатокъ послѣдней, но о семъ подноситъ комитетъ главноуправляющему корпусомъ письменное представленіе, и отъ него письменное же дается разрѣшеніе“.

Все сказанное объ экономіи, какъ будто указываетъ на желаніе стѣснить по возможности свободу директора въ распоряженіи суммами и подвергнуть ихъ трату строгому контролю. Тутъ Учрежденіе вступаетъ въ противорѣчіе съ собою, съ одной стороны, оно провозглашаетъ, „что поелику онъ (директоръ) отвѣтствуетъ за всѣ части, за нравы, за военный порядокъ, за науки, за полицію и экономію, то каждый, по симъ частямъ должность отправляющій, состоитъ подъ его

повелѣніемъ, а онъ самъ подъ повелѣніемъ управляющаго корпусомъ", съ другой, говоря о комитетѣ, „которымъ управляется экономія въ домѣ", оно говоритъ: „что директоръ присутствуетъ въ комитетѣ" и, какъ можно заключить изъ дальнѣйшаго, наравнѣ съ штабъ-офицерами и офицерами корпуса. Если это только редакціонный недосмотръ, то надо признаться, болѣе, чѣмъ досадный, такъ какъ онъ давалъ просторъ всевозможнымъ недоразумѣніямъ.

Однако, 1-е примѣчаніе наводитъ на мысль, что мы имѣемъ дѣло не съ простымъ недосмотромъ, а съ желаніемъ стѣснить хозяйственную дѣятельность директора, поставить его въ этомъ отношеніи въ зависимость отъ главноуправляющаго. Бухгалтеръ, секретарь комитета и въ то же время его дѣлопроизводитель, и казначей, хранитель суммъ, которыя онъ раздаетъ, никоимъ образомъ не могутъ, по смыслу 1-го примѣчанія, считаться лицами, подчиненными директору, разъ они вообще зависятъ отъ главноуправляющаго, а во время засѣданія состоятъ подъ приказаніемъ цѣлаго комитета, а между тѣмъ, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, Учрежденіе и ихъ ставитъ въ зависимость отъ его повелѣній. Примирить такое противорѣчіе трудно, да даже, если бы и это оказалось бы возможнымъ, то все-таки въ наличности остался бы фактъ неясности въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній служащихъ, что неминуемо должно было повлечь за собою неправильность въ отправленіи хозяйственныхъ функцій. Но, кромѣ того, требованіе, чтобъ отпуски на каждую статью расхода тратились комитетомъ только по прямому своему назначенію, а остатки одной статьи отнюдь не шли на покрытіе дефицитовъ по другимъ, должно было стѣснять хозяйственныя операціи, а разрѣшеніе испрашивать позволеніе на передвиженіе суммъ по статьямъ у главноуправляющаго, замедлять ихъ исполненіе и увеличивать переписку. Правда, что при такой постановкѣ дѣла, облегчался контроль высшихъ инстанцій, но это облегченіе не могло искупить тяжеловѣсности и громоздкости всей хозяйственной машины.

Чтобы покончить съ персоналомъ, намъ остается сказать, что обязанности адъютанта исполнялъ младшій изъ офицеровъ: „младшій офицеръ правитъ за адъютанта. Принимаетъ каждое утро отъ старшаго камеръ-пажа рапорты всѣхъ отдѣленій, подаваемые сему отъ старшихъ пажей каждаго отдѣленія; и, составивъ изъ нихъ общій рапортъ, въ надлежащей формѣ, подаетъ директору. Дежурному офицеру долженъ онъ черезъ камеръ-пажа доставить списокъ о всѣхъ

пажахъ, за болѣзнью и по другимъ законнымъ причинамъ отсутствующихъ, для свѣдѣнія при перекличкѣ. Имѣетъ свое отдѣленіе наравнѣ съ прочими офицерами, и только при разводахъ, при построеніи ротномъ и другихъ, къ воинской части относящихся случаяхъ и при перепискахъ, правитъ за адъютанта". Болѣе эластичнаго опредѣленія обязанностей, какъ только-что приведенное, трудно себѣ представить. Очевидно, составитель не отдавалъ себѣ отчета, въ чемъ собственно могутъ состоять обязанности адъютанта корпуса, кромѣ парадированія и присутствія на разводахъ. Видимо, эту должность онъ и соединилъ съ исполненіемъ обязанностей гувернера потому, что считалъ, что составленіемъ рапортовъ и веденіемъ кой-какой переписки исчерпывается вся его нестроевая дѣятельность. Но тогда зачѣмъ же, спросятъ, понадобилось лицо, которое „правитъ за адъютанта?" А потому, думаемъ мы, что всякая строевая отдѣльная часть должна была имѣть его, и Пажескій корпусъ, какъ таковая, не могъ составить исключенія, но въ виду того, что ему приходилось сравнительно рѣдко фигурировать въ качествѣ строевой единицы, то и рѣшено было въ извѣстныхъ случаяхъ превращать одного изъ офицеровъ въ адъютанта, не снимая съ него отвѣтственности за его отдѣленіе и заставляя его дежурить съ прочими.

„Ежедневно, сказано про эти дежурства въ Учрежденіи: отъ одной зори до другой быть одному офицеру дежурнымъ и отвѣтствовать за все, что произойти имѣетъ. Онъ обязанъ цѣлый день быть неотлучно при пажахъ и наблюдать за ними во время класса.

О всемъ, что важнаго случится, рапортуетъ штабъ-офицеру. Когда-жъ директоръ и штабъ-офицеръ придутъ осматривать классы или залы, тогда дежурный офицеръ рапортуетъ о поведеніи камеръ-пажей и пажей; ибо классъ камеръ-пажей состоитъ также подъ его смотрѣніемъ, и офицеры должны съ камеръ-пажей въ разсужденіи обязанностей взыскивать столько же, сколько и съ пажей.

О вышеизображенномъ дежурный офицеръ рапортуетъ также инспектору классовъ каждый разъ прибытія его въ оные. По пробитіи вечерней зори подаетъ онъ свой дневной рапортъ штабъ-офицеру и представляетъ ему также письменный рапортъ о кушаньѣ обѣденномъ и вечернемъ; въ рапортѣ семъ означаетъ число кушаньевъ, изъ чего оныя состояли, были ли свѣжи и здоровы. Рапортъ сей долженъ быть за его подписаніемъ; а штабъ-офицеръ, собирая таковые рапорты, подаетъ ихъ въ концѣ мѣсяца главноуправляющему корпусомъ.

Въ 10 часовъ ходитъ по всѣмъ спальнямъ камеръ-пажей и пажей и смотритъ, всѣ ли улеглися и погашены ли свѣчи.

Ночью ходитъ рондомъ.

Въ этомъ перечисленіи обязанностей дежурнаго офицера бросается въ глаза предписаніе составить рапортъ „о кушаньѣ обѣденномъ и вечернемъ“, который, минуя директора, восходитъ черезъ штабъ-офицера до главноуправляющаго. Для насъ, уже знакомыхъ съ экономіею, такое требованіе совершенно ясно: оно есть не что иное, какъ развитіе мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы, какъ можно болѣе, стѣснить свободу директора въ хозяйственномъ отношеніи и въ то же время установить надъ нимъ возможно тщательный контроль. Этой системой недовѣрія надѣялись парализовать пробужденіе въ немъ страсти къ стяжательству и для того, чтобы достигнуть такой благой цѣли, не останавливались передъ нарушеніемъ и субординаціи, заставляя подчиненнаго контролировать начальника.

Обзоромъ обязанностей дежурнаго офицера мы закончимъ разсмотрѣніе обязанностей должностныхъ лицъ вообще; въ заключеніе мы предложимъ описаніе дня, помѣщенное въ Учрежденіи подъ заглавіемъ: „О дневномъ порядкѣ и упражненіяхъ“, и познакомимся съ мѣрами поощрительными и карательными, при помощи которыхъ надѣялись воспитывать и поддерживать разъ установленный порядокъ.

День начинался тѣмъ, что „били зорю въ 6 часовъ утра. Пажи и камеръ-пажи въ сіе время должны немедленно вставать, офицеры идутъ въ свои отдѣленія и смотрятъ, чтобы воспитанники ихъ всѣ умывались и порядочно одѣвались. Когда, такимъ образомъ, будутъ готовы, тогда отдѣленіе становится во фронтъ и офицеръ оное осматриваетъ. Потомъ одинъ изъ воспитанниковъ читаетъ молитву; послѣ раздается имъ завтракъ. Коль скоро пробьютъ повѣстку въ классы, то каждый беретъ съ собою потребныя ему книги, и офицеръ отдѣленія, проведши воспитанниковъ въ классы, отдаетъ ихъ въ смотрѣніе дежурному офицеру, который перекликаетъ ихъ поименно во всѣхъ 4 классахъ. Въ 9 часовъ бьютъ повѣстку изъ классовъ, а спустя 10 минутъ опять въ классы. Въ 11 часовъ бываетъ разводъ. Для верховой ѣзды, танцованія и фехтованія назначаются особые дни.

Въ 12 часовъ бьютъ повѣстку къ столу. Всѣ пажи собираются въ одной залѣ и въ порядкѣ идутъ по-парно къ столу.

Офицеры всѣ должны находиться при столѣ и обѣдать вмѣстѣ съ пажами. Никому изъ нихъ столовыхъ денегъ не отпускать, кромѣ

директора, командира и инспектора классовъ. Командиръ находится при столѣ камеръ-пажей.

Пополудни отъ 2 до 4 часовъ распредѣлены классы такимъ же порядкомъ, какъ и поутру.

Отъ 4 до 8 часовъ вечера позволяется пажамъ заниматься про себя въ классахъ или въ залѣ чѣмъ бы то ни было полезнымъ; во время же сихъ упражненій дежурный офицеръ долженъ быть тамъ, гдѣ находится бо́льшее число воспитанниковъ: часто, однако-жъ, посѣщать обязанъ и тѣхъ, которые занимаются въ классахъ.

За ужиномъ наблюдать тотъ же порядокъ, какъ выше объ обѣденномъ столѣ сказано.

Въ 9 часовъ вечера во весь годъ бьютъ зорю. Въ 10 часовъ вечера всѣмъ должно быть въ постели.

Караулъ вступаетъ въ 11 часовъ и стоитъ до 2-хъ, а потомъ отъ 4 до пробитія зори; въ воскресные и въ праздничные дни стоять ему во весь день.

Часовые обѣдаютъ тогда, какъ караульные, съ прочими пажами обѣдавшіе, придутъ на ихъ смѣну. Спальни запираются, коль скоро выметены, прибраны и освѣжены будутъ воздухомъ: ибо во весь день пажи находятся подъ присмотромъ или въ классахъ или въ залѣ.

Если на котораго изъ нихъ передъ прочими можно положиться и узнано будетъ, что такому для упражненія потребна тишина и спокойствіе, то можно позволить ему заниматься въ спальнѣ.

Пажи каждый разъ собираются по барабанному бою; въ воскресные и праздничные дни собирать ихъ хотя единожды послѣ обѣда на перекличку".

Для поясненія прибавимъ, что утромъ классы начинались съ 7 часовъ и продолжались до 11, и лекціи перемѣнялись каждые два часа. Фехтованію, танцованію и верховой ѣздѣ обучали или отъ 11 до 12 часовъ, или отъ 4 до 5. Кромѣ того, какъ общее правило, было установлено, чтобъ отнюдь болѣе 2 часовъ преподаваніе одного и того же предмета не продолжалось, и „чтобъ въ субботу пополудни время употреблено было на повтореніе изученнаго въ теченіи недѣли и для чистоты въ отношеніи самихъ къ себѣ. Послѣднее требованіе можетъ, конечно, привести читателя въ недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ фраза для чистоты въ отношеніи къ самимъ себѣ. А не что иное, какъ весьма неудачную передачу одного нѣмецкаго слова Reinigung. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ значится: „Sonnabend Nachmittag wird

zum Repetiren und der Reinigung gegeben", т.-е. „въ субботу время послѣ 12 часовъ предназначается для повторенія и чистки". Вотъ это весьма понятное слово, чистка, переводчикъ передалъ совсѣмъ непонятною фразою [128]).

Теперь, что касается поощрительныхъ мѣръ, то о нихъ Учрежденіе говоритъ слѣдующее: „для одобренія сихъ молодыхъ дворянъ къ наукамъ и добропорядочному поведенію, равно и для возбужденія въ нихъ соревнованія, не производить ихъ въ офицерскій чинъ безъ аттестата. Аттестатъ сей долженствуетъ быть подписанъ директоромъ и утвержденъ главноуправляющимъ корпуса. Также не производить пажей въ камеръ-пажи, а сихъ въ офицеры, безъ такового же аттестата. Аттестатъ сочиняется директоромъ по полученному таковому же отъ офицера того отдѣленія, въ которомъ аттестуемый пажъ находится, и отъ инспектора классовъ, которые оба за справедливость отвѣтствуютъ директору, а директоръ главноуправляющему корпусомъ" [156]). О приведенныхъ поощрительныхъ мѣрахъ составитель Учрежденія счелъ долгомъ поговорить отдѣльно въ параграфѣ, озаглавленномъ „о производствѣ пажей". Очевидно, что ихъ онъ считалъ особенно важными и придавалъ имъ большее значеніе, чѣмъ увѣщаніямъ, мягкости и вѣжливости наставниковъ, о которыхъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ въ весьма неопредѣленныхъ и туманныхъ выраженіяхъ, и скорѣе, какъ объ уступкѣ гуманности вообще, чѣмъ какъ о педагогическомъ поощрительномъ пріемѣ.

Приведенный параграфъ важенъ еще и въ другомъ отношеніи: онъ, повидимому, рѣзко поканчиваетъ всѣ расчеты съ прежней системой производства въ офицеры, за выслугу лѣтъ въ званіи пажа или по выдержанію выпускнаго экзамена въ корпусѣ, съ которымъ пажъ ничего общаго не имѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы получить аттестатъ отъ отдѣленнаго офицера надо быть ему извѣстнымъ, надо, слѣдовательно, воспитываться въ его отдѣленіи. Другими словами, генералъ Клингеръ, повидимому, желалъ собрать разсыпавшуюся храмину: до появленія Учрежденія пажи жили въ пансіонѣ Бильдерлинга и дома, и только весьма немногіе тѣснились въ корпусѣ.

Такой порядокъ вещей приводилъ къ тому, что большинство пажей ускользало изъ подъ вліянія корпуса, и только меньшинство фактически проходило его. Справедливость нашей мысли подтверждаетъ и примѣчаніе къ параграфу о „дневномъ порядкѣ и упражне-

ніяхъ". „Дабы достигнуть единообразія въ воспитаніи воинской дисциплины и ученіи, сказано тамъ: и чтобъ надлежаще пріуготовить воспитанниковъ къ службѣ, то содержимымъ на иждивеніи Его Императорскаго Величества пажамъ и камеръ-пажамъ не дозволяется жить внѣ корпуса и отпускать жалованіе или столовыя деньги, но всѣ должны быть неразлучно въ корпусѣ".

Но то же примѣчаніе оставляетъ лазейку и для стараго порядка. Оно какъ будто говоритъ только о казеннокоштныхъ, имъ оно предписываетъ жить въ корпусѣ, что же касается своекоштныхъ, о нихъ примѣчаніе не упоминаетъ, предоставляя имъ жить гдѣ-угодно. Опираясь на этотъ пропускъ, всегда можно было просить объ изъятіи, о выпускѣ пажа безъ аттестата.

Карательныя мѣры указаны въ Учрежденіи въ параграфѣ о наказаніяхъ: „въ предыдущемъ параграфѣ означены награжденія, то равномѣрно нужно знать пажамъ, что и наказанію они подвергнутся, если будутъ поступать дурно; особливо противъ субординаціи. Они должны знать, что въ такомъ случаѣ будутъ отправлены въ полевые полки, съ чиномъ унтеръ-офицерскимъ или отошлются обратно къ родителямъ, коль скоро окажутся недостойными своего званія. За первые проступки или погрѣшности наказаны будутъ арестомъ или другимъ чѣмъ-либо. За частые же поступки и дурное поведеніе полагается наказаніе строжайшее, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ директоръ произносилъ оное, обсудивъ наперед дѣло; наказаніе никогда не должно производимо быть въ тайнѣ, но всегда въ его присутствіи, при всѣхъ офицерахъ и воспитанникахъ. Поелику-жъ таковое наказаніе есть всегда дѣло важное, то и нужно, чтобъ директоръ доносилъ о томъ главноуправляющему корпусомъ. Если камеръ-пажъ окажется въ существенномъ упущеніи своей должности, то директоръ рапортуетъ главноуправляющему корпусомъ, которому въ разсужденіе сего объявлена будетъ Высочайшая воля.

Камеръ-пажи должны въ сію статью вникнуть и всегда въ памяти содержать, что по праву слѣдуетъ съ нихъ взыскивать болѣе, чѣмъ съ прочихъ пажей, потому что они, какъ уже сказано, зрѣлѣе лѣтами и что они Императорскаго Величества удостоены отличіемъ ранга. Слѣдовательно, и должны опасаться, чтобъ чрезъ главноуправляющаго корпусомъ не дошло до Высочайшаго свѣдѣнія, что поведеніемъ своимъ не заслуживаютъ они того отличія.

Штабъ-офицеръ и оберъ-офицеры могутъ арестовать пажей всякаго ранга, но они немедленно о томъ должны подать рапортъ. Арестованные ставятся подъ присмотръ въ пикетѣ".

Въ этомъ параграфѣ обращаетъ на себя вниманіе, во-первыхъ, стремленіе установить постепенность въ наложеніи наказаній, а во-вторыхъ, умолчаніе объ розгѣ, какъ объ орудіи наказанія. Однако, второе обстоятельство весьма скоро разъясняется: стоитъ только немного вникнуть въ смыслъ слѣдующей фразы: „За первые проступки или погрѣшности наказаны будутъ арестомъ или другимъ чѣмъ-либо. За частые же проступки полагается наказаніе строжайшее, съ тѣмъ однако, чтобы директоръ произносилъ оное, обсудивъ напередъ дѣло", чтобъ знать, что подъ „наказаніемъ строжайшимъ" и подразумѣвается чудодѣйственная лоза, въ XVII столѣтіи воспѣтая въ виршахъ, а въ теченіи XVIII вѣка, сослужившая не малую службу педагогическому дѣлу.

Что подъ названіемъ „наказанія строжайшаго" подразумѣвается именно розга, а не что другое, подтверждаетъ и дальнѣйшій текстъ параграфа о наказаніяхъ. „Наказаніе никогда не должно быть производимо въ тайнѣ, но всегда въ его (директора) присутствіи, при всѣхъ офицерахъ и воспитанникахъ. Поелику же такое наказаніе есть всегда дѣло важное, то и нужно, чтобъ директоръ доносилъ главноуправляющему корпусомъ". Въ этихъ словахъ мы находимъ описаніе обстановки, при которой сѣченіе производилось и условіе его совершенія. Но что знаменательно во всемъ этомъ иносказаніи, такъ это самый фактъ иносказанія. Видимо, уже тогда не считали удобнымъ въ официальномъ документѣ назвать розгу своимъ именемъ; видимо, что если въ ея силу и вѣрили, то не такъ ужъ безусловно, какъ прежде, и даже стыдились говорить объ ней открыто. Къ ней хотѣли прибѣгать въ крайнихъ только случаяхъ и не рѣшались предоставлять ее въ безконтрольное распоряженіе директора. Такъ, гуманныя стремленія вступили въ соглашеніе со строгими традиціями прошлаго.

Въ томъ же параграфѣ мы встрѣчаемся съ еще болѣе важными указаніями: Учрежденіе предупреждаетъ, „что, если камеръ-пажъ окажется въ существенномъ упущеніи своей должности, то директоръ рапортуетъ главноуправляющему корпусомъ, которому въ разсужденіи сего объявлена будетъ Высочайшая воля".

Слѣдовательно, Государю Императору угодно было сдѣлаться высшею педагогическою инстанціею, до которой должны были восхо-

дить дѣла особой важности. Это показывало, что Императоръ Александръ интересовался дѣломъ воспитанія и образованія пажей и самъ пожелалъ, хотя издалека, слѣдить за его ходомъ. По выдающимся проступкамъ онъ могъ себѣ составить понятіе и о томъ, какъ развивалось дѣло и на сколько шло по пути, намѣченному туманными выраженіями Учрежденія.

Чтобъ совсѣмъ покончить съ разборомъ Учрежденія, остается сказать, что оно, позаботившись о здоровыхъ пажахъ, позаботилось и о больныхъ, но весьма мало: ихъ предписывалось отправлять въ придворный лазаретъ, а на случай внезапныхъ заболѣваній считалось нужнымъ имѣть въ корпусѣ безотлучно одного лекаря.

Въ заключеніе всѣхъ только-что приведенныхъ предписаній, мы находимъ такую приписку „въ уставѣ семъ никакой перемѣны ни директору, ни главноуправляющему корпусомъ самовольно не дѣлать безъ особаго позволенія Императорскаго Величества“.

Такъ оканчивается этотъ важный для жизни Пажескаго корпуса документъ, подъ которымъ стоитъ подпись генерала Клингера и про который мы тѣмъ не менѣе сказали, что онъ есть результатъ совмѣстнаго творчества директора Перваго корпуса и графа Шереметева. Что же принадлежитъ послѣднему въ совмѣстной работѣ? Отвѣтить на такой вопросъ весьма трудно, потому что личность графа Шереметева была заслонена тѣмъ, что писалось Учрежденіе по-нѣмецки генераломъ Клингеромъ, и, слѣдовательно, всему онъ придалъ окраску своей индивидуальности, такъ-что всѣ совѣты и всѣ взгляды графа были переработаны генераломъ и въ сущности могутъ быть разсматриваемы, какъ собственность послѣдняго. Вотъ почему во все время разбора мы считали себя въ правѣ говорить о генералѣ Клингерѣ, а не о графѣ Шереметевѣ.

Постараемся теперь отдать себѣ отчетъ о впечатлѣніи, которое, въ цѣломъ, производитъ на современнаго читателя Учрежденіе. Уже, конечно, не „устава“, какъ оно названо въ заключительныхъ словахъ и какъ слѣдовало передать стоящее въ заголовкѣ нѣмецкаго текста слово: Reglement. Не устава потому, что для этого у него не хватаетъ точности, краткости и ясности. Но, съ другой стороны, его нельзя назвать и инструкціей; чтобы быть таковою, оно должно было бы ограничиться указаніемъ общихъ руководящихъ началъ, а не вдаваться въ затмѣвающія общій смыслъ частности. Но если это не уставъ и не инструкція, что же это такое?

Намъ кажется, что мы не ошибемся, если назовемъ его сводомъ практическихъ правилъ, предназначенныхъ служить руководствомъ преобразованному учебному заведенію въ его новой жизни. Правила эти вошли въ Учрежденіе потому, что генералъ Клингеръ изъ своей военно-педагогической практики вынесъ убѣжденіе, что они полезны и что не мѣшаетъ о нихъ напомнить всякому начальнику.

Что же касается разсужденій на разныя темы, которыхъ не мало въ приведенномъ документѣ, то они являются скорѣе необходимымъ украшеніемъ и уступкою охватившаго всѣхъ стремленія основывать свою дѣятельность на высшихъ принципахъ и, въ сущности, никакого практическаго значенія не имѣютъ. Замѣченныя нами въ немъ противорѣчія еще болѣе подтверждаютъ справедливость нашей мысли, подтверждаетъ ее и слѣдующее: Учрежденіе ни слова не говоритъ о томъ, въ какомъ возрастѣ долженъ приниматься пажъ въ корпусъ, при какихъ условіяхъ поступать въ него. Оно оставляетъ открытымъ вопросъ о чинахъ, въ которые производится пажъ, въ армію или въ гвардію, объ условіяхъ перевода изъ класса въ классъ, о системѣ балловъ и о многомъ другомъ, что не только интересно, но просто необходимо знать. Эти пробѣлы объясняются еще и другимъ соображеніемъ, очень вѣроятно, и повліявшимъ на неопредѣленный, случайный характеръ собранныхъ въ Учрежденіи правилъ, а именно тѣмъ, что составитель считалъ лишнимъ писать для уже существующаго учебнаго заведенія новое Положеніе и ограничилъ свою задачу поясненіемъ и сообщеніемъ правилъ, касающихся новаго режима, вводимаго въ корпусѣ; для составленія ихъ онъ не полѣнился вспомнить свою многоопытную педагогическую дѣятельность, а, вспомнивъ, не преминулъ воспользоваться ея указаніями. Вотъ почему Учрежденіе и превратилось въ сводъ практическихъ правилъ.

Писано оно, какъ мы знаемъ, почти все на нѣмецкомъ языкѣ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣмецкій языкъ замѣненъ французскимъ. Съ этого оригинала былъ сдѣланъ переводъ, не понравившійся Государю, а потому исправленный и затѣмъ черезъ годъ послѣ введенія Учрежденія напечатанный. Первоначальный переводъ, прочитанный 13 Октября 1802 года при собраніи чиновъ корпуса, въ рукописи, вошелъ въ матеріалы по исторіи Пажескаго корпуса, изданные графомъ Милорадовичемъ, исправленный же былъ напечатанъ по распоряженію Сената. Сличая тотъ и другой, не трудно замѣтить, что исправленіе касалось весьма несущественныхъ неловкихъ выра-

женій, но все главное осталось нетронутымъ. Такъ фраза „воспитывающимся въ Пажескомъ корпусѣ главнѣйше вперяемо быть должно“ съ мало звучнымъ словомъ „вперяемо“, встрѣчающимся въ первомъ переводѣ, во второмъ замѣнена болѣе стройной фразой „главнымъ правиломъ должно быть въ Пажескомъ корпусѣ“, счастливо избѣгающей рѣжущее ухо „вперяемо“.

Такъ же нѣмецкое слово Schef въ первомъ переводѣ, переданное русскимъ словомъ „главноуправляющій“, во второмъ передано тѣмъ же нѣмецкимъ „шефъ“, что, какъ-то невольно, заставляетъ думать, что перемѣна въ названіи соотвѣтствовала и перемѣнѣ въ обязанностяхъ; но ближайшее разсмотрѣніе обоихъ текстовъ приводитъ къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло только съ исправленіемъ стиля [129]).

Но кстати, разъ мы уже заговорили о главноуправляющемъ или шефѣ, воспользуемся случаемъ и поговоримъ подробнѣе. Кто же долженъ былъ исправлять эту должность: генералъ Клингеръ, авторъ Учрежденія, или графъ Шереметевъ, имѣвшій какъ бы надзоръ за корпусомъ въ царствованіе Императора Павла?

Въ теченіи остававшихся до конца 1802 года 2-хъ мѣсяцевъ, какъ видно изъ бумагъ [130]), обязанности ихъ были раздѣлены, причемъ графу Шереметеву былъ предоставленъ высшій надзоръ, а Клингеръ взялъ на себя наблюденіе за проведеніемъ въ жизнь новаго Положенія. Высшій надзоръ графа заключался въ томъ, что онъ докладывалъ Государю и что Императоръ сообщалъ черезъ него свои распоряженія. Такъ, 28 октября онъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

„Графъ Николай Петровичъ! Утвердивъ директоромъ Пажескаго корпуса генералъ-маіора Гогеля, инспекторомъ надъ классами маіора Оде-де-Сіона, а гувернерами Бутырскаго пѣхотнаго полка капитанъ-поручика Николая Степанова и морской артиллеріи констапеля Дидерихса, повелѣваю ввести ихъ въ отправленіе настоящихъ ихъ должностей. Полковникъ Шикъ, по старости и болѣзнямъ не могущій исправлять званія гофмейстера пажей, уволенъ отъ службы съ обращеніемъ въ пенсіонъ полнаго его жалованія, на мѣсто же его не умедлю Я назначить другого. Пребываю съ прочимъ Вамъ благосклонный Александръ [131]).

Рескриптъ этотъ утверждалъ новый персоналъ корпуса, при содѣйствіи котораго послѣдній долженъ былъ сдѣлаться настоящимъ военнымъ учебнымъ заведеніемъ. Онъ же характеренъ и потому, что указываетъ на отношеніе Государя къ Николаю Петровичу Шереме-

Оберъ-Камергеръ

Графъ Н. П. ШЕРЕМЕТЕВЪ

Шефъ Пажескаго Корпуса

„Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ“

теву. Изъ него совершенно ясно, что графъ игралъ роль посредника между Государемъ и генераломъ Клингеромъ и въ качествѣ такового вѣдалъ корпусъ. На эту его роль указываетъ и заголовокъ одного сохранившагося съ того времени дѣла, на которомъ значится: „Бумаги отъ разныхъ мѣстъ и лицъ къ имѣющему вѣдѣніе надъ Пажескимъ корпусомъ графу Николаю Петровичу Шереметеву". Такой же заголовокъ другого дѣла даетъ намъ разгадку и роли генерала Клингера. Вотъ онъ: „Письма отъ разныхъ лицъ къ главноуправляющему надъ Пажескимъ корпусомъ, къ генералу Клингеру".

Такимъ образомъ, въ сущности, несмотря на раздѣленіе должностей, настоящимъ главноуправляющимъ считался авторъ Учрежденія. Слѣдовательно, все, что онъ тамъ говоритъ о главноуправляющемъ, говоритъ онъ о себѣ. Весь вопросъ только въ томъ, зналъ ли Клингеръ, когда писалъ Учрежденіе, что именно онъ, генералъ Клингеръ, считается главноуправляющимъ, а не кто другой. Мы думаемъ, что, несомнѣнно, зналъ, такъ какъ уже 2 марта извѣстный Трощинскій, повидимому, замѣнявшій временно графа Шереметева, обратился къ нему съ слѣдующаго содержанія письмомъ: „Милостивый Государь, Федоръ Ивановичъ! Его Императорское Величество, получивъ рапортъ Вашего Превосходительства о камеръ-пажѣ Крюковскомъ, который за неповиновеніе и за своевольство директоромъ корпуса арестованъ, Высочайше повелѣть изволилъ предоставить на собственное усмотрѣніе Вашего Превосходительства продолженіе времени ареста помянутаго камеръ-пажа съ тѣмъ, однако же, чтобъ оное не меньше было двухъ недѣль, о чемъ имѣю честь сообщить Вамъ, Милостивый Государь мой". Значитъ, уже въ это время, за нѣсколько мѣсяцевъ до составленія Учрежденія, генералъ Клингеръ исполнялъ тѣ же обязанности, которыя исполнялъ и потомъ послѣ реформы т. е. стоялъ выше директора, доносившаго ему о важныхъ случаяхъ, а въ свою очередь доносилъ черезъ графа Шереметева или черезъ лицо, его замѣняющее, Государю. Для насъ знать, что Клингеръ, сочиняя новое Положеніе, имѣлъ всюду, гдѣ говорится о главноуправляющемъ, въ виду себя, очень важно, потому что этимъ самымъ намъ облегчается пониманіе Учрежденія, въ особенности тѣхъ мѣстъ, гдѣ власть директора ограничивается въ пользу главноуправляющаго.

Итакъ, Пажескій Корпусъ вступилъ въ новую жизнь, имѣя во главѣ трехъ начальниковъ.

Съ двумя изъ нихъ мы знакомы, съ третьимъ, директоромъ, по-

знакомимся теперь. Генералъ-маіоръ Гогель, 29-лѣтній молодой человѣкъ, воспитанникъ Шляхетскаго корпуса, участвовавшій въ штурмѣ Измаила и въ другихъ сраженіяхъ противъ турокъ, успѣвшій послужить въ пѣхотѣ и въ кавалеріи, былъ, по тѣмъ временамъ, вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, про котораго въ послужномъ спискѣ сказано: „по россійски, по нѣмецки, по французски читать и писать умѣетъ“ [132]). Вотъ, къ сожалѣнію, все, что мы знаемъ о немъ, но и этого достаточно, чтобъ составить понятіе себѣ о требованіяхъ, предъявлявшихся въ то время къ начальнику военнаго учебнаго заведенія. На этомъ мѣстѣ желали видѣть образованнаго, боевого генерала. Молодостью въ этомъ случаѣ не смущались.

Въ помощь Генриху Григорьевичу гофмейстеромъ и командиромъ роты былъ назначенъ Свиньинъ, замѣнившій стараго Шика, вышедшаго въ отставку. Сынъ богатаго отца, за которымъ въ разныхъ губерніяхъ числилось 4000 душъ, начавшій свою службу въ Лейбъ-Гвардіи Конномъ полку капраломъ 22 лѣтъ отъ роду, онъ черезъ 6 лѣтъ былъ произведенъ, пройдя предварительно всѣ солдатскіе чины, въ корнеты. Затѣмъ, черезъ годъ, его пожаловали подпоручикомъ, а еще черезъ годъ поручикомъ. Прослуживъ въ этомъ чинѣ 3 года, Свиньинъ былъ переведенъ въ армію подполковникомъ, откуда, побывавъ въ 2 кавалерійскихъ полкахъ, долженъ былъ удалиться въ отставку, какъ сказано въ приказѣ Императора Павла (9 янв. 1798 г.), „за дурное состояніе казенныхъ лошадей исключенъ изъ службы“. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Павелъ Петровичъ опредѣлился въ штатъ провіантскій, откуда и получилъ приглашеніе отъ генерала Клингера занять мѣсто гофмейстера пажей седьмого класса. Павелъ Петровичъ, сынъ Свиньинъ, какъ значится въ послужномъ его спискѣ, былъ женатъ на родной сестрѣ генерала Клингера. Впрочемъ, онъ тоже былъ боевой офицеръ, познакомившійся съ запахомъ пороха во время польской компаніи 1794 г. [133]). Въ моментъ назначенія ему было 41 г.

Другой помощникъ Генриха Григорьевича, но по учебной части, маіоръ Карлъ Осиповичъ Оде-де-Сіонъ перешелъ изъ прусской службы въ русскую только 38 лѣтъ. Затѣмъ нѣкоторое время онъ былъ преподавателемъ въ 1-омъ кадетскомъ корпусѣ, послѣ чего вышелъ въ отставку и до назначенія въ Пажескій корпусъ состоялъ по арміи маіоромъ. Карлъ Осиповичъ, подобно своему начальнику Гогелю и сотоварищу Свиньину, принималъ участіе въ дѣлахъ противъ непрія-

теля; онъ даже, въ дни польскаго мятежа, лишился имѣнія. Какъ человѣкъ, не чуждый писанію (маіоръ, главнымъ образомъ, служилъ въ штабахъ) и знакомый съ педагогическимъ дѣломъ, Оде-де-Сіонъ считался очень подходящимъ для занятія мѣста инспектора классовъ, почему его и пригласили, несмотря на то, что ему было 49 лѣтъ и что онъ на 20 лѣтъ былъ старше директора [134]).

Гувернерами были опредѣлены: артиллеріи поручикъ Карлъ Ивановичъ Дитерихсъ, сынъ лютеранскаго пастора, кончившій курсъ въ Артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда онъ, когда возгорѣлась война съ Швеціею, вышелъ съ чиномъ кондуктора въ нарвскую инженерную команду. По окончаніи войны, Дитерихсъ перешелъ въ гребной флотъ, а оттуда въ морскую артиллерію. Въ качествѣ морского артиллериста онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ плаваніяхъ [135]); капитанъ-поручикъ Степановъ, о которомъ свѣдѣній не осталось, и штабсъ-капитанъ Клингенбергъ.

Поручикъ Карлъ Ивановичъ Дитерихсъ.

Карлъ Федоровичъ Клингенбергъ одинъ изъ всѣхъ принадлежалъ къ прежнему, дореформенному составу корпуса. По окончаніи курса въ 2-омъ кадетскомъ корпусѣ, онъ при немъ же занялъ должность корпуснаго офицера. Съ этой должности его и перемѣстили въ 1798 г. въ Пажескій корпусъ, въ которомъ онъ исполнялъ обязанности помощника гофмейстера. Это случилось какъ разъ въ то время, когда другой офицеръ того-же 2-го кадетскаго корпуса, полковникъ Шикъ, былъ назначенъ гофмейстеромъ пажей [136]).

Вглядѣвшись попристальнѣе въ только-что охарактеризованный офицерскій персоналъ, мы можемъ сдѣлать и нѣкоторыя заключенія и прежде всего такое: репутація боевого офицера давала большіе шансы на занятія офицерскихъ должностей въ корпусѣ, а затѣмъ и другое: репутація опытнаго педагога, если и значила что-нибудь, то очень мало. Въ сущности, одинъ только маіоръ Оде-де-Сіонъ былъ назначенъ, имѣя такую репутацію, зато тотъ-же маіоръ имѣлъ за собою и боевое прошлое, такъ что утверждать, что именно предыдущая педагогическая дѣятельность дала ему право занять мѣсто

инспектора, очень рисковано. Что же касается Клингенберга, то онъ, хотя считался знатокомъ въ вопросахъ воспитанія, но врядъ ли былъ обязанъ этому обстоятельству своимъ оставленіемъ въ корпусѣ тогда, когда весь его составъ перемѣнился. По всей вѣроятности, его оставили потому, что онъ одинъ могъ познакомить своихъ сослуживцевъ и начальниковъ со многимъ, что нужно было дѣлать по старой памяти и чего Учрежденіе не коснулось, считая, что оно само собою понятно и разъ о немъ не упоминаютъ, то слѣдуетъ его исполнять по примѣру прежнихъ лѣтъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что не какія-нибудь глубокомысленныя соображенія послужили основаніемъ для оставленія Карла Федоровича, а его просто не потревожили потому, что не за что было и тревожить, такъ какъ по службѣ онъ былъ исправенъ и ни въ чемъ дурномъ замѣченъ не былъ.

Если весь офицерскій составъ перемѣнился, то совсѣмъ обратно поступили съ учительскимъ, его весь оставили,—Кузьма Григорьевичъ Горбуновъ, Егоръ Петровичъ Поповъ, Иванъ Ивановичъ Леліо, Иванъ Севербрюкъ и Егоръ Зубаревъ, всѣ остались на своихъ мѣстахъ и продолжали преподавать тѣ предметы, которые они преподавали и до введенія реформы. Послужные ихъ списки, сохранившіеся въ дѣлахъ корпуса, свидѣтельствуютъ, что похвалиться аристократичностью происхожденія они не могли. Это были или священическія дѣти или воспитанники солдатскихъ ротъ, образованныхъ при корпусахъ для замѣщенія учительскихъ вакансій, а Иванъ Ивановичъ Леліо, французъ по происхожденію, „изъ парижскихъ университетскихъ воспитанниковъ“, составлялъ по своему образовательному цензу исключеніе среди большинства французовъ, преподававшихъ въ то время въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ все, что можно о нихъ сказать по тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ, которыя дошли до насъ.

Кромѣ только-что поименованныхъ лицъ, считавшихся, вѣроятно штатными преподавателями, какъ мы бы ихъ теперь назвали, были и другія: нештатные, принадлежавшіе къ тому же разряду разночинцевъ, какъ и названные.

Наконецъ, бухгалтеромъ, т. е. секретаремъ и дѣлопроизводителемъ комитета, былъ назначенъ нѣкій Иванъ Алексѣевичъ Ивановъ, изъ солдатскихъ дѣтей, бывшій штабной писарь, прослужившій на той же должности въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ 12 лѣтъ и, слѣдовательно, хорошо знакомый генералу Клингеру. Въ лицѣ его послѣдній могъ надѣяться имѣть вполнѣ преданнаго себѣ человѣка [137]).

Мѣсто казначея было предоставлено дворянину Карлу Петровичу Симантовскому, хорошо знакомому со всякою счетною частью, съ которою онъ имѣлъ дѣло, служа въ провіантскихъ сержантахъ, въ экспедиціи свидѣтельствованія счетовъ. Двѣнадцатилѣтняя хозяйственная опытность ручалась за то, что казначейскія обязанности онъ исполнитъ, какъ нельзя лучше [137]).

Но кромѣ этихъ нештатныхъ должностей существовала, какъ мы знаемъ, полуштатная должность корпуснаго лѣкаря. Кандидатомъ на нее былъ представленъ докторъ Гассе, уже знакомый корпусу по своей 25-лѣтней службѣ при немъ въ качествѣ полуофиціальнаго врача. Гассе былъ гофъ-медикомъ и почему-то остался за штатомъ, какъ разъ въ то время, когда преобразовывали заведеніе, при которомъ онъ отправлялъ свои лѣкарскія обязанности, но въ виду того, что корпусному доктору полагалось всего 400 р. вознагражденія, что сравнительно съ тѣмъ, что онъ получалъ прежде, представляло меньшую сумму, то ему рѣшили давать пенсію по прежнему мѣсту служенія и, такимъ образомъ, обезпечить достаточное содержаніе [138]).

Только-что сдѣланное знакомство съ личнымъ составомъ корпуса, какъ намъ кажется, даетъ право съ увѣренностью сказать, что главная цѣль реформы была превратить Пажескій корпусъ въ настоящее военное учебное заведеніе, для чего персоналъ, согласно Учрежденію обязанный непосредственно вліять на пажей, былъ частью увеличенъ, частью замѣненъ другимъ, и притомъ съ явною цѣлью не только обновить его, но и создать изъ него живой военный образецъ, имѣя который, воспитанники могли бы проникаться военнымъ духомъ. То же обстоятельство, что штатные преподаватели остались тѣ же, показываетъ, что методы преподаванія предполагалось не измѣнять и, если ввести улучшенія, то только, какъ мы имѣли возможность обратить вниманіе, въ смыслѣ расширенія программы.

Знакомство съ личнымъ составомъ указываетъ и на другое стремленіе: упорядочить хозяйственную часть и подвергнуть ее болѣе строгому контролю, для чего были вновь учреждены мѣста казначея и бухгалтера, на которыя, судя по ихъ прошлой дѣятельности, попали люди опытные и хорошо знакомые съ хозяйственными операціями.

Всѣ эти выводы вполнѣ подтверждаются и общею тенденціею уже разсмотрѣннаго нами Учрежденія, несомнѣнно, задавшагося цѣлью насадить субординацію, привить пажамъ военную жилку и правильно поставить хозяйственное дѣло.

Но была часть, которой реформа совсѣмъ не коснулась, именно придворная. Уже не говоря о томъ, что Учрежденіе о ней обмолвилось только разъ, когда зашла рѣчь объ обязанностяхъ гофмейстера; но и вообще, на сколько можно о томъ судить по воспоминаніямъ бывшаго пажа, впослѣдствіи извѣстнаго директора 2-го корпуса, Федора Яковлевича Мирковича, поступившаго въ корпусъ въ 1805 году и выпущеннаго изъ него въ 1809 г., — тутъ все продолжало совершаться по традиціи и если измѣнилось, то только тогда, когда измѣнившіяся условія придворной жизни потребовали этого. Вотъ, что пишетъ Федоръ Яковлевичъ въ своихъ интересныхъ во многихъ отношеніяхъ воспоминаніяхъ: „Для службы при Дворѣ камеръ-пажи были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: на половинѣ Государя и царствующей Императрицы было четыре камеръ-пажа, которые дежурили только по большимъ праздникамъ, во время выходовъ и на балахъ; при вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ было восемь камеръ-пажей, раздѣленныхъ на четыре очереди, для ежедневныхъ дежурствъ, по два; наконецъ, при Великихъ Княжнахъ Маріи и Екатеринѣ Павловнѣ было при каждой по два камеръ-пажа, дежурившихъ черезъ день, но только съ трехъ часовъ пополудни до вечера.

Ф. Я. Мирковичъ.

Служившіе Маріи Ѳеодоровнѣ камеръ-пажи послѣ утреннихъ классовъ причесывались, пудрились и одѣвались въ вицъ-мундиръ. Въ 12 часовъ они отправлялись на дежурство во дворецъ, гдѣ возлѣ камердинерской ожидали выѣзда Императрицы для сопровожденія Ея Величества верхомъ. Императрица ежедневно посѣщала которое-нибудь изъ заведеній, состоящихъ подъ ея попеченіемъ, тотъ или другой институтъ или одну изъ больницъ. Заботливость обо всѣхъ этихъ заведеніяхъ была по истинѣ примѣрная: она входила во всѣ подробности и все желала лично повѣрять. Дежурный камеръ-пажъ сопровождалъ ее повсюду, неся ее шаль или мѣховое боа. Салопъ или шуба отдавались гусарамъ, которые стояли на запяткахъ кареты.

Карета эта была всегда четырехмѣстная, окрашенная подъ золото и запряженная шестернею цугомъ. По возвращеніи Императрицы во дворецъ камеръ-пажи переодѣвались въ галунные мундиры и казимировые панталоны для службы у стола, за Ея Величествомъ. Столъ ежедневно накрывался на 24 или 30 кувертовъ; къ оному приглашались поочереди всѣ столичные вельможи.

Императрица выходила изъ своихъ покоевъ въ 3½ часа въ залу, гдѣ всѣ приглашенные были уже собраны (въ мундирахъ и въ лентахъ по кафтану), обходила ихъ всѣхъ, привѣтствуя каждаго нѣсколькими словами, и въ 4 часа слѣдовала съ гостями къ столу, въ сопровожденіи великихъ княженъ, графини Ливенъ, нѣсколькихъ дамъ и дежурныхъ фрейлинъ. Обѣды эти были для насъ въ высшей степени интересны: присутствовавшіе на нихъ люди представляли собою остатки двора Екатерины и разговоры ихъ были замѣчательны. Рѣчь шла то о заграничныхъ вояжахъ, то о политическихъ новостяхъ, или объ извѣстіяхъ изъ внутреннихъ областей Россіи, то объ ученыхъ и литературныхъ предметахъ, а иногда разсказывали анекдоты. Говорили всегда отличнымъ французскимъ языкомъ. Замѣчательнѣйшіе изъ разсказчиковъ были: герцогъ Ришелье, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, князь Кочубей, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, графъ Ланжеронъ. Пріѣзжавшіе въ столицу генералы, губернаторы, корпусные командиры и знатные иностранцы тоже приглашались къ столу. Стоя за стуломъ Императрицы, мы съ жадностью вслушивались во всѣ разговоры, которые знакомили насъ съ кругомъ высшаго общества и служили намъ огромной пользой для перехода со школьной скамьи въ большой свѣтъ.

Императрица была постоянно весьма благосклонна къ своимъ камеръ-пажамъ и, такъ какъ многіе изъ нихъ состояли въ этомъ званіи два года (съ цѣлью достигнуть, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ классѣ, высшаго чина при выпускѣ), то она почти всѣхъ знала по фамиліи и, при производствѣ въ офицеры, сама жаловала карманными часами. Служба камеръ-пажа при Императрицѣ въ мое время была отмѣнно пріятна. Во время пребыванія Двора въ столицѣ мы дежурили два раза въ недѣлю, а въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, съ весны до глубокой осени, мы исполняли наше дежурство понедѣльно, черезъ три недѣли въ четвертую. Въ 18 и 19 лѣтъ такое развлеченіе имѣетъ свою прелесть: праздники, прогулки, танцы,

театры, волокитство кружили намъ голову, но замѣчательно, что по миноваиіи дежурной недѣли (похожей на постоянную масляницу) мы, возвратившись въ корпусъ, предавались ученію съ полнымъ самоотверженіемъ и проводили иногда ночи за книгами и учебными тетрадями. Такъ было сильно чувство честолюбія, никто изъ насъ не хотѣлъ выходить съ чиномъ прапорщика“ [140]).

Кромѣ этой, такъ сказать, ординарной придворной службы, камеръ-пажи несли въ нѣкоторыхъ случаяхъ экстраординарную: во время банкетовъ и столовъ, какъ назывались изъ ряду вонъ выходящія торжества, и во время похоронъ лицъ Царствующаго дома и не только русскаго, но и подвластныхъ Россіи царствъ, какъ напримѣръ, грузинскаго. Когда умерла Царица Грузинская, то въ церемоніи выноса ея тѣла 13-го Ноября 1807 г., на похоронахъ участвовали камеръ-пажи и даже пажи [141]).

Если предвидѣлось какое-нибудь особенное торжество, то корпусъ получалъ изъ придворной конторы такого рода бумагу: „По случаю назначеннаго по Высочайшему повелѣнію, сего Іюля 22 дня, въ Петергофѣ, маскарада и банкетныхъ столовъ, благоволитъ оный корпусъ откомандировать для услугъ по примѣру прошлаго года однихъ только камеръ-пажей“ [142]). Получивъ такую бумагу, всѣ уже знали, что имъ дѣлать, несмотря на то, что письменныхъ уставовъ или правилъ не было. Дѣлали такъ, какъ „изстари водилось“. Вотъ это обыкновеніе поступать по „изстари“ изъ устъ въ уста передававшимся преданіямъ, не позволяетъ точно установить придворныя обязанности пажей, несмотря на то, что они точно были установлены чуть ли не съ самаго введенія этого званія въ Россіи, но, къ сожалѣнію, только не на бумагѣ, а потому, когда встрѣчалась необходимость разрѣшать какой-нибудь новый вопросъ въ этой области, для рѣшенія котораго не имѣлось на лицо установившейся устной традиціи, положительно не знали, какъ поступить и на что опереться. Для примѣра возьмемъ такой случай. Въ Пажескомъ корпусѣ понадобилось узнать, какого цвѣта долженъ быть воротникъ и парадная одежда камеръ-пажей, призванныхъ состоять при вновь утвержденномъ дворѣ Великой Княжны Анны Павловны. Придворная контора на сдѣланный запросъ отвѣтила, что она не знаетъ, такъ какъ извѣстно лишь только то, что ливрейные служителя „имѣютъ на постоянномъ платьѣ воротники изъ алаго цвѣта, позументъ серебряный, а пуговицы бѣлаго цвѣта“. Другими словами, у нея не было общихъ

руководящихъ началъ, соображаясь съ которыми, она могла бы утвердительно сказать, что на основаніи такихъ-то и такихъ-то положеній при утвержденіи новаго двора, входящіе въ составъ его камеръ-пажи должны имѣть воротники цвѣта, присвоеннаго данному двору, а традиціи въ этомъ отношеніи не существовало; понятно, что контора и стала въ тупикъ, что ей отвѣтить и отвѣтила, что не знаетъ. И такъ было во всемъ, что касалось придворной службы, что, впрочемъ, врядъ ли можетъ удивить насъ, уже знакомыхъ съ этимъ явленіемъ изъ предыдущей исторіи корпуса. За 8 лѣтъ, протекшихъ послѣ его преобразованія, перемѣнъ въ этомъ смыслѣ не произошло. Все оставалось по старому.

Совсѣмъ иначе пошла жизнь самаго корпуса, какъ учрежденія: преобразованіе отозвалось въ немъ очень сильно. Но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, старые порядки, несмотря на перемѣну личнаго состава, долго еще вели борьбу съ новыми и только постепенно уступали дорогу послѣднимъ; такъ что эти 8 лѣтъ жизни корпуса на Фонтанкѣ, въ домѣ шевалье д' Орбиньи, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Неплюевскаго, могутъ быть названы переходною эпохою. Съ переселеніемъ въ 1810 году на Садовую, въ домъ Воронцова, который корпусъ занимаетъ и нынѣ, прекратилась борьба старыхъ и новыхъ началъ и не потому, что корпусъ переселился, а потому, что къ этому времени окончательно выяснилась невозможность удержать старыя позиціи. Моментъ переселенія совпалъ только съ моментомъ прекращенія борьбы.

Каждый, конечно, въ правѣ попросить насъ охарактеризовать общія стремленія новой эры, и мы съ удовольствіемъ пойдемъ на встрѣчу этому желанію. Немногими словами или даже однимъ словомъ стремленія эти могутъ быть опредѣлены, какъ желаніе водворить законность и устранить произволъ, царствовавшій до тѣхъ поръ. Такое стремленіе стало ясно обозначаться за нѣсколько времени до введенія Учрежденія, объ этомъ мы имѣли уже случай говорить вскользь тогда, когда шла рѣчь о производствѣ въ камеръ-пажи, производствѣ, которое должно было состояться за нѣсколько дней до осуществленія реформы. Остановимся на этомъ обстоятельствѣ подробнѣе. Лишь только разнеслась вѣсть о томъ, что въ Пажескомъ корпусѣ предстоятъ производства въ камеръ-пажи, родители всполошились, пустили въ ходъ своихъ вліятельныхъ родственниковъ и къ шефу корпуса графу Шереметеву посыпались письма, изъ ко-

торыхъ нѣкоторыя дошли до насъ. Интересно и заслуживаетъ вниманіе одно изъ нихъ, полученное отъ графа Строганова, бывшаго шефа и главноуправляющаго корпусомъ и, слѣдовательно, хорошо знакомаго съ дореформенными порядками. Вотъ оно цѣликомъ: „Милостивый Государь и графъ Николай Петровичъ! Во время, когда команда надъ Пажескимъ корпусомъ Высочайше ввѣрена была моему начальству, я опредѣлилъ въ оный пажемъ находящагося теперь въ вѣдѣніи Вашего Сіятельства одного молодого человѣка, съ крайнимъ тщаніемъ образованнаго, и, какъ мнѣ извѣстно, что въ корпусѣ есть открывшаяся камеръ-пажеская ваканція, то я прошу покорнѣйше Ваше Сіятельство оказать мнѣ чувствительное одолженіе замѣстить оную упомянутымъ пажемъ, о которомъ знаю я, что онъ поведенія отличнаго, въ наукахъ пріобрѣтшаго успѣхи и потому достойнаго замѣстить мѣсто камеръ-пажа. Оказаніемъ сему молодому человѣку счастья Вы устремите его удостоить бы болѣе и болѣе заслужить къ нему благорасположеніе и тѣмъ обяжете и меня всесовершенно“ [143]). Письмо было послано 29 Сентября. Въ началѣ октября произвели экзаменъ, семь лучшихъ удостоили званія камеръ-пажа, въ ихъ числѣ и пажа, пользовавшагося покровительствомъ графа Строганова [144]). Избѣгнуть экзамена и ему не пришлось. Съ этого момента экзаменъ для полученія званія камеръ-пажа дѣлается обязательнымъ, за восемь лѣтъ мы встрѣчаемъ только одно пожалованіе, такъ сказать, заочное пажа, живущаго у своихъ родителей.

Въ спискѣ „по экзамену считавшихся достойнѣйшими для производства въ камеръ-пажи“, который инспекторъ классовъ представилъ графу Шереметеву, мы впервые находимъ оцѣнку знанія баллами. До этого, знанія даже выпускныхъ воспитанниковъ оцѣнивались весьма неопредѣленными и мало что говорящими выраженіями, въ родѣ такихъ: „знаетъ изрядно“, „читать, писать умѣетъ“ и т. п.

Какъ видно изъ списка, высшій баллъ для разныхъ предметовъ былъ разный; такъ для русскаго и ариѳметики таковымъ являлся 30, для алгебры, исторіи, географіи, артиллеріи, французскаго и нѣмецкаго яз.—60, для геометріи—80, а для фортификаціи—90.

Но несмотря на существованіе правила, по которому производство въ камеръ-пажи могло состояться только послѣ экзамена, попытки обойти это правило все же продолжали встрѣчаться: тотъ же графъ Строгановъ въ концѣ года опять обратился къ графу Шереметеву съ просьбой ходатайствовать передъ Государемъ о пожало-

ваніи въ это званіе пажа съ крайне характернымъ прошлымъ: въ 1794 году онъ вступилъ въ службу въ Лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ капраломъ, потомъ попалъ въ правительствующій сенатъ юнкеромъ 14 класса и уже послѣ этого былъ Высочайшимъ указомъ назначенъ пажемъ. Такимъ образомъ, выходило, что будучи равенъ по своему гражданскому чину фендриху, т. е., имѣя по табели о рангахъ чинъ офицерскій, онъ въ то же время, какъ пажъ, долженъ былъ его добиваться. Это и выставилъ на видъ графъ Строгановъ. Увѣнчалась ли его просьба успѣхомъ—не знаемъ, но во всякомъ случаѣ она доказываетъ, что не одно только желаніе добиться для близкихъ исключенія побуждало просить объ изъятіи, но и созданныя дореформенною практикою ненормальныя положенія, которыя теперь приходилось распутывать [145]).

Вскорѣ вполнѣ выяснилось, что государь во всѣхъ возникавшихъ вопросахъ прежде всего желалъ стать на точку зрѣнія справедливости и выяснилось это вотъ по какому поводу: вновь поступившій гофмейстеръ Свиньинъ въ 1803 году подалъ прошеніе о зачисленіи его сына пажемъ; прошеніе было доложено Государю. Государь, когда ему доложили, велѣлъ запросить генерала Клингера: „совмѣстно ли съ порядкомъ службы и съ правилами, для Пажескаго корпуса установленными, допустить, чтобы дѣти офицеровъ онаго были туда опредѣляемы и не подастъ ли сіе причины къ какимъ-либо пристрастіямъ при экзаменѣ, на коемъ главнѣйше должно утверждаться одобреніе учащихся къ ихъ производству.“

Клингеръ, котораго попросили выразить свое мнѣніе письменно, опираясь, вѣроятно, на уже существующіе примѣры опредѣленія сына инспектора классовъ Оде-де-Сіона, брата бывшаго помощника гофмейстера Клингенберга и брата директора корпуса Гогеля, далъ отвѣтъ благопріятный для своего beau-frère'a, и черезъ нѣсколько времени маленькій Петръ Свиньинъ былъ назначенъ пажемъ [146]).

Чрезвычайно интересно прошеніе инспектора классовъ Оде-де-Сіона: писано оно на французскомъ языкѣ въ патетическомъ тонѣ, въ томъ духѣ, въ которомъ писались они въ дореформенное время, когда просители, желая разжалобить Государя или обратить его вниманіе, прибѣгали къ помощи вычурныхъ фразъ, расчитывая, что онѣ то и помогутъ имъ добиться желаемаго. Прошеніе Оде-де-Сіонъ подалъ графу Шереметеву. Очевидно, инспекторъ считалъ, въ данномъ случаѣ, нужнымъ заинтересовать графа, какъ докладчика, со-

вершенно правильно предполагая, что, если онъ проникнется желаніемъ исполнить его просьбу, то сумѣетъ склонить къ тому и Государя: „Un père de famille, читаемъ мы: ne peut rien avoir plus à coeur que l'éducation et le bien être de son fils. Mon peu de fortune ne me permet d'employer pour mon enfant que des moyens bien faibles, je désirerais le mettre à même de servir un jour avec honneur le Grand Prince, à qui son père doit le bonheur et l'existence. Daignez donc, votre Excellence, m'obtenir de mon très gracieux Souverain qu'il soit reçu au nombre des pages entretenus par Sa Majesté, puisqu'il y a des vacances. Cet enfant avait déjà l'avantage d'avoir été reçu par l'immortelle Cathérine capitaine d'armes au régiment de Préobragensky. En outre sa mère l'a mis au monde, étant prisonnière de guerre à Varsovie lors de la révolution, c'est un gage en naîssant de son attachement à la Russie. J'ose vous supplier, Monsieur le Comte, de mettre aux pieds de Sa Majesté Impériale mon humble prière, je conserverai toujours dans mon coeur le prix d'un tel bienfait“ [147]).

Тутъ все было пущено въ ходъ—и „l'immortelle Cathérine“, и указаніе на предзнаменованіе, заключавшееся въ томъ, что мальчикъ родился во время плѣна его матери въ дни Варшавскихъ событій 1794 г. et le grand Prince á qui son père doit le bonheur et l'existence“ и все это на французскомъ языкѣ, потому что Оде-де-Сіонъ не зналъ русскаго, на которомъ, какъ кажется, едва ли даже писалъ.

Но гдѣ требованія строгой законности произвели впечатлѣніе разорвавшейся нежданно, негаданно бомбы или удара грома, раздавшагося неожиданно надъ головой, это среди благодушно проживавшихъ въ своихъ деревняхъ пажей, считавшихся на службѣ при дворѣ, а фактически ея не несшихъ. Они страшно всполошились, когда узнали, что ихъ будутъ производить въ офицеры только по экзамену. Насколько они были застигнуты врасплохъ этою мѣрою, можно судить по прошеніямъ, поданнымъ графу Шереметеву нѣкоторыми изъ нихъ. Вотъ для примѣра одно:

„Милости и покровительство, которыми Ваше Сіятельство удостоиваете воспитанниковъ Пажескаго корпуса, начальству Вашему ввѣренныхъ, въ числѣ которыхъ и я имѣю счастье быть, обнадеживаетъ меня, что не изволите отринуть моей всепокорнѣйшей просьбы, которую я осмѣливаюсь испрашивать у Вашего Сіятельства не по какому-либо праву, а единственно, какъ милость отъ такого начальника, какъ Вы, который посвятилъ себя на пользу юношества, ему

ввѣреннаго, а потому съ совершенною довѣренностью осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству, не искавъ никакихъ окольныхъ путей къ достиженію моего желанія выйти изъ Пажескаго корпуса. Я осмѣливаюсь думать, что просьба моя тѣмъ менѣе будетъ дерзновенна, что она основана и на причинахъ, которыя безъ закрыши и чистосердечно Вашему Сіятельству почтеннѣйше смѣю представить. Во-первыхъ, перемѣны, учиненныя въ Пажескомъ корпусѣ, заставляютъ меня снова начать мое ученіе въ такія лѣта, въ которыхъ уже молодые люди начинаютъ терять способности, я имѣю 19 лѣтъ и болѣе нахожу себя способнымъ служить во фрунтѣ, что и свойственно посвященію лѣтамъ моимъ, во-вторыхъ, я имѣю родного брата въ службѣ Его Величества офицеромъ въ Семеновскомъ полку, который бы могъ меня научить, приготовить и наставить меня заблаговременно на путь, по званію моему предлежащій, вслѣдствіе чего всепокорнѣйше прошу Вашего Сіятельства, удостоить меня милостью Вашею и доставить мнѣ способъ перейти изъ пажей въ унтеръ-офицеры въ Семеновскій полкъ. Будучи въ полной надеждѣ, что Вы изволите найти изрѣченныя причины основательными и справедливыми, предоставляю себя милости Вашего Сіятельства“ [148]). Подателю этого, съ нашей современной точки зрѣнія, болѣе чѣмъ страннаго прошенія, было отказано такъ же, какъ и тремъ другимъ пажамъ, обратившимся съ аналогичною просьбою, отличавшеюся отъ только что изложенной лишь тѣмъ, что они просили о выпускѣ въ армію офицерами [149]).

„Его Императорское Величество“ сказано въ бумагѣ, послужившей отвѣтомъ на прошеніе пажей, считавшихъ себя неспособными къ ученію „находя такое представленіе несходнымъ съ 10 ст. вновь изданнаго для Пажескаго корпуса Учрежденія, не изволилъ удовлетворить оному, Высочайше повелѣвъ дать знать Вашему Сіятельству о желаніи Его Величества, дабы въ удостоеніе пажей къ выпуску въ самой точности исполняемо было помянутое Учрежденіе, для пользы службы и для блага самихъ сихъ молодыхъ дворянъ изданное“ [150]). Параграфъ десятый Учрежденія, какъ мы знаемъ, требовалъ для производства въ офицеры аттестата, т. е. экзамена, на основаніи котораго и выдавался аттестатъ.

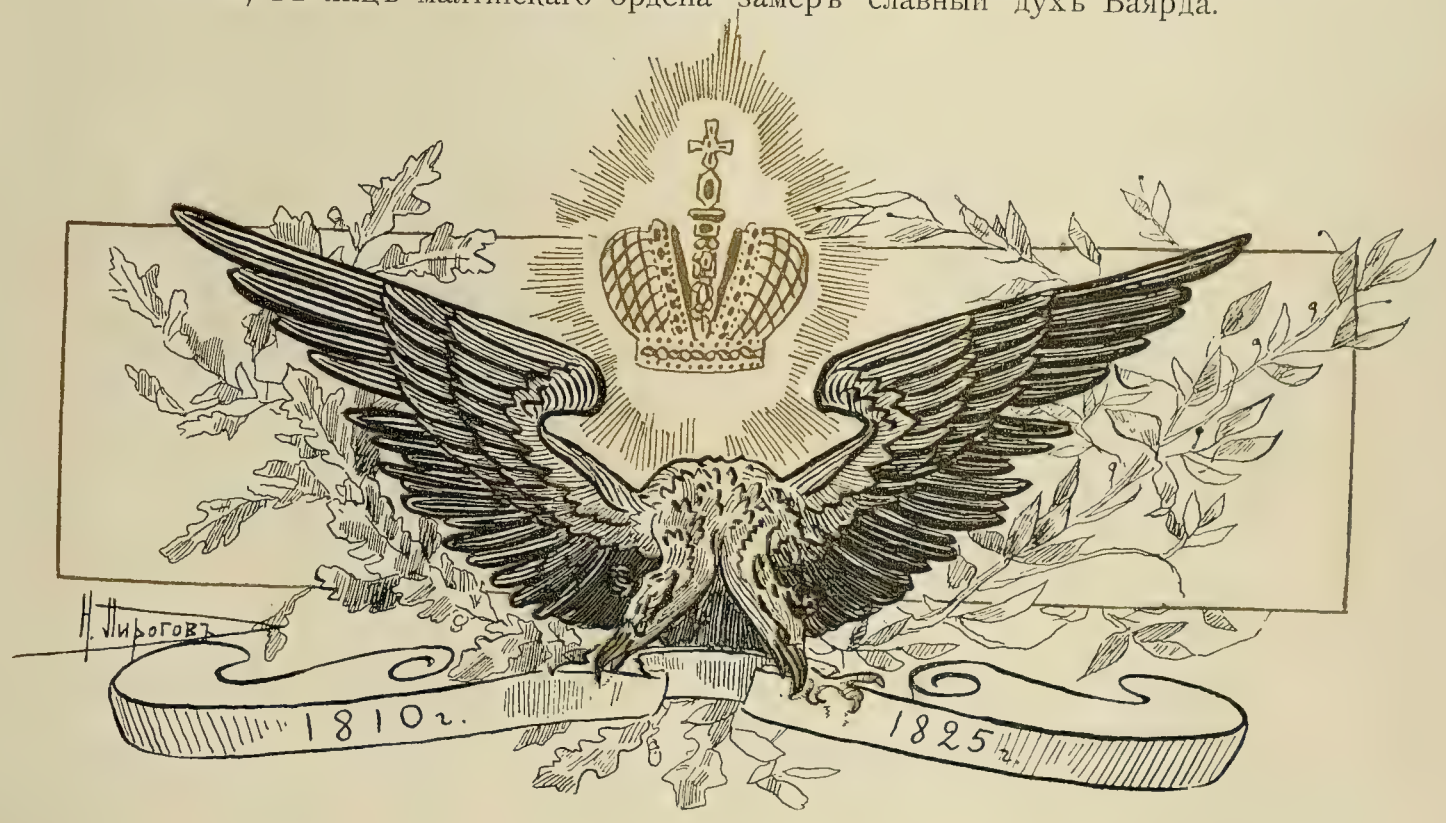
Такъ постепенно полная законность и опредѣленность требованій являлась на смѣну прежней, не скажемъ, беззаконности, но произвольности. Мы не станемъ слѣдить за развитіемъ этого процесса, съ насъ довольно знать, что уже къ началу 1805 г. генералъ Клин-

геръ, замѣнившій окончательно ушедшаго еще въ 1803 году графа Шереметева, счелъ возможнымъ донести Государю, „что отличнымъ исполненіемъ генералъ-маіоромъ Гогелемъ возложенной на него должности, бдительнѣйшимъ присмотромъ за юношествомъ, Высочайше ему ввѣреннымъ, корпусъ сей образовался во всѣхъ частяхъ по правиламъ новаго Учрежденія и съ умѣніемъ доведенъ до надлежащей исправности; сверхъ того, трудами и хозяйственными распоряженіями сбереженъ въ пользу корпуса капиталъ 50.001 р. 17⅓ к.; исключая сего, заведена вновь библіотека, физическій кабинетъ, прибавлены учителя, куплены оружейная аммуниція и разныя классныя вещи и другія потребности, кои не существовали“. Но не долго пришлось Гогелю радоваться на плоды своей работы. 4 Ноября того же года онъ умеръ. За его усердную службу Государь пожаловалъ вдовѣ въ пенсіонъ половину получаемаго имъ на службѣ жалованія—всего 1.125 р. На его мѣсто черезъ годъ назначенъ былъ директоромъ (25 Октября 1806 года) его братъ Иванъ Григорьевичъ, временно же обязанность директора исполнялъ гофмейстеръ Свиньинъ. Труды Генриха Григорьевича были на столько плодотворны и замѣтны, что Государь нашелъ нужнымъ поблагодарить и генерала Клингера, считавшагося главнымъ руководителемъ преобразовательной работы. Царскій рескриптъ на имя главноуправляющаго былъ данъ 16 Января 1806 года; и съ этого года, вплоть до переселенія корпуса на Садовую, Императоръ ежегодно оказывалъ эту милость. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что все шло такъ, какъ желалъ Монархъ, относившійся весьма внимательно даже къ мелочамъ корпусной жизни.

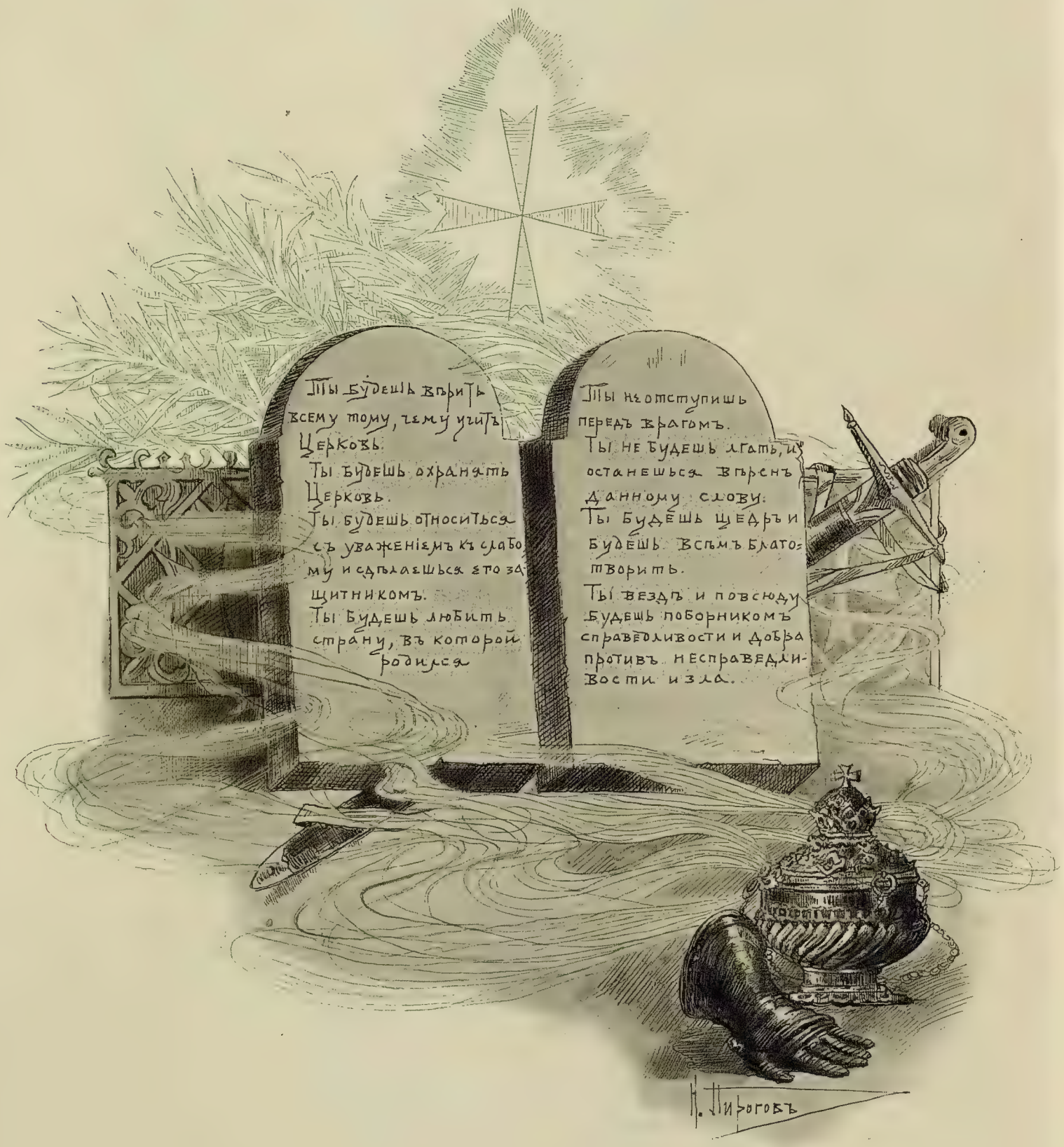
То же свидѣтельствуютъ записки Ф. Я. Мирковича, поступившаго въ преобразованное заведеніе какъ разъ въ тотъ годъ, когда генералъ Клингеръ донесъ, что „корпусъ образовался во всѣхъ частяхъ“. „Мы можемъ сказать безъ хвастовства, читаемъ мы тамъ: что въ эту эпоху (1805—1809), когда на учебныя заведенія не было обращено особеннаго вниманія со стороны Правительства, воспитанники Пажескаго корпуса выходили съ лучшимъ того времени образованіемъ [151]). Пажескій корпусъ въ то время былъ лучшимъ учебнымъ заведеніемъ. Преподаватели всѣ пользовались репутаціею въ ученомъ мірѣ. Такъ какъ тогда не было никакихъ программъ, ни печатныхъ курсовъ (кромѣ курса математики Войцеховскаго), ни литографированныхъ записокъ, то каждый учитель читалъ намъ свой предметъ, не стѣсняясь ничѣмъ, и развивалъ свободно наши умы. Мы сами, со

словъ учителя, составляли записки, которыя имъ исправлялись. Такимъ образомъ, каждый преподаватель уяснялъ намъ свой предметъ съ той точки зрѣнія, какъ самъ понималъ, съ полнымъ развитіемъ своихъ собственныхъ идей, а не по чужому толку обязательныхъ курсовъ. Слушатели должны были внимательно слѣдить за преподаваніемъ, чтобы понять смыслъ излагаемаго для составленія собственныхъ записокъ. Отъ этого все оставалось тверже въ памяти. Большая часть пажей училась отлично, прилежно; они въ этомъ поставляли свое самолюбіе. Очень немного было лѣнивыхъ или тупыхъ, которыхъ между товарищами называли черненькими. Правда, что къ соревнованію сильнымъ двигателемъ служило то обстоятельство, что камеръ-пажи и пажи могли выходить офицерами—первые въ гвардію, а послѣдніе въ армію, сообразно со своими успѣхами въ наукахъ, тремя чинами: поручика, подпоручика и прапорщика. Это значительное преимущество Пажескій корпусъ сохранилъ только до 1810 года. Послѣдніе камеръ-пажи, вышедшіе съ чиномъ поручика въ гвардію, были: братъ мой Александръ Яковлевичъ и Вейдемейеръ. Съ 1811 года всѣхъ стали выпускать изъ корпуса первымъ офицерскимъ чиномъ,—камеръ-пажей въ гвардію, а пажей въ армію“ [152]). Слѣдовательно, въ 1810 году выработали и систему производства, и этимъ окончательно завершилась борьба стараго съ новымъ, съ перипетіями которой въ общихъ чертахъ, не вдаваясь въ подробности, мы познакомились.

По странному совпаденію она прекратилась именно тогда, когда чистый продуктъ рыцарства—пажи, переселились въ домъ, гдѣ, казалось, въ лицѣ малтійскаго ордена замеръ славный духъ Баярда.



ЗАПОВѢДИ РЫЦАРСТВА

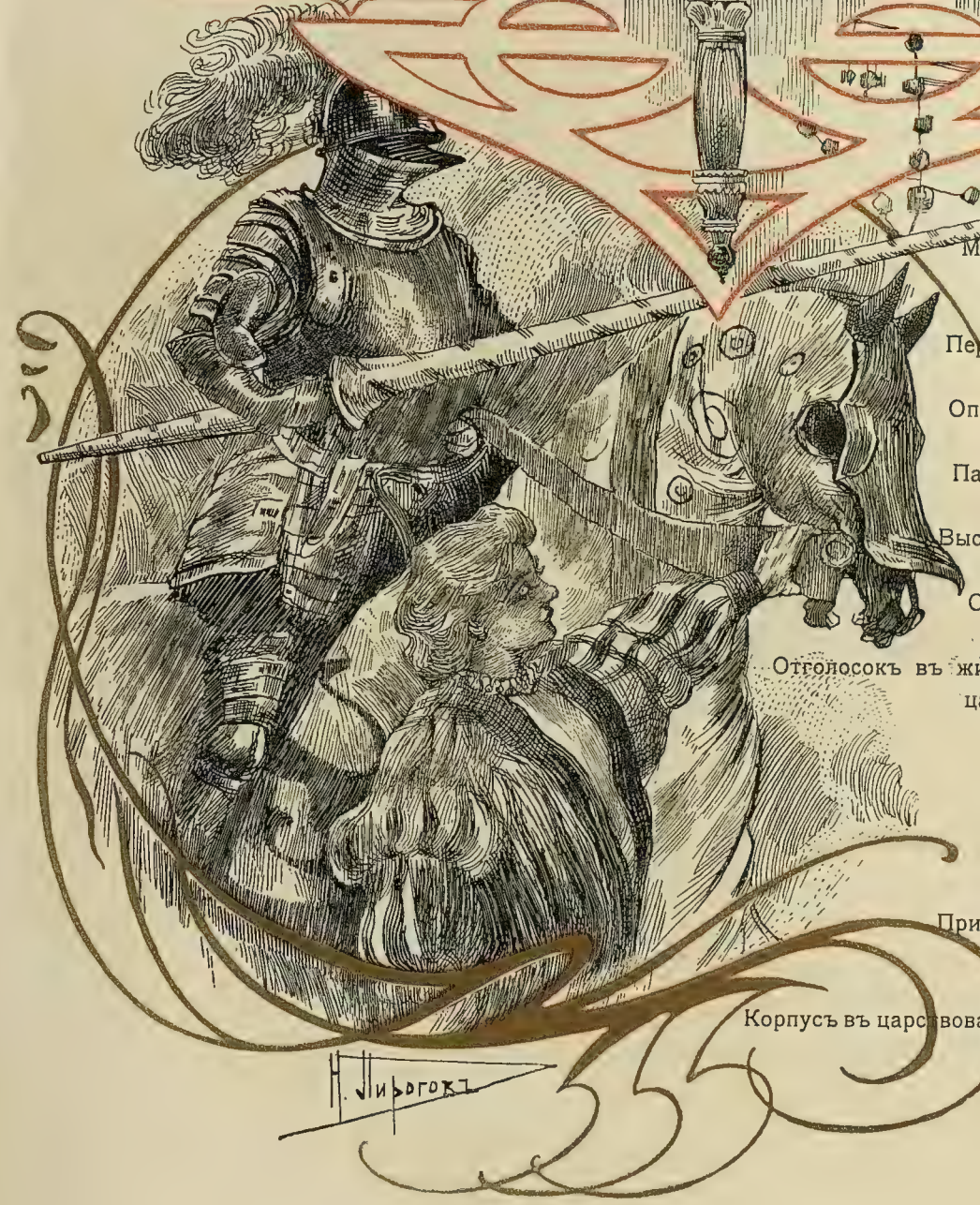


Императоръ Александръ I
въ 1802 году

Фототипія „Т-ва Художеств. Печати“

Царствованіе Императора Александра I.

Глава II.



Мальтійскій орденъ за границей и у насъ.
Католическая и православная церковь корпуса.
Переѣздъ въ новое зданіе въ 1810 г.
Зданіе корпуса.
Опредѣленіе въ пажи и прошенія, которыя подавались по этому случаю.
Пажи, воспитывающіеся дома и отношеніе къ нимъ корпуса.
Высшее начальство и заботы его о корпусѣ.
Внутреннее помѣщеніе корпуса.
Отраженіе событій 1812 года на жизни корпуса.
Отголосокъ въ жизни корпуса броженія умовъ второй половины царствованія Императора Александра I.
Воспитательскій персоналъ корпуса.
Вліяніе его на воспитанниковъ.
Ученіе въ корпусѣ.
Учителя.
Военное воспитаніе.
Старшіе и младшіе воспитанники.
Придворная служба по воспоминаніямъ пажей П. Дарагана и А. Гангеблова.
Производство въ офицеры.
Корпусъ въ царствованіе Императора Александра I. Общія замѣчанія.
Пажи—государственные дѣятели.

Императоръ Павелъ I
Гросмейстеръ мальтійскаго ордена.

Зданіе, куда въ 1810 году переселились пажи, принадлежало передъ тѣмъ мальтійскому ордену, ведущему свое происхожденіе отъ іоаннитовъ. Въ XI-мъ столѣтіи купецъ изъ Амальфи основалъ въ Іерусалимѣ монастырь, въ которомъ принялъ къ руководству бенедиктинскій уставъ общежитія. Кромѣ монастыря, онъ создалъ и госпиталь во имя Іоанна (Милостиваго или Сострадательнаго). Госпиталь предназначался для пилигримовъ и вмѣстѣ съ монастыремъ положилъ основаніе монашескому ордену іоаннитовъ. Вскорѣ нашлись добрые люди, пожелавшіе сдѣлать даже земельныя пожертвованія съ тѣмъ, вѣроятно, чтобы благочестивые, отрѣшившіеся отъ прелестей сей мірской жизни монахи возносили бы молитвы къ престолу Всевышняго о тѣхъ, кто обезпечилъ ихъ земное существованіе и тѣмъ далъ возможность служить Богу. Но такъ какъ іоанниты поселились въ Іерусалимѣ среди невѣрныхъ мусульманъ, далеко не расположенныхъ относиться къ нимъ съ особеннымъ сочувствіемъ и, даже болѣе того, вполнѣ расположенныхъ ихъ обижать и обирать, то и пришлось подумать о самозащитѣ, т. е. о вооруженіи братіи и о привлеченіи крестоносцевъ къ дѣлу обороны. Вслѣдствіе такого положенія вещей, нѣтъ ничего удивительнаго, что мирный монашескій орденъ постепенно превратился въ воинствующій рыцарскій. Превращеніе это совершилось въ 1120 году, когда онъ получилъ названіе рыцарскаго ордена „госпиталя св. Іоанна“ и когда патрономъ ордена былъ объяв-

ленъ св. Іоаннъ Креститель. До своего обращенія въ рыцарей орденъ іоанниты, главнымъ образомъ, занимались оказаніемъ помощи пилигримамъ, освобожденнымъ отъ магометанскаго плѣна, призрѣніемъ бѣдныхъ и больныхъ, въ особенности послѣднихъ, и въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что они достигли блестящихъ результатовъ. Въ XII столѣтіи они содержатъ постоянно до 2000 больныхъ. Такая плодотворная ихъ дѣятельность въ свое время заслужила имъ глубокое уваженіе современниковъ и, благодаря ей, они имѣютъ полное право считаться родоначальниками всѣхъ нынѣ существующихъ сестеръ и братьевъ милосердія. Первыя основы правильнаго ухода за больными положены ими. Къ сожалѣнію, обращеніе монаховъ въ рыцарей повлекло за собою превращеніе братьевъ милосердія въ воиновъ. Прежняя дѣятельность стала понемногу отходить на второй планъ и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась, осталась на лицо чисто военная, а какъ воспоминаніе о первоначальной дѣятельности гдѣ-то въ Испаніи, что-то въ родѣ общества сестеръ милосердія, считавшагося какъ бы принадлежащимъ къ ордену. Въ общемъ, къ концу столѣтія, можно сказать, что существовало три рода членовъ: собственно рыцари, дававшіе всему тонъ, духовныя лица, исполнявшія разнаго рода требы и частныя лица, принимавшія участіе въ жизни ордена своими вкладами. Рыцари и вклады обогатили его до того, что въ XIII ст. онъ обзавелся цѣлою территоріею, надъ которою господствовалъ и гдѣ строилъ крѣпости. Главнымъ его мѣстомъ пребыванія считался Іерусалимъ и именно госпитальный кварталъ, расположенный противъ церкви Гроба Господня. Главною крѣпостью—замокъ Маргатъ или Маркабъ, находившійся въ Антіохійскомъ княжествѣ. Другой замокъ помѣщался въ Триполійскомъ графствѣ и носилъ названіе Карракъ. Доходы его простирались до 36 милліоновъ. Дѣлился онъ въ дни своего могущества, т. е. приблизительно въ первую половину XIII стол., на такъ называемые „языки“. Ихъ считалось 8 по числу 8 земель, изъ которыхъ, такъ сказать, комплектовались рыцари ордена. Эти земли были: Провансъ, Овернь, Франція, Италія, Аррагонъ, Кастилія, Англія и Германія. Во главѣ каждаго языка стоялъ великій пріоръ, занимавшій въ то же время и какую-нибудь должность въ самомъ орденѣ. Оверньскій пріоръ исправлялъ въ то же время обязанности маршала; Итальянскій—великаго адмирала, Прованскій — орденскаго казначея и т. д. Почти-что не надо упоминать о томъ, что съ богатствомъ измѣнились и нравы и одежда; простота и воздержность изчезли безслѣдно,—

распущенность и роскошь вступили въ полныя права. Вино замѣнило воду, комната—скромную келью. Красный кафтанъ и черный плащъ съ бѣлымъ осьмиконечнымъ крестомъ—прежнюю скромную монашескую одежду, состоявшую изъ черной рясы, съ нашитымъ большимъ осьмиконечнымъ крестомъ и капюшономъ. Далѣе повторилась болѣе чѣмъ обыкновенная исторія. Излишекъ благосостоянія вызвалъ изнѣженность, изнѣженность—слабость, слабость—нѣкотораго рода беззащитность. Твердыни ордена Маргатъ и Карракъ уступили напору мусульманъ, чѣмъ ордену былъ нанесенъ смертельный ударъ и дѣло кончилось тѣмъ, что уже къ концу XIII столѣтія іоаннитамъ пришлось покинуть Святую Землю и госпиталь Іоанна Іерусалимскаго и искать убѣжища на одномъ изъ острововъ малоазіатскаго побережья. Такимъ гостепріимнымъ островомъ оказался Родосъ, куда рыцари-госпитальеры и переселились. Само собой понятно, что гостепріимство пришлось купить цѣною крови, но дѣлать было нечего, куда-нибудь да спасаться надо было. Бѣда пробудила прежнюю храбрость и рыцари въ началѣ XIV столѣтія завоевали не только Родосъ, но и сосѣдніе островки и даже часть малоазіатскаго побережья. Турецкіе пираты, для которыхъ островъ служилъ базою грабительскихъ операцій, удалились. Но прошло нѣкоторое время и новые владѣльцы занялись тѣмъ же, чѣмъ занимались и прежніе, т. е. пиратствомъ. Мы сейчасъ видѣли, что родосскіе рыцари,—такъ стали звать іоаннитовъ послѣ ихъ невольнаго переселенія,—принялись на новомъ мѣстѣ дѣлать то же, что они вначалѣ дѣлали и на старомъ, т.-е. расширять свои владѣнія. Расширеніе, какъ мы знаемъ, дало благопріятные результаты: можно сказать, даже и неожиданные: они завладѣли такимъ городомъ, какъ Смирна; но опять-таки и здѣсь, какъ и въ Святой Землѣ, роскошь, ссоры, долги стали подтачивать маленькое Родосское государство и, въ концѣ концовъ, подточили до того, что бѣднымъ рыцарямъ пришлось прибѣгнуть къ постыдному мелкому грабежу.

Въ такомъ положеніи застало ихъ завоеваніе Константинополя. Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ, надо замѣтить, что какъ умирающему дѣлается лучше передъ смертью, такъ и родосскіе рыцари передъ окончательнымъ своимъ паденіемъ дали вспышку могущества, а затѣмъ и замерли. Магометъ II, взявшій Константинополь, не оставилъ въ покоѣ и родосскихъ обитателей, онъ послалъ противъ нихъ отрядъ силою въ 100,000 человѣкъ. Гросмейстеръ ордена

Обуссонъ геройски отстоялъ свои владѣнія, отрядъ возвратился ни съ чѣмъ. На время турки успокоились, но только съ виду. Когда они сочли, что въ состояніи раздѣлаться съ непріятными сосѣдями, они предприняли новый походъ съ еще большими силами—походъ, увѣнчавшійся, главнымъ образомъ, вслѣдствіе измѣны, полнымъ успѣхомъ. 4000 родосскихъ рыцарей покинули въ 1523 году Родосъ и направились черезъ Критъ въ Неаполь и Чивита-Веккію. Семь лѣтъ спустя, Карлъ V передалъ имъ островъ Мальту съ нѣкоторыми другими владѣніями и потребовалъ отъ нихъ взамѣнъ этого постоянной войны съ невѣрными, другими словами, онъ создалъ изъ нихъ на югѣ оплотъ противъ мусульманства. Съ этихъ поръ родосцы стали называться малтійскими рыцарями.

Карлъ V, давая имъ такую неопредѣленную задачу,—постоянно вести войну съ невѣрными, вскорѣ показалъ и на дѣлѣ, въ чемъ она должна состоять. Онъ взялъ рыцарей въ походъ противъ Алжира, гдѣ они вели себя съ неподражаемою храбростью и въ сущности спасли все предпріятіе. Не прошло и 35 лѣтъ, какъ имъ снова пришлось выдержать тяжкое испытаніе. Турки, отлично понявшіе, что для того, чтобы стать хозяевами на Средиземномъ морѣ, очень недурно раздѣлаться съ рыцарями, занимавшими такую выходную позицію, что ее, пожалуй, можно было считать выгоднѣе Родосской, рѣшили разъ навсегда раздѣлаться съ своими соперниками. Предлогомъ для турокъ послужило желаніе отмстить за поимку ихъ корабля. Съ гроссмейстеромъ Лавалетта во главѣ, рыцари сражались отчаянно не на жизнь, а на смерть. Ожесточеніе обѣихъ сторонъ достигло крайнихъ предѣловъ, турки вырѣзывали у плѣнныхъ на груди кресты и отрубленныя головы натыкали на шесты, рыцари стрѣляли изъ пушекъ головами своихъ плѣнныхъ. Побѣда, однако, осталась за мальтійцами. Турки отступили и больше ихъ не трогали. Такъ 200 лѣтъ просуществовало маленькое государство мальтійскаго ордена, пока Наполеонъ не попробовалъ наложить на него руку, отлично понимая его важное стратегическое положеніе и относительно Европы, и относительно Египта, куда онъ пробирался. Попытка увѣнчалась успѣхомъ—и потому, что въ третій разъ съ рыцарями случилось то же, что происходило съ ними два раза прежде: изнѣженность, роскошь, праздная и веселая жизнь замѣнили трудовое существованіе, исполненное подвиговъ самоотверженія и храбрости.

„9 Іюля 1798 г., къ Мальтѣ подошелъ французскій флотъ, шедшій

въ Египетъ подъ предводительствомъ Бонапарте. Здѣсь уже нѣсколько измѣнниковъ ордена и четыре тысячи мальтійцевъ тайно сговорились съ французами. На другой день непріятельскія войска высадились въ семи разныхъ мѣстахъ острова, не встрѣтивъ большаго сопротивленія, а 12 Іюля подписана позорная капитуляція, въ силу которой Мальта сдавалась французамъ. Кромѣ большаго количества аммуниціи и жизненныхъ припасовъ на полгода, они добыли и всю казну ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, содержавшую въ себѣ болѣе трехъ милліоновъ золотомъ и серебромъ. Большое количество серебряной посуды сплавлено въ слитки и свезено на корабли. Ими намѣревались платить жалованіе арміи.

Желалъ-ли или принужденъ былъ сдаться гросмейстеръ Гомпешъ—неизвѣстно, но зато извѣстно, что онъ позаботился о вознагражденіи понесенныхъ лично убытковъ: 600,000 ливровъ, пожизненная пенсія въ 300,000 и обѣщаніе выхлопотать ему помѣстье въ Германіи несомнѣнно утѣшили гросмейстера и позволили ему устроиться весьма недурно. На память о своемъ гросмейстерствѣ и вообще о пребываніи на Мальтѣ, онъ, съ разрѣшенія Наполеона, взялъ частицу Честнаго Креста, привезеннаго изъ Палестины, руку св. Іоанна и чудотворную икону св. Дѣвы Филермійской, писанной, по преданію, Евангелистомъ Лукою. 17 Іюля 1798 г., Гомпешъ отплылъ на австрійскомъ кораблѣ въ Тріестъ, но все еще продолжалъ считаться гросмейстеромъ [1]), но только считаться,—фактически онъ пересталъ имъ быть, фактически въ эту роль вступилъ въ это время не кто иной, какъ Императоръ Павелъ, съ дѣтства носившій въ себѣ любовь ко всему рыцарскому, причемъ рыцарство ему рисовалось не въ той, можно сказать, вырождающейся формѣ, въ которую оно облеклось у послѣднихъ представителей мальтійскаго ордена, а въ его чистой идеальной, кажется, существовавшей болѣе въ пылкомъ воображеніи его пѣвцовъ и поклонниковъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ [2]). Первый представившійся поводъ вступить въ сношеніе съ мальтійскимъ орденомъ былъ достаточенъ Императору Павлу для того, чтобъ онъ поспѣшилъ имъ воспользоваться. Еще въ царствованіе его матери одинъ итальянецъ, нѣкій ди-Саргомозо, кавалеръ ордена, проживавшій въ Польшѣ въ качествѣ магистра послѣдняго при Польскомъ дворѣ, внушилъ мысль полякамъ о томъ, что и имъ надо основать у себя орденъ Іоанна Іерусалимскаго. Поднялъ вопросъ объ этомъ князь Сангушко. Вскорѣ онъ былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, и въ Польшѣ воз-

никло такъ называемое польское пріорство. Существовало оно на доходы острожскихъ земель, что на Волыни, при послѣднемъ раздѣлѣ Польши, въ 1793 г., присоединенныхъ къ Россіи. Слѣдовательно, отнынѣ судьба польскаго пріорства зависѣла отъ Императрицы, отъ желанія или нежеланія признать орденскія права на пріобрѣтенныя Россіею земли. Хлопотать о томъ, чтобъ Императрица „пожелала", поручили графу Литта, орденскому бальи, котораго назначили магистромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго при русскомъ дворѣ. 7 Октября 1795 г., почти-что за годъ до смерти Государыни, графъ Литта представилъ свою кредитивную грамоту и въ тотъ-же день представлялся всѣмъ членамъ царскаго дома, а затѣмъ принялся за свои хлопоты. Отъ ихъ успѣха зависѣла судьба ордена въ Россіи. Чѣмъ онѣ закончились при Екатеринѣ, трудно сказать; судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что совсѣмъ не такъ, какъ того желалъ графъ Литта, преслѣдовавшій, кромѣ матеріальныхъ цѣлей, и духовныя, связанныя съ католическими вождѣленіями папъ, давно добиравшихся до Россіи. Но такъ или иначе, Екатерина скончалась въ слѣдующемъ году 6 Ноября, а ея сынъ, Императоръ Павелъ, конечно, внялъ просьбамъ графа Литта и не только утвердилъ за орденомъ земли, но и увеличилъ доходы его, пожаловавъ, сверхъ получаемыхъ имъ 120 тыс. гульденовъ, еще 180 тыс, собиравшихся съ поляковъ, арендовавшихъ земли, принадлежавшія уже Россіи. Эти дополнительныя деньги выдавались мальтійскому ордену изъ государственной казны. Но на этомъ Императоръ не остановился, онъ пожелалъ, чтобъ польское пріорство получило названіе русско-католическаго великаго пріорства.

4 Января 1797 года, черезъ два мѣсяца послѣ вступленія на престолъ Павла I, была заключена конвенція между уполномоченными Императора,—канцлеромъ княземъ Безбородко и вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ и уполномоченнымъ гросмейстера принцемъ де-Роганъ, который въ то же время былъ уполномоченнымъ верховнаго совѣта мальтійскаго ордена.

Въ подписанной въ тотъ же день всѣми уполномоченными конвенціи Государь обязался выплатить мальтійскому ордену долгъ въ 5000 голландскихъ червонцевъ, которые слѣдовало ордену получить въ теченіе времени со дня присоединенія польскихъ провинцій къ Россіи, съ 1793 г. по 31 декабря 1796 г. и выплатить немедленно по ратификаціи заключенной конвенціи. Вслѣдъ затѣмъ гросмейстеръ ордена пожаловалъ обоихъ уполномоченныхъ Его Величества кавале-

рами ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста. Желая еще болѣе сблизиться съ этимъ орденомъ, Государь пожелалъ самъ носить знаки его и украсить ими и членовъ императорской фамиліи.

Прошло одиннадцать мѣсяцевъ и графъ Литта, въ качествѣ чрезвычайнаго посла ордена, совершилъ 27 ноября свой торжественный въѣздъ въ Петербургъ. Его сопровождалъ императорскій комиссаръ и на встрѣчу выѣхалъ оберъ-церемоніймейстеръ.

2 дня спустя происходила торжественная аудіенція, во время которой посольскіе кавалеры поднесли на парчевыхъ подушкахъ старинные рыцарскіе кресты, перевезенные съ остр. Родоса на Мальту, кольчугу, назначенную для Его Величества, старинный кавалерскій крестъ знаменитаго Лавалетта и другіе кресты для Ея Величества Императрицы и для Ихъ Высочествъ.

На этой же аудіенціи посланникъ произнесъ рѣчь. Въ этой рѣчи онъ предложилъ Императору, отъ имени ордена, принять титулъ его покровителя. Государь тутъ-же согласился на это, велѣлъ подать себѣ кольчугу, въ которую и облекъ его оберъ-церемоніймейстеръ, и кромѣ того, надѣлъ на себя цѣпь съ крестомъ храбраго Ливалетты.

Принявъ титулъ покровителя, Павелъ I, не ограничился этимъ, и сдѣлался дѣйствительнымъ покровителемъ находившагося на краю гибели ордена. Когда Мальтѣ стало угрожать нападеніе французовъ, Государь обратился черезъ своихъ уполномоченныхъ ко всѣмъ дворамъ съ объявленіемъ, что все, что будетъ сдѣлано монархами въ пользу ордена, онъ почтетъ за оказанное ему лично одолженіе. Это обращеніе не осталось безъ послѣдствій. На конгрессѣ въ Раштадтѣ (1797 г.) австрійскіе и греческіе министры, согласуясь съ данными дворами ихъ повелѣніями, воспротивились нарушенію правъ ордена французскими министрами.

Но этого мало... Когда всѣ имущества ордена во Франціи, а потомъ въ Италіи, были конфискованы и отнесены къ національной собственности, Императоръ основалъ у себя 84 комендъ въ пользу православнаго дворянства своего государства; сталъ выдавать ежегодно 10 тысячъ рубл. на содержаніе укрѣпленій на Мальтѣ и столько же на содержаніе тамошняго госпиталя.

Но покровительство Императора, какъ мы знаемъ, помогло только отчасти. Въ Мальтѣ водворились французы и гросмейстеръ ордена Гомпешъ принужденъ былъ удалиться въ Тріестъ.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ этого событія, 26 августа 1798 г. въ замкѣ ордена, въ которомъ нынѣ помѣщается Пажескій корпусъ, всѣми бальи, всѣми кавалерами большого креста, командорами и кавалерами ордена св. Іоанна Іерусалимскаго русскаго пріорства изданъ манифестъ, которымъ всѣ кавалеры ордена отказываются отъ повиновенія своему бывшему гросмейстеру, обвиняя въ измѣнѣ какъ его, такъ и всѣхъ соучастниковъ въ сдачѣ Мальты. Въ этомъ же манифестѣ они объявили, что отдаютъ себя въ руки Августѣйшаго своего Покровителя, Павла I, Русскаго Императора и просятъ Его Величество оказать свое покровительство также всѣмъ разсѣяннымъ въ разныхъ странахъ благонамѣреннымъ кавалерамъ ордена. Актомъ, подписаннымъ Государемъ 10 сентября 1798 г., Императоръ далъ свое согласіе на желаніе орденскихъ кавалеровъ, обѣщалъ поддержать орденъ во всѣхъ его правахъ и повелѣлъ объявить о томъ черезъ пословъ своихъ иностраннымъ дворамъ. Кромѣ того, онъ повелѣлъ чинамъ ордена, находящимся въ Петербургѣ (назначенномъ отнынѣ главнымъ мѣстомъ собранія ордена), постановить необходимыя мѣры по управленію орденскими дѣлами и предложить ихъ потомъ на его утвержденіе.

Къ вышеупомянутому манифесту, актомъ 3 октября 1798 г., составленнымъ въ Дубнѣ на Волыни (гдѣ въ то время стоялъ содержавшійся на русскомъ жалованьѣ корпусъ Конде), присоединились принцъ Конде, въ качествѣ главнаго пріора русско-католическаго главнаго пріорства, и всѣ находящіеся въ корпусѣ его командоры и кавалеры. Актомъ 22 октября присоединились къ манифесту нѣкоторые находившіеся въ Дубнѣ командоры русскаго пріорства. Такого же рода прокламація была прислана изъ Гетерсгейма отъ 23 октября 1798 г. отъ имени германскаго главнаго пріорства. Баварское отдѣленіе также не замедлило подчиниться общему рѣшенію германскаго капитула. Богемское отдѣленіе и пріорства итальянскія въ Пизѣ, Барлетѣ и Мессинѣ поступили точно также.

Такимъ образомъ, какъ мы и замѣтили выше, фактически гросмейстеромъ ордена сдѣлался Императоръ Павелъ, но юридически таковымъ оставался Фердинандъ Гомпешъ. Но 28 ноября 1798 года Государь превратился въ гросмейстера и юридически. Въ этотъ день члены русскаго главнаго пріорства, поощряемые знаками милости Его Величества къ ордену, уже имѣвшіе въ своихъ рукахъ въ это время разрѣшительную грамоту папы Пія VI, подкрѣпленные въ своей

рѣшимости присоединеніемъ нѣмецкаго главнаго пріорства и многихъ другихъ кавалеровъ, — собрались во дворцѣ ордена въ Петербургѣ и единодушно провозгласили Императора Павла I гросмейстеромъ ордена.

29 ноября произошло торжественное посвященіе Императора въ санъ гросмейстера, причемъ въ Зимнемъ дворцѣ была дана аудіенція всему собравшемуся тамъ ордену. Во время посвященія Его Величеству вручили корону и регаліи гросмейстерства, а члены ордена принесли ему присягу, какъ своему главѣ [3]).

Прошло полгода съ небольшимъ, и Императоръ Павелъ получилъ письмо отъ эксъ-гросмейстера Гомпеша, въ которомъ тотъ говорилъ, что такъ какъ онъ видитъ въ себѣ препятствіе, мѣшающее членамъ ордена провозгласить Государя главою ордена, то онъ здѣсь торжественно отказывается отъ этого высокаго званія и передаетъ его тому, кто такъ благородно взялъ на себя попеченіе объ осиротѣвшемъ орденѣ“ [4]).

Такимъ образомъ, Императоръ Павелъ сдѣлался гросмейстеромъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, просуществовавшаго, однако, не долго въ Россіи и не долго потому, что его сынъ, Императоръ Александръ, не выразилъ ни малѣйшаго желанія носить званіе своего отца и вообще относился весьма холодно къ судьбамъ мальтійцевъ. Въ 1810 г., какъ мы знаемъ, орденскій дворецъ былъ переданъ въ распоряженіе Пажескаго корпуса. Вотъ какія свѣдѣнія находимъ мы о немъ у современника. „Онъ находится въ третьей Адмиралтейской части по Садовой улицѣ, противъ Гостинаго двора, и принадлежалъ нѣкогда графу Воронцову, потомъ купленъ казною. Въ этомъ дворцѣ въ прошлое царствованіе жилъ государственный канцлеръ графъ Воронцовъ, а въ настоящее время канцлеръ графъ Остерманъ. Когда же столицею ордена былъ назначенъ Петербургъ, тогда Государь подарилъ дворецъ этому ордену. Надъ главными рѣшетчатыми воротами дворца прикрѣпленъ орденскій гербъ—на красномъ полѣ бѣлый крестъ, а на столбахъ воротъ изображены трофеи. Дворъ большой и имѣетъ видъ продолговатаго четырехъ-угольника; въ глубинѣ его дворецъ нѣсколько тяжеловатой, старинной архитектуры, съ двумя боковыми флигелями, выходящими на улицу. Въ главномъ корпусѣ дворца живутъ вице-канцлеръ, секретарь казначейства ордена и другія принадлежащія къ ордену лица; тутъ же находится кавалерская конференцъ-зала и канцелярія ордена.

Во флигеляхъ расположены квартиры какъ орденскихъ секретарей, такъ и отдаваемыя въ наймы частнымъ лицамъ. Какъ съ этого найма доходъ, такъ и доходъ съ найма лавокъ, построенныхъ на дворцовыхъ участкахъ земли, поступаютъ въ орденскую казну и служатъ на содержаніе принадлежащихъ дворцу строеній. Позади дворца расположенъ большой садъ, въ прежнее время запущенный, но теперь (Февраль 1801 г.), содержащійся въ порядкѣ и входъ въ него дозволенъ каждому прилично одѣтому лицу.

Въ 1799 г. архитектору Гуаренги (Guarenghi) пятаго класса поручена постройка католической капеллы на заднемъ дворѣ дворца. Она была окончена въ слѣдующее затѣмъ лѣто и въ Воскресенье 17 Іюня 1800 г. торжественно освящена архіепископомъ могилевскимъ Сестрженцевичемъ (en qualité de grand aumônier de l'ordre). На церемоніи присутствовалъ графъ Литта, дюка Сера Капріола (Serra Capriola), архіепископъ альбійскій, Бернисъ, многіе командоры и кавалеры русскаго главнаго пріорства и всѣ состоящіе при капитулѣ ордена господа. Допущена была и порядочная публика. Началось съ того, что передъ закрытыми дверями капеллы, на открытомъ воздухѣ, архіепископъ могилевскій, окруженный католическимъ духовенствомъ, прочелъ короткую молитву освященія и затѣмъ далъ аббату-командору монастырскому Локмату порученіе,—сообщить собранію цѣль торжества, что тотъ и сдѣлалъ въ сказанной громко и внятно французской рѣчи. Послѣ этого двери капеллы открылись и вся публика вошла въ нее. Тутъ произошла церемонія внутренняго освященія, потомъ отслужена обѣдня и въ заключеніе исполнена, съ аккомпаниментомъ итальянскихъ и французскихъ оперныхъ пѣвцовъ, музыкальная пьеса сочиненія капельмейстера Мартини.

Часовня имѣетъ форму продолговатаго четырехугольника; по обѣ стороны устроены хоры; на хорахъ справа поставленъ хорошій органъ, перенесенный изъ прежняго Таврическаго дворца. Свѣтъ проходитъ черезъ полукруглыя окна на хорахъ и черезъ такое же окно надъ входными дверями. Къ задней стѣнѣ капеллы подъ полусводомъ прислоненъ алтарь съ изображеніемъ на верхней доскѣ Іоанна Крестителя въ пустынѣ. Сводъ капеллы расписанъ (en camaïeux al fresco) съ большимъ вкусомъ. Церковная утварь и обѣ люстры богато вызолочены. Справа отъ алтаря подъ балдахиномъ поставлено красное бархатное кресло Его Величества гросмейстера. Надъ входною дверью капеллы съ наружной стороны слѣдующая надпись:

D. O. M.
Divo Ioanni Baptistae sacrum
Paulo I
omnium Rossiarum Imperatore ac ordinis
St. Ioannis Hierosolimitani
Magno Magistro.

„Постройка этой красивой капеллы стоила не болѣе 60.000 руб.“.

Тотъ же современникъ разсказываетъ и о празднествахъ, происходившихъ на дворѣ орденскаго дворца, наканунѣ Иванова дня. Онъ говоритъ: „спустя нѣсколько дней по освященіи капеллы 23 Іюля 1800 г. послѣ полудня снова собрались въ орденскомъ дворцѣ всѣ находившіеся въ столицѣ гросмейстера, командоры и кавалеры. Обширный дворъ былъ усыпанъ пескомъ, а въ серединѣ его симметрически разставлены девять костровъ, увѣшанныхъ гирляндами и назначенныхъ къ сожженію по религіозному обычаю ордена наканунѣ Иванова дня.

Въ 7 часовъ вечера, оберъ-церемоніймейстеръ ордена гр. Юрій Александровичъ Головкинъ открылъ шествіе. За нимъ парами слѣдовали духовныя лица ордена, кавалеры, командоры, кавалеры большого креста и бальи, за ними въ орденскихъ мантіяхъ съ навѣшенными на плечо орарями члены орденскаго совѣта, а шествіе замыкалъ намѣстникъ гросмейстера ордена. Члены орденскаго совѣта несли въ рукахъ длинныя восковыя свѣчи. Вышедъ изъ главнаго подъѣзда дворца, шествіе медленно обошло костры три раза и потомъ размѣстилось кругомъ. Члены совѣта зажгли свои свѣчи у огня, поднесеннаго имъ служителями, и ими потомъ зажгли костры. Намазанные нефтью и скипидаромъ и наполненные внутри горючими веществами костры быстро вспыхнули яркимъ пламенемъ. Клубы дыма живописно поднялись и вились въ воздухѣ, представляя красивый видъ при ясномъ вечерѣ. По сторонамъ двора за рогатками стояли сотни зрителей и всѣ балконы и окна дворца и флигеля были полны ими; на улицѣ за желѣзною рѣшеткою, да на галеркѣ Гостинаго двора толпились тысячи народа. Все вмѣстѣ представляло любопытную картину“. Не думали кавалеры, справляя свой традиціонный праздникъ, что не пройдетъ и семи лѣтъ, а имъ придется уступить дворецъ юношамъ, которые тоже будутъ жечь костры, но не наканунѣ Иванова дня, а послѣ экзаменовъ, и что эти костры будутъ состоять изъ книгъ и тетрадей.

„На другой день 24, 1800 г. въ день св. покровителя ордена, продолжаетъ свой разсказъ тотъ же современникъ: всѣ кавалеры снова собрались во дворцѣ въ своей парадной формѣ въ камзолахъ, опоясанныхъ красными шарфами и въ орденскихъ мантіяхъ. Какъ въ православной церкви дворца, такъ и въ католической капеллѣ, отслужены были литургія, а потомъ молебенъ. Послѣ службы въ залѣ дворца данъ былъ отъ гросмейстера обѣдъ всѣмъ кавалерамъ. За столомъ играла музыка“ [5]).

Интересно, что къ концу царствованія Императора Александра I, слѣдовательно, по прошествіи 10 лѣтъ, послѣ обращенія орденскаго дворца въ Пажескій корпусъ, поднялся вопросъ объ уничтоженіи католической капеллы. Поднялъ этотъ вопросъ графъ Коновницынъ, имѣвшій званіе главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ и фактически исполнявшій сопряженные съ этимъ званіемъ обязанности, но числившійся какъ бы помощникомъ Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича, номинально ставшаго во главѣ военно-учебныхъ заведеній. Объ этомъ въ своемъ мѣстѣ мы говорили. Здѣсь же упоминаемъ для того, чтобы освѣжить въ памяти читателя эту подробность и сдѣлать, такимъ образомъ, понятнымъ послѣдующее.

Коновницынъ, вѣроятно, уже не разъ обращавшій вниманіе на нѣкоторыя неудобства въ размѣщеніи комнатъ бывшаго дворца, рѣшился наконецъ обратить на это дѣло вниманіе Великаго Князя. Онъ подалъ ему рапортъ, который Цесаревичъ препроводилъ къ Государю. Въ рапортѣ этомъ гр. Коновницынъ писалъ: „По осмотрѣ моемъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, предписалъ я между прочимъ директору онаго увѣдомить меня—нѣтъ ли возможности расположить спальни камеръ-пажей и пажей такъ, чтобы въ силу учрежденія сего корпуса, Высочайше конфирмованнаго 10 Марта 1802 г., каждое отдѣленіе имѣло свою собственную спальню и при ней квартиру командующаго тѣмъ отдѣленіемъ офицера; также рекреаціонный залъ и прочіе удобности, необходимыя въ домѣ воспитанія, на что директоръ онаго корпуса, Генералъ-маіоръ Гогель I, представляетъ мнѣ, что состоящая при семъ домѣ католическая церковь оставлена для прихожанъ изъ кавалеровъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и потому не можно было передѣлать ее въ грекороссійскую, которую по сей уже необходимости положилъ оставить въ той залѣ, въ которой она и нынѣ существуетъ, черезъ это и расположеніе всѣхъ комнатъ вышло весьма неудобное даже до того,

что нѣтъ порядочной рекреаціонной, ни столовой залы (изъ коихъ послѣдняя нынѣ находится въ корридорѣ). Классныя комнаты расположены не съ должною удобностью. Сверхъ сего, къ существованію католической церкви на внутреннемъ дворѣ корпуса происходятъ великія неудобства отъ пріѣзда въ оную постороннихъ особъ и даже можетъ случиться несчастіе отъ большаго стеченія экипажей на тѣсномъ дворѣ, черезъ который пажи проходятъ изъ комнатъ въ садъ. Собственно же для корпуса сія церковь не нужна, ибо малое число пажей католическаго исповѣданія оною не пользуются, а ходятъ они какъ и лютеране, въ церковь перваго кадетскаго корпуса, коего священникъ преподаетъ имъ Законъ Божій.

А по сему, если бы сію для корпуса ненужную католическую церковь обратить въ греко-россійскую, а нынѣшнюю греко-россійскую въ покои для пажей, то послѣдовали-бы большія выгоды отъ удобнѣйшаго размѣщенія комнатъ; а если къ сему передѣлать еще парадную лѣстницу въ покои же, то доставилась бы возможность имѣть удобную рекреаціонную и столовую залы и лучшее размѣщеніе классовъ и спаленъ, къ коимъ бы примыкали и нѣсколько квартиръ гувернерскихъ, дабы гувернеры безпрестанно могли быть при пажахъ, что одно есть уже выгода неоцѣненная и, сверхъ того, помѣщенъ бы былъ и лазаретъ въ главномъ корпусѣ дома и не было бы надобности водить больныхъ пажей въ лазаретъ черезъ дворъ, какъ сіе нынѣ неизбѣжно сопряжено съ учрежденіемъ по необходимости лазарета въ особомъ домѣ на дворѣ.

На всѣ сіи перестройки причитающуюся сумму до 80 т. рубл. генералъ-маіоръ Гогель предполагаетъ употребить изъ экономическаго капитала сего корпуса, находящагося въ ломбардѣ, съ тѣмъ, чтобы на томъ же самомъ основаніи, какъ взята была сумма и на первую передѣлку, данная при переводѣ въ оный Пажескаго корпуса, проценты съ оной ежегодно отпускаемы были изъ государственнаго казначейства потому, что безъ процентовъ сихъ корпусъ обходиться не можетъ, ибо они имѣютъ постоянное назначеніе на прибавку учителямъ жалованія, на содержаніе сверхъ-штата трехъ классовъ и прочіе сверхштатныя издержки по части учебной“ [6]). Рапортъ этотъ былъ представленъ Цесаревичемъ въ концѣ Іюля.

Недѣли черезъ двѣ пришелъ отвѣтъ, что „Государь Императоръ Высочайше отозваться соизволилъ, что Его Императорское Величество представляетъ себѣ рѣшить сіе представленіе по возвращеніи

своемъ въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что по нынѣшнему позднему времени къ перестройкамъ уже и приступить невозможно“ [7]). Черезъ полтора года пришелъ окончательный отвѣтъ, гласившій, что „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ отвѣчать, что нельзя уничтожать католической церкви“ [8]). Съ тѣхъ поръ прошло 80 лѣтъ, исчезли и тѣ немногіе кавалеры ордена Іоанна Іерусалимскаго, для которыхъ ее оставили, а капелла продолжаетъ и теперь привлекать по Воскресеньямъ толпу молящихся, и теперь, какъ и тогда, „можетъ случиться несчастіе отъ большого стеченія экипажей на тѣсномъ дворѣ“, но на это уже не жалуются, такъ какъ грозитъ она не пажамъ, находящимся въ это время въ отпуску или въ православной церкви на богослуженіи, а тѣмъ постороннимъ лицамъ, которыя посѣщаютъ капеллу, слывущую почему-то среди католическаго населенія столицы за „посланническую церковь“.

Что касается православной или греко-россійской церкви, которую по смыслу рапорта предполагалось перевести изъ главнаго зданія корпуса и тѣмъ расширить оказавшееся тѣснымъ помѣщеніе, она, опять-таки по словамъ современника, свидѣтельствомъ котораго мы уже пользовались, вновь построена тоже при Императорѣ Павлѣ, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ освященія католической церкви, а именно осенью 1800 г. Строилъ ее тотъ-же, уже извѣстный намъ архитекторъ Гуаренги. Мѣстомъ ея расположенія назначили три сосѣднія комнаты съ конференцъ-заломъ, а деньги на постройку взяты изъ суммъ ордена. Церковь эта была отдѣлана въ греческомъ вкусѣ и, между прочимъ, украшена въ верхней части стѣнъ мальтійскими осьмиконечными бѣлыми крестами. Восемь концовъ мальтійскій крестъ имѣетъ въ память восьми заповѣдей блаженствъ нагорной проповѣди.

Чтобъ покончить съ православною церковью, остается сказать, что построена она въ честь Іоанна Предтечи и что раньше въ орденскомъ домѣ, тогда, когда онъ принадлежалъ графу Воронцову, была тоже церковь, существовавшая и въ первое время переселенія мальтійцевъ въ канцлерскій домъ. Но Императору Павлу она показалась слишкомъ малой, почему онъ и приказалъ выстроить новую и на новомъ мѣстѣ. Прежняя, Воронцовская, была воздвигнута въ честь Михаила Малеина, слѣды ея въ видѣ голубя на потолкѣ оставались еще и въ годъ переѣзда Пажескаго корпуса въ орденскій дворецъ и даже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого событія. Датой освященія церкви въ честь рожденія Іоанна Предтечи считается 21 іюня и считается

на томъ основаніи, что въ архивѣ Св. Синода сохранилось дѣло: „о напечатаніи слова, сказаннаго синодальнымъ членомъ Михаиломъ архимандритомъ Юрьевскимъ 21 іюня 1801 г. при освященіи церкви Греко-россійскаго исповѣданія въ капитулѣ Державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго“.

Итакъ, какъ мы сказали въ началѣ главы, Пажескій корпусъ въ 1810 г. переѣхалъ въ новое помѣщеніе, предварительно покончивъ всѣ свои расчеты съ шевалье д'Орбиньи у котораго онъ въ теченіе 7 лѣтъ нанималъ домъ, находившійся тогда по Фонтанкѣ и записанный въ Литейной части подъ № 75. Но покончилъ онъ ихъ не миролюбиво, какъ то можно было ожидать, сведенію этихъ расчетовъ сопутствовалъ маленькій, какъ теперь принято говорить, инцидентъ. Дѣло въ томъ, что послѣдній годъ пребыванія корпуса въ домѣ шевалье начала, повидимому, замѣчаться небрежность въ исполненіи условій, надо признаться, необыкновенно безтолково и неопредѣленно составленнаго въ 1803 г. контракта, небрежность, вызвавшая расходъ на починку его дома около $5^1/_2$ тысячъ. Сумму эту предполагалось удержать изъ слѣдуемой за наемъ дома платы. Это-ли или то, что корпусъ построилъ деревянный сарай, тесомъ крытый, и деревянный навѣсъ, разсердило шевалье, но такъ или иначе, онъ написалъ въ Литейную часть, какъ онъ его назвалъ, „объясненіе“ такого содержанія: „1-ое) Сказанный мною домъ я отдалъ въ наемъ 1803 года февраля 2 числа впредь на два года Пажескому корпусу. Хотя срокъ контракта минулъ 1805 г. Февраля втораго числа, но оный самовольно и теперь въ ономъ жительствуетъ безъ заключенія контракта, а потому и сверхъ моего желанія. 2-ое) Сколько я корпусъ ни просилъ, какъ о возвращеніи мнѣ дома, такъ и очисткѣ отъ постоя, но оный остается въ немъ жительствовать противъ моей воли. 3) Дѣлаетъ въ немъ безъ всякаго моего согласія и не давая мнѣ знать поправки, важныя и даже опасныя постройки, о сломкѣ каковыхъ самъ банкъ печется. 4) Гдѣ есть голландскія печи, корпусъ дѣлаетъ кухонныя печи и очаги, а какъ для таковыхъ трубы голландскихъ печъ тѣсны и не можно ихъ имѣть въ должной чистотѣ, отчего, какъ мнѣ трубочистъ, чистившій ихъ нѣсколько разъ, объявлялъ, дѣлались многіе пожары. Слѣдовательно, какъ мой домъ, а равно сосѣди, да и сама казна, по случаю застрахованія онаго въ банкѣ, подвергается убытку.

Объясняя сіе, покорнѣйше прошу, донести о семъ самовольствѣ Пажескаго корпуса кому слѣдуетъ, который принудитъ къ сломкѣ

Фототип. „Т-ва Худож. Печати".

Пажескій корпусъ въ царствованіе Императора Александра I.

построенный самовольно съ опасностью строеній, какъ банкъ управу благочинія о томъ извѣщаетъ, ибо, какъ я уже объявилъ, каковыя дѣлаютъ безъ моего согласія и что я прошу всепокорнѣйше отъ постоя въ моемъ домѣ оному отказать". Это своеобразное объясненіе, шедшее совершенно въ разрѣзъ, хотя и съ очень туманнымъ, контрактомъ, однако, все же не настолько туманнымъ, чтобъ нельзя было разобрать, что по его смыслу Пажескому корпусу вполнѣ предоставляется право, не возобновляя контракта, оставаться въ домѣ д'Орбиньи до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ считать это необходимымъ. Это „объясненіе", говоримъ мы, попало къ генералу Клингеру. Генералъ Клингеръ препроводилъ его къ бывшему пажу, генералу Балашеву, исполнявшему обязанность военнаго губернатора, и въ то же время черезъ Александра Николаевича Голицына представилъ всеподданнѣйшій рапортъ, въ которомъ заявилъ, что считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія Его Величества о дерзновенномъ поступкѣ шевалье. Изъ этого рапорта мы узнаемъ, что у шевалье были и другія причины, кромѣ уже упомянутыхъ, быть недовольнымъ корпусомъ, — всѣ его домогательства объ увеличеніи наемной платы оставались безрезультатны. Государь, приказывая каждый разъ по истеченіи срока контракта продолжать наемъ, не приказывалъ увеличивать платы за него, признавая такое увеличеніе, какъ сказано въ рапортѣ, несправедливымъ.

Генералъ-адъютантъ А. Д. Балашевъ.
Министръ полиціи.

Когда рапортъ генерала Клингера былъ доложенъ Государю кн. Голицынымъ, Его Величество приказалъ, чтобъ это дѣло доложилъ вновь генералъ Балашевъ. Чрезъ 10 дней послѣ своего доклада у Государя кн. Голицынъ получилъ письмо отъ А. Д. Балашева: „Государь Императоръ на всеподданнѣйшій докладъ мой, по отношенію Вашего Сіятельства о дерзновенномъ поступкѣ иностранца д'Ор-

биньи, сдѣланномъ на счетъ Пажескаго корпуса, Высочайше повелѣть соизволилъ выдержать его, д'Орбиньи, за то подъ арестомъ при Управѣ Благочинія на хлѣбѣ и водѣ однѣ сутки“ [9]).

Два съ небольшимъ мѣсяца спустя послѣ того, какъ строптивый шевалье, вмѣсто вкуснаго обѣда и завтрака, сутки питался хлѣбомъ и водой, корпусъ покидалъ его дома. 1 Сентября 1810 г. генералъ Клингеръ доносилъ: „Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, Мая въ 14 день на имя мое послѣдовавшаго, переведенъ сего числа Пажескій Вашего Императорскаго Величества корпусъ во Всемилостивѣйше пожалованный для этого оный домъ, принадлежавшій до сего капитулу ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, о чемъ Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести“ [10]).

Переѣздъ корпуса въ новое зданіе былъ отмѣченъ и другимъ событіемъ—актомъ Монаршей милости въ отношеніи одного изъ провинившихся пажей. Мы говоримъ о пажѣ Маньковскомъ. Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1812 г. однажды вечеромъ за ужиномъ замѣтили, что названнаго пажа нѣтъ въ числѣ ужинающихъ. Сейчасъ послали служителей къ роднымъ и знакомымъ Маньковскаго, полагая что, если онъ самовольно отлучился, то къ кому нибудь изъ нихъ. Но всѣ поиски остались тщетны. На слѣдующій день вечеромъ генералъ Клингеръ получилъ извѣстіе отъ генерала Балашева, какъ мы знаемъ, исполнявшаго обязанность военнаго губернатора, о томъ, что пажъ Маньковскій сидитъ подъ арестомъ за выдачу въ кондитерской лавкѣ фальшивой ассигнаціи. Сообщивъ объ этомъ обстоятельствѣ генералу Клингеру, Балашевъ не замедлилъ доложить о томъ же и Государю. Императоръ приказалъ сообщить объ этомъ происшествіи кн. Голицыну, отъ котораго и пожелалъ выслушать подробный докладъ. Когда черезъ нѣсколько дней князь исполнилъ приказаніе Его Величества, причемъ выяснилось, что Маньковскій собственноручно поддѣлалъ ассигнацію перомъ, Государь повелѣлъ пажа Маньковскаго „за дерзновенные его поступки наказать примѣрно при собраніи всего Пажескаго корпуса, а потомъ, одѣвъ въ сѣрое платье, содержать цѣльный годъ внѣ общества пажей подъ особеннымъ надзоромъ за его поведеніемъ“.

Въ августѣ мѣсяцѣ 2 числа, т.-е. пять мѣсяцевъ спустя, генералъ Клингеръ нашелъ возможнымъ подать всеподданнѣйшій рапортъ такого содержанія: „Пажъ Маньковскій, за дѣланіе бумажки на подобіе

ассигнаціи, бывъ наказанъ при собраніи всѣхъ пажей и по снятіи съ него мундира исторгнутъ изъ общества ихъ пятый уже мѣсяцъ, съ весьма замѣтнымъ раскаяніемъ переноситъ заслуженное имъ наказаніе. А какъ онъ всегда былъ поведенія добраго и къ наукамъ съ особеннымъ успѣхомъ прилеженъ, то и осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать ему прощеніе, увѣренъ будучи, что претерпѣнное имъ наказаніе спасительное дѣйствіе свое надъ нимъ въ полной мѣрѣ совершило и что, введя его паки въ общество пажей съ возвращеніемъ ему мундира, при случаѣ перехода Пажескаго Вашего Величества корпуса въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ отстраивающійся для него оный домъ, Монаршее сіе снисхожденіе, облегчая участь страждующаго, произведетъ благое дѣйствіе и на сотоварищей его, показавъ имъ, что милосердіе, гдѣ можетъ, всегда сопутствуетъ правосудію".

22 августа, князь Голицынъ увѣдомилъ Ѳ. И. Клингера, „что Государь Всемилостивѣйше его (Маньковскаго) прощаетъ, повелѣвая возвратить ему мундиръ и ввести его въ общество пажей".

Такимъ образомъ, 14-лѣтній юноша, очень вѣроятно, изъ чувства молодечества рѣшившійся на такой странный, съ нашей точки зрѣнія, поступокъ, не погибъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ выпущенъ въ офицеры.

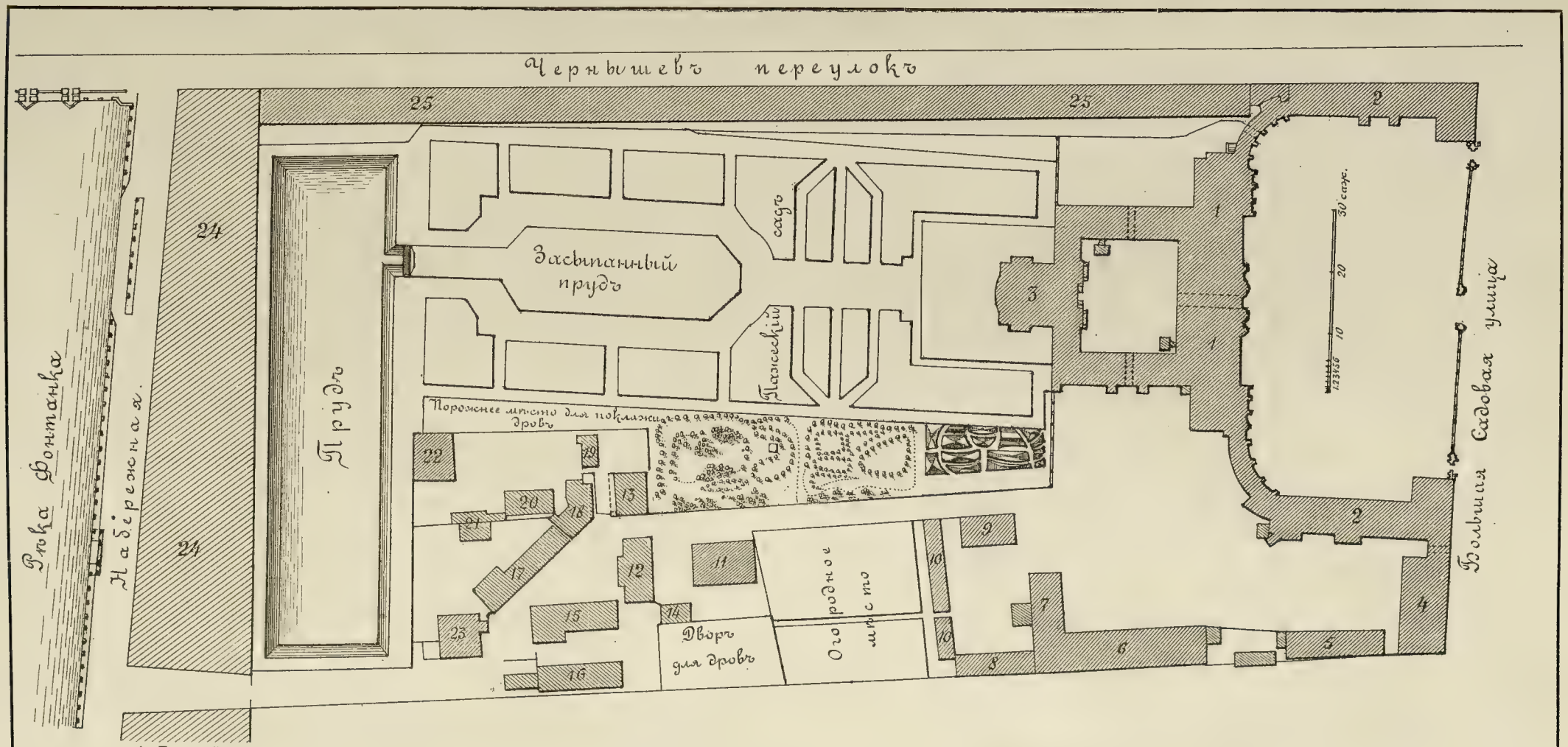
Какъ уже читатель могъ заключить изъ рапорта генерала Клингера, въ которомъ онъ просилъ Государя простить провинившагося пажа, орденскій дворецъ, прежде чѣмъ перейти во владѣніе корпуса, подвергся нѣкоторымъ передѣлкамъ, но какъ, вѣроятно, тотъ же читатель заключилъ изъ другого рапорта и другого генерала, именно графа Коновницына, эти передѣлки далеко не могли удовлетворить потребностей учебнаго заведенія. Какъ дворецъ ни старались приспособить для новаго назначенія, а все-таки не удалось устроить ни порядочной рекреціонной залы, ни столовой, ни расположить съ удобствомъ классы, ни даже помѣстить лазаретъ въ главномъ корпусѣ, уже не говоря о томъ, что не удалось выдержать принципъ, выраженный въ положеніи о корпусѣ и требовавшій, чтобы квартира офицера-гувернера помѣщалась рядомъ съ спальней его отдѣленія.

На то, что передѣлки не достигли своей цѣли, кромѣ рапорта графа Коновницына, указываютъ и записки перваго камеръ-пажа великой княгини, впослѣдствіи Императрицы Александры Ѳеодоровны, Дарагана — „Бывшій мальтійскій дворецъ, домъ бывшаго государственнымъ канцлеромъ при Императрицѣ Елизавѣтѣ Петровнѣ графа

Воронцова, занимаемый Пажескимъ корпусомъ, говоритъ онъ: не былъ еще приспособленъ къ помѣщенію учебнаго заведенія и носилъ всѣ признаки роскоши жилища богатаго вельможи XVIII столѣтія. Великолѣпныя двойныя лѣстницы, украшенныя зеркалами и статуями, вели во второй этажъ, гдѣ помѣщались дортуары и классы. Въ огромномъ залѣ въ два свѣта былъ дортуаръ 2-ой половины 3-го отдѣленія, въ другихъ большихъ трехъ комнатахъ помѣщалась другая половина 3-го отдѣленія и 4-ое отдѣленіе. Первое же отдѣленіе малолѣтнихъ тѣснилось въ низкомъ антресолѣ, устроенномъ изъ комнатъ, назначенныхъ для прислуги и хора для музыки. Всѣ дортуары и классы имѣли великолѣпные плафоны. Картины этихъ плафоновъ изображали сцены изъ Овидіевыхъ превращеній, съ обнаженными богинями и полубогинями. Въ комнатѣ четвертаго отдѣленія, гдѣ стояла моя кровать, на плафонѣ было изображено освобожденіе Персеемъ Андромеды. Безъ всякихъ покрововъ прелестная Андромеда стояла прикованная къ скалѣ, а передъ нею Персей, поражающій дракона. Непонятно, какъ никому изъ начальствующихъ лицъ не пришло на мысль, что эти миѳологическія картины тутъ вовсе не у мѣста, что безпрестанное невольное созерцаніе обнаженныхъ прелестей богинь можетъ пагубно дѣйствовать на воображеніе воспитанниковъ и что гораздо цѣлесообразнѣе было бы снять эти дорогія картины (говорятъ, онѣ были очень цѣнны), продать и на эти деньги устроить хотя небольшую библіотеку и физическій кабинетъ“ [12]).

Камеръ-пажъ П. Дараганъ.
Съ портрета, находящагося въ музеѣ Пажескаго корпуса.

Однако, благимъ пожеланіямъ Дарагана пришлось осуществиться только въ царствованіе Императора Николая; до этого времени никакихъ существенныхъ передѣлокъ не было сдѣлано, а потому оставимъ пока зданіе въ покоѣ и обратимся къ пажамъ. Кстати замѣтимъ только, что вскорѣ послѣ перехода корпуса въ занимаемое имъ нынѣ помѣщеніе, пошли разныя непріятныя исторіи съ тремя прелатами, служившими въ католической церкви. Возникли онѣ вслѣдствіе того, что прелаты считали право ремонта церкви принадлежащимъ имъ, а иниціатива этого ремонта — графу



1. Главный домъ.
2. Флигель главнаго дома.
3. Католическая церьковь.
4. Отдѣльный домъ, въ коемъ библіотека.
5. Жилое строеніе въ одинъ этажъ.
6. Сараи.
7. Конюшни.
8. Сараи съ жильемъ вверху.
9. Больница.
10. Теплицы.
11. Строеніе для помѣщенія библіотеки.
12. Домъ для священника.
13. Лѣтній домъ къ саду.
14. Навѣсъ.
15. Столярная.
16. Домъ для жительства служителей.
17. Казармы для корпусныхъ служителей.
18. Домъ жилой.
19. Хлѣвъ.
20. Казарма.
21. Жилое строеніе.
22. Каменная баня.
23. Кузница.
24. Строенія сосѣдовъ.
25. Лавки, выстроенныя обществомъ купцовъ по контракту на 25 лѣтъ.

Литографія „Т-ва Худож. Печ.“.

Планъ Пажескаго корпуса въ 1815 г.

Литта. Корпусное же начальство считало, что церковь есть зданіе, которымъ вѣдать надлежитъ корпусной администраціи. Кончились всѣ эти распри тѣмъ, что дѣло довели до свѣдѣнія Государя, который рѣшилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ, желательномъ для католическихъ патеровъ, но въ то же время постановилъ выселить ихъ изъ зданія корпуса и взамѣнъ квартирнаго довольствія натурой, выдавать квартирныя деньги въ размѣрѣ 1500 рублей въ годъ каждому.

Изъ предыдущаго мы знаемъ, что, по смыслу Положенія о Пажескомъ корпусѣ 1802 г., это заведеніе предназначалось для воспитанія дворянъ.

И дѣйствительно, въ дѣлахъ объ опредѣленіи въ Пажескій корпусъ мы не встрѣчаемъ ни одного прошенія, поданнаго не дворяниномъ, и въ случаяхъ, когда фамилія даетъ поводъ сомнѣваться въ томъ, что она принадлежитъ таковому, всегда при прошеніи прилагалось свидѣтельство о дворянствѣ.

Сравнивая эти прошенія съ тѣми, которыя подавались въ XVIII вѣкѣ и отчасти въ первыя 7 лѣтъ послѣ обнародованія новаго Положенія, нельзя не замѣтить, что тонъ ихъ дѣлался все болѣе и болѣе дѣловымъ и что основный ихъ мотивъ—неимѣніе средствъ для того, чтобы дать приличное дворянину воспитаніе—понемногу исчезаетъ и уступаетъ мѣсто болѣе серьезнымъ основаніямъ, приводимымъ просителемъ для того, чтобы доказать, что онъ имѣетъ право надѣяться на честь видѣть своего сына или племянника или родственника въ Пажескомъ корпусѣ. Тѣмъ не менѣе среди нихъ попадаются прошенія, удивительныя по своей витіеватости и поразительной наивности доводовъ, приведенныхъ въ доказательство того, что нигдѣ, какъ въ Пажескомъ корпусѣ, предопредѣлено чуть ли не свыше окончить сыну или родственнику.

Но чтобъ сдѣлать ихъ окончательно понятными, мы должны предварительно сказать, что послѣ ухода графа Шереметева въ 1803 г. новаго шефа корпусу не было назначено, что нѣкоторое время докладчикомъ по дѣламъ корпуса у Государя состоялъ знаменитый Гурьевъ, а затѣмъ бывшій пажъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, а въ концѣ царствованія Императора Александра, — князь Волконскій, и раньше въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ исполнявшій обязанности князя Голицына.

Въ концѣ концовъ опредѣленіе того или другого лица зависѣло

отъ князя Голицына или точнѣе отъ способа его доклада Государю. Однако, и тутъ встрѣчались исключенія. Очень часто князь Голицынъ получалъ увѣдомленіе отъ какого-нибудь высокопоставленнаго лица, что Государь Императоръ приказалъ сына такого генерала принять къ Высочайшему двору пажемъ. Случалось и такъ, что въ запискѣ говорилось о томъ, что Государь приказалъ кн. Голицыну сдѣлать Его Величеству докладъ о зачисленіи такого-то малолѣтняго въ пажи. Однако, судя по дѣламъ, можно заключить, что кн. Александръ Николаевичъ очень не любилъ получать записки послѣдняго содержанія и нерѣдко автору такого посланія приходилось раскаиваться въ своей оплошности и убѣдиться, что было бы гораздо проще обратиться не прямо къ Государю, а къ князю.

Мы только-что сказали, что шефа послѣ ухода графа Шереметева Пажескому корпусу не назначили, и это совершенно вѣрно, по крайней мѣрѣ, нигдѣ въ дѣлахъ не встрѣчается упоминовенія о такомъ назначеніи и, тѣмъ не менѣе, онъ существовалъ въ лицѣ кн. Голицына, который фактически исполнялъ всѣ обязанности, до него исполнявшіяся графомъ, и былъ въ полномъ смыслѣ слова шефомъ корпуса. Этимъ и объясняется, что главная обязанность шефа быть при Государѣ докладчикомъ по дѣламъ корпуса, исполнялась имъ, а не кѣмъ-нибудь другимъ—и что всѣ опредѣленія въ пажи, въ прежнее время проходившія черезъ руки графа Шереметева, проходили черезъ его руки. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ былъ впослѣдствіи кн. Волконскій, спросятъ насъ—онъ былъ какъ бы шефомъ съ уменьшеннымъ кругомъ обязанностей, большая часть которыхъ постепенно и незамѣтно переходила къ помощнику Цесаревича Константина Павловича. Это суженіе обязанностей шефа привело къ тому, что постепенно самое понятіе *шефъ* совершенно исчезло и какъ бы расплылось въ понятіи *главнаго начальника*.

Послѣ этого маленькаго отступленія возвратимся къ прошеніямъ и приведемъ нѣсколько образчиковъ наиболѣе замѣчательныхъ.

Вотъ, напримѣръ, прошеніе сенатора Ивана Николаевича Неплюева, поданное князю Голицыну.

„Любовь къ отечеству и Государю да будетъ обладать сердцемъ дѣтей моихъ. Ихъ посвящаю любезнѣйшему моему отечеству. Отъ воли Монарха зависитъ содѣлать ихъ полезными порфироносцу и родной странѣ, а Ваша ко мнѣ благосклонность, на которую я смѣю надѣяться, подастъ имъ причину быть вмѣстѣ и благородными граж-

данами. Я имѣю двухъ сыновей Ивана и Адріана, о коихъ я уже имѣлъ счастіе всеподданнѣйше просить Государя Императора, теперь же обращаю свою просьбу къ Вашему Сіятельству, о исходатайствованіи у Монарха опредѣленія ихъ въ Пажескій корпусъ пансіонерами на свое содержаніе. Таковое публичное воспитаніе я предпочитаю домашнему. Одинакія мысли, одинакія чувства, полученныя отъ онаго въ усовершенствованномъ и основанномъ на незыблемыхъ правилахъ благоразумія заведенія, суть ясными доказательствами одинаковой любви къ Отечеству, приверженности къ Государю и почтенія къ Религіи. Сіи три предмета, полученные мною отъ общественнаго воспитанія, занимали всегда мою душу. Дѣти мои удостоены быть приняты въ сіе уважительное заведеніе, каковъ Пажескій корпусъ, возрастутъ, сохраняя оныя въ юныхъ сердцахъ своихъ священнымъ залогомъ; къ нимъ пріобщатъ они и признательность къ Вашему Сіятельству“ [13]).

А вотъ другое прошеніе, поданное на Высочайшее имя нѣкимъ Лисянскимъ: „Всемилостивѣйшій Государь, сынъ мой Александръ, коего Ваше Императорское Величество удостоилъ воспринять отъ святой купели, достигъ уже возраста, требующаго окончательнаго воспитанія. Онъ родился въ тотъ день, въ который Преображенскій полкъ выступилъ изъ столицы на знаменитую защиту отечества, а потому, кажется, самою природою опредѣленъ на служеніе воинственное. Благоволите, Всемилостивѣйшій Государь, помѣстить его въ Пажескій корпусъ и черезъ то удостоить служить при священной особѣ Вашей тому, который съ колыбели пріученъ благоволить передъ оной“ [14]).

Наконецъ, вотъ прошеніе на Высочайшее имя поданное отставнымъ маіоромъ Поповымъ кн. Голицыну.

„Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій Великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій! Проситъ отставленный за ранами изъ Тульскаго пѣхотнаго полка маіоръ и кавалеръ Иванъ Филипповъ, сынъ Попова, о нижеслѣдующемъ:

Служа долгое время Вашему Императорскому Величеству на поприщѣ военномъ, былъ во многихъ сраженіяхъ, получалъ за оныя чины, отличные знаки почестей, напослѣдокъ въ одномъ изъ сраженій, бывшимъ въ Италіи при городѣ Нови былъ жестоко раненъ въ правый бокъ пушечною картечью, которая потомъ въ поясницѣ вырѣзана. Отъ сей жестокой раны и отъ раздробленныхъ и отбитыхъ отъ костреца двухъ кусковъ костей какъ въ Италіи, такъ и

по возвращеніи въ Россію, всѣ доктора отказывались меня лѣчить, полагая раны мои неизлѣчимыми. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи доставленъ былъ я черезъ благодѣтельныхъ людей въ С.-Петербургъ и бывшимъ тогда военнымъ губернаторомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ доведенъ до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, а Ваше Императорское Величество, милосердуя о моемъ положеніи, Высочайше повелѣть соизволили помѣстить меня въ Зимнемъ Дворцѣ и лейбъ-медику Вилліе вылѣчить на счетъ Вашего Императорскаго Величества, какъ можно скорѣй.

По такому Высочайшему повелѣнію составленъ былъ изъ лучшихъ медицинскихъ чиновниковъ консиліумъ, по которому г-нъ Вилліе сдѣлалъ мнѣ весьма трудную операцію, то есть: принимая по прошествіи года, послѣ сраженія черезъ все то мѣсто, гдѣ прошла пушечная картечь и гдѣ она была вырѣзана, и сдѣлавъ сквозь всю рану заволоку для очищенія ранъ и выжиганія въ нихъ наросшаго дикаго мяса, каковое протягиваніе за волокомъ продолжалось ежедневно болѣе двухъ мѣсяцевъ, но мнѣ отъ него не дѣлалось ни малѣйшаго облегченія и я часъ отъ часу болѣе чувствовалъ въ поясницѣ страшныя колотья, почему г. Вилліе принужденнымъ нашелся опять собрать медицинскій совѣтъ и по долгомъ совѣщаніи и изслѣдованіи отыскалъ, что внутри раны есть кости, отбитыя отъ костреца и прогнаны картечью въ поясницу по близости становой кости, около которой въ теченіе полутора года мясо обгнило и они острыми концами своими не давали мнѣ ни на минуту спокойствія, причиняя жестокія колики, отъ которыхъ не могъ ни наклониться, ниже пошевелиться. Для чего и положено было сдѣлать другую операцію, которая и учинена самимъ г. Вилліе такъ, что противъ самыхъ отбитыхъ костей на цѣломъ мѣстѣ въ поясницѣ разрѣзалъ рану на вершокъ глубины и заложилъ въ оную медицинскія щипцы, вынулъ два куска остроконечныхъ костей съ кускомъ мяса, отчего полилась изъ меня кровь ручьемъ по полу, а я послѣ сей жестокой операціи двѣнадцать дней былъ почти при дверяхъ гроба между страхомъ и надеждою. Но Всевышнему Царю Царей угодно было подкрѣпить мои силы, воскресить меня, аки Лазаря изъ гроба и я жизнью моею обязанъ Вашему Императорскому Величеству и мало-по-малу въ теченіи года, пользуясь изобильнымъ содержаніемъ въ царскихъ чертогахъ, доведенъ былъ до такого состоянія, что могъ по крайней мѣрѣ одѣться въ мундиръ и имѣлъ счастье представленнымъ быть лично

Вашему Императорскому Величеству, черезъ коменданта Епифанова, принося мою всеподданническую благодарность за излѣченіе меня отъ ранъ, за милостивое содержаніе во дворцѣ и за пожалованный пенсіонъ. Послѣ чего отправился въ Малороссію, женился на благородной дѣвицѣ, жилъ съ нею одиннадцать лѣтъ, потомъ она родила и скончалась, оставя мнѣ пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшій Михаилъ по милости Вашего Императорскаго Величества воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ и назначенъ къ выпуску, а самаго меньшаго Георгія (9-лѣтняго возраста), который при самомъ рожденіи лишился матери, привезъ съ собой въ Санктпетербургъ для приготовленія его на будущее время на службу Вашему Императорскому Величеству и любезнѣйшему отечеству. Почему всеподданнѣйше прошу: Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе записать и означеннаго девятилѣтняго сына моего Георгія въ уваженіи вышеприведенныхъ моихъ ранъ и долговременнаго претерпѣнія отъ оныхъ (въ которыхъ осталось на весь вѣкъ мой неизлѣчимая костоѣда, и я при малѣйшей перемѣнѣ погоды чувствую жестокій ревматизмъ въ раздробленныхъ костяхъ), Высочайше повелѣть принять его для воспитанія въ Пажескій корпусъ на казенное содержаніе; подлежащія по установленію четыре свидѣтельства: 1) о дворянскомъ его происхожденіи, 2) о рожденіи и крещеніи, 3) медицинское о здоровьѣ его и 4) о первоначальныхъ наукахъ, въ которыхъ я, по возможности моей, успѣлъ его приготовить, при семъ прилагаются“.

Когда это прошеніе дошло до князя Голицына, онъ послалъ лейбъ-медику Вилліе бумагу, въ которой обращался къ нему съ просьбой сообщить—помнитъ ли онъ маіора Попова. Вилліе отвѣтилъ, что не помнитъ, но что, судя по подробности, съ какой означенный маіоръ описываетъ сдѣланныя ему операціи, онъ, Вилліе, предполагаетъ, что разсказъ Попова заслуживаетъ довѣрія. Объ этомъ запросѣ князя и объ отвѣтѣ Вилліе узналъ маіоръ и заволновался. „Вы изволили сказать при представленіи моемъ въ почтовомъ департаментѣ, писалъ онъ князю: что обстоятельства, прописанныя мною въ запискѣ поданной Вашему Сіятельству сыномъ моимъ въ Царскомъ Селѣ въ разсужденіи моихъ тяжкихъ ранъ и излѣченіи оныхъ по Высочайшему повелѣнію въ Зимнемъ Дворцѣ лейбъ-медикомъ господиномъ Вилліе, при докладѣ его Императорскому Величеству не могли изъ оныхъ за давностью лѣтъ ничего припомнить, сіе меня крайне без-

покоитъ и я опасаюсь, чтобъ не причтено мнѣ было за выдумку, по поводу чего я въ прошедшую среду ѣздилъ къ Вашему Сіятельству на Каменный Островъ съ намѣреніемъ объяснить подробнѣе все происшествіе, но какъ люди Ваши мнѣ сказали, что Вы тамъ никого не принимаете, то я уже и не смѣлъ далѣе Васъ безпокоить и возвратился оттуда крайне непокоенъ.

Напослѣдокъ припомнилъ я одно важное обстоятельство, о которомъ въ просьбѣ моей я только мимоходомъ упомянулъ, что Всемилостивѣйшій Государь Императоръ по излѣченіи меня отъ ранъ и при выпускѣ изъ Зимняго дворца къ полученной мною при отставкѣ полнаго жалованія пенсіи Высочайше повелѣть соизволилъ прибавить къ оному прошлаго 1801 г. Декабря въ 10 день по 500 руб. на годъ изъ кабинета. Сіе можетъ послужить вѣрнѣйшимъ доказательствомъ всей истины, прописанной мною въ просьбѣ, о чемъ можно навести справку въ кабинетѣ или не благоугодно ли будетъ Вашему Сіятельству представить меня лично Государю Императору.

Впрочемъ, не можете-ли Ваше Сіятельство припомнить того, что года три назадъ тому въ бытность мою въ С.-Петербургѣ я имѣлъ счастіе пользоваться благосклоннымъ пріемомъ въ домѣ Вашемъ; это случилось при бытности почтеннѣйшаго старца архибискупа уніатокатолицкаго, Вы изволили разсматривать пушечную картечь, которою я былъ прострѣленъ и которая по вырѣзаніи изъ тѣла моего хранится у меня въ цѣлости. Всѣ предстоящіе съ Вами тогда съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ удивлялись, какъ я послѣ такого сильнаго удара остался живъ. Это я—тотъ самый маіоръ Поповъ, поручая себя въ благосклоннѣйшее покровительство Вашего Сіятельства, нижайше прошу исходатайствовать мнѣ просимую милость у Престола Монаршаго о пріемѣ девятилѣтняго моего сына Георгія въ Пажескій корпусъ на казенное содержаніе, о чемъ съ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашего милостивѣйшаго увѣдомленія".

Однако, бѣдному маіору не пришлось дождаться этого увѣдомленія. Видя, что его забыли, онъ рискнулъ еще разъ письменно обратиться къ князю.

„Мнѣ крайне совѣстно обременять Ваше Сіятельство каждый Вторникъ личными моими просьбами, не могу, однакожъ, и того дѣлать, что девятая недѣля отъ подачи Вашему Сіятельству моей просьбы объ исходатайствованіи милости у Престола Монаршаго объ опредѣленіи девятилѣтняго сына моего Георгія въ Пажескій корпусъ во ува-

женіи кровныхъ моихъ заслугъ на казенное содержаніе, а болѣе всего устрашаетъ меня скорое отбытіе Государя Императора, что Ваше Сіятельство по обширности Вашихъ дѣлъ не успѣете доложить моей просьбы, а я уже крѣпко прожился, осеннее время сблизилось и мнѣ надобно будетъ отсюда ѣхать по самой худой погодѣ и дорогѣ 1600 верстъ въ Полтавскую губернію, опасаюсь крайне, что поврежденныя кости мои непріятельскими пулями и картечами не перенесутъ такого дальняго пути.

Все сіе соображая, за необходимое поставляю наиубѣдительнѣйше просить Вашего Сіятельства до отбытія Государя Императора доложить мою просьбу и исходатайствовать милостивую резолюцію, чѣмъ Вы совершенно меня на цѣлую жизнь обяжете и успокоите.

Сверхъ того, не излишнимъ почитаю Вашему Сіятельству, какъ истинному христіанину, со всякимъ смиреніемъ и скромною тихостію доложить, что со времени моего излеченія Августѣйшимъ Императоромъ отъ ранъ двадцать третій годъ, ежедневно, сверхъ обыкновенныхъ молитвъ, за его Императорскую Особу читано: псалмы 19-й „Услыши тя Господь въ день печали“ и 20-й „Господи, силою Твоею возвеселится царь“, потомъ трисвятое, — тропарь „Спаси, Господи“, кондакъ „Вознесыйся на крестъ волею“, богородиченъ „Представительство страшное и непостыдное“. Истинно ежедневно приношу недостойное мое моленіе ко Всевышнему Царю Царей. Со времени же подачи моей просьбы помѣстилъ и Вашего Сіятельства имя въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ слѣдующимъ порядкомъ: „Спаси, Господи, и помилуй раба своего князя Александра и даруй ему, Господи, душевное спасеніе, тѣлесное здравіе и во всемъ благое поспѣшеніе, на враги же побѣду и одолѣніе и сохрани его, Господи, на многая лѣта, для пользы ближняго“. Вѣруя, яко Господь неизрѣченно милосердъ, симъ и уповаю, что онъ, яко вдовицы двѣ лепты, не отринетъ и мою ничтожную молитву. Да будетъ же Его святая воля со всѣми нами.

PS. Съ давнихъ временъ пользуюсь благорасположеніемъ и назидательными бесѣдами почтеннѣйшаго мужа и истиннаго христіанина Захара Яковлевича Карнѣева, который по сей части и Вашему Сіятельству довольно извѣстенъ“ [15]).

Черезъ 16 дней послѣ того, какъ маіоръ писалъ это письмо, онъ былъ увѣдомленъ, что его сынъ по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ въ военно-сиротскій домъ кадетомъ.

Такъ закончились хлопоты маіора, очевидно, думавшаго, что разъ старшаго сына удалось устроить въ лицеѣ, то отчего же не попробовать младшаго пристроить въ Пажескій корпусъ, имѣвшій много общаго съ лицеемъ. Сходство это доходило до того, что лицеисты такъ-же, какъ и пажи, дежурили во дворцѣ.

Мы уже указали, что всѣ извѣстныя намъ прошенія царствованія Императора Александра I были поданы дворянами, теперь мы замѣтимъ, что, кромѣ того, всѣ зачисленные за этотъ періодъ времени въ пажи дѣти и молодые люди имѣли отцами или близкими родственниками лицъ, находившихся на государственной службѣ. Поэтому можно смѣло сказать, что всѣ воспитанники корпуса носили въ себѣ какъ бы наслѣдственныя служебныя задатки.

Какъ мы видѣли на примѣрѣ маіора, подать прошеніе еще не значило добиться зачисленія въ пажи мальчика или юноши, о которомъ просили, и зачисленіе не обезпечивало еще поступленія въ корпусъ. Очень многіе такъ въ него и не поступили, частью по желанію родителей, старавшихся имѣть ихъ при себѣ, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ потому, что желающихъ попасть въ корпусъ было гораздо больше, чѣмъ имѣющихся штатныхъ вакансій въ немъ; мало того, въ концѣ концовъ сдѣлалось физически невозможнымъ помѣщать и сверхкомплектныхъ: зданіе оказывалось слишкомъ малымъ для этого. Такое положеніе вещей привело къ тому, что завели кандидатскій списокъ, который стали ежегодно представлять Государю и онъ собственноручно отмѣчалъ тѣхъ, кто долженъ былъ поступить, причемъ при выборѣ руководился не только старшинствомъ зачисленія въ пажи, но принималъ во вниманіе семейныя и другія обстоятельства.

Что же касается тѣхъ, которые по желанію родителей отпускались домой до окончанія наукъ, то они или получали дома такъ называемое домашнее образованіе, или поступали въ какой-нибудь пансіонъ, а иногда и въ правительственное учебное заведеніе. Въ первые семь лѣтъ послѣ введенія новаго Положенія отъ родителей дѣтей, получавшихъ домашнее образованіе, требовали присылку ежегодныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ ихъ сыновей. Чтобъ дать понятіе о томъ, какъ исполняли это требованіе родители, приведемъ здѣсь образчикъ такого домашняго учебнаго отчета. Вотъ, что въ 1809 г. писала про своего сына подполковница княгиня Екатерина Александровна Волконская.

„Князь Алексѣй Волконскій 10 лѣтъ принятъ въ корпусъ 1801 г.

(т. е. 1 году отъ роду), здоровъ, понятенъ и къ продолженію наукъ способенъ, прилеженъ. Христіанскій Законъ по сокращенному катехизису кончилъ. Священную исторію кончилъ. Въ Россійской грамматикѣ прошелъ до словоударенія. Въ ариѳметикѣ до дробныхъ именованныхъ чиселъ. Упражнялся въ чистописаніи, правописаніи и грамматическомъ анализѣ съ хорошимъ успѣхомъ. По французски читаетъ и говоритъ довольно хорошо, твердо знаетъ склоненіе и спряженіе правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ. Очень хорошо разумѣетъ части рѣчи, довольно недурно анализируетъ предложенія и много знаетъ правилъ синтаксическихъ. Въ правописаніи успѣваетъ изрядно. По нѣмецки читаетъ порядочно, заучилъ много словъ и начинаетъ понимать и говорить. Знаетъ склоненія, роды и спряженія правильныхъ глаголовъ, порядочно разбираетъ части рѣчи и анализируетъ; почти такъ-же, какъ и по французски довольно прошелъ синтаксическихъ правилъ и порядочно переводитъ.

Математическую географію кончилъ и проходилъ древнюю исторію.

Рисовалъ ландшафты, лица.

Танцуетъ.

Учили: Христіанскому закону и священной исторіи, учитель Московскаго благороднаго института священникъ Василій Ивановичъ Богдановъ.

Россійской грамматикѣ, ариѳметикѣ, чистописанію — Рязанскаго уѣзднаго училища математическихъ и историческихъ наукъ учитель 12 класса Иванъ Гаретовскій. Французскому, нѣмецкому, географіи и исторіи—Аббатъ Пьеръ-Себастьянъ Весье.

Рисованію—Карлъ Ивановъ Дицъ.

Танцамъ—Иванъ Егаль“ [16]).

Но со-временемъ, присылка свѣдѣній, подобныхъ только-что приведеннымъ, прекратилась; послѣ переселенія Пажескаго корпуса на Садовую мы уже не встрѣчаемся съ ними. Повидимому, требованіе это — увѣдомлять объ успѣхахъ пажей, находящихся у родителей, просуществовало недолго. Впервые мы съ нимъ сталкиваемся вскорѣ послѣ введенія новаго Положенія. Оно возникло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1806 году корпусное начальство объявило черезъ газеты, что оно желаетъ сдѣлать какъ бы генеральный смотръ всѣмъ пажамъ, находящимся у родителей, а потому проситъ представить ихъ къ назначенному сроку въ корпусъ для производства экзамена. Когда родители представили своихъ дѣтей и ихъ проэкзамено-

вали, тогда то, вѣроятно, имъ и заявили, что корпусу желательно слѣдить за успѣхами тѣхъ пажей, которые воспитываются внѣ его стѣнъ, но, также, вѣроятно, получая нѣсколько лѣтъ подрядъ домашніе отчеты, въ родѣ приведеннаго, начальство заблагоразсудило отказаться отъ этой мысли, а для этого просто перестало настаивать на исполненіе мѣры, въ сущности, ни къ чему не ведущей.

Но отказавшись отъ этой мѣры, оно этимъ самымъ отказалось отъ какого бы то ни было, хотя бы даже и фиктивнаго, контроля и принуждено было признать пажей, воспитывающихся дома, вполнѣ зависящими отъ родителей и ничѣмъ не связанными съ корпусомъ.

Такъ оно и стало на нихъ смотрѣть, что косвенно подтверждаетъ слѣдующій случай: одинъ пажъ, находясь въ отпуску, попалъ въ непріятную исторію, въ которой, по справедливому заключенію директора корпуса, если и не былъ правъ, то во всякомъ случаѣ не былъ и виноватъ. Но такъ или иначе, она возбудила переписку и со стороны кого? — всесильнаго графа Аракчеева. Отвѣчая на присланную графомъ бумагу, Иванъ Григорьевичъ Гогель, между прочимъ, говоритъ: „а таковые въ отпуску находящіеся пажи, относительно поведенія ихъ, начальству Пажескаго Е. И. В. корпуса не подчинены“ [17]). Это заявленіе почтеннаго директора не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что корпусное начальство усвоило себѣ въ это время, т. е. во вторую половину царствованія Императора Александра I, вполнѣ опредѣленный взглядъ на взаимныя отношенія корпуса и его питомцевъ: онъ за нихъ отвѣчаетъ только тогда, когда они находятся въ стѣнахъ корпуса; разъ онъ сдалъ ихъ съ рукъ на руки родителямъ или лицамъ, замѣняющимъ ихъ, онъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за ихъ поступки. Слѣдовательно, само собой разумѣется, что, усвоивъ такой взглядъ, оно стало смотрѣть на воспитывающихся дома, какъ на элементъ, совершенно чуждый корпусу.

Въ сущности, юношей, воспитывающихся дома, связывали съ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ они какъ бы числились, два момента: моментъ опредѣленія въ пажи къ Высочайшему двору и моментъ производства въ офицеры.

Въ эту эпоху не дѣлали никакого различія между зачисленіемъ въ пажи и зачисленіемъ въ корпусъ. Всякій, зачисленный пажемъ ко двору являлся въ глазахъ родителей и общества воспитанникомъ корпуса, воспитанникомъ, для котораго нѣтъ мѣста въ немъ только

потому, что зданіе, отведенное подъ него, слишкомъ мало. Такой взглядъ приводилъ на практикѣ къ тому, что пажъ, воспитывающійся дома, являлся лицомъ, надѣющимся все время до производства въ офицеры попасть въ число настоящихъ воспитанниковъ.

Если ему не удавалось попасть въ число ихъ или если, что, впрочемъ, встрѣчалось рѣдко, родители предпочитали оставлять его около себя, онъ все-таки, по достиженіи лѣтъ 19 — 20, долженъ былъ выдерживать экзаменъ при корпусѣ и только тогда могъ получить офицерскій или гражданскій чинъ.

Насколько педантично, по крайней мѣрѣ, одно время, относились къ послѣднему требованію, т. е. къ требованію выдержанія экзамена въ корпусѣ, показываетъ случай съ княземъ Гагаринымъ. Князь Павелъ Гагаринъ былъ опредѣленъ пажомъ и находился на воспитаніи у отца, который отдалъ его въ Московскій университетъ. Когда онъ его кончилъ и захотѣлъ опредѣлиться въ гражданскую службу, то принужденъ былъ держать для этого выпускной экзаменъ изъ корпуса. Вотъ свидѣтельство, выданное ему 12 Іюня 1821 г.: „Обучавшійся въ Московскомъ университетѣ, находящійся на воспитаніи у отца своего, пажъ князь Павелъ Гагаринъ, опредѣленный въ пажи 1809 г. Іюля 30 числа, коему нѣтъ отъ роду 23 года, въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, былъ экзаменованъ въ пріобрѣтенныхъ имъ познаніяхъ и оказалъ весьма хорошія въ ариѳметикѣ, геометріи, географіи, исторіи, статистикѣ всеобщей и россійской, въ правахъ естественныхъ, гражданскомъ и уголовномъ, въ политической экономіи и въ языкахъ: русскомъ, французскомъ и риторикѣ, а въ нѣмецкомъ языкѣ изрядные и въ физикѣ хорошія“ [18]).

Насколько зорко слѣдило начальство за тѣмъ, чтобы лицо, связавшее себя съ корпусомъ фактомъ полученія званія пажа Высочайшаго двора, было бы связано съ нимъ также и фактомъ держанія выпускного экзамена, дававшаго право на офицерскій чинъ, показываетъ и случай съ пажемъ Герсевановымъ, о которомъ сохранилось цѣлое дѣло. Вѣроятно, вслѣдствіе рапорта, поданнаго генераломъ Клингеромъ князю Голицыну, его отецъ, надворный совѣтникъ Герсевановъ принужденъ былъ подать тому-же князю Голицыну родъ объяснительной записки такого содержанія: „По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію 16 Января 1808 года старшій сынъ мой Александръ Герсевановъ опредѣленъ къ Высочайшему Двору пажемъ сверхъ комплекта съ оставленіемъ до окончанія наукъ

при мнѣ, а послѣ того, получивъ изъ Пажескаго корпуса паспортъ, отправился со мною въ мѣсто жительства нашего, Слободско-украинскую губернію, гдѣ при всевозможномъ попеченіи моемъ не переставалъ онъ упражняться въ наукахъ, какъ-то: въ русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, исторіи, географіи, математикѣ, литературѣ, рисованіи и музыкѣ. Въ 1810 году отправленъ онъ мною въ С.-Петербургъ для поступленія въ корпусъ, но по пріѣздѣ въ столицу онъ жестоко заболѣлъ. Напослѣдокъ, по долговременномъ леченіи въ С.-Петербургѣ, въ 1812 году онъ выздоровѣлъ, но въ сіе время звукъ военной трубы раздавался повсюду для воззванія юношества къ отраженію врага, вѣроломно вторгшагося въ предѣлы любезнѣйшаго нашего отечества. Сынъ мой, имѣя девятнадцать лѣтъ отъ роду, увлекшись пылкостью рвенія къ военной службѣ и завидуя меньшому брату своему, выпущенному за годъ передъ тѣмъ изъ Перваго кадетскаго корпуса въ армію офицеромъ, и уже въ сраженіи подъ Малымъ Ярославцемъ особенно отличившемуся, вознамѣрился явить равномѣрно и свое усердіе къ службѣ за отечество и, такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы явиться ему по выздоровленіи въ Пажескій корпусъ предсталъ онъ безъ моего позволенія и, даже не увѣдомивъ меня, къ формировавшему тогда гвардейскій эскадронъ генералъ-маіору Жандру въ видѣ неслужащаго дворянина и опредѣленъ въ Лейбъ-Гусарскій полкъ юнкеромъ, оттуда прикомандированъ къ дворянскому эскадрону при 2 кадетскомъ корпусѣ, гдѣ и понынѣ находится.

Извѣстясь о таковомъ его поступкѣ и опасаясь, чтобы самовольное вступленіе его въ службу не поставлено было ему въ важную вину, я изъ дома родительскаго поспѣшилъ явиться въ Санкпетербургъ, несмотря на крайнюю слабость моего здоровія и отдаленность мѣста моего жительства и поданнымъ мною 2 числа текущаго мѣсяца прошеніемъ просилъ Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ въ проступкѣ сына моего, единственно по молодости лѣтъ и пылкому стремленію къ военной службѣ сдѣланномъ, исходатайствовать ему прощеніе и позволеніе продолжать службу въ томъ полку, гдѣ онъ находится.

Будучи я довольно извѣстенъ о томъ великодушіи, которое прославляетъ особу Вашего Сіятельства, пріемлю смѣлость прибѣгнуть къ Вамъ, милостивый Государь, всепокорнѣйше прося по склонности Вашей къ благотвореніямъ, не лишить меня высокаго Вашего покровительства и быть у престола монаршаго заступникомъ юноши, ко-

тораго пылкость молодости и рвеніе къ службѣ вовлекли въ безразсудный поступокъ“ [19]).

Получивъ эту записку, князь Голицынъ выразилъ и свой взглядъ. „По Учрежденію Пажескаго корпуса никто „изъ пажей“, писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ: иначе въ дѣйствительную службу поступить не можетъ, какъ офицеромъ по удостоенію къ тому за достаточныя въ наукахъ познанія, въ коихъ испытуются они на общихъ въ корпусѣ экзаменахъ. Въ гвардію же удостоиваются одни только камеръ-пажи; сверхъ того, Высочайшимъ рескриптомъ 1810 г. Марта въ 14 день, на имя военнаго министра послѣдовавшимъ, повелѣно въ отвращеніи того, чтобы пажи по слабости родителей ихъ и по собственному легкомыслію для избѣжанія обязанности прилежать къ наукамъ не выпрашивались изъ пажей подъ видомъ болѣзней, дабы опредѣлясь въ полки унтеръ-офицерами, скорѣе и легче попасть въ офицеры, такихъ пажей никуда въ военную службу не опредѣлять. А къ сему генералъ-лейтенантъ Клингеръ и испрашиваетъ всеподданнѣйшимъ своимъ рапортомъ Высочайшаго повелѣнія, какъ поступить съ симъ пажемъ Герсевановымъ, нынѣ по рвенію его къ военной службѣ юнкеромъ уже служащимъ.

Представляя оный рапортъ на благоразсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, я осмѣливаюсь при томъ присовокупить всеподданнѣйшее мое мнѣніе, что хотя пажъ Герсевановъ самовольнымъ вступленіемъ его въ службу подвергается обвиненію за проступокъ, противный постановленіямъ Пажескаго корпуса, но какъ онъ сдѣлалъ сіе существенно по пылкому рвенію къ военной службѣ на 20 году его возраста въ такое время, когда всякій Россіянинъ, могущій носить оружіе, стремился къ отраженію врага изъ предѣловъ своего отечества, и когда обыкновенный ходъ вещей по необходимости измѣнялся въ своемъ основаніи, примѣняясь къ обстоятельствамъ, нахожу я, что онъ нѣкоторымъ образомъ заслуживаетъ снисхожденія къ облегченію его участи, а потому предаю онаго въ Монаршее милосердіе Вашего Императорскаго Величества, испрашивая Высочайшаго разрѣшенія—не благоугодно-ли будетъ пажа сего Всемилостивѣйше простить и по особенному рвенію къ службѣ, которую продолжаетъ онъ уже около полутора года, находясь прикомандированнымъ къ дворянскому эскадрону при 2 кадетскомъ корпусѣ, повелѣть, не въ примѣръ другимъ, исключа изъ Пажескаго корпуса, оставить въ нынѣшнемъ его званіи юнкера въ Лейбъ-Гусарскомъ полку“.

Этотъ всеподданнѣйшій рапортъ кн. Голицынъ послалъ въ армію въ 1814 г., но отвѣта на него не послѣдовало. Такъ прошли 2 года. Въ 1816 г. Герсевановъ былъ произведенъ въ корнеты въ „Лейбъ Ея Императорскаго Величества Кирасирскій полкъ“. Черезъ годъ, въ 1817 году, тѣмъ не менѣе князь Голицынъ счелъ нужнымъ доложить Государю все дѣло о Герсевановѣ и испросить повелѣнія Его Величества исключить означеннаго офицера изъ списковъ Пажескаго корпуса, въ которомъ онъ продолжалъ числиться [20]). Вскорѣ, однако, оказалось, что не одинъ Герсевановъ распорядился своей судьбой безъ вѣдома корпуса, а еще нѣсколько человѣкъ: въ томъ числѣ трое поступили въ военно-сиротскій домъ, какъ называли тогда военно-сиротскій корпусъ, и уже оттуда были выпущены въ офицеры и 5 въ разное время вступили прямо изъ пажей въ армію. Сергѣй Киселевъ сначала опредѣлился къ московскому ген.-губернатору и уже отъ него въ 1810 г. перешелъ подпрапорщикомъ въ Лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, гдѣ и произведенъ въ прапорщики. Двое Болотниковыхъ на первыхъ порахъ попали въ 1813 г. юнкерами въ Борисо-Глѣбскій уланскій полкъ, а затѣмъ переведены въ Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ, гдѣ Сергѣй и продолжалъ служить, тогда какъ Александръ палъ на полѣ сраженія. Алексѣй Семеновъ въ 1812 году явился на службу, неизвѣстно куда, а въ 1814 г. изъ калужскаго ополченія перешелъ прапорщикомъ въ 3 Егерскій полкъ. Наконецъ, князь Иванъ Прозоровскій устроился еще лучше: сначала поступилъ по водяной коммуникаціи, а потомъ въ Свиту Его Величества по Квартирмейстерской части.

Всѣ названныя лица тѣмъ не менѣе продолжали числиться пажами и князю Голицыну пришлось и о нихъ докладывать Государю и испрашивать Высочайшаго повелѣнія объ исключеніи ихъ изъ списковъ Пажескаго корпуса [21]).

Не будь случая съ Герсевановымъ, можетъ быть, о нихъ никогда бы и не вспомнили, благодаря же ему не только вспомнили, но и задумались надъ вопросомъ—не даютъ ли эти пажи поводъ предполагать, что надо принять общую мѣру для прекращенія такого самовольнаго поступленія на службу.

Подумавъ немного, высшее начальство рѣшило, что мѣру принять надо—и приняло ее. Оно испросило у Государя Императора разрѣшенія распространить рескриптъ 14 марта 1810 г. и на пажей, воспитывающихся у родителей. Сдѣлать это предложилъ генералъ Клингеръ. Съ названнымъ рескриптомъ мы уже отчасти зна-

комы: на него ссылался князь Голицынъ, представляя вышеприведенный всеподданнѣйшій докладъ по дѣлу пажа Герсеванова, но въ виду того, что онъ имѣлъ большое значеніе въ жизни корпуса и можетъ сдѣлать болѣе понятною мѣру, о которой мы ведемъ рѣчь, приведемъ его цѣликомъ: „Михаилъ Богдановичъ! Извѣстно, къ неудовольствію Нашему, что воспитывающіеся въ Пажескомъ корпусѣ пажи по слабости нѣкоторыхъ родителей своихъ и по собственному ихъ легкомыслію, выходя за неспособностью къ военной службѣ подъ предлогомъ болѣзней изъ Пажескаго корпуса и уклоняясь отъ обязанности прилежать къ наукамъ, для собственной ихъ чести и пользы отечества имъ преподаваемымъ, записываются въ армейскіе полки унтеръ-офицерами и, вышедъ тамъ въ офицеры безъ всякаго труда и ученія, въ корпусѣ требуемаго, даютъ весьма вредный примѣръ прочимъ пажамъ оставлять науки, стремиться только попасть въ офицеры и черезъ то вредить существенно имъ самимъ и отечество лишать полезнаго офицера. Въ прегражденіе чего на предыдущее время и чтобы труды и попеченія Наши о пользѣ отечества при воспитаніи благороднаго юношества употреблены не были напрасны, поручаемъ Вамъ о всѣхъ таковыхъ пажахъ, кои за неспособностью къ военной службѣ изъ Пажескаго корпуса отставлены будутъ и Вы о нихъ извѣщены будете Директоромъ того корпуса, сдѣлать такого рода распоряженіе, чтобы въ военную службу ихъ уже въ другихъ мѣстахъ не принимать. Пребываю вамъ благосклонный

„Александръ“ [22]).

Распространить дѣйствіе этого рескрипта Государь Императоръ разрѣшилъ, но съ ограниченіемъ. „Его Императорское Величество Высочайше указать соизволилъ, писалъ кн. Голицынъ генералу Клингеру: силу вышеозначеннаго рескрипта распространить и на пажей, не воспитывающихся въ Пажескомъ корпусѣ; но мѣра запрещенія принимать ихъ въ военную службу, когда они уволены будутъ изъ оного корпуса, по точному содержанію самаго рескрипта не должна касаться до тѣхъ пажей, кои за неимѣніемъ въ Пажескомъ корпусѣ мѣста поступаютъ въ числѣ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея и тамошняго благороднаго пансіона или которые окончатъ полный курсъ ученія въ университетахъ, въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ, въ гимназіяхъ Кіевской и Санктпетербургской, а также въ пансіонахъ, учрежденныхъ при Московскомъ университетѣ и при Санктпетербургскомъ главномъ педагогическомъ институтѣ, ибо изъ

таковыхъ пажей одни по особымъ постановленіямъ для воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, а другіе, получивъ аттестаты съ званіемъ студентовъ по Высочайше дарованнымъ преимуществамъ, имѣютъ право вступить въ военную службу и не подвергаясь экзамену въ Пажескомъ корпусѣ, а только для сохраненія порядка должны испрашивать себѣ исключенія изъ званія пажей“ [23]).

Итакъ резомируя все сказанное о пажахъ, воспитывавшихся внѣ стѣнъ корпуса, мы можемъ сказать, что къ концу царствованія Императора Александра I ихъ отношеніе къ корпусу сводилось къ тому, что онъ увѣдомлялъ о ихъ назначеніи ко двору и подвергалъ повѣрочному экзамену тѣхъ изъ нихъ, которые получили образованіе въ частныхъ пансіонахъ или такъ называемое домашнее.

Однако, какъ мы видѣли, несмотря на смыслъ только-что приведеннаго документа, кн. Гагарина, кончившаго университетъ, подвергли повѣрочному экзамену въ корпусѣ. Случилось это черезъ 4 года послѣ появленія вышеозначеннаго распоряженія кн. Голицына. Чѣмъ же объяснить такое противорѣчіе? а тѣмъ же, чѣмъ и заявленіе тоже того-же князя Голицына во всеподданнѣйшемъ докладѣ о дѣлѣ пажа Герсеванова, — докладѣ, о которомъ мы уже не разъ упоминали — что по Учрежденію Пажескаго корпуса „никто изъ пажей иначе въ дѣйствительную службу поступить не можетъ, какъ офицеромъ по удостоеніи тому за достаточныя въ наукахъ познанія въ коихъ испытуются они на общихъ въ корпусѣ экзаменахъ“ т. е. и противорѣчіе и совсѣмъ не находящееся въ Учрежденіе Пажескаго корпуса заявленіе князя Голицына объясняются не чѣмъ инымъ, какъ плохимъ знакомствомъ подлежащаго начальства съ положеніями и распоряженіями, касающимися Пажескаго корпуса. Что кн. Голицынъ, обремененный многочисленными и разнообразными дѣлами, зналъ ихъ плохо — нѣтъ ничего удивительнаго, болѣе удивительно такое отношеніе прямого начальства; однако, и оно дѣлается понятнымъ, если вспомнитъ, что надъ директоромъ находился главноначальствующій, а надъ нимъ докладчикъ по придворной части. Директоръ при такомъ положеніи рѣдко рѣшался брать на себя иниціативу какой-нибудь мѣры и во всякихъ мало-мальски сомнительныхъ случаяхъ обращался къ главноуправляющему, а этотъ послѣдній къ плохо знавшему корпусныя дѣла кн. Голицыну. Если къ этому прибавить, что и директоръ Иванъ Григорьевичъ Гогель, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей исполнялъ многія и другія, то станетъ вполнѣ яснымъ, что

и онъ не могъ считаться тонкимъ знатокомъ различныхъ распоряженій, касающихся корпуса, тѣмъ болѣе, что, повидимому, они нигдѣ не систематизировались и никто не стремился ихъ приводить въ порядокъ. Но, кромѣ многочисленныхъ занятій, такое отношеніе князя Голицына объясняется и личнымъ его взглядомъ на его обязанности относительно Пажескаго корпуса. „По Пажескому корпусу, писалъ онъ къ обратившемуся къ нему съ просьбой родителю: я представляю Государю Императору только доклады генералъ-лейтенанта Клингера и объявляю послѣдовавшія на нихъ резолюціи, но, впрочемъ, не имѣю надъ симъ корпусомъ никакого начальства и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могу входить во внутреннія его распоряженія“ [24]).

Такъ, вѣроятно, смотрѣлъ на свои отношенія къ Пажескому корпусу и замѣнившій князя Голицына князь Волконскій, о которомъ Александръ Николаевичъ прислалъ генералу Клингеру такую бумагу: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы особо поручаемыя имъ дѣла по придворнымъ вѣдѣніямъ передавались въ управленіе начальнику Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества г. генералу отъ инфантеріи князю Волконскому и чтобы впредь всѣ доклады и представленія по придворнымъ мѣстамъ подносимы были Государю Императору черезъ посредство его, г. генерала князя Волконскаго“ [25]). Бумага эта была послана 15 Ноября 1819 г., а 26 Ноября, въ виду постояннаго пребыванія Цесаревича Константина Павловича въ Варшавѣ, на вновь учрежденную и ему подчиненную должность Главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка былъ назначенъ бывшій главнымъ наставникомъ при Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичѣ, а затѣмъ военнымъ министромъ гр. Петръ Петровичъ Коновницынъ [26]). О немъ одинъ изъ бывшихъ кадетъ перваго корпуса отзывался такъ: „изъ числа достойнѣйшихъ преемниковъ Миниха въ исторіи перваго кадетскаго корпуса упоминаются и съ уваженіемъ произносятся имена графовъ Ангальта и Коновницына. Съ назначеніемъ главнымъ директоромъ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генералъ-адъютанта Коновницына въ корпусѣ все переродилось и измѣнилось къ лучшему. Возвратились незабвенныя времена директора Екатерининскаго вѣка — графа Ангальта; какая-то невидимая сила руководила поступками кадетъ—мы старались быть благонравными, послушными и все дѣлалось безъ приказанія и напоминаній со стороны корпусного на-

чальства; графъ Коновницынъ былъ въ состояніи сдѣлать такой счастливый переворотъ во всѣхъ корпусахъ.

Если посѣщенія графа Коновницына бывали во время сбора кадетъ въ саду или въ залѣ, то всякій спѣшилъ на встрѣчу любимому начальнику, а въ малолѣтнемъ отдѣленіи дѣти окружали графа Коновницына, какъ нѣжно любимаго отца, и положительно заграждали ему дорогу; каждый желалъ удостоиться „ласки“ или услышать привѣтливое слово отъ графа. Таковыя сцены бывали довольно продолжительны, такъ что директоръ корпуса, сопровождавшій графа, долженъ былъ просить дѣтей дать дорогу пройти графу.

Это счастливое время продолжалось три года. Лѣтомъ 1822 года разнеслась въ корпусѣ плачевная вѣсть о смерти графа Коновницына; въ то время графъ съ семействомъ жилъ на дачѣ, гдѣ послѣдовала его кончина. Отпѣваніе тѣла графа Коновницына совершалось въ церкви перваго кадетскаго корпуса и при выносѣ гроба многіе изъ бывшихъ кадетъ пролили непритворныя слезы о потерѣ всѣми уважаемаго начальника и незабвеннаго воспитателя! Государь Императоръ Николай Павловичъ (тогда еще Великій Князь) почтилъ похороны графа своимъ присутствіемъ. Императоръ Александръ Павловичъ находился тогда въ отсутствіи“ [27]).

Оставилъ ли покойный графъ такое же воспоминаніе среди пажей, мы не знаемъ, одно несомнѣнно, что онъ относился чрезвычайно внимательно къ нуждамъ корпуса и старался познакомиться съ ними, какъ можно ближе.

Такое отношеніе къ своему дѣлу графа Коновницына, не связаннаго притомъ, какъ былъ связанъ бывшій главноуправляющій надъ Пажескимъ и кадетскими корпусами генералъ Клингеръ своимъ директорствомъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, позволяло и князю Волконскому ограничивать въ отношеніи Пажескаго корпуса свою роль тѣмъ, что онъ служилъ почти-что пассивною передаточною инстанціею между Государемъ и графомъ. Чтобъ не быть голословнымъ, приведемъ одну бумагу, показывающую—насколько графъ стремился подробнѣе ознакомиться съ Положеніемъ Пажескаго корпуса. Помѣчена она 30 декабря 1819 года, въ ней сказано:

„Господину генералъ-маіору, Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса директору и кавалеру Гогелю. На прилагаемые у сего вопросы, нужные къ свѣдѣнію моему, благоволите, Ваше Превосходительство, доставить Ваше мнѣніе на каждый пунктъ особенно.

1. Число господъ камеръ-пажей и пажей, находящихся нынѣ въ корпусѣ, соразмѣрно ли съ величиною строенія? Въ противномъ случаѣ, сколь велико должно быть оное, дабы можно было помѣстить ихъ съ удобностью и безъ тѣсноты?

2. Удобно ли раздѣленіе господъ пажей на нынѣшнее число отдѣленій, если же нѣтъ, то объяснить — какое число отдѣленій будетъ удобнѣйшее и поскольку господъ пажей положится въ каждое изъ оныхъ.

3. При нынѣшнемъ раздѣленіи классовъ и числѣ учениковъ, составляющихъ оные, можетъ ли учитель надлежащимъ образомъ выполнить свою обязанность.

4. Достаточно ли число господъ штабъ и оберъ-офицеровъ для надлежащаго надзора за господами камеръ-пажами и пажами, въ противномъ случаѣ, какъ велико должно быть оное, дабы каждый офицеръ обязанность воспитателя могъ исполнять безъ упущенія.

5. Всегда ли корпусъ былъ управляемъ по существующимъ нынѣ правиламъ. Въ противномъ случаѣ, доставить прежній уставъ или за неимѣніемъ онаго подробное описаніе прежняго порядка управленія корпуса.

6. Пріемъ вольныхъ людей, находящихся для прислугъ при корпусѣ, зависитъ отъ начальства или собственно отъ господъ камеръ-пажей и пажей".

Вотъ, что отвѣтилъ Иванъ Григорьевичъ: „Домъ для помѣщенія камеръ-пажей и пажей, нынѣ въ корпусѣ находящихся, не совершенно достаточенъ; ибо не достаетъ рекреаціонной залы и комнатъ, чтобы заниматься уроками, да и столовая зала, сдѣланная изъ бывшаго при домѣ семъ дугообразнаго перехода изъ главнаго корпуса во флигель, тѣсна и неудобна. И, кромѣ сихъ, есть и другія неудобности, коихъ здѣсь описывать было бы слишкомъ обширно.

1. Сколько же велико должно быть для корпуса строеніе, сего здѣсь изложить не можно, а слѣдуетъ сдѣлать предварительное соображеніе о всѣхъ недостаткахъ и потребныхъ дополненіяхъ.

2. Полезно было бы вмѣсто 4, раздѣлить пажей на 6 отдѣленій, чтобы состояло по 25 чел. въ каждомъ.

3. Въ раздѣленіи классовъ нѣтъ неудобствъ.

4. Главныхъ гувернеровъ, коихъ теперь только 4, весьма недостаточно, ибо двое гувернеровъ наряжаются въ дежурство и, сверхъ того, ходитъ третій съ пажами въ придворный манежъ, а четвертый на ученье, такъ что бываютъ всѣ въ должности, а въ случаѣ болѣзни

затрудняется даже и обыкновенное исполненіе ихъ обязанностей. Я полагаю, что, по крайней мѣрѣ, должно быть 6 гувернеровъ и, сверхъ того, одинъ адъютантъ.

5. До нынѣшняго образованія корпуса, послѣдовавшаго въ 1802 г., Пажескій корпусъ существовалъ, можно сказать, по названію, а положенія или устава онъ никакого не имѣлъ.

6. Пріемъ людей зависитъ отъ начальства“ [28]).

Отвѣтъ Ивана Григорьевича вводитъ насъ во внутреннюю жизнь корпуса, къ которой мы и должны перейти. Итакъ, по его мнѣнію, помѣщеніе неудовлетворительно, отдѣленія слишкомъ велики по числу воспитанниковъ, они состоятъ почти изъ 40 воспитанниковъ, а гувернеровъ слишкомъ мало, они едва справляются со своими обязанностями и это, несмотря на то, что въ 1810 г. штатъ корпуса былъ увеличенъ.

Что касается помѣщенія, то, какъ мы знаемъ, попытка расширить его не привела ни къ чему: Государь не согласился уничтожить католическую церковь и перевести на ее мѣсто православную и тѣмъ дать возможность воспользоваться свободными комнатами для отдѣленій. Само собой понятно, что вслѣдствіе этого оказались невыполнимыми и два другія предположенія—увеличеніе числа отдѣленій и увеличеніе числа гувернеровъ. Такимъ образомъ, графу Коновницыну не удалось помочь горю, которому онъ хотѣлъ помочь, вслѣдствіе чего корпусу пришлось доживать послѣдніе годы царствованія Императора Александра I въ зданіи, внутреннимъ своимъ устройствомъ столь неудовлетворявшемъ бывшаго пажа Дарагана, такъ же, какъ и его товарища Гангеблова, отозвавшагося про него въ томъ же неободрительномъ смыслѣ.

„Теперь на такомъ далекомъ по времени разстояніи, пишетъ онъ; недостатки въ тогдашнемъ устройствѣ Пажескаго корпуса становятся виднѣе. Начать съ помѣщенія. По части дортуаровъ одно изъ четырехъ „отдѣленій“ личнаго состава воспитанниковъ занимало огромную залу въ два свѣта аршинъ пятнадцать, если не болѣе, вышиною; спальныя же комнаты прочихъ отдѣленій были на половину ниже и почти во всѣхъ нихъ живописные превосходной кисти плафоны, на большей части которыхъ краски сохранились во всей свѣжести. Все это могло бы еще сойти съ рукъ, но вотъ въ чемъ несообразность: сюжеты всѣхъ этихъ картинъ заимствованы изъ миѳологіи съ изображеніемъ фигуръ почти голыхъ и это въ спальняхъ учебнаго заведенія. Непонятно, какъ такія аномаліи не бросались въ глаза столь уче-

нымъ людямъ, какъ Клингеръ, попечитель корпуса, и его директоръ Гогель, которому не чужды были трактаты о воспитаніи (И. Г. Гогель высоко цѣнилъ „Эмиля Руссо“)“ [29]).

И, дѣйствительно, странно. Какъ могли люди, заботившіеся объ улучшеніи помѣщенія, объ его расширеніи и приспособленіи къ нуждамъ учебнаго заведенія, не чуждые науки о воспитаніи—помириться съ игривостью сюжетовъ, украшавшихъ плафоны. Объясненіе тутъ одно: для нихъ сюжеты эти не представляли ни малѣйшей тѣни игривости, для нихъ прекрасное убивало всякое чувственное представленіе; въ этихъ миѳологическихъ фигурахъ они созерцали только красоту формъ, красоту, ласкавшую ихъ глазъ своими стройными линіями. Совсѣмъ иное, какъ можно судить по двумъ приведеннымъ свидѣтельствамъ, приходило на умъ юнымъ пажамъ, когда ихъ взоры останавливались на изящныхъ твореніяхъ греческой фантазіи. Этого то, вѣроятно, и не понимали почтенные генералы.

Возвратимся, однако, къ внутренней жизни корпуса, къ той эпохѣ, когда пажи перебрались въ жилище съ только - что описанными великолѣпными плафонами. Событія, которыя переживала вся Россія, отозвались и на Пажескомъ корпусѣ. „Раздававшійся звукъ военной трубы“, вынудившій извѣстнаго читателямъ пажа Герсеванова, поступить на военную службу, не дожидаясь разрѣшенія родителей, увлекъ и многихъ другихъ, а въ томъ числѣ и многихъ пажей, учившихся въ корпусѣ. И это отнюдь не удивительно. Пажи отлично знали, что, хотя войны, въ которыхъ принимала участіе Россія, въ числѣ неизбѣжныхъ своихъ жертвъ унесли и нѣсколькихъ ихъ товарищей, доблестно сложившихъ свои головы на полѣ брани, но зато и покрыли славою другихъ. Участь павшихъ ихъ старшихъ товарищей Окунева, Анрепа, трехъ Лёвшиныхъ, Мицкевича, Желтухина, Евреинова, Квашнина - Самарина, Бугсгевдена, Шапошникова, Саврасова, Чемоданова, Ралля, Сиверса, Клингера, Вульфа, Офросимова, де Мортре, Беклешова, Чичерина, Войновича, Петина, Лопухина и Захарова не смущала ихъ; зато слава, связанная съ именами отличившихся, въ числѣ которыхъ гремѣли фамиліи генераловъ: бывшихъ пажей Тормасова, Дохтурова, графа Растопчина, Вельяминова, Потемкина, графа Сиверса, Храповицкаго и другихъ,—волновали и толкали слѣдовать ихъ примѣру. Многіе не выдерживали соблазна и подъ видомъ болѣзни увольнялись изъ корпуса и вслѣдъ затѣмъ поступали унтеръ-офицерами въ полки, гдѣ за отличіе производились въ офицеры и, конечно,

обгоняли однокашниковъ смиренно остававшихся въ стѣнахъ корпуса изучать всякую премудрость. Такое стремленіе покидать корпусъ до окончанія полнаго курса обратило на себя вниманія начальство за 5½ мѣсяцевъ до дня переѣзда его въ отведенное ему на Садовой помѣщеніе, какъ мы видѣли, вызвало появленіе рескрипта 14 марта 1810 года. Судя по этому рескрипту можно заключить, что главною побудительною причиною оставлять корпусъ служило желаніе наиболѣе легчайшимъ путемъ достигнуть завѣтной мечты: украсить плечи офицерскими эполетами. Обстоятельства какъ будто подтверждали именно эту точку зрѣнія. Такъ, 9-го января 1811 года, вотъ, что доложилъ Государю Императору генералъ Клингеръ: „Пажъ Мантуровъ, который всегда былъ дурного поведенія и въ теченіе 8-ми лѣтней бытности его въ корпусѣ пріобрѣлъ лишь самыя слабыя познанія въ наукахъ, такъ что далеко отставалъ не только отъ сверстниковъ своихъ, но даже и отъ гораздо младшихъ пажей, при нынѣшнемъ выпускѣ настоятельно просился въ выпускъ, но какъ къ выпуску въ офицеры представляются только достойнѣйшіе, то, изъявивъ ему всѣ невыгодности быть офицеромъ безъ потребныхъ въ званіи семъ познаній, объявилъ я ему, что онъ къ выпуску представленъ быть не можетъ и что существенно отъ прилежанія его къ наукамъ зависитъ назначеніе его къ выпуску въ нынѣшнемъ году. Но онъ, храня въ душѣ неудовольствіе и, вѣроятно, желаніе быть на свободѣ, вчерашняго числа безъ позволенія изъ корпуса отлучился и по многимъ искамъ нигдѣ не найденъ. Онъ часу въ 6-мъ къ пажу, у выхода на парадную лѣстницу на часахъ стоявшему, принесъ ложный билетъ отъ дежурнаго для пропуска его къ офицеру его отдѣленія маіору Степанову, живущему во дворѣ во флигелѣ и, тѣмъ воспользовавшись, ушелъ изъ дому, а когда при собираніи пажей къ ужину, онъ не явился, то посланы были за нимъ

Графъ А. П. Тормасовъ.
Начальникъ 2-ой арміи въ 1812 году.

офицеры во всѣ мѣста, гдѣ могли предполагать его найти, но всѣ поиски остались тщетными. По толкамъ его съ товарищами своими состояло главное его неудовольствіе въ томъ, что не пускаютъ его со двора и, когда въ прошедшую субботу дежурный офицеръ не отпустилъ его со двора, объявивъ ему, что по заведенному правилу отпускать пажей позволяется только въ такіе дома, которые офицерамъ извѣстны и за которые они ручаться могутъ, а родственникъ его коллежскій ассесоръ Мантуровъ самъ просилъ, чтобы по ненадежному поведенію его къ нему его не отпускать, то онъ съ неудовольствіемъ сказалъ, что лучше желаетъ быть солдатомъ, нежели пажемъ и, вѣроятно, въ семъ пустомъ огорченіи на другой день рѣшился къ предпринятому имъ шагу. Другихъ же слѣдовъ сего его поступка, ни причины, къ оному его побудившей, никакихъ не оказалось, о чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу“ [30]).

На слѣдующій день, 10 января, генералъ Клингеръ прислалъ дополнительный рапортъ, въ которомъ онъ писалъ: „Отлучившійся безъ позволенія изъ Пажескаго Вашего Императорскаго Величества корпуса пажъ Мантуровъ, о которомъ я Вашему Императорскому Величеству вчера доносилъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ моимъ, сегодня городскою полиціею найденъ и присланъ въ корпусъ. Онъ при допросѣ объявилъ, что на поступокъ сей покусился единственно въ томъ намѣреніи, чтобы его за оный выписали изъ корпуса, гдѣ онъ уже потерялъ надежду скоро выслужиться въ офицеры, чувствуя себя въ наукахъ отъ прочихъ далеко отставшимъ и что, впрочемъ, никакой обиды ему ни отъ кого дѣлано не было и что онъ всѣми вообще начальниками корпуса весьма доволенъ, исключая офицера отдѣленія его маіора Степанова, и то только за то, что его со двора не отпускаетъ, что, какъ я уже имѣлъ счастіе изъяснить во вчерашнемъ всеподданнѣйшемъ моемъ рапортѣ, обязанъ былъ дѣлать маіоръ Степановъ по принятому въ корпусѣ правилу не отпускать пажей, иначе, какъ въ такіе дома, кои корпусу извѣстны и, сверхъ того и самъ дядя пажа Мантурова коллежскій ассесоръ Мантуровъ просилъ, чтобы его со двора не отпускать, какъ онъ то еще сегодня подтвердилъ при приводѣ его въ корпусъ.

Такая слабая причина къ несправедливому неудовольствію не могли побудить пажа Мантурова къ учиненному имъ проступку и открывается между тѣмъ, что онъ, вѣроятно, завлеченъ былъ ложными

надеждами, произведенными въ немъ, можетъ быть, разсказами бывшаго товарища его унтеръ-офицера, изгнаннаго пажа Мейера, который въ прошедшую субботу прокрался въ корпусъ и пока дежурнымъ офицеромъ былъ встрѣченъ и высланъ изъ корпуса, успѣлъ наединѣ съ Мантуровымъ поговорить и, между прочимъ, хвалился, что онъ черезъ изгнаніе его изъ корпуса не проигралъ, а еще выигралъ, ибо скорѣе надѣется быть офицеромъ, нежели бы могъ того добиться изъ пажей. А еще болѣе вѣроятія сему даетъ то, что онъ сегодня при объявленіи раскаянія своего просилъ директора, чтобы какъ онъ уже чувствуетъ, что прощенія онъ недостоинъ, то и исходатайствовалъ бы ему только милость, чтобы его выписали изъ корпуса не въ солдаты, а въ унтеръ-офицеры.

Въ отвращеніи важныхъ послѣдствій, кои могутъ происходить отъ того, ежели вкоренится въ пажахъ пагубная мысль, что посредствомъ выписанія въ унтеръ-офицеры, можно скорѣе и съ меньшимъ трудомъ попасть въ офицеры, обязанностью себѣ поставляю всеподданнѣйше представить мнѣніе мое, что для пользы корпуса нужно бы примѣрно наказать пажа Мантурова, который, объявляя, что онъ желаетъ лучше быть солдатомъ, нежели пажемъ, и забывая всѣ милости и благодѣянія, отличнымъ воспитаніемъ ему оказываемыя, могъ рѣшиться безъ всякой причины на столь низкій поступокъ—никакого уваженія не заслуживаетъ, а примѣрное наказаніе его, можетъ быть, удержитъ отъ погибели другихъ пажей, если еще есть кто подобными мыслями зараженный“ [31]).

Желаніе генерала Клингера было исполнено: пажа Мантурова Государь приказалъ опредѣлить солдатомъ въ 6 Егерскій полкъ, числившійся въ Молдавской арміи. Пострадалъ и его товарищъ Мейеръ, котораго приказано было перевести на одну изъ окраинъ, что и исполнилъ военный министръ: его перевели изъ С.-Петербургскаго драгунскаго полка въ мушкетерскій, квартировавшій въ Финляндіи.

За что же былъ исключенъ изъ званія пажей Мейеръ, спроситъ насъ читатель. За то, что „когда послѣ полдника, для коего сводятся пажи въ столовую залу въ нижній этажъ, сказано въ официальномъ донесеніи по этому дѣлу: посланъ былъ отъ пикета патруль, чтобы пажей, зашедшихъ мимоходомъ въ спальню за книгами или за другими надобностями, созвать въ рекреаціонную залу, то пажъ Мейеръ не только воспротивился патрулю, но даже забылся до того, что выдралъ за волосы ефрейтора, который всегда наряжается уже изъ пажей отлич-

ныхъ поведеніемъ и добронравіемъ". Совершивъ этотъ удивительный подвигъ, Мейеръ—17-лѣтній мальчикъ, „прошедшій", какъ свидѣтельствуетъ генералъ Клингеръ, всѣ степени наказанія за всевозможныя дурныя поступки, наговорилъ грубостей маіору и только тогда пошелъ подъ арестъ.

Замѣчательно, что, несмотря на это, генералъ Клингеръ, по представленіи своего рапорта, ходатайствовалъ о прощеніи его, надѣясь, что онъ все-таки еще исправится, но Государь Императоръ этому ходатайству не внялъ [32]).

Д. С. Дохтуровъ.
Герой 1812 года.

Итакъ, обстоятельства какъ будто подтвердили точку зрѣнія Высочайшаго рескрипта, что пажи стремятся наиболѣе легчайшимъ способомъ добиваться офицерскаго званія, но, повторяемъ, начальство, доставившее матеріалъ для рескрипта, посмотрѣло слишкомъ односторонне на этотъ вопросъ, не приняло во вниманіе естественное стремленіе юности, какъ можно скорѣе взяться за дѣло, къ которому его заставляли методично готовиться въ то время, когда молодыя люди чувствовали, что и таковыя, какъ они есть, они могутъ быть полезны. Что удивительнаго, что молодежь рвалась въ бой и для того, чтобы попасть на войну, прибѣгала къ нѣкоторымъ ухищреніямъ, которымъ покровительствовали и родители. Мы, конечно, не хотимъ сказать, что и Мантуровъ руководствовался только этими побужденіями, но, какъ знать, можетъ быть, и въ его головѣ копошились тѣ же мысли, какъ и у большинства его товарищей.

Не приняло начальство во вниманіе и другого обстоятельства, что положеніе нѣкоторыхъ мало способныхъ пажей, дѣлавшихъ много безуспѣшныхъ усилій для того, чтобы удостоиться производства въ офицеры, и отлично понимавшихъ, что они ни чуть не хуже многихъ другихъ дворянъ и не-дворянъ, фронтовою службой добивавшихся

желанной цѣли, а между тѣмъ по закону обязанныхъ выдержать выпускной экзаменъ изъ корпуса и не имѣвшихъ, какъ мы знаемъ, права выписаться унтеръ-офицерами въ полкъ—было по-истинѣ трагично. Ярко рисуетъ его исторія съ камеръ-пажемъ Кусаковымъ. Вотъ, что по поводу этого дѣла находимъ мы во всеподданнѣйшемъ рапортѣ генерала Клингера. „Камеръ-пажъ Кусаковъ, не имѣя отъ натуры данныхъ способностей, посредствомъ особенныхъ лишь напряженій, добился въ камеръ-пажи въ 1808 году, пробывъ 7 лѣтъ пажемъ. Натурально, что по мѣрѣ, какъ онъ подвигался выше въ классахъ, напряженіе недостаточныхъ силъ его къ поступленію впередъ становилось недѣйствительнымъ, такъ что прочіе, отъ природы счастливѣе одаренные, всегда его обгоняли и онъ, такимъ образомъ, будучи уже три года камеръ-пажемъ не могъ выбиться въ число первыхъ по классу, какъ только девять ныньче къ выпуску назначаются.

Сіе безплодное напряженіе силъ душевныхъ естественно должно было произвести вредное дѣйствіе надъ молодымъ симъ человѣкомъ, и онъ, дѣйствительно, впалъ въ меланхолію, отъ которой все прошедшее лѣто, хотя и былъ помѣщенъ въ Пажескомъ лазаретѣ, но совершеннаго исцѣленія не получилъ. Если же теперь оставаться ему почти безъ надежды когда-либо быть выпущену, то можетъ сіе усугубить болѣзнь его. Ежели Ваше Сіятельство обстоятельство сіе почтетъ уваженія достойнымъ, то прошу Васъ покорнѣйше довести оное до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и испросить Всемилостивѣйшаго снисхожденія для камеръ-пажа Кусакова, котораго производство потому еще допустить можно, что онъ есть послѣдній остатокъ изъ перваго набора пажей при началѣ преобразованія Пажескаго корпуса, который тогда еще не могъ вдругъ поставленъ быть на степень благосостоянія, на которой онъ нынѣ находится, отчего и пажи, нынѣ въ камеръ-пажи поступающіе, съ самаго вступленія ихъ въ корпусъ, пользуясь лучшими учрежденіями, успѣхи ихъ въ наукахъ облегчающими, и удобнѣе и болѣе пріобрѣтаютъ познаній нежели при началѣ преобразованія корпуса было возможно“ [33]).

При этомъ только-что приведенный рапортъ поражаетъ глубокогуманное отношеніе генерала Клингера, а также и директора корпуса, такъ какъ генералъ Клингеръ, руководящійся не одними своими наблюденіями, а и наблюденіями, сообщенными ему Иванъ Григорьеви

чемъ Гогелемъ,—къ положенію несчастнаго молодого человѣка, ухитрившагося 4 класса проходить въ теченіи 10 лѣтъ.

Этотъ же рапортъ показываетъ, какъ безплодное усиліе убиваетъ энергію и развиваетъ переутомленіе, о которомъ тогда не имѣли понятія—почему и назвали его не свойственнымъ ему именемъ *меланхоліи*. Однако, несмотря на смѣшеніе названій, тогдашніе педагоги поняли сущность его, такъ-же, какъ и вѣрно опредѣлили нужное лѣкарство для исцѣленія отъ этого недуга. Они отлично поняли, что надо прекратить безплодную и идущую во вредъ работу и дать возможность подавленному его духу вновь воспрянуть.

Графъ Ѳ. В. Растопчинъ.
Главноначальствующій въ Москвѣ 1812 г.

Князь Голицынъ, получивъ этотъ рапортъ, на слѣдующій же день доложилъ его Государю.

Императоръ не согласился съ мнѣніемъ главноначальствующаго и, какъ можно предполагать, потому, что за двѣ съ небольшимъ недѣли передъ тѣмъ, послѣдній, представляя къ очередному выпуску въ офицеры камеръ-пажей, представилъ въ то же время особую докладную записку о выдержавшемъ экзаменъ первымъ камеръ-пажѣ Пестелѣ такого содержанія: „Настоятельныя требованія г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Пестеля, чтобы я сына его камеръ-пажа при нынѣшнемъ выпускѣ представилъ къ производству въ поручики, и рѣшительно мнѣ объявленное мнѣніе его, что неисполненіе его почтетъ онъ за обиду сыну своему, побуждаетъ меня изъяснить Вашему Императорскому Величеству причины, по коимъ я не могу осмѣлиться представить къ выпуску камеръ-пажа Пестеля, хотя онъ и получилъ, 30 баллами болѣе, чѣмъ камеръ-пажъ Адлербергъ.

Причины сіи слѣдующія:

1. Камеръ-пажъ Пестель еще только всего полтора года въ корпусѣ и камеръ-пажемъ только 10 мѣсяцевъ, а со времени введенія нынѣшняго порядка не было еще примѣру, чтобы кто изъ камеръ-пажей выпущенъ былъ, не пробывъ, по крайней мѣрѣ, два года въ семъ званіи, считая отъ экзамена до экзамена.

2. Дабы превзойти другихъ, долженъ онъ былъ спѣшить въ пріобрѣтеніи оказанныхъ имъ при экзаменахъ познаній, а потому едва-ли они могутъ быть прочны.

3. Камеръ-пажъ Адлебергъ, напротивъ того, въ семъ званіи пробылъ уже два года, считая отъ экзамена 1809 г., по коему онъ былъ удостоенъ и во всѣхъ частяхъ имѣетъ весьма хорошія познанія, соединенныя съ основательными понятіями по части военной экзерциціи. Къ соблюденію сихъ правилъ, съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣніями и съ Учрежденіемъ Пажескаго корпуса согласныхъ, я тѣмъ паче почитаю себя обязаннымъ, что возможность столь скороврeменнаго выпуска вовлекла-бы камеръ-пажей въ искушеніе для скорости пріобрѣтать для экзамена потребныя свѣдѣнія посредствомъ выучиванія наизусть и тогда, безъ сомнѣнія, прочности въ таковыхъ познаніяхъ ожидать будетъ невозможно и они послѣ столь же скоро были бы забываемы, съ коликою поспѣшностью были пріобрѣтены.

И. А. Вельяминовъ.
Герой 1812 года.

А что я всегда строгаго сего правила держался, доказалъ я камеръ-пажамъ примѣромъ надъ сыномъ моимъ, коего, несмотря на то, что онъ при двухъ экзаменахъ оказался первымъ по наукамъ и при послѣднемъ уже былъ три года камеръ-пажомъ, я къ выпуску не представилъ.

Сверхъ сего, случай сей есть первый примѣръ покушенія кого-либо изъ родственниковъ пажей къ соучаствованію въ распоряженіяхъ Пажескаго корпуса касательно представленія ихъ къ производству. И ежели бы я, въ противность прави-

ламъ, всѣмъ пажамъ извѣстнымъ и мною до сего строго соблюдаемыхъ, преклонясь на требованіе Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Пестеля, представилъ къ производству сына его, тогда прочіе имѣли бы право обвинять меня въ пристрастіи и не упустили бы употребить также своихъ родственниковъ на домогательство къ выпуску и вообще на вліяніе по прочимъ обстоятельствамъ корпуса и тогда неминуемо рушилось бы довѣріе и духъ правоты, въ Пажескомъ Вашего Императорскаго Величествѣ корпусѣ водворенные".

Явное пристрастіе этой записки, въ которой генералъ Клингеръ приводитъ удивительно странный доводъ, что онъ и сына своего заставилъ чуть-ли не три года сидѣть въ камеръ-пажахъ и это тогда, когда послѣдній два раза выдержалъ экзаменъ первымъ, не могло не поразить Государя. Поразили его, вѣроятно, и другія шаткія основанія, на которыя желалъ опереться главноначальствующій для того, чтобы отсрочить производство Павла Пестеля.

Черезъ два дня послѣ доклада Государю записки, генералъ Кингеръ получилъ отъ кн. Голицына увѣдомленіе, что онъ, кн. Голицынъ, „имѣлъ счастіе подносить Государю Императору записку касательно камеръ-пажа Пестеля и что Его Величество Высочайше мнѣ указать соизволилъ, писалъ князь: рапортъ сей обратить къ Вашему Превосходительству для того, что въ отношеніи моемъ къ Вамъ отъ 21-го генваря сего года изъявлена Высочайшая воля, чтобъ камеръ-пажей и пажей представлять къ выпуску по числу балловъ, а не по числу лѣтъ нахожденія въ настоящемъ званіи" [34]).

Понятно, что когда спустя двѣ недѣли съ чѣмъ-то, генералъ Клингеръ выступилъ съ своимъ ходатайствомъ о несчастномъ камеръ-пажѣ Кусаковѣ, то никакія гуманныя разсужденія генерала не тронули Государя — и Кусакову пришлось покориться своей судьбѣ и ждать слѣдующаго года. Но онъ его не дождался и судьбѣ своей не покорился. Чаша терпѣнія была переполнена, чувство безнадежности охватило его, ему представилось, что все потеряно, что ничто уже не можетъ помочь его безвыходному положенію и вотъ онъ изъ апатіи переходитъ въ возбужденное состояніе, подъ вліяніемъ котораго онъ перестаетъ слушаться начальство, говоритъ ему дерзости и въ концѣ концовъ вынуждаетъ своего неудачнаго ходатая генерала Клингера опять писать рапортъ, но уже совсѣмъ другого содержанія: „Я имѣлъ случай, читаемъ мы тамъ: довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что камеръ-пажъ Кусаковъ, при всемъ его

усиліи по недостатку въ способностяхъ, не могъ по успѣхамъ въ наукѣ, получить достаточнаго числа балловъ, чтобы наряду съ прочими при нынѣшнемъ выпускѣ быть представлену къ производству въ офицеры, причемъ осмѣливался я всеподданнѣйше особенное для него снисхожденіе просить и ходатайствовать о производствѣ его въ офицеры, несмотря на недостатокъ въ баллахъ, по уваженію трехлѣтней его бытности въ камеръ-пажахъ и малой надежды, чтобы онъ впредь могъ достигнуть до такового количества балловъ, каковое пріобрѣтаютъ къ производству въ офицеры назначаемые пажи. Но какъ Высочайшаго на сіе соизволенія не послѣдовало, то предался онъ отчаянію, котораго ни всѣ старанія директора, пажей, собственныя мои неоднократныя увѣщеванія преодолѣть были не въ силахъ. Онъ съ тѣхъ поръ упорно отклонялся отъ всѣхъ обязанностей своихъ и, наконецъ, сострадательное снисхожденіе, съ какимъ старались обратить его къ повиновенію до того употребилъ онъ во зло, что уже вовсе выступилъ изъ предѣловъ подчиненности.

Передъ симъ неоднократно уже подавалъ онъ поводъ дѣлать ему увѣщанія, чтобы не приходилъ позже въ классы, имѣя болѣе другихъ надобности въ слушаніи лекціи и въ прилежаніи, дабы со-временемъ могъ удостоиться производства въ офицеры, которое, какъ имъ извѣстно, единственно зависитъ отъ успѣховъ въ наукахъ, однако-жъ, несмотря на то, вчерашняго числа онъ вовсе въ классы не пришелъ и даже посланный за нимъ отъ дежурнаго офицера не могъ заставить одуматься и онъ, не послушавъ и его, все-таки въ классы не пошелъ, за каковое дерзкое ослушаніе по части самой важной въ каждомъ домѣ воспитанія, дежурный офицеръ, слѣдуя снисхожденію, съ каковымъ по выше изъясненнымъ обстоятельствамъ съ камеръ-пажомъ Кусаковымъ обходятся, наказалъ его только тѣмъ, что отказалъ ему отъ позволенія итти вмѣстѣ съ прочими къ родственникамъ для свиданія, какъ обыкновенно по субботамъ отпускаются. Но когда наступилъ часъ отпуска послѣ классовъ, то пришелъ онъ къ дежурному офицеру просить билета для пропуска его со двора и когда онъ ему отказалъ, то сталъ онъ отъ него дерзкими выраженіями требовать въ томъ отчета, утверждая, что онъ надъ нимъ сей власти не имѣетъ и, раскричавшись при троихъ пажахъ, дошелъ до такого изступленія, что даже отказался повиноваться дежурному офицеру и въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ итти къ директору, который уже по донесенію ему о семъ отъ дежурнаго долженъ былъ отъ своего лица

за нимъ послать и, услыша отъ него самого подтвержденіе всего вышесказаннаго, его арестовать. Такой поступокъ камеръ-пажа Кусакова послѣ всѣхъ дѣйствительно отеческихъ попеченій и снисходительнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ для удержанія его въ предѣлахъ должной подчиненности, лишаетъ меня послѣдней въ немъ надежды и понуждаетъ въ отвращеніи величайшаго зла, которое отъ продолженія вредной становящейся къ нему снисходительности въ Пажескомъ Вашего Императорскаго Величества корпусѣ послѣдовать можетъ, подвергнуть судьбу его Высочайшему Вашего Императорскаго Величества опредѣленію".

Я. А. Потемкинъ.
Герой 1812 года.

На слѣдующій же день послѣдовало и Высочайшее опредѣленіе: въ солдаты и отослать въ полки, находящіеся въ Финляндіи.

Согласно этому Высочайшему повелѣнію, Кусаковъ былъ назначенъ въ 3 Егерскій полкъ, находившійся въ такъ называемой тогда Новой Финляндіи въ городѣ Бьернеборгѣ [35]).

Этимъ закончилась печальная исторія съ юношей, родившимся, повидимому, не подъ счастливой звѣздой, такъ какъ, имѣй онъ терпѣнія всего на нѣсколько мѣсяцевъ, его выпустили бы изъ корпуса нормальнымъ порядкомъ въ числѣ прочихъ „по лѣтамъ и по тѣлесному сложенію способныхъ къ военной службѣ".

Дѣло въ томъ, что вскорѣ самому начальству пришлось итти навстрѣчу стремленію пажей въ бой, а именно тогда, когда полчища Наполеона наводнили Россію и вотъ, какимъ образомъ: 16 Іюля 1812 г. князь Голицынъ получилъ отъ нѣкоей Офросимовой такого рода прошеніе: „Гласъ отечества сзываетъ вѣрныхъ сыновъ Россіи на врага, противъ него возставшаго. Дѣти мои, безмолвныя велѣніямъ всемилостивѣйшаго нашего монарха, всегда готовы принести въ жертву жизнь свою любезному отечеству. Двое изъ нихъ стоятъ уже въ рядахъ, устроенныхъ противу врага всеобщаго. Старшій послѣ служенія

своего на полѣ чести возвратился въ семейство для успокоенія меня и отца своего въ старости, младшій, коему нынѣ 20-й годъ, находится въ Пажескомъ корпусѣ. Старшій сынъ мой по чувству истиннаго сына отечества несетъ снова жизнь свою ему въ жертву, но младшій, какъ гласъ чести къ тому же призываетъ, не можетъ раздѣлять съ нимъ счастіе быть защитникомъ онаго, почему о выключкѣ его изъ корпуса я относилась къ главноначальствующему онаго господину генералъ-лейтенанту Клингеру, представляя ему, что сынъ мой въ такихъ уже лѣтахъ, въ которыхъ съ большою пользою при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ служить отечеству на полѣ славы, нежели быть въ корпусѣ сверхъ-комплектнымъ пажемъ. Я получила на сіе въ отвѣтъ, что его Превосходительство ни выключить сына моего изъ корпуса, ни представить о семъ высшему начальству не можетъ. Посему, какъ мать-россіянка, я обращаюсь къ Вашему Сіятельству съ всепокорнѣйшею моею просьбою приказать сына моего, въ Пажескомъ корпусѣ находящагося, изъ онаго исключить, который и отправится къ старшимъ братьямъ своимъ въ Москву для сведенія людей, коихъ я и мужъ мой вмѣстѣ съ дѣтьми своими вручаемъ Богу на защиту его вѣры, царя и отечества“[36]). Получивъ это прошеніе, князь Голицынъ пожелалъ узнать мнѣніе генерала Клингера. 19 Іюля генералъ Клингеръ отвѣтилъ такъ: „на почтеннѣйшее отношеніе Вашего Сіятельства касательно пажа Офросимова честь имѣю увѣдомить, что по Учрежденію Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса опредѣляются пажи къ выпуску только однажды въ годъ послѣ экзамена, къ коему удостоиваются къ представленію сему только тѣ, кои достойные къ наукамъ пріобрѣли познанія. Если же Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ по уваженіи нынѣшнихъ обстоятельствъ повелѣть, не взирая на невыгодность со стороны наукъ, отъ того для Пажескаго корпуса послѣдовать долженствующихъ, представить къ выпуску такихъ пажей, кои, хотя бы науки свои не окончили, но по лѣтамъ и тѣлесному ихъ сложенію въ службу вступить способны, тогда я не премину сдѣлать представленіе, въ которомъ включенъ будетъ пажъ Офросимовъ, который, кромѣ окончанія наукъ, имѣетъ и лѣта и тѣлесную крѣпость, къ вступленію въ службу достаточныя“[37]).

Такимъ образомъ, генералъ Клингеръ высказался въ пользу усиленнаго и, такъ сказать, преждевременнаго выпуска, совершенно вѣрно предполагая, что въ такомъ экстренномъ случаѣ лишнее держать

молодыхъ людей на школьной скамьѣ въ то время, когда они рвутся на войну, гдѣ, несомнѣнно, могутъ оказаться очень и очень полезными. Но чтобъ не нарушить совершенно установившагося законнаго порядка выпуска, онъ предложилъ сдѣлать экзаменъ, который и произвели на скорую руку, послѣ чего представили Государю списокъ съ фамиліями и съ стоящею противъ нихъ общею суммою полученныхъ балловъ, не выставляя, какъ дѣлалось всегда, таковыхъ по отдѣльнымъ предметамъ.

Вотъ этотъ списокъ.

СПИСОКЪ,

производимымъ въ офицеры камеръ-пажамъ и пажамъ 1812 года.

№	Ф А М И Л І И.	Число балловъ.	
	КАМЕРЪ-ПАЖИ:		
1	Загряжскій	1.271	
2	Тулубьевъ 1	1.266	
3	Беклешовъ	1.233	
4	Норовъ	1.225	
5	Толстой	1.220	
6	Тулубьевъ 2	1.209	
7	Лопухинъ	1.201	въ гвардію прапорщиками.
8	Хомутовъ	1.199	
9	Чаплинъ	1.180	
10	Пущинъ	1.177	
11	Борноволоковъ	1.177	
12	Быковъ	1.177	
13	Окуловъ	1.120	
	П А Ж И:		
14	Лёвшинъ	1.032	
15	Челищевъ	1.031	
16	Рыкачевъ	864	
17	Казаковъ	823	въ армію прапорщиками.
18	Воронецъ	821	
19	Полторацкій	795	
20	Нарышкинъ	748	
21	Соврасовъ	694	

№	Ф А М И Л І И.	Число балловъ.	
22	Захаровъ	659	
23	Пущинъ 2	645	въ армію прапорщиками.
24	Лопухинъ	582	
25	Эмме	559	
26	Милорадовичъ	455	Л.-Гв. въ Финляндскій,
27	Офросимовъ	437	юнкеромъ.
28	Шацъ 2	398	
29	Шацъ 1	398	
30	кн. Хилковъ 1	395	
31	кн. Хилковъ 2	384	
32	Мирковъ 2	373	въ армію прапорщиками.
33	Уваровъ	372	
34	Томара	350	
35	Пущинъ 3	157	
36	Миленка	155	

Генералъ-Лейтенантъ ***Клингеръ.***

27 Августа, на другой день Бородинскаго сраженія, всѣ названныя лица удостоились производства.

Въ ноябрѣ къ нимъ присоединили еще партію, состоявшую изъ камеръ-пажей: Аполлона Ушакова, Николая Татищева I, Романа Анрепа и пажей Александра Корсакова, Никиты Татищева 2 и Павла Норова, изъ которыхъ Ушакова выпустили въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, Татищева I и Анрепа въ гвардію прапорщиками, Корсакова въ артиллерію, Татищева 2 и Норова въ армію прапорщиками.

Эту партію проэкзаменовали такъ же, какъ и первую, но, повидимому, основательнѣй, хотя судя по списку, въ которомъ на этотъ разъ выставили не только сумму балловъ, но и баллы по каждому предмету отдѣльно, уже снисходительнѣе [38]).

Въ этомъ же году изъ дому произвели въ офицеры камеръ-пажа Волкова по экзамену, но не корпусному, а произведенному полковникомъ Муравьевымъ, основателемъ знаменитой школы колонновожатыхъ, и князя Юрія Волконскаго.

Произошло это такъ: генералъ-лейтенантъ графъ Толстой, назначенный командующимъ ополченіемъ округа, состоящаго изъ губерній

Нижегородской, Казанской, Костромской, Вятской, Симбирской и Пензенской, получилъ право выбрать себѣ на разныя должности нужныхъ ему лицъ, о чемъ и представилъ особенный докладъ Государю, такого содержанія: „Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества рескрипта, отъ 17 сего мѣсяца мнѣ даннаго, осмѣливаюсь испросить Высочайшаго утвержденія избранныхъ мною для военной силы ввѣреннаго мнѣ округа разнымъ чиновникамъ, а именно:

Графъ Г. К. Сиверсъ.
Герой 1812-го года.

Въ полковые начальники отставного артиллеріи полковника Раля и отставного лейбъ-гвардіи гусарскаго полка полковника Небольсина.

Въ адъютанты ко мнѣ, съ опредѣленіемъ во Второй Украинскій полкъ, двора Вашего Императорскаго Величества, камеръ-юнкера 5-го класса Нарышкина; начальникомъ главнаго штаба отставного подполковника Муравьева съ производствомъ его въ полковники, да для отправленія службы по части квартирмейстерской изъ числа учащихся у него, Муравьева, изъ дворянъ: Бурцова 1-го, Колошина, также изъ дворянъ студентовъ Московскаго университета: Безпальчева, Комарова, Филипповича, Похвистнева; служащихъ—въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ князя Голицына, въ департаментѣ министерства юстиціи дворянина графа Бутурлина, въ департаментѣ казенныхъ имуществъ Рошфорта и двора Вашего Императорскаго Величества пажа князя Волконскаго съ чинами отъ арміи прапорщиковъ, удостоившихся въ сіе званіе вслѣдствіе строгаго экзамента, имъ, подполковникомъ Муравьевымъ сдѣланнаго.

Для исполненія должности колонновожатыхъ дворянъ Бурцова 2 и Юрьева, съ чинами отъ арміи протупей-прапорщиковъ. Для упо-

требленія по сей же части служащихъ въ департаментѣ казенныхъ имуществъ присягнувшихъ съ 1805 г. въ вѣчное въ Россіи подданство коллежскаго асессора Жиле, въ чинѣ отъ арміи штабсъ-капитана“ [39]).

Докладъ этотъ Государь утвердилъ и, такимъ образомъ, всѣ слушатели военныхъ курсовъ подполковника Муравьева, съ нимъ во главѣ, попали на дѣйствительную службу и за курсами какъ бы признали официальное существованіе, признали ихъ за учебное заведеніе, услугами воспитанниковъ котораго правительство въ годину бѣдствій рѣшилось воспользоваться. Въ числѣ первыхъ воспитанниковъ этого доблестнаго заведенія, впослѣдствіи извѣстнаго подъ названіемъ школы колонноважатыхъ и явившагося предтечей нынѣ существующей академіи генеральнаго штаба, оказался пажъ.

Кстати замѣтимъ, что бѣдняга Кусаковъ, въ уваженіе къ заслугамъ его дяди, храбраго генерала Кульнева, былъ произведенъ въ прапорщики въ 20 Егерскій полкъ въ эту столь тягостную для русскаго человѣка отечественную войну.

Но не однимъ этимъ усиленнымъ выпускомъ отозвалась отечественная война на жизни корпуса; одно время она даже стала грозить пріостановкой обыкновеннаго ея теченія. Стали ходить слухи, что Пажескому корпусу придется удалиться изъ Петербурга въ какое-нибудь болѣе безопасное мѣсто. Слухи эти, сначала неясные, сдѣлались болѣе настоятельными, нѣкоторые родители, обратились съ просьбой уволить ихъ дѣтей въ отпускъ. Начальство такіе ходатайства удовлетворяло съ охотой и, наконецъ, въ октябрѣ генералъ Клингеръ получилъ отъ князя Голицына бумагу, въ которой, между прочимъ, было сказано: „О просьбѣ сей (т. е. объ увольненіи пажей въ отпускъ) я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору и Его Величество изъявилъ на то Монаршее свое соизволеніе, повелѣвъ мнѣ сообщить объ ономъ Вашему Превосходительству, что ежели въ случаѣ перевода Пажескаго корпуса изъ Петербурга, будутъ родственники просить о подобномъ позволеніи жить у нихъ, то всѣ таковые пажи могутъ быть увольняемы изъ корпуса“[40]).

Къ счастію, къ этой крайней мѣрѣ не пришлось прибѣгнуть, вскорѣ непріятель былъ изгнанъ изъ предѣловъ Россіи. Императоръ Александръ, движимый съ одной стороны великодушнымъ желаніемъ освободить Европу отъ ига, тяготѣвшаго надъ ней вотъ уже нѣсколько лѣтъ, съ другой личнымъ нерасположеніемъ къ Наполеону перешелъ границу и началъ свое тріумфальное, но не легкое шествіе, черезъ

Германію и Францію и закончилъ его въ Парижѣ. Тутъ, казалось, можно было почить на лаврахъ и пожинать плоды трудовъ своихъ. Но судьбѣ было угодно еще разъ всполошить всѣхъ призракомъ Наполеона. Какъ вспышка жизни передъ смертью, вспыхнула еще разъ его разрушительная дѣятельность и только затѣмъ уже погасла на вѣки.

М. Е. Храповицкій.
Герой 1812 года.

Когда Европа убѣдилась, что дѣятельность Наполеона, дѣйствительно, погасла, она принялась за трудную работу упорядоченія всего того, что перевернулъ вверхъ дномъ великій полководецъ. Началась эпоха конгрессовъ, а для Пажескаго корпуса болѣе спокойное время, чѣмъ то, которое онъ только-что пережилъ. Говоримъ, болѣе спокойное, потому, что то движеніе умовъ, которое охватило всю тогдашнюю молодежь и было отчасти слѣдствіемъ заграничныхъ походовъ и въ концѣ-концовъ привело къ тяжкимъ сценамъ, разыгравшимся 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, хотя и слабо и уродливо, но отразилось и на Пажескомъ корпусѣ. Не обошлось дѣло и безъ жертвъ. Вотъ, что узнаемъ мы объ этомъ изъ официальнаго донесенія: „Пажъ Павелъ Арсеньевъ, отъ роду 16 лѣтъ, бывъ записанъ за прошедшій мѣсяцъ въ лѣнивыхъ (о коихъ перваго числа каждаго мѣсяца объявляется по приказной книгѣ передъ разводомъ), осмѣлился съ большою дерзостью выговаривать за то учителю и былъ посаженъ за сіе подъ арестъ съ тѣмъ, чтобы для большаго пристыженія его передъ товарищами и удовлетворенія учителя стоять ему на колѣняхъ во время лекціи. Когда пажу Арсеньеву объявилъ о семъ инспекторъ классовъ, то онъ не только приказанія сего не исполнилъ, но еще при напоминаніи ему, что за сіе можетъ послѣдовать еще строжайшее наказаніе, съ дерзостью отвѣчалъ: „мы увидимъ“; почему инспекторъ классовъ, отправивъ его обратно подъ арестъ, донесъ о томъ черезъ дежурнаго по корпусу штабъ-офицера директору генералъ-маіору Гогелю, который на основаніи Учрежденія Пажескаго Его Император-

скаго Величества корпуса, приказалъ, чтобы за лѣность, дерзкую грубость противъ учителя и ослушанія съ дерзостью противъ начальства означеннаго пажа Арсеньева—при собраніи всѣхъ офицеровъ и пажей наказать розгами.

Но во время приведенія сего въ исполненіе (причемъ директоръ генералъ-маіоръ Гогель, бывъ уже недѣлю боленъ, самъ быть не могъ), пажъ сей съ велимъ изступленіемъ противился и тутъ выскочили пажи Креницынъ 19, лѣтъ Гаменъ 17 л. и Дмитрій Карцовъ 17 л. къ нему на помощь и привели всѣхъ пажей въ разстройство, такъ что съ трудомъ можно было привести въ исполненіе предписанное наказаніе. При семъ генералъ-лейтенантъ Клингеръ доноситъ, что пажъ Креницынъ былъ всегда весьма дурного поведенія, при всѣхъ мѣрахъ, для исправленія его употребленныхъ, не только не оказываетъ ни малѣйшаго исправленія, но еще упорствуетъ въ неприлежаніи къ наукамъ, закоснѣлости и самомъ вредномъ образѣ мыслей, такъ что не подаетъ и надежды къ исправленію, почему и представляетъ пажей Арсеньева за сдѣланныя одно за другимъ важныя преступленія, а пажа Креницына, какъ безнадежнаго къ исправленію, удалить изъ корпуса, яко недостойныхъ быть пажами двора Его Императорскаго Величества. Пажей Гамена и Карцова, кои также бывъ изъ числа записанныхъ въ лѣнивые, не пустились, однако, на дерзкіе поступки противъ учителей, но принесли жалобу на сдѣланную имъ якобы несправедливость и когда для успокоенія ихъ были проэкзаменованы въ присутствіи гофмейстера, инспектора классовъ и дежурнаго штабъ-офицера и найдены во многихъ частяхъ отъ товарищей своихъ отставшими, сознались въ своей ошибкѣ, а при встрѣтившемся вышеупомянутомъ случаѣ завлечены были дурнымъ примѣромъ, ибо до того были хорошаго поведенія, полагаетъ наказать арестомъ съ отдѣленіемъ отъ общества пажей на нѣкоторое время, въ той надеждѣ, что таковымъ наказаніемъ они исправятся, присовокупляя при томъ, что четыре пажа сіи находятся подъ арестомъ“ [41]).

А вотъ какіе стали ходить въ обществѣ слухи по поводу этого происшествія:

„Vous savez, писалъ графъ Чернышевъ изъ Орла къ графу Вельегорскому въ Сѣвскъ: qu'à St-Pétersbourg le corps des Pages s'est revolté ayant á la tête un certain Arsenieff. L'empereur a voulu les traiter en enfants et a ordonné de leur donner la verge. Le jour marqué pour l'execution le venerable Sion entre chez eux accompagné de 2 ou 3 personnes, lit le

приказъ de sa Majesté et veut commencer à mettre la sentence en execution, mais les petits mutins s'emparent du venerable Sion, lui garrotent les bras et jambes, lui ottent la culotte, le couche en travers sur deux autres sattelites qui avaient déjà essuyé le même sort et se mirent à le fouetter de la belle maniere. Cinq pages ont été fait soldats, Arsenieff degradé de noblesse et en Siberie. Il a dix huit ans" [42]).

А вотъ, наконецъ, какъ описываетъ то же событіе, бывшій пажъ Гангебловъ, свидѣтель его. „Одинъ изъ пажей Арсеньевъ отличался страннымъ характеромъ, несмотря на свои 15—16 лѣтъ, онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ товарищей, не принималъ участія въ ихъ играхъ, никогда почти не смѣялся; учился онъ не бойко, но читалъ много (всегда французское и углублялся въ свои книги до самозабвенія). Товарищи очень его любили. Однажды учитель, замѣтивъ, что Арсеньевъ читаетъ постороннюю книгу, сдѣлалъ ему замѣчаніе на неумѣстность его занятія. Тотъ отвѣчалъ сухо и продолжалъ читать; учитель къ нему подошелъ и протянулъ руку за книгой, но Арсеньевъ книги не далъ; завязывается съ нимъ споръ. Вдругъ вошелъ Оде-де-Сіонъ и, разобравъ въ чемъ дѣло, велѣлъ Арсеньеву выйти въ уголъ, а такъ какъ тотъ все еще продолжалъ ворчать себѣ подъ носъ, то Сіонъ приказалъ ему стать на колѣни. Арсеньевъ ослушался и его повели въ темную.

Начальство посмотрѣло на это дѣло очень строго и положило наказать Арсеньева розгами. „Квилки" должно быть это пронюхали. Примѣровъ такой экзекуціи не бывало, напротивъ, держалось повѣріе, что пажъ не можетъ быть высѣченъ иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію.

Не припомню, на другой ли день по арестованіи Арсеньева или нѣсколько спустя, къ разводу въ рекреаціонную залу явились кромѣ Клингенберга и всѣ прочіе корпусные чины, не исключая и Оде-де-Сіона. Не было только, какъ и всегда, директора. Пажи стояли въ строю. Вводятъ Арсеньева; за нимъ вошли нѣсколько солдатъ, съ розгами въ рукахъ. Арсеньеву объявляютъ, что онъ долженъ быть высѣченъ.

— Я не дамся, вскричалъ энергично Арсеньевъ.

Солдатамъ велѣли исполнить экзекуцію. Завязалась борьба, какъ вдругъ К--въ съ крикомъ вырвался изъ фронта, за нимъ его „квилки" и затѣмъ почти весь строй пажей кинулся отбивать товарища. Произошла свалка, крикъ, гамъ невообразимый. Старикъ Сіонъ грузно повалился на барабанъ, досталось отчасти и другимъ бывшимъ тутъ властямъ. Возня эта долго не унималась, пока Клингенбергъ не велѣлъ

солдатамъ высвободить Арсеньева, подъ предлогомъ, будто бы удалось дать ему два-три удара. Затѣмъ его и К—ва, какъ зачинщиковъ безпорядка, отправили въ темную и разсадили по разнымъ комнатамъ.

О происшествіи представили Государю.

Черезъ нѣсколько дней получена резолюція, для исполненія которой къ разводу, на этотъ разъ, собрались всѣ власти корпуса, также и директоръ Гогель. Ввели К—ва, прочли резолюцію, въ которой было повелѣно Арсеньева, уже разъ наказаннаго, вторично наказанію, не подвергать, К—ва же при всемъ разводѣ наказать тридцатью ударами розогъ.

К. Ѳ. Клингенбергъ.
Гофмейстеръ.
(Изъ альбома пажа Мухина, хранящагося въ музеѣ корпуса).

— Вотъ Государю я покоряюсь, дрожа произнесъ К—въ, и экзекуція была исполнена. К—ва увели. Когда разводъ кончился, мы узнали, что ни Арсеньева, ни К—ва въ корпусѣ уже нѣтъ, ихъ увезли въ двухъ разныхъ телѣгахъ въ полки, такъ какъ полная резолюція Государя, сдѣланная на офиціальномъ донесеніи, гласила:

„Пажа Креницына также при собраніи всѣхъ пажей наказать розгами, а потомъ отправить съ нарочными фельдъегерями въ пѣхотные полки 3-го корпуса. Арсеньева въ Пензенскій, а Креницына въ 18-й Егерскій, обоихъ рядовыми, написавъ подробно Г. Л. Роту и къ полковымъ командирамъ, за что были разжалованы и чтобы за ними имѣли самый строгій надсмотръ, а пажей Гамена и Карцова арестовать и содержать по усмотрѣнію графа Коновницына“ [43]).

Гангебловъ, очевидно, спуталъ Карцова съ Креницынымъ и потому вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Креницынѣ, онъ пишетъ К—въ (Карцовъ).

Принявъ это во вниманіе, послушаемъ, какъ онъ объясняетъ все только-что описанное происшествіе, обратившееся подъ перомъ графа Чернышева въ возмущеніе.

„Всѣ наставники были не русскіе, говоритъ Гангебловъ: они были люди очень хорошіе, но по степени образованія не совсѣмъ отвѣчали той роли, которую на себя приняли, за исключеніемъ развѣ Клингенберга (гофмейстеръ). Этотъ человѣкъ родился какъ будто для того, чтобы справляться съ пажами; прочіе же не отличались способностью видѣть въ своихъ обязанностяхъ нѣчто большее, чѣмъ выполненіе

ежедневныхъ порядковъ корпусной жизни. Никогда не заводили они интимныхъ съ воспитанниками бесѣдъ о томъ, что ожидаетъ ихъ внѣ школы, не интересовались направленіемъ ихъ наклонностей, не заглядывали въ тѣ книги, которыя видѣли въ ихъ рукахъ, да еслибъ и заглянули въ которую-либо изъ нихъ, то едва ли бы сумѣли опредѣлить, на сколько содержаніе полезно или вредно. Къ тому, какъ скоро въ 10 час. вечера дежурный наставникъ обошелъ рундомъ дортуары, то считалъ свое дѣло законченнымъ и преспокойно отправлялся къ себѣ на квартиру внѣ главнаго зданія корпуса. Дежурный по корпусу камеръ-пажъ тоже уходилъ на свою половину, отдѣленную отъ общихъ спаленъ нѣсколькими классными комнатами и рекреаціонною залою. Такимъ образомъ, на ночь воспитанники предоставлялись самимъ себѣ и тутъ-то начинались разныя проказы. То являлись привидѣнія (половая щетка съ маскою наверху и накинутою простынею), то затѣвались похороны: тутъ и попъ въ ризѣ изъ одѣяла съ крестомъ изъ картона и бумажнымъ кадиломъ, тутъ и дьячекъ и пѣвчіе: они подкрадываются къ кому-нибудь изъ своихъ souffre douleurs, берутся молча за ножки его кровати, подымаютъ сколь можно выше и тогда разомъ раздается похоронная пѣсня и процессія отправляется въ обходъ дортуаромъ. Чаще всего послѣ рунда подымалась война подушками. Дежурный инвалидный солдатъ доносить боялся: пожалуй, еще побьютъ".

Такое отсутствіе надзора и невниманіе къ нравственной сторонѣ питомцевъ имѣли, по словамъ Гангеблова, вредныя послѣдствія. „Въ молодые умы стали извнѣ вливаться вольнолюбивыя внушенія. Къ счастью, еще вливались не широкою струею. Представителемъ ихъ былъ одинъ только пажъ К—въ. Мудрено, чтобы у него между товарищами не было сторонниковъ, но ежели они и были, то по крайней мѣрѣ, они держали себя скромно и не высказывали своихъ мнѣній. Въ это время къ К—ву пріѣзжалъ Александръ Бестужевъ, котораго онъ выдавалъ за своего друга. Одновременно съ тѣмъ, между пажами составилось тайное общество, главою котораго былъ тотъ-же К-въ. Въ сочлены себѣ набиралъ онъ болѣе парней рослыхъ и дюжихъ. Они собирались въ небольшой непроходной комнатѣ 4 класса и оттуда слышно бывало, что какъ-бы произносились рѣчи. Членовъ этой ассоціаціи, мы какъ-бы въ насмѣшку, называли, уже не знаю почему, квилками, но квилки не угомонились до тѣхъ поръ, пока эта затѣя не завершилась весьма плачевно катастрофой, т. е. разсказанною исторіею съ пажемъ Арсеньевымъ" [44]).

Итакъ, иностранное происхожденіе гувернеровъ, недостаточное ихъ образованіе и, какъ слѣдствіе, безразличное отношеніе къ нравственному воспитанію пажей и чисто формальное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, вотъ, что было, по мнѣнію пажа Гангеблова, причиною того, что вольнолюбивыя мысли проникли въ стѣны корпуса.

Въ первой главѣ мы уже привели соображенія, при помощи которыхъ старались объяснить, почему въ описываемую нами эпоху иностранцы-педагоги были необходимы; здѣсь замѣтимъ только, что, если они, какъ представители высшей культуры, которую при помощи подражательнаго процесса усваивало себѣ общество, были дѣйствительно полезны, то нельзя сказать того же про воспитательное вліяніе ихъ, такъ какъ они не знали ни исторіи, ни потребностей народа, съ которымъ они имѣли дѣло, и совсѣмъ не были знакомы съ психической его физіономіею. Вслѣдствіе такого незнанія объектовъ воспитанія, имъ приходилось дѣйствовать на угадъ, а потому—часто и не впопадъ.

Теперь, относительно втораго обвиненія Гангеблова, что наставники или гувернеры его времени отличались недостаточнымъ образованіемъ; это не совсѣмъ вѣрно, большею частью они были люди, кончившіе корпусъ и по своему времени достаточно образованные. Но зато другое его заявленіе, что всѣ наставники относились формально къ своимъ обязанностямъ и невнимательно къ нравственнымъ запросамъ пажей—безусловно вѣрно. Утверждать это можно à priori. Однако причина такого явленія лежитъ не столько въ недостаточности ихъ общаго образованія, сколько въ отсутствіи спеціальной подготовки къ тому дѣлу, за которое они брались.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ могли они внимательно относиться къ нравственнымъ запросамъ воспитанниковъ, когда они совершенно не были знакомы ни съ психологическими, ни съ физіологическими особенностями юношескаго возраста, когда имъ не были совсѣмъ извѣстны ни законы развитія ума, ни законы развитія человѣческаго организма, когда они врядъ-ли когда слышали имена Локка и Руссо и когда, наконецъ, они принадлежали къ совсѣмъ другому обществу и интересовъ того, къ которому принадлежали ихъ воспитанники, совсѣмъ не понимали. При такомъ положеніи вещей имъ оставалось дѣлать то, что они дѣлали, т. е. относиться чисто формально къ пажамъ и въ затруднительныхъ случаяхъ прятаться за ширмы спасительной дисциплины. Большинство такъ и поступало, но нѣкоторые, несмотря на то, что они не имѣли никакихъ данныхъ, дѣлали, однако, попытки вы-

ходить изъ своей роли дежурныхъ офицеровъ и выступать въ болѣе активной—воспитателей. Но нельзя сказать, чтобъ это имъ удавалось. Результаты такой дѣятельности оказывались весьма плачевными.

„Наставникъ нашего отдѣленія, пишетъ Гангебловъ про одного изъ такихъ воспитателей, подполковника Б. Гине: имѣлъ неудобство походить на героя Ламаншскаго: его небольшая голова на худомъ тонкомъ туловищѣ, его блѣдныя впалыя щеки, его маленькіе подернутые экзальтаціею глаза, наконецъ, мѣшковатость его одежды при ботфортахъ, какъ бы съ футляромъ для мозолей, вся эта своеобразная внѣшность прежде всего напоминаетъ вамъ знаменитаго рыцаря. Независимо отъ этого, Борисъ Егоровичъ человѣкъ истинно почтенный; но имъ обладаетъ не по вкусу его питомцевъ страсть давать наставленія, „нотаціи“, какъ мы ихъ называли. Когда Борису Егоровичу нечего дѣлать, онъ призываетъ одного изъ насъ къ себѣ въ квартиру и по часу и болѣе читаетъ скучнѣйшую мораль, съ примѣрами изъ Священнаго Писанія, и это въ такіе часы, когда другіе товарищи рѣзвятся и играютъ въ саду. „Не дѣлаетъ-же этого никто другой изъ его сослуживцевъ, разсуждали мы, да и къ тому же и наставлять по Священному Писанію не его дѣло: на то есть попъ, законоучитель! Пора съ этою канителью покончить“. Такъ думали не дѣти, а взрослые, авторитетные въ отдѣленіи; а когда за выбытіемъ по экзамену старшаго пажа подошелъ день назначенія новаго, то заговорщики положили: если выборъ Гине падетъ на кого-либо изъ нихъ, то отказаться подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Я и еще двое не протестовали противъ такого рѣшенія, но и не опровергали его. Я надѣялся на то, что авось сія чаша меня минуетъ.

Борисъ Егоровичъ Гине.

На слѣдующее утро, когда мы по привычкѣ сами собою выстроились къ молитвѣ, является Борисъ Егоровичъ (хотя въ этотъ день не ему слѣдовало дежурить по корпусу). Онъ подходитъ прямо ко мнѣ и объявляетъ, что назначаетъ меня старшимъ пажемъ въ своемъ

отдѣленіи. Я поблагодарилъ за честь, но отозвался, что не нахожу себя способнымъ. „Такъ я нахожу тебя способнымъ, вскричалъ онъ (видно ему уже было извѣстно о заговорѣ): сейчасъ же принять должность“, продолжалъ онъ.

Три раза громче и громче Гине повторялъ то же приказаніе и три раза слышалъ тотъ же отъ меня отвѣтъ. „А такъ, ты такъ! разразился Гине: слѣдуй за мной!“.

Въ сосѣднемъ отдѣленіи, въ большомъ залѣ въ эту минуту распоряжался самъ Клингенбергъ; передъ строемъ пажей Гине представилъ меня ему, какъ дерзкаго ослушника. Карлъ Ѳеодоровичъ какъ бы нехотя вполголоса проворчалъ: „Если вы его находите такимъ, то что же дѣлать, отведите его въ темную“. Гине самъ меня туда повелъ, заперъ на ключъ, твердо произнося: „Вотъ я посмотрю, какъ ты еще будешь упрямиться, какъ ты у меня не будешь старшимъ пажемъ!“

Гине навѣщалъ меня въ темной по утрамъ и вечерамъ и просиживалъ часа по два, со своими „нотаціями“; различныя формы убѣжденія, угрозы, ласки и даже просьбы переходили черезъ его уста. Такъ прошли три дня, на четвертый мой тюремщикъ (солдатъ корпусной полиціи) вмѣстѣ съ хлѣбомъ и водой (моимъ ужиномъ), принесъ мнѣ полулиста бумаги и карандашъ. Я написалъ К. Чевкину—не знаешь ли, чѣмъ думаютъ со мною кончить и что мнѣ дѣлать? Вотъ его отвѣтъ: „Какъ пажъ, совѣтую держаться, какъ другъ, совѣтую уступить. Это для тебя будетъ тѣмъ легче, что вмѣсто тебя старшимъ пажемъ назначенъ Ш-тъ и уже распоряжается. Стало-быть, ты все-таки на своемъ устоишь: старшимъ пажемъ не будешь (надо знать, что Ш-тъ былъ однимъ изъ заговорщиковъ); тебя и начальство и товарищи очень жалѣютъ“. Приходитъ утромъ Гине. Только-что онъ хотѣлъ начать говорить, я прервалъ его: „Борисъ Егоровичъ, я раздумалъ, началъ я: я готовъ исполнить Ваше приказаніе“.— „Такъ теперь я не хочу, вскричалъ торжествующій начальникъ: не хочу, чтобъ ты былъ старшимъ пажемъ и у меня ты никогда имъ не будешь“.

Затѣмъ послѣ краткой нотаціи онъ меня отвелъ въ мой классъ и велѣлъ сѣсть на мое мѣсто. Тутъ я узналъ, что Ш-тъ безъ всякихъ отговорокъ принялъ должность. Къ удивленію, я былъ встрѣченъ начальниками, какъ будто со мною не случилось ничего особеннаго, а когда кончился первый затѣмъ экзаменъ и объявлены вмѣстѣ съ

тѣмъ и баллы по поведенію, то я увидѣлъ, что начальство отнеслось ко мнѣ очень милостиво: за такой важный проступокъ изъ полныхъ балловъ въ поведеніи (100) мнѣ убавлено было только три балла".

Такимъ образомъ, само начальство, вразумленное, по всѣмъ вѣроятіемъ, прирожденнымъ педагогомъ Клингенбергомъ, поняло, что виною всего этого, выражаясь современнымъ пажескимъ языкомъ, „бенефиса", былъ не по уму усердный воспитатель Гине, который своими нудливыми нотаціями, очевидно, принимаемыми имъ за удивительно искусный педагогическій пріемъ, что называется, извелъ своихъ воспитанниковъ.

А Клингенбергъ, дѣйствительно, былъ педагогъ по призванію да и, сверхъ того, онъ прошелъ хорошую практическую педагогическую школу; онъ, какъ мы знаемъ, по окончаніи 2-го кадетскаго корпуса остался офицеромъ въ немъ же, затѣмъ 1798 году былъ перемѣщенъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ значитъ, къ описываемому времени успѣлъ прослужить 17 лѣтъ, частью въ должности гувернера, частью въ должности гофмейстера; эта то долгая, чуть ли не со школьной скамьи, начатая педагогическая дѣятельность и выработала изъ него человѣка, про котораго пажи говорили, что онъ былъ какъ бы созданъ для того, чтобы съ ними возиться и что „одинъ нашъ гофмейстеръ, полковникъ Клингенбергъ былъ къ намъ близокъ и жилъ нашею жизнью. Это былъ душа-человѣкъ, простой, ласковый, симпатичный, хотя немного крикливый; пажи любили, уважали и боялись его".

Но одинъ въ полѣ—не воинъ. Клингенбергъ не могъ замѣнить своею особою всѣхъ бароновъ Ротмалеровъ, Клугеновъ, Де-Симоновъ, Данзасовъ, Клостермановъ и другихъ, вѣроятно, изъ сознанія своей неподготовленности предпочитавшихъ поддерживать свой авторитетъ исключительно одною дисциплиной и этимъ надѣявшихся избѣгнуть положенія почтеннаго Бориса Егоровича Гине, пытавшагося такъ неудачно своими скучными „нотаціями", приправленными Священнымъ Писаніемъ, воздѣйствовать на своихъ воспитанниковъ.

Исторія съ Арсеньевымъ и Креницынымъ показали намъ, какъ отразились на жизни корпуса такія отношенія между пажами и ихъ наставниками. Еще болѣе громкая исторія, случившаяся около того же времени, еще болѣе ярко показала, что для гувернеровъ или воспитателей совершенно недостаточно умѣть командовать, что если они между собою и воспитанниками воздвигнутъ стѣну въ видѣ дисциплины, то современемъ она можетъ такъ окрѣпнуть, что ни что

не пробьетъ ее и, спрятанные за нею, они ничего не будутъ видѣть, что творится по ту ея сторону.

Мы говоримъ объ извѣстномъ дѣлѣ изгнанія изъ Пажескаго корпуса поэта Баратынскаго. Этимъ дѣломъ интересовались многіе и о немъ даже было помѣщено спеціальное изслѣдованіе „Е. Баратынскій по бумагамъ Пажескаго корпуса“. Желающихъ подробно съ нимъ ознакомиться отсылаемъ къ этому изслѣдованію [45]). Здѣсь приведемъ только нѣсколько касающихся его строкъ, написанныхъ современникомъ пажемъ П. Дараганомъ и официальное донесеніе генерала Клингера Государю, сохранившееся въ дѣлахъ московскаго отдѣла архива Главнаго Штаба. П. Дараганъ пишетъ слѣдующее: „Почти всѣ сыновья аристократовъ и сановниковъ, пажи, изъ своихъ семействъ приносили въ корпусъ и укореняли тогдашній лозунгъ высшаго общества noblesse oblige и щекотливое понятіе о point d'honneur. Гордясь званіемъ пажей, они сами больше своего начальства заботились, чтобы между ними не допускался никто, на кого могла бы падать хоть тѣнь подозрѣнія въ какомъ-нибудь неблаговидномъ проступкѣ.

Не такъ страшно было наказаніе, ожидавшее виновнаго отъ начальства, какъ то отчужденіе, тотъ остракизмъ, которому неминуемо подвергался онъ среди своихъ товарищей. Во время этой опалы товарищи не приближались къ нему, не говорили съ нимъ. Только маленькіе пажи-задиры вертѣлись около него, дразнили, а онъ долженъ былъ молчать и терпѣть. Въ первое время моего пребыванія случилась извѣстная печальная исторія о пропажѣ табакерки, въ которой были замѣшаны пажи Баратынскій, впослѣдствіи поэтъ, Ханыковъ и Приклонскій. Пока шло официальное разбирательство этого дѣла, окончившееся для нихъ солдатскою шинелью, они оставались въ Пажескомъ корпусѣ, но всѣ пажи отшатнулись отъ нихъ, какъ преданныхъ остракизму нравственнымъ судомъ товарищей. Къ Баратынскому приставали мало, отъ того-ли, что считали его менѣе виновнымъ, или отъ того, что мало его знали, такъ какъ онъ былъ мало сообщителенъ, скроменъ и тихаго нрава, но много досталось отъ пажей Ханыкову, котораго прежде любили за его веселыя шутки, и Приклонскому, который былъ извѣстенъ шалостями и приставаніемъ къ другимъ“ [46]). Государю Императору доложили эту исторію въ такомъ видѣ: „Пажескаго Вашего Императорскаго Величества корпуса пажи Ханыковъ и Баратынскій, доносилъ генералъ Клингеръ: по прежнему дурному поведенію изъ корпуса къ родственникамъ ихъ не отпускались. По за-

мѣченному же въ нихъ раскаянію и исправленію въ поведеніи, начальство корпуса, къ поощренію ихъ къ дальнѣйшему исправленію, желая изъявить имъ, что прошедшіе ихъ проступки предаетъ забвенію, рѣшилось отпустить ихъ къ родственникамъ на масленицу, но они вмѣсто того, чтобы итти къ родственникамъ съ присланными за ними людьми, съ коими изъ корпуса отпущены были, пошли къ камергеру Приклонскому, по знакомству ихъ съ сыномъ его, пажемъ Приклонскимъ, и вынули у него изъ бюро черепаховую въ золотой оправѣ табакерку и 500 рубл. ассигнаціями. Директоръ корпуса, коль скоро о семъ узналъ, послалъ гофмейстера на придворный прачешный дворъ къ кастеляншѣ Фрейгангъ, у которой по порученности отъ матери находились по случаю масленицы два пажа Креницыныхъ, у коихъ, по извѣстной по корпусу между ними связи, предполагали найти и упоминаемыхъ пажей Ханыкова и Баратынскаго, какъ дѣйствительно, и оказалось. Пажи сіи, по приводѣ ихъ гофмейстеромъ въ корпусъ, посажены будучи подъ арестъ въ двѣ особыя комнаты, признались, что взяли упоминаемыя деньги и табакерку, которую изломали, оставивъ себѣ только золотую оправу, а на деньги накупили разныхъ вещей на 270 рубл., прокатили и пролакомили 180 рубл. да найдено у нихъ 50 рубл., кои вмѣстѣ съ отобранными у нихъ купленными ими вещами возвращены камергеру Приклонскому.

По важности такового проступка пажей Ханыкова и Баратынскаго, изъ коихъ первому 15 лѣтъ а другому 16 лѣтъ отъ роду, я, не приступая къ наказанію ихъ, обязанностью себѣ поставляю Вашему Императорскому Величеству всеподаннѣйше о семъ донести". На слѣдующій день по полученіи этого рапорта князь Голицынъ получилъ письмо отъ камергера Приклонскаго: „Зная совершенно христіанскія правила Вашего Сіятельства осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вамъ съ сею покорнѣйшею просьбою—пощадите несчастныхъ пажей, сдѣлавшихъ непростительную по-истинѣ шалость у меня въ домѣ, но у нихъ родственники и ихъ лѣта за нихъ ходатайствуютъ — ради Господа умоляю, Васъ, чтобы ихъ несчастію не былъ я причиною, смягчите жребій ихъ. Вездѣсущій воздастъ Самъ за нихъ—я самъ отецъ и чувствую всю тяжесть такого случая. Благодарность моя будетъ безпредѣльна".

Но это письмо не помогло. Князь Голицынъ доложилъ дѣло Государю и затѣмъ на всеподданнѣйшемъ рапортѣ генерала Клингера сдѣлалъ собственноручно такую надпись. „1816 г. 25 Февраля Высочайше указать соизволилъ Ханыкова, Баратынскаго, исключивъ изъ

Пажескаго корпуса за негодныя ихъ поступки, отдать ихъ родственникамъ съ тѣмъ, чтобы они не были принимаемы ни въ гражданскую, ни въ военную службу, развѣ захотятъ заслужить свои проступки и попросятся въ солдаты, въ такомъ случаѣ дозволяется принять въ военную службу“ [47]). Такъ рѣшилъ судьбу двухъ виновныхъ пажей Императоръ Александръ I, а не Пажескій корпусъ и не педагоги, какъ въ томъ упрекаютъ ихъ. Венгеровъ, говоритъ „пусть знаютъ педагоги, съ столь легкимъ сердцемъ выдающіе юношамъ вольные паспорта, бросающіе ихъ на произволъ всевозможныхъ неблагопріятныхъ случайностей, пусть знаютъ, что одинъ изъ очень хорошихъ русскихъ людей, одна изъ крупнѣйшихъ славъ русской поэзіи, одинъ изъ возвышеннѣйшихъ русскихъ мыслителей былъ въ пору юности просто-на-просто воришкой. Авось перестанутъ смотрѣть на всякаго провинившагося юношу, какъ на готоваго уже преступника“ [48]).

Да, въ изгнаніи виноваты были не педагоги, за то въ непредупрежденіи преступленія — безусловно они. Но можно-ли ихъ винить за это? Думается, что нельзя, въ особенности, если принять во вниманіе состояніе педагогическаго образованія того времени и отдать себѣ отчетъ въ господствующихъ тогда на этотъ счетъ идеяхъ. Правда, и директоръ корпуса Гогель и главноуправляющій Клингеръ носились съ Руссо, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Руссо прекрасно уживался у одного съ Домостроемъ, а у другого—съ палкою фридриховскаго капрала, что въ первой четверти прошлаго столѣтія отнюдь не могло считатся исключеніемъ.

Но въ этомъ то и состояло все горе, что въ ту пору Руссо и Домострой уживались—рядомъ, и только. Воздѣйствія же другъ на друга они не оказывали и никому не приходило въ голову, что, предоставляя извѣстную свободу юношамъ, необходимо направлять ихъ волю, помогать имъ нравственно рости и постоянно наблюдать за ними, чтобъ въ трудную минуту быть въ состояніи поддержать ихъ.

Тогдашніе же педагоги въ исключительныхъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ жившіе одною жизнью съ воспитанниками, умѣли требовать и карать, но не умѣли наблюдать и предупреждать.

Съ ученіемъ дѣло обстояло приблизительно такъ же, какъ съ воспитаніемъ: оно вызывало порицаніе старыхъ пажей, но не было уже такъ плохо, а только такъ представлялось имъ впослѣдствіи, что, впрочемъ, одинъ изъ нихъ, именно, графъ В. О. Адлерберъ, министръ двора, и высказалъ въ примѣчаніи къ запискамъ П. Дарагана.

„Сужденія о бывшихъ начальствующихъ лицахъ Пажескаго корпуса не совсѣмъ справедливы, пишетъ графъ: равно какъ и сужденія о преподаваніи наукъ, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что было во время моего пребыванія въ корпусѣ. Конечно, тогдашнее образованіе учениковъ стояло гораздо ниже уровня теперешняго, но всетаки оно не было такъ ничтожно, какъ говоритъ авторъ записокъ“ [49]). А. П. Дараганъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: Что же касается до научнаго образованія, то въ то время и мы, какъ и всѣ, по мѣткому изреченію Пушкина, учились „понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь“. Въ Пажескомъ корпусѣ, продолжаетъ онъ: науки преподавались безъ системы, поверхностно, отрывочно; изъ класса въ классъ пажи переводились по общему итогу всѣхъ балловъ, включая и баллы за поведеніе, и потому нерѣдко случалось, что ученикъ, не кончившій ариѳметики, попадалъ въ классъ прямо на геометрію и алгебру. Въ классѣ исторіи разсказывалось про Олегова коня и про то, какъ Святославъ ѣлъ кобылятину. Нѣсколько задачъ Войцеховскаго и формулы дифференціаловъ и интеграловъ, вызубренныя на память, составляли высшую математику. Профессоръ Бутырскій училъ русской словесности и упражнялъ насъ въ хріяхъ и другихъ реторическихъ фигурахъ. Въ первомъ классѣ у камеръ-пажей былъ даже классъ политической экономіи. „L'économie politique, читалъ морской чиновникъ эмигрантъ Тибо на французскомъ языкѣ: est une science d'après laquelle les richesses se forment, se distribuent s'accroissent ou dimunuent chez les nations; ces quatres grands phénomènes de la richesse resultent du concours de diverses circonstances qui feront le sujet des titres suivants“.—Это краснорѣчивое начало курса политической экономіи осталось у меня еще въ памяти до настоящаго времени, служа доказательствомъ того метода заучиванія наизусть, котораго держались наши педагоги.

Чиновникъ горнаго вѣдомства Вольгсмутъ читалъ намъ физику, но также безъ системы и не умѣя придать ей никакого интереса; почти каждый классъ его начинался тѣмъ, что пажи окружали его и просили, чтобъ въ слѣдующій классъ онъ показалъ фокусы.

Вольгсмутъ сердился, говорилъ, что это не фокусы, а физическіе опыты. Пажи не отставали, пока онъ не соглашался съ условіемъ, чтобы на необходимыя для этого издержки было приготовлено 3—5 рублей. Эти деньги собирались складчиной, но не иначе, какъ мѣдными. Когда на слѣдующій день въ классъ являлся Вольгсмутъ съ

пузырьками и машинками, пажи сыпали на столъ свои пятаки, а онъ, краснѣя, конфузясь, торопливо собиралъ ихъ, завязывалъ въ платокъ и пряталъ въ уголъ каѳедры. Какъ теперь вижу эту жалкую фигуру, въ черныхъ лосиныхъ панталонахъ, въ синемъ мундирѣ съ засаленнымъ, вышитымъ бархатнымъ воротникомъ и вѣчно жующаго фіалковый корень".

Приблизительно въ такихъ же краскахъ рисуетъ учебное дѣло и Гангебловъ. „Учебная часть, говоритъ онъ; страдала едва-ли не худшими недостатками; начать съ того, что большая часть учителей по своей внѣшности и своимъ пріемамъ, отзывалась какою-то чудаковатостью, напрашивалась на каррикатуру. Къ тому же ни одинъ изъ учителей не умѣлъ представить свою науку въ достойномъ ея видѣ и внушить къ ней любовь и уваженіе. Методъ ученія заключался въ тупомъ долбленіи наизусть; о какомъ-либо приложеніи къ практикѣ и помину не было; а потому, за весьма малыми исключеніями, всѣ учились не для того, чтобъ что-нибудь знать, а для того, чтобы выйти въ офицеры. Хуже всѣхъ предметовъ преподавалась исторія. Это было сухое перечисленіе голыхъ фактовъ, безъ упоминанія о нравахъ, цивилизаціи, торговлѣ и прочихъ проявленіяхъ народной жизни. Къ тому же насъ учили только русской и древней исторіи; объ исторіи среднихъ вѣковъ и новѣйшей мы не слышали. Находили достаточнымъ, если мы будемъ нѣсколько свѣдущи въ исторіи, чтобы умѣть судить о произведеніяхъ искусства, такъ какъ сюжеты для нихъ черпались въ то время преимущественно изъ древняго міра.

Въ преподаваніи допускались упущенія непозволительныя, времени терялось много, напримѣръ, въ политическихъ наукахъ, которые камеръ-пажамъ преподавалъ на французскомъ языкѣ итальянецъ Триполли, у него учились весьма плохо; а подходилъ экзаменъ—учитель раздавалъ каждому по нѣскольку особыхъ вопросовъ, мы вызубривали на нихъ отвѣты, и экзаменъ проходилъ на славу. Изъ своихъ четырехъ часовъ Триполли первые два часа отдавалъ намъ на ничегонедѣланіе, подъ предлогомъ приготовленія уроковъ, а самъ тѣмъ временемъ садился на каѳедру, углублялся въ самого себя, все что-то сочинялъ и, какъ истый итальянецъ, отчаянно жестикулировалъ, шевеля губами и устремляя взоръ то туда, то сюда, какъ бы ловя вдохновеніе.

Въ эти часы къ нему нерѣдко приходилъ старикъ Оде-де-Сіонъ, садиился подлѣ него они по-долгу бесѣдовали полушепотомъ. Надо

знать, что они оба принадлежали къ братству массоновъ, чего Триполли и не скрывалъ отъ насъ.

Риторики тоже никто не хотѣлъ знать; профессоръ словесности предпринялъ было тотъ же маневръ; чтобы выпутаться изъ бѣды, онъ раздавалъ риторику по клочкамъ, но ему это не удалось и онъ былъ накрытъ en flagrant delit. Вотъ какъ это случилось. Прежде надо сказать, что въ классахъ ученики занимали мѣста по старшинству балловъ, полученныхъ каждымъ по извѣстному предмету, и потому черезъ каждые два часа, при каждой перемѣнѣ учителя, ученики разсаживались иначе. Къ несчастію, случилось такъ, что экзаменъ по математикѣ былъ оконченъ часомъ ранѣе до выхода изъ класса. Дабы не терять времени, директоръ приказалъ позвать изъ сосѣдняго класса профессора словесности, чтобы начать экзаменъ по его предмету.

Мы сидѣли по порядку математическому, а вѣдь у профессора списокъ, по которому онъ долженъ спрашивать, расчитанъ на то, что вопросы отъ него будутъ слѣдовать порядку словесному. Какъ тутъ быть? Видимъ, дѣло плохо. Мы между собою переглянулись, перемигнулись и разомъ поднялись съ мѣстъ, чтобы пересѣсть по словесному.

— Что это, что это? спросилъ Иванъ Григорьевичъ, оторванный отъ своихъ бумагъ шумомъ нашего движенія.

— Надо, ваше превосходительство, по старшинству словесныхъ балловъ.

„Сидите такъ, это все равно“, повелѣлъ генералъ. Минутку спустя видимъ, что генералъ опять уткнулъ лицо въ бумаги, а профессоръ еще не является; мы рискнули снова.

„Да говорятъ вамъ, грянулъ генералъ: чтобы вы сидѣли смирно по прежнему. Садитесь“. На это дверь отворяется, входитъ профессоръ, онъ бодро поднялся на каѳедру, но тотчасъ же замѣчаетъ, что мы не по его сидимъ, поворачиваетъ голову къ директору и вкрадчиво что-то ему докладываетъ.

„Знаю, знаю, перебиваетъ его генералъ: да вѣдь это все равно; начинайте риторику“.

Растерянный профессоръ заглядываетъ въ свои замѣтки и возглашаетъ: господинъ такой-то!

Господинъ такой-то встаетъ изъ середины аудиторіи, отвѣчаетъ на вопросъ и отвѣчаетъ хорошо.

„Затѣмъ господинъ такой-то!“ взываетъ профессоръ. Этотъ другой поднимается съ задней лавки. Ничего, ладно отвѣтилъ.

— Да вы, Никита Ивановичъ, сказалъ съ досадой директоръ: начинайте съ перваго сидящаго, потомъ спрашивайте второго и такъ дальше, иначе мы спутаемся.

И вотъ встаетъ первый—плохо! Встаетъ второй—почти молчаніе... Одному, по счастью, попался его вопросъ и онъ отвѣчалъ бойко; затѣмъ опять плохо, плохо и такъ до конца...

Пораженіе полное! Генералъ мечетъ вопросительные взоры на профессора; этотъ, какъ обомлѣлый, молчитъ. Оде-де-Сіонъ и присутствующіе начальники шепчутся... Общее смятеніе!...

Но профессоръ все-таки остался на своемъ учительскомъ мѣстѣ въ корпусѣ“.

И неудивительно, тогда подыскать мало-мальски подходящихъ учителей было не такъ легко, какъ представлялось Гангеблову. Многое и многое приходилось имъ прощать, а тѣмъ болѣе профессору. Правда, были и такіе, которыхъ держали въ корпусѣ, что называется, изъ сердоболія, не желая обидѣть въ концѣ долголѣтней его карьеры. Къ числу такихъ принадлежалъ старикъ Лелльо, съ 1785 года, занимавшійся съ пажами французскимъ языкомъ. Но зато чего, чего только не выдѣлывали съ нимъ шалуны пажи, пользуясь его снисходительностью. „Изъ учителей, самой подходящей жертвою для шалостей оказывался учитель французскаго языка Лелльо (Leuillot), старикъ 78 лѣтъ, вовсе не умѣвшій держать себя“, пишетъ про него А. С. Гангебловъ.

„Нашими шалостями и невниманіемъ къ его урокамъ мы довели его до такой крайности, что онъ заключилъ съ нами договоръ, въ силу котораго было соглашено, что въ два его утреннихъ урока въ недѣлю учиться, а въ третій послѣобѣденный—веселиться, для чего и назвать этотъ классъ вечеринкой. Что только не вытворялось на этихъ вечеринкахъ, уму непостижимо! Произносились похвальныя въ честь старика рѣчи, пѣлись гимны, раздавались залпы отъ разомъ опущенныхъ крышекъ пюпитровъ; то и дѣло, что съ разными кривляньями и прибаутками попарно подносились ему открытыя табакерки, изъ которыхъ онъ бралъ щепотку. И на все это старикъ преважно раскланивался. Подъ конецъ урока ему представляли табакерку едва-ли не съ тарелку величиною, съ портретомъ Рюрика, на которую указывали ему, какъ на рѣдкій антикъ, ссылаясь, что когда эту табакерку показали учителю исторіи Струковскому и спросили:—Василій

Ѳеодоровичъ, похожъ Рюрикъ? — тотъ будто-бы вскричалъ: — Какъ теперь вижу!“ Эти вечеринки обыкновенно заключались обрядомъ наполненія изъ этого Рюрика трехъ табакерокъ Лелльо, которыя, надо думать, онъ нарочно для этого приносилъ“.

Несерьезное, полушутливое отношеніе къ занятіямъ проглядывало и на урокахъ другихъ преподавателей, даже и на урокахъ Закона Божьяго. „Даже и священника, человѣка серьезнаго, не щадили и при случаѣ хитро подымали на смѣхъ, напр., когда подъ его диктовку мы писали въ свои тетради, говоритъ тотъ же Гангебловъ: онъ диктуетъ, мы пишемъ, повторяя вполголоса послѣднее его слово, какъ бы давая знать, что оно уже написано. Напримѣръ, онъ произноситъ: „во спасеніе души“ — ... души, батюшка, души, повторяютъ пишущіе, возвышая голосъ. Или: „бесѣдованіе съ Богомъ“.— ... Съ Богомъ, батюшка, съ Богомъ,—какъ бы напутствуютъ священнику, чтобы онъ шелъ домой“.

Виною жалкой постановки учебнаго дѣла былъ въ значительной мѣрѣ инспекторъ классовъ полковникъ Оде-де-Сіонъ, по замѣчанію П. Дарагана, „любившій болѣе хорошее вино, хорошій обѣдъ и свою масонскую ложу, въ которой онъ занималъ мѣсто великаго мастера, и иногда, въ послѣобѣденные часы, передъ тѣмъ, чтобы отправляться въ ложу, приходившій въ классы, гдѣ не было учителя, чтобы подремать на каѳедрѣ“.

Былъ онъ, какъ мы знаемъ человѣкъ не русскій, но, чего мы не знаемъ и что свидѣтельствуетъ Гангебловъ, былъ онъ вывезенъ изъ Швейцаріи Суворовымъ для воспитанія его сына и, прослуживъ лѣтъ двадцать въ русской службѣ, тѣмъ не менѣе не умѣлъ связать двухъ словъ по-русски.

Карлъ Осиповичъ Оде-де-Сіонъ.
Инспекторъ классовъ.

Принадлежность Оде-де-Сіона къ массонамъ подтверждается и спискомъ членовъ масонской ложи Астреи, въ числѣ которыхъ красуется его фамилія съ припиской „colonel inspecteur du corps des pages“ [50]).

Отношенія его къ Суворову, хотя не прямо, но косвенно подтверждаются просьбой графини Зубовой, дочери Суворова, разрѣшить ея сыновьямъ жить у него и оттуда ходить въ классы. Въ

видѣ особаго исключенія, эта просьба была удовлетворена Государемъ [51]).

Наконецъ, его незнаніе русскаго языка подтверждается ежемѣсячными списками des negligents et des diligents, подаваемыми имъ директору и рапортами, писанными на томъ же языкѣ.

Если принять все это во вниманіе, то не придется удивляться тому, что дѣло образованія пажей не шло такъ успѣшно, какъ оно могло бы итти даже и въ то время.

Оде-де-Сіонъ, конечно, и не думалъ придать ему хоть какую-нибудь организацію. Слѣдовъ ея, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ корпуса не осталось никакихъ. Единственнымъ памятникомъ его дѣятельности являются вышеупомянутые ежемѣсячные списки и списки экзаменныхъ балловъ пажей, представляемыхъ въ камеръ-пажи, а камеръ-пажей, представляемыхъ къ выпуску, и обязательныя представленія учителей къ наградамъ, пенсіямъ, рапорты директору о томъ, что то или другое лицо допущено къ преподаванію въ корпусѣ.

А между тѣмъ выборъ учителей и ихъ опредѣленіе, повидимому, зависѣло всецѣло отъ него: и директоръ и главноуправляющій въ это дѣло мало вмѣшивались.

Кого-же онъ выбиралъ: во-первыхъ, какъ мы видѣли, онъ не удалялъ тѣхъ, которыхъ засталъ въ корпусѣ, правда, изрѣдка съ ними ссорился, но, какъ истый массонъ, и быстро мирился, а затѣмъ прислушивался къ чужимъ отзывамъ и, не полагаясь на свой выборъ, принималъ тѣхъ, за которыми устанавливалась извѣстная репутація.

Составъ ихъ былъ чрезвычайно пестрый и похвастаться аристократическимъ происхожденіемъ они отнюдь не могли, но зато по тогдашнему времени они безусловно были люди образованные и даже ученые, возьмемъ хотя бы для примѣра адъюнктъ-профессора Бутырскаго, такъ неудачно захотѣвшаго подражать итальянцу Триполли. Никита Бутырскій изъ духовнаго званія поступилъ сначала въ коломенскую (потомъ переименованную въ тульскую) семинарію, затѣмъ онъ пошелъ въ учительскую гимназію, позднѣе обращенную въ педагогическій институтъ и, наконецъ, преобразованный въ петербургскій университетъ. Кончивъ эту гимназію, онъ опредѣлился учителемъ словесности въ первый кадетскій корпусъ, а черезъ годъ и въ Пажескій корпусъ. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время, онъ съ нимъ разстался съ тѣмъ, чтобъ ѣхать заграницу, куда его послали для усовершенствованія въ наукахъ въ Гётингенскій университетъ. По возвращеніи от-

туда онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ и въ тоже время принялся за прерванныя занятія съ пажами.

Другой чудакъ, физикъ-фокусникъ Иванъ Николаевичъ Вольгсмутъ, сынъ иностраннаго художника, былъ студентомъ въ горномъ корпусѣ, откуда и поступилъ учителемъ въ тотъ-же первый кадетскій корпусъ и преподавалъ въ немъ статику, механику и гидравлику. Черезъ три года послѣ своего опредѣленія въ 1-ый корпусъ Вольгсмутъ попалъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ его преподаваніе настолько обратило на себя вниманіе начальства, что онъ въ награду получилъ брилліантовый перстень.

Недовольствуясь этимъ онъ рѣшился издать для воспитанниковъ физику и издалъ ее. Вѣроятно, составленіе учебника окончательно утвердило за нимъ репутацію знающаго преподавателя и онъ былъ приглашенъ читать физику Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ.

Преподаватель исторіи Василій Ѳеодоровичъ Струковскій, который, по увѣренію Гангеблова, когда ему показали табакерку съ изображеніемъ Рюрика, и спросили похожъ ли, воскликнулъ: „Какъ сейчасъ вижу“,—происходилъ, какъ и Бутырскій, изъ духовнаго званія, какъ онъ кончилъ курсъ въ духовной семинаріи, но не въ тульской, а въ тверской, затѣмъ былъ гимназистомъ, послѣ чего получилъ званіе младшаго учителя математическихъ и словесныхъ наукъ. Черезъ 2 года мы его встрѣчаемъ преподавателемъ исторіи и географіи въ академической гимназіи. Еще черезъ два Струковскій покинулъ академическую гимназію и черезъ годъ послѣ выхода изъ нея былъ опредѣленъ преподаватемъ географіи, исторіи и статистики въ Пажескій корпусъ. Въ то же время онъ поступилъ на службу и въ Морской корпусъ.

Иванъ Петровичъ Ананскій.
(Изъ альбома Мухина).

Преподаватель ариѳметики, алгебры и геометріи Иванъ Петровичъ Ананскій, тоже изъ духовнаго званія, окончилъ педагогическій институтъ, откуда и поступилъ преподавателемъ въ военно-сиротскій домъ и затѣмъ уже учителемъ въ Пажескій корпусъ.

Второй учитель словесности, Дмитрій Петровичъ Драницынъ, опять-таки вышелъ изъ духовнаго званія, окончилъ тверскую семи-

нарію, педагогическій институтъ и до своего опредѣленія въ Пажескій корпусъ занимался преподаваніемъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Иванъ Савельевичъ Фроловъ, повидимому, преподаватель младшихъ классовъ русскаго языка и ариѳметики, изъ унтеръ-офицерскихъ дѣтей, поступилъ, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ, въ Морской корпусъ въ 1 отдѣлъ, т. е. въ одно изъ тѣхъ отдѣленій, устроенныхъ при корпусахъ, въ которыхъ солдатскія дѣти подготовлялись къ учительству. О немъ мы уже говорили въ первой главѣ. Въ этомъ же корпусѣ, по окончаніи курса наукъ, его и назначали преподавателемъ. Послѣ двухъ лѣтъ учительской практики, онъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ учителемъ ариѳметики и россійскаго языка. Не могли зато, повидимому, похвастаться хотя бы какимъ-нибудь образованіемъ преподаватели иностранныхъ языковъ. Всѣ эти Лелльо, Левенсоны, Жонсоны, Катерфельды, Турне, Дебоны и другіе, очевидно, попали въ Россію случайно и затѣмъ не менѣе случайно посвятили свои плохія силы педагогическому дѣлу. Изъ иностранцевъ, подвизавшихся въ Пажескомъ корпусѣ, самымъ образованнымъ былъ ловкачъ Иванъ Антоновичъ Триполли, но зато онъ и преподавалъ, какъ значится въ его послужномъ

Дмитрій Петровичъ Дранишинъ.
(Изъ альбома Мухина).

спискѣ, „политику“. Неаполитанскій уроженецъ, сынъ адвоката, онъ какъ то сразу попалъ въ Морской корпусъ преподавателемъ словесности (интересно только знать—какой? но объ этомъ послужной его списокъ ничего не говоритъ). Затѣмъ онъ устроился переводчикомъ латинскаго, французскаго и итальянскаго языковъ въ адмиралтейской коллегіи и, уже послѣ этого, преподавателемъ политическихъ наукъ въ Пажескомъ корпусѣ. Какъ онъ ихъ преподавалъ здѣсь, мы кое-что уже знаемъ объ этомъ. Не думается намъ, что въ Морскомъ корпусѣ онъ практиковалъ иные методы, однако, официальные цѣнители его трудовъ отличили его. Тамъ, ему дали брилліантовый перстень и Владиміра 4 степени.

Что касается второстепенныхъ предметовъ, того что теперь принято называть внѣклассными занятіями, то они находились въ рукахъ частью спеціалистовъ и, надо думать, подготовленныхъ, а частью, въ случайныхъ рукахъ.

Такъ, рисованіе преподавалъ одно время сынъ придворнаго служителя, нѣкій Ефимъ Петровичъ Сорокинъ, кончившій курсъ въ академіи художествъ.

Чистописанію—бывшій копіистъ, канцеляристъ и затѣмъ канцелярскій служитель Иванъ Петровичъ Венцель, сынъ живописца нѣмецкаго цеха и нѣкій Станкевичъ, Назаръ Осиповичъ, сынъ бывшаго кіевскаго коменданта, избравшій своею спеціальностью каллиграфію.

Танцамъ—артистъ Императорскихъ театровъ, нѣкій Дмитрій Михайловичъ Балашовъ, купеческій сынъ.

О военныхъ предметахъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Судя по подполковнику Лебедеву, преподававшему артиллерію и по барону Ротмалеру, читавшему тактику и практическую геометрію, надо думать, что за спеціалистами не очень гонялись.

Подполковникъ Лебедевъ началъ свою службу въ московскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія канцеляристомъ, затѣмъ какими-то судьбами попалъ кондукторомъ въ инженерное вѣдомство, здѣсь онъ дослужился до чина маіора, послѣ чего перешелъ въ инженеры путей сообщенія, гдѣ, однако, пробылъ недолго, вскорѣ онъ перевелся въ прежнее свое вѣдомство. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ служебныхъ перипетій онъ добрался до тихой пристани—сдѣлался преподавателемъ артиллеріи въ Пажескомъ корпусѣ.

Баронъ Ротмалеръ началъ свою карьеру въ императорской австрійской службѣ поручикомъ, изъ которой попалъ тѣмъ же чиномъ на русскую. Гдѣ и чему онъ обучался—неизвѣстно. Извѣстно только, что въ послужномъ его спискѣ значилось, что онъ знаетъ французскій, нѣмецкій, итальянскій и англійскій языки и „въ русскомъ достаточныя пріобрѣлъ свѣдѣнія“, но врядъ ли достаточныя для того, чтобы удобопонятно и ясно излагать свой предметъ, прибавимъ отъ себя, чѣмъ, впрочемъ, въ тѣ добрыя старыя времена не очень смущались, надѣясь на то, что такъ или иначе воспитанники поймутъ его, а если не поймутъ, то выучатъ наизусть, не понимая, но во всякомъ случаѣ на экзаменѣ что-нибудь отвѣтятъ [52]).

Однако, было бы грѣшно сваливать всю вину неуспѣха учебнаго дѣла на почтеннѣйшаго Оде-де-Сіона. Конечно, онъ и его не-

знаніе русскаго языка были причиною того, что дѣло велось безъ системы и безъ всякой руководящей идеи, но кромѣ этого была еще другая и еще болѣе важная причина, которая мѣшала правильной постановкѣ учебныхъ занятій. Причина эта вліяла неблагопріятно не на одинъ Пажескій корпусъ, а и на другія военно-учебныя заведенія, но въ немъ она сказывалась съ особенною рѣзкостью. Мы говоримъ о той сословной розни, которая существовала между учениками и учителями. Насколько она была велика, не трудно убѣдиться, сопоставивъ только-что приведенныя краткія біографическія данныя о преподавателяхъ съ фамиліями ихъ учениковъ—Толстыхъ, Трубецкихъ, Гагариныхъ, Горчаковыхъ, Салтыковыхъ, Чернышевыхъ, Витгенштейновъ, Зубовыхъ и другихъ.

Иванъ Ивановичъ Жонсонъ.
Преподаватель нѣмецкаго языка.
(Изъ альбома Мухина).

А насколько такая сословная рознь должна была сказываться во взаимныхъ отношеніяхъ учащихъ и учащихся, въ этомъ тоже легко убѣдиться, если вспомнить то, что мы выше говорили о положеніи педагога въ обществѣ, и сопоставить съ слѣдующими фактами. „Желая оказать вниманіе профессору, высокопоставленное лицо назначало ему являться къ обѣду по воскресеньямъ и во время обѣда супруга хозяина удостоивала спросить гостя, откуда онъ родомъ. Въ благодарность за такое благоволеніе, профессоръ, уловивъ удобный моментъ, почтительнѣйше изъявлялъ какую-нибудь ученую остроту, вызывавшую снисходительную улыбку высокопоставленной особы. Въ лучшемъ случаѣ, хозяинъ удостоивалъ обнаружить передъ гостемъ, что и ему не чуждо образованіе. „Не люблю его, бестію, выражался, напримѣръ, вельможа о Вольтерѣ: а пріятно пишетъ“ и ученый гость спѣшилъ припомнить, что гдѣ-то про Вольтера сказано: „il lit un livre, puis il le fait“.—Это очень вѣрно замѣчено, одобрялъ вельможа—и профессоръ уходилъ съ обѣда, унося съ собою благодарное воспоминаніе о соприкосновеніи съ этимъ высшимъ міромъ: разсказы о высокихъ качествахъ ума и сердца благосклоннаго вельможи, объ его палатахъ

и костюмѣ долго послѣ того жили въ семействѣ обласканнаго ученаго, вмѣстѣ съ подлинными остротами вельможей и его застольными анекдотами о Потемкинѣ и о самой царицѣ“ [53]).

Дворянинъ студентъ къ такому профессору относился такъ, какъ это всего рельефнѣе выступаетъ въ случаѣ съ М. Ю. Лермонтовымъ. „Въ моей библіотекѣ всѣ послѣднія европейскія новости; до васъ, господинъ профессоръ, это еще не дошло“ отвѣтилъ нашъ великій поэтъ экзаменатору, когда тотъ полюбопытствовалъ узнать, откуда взялъ студентъ лишнія сравнительно съ лекціями свѣдѣнія.

М. де-Бонъ.
Учитель французскаго языка.
(Изъ альбома Мухина).

Если такъ относилось общество къ профессорамъ, то какъ же могли относиться мальчишки къ своимъ учителямъ, когда они знали, что учителя—это что-то еще болѣе низшее, чѣмъ профессора. И они ихъ, что скрывать правду, не уважали, что тѣ отлично чувствовали, а потому и не знали—какой взять съ ними тонъ, какъ поставить себя. Къ этому присоединялось еще и другое обстоятельство: полное отсутствіе знакомства преподавателей съ психическими и физіологическими особенностями учениковъ вообще и, въ частности, учениковъ разныхъ возрастовъ. Для нихъ это было все иксы, настоящее значеніе которыхъ они не могли опредѣлить и которыхъ они побаивались, зная, что за спинами ихъ находятся высокостоящіе въ служебной іерархіи отцы, дяди и дѣдушки.

Такимъ образомъ, получалось довольно таки странное положеніе: ученикъ считалъ себя въ душѣ несравненно выше учителя и, скрѣпя сердце, покорялся необходимости на нѣкоторое время подчиняться ему и получать отъ него то, чего онъ еще не имѣлъ и что для успѣха дальнѣйшей его службы надо было имѣть—т. е. образованіе. Учитель въ душѣ вполнѣ признавалъ соціальную рознь, отдѣляющую его отъ учениковъ и потому робѣлъ передъ ними и пускался, какъ мы видѣли, на разныя неблаговидныя сдѣлки. Подобныя ненормальныя отношенія между учащими и учащимися выработались исторически и основою своею имѣли крѣпостное право. Иными быть въ описываемое

нами время они не могли—съ ними приходилось мириться. Измѣнить ихъ могла хорошая педагогическая подготовка преподавателей, подъ который мы, главнымъ образомъ, подразумѣваемъ глубокое знаніе природы ученика и его нравственныхъ и физическихъ свойствъ, но о такой подготовкѣ врядъ-ли кто-либо тогда и мечталъ на Руси.

А пока-что, преподаватели отбывали свою повинность, а ученики свою. Тѣ же изъ нихъ, въ которыхъ просыпалась жажда знаній, и при такихъ незавидныхъ условіяхъ находили возможность удовлетворить ее. „Изъ пажей, которые не были лѣнтяями, составлялись маленькіе кружки, отъ двухъ до четырехъ человѣкъ, для приготовленія уроковъ“, узнаемъ мы изъ не разъ уже упоминаемыхъ записокъ Гангеблова. Этимъ кружкамъ многіе пажи и были обязаны своимъ развитіемъ и тому, что и впослѣдствіи, по выходѣ изъ корпуса, они стремились пополнить свое образованіе и оказывались на высотѣ тѣхъ разнообразныхъ положеній, въ которыя ихъ ставила судьба.

Ефимъ Петровичъ Сорокинъ.
(Изъ альбома Мухина).

Изъ одного изъ такихъ кружковъ вышелъ извѣстный министръ путей сообщенія К. Чевкинъ.

Если въ образовательномъ отношеніи корпусъ являлся только для нѣкоторыхъ внѣшнимъ толчкомъ для пробужденія природной любознательности и стремленія къ самообразованію, то въ воспитательномъ отношеніи онъ былъ для всѣхъ школою дисциплины, гдѣ закаливался характеръ двоякимъ образомъ: офиціально—предъявленіемъ требованій воинской дисциплины и, такъ сказать спеціально — самими пажами. Офиціальная дисциплина, какъ сравнительно она слаба ни была, все-таки постепенно превращала пажа - придворнаго временъ Екатерины въ пажа-воина. Что такое превращеніе совершалось медленно, свидѣтельствуетъ все тотъ же уже хорошо намъ извѣстный пажъ Гангебловъ. „Камеръ-пажу предоставлялось право свободнаго выбора полка, въ которомъ онъ желалъ служить, но обоимъ Великимъ Князьямъ это не нравилось и какъ только становилось извѣстно, что отъ выпускныхъ уже требуютъ, чтобъ для пред-

ставленія Государю они заявили свои желанія на этотъ счетъ, Великіе Князья полушутя, полустрого предупреждали насъ, чтобъ никто изъ насъ и не думалъ выходить въ ихъ полки. Не всѣ же, однако, камеръ-пажи преклонялись передъ такими угрозами, иные твердо стояли на своемъ правѣ.

Недоразумѣнія эти не совсѣмъ были еще улажены, какъ въ какой-то парадный день пришлось служить у обѣда мнѣ и еще тремъ камеръ-пажамъ, въ томъ числѣ и графу Ламздорфу. Только-что встали изъ-за стола, Николай Павловичъ, повернувшись къ намъ, повторилъ свою угрозу: „Смотри-же, я объявилъ, ко мнѣ— никто, и всѣмъ другимъ скажите отъ меня тоже. Да, сказалъ онъ, посмотрѣвъ на меня: вѣдь ты служилъ при женѣ. Въ такомъ случаѣ, приглашаю къ себѣ, въ Измайловскій". Возлѣ меня стоялъ Ламздорфъ сынъ бывшаго его воспитателя. „И тебя, Ламздорфъ, тоже; больше никого, всѣмъ объявите". Чѣмъ же камеръ-пажи не угодили Великимъ Князьямъ? Замѣчаній, а тѣмъ болѣе выговоровъ, они намъ никогда не дѣлали и обращались съ нами всегда ласково. Одинъ только разъ Михаилъ Павловичъ отозвался о насъ неодобрительно, да и то ничѣмъ не пояснилъ своего неодобренія. Въ то время въ Павловскѣ находился молодой прусскій принцъ (впослѣдствіи Императоръ Вильгельмъ).

Матвѣй Петровичъ Лебедевъ.

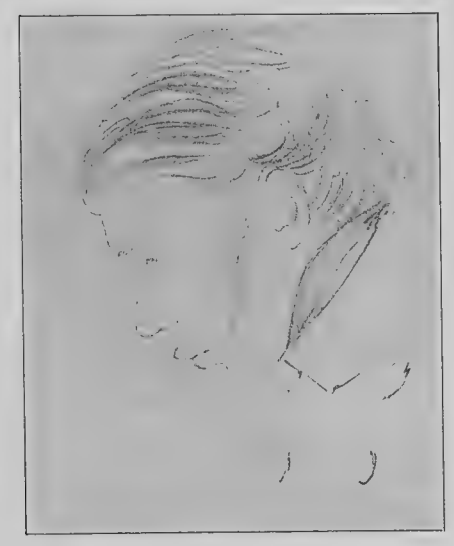
Въ комнату, гдѣ мы ожидали государыню, вошли принцъ и Михаилъ Павловичъ; послѣдній, указывая на насъ, сказалъ принцу: Je vous recommande ces messieurs comme des gens gâtés. Figurez vous ils mangent ce que nous mangeons.

„И, дѣйствительно, кто теперь повѣритъ, что пажамъ тоже подавалось къ обѣду и къ ужину по 5 блюдъ, а завтракъ каждый устраивалъ себѣ по состоянію. Казна отпускала такъ называемую франзоль, которую грызли только неимущіе пажи, богатымъ же сервировался комфортабельный завтракъ".

Что начальство прилагало хотя, можетъ быть, и не очень большія усилія но все же усилія для того, чтобы ускорить превращеніе пажа-придворнаго въ пажа-воина, объ этомъ мы можемъ заключить изъ записокъ другого намъ извѣстнаго пажа П. Дарагана.

„По окончаніи утреннихъ уроковъ, говоритъ онъ: въ 12 часовъ собирались пажи въ небольшую рекреаціонную залу, строились по отдѣленіямъ, приходилъ очередной ежедневный караулъ изъ 10 пажей, барабанщика и камеръ-пажа, являлся Клингенбергъ и дѣлалъ разводъ по всѣмъ правиламъ тогдашней гарнизонной службы. Карауломъ командовалъ дежурный по корпусу камеръ-пажъ. Это было единственное фронтовое образованіе пажей. Не было ни одиночной выправки, ни ружейныхъ пріемовъ, ни маршировки, кромѣ маршировки въ столовую, причемъ пажи немилосердно топали ногами. Правда, лѣтомъ одинъ мѣсяцъ посвящали обученію фронта—но это было больше для камеръ-пажей, которые, какъ офицеры, командуя маленькими взводами въ 5 рядовъ, съ большимъ стараніемъ изучали тогдашній мудреный строевой уставъ и всѣ трудныя деплояды съ контръ-маршемъ и построеніе анэшикье“. Стараніе начальства объяснялось въ особенности тѣмъ, что съ 1811 года Императоръ Александръ, установилъ фронтовой экзаменъ для выпускныхъ пажей. Вотъ что по этому поводу 21 Января 1811 г. писалъ генералу Клингеру кн. Голицынъ.

„Государь Императоръ Высочайше мнѣ указать соизволилъ сообщить Вашему Превосходительству, дабы Вы объявили всѣмъ обучающимся въ Пажескомъ корпусѣ, что впредь удостоеніе камеръ-пажей по экзамену къ выпуску въ гвардію офицерами, хотя основано будетъ на тѣхъ же самыхъ правилахъ, какія доселѣ были наблюдаемы, т. е. что преимущество ихъ передъ другими опредѣлится большинствомъ экзаменныхъ балловъ, означающихъ успѣхи ихъ въ наукахъ, но при всемъ таковомъ отличіи они будутъ послѣ экзаменованы въ фронтовой службѣ, и ежели кто изъ нихъ окажется въ оной не знающимъ, тотъ не будетъ назначенъ въ выпускъ, ибо Его Величеству благоугодно, чтобы успѣхи камеръ-пажей и пажей въ преподаваемыхъ имъ наукахъ непремѣнно соединены были вмѣстѣ съ знаніемъ и фронтовой службы и чтобы отнюдь обучающіеся въ Пажескомъ корпусѣ не думали, что они будутъ



Петръ Яковлевичъ Колмаковъ.
Преподаватель ситуаціи.
(Изъ альбома Мухина).

представляемы къ выпуску иначе, какъ по количеству балловъ, дающихъ имъ на оное право[54]).

Угроза, заключающаяся въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи, въ скоромъ времени была приведена въ исполненіе: въ томъ же году, 14 Декабря, камеръ-пажъ Ушаковъ, выдержавшій экзаменъ по наукамъ вторымъ послѣ Пестеля, и Оде-де-Сіонъ были отставлены отъ производства. Экзаменъ произвелъ самъ Государь, о чемъ говорилъ въ своемъ дневникѣ пажъ Толстой. Впопыхахъ прибѣжавъ домой съ радостною надеждою быть произведеннымъ въ камеръ-пажи на открывшуюся послѣ выпуска вакансію онъ записалъ едва разборчивымъ почеркомъ: L' Empereur examina les pages de la chambre dans l'exercice et fit sortir 6 d'entre eux comme enseigne au regiment des gardes de Lithauanie nouvellement formé. Il laissa Sion et Ouchakoff pour les examiner une autre fois[55]). Вотъ этотъ, впервые произведенный неизвѣстно гдѣ, фронтовой экзаменъ и послужилъ основаніемъ слуху, переданному въ „Матеріалахъ по исторіи Пажескаго корпуса“ графа Г. Милорадовича и оттуда попавшему во „Всемірную Иллюстрацію“,—что будто-бы Государь самъ экзаменовалъ по наукамъ выпускъ 1811 г., весь произведенный въ тогда только-что сформированный Л.-гв. Литовскій полкъ[56]).

Исторія съ Оде-де-Сіономъ и съ Ушаковымъ заставила всѣхъ держать ухо востро и стараться по фронтовой части, заботу о процвѣтаніи которой Государь не оставилъ и впослѣдствіи: онъ приказалъ прикомандировывать выпускныхъ камеръ-пажей къ 2-му кадетскому корпусу.

Закаливаніе характера, производившееся старшими воспитанниками, нельзя сказать, чтобъ отличалось мягкостью и особымъ тщательнымъ выборомъ подходящихъ для этого средствъ. „Звонокъ колокольчика возвѣстилъ окончаніе классовъ; всѣ собрались въ рекреаціонную залу „на разводъ“, вспоминаетъ впечатлѣнія первыхъ своихъ шаговъ въ Пажескомъ корпусѣ Гангебловъ: а послѣ развода, съ крикомъ, гвалтомъ и, перегоняя другъ друга, бросились бѣжать въ садъ. Ко мнѣ подошли нѣсколько одного возраста со мною дѣтей, обласкали меня и въ саду, усадивъ меня на скамью, стали меня знакомить съ моимъ новымъ положеніемъ. Это меня очень радовало: все же я имѣлъ руководителей, все же былъ не какъ въ лѣсу. Но недолго была эта радость, являются три новые господина постарше меня, нѣсколько иначе одѣтые, съ фуражками того же цвѣта, какъ у другихъ (въ тѣхъ же сюртукахъ, но съ полами,

назадъ пристегнутыми, съ отвороченными воротниками и въ фуражкахъ, вывороченныхъ на изнанку). Они разгоняютъ моихъ маленькихъ друзей, объявляютъ мнѣ, что они зубные врачи и присланы отъ начальства осмотрѣть мои зубы, дабы по нимъ опредѣлить—способенъ ли я къ военной службѣ. Не долго думая, два изъ нихъ схватили меня—одинъ за голову, другой за руки, а третій, вынувъ изъ кармана какой-то инструментъ и велѣвъ раскрыть ротъ, принялся по зубамъ моимъ хозяйничать и вскорѣ дохозяйничался до крови. Я плакалъ, кричалъ, на крикъ мой прибѣжалъ дежурный по караулу камеръ-пажъ. Догадавшись въ чемъ дѣло, онъ распекъ и разогналъ моихъ дантистовъ; главнаго изъ нихъ оставилъ безъ обѣда, а двухъ его помощниковъ безъ жаркого и пирожнаго. По удаленіи моихъ мучителей прежніе добрые мальчики не замедлили ко мнѣ возвратиться. Они меня успокаивали, они говорили, что это не болѣе, какъ шутки, не болѣе, какъ испытаніе, да испытаніе то это обошлось мнѣ дешево; съ другими новенькими и не то бываетъ. Вотъ, напримѣръ, съ Санъ-Лораномъ: того судомъ судили за какую-то будто-бы неисправность въ его бумагахъ и приговорили спустить въ боченкѣ съ лѣстницы! Такъ и сдѣлали: заранѣе приготовивъ, что было нужно, судьи уложили его въ боченокъ, обмотавъ прежде голову полотенцемъ, боченокъ заколотили и при крикахъ ура скатили съ деревянной лѣстницы, что ведетъ въ нижній этажъ, т. е. въ первое отдѣленіе.

Спустя нѣкоторое время я совсѣмъ привыкъ къ новой жизни, а одно обстоятельство не только заставило моихъ сверстниковъ меня полюбить, но и обратило ко мнѣ всеобщее доброе расположеніе. Прежде надо сказать, что въ корпусѣ я засталъ хоръ духовнаго пѣнія, составленный изъ голосовъ 15—16, подъ регентствомъ старшаго изъ князей Гагариныхъ. Черезъ десять дней по моемъ вступленіи въ корпусъ, именно въ день храмового праздника нашей церкви, пѣніе за обѣдней отправлялось не домашними, однако-же, пѣвчими, а приглашенъ былъ для этого лучшій въ то время въ столицѣ хоръ пѣвчихъ. А. М. Дуденскаго. До этого времени я никогда не слыхалъ музыки, не имѣлъ понятія о томъ, что такое сочетаніе звуковъ, но съ той поры непрерывная струя гармоніи не покидала моей головы. Въ воскресенье той же недѣли, когда пажи были въ роспуску по домамъ, я уединился въ пустой рекреаціонный залъ. Недавно слышанное мною хотѣло какъ-нибудь выразиться и я до того

забылся, что и не слыхалъ, какъ меня подслушали. Узнавъ про это, Кн. Гагаринъ и завербовалъ меня въ свой хоръ. Съ тѣхъ поръ я остался общимъ любимцемъ, сталъ еще смѣлѣе и какъ бы выбрался изъ лѣсу на просторъ“ [57]).

К. Колманье.
Преподаватель рисованія.
(Изъ альбома Мухина).

Такимъ образомъ, голосъ спасъ Гангеблова отъ еще большаго количества пиньковъ, которыми кормили менѣе счастливыхъ его товарищей до тѣхъ поръ, пока они сами не научались давать ихъ, что служило непреложнымъ доказательствомъ ихъ самостоятельности и независимости и обезпечивало признаніе за ними въ нѣкоторомъ родѣ правъ гражданства въ корпусѣ. Но на этомъ не кончалось самовоспитаніе пажей, наоборотъ, этимъ оно только начиналось. Признавъ право гражданства за тѣмъ или другимъ вновь поступившимъ пажемъ, убѣдившись, что онъ сумѣлъ себѣ завоевать среди нихъ извѣстное положеніе, старшіе товарищи да и сотоварищи слѣдили за тѣмъ, чтобъ онъ оставался вѣренъ традиціямъ того общества, къ которому они всѣ принадлежали. Конечно, эти традиціи они понимали по своему, такъ, какъ допускалъ это ихъ несовершенный юношескій умъ. Въ этомъ и состояла слабая сторона такого самовоспитанія. На практикѣ получалась такая картина: идеалъ, взятый изъ среды, изъ которой вышли пажи, искажался въ неразвившихся мозгахъ, и въ такомъ видѣ предъявлялся пажами - воспитателями ихъ младшимъ товарищамъ для руководства. Отъ нихъ требовалось, чтобъ они всѣ усилія своей воли направляли на достиженіе его, что, несомнѣнно, вырабатывая характеръ, въ то же время принуждало руководиться идеаломъ весьма невѣрнымъ.

Но иначе быть не могло. Неподготовленность гувернеровъ, о которыхъ мы уже говорили и на которыхъ собственно лежала задача постановки соотвѣтственнаго идеала, и заботы о томъ, чтобъ пажи къ нему стремились, исключала всякую возможность вліянія съ ихъ стороны и вынуждала обходиться безъ нихъ. Такое положеніе вещей могло имѣть очень плачевные результаты, если бы не одно благопріятное обстоятельство, а именно то, что большинство пажей, и притомъ

громадное большинство, поступало очень поздно въ корпусъ и пробывало въ немъ года два, рѣдко три, а нѣкоторые выдерживали въ немъ только выпускной экзаменъ. Вслѣдствіе этого, пажи подвергались въ очень слабой степени вліянію корпуса и скорѣе испытывали хорошія стороны этого вліянія, — т.-е. изъ изнѣженной домашней обстановки на нѣкоторое время попадали, правда, по внѣшности въ тоже довольно изнѣженную обстановку, но зато по внутреннимъ своимъ условіямъ въ очень суровую, въ особенности полезную для маменькиныхъ сынковъ.

Слѣдовательно, въ общемъ, пажи, выходя большею частью изъ высшей служилой среды, носительницы европейскаго просвѣщенія, которое тогда необходимо было распространять вездѣ и которое они усваивали себѣ, главнымъ образомъ, дома, въ корпусѣ получали въ образовательномъ отношеніи толчокъ для самообразованія, а въ воспитательномъ нѣкоторый закалъ воли и, какъ мы сейчасъ увидимъ, во время камеръ-пажеской службы при дворѣ свѣтскую полировку, а также укрѣплялись въ безграничной любви къ царю и его семьѣ, которая въ самодержавномъ государствѣ есть одна изъ великихъ двигательныхъ силъ. Послѣ сказаннаго понятно, что, по выходѣ изъ корпуса, въ особенности, если еще принять во вниманіе наслѣдственное предрасположеніе пажей къ службѣ и тогдашнюю постановку учебнаго и воспитательнаго дѣла въ Россіи, вообще мало чѣмъ отличавшагося отъ того, съ которымъ мы только-что познакомились,—пажи явились для правительства вполнѣ желанными сотрудниками, услугами которыхъ оно съ удовольствіемъ пользовалось на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности.

Андрей Петровичъ Пятунинъ.
Преподаватель исторіи и географіи.
(Изъ альбома Мухина).

Нельзя, конечно, отрицать, что служебныя связи помогали воспитанникамъ корпуса быстро подвигаться впередъ по служебной лѣстницѣ, но не одно это создавало изъ нихъ высшихъ сановниковъ. Повторяемъ, большинство изъ нихъ занимало высокія положенія потому, что по своей подготовкѣ, по своимъ взглядамъ, по своимъ чувствамъ и по своему характеру отвѣчало тому понятію, которое

создало себѣ правительство о государственномъ дѣятелѣ и котораго оно тогда твердо держалось: что преданный Престолу умный, европейски образованный человѣкъ можетъ быть хорошимъ слугою своего отечества на какомъ-угодно поприщѣ.

Но прежде, чѣмъ покинуть корпусъ и пуститься, выражаясь поэтически, по произволу капризныхъ волнъ житейскаго моря пажъ, послѣ прохожденія всѣхъ классовъ, которыхъ къ концу царствованія Императора Александра, какъ извѣстно, стало 7, поступалъ въ такъ называемый камеръ-пажескій классъ; причемъ по числу имѣющихся камеръ-пажескихъ ваканцій первые по списку производились въ камеръ-пажи. Число камеръ-пажей опредѣлялось потребностями придворной службы, а число производимыхъ—числомъ выбывшихъ въ офицеры камеръ-пажей.

Такъ, во второй половинѣ царствованія Государя Александра Павловича камеръ-пажей полагалось у Маріи Ѳеодоровны—8, у Елизаветы Алексѣевны—6 и у Великой Княгини Александры Ѳеодоровны—2. Каждый изъ дворовъ по придворной терминологіи назывался „половиною". Такимъ образомъ, въ описываемое нами время были половины Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Императрицы Елизаветы Алексѣевны и Великой Княгини Александры Ѳеодоровны.

Почти всѣ пажи производились въ камеръ-пажеское званіе по экзамену. Были исключенія, но они до того рѣдко встрѣчались, что въ счетъ итти не могли. Счастливцевъ, удостоившихся по Высочайшему повелѣнію безъ прохожденія черезъ экзаменный искусъ этого завиднаго званія, составлявшаго предметъ самыхъ пламенныхъ мечтаній каждаго пажа, всего на всего насчитывается отъ 5 до 6. А насколько оно было завидно судите сами: „Когда къ Паскевичу прискакалъ фельдъегерь съ фельдмаршальскимъ жезломъ, графъ Эриванскій, сидѣвшій въ ту минуту во власти брадобрея, вскочилъ изъ подъ бритвы и вскричалъ: „Теперь только я понимаю, что самое лестное — это чинъ прапорщика и чинъ фельдмаршала", пишетъ бывшій пажъ. „Странно, прибавляетъ онъ: что Паскевичъ, который при Императорѣ Павлѣ былъ камеръ-пажемъ, забылъ про свое производство въ эту послѣднюю должность и вспомнилъ первый свой офицерскій чинъ. И въ самомъ дѣлѣ, для юноши, только-что вступающаго въ свѣтъ, что можетъ быть лестнѣе, какъ не тотъ первый шагъ на поприщѣ жизни, который, перенося его въ міръ, дотолѣ недоступный, разомъ приближаетъ къ особамъ царской фамиліи. А съ тѣмъ вмѣстѣ сколько

льготъ предоставляется при производствѣ изъ пажей! Даютъ шпагу, даютъ шпоры, даютъ золотые шевроны на фалды мундира, даютъ право показываться вездѣ безъ провожатыхъ, какъ самостоятельной личности. Впослѣдствіи, какъ ни серьезничалъ иной изъ насъ, какъ ни называлъ это все ребячествомъ, но тогда такія преимущества всѣхъ насъ радовали". „1 Мая 1817 года я былъ произведенъ въ камеръ-пажи, пишетъ другой пажъ: какъ памятенъ мнѣ этотъ счастливѣйшій день въ моей жизни! Юность, весна и первое отличіе упоительно дѣйствовали на меня. День былъ свѣтлый, солнечный, и я въ одномъ новенькомъ камеръ-пажескомъ мундирѣ пошелъ по Фонтанкѣ въ Большую Милліонную, гдѣ тогда жила моя тетка Елизавета Яковлевна Багговутъ. Но мое довѣріе къ петербургскому маю, какъ часто бываетъ въ жизни съ каждымъ излишнимъ довѣріемъ, не осталось безнаказаннымъ, къ вечеру я почувствовалъ сильную простуду. Меня уложили въ постель и дали знать въ корпусъ. Въ постели въ жару, съ головною болью, я окончилъ день, который началъ такимъ бодрымъ, увѣреннымъ, счастливымъ.

Въ чемъ же состояла служба камеръ-пажей и какъ они проводили время? Объ этомъ весьма подробно повѣствуетъ намъ П. Дараганъ въ своихъ воспоминаніяхъ, а также менѣе подробно, но все же достаточно, А. Гангебловъ въ своихъ.

„Нѣсколько изъ камеръ-пажей требовалось ежедневно къ обѣденному столу для прислуживанія членамъ Императорской фамиліи и въ праздники для выхода въ церковь; прежде, т. е. до 1817 года, отряжались камеръ-пажи и къ Великимъ Княжнамъ. Поступя въ корпусъ, я засталъ еще, говоритъ Дараганъ: тамъ камеръ-пажа Великой Княгини Екатерины Павловны, несмотря на то, что она была уже въ Штутгартѣ и не имѣла своего двора въ Петербургѣ. Ея камеръ-пажъ продолжалъ носить мундиръ съ желтымъ воротникомъ цвѣта двора герцога Ольденбургскаго.

Изъ камеръ-пажей половины Маріи Ѳеодоровны двое каждое утро отправлялись во дворецъ, гдѣ нерѣдко служба ихъ и не требовалась или требовалась лишь на нѣсколько часовъ: остальное время эти камеръ-пажи свободны были посѣщать своихъ родныхъ и знакомыхъ въ городѣ. Къ одиннадцати часамъ вечера они съѣзжались во дворецъ, но это для того только, чтобы сѣсть въ придворную карету и возвратиться въ корпусъ. Служба камеръ-пажа заключалась въ томъ, чтобы при выходахъ, при парадныхъ обѣдахъ, фамильныхъ или

съ гостями, на балахъ и прочихъ собраніяхъ неотступно находиться при той особѣ царской фамиліи, къ которой онъ назначенъ; причемъ камеръ-пажъ былъ заранѣе снабженъ изъ камеръ-юнгферской нѣкоторыми вещами, шалью, фишю и такъ далѣе.

Священникъ
Тимофей Ѳерапонтовичъ Никольскій.
(Изъ альбома Мухина).

Каждый день за обѣдомъ фамильнымъ или съ гостями камеръ-пажи служили у стола Царской фамиліи. Особенное вниманіе и осторожность нужны были при служеніи Маріи Ѳеодоровнѣ. Камеръ-пажъ долженъ былъ ловко и въ мѣру придвинуть стулъ, на который она садилась; потомъ съ правой стороны подать золотую тарелку, на которую Императрица клала свои перчатки и вѣеръ. Не поворачивая головы, она протягивала назадъ черезъ плечо руку съ тремя соединенными пальцами, въ которые надо было вложить булавку; этою булавкою Императрица прикалывала себѣ къ груди салфетку. Передъ особами Императорской фамиліи, за которыми служили камеръ-пажи, стояли всегда золотыя тарелки, которыя не мѣнялись въ продолженіе всего обѣда. Каждый разъ, когда подносилось новое блюдо, камеръ-пажъ долженъ былъ ловко и безъ стука поставить на эту тарелку фарфоровую, которую съ оставленнымъ на ней приборомъ онъ принималъ и на золотой тарелкѣ подносилъ чистый приборъ взамѣнъ принятаго. По окончаніи обѣда, такимъ же образомъ подносились на золотой тарелкѣ перчатки, вѣеръ и прочее переданное при началѣ обѣда. Тогда были въ модѣ длинныя лайковыя перчатки и камеръ-пажи съ особеннымъ стараніемъ разглаживали и укладывали ихъ передъ тѣмъ, чтобы поднести. Камеръ-пажи служили за обѣдомъ безъ перчатокъ и потому особенное стараніе обращали на свои руки. Они холили ихъ, стараясь разными косметическими средствами сохранить мягкость и бѣлизну кожи.

„На фамильныхъ обѣдахъ, которыхъ бывало по два въ недѣлю, кромѣ особъ Царской фамиліи, присутствовалъ ея гофмаршалъ баронъ Альбединль и бывшая воспитательница Государя княгиня Ли-

венъ. Разговоръ за фамильными обѣдами велся всегда оживленно, но вообще о предметахъ не важныхъ: о городскихъ новостяхъ, о повышеніяхъ по службѣ извѣстныхъ лицъ и т. п. О политикѣ и несчастныхъ случаяхъ въ городѣ не было слова, равно, какъ о театрѣ, такъ какъ въ то время только Михаилъ Павловичъ бывалъ часто въ спектакляхъ. Между Государемъ и Великими Князьями не обходилось безъ разговоровъ о парадахъ, разводахъ и т. п. Однажды, незадолго до фамильнаго обѣденнаго стола у Императрицы, Государь пріѣхалъ изъ Царскаго Села, гдѣ онъ присутствовалъ на разводномъ ученіи полка Императора Австрійскаго. Государь былъ восхищенъ этимъ ученіемъ и, почти неумолкая, передавалъ Великимъ Князьямъ всѣ его подробности съ такимъ увлеченіемъ, что обѣ Императрицы только улыбались, молча переглядываясь, Великіе Князья слушали съ благоговѣніемъ.

Изъ двухъ Великихъ Князей, Государь особенно благоволилъ къ старшему. Однажды мнѣ нужно было ждать въ одной изъ залъ. Входитъ Государь и направляется къ противоположной двери; еще онъ не дошелъ до нея, какъ въ нее вошли Великіе Князья. Государь взялъ подъ руку Николая Павловича и довольно долго водилъ его по залѣ, не переставая говорить. Затѣмъ онъ вышелъ изъ залы, едва взглянувъ на Михаила Павловича, который за все время разговора оставался у двери вытянувшись.

Камеръ-пажи держали себя въ сторонѣ отъ красныхъ, т. е. отъ чиновъ низшаго слоя дворцовой іерархіи (которымъ присвоенъ былъ красный мундиръ, хотя эти красные всѣ были люди чиновные). Они смотрѣли на насъ косо, мы разумѣется „въ усъ не дули“. Это вотъ отчего. Было въ обычаѣ, что приглашенныя къ обѣду лица, какъ только удалялась Царская фамилія, брали со стола фрукты, дабы повести своимъ семейнымъ гостинцы съ царскаго стола. Вотъ и мы присвоили себѣ такое право, а на какомъ основаніи? Да такъ, по вольности дворянства! Были случаи, что красные жаловались на такой произволъ съ нашей стороны, но жалобы эти кончались ничѣмъ. Однажды камеръ-фурьеръ принесъ жалобу оберъ-гофмаршалу К. А. Нарышкину, жалобу, какъ надо думать, до того настоятельную, что едва мы сѣли за нашъ обѣдъ, явился Кириллъ Александровичъ съ самимъ челобитчикомъ. По указанію симъ послѣднимъ своего обидчика, Кириллъ Александровичъ самымъ вѣжливымъ тономъ замѣтилъ ему, что обиженный имъ г. Бабкинъ—полковничьяго чина и что онъ (оберъ-гофмаршалъ) желалъ бы, чтобы это недоразумѣніе кончилось

къ обоюдному удовлетворенію. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ ушелъ, а за нимъ и Бабкинъ; другихъ послѣдствій не было. Во время этой сцены благопріобрѣтенный трофей — великолѣпный ананасъ, окруженнный персиками, красовался среди нашего стола. Здѣсь, кстати замѣтить въ похвалу камеръ-пажамъ, что подобныя благопріобрѣтенія мы позволяли себѣ только въ Петербургѣ, лѣтомъ же, когда дворъ проживалъ въ Павловскѣ, гдѣ у насъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, за нами этого не водилось—доказательство, что упомянутыя экспедиціи мотивировались въ насъ не грубымъ аппетитомъ, а желаніемъ угостить гостинцемъ съ царскаго стола".

Лѣтомъ, когда Императрица и Великая Княгиня проживали въ Павловскѣ, туда отправлялись на всю недѣлю по трое камеръ-пажей: два къ Императрицѣ и одинъ къ Великой Княгинѣ.

Въ любимомъ своемъ Павловскѣ Марія Ѳеодоровна отступала отъ придворнаго этикета и блеска двора. Здѣсь окружала она себя всѣмъ, что могло напоминать ей о прошедшемъ. Кабинетъ Императора Павла свято сохранялся въ томъ вкусѣ, какъ былъ при немъ, и камеръ-фурьеръ его Сергѣй Ильичъ Крыловъ продолжалъ носить мальтійскій мундиръ вмѣсто придворнаго. Во внутреннихъ комнатахъ Императрицы хранились рисунки, записки и работы Августѣйшихъ ея дѣтей. Въ саду были воздвигнуты памятники родителямъ Императрицы и усопшимъ Княгинямъ Еленѣ Павловнѣ Мекленбургской и Александрѣ Павловнѣ Палатинѣ Венгерской. Часто приходила она къ этимъ памятникамъ и, удаляясь отъ сопровождающихъ ея дежурныхъ фрейлинъ и камеръ-пажей, на минуту останавливалась и съ тихою молитвою преклоняла голову. Ея любящее сердце и въ настоящемъ счастьѣ не чуждалось воспоминаній прежнихъ горькихъ утратъ.

Но и здѣсь, въ Павловскѣ Марія Ѳеодоровна не оставляла трудовъ и заботъ на пользу основанныхъ или пересозданныхъ ею воспитательныхъ и благотворительныхъ учебныхъ заведеній. Въ 6 часовъ утра она уже сидѣла въ своемъ кабинетѣ, занималась дѣлами, читая донесенія, просьбы о помощи, иногда даже переписку нѣкоторыхъ воспитанницъ, которыми она интересовалась по особеннымъ ихъ семейнымъ обстоятельствамъ. Въ 8 часу утра выходила на прогулку, сопровождаемая нерѣдко однимъ только камеръ-пажемъ. Въ первомъ часу гуляла въ саду или каталась въ коляскѣ по парку. Въ два часа былъ обѣдъ. Послѣ обѣда снова занималась дѣломъ и чи-

тала. Въ семь часовъ собиралось небольшое общество придворныхъ и гостей, приглашенныхъ изъ Петербурга, и бесѣда продолжалась до 10 часовъ. Тогда подавали небольшой ужинъ на отдѣльныхъ столикахъ группами. Въ 11 часовъ Императрица удалялась во внутреніе покои.

Марія Ѳеодоровна любила служеніе пажей: она къ нему привыкла. Отправлялся-ли дворъ на 9 мѣсяцевъ въ Москву, выѣзжала-ли Императрица на недѣлю въ Петергофъ или на одинъ день въ Ораніенбаумъ, или на нѣсколько часовъ на маневры—всюду слѣдовали за ней камеръ-пажи. Мнѣ пришлось даже ѣздить на корабль, на которомъ во время морскихъ маневровъ подъ Кронштадтомъ былъ приготовленъ обѣдъ для Императорской фамиліи. Послѣ этого обѣда Государь съ Великими Князьями взяли солдатскія матросскія ружья, стали въ шеренгу и Государь приказалъ поручику В. Ѳ. Адлербергу, адъютанту В. К. Николая Павловича (бывшему пажу, сопернику Пестеля) прокомандовать всѣ ружейные пріемы. Государь дѣлалъ ихъ съ улыбкою, какъ бы шутя, Великіе Князья серьезно и старательно.

Я былъ назначенъ, пишетъ далѣе П. Дараганъ: камеръ-пажемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Павловскъ былъ постояннымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Императрицы, но каждую недѣлю она пріѣзжала въ Петербургъ: посѣщала женскія заведенія, которыя находились подъ ея покровительствомъ, обѣдала въ Таврическомъ дворцѣ и послѣ обѣда возвращалась въ Павловскъ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ я былъ представленъ Императрицѣ въ Таврическомъ дворцѣ и черезъ нѣсколько дней въ субботу былъ отправленъ на недѣльное дежурство въ Павловскъ.

Это была первая и послѣдняя недѣля моей камеръ-пажеской службы при Маріи Ѳеодоровнѣ, потому что по возвращеніи моемъ въ корпусъ я вскорѣ былъ назначенъ камеръ-пажемъ къ принцессѣ Прусской Шарлоттѣ, нарѣченной невѣстѣ Великаго Князя Николая Павловича.

Для насъ, пажей, жизнь въ Павловскѣ была самая пріятная. Свобода полная, мы надъ собой не слышали никакого начальства, все, окружавшее насъ, отличалось изяществомъ, особенно Павловскій паркъ, воспѣтый поэтомъ, которому я поклонялся, передъ которымъ благоговѣлъ. Съ Жуковскимъ мнѣ встрѣчалось сходиться въ одной небольшой залѣ, гдѣ должна была проходить Великая Княгиня; онъ и я сидѣли молча по разнымъ угламъ, но одно уже то, что я видѣлъ себя

съ нимъ наединѣ, было для меня упоительно. Жуковскій былъ крайне несообщителенъ съ тѣми изъ молодыхъ людей, которые чѣмъ-либо не интересовали его, исключительно за это-то молодые гусарскіе офицеры не долюбливали его. Къ тому же Жуковскій вообще держалъ себя молчаливо. Мнѣ ни разу не доводилось слышать, какъ онъ говоритъ по-русски; съ Великой же Княгинею онъ говорилъ всегда на нѣмецкомъ языкѣ, котораго я не зналъ и двухъ словъ. За обѣдомъ тоже я не могъ его слышать, такъ какъ онъ занималъ мѣсто въ концѣ стола вмѣстѣ съ адъютантами Великихъ Князей.

Къ царицыну столу, за которомъ ежедневно садилось своихъ персонъ двадцать пять-тридцать, приглашалось изъ Петербурга по нѣсколько гостей; тутъ представлялся случай видѣть и слушать лицъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, напримѣръ, Кочубея, Сперанскаго, Карамзина и другихъ. Изо всѣхъ ихъ Кочубей выдавался величавостью осанки и необыкновеннымъ достоинствомъ, съ которымъ онъ себя держалъ. При мнѣ онъ въ Павловскѣ обѣдалъ одинъ только разъ и только онъ одинъ въ разговорѣ называлъ ее „Madame“, тогда какъ всѣ прочіе относились къ ней не иначе, какъ съ титуломъ „Votre Majesté“.

Но интереснѣе всего, когда гостемъ бывалъ Карамзинъ. Во весь обѣдъ велась бесѣда почти исключительно между нимъ и Императрицею. Общій говоръ тогда стихалъ, всѣ слушали. Предметъ бесѣды не выходилъ изъ области нравственной философіи и религіи. Государыня говорила прекрасно и совершенно свободно; слова лились изъ ея устъ, какъ-бы сами собой. Карамзинъ выражался красно, но съ нѣкоторою натяжкою, съ нѣкоторымъ педантствомъ.

Нечего говорить, что рѣчь велась по-французски. Фельдмаршала Сакена мнѣ удалось видѣть за обѣдомъ у Маріи Ѳеодоровны тоже одинъ разъ. Онъ сидѣлъ противъ нея и Государя Александра Павловича, говорилъ много, очень много и своею едва уловимою комическою мимикой и сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ былъ до того забавенъ, что Государь, сколько ни сдерживалъ себя, не вытерпѣлъ, наконецъ, и прыснулъ громкимъ смѣхомъ.

По вечерамъ передъ дворцомъ въ Павловскѣ играла музыка до самой зари и составлялось небольшое гулянье, очень часто въ линейкахъ, причемъ сервировался чай въ одномъ изъ павильоновъ парка, чаще всего въ Розовомъ павильонѣ. Когда же прогулкѣ препятствовала погода, то собирались въ большой залѣ нижняго этажа, обращенной окнами въ паркъ. Большею частью сама Августѣйшая хозяйка

вышивала въ пяльцахъ, слушая своего чтеца, Жуковскаго, Уварова, Плещеева и друг., прочіе же просто слушали или показывали видъ, что слушаютъ, хотя были вольны заниматься, кто чѣмъ хотѣлъ. Осенью при тихой погодѣ, пять большихъ выходящихъ на террасу оконъ, дверей оставлялись открыты и къ нимъ смотрѣть на собраніе любопытные допускались почти безъ разбору (обыватели Павловска или пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ) съ однимъ лишь условіемъ, чтобы разговаривали не иначе, какъ шепотомъ. Иногда, такимъ образомъ, собирались цѣлыя толпы и такъ близко къ окнамъ, что одни лишь пороги этихъ оконъ-дверей отдѣляли любопытныхъ отъ залы. Теперь не всѣ этому повѣрятъ. При началѣ собранія, какъ только всѣ усаживались на свои мѣста, Марія Ѳеодоровна вполголоса говорила камеръ-пажамъ „asseyez-vous“, это значитъ, что мы свободны до ужина и мы уходили. Если же она забывала о насъ, то мы старались напомнить о нашемъ присутствіи осторожнымъ шарканьемъ ногъ. Тутъ ежели приходила фантазія попроказничать, мы вмѣшивались въ кучки любопытствующихъ, подслушивали иногда забавныя замѣчанія барышенъ на то, что у нихъ передъ глазами и сшивали имъ юбки. Однажды до того мы расшалились, что одного изъ гусарскихъ офицеровъ (Чорбу), втолкнули въ самую залу и тотъ выбрался оттуда черезъ другое окно, перебѣжавъ къ нему на цыпочкахъ. Этого бывшіе въ залѣ да и сама хозяйка не могли не замѣтить, но въ подобныхъ случаяхъ Марія Ѳеодоровна была милостиво снисходительна. Она прощала и болѣе рѣзкіе признаки неуваженія къ себѣ. Разъ молодые гусары, а съ ними, разумѣется, и камеръ-пажи, послѣ лишняго бокала, поздно ночью отправились гулять въ паркъ; они зашли въ цвѣтникъ, что передъ дворцомъ, и его попортили, измяли. Императрица, вышедши на обычную утреннюю прогулку, увидѣла этотъ безпорядокъ и была огорчена: встрѣтивъ тутъ же гофмаршала Альбедиля и узнавъ, что онъ строго взялся за открытіе виновниковъ такой дерзости, она запретила ему всякія разслѣдованіи и приказала дѣло это считать забытымъ.

Но эти вечера съ чтеніями были не часты, вспоминаетъ П. Дараганъ: и кажется, не многіе ихъ любили; чаще всего играли въ фанты и въ такъ называемыя charades en action. Шарады эти всегда выдумывалъ Великій Князь (Николай Павловичъ). Я помню шараду tapages, въ которой я представлялъ второй слогъ, а при исполненіи цѣлаго, Великій Князь поднялъ такой шумъ, что Императрица и Великая Княгиня, за-

крывъ уши, вскричали: „assez de tapage, assez“. Другая шарада, вызвавшая всеобщій смѣхъ и одобреніе, была corpulence, исполняемая однимъ Великимъ Княземъ. Сперва онъ весьма искусно подражалъ звуку рожка, потомъ прошелся, дѣлая гримасы и зажимая носъ, потомъ явился съ билліарднымъ кіемъ, который держалъ, какъ копье, наконецъ, пришелъ, обвязанный подушками и съ трудомъ, какъ бы отъ тучности, передвигалъ ноги. Шарада всегда исполнялась безъ всякихъ приготовленій, безъ всякихъ пособій. Можно было пользоваться только тѣмъ, что находилось въ смежной билліардной комнатѣ. Такъ просты, такъ незатѣйливы были павловскіе вечера Императрицы, а какъ веселы, какъ оживленны были они!

Императрица была особенно милостива къ своимъ камеръ-пажамъ. При выпускѣ въ офицеры они получали отъ нея золотые часы въ награду. Она интересовалась ихъ семейнымъ положеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Выходя изъ кабинета, она любила заставать камеръ-пажа за книгою или тетрадью; часто спрашивала, а иногда и сама смотрѣла, что читается, прибавляя: „C'est bien, c'est très bien. Etudiez toujours, lisez, mais pas de bêtises, pas de romans“.

Увидѣвъ у камеръ-пажа Философова тетрадь „Economie politique“, она послала его къ Шторху, находившемуся тогда при ней, чтобы тотъ просмотрѣлъ тетрадь и донесъ ей, хорошо ли въ корпусѣ преподаютъ „Политическую экономію“. Камеръ-пажъ Шепелевъ долго не могъ выдержать выпускного экзамена; это знала Императрица. Передъ послѣднимъ экзаменомъ она спрашиваетъ,—надѣется ли онъ нынѣшій годъ выдержать экзаменъ? Шепелевъ отвѣчаетъ, что надѣется, только боится математики. Императрица приказываетъ ему каждое дежурство привозить съ собою аспидную доску, прибавляя, что сама будетъ просматривать его математическія задачи. И Шепелевъ каждый разъ на дежурство во дворецъ отправлялся съ аспидной доской и курсомъ Войцеховскаго. Что же касается личности Императрицы, то въ описываемое время она сохранила слѣды прежней красоты. Тонкія и нѣжныя черты лица, правильный носъ и привѣтливая улыбка заявляли въ ней мать Александра. Она была также, какъ и онъ, немного близорука, хотя рѣдко употребляла лорнетку. Довольно полная, она любила и привыкла крѣпко шнуроваться, отчего движенія ея и походка ея были не совсѣмъ развязны. Токъ съ страусовымъ перомъ на головѣ, короткое платье декольте съ высокою короткою таліею и съ буффчатыми рукавчиками, на голой шеѣ ожерелье, у лѣваго плеча на

черномъ бантѣ бѣлый мальтійскій крестикъ, бѣлыя длинныя лайковыя перчатки выше локтя и башмаки съ высокими каблуками,—составляли ежедневное одѣяніе Императрицы, исключая торжественныхъ случаевъ.

Она говорила скоро и не совсѣмъ внятно, немного картавя. Надо было имѣть большое вниманіе и привычку, чтобы понимать каждое слово, но она никогда не сердилась, если камеръ-пажъ не сразу понималъ ея приказанія".

Такъ какъ камеръ-пажъ Дараганъ, пробывъ нѣкоторое время на половинѣ Маріи Ѳеодоровны, былъ оттуда назначенъ на половину Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, то въ его запискахъ мы находимъ не мало любопытныхъ данныхъ, касающихся его службы у Великой Княгини.

„22 іюня 1817 года, пишетъ онъ: былъ назначенъ торжественный въѣздъ принцессы Прусской Шарлотты, нарѣченной невѣсты Великаго Князя Николая Павловича. На 7-й верстѣ отъ Петербурга, по царскосельской дорогѣ, въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ шоссе, стоялъ двухэтажный домъ съ бельведеромъ и садомъ. Этотъ домъ принадлежалъ пастору Коленсу и въ немъ помѣщался тогда его пансіонъ. Здѣсь были приготовлены золотыя кареты для торжественнаго въѣзда въ столицу высоконарѣченной невѣсты. Здѣсь обѣ Императрицы должны были перемѣнить дорожный туалетъ и здѣсь же первый разъ я представился Великому Князю Николаю Павловичу. Онъ тотчасъ повелъ меня къ принцессѣ Шарлоттѣ, бывшей еще въ сѣромъ дорожномъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. „Voila votre page!" — „A je suis charmée", — сказала она, протягивая мнѣ руку и тотчасъ прибавила: „Je vous prie, monsieur, apportez moi mon parasol; il doit etre dans la voiture". Я бросился на дворъ къ дорожной каретѣ и съ гусарами Императрицы перерылъ всѣ подушки, перешарилъ всѣ углы, но зонтикъ не отыскался. Возвращаться наверхъ съ пустыми руками мнѣ было совѣстно. Эта неудача казалась мнѣ почти несчастьемъ, я былъ смущенъ, близокъ къ отчаянію. Вѣроятно, все это отражалось и на лицѣ моемъ, потому что Великій Князь, встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, съ удивленіемъ спросилъ:

— Что съ тобой?

Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ разсмѣялся и сказалъ: „не велика бѣда! найдется другой, ступай скорѣе наверхъ; Императрицы сейчасъ выйдутъ".

И точно, едва успѣлъ я присоединиться къ своимъ товарищамъ,

какъ вошли Императрицы и принцесса. Проводивъ ихъ до кареты, я едва успѣлъ сѣсть на приготовленную мнѣ лошадь, какъ это умное животное понеслось догонять карету и, пробравшись къ лѣвому заднему колесу, пошло церемоніальнымъ ходомъ.

Въѣздъ былъ блестящій. Въ золотой каретѣ-ландо, запряженной шестью лошадьми, ѣхали обѣ Императрицы и принцесса, по обѣ стороны камеръ-пажи и шталмейстеръ верхами, гвардія была разставлена шпалерами и, по проѣздѣ придворныхъ экипажей, слѣдовала за ними на Дворцовую площадь, гдѣ проходила церемоніальнымъ маршемъ мимо Императора, стоявшаго подъ балкономъ, съ котораго смотрѣли Императрицы и принцесса. Послѣ парада я проводилъ Великаго Князя и его невѣсту въ назначенныя для нея комнаты, гдѣ ожидалъ ея законоучитель Музовской, въ черной одеждѣ, въ бѣломъ галстухѣ и безъ бороды: трудно было признать въ немъ нашего православнаго священника. Онъ постоянно долженъ былъ находиться въ пріемной принцессы, чтобы, пользуясь каждымъ свободнымъ часомъ, помогать ей выучить символъ вѣры, который она должна была произнести при мvропомазаніи.

Эта торжественная церемонія совершилась 24 Іюня. Послѣ входа Императорской фамиліи въ церковь, когда Императрица Марія Ѳеодоровна взяла за руку принцессу Шарлотту и подвела ее къ митрополиту, стоявшему въ царскихъ дверяхъ, началось священнодѣйствіе. Принцесса, хотя нѣсколько взволнованная, произнесла громко и твердо символъ вѣры. Любящій и одобряющій взоръ Императрицы не покидалъ ее. Потомъ она проводила ее къ святому причащенію. 25 Іюля, въ день рожденія В. К. Николая Павловича, было обрученіе; первагоже Іюля, въ день рожденія Великой Княгини, было совершено бракосочетаніе, но я въ этотъ день не былъ дежурнымъ, а только за большимъ обѣдомъ служилъ Великому Князю и находился на балѣ съ другими камеръ-пажами.

Эти балы при дворѣ въ то время были часты. Они назывались bals parés или куртагами и состояли изъ однихъ польскихъ. Во время бала Великій Князь шепнулъ мнѣ: „пора перемѣнить мундиръ“. Онъ желалъ, чтобы камеръ-пажи Великой Княгини, имѣли на мундирахъ синіе воротники, цвѣта присвоеннаго придворному штату двора Великаго Князя. Такіе мундиры и были уже у насъ съ Шереметевымъ заготовлены и мы въ нихъ представлялись на смотръ Великому Князю въ Аничковскомъ дворцѣ. Но Государь рѣшилъ, что, такъ какъ ка-

мергеры и камеръ-юнкера, состоящіе при Великомъ Князѣ, были отъ большаго двора, то и камеръ-пажи не должны были носить другого мундира. Передъ концомъ бала, Государь и Государыня Елизавета Алексѣевна поѣхали въ Аничковскій дворецъ, чтобы встрѣтить высокихъ новобрачныхъ. Вслѣдъ за ними тронулся и поѣздъ.

Впереди эскадронъ лейбъ-гусаръ съ обнаженными саблями, потомъ кареты съ придворными высшими чинами и дамами. Гофмейстеръ пажей полковникъ Клингенбергъ, а за нимъ верхами 8 камеръ-пажей, въ числѣ которыхъ былъ и я, потомъ шли скороходы, эскадронъ Конной Гвардіи и, наконецъ, карета въ 8 лошадей, въ которой сидѣли Императрица Марія Ѳеодоровна, высоконовобрачная и принцъ Прусскій Вильгельмъ. За каретой верхами—оберъ-шталмейстеръ, шталмейстеръ, дежурные камеръ-пажи и адъютанты Великаго Князя; въ слѣдующей каретѣ ѣхали Великіе Князья Константинъ и Михаилъ Павловичи и принцы Виртембергскіе. Съ прибытіемъ поѣзда въ Аничковъ дворецъ, моя служба кончилась, но возвращаться въ корпусъ было еще рано и я съ товарищемъ, княземъ Голицынымъ пошелъ на Невскій бульваръ. Въ то время этотъ бульваръ, обсаженный съ обѣихъ сторонъ тощими липами, занималъ середину проспекта, по образцу Unter den Linden въ Берлинѣ.

Въ память совершившагося бракосочетанія я, камеръ-пажъ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, получилъ перстень съ аметистомъ и брилліантами. На другой день я былъ дежурный и въ 11 часовъ утра явился въ Аничковъ дворецъ; не зная, гдѣ ожидать приказанія, я прошелъ до большого пріемнаго зала съ балкономъ въ садъ. Въ комнатѣ никого не было, двери на балконъ были открыты, я пошелъ къ нимъ, но, въ это время отворились двери внутреннихъ покоевъ, и вышли новобрачные. Великій Князь въ сюртукѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, обнявъ Великую Княгиню, которая была вся въ бѣломъ, подошелъ ко мнѣ.

Я проговорилъ поздравленіе, Великая Княгиня подала мнѣ поцѣловать руку, а Великій Князь говорилъ о неудачѣ со своимъ воротникомъ. Меня отпустили съ приказаніемъ ожидать Великую Княгиню въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ день былъ назначенъ большой обѣдъ на половинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Скоро Императорская фамилія оставила Петербургъ. Государь съ Государыней Елизаветою Алексѣевною переѣхали въ Царское Село. В. Кн. Константинъ Павловичъ возвратился въ Варшаву, Императрица Марія Ѳеодо-

ровна, В. К. Николай съ Великою Княгинею, В. К. Михаилъ Павловичъ и принцъ Прусскій переѣхали въ Павловскъ.

Въ Павловскомъ дворцѣ помѣщеніе было довольно тѣсно и неудобно. Императрица жила въ нижнемъ этажѣ, но каждый день должна была подниматься въ верхній, гдѣ были столовая и церковь. Молодая княжеская чета жила въ лѣвомъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ дворца полукруглою открытою галлереею, черезъ которую и приходилось проходить по нѣсколько разъ въ день. Внизу этого помѣщенія флигеля помѣщались гауптвахты офицерскаго гусарскаго караула, и неизбѣжный шумъ отъ караула проникалъ и въ комнаты верхняго этажа. Въ осенніе темные вечера верхній этажъ дворца, какъ необитаемый, былъ освѣщенъ разставленными черезъ комнату сальными свѣчами въ жестяныхъ длинныхъ наполненныхъ водою подсвѣчникахъ. Такой подсвѣчникъ стоялъ и на полу маленькаго балкона дворца, при выходѣ въ галлерею. Здѣсь обыкновенно дожидали Великую Княгиню и, когда отворялась дверь во флигель и показывался Великій Князь съ Великою Княгинею, я бралъ подсвѣчникъ и, неся его съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы не расплескать находящуюся въ немъ воду, шелъ впереди, чтобы хотя немного освѣщать дорогу. Эти продѣлки забавляли веселую Великую Княгиню и она каждый разъ смѣясь говорила: „Mercі, mercі, page, благодарствую“. На балконѣ я ставилъ свѣчу на прежнее мѣсто на полъ и, принявъ отъ камердинера Великой Княгини работу или другія вещи, которыя она хотѣла имѣть, я слѣдовалъ за нею. Другія комнаты также были въ полумракѣ; освѣщалась одна лѣстница. Страннымъ кажется теперь это госпитальное освѣщеніе комнатъ императорскаго дворца. Въ первую недѣлю моего дежурства въ Павловскѣ, 15 Іюня было бракосочетаніе бывшаго пажа одноклассника и соперника по ученію Пестеля, поручика Л.-Гв. Литовскаго полка Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, съ Маріею Васильевною Нелидовой. Послѣ брачной церемоніи у Императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ балъ и ужинъ; особенный столъ былъ приготовленъ для Императорской фамиліи, новобрачныхъ и ихъ родственниковъ. Поднялся вопросъ, могу ли я въ званіи шафера сидѣть за столомъ? Императрица Марія Ѳеодоровна, строгая къ этикету, рѣшила этотъ вопросъ отрицательно; это поразило мое камеръ-пажеское самолюбіе, такъ какъ я считалъ свое званіе несравненно выше званія другого шафера—недоросля изъ дворянъ, будущаго юнкера гвардіи. Но это

было минутное неудовольствіе и я принялся служить моей Великой Княгинѣ у стола, за которымъ сидѣли моя тетушка и шаферъ невѣсты (недоросль).

Въ Константиновскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, помѣщался Прусскій принцъ Вильгельмъ—нынѣшній маститый Императоръ Германскій. Тогда онъ былъ красивый, статный и любезный юноша. Онъ походилъ лицомъ и профилемъ на Великую Княгиню, которая любила его болѣе другихъ братьевъ и часто, говоря о немъ, называла „mein Liebling“. Однажды, гуляя съ собакою Великаго Князя Михаила Павловича, онъ былъ укушенъ ею въ ногу. Доктора, опасаясь послѣдствій, нашли нужнымъ прижечь небольшую ранку и на нѣсколько дней не позволили принцу выходить изъ комнатъ. На другой день послѣ этого происшествія, Великая Княгиня послала меня узнать, какъ принцъ провелъ ночь. Возвратившись, я встрѣтилъ Великую Княгиню подъ руку съ Великимъ Княземъ, готовыми уже сойти къ Императрицѣ; она остановилась и я началъ говорить впередъ приготовленную французскую фразу о спокойной ночи и о хорошемъ состояніи здоровья принца и, желая блеснуть своимъ французскимъ выговоромъ, началъ картавить. При первыхъ моихъ словахъ „Votre altesse imperiale“ Великій Князь, смотря на меня и сдѣлавъ комически серьезную мину, началъ повторять за мною каждое слово, картавя еще болѣе моего. Великая Княгиня захохотала, а я, краснѣя и конфузясь, старался скорѣе кончить. Къ счастью, фраза не была длинна. Послѣ обѣда, провожая Великую Княгиню и Великаго Князя во флигель и ожидая приказаній, я стоялъ невеселый въ пріемной, когда Великій Князь, вышедши изъ комнаты Великой Княгини, подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня и сказалъ:

„Зачѣмъ ты картавишь? Это физическій недостатокъ, а Богъ избавилъ тебя отъ него. За француза никто тебя не приметъ; благодари Бога, что ты русскій, а обезьянничать никуда не годится. Это позволительно только въ шутку“.

Потомъ, поцѣловавъ меня еще одинъ разъ, отпустилъ до вечера. Этотъ урокъ остался мнѣ памятенъ на всю жизнь. Выдающіяся черты Великаго Князя Николая были—любовь къ правдѣ и неодобреніе всего поддѣльнаго, напускного. Веселость его была увлекательна. Въ Павловскомъ придворномъ кружкѣ онъ былъ иногда веселъ до шалости.

Ко мнѣ Великій Князь былъ особенно милостивъ. Я былъ очень худощавъ, вѣроятно, отъ роста; часто Великій Князь, подходя ко мнѣ,

спрашивалъ: „что ты такъ худѣешь, не шалишь-ли?“ И потомъ уговаривалъ беречь здоровье и силы, необходимыя для будущаго счастія. Это милостивое вниманіе къ юношѣ, эта снисходительная забота о его здоровьѣ проявляютъ, безъ сомнѣнія, черты душевной доброты Великаго Князя, тѣмъ болѣе, что въ то время онъ былъ очень молодъ и очень счастливъ, а молодость и счастіе эгоистичны.

Въ концѣ Августа, въ одно воскресенье въ церкви, во время литургіи, Великой Княгинѣ сдѣлалось дурно. Великій Князь почти на рукахъ вынесъ ее и привелъ во флигель. Я былъ дежурнымъ и слѣдовалъ за ними. Успокоившись на счетъ здоровья Великой Княгини, Великій Князь вышелъ изъ ея комнаты и подошелъ ко мнѣ.

„Сколько тебѣ лѣтъ“?

— Семнадцать—отвѣчалъ я ему.

„Вотъ видишь, продолжалъ онъ весело: я тебя старше только четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ“.

При этомъ онъ поцѣловалъ меня; лицо его сіяло счастьемъ. Въ тотъ же день начали при дворцѣ говорить о беременности Великой Княгини.

Вскорѣ была рѣшена поѣздка Императорской фамиліи въ Москву. Камеръ-пажей раздѣлили на двѣ категоріи. Одна половина должна была остаться въ Петербургѣ для выдержанія экзамена и производства въ офицеры гвардіи, другая должна была отправиться въ Москву. Я хотя по наукамъ и могъ выдержать экзаменъ, но былъ слишкомъ молодъ, камеръ-пажество мнѣ очень нравилось и поѣздка въ Москву меня соблазняла, а потому я отказался отъ офицерства. Мой товарищъ Шереметевъ предпочелъ остаться въ Петербургѣ и вышелъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ двухъ большихъ придворныхъ каретахъ повезли насъ, 8 камеръ-пажей, въ Москву, съ нами отправили гувернера—полковника де-Симона. Двѣ придворныя коляски съ нашими служителями и поклажей слѣдовали за нами. Такихъ придворныхъ колясокъ, которыя употреблялись тогда при переѣздѣ двора, теперь уже нѣтъ. Кузовъ висѣлъ на ремняхъ, прикрѣпленныхъ къ желѣзнымъ стойкамъ на осяхъ. Эти колымаги были непокойны и некрасивы, но помѣстительны. Мало осталось теперь людей, которые ѣздили еще по прежней бревенчатой, до-шоссейной Московской дорогѣ. Путешествіе по ней было своего рода испытаніемъ терпѣнія. Но для насъ юношей это пятидневное путешествіе при постоянно хорошей погодѣ казалось веселой прогулкой.

Пажи прибыли въ Москву раньше двора. Ихъ помѣстили въ среднемъ изъ кавалерскихъ домовъ, примыкающихъ къ кремлевской стѣнѣ. До прибытія двора, каждый изъ нихъ получалъ по 1 рублю серебромъ на продовольствіе. При тогдашней дешевизнѣ цѣнъ, на этотъ рубль нѣкоторые пажи ухитрялись не только насытиться, но и съѣздить въ театръ. Пажи, пріѣзжающіе изъ Петербурга, принадлежащіе къ Высочайшему двору, возбуждали, особенно въ московскихъ дамахъ, внимательное любопытство и симпатію, съ ними старались познакомиться, на нихъ засматривались, ихъ ласкали. Съ прибытіемъ двора началась и служба камеръ-пажей. Государь, не желая, чтобы они оставались вовсе безъ учебныхъ занятій, приказалъ причислить ихъ къ школѣ колонновожатыхъ генерала Муравьева. Туда каждое утро въ придворной каретѣ привозили камеръ-пажей, свободныхъ отъ дворцовой службы.

Во время пребыванія Высочайшаго двора въ Москвѣ былъ заложенъ храмъ Христа Спасителя и слѣдовалъ цѣлый рядъ баловъ. Сначало дало балъ московское дворянство, затѣмъ бывшій пажъ генералъ-губернаторъ графъ Тормазовъ, графъ Апраксинъ, княгиня Прозоровская, графиня Орлова-Чесменская и бывшій пажъ Кологривовъ.

Всѣ эти балы начинались въ 8 часовъ вечера. Приглашенныхъ бывало около 600 человѣкъ. Обыкновенно передъ выѣздомъ Великой Княгини на балъ, ея камеръ-пажъ приходилъ въ Троицкое подворье, получалъ отъ камердинера флаконъ съ нюхательнымъ спиртомъ и духами, перемѣнныя перчатки и носовые платки, размѣщалъ все это по карманамъ и отправлялся въ домъ, гдѣ былъ назначенъ балъ. Тамъ въ пріемной онъ встрѣчалъ Великаго Князя и Великую Княгиню, принималъ ея шаль, которую укладывалъ на руку, и слѣдовалъ за ними въ большую залу.

Великая Княгиня любила танцы. Всѣ восхищались ея юностью и миловидностью, граціей въ ея движеніяхъ и прелестнымъ стройнымъ станомъ, къ которому такъ шелъ бальный нарядъ того времени. Любопытныя московскія дамы окружали ея камеръ-пажа, однѣ просили подержать шаль Великой Княгини, другія посмотрѣть ея носовой платокъ. Разспросы о ея туалетѣ, о ея занятіяхъ сыпались со всѣхъ сторонъ. Танцы того времени не были разнообразны. Польскій, замѣнившій менуэтъ, продолжался довольно долго и повторялся для отдыха нѣсколько разъ во время бала. Потомъ шелъ круглый польскій съ вальсомъ, экосезъ, самый продолжительный и веселый изъ тогдаш-

нихъ танцевъ, гавотъ и опять польскій. Во время танцевъ дамы не садились, танцовали только изъ удовольствія потанцовать и выказать свое хореографическое искусство.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, освященъ былъ и памятникъ Минину и Пожарскому, причемъ дежурные камеръ-пажи слѣдовали за каретою Императрицы. Когда она показалась изъ Спасскихъ воротъ строеніе, скрывавшее памятникъ, рушилось. Раздались звуки національнаго англійскаго гимна, который былъ тогда и русскимъ. Крики ура сопровождали карету Императрицы, пока она не остановилась у памятника, затѣмъ Государь, отдавъ честь памятнику, пропустилъ мимо Императрицы войска.

Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія памятника, Государь уѣхалъ въ Варшаву. Вечера прекратились. Императрица Марія Ѳеодоровна почти переселилась въ Троицкое подворье къ Великой Княгинѣ. Во дворцѣ сдѣлалось пусто и тихо и пажи являлись тогда только во время гофмаршалскаго стола, чтобы пообѣдать въ смежной комнатѣ.

17 Апрѣля въ среду въ 10 часовъ утра, выстрѣлъ изъ пушки возвѣстилъ Москвѣ о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Великой Княгини. Радость была общая, Свѣтлая недѣля сдѣлалась еще свѣтлѣе. Но радость Великаго Князя-отца была безгранична. Я помню день, когда возвратился адъютантъ Великаго Князя Николая Павловича штабсъ-капитанъ Перовскій, посланный къ Государю Александру Павловичу съ извѣстіемъ о счастливомъ событіи. Великій Князь поспѣшилъ во дворецъ. Это было во время гофмаршальскаго стола. Онъ удостоилъ зайти и къ намъ въ комнату, гдѣ мы обѣдали. Удивленные и обрадованные мы вскочили съ мѣстъ. „Поздравляю васъ съ новымъ шефомъ гусаръ, сказалъ онъ намъ съ лицомъ сіяющимъ счастьемъ— Государь удостоилъ этимъ назначеньемъ моего сына“.

Мы бросились цѣловать его плечи. Онъ цѣловалъ насъ всѣхъ и и велѣлъ подать шампанское, чтобы мы пили за здоровье шефа гусаръ“. Во время крещенія, на долю пажа Дарагана выпало счастье быть назначеннымъ къ Императрицѣ на время церемоніи. „Поддерживая шлейфъ ея мантіи, я стоялъ за нею во время Крещенія, пишетъ онъ: сопровождалъ во время хожденія вокругъ купели, поднимался съ нею къ царскимъ вратамъ, когда она подносила къ св. причастію того царственнаго младенца, которому Промысломъ Всевышняго назначено было быть Царемъ-Освободителемъ и обновителемъ Россіи“.

Вскорѣ пажамъ пришлось возвратиться въ корпусъ, приняться за Войцеховскаго, за политическую экономію и заняться фокусами Вольгсмута.

Такой переходъ отъ веселья къ ученью былъ не особенно пріятенъ и походилъ на пробужденіе послѣ сна, исполненнаго самыхъ очаровательныхъ грезъ; но нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и камеръ-пажа Дарагана, поддерживала надежда на скорое окончательное освобожденіе отъ обязанности учиться по принужденію, надежда выпорхнуть на свободу, которая рисовалась въ нѣжно-розовыхъ краскахъ. Но прежде, чѣмъ ея добиться, надо было пройти черезъ искусъ, называемый выпускными экзаменами. Объ нихъ такъ же, какъ и вообще объ экзаменахъ, узнаемъ мы подробности изъ отвѣтной записки Ивана Григорьевича Гогеля, посланной имъ Александру Тургеневу, директору департамента духовныхъ дѣлъ. Вотъ, что пишетъ директоръ Пажескаго корпуса:

„Милостивый Государь

Александръ Ивановичъ!

На отношеніе Вашего Превосходительства отъ 14 сего мѣсяца, честь имѣю увѣдомить, что ежегодно въ Августѣ мѣсяцѣ каждый учитель подаетъ рапортъ о годовыхъ успѣхахъ обученныхъ имъ пажей, означая сіе посредствомъ балловъ, для каждой науки опредѣленныхъ. Съ 1-го Сентября производится въ присутствіи директора, инспектора классовъ и всѣхъ офицеровъ корпуса экзаменъ каждому камеръ-пажу и пажу и въ каждой части особенно, на слѣдующемъ общемъ основаніи:

1) Въ языкахъ заставляютъ каждаго читать и переводить вслухъ и писать по диктовкѣ или сочинять (смотря по силѣ экзаменуемаго класса) на большихъ доскахъ, дабы всѣмъ было видно и потомъ, по исправленіи ошибокъ, дѣлаютъ грамматическій анализъ того, что написано. 2) Въ математикѣ, спросивъ опредѣленіе, какое въ каждой части знать нужно, задаютъ на большихъ доскахъ разныя задачи, для рѣшенія коихъ вызываютъ къ доскамъ пажей, по назначенію присутствующихъ при экзаменѣ, безъ участія учителя. 3) Въ исторіи и географіи спрашиваютъ каждаго особо и заставляютъ показывать по картѣ, что кому изъ присутствующихъ при экзаменѣ угодно. 4) Въ артиллеріи, фортификаціи, физикѣ, механикѣ и прочихъ наукахъ также спрашиваютъ каждаго особо и заставляютъ дѣлать на большихъ

доскахъ разныя задачи, причемъ каждый долженъ представить свои работы—чертежъ артиллерійскій и фортификаціонный и ситуаціонный, а равно и рисунокъ карандашемъ, перомъ или красками.

Экзаменное присутствіе, составленное изъ директора, инспектора классовъ и всѣхъ офицеровъ корпуса, въ продолженіе всего экзамена замѣчаетъ успѣхи каждаго пажа въ каждой части и означаетъ ихъ посредствомъ балловъ въ экзаменномъ листѣ, который подписываютъ всѣ присутствующіе.

По окончаніи экзамена въ наукахъ, такимъ же образомъ, въ общемъ присутствіи означается поведеніе каждаго камеръ-пажа и пажа посредствомъ балловъ же и потомъ выставляется въ экзаменномъ спискѣ противъ имени каждаго сумма всѣхъ имъ полученныхъ балловъ, изъ коей, однако же, у тѣхъ, кои въ теченіе года были записаны въ нерадивыхъ, вычитается по 5 балловъ за каждый разъ; и когда, такимъ образомъ, опредѣлено достоинство каждаго посредствомъ балловъ, назначаются къ представленію въ офицеры въ гвардію первые изъ камеръ-пажей, кои не моложе 18-ти лѣтъ, и на мѣсто ихъ первые изъ пажей въ камеръ-пажи, а остальные изъ первыхъ пажей, кои не моложе 18-ти лѣтъ, представляются къ произведенію въ офицеры въ армію; и когда послѣдуетъ выпускъ, тогда по тому же экзаменному списку дѣлается перемѣщеніе изъ класса въ классъ.

Опредѣленнаго же количества балловъ, дабы быть удостоену къ производству въ офицеры, не назначено, а зависитъ сіе отъ Высочайшаго благоразсужденія“ [58]).

Выпускнымъ экзаменомъ кончался расчетъ съ Пажескимъ корпусомъ, про жизнь въ которомъ камеръ-пажъ Дараганъ выразился такъ: „На сколько эта роскошная обстановка нашей первой юности подготовляла насъ къ предстоящей намъ трудовой жизни съ ея лишеніями и превратностями и сколько приходилось потомъ переживать тяжелыхъ минутъ отрезвленія,—это вопросъ другой, но я въ продолженіе моей жизни, какъ и теперь, всегда съ любовію обращался къ этимъ воспоминаніямъ золотыхъ дней моей весны, воскресившихъ передо мною величественные и священные образы давно усопшихъ, которые озаряли ее своею чарующею ласкою.

Angedenken an das Gute
Hält uns frisch bei Muthe (Göthe) [59]).

Этими словами перваго камеръ-пажа Императрицы Александры Ѳеодоровны мы оканчиваемъ наше повѣствованіе о Пажескомъ кор-

пусѣ временъ Александра Павловича. Постараемся вкратцѣ резюмировать все, что мы сказали о немъ до сихъ поръ.

Изъ XVIII столѣтія въ XIX-ое Пажескій корпусъ переходилъ полувоеннымъ, полу-гражданскимъ учебнымъ заведеніемъ, но уже дворянскимъ. Въ концѣ XIX столѣтія онъ подвергся реформѣ въ военномъ духѣ, причемъ эта реформа была отголоскомъ реформаторской дѣятельности, которая охватила Императора Александра I въ первую половину его царствованія и которая побудила его преобразовать и другія военныя и невоенныя учебныя заведенія. Реформа корпуса, превращавшая его въ настоящее военно-учебное заведеніе, отвѣчала вполнѣ требованіямъ жизни. Она шла на встрѣчу эволюціи, передѣлывавшей постепенно пажа-придворнаго въ зародышѣ въ пажа-будущаго воина. Конечно, реформа не обошлась безъ жертвъ, но въ общемъ, она прошла сравнительно очень ровно и спокойно. Къ 1810 году плоды ея сказались: неизбѣжная борьба стараго съ новымъ затихла. По странному, ничѣмъ необъяснимому совпаденію, она затихла тогда, когда на Садовой въ домѣ бывшаго пажа, канцлера Императрицы Елизаветы, графа М. И. Воронцова, Пажескій корпусъ смѣнилъ мальтійскій орденъ, поселенный здѣсь Императоромъ Павломъ. Мальтійцы—выродившійся продуктъ рыцарства, по удивительному стеченію обстоятельствъ замерли въ Россіи, безмолвно уступивъ мѣсто пажамъ—возродившемуся продукту рыцарства, и уступили они его тогда, когда пажи, въ силу указанныхъ нами выше историческихъ причинъ, сдѣлались въ Россіи тѣмъ, чѣмъ они были первоначально на Западѣ—дѣтьми и юношами, готовящимися стать военными и сызмала изучающими военное дѣло.

Но, если на корпусѣ сказалось стремленіе Государя поставить на новыхъ началахъ образованіе и воспитаніе и, въ частности, военное образованіе и военное воспитаніе, то сказались на немъ и другія стороны русской жизни—и война 1812 года, и броженіе умовъ второй половины царствованія Императора Александра, и печальное соціальное и матеріальное положеніе труженика-русскаго учителя, и неподготовленность къ своей дѣятельности воспитателей, а вслѣдствіе этого сравнительно плохая постановка учебнаго и воспитательнаго дѣла, и взглядъ на пажа, какъ на юношу, который обязанъ много времени отдавать придворной службѣ, и недостаточная объединенность всей военно-учебной системы, которая позволяла каждому военно-учебному заведенію итти своей дорогой, не справляясь съ тѣмъ, что дѣлаетъ

его сосѣдъ,—сказался, наконецъ, на Пажескомъ корпусѣ и подражательный процессъ.

Въ немъ онъ далъ себя чувствовать съ гораздо бо̀льшею силою, чѣмъ гдѣ-либо. Оно и понятно. Пажескій корпусъ стоялъ ближе, чѣмъ кто-либо, къ очагу, гдѣ зародился и развивался этотъ процессъ—ко двору. Кромѣ того, Пажескій корпусъ комплектовался тѣмъ служивымъ дворянствомъ, которое было втянуто въ этотъ процессъ и

А. Н. Олениңъ.
Министръ удѣловъ. Директоръ Императорской публичной библіотеки.

которое являлось проводникомъ его въ массы. Вотъ почему при недостаткахъ, общихъ всѣмъ другимъ учебнымъ заведеніямъ, онъ имѣлъ преимущество, которое другія учебныя заведенія или не имѣли или имѣли въ значительно меньшей степени, а именно: онъ какъ бы весь былъ пропитанъ атмосферой западно-европейской цивилизаціи и культуры и воспитанники его разносили и ту и другую въ самыхъ разнообразныхъ формахъ по лицу русской земли.

Когда же Пажескій корпусъ сдѣлался вполнѣ военнымъ учебнымъ заведеніемъ, то онъ пріобрѣлъ еще бо̀льшую цѣнность для рус-

ского государства, которое чрезвычайно медленно превращалось изъ государства съ преобладающими военными интересами въ государство съ преобладающими мирными интересами. Эта медленность дѣлала то, что военная служба, большую часть XVIII столѣтія поглощавшая гражданскую службу, въ первой четверти XIX столѣтія и позже, въ глазахъ правительства, общества и народа стояла какъ бы выше гражданской, была окружена ореоломъ и какъ бы ручалась за то, что человѣкъ, пригодный къ ней, будетъ пригоднымъ и къ гражданской.

Если же къ сказанному прибавить, что развитіе общественнаго организма въ Россіи шло тоже очень медленнымъ путемъ, почему въ раздѣленіи труда ощущалась сравнительно малая нужда, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что и для правительства пажъ, съ дѣтства пропитанный западною цивилизаціею и культурой, прошедшій притомъ высшую школу, а затѣмъ и послужившій въ военной службѣ, являлся желаннымъ человѣкомъ и еще болѣе желаннымъ, чѣмъ раньше. Ему оно готово было болѣе, чѣмъ когда-либо, поручить какое-угодно дѣло и на какомъ-угодно поприщѣ государственной дѣятельности.

Въ царствованіе Императора Александра дѣйствовали еще пажи дореформенныхъ временъ. Такъ, уже намъ знакомый Осипъ Петровичъ Козодавлевъ выступилъ въ роли министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Александръ Дмитріевичъ Балашевъ—министра полиціи, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ—министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а Алексѣй Николаевичъ Оленинъ—въ роли перваго министра удѣловъ. Оленинъ до перехода въ гражданскую службу былъ военнымъ и принималъ участіе въ шведской и польской войнахъ. Кромѣ должности министра удѣловъ, Алексѣй Николаевичъ занималъ должность директора Публичной библіотеки въ теченіе тридцати пяти лѣтъ. Онъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей первой половины XIX столѣтія. Въ его домѣ собирались всѣ выдающіеся люди его времени: литераторы, художники, музыканты и ученые. Такимъ же просвѣщеннымъ человѣкомъ былъ и графъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ принимавшій участіе въ дѣлахъ негласнаго комитета, работавшій надъ вопросами образованія какъ военнаго, такъ и общаго. Кромѣ того, графъ былъ попечителемъ сначала петербургскаго, а потомъ виленскаго округа и стоялъ во главѣ высшаго ученаго учрежденія Россіи—академіи наукъ. Тотъ же Новосильцевъ, въ качествѣ полномочнаго делегата при правительственномъ

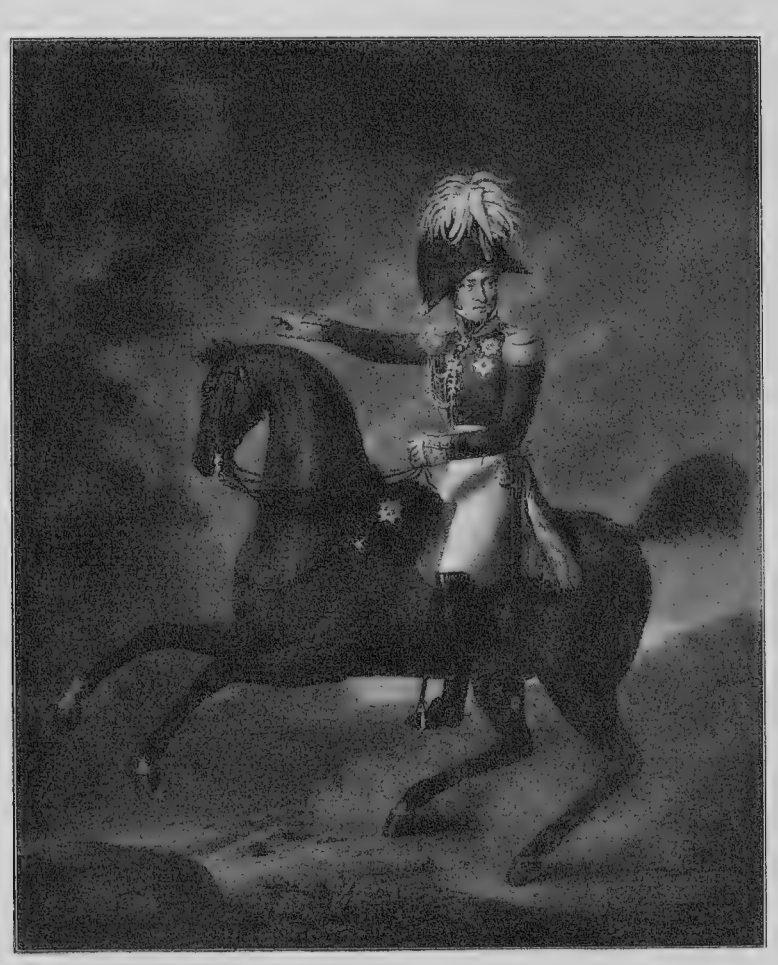
совѣтѣ Царства Польскаго, принималъ участіе въ образованіи различныхъ учрежденій Польши.

А. Д. Балашевъ, А. Н. Оленинъ, Н. Н. Новосильцевъ, подвизаясь на ученомъ, учебномъ и административномъ поприщахъ, подвизались и на военномъ. Всѣ они получили боевое крещеніе, были настоящими военными и этой стороной своей дѣятельности примыкали къ доблестному ряду пажей-героевъ. Тамъ, гдѣ только пахло порохомъ, тамъ отличались и пажи. Идетъ нескончаемая война на Кавказѣ—въ 1803 г. пажъ Алексѣй Леонтьевъ заслуживаетъ въ сраженіи подъ Бѣлоканалисѣ георгіевскій крестъ 4 степени. Приходится русскимъ столкнуться въ качествѣ союзниковъ австрійцевъ съ Наполеономъ подъ Аустерлицемъ—храбрость пажей Янковича де-Миріево, Вельяминова, Храповицкаго обращаютъ на себя вниманіе, и имъ тоже даютъ георгіевскій крестъ 4 степени. Воюетъ Россія съ Турками въ 1807 году—графъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ возвращается съ этой войны, украшенный Георгіемъ 4 степени. Направляется-ли Наполеонъ послѣ быстраго и рѣшительнаго разгрома Пруссіи къ предѣламъ Россіи въ 1806 году и встрѣчаетъ упорное сопротивленіе русскихъ, которое вынуждаетъ его вести зимній походъ 1807 г.—въ числѣ нашихъ храбрецовъ отличаются пажи: Я. А. Потемкинъ, графъ де-Бальменъ, А. С. Кологривовъ, В. А. Русановъ, Д. О. Тутолминъ, И. Ф. Буксгевденъ, К. А. Криднеръ, Ѳ. Н. Посниковъ и будущій министръ кн. А. И. Чернышевъ получаютъ георгіевскіе кресты.

Но пока на сѣверѣ русскіе мѣряются силами съ Наполеономъ, на югѣ ихъ соотечественники продолжаютъ войну съ турками, которая уже дала случай будущему главному директору Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ украсить свою грудь орденомъ св. Георгія 4 степени. Подъ осажденной Варной будущій фельдмаршалъ князь И. Ѳ. Паскевичъ въ 1810 г. получаетъ Георгія 4 степени, а въ 1811—Георгія 3 степени, братъ его С. Ѳ. Паскевичъ подъ Батинымъ на Дунаѣ дѣлается въ 1810 г. тоже кавалеромъ Георгія 4 степени. Настаетъ година испытаній; Россія на краю гибели; напряжены всѣ государственныя и народныя силы; война съ Турціей прекращена во-время, а потому все вниманіе можно сосредоточить на главномъ врагѣ, на Наполеонѣ и его полчищахъ. Начальникомъ третьей обсерваціонной арміи назначается бывшій пажъ А. П. Тормасовъ; онъ, двинувшись на сообщенія французовъ, одерживаетъ побѣду подъ Кобринымъ и получаетъ за нее Георгія 2 степени. Въ этомъ-же сраженіи удо-

стаивается чести получить георгіевскій крестъ и А. А. Башиловъ, съ записками котораго мы знакомы. Вскорѣ послѣ Кобринскаго сраженія графу Тормасову поручается командованіе 2-ою арміею, стоя во главѣ ея онъ въ значительной мѣрѣ способствуетъ изгнанію непріятеля изъ предѣловъ Россіи.

Настаетъ рѣшительный моментъ кампаніи, разыгрывается Боро-



Свѣтл. Кн. А. И. Чернышевъ.
Военный министръ.

динское сраженіе. Пажи Леонтьевъ и Поздѣевъ за подвиги, совершенные въ этотъ незабвенный день, получаютъ Георгія 4 степени; въ тотъ же день складываютъ свои головы—бывшіе пажи: георгіевскій кавалеръ И. Ф. Буксгевденъ, А. Б. Миллеръ, А. П. Лёвшинъ, П. Ѳ. Шапошниковъ, В. Ѳ. Саврасовъ, А. Е. Чемодановъ, А. Ѳ. Раль, К. К. Сиверсъ, А. Ѳ. Клингеръ, П. Г. Лёвшинъ.

Ни одна изъ сторонъ не могла приписать себѣ побѣды, но обѣ стороны считаютъ себя побѣдителями. Тѣмъ не менѣе, путь въ Москву открытъ. Французы двигаются къ ней. Когда они вступаютъ въ

Первопрестольную, ихъ встрѣчаетъ пожаромъ бывшій пажъ, главноначальствующій въ Москвѣ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ.

Наполеонъ уходитъ, начинается преслѣдованіе и народная война. Подъ Малымъ Ярославцемъ Д. С. Дохтуровъ присоединяетъ къ георгіевскому кресту 3-ей степ., который былъ у него раньше, георгіевскій крестъ 2-ой степени.

Малый Ярославецъ переноситъ насъ въ 1813 годъ, въ тотъ годъ, когда начался походъ черезъ Европу, но еще въ 1812 г., при взятіи Полоцка, бывшій пажъ И. Ю. Николаевъ получаетъ за отличіе Георгія 4 степени, а бывшій пажъ П. И. Горсткинъ—тотъ же орденъ и той же степени, за участіе въ плѣненіи Ожеро со всѣмъ его отрядомъ.

Походъ черезъ Европу выдвигаетъ, какъ героевъ: второй разъ бывшаго пажа князя А. И. Чернышева—будущаго министра, которому даютъ георгіевскій крестъ 3-ей степени и П. А. Есипова, А. С. Кологривова, А. А. Яхонтова, Ѳ. Ѳ. Раля, И. А. Петина, А. К. Рединтера, кн. Григ. Ал. Хилкова, С. П. Ланского, Б. П. Дьякова, П. А. Волкова, И. А. Базилевскаго и К. Г. Штрандмана. Изъ всѣхъ названныхъ лицъ, одинъ А. К. Рединтеръ получилъ георгіевскій крестъ 3 степени. Всѣ же остальные получили 4-ую его степень.

Но если нѣкоторымъ пажамъ пришлось въ воинственной эпохѣ первой половины царствованія Императора Александра или играть видную роль, или осуществить завѣтную мечту каждаго военнаго человѣка: сдѣлаться кавалеромъ одной изъ степеней георгіевскаго креста, то многимъ изъ нихъ выпало на долю исполненіе болѣе скромныхъ обязанностей и болѣе скромныя награды.

Точно также и въ мирной дѣятельности, если нѣкоторые пажи, занимали высокіе посты министровъ, то многіе выступали въ болѣе скромныхъ роляхъ предводителей дворянствъ, губернаторовъ и вице-губернаторовъ. Въ заключеніе не безынтересно вспомнить, что первый дворянинъ, рѣшившійся выступить на педагогическомъ поприщѣ, въ качествѣ профессора словесности Юрьевскаго университета, былъ пажъ Глинка, удостоившійся чести быть назначеннымъ „кавалеромъ“ при воспитаніи Великихъ Князей: Михаила Павловича, будущаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и Николая Павловича—будущаго Императора. Его Высочеству и Его Величеству Григорій Андреевичъ читалъ русскую словесность [60]).

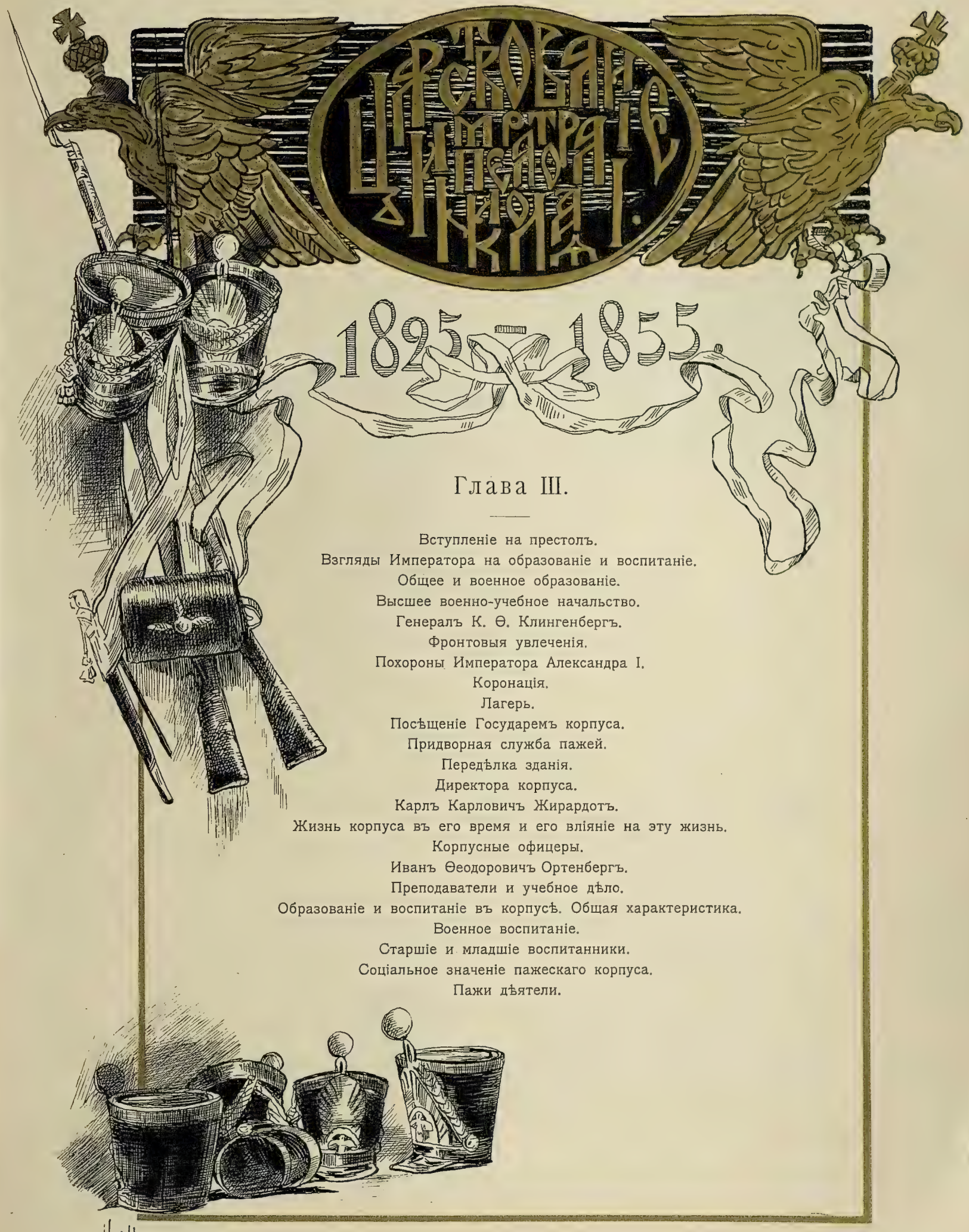
Итакъ, въ царствованіе Императора Александра I пажи выступали то какъ военные дѣятели, то какъ гражданскіе, но почти всѣ

они, прежде чѣмъ, обратиться въ гражданскихъ дѣятелей, проходили черезъ военную службу, на которой большинство подолгу оставалось; другими словами, жизнь еще яснѣе, чѣмъ къ концу XVIII столѣтія, показала къ концу царствованія Императора Александра I, что Пажескому корпусу надлежитъ сдѣлаться исключительно военнымъ учебнымъ заведеніемъ.

По этому пути окончательнаго превращенія корпуса въ военно-учебное заведеніе и повелъ его Императоръ Николай I.

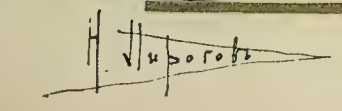
Памятникъ фельдмаршалу князю И. Ѳ. Паскевичу въ Варшавѣ.

„Тов. Худ. печ.“ Англійскій 28



Глава III.

Вступленіе на престолъ.
Взгляды Императора на образованіе и воспитаніе.
Общее и военное образованіе.
Высшее военно-учебное начальство.
Генералъ К. Ѳ. Клингенбергъ.
Фронтовыя увлеченія.
Похороны Императора Александра I.
Коронація.
Лагерь.
Посѣщеніе Государемъ корпуса.
Придворная служба пажей.
Передѣлка зданія.
Директора корпуса.
Карлъ Карловичъ Жирардотъ.
Жизнь корпуса въ его время и его вліяніе на эту жизнь.
Корпусные офицеры.
Иванъ Ѳеодоровичъ Ортенбергъ.
Преподаватели и учебное дѣло.
Образованіе и воспитаніе въ корпусѣ. Общая характеристика.
Военное воспитаніе.
Старшіе и младшіе воспитанники.
Соціальное значеніе пажескаго корпуса.
Пажи дѣятели.



Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ.
Министръ Императорскаго Двора.

25-го Ноября 1825 года, когда Великій Князь Николай Павловичъ игралъ со своими дѣтьми, около 6 часовъ вечера, явился военный губернаторъ графъ Милорадовичъ и приказалъ о себѣ доложить. Когда Великій Князь вышелъ къ нему въ пріемную, онъ засталъ русскаго Баярда въ слезахъ съ платкомъ въ рукѣ. „Что это, Михаилъ Андреевичъ? Что случилось!“— Il y a une horrible nouvelle, Monseigneur! — Великій Князь поспѣшно ввелъ его въ кабинетъ и старый воинъ, зарыдавъ, подалъ письмо отъ князя Волконскаго и барона Дибича: „L'empereur se meurt—прибавилъ онъ—il n'y a plus qu'un faible espoir“.—У Николая Павловича подкосились ноги. Чтобы прочесть письмо, онъ принужденъ былъ сѣсть.

Изъ письма онъ понялъ, что все кончено, что если и есть надежда, то самая слабая. Онъ быстро собрался и отправился къ Августѣйшей матери, которую засталъ въ высшей степени тревожномъ состояніи. Боясь за нее, онъ всю ночь провелъ въ камердинерской, рядомъ съ ея опочивальной, тутъ же съ нимъ легъ и товарищъ его дѣтства, его адъютантъ, бывшій пажъ выпуска 1811 года, Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ [1]).

На слѣдующій день предчувствія матери и брата подтвердились, пришла вѣсть о смерти Александра Благословеннаго. Великій Князь настоялъ на томъ, чтобъ всѣ присягнули Императору Константину Павловичу. Желаніе его было исполнено. Пажескій корпусъ присягнулъ съ остальными. Но вскорѣ выяснилось, что Великій Князь Константинъ Павловичъ положительно и безповоротно отрекается отъ престола. Окончательно стало это извѣстно 13 Декабря. На 14 была назначена присяга Императору Николаю. Пажескій корпусъ присягнулъ и на этотъ разъ. Но, какъ извѣстно, не всѣ поступили также.

Броженіе умовъ, которое, какъ мы видѣли, отразилось и среди пажей и ясно обнаружилось въ исторіи съ Арсеньевымъ, въ концѣ царствованія Императора Александра выросло въ политическій заговоръ.

Только-что кончивъ жестокую войну 1812 года, Императоръ Александръ предпринялъ новую. Цѣлью ея было освобожденіе Европы отъ ига, вотъ уже нѣсколько лѣтъ тяготѣвшаго надъ нею. Эта освободительная война являлась какъ-бы большимъ путешествіемъ, предпринятымъ русскимъ народомъ съ опасностью жизни для пополненія своего образованія за границею. Казалось, онъ былъ отправленъ туда для того, чтобы основательнѣе познакомиться съ тѣми идеями, которыми Благословенный Императоръ восхищался въ первой половинѣ своего царствованія и отъ которыхъ во второй отказался. Можно было подумать, что Александръ I считалъ непремѣнно нужнымъ познакомить свой народъ съ практическимъ примѣненіемъ идей, знакомыхъ ему лишь въ теоріи. Русскіе воспользовались этимъ обстоятельствомъ и возвратились къ себѣ съ искреннимъ желаніемъ пересадить то, что они видѣли въ Европѣ.

Полные силъ юные гвардейцы, получившіе вполнѣ антинаціональное воспитаніе, недостаточно созрѣвшіе для того, чтобы не подражать, отуманенные тѣми же словами, которыми ранѣе ихъ упивалось не мало лицъ во Франціи и другихъ государствахъ, безъ всякаго знанія исторіи своей страны,—они были убѣждены, что сами по себѣ хорошія учрежденія могутъ способствовать благоденствію народовъ. Кромѣ того, будучи свидѣтелями возрожденія Германіи и закипѣвшей въ ней лихорадочной дѣятельности, играя прекрасную роль освободителей, внушавшую имъ преувеличенное мнѣніе объ ихъ собственныхъ силахъ, они искренно вѣрили, что если могли спасти Европу, то сумѣютъ перевоспитать Россію. Эта мысль—перевоспитать Россію, добровольно или насильно, и привела къ безумной попыткѣ 14-го Декабря, не имѣвшей никакой гарантіи успѣха, явившейся плодомъ горячихъ головъ, мало знакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ вещей, совсѣмъ не знающихъ своей родины, которую они хотѣли изучить въ тотъ моментъ, когда нужно было дѣйствовать.

Заговорщики рѣшились воспользоваться нѣсколькими днями междуцарствія, наскоро подготовили людей и когда 14-ое Декабря назначили днемъ присяги Императору Николаю, они увлекли часть солдатъ, которые и отказались исполнить свой долгъ. Тогда-то разыгралась

всѣмъ извѣстная и печальная сцена на Сенатской площади, куда, какъ оказалось потомъ, пробралось десять человѣкъ пажей.

Случилось это потому, что, по словамъ очевидца, суматоха, царившая въ городѣ, царила и въ корпусѣ. Начальство совсѣмъ растерялось; этимъ, конечно, воспользовались шалуны и удрали на Сенатскую площадь посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

„Мнѣ было тогда 13 лѣтъ, пишетъ участникъ этой экспедиціи, бывшій пажъ В. А. Бельгардъ: я не понималъ смысла событія, но, стоя съ товарищами около Лобановскаго дома (нынѣ канцелярія военнаго министерства), видѣлъ движеніе войскъ, помню залпы артиллеріи, ружейный огонь и свистъ пуль, осыпавшихъ стѣну и окна дома Лобанова, у котораго мы стояли. Къ счастью, мы благоразумно возвратились въ корпусъ. Это была первая пуля, добавляетъ авторъ воспоминаній: свиставшая около меня“ [2]).

Что 10 мальчишекъ отправились смотрѣть, какъ свистятъ пули, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, но что, движимый такимъ же любопытствомъ, сдѣлалъ это и одинъ изъ воспитателей, нѣкій Беберъ, вотъ это уже непростительно. Впрочемъ, бѣднякъ и поплатился за это: когда началась пальба и пули полетѣли въ домъ Лобанова, гдѣ изъ окна наблюдалъ происшествіе почтенный педагогъ, то одна изъ нихъ пробивъ стекло, попала въ глазъ любителя сильныхъ ощущеній, отчего онъ и окривѣлъ.

Въ седьмомъ часу бунтъ прекратился. Государь сѣлъ за столъ и написалъ: „Дорогой Константинъ, ваша воля исполнена, я—Императоръ, но, о Боже, какою цѣною,—цѣною крови моихъ подданныхъ“ [3]). „Кончился романъ, начинается исторія“, воскликнулъ князь Меттернихъ, узнавъ о перемѣнѣ, совершившейся въ Россіи.

И дѣйствительно, если предыдущее царствованіе управлялось чувствительностью, сердцемъ и мечтами, то наступившее за нимъ можетъ быть вполнѣ названо царствомъ воли и дисциплины.

Способствовали такому положенію вещей, продолжавшемуся 30 лѣтъ, два обстоятельства: личныя психическія особенности Императора и только-что упомянутыя событія 14 декабря.

Одаренный сильнымъ характеромъ отъ природы Николай Павловичъ въ то же время отлично помнилъ, что командовать можетъ тотъ, кто умѣетъ подчиняться и, будучи Великимъ Княземъ, онъ доказалъ, что не только помнитъ справедливость этой истины, но считаетъ необходимымъ принимать ее къ руководству и въ жизни. Вступивъ на

престолъ, Государь потребовалъ, чтобъ и его подданные поступали по его примѣру.

Потребовалъ онъ это еще и потому, что и рапортъ слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ и личные его разговоры съ ними убѣдили его, что дисциплины въ русскомъ обществѣ нѣтъ и что оно находилось подъ вліяніемъ нехорошихъ вѣяній, занесенныхъ съ Запада. Отсюда для Государя не трудно было сдѣлать слѣдующее заключеніе: необходимо дисциплину насадить и общество предохранить отъ западнаго вліянія, а для этого перемѣнить систему воспитанія, въ которой и коренится все зло. Императоръ такъ и сдѣлалъ, онъ обратилъ свое вниманіе на образованіе и воспитаніе русскаго юношества.

Карлъ Ивановичъ Беберъ.
Гувернеръ.
(Изъ альбома Мухина).

Въ манифестѣ 15 Іюля 1826 года, между прочимъ, было сказано:

„Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, сію пагубную роскошь полупознанія, сей порывъ къ мечтательной крайности, коихъ начало есть порча нравовъ и конецъ—погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ“ [4]).

Слѣдовательно, по мнѣнію правительства, или точнѣе Государя ахилесовой пятой воспитанія являлось такъ называемое домашнее воспитаніе, иными словами,—гувернеры, гувернантки, изъ тѣхъ, съ которыми мы познакомились въ предшествующихъ главахъ, и иностранные пансіоны. Отсюда не трудно догадаться, какого взгляда сталъ придерживаться Николай Павловичъ на школу. По его мнѣнію она должна была быть дѣломъ Государства, а не частныхъ лицъ, и послѣднія могутъ быть въ этомъ дѣлѣ только терпимыми, но никакъ не желанными гостями. Нечего и говорить, что воспитанію Государь придавалъ гораздо большее значеніе, чѣмъ образованію, что, впрочемъ, составляетъ, какъ мы знаемъ, характерную черту нашихъ педагоги-

ческихъ воззрѣній XVIII вѣка и начала XIX вѣка. И въ самомъ дѣлѣ, если припомнитъ читатель, и при Аннѣ Іоанновнѣ и при Елизаветѣ Петровнѣ и, въ особенности, въ первой половинѣ царствованія Императрицы Екатерины II и, наконецъ, во вторую половину царствованія Императора Александра положеніе, что надо обращать вниманіе, главнымъ образомъ, на воспитаніе человѣка, признается, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, какъ бы непреложною аксіомою, которую слѣдуетъ примѣнять и на практикѣ.

Два раза за указанный историческій періодъ вѣра въ спасательность провозглашеннаго принципа ослабѣвала, но только ослабѣвала: въ первый разъ, во вторую половину царствованія Императрицы Екатерины, когда Государыня разочаровалась въ возможности создать новую породу людей, во второй разъ въ первой половинѣ царствованія ея внука, когда молодой Государь увлекся насажденіемъ знаній.

Но лица, приходившія въ соприкосновеніе съ педагогическимъ дѣломъ, сходясь въ признаніи первенствующаго значенія воспитанія, расходились между собой въ понятіи о томъ, какъ надо воспитывать и для чего надо воспитывать и, слѣдуетъ признаться, были бы въ большомъ затрудненіи, если бы ихъ попросили болѣе точно формулировать ихъ требованія.

Что-же касается Императора Николая Павловича, для него какъ цѣль, такъ и главный методъ воспитанія, были ясны, какъ Божій день. Воспитать русскаго юношу—значило для Государя сдѣлать изъ него носителя трехъ принциповъ: самодержавія, народности и православія; притомъ такихъ носителей, которые проникались бы ими до мозга костей. Лучшимъ средствомъ для внѣдренія названныхъ принциповъ Государь считалъ нравственную дисциплину или умѣніе повиноваться и воспринимать на вѣру то, что внушаютъ старшіе. А такъ какъ такая выдержка характера лучше всего достигается въ военной средѣ, то и понятно, почему въ извѣстный періодъ своего царствованія онъ мечталъ обратить всѣ учебныя заведенія въ военно-учебныя. Возникновенію такихъ мечтаній способствовалъ и личный опытъ Государя [5]).

Великимъ Княземъ Николай Павловичъ близко принималъ къ сердцу учебныя дѣла инженернаго училища и, въ качествѣ командира 2-ой бригады 1-й гвардейской дивизіи, обратилъ вниманіе на то, что молодые люди, поступающіе въ полки подпрапорщиками, нерѣдко по окончаніи даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ курса оказываются весьма мало подготовленными въ военныхъ наукахъ, трудно

усваиваютъ требованія воинской дисциплины и вообще мало успѣваютъ въ строевомъ образованіи. Замѣтивъ это, Великій Князь собралъ юнкеровъ Измайловскаго и Егерскаго полковъ въ бригадную квартиру и подъ своимъ личнымъ руководствомъ попробовалъ дать имъ военное образованіе. Опытъ удался; тогда Великій Князь подалъ проэктъ объ учрежденіи школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Проэктъ былъ принятъ и въ 1823 году была учреждена гвардейская юнкерская школа [6]).

Однако, сила вещей помѣшала осуществленію мечты Императора. Мы видимъ, что при его Августѣйшемъ братѣ — военное образованіе, построенное по одному плану съ общимъ, тѣмъ не менѣе все больше и больше отдѣлялось отъ него, что было естественнымъ послѣдствіемъ соціальнаго развитія.

Въ царствованіи Императора Николая Павловича отдѣленіе это обозначалось еще рѣзче, а потому мы не можемъ даже позволить себѣ, въ виду спеціальныхъ цѣлей нашего труда, прослѣдить судьбы общаго образованія. Мы скажемъ только, что сословный принципъ, положенный въ его основу, не привелъ къ желаннымъ результатамъ; не удалось провести во всей строгости и принципъ государственности. Частные иностранные пансіоны, какъ показываетъ статистика, продолжаютъ существовать такъ-же, какъ гувернеры и гувернантки сомнительныхъ качествъ. Новинкою въ сферѣ частнаго воспитанія явились русскіе пансіоны съ замѣчательными педагогами во главѣ, въ родѣ извѣстнаго Филиппова, но это были одинокія, хотя и удачныя, но мало вліявшія на общій ходъ дѣла попытки [7]).

Что же касается военнаго образованія, то и принципъ сословности и принципъ государственности были проведены здѣсь съ почти-что идеальною строгостью. Удача въ этомъ направленіи, повидимому, въ значительной мѣрѣ способствовала оживленію мечты Государя—попытаться общему образованію и воспитанію придать характеръ военнаго или, въ сущности, опять слить то и другое, а другими словами, измѣнить ходъ процесса раздѣленія труда.

Но, кромѣ того, въ царствованіе Императора Николая военное образованіе и воспитаніе сдѣлало большой шагъ впередъ, сравнительно съ тѣмъ, что было при его предшественникѣ. Мы видѣли, что уже и тогда пытались объединить въ однѣхъ рукахъ управленіе военно-учебными заведеніями и что съ этою цѣлью во главѣ ихъ былъ поставленъ Великій Князь Константинъ Павловичъ въ качествѣ

предсѣдателя „совѣта о военныхъ училищахъ“, но такъ какъ Его Высочество постоянно пребывалъ въ Варшавѣ, то установлена была должность главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ, которую занялъ, какъ мы уже говорили, извѣстный герой 12-го года, графъ Коновницынъ. Главный директоръ считался подначальнымъ Великому Князю Константину Павловичу и обязанъ былъ имѣть высшій надзоръ за хозяйствомъ и дисциплиною.

Графъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.
Главный директоръ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ.

Вскорѣ при главномъ директорѣ учредили особое дежурство съ канцеляріею изъ трехъ отдѣленій — инспекторскаго, учебнаго и хозяйственнаго. Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ того, какъ зачатки главнаго управленія появились на свѣтъ, — и Коновницына не стало. Его мѣсто замѣнилъ бывшій пажъ, генералъ-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, георгіевскій кавалеръ и тоже герой 12-го года, но онъ пробылъ недолго на этомъ посту. Въ 1826 году онъ его покинулъ, уступивъ мѣсто генералъ-адъютанту Демидову, великому чудаку, далеко не просвѣщенному человѣку, „служебный педантизмъ котораго превосходилъ педантизмъ самого *безъ лести преданнаго* графа Алексѣя Андреевича Аракчеева“.

„Одно изъ главныхъ его чудачествъ заключалось въ томъ, что онъ помѣшанъ былъ до смѣшного на той мысли, что онъ вылитый портретъ императора Наполеона I; правда, нѣкоторое сходство онъ имѣлъ съ Бонапартомъ, но не такое, какое воображалъ себѣ. Кромѣ того, онъ былъ суевѣренъ до невозможности. У всѣхъ его дверей были прибиты найденныя имъ подковы, какъ знакъ благополучія. Въ его спальнѣ въ клѣткѣ былъ пѣтухъ для отогнанія домового. Къ числу его предразсудковъ принадлежалъ, въ особенности, тотъ исконный русскій предразсудокъ, который считаетъ встрѣчу со свя-

щенникомъ самымъ несчастнымъ предзнаменованіемъ. Разсказывали хорошо знавшіе этого генерала люди, что неоднократно, выѣхавъ со двора и увидѣвъ изъ окна переходившаго ему дорогу священника, онъ выскакивалъ изъ экипажа, испрашивалъ у батюшки съ почтительнымъ видомъ благословенія и затѣмъ убѣдительнѣйше упрашивалъ его сѣсть въ карету. Какъ только священникъ исполнялъ его желаніе, генералъ приказывалъ кучеру скорѣе ѣхать домой. Пріѣхавъ къ себѣ, онъ учтиво высаживалъ священника изъ экипажа и вводилъ въ свои комнаты, гдѣ въ одной изъ комнатъ съ одною дверью, онъ, дѣлая видъ, что ему нужно отдать какое-нибудь домашнее приказаніе, быстро выходилъ изъ комнаты и такъ же быстро запиралъ дверь на ключъ, который бралъ въ карманъ, и увѣренный въ томъ, что этотъ священникъ уже не перейдетъ ему дорогу, самъ быстро уѣзжалъ туда, куда его призывали дѣла. Такія похищенія духовныхъ лицъ даже подавали поводъ къ весьма страннымъ недоразумѣніямъ. Затѣмъ уже мѣстное духовенство (генералъ жилъ на Васильевскомъ островѣ) и причты, завидя его высокую карету четверкою цугомъ, съ двумя лакеями въ военныхъ ливреяхъ на запяткахъ, навастривали лыжи и быстро утекали, чтобъ не попасть на нѣсколько часовъ подъ ключъ его высокопревосходительства.

Во время стоянки въ лагерѣ, вѣрнѣйшее средство удержать главнаго директора отъ прихода къ кадетамъ, на которыхъ онъ наводилъ тоску постоянными и однообразными поученіями, было положить на пути отъ его палатки къ лагерю кресты изъ соломенокъ или изъ чего придется. Увидя такой крестъ, генералъ Демидовъ возвращался“ [8]). Насколько просвѣщенъ былъ главный директоръ, можно судить по слѣдующему случаю. „Одинъ разъ, пишетъ бывшій преподаватель русскаго языка морского, 2-го кадетскаго корпуса, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и академіи художествъ, нѣкій В. Т. Плаксинъ:— въ 1829 году сидѣлъ я въ офицерскомъ классѣ кадетскаго корпуса и, разбирая басни Крылова, сравнивалъ его басню „Воспитаніе льва“ съ баснею того же названія и содержанія Флоріана. Да, я забылъ сказать, что это было въ морскомъ корпусѣ, а тамъ старшій офицерскій классъ помѣщался рядомъ съ залою, изъ которой входъ былъ устроенъ такъ, что сидѣвшему на каѳедрѣ не было видно того, кто входилъ. Такъ, занятый своимъ дѣломъ, слышу кто-то входитъ крупнымъ твердымъ шагомъ и не одинъ. Не кончивши мысли, я не имѣю обыкновенія обращаться къ посѣтителю, но вдругъ слышу громкое привѣт-

ствіе и взглянувъ, вижу передъ собою величественную фигуру Николая Павловича. Я не успѣлъ еще опомнится и сообразить всѣхъ обстоятельствъ, прерванный въ чтеніи, внезапно слышу вопросъ: „Что вы дѣлаете“?—Читаю исторію русской литературы. „Хорошо, но именно что?“—но, обратившись къ директору Крузенштерну:

„Въ наше время, сколько я помню, объ этомъ и слуху не было: ты, Иванъ Ѳедоровичъ, учился ли этому“?

— Нѣтъ, Ваше Величество, это новая наука. —

Это маленькое отступленіе дало мнѣ возможность собраться съ духомъ. Надо признаться, я таки порядочно струсилъ и отъ внезапности и отъ этого нелегкаго воспитанія льва. Но дѣлать нечего, улика на лицо и запираться поздно, надо итти прямымъ путемъ, слѣдовательно, кратчайшимъ. „Да, такъ продолжайте“. (Я сѣлъ въ разсѣянности).—Я разбиралъ, Ваше Величество, басню Крылова „Воспитаніе льва“ и сравнивалъ ее съ баснею Флоріана того же содержанія.

— „Хорошо, это интересно, послушаемъ“.

Я началъ читать. Государь, замѣтивъ, что офицера, желая записывать, наклонялись къ столамъ, тотчасъ велѣлъ имъ сѣсть, а самъ все стоялъ. Думая, что онъ скоро уйдетъ, я все старался выѣхать на сравненіи фразъ и оборотовъ рѣчи, но все это стало истощаться, а онъ все стоялъ да слушалъ. Пришлось приниматься за мысли, за содержаніе, а главное, за это преимущество отрицательной формы въ басни передъ положительной. Я отдавалъ предпочтеніе отрицательной и на этомъ основалъ превосходство Крылова, какъ карателя порока и нравоучителя. Наконецъ, онъ вышелъ и, что удивило всѣхъ, вышелъ на цыпочкахъ, а не съ шумомъ, какъ обыкновенно онъ дѣлывалъ. По замѣчанію офицеровъ-слушателей, Государь пробылъ въ классѣ часъ и десять минутъ. (Въ тѣ времена утреннія лекціи продолжались 2 часа). Я навѣрное не могу сказать, сначала мнѣ показалось очень долго, а потомъ, когда уже увлекся, я не замѣчалъ времени. А все-таки, когда онъ вышелъ, мнѣ стало какъ будто легче. Но когда пробило 2 часа, я кончилъ лекцію и офицеры окружили меня, вдругъ Государь возвратился назадъ и остановился противъ меня и притворно сердитымъ голосомъ сказалъ:

— „Какъ ты смѣешь учить, когда это тебѣ запрещено? Ну, если узнаетъ Руничъ? а? Иванъ Ѳедоровичъ, какъ ты принялъ къ себѣ такого вольнодумца? Васъ обоихъ подъ судъ къ Магницкому“.

И съ этими словами ушелъ.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія, я получилъ приказаніе отъ главнаго директора всѣхъ сухопутныхъ корпусовъ генерала Демидова: „съ полученіемъ сего немедленно явиться къ главному директору и прочее“. Такъ какъ я на службѣ состоялъ въ морскомъ корпусѣ, то не счелъ нужнымъ спѣшить исполненіемъ грозной воли его высокопревосходительства и отложилъ это до другого дня. Когда я явился къ нему, то долженъ былъ выслушать шумную съ неистовыми скачками, перевертываніями и кривляніемъ руготню за поздній къ нему приходъ. Все это кончалось словами:

— „Еслибъ васъ начальникъ звалъ въ три часа ночи, когда вы спите еще, и тогда вы должны тотчасъ явиться“.

— Я учу, в.-в-во, въ пяти учебныхъ заведеніяхъ, такъ если будутъ требовать по ночамъ всѣ пятеро, мнѣ не только не придется никогда заснуть, даже не успѣю у всѣхъ перебывать.

— „Какъ? въ пяти заведеніяхъ? этому я положу конецъ, этого не должно быть“.

— Слушаю, В. в-в-во; завтра же я останусь только въ четырехъ.

„Какъ? ахъ, да; что ты тамъ надѣлалъ въ морскомъ корпусѣ? Какія ты читалъ стихи Государю Императору“?

— Я Государю Императору никакихъ стиховъ не читалъ.

„Какъ! ты еще отказываешься, запираешься. Я заставлю тебя говорить“.

— Я не понимаю, къ чему этотъ допросъ. Мнѣ кажется, В-в-во не за того меня принимаетъ, кто я дѣйствительно.

„Какъ, вѣдь вы Плаксинъ“?

— Да я Плаксинъ, но я не помню, чтобы я имѣлъ несчастье навлечь гнѣвъ Государя Императора.

„Какъ ты этого не помнишь, не знаешь, что Государь Императоръ не любитъ сихъ гнусныхъ вашихъ стиховъ; убирайся вонъ, несчастный несчастливецъ“!

Я ушелъ и тотчасъ написалъ генералу Маркевичу, что болѣе не могу учить во второмъ кадетскомъ корпусѣ.

Добрый старикъ упросилъ меня, по крайней мѣрѣ, сдать экзамены. Между прочимъ, Демидовъ отдалъ изступленный приказъ, чтобы никакихъ стиховъ никто не смѣлъ не только читать, но даже имѣть у себя во всѣхъ четырехъ корпусахъ, и не только кадеты, но и офицеры и учители подъ страхомъ изгнанія. Я сдержалъ свое слово, оставилъ 2 кадетскій корпусъ. Гоненіе на поэзію продолжалось, пока

жилъ Демидовъ и дралъ бѣдныхъ кадетъ-любителей стиховъ. Но въ 1832 г. холера сжалилась надъ страждущими во имя поэзіи. Демидовъ умеръ и поэзія вступила въ свои права“ [9]).

Сохранился ли такой приказъ въ архивѣ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, мы не знаемъ, но зато знаемъ, что въ Пажескій корпусъ въ 1829 г. былъ дѣйствительно доставленъ приказъ главнаго директора, въ которомъ значилось слѣдующее: „Имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство подтвердить гг. штабъ и оберъ-офицерамъ подвѣдомственнаго вамъ Пажескаго корпуса, дабы у воспитывающихся въ ономъ, не было ничего запрещеннаго, а тѣмъ паче всякаго рода стихотвореній, и поставить имъ въ непремѣнную обязанность, по часту и внезапно осматривать принадлежащіе воспитывающимся ящики стола, постели и прочее, а также имѣть наблюденіе, чтобы увольняемые по праздничнымъ днямъ къ родственникамъ не привозили съ собой чего-либо непозволеннаго. При семъ долгомъ поставляю присовокупить, что строжайшая отвѣтственность за наблюденіе сего будетъ возлежать на ротномъ командирѣ и на завѣдующихъ капральствами оберъ-офицерахъ“ [10]).

Весьма интересно замѣтить, что на мѣсто генерала Демидова, еще до его назначенія, просился извѣстный генералъ Жомини. Онъ написалъ по этому поводу письмо Цесаревичу, которое послѣдній препроводилъ къ Государю, приложивъ при этомъ и свой отвѣтъ, весьма ядовито написанный. Въ немъ Константинъ Павловичъ намекалъ на то обстоятельство, что человѣкъ, какъ никакъ, оказавшійся въ положеніи перебѣжчика, не можетъ, расчитывать на постъ, требующій безукоризненной репутаціи. „J'ai reçu, monsieur le général, votre lettre datée de St. Pétersbourg, du 1 Mai, писалъ 21 Мая 1826 года Великій Князь: Vous desirez que je demande á l'empereur pour Vous le poste qu'occupe le général Koutousoff aux corps des cadets et des pages. L'emminence de cet emploi qui place celui qui l'occupe á la tête de l'éducation militaire de la noblesse russe pour lui offrir à la fois l'exemple et les preceptes de toutes les qualités qui doivent l'attacher à son souverain et à sa patrie en les servant utilement l'un et l'autre, exige tant de qualités reunies et impose de si grands devoirs que dans la crainte de la responsabilité qui pourrait en rèjaillir sur moi je m'obstiendrai toujours de proposer à sa Majesté un homme de mon choix seulement pour le remplir [11]).

Когда сошелъ со сцены генералъ Демидовъ (а онъ сошелъ съ нея

почти одновременно со смертію Цесаревича), его постъ занялъ генералъ Сухозанетъ I, для характеристики котораго у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Генерала Сухозанета, въ свою очередь, смѣнилъ генералъ Карлъ Ѳедоровичъ Клингенбергъ, директоръ Павловскаго корпуса, столь близкій человѣкъ Пажескому корпусу, большую часть жизни служившій въ немъ и оставившій, по единодушному признанію своихъ питомцевъ, самую хорошую и прочную память въ ихъ сердцахъ. Мы уже познакомились изъ предыдущаго съ дѣятельностью Карла Ѳедоровича. Здѣсь скажемъ только, что, какъ можно судить, правда, по немногимъ чертамъ его характера, переданнымъ намъ его воспитанниками, это былъ замѣчательный педагогъ-практикъ, педагогъ по призванію, изъ тѣхъ, на которыхъ всегда ссылаются, когда хотятъ увѣрить, что педагогическое дѣло не требуетъ никакой подготовки и что достаточно для этого любви и призванія, которыя все подскажутъ, всему научатъ, забывая, что одушевленныхъ такой любовью людей такъ мало и они такъ рѣдко встрѣчаются, что появленіе ихъ въ стѣнахъ того или другого заведенія составляетъ эпоху, какъ составило эпоху пребываніе Карла Ѳедоровича въ стѣнахъ Пажескаго корпуса. Историческій періодъ Пажескаго корпуса, т. е. такой періодъ, который допускаетъ прикосновеніе исторической критики, заключаетъ промежутокъ времени, равняющійся почти 100 годамъ (1759—годъ основанія корпуса, 1855—годъ смерти Императора Николая I), а между тѣмъ за эти сто лѣтъ только два человѣка оставили по себѣ такой слѣдъ, что ихъ имена нераздѣльно слились съ корпусомъ, могутъ составить его гордость и должны быть дороги каждому пажу, а это именно—имена Карла Ѳедоровича Клингенберга и Карла Карловича Жирардота (о которомъ рѣчь впереди).

Карлъ Ѳедоровичъ Клингенбергъ.

Оба они вложили въ дѣло воспитанія пажей всю свою душу, отдались этому дѣлу нераздѣльно и каждый, хотя различными путями, достигъ замѣчательныхъ результатовъ. И оба дождались, хотя опять-таки различныхъ, наградъ, но все же большихъ.

Подарокъ,
преподнесенный К. Ѳ. Клингенбергу.

Старикъ Клингенбергъ, пройдя всѣ ступени педогогической іерархіи, достигъ высокаго положенія главнаго директора и отпраздновалъ свой юбилей, по поводу котораго въ родномъ его корпусѣ получена была весьма характерная бумага, которую мы сейчасъ и приведемъ; воспоминаніе о старикѣ Жирардотѣ до сихъ поръ живо въ памяти его уже сѣдовласыхъ питомцевъ; а могила его и поднесь посѣщается заслуженнымъ, благодарнымъ ему пажемъ. Вотъ содержаніе только-что упомянутой бумаги, касающейся Карла Ѳедоровича Клингенберга.

„12 Октября сего 1838 года исполнится пятидесятилѣтній юбилей службы въ офицерскомъ чинѣ директора Павловскаго кадетскаго корпуса генералъ-лейтенанта Клингенберга.

Изъ сего числа лѣтъ Его Превосходительству 24 года служилъ въ Пажескомъ корпусѣ, 10—во второмъ и 10 же—въ Павловскомъ кадетскихъ и образовалъ для службы Государя Императора большое число офицеровъ отъ фельдмаршала и до прапорщика, изъ коихъ каждый исполненъ къ нему чувства уваженія и благодарности, каковыя чувства воспитанники эти, находящіеся въ С.-Петербургѣ и желали выразить почтенному ихъ воспитателю въ день пятидесятилѣтняго его служебнаго юбилея.

По всеподданнѣйшему докладу о семъ Государю Императору, Его Императорское Величество Всемилостивѣйше разрѣшилъ. Его Императорское Высочество главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній повелѣлъ увѣдомить о дѣлѣ означеннаго юбилея Ваше Превосходительство съ тѣмъ, что не угодно-ли будетъ Вамъ извѣстить о немъ и всѣхъ состоящихъ на службѣ въ ввѣренномъ Вамъ корпусѣ прежнихъ воспитанниковъ Пажескаго, 2-го, и Павловскаго корпусовъ: не

пожелаетъ-ли кто-либо и изъ нихъ принять участіе въ поднесеніи Его Превосходительству Карлу Ѳедоровичу какого-либо приношенія на память какъ юбилея его, такъ и чувствъ преданности къ нему бывшихъ его воспитанниковъ, и съ тѣмъ, что кто изъ нихъ будетъ находиться въ то время въ Петербургѣ—присутствовалъ бы на самомъ празднествѣ“[12]).

Прочитавъ эту бумагу, можно только посожалѣть, что ко времени назначенія Карла Ѳедоровича главнымъ директоромъ, должность эта, по справедливому замѣчанію генерала Лалаева, свелась къ „личному наблюденію за исполненіемъ приказаній начальства, безъ занятій письменныхъ“. Въ 1849 году умеръ этотъ почтенный военный педагогъ, одинъ изъ первыхъ серьезныхъ піонеровъ многотруднаго военнаго педагогическаго дѣла на Руси. Онъ былъ иностранецъ, но душою онъ сдѣлался русскимъ, полюбилъ русское юношество и отдалъ воспитанію его всего себя нераздѣльно, а самъ лично служилъ ему доблестнымъ примѣромъ тѣхъ качествъ, въ которыхъ Константинъ Павловичъ отказывалъ знаменитому стратегу Жомини. Да, такихъ лицъ, какъ Карлъ Ѳедоровичъ было немного въ Россіи, но зато этимъ немногимъ они многимъ обязаны: благодаря имъ, ей удалось выбраться на самостоятельный путь и мало-по-малу встать на ноги и начать работать на свой рискъ и страхъ.

Скончался генералъ Клингенбергъ въ одинъ годъ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, 18 лѣтъ управлявшимъ военно-учебными заведеніями въ качествѣ главнаго ихъ начальника. Личность

Великаго Князя разными лицами рисуется въ разныхъ краскахъ, часто въ противорѣчивыхъ, въ зависимости отъ того, какая сторона характера Августѣйшаго главнаго начальника сказывалась въ отношеніяхъ съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ. Но въ общемъ, на счетъ его характера можно притти къ такимъ заключеніямъ: золотое

сердце, скрытое подъ суровою оболочкою строгаго исполнителя служебнаго долга. Золотое сердце требовало добрыхъ дѣлъ и любви; выросшій на вахтъ-парадахъ исполнитель долга—педантичнаго отношенія къ мелочамъ военнаго дѣла.

Очень часто сердце и умъ не оправдывали дѣйствій исполнителя долга, но ихъ онъ не слушалъ, считая своей обязанностью ревностно блюсти то, что въ то время считалось важнымъ и къ чему онъ привыкъ смолоду въ суровой школѣ второй половины царствованія Александра Павловича, про военные порядки которой бывшій пажъ выпуска 1800 года, князь Паскевичъ, пишетъ слѣдующее: „Послѣ 1815 года, фельдмаршалъ графъ Барклай-де-Толли, который зналъ войну, подчиняясь требованіямъ Аракчеева, сталъ требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преслѣдовалъ старыхъ солдатъ и офицеровъ, которые къ сему способны не были, забывъ, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россію. Много генераловъ подчинялись этимъ требованіямъ; такъ напримѣръ, генералъ Ротъ, командовавшій 3 дивизіею, который въ одинъ годъ разогналъ всѣхъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ и наши георгіевскіе кресты пошли въ отставку и очутились винными приставами. Армія не выиграла отъ того, что, потерявъ офицеровъ, осталась съ одними экзерцирмейстерами. Я требовалъ строгую дисциплину и службу, я не потакалъ безпорядкамъ и распутству, но я не дозволялъ акробатства. Я сильно преслѣдовалъ жестокость и самоуправство, а хорошихъ храбрыхъ офицеровъ я оберегалъ, но къ горю моему, фельдмаршалъ Барклай-де-Толли имъ заразился. Это экзерцирмейстерство мы переняли у Фридриха II, который отъ отца своего наслѣдовалъ эту выучку, и хотѣли видѣть въ томъ секретъ его побѣдъ. Не понимая его генія, принимали наружное за существенное.

Князь И. Ѳ. Паскевичъ.
Фельдмаршалъ.

Фридрихъ былъ радъ, что принимаютъ то, что лишнее, и какъ всегда случается, перенимая, еще болѣе портятъ. У насъ экзерцирмейстерство приняла въ свои руки бездарность, а какъ она въ большинствѣ, то изъ нея стали выходить сильные въ государствѣ, и послѣ того никакая война не въ состояніи придать ума въ обученіи войскъ. Что сказать намъ, генераламъ дивизій, когда фельдмаршалъ свою высокую фигуру нагибаетъ до земли, чтобы равнять полки гренадеръ, и какую потомъ глупость нельзя ожидать отъ армейскаго маіора? Фридрихъ II этого не дѣлалъ. А Барклай-де-Толли былъ тутъ у всѣхъ на глазахъ. Въ годъ времени войну забыли, какъ будто тутъ ея никогда не было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерскою ловкостью“ [13]).

Такого мнѣнія былъ будущій фельдмаршалъ о той школѣ, въ которой выросли Императоръ Николай и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, а вотъ, что говоритъ о послѣдствіяхъ усвоенія экзерцирмейстерскаго искусства нашъ славный партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

„Для лицъ, не одаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключается лишь въ несносно-педантическомъ убивающемъ всякую умственную дѣятельность парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ пріемовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшимости, служитъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Поэтому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь изученію мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя беззаконныя, матеріальныя выгоды, которыя правительство, повидимому, поощряетъ. Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе со времени вступленія на престолъ Императора Николая; онъ и братъ его Великій Князь Михаилъ Павловичъ не щадятъ ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отрасли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ и выдѣлыванія темповъ наша армія безспорно превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды, истые

любители изящной ремешковой службы, полагаютъ въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войсками въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, лишь вредна для нихъ. Какъ будто бы войска обучаются не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію и сознавая по опыту пользу строеваго образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не поясняющихъ, но крайне затемняющихъ дѣло.

Я полагаю, что надлежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ стѣснять частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго развитія коихъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставахъ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной непосредственности — это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, отовсюду изгоняютъ способныхъ людей, которые, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремится правительство, не понимающее истинныхъ требованій вѣка и какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены имъ на гибельное развитіе системы, которая, если продлится надолго, лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ.

Не дай, Боже, убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу! Мнѣ, уже состарѣвшемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельныхъ, умныхъ и свѣдующихъ людей будетъ ей наиболѣе необходимо, наше правительство будетъ окружено лишь толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усиліе этихъ лицъ не допускать до него справедливыхъ требованій вѣка могутъ ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ“ [14]).

И, несмотря на все это, справедливость требуетъ сказать, что и Императоръ Николай и его братъ Михаилъ Павловичъ, проводникъ взглядовъ Государя, создали военное образованіе въ Россіи, заботились о немъ очень много и, дѣйствительно, упорядочили его. Архивъ Пажескаго корпуса громко свидѣльствуетъ объ огромной организаторской дѣятельности, о благихъ намѣреніяхъ и полезныхъ мѣрахъ, проведенныхъ Великимъ Княземъ по указанію Императора, котораго справедливо можно назвать „зиждителемъ военнаго образованія въ Россіи“.

Дѣятельность Великаго Князя выдѣляется особенно рельефно, когда разсмотришь ее въ связи съ тѣмъ, что было сдѣлано въ предъидущее царствованіе. Тогда становится яснымъ, что если до него собрали кирпичи, бревна, желѣзо и заложили фундаментъ для будущей постройки, то онъ докончилъ постройку фундамента и воздвигъ прочное зданіе. То, что Н. Мельницкій говоритъ въ своемъ цѣнномъ сборникѣ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи объ эпохѣ Императора Николая Павловича, можетъ быть смѣло отнесено къ дѣятельности Великаго Князя Михаила Павловича. „Со вступленіемъ на престолъ Государя Императора Николая Павловича, наступила для учебныхъ заведеній новая блестящая эпоха, пишетъ полковникъ Мельницкій: до того времени заведенія эти, учрежденныя въ разныя царствованія отдѣльно одно отъ другого съ различными цѣлями и средствами и на различныхъ основаніяхъ, — не могли имѣть ничего общаго: внутренній и наружный порядокъ системы воспитанія, предметы ученія, условія дисциплины и фронтовое обученіе все было у нихъ различно.

Для воспитанія нравственнаго не имѣлось ни законовъ, ни инструкцій. Все дѣлалось по навыку, всѣ улучшенія и перемѣны производились частными начальниками и составляли, такъ сказать, распоряженія домашнія, не бывъ утверждены высшимъ начальствомъ; распоряженія эти не могли считаться ни общими, ни постоянными, ни прочными, ибо измѣнялись по усмотрѣнію и большей или меньшей степени усердія и умѣнія каждаго частнаго начальника.

Для образованія умственнаго не было также ни инструкцій, ни программъ, ни руководствъ и самый выборъ послѣднихъ, по несуществованію первыхъ, зависѣлъ отъ частнаго начальника или чаще отъ самихъ преподавателей. По инымъ же наукамъ преподаватели составляли записки безъ указаннаго направленія. Даже ходъ ученія не

подлежалъ повѣркѣ—отчего часто случалось, что преподаваніе одной какой-нибудь науки вдругъ прекращалось; но когда, почему, по чьему разрѣшенію—все это оставалось неизвѣстнымъ.

Для воспитанія физическаго равномѣрно не было ни законовъ, ни инструкцій. Въ каждомъ заведеніи былъ и обѣдъ и ужинъ, но утромъ въ Пажескомъ корпусѣ дозволяли воспитанникамъ пить на ихъ счетъ, въ другихъ заведеніяхъ давали черный хлѣбъ съ солью или бѣлыя булки. Обмундированіе и бѣлье строилось не на каждаго воспитанника отдѣльно, а на всю массу и раздавалось каждому случайно. Въ спальныхъ помѣщеніяхъ (кромѣ Пажескаго корпуса) было весьма тѣсно, въ иныхъ заведеніяхъ спальни не освѣщались, а въ другихъ какъ залы, такъ и спальни освѣщались сальными свѣчами. Бани существовали почти при всѣхъ заведеніяхъ, но въ нѣкоторыхъ, за недостаткомъ оныхъ, водили въ бани торговыя. Большая часть заведеній имѣла лазареты, нѣкоторыя же отправляли воспитанниковъ въ военные госпиталя, а иные лечили ихъ въ самомъ заведеніи при помощи вольнопрактикующихъ медиковъ. Гимнастики ни въ одномъ заведеніи не обучали. Танцованіе было введено только въ Пажескомъ корпусѣ, а фехтованіе—въ этомъ корпусѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Фронтовой службѣ обучали во всѣхъ заведеніяхъ, но безъ единообразія и безъ общаго направленія; ученія были одиночныя, перемежныя, лѣтомъ батальонныя и только изрѣдка полковыя. Хозяйственною частью каждаго заведенія лично управлялъ безъ контроля директоръ, ибо части эти для дѣйствій своихъ не имѣли инструкцій. Краткіе отчеты, ежедневно представляемые главному директору, не поступали на ревизію ни въ государственный контроль, ни въ какое-либо высшее учрежденіе“ [15]).

Въ помощники себѣ Михаилъ Павловичъ избралъ знаменитаго Якова Ивановича Ростовцева, пажа выпуска 1822 года. Личность Якова Ивановича и его дѣятельность подвергались тоже различной оцѣнкѣ, чему въ значительной мѣрѣ способствовало то обстоятельство, что ему пришлось однажды стать въ очень щекотливое положеніе по отношенію къ декабристамъ, въ положеніе, изъ котораго выйти было трудно, и на выходъ изъ котораго можно весьма и весьма не одинаково смотрѣть; въ его душѣ происходила тогда, очевидно, очень сложная психическая работа и понять ее могли немногіе. Что же касается его дѣятельности, то и тутъ приходится останавливаться

съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Если вѣрить одному сообщенію, Яковъ Ивановичъ издалъ приказъ и въ этомъ приказѣ рекомендовалъ обращать особенное вниманіе воспитанниковъ на то, что величіе Христа Спасителя заключается, главнымъ образомъ, въ повиновеніи властямъ. Этого приказа мы не читали, но можемъ, съ своей стороны, привести свидѣтельство почтеннаго Галахова, отзывающагося объ Яковѣ Ивановичѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Починъ въ постановкѣ преподаванія русскаго языка и словесности на новыхъ началахъ безспорно принадлежитъ Я. И. Ростовцеву. Его усиленныя старанія поднять уровень образованности военнаго сословія, его конкурренція на этомъ пунктѣ съ другими учебными вѣдомствами — останутся навсегда памятною заслугою. Успѣхъ этихъ стараній ласкалъ и питалъ его честолюбіе. До него до сихъ поръ, быть можетъ, не вышли бы въ свѣтъ такіе капитальные ученые труды, какъ историческая грамматика русскаго языка Буслаева и его же хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка. Не смѣю судить о моей исторіи русской словесности и исторической хрестоматіи къ новому ея періоду, я обязанъ, однако же, сказать, что и онѣ своимъ появленіемъ обязаны его содѣйствію.

Съ удовольствіемъ вспоминаю, что отношенія съ Я. И. были неизмѣнно пріятны. Вся тайна въ томъ, что Яковъ Ивановичъ не формально, а по внутренному побужденію, интересовался успѣхомъ предложенныхъ улучшеній. Онъ умѣлъ цѣнить труды лицъ, увѣренныхъ въ правотѣ своего дѣла, а потому искренно и добросовѣстно ему преданныхъ. Онъ охотно слѣдилъ за ходомъ работъ по составленію учебниковъ, порученныхъ мнѣ и Ѳ. И. Буслаеву, не стѣсняя насъ ни срокомъ, ни другими условіями, которыя могли бы стать въ разрѣзъ съ выработанными нами планами и тѣмъ повредить научнымъ и учебнымъ требованіямъ. Пріѣзжая въ Москву, онъ лично удостовѣрялся, насколько подвинулся нашъ трудъ, прочитывалъ готовые отдѣлы, охотно бесѣдовалъ о нихъ. Равнымъ образомъ, вызывая насъ въ Петербургъ, выслушивалъ мнѣнія частной комиссіи о томъ же предметѣ и наши объясненія по нѣкоторымъ запросамъ. По исполненіи нами порученія Яковъ Ивановичъ не желалъ раскланяться съ нами, напротивъ, его намѣреніемъ было сблизиться съ нами, привязать насъ такъ или иначе къ военно-учебнымъ заведеніямъ. Вмѣстѣ съ нимъ, по его приглашенію, присутствовали мы на экзаменахъ воспитанниковъ корпусовъ, когда ему для этого случалось пріѣзжать въ Москву.

Ему было очень пріятно, когда я взялъ предложенные мнѣ уроки русской словесности во второмъ спеціальномъ классѣ перваго московскаго кадетскаго корпуса. Вскорѣ моему участію въ образованіи молодежи, готовящейся къ военной службѣ, представился болѣе широкій просторъ: Яковъ Ивановичъ просилъ меня слѣдить за преподаваніемъ русскаго языка и словесности во всѣхъ трехъ московскихъ корпусахъ. Я сдѣлался, такъ сказать, неофиціальнымъ наставникомъ-наблюдателемъ безъ всякаго за то вознагражденія. Это еще болѣе насъ сблизило и слѣдствіемъ такого сближенія было то, что при открытіи вакантнаго мѣста преподавателя русской словесности въ Николаевской академіи генеральнаго штаба оно было предложено мнѣ“ [16]).

Но не одного Галахова и Буслаева оцѣнилъ начальникъ штаба Великаго Князя Михаила Павловича, а затѣмъ и Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича занявшаго мѣсто своего дяди, онъ оцѣнилъ и такую выдающуюся и въ то же время родившуюся не въ сорочкѣ личность, какъ извѣстный Иринархъ Введенскій—и его онъ пріютилъ въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній [17]).

Но какъ ни смотрѣть и какъ строго ни относиться къ дѣятельности Якова Ивановича въ качествѣ ближайшаго помощника двухъ Великихъ Князей, все блѣднѣетъ передъ его поведеніемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Здѣсь онъ былъ великолѣпенъ. Этому дѣлу онъ пожертвовалъ всѣмъ, даже своей жизнью и, если раньше вольно или невольно согрѣшилъ, то зато безкорыстнымъ и самоотверженнымъ и виднымъ участіемъ въ великомъ событіи нашей исторіи все искупилъ. Пажескій корпусъ смѣло можетъ гордиться тѣмъ, что изъ его стѣнъ вышелъ графъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ и довершилъ то, за мечты о чемъ много лѣтъ передъ тѣмъ, какъ мы знаемъ, пострадалъ другой пажъ, извѣстный Радищевъ.

Теперь, когда мы познакомились въ общихъ чертахъ и съ руководителями воспитанія и образованія нашего военнаго юношества за 30-лѣтній періодъ царствованія Императора Николая и со взглядами Государя на это дѣло, намъ остается сказать, что не въ мѣру усердные подчиненные очень часто искажали основную мысль Царя, что воля и характеръ могутъ быть только у тѣхъ, кто умѣетъ подчиняться. Правда, этому въ значительной мѣрѣ способствовало то обстоятельство, что она была выражена недостаточно ясно и опредѣленно и что потому могло казаться, что Императоръ желалъ только слѣпого подчиненія

и исключительнаго неукоснительнаго исполненія велѣній дисциплины, что рутинерамъ всякаго рода было какъ нельзя болѣе на руку. Въ общемъ, большинство проглядѣло, что въ военно-педагогическомъ дѣлѣ былъ выдвинутъ новый элементъ—закаливаніе характера; что къ нравственному воспитанію, т.-е. воспитанію чувства и къ умственному впервые прибавили воспитаніе воли. Въ этомъ отношеніи произошло роковое недоразумѣніе. Педагоги-практики „фронтовые офицеры", совсѣмъ не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о педагогикѣ, психологіи и тому подобныхъ, совсѣмъ для нихъ необязательныхъ, отрасляхъ человѣческаго знанія, какъ только услышали, что ужъ очень часто заходитъ рѣчь о дисциплинѣ и гораздо больше, чѣмъ о нравственномъ и умственномъ воздѣйствіи на ихъ питомцевъ, рѣшили, что рѣчь идетъ вовсе не о воспитаніи воли, а объ огражденіи неприкосновенности дисциплины, и что объ этомъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, пещись. И пеклись. И надо сознаться, не по разуму пеклись. И своими слишкомъ усердными заботами затмили всѣ немалыя заботы другихъ лицъ о нравственномъ, умственномъ и физическомъ воспитаніи кадетъ, такъ что дали поводъ многимъ думать, что 30 лѣтъ всѣ только и думали въ корпусахъ, чтобъ какъ-нибудь не пострадала дисциплина. А сами они,—вмѣсто того, чтобъ воспитывать волю, убивали ее.

Въ заключеніе этой краткой характеристики, замѣтимъ, что въ царствованіе Императора Николая совѣтъ объ военно-учебныхъ заведеніяхъ постепенно растаялъ въ штабѣ Его Высочества, а штабъ въ свою очередь незамѣтно выросъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, и что въ теченіи всего интересующаго насъ періода объединеніе всѣхъ военно-учебныхъ заведеній шло очень успѣшно и привело къ централизаціи всѣхъ распоряженій, стѣснивъ иниціативу отдѣльныхъ начальниковъ. Законъ эволюціи, подмѣченный Спенсеромъ и выраженный имъ въ формѣ, что всякое развитіе влечетъ за собою дифференціацію (отдѣленіе), которая сопровождается интеграціею (объединеніемъ) отдѣлившейся части, будь эта часть органа живого или общественнаго организма, нашелъ себѣ блестящее подтвержденіе въ ходѣ развитія нашего образованія. Отдѣленіе военнаго образованія отъ общаго, обозначившееся болѣе или менѣе ясно въ царствованіе Александра I, стало несомнѣннымъ въ дни правленія его Августѣйшаго брата. Интересно то обстоятельство, что Императоръ Николай сдѣлалъ попытку общему образованію придать оттѣнокъ воен-

наго, т.-е. возвратиться къ временамъ Петра I, когда оно, въ силу обстоятельствъ и необходимости, носило именно этотъ характеръ, вѣдь открывать двери храма науки пришлось при помощи пушки, для удачнаго дѣйствія которой надо было изучить ее самое и все то, что могло позволить пользоваться ею умѣло.

Что же касается объединенія—интеграціи, то оно началось тотчасъ же, какъ только опредѣленнѣе обозначились дифференціація, т.-е. въ царствованіе Императора Александра; вылилась же она въ твердыя формы при Императорѣ Николаѣ.

6 и 13 Марта 1826 г. пажи отдали послѣдній долгъ тому, кому были обязаны преобразованіемъ родного заведенія на совершенно новыхъ началахъ, дававшихъ имъ возможность получить какъ общее, такъ и военное образованіе, соотвѣтствующія потребностямъ времени. Благодаря Царю, у гроба котораго они теперь шли, изъ болѣе придворныхъ, чѣмъ военныхъ, они обратно сдѣлались менѣе придворными и болѣе военными. „Перевезеніе тѣла покойнаго Императора изъ Чесмы въ Казанскій соборъ, говоритъ современникъ: совершилось 6 Марта 1826 года, на первой недѣлѣ великаго поста, а изъ Казанскаго собора въ Петропавловскій для погребенія—ровно черезъ недѣлю, 13 Марта на 2 недѣлѣ. Три мѣсяца же, съ 14 Декабря 1825 г. по 13 Марта 1826 г., были для Петербурга временемъ траурнымъ, печальнымъ и тревожнымъ. По городу ходили странные и, большею частью, нелѣпые слухи, смущавшіе и тревожившіе населеніе столицы, особенно простой народъ. Кто распространялъ эти слухи, не знаю, но едва-ли не тайные сторонники декабристовъ для устрашенія правительства изъ-за неудовольствія противъ него. Такъ напримѣръ, всюду ежедневно ходили слухи о пороховыхъ подкопахъ подъ всѣми улицами, по которымъ должны были вести тѣло покойнаго Императора отъ заставы до обоихъ соборовъ, и подъ этими послѣдними, подвалы которыхъ будто-бы были наполнены бочками съ порохомъ (а позже и въ каждомъ флашкоутѣ Троицкаго моста, нарочно наведеннаго черезъ Неву). Какъ ни нелѣпы были эти слухи, но они легко распространились въ простомъ народѣ и держали умы да и самое правительство въ тревогѣ; со стороны послѣдняго, конечно, были приняты всѣ мѣры предосторожности и опроверженія тревожныхъ слуховъ. Замѣтимъ, между прочимъ, одно обстоятельство, которое, несмотря на крайнюю нелѣпость слуха, послужившаго поводомъ къ нему, едва-ли не изобличило какого-то тайнаго намѣренія производить

уличные безпорядки. Распространился слухъ, что въ такой-то день утромъ изъ Казанскаго собора поведутъ попа съ козлиною бородою, и въ этотъ день утромъ вся площадь Казанскаго собора залилась несмѣтными и густыми толпами народа со всего города, всѣ отовсюду бѣжали на Казанскую площадь посмотрѣть попа съ козлиной бородой. Долго и тщетно полиція употребляла всѣ мѣры убѣжденія народа разойтись и, наконецъ, прибѣгла къ очень оригинальному способу принужденія къ тому, не прибѣгая къ насилію; привезли пожарныя трубы съ водой и давай ею съ четырехъ сторонъ окачивать любопытныхъ. Эти внезапныя холодныя души мигомъ очистили площадь, но страхи пороховыхъ подкоповъ и взрывовъ не прекращались до самаго погребенія тѣла покойнаго Императора. Особенно опасались, какъ я слышалъ и самъ имѣлъ поводъ полагать по одному обстоятельству, за крѣпостныя ворота, два моста при нихъ и равелинъ, въ которомъ были заключены участники смуты 14 Декабря.

Насталъ день 6 Марта, перевезенія тѣла покойнаго Императора изъ Чесменскаго дворца въ Казанскій соборъ. Въ Чесменскій соборъ оно было перевезено за нѣсколько дней передъ тѣмъ, по церемоніалу перевезенія его изъ Таганрога. Императоръ Николай Павловичъ встрѣтилъ его по приближеніи къ Чесменскому дворцу и, какъ я слышалъ потомъ отъ старшаго моего брата, флигель-адъютанта, сопровождавшаго тѣло отъ Таганрога, взойдя на печальную колесницу, съ плачемъ и рыданіемъ бросился на гробъ покойнаго старшаго брата и благодѣтеля своего. Послѣ кратковременнаго пребыванія тѣла въ церкви Чесменскаго дворца, оно было перевезено оттуда 6 Марта по Таганрогскому церемоніалу со всею печальною процессіею по означеннымъ выше улицамъ между разставленныхъ, по обѣимъ сторонамъ ихъ, войскъ гвардіи въ Казанскій соборъ.

День былъ пасмурный, морозный съ вѣтромъ и снѣгомъ. Вѣтеръ и мятель разыгрались не на шутку. Печальная процесія была исполнена въ послѣдній разъ по церемоніалу, соблюдавшемуся съ временъ Петра Великаго, когда цѣликомъ была заимствована изъ нѣмецкихъ церемоніаловъ Германіи. Позже онъ былъ значительно измѣненъ и упраздненъ. И чего только не было въ печальной процессіи по этому церемоніалу! Начать съ того, что всѣ участвующіе въ ней, начиная съ Государя, шли въ длинныхъ и широкихъ черныхъ плащахъ, имѣя на головахъ черныя-же шляпы, съ распущенными полями! Нельзя вообразить себѣ, какой печальный видъ представляла вся печальная

процессія! Не говоря уже о многочисленныхъ представителяхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, гербахъ, орденахъ, регаліяхъ и проч., особенное вниманіе мое привлекли на себя боевой и траурный конь и рыцари веселаго и печальнаго образа, первый—въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, а второй въ черныхъ съ опущеннымъ забраломъ и мечемъ, выступавшій мѣрнымъ шагомъ, точно пѣтухъ. (Позже я слышалъ, что хотя онъ былъ выбранъ изъ сильныхъ, рослыхъ, дюжихъ и крѣпкихъ людей, однако промаршировавъ отъ заставы до собора, отъ тяжести латъ харкалъ кровью). За многочисленнымъ духовенствомъ, наконецъ, показалась печальная колесница и на ней гробъ—кого-же? Того, который послѣ 24-лѣтняго царствованія въ Россіи оставилъ о себѣ такую громкую славу и любовь. Нужно было быть современникомъ той эпохи и свидѣтелемъ этой печальной церемоніи, чтобы постигнуть всю полноту мыслей и чувствъ при видѣ этого гроба. Подлинно можно было-бы, подражая словамъ Ѳеофана Прокоповича при погребеніи Петра Великаго, сказать: „что видимъ, что дѣлаемъ?—Александра I погребаемъ“.

За гробомъ шли пѣшкомъ Государь, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, многочисленная свита ихъ, всѣ въ черныхъ шелковыхъ плащахъ и ѣхали многочисленные-же придворные траурные экипажи, въ которыхъ обѣихъ Императрицъ по нездоровью ихъ, кажется, не было. По внесеніи гроба въ Казанскій соборъ, отслужили въ немъ, въ присутствіи Государя и Императорской фамиліи, соборную панихиду и, по удаленіи ихъ изъ собора, начался впускъ публики въ него. Казанскій соборъ весь былъ убранъ трауромъ. Тѣло покойнаго Императора въ постоянно закрытомъ гробѣ покоилось на серединѣ собора, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней, огражденъ баллюстрадой и было осѣнено сверху драпировкой изъ парчи надъ императорскою короною. Вообще все внутреннее убранство собора и посреди его гробъ, заключавщій смертные останки, производили глубокое, невыразимое впечатлѣніе. Ежедневное стеченіе публики и народа въ соборѣ въ назначенные часы для поклоненія тѣлу почившаго Императора во всю недѣлю было громадное, и въ эти семь дней все народонаселеніе перебывало въ Казанскомъ Соборѣ [18]).

13 Марта, какъ уже сказано выше, тѣло перевезли въ Петропавловскій соборъ и предали землѣ. Черезъ два мѣсяца состоялся походъ частей войскъ въ Москву на коронацію.

Какъ всегда, отправлены были для несенія службы во время тор-

жества камеръ-пажи и пажи. 13 Іюня выѣхалъ полиціймейстеръ корпуса капитанъ Черниковъ съ двумя камеръ-пажами и двумя пажами; 15-го выѣхалъ съ однимъ отдѣленіемъ подполковникъ Клугенъ, а 16-го съ другимъ отправился и полковникъ Данзасъ, въ качествѣ начальства, которому былъ ввѣренъ весь отрядъ. Черезъ 4 дня прибылъ въ Москву первый эшелонъ, въ нѣкоторомъ родѣ квартирьеры: такъ какъ на капитанѣ Черниковѣ лежала обязанность принять квартиры, отведенныя для гостей въ флигеляхъ Кремлевскаго дворца. 20-го пріѣхали остальные пажи—утромъ второй эшелонъ, вечеромъ третій. Всѣхъ ихъ собралось 23 пажа и 16 камеръ-пажей. Собственно первоначально предполагалось отправить ихъ 16 камеръ-пажей и 20 пажей, но такъ какъ по расчету оказалось, что 16 камеръ-пажей недостаточно для несенія службы, что необходимо увеличить ихъ число на 3 человѣка, то корпусное начальство воспользовалось этимъ случаемъ и представило 3 пажей для производства въ камеръ-пажи, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что представленные молодые люди, въ моментъ производства товарищей въ камеръ-пажеское званіе, не имѣли достаточнаго количества балловъ, но что теперь, по истеченіи 6 мѣсячнаго срока, они ихъ вполнѣ догнали въ этомъ отношеніи и даже перегнали. Однако, Государь не согласился на ходатайство, и приказалъ только назначить ихъ исполнять камеръ-пажескую службу.

Путешествіе не обошлось безъ приключеній. Экипажи, отпущенные придворнымъ вѣдомствомъ, оказались, какъ доносилъ полковникъ Данзасъ, „всѣ испорченные“, почему ему пришлось часто останавливаться, а одну коляску, у которой колесо совсѣмъ развалилось, пришлось оставить у городничаго и взять объ этомъ свидѣтельство. Но зато, когда они пріѣхали въ Москву, то отдохнули въ окружавшемъ ихъ комфортѣ, такъ какъ квартиры имъ были отведены, по свидѣтельству того же полковника Данзаса, хорошія и продовольствовали ихъ изъ придворной кухни. По приказанію Государя, во все время пребыванія въ Москвѣ, камеръ-пажи и пажи должны были поступить въ завѣдываніе Великаго Князя Михаила Павловича. Вотъ, что доносилъ полковникъ Данзасъ о первомъ посѣщеніи Великаго Князя. „Сего мѣсяца (Августа) 13 числа, Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ изволилъ посѣтить гг. камеръ-пажей и пажей послѣ развода въ 10 часовъ, нашедши все въ исправности, онъ былъ очень веселъ и много разговаривалъ съ камеръ-пажами и пажами, потомъ соизволилъ отдать слѣдующій приказъ, чтобы еже-

дневно по отдѣленію былъ одинъ дежурный офицеръ, одинъ камеръ-пажъ и одинъ пажъ 2 класса и сказалъ: „у васъ 2-ое только офицеровъ, лучше было-бы, ежели бы 3-ое было“. Я отвѣтилъ, что я могу третьимъ быть, тогда мы можетъ очередоваться. Всякій день дежурный офицеръ долженъ въ 7 часовъ утра явиться къ Его Высочеству съ дневнымъ рапортомъ, а въ вечеру дежурный камеръ-пажъ съ вечернимъ рапортомъ. Дежурный камеръ-пажъ и пажъ должны быть одѣты во всей формѣ и явиться къ Его Высочеству, когда онъ пріѣдетъ въ корпусъ. Его Высочество приказалъ также доложить вашему превосходительству, чтобы куртки были немедленно доставлены сюда, о чемъ вашему превосходительству честь имѣю донести“.

Камеръ-пажъ Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Муравьевъ - Амурскій.
(Изъ альбома Мухина).

Но не всегда Великій Князь былъ веселъ и много разговаривалъ, иногда онъ, заглядывая къ пажамъ, приносилъ и горе. Такъ, „4 Сентября, пишетъ подполковникъ Клугенъ: Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ изволилъ быть въ квартирѣ, пажами занимаемой, и, найдя въ одной комнатѣ камеръ - пажескаго помѣщенія грязный полъ, единственно отъ тѣснаго помѣщенія пажей происходившій, и притомъ въ сихъ покояхъ, гдѣ квартируютъ гг. камеръ-пажи и пажи, отъ неопрятной жизни прежнихъ жильцовъ, всѣ полы въ сальныхъ пятнахъ, хотя всякіе два дня моютъ полы, но сальныя пятна всегда остаются. Его Императорское Высочество приказать соизволилъ: камеръ-пажей Муравьева, Попова, Майнова, Тухолку, пажа графа Коновницына, какъ старшихъ, за неопрятную жизнь арестовать, кои и были арестованы, а сего 6 числа по приказанію же Его Высочества Великаго Князя выпущены“.

Въ другой разъ, Михаилъ Павловичъ встрѣтилъ пажа съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, которымъ онъ махалъ, и за это маханіе велѣлъ посадить подъ арестъ какъ его, такъ и камеръ-пажа, шедшаго съ нимъ и допустившаго въ качествѣ старшаго неисправность. Аресту оба они подверглись домашнему за неимѣніемъ „темной“, какъ объяснилъ директору полковникъ Данзасъ.

Но не однимъ пажамъ доставалось отъ взыскательнаго Великаго Князя, доставалось и офицерамъ.

За нѣсколько дней до описаннаго случая съ грязнымъ поломъ, Михаилъ Павловичъ, часто навѣдывавшійся къ порученнымъ его попеченію молодымъ людямъ, засталъ дежурнаго съ растегнутыми внизу мундира пуговицами, одного пажа, лежавшимъ на кровати, тоже растегнутымъ, третьяго просто растегнутымъ, четвертаго въ другой комнатѣ, переодѣвавшагося въ рубашку, показавшуюся Его Высочеству недостаточно чистою и, наконецъ, пятаго, въ брюкахъ безъ ремешковъ внизу, всѣхъ ихъ онъ приказалъ арестовать, а также на 24 часа домашнимъ арестомъ и дежурнаго офицера, присутствовавшаго въ моментъ прибытія Великаго Князя на одной изъ лекцій, читавшихся во все время пребыванія пажей въ Москвѣ.

Интересна одна бытовая подробность, относящаяся къ этимъ коронаціоннымъ днямъ. Ее мы находимъ въ инструкціи, данной директоромъ полковнику Данзасу передъ отъѣздомъ. Тамъ сказано: „Во время пребыванія въ Москвѣ содержать команду въ совершенномъ порядкѣ, имѣя со всею точностью всѣ наряды на службу при Высочайшемъ Дворѣ. Камеръ-пажей и пажей, какъ единственно для исправленія той службы туда отправленныхъ, никуда не отпускать, развѣ только на нѣсколько часовъ въ свободное отъ службы время можете отпускать ихъ къ родственникамъ, ежели за кѣмъ прислана будетъ карета, ночевать же всѣ должны въ своей квартирѣ“.

Теперь понятно станетъ, что директоръ генералъ Гогель, получивъ донесеніе, въ которомъ ему сообщали, что Великій Князь встрѣтилъ пажа, махавшаго бѣлымъ платкомъ, всполошился, но вскорѣ былъ успокоенъ: ему сообщили, что „пажъ встрѣченъ былъ Его Императорскимъ Высочествомъ при выходѣ изъ дому, гдѣ гг. камеръ-пажи и пажи имѣютъ квартированіе, гдѣ ожидала ихъ карета, присланная за ними и которая по тѣснотѣ не могла въѣхать во дворъ, а принуждена была ожидать на улицѣ“. Такимъ образомъ, это стѣснительное приказаніе исполнялось вполнѣ точно.

Но, несмотря на всѣ эти petites misères de la vie humaine пажи провели въ Москвѣ время весьма недурно и весело. Главная ихъ обязанность, для которой они собственно и командировались въ Москву, заключалась въ слѣдующемъ: „По церемоніалу торжественнаго вшествія въ Москву и священнѣйшаго коронованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича должно быть

тамъ пажамъ и камеръ-пажамъ", сказано въ бумагѣ, присланной знакомымъ намъ бывшимъ пажемъ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ главному директору Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ. А именно сказано въ ней далѣе: „при торжественномъ вшествіи, при каретѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны на ремняхъ четыре пажа, а за каретой шесть камеръ-пажей верхами; при каретѣ Государыни Великой Княгини Елены Павловны на ремняхъ два пажа, а позади кареты два камеръ-пажа верхами и того при торжественномъ въѣздѣ должно быть въ процессіи 10 пажей и 14 камеръ-пажей, а въ день священнѣйшаго коронованія при шествіи въ Успенскій соборъ идутъ двадцать пажей и 16 камеръ-пажей съ ихъ гофмейстеромъ; кромѣ того, также должно сдѣлать разчисленіе, сколько нужно будетъ оныхъ тамъ на дежурства" [19]). Дежурства эти каждодневныя, ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, съ которыми мы познакомились изъ записокъ перваго пажа Императрицы Александры Ѳеодоровны—Дарагана; объ одномъ изъ нихъ при торжественномъ выходѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны упоминаетъ и официальный рапортъ. „Сего 15 Августа былъ торжественный выходъ у Ея Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны, пажей было наряжено 4 человѣка" [20]). Про день коронаціи официальный рапортъ гласитъ слѣдующее: „22 Августа происходилъ обрядъ священной коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, по церемоніалу были камеръ-пажи и пажъ. За столомъ служили всѣ камеръ-пажи и еще человѣкъ 7 пажей" [21]).

Гдѣ они были по церемоніалу намъ, не трудно догадаться, такъ какъ этотъ церемоніалъ былъ тотъ же, что и при коронаціи Императрицы Екатерины I и не измѣнялся при всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ. Слѣдовательно, пажи шли за кавалергардами. Вотъ, какъ описываетъ этотъ день очевидецъ.

„День 22 Августа въ воскресенье съ утра былъ ясный, солнечный и очень жаркій. Къ 10 час. утра войска стали на своихъ мѣстахъ, а я, не имѣя опредѣленнаго мѣста и любопытствуя видѣть торжественное шествіе по Красному крыльцу въ Успенскій соборъ и изъ него по окончаніи коронованія и литургіи въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и обратно къ Красному крыльцу въ Грановитую палату, успѣлъ занять отличное для того мѣсто за кавалергардами у самаго входа въ южныя двери Успенскаго собора. И я былъ такъ счастливъ, что отлично видѣлъ все это шествіе на самомъ близкомъ

разстояніи и даже отчасти то, что происходило внутри Успенскаго собора между иконостасомъ и двумя передними столбами, сквозь желѣзныя рѣшетчатыя двери, замкнутыя какъ только все шествіе по церемоніалу вступило въ соборъ. Того же, что происходило въ соборѣ лѣвѣе, посреди его, мнѣ, къ сожалѣнію, не возможно было видѣть. Но я счастливъ былъ и тѣмъ, что могъ видѣть внутри и особенно внѣ собора.

По окончаніи обряда коронаціи начался колокольный звонъ и пушечная пальба, а затѣмъ послѣдовала въ соборѣ литургія, совершенная всѣми членами св. Синода соборне съ причтомъ. Государь и Государыня пріобщились св. Таинъ. По окончаніи же литургіи дверь собора была раскрыта и послѣдовало по церемоніалу торжественное шествіе въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и черезъ Красное крыльцо въ Грановитую палату при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Тутъ я, стоя позади кавалергардовъ у южныхъ дверей Успенскаго собора, видѣлъ все шествіе въ самомъ близкомъ разстояніи. Государь и Государыня въ царскихъ порфирахъ и всѣхъ регаліяхъ шествовали, — Государь впереди, Государыня позади, подъ особенными, богатыми балдахинами; оба молодые (государь 30 лѣтъ, государыня—28) во всей величественной красѣ ихъ: онъ—мужественной, она—женственной! Это торжественное шествіе при церковномъ пѣніи, всеобщемъ въ Кремлѣ и по всей Москвѣ колокольномъ звонѣ, военной музыкѣ, пушечной пальбѣ, крикахъ ура! войскъ и многочисленнаго народа и великолѣпной солнечной погодѣ составляло такое величественное цѣлое, которое возбуждало глубокое чувство восторга и навсегда осталось у меня въ памяти. Все торжество коронаціи отъ начала шествія въ Успенскій соборъ до возвращенія въ Грановитую палату продолжалось часа три (отъ 10 до часу) а въ 3 или 4 часа пополудни въ Грановитой палатѣ былъ обѣдъ, въ которомъ участвовали Государь, Государыня, вся Императорская фамилія, высшіе придворные, государственные чины и иностранные послы. Къ вечеру вся Москва была великолѣпно иллюминована, особенно Кремль, Красная площадь, Тверская улица, бульвары и главныя улицы. Вездѣ гремѣла военная музыка и вся Москва была на улицахъ—и въ экипажахъ и пѣшкомъ. Многія общественныя зданія и частные дома были особенно великолѣпно или оригинально или замысловато иллюминованы и далеко за полночь толпился передъ ними и на улицахъ народъ“.

За коронаціей послѣдовали ряды баловъ, богатство и великолѣпіе которыхъ было свыше всякаго выраженія и всякаго описанія. Въ нихъ было какъ бы нѣчто волшебное и чарующее какъ въ разсказахъ „Тысячи и одной ночи“ пишетъ современникъ. При Высочайшихъ особахъ состояли пажи и въ качествѣ зрителей любовались всею этою роскошью и всѣмъ этимъ блескомъ празднествъ, данныхъ хлѣбосольными москвичами. Однако, начальство позаботилось и о томъ, чтобы среди веселья молодые люди не позабыли и объ ученіи. Оно послало въ догонку имъ учебныя книги и даже дало имъ возможность слушать лекціи въ свободное отъ службы время.

Быстро пролетѣло время. Не успѣли, казалось, оглянуться, а пришлось собираться въ обратный путь. Пятаго Октября, черезъ 3 мѣсяца почти со дня выѣзда изъ Петербурга, пажи покинули Москву, а 10-го были уже на мѣстѣ. Возвратились они съ грудью, украшенною медалью въ память коронаціи. Получили ли они какія-либо другія награды, изъ дѣлъ не видно. Сохранился рапортъ, изъ котораго можно заключить, что списокъ лицъ, командированныхъ отъ Пажескаго корпуса, былъ вытребованъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, затѣмъ сохранился рапортъ главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ съ просьбой доставить свѣдѣніе о томъ, не были ли при коронаціи Александра I награждены представители корпуса, и если да, то чѣмъ? На это послѣдовалъ такого рода отвѣтъ: „Въ дѣлахъ отысканъ одинъ только рапортъ, въ спискѣ у сего посылаемый, изъ коего видно, что награды при коронаціи были. Болѣе сего отыскать бумагъ по сему предмету—надежды нѣтъ, ибо дѣла того времени поступили въ корпусъ не въ самомъ лучшемъ состояніи“.

Вотъ и все, что мы знаемъ относительно наградъ, можетъ быть, отъ того, что дѣла того времени, если и поступали „не въ самомъ лучшемъ состояніи“, то не въ самомъ лучшемъ состояніи и „хранились“.

Въ началѣ Іюля, какъ мы видѣли, отправилась часть пажей на коронацію; въ концѣ Іюля, именно 26-го, другая часть впервые выступила въ лагерь подъ Красное. 28-го начальникъ команды, состоявшей изъ 2 оберъ-офицеровъ, 6 камеръ-пажей, 48 пажей, 2 барабанщиковъ, всего 77 человѣкъ, рапортовалъ директору корпуса: „по выступленіи моемъ изъ С.-Петербурга Іюля 26 дня я съ ввѣренною командою гг. камеръ-пажей, пажей и пажескими служителями сего 27 Іюля пополудни въ 8 часовъ благополучно въ лагерь подъ Красное Село прибылъ, во время пути никакихъ перемѣнъ и происшествія не случи-

лось, продовольствіе было исправное и больныхъ не имѣется, о чемъ Вашему Превосходительству честь имѣю донести“ [22]).

Подъ Краснымъ пажи поступили вмѣстѣ съ кадетами остальныхъ военно-учебныхъ заведеній подъ начальство состоявшаго при Его Императорскомъ Высочествѣ генералъ-фельдцейхмейстерѣ артиллеріи генералъ-маіора Козена [23]).

Снаряженіе ихъ во время лагеря состояло изъ ранцевъ съ ремнями, манерокъ, шинелей, сумъ съ чехлами; вооруженіе — изъ ружей и тесаковъ. На тесакахъ камеръ-пажи носили серебряные темляки.

6 камеръ-пажей и 45 пажей, 85 подпрапорщиковъ гвардейской школы и кондукторская рота главнаго инженернаго училища составляли сводный батальонъ. 3 пажа числились запасными. Въ пажескомъ взводѣ было 15 рядовъ. 8 и 9 Іюля пажи приняли со всѣми остальными участіе въ маневрахъ, бывшихъ подъ Краснымъ, а 27-го возвратились въ Петербургъ [24]).

Слѣдовательно, въ общемъ имъ пришлось на первый разъ не особенно долго испытывать тяжесть лѣтнихъ сборовъ,—всего мѣсяцъ. Послѣдующіе лагерные сборы продолжались дольше, большею частью, полтора мѣсяца—съ конца или середины Іюля до начала или середины Августа. Для Пажескаго корпуса были особенно замѣчательны два лагерныхъ сбора: 1831 года, когда въ его рядахъ отправлялъ служебныя свои обязанности Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, и 1843 года, когда Великій Князь Константинъ Николаевичъ выступилъ въ лагерь въ рядахъ взвода Пажескаго корпуса [25]).

14 Декабря, черезъ годъ послѣ вступленія Императора Николая, какъ мы въ своемъ мѣстѣ говорили, покинулъ свой постъ главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ бывшій пажъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Вотъ, что онъ написалъ въ своемъ прощальномъ приказѣ:

„Высочайшимъ Его Императорскаго Величества приказомъ, состоявшимся въ 14-й день сего Декабря, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Демидовъ назначенъ главнымъ директоромъ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ.

Во исполненіе такой Монаршей воли, оставляя столь лестное для меня званіе, я обязанностью почитаю изъявить признательность мою гг. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, чиновникамъ и учителямъ, раздѣлявшимъ со мною труды по службѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодарность мою гг. воспитывающимся за тѣ счастливыя минуты, кои

доставляли они мнѣ прилежаніемъ своимъ и хорошимъ поведеніемъ. Время четырехлѣтняго командованія моего благородными военно-учебными заведеніями навсегда останется для меня пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ“ [26]).

22 Декабря, корпусъ впервые посѣтилъ Государь Императоръ Николай Павловичъ.

22 Декабря генералъ-адъютантъ Демидовъ издалъ приказъ: „Его Императорское Величество, осчастлививъ посѣщеніемъ своимъ Пажескій корпусъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Дабы камеръ-пажи и пажи во время классовъ имѣли крючки на воротникахъ куртокъ разстегнутыми.

2) Офицерамъ имѣть ключи отъ ящиковъ, гдѣ хранятся пажескія вещи и тетради.

3) Дѣлать осмотръ въ сихъ ящикахъ.

4) Равномѣрно осматривать сундуки подъ кроватями, гдѣ хранится платье.

5) Въ классѣ малолѣтняго отдѣленія сдѣлать скамейки нѣсколько выше.

О каковой Монаршей волѣ для надлежащаго исполненія, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, прося покорнѣйше учинить зависящее распоряженіе, дабы упоминаемый осмотръ былъ дѣлаемъ внезапно и чаще“ [27]).

Приказъ этотъ показываетъ, что Императоръ Николай не упускалъ при осмотрѣ заведеній ни одной мелочи.

Съ тѣхъ поръ Царь неоднократно бывалъ въ корпусѣ, какъ бы этимъ желая его вознаградить за тѣ долгіе годы, когда онъ при Императорѣ Александрѣ ни разу не видалъ въ стѣнахъ своихъ Монарха.

23 Ноября 1827 года, почти-что черезъ годъ, Николай Павловичъ пріѣхалъ взглянуть на сдѣланныя въ немъ передѣлки; черезъ мѣсяцъ, 21 Декабря, Государь пріѣхалъ опять съ принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ, и оба раза нашелъ все въ большомъ порядкѣ. 17 Октября 1828, 3 Января и 12 Октября 1829 годовъ, Императоръ опять посѣтилъ пажей [28]). Пріѣзжалъ Императоръ и въ послѣдующіе годы. Объ одномъ изъ такихъ посѣщеній извѣстный графъ Корфъ разсказываетъ слѣдующее: „Въ Февралѣ 1838 года Государь посѣтилъ, какъ дѣлывалъ часто и прежде и послѣ, Пажескій корпусъ, гдѣ, подобно прочимъ военно-учебнымъ заведеніямъ, выставляются всегда на одной доскѣ

имена воспитанниковъ, отличившихся добрымъ поведеніемъ, а на другой—имена попавшихъ въ какую-нибудь погрѣшность; подозвавъ прежде отличившихся пажей, онъ хвалилъ и благодарилъ ихъ и заключилъ словами: „будьте увѣрены, что я и впредь вашихъ именъ не забуду“. Потомъ дошла очередь до провинившихся. Пожуривъ ихъ отечески, онъ вдругъ беретъ губку и стираетъ имена ихъ съ черной доски. — На этотъ разъ, говоритъ онъ: я отношу ваши шалости къ легкомыслію и въ надеждѣ, что впредь будете лучше, *всю вину вашу беру на себя;* но помните же, что уже теперь я за васъ отвѣчаю и не выдайте меня.—Царствованіе Императора Николая, разсуждалъ по этому поводу графъ: богато безчисленными чертами, то геніальными и потрясавшими душу, какъ электрическая искра, то трогательными и умилительными, но всегда проявлявшими высокую свѣтлую, поэтическую его душу. И тѣломъ и духомъ онъ рожденъ былъ повелѣвать, но, кромѣ того, и быть любимымъ, и едва ли, не говоря уже о Монархахъ, были когда-либо и обворожительныя женщины, которыя имѣли бы такое множество фанатически изступленныхъ обожателей. Но за то какъ и умѣлъ онъ владѣть умами и сердцами“ [29]). Въ первый же годъ царствованія Императора Николая былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генерала Остермана для разсмотрѣнія и опредѣленія учебныхъ курсовъ кадетскихъ корпусовъ. Въ члены его попалъ и директоръ корпуса Иванъ Григорьевичъ Гогель. Комитету было поставлено задачею разсмотрѣть курсы наукъ, которые преподаются, высказаться по поводу раздѣленія классовъ, условій перехода изъ одного въ другой. Установить, какіе учебники могутъ считаться обязательными и, если таковыхъ не найдется, то издать новые, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ обязательными, наконецъ, обсудить и установить учебный планъ для каждаго учебнаго заведенія, причемъ имѣть въ виду, чтобы Пажескій корпусъ, 1-й, 2-й и морской кадетскіе корпуса имѣли бы общій учебный планъ [30]).

Результатомъ занятій комитета былъ уставъ для военно-учебныхъ заведеній второго класса, утвержденный Государемъ въ 1830 году [31]).

Что же касается руководствъ, то ему не удалось установить ихъ и вопросъ о нихъ такъ и остался открытымъ.

Такимъ образомъ, отправивъ пажей и кадетъ въ лагерь для объединенія ихъ строевого образованія, Императоръ позаботился объединить ихъ и въ учебномъ отношеніи.

Слѣдовательно, въ дни царствованія Императора Николая Пав-

ловича Пажескій корпусъ окончательно слился съ остальными военно-учебными заведеніями. Слился, но не затерялся среди нихъ, такъ какъ прерогатива придворной службы была оставлена за нимъ во всей силѣ. Объ ней мы и поговоримъ сейчасъ.

Прежде всего скажемъ, что вскорѣ по вступленіи на престолъ Государя Николая Павловича пажамъ пришлось отдать послѣдній долгъ Той, которая такъ любила, по выраженію бывшаго камеръ-пажа Дарагана, службу камеръ-пажей. Имъ пришлось участвовать въ церемоніи похоронъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. „24 Октября 1828 года скончалась Государыня. Къ тѣлу ея ежедневно наряжали камеръ-пажей и пажей въ траурныхъ одеждахъ. По перенесеніи тѣла 28 числа изъ опочивальной въ тронную, у ногъ Императрицы ставили по 4 пажа, а когда тѣло положили въ гробъ и перенесли его 4 Ноября въ траурную залу, внизу Castrum Doloris по сторонамъ ставили ежедневно или 12 подпрапорщиковъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ или по 12 кадетъ по очереди отъ каждаго заведенія, на ступеняхъ же по 12 камеръ-пажей и пажей. Къ прощальному поклоненію были допущены всѣ воспитанники по установленной очереди. 13 Ноября въ печальной процессіи при сопровожденіи тѣла въ Бозѣ почившей Императрицы изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ шли 16 пажей и 4 камеръ-пажа съ ихъ офицерами и гофмейстеромъ по четыре въ рядъ въ черныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ съ длиннымъ флеромъ; съ лѣвой стороны у колеса траурной кареты ѣхали два камеръ-пажа верхомъ. По обѣ стороны процессіи, начиная отъ короны и орденовъ до Императорской фамиліи, шли кадеты гренадерскихъ ротъ 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ; по сторонамъ печальной колесницы—60 пажей старшаго возраста съ факелами, а поодаль по сторонамъ Императорской фамиліи 24 подпрапорщика Школы. Остальныя роты 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ и морской корпусъ стояли въ бѣлой залѣ и двухъ прилежащихъ къ ней комнатахъ; батальонъ же дворянскаго полка и военно-сиротскаго дома, а также кондукторскія роты главнаго инженернаго училища и училище артиллерійское построены были на Дворцовой площади, возлѣ Зимняго Дворца“ [32]).

Теперь о придворной службѣ вообще. Вотъ что говоритъ про нее одинъ изъ бывшихъ пажей: „Но рядомъ съ военною выправкою придворная служба пажей и камеръ-пажей продолжалась, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, по воскресеньямъ назначался малень-

кій нарядъ камеръ-пажей къ обѣднѣ во дворецъ. Служба ихъ заключалась въ ношеніи мантилій, флаконовъ и т. п. Государыни Императрицы и Великихъ Княгинь и Княженъ, присутствовавшихъ при литургіи; по окончаніи оной, камеръ-пажей кормили завтракомъ и отпускали домой.

При торжественныхъ выходахъ маленькіе пажи въ чулкахъ и башмакахъ ставились у дверей внутреннихъ аппартаментовъ и камеръ-пажи слѣдовали за Высочайшими Особами, при которыхъ они были назначены состоять. Фельдфебель всегда наряжался къ Государю Императору, который часто давалъ ему разныя порученія.

Фельдфебель О. Б. Рихтеръ.
Нынѣ состоящій при особѣ Е. И. В.
Генералъ-адъютантъ.
Вып. 1848 г.

При торжественныхъ обѣдахъ камеръ-пажи служили за столомъ, причемъ служба ограничивалась только подаваніемъ чистой тарелки и прибора.

Такъ какъ за столомъ надо было служить безъ перчатокъ, то особенное искусство состояло въ прилаживаніи салфетки, которая концомъ обворачивалась вокругъ большаго пальца правой руки и узкой полосой пропускалась по ладони. Шляпа ремнемъ привѣшивалась къ шпагѣ, чтобы освободить обѣ руки.

Государь всегда милостиво обращался съ пажами, часто шутилъ.

Какъ бывало Государь шутилъ съ камеръ-пажами, когда былъ въ духѣ, то иллюстра ціею можетъ послужить слѣдующій слу чай.

Ужинъ кончился послѣ большаго бала въ бѣлой залѣ и цар ская семья возвращалась въ свои покои черезъ помпеевскую галлерею. Такъ какъ тем пература въ галлереѣ была значительно свѣжѣе, чѣмъ въ бѣлой залѣ, то одна изъ Великихъ Княгинь потребовала мантилію. Дежурный при ней камеръ-пажъ былъ вполнѣ навьюченъ разными личными принадлежностями дамскаго туалета и вдобавокъ долженъ былъ осторожно нести въ правой рукѣ конфекту въ видѣ кресла.

Генералъ-адъютантъ О. Б. Рихтеръ.
Рис. Зичи.

Не долго думая, камеръ-пажъ поставилъ конфекту-кресло передъ галлереею, чтобы имѣть возможность подать мантилію, Государь это замѣтилъ и сказалъ ему смѣясь „Отнынѣ ты имѣешь право на званіе Oberhof-leib—Nachtstuhl-Traegera“ [33]).

Только-что разсказанный случай принадлежитъ къ числу комическихъ, а вотъ одинъ, который хоть и окончился благополучно, но доставилъ герою его нѣсколько, вѣроятно, очень тяжелыхъ минутъ. Однажды при Высочайшемъ столѣ находился дважды записанный на мраморной доскѣ въ корпусѣ камеръ-пажъ Константинъ Жерве и вдругъ онъ слышитъ за столомъ, что одинъ изъ присутствующихъ генераловъ поноситъ его отца и безжалостно на него клевещетъ. Государь защищаетъ, говоритъ, что онъ помнитъ его, какъ человѣка, всегда находившагося на отличномъ счету. Генералъ, имѣя старые счеты съ отцомъ камеръ-пажа, счеты по кампаніи 1829 года, гдѣ въ качествѣ командира корпуса онъ допустилъ вопіющіе безпорядки въ чумныхъ госпиталяхъ, разоблаченные старикомъ Жерве, настаиваетъ и, какъ всегда это бываетъ, въ клеветѣ успѣваетъ. Легко себѣ представить, что испытываетъ сынъ. Съ нимъ чуть не дѣлается дурно, онъ едва держится на ногахъ, но, однако, выдерживаетъ нравственную пытку.

Камеръ-пажъ К. А. Жерве.
Вып. 1837 г.
(Съ портрета, хранящагося въ музеѣ корпуса).

Придя домой, онъ сообщаетъ отцу обо всемъ слышанномъ и, такимъ образомъ, даетъ ему возможность принять нужныя мѣры.

Неожиданно для генерала-клеветника, весь его наговоръ обращается въ ничто и, благодаря простой случайности, правда торжествуетъ.

Жаль, что судьба не улыбнулась юношѣ Жерве, блестяще начавшему свое служебное поприще. 17-ти лѣтъ онъ фельдфебелемъ и первымъ ученикомъ кончилъ курсъ и былъ записанъ на мраморную доску, но по молодости лѣтъ не былъ выпущенъ въ офицеры. Его отставили отъ производства и на особыхъ льготныхъ условіяхъ оставили въ корпусѣ. Въ слѣдующемъ 1837 году его снова записали на доску и выпустили въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, откуда его зачислили въ гвардейскій генеральный штабъ. Черезъ 12 лѣтъ, послѣ выпуска

изъ корпуса, его сбросила лошадь и онъ вскорѣ послѣ этого скончался, такъ какъ при паденіи ударился о камень спиной. Скончался онъ 3 Іюля 1849 г.[34]).

Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ впечатлѣніями о придворной службѣ, вынесенными камеръ-пажемъ Дараганомъ въ царствованіе Императора Александра, познакомимся въ настоящей главѣ съ тѣми, какіе вынесъ о ней камеръ-пажъ А. Ѳ. Мирковичъ (нынѣ въ отставкѣ), числящійся по генеральному штабу генералъ отъ инфантеріи, сынъ того, выдержки изъ записокъ котораго мы уже приводили. „Въ Воскресенье 4 Февраля 1851 года пишетъ онъ: назначено было бракосочетаніе Великой Княгини Екатерины Михаиловны. Пріѣхавъ во дворецъ, я узналъ, что Великая Княгиня Александра Іосифовна провела ночь въ Зимнемъ дворцѣ и, вѣроятно, будетъ на выходѣ, я былъ въ восторгѣ, потому что Великая Княгиня давно уже не выѣзжала и я ни разу не имѣлъ счастья ей служить. Меня провели на ея половину, которая находилась съ правой стороны подлѣ большой церкви; отъ камергера я узналъ, что она не пойдетъ съ выходомъ и встрѣтитъ его у самой церкви. Послѣ довольно долгаго ожиданія Великая Княгиня наконецъ вышла. На головѣ она имѣла кокошникъ, украшенный бриллiантами и богатый кружевной вуаль, волоса ея были въ маленькихъ кудряхъ, лицо было свѣжее и не отражало ни малѣйшей болѣзни. Платье Великой Княгини было бархатное velour epinglé, пунцоваго цвѣта и опушено горностаевымъ мѣхомъ. Юбка серебрянаго глазета, шитаго серебромъ же. Я былъ пораженъ красотой Великой Княгини и глубоко ей поклонился. Она мнѣ отдала поклонъ съ особою привѣтливостью и сказала:

Генер. отъ инфант. А. Ѳ. Мирковичъ.
Вып. 1851 г.

„Comment vous nommez vous“?

— Mirkowitch, madame.

„Mirkowitch, c'est bien, il faut que je sache le nom de mon page“.

Я принялъ шлейфъ Великой Княгини и она вышла въ другую комнату, гдѣ ее ожидалъ генералъ графъ Кушелевъ, ея гофмаршалъ. Они сѣли.

„J'aime mieux de venir une heure d'avance, que de tarder; j'ai toujours une peur atroce de tarder", сказала она.

Разговоръ шелъ о ея туалетѣ и о различныхъ незначительныхъ предметахъ. Графъ Кушелевъ зачѣмъ-то всталъ и ушелъ. Тогда Великая Княгиня обратилась ко мнѣ.

„Vous serez toujours auprès de moi?"

— Si Votre Altesse me le permettra, Madame, J'aurai toujours ce bonheur, pendant une année.

„Votre père où est-il à présent?"

— Il est ici, Madame, il eut le bonheur de vous recevoir á Kowno, lors de votre arrivée en Russie.

„Oui, oui, je sais nous avions l'air si endormis, alors".

— A present il est membre des écoles militaires.

Тутъ пришли сказать, что выходъ царскій приближается; двери открылись настежь и Великая Княгиня вышла Императору навстрѣчу, стала на свое мѣсто, давъ мужу руку и вошла съ прочими членами Императорской фамиліи въ церковь, гдѣ находились уже члены св. Синода, духовенство и дипломатическій корпусъ. Когда лица Царской фамиліи заняли свои мѣста, началась служба. Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи были шаферами. Послѣ вѣнчанія митрополитъ отслужилъ благодарственный молебенъ и затѣмъ Царская фамилія тѣмъ же порядкомъ начала свое обратное шествіе. Великая княгиня шла съ прочими. Придя въ золотую гостиную, Великая Княгиня взяла себѣ на руку свой шлейфъ. Видя, что у другихъ Великихъ Княгинь, камеръ-пажи несли еще шлейфъ я рѣшился подойти къ Великой Княгинѣ и сказалъ: permettez moi, madame, de porter votre traine. Она мнѣ отдала свой шлейфъ, сказавъ: merci, и съ ней вмѣстѣ я вошелъ во внутренніе покои Императрицы, что по настоящему не должно быть. Тутъ можно было видѣть Царскую фамилію такъ, какъ они между собою бываютъ.

Государь со всѣми простился и ушелъ. Послѣ короткаго разговора, во время котораго Александра Іосифовна сказала, что она не будетъ ни на обѣдѣ, ни на балѣ, всѣ начали расходиться. Я положилъ шлейфъ на руку Великой Княгинѣ, она меня поблагодарила и служба моя была кончена на этотъ разъ.

Фототипія „Т-ва Худож. Печ."

Бракосочетаніе Великой Княгини Екатерины Михайловны 4 февраля 1851 г.

(Рисунокъ бывшаго пажа А. Ѳ. Мирковича).

Камеръ-пажи должны были послѣ выхода остаться въ дворцѣ для параднаго обѣда. Я бродилъ по заламъ дворца, встрѣтилъ пѣвца Маріо (который долженъ былъ пѣть на хорахъ во время обѣда), прошелъ съ нимъ въ Эрмитажъ, гуляли по хорамъ и, наконецъ, собрались мы всѣ въ столовой (николаевскомъ залѣ).

За обѣдомъ я долженъ былъ служить при Принцѣ Александрѣ Гессенскомъ, съ которымъ я былъ знакомъ во время пребыванія его въ Вильнѣ.

Всѣ люстры въ залахъ быти зажжены мгновенно (стопикомъ) и когда всѣ приглашенные (три первые класса) размѣстились у своихъ мѣстъ при столахъ, Царская фамилія, предшествуемая чинами Двора, вошла въ залу и музыка загремѣла.

Высоконовобрачные Великая Княгиня Екатерина Михаиловна и Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій сидѣли между Государемъ и Государыней. Прислуживающіе камергеры подавали лицамъ Царской фамиліи шампанское, во время тостовъ. Прелестнѣйшая музыка, вокальная (пѣлъ Маріо) и инструментальная, раздавалась съ хоровъ.

Когда встали со стола, я подалъ каску Принцу; онъ меня узналъ и припомнилъ свое пребываніе въ Вильнѣ.

Я былъ очень утомленъ и поспѣшилъ отправиться на верхъ, гдѣ для камеръ-пажей была приготовлена особая комната и накрытъ столъ.

За обѣдомъ мы были очень веселы, довольно много ѣли, еще болѣе пили и разговаривали о событіяхъ дня.

Полторацкому и Эммануэлю пожалованы были Герцогомъ и Великою Княгинею перстни.

Отдохнувъ немного послѣ обѣда и поправивъ наше платье, мы спустились въ залы, чтобы ожидать выхода Высочайшихъ особъ къ балу. Я взялся нести мантилію Цесаревны. Балъ былъ въ тронной залѣ и состоялъ только въ полонезѣ. Это было довольно скучно и монотонно.

Цесаревна удалилась до конца бала и спросила свою мантилію; меня тутъ не было подъ рукою. За эту неловкость я былъ казненъ. Усталый и недовольный этимъ происшествіемъ я бросился въ объятія Морфея и спалъ, какъ мертвый до другого утра.

Въ среду 7-го февраля 1851 г. числа былъ назначенъ спектакль въ Эрмитажѣ. Было приказано съѣзжаться въ 7 часовъ. Я ожидалъ на половинѣ Великой Княгини. Ко мнѣ вынесла камерфрау столько вещей, что я не зналъ, куда ихъ дѣвать. Я имѣлъ въ рукахъ двѣ

мантиліи, боа, вѣеръ, бинокль, флаконъ съ духами и двѣ пары перчатокъ. Великая Княгиня наконецъ вышла съ Великимъ Княземъ. Она была удивительно хороша. Лавровый вѣнокъ изъ золота съ зеленою эмалью, осыпанный брилліантами, былъ у нея въ волосахъ. Ихъ Высочества пошли по галлереѣ стараго Эрмитажа, куда вскорѣ прибыла Императрица Александра Ѳеодоровна въ креслѣ на колесахъ, которое везли два камеръ-пажа. За нею находились Великія Княгини Марія Николаевна и Екатерина Михаиловна съ мужемъ. Всѣ вмѣстѣ они перешли въ небольшую гостиную, гдѣ ихъ ожидалъ Государь; на немъ былъ красный конно-гвардейскій мундиръ.

Отсюда начался высочайшій выходъ по великолѣпнымъ покоямъ новаго Эрмитажа. Чины Двора, гвардейскіе офицеры въ блестящихъ мундирахъ, дамы въ роскошныхъ туалетахъ, размѣстившіеся въ амфитеатрѣ, ярко освѣщенномъ, все это представляло какое-то волшебное зрѣлище. Какъ только Государь вошелъ, музыка заиграла и представленіе началось балетомъ „Наяда и Рыбакъ“. Три камеръ-пажа (Полтарацкій, В. и Поповъ) стояли внизу, по близости Особъ Царской фамиліи для того, чтобы имъ прислуживать. Прочіе, въ томъ числѣ и я, не могли стоять внизу по недостатку мѣста и оставались въ верхней части амфитеатра у входа. Послѣ балета были исполнено два акта оперы „Пуритане“, а въ заключеніе танцовщицы, привезенныя изъ Варшавы, танцовали мазурку и краковякъ изъ балета „Свадьба въ Ойцовѣ“.

У выхода изъ залы я подалъ Великой Княгинѣ бархатную мантилію, она еще просила боа на шею и, сказавъ: „deux fois autour du cou“, наклонила голову. Я надѣлъ ей боа, принялъ изъ рукъ ея бинокль и вѣеръ и послѣдовалъ за нею. Царская фамилія прошла въ великолѣпныя залы новаго Эрмитажа, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ. Великая Княгиня Александра Іосифовна не осталась ужинать, она простилась и пошла съ мужемъ домой. Я слѣдовалъ за нею, но она сказала мужу меня отпустить. Великій Князь меня поблагодарилъ и я возвратился въ залу, гдѣ ужинали. Тамъ случайно пришлось стоять вблизи Государя). Государь не ужиналъ; онъ ходилъ по заламъ и смотрѣлъ, какъ ужинаютъ.

Служба камеръ-пажеская кончилась, когда Царская фамилія возвратилась во внутренніе покои.

Мы просили нашего полковника (К. К. Жирардота) позволенія сѣсть за ужинъ, приготовленный для насъ, но одного камеръ-пажа

не доставало и Жирардотъ не соглашался, пока этотъ не придетъ. Наконецъ, всѣ собрались и мы принялись за ужинъ. Ужинъ на этотъ разъ отличался отъ всѣхъ нашихъ repas во дворцѣ. Во-первыхъ, мы ужинали за столомъ, оставшимся свободнымъ въ залахъ Эрмитажа, во-вторыхъ, за нами стоялъ и прислуживалъ рядъ красныхъ и синихъ лакеевъ, въ-третьихъ, мы сидѣли застегнутыми на всѣ пуговицы, при шпагахъ и шляпахъ и въ довершеніе всѣхъ этихъ благъ съ нами сидѣлъ за столомъ Жирардотъ, который, какъ говорилъ самъ директоръ, пренепріятный человѣкъ. Какимъ же онъ долженъ былъ казаться намъ, особенно за ужиномъ. Тѣмъ не менѣе мы возвратились въ корпусъ очень довольные и праздникомъ и собою, но, увидя мрачныя стѣны корпуса и зеленыя лампы (нашихъ дортуаровъ), все показалось прекраснымъ сномъ, въ сравненіи съ этою жалкою дѣйствительностію“ [35]).

Такъ описалъ свои впечатлѣнія камеръ-пажъ Мирковичъ; ему время, проведенное въ исполненіи придворныхъ обязанностей, показалось сномъ.

Этотъ сонъ возобновлялся сравнительно часто, какъ это явствуетъ изъ „правилъ, долженствующихъ служить руководствомъ для камеръ-пажей на дежурствѣ ихъ при Высочайшемъ Дворѣ“.

Правила эти по порученію Великаго Князя Михаила Павловича, были выработаны бывшимъ директоромъ корпуса, тогда, въ 1835 г. флигель-адъютантомъ и полковникомъ Павломъ Николаевичемъ Игнатьевымъ. Сначала онъ ихъ представилъ въ черновомъ наброскѣ, а когда Великій Князь сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, то сообразуясь съ его поправками, придалъ этимъ правиламъ окончательную форму. 18 Марта 1835 года они были Высочайше утверждены.

Такъ какъ по этимъ правиламъ можно себѣ вполнѣ представить всю сущность придворной службы пажей, мы ихъ приводимъ цѣликомъ.

1. Камеръ-пажи удостоиваются служенія при Высочайшемъ Его Императорскаго Величества дворѣ—читаемъ мы: по воскреснымъ, торжественнымъ и праздничнымъ днямъ, равно какъ и на балахъ.

2. Назначеніе камеръ-пажей на сіе дежурство производится по извѣщеніямъ дежурнаго камеръ-фурьера, присылаемымъ наканунѣ съ означеніемъ числа требуемыхъ камеръ-пажей и времени, къ которому должны явиться.

3. При назначеніи развода въ шарфахъ, равно какъ и на балахъ,

камеръ-пажи должны быть въ бѣлыхъ панталонахъ, въ прочихъ случаяхъ во вседневной формѣ.

4. Въ Воскресные и церковные праздничные дни наряжаются къ выходу Ихъ Императорскихъ Величествъ въ малую церковь по три камеръ-пажа, которые являются въ Зимній дворецъ къ 10 часамъ утра. Изъ нихъ двое полагаются дежурными при Государынѣ Императрицѣ, а одинъ остается запаснымъ. Всѣ три камеръ-пажа ожидаютъ выхода Высочайшей Императорской фамиліи въ комнатѣ, находящейся между арабскою и большою гостиной.

Пріѣздъ Великаго Князя Михаила Павловича въ корпусъ.
(Изъ альбома Н. А. Боровкова, хранящагося въ музеѣ корпуса).

Если Государыня Императрица соизволитъ имѣть выходъ, то камеръ-пажи слѣдуютъ въ церковь за Императорской фамиліей, если же Государыня Императрица выйти не соизволитъ, то камеръ-пажи возвращаются въ корпусъ. Третій же запасный камеръ-пажъ въ церковь не входитъ, а остается въ круглой комнатѣ, прочіе же входятъ въ малую церковь и становятся по правую сторону у самаго входа. Одинъ изъ нихъ долженъ имѣть склянку съ духами, полученную отъ камердинера. По окончаніи литургіи дежурные камеръ-пажи принимаютъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ просфоры. Если же назначается послѣ обѣдни представленіе какихъ-либо особъ къ Государынѣ Императрицѣ, то камеръ-пажи остаются въ гостиной комнатѣ и при выходѣ Императрицы отворяютъ двери изъ внутреннихъ покоевъ.

5. Для Государя Императора и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей отворяется только одна половина дверей;—для Государыни Императрицы, равно какъ и для Ихъ Высочествъ Государыни Великой Княгини и Великихъ Княженъ—обѣ половины дверей.

6. При назначеніи спектакля въ Эрмитажѣ возвращаются къ 7 часамъ вечера во дворецъ три камеръ-пажа, бывшіе поутру и, сверхъ того, назначаются два къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и два къ Государынямъ Великимъ Княжнамъ. Камеръ-пажи, назначенные служить при Государынѣ Императрицѣ, ожидаютъ Ея Величество въ большой гостиной, прочіе же всѣ въ арабской комнатѣ.

Въ театрѣ становятся внизу, т. е. за первымъ рядомъ креселъ: одинъ изъ камеръ-пажей Государыни Императрицы, одинъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини и одинъ изъ камеръ-пажей, назначенныхъ къ Великимъ Княжнамъ. При камеръ-пажѣ, служащемъ за Государыней Императрицей, должно быть: лорнетъ, двойная подзорная трубка, боа, платокъ, перчатки, склянки съ духами и прочія вещи, которыя вынесены будутъ ея камердинеромъ. Прочіе камеръ-пажи остаются на балконѣ театра. У назначенныхъ къ Государынѣ Императрицѣ и къ Императорскимъ Высочествамъ, должны быть палатины. Во время Высочайшаго шествія въ театръ, равно какъ и при возвращеніи, камеръ-пажи слѣдуютъ за тѣми особами Императорской фамиліи, за которыми они служить назначены.

7. Для большихъ выходовъ назначаются къ Государю Императору одинъ камеръ-пажъ, къ Государынѣ Императрицѣ два, къ Государынѣ Великой Княгинѣ два, къ Великимъ Княжнамъ по два и одинъ запасной.

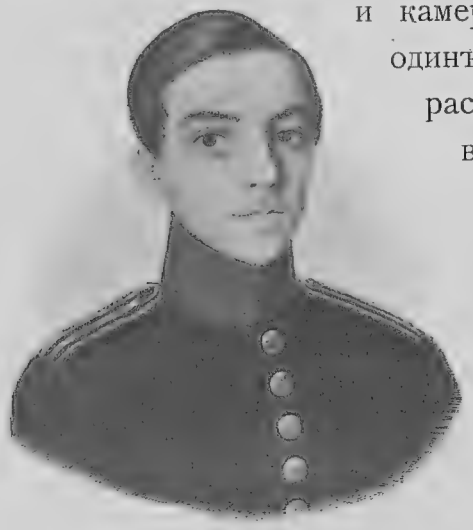
Камеръ-пажи, назначенные къ Государынѣ Императрицѣ, ожидаютъ выхода Ея Величества въ большой гостиной, дежурные при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ около тѣхъ комнатъ, гдѣ Ея Императорское Высочество изволитъ одѣваться, прочіе же въ арабской комнатѣ.

У камеръ-пажей, служащихъ за особами Императорской фамиліи женскаго пола, должны быть на рукахъ палатины, боа, платки, перчатки и прочія вещи, которыя вынесены будутъ камердинеромъ.

Всѣ камеръ-пажи должны итти за тѣми особами, къ которымъ они назначены. Войдя въ церковь, камеръ-пажи, имѣющіе счастіе служить при Государынѣ Императрицѣ, становятся у окна на правой

сторонѣ около баллюстрады. Назначенные къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ остаются позади Ея Высочества, когда же Ея Высочество изволятъ находится въ фонарикѣ, то по лѣвую сторону.

Камеръ-пажи, дежурные при Великихъ Княжнахъ, стоятъ позади и влѣво отъ нихъ, прочіе камеръ-пажи остаются у дверей церквей. Если Императрица изволитъ итти въ фонарикъ, то и камеръ-пажи слѣдуютъ за Ея Величествомъ и одинъ изъ нихъ входитъ въ самый фонарикъ и расправляетъ шлейфъ, послѣ чего оба становятся тамъ, гдѣ и камеръ-пажи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини.



Камеръ-пажъ гр. Ѳ. Л. Гейденъ.
Вып. 1840 г.
(Съ портрета, хранящагося въ музеѣ корпуса).

По окончаніи литургіи одинъ изъ камеръ-пажей Государыни Императрицы и назначенный къ Его Величеству идутъ за баллюстраду для принятія отъ Ихъ Величествъ просфоръ или образовъ, если таковые будутъ подносимы Ихъ Величествамъ.

При возвращеніи Императорской фамиліи во внутренніе покои камеръ-пажи слѣдуютъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при Высочайшемъ входѣ въ церковь.

8. Въ случаяхъ, когда Ихъ Императорскія Величества изволятъ принимать дипломатическій корпусъ, что обыкновенно бываетъ въ залѣ Петра Великаго, камеръ-пажи Государыни Императрицы становятся направо, у входа въ двери и остаются тамъ въ продолженіе всей аудіенціи; прочіе камеръ-пажи въ сію комнату не входятъ.

9. Когда послѣ выхода бываютъ представленія къ Государынѣ Императрицѣ, то остаются одни камеръ-пажи, имѣющіе счастіе служить при Ея Величествѣ, а прочіе возвращаются въ корпусъ.

10. Камеръ-пажи, дежурные при особахъ Императорской фамиліи женскаго пола, должны поправлять шлейфъ ихъ русскихъ платьевъ.

11. Къ обѣденнымъ столамъ наряжаются къ Государю Императору, къ Государынѣ Императрицѣ, къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ, Великой Княгинѣ и Великимъ Княжнамъ, равно какъ и къ принцамъ, при Высочайшемъ дворѣ пребываніе имѣющемъ, по одному камеръ-пажу. Всѣ камеръ-пажи становятся за

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“

Группа пажей, выпущенныхъ въ 1851 и 1852 г.

(Съ рисунка пажа гр. І. І. Гауке).

стульями тѣхъ особъ, за которыми они служить назначены, кромѣ камеръ-пажа, дежурнаго при Ея Императорскомъ Величествѣ, который ожидаетъ Высочайшаго выхода въ большой гостиной.

12. Когда садятся за столъ, то камеръ-пажи придвигаютъ стулья и берутъ у особъ мужскаго пола шляпы, а у особъ женскаго пола принимаютъ на тарелку перчатки и кладутъ оныя на особый столъ, потомъ завертываютъ правыя руки въ салфетки и внимательно исполняютъ въ продолженіе стола свою обязанность.

Сдаваемыя тарелки всегда принимаются съ правой стороны и относятся камеръ-пажемъ на особенный столъ, приготовляемый въ близкомъ разстояніи для занятыхъ приборовъ. Съ сего же стола берутся чистые приборы и становятся равномѣрно съ правой стороны. Послѣ пирожнаго перемѣщается весь приборъ и становится десертный.

По окончаніи стола подносятся шляпы и перчатки, послѣ чего камеръ-пажи слѣдуютъ за Императорской фамиліей до внутреннихъ покоевъ.

Камеръ-пажъ гр. И. Г. Ностицъ.
Вып. 1841 г.
(Съ портрета, хранящагося въ музеѣ корпуса).

13. Когда обѣдъ или ужинъ бываетъ на нѣсколькихъ разныхъ столахъ, то камеръ-пажи служатъ за тѣми только особами Императорской фамиліи, которыя соизволятъ находиться за особеннымъ столомъ, называемымъ царскимъ.

14. На балы назначаются камеръ-пажи только въ дворцы: Зимній, Таврическій и Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича, равномѣрно въ домъ министерства удѣловъ.

15. Когда балъ бываетъ въ концертномъ залѣ, то камеръ-пажи дежурные при Государынѣ Императрицѣ, должны имѣть при себѣ палатинъ или боа и склянки съ духами, если же въ Бѣлой залѣ, то, кромѣ того, еще перчатки и платокъ, которыя надлежитъ, завернувъ въ бумагу, сохранять въ карманѣ.

16. Въ маскарадѣ, бывающемъ въ день новаго года, слѣдуютъ за польскимъ только камеръ-пажи, служащіе за Государынею Императрицею и Ихъ Императорскими Высочествами Государынею Великою

Княгинею и Великими Княжнами, прочіе же всѣ остаются за балюстрадою, устраиваемою въ георгіевскомъ залѣ.

17. Когда на масленицѣ бываютъ утренніе балы, то камеръ-пажи служатъ равномѣрно во время завтрака.

18. На дѣтскихъ балахъ, въ Зимнемъ дворцѣ бывающихъ, камеръ-пажи служатъ, точно тѣмъ же порядкомъ, который выше опредѣленъ для большихъ баловъ.

19. При назначеніи Высочайшихъ выходовъ въ церковь дворца Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича, пажи соблюдаютъ то же самое, что и въ прочихъ подобныхъ случаяхъ.

20. Когда Императорская фамилія изволитъ говѣть въ собственномъ дворцѣ Ихъ Величествъ, то камеръ-пажи руководствуются правилами, установленными для Высочайшихъ выходовъ въ малую церковь Зимняго дворца, исключая того, что они становятся не по правую сторону входа въ церковь, а по лѣвую у перваго окна.

21. На Елагинскомъ островѣ камеръ-пажи не наряжаются къ выходу, а только бываютъ тамъ въ случаяхъ, когда Государыня Императрица изволитъ принимать представляющихся.

22. Въ Александро-Невской лаврѣ, въ соборѣ Спаса Преображенія и въ Петергофскомъ дворцѣ камеръ-пажи становятся позади Императорской фамиліи тамъ, гдѣ окажется приличнѣе для удобнаго исполненія своихъ обязанностей. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ камеръ-пажи слѣдуютъ всѣмъ правиламъ, которые выше сего для большихъ баловъ изложены.

23. Когда въ торжественные дни Государыня Императрица изволитъ выѣзжать въ золотой каретѣ, камеръ-пажи, имѣющіе счастье служить при Ея Величествѣ, слѣдуютъ верхомъ за самою каретою“[36]).

Только-что приведенныя правила показываютъ, что флигель-адъютантъ Игнатьевъ вполнѣ вошелъ въ виды Государя, понялъ, что Императоръ желалъ все узаконить, все привести въ полный порядокъ и традицію устную замѣнить писанною инструкціею. Понявъ стремленіе Императора, онъ пошелъ ему навстрѣчу, собралъ жившіе въ устномъ преданіи среди придворныхъ и среди начальства корпуса правила придворной службы пажей, придалъ имъ форму устава и представилъ его начальству на утвержденіе. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Пажескій корпусъ, это была, повидимому, первая попытка

въ такомъ родѣ. До Игнатьева никому въ голову не приходило узаконять то, что вошло въ обычай и, какъ обычай, примѣнялось съ удивительною точностью и правильностью.

Итакъ, въ царствованіе Николая Павловича въ 1835 году оформилась впервые служба, исполнявшаяся пажами болѣе ста лѣтъ, но до этого времени остававшаяся внѣ писанныхъ правилъ.

Дождался передѣлки и бывшій дворецъ канцлера Воронцова, такъ поражавшій пажей своими расписанными плафонами и заставлявшій ихъ удивляться, что начальство не догадывается, что богини и нимфы совсѣмъ тутъ неумѣстны.

Карлъ Александровичъ Бельгардъ.
Вып. 1827 г.

Мы видѣли, что начальство вовсе не было такъ равнодушно къ неудобствамъ помѣщенія, что оно предполагало передѣлать его въ царствованіе покойнаго Государя Александра I, но что, какъ говорится, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, ему пришлось остаться только при добрыхъ намѣреніяхъ.

Но пажи этого не знали и потому въ своихъ мемуарахъ осуждали въ сущности неповинныхъ. Мы видѣли, какъ выражался по этому поводу Дараганъ, предлагаемъ теперь послушать генерала Бельгарда, воспитывавшагося въ корпусѣ, что называется на рубежѣ двухъ царствованій и констатирующаго лишь факты. „Пажескій корпусъ, говоритъ онъ: въ мое время помѣщался тамъ же, гдѣ и теперь, только зданіе подверглось еще при мнѣ большимъ передѣлкамъ. Мы помѣщались въ бывшемъ мальтійскомъ дворцѣ и вокругъ него былъ огромный садъ, доходившій до Фонтанки. Садъ былъ намъ необходимъ потому, что лѣтнихъ каникулъ не было, мы жили лѣтомъ въ корпусѣ и продолжали учиться.

Зданіе не было приспособлено для учебнаго заведенія: все оставалось такъ, какъ было во дворцѣ. На потолкахъ были миѳологическія картины, писанныя на полотнѣ. Шалуны стрѣляли въ эти картины книгами и иногда такъ ловко попадали, что книги пробивали полотно и оставались между нимъ и потолкомъ. Гдѣ теперь помѣщается ла-

заретъ, тамъ у насъ была столовая, а лазаретъ помѣщался во флигелѣ. Гдѣ теперь столовая, тамъ было великолѣпное антре съ колоннами и огромною лѣстницею, уставленною статуями. Особенно помню статую Минервы.

Весною 1827 года насъ перевели въ Петергофъ въ Англійскій дворецъ, потому что зданіе корпуса должно было передѣлываться. Расписные потолки, статуи и колонны велѣно было убрать и зданіе приспособить для учебнаго заведенія“ [37]).

И, дѣйствительно, работы по передѣлкѣ начались въ Апрѣля мѣсяцѣ. 3 Мая пажи были переведены въ Петергофъ, въ Англійскій дворецъ. Первоначально предполагали помѣстить ихъ въ Таврическій дворецъ, но потомъ передумали.

27 Октября пажей перевели обратно въ обновленное зданіе, надъ фронтономъ котораго красовалась надпись: „Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ“, красовалась тамъ, гдѣ она находится теперь и куда ее помѣстили по личному приказанію Государя Николая Павловича, пожелавшаго, чтобы она была именно въ этомъ мѣстѣ, а не на воротахъ.

По этому поводу была получена бумага отъ главнаго директора Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ, гдѣ сказано: „Г. инженеръ-генералъ Оппермань отношеніемъ отъ 7 сего Ноября сообщилъ мнѣ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы надпись

Пажескій корпусъ.
Въ Петергофѣ, въ Англійскомъ дворцѣ.
(Изъ альбома Мухина).

при домѣ Пажескаго корпуса сдѣлана была не надъ воротами, а на томъ самомъ мѣстѣ, которое показано на прилагаемомъ при семъ фасадѣ“ [38]).

При пріемѣ зданія, послѣ ремонта, не обошлось дѣло безъ недоразумѣній. Иванъ Григорьевичъ придрался къ чему-то и пустился въ непріятную переписку съ генераломъ Оппермановъ, что вызвало со стороны послѣдняго такую отповѣдь: „для прекращенія такой переписки, въ которой дѣла важнаго не заключается и изъясненія сдѣлались пространными и съ Вашей стороны непріятными, я нахожу за лучшее окончательно просить Васъ; къ тому же присовокупляю, что управляя ежегодно обширными построеніями, въ первый разъ встрѣчаю переписку такого рода, которая заведена съ Вами“ [39]).

Вообще, Иванъ Григорьевичъ, 25 лѣтъ стоявшій во главѣ Пажескаго корпуса, повидимому, отличался нравомъ не совсѣмъ уживчивымъ. По крайней мѣрѣ, поводомъ къ его отставкѣ была исторія съ однимъ изъ служащихъ въ корпусѣ, котораго онъ обвинялъ въ пьянствѣ. Объ этой исторіи Цесаревичъ доложилъ Государю, причемъ прибавилъ, что для замѣны генерала Гогеля другимъ лицомъ онъ не имѣетъ въ виду способнаго генерала.

Сверхъ того, Великій Князь выразилъ свое неодобреніе поступку главнаго директора генерала Демидова, изъявившаго свое неудовольствіе на удаленіе мнимаго пьяницы. На этой докладной запискѣ Николай Павловичъ положилъ такую резолюцію. „Отвѣтить Его Высочеству, что я въ полной мѣрѣ раздѣлялъ бы мнѣніе его на счетъ поступка генерала Демидова, если бы обстоятельства, описанныя г. Гогелемъ, были справедливы; но кромѣ того, что генералу Демидову, по извѣстному его благородному нраву, можно скорѣе повѣрить, чѣмъ г. Гогелю, котораго вспыльчивый и мстительный нравъ довольно извѣстенъ; сей самый генералъ, вѣроятно, не уничтожилъ бы письма, въ коемъ получилъ разрѣшеніе генерала Демидова, своего начальника, на представленіе о переводѣ Бракеля. Г. Демидовъ неоднократно отзывался г. Гогелю съ сомнѣніемъ на счетъ справедливости отзывовъ его о поведеніи П. Бракеля, ибо и всякому невѣроятно покажется, чтобы человѣкъ отличнымъ поведеніемъ своимъ и заслуживающій почтеніе начальства и любовь товарищей и дослужившійся до ш. о. чина и за отличіе переведенный, какъ довѣренное лицо, могъ въ короткое время пяти мѣсяцевъ измѣниться до того, чтобы предаться гнуснѣйшему пороку. Но уважая лицо начальника, г. Демидовъ долженъ былъ согласиться на оставленіе его въ городѣ, когда пажи шли въ лагерь и потомъ, когда былъ въ Москвѣ, въ томъ же уваженіи согласился на переводъ его въ армію; въ чемъ одномъ

я его виню, ибо не было нужды переводить его во время отсутствія главнаго начальника, а должно бы г. Демидову оставить рѣшить переводъ до возвращенія своего съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться сперва въ столь невѣроятно скорой перемѣнѣ въ офицерѣ, столь извѣстномъ съ хорошей стороны.

Такъ какъ Его Высочество не имѣетъ въ виду генерала на сіе мѣсто, то назначаю я Г. М. Кавелина, мнѣ извѣстнаго съ самой отличной стороны“ [40]).

20 Марта 1830 г. состоялся приказъ о назначеніи генералъ-маіора Кавелина, бывшаго пажа, директоромъ Пажескаго корпуса.

Такъ строго осудилъ Государь Ивана Григорьевича, видимо хорошо познакомившись съ обстоятельствами дѣла, далеко не говорящими, какъ это можно судить по имѣющимся въ архивѣ корпуса документамъ, въ пользу генерала Гогеля. Иначе судили его нѣкоторые изъ бывшихъ его воспитанниковъ. Покойный Иванъ Петровичъ Корниловъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ очень справедливомъ, хотя и очень занятомъ многими посторонними дѣлами, а ихъ было у него дѣйствительно не мало, почему въ корпусъ онъ показывался сравнительно рѣдко, имѣлъ видъ всегда серьезный и былъ молчаливъ, за что пажи прозвали его „букою“, но, несомнѣнно, онъ былъ человѣкъ свѣдущій и на своихъ питомцевъ производилъ впечатлѣніе даже ученаго. Что же касается разнообразія его дѣятельности, которое, конечно, должно было неблагопріятно отзываться на исполненіи его непосредственныхъ обязанностей, то этимъ въ то время грѣшенъ былъ не онъ одинъ, а почти всѣ его мало-мальски образованные современники, такъ какъ на такихъ людей былъ большой спросъ, они были на-расхватъ.

Какою разносторонностью отличалась его дѣятельность, можно судить по слѣдующему: Иванъ Григорьевичъ былъ директоромъ военно-ученаго комитета, вице-директоромъ артиллерійскаго департамента военнаго министерства и членомъ ученаго комитета при совѣтѣ о военныхъ училищахъ. За отправленіе обязанностей по всѣмъ этимъ должностямъ онъ получалъ въ суммѣ 18 т. рублей [41]).

Исторія съ подполковникомъ Бракелемъ рѣшила судьбу директора, въ теченіе 25 лѣтъ стоявшаго во главѣ корпуса: ему пришлось выходить въ отставку.

Его мѣсто, какъ мы сказали, занялъ бывшій пажъ выпуска 1810 г. генералъ Кавелинъ. Молодымъ двадцати-двухъ лѣтнимъ офицеромъ

Л.-Гв. Измайловскаго полка онъ принялъ участіе въ отечественной войнѣ и подъ Бородиномъ былъ раненъ картечью въ лѣвую ногу и пулею въ правую руку. Затѣмъ онъ принялъ участіе въ освободительныхъ войнахъ 1813 и 1814 годовъ. Черезъ четыре года по возвращеніи въ Петербургъ изъ-за границы Кавелинъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Николаю Павловичу, а въ знаменательный день 14 Декабря 1825 года флигель-адъютантомъ. Въ эти трудные для Царя дни А. А. Кавелинъ ѣздилъ за дѣтьми Государя въ Аничковъ дворецъ и перевозилъ ихъ въ зимній, затѣмъ привелъ три роты Павловскаго полка, бывшія въ караулѣ и разставилъ ихъ по мѣстамъ. Онъ же привелъ къ Государю Измайловскій полкъ, въ которомъ служилъ прежде. Черезъ два года его произвели въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять въ свитѣ, а годъ спустя послѣ этого назначили комендантомъ главной квартиры. Съ этого послѣдняго мѣста приказомъ 20 Марта 1830 года свиты Его Величества генералъ-маіоръ Кавелинъ былъ назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса. Назначеніе это застало его какъ разъ въ то время, когда онъ исполнялъ Высочайше возложенное на него порученіе и осматривалъ въ Болгаріи на правомъ берегу Дуная военно-временные госпиталя. Возвратился онъ въ предѣлы Россіи черезъ два мѣсяца послѣ выхода въ свѣтъ приказа. Пробылъ онъ на новомъ своемъ мѣстѣ недолго, всего 4 года. По истеченіи 4 лѣтъ Кавелинъ былъ назначенъ состоять при Особѣ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, Ему было поручено воспитаніе будущаго Царя Освободителя [42]).

„При первыхъ-же пріемахъ вступленія въ должность директора, пишетъ бывшій пажъ В. С. Семека: его горячее рвеніе все видѣть, все узнать, какъ-бы то или другое улучшить, не могли не быть замѣчены пажами. При всякомъ подходящемъ случаѣ онъ обращался къ пажамъ со спросами и разспросами и, замѣтивъ какую-нибудь провинность, крѣпко и рѣзко распекалъ; у него было привычное карательное выраженіе „балбесъ“. „А вотъ выросъ, балбесъ, и этому не научился“, говаривалъ онъ, но тѣмъ не менѣе скоро сыскалъ себѣ у пажей самое теплое сочувствіе. Пажи крѣпко увѣровали въ его прямоту, честность и доброту.

Доброта его, а также заботливость и справедливость сказывались особенно ярко въ его внимательномъ отношеніи къ производству пажей въ камеръ-пажи и послѣднихъ въ офицеры. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1831 году на экзаменѣ второго класса оказалось

мало достойныхъ къ производству въ камеръ-пажи, а нѣкоторыхъ генералъ-адъютантъ Кавелинъ находилъ слишкомъ молодыми для производства и потому онъ двухъ изъ 3 класса Калагеоргія и Непокойчицкаго, отлично выдержавшихъ экзаменъ представилъ въ камеръ-пажи, сказавъ имъ: „у васъ прекрасныя способности и вы можете во время лагеря подготовиться для слушанія курса перваго класса“.

Въ томъ-же 1831 году, во второмъ классѣ былъ пажъ Маевскій, отлично выдержавшій экзаменъ, но генералъ-адъютантъ Кавелинъ усмотрѣлъ, что у него очень плохіе баллы по поведенію, нашелъ неудобнымъ произвести его въ камеръ-пажи, но, замѣтивъ въ Маевскомъ отличные способности, ему было жаль лишить его службы въ гвардіи и онъ, безъ производства въ камеръ-пажи, былъ переведенъ въ первый камеръ-пажескій классъ, на слѣдующій годъ былъ произведенъ въ камеръ-пажи, а черезъ годъ произведенъ Лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ. Въ 1832 году, подобный случай, какъ съ Маевскимъ, былъ со мною. Во второмъ классѣ я выдержалъ экзаменъ такъ хорошо, что на корпусной конференціи, несмотря на то, что мнѣ недоставало одного балла въ поведеніи, присудили дать призъ и на торжественномъ актѣ я получилъ этотъ призъ—12 томовъ Россійской исторіи Карамзина, лексиконъ Буало и съ полнымъ бритвеннымъ приборомъ краснаго дерева шкатулку. На другой или третій день генералъ-адъютантъ Кавелинъ потребовалъ меня къ себѣ. Вхожу къ нему въ кабинетъ, генералъ былъ одинъ и встрѣтилъ меня очень грозно „Ну, что я буду дѣлать съ вами, конференція вамъ присудила призъ, а я не могу произвести васъ въ камеръ-пажи“. И началось распеканіе очень суровое, не обошлось и безъ любимаго словца, но, между тѣмъ, распеканіе было такъ наставительно и сердечно, что я

В. С. Семека.
Командующій войсками Одесскаго военнаго округа.
Вып. 1834 г.

едва удержался отъ слезъ. Наконецъ, генералъ сказалъ: „ну, вотъ я прибавляю вамъ недостающій баллъ, смотрите-же, заслужите".

Камеръ-пажъ Петръ Долгоруковъ съ большими природными способностями, но односторонними и, получивъ дома довольно широкое образованіе въ словесныхъ наукахъ, поступилъ въ корпусъ прямо въ третій классъ, переведенъ во второй и произведенъ въ камеръ-пажи еще при директорѣ генералъ-лейтенантѣ Гогелѣ. Затѣмъ на первомъ экзаменѣ уже въ присутствіи генералъ-адъютанта Кавелина и при отличныхъ экзаменахъ по наукамъ словеснымъ выказалъ весьма слабое знаніе по математикѣ и военнымъ наукамъ, что и было имъ замѣчено. Но князь Долгоруковъ, оставаясь на второй и на третій годъ камеръ-пажемъ, выказалъ совершенное пренебреженіе къ наукамъ военнымъ и къ математикѣ. Генералъ-адъютантъ Кавелинъ, не взирая на его обширное аристократическое родство и связи, представилъ его къ выпуску въ гражданскую службу, какъ пажа, только 12 классомъ, а не 10, какъ обыкновенно выпускались камеръ-пажи, какъ въ слѣдующемъ году былъ выпущенъ камеръ-пажъ Ладога 10 классомъ. Это былъ тотъ самый князь Долгоруковъ, который подъ псевдонимомъ comte Almègra, связался за границею съ крайне либеральною партіею и печаталъ враждебныя русскому Правительству сочиненія и кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ эмигрировалъ изъ Россіи. Нельзя не замѣтить, какъ вѣрно генералъ-адъютантъ Кавелинъ понялъ князя Долгорукова и какъ справедливо поступилъ съ нимъ.

Камеръ-пажъ Ваксмутъ былъ сынъ подполковника Ваксмута, отдѣленнаго офицера въ корпусѣ. Экзаменаторы по любезности и по расположенію къ отцу переводили его сына изъ класса въ классъ болѣе, чѣмъ снисходительно, и при директорѣ генералъ-лейтенантѣ Гогелѣ, онъ былъ произведенъ въ камеръ-пажи. Камеръ-пажъ Ваксмутъ былъ очень порядочный молодой человѣкъ, но даже посредственно ничему не учившійся. Генералъ-адъютантъ Кавелинъ, продержавъ его три года камеръ-пажемъ, все-таки призналъ несправедливымъ доставить ему преимущество выпуска въ гвардію, а представилъ въ армію офицеромъ, кажется, напередъ разжаловавъ въ пажи за недостаточные успѣхи въ наукахъ. Изъ всѣхъ 5 примѣровъ видно, что генералъ-адъютантъ Кавелинъ не связывалъ себя рутинными правилами, а предпочиталъ дѣйствовать справедливо по совѣсти, по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла. При генералъ-адъютантѣ Кавелинѣ, продолжаетъ свои воспоминанія В. С. Семека: всѣ преобразованія въ кор-

пусѣ пошли быстро. Изъ всего прежняго начальственнаго персонала въ корпусѣ скоро остался одинъ Ортенбергъ (впослѣдствіи, инспекторъ классовъ).

Первое и главное вниманіе А. А. Кавелинъ обратилъ на учебную часть, которая находилась въ очень неудовлетворительномъ положеніи. Персоналъ учителей былъ весь перемѣненъ.

Въ 1832 году реформы были окончены. Разомъ передѣлать всю учебную часть было невозможно, но мы вышли изъ корпуса при новыхъ преподавателяхъ“ [43]).

Его смѣнилъ флигель-адъютантъ полковникъ Игнатьевъ, 20 лѣтъ произведенный изъ подпрапорщиковъ въ прапорщика Преображенскаго полка. 14 Декабря 1825 г. Капитанъ Игнатьевъ командовалъ тою ротою Преображенскаго полка, которой Государь въ разгарѣ бунта сказалъ: „Рота Его Величества остается при мнѣ“, и которая въ этотъ день слѣдовала за всѣми первыми движеніями Государя. Черезъ 7 дней послѣ этого знаменательнаго событія, капитанъ Игнатьевъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ [44]). Затѣмъ до чина полковника онъ служилъ въ Преображенскомъ полку. Нѣкоторое время состоялъ при принцѣ Ольденбургскомъ, а 23 Мая 1834 года былъ назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса. Про образованіе его въ послужномъ спискѣ сказано: „по россійски, по французски, по нѣмецки и по латынски читать и писать умѣетъ. Ариѳметику, геометрію, алгебру, физику и статистику знаетъ“. Говоря про него въ своихъ запискахъ, князь Имеретинскій, ранѣе того знакомившій читателя съ типомъ преображенца flaneur'a, выражается такъ: „но были люди другого сорта. Возьмемъ недавно скончавшагося стараго преображенца графа П. Н. Игнатьева. Въ концѣ 30 годовъ Императоръ Николай сказалъ этому старому преображенцу:

„Вотъ тебѣ Пажескій корпусъ, ты знаешь, что тамъ воспитываются дѣти старѣйшихъ и лучшихъ моихъ служивыхъ. Поставь ихъ на ноги такъ, чтобы они служили, какъ и ихъ отцы“. Игнатьевъ принялъ на себя эту задачу, а что онъ къ ней былъ подготовленъ, про то я знаю по опыту, такъ какъ самъ при немъ воспитывался и помню, что на экзаменахъ директоръ не слушалъ безучастно и мы боялись его появленія на экзаменѣ, особенно русской исторіи, которую онъ зналъ основательно и разносторонне. Въ сороковыхъ годахъ государь сказалъ Игнатьеву: „спасибо, мой старикъ, это дѣло ты мнѣ повелъ хорошо, а теперь возьми инспекторскій департаментъ и устрой тамъ

порядокъ, такъ, чтобы я могъ быть спокойнымъ при всякихъ случайностяхъ".

Старый преображенецъ сослужилъ и эту службу; его бывшіе подчиненные могутъ засвидѣтельствовать, какимъ онъ былъ дежурнымъ генераломъ и какой порядокъ ввелъ въ инспекторскомъ департаментѣ. И служилъ онъ тамъ, пока царь не сказалъ:

„Ну, теперь садись на генералъ-губернаторство въ Витебскъ".

Потомъ онъ перешелъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургъ, мѣсто труднѣе предыдущаго и до того труднѣе, что сложилось какое то недоброе преданіе, будто-бы только „нищій духомъ могъ прослужить долго на этомъ мѣстѣ, а умѣлый, дѣльный человѣкъ не выдерживалъ и скоро умиралъ". Приводили въ доказательство Матвѣя Евграфовича Храповицкаго и многихъ другихъ. Но Игнатьевъ не былъ нищій духомъ, а совершенно наоборотъ, и за него вполнѣ можно было опасаться, тѣмъ болѣе, что генералъ-губернаторство давало таки себя знать въ его время. Тогда всякій, кто могъ и хотѣлъ цѣплялся за генералъ-губернатора и онъ былъ, какъ горохъ на дорогѣ: кто не проѣдетъ — щипнетъ! Митрополитъ Григорій жаловался, напримѣръ, на то, что въ магазинахъ продаютъ модныя женскія матеріи съ изображеніемъ на нихъ крестовъ,—Павелъ Николаевичъ извинялся и объяснялъ, что эти кресты не знаменуютъ символа нашего спасенія, а просто знаки сложенія и умноженія. Студенты тоже забунтовали въ концѣ его управленія (1861—1862 г.) и старый преображенецъ долженъ былъ одинъ выѣхать на уличное собраніе и приглашать молодежь разойтись. Студенты кричали:

— Хорошо, мы уйдемъ, только вы отправляйтесь раньше насъ!

Павелъ Николаевичъ отвѣчалъ:

„Нѣтъ, ужъ гости-то вы, а я хозяинъ... прошу... а не послушаетесь, вывести велю". Ихъ вывели; и такъ случилось, что гостей отвела въ крѣпость преображенская рота. Наконецъ, третій по времени Императоръ, Александръ II сказалъ Игнатьеву:

„Павелъ Николаевичъ, я назначаю Васъ предсѣдателемъ комитета министровъ".

Въ комитетѣ засѣдали съ нимъ три министра, изъ бывшихъ его пажескихъ воспитанниковъ: Грейгъ (финансовъ), Маковъ (внутреннихъ дѣлъ) и графъ Гейденъ („за военнаго министра") [45]).

П. Н. Игнатьевъ пробылъ директоромъ 12 лѣтъ и, какъ видный дѣятель, вызвалъ самую разнорѣчивую оцѣнку своей дѣятельности.

Одни присоединялись къ мнѣнію князя Имеретинскаго и считали, что онъ поставилъ ввѣренныхъ его попеченію юношей на ноги, другіе, наоборотъ, порицали его и находили пропасть недостатковъ въ его управленіи корпусомъ. Мы, съ своей стороны, не входя въ оцѣнку его, какъ директора, приведемъ одинъ документъ, обрисовывающій его, какъ строгаго блюстителя дисциплины, и другой, какъ человѣка, вполнѣ проникнувшагося сознаніемъ важности, возложенной на него задачи— поставить на ноги дѣтей старѣйшихъ и лучшихъ служилыхъ Царя.

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ пажей, юноша 17 лѣтъ, жившій у воспитателя и ходившій отъ него въ классы, воспользовавшись отсутствіемъ своего ментора, купилъ бутылку водки и занялся ею настолько серьезно, что въ результатѣ оказался не въ совсѣмъ нормальномъ состояніи. Воспитатель счелъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія директора, который постановилъ подвергнуть виновника дебоша тѣлесному наказанію въ присутствіи воспитателя.

Когда послѣдній повелъ виновника на экзекуцію, виновникъ вырвался отъ него и изъ верхняго этажа бросился въ нижній. Слѣдствіемъ паденія оказался ушибъ спинного хребта и сильное сотрясеніе спинного мозга. Всѣ растерялись, но это продолжалось недолго, всего 4 дня, когда выяснилось, что юноша находится внѣ опасности. Какъ только стало несомнѣннымъ, что молодой человѣкъ выздоровѣетъ, директоръ послалъ высшему начальству бумагу такого содержанія:

„Почтительнѣйшимъ донесеніемъ моимъ отъ 5 числа сего мѣсяца за № 1558, было доведено мною до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, что I отдѣленія ввѣреннаго мнѣ корпуса пажъ экстернъ, признанный мною за дурное поведеніе заслуживающимъ тѣлеснаго наказанія, бросился для избѣжанія онаго сверху парадной лѣстницы средняго этажа внизъ на полъ, каменною плитою устланный, и что отъ паденія сего послѣдовало сильное сотрясеніе спинного мозга. Старшій врачъ Пажескаго корпуса, докторъ медицины и хирургіи статскій совѣтникъ Смѣльской, для коего происшествіе сіе было случаемъ явить новый опытъ своего усердія и искусства, удостовѣрилъ меня тѣмъ, что онъ полную имѣетъ надежду на совершенное исцѣленіе пажа.

Постановляя тяжелою, но священною обязанностью, принять мѣры, дабы проступокъ пажа сего не могъ послужить поводомъ къ превратнымъ толкованіямъ для прочихъ воспитанниковъ, и имѣя въ виду, что этотъ юноша, одаренный отъ природы хорошими умственными способностями, необдуманно и безотчетно посягнулъ на жизнь свою

въ минуту запальчивости, строптивости, его нрава свойственной, я полагать осмѣливаюсь, что пажа сего надлежало бы, по выздоровленіи подвергнуть тѣлесному наказанію въ присутствіи нѣсколькихъ товарищей. Наказаніе сіе, имѣющее цѣлью не усугубленіе физической боли послѣ тяжкихъ страданій, имъ произвольно переносимыхъ, но единственно огражденіе воспитанниковъ отъ мысли объ уклоненіи отъ наказанія, начальствомъ опредѣленнаго, должно бы быть легкое и потому присутствіе всего корпуса при ономъ было бы неумѣстнымъ.

По исполненіи сего, полезно было бы допустить виновнаго къ говѣнію и причащенію, для принесенія по обряду православной церкви покаянія“ [46]).

А вотъ прощальное изустное наставленіе, которымъ генералъ Игнатьевъ напутствовалъ вновь произведенныхъ пажей въ 1837 г.

„Сегодня, друзья мои, кончились всѣ прежнія отношенія наши. Изъ всего, что доселѣ соединяло насъ, остается теперь и осталось до гроба одна привязанность моя къ вамъ. Она-то и побуждаетъ меня напутствовать васъ искреннимъ совѣтомъ.

Мнѣ не высказать всего, что лежитъ теперь на душѣ; впрочемъ, мои правила и мой образъ мыслей вамъ такъ извѣстны, что слова мои, вѣрно, найдутъ отголосокъ въ вашемъ сердцѣ.

Первая просьба моя къ вамъ, друзья, о сохраненіи благочестія. Со-временемъ вы испытаете, что теплая вѣра есть надежнѣйшій руководитель, а молитва лучшая отрада и утѣшеніе. Внутреннее благочестіе неразрывно соединено съ внѣшнимъ. Еслибъ, кромѣ утренней и вечерней молитвы, посѣщенія въ праздничные и воскресные дни Дома Господня, вы поставили себѣ правиломъ заканчивать ежедневно вашъ вечеръ размышленіемъ о проведенномъ днѣ и, по возможности, благочестивымъ чтеніемъ, то, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вы сами удостовѣрились-бы въ существенности пользы, которую принесло-бы вамъ исполненіе этой обязанности. Оно требуетъ пожертвованія нѣсколькихъ минутъ, — отъ васъ, которые тратить будете столько часовъ, столько дней напрасно.

Мнѣ не нужно напоминать вамъ о долгѣ безпредѣльной любви и благодарности къ Государю Императору и къ Великому Князю, нашему Главному Начальнику. Для насъ, русскихъ, олицетворяются въ священномъ имени Государя всѣ нравственныя понятія, которыя привязываютъ насъ къ Отечеству, которыя возвышаютъ чувство долга до самоотверженія. Но, кромѣ общихъ, врожденныхъ въ каж-

домъ, побужденій, на которыхъ утверждается нераздѣльное чувство любви къ Государю и любви къ Отечеству, вамъ ли не быть привязанными душою къ Обоимъ Высокимъ благодѣтелямъ вашимъ? Они благотворили вамъ отъ самой колыбели, благотворили и отцамъ вашимъ. Я далекъ отъ опасенія найти между вами—неблагодарнаго, Напротивъ того, знаю, что въ груди каждаго изъ васъ сердце кипитъ готовностію служить Государю до послѣдней капли крови. Но пожертвованіе жизни есть случайность: не ею одною уплачивается долгъ нашъ. Мы должны стараться усовершенствовать способности наши на службу Государя и Отечества, съ тѣмъ, чтобъ вполнѣ быть достойными сего высокаго призванія. Одного порывистаго стремленія мало. Отъ васъ требуются постоянные труды къ усовершенію вашему. Я потому подтверждаю о необходимости труда постояннаго, что подобный трудъ устрашитъ иного изъ васъ, который не дрогнетъ при встрѣчѣ со смертію на полѣ чести.

Внутренній видъ корпуса въ 1852 году.
(Изъ альбома Н. А. Боровкова).

Зная, что съ поступленіемъ на службу вы полагаетесь на три года застрахованными и что на начальствѣ Корпуса лежитъ прямая, за каждаго изъ васъ отвѣтственность, многимъ изъ васъ самихъ должно показаться несообразнымъ представленіе къ производству въ офицеры юношей, еще такъ недостаточно приготовленныхъ къ предназначенію своему. Но не столько важны самыя свѣдѣнія, которыя каждый изъ васъ могъ здѣсь себѣ усвоить, сколько благородное

стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ познаній и собственное убѣжденіе ваше, что высшая степень умственнаго развитія, доступная 18-ти лѣтнему юношѣ, ничтожна въ сравненіи съ тою образованностію, до которой каждый изъ васъ—съ помощію труда и опыта—можетъ и долженъ достигнуть въ зрѣломъ возрастѣ.

Я не разъ говаривалъ вамъ, что поверхностныя свѣдѣнія первоначальнаго учебнаго воспитанія могутъ только научить насъ способу учиться и убѣдить въ неотвергаемой истинѣ, что твердость нравственныхъ правилъ и основательныя свѣдѣнія суть надежнѣйшее средство быть существенно полезными въ предназначенномъ намъ кругѣ дѣйствія, котораго никто заранѣе ни избрать, ни опредѣлить не можетъ.

Безразсудно было бы желаніе мое, чтобъ, при самомъ вступленіи на новое поприще, гдѣ все представляется воображенію вашему въ розовомъ цвѣтѣ, вы принялись прямо за книжныя занятія. Нѣтъ, друзья мои, для нихъ вѣрно будетъ послѣ у васъ и досугъ и охота. Теперь же наслаждайтесь чувствомъ самобытности, но вѣрьте, что обманчиво всякое удовольствіе, которое вы должны утаить отъ родителей вашихъ. Оно влечетъ за собою раскаяніе... Возьмите, прошу васъ, спасительную привычку повѣрять вашу совѣсть частымъ воспоминаніемъ объ отсутствующихъ и даже отшедшихъ отъ васъ родителяхъ. Въ самую минуту искушенія, когда почувствуете, что соблазнъ порока одолѣваетъ разсудокъ, вспомните объ отцѣ своемъ, представьте себѣ образъ матери, и благодарная объ нихъ молитва удержитъ васъ на стезѣ добродѣтели. Чистыя наслажденія найдете вы только въ дѣлахъ добрыхъ и въ исполненіи обязанностей вашихъ.

Не забывайте также часто повторяемаго мною, что между расточителемъ и человѣкомъ безчестнымъ разстояніе весьма незначительно и что каждый необдуманный шагъ сближаетъ это разстояніе.

Въ сердечной объ васъ заботливости, исчисляя мысленно препятствія, которыя могутъ представиться не только нравственному усовершенію вашему, но даже всякому успѣху, какъ въ свѣтѣ, такъ и въ дружбѣ, одной болѣзни наиболѣе опасаюсь: это казарменной праздности. Она вѣрный путь къ разврату или, по крайней мѣрѣ, къ постыдному ничтожеству. Избѣгайте ее, какъ язвы, — и язвы особенно опасной для васъ, имѣвшихъ доселѣ мало времени въ распоряженіи вашемъ. Не домогайтесь общей любви всѣхъ товарищей. Безплодное сіе искательство пріобрѣтетъ вамъ, можетъ быть, незавидное названіе „добраго малаго“, но никогда не заслужитъ ни дружбы,

ни уваженія. Ищите общества людей, которые лучше и образованнѣе васъ. Вотъ самая полезная для васъ школа, самое приличное отдохновеніе. Но даже и въ этомъ случаѣ не забывайте, что отдохновеніе можетъ только слѣдовать за трудомъ, а отнюдь не должно труду предшествовать.

Берегите честь полка, какъ честь семейства вашего. Холодный эгоизмъ ни возрасту юноши, ни званію солдата не свойственъ, но будьте разборчивы въ связяхъ. Онѣ рѣшатъ участь вашу; онѣ рѣшатъ общественное объ васъ мнѣніе.

Нѣтъ ничего тягостнѣе исполненія обязанностей, которыя намъ не по сердцу. Вы должны любить службу военную изъ высшихъ побужденій. Но если, паче чаянія, который-либо изъ васъ впослѣдствіи замѣтитъ, что высокія побужденія сіи, здѣсь каждаго одушевляющія, не довольно въ немъ сильны, чтобы безропотно преодолѣвать трудности, чтобы свято соблюсти безусловную подчиненность, первую изъ обязанностей нашихъ, пусть не оскверняетъ онъ собою благороднѣйшаго изъ призваній. Лучше оставить службу, чѣмъ уклоняться отъ нея, роптать и служить, какъ я всегда называю — изъ-подъ палки.

Единственное средство къ снисканію любви подчиненныхъ есть попечительность объ нихъ, справедливость и личная исполнительность. Раздѣляя съ солдатомъ трудъ и опасность, радушно заботясь о немъ прежде, нежели о себѣ самомъ; при самомъ взысканіи изъявляя не досаду, не гнѣвъ, а желаніе исправленія и исполненія тяжкой, но необходимой обязанности; подавая притомъ собою примѣръ неуклоннаго повиновенія, — вы пріобрѣтете уваженіе. Безъ уваженія, любви не бываетъ. Строгъ, да справедливъ, есть лучшій отзывъ солдата о начальникѣ.

Итакъ, друзья, вы офицеры. Отеческою милостію Царя, личнымъ попеченіемъ Великаго Князя образованные, вы начинаете поприще ваше полученіемъ незаслуженной награды. Но, произнеся въ храмѣ священную клятву, бойтесь клятвопреступленія. Самое участіе въ васъ всѣхъ присутствующихъ будетъ обличеніемъ вашимъ, если вы не совершите добровольнаго обѣта.

Но я, извѣдавъ ваши свойства, смѣло представляю себя за васъ порукою предъ Богомъ, Государемъ и Начальствомъ. Твердо увѣренъ, что правда и честь будутъ неразлучными вашими спутниками.

Благодарю доказавшихъ воспитателямъ любовь и довѣріе. Благодарю въ особенности удостоенныхъ отличія при выпускѣ. Ваше

прилежаніе, успѣхи и примѣрная нравственность были истинною мнѣ отрадою. Не забывайте, что имя ваше принадлежитъ Пажескому Корпусу и что каждый изъ остающихся здѣсь пажей будетъ и краснѣть за васъ и гордиться вами. Пусть воспитанники сего заведенія, коему вы обязаны образованіемъ вашимъ, по прошествіи десятковъ лѣтъ, съ чувствіемъ благородной гордости, глядя на васъ, повторяютъ: „и онъ былъ пажемъ“.— Воспитатели и наставники да указываютъ смѣло на неукоризненное полезное поприще ваше, какъ на примѣръ, подражанія достойный.

Камеръ-пажъ А. В. Дружининъ.
Вып. 1843 г.
Писатель.
(Изъ альбома Н. А. Перовскаго, хранящагося въ музеѣ корпуса).

Радуясь съ вами, друзья мои, я не скрою, что сроднясь сердцемъ съ большею частію изъ васъ, мнѣ тяжело разставаться съ вами. Ваша польза — была сильнѣйшимъ желаніемъ моимъ. Истиннымъ наслажденіемъ будетъ для меня случай быть, внѣ здѣшней ограды, кому-либо изъ васъ полезнымъ. Прощайте. Богъ съ вами“ [47]).

Мѣсто П. Н. Игнатьева занялъ генералъ-маіоръ Николай Васильевичъ Зиновьевъ, начавшій свою службу подпрапорщикомъ Л.-Гв. Измайловскаго полка, въ которомъ и дослужился до чина полковника. Николай Васильевичъ состоялъ одно время при герцогѣ Лейхтенбергскомъ и до назначенія своего директоромъ корпуса годъ исполнялъ обязанности такового, во время отсутствія генерала Игнатьева, а 12 Іюня 1846 года былъ окончательно назначенъ на должность директора. Про его образованіе сказано такъ: французскій, нѣмецкій, исторію и географію знаетъ“.

Пробылъ онъ въ корпусѣ недолго, всего 3 года, послѣ чего получилъ другое назначеніе, дослужился до чина генералъ-отъ-инфантеріи, былъ членомъ комитета о раненыхъ и получилъ званіе генералъ-адъютанта.

Генерала Зиновьева 17 Апрѣля 1849 года, замѣнилъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Николай Илларіоновичъ Философовъ, бывшій офицеръ Л.-Гв. 1 артиллерійской бригады, командовавшій батареею во второй гвардейской артиллерійской бригадѣ, затѣмъ послѣдовательно 3 гвардейскою и гренадерскою бригадою и Л.-Гв. 1 артиллерійскою бригадою. Кончилъ онъ курсъ въ частномъ учебномъ заведеніи. Его познанія послужной списокъ рекомендуетъ такъ: „знаетъ россійскій языкъ, французскій и нѣмецкій, артиллерійскую и фортификаціонную науку".

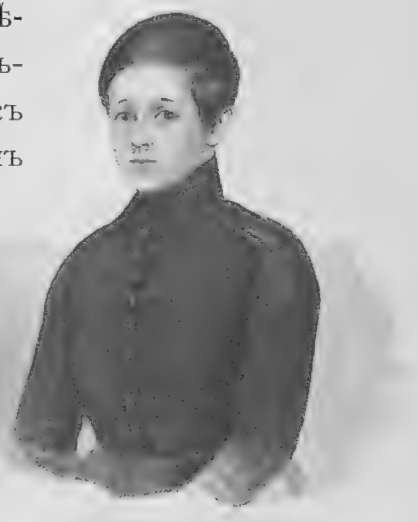
Генералъ Философовъ оставался директоромъ немного болѣе генерала Зиновьева—а именно 5 лѣтъ. 5 Іюля 1854 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Николая Павловича, его мѣсто было отдано генералу Желтухину. Про трехъ только-что названныхъ директоровъ Н. А. Боровковъ говоритъ слѣдующее:

„Двое изъ директоровъ, бывшихъ при мнѣ, были люди съ большимъ образованіемъ и серьезно относились къ дѣлу, вполнѣ понимая всю свою отвѣтственность передъ родителями воспитываемыхъ дѣтей. Они были преданы дѣлу воспитанія и понимали впечатлительность дѣтской натуры. Они одинаково ровно и вѣжливо относились ко всѣмъ воспитанникамъ, никогда не дѣлая различія между происхожденіемъ ихъ, что, конечно, отучило многихъ мальчиковъ, избалованныхъ домашнею богатою обстановкою, смотрѣть свысока на другихъ товарищей побѣднѣе и не давало укорениться въ юныхъ сердцахъ чувству себялюбія, заносчивости и пр. При этомъ, впрочемъ, большую услугу оказывало начальству еще и то, что всѣ воспитанники по своему общественному положенію, благодаря привилегированности корпуса, принадлежали къ одному кругу. Несмотря на сходство въ убѣжденіяхъ обоихъ описываемыхъ начальниковъ, они отличались противоположными характерами. Одинъ

Н. А. Боровковъ.
Вып. 1852 г.

былъ очень строгъ и нерѣдко прибѣгалъ къ наказанію, другой же былъ очень добрый человѣкъ и наказанія избѣгалъ.

Я до сихъ поръ помню, какъ нѣсколько воспитанниковъ было наказано розгами при строгомъ начальникѣ передъ цѣлымъ классомъ, а одинъ былъ даже исключенъ. Правда, проступокъ наказанныхъ былъ серьезенъ и требовалъ наказанія. Впрочемъ, исключенный воспитанникъ спустя два года выдержалъ успѣшно экзаменъ на офицера и былъ произведенъ, такъ что особенно дурныхъ послѣдствій эти мѣры не имѣли для него.



Камеръ-пажъ І. В. Гурко.
Вып. 1846 года.

Оба начальника ежедневно обходили по нѣсколько разъ классы и дортуары, обращали большое вниманіе на занятія пажей, бесѣдовали съ ними и весьма часто поясняли воспитанникамъ заданные уроки. Оба директора жили въ корпусѣ. Обоихъ воспитанники очень уважали, а одного даже любили, но жаль, что послѣдній по своей добротѣ предоставилъ ротному командиру слишкомъ много власти. Третій изъ бывшихъ при мнѣ директоровъ не обладалъ ни должными познаніями, ни умѣніемъ обращаться съ дѣтьми. Богатый человѣкъ, рыцарь по убѣжденіямъ, но сухой по натурѣ, онъ не могъ сердечно относиться къ воспитанникамъ. А главное—онъ не обладалъ качествами воспитателя и слишкомъ мало былъ подготовленъ къ своей должности. Классы посѣщалъ довольно рѣдко и на ходъ преподаванія не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. При немъ было исключено изъ корпуса нѣсколько пажей, проступки которыхъ были настолько не важны въ сравненіи съ наказаніемъ, постигшимъ ихъ, что вся эта исторія вызвала негодованіе всего корпуса. Пребываніе у насъ этого директора было, къ счастью, непродолжительно. Два пажа были исключены имъ совсѣмъ по-напрасну, по наговору, а одного даже отдали въ солдаты, въ линейный батальонъ. Послѣдній молодой человѣкъ былъ хорошимъ ученикомъ и прекраснымъ товарищемъ, но директоръ корпуса, не вникнувъ должнымъ образомъ въ дѣло, погубилъ симпатичнаго во всѣхъ отношеніяхъ юношу. Насколько мы всѣ любили и уважали нашего несчастнаго товарища, доказываетъ слѣдующій фактъ. Сданный въ солдаты товарищъ былъ временно

помѣщенъ въ гарнизонный батальонъ, квартировавшій тогда въ Аракчеевскихъ казармахъ (у Смольнаго). Ему предстояло потомъ отправиться этапнымъ порядкомъ въ одну изъ крѣпостей, гдѣ помѣщался линейный батальонъ — новое мѣсто службы провинившагося. Каждое воскресенье и праздникъ мы партіями поочередно ходили навѣщать его, большею частью, пѣшкомъ, несмотря на дальнее разстояніе, такъ какъ боялись просить у родителей денегъ на этотъ предметъ, опасаясь запрещенія, и даже скрывали наши посѣщенія. Черезъ 10 или 12 лѣтъ службы солдатомъ, нашъ товарищъ былъ, наконецъ, произведенъ въ офицеры въ одинъ изъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ и я его встрѣтилъ какъ-то случайно на одномъ изъ выходовъ во дворцѣ, уже въ чинѣ поручика. Онъ былъ очень любимъ своими новыми товарищами, между которыми пользовался большимъ довѣріемъ, и даже былъ избранъ ими на отвѣтственную должность полкового казначея. Дальнѣйшая служебная карьера описываемаго товарища закончилась на одной изъ окраинъ нашего обширнаго отечества, куда онъ самъ перешелъ на службу батальоннымъ командиромъ. Суровая 10-ти лѣтняя солдатская жизнь въ молодости разстроила его крѣпкій организмъ, а неблагопріятныя климатическія условія послѣдняго мѣста службы, и, наконецъ, отсутствіе хорошей медицинской помощи совсѣмъ разстроили здоровье нашего товарища. Онъ умеръ отъ чахотки, едва достигнувъ до сорокалѣтняго возраста. Въ послѣдніе годы жизни онъ велъ совершенно аскетическую жизнь, уединялся отъ людей и избѣгалъ даже своихъ товарищей. Предоставляю читателю рѣшить — кто былъ виновникомъ этой загубленной жизни, которая, по выраженію поэта, „отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть“? А задатки въ этомъ человѣкѣ были хорошіе. До сихъ поръ я не могу понять, какъ человѣкъ съ рыцарскими убѣжденіями могъ допускать такія безсердечныя мѣры и не сознавать, что онъ губитъ жизнь молодыхъ людей, вмѣстѣ съ тѣмъ отравляя жизнь ихъ родителей. Пажи не чувствовали къ этому директору ни особеннаго уваженія, ни любви, хотя онъ обращался со всѣми очень вѣжливо. Вѣроятно, молодыя сердца инстинктомъ различаютъ истинно-добраго человѣка отъ холодно-равнодушнаго. Да и онъ самъ слишкомъ мало обращалъ на насъ вниманія и видали мы его рѣдко, ибо онъ въ корпусѣ не жилъ“. Уловилъ особенность въ характерахъ директоровъ и уже знакомый намъ кн. Имеретинскій. Вотъ, что онъ говоритъ про двухъ изъ нихъ: „Генералъ Игнатьевъ былъ полнымъ

хозяиномъ въ корпусѣ и не упускалъ изъ виду никого и ничего, не исключая и самаго Жирардота (ротнаго командира) и Ортенберга (инспектора классовъ). Генералъ Игнатьевъ умѣлъ прибрать въ свои руки и предупредительную, и карательную, и поощрительную, словомъ, всякую дѣятельность. Если никто не могъ сладить съ упрямымъ или злохарактернымъ воспитанникомъ, то стоило директору потребовать къ себѣ. „Охъ голова, голова! Смотри, плохо будетъ. Батюшкѣ скажу.. Матушку увѣдомлю.. Тетушкѣ напишу. Смотри, очень плохо, очень плохо можетъ это кончиться".

Такія слова, по виду не очень страшныя, имѣли, однакожъ, большой вѣсъ, потому что въ случаѣ упорства, за ними слѣдовало дѣло и распоряженія одни другихъ страшнѣйшія. Дѣйствительно, плохо дѣло кончалось.

Генералъ Игнатьевъ терпѣть не могъ, если кто не хотѣлъ или боялся самъ сознаться въ своей винѣ: „гдѣ правды нѣтъ, тамъ чести нѣтъ, строго твердилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ: трусъ вездѣ и всегда трусъ! Кто труситъ признать себя виновнымъ, тотъ и на полѣ сраженія струситъ!". Не знаю почему, но всѣ эти поговорки дѣйствовали гораздо сильнѣе, чѣмъ басенки Жирардота (ротнаго командира) или постукиванія и покрикиванія Ортенберга (инспектора). Директора мы боялись больше, чѣмъ этихъ обоихъ вмѣстѣ, потому, вѣроятно, что въ его власти были всѣ карательныя средства, не исключая наказанія розгами и исключенія изъ корпуса. Но, будучи полнымъ хозяиномъ, Павелъ Николаевичъ не стѣснялъ ни инспектора, ни ротнаго командира, и всего менѣе, въ наложеніи взысканій. Они могли подвести кого-угодно изъ насъ даже и подъ упомянутые два капитальные пункта, но съ согласія директора и по обсужденіи дѣла въ корпусномъ комитетѣ.

Надо отдать справедливость и тогдашнему директору нашему Зиновьеву, что онъ приложилъ много хлопотъ и стараній, чтобы придать полезное и безвредное направленіе естественному стремленію юношества къ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Въ великолѣпномъ домѣ директора (бывшемъ Дубенскаго на Фонтанкѣ) давалъ онъ часто по воскресеніямъ и праздникамъ балы и на нихъ приглашался чуть-ли не весь корпусъ. Очевидно, что П. В. Зиновьевъ дѣлалъ это исключительно ради самихъ пажей, потому что дѣтей у него не было и онъ жилъ вдвоемъ со своею доброю, кроткою, почтенною супругою Юліею Ивановною. Обстановка баловъ Зиновьева не уступала са-

мымъ блестящимъ собраніямъ петербургскаго „grand monde“. Зимній садъ, роскошный, просторный залъ для танцевъ, гостиная, билліардная,—все это было великолѣпно, особенно, когда горѣло огнями. По лѣстницѣ подымались, шелестя и шумя платьями, царицы пажескихъ сердецъ и мечтаній.

Двѣ изъ нихъ соперничали въ красотѣ и во власти надъ умами пылкой молодѣжи: прелестная изъ прелестнѣйшихъ дочерей генерала Штрандтмана оспаривала пальму первенства у блестящей и живой Притвицъ, внучки Дибича-Забалканскаго; пажи раздѣлились на два лагеря—штрандтманистовъ и притвицистовъ. Между сторонами дѣло доходило до самыхъ воинственныхъ демонстрацій.

Всѣ приведенныя свѣдѣнія и отзывы о директорахъ показываютъ, что каждый изъ нихъ въ извѣстной степени проявлялъ свой характеръ, а нѣкоторые не были лишены и иниціативы, но, въ общемъ, положить какую-нибудь прочную печать на учебное заведеніе имъ не пришлось, даже и генералу Игнатьеву, стоявшему во главѣ его въ теченіе 12 лѣтъ. Происходило это, главнымъ образомъ, отъ того, что надъ ними господствовала твердая воля Царя и вѣрнаго исполнителя его предначертаній Великаго Князя Михаила Павловича. Имъ же предоставлялось право проводить, по возможности, точно и неукоснительно эти предначертанія въ жизнь. Была и другая причина сравнительно поверхностнаго вліянія директоровъ на весь ходъ корпусной жизни,—кратковременность ихъ пребыванія на директорскомъ посту. Они не успѣвали хорошенько оглянуться, вникнуть въ дѣло, какъ ихъ уже призывали на другой постъ и начатая работа такъ и оставалась недоконченной. Поправкою такому положенію вещей являлись два лица, неизмѣнно около 30 лѣтъ стоявшіе на стражѣ интересовъ Пажескаго корпуса, въ стѣнахъ котораго служили, то были—Карлъ Карловичъ Жирардотъ и Иванъ Ѳедоровичъ Ортенбергъ, и въ особенности первый, оставившій столь яркій слѣдъ по себѣ.

Карлъ Карловичъ появился на корпусномъ горизонтѣ въ 1831 году, 25 Февраля, 24 лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Службу свою онъ началъ въ Рыльскомъ пѣхотномъ полку, куда 17-ти лѣтъ поступилъ на правахъ вольноопредѣляющагося, какъ сказано въ формулярѣ, „изъ иностранцевъ“. Какое онъ получилъ образованіе, трудно опредѣлить. О немъ въ послужномъ спискѣ совсѣмъ не говорится. Черезъ годъ послѣ своего поступленія въ Рыльскій полкъ, онъ перевелся въ Могилевскій, гдѣ въ 1824 году его произвели въ прапорщики и назна-

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“.

Проэктъ новой формы, представленный въ 1848 году Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, впослѣдствіи Императоромъ Александромъ II Императору Николаю I.

чили батальоннымъ адъютантомъ, а черезъ два года отряднымъ адъютантомъ. Въ 1828 году Карлъ Карловичъ принялъ участіе въ войнѣ, былъ подъ Браиловымъ и подъ Шумлою, а черезъ три года перешелъ на ту службу, которая сдѣлала его имя близкимъ всѣмъ пажамъ. Съ первыхъ же шаговъ онъ видимо принялся съ любовью за дѣло, такъ какъ въ запискахъ у бывшаго пажа Семеки, мы въ одномъ мѣстѣ встрѣчаемъ такое замѣчаніе: „Только Ортенбергъ и Жирардотъ нѣсколько сближались съ пажами въ неслужебныхъ разговорахъ“, а въ другомъ—такое: „Но вотъ въ 1831 году взялся за преподаваніе французскаго языка въ 4 и 5 классахъ отдѣленный офицеръ капитанъ Жирардотъ—и успѣхъ былъ чрезвычайный, я въ то время былъ уже въ 3 классѣ и, къ сожалѣнію, преподаваніемъ Жирардота не могъ воспользоваться, но нерѣдко случалось въ рекреаціонное время слышать, какъ ученики Жирардота съ большимъ жаромъ разбирали и развивали преподанныя имъ правила французскаго языка“.

Такъ характеризовалъ первые шаги Карла Карловича бывшій пажъ Семека и вотъ, что про него говоритъ другой пажъ, князь Имеретинскій: „Карлъ Карловичъ Жирардотъ извѣстенъ многимъ поколѣніямъ пажей и, стало-быть, очень многимъ и въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи. Онъ носилъ скромное званіе ротнаго командира, потому что Пажескій корпусъ образовалъ только роту своднаго батальона, состоявшаго изъ пажей, школы подпрапорщиковъ и школы инженеровъ. Но, будучи офиціальнымъ начальникомъ роты, самой скромной строевой единицы, Жирардотъ былъ душой и двигателемъ всего, что ни дѣлалось въ корпусѣ, за исключеніемъ учебной части, въ которую онъ благоразумно избѣгалъ вмѣшиваться, такъ что даже почти никогда не заходилъ въ классы. Жирардотъ началъ знакомство со мной съ того, что обнялъ меня одною рукою и, слегка опираясь на мои плечи, повелъ на верхъ въ пятое отдѣленіе, куда онъ меня и записалъ.

Надобно знать, что въ виду сохраненія нравственности и поддержанія добрыхъ правилъ и основаній, какія дѣти могли усвоить въ школахъ, Жирардотъ всегда старался отдѣлять большихъ пажей отъ маленькихъ. Послѣднихъ (малолѣтковъ) онъ помѣщалъ въ четвертомъ и пятомъ отдѣленіяхъ. Отдѣленіе это, прозванное въ насмѣшку „земнымъ раемъ и обителью ангелочковъ“, состояло изъ небольшой умывальни, откуда входили прямо въ просторный дортуаръ въ три ряда кроватей; налѣво отъ дортуара былъ гимнастическій залъ“.

Вскорѣ послѣ перваго знакомства князю пришлось завязать болѣе прочное, продолжавшееся много лѣтъ подъ рядъ. Произошло это въ одиннадцать часовъ на слѣдующій день. Въ одиннадцать часовъ, когда кончались „утреннія лекціи, пишетъ онъ далѣе: появилось на сцену главное дѣйствующее лицо. Въ дежурную комнату каждый день аккуратно входилъ въ это время средняго роста, сухой и тонкій офицеръ, лѣтъ сорока со впалою грудью и весьма оригинальнымъ лицомъ. Это былъ капитанъ Жирардотъ. Носъ, значительно выдающійся и округленный, но не острый, не придавалъ лицу его никакого особеннаго выраженія. За то типичны были губы съ подстриженными въ уровень съ ними усами. Губы эти были въ безпрестанномъ движеніи, особенно, когда Жирардотъ сердился: въ этомъ случаѣ онъ то вбиралъ въ себя, то выпускалъ ихъ, отчего почти всегда выходило легкое кривляніе. Сѣрые глаза Карла Карловича были зорки и пытливы; они были спокойны, когда этотъ вліятельный человѣкъ по обычаю своему шелъ медленно, опустивъ голову нѣсколько внизъ и посматривая по сторонамъ, но онъ сейчасъ же щурилъ глаза, какъ только принимался смотрѣть на кого-нибудь пристально. Къ этому портрету надо прибавить маленькія бакенбарды, подбритыя въ видѣ запятой и рѣдкіе волосы, зачесанные по формѣ впередъ и сверху приподнятые въ хохолокъ. Итакъ, по окончаніи лекцій Жирардотъ являлся съ образцовою пунктуальностью въ дежурную комнату. Входилъ онъ туда ровнымъ, медленнымъ, методическимъ шагомъ, держась прямо и свободно. Въ то время, какъ онъ переступалъ порогъ дежурной комнаты, Карлъ Карловичъ вынималъ гребенку и на ходу расчесывалъ волосы, вслѣдствіе чего, не подавая руки дежурному и прочимъ офицерамъ, онъ могъ раскланиваться съ ними вѣжливо, но по-начальнически. Съ этого времени, то есть съ одиннадцати часовъ, Жирардотъ проводилъ весь день въ корпусѣ, исчезая только на классное время (отъ 3 до 6). Во всѣ остальные часы дня, онъ былъ вездѣсущъ. Въ 12 часовъ начина-

Карлъ Карловичъ Жирардотъ.

лось фронтовое ученіе. Жирардотъ поспѣвалъ всюду, онъ смотрѣлъ на начинающихъ учиться фронту, которыхъ практиковали въ дортуарахъ и тѣхъ, которые обучались съ ружьями въ залахъ. Караулы, заготовляемые для разводовъ, и вообще сомкнутому строю Жирардотъ училъ самъ.

По окончаніи фронтового ученія мы умывались, надѣвали вторые куртки и кому надо было выстричься, тотъ отправлялся въ умывальню 2-го этажа, гдѣ ждалъ съ ножницами въ рукахъ парикмахеръ monsieur Woldemar, впрочемъ, просто Владиміръ Купріенко, чистѣйшаго малороссійскаго племени. Въ это же время, т. е. между часомъ и двумя, дежурные начинали хлопотливо бѣгать со списками въ рукахъ, разыскивая и выкликивая „такой-то на примѣрку"! или „такой-то въ резервъ". Слово *резервъ* было знаменито въ лѣтописяхъ корпуса. Подъ этимъ названіемъ понималась небольшая комната, смежная со столовой, гдѣ хранилось платье, аммуниція, ружья и проч. Резервъ имѣлъ еще и другое, страшное значеніе, потому что тамъ происходили экзекуціи розгами. Впрочемъ, за пять лѣтъ моей бытности подобнаго случая ни разу не было и наказанія розгами памятны были только въ видѣ преданія, и то весьма отдаленнаго. Поэтому никто не пугался отъ приглашенія дежурныхъ итти въ резервъ, такъ какъ оно предвѣщало только пригонку платья. Вызванный пажъ долженъ былъ немедленно отправляться въ этотъ миніатюрный комиссаріатскій складъ. Поглядимъ, бывало, а Жирардотъ уже тамъ, сидитъ у окна на стулѣ, около него каптенармусъ Михайловъ и закройщикъ съ мелкомъ въ рукѣ.

Свѣтл. Князь Н. К. Имеретинскій.
Вып. 1848 г.

Ни одна куртка, ни одинъ мундиръ, шинель или аммуниція не строились безъ Жирардота, ни одна складка не ускользала отъ его вниманія и ничего не происходило безъ его личной повѣрки.

Въ два часа мы обѣдали, какая разница сравнительно съ кадетскимъ обѣдомъ! Супъ въ великолѣпными слоеными пирожками, отличное блюдо говядины или котлетъ и пирожное съ вареньемъ. Дошли до того, что въ послѣдніе годы моей бытности подавали намъ рябчиковъ и шпинатъ. Жирардотъ

и тутъ присутствовалъ неотступно. Онъ расхаживалъ отъ одного стола къ другому, подсаживался къ пажамъ, полушутливо, полусерьезно останавливалъ шалости и выходки въ родѣ выбиванія вилкою по тарелкѣ дроби, тихаго шага и прочаго или же спрашивалъ сигналы, которые горнистъ трубилъ въ продолженіе всего обѣда. Жирардотъ очень любилъ и былъ счастливъ, когда воспитанники хвалили блюда или утѣшались подготовленнымъ сюрпризомъ въ видѣ дачи лакомаго пирожка и тому подобнаго.

Кн. И. И. Барятинскій.
Посолъ въ Мюнхенѣ.
Вып. 1790 года.

Припасы были всегда отличнаго качества и неудивительно—хозяйскій опытный взглядъ Жирардота особенно заботливо слѣдилъ за нашимъ продовольствіемъ: онъ каждый день утромъ отправлялся на кухню и бралъ съ собою дежурныхъ камеръ-пажей и ефрейтора смотрѣть вмѣстѣ съ нимъ говядину и припасы, пріучая узнавать доброкачественность ихъ. Правило весьма практичное для будущихъ офицеровъ, изъ которыхъ впослѣдствіи многіе командовали частями отъ роты до корпуса. Послѣ обѣда въ хорошую погоду насъ выводили гулять на плацъ или въ садъ. Въ три часа пополудни начинались вечернія лекціи, продолжавшіяся до шести часовъ. Въ шесть часовъ мы пили вечерній чай и тутъ опять появлялся Жирардотъ. Черезъ полчаса послѣ чая пажи садились за столикомъ у своихъ кроватей, причемъ сборища больше двухъ воспрещались. Порядокъ и тишина соблюдались примѣрные. Самъ Жирардотъ безпрестанно расхаживалъ по всѣмъ дортуарамъ, частенько останавливался и добродушно разговаривалъ съ пажами, но, въ сущности, одно его присутствіе останавливало не только шалости, но даже всякое о нихъ помышленіе. У почтеннѣйшаго Карла Карловича были любимцы, то есть такіе воспитанники, въ коихъ онъ видѣлъ добрыя чувства и хорошіе задатки. Одного изъ нихъ онъ бралъ всегда въ видѣ опоры во время своихъ скитаній по корпусу и, положивъ руку на его плечи, водилъ взадъ и впередъ до утомленія.

Во время вечернихъ занятій, на верху въ залѣ пятаго отдѣленія происходила гимнастика и въ то же время внизу въ великолѣпномъ залѣ, смежномъ съ портретной, бывалъ танцклассъ подъ руководствомъ monsieur Dutac (Дютакъ) и подъ музыку одной скрипки, которую онъ привозилъ съ собою. Жирардотъ всегда успѣвалъ побывать и на гимнастикѣ и въ танцклассѣ. Въ послѣднемъ его особенно интересовало обученіе поклонамъ, искусству кланяться. На гимнастику же Жирардотъ обращалъ несравненно больше вниманія. Раздѣливъ весь корпусъ на смѣны, онъ въ каждой смѣнѣ назначалъ обучающихъ и называлъ ихъ „монитёрами“.

Вообще разряды пажей по фронтовымъ успѣхамъ, гимнастическія смѣны, дворцовыя смѣны, караульные разряды, словомъ, всевозможные реестры Жирардотъ составлялъ самолично и собственноручно въ своихъ пресловутыхъ спискахъ съ необыкновенною отчетливостью и аккуратностью.

Свѣтл. князь А. П. Чернышевъ.
Военный министръ.
Вып. 1802 г.

День нашъ заканчивался ужиномъ изъ двухъ блюдъ. Затѣмъ часа два и полтора рекреаціонныхъ, но и они не обходились безъ Жирардота. Въ своей неусыпной заботливости о всѣхъ вообще и о каждомъ въ особенности онъ отыскалъ четырехъ пажей, въ томъ числѣ и меня. Пажи эти держали себя сутуловато по причинѣ слишкомъ выдавшихся наружу лопатокъ. Жирардотъ велѣлъ сдѣлать четыре доски съ головною подставкою, приказывалъ приносить ихъ въ дежурную комнату послѣ ужина и намъ приходилось лежать на нихъ 20 минутъ во время вечерней рекреаціи. Въ половинѣ десятаго мы ложились спать, причемъ порядокъ зори, отбоя, укладки платья и бѣлья въ порядокъ были тѣ же, что и въ первомъ кадет-

скомъ корпусѣ. Но тутъ встрѣчался неслыханный у кадетъ предметъ роскоши.

Пажи были единственные изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, имѣвшіе ночныя рубашки. Покойный Великій Князь Михаилъ при посѣщеніяхъ корпуса говаривалъ: „Я знаю только три безполезныя учрежденія въ военномъ вѣдомствѣ: это тамбуръ-мажоръ, конно-піонеръ и ночныя рубашки въ Пажескомъ корпусѣ“.

На ночь въ дортуарахъ зажигались весьма обыкновенные свѣчные фонари. Въ каждомъ отдѣленіи дежурилъ солдатъ и, наконецъ, дежурный по корпусу офицеръ долженъ былъ бодрствовать всю ночь, не скидывая сюртука и шарфа.

И вотъ, когда затихали понемногу звонкіе голоса пажей, когда всѣ они погружались въ глубокій сонъ и только слышалось кряхтеніе, зѣванье и посмаркиваніе дежурнаго солдата, тогда утихали и медленные мѣрные шаги Жирардота, отправлявшагося на свою квартиру, послѣ добровольнаго ежедневнаго дежурства“.

Но не этимъ однимъ добровольнымъ дежурствомъ ограничивалась дѣятельность вездѣсущаго Жирардота. „Камеръ-пажи и пажи, благодаря ему, играли свою роль при Дворѣ весьма добросовѣстно. Камеръ-пажи ѣздили на всѣ выходы большіе и малые, пажи только на большіе.

Каждая особа Императорской фамиліи имѣла своего камеръ-пажа, обязаннаго прислуживать при всѣхъ случаяхъ, опредѣленныхъ этикетомъ. Безукоризненно аккуратный Жирардотъ составлялъ въ началѣ года списокъ, въ которомъ значилось: при комъ именно изъ членовъ Царской фамиліи каждый изъ нихъ долженъ былъ состоять въ теченіе года. Что касается до пажей, то они раздѣлялись на дворцовыя смѣны, столь же аккуратно и точно распредѣленныя. Передъ каждымъ Воскресеньемъ, передъ каждымъ праздникомъ Жирардотъ внятно и громко вычитывалъ передъ цѣлымъ корпусомъ длинные списки, гдѣ были строго расчитаны дни и часы, когда каждому слѣдовало явиться въ корпусъ для отправленія во дворецъ и для другихъ обязанностей. Тѣ же дни и часы подробно обозначались и на отпускномъ билетѣ. Процессъ придворной службы былъ слѣдующій: Жирардотъ расчитывалъ время такъ, что мы являлись въ корпусъ за четыре часа до отправленія во дворецъ, а во дворецъ являлись за три или за четыре часа до того времени, когда тамъ только начинали готовиться къ предстоящей церемоніи. По прибытіи въ корпусъ насъ завивали и снаряжали. Придворный мундиръ пажа былъ однобортный въ видѣ

фрака съ краснымъ воротникомъ и съ широкою на немъ золотою петлицею изъ галуна; погоны были сплошь обшиты тѣмъ же галуномъ и на рукавахъ нашиты были широкія же петлицы въ видѣ трехъ угловъ, входящихъ другъ въ друга. На фалдахъ фрака никакихъ нашивокъ не было. Къ этому надобно прибавить суконныя бѣлыя панталоны, туго натягиваемыя, какъ лосины, и, наконецъ, чулки, башмаки и треугольныя шляпы; ее мы носили по фронту, то есть поперекъ головы,—и вотъ наша полная придворная форма. У камеръ-пажей она дополнялась шпагой и четырьмя углообразными петлицами на каждой фалдѣ. Вмѣсто чулковъ и башмаковъ камеръ-пажи имѣли лакированные ботфорты. Я уже не говорю о томъ, что не только каждый мундиръ, но каждая мелочь повѣрялась и примѣрялась Жирардотомъ; онъ неотступно присутствовалъ при туалетѣ всѣхъ и каждаго; пересматривалъ и поправлялъ насъ по одиночкѣ несчетное число разъ. Нѣкоторые изъ Великихъ Князей не любили постояннаго хожденія приставленныхъ къ нимъ камеръ-пажей. „Великій Князь Михаилъ Павловичъ“, разсказываетъ князь Имеретинскій, какъ только, на балу или передъ выходомъ увидитъ меня по близости, тотчасъ же круто повернется, шутливо выговаривая. „Что ты ко мнѣ привязываешься? Что тебѣ отъ меня нужно? Ты самъ по себѣ, а я самъ по себѣ... Маршъ“. Добрый деликатный герцогъ Лейхтенбергскій говорилъ обыкновенно на ушко своему камеръ-пажу: „mon cher, au nom du ciel, oubliez ma presence“.

Что же касается службы пажей, то она была далеко не замысловата. Вся ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы стоять у дверей, вмѣстѣ съ арапами, держаться за ручки этихъ дверей и своевременно отворять ихъ, съ помощью тѣхъ же араповъ. Впрочемъ, запертыми оставались собственно двери золотой гостиной, гдѣ Царская фамилія собиралась передъ выходомъ. Даже до начала службы пребываніе пажей во дворцѣ было комично. Какъ я уже замѣтилъ, насъ привозили во дворецъ такъ рано, что мы еще заставали полотеровъ или зажиганіе лампъ и свѣчей.

Жирардотъ, одѣтый съ иголочки, прифранченный до-нельзя, начинаетъ расхаживать съ пажами, а тѣ сопровождали его толпой, не отлучались ни на шагъ въ сторону, какъ овцы отъ пастыря. Лѣтъ тридцать періодически появлялась эта группа во дворцѣ, такъ что, полагаю, и всему двору и генералитету того времени она приглядѣлась самымъ достопамятнымъ образомъ. Припоминаю одинъ характер-

ный анекдотъ съ однимъ камеръ-пажемъ. При покойной Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ служилъ нѣкто камеръ-пажъ П. Случилось, что Государыня сказала ему: „Apportez moi mon eventail“. П. опрометью побѣжалъ, но не за требуемымъ вѣеромъ, а за разспросами: кто такое, или что такое „Эвенталь?“ По этому можно судить, какую пользу принесли пажамъ преподаватели французскаго языка. Но былъ человѣкъ, смотрѣвшій на дѣло иначе, и это опять-таки — Жирардотъ. Онъ зналъ, что безъ изученія французской литературы пажъ легко могъ обойтись, но что безъ разговорнаго языка, безъ разговорной болтовни трудно было жить на свѣтѣ или въ свѣтѣ. Самъ Государь въ домашнемъ быту говорилъ съ Императрицею и съ приближенными по-французски.

М. Г. Хомутовъ.
Наказной атаманъ войска Донского.
Вып. 1812 г.

Въ обществѣ же, начиная съ такъ называемаго большого свѣта и кончая самымъ скромнымъ изъ столичныхъ обществъ, вездѣ болтали по-французски. Тиранія моды была сильна и Жирардотъ находилъ не только нужнымъ, но и въ высшей степени полезнымъ и необходимымъ покоряться этой модѣ. Поэтому безпрестанно болтая съ пажами по-французски о всевозможныхъ предметахъ и дѣлая это не три-четыре раза въ недѣлю, какъ учителя, а каждый Божій день, онъ училъ не для школы, а для жизни. Далѣе, зная, какую роль играли свѣтскіе пріемы при дворѣ и въ обществѣ, Жирардотъ часто присутствовалъ при танцклассахъ, гдѣ monsieur Dutac обучалъ насъ искусству гнуться самымъ граціознымъ образомъ. Но Жирардотъ не ограничивался однимъ танцклассомъ. Когда ожидали посѣщенія Государя, насъ заранѣе и по нѣсколько дней сряду ставили по койкамъ и предусмотрительный Карлъ Карловичъ репетировалъ церемонію встрѣчи. Государь здоровался съ нами не всегда одинаково: случалось, что онъ здоровался по военному: „здравствуйте, господа!“ Тогда мы и отвѣчали, какъ въ строю, но бывало также, что Императоръ кланялся: тогда каждый изъ насъ

поворачивался въ его сторону, выставлялъ изъ-за койки ногу и отвѣшивалъ низкій поклонъ. Поэтому репетиціи были необходимы, но невсегда достигали цѣли. Былъ у насъ пажъ, ханъ Мехтулинскій изъ горцевъ. Однажды Государь появился на порогѣ и мы не успѣли выждать привѣтствія, потому что Мехтулинскій вдругъ повернулся, поднялъ ногу, да такъ и остался съ нею на воздухѣ, потому что грозный взглядъ Жирардота остановилъ это поползновеніе. Но Государь засмѣялся и сказалъ: „Oho!.. Eh bien, faisons la révérance!“ и поклонился. Мы всѣ отвѣчали тѣмъ же и Мехтулинскій съ радости, что все-таки вышло по его сигналу, выскочилъ съ поклономъ на середину дортуара. Но Жирардотъ не любилъ такихъ скачковъ и методически репетировалъ оба пріема. Онъ разъ десять выкрикивалъ: „Здравствуйте, господа!“ Мы хоромъ отвѣчали: „Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству“.

Поклоны продѣлывались еще тщательнѣе и неправильности à la Мехтулинскій не могли быть терпимы. Тутъ Жирардотъ создавалъ уже положительно практическую школу, увѣренный, что практика вездѣ и всегда пригодится.

В. Д. Олсуфьевъ.
Оберъ-гофмаршалъ.
Вып. 1813 г.

Во дворцѣ при всѣхъ baise-mains Карлъ Карловичъ вдохновенно указывалъ на искусные и ловкіе поклоны старыхъ царедворцевъ:

„Посмотрите вы, какъ кланяется графъ Чернышевъ“! говорилъ онъ съ умиленіемъ: „заслуженный знаменитый генералъ, а какимъ молодцомъ кланяется“.

Безпристрастіе требуетъ, однако, сказать, что Жирардотъ заботился не объ однихъ поклонахъ и французскомъ языкѣ. Онъ требовалъ, чтобы въ отношеніи себя мы пріучались къ порядочности и къ тѣмъ условіямъ общественнаго такта, какихъ требовало современное общество. Извѣстно, что ничто такъ не полируетъ молодого человѣка, какъ строго-порядочное женское общество. Поэтому Жирардотъ любилъ и старался, чтобы мы посѣщали хорошіе дома, вечеринки

и прочее. Живымъ доказательствомъ этой воспитательной политики я могу представить самого себя.

Я былъ въ корпусѣ совершенно одинокимъ и въ Петербургѣ не имѣлъ даже родственниковъ, къ кому могъ ѣздить по праздникамъ въ отпускъ. Жирардотъ представилъ меня въ домъ Сарры Николаевны Мердеръ и достигъ того, что это доброе почтенное семейство замѣнило мнѣ родню. Отецъ Мердеръ служилъ когда то офицеромъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ и кончилъ карьеру въ званіи генералъ-адъютанта и воспитателя Наслѣдника Цесаревича (впослѣдствіи Императора Александра II). Въ его семействѣ разсказывали, что причиной предсмертной болѣзни генерала Мердера былъ испугъ, причиненный паденіемъ съ лошади Наслѣдника на Царицыномъ Лугу. Въ то время, какъ меня представили въ домъ, всѣ старшіе сыновья Сарры Николаевны были на службѣ, а самый младшій Иванъ Карловичъ еще и не думалъ поступать въ корпусъ. Между тѣмъ, за мною присылали каждое воскресенье аккуратно и, конечно, одинъ Богъ, благопріятствующій сиротамъ, могъ промыслить мнѣ такой своевременный и надежный пріютъ. Семейство Мердеръ было англійскаго, точнѣе, ирландскаго происхожденія; мать Сарры Николаевны носила фамилію Hawksworth и я зналъ ее еще очень бодрою и привѣтливою старушкою. Мердеры (я понимаю все семейство) не были особенно богаты, но многіе дома, гораздо богатѣйшіе, могли бы принять за образецъ практическое хозяйство и умѣніе жить Сарры Николаевны. Они жили въ то время на Стремянной улицѣ. Приличіе, образцовый порядокъ въ повседневномъ быту напоминали образъ жизни истыхъ англичанъ, радушіе же и гостепріимство были вполнѣ русскія, а преобладающею чертою была склонность дѣлать добро, гдѣ и кому только можно. Повторяю, я самъ былъ тому доказательствомъ.

Жалѣю, что этими, хотя и отъ полноты искренней признательности писанными, строчками не могу достойно благодарить пріютившее меня въ сиротствѣ почтенное семейство, а также человѣчность и заботу почтеннаго К. К. Жирардота. Ихъ уже нѣтъ давно на свѣтѣ, но если бы кому изъ родныхъ или потомковъ ихъ пришлось прочесть эти записки, то тутъ всякій убѣдится, что принесенная польза и добро не изглаживаются изъ памяти и полстолѣтіемъ.

Въ домѣ Мердера часто бывали балы и вечеринки очень веселые и оживленные. Туда съѣзжалось много пажей, которыхъ Жирардотъ спѣшилъ представлять хозяйкѣ дома при всякой возможности.

Въ ту же пору собирались пажи потанцовать у графини Гауке, старой пріятельницы С. Н. Мердеръ. Графиня жила въ то время на Михайловской площади, въ домѣ Смирдина. Въ послѣдніе конституціонные годы Польши, въ намѣстничество Заіончека, мужъ графини Гауке былъ генералъ отъ артиллеріи польскихъ войскъ. Когда 17-го Ноября 1830 года, вспыхнуло возмущеніе въ Варшавѣ, графъ Гауке сѣлъ на лошадь и смѣло выѣхалъ на улицу одинъ.

Его окружила неистовая молодежь, остановила лошадь фельдцейхмейстера, вцѣпившись въ удила, и начала осыпать его бранью и угрозами. Старый воинъ строго прикрикнулъ: „Назадъ, сморкачи“. Тогда его стащили съ лошади и забили до смерти. Лѣтъ пятнадцать послѣ этой катастрофы я былъ представленъ графинѣ Гауке. На видъ въ ней нельзя было замѣтить ничего особеннаго, кромѣ упорной молчаливости, но всѣ говорили, что ея разсудокъ былъ потрясенъ страшными событіями 1830 г. Въ домѣ Гауке появлялось еще больше пажей, такъ какъ два сына ея воспитывались въ корпусѣ. Младшій изъ нихъ Іосифъ, въ 1830 году пріобрѣлъ себѣ печальную извѣстность въ Россіи и за границею[47]). На вечеринкахъ графини Гауке я видѣлъ часто красивую брюнетку съ выразительными черными глазами и очень смуглымъ цвѣтомъ лица. Говорили, что это племянница графини Гауке—фрейлина Цесаревны Маріи Александровны; шептали на ушко, что въ нее страстно былъ влюбленъ братъ Цесаревны принцъ Александръ Гессенъ-Дармштадтскій. Слухи шли не даромъ: впослѣдствіи принцъ женился на красавицѣ и это графиня Баттенбергъ, мать бывшаго болгарскаго князя Александра.

Кромѣ этихъ двухъ домовъ, я былъ представленъ еще генералу Клюпфелю, бывшему тогда директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса; онъ также давалъ вечера и тамъ кишѣли и пажи и кадеты. Этимъ знакомствомъ я тоже былъ обязанъ С. Н. Мердеръ, считавшей семейство Клюпфель въ числѣ старинныхъ знакомыхъ и, кажется, соотечественниковъ.

На всѣхъ этихъ балахъ и вечерахъ бывало превесело и, конечно, такое препровожденіе времени, не говоря уже о свѣтской полировкѣ, было полезно тѣмъ, что мѣшало думать о разныхъ глупостяхъ, непостижимо быстро и легко порождающихся въ умѣ воспріимчивой молодежи“.

Не обходилось безъ благотворнаго вліянія Карла Карловича и строевое обученіе пажей.

„Господствовавшій въ то время въ войскахъ фронтовой терроръ и подтяжка, еще болѣе заставляетъ цѣнить характеръ дѣятельности Жирардота. Онъ успѣлъ какъ-то облагородить фронтовыя требованія, придавая имъ значеніе не цѣли, не знанія, а только средства къ достиженію военнаго званія—идеала тогдашнихъ русскихъ дворянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Жирардотъ умѣлъ устранить крайнее увлеченіе шагистикой и ружистикой, преобладавшее въ кадетскихъ корпусахъ. Онъ налегалъ болѣе на то, чтобы воспитанникъ могъ до поступленія на дѣйствительную службу получить навыкъ къ строгой точности и добросовѣстности въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Правила эти Жирардотъ проводилъ не на однихъ только словахъ, а на дѣлѣ. Подавая самъ примѣръ образцовой аккуратности, онъ настоятельно требовалъ того же отъ воспитанниковъ. На смотры, на ученія или просто по требованію слѣдовало прибыть немедленно безъ разсужденія; на дежурство надобно было встать, лечь и править должность непремѣнно заблаговременно расчитывая даже минуту, чтобы не было задержки. Изъ отпуска должно было явиться въ 9 час. вечера, минута въ минуту, если только кто заранѣе не отпрашивался до одиннадцати часовъ. Также аккуратно являлись мы во всѣхъ случаяхъ, когда надо было прибыть въ корпусъ для службы во дворцѣ или для развода. Опаздываніе никогда не проходило даромъ, потому что всѣ эти требованія были неумолимо строги и за неисполненіе безпощадно взыскивалось. Плоды подобной выдержки я испыталъ на себѣ. Въ теченіе шестнадцати-лѣтней фронтовой службы, я одинъ только разъ попался въ опозданіи на службу, и то будучи еще младшимъ офицеромъ. Когда же я сдѣлался ротнымъ командиромъ и хозяиномъ въ своей части, особенно въ походѣ, гдѣ самое начальство не видывало насъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, я не разъ мысленно благодарилъ

Кн. А. Ѳ. Голицынъ.
Статсъ-секретарь у принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ.
Вып. 1816 г.

Жирардота за то, что онъ пріучилъ пажей къ аккуратности и къ строгому расчету времени, столь необходимому для военнаго человѣка. Въ числѣ зимнихъ фронтовыхъ занятій въ Пажескомъ корпусѣ слѣдуетъ, во-первыхъ, назвать инспекторскіе смотры. Инспекторы были старики генералы, отживавшіе свой заслуженный вѣкъ въ совѣтѣ военно-учебныхъ заведеній. Собственно, строевая инспекція заключалась въ томъ, что насъ выстраивали въ огромномъ танцовальномъ залѣ. Начальство надѣвало шляпу по формѣ и передъ нимъ продѣлывали ружейные пріемы и церемоніальный маршъ. Разумѣется, инспекторъ оставался отлично довольнымъ не только строевою, но вообще всѣми частями, потому что при директорѣ Игнатьевѣ и при Жирардотѣ порядокъ былъ вездѣ и во всемъ образцовый. Первый инспекторъ, котораго я помню, былъ генералъ Клингенбергъ.

Далѣе, зимой занимало много времени приготовленіе къ разводной парадировкѣ. Въ началѣ года Жирардотъ назначалъ изъ лучшихъ по фронту пять смѣнъ или карауловъ и каждый пажъ такъ твердо зналъ свою смѣну, что когда, напримѣръ, кричали: „пятый караулъ наверхъ“ или „второй караулъ въ залъ“, то повторять и разъяснять было не нужно. Въ первомъ, во второмъ и отчасти въ третьемъ караулѣ находились большіе пажи, въ остальныхъ маленькіе.

Жирардотъ, какъ я уже сказалъ, самолично училъ разводныя смѣны. Въ день развода крохотные пажескіе караулы пристраивались къ рослымъ гвардейцамъ и парадировали вслѣдъ за ними. Большимъ для себя несчастіемъ считали мы, если въ разводѣ участвовалъ Егерскій полкъ, всегда проходившій мимо Государя бѣглымъ шагомъ. Въ этомъ случаѣ очень часто и множество игрушечныхъ солдатъ, какими мы были, падали на бѣгу. Поэтому Жирардотъ на ученіяхъ порядкомъ пробиралъ тотъ несчастный караулъ, которому приходилось быть въ разводѣ съ егерями. Онъ обучалъ подъ барабанъ каждаго пажа по одиночкѣ, причемъ самъ все время скакалъ съ ноги на ногу передъ обучаемыми.

Съ наступленіемъ весны, фронтовыя занятія прекращались. Передъ майскимъ парадомъ насъ муштровали утромъ и вечеромъ на корпусномъ плацу церемоніальнымъ маршемъ дивизіонными взводами и колонною. Жирардотъ, вездѣсущій и всеисполняющій, перебиралъ, сортировалъ и перестанавливалъ дивизіонъ съ копотливымъ терпѣніемъ. Послѣ парада и до самаго вступленія въ лагерь, фронтъ уже поглощалъ почти все рекреаціонное наше время. На своемъ плацу

дѣлались Жирардотомъ ротныя ученія и, кажется, никто въ мірѣ не могъ продѣлывать ихъ столь близко къ смыслу и къ буквѣ устава, какъ нашъ Карлъ Карловичъ, знавшій весь уставъ, какъ свои пять пальцевъ. Послѣ того начинали насъ таскать на Васильевскій островъ, на огромный плацъ 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ сводили батальонъ изъ пажей, подпрапорщиковъ и инженеровъ; этимъ батальономъ принимался командовать полковникъ Лишинъ, командиръ роты подпрапорщиковъ, а Жирардотъ состоялъ младшимъ штабъ-офицеромъ".

„Въ школѣ нравственной, говоритъ про того же Карла Карловича князь Имеретинскій: онъ былъ тоже главнымъ факторомъ. Вліяніе Жирардота въ этомъ смыслѣ было постоянное и дѣйствительное. Онъ вліялъ на насъ собственнымъ примѣромъ, являя по-истинѣ изумительный образецъ сдержанности, порядочности, аккуратности, повиновенія властямъ и заботливости о подчиненныхъ. Съ другой стороны, онъ успѣшно дѣйствовалъ неослабностью надзора и неуклоннымъ настойчивымъ терпѣніемъ, съ которымъ проводилъ свою воспитательную систему. Жирардотъ платилъ дань своему времени и главнымъ правиломъ считалъ навыкъ къ строгой подчиненности и повиновенію къ старшимъ. Этого, дѣйствительно, требуетъ военная служба и теперь и всегда, и строгая дисциплина, въ самомъ дѣлѣ, обусловливала главное направленіе военно-воспитательной школы. Правила свои Жирардотъ проповѣдывалъ и словомъ и дѣломъ. Изустная его проповѣдь заключалась въ постоянныхъ разговорахъ со всѣми и каждымъ изъ пажей, причемъ многія вредныя для ребенка привычки Жирардотъ старался искоренять легкою насмѣшкою и въ этомъ смыслѣ любимымъ средствомъ были басни и прибаутки. Если, напримѣръ, онъ замѣчалъ, что кто-либо изъ старшихъ воспитанниковъ много толкуетъ съ подчиненными по службѣ, не добиваясь исполненія требуемаго на дѣлѣ, Карлъ Карловичъ говорилъ ему, бывало, слова басни Крылова:

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ словъ не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

Или, если онъ примѣчалъ въ пажѣ злонравіе или упрямство, твердилъ при каждой встрѣчѣ:

Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.
Chassez le naturel il revient au galop.

Не говорю болѣе о такихъ пріемахъ, такъ какъ въ предыдущихъ страницахъ подробно намѣчены принципы Жирардота и его требованія, относящіяся къ исправности, представительности и, ея главнаго условія, французскаго языка. Въ послѣднемъ требованіи онъ даже пересаливалъ. Не говоря о томъ, что строго приказано было во время обѣда говорить между собою не иначе, какъ одинъ день по-французски, а другой—по-нѣмецки, Жирардотъ думалъ французить даже во-фронтѣ. Разъ на маневрахъ почтенный Карлъ Карловичъ до того увлекся, что при самомъ Государѣ громко сказалъ какому-то пажу: Soyez sur vos gardes, mon cher, attention. Tenez votre arme comme il faut. Но Государю это не понравилось и онъ рѣзко сказалъ: „Полковникъ Жирардотъ, во фронтѣ мы всѣ русскіе“. Вкореняя дисциплину, какъ главное нравственное правило для будущихъ офицеровъ, пріучая ихъ къ точному и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей и не упуская изъ виду даже внѣшнихъ пріемовъ и выраженій, Жирардотъ зорко слѣдилъ и за нравственностью въ тѣсномъ смыслѣ. Я уже имѣлъ случай сказать, что онъ старался отдѣлять большихъ пажей отъ маленькихъ во избѣжаніе прилипчивой порчи нравовъ. Въ лагеряхъ онъ всѣми силами старался препятствовать знакомству пажей, тѣмъ болѣе маленькихъ, съ воспитанниками другихъ корпусовъ, особенно-же съ подпрапорщиками и юнкерами. Послѣдніе въ ту пору, дѣйствительно, отличались духомъ ухарства, кутежей и самою непривлекательною развинченностью.

А. И. Философовъ.
Воспитатель Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича.
Вып. 1818 г.

Такимъ образомъ, зорко слѣдя зимой и лѣтомъ за поведеніемъ младшихъ пажей, Жирардотъ не выпускалъ изъ глазъ старшихъ. Если кто изъ нихъ въ отпускные дни участвовалъ въ попойкахъ или безобразіяхъ и если Жирардотъ узнавалъ объ этомъ официально, то

не говоря о долговременной выдержкѣ въ корпусѣ, виновный могъ быть увѣренъ, что его шансы на камеръ-пажество и прочія повышенія понижались до безнадежной степени.

Кромѣ того, въ продолженіе цѣлаго года Жирардотъ умѣлъ давать почувствовать послѣдствія подобныхъ замашекъ; обращеніе его съ замѣченнымъ пажемъ дѣлалось сухо и взыскательно, а взыскивалъ онъ неумолимо и никогда не горячился, какъ всѣ сознательно твердые люди. Предупредительная система играла большую роль въ дѣятельности этого воспитанія. Я увѣренъ, что строгія его требованія насчетъ своевременной явки изъ отпуска въ девять часовъ имѣли цѣлью, кромѣ пріученія къ порядку, предотвращеніе позднихъ гуляній и кутежей воспитанниковъ въ петербургскихъ вертепахъ. Взглядъ Жирардота на теорію предупрежденія и пресѣченія преступленій лучше всего поясню примѣромъ. Въ то время предписывалось намъ всѣмъ военнымъ генераламъ и офицерамъ, при встрѣчѣ съ ними, становиться во фронтъ и прикладывать лѣвую руку къ шляпѣ, а при встрѣчѣ съ лицами Царской фамиліи слѣдовало, сверхъ того, опускать съ лѣваго плеча шинель. Передъ отпускомъ давался каждому билетъ съ обозначеніемъ—къ кому именно и до какого времени воспитанникъ уволенъ, а на оборотѣ билета была надпись: „всегда и во всемъ соблюдать правило вѣжливости и благопристойности, равно форму и чистоту въ одеждѣ. Всѣмъ гг. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ дѣлать фронтъ. Быть на улицѣ и въ публичныхъ собраніяхъ съ провожатымъ и билетъ свой имѣть при себѣ“.

На ефрейторскихъ и камеръ-пажескихъ билетахъ прибавлялось внизу: „въ знакъ особой довѣренности позволяется ходить безъ провожатаго“. Каждый офицеръ имѣлъ право отобрать билетъ у пажа, нарушившаго эти правила. Но Жирардотъ не выжидалъ такихъ скандаловъ, онъ самъ часто ходилъ гулять пѣшкомъ, особенно, по вечерамъ въ субботу и, какъ мы выражались „ловилъ“ пажей, не дѣлавшихъ фронта постороннимъ офицерамъ. Этимъ онъ нагналъ такого страху, что мы сами за собой присматривали и случаи отправленія въ корпусъ были крайне рѣдки. Это отданіе чести доходило до комическихъ сценъ. Дядя мой былъ въ то время командиромъ Гродненскаго гусарскаго полка. Пріѣхалъ онъ разъ въ Петербургъ изъ Новгорода и взялъ меня съ собою гулять. На Невскомъ встрѣтился съ нами корпусной офицеръ поручикъ Делагарди. Онъ сталъ дядѣ во фронтъ, а я сталъ во фронтъ передъ Делагарди; дядя важно про-

шелъ между нами и мы очутились лицомъ другъ къ другу и оба расхохотались. Къ сожалѣнію, Жирардотъ развилъ предупредительную систему до шпіонства и усиливался привить къ корпусному юношеству іезуитскую систему взаимнаго наблюденія и доносовъ. Однако-же, относительно воспитанниковъ онъ не достигъ своей цѣли „diviser pour regner“. Всякій гнушался входить въ его планы и кончилось тѣмъ, что несмотря на несомнѣнныя достоинства Карла Карловича, онъ навлекъ на себя общее нерасположеніе; всѣ боялись и всѣ не любили его, не исключая тѣхъ, кого онъ считалъ себѣ обязаннымъ и называлъ „mon enfant gâté“. Но эти любимцы не преслѣдовались товарищами и всѣ мы были убѣждены, что пересказчика между нами не найдется“.

Э. А. Рамзай.
Командующій войсками Царства Польскаго.
Вып. 1818 г.

Вотъ какъ оцѣнивалъ дѣятельность Карла Карловича, въ промежутокъ отъ 1843 до 1848 г., князь Имеретинскій, и вотъ какъ оцѣниваетъ ее и какъ говоритъ про Жирардота Н. А. Боровковъ, выпущенный въ офицеры въ 1852 году и пробывшій въ корпусѣ 8 лѣтъ, слѣдовательно, современникъ князя Имеретинскаго, которому пришлось испытывать воспитательное воздѣйствіе этого замѣчательнаго во всякомъ случаѣ военнаго педагога-самородка, четырьмя годами дольше князя.

„Карлъ Карловичъ Жирардотъ былъ въ полномъ смыслѣ слова душою всего корпуса, пишетъ Н. А. Боровковъ: онъ зналъ положительно все, что дѣлалось въ корпусѣ и для этого прибѣгалъ нерѣдко къ іезуитскимъ пріемамъ, разспрашивая неопытныхъ и слабохарактерныхъ воспитанниковъ про ихъ товарищей, за что, конечно, „ябедникамъ“ и доставалось отъ своихъ товарищей за несовсѣмъ похвальную откровенность.

Жирардотъ являлся въ корпусъ, съ точностью хронометра, ежедневно въ 6 часовъ утра, когда мы вставали и оставался до нашего ухода въ классы. Затѣмъ приходилъ въ 11 часовъ, когда по окончаніи утреннихъ классовъ начиналось фронтовое ученье, продолжавшееся до 1½ часа. Тогда воспитанники шли обѣдать. Послѣ обѣда въ хорошую погоду ихъ водили гулять и два раза въ недѣлю производили фехтованіе. Въ 3 часа начинались опять классы и продолжались до 6—7 часовъ, въ 6 часовъ мы пили чай и Карлъ Карловичъ неизмѣнно присутствовалъ. Отъ 7 до 8 мы обыкновенно готовили уроки въ дортуарахъ. Въ 8 часовъ ужинали, а въ 9 ложились спать. Это было единственное время, когда Карлъ Карловичъ отсутствовалъ, да и то только изрѣдка. Въ 12 ночи или немного позже, онъ опять появлялся обходилъ всѣ дортуары, смотрѣлъ, все-ли въ порядкѣ, всѣ-ли спятъ, на мѣстахъ ли дежурные офицеры и служителя и уже послѣ того уходилъ къ себѣ на квартиру, чтобы завтра съ 6 часовъ утра быть опять на своемъ посту. Я за 8 лѣтъ не видѣлъ ни раза, чтобы что-нибудь измѣнилось въ заведенномъ разъ навсегда порядкѣ или въ отправленіяхъ Карла Карловича своихъ обязанностей. Отсюда можно видѣть: подъ какимъ неослабнымъ надзоромъ находились пажи внѣ классныхъ занятій.

Надо добавить, что Карлъ Карловичъ провѣрялъ иногда и знанія воспитанниковъ, училъ насъ молитвамъ и фронту, присутствовалъ на гимнастическихъ упражненіяхъ, фехтованіи, танцахъ и пѣніи, повѣрялъ знаніе пѣхотнаго устава, самъ училъ смѣнѣ и стоянію карауловъ, приготовлялъ ординарцевъ и пр. Понятно станетъ, какъ велико было вліяніе на насъ Жирардота и сколько мы были обязаны ему своимъ военнымъ воспитаніемъ. Ясно также, что все это воспитаніе пажей лежало почти на немъ одномъ, и если общество признало и признаетъ пажей людьми въ извѣстномъ смыслѣ благовоспитанными, то немалую услугу въ этомъ дѣлѣ оказалъ намъ Карлъ Карловичъ“.

По свидѣтельству Н. А. Боровкова, Жирардотъ стремился пользоваться услугами наушничанія. „Къ чести пажей, говоритъ онъ: надо сказать, что такіе проступки у насъ были чрезвычайно рѣдки, несмотря на то, что начальство въ лицѣ Жирардота поощряло доносы и шпіонство, якобы для воспитательныхъ цѣлей.

На моихъ глазахъ въ теченіе 8 лѣтъ, такихъ случаевъ было только два и оба пажа, совершившіе противъ товарищества подобнаго рода проступокъ, были доведены презрѣніемъ товарищей до необхо-

димости выйти изъ корпуса, не окончивъ полнаго курса. Они поступили въ армейскіе пѣхотные полки, были произведены въ офицеры, но съ ними не помирились и послѣ производства и они никогда не являлись ни на какія товарищескія собранія пажей, такъ что ни я, ни мои современники-товарищи до сихъ поръ ничего не знаемъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ".

Кн. М. А. Урусовъ.
Витебскій, могилевскій и смоленскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1821 г.

Возвращаясь къ фронтовымъ занятіямъ, Н. А. Боровковъ говоритъ: „въ самомъ корпусѣ, въ присутствіи Жирардота, пажи продѣлывали со всѣми подробностями, требуемыми военнымъ уставомъ, всю смѣну карауловъ, встрѣчу начальника, зорю съ церемоніей, обязанности часовыхъ и проч. причемъ ефрейторы разводили по мѣстамъ и ставили часовыхъ—однимъ словомъ, продѣлывали всю гарнизонную службу офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Душою всѣхъ этихъ ученій былъ Карлъ Карловичъ. Только на этихъ ученіяхъ чувствовалъ онъ себя вполнѣ счастливымъ и, надо правду сказать, былъ самъ виртуозъ во всѣхъ подобныхъ ученіяхъ и требовалъ отъ насъ въ этомъ отношеніи очень многаго. Онъ не довольствовался одною практикою дѣла, но по субботамъ передъ обѣдомъ въ присутствіи всего корпуса читалъ теорію всей этой науки и дѣлалъ собственныя замѣчанія относительно того или иного исполненія. Но не вполнѣ обладая русскимъ языкомъ (онъ никогда не могъ научиться разставлять ударенія, такъ напр., произносилъ Ѳомѝно Воскресенье, списо̀чекъ и проч.), онъ сильно коверкалъ фамиліи учениковъ, курильщиковъ называлъ „Кураками" и пр. Букву *ы* всегда замѣнялъ мягкимъ звукомъ *и*; тѣмъ не менѣе стремился произвести на слушателей эффектъ и для этого писалъ свои рѣчи на бумагѣ въ видѣ цѣлыхъ литературныхъ

произведеній. Но, чтобы не входить въ подробное описаніе этихъ субботнихъ,—какъ мы ихъ звали „литературныхъ произведеній“ Карла Карловича, я приведу стихи одного изъ нашихъ товарищей, написанные по этому поводу. Онъ очень удачно, хотя и не безгрѣшно въ отношеніи правильности стиха, характеризуетъ эти произведенія. Темой послужилъ нарядъ дежурныхъ и разводъ пажей по воскресеньямъ и праздникамъ.

Нарядъ.

„Смирно!“—Слышно намъ, какъ муха
Летитъ и крыльями жужжитъ,
Стоятъ пажи въ упадкѣ духа...
Межъ тѣмъ полковникъ говоритъ:
„Нарядъ на это воскресенье
Двадцать девятаго числа...
Что это тамъ за шевеленье,
Кто тамъ смѣется у окна?
Пріѣдетъ первымъ Коновницынъ
Дежурнымъ будетъ онъ внизу,
А за ефрейтора Голицынъ
Дежурнымъ будетъ на верху,
Пріѣхать въ девять имъ смѣняться!
Пойти-же завтра на разводъ...
Ну, перестаньте тамъ смѣяться!
Вы мнѣ откройте только ротъ!!
Итакъ, пойдутъ камеръ-пажи
Задонскій, Линфорсъ и Козловъ,
Рядовыми-же пажами
Чингисъ, Фредрихсъ, Мельгуновъ“.
И вызывая ихъ впередъ,
Другой списочекъ онъ беретъ:
„Въ тотъ разъ въ домашнемъ караулѣ
Пажи не знали своихъ мѣстъ ..
Кто сзади тамъ сидитъ на стулѣ?
Пилларъ! отправьтесь подъ арестъ!
А камеръ-пажъ, скажу безъ лести,
Отлично свое дѣло зналъ.
И только при отданьи чести
Онъ вяло шпагу опускалъ и проч.

Для развитія въ насъ воинственности по субботамъ Карлъ Карловичъ читалъ намъ реляціи (послѣ удачныхъ экспедицій на Кавказѣ,

о стычкахъ нашихъ храбрыхъ войскъ съ Шамилемъ). Въ тѣ времена донесенія писались далеко не такъ краснорѣчиво и пространно, какъ впослѣдствіи. Вообще боевыя схватки изображались кратко, сжато, причемъ, для произведенія бо̀льшаго эффекта, потери съ нашей стороны оказывались самыя незначительныя, чаще всего въ разсказахъ значился „одинъ раненый казакъ". Подобныя реляціи, несмотря на всю нашу неопытность, вводили насъ въ сомнѣніе... Въ одну изъ субботъ, во время чтенія реляціи съ Кавказа, разыгралась довольно комичная сцена. Судя по реляціи, дѣло было довольно жаркое, непріятель потерялъ нѣсколько человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, а съ нашей стороны было показано немного раненыхъ и убитыхъ — „одинъ казакъ"... И вдругъ при торжественной тишинѣ послышался изъ заднихъ рядовъ тоненькій голосокъ воспитанника П. З.

— Карлъ Карловичъ! убитъ, вѣроятно, тотъ самый казакъ, который ужъ много разъ бывалъ раненъ? —

Неожиданный вопросъ П. З. былъ встрѣченъ общимъ хохотомъ а Карлъ Карловичъ такъ разсердился на неумѣстную любознательность П. З., что оставилъ его безъ пирожнаго.

О своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Жирардоту я долженъ сказать, что никогда не былъ его поклонникомъ, да не могу похвалиться, чтобы и онъ меня любилъ. Послѣ одного случая онъ даже всѣми силами старался поймать меня въ какой-либо шалости, чтобы наказать, но это очень рѣдко ему удавалось, что еще болѣе сердило его. Случай заключался въ слѣдующемъ. Въ одну изъ субботъ, не помню по какому поводу, К. К. собравъ весь корпусъ, объявилъ намъ со свойственною ему убѣдительностію, что онъ знаетъ положительно все, что дѣлается въ корпусѣ, и, между прочимъ, обращаясь къ 1-му отдѣленію, состоявшему изъ самыхъ взрослыхъ воспитанниковъ, сказалъ: „у васъ въ отдѣленіи 16 куракъ". Почему-то при его словахъ я усмѣхнулся. Тогда онъ присталъ ко мнѣ, чтобы я объяснилъ причину смѣха... На всѣ мои увѣренія, что я засмѣялся совершенно безпричинно, онъ говорилъ одно и тоже: „нѣтъ, нѣтъ, вы должны сказать почему!" Все это мнѣ очень надоѣло и, чтобы отвязаться, наконецъ, я ему сказалъ:—а вотъ чему, курящихъ у насъ не 16,—а 18 человѣкъ!—Этотъ-ли отвѣтъ или неточность его свѣдѣній до того поразили почтеннаго командира, что онъ цѣлую недѣлю приставалъ къ намъ за объясненіемъ—кто эти два, о которыхъ онъ не знаетъ.

Конечно, ему объяснить не могли... Тогда онъ записалъ и меня въ число *куракъ* и все время затѣмъ не переставалъ рыться въ моемъ столѣ, ища папиросъ. И тутъ его ждала неудача; но онъ все-таки не отставалъ отъ меня и часто, взявъ подъ руку, гулялъ со мною по корпусу (это онъ обыкновенно дѣлалъ только со своими фаворитами) — все для того, чтобы убѣдиться, не пахнетъ-ли отъ меня табакомъ. Я на самомъ дѣлѣ не курилъ, а онъ очень огорчался тѣмъ, что не можетъ меня изловить и, вслѣдствіе этого, часто придирался ко мнѣ, но такъ какъ я вообще былъ довольно исправенъ— фронтовую службу зналъ хорошо, никакихъ особыхъ шалостей и школьничества не совершалъ, то и наказать меня ему не удавалось. Вообще же, онъ былъ человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, не допуская никакихъ противорѣчій или возраженій, считалъ всегда свои поступки непогрѣшимыми. Наблюдая неустанно за всѣмъ въ корпусѣ, онъ слѣдилъ и за продовольствіемъ нашимъ.

Я. А. Дашковъ.
Посланникъ при шведскомъ и норвежскомъ дворахъ.
Вып. 1824 г.

Самъ Карлъ Карловичъ ежедневно присутствовалъ при трапезахъ пажей. Бывало, войдетъ въ столовую, станетъ около фельдфебеля, котораго мѣсто было у перваго стола при входѣ, попробуетъ всегда пищу и похвалитъ ее вслухъ, вызывая этимъ на похвалу и пажей. Однажды К. К., попробовавъ поданную говядину, по обыкновенію, началъ ее восхвалять. Пажи похвалили ее со своей стороны... Я одинъ молчалъ, — больно надоѣли мнѣ эти повторяющіеся изо дня въ день гимны кушаньямъ. К. К., замѣтивъ мое молчаніе, накинулся на меня: „Вы что молчите? Развѣ говядина нехороша“? Я пресерьезно отвѣтилъ: „По моему, говядина не хороша“.—Это почему?—уже возвышая голосъ, приставалъ К. К.: Вѣдь мясо жирное, сочное?“ — Я также хладнокровно отвѣчалъ: „Совершенно вѣрно К. К. оно, дѣйствительно, мягко и жирно, но я въ продолженіе 6 лѣтъ привыкъ ѣсть твердое и безъ жиру, потому я и нахожу это дурнымъ. Съ непривычки,

К. К.“ Надо было видѣть въ это время выраженіе лица у нашего ментора! При всей своей выдержанности онъ не могъ овладѣть собою и, сверкая глазами, прошепталъ: „проклятый!“. Слѣдующая наша стычка еще забавнѣе. Какъ-то разъ К. К. сталъ намъ проповѣдывать о томъ, что необходимо себя хорошо вести въ корпусѣ, что отъ этого зависитъ вся наша будущая карьера. Въ примѣръ привелъ онъ намъ князя Паскевича, который воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Когда князя возводили въ фельдмаршалы, то будто бы дѣлали вопросъ въ корпусъ, какъ онъ велъ себя во время пребыванія въ немъ. По словамъ К. К. выходило, что князь былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ потому, что корпусное начальство дало благопріятный отзывъ о немъ. Я ему пресерьезно сказалъ на это: „Стало-быть, Карлъ Карловичъ, Паскевичъ вамъ обязанъ своимъ фельдмаршальскимъ званіемъ!“ К. К. сердито сталъ увѣрять меня, что я уже ни въ какомъ случаѣ не буду фельдмаршаломъ... Я вполнѣ понимаю, что всѣ мои выходки не могли расположить ко мнѣ К. К. и надо отдать ему справедливость, онъ терпѣть меня не могъ и при всякомъ случаѣ выказывалъ мнѣ свою нелюбовь.

Н. И. Бахметевъ.
Извѣстный музыкантъ.
Вып. 1826 г.

Такъ будучи еще въ третьемъ классѣ, я сталъ мечтать о кавалерійской службѣ, для чего и сталъ брать въ лагерѣ уроки верховой ѣзды. Такъ какъ мой учитель былъ занятъ цѣлый день, то я условился съ нимъ брать уроки утромъ отъ 7—8 часовъ, когда въ лагерѣ воспитанники еще спали. Вотъ однажды около 8 часовъ утра одинъ изъ нашихъ офицеровъ встрѣтилъ меня совсѣмъ одѣтаго, возвращающагося съ задняго поля (на этомъ полѣ была конюшня школы). На вопросъ, откуда я иду, я откровенно разсказалъ ему о своихъ мечтахъ и урокахъ верховой ѣзды. Во время нашего разговора къ намъ подошелъ Карлъ Карловичъ. Онъ прежде всего счелъ нужнымъ распечь меня за утреннюю прогулку и, не вѣря моимъ объясненіямъ, отправилъ меня подъ арестъ. Послѣ лагеря, воспитанниковъ обыкновенно отпускали

на двѣ недѣли на свиданіе съ родственниками, меня же оставили безъ этой льготы, сбавили 3 балла за поведеніе и еще два мѣсяца не давали отпуска. При всякомъ случаѣ Карлъ Карловичъ приставалъ ко мнѣ, чтобы я сказалъ—гдѣ былъ въ то роковое утро. Такъ, онъ мнѣ и не повѣрилъ и все увѣрялъ, что я ночевалъ не въ лагерѣ. Во второй разъ почтенный Карлъ Карловичъ не преминулъ заявить себя моимъ противникомъ по слѣдующему случаю. Я уже имѣлъ полное право быть ефрейторомъ. Окончательное назначеніе зависѣло отъ комитета, въ которомъ засѣдалъ директоръ, инспекторъ, ротный командиръ и 5 отдѣленныхъ дежурныхъ офицеровъ. Вслѣдствіе доброты и безхарактерности однихъ, апатичности другихъ, К. К. пользовался большимъ вліяніемъ, если не былъ главнымъ вершителемъ дѣлъ комитета. Онъ настоялъ, чтобы меня не дѣлали ефрейторомъ, утверждая, что я не благонравнаго поведенія и проч. Гоненіе его дошло до того, что передъ выпускомъ онъ сталъ мнѣ твердить, что я не выйду въ гвардію. По крайней мѣрѣ, онъ принялъ для этого всѣ зависящія отъ него мѣры: такъ, онъ мнѣ изъ фронта и воинского устава поставилъ по 9 бал., чтобы средній балъ вышелъ ниже требуемаго для производства въ гвардію, между тѣмъ я былъ отличнымъ фронтовикомъ и уставъ зналъ прекрасно. Все это, конечно, не могло расположить и меня къ нему. Его мстительность доходила до того, что напр. по его настоянію, отдали въ солдаты совершенно невиннаго моего друга-товарища. Но при всемъ томъ я долженъ отдать справедливость Карлу Карловичу: Пажескій корпусъ кое-чѣмъ обязанъ ему. Кромѣ того, отъ него нельзя отнять положительныхъ достоинствъ, какъ напримѣръ, строгое и серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, безпримѣрная служебная исполнительность. Неутомимая энергія, рѣдкая любовь къ дѣлу и заботливость о воспитанникахъ — все это качества, безспорно важныя, особенно, въ дѣлѣ воспитанія. Съ другой стороны, сухость натуры, мстительность и нѣкоторыя другія черты характера отталкивали отъ него дѣтей и дѣлали его несимпатичнымъ. На самомъ дѣлѣ никто въ корпусѣ его не любилъ, несмотря на его платоническую любовь ко всѣмъ пажамъ“. Какъ дополненіе этой характеристики приводимъ и слѣдующее мѣсто изъ записокъ Н. А. Боровкова.

„Ротный командиръ К. К. Жирардотъ, хотя не имѣлъ права самовластно наказывать розгами, но узурпировалъ его, благодаря добротѣ и безхарактерности высшаго начальства. Такъ, онъ наказалъ розгами у себя на квартирѣ одного моего друга-товарища и, благо-

даря тому, что наказанный былъ круглый сирота, это ему сошло съ рукъ, какъ нельзя лучше. Бѣдный мой пріятель былъ такъ запуганъ имъ, что разсказалъ объ этомъ только мнѣ, и то взявъ съ меня предварительное слово не передавать товарищамъ. Никто, кромѣ меня, не слыхалъ эту исторію. Я даже не могъ узнать: за что именно постигла его такая, кара. А мальчикъ онъ былъ замѣчательный, учился прекрасно, былъ даже записанъ на красную доску и оставался все время въ числѣ 5 лучшихъ учениковъ; это былъ прекрасный товарищъ, обладавшій тактомъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, а его рѣдкое самообладаніе и характеръ производили большое впечатлѣніе на товарищей".

Вспоминаетъ въ своихъ рукописныхъ запискахъ, хранящихся въ музеѣ корпуса, о Жирардотѣ и бывшій пажъ Д. Н. Корсаковъ. Вотъ, что онъ говоритъ про него: „Карлъ Карловичъ Жирардотъ былъ замѣчательный, лучшій въ свое время воспитатель. Онъ душу вкладывалъ въ дѣло воспитанія. Когда камеръ-пажи отправлялись во дворецъ, Карлъ Карловичъ показывалъ каждому—какъ руку поцѣловать, какъ мантилію надѣть или мѣшокъ для ногъ, какъ воды налить, какъ шлейфъ нести, чтобы не наступить на платье, какъ за столомъ служить, салфетку обертывать, тарелки смѣнять, словомъ, не упускалъ ничего.

Когда пажи отправлялись на крещенскій парадъ, онъ самъ лично всѣмъ обертывалъ ноги газетной бумагой, наблюдая, чтобы не было узкой обуви.

Во время обѣда, ужина и чая, Жирардотъ требовалъ, чтобы пажи держались прямо, не горбились и не клали локтей на столъ. Онъ также требовалъ, чтобы пажи говорили на иностранныхъ языкахъ, одинъ день по-французски.

Ежедневно онъ лично смотрѣлъ пригонку мундировъ, обращалъ неослабное вниманіе, чтобы пажи не имѣли дурныхъ привычекъ или дурныхъ манеръ.

Если увидитъ, что пажъ держитъ руки въ карманахъ, взыскивалъ. Словомъ, Жирардотъ входилъ во все и зналъ все, что пажи дѣлали. Онъ только не бывалъ въ лагерѣ во время съемокъ, зато тогда пажи и позволяли себѣ разныя вольности! Единственный упрекъ, который нѣкоторые дѣлали Жирардоту, заключался въ томъ, что, дѣлая все самъ, онъ, такъ сказать, размѣнивался на мелкую монету и этимъ ронялъ значеніе дежурныхъ офицеровъ. Но я думаю, что въ то время Жирардотъ и не могъ иначе поступать, такъ какъ составъ дежурныхъ офицеровъ оставлялъ многаго желать".

Далѣе Д. Корсаковъ говоритъ: „Жирардотъ строго наблюдалъ за пищей пажей, и за мое время (1851—1856) кормили хорошо: обѣдъ былъ всегда очень хорошъ и сытный, ужинъ былъ слабѣе.

Жирардотъ лично спрашивалъ у пажей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій молитвы и знаніе „Благочестивѣйшаго“, а также и требовалъ отъ нихъ знаніе именъ лучшихъ пажей, по ученію удостоившихся записи на мраморную доску и всѣхъ ихъ убитыхъ товарищей, имена которыхъ были вырѣзаны на черныхъ мраморныхъ доскахъ, въ церкви.

П. Н. Дьяковъ.
Смоленскій, витебскій и могилевскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1806 г.

Относительно молитвъ Жирардотъ требовалъ знаніе ихъ наизусть безъ малѣйшаго пропуска и измѣненія. Однажды, отвѣчая „Благочестивѣйшаго“, я сказалъ: „Великихъ Княженъ Ольгу и Вѣру Константиновенъ, а надо было Константиновнъ“ и за это отступленіе съ меня было взыскано.

Утренній осмотръ, назначенный до чая, производился очень аккуратно всегда лично Жирардотомъ. Во время него повѣрялась чистота ногъ, рукъ, осматривались волосы и, если они оказывались болѣе длинны, чѣмъ слѣдуетъ, ихъ немедленно остригали. Неусыпный Карлъ Карловичъ слѣдилъ за тѣмъ даже, чтобы ногти не были длинны.

Слѣдилъ онъ и затѣмъ, чтобы у каждаго пажа на шеѣ былъ крестъ, чтобы у рубашекъ не было узкихъ воротниковъ, что вредно отзывалось на зрѣніи, чтобы были подтяжки, чтобъ на всѣхъ вещахъ положено было казенное клеймо, чтобъ платье было своевременно починено, чтобы не было узкихъ сапогъ и т. п.

Въ случаѣ замѣченной неисправности, Жирардотъ взыскивалъ не только съ виновнаго пажа, но всегда и съ того камеръ-пажа и ефрейтора, которымъ подчинялся провинившійся пажъ. Такимъ образомъ, онъ съ юныхъ лѣтъ пріучалъ пажей къ строгой и разумной дисци-

плинѣ и къ отвѣтственному командованію, безъ котораго не можетъ быть порядокъ ни въ одной части. Жирардотъ обращалъ строгое вниманіе и на фронтовое ученіе, онъ ему обучалъ самъ: репетиціи развода, очередному караулу, гарнизонной службѣ, сторожевой службѣ,—все это не ускользало отъ всевидящаго ока Карла Карловича. Каждый пажъ обязательно долженъ былъ практически изучить обязанности караульнаго начальника, рунда и дежурнаго по карауламъ. Онъ строго слѣдилъ и за тѣмъ, чтобы пажъ правильно произносилъ команды и „поворачивалъ, и останавливалъ часть въ ногу".

Но, слѣдя внимательно и заботливо за подготовкой пажей къ придворной и военной службѣ, не забывая въ обширномъ смыслѣ слова нравственную сторону, какъ онъ её понималъ, Жирардотъ заботился и о томъ, чтобы нравственность, извѣстная подъ названіемъ нравственности въ узкомъ смыслѣ этого слова, не страдала. „Онъ неутомимо слѣдилъ, чтобы пажи не могли прививать себѣ дурныхъ привычекъ, свойственныхъ закрытымъ заведеніямъ. Въ предупрежденіе Жирардотъ слѣдилъ за временемъ наступленія для каждаго пажа періода зрѣлости, приказывая всегда показывать постельное бѣлье передъ отданіемъ его въ стирку.

Въ случаѣ малѣйшаго подозрѣнія, призывалъ къ себѣ и, дружески бесѣдуя, предостерегалъ, объясняя могущія быть послѣдствія. За время моего пребыванія въ корпусѣ, если и были подобные случаи, то это были единичные, крайне рѣдкіе случаи и, большею частью, они имѣли мѣсто внѣ стѣнъ корпуса, когда со стороны родителей не было надлежащаго наблюденія. Въ стѣнахъ же корпуса никогда".

Наконецъ, вотъ еще двѣ подробности свидѣтельствующія объ его почти-что самоотверженной заботливости, а съ другой стороны о врожденной аккуратности и сердечности.

„Передъ крещенскимъ парадомъ Жирардотъ лично обертывалъ ноги каждаго пажа. Карлъ Карловичъ былъ холостякъ, онъ былъ до того аккуратенъ что, не желая причинить кому бы то ни было хлопотъ даже послѣ смерти, еще при жизни заказалъ себѣ надгробный памятникъ, на которомъ велѣлъ вырѣзать слѣдующую надпись:

Здѣсь погребено тѣло
Карла Карловича Жирардота,
родившагося тогда-то,
скончавшагося въ 18 году.

Одинъ изъ бывшихъ при немъ дежурныхъ офицеровъ Ал. Ѳом. Тиздель прочелъ эту надпись и, предполагая, что онъ, дѣйствительно, умеръ, купилъ вѣнокъ и повѣсилъ на его памятникѣ. Жирардотъ, часто посѣщавшій это кладбище, увидя вѣнокъ, былъ очень тронутъ и съ умиленіемъ объ этомъ лично мнѣ разсказывалъ.

Корпусъ Жирардотъ оставилъ въ 1856 году, былъ произведенъ при увольненіи въ генералъ-маіоры и ему сохранили казенную квартиру, въ которой онъ такъ долго жилъ въ корпусѣ. Желая его почтить, воспитанники, бывшіе при немъ въ корпусѣ, собрались на обѣдъ. Обѣдъ состоялся въ самомъ корпусѣ въ бывшемъ 3 отдѣленіи. На немъ присутствовалъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Подводя итоги сказанному про Карла Карловича Жирардота, я смѣло скажу, что это былъ идеальный воспитатель, что онъ намъ былъ примѣромъ всего, всего хорошаго, что добросовѣстнѣе его служить нельзя было, что всѣ его помыслы и заботы были направлены къ одной цѣли: воспитать вѣрныхъ, честныхъ и полезныхъ дѣятелей. Миръ праху твоему! Ты былъ честнымъ труженикомъ и достойно исполнялъ твой долгъ! Память о твоихъ заботахъ всегда сохранится въ сердцахъ всѣмъ тебѣ обязанныхъ пажей".

Мы привели четыре свидѣтельства о личности Карла Карловича, причемъ первое касается первыхъ его шаговъ на избранномъ поприщѣ, второе и третье—расцвѣта его дѣятельности, а послѣднее—момента, когда онъ приближался къ концу ея. Въ этихъ запискахъ достаточно всесторонне описано все, что онъ дѣлалъ, чѣмъ жилъ и выяснены какъ его недостатки, такъ и достоинства. Мы не будемъ входить въ критическую оцѣнку только-что приведенныхъ документовъ, достоинство которыхъ далеко не одинаково и не потому только, что одни дышатъ благодарностью и сочувствіемъ, а другіе совсѣмъ противоположнымъ чувствомъ, а потому, что и способность ихъ авторовъ къ наблюденію и къ оцѣнкѣ событій, свидѣтелями которыхъ они были, далеко не одинаковы.

Мы позволимъ себѣ сказать слѣдующее: Карлъ Карловичъ Жирардотъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательною личностью и корпусъ за его 25 лѣтъ службы не только „кое-чѣмъ" ему обязанъ, но эта служба составила въ жизни нашего учебнаго заведенія эпоху.

Каждый народъ, каждое государство переживаютъ такой періодъ, своего существованія, когда большинству кажется, что всѣ вопросы рѣшены, что каждое явленіе имѣетъ свое удовлетворительное объяс-

неніе, что искать нечего, а потому это большинство заботится о сохраненіи уже установившихся формъ; это по преимуществу консервативныя эпохи, нуждающіяся въ людяхъ уравновѣшанныхъ, солидныхъ, со спокойнымъ умомъ, съ твердою волею и установленными идеалами. Какъ война родитъ героевъ, такъ и такія эпохи выдвигаютъ нужныхъ имъ людей, которые, занявъ позицію, сохраняютъ её надолго и на все окружающее кладутъ отпечатокъ своей индивидуальности. Что en grand примѣнимо къ народамъ и государствамъ, то en petit встрѣчается въ жизни любого учрежденія. Какъ разъ такую эпоху Пажескій корпусъ переживалъ въ царствованіе Императора

И. Ѳ. Ортенбергъ. *И. Х. Дидерихсъ.* *К. К. Жирардотъ.* *П. Н. Игнатьевъ.* *С. Н. Тиньковъ.*

Рисунокъ пажа К. П. Колзакова. (Изъ альбома Н. А. Боровкова).

Николая I, а представителемъ и выразителемъ ея былъ Карлъ Карловичъ Жирардотъ. Глубоко убѣжденный въ пользѣ тѣхъ фронтовыхъ тонкостей и той строгости на службѣ, которая царила тогда повсюду, составившій себѣ идеалъ пажа какъ въ служебномъ, такъ и въ свѣтскомъ отношеніи, а также и офицера, какимъ долженъ сдѣлаться идеальный пажъ,—онъ съ настойчивостію и педантичностію добивался осуществленія своего идеала, въ этомъ онъ видѣлъ цѣль своей жизни, весь ея смыслъ. По его мнѣнію, пажъ—garçon de bonne maison, долженъ быть воспитанъ, вѣжливъ, хорошо говорить по-французски, быть проникнутымъ чувствомъ долга, любить Царя, отечество, службу и никогда не лгать. Этого онъ не прощалъ. Кромѣ того, онъ испытывалъ какое-то органическое отвращеніе къ грубости. Но пріемы, къ которымъ онъ прибѣгалъ, нельзя сказать, чтобы всегда были безупречны. А прибѣгалъ онъ къ нимъ вслѣдствіе увлеченія дѣломъ, вслѣдствіе слишкомъ большой любви къ нему, а не по при-

роднымъ склонностямъ своего характера. Ему слишкомъ хотѣлось все знать, все предупреждать, поражать и этимъ импонировать и покорять. Опираясь на это, онъ надѣялся исправлять и направлять. Былъ-ли онъ сердеченъ? съ сомнѣніемъ спрашивали себя нѣкоторые ученики Жирардота. Намъ думается, что да, но только сердце его было въ подчиненіи ума, а надъ обоими ими господствовала воля, вотъ источникъ его педантичности и аккуратности, а, съ другой стороны, и источникъ толковъ о его сухости. Его не любили, говорятъ нѣкорые изъ бывшихъ питомцевъ. Очень вѣроятно, такой постоянный, бдительный, можно сказать, назойливый контроль, это ему присущая вездѣсущность, конечно, стѣсняли и заставляли смотрѣть на него, какъ на что-то надоѣдливое, отъ котораго недурно отдѣлаться, но за то его оцѣнивали по выходѣ; онъ, по мѣрѣ того, какъ воспитанники его подвигались по жизненному пути, натыкались на ея непріятно колющіе терніи, росъ въ ихъ сознаніи и темныя стороны его педагогическихъ пріемовъ отходили все болѣе и болѣе на задній планъ и уступали мѣсто благородному чувству за хорошія практическія, чисто жизненныя правила, которыя онъ имъ внушалъ и при помощи которыхъ имъ удавалось нѣкоторые терніи миновать, а на нѣкоторыя, если и накалываться, то слегка.

Если судить Карла Карловича съ точки зрѣнія современной педагогики, то, конечно, пріемъ шпіоновъ-соглядатаевъ не имѣетъ никакого оправданія. Можно прибѣгнуть къ чему угодно, но только не къ этому, но, принявъ во вниманіе, что ни съ какой раціональной педагогикой онъ не былъ знакомъ и что онъ прибѣгалъ къ нему только отъ избытка усердія, то врядъ ли кто рѣшится поднять руку и бросить въ него за это камень.

Если съ той же точки зрѣнія судить слишкомъ практическую цѣль воспитанія, которую онъ себѣ ставилъ, то есть сдѣлать пажей людьми, пригодными для жизни въ той средѣ и въ томъ обществѣ, въ которомъ они вращались, и больше ничего, то опять-таки онъ не заслуживаетъ упрека; онъ, несомнѣнно, былъ сыномъ своего по преимуществу консервативнаго времени, когда былъ провозглашенъ извѣстный девизъ status quo: „прошлое Россіи было достойно удивленія, ея настоящее болѣе, нежели великолѣпно, что же касается будущаго ея, то оно выше всего, что можетъ вообразить себѣ самое смѣлое воображеніе“. Да и то эта слишкомъ большая практичность смягчалась тѣмъ, что въ основу ея онъ ставилъ любовь къ Богу, къ

родинѣ, къ воспитавшему пажей заведенію, рыцарскую честность и щепетильное отношеніе къ долгу. Правда, и тутъ его пріемы были нѣсколько неуклюжи и, пожалуй, наивны, но не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ, какъ мы не разъ говорили, педагогъ-самородокъ.

Въ 1856 году, послѣ 25 лѣтъ неустаннаго труда, Карлъ Карловичъ покинулъ корпусъ. Его произвели въ генералъ-маіоры и оставили за нимъ квартиру, въ которой онъ жилъ. Бывшіе его воспитанники устроили обѣдъ въ честь своего незабвеннаго ротнаго командира и поднесли ему статуетку пажа, теперь хранящуюся въ музеѣ корпуса. Такъ завершилъ свою плодотворную дѣятельность Жирардотъ. Къ его могилѣ не заросла пажеская тропа. По ней и теперь, какъ мы уже упоминали выше, задумчиво направляется заслуженный пажъ, благодарный своему ротному командиру за то, что въ былое время, когда на комитетѣ зашла рѣчь о томъ, что его нельзя производить въ камеръ-пажи, такъ какъ появленіе при дворѣ однофамильца, одного изъ декабристовъ, можетъ быть Государю непріятнымъ, энергично возсталъ противъ этого и настоялъ, чтобы достойный юноша получилъ принадлежащее ему по праву званіе.

Подарокъ пажей К. К. Жирардоту.

Помощниками Карла Карловича были дежурные офицеры. Мы уже знаемъ, что, по мнѣнію Д. Корсакова, они въ концѣ царствованія Императора Николая Павловича оставляли желать много лучшаго. Вотъ, что онъ еще говоритъ по этому поводу: „офицеровъ того времени нельзя ровнять съ теперешними (1892 г.).

„Въ настоящее время въ каждомъ полку командиръ не встрѣтитъ никакого затрудненія въ выборѣ соотвѣтственныхъ вполнѣ для этого офицеровъ. Судя же по личному составу, бывшему въ мое время въ корпусѣ, можно притти къ заключенію, что или уровень ихъ былъ гораздо ниже теперешняго или же, что къ выбору ихъ гг. директора относились не съ достаточнымъ вниманіемъ. Въ общемъ они мало касались пажей и ихъ близко занимали только жившіе у нихъ пажи-экстерны. Лучшими изъ нихъ были Брикнеръ, у котораго я мѣсяцъ былъ экстерномъ, и Критъ. Они и въ строевомъ

отношеніи были тверже другихъ. Были и такіе, которые не умѣли себя держать, и пажи не имѣли къ нимъ надлежащаго уваженія. Про нихъ ходили анекдоты, сочинялись пѣсни, въ которыхъ личность ихъ рисовалась въ невыгодномъ свѣтѣ".

Бывшій пажъ Семека, описывающій жизнь корпуса начала царствованія Императора Николая I (1827 — 1835) высказывается по интересующему насъ вопросу о составѣ офицеровъ-наставниковъ такъ: „Вообще весь начальническій персоналъ корпуса, исполняя свои служебныя обязанности болѣе или менѣе хорошо, на духовное развитіе пажей ни малѣйше не вліялъ. Отношенія между начальниками и пажами были чисто служебныя, основанныя на дисциплинѣ, весьма приличныя и обходительныя, но въ житейскомъ отношеніи наши начальники были намъ совершенно чужды".

В. Х. Брикнеръ.
Дежурный офицеръ.

Такими, вѣроятно, они остались и для князя Имеретинскаго, который о нихъ ничего не говоритъ. Н. А. Боровковъ отзывается о нихъ теплѣе: „Главными помощниками Жирардота и блюстителями за порядкомъ и поведеніемъ воспитанниковъ внѣ классовъ были дежурные офицеры. Они комплектовались въ послѣднее время преимущественно изъ гвардейскихъ полковъ, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ; пять изъ нихъ назывались отдѣленными, такъ какъ завѣдывали отдѣленіями, которыхъ было пять. Обязанности послѣднихъ, кромѣ дежурства по корпусу, состояли въ томъ, чтобы слѣдить за порядкомъ въ порученныхъ имъ отдѣленіяхъ, по субботамъ и наканунѣ праздниковъ смотрѣть за уходомъ воспитанниковъ въ отпускъ, осматривать: исправно ли платье уходящихъ, выдавать имъ отпускные билеты и наблюдать, присланы-ли за уходящими провожатые. Упомянутые выше офицеры замѣняли нынѣшнихъ воспитателей, которымъ они, конечно, уступали въ познаніяхъ и подготовкѣ къ дѣлу воспитанія, но надо отдать справедливость, что несмотря на то, что они сами можетъ быть прошли очень суровую школу, которою въ то время были ка-

детскіе корпуса, что они не принадлежали къ той средѣ, изъ которой вышли ихъ питомцы, все-таки они обращались съ нами въ высшей степени гуманно и внимательно. Отношенія эти создали имъ между пажей благодарныхъ и преданныхъ друзей. Дружба эта продолжалась и за стѣнами корпуса, несмотря на разницу лѣтъ".

Слѣдовательно, и только-что приведенное свидѣтельство подтверждаетъ предыдущія и послѣдующія, и общій выводъ относительно офицерскаго состава можетъ быть такой: то были фронтовые офицеры, призывавшіеся въ корпусъ почти-что исключительно для того, чтобы дежурить и слѣдить за внѣшнимъ порядкомъ, но вовсе не воспитывать и нравственно вліять. Дѣло ихъ была дисциплина, по ней они регулировали свои отношенія и, примѣняясь къ средѣ, въ которой имъ приходилось дѣйствовать, не давали очень сильно чувствовать всей ея тяжести, какую чувствовали они сами, будучи кадетами, и какую ихъ товарищи въ кадетскихъ корпусахъ продолжали давать чувствовать своимъ питомцамъ.

А. Л. Бароковъ.
Гувернеръ.

Когда въ 1827 году почтенный Оде-де-Сіонъ покинулъ корпусъ, на его мѣсто инспекторомъ классовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ помощникомъ директора былъ назначенъ нѣкій Владиміръ Богдановичъ Броневскій, воспитанникъ морского корпуса, бывшій морской офицеръ, болѣе 9 лѣтъ прослужившій инспекторомъ тульскаго Александровскаго дворянскаго училища, куда онъ поступилъ послѣ того, какъ раны принудили его искать сравнительно спокойнаго мѣста. Пробылъ онъ въ корпусѣ недолго до 24 Марта 1833 года, всего 5 лѣтъ. Про его дѣятельность трудно сказать что-нибудь опредѣленное. По дѣламъ видно, что онъ завелъ порядокъ, совершенно отсутствовавшій въ послѣдніе годы инспекторства Оде-де-Сіона, такъ и не научившагося говорить правильно по-русски. Что же касается русской грамматики, то она, видимо, представляла для него непреодолимыя затрудненія. „Онеи деньги три ста рублеи получилъ Пол-

ковникъ Оде-де-Сіонъ“ [48])—такъ удостовѣрялъ пріемъ той или другой суммы маститый блюститель просвѣщенія одного изъ лучшихъ русскихъ учебныхъ заведеній. А что правительство считало Пажескій корпусъ именно такимъ, видно изъ слѣдующей бумаги. „Вызванный по дѣламъ службы профессоръ Харьковскаго университета и инспекторъ студентовъ онаго Байковъ, писалъ попечитель Петербургскаго округа директору корпуса: имѣетъ между прочимъ порученіе видѣть лучшее изъ здѣшнихъ казенныхъ учебныхъ заведеній, дабы тѣмъ воспользоваться въ отношеніи къ таковымъ же заведеніямъ ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа.

Э. Г. Валедебаръ.
Дежурный офицеръ.

Почему честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Превосходительство не оставить Вашимъ распоряженіемъ: дабы упомянутому профессору Байкову дозволено было свободно видѣть состоящій подъ Вашимъ, Милостивый Государь, начальствомъ Пажескій корпусъ“ [49]).

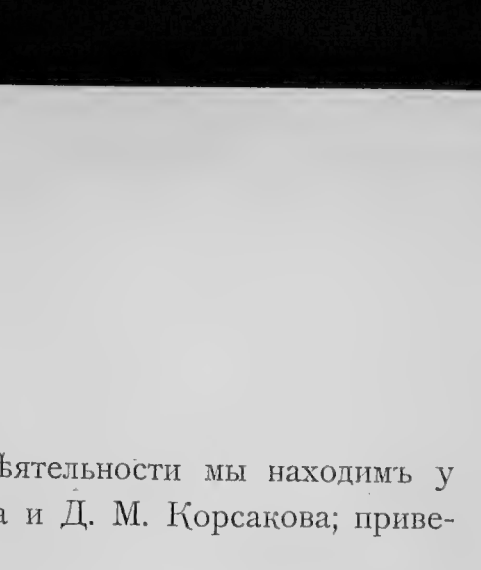
Въ 1833 году 24 Марта на мѣсто Броневскаго инспекторомъ классовъ былъ назначенъ подполковникъ Иванъ Ѳедоровичъ Ортенбергъ, начавшій свою службу въ корпусѣ въ 1823 году 15 Ноября, а до этого тоже прошедшій хорошую боевую школу. Онъ участвовалъ въ походахъ за границу, былъ подъ Дрезденомъ, дрался подъ Лейпцигомъ, когда разыгралась знаменитая битва народовъ и тріумфально въѣзжалъ въ Парижъ. Вышелъ онъ въ офицеры изъ дворянскаго полка въ 1812 году въ 3-ю запасную артиллерійскую бригаду, затѣмъ перешелъ въ конную роту той же резервной бригады и, наконецъ, въ 1817 году, т. е. по возвращеніи изъ походовъ, перевелся въ гусарскій принца Оранскаго полкъ, въ которомъ и служилъ до 20 года, до момента своей отставки. Въ Пажескій корпусъ онъ былъ принятъ изъ отставки на должность дежурнаго офицера [50]).

О первыхъ его шагахъ говоритъ бывшій пажъ Семека то же, что онъ говоритъ про Жирардота, т. е. что Ортенбергъ составлялъ исключеніе изъ тогдашняго состава офицеровъ и пытался въ неслужебное время сближаться съ пажами.

Характеристику дальнѣйшей его дѣятельности мы находимъ у князя Имеретинскаго, у Н. А. Боровкова и Д. М. Корсакова; приведемъ ихъ по порядку.

„Тактику во 2 классѣ, а стратегію и военную исторію въ первомъ, преподавалъ самъ инспекторъ классовъ Ортенбергъ. Въ тактикѣ мы придерживались извѣстнаго въ то время руководства генерала Медема, а въ военной исторіи Ортенбергъ самъ составлялъ записки, давно канувшія въ забвеніе, такъ какъ это были компиляціи изъ различныхъ устарѣлыхъ теперь сочиненій, особенно изъ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго, котораго уже въ то время называли „баснописцемъ“.

Въ 1840 годахъ курсы военной исторіи кончались польскою кампаніею 1831 года, но ея у насъ не преподавали, а ограничивались войнами Наполеона I отъ 1796 по 1815 г. Вообще этотъ 1815 годъ былъ „геркулесовыми столбами“ на нашемъ историческомъ пути! Лекціи Ортенберга мы, разумѣется, должны были слушать, отчаянно борясь съ одолѣвающею дремотою. Шумѣть и балаганить было тоже нельзя, хотя дисциплинарнаго террора въ старшихъ классахъ вовсе не было. Ортенбергъ являлся тутъ совершенно другимъ человѣкомъ. Онъ обращался съ нами какъ съ развитыми людьми, которыхъ можно и не водить на помочахъ. Онъ относился къ намъ съ добродушнымъ подшучиваніемъ и балагурствомъ, бывшимъ тогда въ модѣ у высшихъ начальниковъ, начиная съ Великаго Князя Михаила Павловича. Наказанія безъ отпуска и другія взысканія, заставлявшія трепетать пажей младшихъ классовъ, рѣдко примѣнялись Ортенбергомъ въ старшихъ. Здѣсь онъ поступалъ съ терпимостью и довѣрчивостью, даже смотрѣлъ сквозь пальцы на куреніе и давалъ почувствовать свою власть развѣ тогда, когда директоръ замѣчалъ запахъ папиросъ или такъ было накурено, какъ въ ресторанѣ. Преподаватель онъ былъ посредственный, но вовсе недюжинный инспекторъ классовъ. Въ дисциплинарномъ и воспитательномъ отношеніи ему слѣдуетъ отдать полную честь. Уже самое различіе въ обра-



П. И. Гречъ.
Гувернеръ.

щеніи со старшими и младшими пажами показываетъ, что, приноравливаясь къ тогдашнимъ требованіямъ, онъ все-таки угадалъ теперешній намъ современный взглядъ и новѣйшее преобразованіе военно-учебныхъ заведеній.

Иногда одна его прогулка по классамъ, постукиваніе ключемъ и своевременныя отправки въ темную какой-нибудь горячей головы предупреждали такой скандалъ, за который пришлось бы наказывать половину класса. Если же скандаловъ не было—и Ортенберга узнать нельзя было, онъ шутилъ и балагурилъ даже съ младшими. Помню, бывало, въ субботу почтенный Иванъ Ѳедоровичъ дразнилъ насъ тѣмъ, что приходилъ въ классъ, вставлялъ ключъ въ глазъ—въ видѣ лорнетки и дѣлалъ пальцемъ движеніе въ сторону того или другого пажа, какъ будто выискивая и замѣчая. Когда онъ возвращался въ свой кабинетъ, мы уже знали, что тамъ составляется списокъ „наказанныхъ", затѣмъ списокъ этотъ читался въ субботу же по окончаніи послѣдней лекціи въ 6 часовъ вечера, т. е. передъ самымъ отпускомъ. По классамъ поднимался плачъ и скрежетъ зубовъ и двери инспекторскаго кабинета осаждались отчаяными пажиками. Случалось, что когда Ортенбергъ былъ въ духѣ, онъ бралъ перо, обмакивалъ его въ чернила до половины шейки и съ размаху прыскалъ на списокъ,—на кого попадала счастливая струя, тотъ прощался.

Съ точки зрѣнія чисто учебной и ученой Ортенбергъ былъ слабѣе. Посредственный знатокъ въ политическихъ и естественныхъ наукахъ, онъ не силенъ былъ и въ словесныхъ. По-французски онъ говорилъ плохо, а по-нѣмецки вовсе не говорилъ, хотя и зналъ языкъ, насколько ему было нужно.

Наконецъ, русскій языкъ Ортенберъ зналъ настолько, насколько требовало сухое изложеніе его записокъ военной исторіи. Эти записки и вообще преподаваніе военныхъ наукъ въ старшихъ классахъ интересовало инспектора до того, что, кажется, отвлекало его отъ прямыхъ обязанностей, такъ что впослѣдствіи ему дали помощника, капитана Сухонина, въ качествѣ репетитора".

„Должность инспектора классовъ при мнѣ занимала въ высшей степени типичная личность, пишетъ про Ивана Ѳедоровича Н. А. Боровковъ: начать съ того, что наружность нашего инспектора была чрезвычайно комична. Представьте себѣ человѣка весьма маленькаго роста, на коротенькихъ колесообразныхъ ножкахъ, съ двумя запятыми вмѣсто усовъ, въ парикѣ, прескверно сдѣланномъ и еще хуже

пригнанномъ съ „кокомъ“ впереди. Обладатель сей побѣдоносной фигуры, несмотря на генеральскій чинъ, вѣчно балагурилъ. Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, оригиналъ и чудакъ. Несмотря на то, что онъ по чину принадлежалъ къ привеллигированному обществу, онъ отличался странными манерами. Такъ, онъ никогда не употреблялъ носового платка, который въ то время уже получилъ въ обществѣ право гражданства, и производилъ процессъ очищенія носа съ особеннымъ, свойственнымъ ему одному шикомъ. Онъ былъ большой добрякъ и весь корпусъ искренно любилъ его. Но онъ иногда любилъ напускать на себя неприступность и старался казаться строгимъ. Нельзя было безъ смѣха видѣть, какъ эта маленькая фигурка, напустивъ на себя строгость и неприступность, начнетъ бывало кричать и топать ногами. Но этотъ пріемъ никого не устрашалъ, такъ какъ всѣ знали его доброе сердце и слабость казаться строгимъ. Все это проходило для насъ нечувствительно, ибо серьезно онъ никогда не въ состояніи былъ сдѣлать кому-либо зло, тѣмъ болѣе испортить карьеру. Самымъ большимъ наказаніемъ въ его репертуарѣ былъ арестъ, который онъ примѣнялъ только къ большимъ, а маленькихъ сажалъ въ шкафъ, стоявшій въ его кабинетѣ. Въ этомъ шкафу для свободнаго притока воздуха были просверлены три отверстія, а потому онъ былъ прозванъ нами „трехдыркой“.

И. Ѳ. Ортенбергъ.
Въ началѣ своей дѣятельности гувернеромъ.
(Изъ альбома Мухина).

Никто изъ насъ не зналъ, гдѣ инспекторъ получилъ свое воспитаніе... Самъ онъ разсказывалъ, что онъ началъ службу въ какомъ-то (теперь не припомню) гусарскомъ полку, участвовалъ нѣсколько разъ въ бояхъ и имѣлъ саблю за храбрость. Любилъ онъ также разсказывать о своей храбрости, о томъ, что былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, что тѣло его во многихъ мѣстахъ татуировано, но такъ какъ обо всемъ этомъ онъ въ разное время разсказывалъ различно, то мы очень сомнѣвались въ его военныхъ подвигахъ, хотя тѣло его

было, дѣйствительно, испещрено какими-то странными фантастическими изображеніями, и онъ объяснялъ, что эту операцію произвели надъ нимъ въ плѣну. Онъ имѣлъ довольно большую семью, жилъ очень скромно и, прослуживъ государству около 40 лѣтъ, умеръ бѣднякомъ. Дѣти у него тоже не удались. Три сына, хотя и вышли офицерами въ гвардію, но далеко не могли служить утѣшеніемъ и опорою въ старости своему честному и доброму отцу. Зато всѣ его бывшіе воспитанники съ удовольствіемъ вспоминаютъ своего наставника. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ!“.

Не такъ сочувственно говоритъ объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Д. Корсаковъ: „Генералъ Ортенбергъ былъ по тогдашнему человѣкъ весьма образованный, спеціально зналъ военныя науки, преподавалъ въ корпусѣ военную исторію и тактику, зналъ хорошо иностранные языки и, по образованію, соотвѣтствовалъ занимаемой должности, зато въ прочихъ отношеніяхъ былъ ниже всякой критики. Будучи некрасивой и даже смѣшной наружности, онъ любилъ шутовать и держать себя такъ, что надо удивляться, какъ всего только сорокъ лѣтъ назадъ, могъ быть терпимъ такой начальникъ и, тѣмъ болѣе, въ Пажескомъ корпусѣ. Ортенбергъ былъ маленькаго роста, съ кривыми ногами, носилъ отчаянный парикъ, фабрилъ усы и былъ ужасно грязенъ. Носилъ онъ необыкновенно длинныя шпоры. Походка его была пресмѣшная, онъ какъ-то садился на колѣни. Ортенбергъ былъ человѣкъ пристрастный, покровительствовалъ открыто сыновьямъ директора и другихъ высокопоставленныхъ или начальствующихъ лицъ и, наоборотъ, придирался къ тѣмъ, родители которыхъ не были вліятельны. Такъ, напримѣръ, при переходѣ, кажется, изъ 4 класса въ третій Ортенбергу хотѣлось, чтобы сынъ директора Философовъ былъ на красной доскѣ. Оставался всего одинъ экзаменъ изъ нѣмецкаго языка. Пажъ Александръ Шарнгорстъ по балламъ былъ выше Философова. Казалось понизить его было уже невозможно, такъ какъ Шарнгорстъ было нѣмецъ и зналъ прекрасно нѣмецкій языкъ. Но Ортенбергъ не стѣснялся ничѣмъ. Едва Шарнгорстъ началъ отвѣчать, какъ Ортенбергъ его остановилъ, сталъ его распекать, сказавъ, что онъ совсѣмъ все забылъ, что зналъ, будучи дома, и поставилъ ему 5 балловъ. Цѣль была достигнута, сынъ Философова сталъ выше и попалъ на красную доску.

Трудно повѣрить, но вотъ, какъ Ортенбергъ прощалъ наказанныхъ безъ отпуска. Въ Субботу, во время послѣдней лекціи, ему

приносили списокъ и Иванъ Ѳедоровичъ начиналъ сморкаться, и тѣ пажи, фамиліи которыхъ онъ задѣвалъ, были прощаемы и могли ѣхать въ отпускъ на праздникъ. И такое безобразіе терпѣлось!

Затѣмъ Ортенбергъ ужасно любилъ шутовать или, какъ называли въ корпусѣ, балаганить. Онъ любилъ, чтобы его титуловали и повторяли его слова, напримѣръ: бывало, придешь его просить отпустить на полчаса ранѣе изъ классовъ (я ѣздилъ въ Петергофъ и надо было поспѣть на пароходъ).

„Ваше превосходительство! Позвольте мнѣ на полчаса ранѣе оставить классы. Я тороплюсь на поѣздъ".

— Въ Петергофъ?

„Въ Петергофъ, ваше превосходительство".—Отпустить-ли?

„Отпустить, ваше превосходительство".

— Такъ отпустить Васъ?

„Отпустить, ваше превосходительство".

Составленіе списковъ лишенныхъ увольненія изъ корпуса.
(Изъ альбома Н. А. Боровкова, хранящагося въ музеѣ корпуса).

— Мое-ли превосходительство?

„Ваше превосходительство".

— Ну, поѣзжайте.

И эти сказки о бѣломъ бычкѣ повторялись каждый разъ и занимали болѣе получаса времени.

Когда учитель почему-либо манкировалъ, то Ортенбергъ приходилъ въ классъ, садился на каѳедру и, умышленно коверкая французскій языкъ, говорилъ извѣстную рѣчь императора Наполеона, произнося ее такъ:

„Солда! валя ла баталь ке ву за ве тан дезире. Дезорме ла

виктуар депан де ву". Или разсказывалъ слѣдующій излюбленный анекдотъ:

„Въ одномъ небольшомъ городкѣ были два парикмахера, которые, соперничая между собой, старались привлечь къ себѣ публику. Для этого они прибѣгали къ слѣдующему. Желая заманить къ себѣ кліентовъ, одинъ изъ нихъ придумалъ сдѣлать такую вывѣску. Изобразилъ утопающаго человѣка, котораго, желая спасти, другой хватаетъ за волосы, но вытаскиваетъ одинъ парикъ, тонувшій же погибаетъ. Подъ этой картиной внизу вывѣски написано:

Не потонулъ-бы онъ въ рѣкѣ,
Еслибъ не былъ въ парикѣ.

Тогда другой изобразилъ на вывѣскѣ ѣдущаго въ сѣдлѣ верхомъ Авессаллома и благополучно пробравшагося въ дебряхъ потому только, что за сучья задѣлъ парикъ и на нихъ повисъ.

Подъ вывѣской стояло:

Повисъ бы на сукѣ,
Еслибъ не былъ въ парикѣ".

Помню еще, что генералъ Ортенбергъ иногда приглашался обѣдать къ бывшему тогда шефомъ жандармовъ генералъ-адъютанту графу Орлову и очень кичился этимъ приглашеніемъ.

Въ эти дни онъ на вечернія лекціи приходилъ въ мундирѣ. Пажи зная отлично, куда онъ собирался, подходили къ нему и спрашивали: „ваше превосходительство, позвольте спросить почему вы въ мундирѣ?"

— Сказать-ли вамъ?

„Сказать, ваше превосходительство".

— Знаете-ли къ кому я приглашенъ сегодня къ обѣду? Къ самому графу Орлову. Поняли-ли?

„Поняли, ваше превосходительство".

— Такъ поняли?

„Поняли, ваше превосходительство".

— Мое-ли превосходительство?

„Ваше превосходительство".

Генералъ Ортенбергъ любилъ пажамъ безъ всякой причины говорить: „Не доволенъ, не доволенъ, мало чит... мало чит... читаютъ мало" и т. д.

Иванъ Ѳедоровичъ оставался инспекторомъ до 1855 года. Его смѣнилъ полковникъ Павелъ Петровичъ Винклеръ. Послѣдній былъ при мнѣ всего полгода, а потому я его почти-что не знаю и о его дѣятельности ничего сказать не могу. Но Ортенбергъ былъ до того не подходящъ, что кто бы ни былъ назначенъ на его мѣсто, всякій былъ бы желателенъ. Просто непонятно, какъ могли терпѣть такого инспектора классовъ, а между тѣмъ Ортенбергъ занималъ эту должность съ незапамятныхъ временъ".

Неправда-ли, суровый приговоръ? и если сопоставить его съ ранѣе приведенными отзывами, невольно недоумѣваешь. Что же вѣрно? То-ли, что онъ былъ добрый человѣкъ, честный труженикъ, хорошій педагогъ или—никуда негодный балагуръ, шутъ въ военномъ мундирѣ? Конечно, какъ и всегда, истина въ золотой серединѣ. По тѣмъ временамъ, въ расцвѣтѣ своей дѣятельности, онъ былъ недурнымъ инспекторомъ, но, судя и по другимъ отзывамъ, которые мнѣ пришлось слышать, всегда питалъ маленькое пристрастіе къ лицамъ, стоящимъ высоко, и это свое пристрастіе къ нимъ переносилъ на ихъ дѣтей.

Любилъ онъ также и пустить красное словцо, что называется, прикрасить дѣйствительность. Эта слабость замѣчалась въ немъ съ самаго начала его дѣятельности. Такъ, недавно умершій бывшій пажъ Иванъ Петровичъ Корниловъ разсказывалъ мнѣ, а я за нимъ, тотчасъ же записалъ слѣдующее: Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ въ Пажескомъ корпусѣ преподавалъ французъ—нѣкій monsieur Динаръ. Онъ обыкновенно подсмѣивался надъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, тогда еще только начинавшемъ свою службу въ корпусѣ. „Хотите, сказалъ онъ однажды пажамъ: убѣдиться, насколько Ортенбергъ лжетъ". Въ сущности, вопросъ былъ напрасный, конечно, пажи, какъ и всегда, были не прочь посмѣяться надъ своими педагогами. M-r Динаръ, получивъ утвердительный отвѣтъ, пригласилъ Ортенберга въ классъ и завелъ со своими учениками разговоръ на тему о Наполеоновскихъ временахъ. Причемъ пустился въ личныя воспоминанія. Господа, говорилъ онъ, въ эти незабвенныя для меня времена со мною произошелъ слѣдующій случай. Служилъ я въ знаменитой grande armée. Я былъ прикомандированъ къ штабу и оказался въ свитѣ императора. Императоръ, а съ нимъ и мы, отправились на какую-то рекогносцировку и совершенно незамѣтно отъѣхали на большое разстояніе отъ нашихъ войскъ. Вдругъ видимъ—вдали столбъ пыли. Присматриваемся, но разобрать ничего не можемъ, одно было

ясно, что столбъ приближался и несся на насъ. Наконецъ, мы слышимъ крики и къ ужасу убѣждаемся, что это отрядъ русскихъ гусаръ. Одно мгновеніе, я строю своихъ молодцовъ — я командовалъ тогда небольшимъ прикрытіемъ, которое взялъ съ собою великій императоръ—и бросаюсь на гусаръ. Лихой ротмистръ, видя съ какою беззавѣтною храбростью я бросился спасать жизнь моего государя, кричалъ мнѣ: „стойте, молодой человѣкъ“! и самъ знакомъ сабли останавливаетъ свой эскадронъ. „Конечно, говоритъ онъ, я могъ бы уничтожить вашъ отрядъ, но я этого не хочу, пусть судьба рѣшитъ, кому изъ насъ жить. Своей цѣли я не достигъ: императоръ и свита, благодаря вамъ, ускакали, а потому я предлагаю сразиться одинъ на одинъ“. Понятно, я тотчасъ же согласился.

И. П. Корниловъ.
Вып. 1830 г.

Дуэль началась, гусаръ отлично владѣлъ своей саблей. Искуснымъ ударомъ онъ выбиваетъ мою изъ рукъ и тотчасъ-же прекращаетъ поединокъ, говоря: „довольно, я вамъ дарую жизнь и возвращаю оружіе. Прощайте“! и съ этими словами онъ поворачиваетъ своего коня, командуетъ что-то эскадрону и исчезаетъ въ облакѣ пыли. Я же очарованный долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, думая про себя: вотъ это настоящій гусаръ, un vrai gentilhomme. И вотъ уже сколько лѣтъ я стараюсь разыскать его, но тщетно. Вы поймете, друзья, если я вамъ скажу, что очень дорого бы далъ, чтобы еще разъ встрѣтиться съ этимъ лихимъ кавалеристомъ“. Не успѣлъ м-г Динаръ произнести эти послѣднія слова, какъ оказался въ объятіяхъ Ортенберга. „М-г Динаръ, кричалъ онъ, обнимая француза: гусаръ, котораго вы ищете, это я, какъ я радъ, что судьба столкнула насъ вновь“! и подъ руку съ торжествующимъ Динаромъ онъ вышелъ изъ класса, при дружномъ взрывѣ хохота помиравшихъ со смѣха пажей.

Повидимому, Иванъ Ѳедоровичъ опустился окончательно только къ концу своей долголѣтней службы и немудрено, прослуживъ болѣе сорока лѣтъ, можно устать и можно отличаться весьма и весьма многими странностями, въ особенности же, прослуживъ 32 съ чѣмъ-то года въ одномъ заведеніи и какъ никакъ, смотря на педагогію не какъ на искусство, въ которое можно и должно вложить всю свою душу, которое при всемъ своемъ видимомъ однообразіи отличается удивительнымъ разнообразіемъ, близко соприкасается съ жизнью, нуждается въ томъ, чтобы время отъ времени къ ней возвращались, а съ другой стороны, чтобы вы не забывали и области чистаго идеала, гдѣ обновляются силы, гдѣ дышется легко и куда необходимо заглянуть, чтобы сохранить свѣжесть и вѣру въ любимое дѣло!

Вотъ въ отсутствіи идеала и лежитъ глубокое различіе между Иванъ Ѳедоровичемъ Ортенбергомъ и Карломъ Карловичемъ Жирардотомъ. Можно, конечно, спорить и весьма вѣроятно, совершенно справедливо находить, что идеалъ Карла Карловича былъ узокъ, но зато онъ былъ опредѣленъ, а, главное, онъ всей дѣятельности Жирардота придавалъ цѣльность. Она безслѣдно не проходила. Дѣятельность же Иванъ Ѳедоровича, какъ можно судить по приведеннымъ отзывамъ, не оставила слѣдовъ, у него были педагогическія, выработанныя долгимъ опытомъ сноровки, но этимъ все и ограничивалось. Связи между отдѣльными сноровками не было. Сказать, чего онъ хотѣлъ достигнуть, такъ и нельзя.

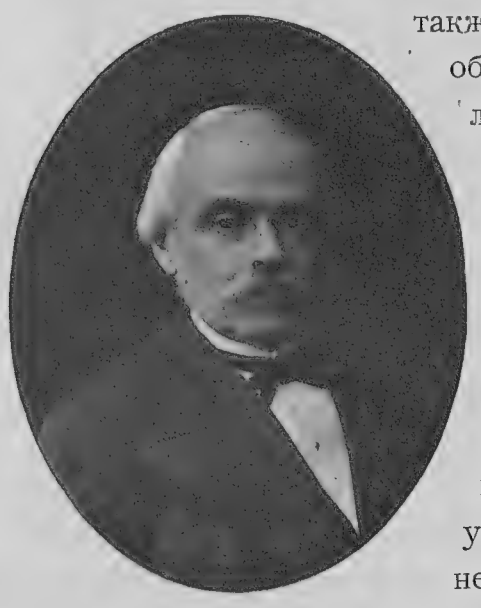
Подъ конецъ его службы ему назначили помощника молодого моряка, дѣльнаго, обстоятельнаго и хорошаго преподавателя, лейтенанта флота. „Несмотря на свою молодость, говоритъ про него Н. А. Боровковъ, этотъ человѣкъ былъ прекраснымъ математикомъ, умѣлъ толково и ясно излагать свой предметъ и, наконецъ, своимъ прекраснымъ характеромъ и внимательностью, заслужилъ общую любовь и признательность.

Приблизительно также отзывается о Сергѣѣ Петровичѣ Сухонинѣ и Д. Корсаковъ. „Я его близко зналъ, пишетъ Корсаковъ: такъ какъ состоялъ у него экстерномъ съ 1851 по 1855 г. Послѣдніе же два года я жилъ въ корпусѣ.

Сергѣй Петровичъ былъ человѣкъ очень умный, весьма образованный, трудолюбивый и твердаго характера. Получивъ образованіе въ морскомъ корпусѣ и окончивъ курсъ офицерскихъ въ немъ классовъ, Сухонинъ оказался замѣчательнымъ преподавателемъ математики. Онъ давалъ уроки сыновьямъ Цесаревича Александра Нико-

лаевича, покойному Цесаревичу Николаю Александровичу, Императору Александру III и Великому Князю Владиміру Александровичу. Сухонинъ былъ лучшимъ преподавателемъ математики того времени и замѣчательно понятно объяснялъ ее. Въ корпусѣ онъ былъ очень полезенъ". Съ Сергѣемъ Петровичемъ Сухонинымъ мы переходимъ въ преподавательскій міръ, для характеристики котораго обратимся къ уже послужившимъ намъ запискамъ.

Валеріанъ Александровичъ Бельгардъ говоритъ о своихъ бывшихъ учителяхъ вскользь. „Изъ преподавателей особенно хорошъ былъ учитель исторіи въ старшихъ классахъ Роговъ, пишетъ онъ: у него учились хорошо и охотно. Учитель исторіи въ младшемъ и среднемъ классахъ былъ тоже недуренъ. Звали его Андрей Петровичъ Петунинъ. Онъ былъ довольно трусливъ, и забавой пажей среднихъ классовъ было—разспрашивать его о событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II и Александра I. Петунинъ, отвѣчая на эти вопросы, видимо трусилъ, вертѣлся и все оглядывался на двери. Математику преподавалъ Ананскій, а физику Вольгемутъ. Въ старшихъ классахъ, кромѣ военныхъ наукъ, читали также дипломатію и политическую экономію, оба предмета на французскомъ языкѣ. Политическую экономію читалъ Динонкуръ болѣе забавно, чѣмъ дѣльно. Я до сихъ поръ помню наборъ фразъ, которыми начинался его курсъ".



С. П. Сухонинъ.

Не такъ снисходительно говоритъ Семека о дореформенныхъ преподавателяхъ, т. е. учившихъ въ корпусѣ до 1830 года. Первое главнѣйшее вниманіе генералъ-адъютантъ Кавелинъ обратилъ на учебную часть, которая находилась въ очень неудовлетворительномъ положеніи. Персоналъ учителей былъ почти весь перемѣненъ. Преподаватели, которыхъ я засталъ въ корпусѣ, были не выше слабой посредственности, каковы были: Перцовъ, Драницыхъ, Петунинъ, Ананскій и другіе. Придя въ классъ, учитель тотчасъ высказывалъ свою затверженную лекцію и поручалъ учащимся затверженную лекцію заучивать, не обращая вниманія на то, понимаютъ-ли ученики, что дано заучивать.

Для примѣра укажу на математику. До 1830 года она преподавалась, какъ простое счисленіе по даннымъ формуламъ и пріемамъ, а откуда взять эти формулы и пріемы, преподаватель совсѣмъ не разъяснялъ, и мы рѣшали задачи совершенно механически. И вотъ, въ 1830 г. мнѣ было 14 лѣтъ, является у насъ на каѳедрѣ инженеръ-капитанъ Докушевскій и начинаетъ свою лекцію объясненіемъ, что такое математика. Что это—наука, основанная на самыхъ точныхъ началахъ, что всякія данныя происходятъ отъ предшествовавшихъ и что всѣ данныя одно другое доказываютъ, и рѣчь преподавателя была такъ ясна, удобопонятна, такъ увлекательна, что положительно весь классъ въ безмолвномъ восторгѣ слушалъ, глотая каждое слово лекціи. Почти всѣ пажи 4 класса стали усердно заниматься математикой до того, что потомъ нѣкоторые увлеклись и стали дѣлать попытки разрѣшить вопросъ о квадратурѣ круга и дѣленія угла на три равныя части.

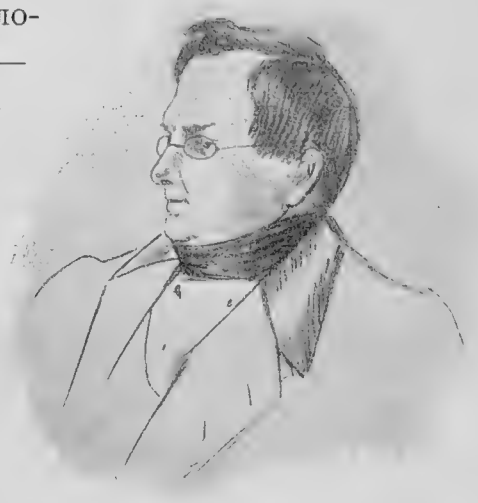
Пажи увлеклись французскимъ языкомъ, когда, какъ мы знаемъ, за его преподаваніе съ жаромъ принялся Карлъ Карловичъ Жирардотъ. Конечно, большая часть пажей въ дѣтскомъ возрастѣ научилась болтать по-французски и умѣла читать и писать на этомъ языкѣ. Но, поступивъ въ корпусъ, получая самую плохую поддержку въ классныхъ занятіяхъ, это большинство мало-по-малу начинало забывать то, что знало, а черезъ два-три года многіе и совсѣмъ отвыкали отъ языка. Начальство принимало нѣкоторыя мѣры, и даже прибѣгало къ наказаніямъ, стараясь хоть такимъ способомъ заставить ихъ говорить въ опредѣленное время. Но мѣры эти были мало дѣйствительны. Во время же классовъ придумывали разныя продѣлки, чтобъ обманывать учителей и экзаменаторовъ и получать достаточные баллы для перехода изъ класса въ классъ“.

„Въ младшемъ классѣ, — вспоминаетъ положеніе учебнаго дѣла въ корпусѣ въ сороковыхъ годахъ, слѣдовательно, черезъ 10 лѣтъ послѣ реформъ, кн. Имеретинскій:—училъ французъ Даніель. Этотъ добрый толстый французъ цѣлый годъ пробавлялся съ учениками самымъ патріархальнымъ образомъ. Въ корпусъ поступали почти всѣ съ предварительнымъ знаніемъ французскаго языка, достаточнымъ не только для шестого, но и для всѣхъ возможныхъ классовъ, такъ какъ французскій языкъ въ то время считался положительно необходимымъ для образованнаго русскаго человѣка. Такимъ образомъ, положеніе Даніеля было самое блаженное. Едва-ли онъ подвинулъ хотя-

бы на шагъ кого-нибудь изъ совершенно несвѣдущихъ, зато ко всѣмъ благовоспитаннымъ, то есть болтавшимъ и читавшимъ по-французски, онъ охотно подсаживался, заставлялъ переводить, писать подъ диктовку, одобрялъ и совершенствовалъ. Далѣе, въ шестомъ классѣ замѣчателенъ былъ учитель нѣмецкаго языка Нувель, его мы окрестили прозвищемъ Шперлингъ. Мнѣ рѣдко встрѣчалось видѣть болѣе типичное воплощеніе мелкаго педагога тогдашняго времени. Нувель былъ худой, поджарый человѣкъ съ оловянными глазами, съ неподвижнымъ лицомъ. Подавленное человѣческое лицо какъ будто оледенѣло и замерло въ мертвыхъ складкахъ педантическаго щепетильнаго положенія. Онъ никогда не улыбался, никогда не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, исключая сказаннаго въ лекціяхъ, и лекціи эти исключительно состояли въ томъ, что Нувель заставлялъ насъ переводить и читать по учебнику; онъ начиналъ словами: „Das ist eine Blume und das ist auch eine Blume, das sind zwei Blumen“. Былъ и еще одинъ преподаватель такого же склада—Шнейдеръ, учитель чистописанія, тоже нѣмецъ приглаженный, приличный, кроткій, безсловесный, но не педагогъ. Онъ былъ податливъ до смѣшнаго. Если кто изъ насъ желалъ пробавляться всю лекцію безъ дѣла, тому стоило только подойти къ преподавателю и сказать: „Herr Schneider, очините пожайлуста перо“. Эта заученная фраза сдѣлалась потребностью, потому что достигала цѣли. Учитель покорно бралъ перо и чинилъ его молча нѣсколько минутъ, а пока онъ успѣвалъ перечинить всѣ перья желающихъ, лекція проходила.

Такимъ образомъ, Шнейдеръ былъ скорѣе чинитель перьевъ, чѣмъ учитель чистописанія. У него не доставало характера сказать: „довольно я вамъ чинилъ, не угодно-ли вамъ самимъ очинить и писать“. Правда, въ концѣ лекціи Шнейдеръ машинально заглядывалъ въ тетради и если кто изъ насъ былъ столь добръ, чтобы написать нѣсколько словъ; то Шнейдеръ осматривалъ и говорилъ: „ja, es ist schon gut“ или-же „nein, das ist schlecht... Sie müssen so“ и потомъ поправлялъ или принимался самъ писать для образца. Вотъ единственныя слова, которыя намъ случалось слышать отъ учителя чистописанія. Преподавателемъ русскаго языка, важнѣйшаго предмета для русской молодежи, былъ Василій Степановичъ Троицкій какъ въ 6-мъ классѣ, такъ и въ 5, 4 и 3 классахъ. Онъ служилъ когда-то въ Польшѣ, любилъ разсказывать объ этомъ и часто щеголялъ польскими изреченіями. Всю свою лекцію Троицкій, по пажескому выраженію, бала-

ганилъ, то есть шутилъ и смѣшилъ, да и самое ученіе обращалъ въ шутку, чему много способствовала наружность почтеннаго Василія Степановича: толстый, красный съ большимъ утинымъ носомъ, осѣдланнымъ очками. Троицкій любилъ выпить и, будучи часто на-веселѣ, дѣлался посмѣшищемъ всего класса. Поэтому шумъ, гамъ, хохотъ и возня на лекціяхъ отечественнаго языка, особенно на послѣобѣденныхъ, были невообразимые. Напрасно Троицкій то и дѣло кричалъ зычнымъ голосомъ и по-польски „Молодзежъ, цихо!“— то есть тихо, молодежь. Весь классъ отвѣчалъ ему цѣлымъ залпомъ хохота и криковъ. Когда Троицкій приходилъ утромъ, онъ былъ трезвѣе и принимался иногда за дѣло, а дѣло онъ зналъ хорошо, это надобно сказать по справедливости. Въ журналѣ военно-учебныхъ заведеній была напечатана статья Троицкаго „Давидъ Якуновичъ Крушина“. (Эпизодъ изъ войны русскихъ съ ливонцами). Статья эта была интересна и написана хорошимъ слогомъ.



В. С. Троицкій.
Учитель русскаго языка.

На трезвыхъ лекціяхъ Василій Степановичъ, бывало, вдругъ примется диктовать, выбирая слова, гдѣ приходилась буква *ѣ* или требовалась правильная постановка согласныхъ буквъ твердаго и мягкаго знаковъ (*ъ* и *ь*) и проч. Но и тутъ Троицкій никогда не обходился безъ скоморошества. Громовымъ басомъ диктовалъ онъ, напримѣръ: „Разъяренный подъячій, разъѣзжая въ дождливое время, считая звѣзды, раззорялъ гнѣзда“ и т. п.,

Кончимъ характеристику учителей шестого класса, кроткою разумною личностью духовника и законоучителя нашего Ксенофонта Яковлевича Никольскаго, преподававшаго Законъ Божій.

Его высокая благообразная фигура, привѣтливое лицо и серьезное толковое выраженіе, непрерывное въ теченіе всей лекціи преподаванія, не только не давали повода къ шалостямъ и школьнымъ выходкамъ, а, напротивъ того, лекція Закона Божьяго рѣзко отличалась отъ всѣхъ другихъ, ученики держали себя чинно, хотя батюшка никому не грозилъ, никому не ставилъ дурныхъ балловъ, въ немъ не было ни строгости, ни педантства и онъ самъ часто шутилъ и

смѣялся съ нами. Помню, какъ одинъ разъ шуткою онъ остановилъ пытливость одного пажа. Тотъ гдѣ-то начитался про святого Антонія Римскаго и насмѣшливо спросилъ: „Батюшка, какъ могъ святой Антоній приплыть къ намъ изъ Рима въ Новгородъ? Вѣдь это басня. Можетъ ли камень держаться на водѣ“? Отецъ Ксенофонтъ засмѣялся и на вопросъ отвѣтилъ тоже вопросомъ. „А желѣзо можетъ на водѣ держаться“? — „Нѣтъ, желѣзо тоже не можетъ“. — „А какъ-же большіе лодки, цѣлые пароходы, съ желѣзомъ, съ тяжелыми пушками на водѣ держатся“? Пажъ смѣшался и не зналъ, что отвѣчать, а батюшка еще болѣе засмѣялся и сказалъ:

„Ну, вотъ видите! Люди умудряются и заставляютъ плавать желѣзо, а вы Богу самому не хотите предоставить на столько силы, чтобъ камень держался на водѣ“.

Священникъ
Ксенофонтъ Яковлевичъ Никольскій.

Вообще, не говоря уже о преподаваніи, самая личность законоучителя, какъ олицетвореніе доброты и кротости истиннаго пастыря, была поучительнымъ примѣромъ для молодежи.

„Изъ всѣхъ учителей бо́льшимъ уваженіемъ пользовался по праву нашъ незабвенный законоучитель — пишетъ Н. А. Боровковъ—который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и настоятелемъ корпусной церкви. Нашъ батюшка былъ хорошо извѣстенъ тогдашнему высшему обществу Петербурга. Его привлекательная и располагающая къ себѣ наружность, привѣтливость въ обращеніи, ровность характера, благолѣпіе въ служеніи и удивительная выразительность чтенія собирали въ церкви цѣлую толпу богомольцевъ. Особенно посѣщали нашу церковь въ то время, когда у насъ былъ прекрасный хоръ пѣвчихъ, составленный изъ воспитанниковъ, хоръ

нашъ былъ тогда въ большой славѣ, благодаря прекраснымъ голосамъ и стройному пѣнію".

„Ксенофонтъ Яковлевичъ Никольскій былъ человѣкъ идеальной доброты и смиренія замѣчательнаго, его всѣ пажи уважали, чрезвычайно любили,—отзывается объ отцѣ Никольскомъ Д. Корсаковъ: Онъ никогда не ставилъ дурного балла. При очень красивой наружности онъ совершалъ богослуженіе увлекательно, произносилъ каждое слово громко, явственно.

Онъ былъ всегда покоенъ, не возмущался ничѣмъ и чрезвычайно хорошо обращался съ пажами, которые имѣли къ нему полное довѣріе и чувствовали его нравственное превосходство надъ ними. Жизнью онъ былъ безупречный, но, какъ преподаватель, если судить по результатамъ, то онъ былъ слишкомъ добръ и по Закону Божьему большинство пажей не были свѣдущи".

Очень можетъ быть, Д. Корсакову лучше знать, были ли пажи свѣдущи въ официальномъ знаніи Закона Божьяго, но что они, входя въ соприкосновеніе и выучиваясь цѣнить такую высоконравственную личность, какъ отецъ Ксенофонтъ, дѣлались несомнѣнно лучше, уносили съ собой воспоминаніе о томъ, что и на землѣ бываютъ идеальныя люди, другими словами, выносили вообще вѣру въ нравственное значеніе личности, намъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, а это чего-нибудь да стоитъ. Что предпочтительнѣе—встрѣтиться съ бывшимъ пажемъ, знающимъ катехизисъ Филарета наизусть, но утратившимъ вѣру въ людей и во все хорошее, или съ такимъ, который его не знаетъ, но, благодаря отцу Ксенофонту, доживъ до сѣдыхъ волосъ, смотритъ бодро на жизнь, вѣритъ въ хорошія стороны человѣческой природы и дѣйствуетъ, и притомъ тепло дѣйствуетъ на пользу не абстрактно-неуловимаго человѣчества, а конкретнаго страдающаго человѣка? Отвѣтъ, думается самъ собою напрашивается. Лучше всего свидѣтельствуетъ о плодотворной дѣятельности корпуснаго пастыря и краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказываетъ какое великое счастіе для учебнаго заведенія, считать въ числѣ своихъ преподавателей Закона Божьяго такого священника, какимъ былъ батюшка Ксенофонтъ Яковлевичъ Никольскій, слѣдующій фактъ. Намъ пришлось увидѣть у одного почтеннаго пажа на письменномъ столѣ портретъ его законоучителя, а затѣмъ и узнать, что за его плечами не мало добрыхъ дѣлъ о которыхъ онъ изъ скромности не говоритъ.

Въ 4-мъ классѣ у князя Имеретинскаго произошелъ такой казусъ съ Троицкимъ, прозваннымъ пажами Василіемъ Стакановичемъ.

Это столкновеніе характеризуетъ любителя наполненныхъ божественною влагою стакановъ, а потому мы его и приводимъ. „Троицкій пришелъ разъ на лекцію трезвый, торжественно сѣлъ на каѳедру и вдругъ неожиданно заголосилъ:

„Господа, къ слѣдующему разу извольте писать сочиненіе".

Тутъ произошелъ неимовѣрный скандалъ, положительно возмущеніе.

Задняя скамейка отвѣчала неистовымъ крикомъ и возраженіями, а передніе подхватывали и голосили на всѣ тоны отъ баса до дисканта; къ этому прибавьте прыганіе со скамеекъ на полъ и обратно на каѳедру, словомъ, на все, исключая (Слава Богу!) самого учителя!

„Смирно...о...о.... молчать!... не смѣть... сѣсть на мѣсто... отчаянно кричалъ Троицкій.—Крацъ! Маковъ! Ишь ты, гарнизонныя пуговицы!... Сейчасъ всѣхъ запишу, ей, бобы!" (Троицкій училъ насъ не божиться и увѣрялъ, что отучиться отъ этой дурной привычки можно только тѣмъ что, вмѣсто „ей Богу", говорить: „ей, бобы!").

Такая энергія и настойчивость со стороны преподавателя привели всѣхъ въ недоумѣніе. Наступила тишина, съ разныхъ сторонъ послышались нерѣшительные голоса:

— Пишите на доскѣ темы да полегче!

Но такой благонравный исходъ вовсе не понравился президентамъ „горы", особенно, Крацу, пришедшему было въ восхищеніе при видѣ необычайнаго „балагана".

„Какія тамъ сочиненія; закричалъ онъ: вздоръ, чепуха, сочинять по нашему, значитъ, врать!..."

— Молодзежъ, цихо! загремѣлъ Василій Стакановичъ: — гарниза, не шумѣть, Крацъ сію минуту пойдетъ въ темную... Я говорю къ слѣдующему разу извольте писать сочиненіе на любую тему въ формѣ письма или разсказа.

Тѣмъ дѣло пока и кончилось. Нельзя было не убѣдиться, что Троицкій рѣшился поставить на своемъ! Я думалъ, думалъ и сочинилъ: „Походъ запасныхъ пажей въ Петергофскій лагерь". Тамъ особенно краснорѣчиво описалъ ночлегъ въ деревнѣ Кикиники въ подражаніе слога и манерѣ Гоголя, котораго въ то время всѣ съ восторгомъ читали и перечитывали. На слѣдующую лекцію Василій Стаканычъ

явился опять трезвый и очень серьезный; сталъ сейчасъ же настойчиво требовать сочиненія.

Онъ даже прямо обратился къ задней скамейкѣ, но они были наготовѣ и оттуда не менѣе настойчиво отвѣчали балаганомъ. Бумажные стрѣлы и пѣтушки замелькали въ воздухѣ по направленію къ каѳедрѣ и грозные взгляды учителя могли встрѣтить только высунутые языки, носы длиной во всѣ десять пальцевъ, фиги и т. п. Но тутъ мѣры долготерпѣнія переполнились; Василій Стаканычъ разсердился не на шутку, наставилъ множество нулей, записалъ въ кондуитной графѣ весь президіумъ горы, и, что было опаснѣе всего, рѣшительно собрался уйти изъ класса и жаловаться Ортенбергу. Въ такомъ критическомъ положеніи самъ Крацъ пошелъ на уступки. Онъ сейчасъ-же нашелся и забасилъ изъ своего угла.

„Господи, да нѣтъ-ли тамъ у кого писаннаго вранья! дайте ему, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, раскипятился!“

Послушный гласу пастыря я подалъ Троицкому свое описаніе похода въ лагерь. Василій Стаканычъ прочелъ и умилился. Сталъ меня гладить по головѣ, расхвалилъ и поставилъ 12 бал. съ патетическимъ возгласомъ: „вотъ тебѣ двѣнадцать серебряныхъ ложекъ“! не успѣлъ я сѣсть на мѣсто, слышу кто-то потянулъ меня сзади за воротникъ и я стукнулся затылкомъ о чьи-то пуговицы. Смотрю, сзади стоитъ Крацъ, покровительственно улыбается и говоритъ:—„И я готовъ вознаградить тебя, дитя мое“! Съ этими словами онъ обнялъ меня и далъ легонькаго милостиваго пенька, отъ котораго у меня, однако, зазвенѣло въ ушахъ. Это было лестное отличіе, потому что великій агитаторъ не любилъ двигаться съ мѣста безъ особо важныхъ причинъ, а тутъ онъ благоволилъ перелѣзть черезъ три скамейки на переднюю, вещь рѣшительно не бывалая. Къ сожалѣнію, оказалось, что президентъ вовсе не ради меня нарушилъ свой величественный кейфъ.

Онъ поблагодарилъ только по дорогѣ, отправляясь на каѳедру, къ Троицкому, куда въ то же время прибылъ и Денпферъ и Маковъ. Василій Стакановичъ опять пришелъ въ отличное состояніе духа, и этимъ надобно было воспользоваться. Президентъ сказалъ ему:

„Переправьте-ка всѣ нули на шесть, а то что-же это за гадость такая?

При такой дерзости Троицкій, казалось, не вѣря своимъ ушамъ поднялъ очки, посмотрѣлъ на тріумвиратъ и гаркнулъ:

„Что-о-о! Сейчасъ всѣ маршъ на мѣсто! Ей бобы, къ Иванъ Ѳедоровичу сведу“!

Но президенты опять сдѣлали представленіе, дѣйствительно, геніальное, по своей неотразимой логикѣ и силѣ убѣжденій.

„Да вѣдь, если вы не поправите, мы сами къ нулямъ хвосты подмахнемъ! Какая охота вамъ собачиться. Вѣдь дали вамъ тарабарщину въ цѣлыхъ пять листовъ, чего же еще? Развѣ вы не увѣрены, что всякому изъ насъ стоитъ только присѣсть, и мы вамъ полпуда такихъ блиновъ напечемъ“!

Троицкій не выдержалъ, расхохотался и потомъ торжественно проговорилъ, обращаясь ко всему классу:

„Въ городахъ Содомѣ и Гоморрѣ Богъ готовъ былъ простить сорокъ грѣшниковъ, ради одного праведнаго, ну, и я слѣдую по Божьей заповѣди и прощаю“! Однако, на эти слова отвѣтнаго балагана не послѣдовало, потому что президенты были очень заняты. Пока Троицкій произносилъ свою витіеватую рѣчь, они успѣли подмахнуть ко всѣмъ нулямъ хвосты, выскоблить изъ кондуитной графы всѣхъ записанныхъ, да еще заставили Василія Стакановича засвидѣтельствовать, что все это онъ сдѣлалъ собственноручно! Эпизодъ съ сочиненіями я разсказалъ въ доказательство того, что въ Троицкомъ, несмотря на оригинальность его характера, все-таки проявлялось желаніе расшевелить нашу дѣятельность и дать ей практическое направленіе“.

Н. А. Боровковъ, подтверждая любовь Василія Степановича къ тому блаженному состоянію, которое извѣстно подъ техническимъ терминомъ „быть подъ хмѣлькомъ“, говоритъ, однако: „дѣло свое онъ зналъ хорошо и пажи обязаны ему знаніемъ русскаго правописанія“. Корсаковъ же прямо называетъ его несоотвѣтственнымъ и полагаетъ, что своимъ шутовскимъ поведеніемъ онъ иногда заставлялъ сомнѣваться въ нормальности своего состоянія. Продолжая свою характеристику преподавательскаго состава или то, что онъ называетъ, писать картинки, князь Имеретинскій говоритъ: „Какъ этихъ двухъ (Нувеля и Троицкаго), такъ и всѣхъ прочихъ, за исключеніемъ только одного учителя ариѳметики, мы не боялись и шли на лекціи равнодушно съ единственнымъ желаніемъ, чтобы скорѣе кончились учебные часы. Безсознательно и механически читалъ одинъ изъ насъ молитву передъ ученіемъ. Также безсознательно и разсѣянно слушали мы эту молитву, безпечно садились по мѣстамъ, и, конечно, изъ всего, что занимало наши молодыя головы, можно было совершенно исключить

и лекторовъ и лекціи. Правда, на каѳедрѣ лежалъ тотъ же журналъ или списокъ съ клѣтками для балловъ и съ кондуитною графою, какъ и въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. И здѣсь учителя ставили баллы по достоинству, отъ 12 до 0. Всѣ отмѣтки ниже 6 считались плохими и отнимали у неуспѣшнаго часть отпускного дня, напримѣръ, вмѣсто Субботы, ихъ увольняли въ Воскресенье утромъ или даже послѣ обѣда. Двойки же, единицы и нули вовсе лишали права на отпускъ. Но отмѣтокъ Троицкаго, Нувеля, Шнейдера и Рыбина мы вовсе не боялись, такъ же, какъ и Кенеля, продолжавшаго въ пятомъ классѣ курсъ французскихъ діалоговъ и патріархальныхъ бесѣдъ, начатыхъ Даніелемъ въ пятомъ классѣ. Законоучитель, отецъ Ксенофонтъ никогда не ставилъ дурныхъ отмѣтокъ, а если кому изъ всѣхъ изчисленныхъ преподавателей и вздумалось бы ставить непріятныя цифры, то вѣдь листы нашихъ лекцій оставались на рукахъ у дежурнаго по классу пажа, то-есть у одного изъ нашей братіи, обязаннаго хранить ихъ и по окончаніи учебнаго дня относить ихъ къ инспектору. Пользуясь этимъ, мы ловко подскабливали баллы въ листахъ, а если учитель ставилъ цифры мелко и неотчетливо, то мы отлично выдѣлывали изъ нуля шесть, примазывая хвостикъ, а сдѣлать четыре изъ единицы считалось, конечно, нипочемъ. Ухитрялись даже переправлять шесть изъ единицы и шесть изъ пяти, если эта цифра написана была по-крупнѣе.

В. А. Рыбинъ.
Учитель рисованія.
Рис. пажа Ланского.
(Рис. хранится въ музеѣ корпуса).

Страшнѣе и опаснѣе всѣхъ былъ нашъ учитель ариѳметики Карлъ Львовичъ Кахановскій. Старый подагрикъ, но чрезвычайно живой и раздражительный, особенно въ тѣ дни, когда ревматизмы и прочія немощи тревожили его, онъ былъ просто бичемъ нашимъ. Кахановскій ставилъ нули во всю клѣтку, преогромные, пречернѣйшіе, да и вообще отпечатывалъ всѣ баллы такъ рельефно, что не было никакой возможности ни подскоблить, ни подправить. Спрашивалъ онъ часто и въ минуту его появленія водворялась въ классѣ мертвая тишина. Кахановскій тащился къ каѳедрѣ, волоча больную ногу и не смотря вовсе въ журналъ, принимался выкрикивать фа-

милію, перебиралъ весь классъ, особенно налегая на тѣхъ, кто насмѣшничалъ.

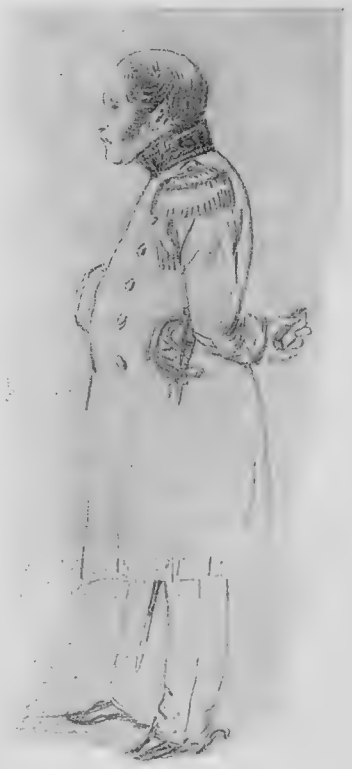
Послѣднихъ онъ выспрашивалъ строго и раздражительно, пристально смотря въ глаза растерявшемуся ученику и, наконецъ, хладнокровно говорилъ: „Садитесь, ничего не знаете!“ Потомъ онъ опять волочился къ каѳедрѣ и, среди мертваго молчанія, мы слушали, притаивъ дыханіе, какъ подъ рукою страшнаго Карла Львовича выскрипывали и закруглялись полновѣсные нули, эти роковые круги запиравшіе воспитанниковъ на время дорогого воскреснаго отпуска. Зато и подготовительныя къ лекціямъ Кахановскаго отличались тишиной и заботливымъ зубреніемъ или „доблестнымъ“, какъ у насъ называлось, заучиваніемъ на память изъ учебника, которое именно въ математикѣ безполезнѣе всего. Несмотря на такія строгости, Кахановскій врѣзывалъ въ нашу память пугало дисциплинарной власти, но ничего изъ преподаванія науки, долженствующей развивать, а не угнетать разумъ ребенка. Изъ остальныхъ учителей пятаго класса помню еще преподавателя географіи Шаумбурга, его нельзя было не слушать, потому что онъ голосилъ пронзительнымъ теноромъ: „Ве-ве-е-съ-! городъ на берегу Женевскаго озера... замѣчательный прекраснымъ мѣстоположеніемъ“ и проч. Мы очень досадовали, если лекціи Шаумбурга приходились на послѣ-обѣденные часы, потому что онъ мѣшалъ намъ спать послѣ трапезы и прогулки, тогда какъ на лекціяхъ Нувеля, Кенеля, Шнейдера и тому подобныхъ классы положительно обращались въ дортуары.

К. Л. Кахановскій.
Учитель ариѳметики.
(Рис. пажа Ланского).

Въ 1845 году я перешелъ въ IV классъ, тутъ уже преподавалась алгебра и геометрія, причемъ, конечно, предполагалось, что мы уже ариѳметику знаемъ твердо, тогда какъ въ дѣйствительности твердыми были самые немногіе, да и то вслѣдствіе домашняго воспитанія. Большинство же выносило изъ предыдущаго пятаго класса развѣ одинъ счетъ огромнаго количества нулей, поставленныхъ окаяннымъ Кахановскимъ. Алгебру читалъ корпусной офицеръ, капитанъ Македонскій. Онъ преподавалъ весьма послѣдовательно и добросовѣстно; любилъ, чтобы у него переспрашивали непонятное и желающимъ

учиться готовъ былъ повторять сколько угодно, зато объ остальныхъ и не заботился, слушаютъ его или нѣтъ. Македонскій былъ человѣкъ добрый, крѣпкій и свѣдущій, но шумѣть на его лекціяхъ было опасно. Онъ былъ вспыльчивъ и, если рѣшался поднять исторію, то плохо приходилось виноватымъ. Впрочемъ, его серіозное лицо, громкій голосъ и строго научное отношеніе къ дѣлу удерживали нескромные порывы. Словомъ, на лекціи Македонскаго дремать было можно сколько угодно, но шалить нельзя.

Гораздо оригинальнѣе былъ учитель геометріи Александръ Михайловичъ Докушевскій, подполковникъ инженеровъ путей сообщенія. Не было у насъ преподавателя серіознѣе по виду и манерамъ и болѣе преданнаго своему дѣлу. Между тѣмъ, ни одного мы такъ не обходили и не морочили, какъ того же Докушевскаго, но онъ самъ позволялъ себя дурачить, хотя репетировалъ строго и безпощадно ставилъ дурные баллы.



А. М. Докушевскій.
Учитель математики.
(Рис. пажа Ланского).

Напримѣръ, мы, боясь репетиціи, отдѣлывались отъ этой грозы очень просто. Докушевскій, какъ инженеръ, отлично зналъ систему водяныхъ сообщеній въ Россіи, между тѣмъ преподавалъ географію не онъ, а Шаумбургъ. Зная, что водяныя системы конекъ Докушевскаго, мы пользовались этимъ и какъ только онъ начиналъ вызывать къ доскѣ къ нему вдругъ подходилъ кто-нибудь изъ насъ съ лицемѣрною просьбою объяснить Маріинскую систему, которую Шаумбургъ будто не умѣетъ хорошенько растолковать. Докушевскій, человѣкъ и добрый и свѣдущій, начиналъ подробно разсказывать, его нарочно задерживали вопросами, а лекція проходила и многіе избавлялись отъ нулей и единицъ. Наконецъ, почтенный Александръ Михайловичъ понялъ таки, что его морочатъ и сталъ отказываться отъ объясненія водяныхъ системъ. Тогда мы придумали другой изворотъ. Докушевскій отлично чертилъ геометрическія фигуры и хотя не требовалъ, но очень любилъ, чтобы ученики такъ же красиво и рельефно копировали въ своихъ тетрадяхъ параллелопипеды и додекаедры. Мы

и давай чертить, что было силъ и хвастаться чертежами. Докушевскій любовался и поправлялъ, но такъ какъ ему подсовывали одну тетрадь за другою, то лекція проходила благополучно. Вотъ, какъ слушались точныя науки, которыя справедливо называютъ гимнастикой ума. Но отчего же это? Послѣдніе два учителя, сейчасъ названные, были вѣдь люди знающіе, способные и готовые передать свои знанія. Безумiемъ было признать и весь классъ неспособнымъ. Напротивъ, очень многіе между нами были даровиты, что они впослѣдствіи и доказали. Но лучшій учитель это нужда, а тамъ нужды было мало! Только бы проволочить время до 2 класса, а тамъ уже присѣсть работать серьезно".

„Въ числѣ добрыхъ и любимыхъ преподавателей слѣдуетъ отмѣтить, вспоминаетъ Н. Боровковъ о Македонскомъ и Докушевскомъ:

Экзаменъ алгебры.

А. М. Македонскій.

двухъ Александровъ Михайловичей—золотого и серебрянаго, одинъ изъ нихъ носилъ желтыя эполеты, другой серебряныя (такъ какъ онъ былъ офицеромъ путей сообщенія). Оба по своей добротѣ походили другъ на друга. Съ обоими воспитанники черезчуръ много позволяли себѣ. Такъ, при входѣ ихъ въ классъ, всѣ воспитанники вставали со своихъ мѣстъ и хоромъ затягивали: „Александръ Михайловичъ, здравствуйте, здравствуйте!.." При прощаніи хоръ еще разъ затягивалъ „Александръ Михайловичъ, прощайте, прощайте"! Учитель грозился

жаловаться и упечь насъ подъ арестъ, тогда пѣли: „Александръ Михайловичъ сердится, сердится!“ или „Александръ Михайловичъ простите, простите“. Мы отлично знали, что ихъ угрозы никогда не приведутся въ исполненіе. Кромѣ того, одинъ изъ Александръ Михайловичей имѣлъ комическую фигуру и несчастную привычку вздергивать непрерывно плечомъ къ немалой потѣхѣ воспитанниковъ. Обоихъ, ихъ, конечно, любили за ихъ изумительную незлобивость“.

„Учитель географіи Шаумбургъ послѣдовалъ за нами, продолжаетъ свой разсказъ кн. Имеретинскій: изъ курса 5 класса я запомнилъ швейцарскій городъ Веве. Въ 4 классѣ у меня остались въ памяти германскія княжества Липпе-Детмольдъ и Шаумбургъ-Липпе, опять-таки не по научному ихъ значенію, а потому, что послѣднее включало въ себѣ фамилію самаго учителя Шаумбурга. Пажи, мастера подхватывать такія случайности, не стѣсняясь присутствіемъ преподавателя, пронзительно голосили, передразнивая его голосъ: „Шаумбургъ-Липпе, Шаумбургъ-Губа!“ Учитель краснѣлъ, зажималъ уши, кричалъ, упрашивалъ, но страшную сумятицу могли унять только бряцаніе шпоръ Ортенберга и его грозный взглядъ „господа — господинъ!“, сопровождаемый выразительнымъ постукиваніемъ ключемъ по каѳедрѣ. Этотъ ключъ отъ инспекторскаго кабинета былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ключемъ вязанія и рѣшенія въ дни отпуска, да и во всякія дни—поэтому передъ нимъ все умолкало.

И. Х. Шаумбургъ.
Учитель географіи.
(Рис. пажа Ланского).

Нѣмецкій языкъ преподавалъ нѣкто Іогансонъ, кажется, изъ евреевъ, по наружности неряшливый, а по характеру злой. Онъ ничего не сумѣлъ передать намъ порядочнаго, даже и неправильныхъ нѣмецкихъ глаголовъ, а о нихъ онъ написалъ чуть-ли не цѣлый трактатъ. Человѣкъ желчный и мстительный, Іогансонъ напустилъ на насъ страху нулями и единицами и тѣмъ самымъ заставлялъ долбить. Вотъ уже сорокъ лѣтъ лежитъ въ моей памяти этотъ балластъ совершенно безполезный. Пишу безъ замѣтокъ и чисто на память, что тогда (1845 г.) зазубрилъ во избѣжаніе нулей. Не угодно ли просмотрѣть:

Unweit, mittelst, kraft und während,
Laut, vermöge, ungeachtet;
Oberhalb und unterhalb,
Ausserhalb und innerhalb,
Diesseits, jenseit, halber, wegen,
Statt und längs zufolge, trotz!

Впослѣдствіи я научился нѣмецкому языку и даже очень хорошо его зналъ, но никогда и нигдѣ не могъ примѣнить педагогическихъ рецептовъ Іогансона.

Французскому языку въ 4 классѣ у насъ училъ Monsieur le baron de Baccarat. Совершенно незнакомый съ русскимъ языкомъ, онъ рѣшительно и беззастѣнчиво отказался просвѣщать насъ и приходилъ только посидѣть да поболтать. Его лекціи представляли верхъ безобразія. Даже спать нельзя было спокойно отъ шума и крика. Къ преподавателю подходилъ, напримѣръ, кто-нибудь изъ нашихъ юмористовъ и говорилъ ему:

Баронъ Баккара.
Учитель французскаго языка.
(Рис. пажа Ланского).

„Mr. Baccarat, vous nous faites faire des traductions et vous même vous n'entendez pas du tout le russe?“

— Comment cela, moi je n'entends pas le russe?

„Mais, certainement, tenez, je vais vous parler russe et vous ne comprendrez pas un mot!“

— Voyons, voyons, parlez moi de ça!

Тогда пажъ начиналъ быстро, но смѣло и громко выговаривать:

„Ты шалопай, прощалыжникъ, обезьяна, заморская кикимора, змѣй Горынычъ“. Баккара напряженно слушалъ, стараясь угадать смыслъ этихъ словъ, но, разумѣется, ничего не понималъ, а весь классъ грохоталъ и хохоталъ до тѣхъ поръ, пока дверь изъ сосѣдняго класса не отворялась и на порогѣ не появлялся Ортенбергъ, привычный къ такимъ пароксизмамъ и смотрѣвшій на нихъ сквозь пальцы, если только гамъ и гвалтъ не переходили границъ и если самъ инспекторъ при этомъ бывалъ въ духѣ.

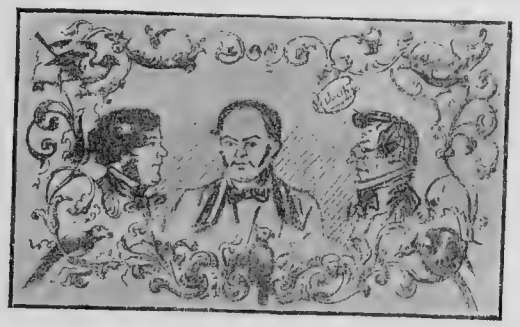
„Что за шумъ? что за шумъ? А кто дежурный?“

Являлся дежурный по классу, какъ листъ передъ травой, и самоувѣренно докладывалъ, что такой отвѣчалъ-де урокъ monsieur Bac-

carat и насмѣшилъ весь классъ плохимъ произношеніемъ. Въ это время наши лица сіяли невинностью людей, ни къ чему не причастныхъ. Но Ортенбергъ не вѣрилъ этимъ ангелочкамъ, грозилъ ключемъ и прикрикивалъ:

„Послушайте, я вамъ задамъ такого произношенія, что вы у меня всѣ до Рождества въ корпусѣ просидите. Задняя скамейка! Задняя скамейка-съ!.. прошу... прошу...“

Послѣднія слова онъ заканчивалъ особеннымъ удареніемъ и уходилъ въ кабинетъ. Инспекторъ не даромъ клепалъ на заднюю скамейку. Это „гора“ (la montagne). Тамъ сидѣли всѣ рѣшительно не желающіе или немогущіе учиться, словомъ, всѣ тѣ, на кого учителя съ начала курса махнули рукой. На задней скамейкѣ возсѣдалъ главный нашъ агитаторъ Крацъ, низенькій, плечистый, коренастый юноша, одаренный необыкновенною силою. Разсказывали, что когда Крацъ спалъ, кто-то разбудилъ его крикомъ и въ то же время бросилъ на него тяжелый ставчикъ. Крацъ не потерялся, поймалъ ставчикъ на лету, какъ мячъ, потомъ хладнокровно всталъ; догналъ шутника и задалъ ему трепку. Отъ благъ науки онъ отказался и вотъ, какимъ образомъ: у насъ на экзаменахъ всегда вызывали двухъ, чтобъ дать другому подготовиться въ то время, какъ товарищъ его отвѣчалъ. На полугодичныхъ экзаменахъ вызвали Краца. Онъ взялъ билетъ и казалось удачно, потому что сіялъ отъ удовольствія, но когда дошла до него очередь, онъ безцеремонно засмѣялся, положилъ билетъ обратно на столъ и началъ было удаляться на свое мѣсто.



Гг. Баккара, Іогансонъ и Рыбинъ.
(Рис. пажа Ланского).

„Что вы, что вы, закричалъ учитель: почему вы не хотите отвѣчать!.. лучше возьмите другой билетъ, если этотъ труденъ“.

Но Крацъ иронически перебилъ:

— Не отвѣчаю потому, что ничего не знаю, да и знать не хочу!

За это онъ былъ посаженъ въ карцеръ, но мученичествомъ купилъ свободу, потому что съ тѣхъ поръ учителя отложили о немъ всякое попеченіе. Подлѣ Краца на задней скамейки возсѣдалъ еще Денереръ, возмужалый, рослый и обладавшій, кромѣ физической силы, баснословною памятью, такъ что могъ проговорить наизусть цѣлыя

страницы изъ журнала военно-учебныхъ заведеній, тѣмъ не менѣе, онъ тоже не хотѣлъ или не могъ ничего знать до поры до времени.

Наконецъ, третій президентъ былъ покойный Левъ Саввичъ Маковъ, человѣкъ весьма умный и способный, но и въ его убѣжденіяхъ курсы младшихъ классовъ стояли весьма низко; зато во второмъ классѣ онъ вдругъ встрепенулся, сталъ дѣльно заниматься и вышелъ-таки въ гвардію въ лейбъ-уланы.

Въ третьемъ классѣ я очутился со всѣми прежними товарищами, потому что я не помню, чтобы кто-нибудь остался еще годъ въ предъидущемъ классѣ и задняя скамейка, тоже въ полномъ составѣ, перешла на третье-классную гору. Здѣсь программа значительно расширилась и число предметовъ увеличилось. Алгебру продолжалъ преподавать Македонскій, начиная съ уравненій второй степени съ двумя и многими неизвѣстными, а Докушевскій продолжалъ геометрію, планиметрію и стереометрію: оба они доходили до крайнихъ предѣловъ всѣхъ этихъ наукъ, такъ какъ въ слѣдующемъ году во второмъ классѣ читалась уже высшая математика. Подъ словомъ доходили, я разумѣю, конечно, учителей, потому что мы все еще не думали доходить до чего бы то ни было. Въ словесныхъ наукахъ программы третьяго класса тоже расширялись и усложнялись. Даже Баккара и Іогансонъ начали поговаривать о литературѣ своихъ націй, а Василій Стакановичъ преподавалъ ни болѣе ни менѣе, какъ психологію, логику и словесность! Исторію читалъ Смирновъ и долбили мы ее по учебнику Смарагдова. Смирновъ былъ типъ истиннаго ученаго, кроткій, добрый, до крайности снисходительный, онъ никогда не ставилъ нулей и единицъ, а лекціи его всегда приходились въ послѣобѣденное время, когда даже господа на задней скамейкѣ мирно отдыхали, особенно послѣ игры въ свайку или чехарду на корпусномъ плацу. О сладчайшее время дремоты подъ усыпляющее чтеніе про Карла Великаго и Людовика Благочестиваго! Лекціи географіи Шаумбурга бывали тоже послѣ обѣда. Но здѣсь уже его пронзительный теноръ не слишкомъ мѣшалъ намъ спать, потому что Шаумбургъ читалъ географію Россіи и чертилъ на доскѣ каждую губернію, со всѣми рѣками, горами и городами. Границы онъ отмѣчалъ точками и черточками такъ, что пиликаніе мелка по доскѣ какъ-то пріятно убаюкивало. Тѣмъ непріятнѣе было, когда учитель опять начиналъ голосить: „Волга! вытекаетъ изъ озера Селижара въ Тверской губерніи, протекаетъ по такимъ губерніямъ и впадаетъ въ Каспійское

море“. Съ городами онъ знакомилъ такъ: „Полоцкъ, уѣздный городъ, замѣчателенъ многими памятниками старины и побѣдой князя Витгенштейна надъ французами въ 1812 году“.

Впослѣдствіи въ Пажескомъ корпусѣ географію преподавалъ Бѣлоха, и я приготовлялся у него же, поступая въ академію генеральнаго штаба. Какая разница съ Шаумбургомъ. Бѣлоха успѣлъ сдѣлать свой предметъ до того интереснымъ статистическими данными и пользуясь результатомъ новѣйшихъ путешествій и открытій, что географію можно было учить и не дремать. Но при Шаумбургѣ, его лекціи отличались отъ историческихъ только тѣмъ, что у Смирнова можно было свернуться на скамейкѣ крендельком и положить голову на колѣни товарищу, онъ же былъ и будильникомъ при появленіи Ортенберга. Впрочемъ, инспекторъ этимъ не обижался и только иногда, при видѣ заспанной фигуры, съ всклокоченными волосами и рубцами отъ налеганія на книги, онъ останавливался, почесывалъ щеку и говорилъ:

А. И. Смирновъ.
Преподаватель исторіи.
(Рис. пажа Ланского).

„Что это, Матинька-съ, вы хоть бы вихры то причесали. Кажется, вамъ приснилось сраженіе при Лепанто, о которомъ г. преподаватель такъ интересно вамъ разсказываетъ!“

Послѣднія слова относились къ Смирнову и сопровождались взглядомъ, выражавшимъ иронію и упрекъ. Наконецъ, въ программу третьяго класса входили новые и разнообразные предметы. Такъ, учитель Доброхваловъ преподавалъ зоологію и ботанику. Про него перваго могу сказать, что онъ безъ принужденія заставилъ насъ слушать себя и заниматься. Доброхваловъ читалъ по Мильну-Эдвардсу, но, не ограничиваясь теоріею, онъ приносилъ на лекціи маленькихъ звѣрей и птицъ и анатомировалъ ихъ передъ нами. Ботанику онъ также сдѣлалъ интересною опытами надъ цвѣтами и растеніями.

Рядомъ съ естественными науками выступаютъ и военныя. Артиллерію сталъ читать капитанъ Баумгартъ и фортификацію под-

полковникъ Теляковскій, авторъ очень распространеннаго въ то время руководства полевой и долговременной фортификаціи. Подполковникъ Реймерсъ открылъ курсъ черченія и топографіи, но этотъ предметъ намъ не очень понравился. Одинъ пажъ воскликнулъ съ глубокимъ вздохомъ: „Господа, что это за наука такая: все шесты, да шесты! Все колы, да колышки!“ Кромѣ того, на каѳедрѣ третьяго класса появился странный образецъ просвѣщенія — воинскій уставъ, тотъ самый, который послѣ Крымской войны былъ сданъ въ архивъ, какъ одно изъ самыхъ непрактичныхъ и безполезныхъ произведеній плодовитаго ума человѣческаго. Впрочемъ, кажется, само начальство не рѣшалось вводить тогдашній уставъ въ область наукъ и для него не было назначено особой лекціи, а только во вторникъ и въ субботу, въ приготовительные часы отъ 7 до 8 являлся на каѳедру профессоръ устава, корпусный офицеръ В. Брикнеръ. Онъ прежде служилъ въ какомъ-то армейскомъ полку. Это былъ полный, краснощекій бакенбардистъ, всегда перетянутый въ рюмочку и отличный фронтовикъ. Его всегда посылали въ разводъ съ пажескими караулами, онъ же чертилъ намъ на доскѣ всѣ построенія и объяснялъ премудрости ротнаго, батальоннаго и всѣхъ прочихъ уставовъ.

Чтобъ совершенно покончить съ младшими классами и чтобъ къ нимъ болѣе не возвращаться, я опишу курьезы такъ называемыхъ „пустыхъ лекцій“, то-есть оставшихся праздными за отсутствіемъ учителей по болѣзни или по другимъ причинамъ. Такія лекціи мы считали блаженствомъ и Ортенбергъ хорошо понималъ это, потому что онъ непремѣнно и какъ можно чаще проходилъ черезъ классы, выразительно постукивая и покрикивая: „Господа, прошу безъ шуму! Задняя скамейка, прошу, прошу-съ!“ Но все это не помогало, задняя скамейка становилась центромъ и огнемъ анархическихъ стремленій. Былъ у насъ одинъ товарищъ смирный, уживчивый, добрый, кроткій до того, что, какъ говорится, и мухѣ вреда не сдѣлаетъ. Между тѣмъ къ нему то и приставали самымъ нещаднымъ образомъ и на пустыхъ лекціяхъ онъ положительно становился мученикомъ. На задней скамейкѣ раздавался сигналъ: „господа, Шаумбургъ не будетъ, ура! Да-

Л. М. Доброхваловъ.
Учитель зоологіи.
(Рис. пажа Ланского).

вайте казнить Салтычиху". Тогда весь классъ приходилъ въ волненіе. Самъ Крацъ нарушалъ свой кейфъ и кричалъ: „Возьми, возьми, распни его". Несчастнаго нашего souffre douleur хватали дюжія руки, притискивали къ стѣнѣ и распинали, крѣпко придерживая за руки и за ноги. Потомъ рисовали ему чернилами усы и бороду, кормили щелчками, копфами и пр. Все это приводило его въ такое остерве-

На ученіи В. Брикнеръ, К. К. Жирардотъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

нѣніе, что разъ вышла очень серьезная исторія. Истязуемый сталъ страшно ревѣть, вырвался изъ рукъ его державшихъ и вцѣпился въ волосы ближайшему изъ мучителей. Пошла потасовка, во-первыхъ, въ главной группѣ съ Салтычихой, а во-вторыхъ, генеральная свалка: всѣ сцѣпились между собою съ неистовыми криками „ура! бей фарисеевъ и саддукеевъ!" Все это превратилось въ такой невыносимой гамъ, что Ортенбергъ, читавшій военную исторію въ 1 классѣ, съ ужасомъ прибѣжалъ на поле сраженія. При звукахъ его шпоръ, подчаски наши зашикали тревогу, всѣ притихли и Салтычиху, которую опять было распяли, сняли скорѣе съ креста. Пострадавшій, не помня себя отъ боли и озлобленія, опять сцѣпился со своими палачами, а въ эту минуту появился инспекторъ и при водворившейся тишинѣ могъ нѣсколько минутъ любоваться, какъ противники, стоя на пюпитрахъ, стегали другъ друга такъ усердно, что только лампы раскачивались!

Въ этихъ случаяхъ Ортенбергъ не горячился и не читалъ морали, а прямо распоряжался. „Половина крайней лѣвой", то есть задней

скамейки, отправлялась на недѣлю въ темную; многіе изъ центра изъ умѣренныхъ остались безъ отпуска на три воскресенья и даже консерваторовъ передней скамейки перебрали черезъ одного и ограничили время отпуска вмѣсто Субботы Воскресеньемъ, да и то послѣ обѣда. Этого образчика пустыхъ лекцій будетъ кажется достаточно, если я еще прибавлю, что въ такихъ оказіяхъ являлся еще и дежурный по корпусу офицеръ и садился за каѳедру для надзора за порядкомъ. Теперь переходимъ къ слѣдующимъ старшимъ классамъ, но, чтобы не затягивать разсказа, буду описывать вмѣстѣ первый и второй классы. Въ мое время (1843—1848 гг.) классы эти такъ-же, какъ первое и второе отдѣленіе (дортуары большихъ пажей), считались недосягаемыми мѣстами для новичковъ и вообще для пажей младшихъ четырехъ классовъ. Во второмъ классѣ находились всѣ ефрейторы, а въ первомъ камеръ-пажи, слѣдовательно, ближайшія начальственныя лица. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ двухъ классахъ и въ 1 и 2 отдѣленіяхъ состояли всѣ самые большіе и старые пажи; многимъ изъ нихъ было за двадцать лѣтъ и всѣ эти господа, несмотря на строжайшее запрещеніе, пользовались всѣми возможными случаями, чтобы покурить тайкомъ папиросы, и хоть бы разокъ затянуться. Курили въ отдушники, въ форточки, курили въ классахъ, въ отдѣленіяхъ, словомъ, гдѣ только удавалось, но замѣчательно, что никто изъ младшихъ пажей не осмѣливался послѣдовать примѣру старшихъ или донести на нихъ начальству. Такого преступника непремѣнно затащили бы въ первое отдѣленіе или въ старшій классъ и тамъ нещадно избили бы линейками или подтяжками. Вотъ почему никто изъ младшихъ не смѣлъ переступить за порогъ этихъ заповѣдныхъ мѣстъ.

Только въ 1847 году, по переходѣ во второй классъ я самъ вступилъ въ этотъ до тѣхъ поръ заколдованный кругъ. Сущность преподаванія и характеръ учителей въ двухъ старшихъ классахъ я уже припоминаю, какъ нельзя болѣе ясно и отчетливо, а это всего лучше подтверждаетъ вездѣ подчеркнутый мною фактъ, что, собственно, только со второго класса мы начинали заниматься, какъ слѣдуетъ.

Въ старшихъ двухъ классахъ курсы и программы умножились и расширились до энциклопедическихъ размѣровъ. На первый планъ выступали военныя науки: тактика, стратегія, военная исторія, артилерія, фортификація. По математикѣ—аналитика и геодезія; изъ естественныхъ наукъ—физика и химія; изъ юридическихъ—правовѣдѣніе; изъ словесныхъ—литература русская, французская и нѣмецкая, нако-

нецъ, изъ политическихъ наукъ преподавались статистика и исторія; съ нея то я и начну.

Исторію во второмъ и первомъ классѣ читалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Шульгинъ профессоръ университета, извѣстный не только военно-учебнымъ заведеніямъ, но и всѣмъ учащимся въ Петербургѣ своими руководствами по древней, средней и новой исторіи, однако, новую исторію онъ во всѣхъ своихъ курсахъ кончалъ 1815 г. По убѣжденію Шульгина Вѣнскимъ конгрессомъ кончилась исторія міра на вѣки и за 1815 годомъ начиналась революція, наступили анархія и всеобщій хаосъ. Когда впослѣдствіи учебное начальство просило профессора подняться въ своихъ курсахъ выше этой точки замерзанія, онъ наотрѣзъ отказался и объявилъ, что не желаетъ развращать умы молодежи хаотическими фактами, основанными на мутныхъ источникахъ. Книги Шульгина въ настоящее время почти библіографическая рѣдкость, поэтому стоитъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Въ этихъ руководствахъ при сухомъ изложеніи и утомительной хронологіи проглядываетъ безупречное консервативное направленіе plus royaliste que le roi! За то исторія Шульгина отличалась строгою систематичностью. Онъ тщательно оберегалъ грани средней и новой исторіи, подробно доказывая, почему извѣстныя событія служатъ именно раздѣломъ между тѣмъ и другимъ періодомъ.

И. П. Шульгинъ.
Профессоръ исторіи.
(Рис. пажа Ланского).

Наконецъ, каждый періодъ дробился и раздѣлялся на категоріи, а все это облегчало чтеніе и ученіе. Шульгинъ читалъ тихо, монотонно, безпрестанно покашливая и поплевывая. Онъ былъ профессоръ, человѣкъ превосходительный и на его синемъ вицъ-мундирѣ была звѣзда перваго Станислава. Начальство наше, не исключая инспектора классовъ, уважало и побаивалось Ивана Петровича и ухаживало за нимъ. Поэтому и въ нашихъ глазахъ онъ пользовался большимъ вѣсомъ и лекціи его

И. С. Ивановскій.
Профессоръ статистики.
(Рис. пажа Ланского).

проходили при невозмутимой тишинѣ, подобострастномъ слушаніи и даже записываніи, „что, однако, не мѣшало пажамъ, по свидѣтельству Н. А. Боровкова: изъ школьничества передъ его приходомъ обставлять каѳедру плевательницами, но Иванъ Петровичъ былъ настолько уменъ и серьезенъ, что дѣлалъ видъ будто не обращаетъ вниманія на наши продѣлки и продолжалъ плевать, но мимо разставленныхъ плевательницъ. Предметъ свой онъ зналъ прекрасно, говоритъ о Шульгинѣ тотъ же Н. А., читалъ интересно, но, къ сожалѣнію, однообразно, притомъ же, не обладая пріятнымъ органомъ, говорилъ безъ всякой интонаціи, а потому и производилъ сно-творное дѣйствіе. Въ то же время онъ былъ самымъ надменнымъ въ обращеніи съ нами“.

А. А. Воскресенскій.
Преподаватель химіи.

„Статистику преподавалъ добрый и милый профессоръ Ивановскій, читаемъ мы дальше въ воспоминаніяхъ князя Имеретинскаго: онъ положительно умѣлъ заинтересовать насъ до того, что мы любили его лекціи и слушали ихъ съ полнымъ вниманіемъ, но безъ страха педагогической ферулы или внѣшней представительности. Знакомя насъ съ теоріями Мальтуса, Смита, Стюарта Милля, Ивановскій обстанавливалъ свои разсказы и выводы любопытными фактами, цифрами, сравненіями, все это пересыпалъ аттической солью острого словца или анекдота. Словомъ, мы добровольно, охотно и съ удовольствіемъ слушали лекціи статистики.

Тоже могу сказать о лекціяхъ физики и химіи. Физику читалъ профессоръ Эвальдъ, а химію артиллерійскій полковникъ Фадѣевъ. Оба они старались переносить преподаваніе на практическую почву и мы, большею частью, слушали эти лекціи въ такъ называемомъ физическомъ кабинетѣ, смежномъ съ кабинетомъ инспектора. Благодаря гальваническимъ батареямъ, воздушному насосу, электрической машинѣ и проч., а также благодаря химическимъ опытамъ, самая теорія науки облегчалась, оставалась въ памяти и располагала къ занятіямъ.

Словесная наука, къ сожалѣнію, преподавалась далеко не такъ занимательно. Русскую словесность читалъ Олимпіевъ. Наружность его не располагала къ шуткамъ. Онъ былъ высокій полный мужчина

съ красноватымъ серьезнымъ лицомъ, и съ анненскимъ крестомъ на шеѣ. Къ дѣлу онъ относился серьезно и добросовѣстно и странная вещь! лекціи Олимпіева все-таки не возбуждали и будто бы сами вызывали „на балаганъ“. Почтенный педагогъ преподавалъ съ большимъ достоинствомъ. Онъ читалъ плавно, растянуто и часто впадалъ въ паѳосъ, особенно, когда читалъ выдержки избранныхъ мѣстъ поэзіи и прозы. И вотъ одинъ разъ Олимпіевъ всталъ съ мѣста, вытянулся и, поднявъ руку надъ головой, торжественно приступилъ къ декламаціи избранныхъ стиховъ. Въ ту же минуту на задней скамейкѣ поднялся Маковъ, тоже вытянулся во весь ростъ и, поднявъ обѣ руки надъ головой, предъявилъ Олимпіеву принесенную изъ сада мертвую ворону, запеленатую въ носовой платокъ на манеръ bébé. Очень понятно, что учитель вышелъ изъ себя, забылъ избранные стихи и, вспыльчиво погрозивъ Макову кулакомъ, крикнулъ: „змѣя подколодная“. Къ счастью Олимпіева, его еще въ началѣ курса замѣнилъ Комаровъ и дѣло пошло на другой ладъ. Онъ сразу сумѣлъ заинтересовать разсказами о личности и жизни русскихъ писателей, кромѣ того, Комаровъ отлично декламировалъ и мы охотно слушали образчики литературы, не показывая вороны въ пеленкахъ. Въ одномъ можно было упрекнуть Комарова, что онъ не выяснилъ въ общей связи и послѣдовательности развитіе нашей литературы и направленія главнѣйшихъ ея представителей, какъ напримѣръ, Державинъ (лирическій періодъ), Карамзинъ (сентиментализмъ въ литературѣ), Пушкинъ, Лермонтовъ (романтики) и, наконецъ, Гоголь и созданная имъ школа натуралистовъ, которая, впрочемъ, ограничивалась Григоровичемъ и еще весьма немногими.

А. П. Олимпіевъ.
Преподаватель русскаго языка.

Французскую литературу преподавалъ Mr. Bonnet; онъ составилъ литографированныя записки и знакомилъ насъ съ Clement, Marot, Montaigne, Rabelais, Corneille, Molière и проч. Но всѣ эти господа весьма мало насъ интересовали, а господинъ Бонне меньше всѣхъ. У молодежи это сейчасъ же выражается въ подтруниваніи. Бонне напоминалъ портретъ Наполеона I, мы и кричали: „Pr-r-ro-consul, Cr-r-ré-consul“

и проч. Еще жалче былъ нѣмецкій учитель Штернъ, старый нѣмецъ съ хохолкомъ и очками на глазахъ, крахмальнаго цвѣта и съ Анной на шеѣ. Онъ былъ до того смирный, что его можно было похлопать книжкой по головѣ и это единственное мое воспоминаніе.

Съ высшей математикой намъ приходилось плохо. Ариѳметику во второмъ классѣ преподавалъ инженеръ-капитанъ Домерщиковъ, а въ первомъ классѣ профессоръ Сомовъ. Мы принялись изо всѣхъ силъ превозмогать эту науку, но трудно, было очень трудно. Нечего было удивляться, если порой съ задней скамейки летѣла кому-нибудь тетрадь и за нею раздавались проклятія. „Чтобъ имъ всѣмъ скиснуть да пропасть со всѣми этими синусами, косинусами, тангенсами и котангенсами!“

А. А. Комаровъ.
Преподаватель русскаго языка.

Повторяю, обижаться такимъ сюрпризомъ не слѣдовало. Это значило только, что хромая на обѣ ноги и на ариѳметику и на алгебру, корни аналитическаго ученія были крайне горьки!

Теперь посмотримъ на военныя науки. Артиллерію (Баумгартъ) мы учили, но лучше и полезнѣе было бы вовсе ее не учить, потому что гладкоствольныя орудія, о которыхъ намъ исключительно толковали, черезъ 10 лѣтъ никуда не годились, и даже номенклатура разныхъ винградовъ, дельфиновъ и проч. оказалась излишнимъ балластомъ для памяти. Мы какъ будто знали, что только толкли воду, потому что слушали Баумгарта спустя рукава, тѣмъ болѣе, что онъ былъ и добрѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ. Вѣроятно, изъ благодарности назвали мы его, неизвѣстно почему, „кофейникомъ“, и преподаватель могъ каждый разъ любоваться этимъ сосудомъ, нарисованнымъ на доскѣ и украшеннымъ шпорою и эполетами.

О фортификаціи можно сказать почти то же самое; разница была только въ томъ, что съ Теляковскимъ подшучивать мы не отваживались: онъ былъ опытный преподаватель и шутокъ не терпѣлъ.

Но предметъ его преподаванія впослѣдствіи, т. е. въ практической жизни мало намъ пригодился. Не прошло и 10 лѣтъ, какъ нашъ же русскій инженеръ Тотлебенъ подъ Севастополемъ прочелъ всему міру лекцію и доказалъ преимущество земляныхъ укрѣпленій передъ каменными. Эта знаменитая Тотлебенская лекція была, конечно, убѣдительнѣе курсовъ Теляковскаго, а онъ именно читалъ въ старшихъ классахъ долговременную фортификацію и доказывалъ премущество каменныхъ одеждъ. Однако, мы и тутъ какъ будто предвидѣли безполезность работы, потому что Вобана, Кармонтена, Монталамберта, Пагана и всѣхъ безчисленныхъ системъ никто не любилъ. Практическая польза, однако-жъ, была, такъ какъ мы познакомились съ составными частями укрѣпленій отъ контръ-эскарпа до гласиса и усвоили технику и номенклатуру до того, что могли сами читать и понимать любыя сочиненія по этой части, и зато спасибо".

М-г Бонне.
Преподаватель французскаго языка.

Штернъ.
Преподаватель нѣмецкаго языка.

Дополнимъ „картинки съ натуры" кн. Имеретинскаго замѣчаніями Н. А. Боровкова, Д. Корсакова и генералъ-адъютанта О. Рихтера.

Н. Боровковъ говоритъ: „основываясь на научныхъ познаніяхъ пажей, я долженъ сознаться, что они были не особенно велики. Въ то время главную роль играло „воспитаніе", т. е. дисциплинированіе, а учили, въ большинствѣ случаевъ, говоря словами поэта, *чему-нибудь* и *какъ-нибудь*. Относительно корпуса, я бы позволилъ себѣ нѣсколько измѣнить слова поэта: насъ учили, пожалуй, многому, но *какъ-нибудь*. Хорошихъ руководствъ въ то время не было, учебныя пособія никуда не годились и ими никогда не пользовались, впрочемъ, надо

исключить треугольникъ и линейку, это были единственныя полезныя и употребляемые инструменты. Библіотека была бѣдная, составленная безъ всякаго вкуса, физическій кабинетъ имѣлъ очень ограниченное число аппаратовъ и опыты сводились къ фокусамъ. Поэтому всѣ экспериментальныя науки изучались болѣе, чѣмъ *какъ-нибудь*. Да и вообще составъ преподавателей былъ далеко не идеальный. Большею частью, это были люди рутины, у которыхъ не шло дальше „отсюда до сюда“. Понятно, что наши знанія были неполны, отрывочны и скоро улетучивались... Правда, исторію, статистику, русскую словесность, математику и химію въ послѣднихъ двухъ классахъ преподавали профессора, свѣтила науки того времени, но зато остальные наши педагоги не имѣли никакого понятія о раціональныхъ методахъ преподаванія. Въ корпусѣ учились только хорошіе ученики. На лѣнивыхъ обращали очень мало вниманія, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ смотрѣли какъ на отпѣтыхъ и предоставляли ихъ научныя познанія волѣ судьбы. Притомъ же программа составлялась людьми, совершенно незнакомыми съ дѣломъ обученія юношества, почему курсы, требуемые программами, являлись черезчуръ обширными, и основательно проходилось не болѣе половины; все же остальное готовили только къ экзаменамъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно забыть...

Сомовъ.
Профессоръ математики.

Въ старшихъ двухъ классахъ пользовался популярностью учитель русской словесности. Онъ прекрасно велъ свое дѣло и литературныя произведенія въ его устахъ получали особую выразительность и привлекательность. Будучи вмѣстѣ съ тѣмъ хорошимъ педагогомъ и разумнымъ наставникомъ, онъ оставилъ по себѣ прекрасную память. Объ учителяхъ французскаго и нѣмецкаго языковъ распространяться не буду. Это были люди добрые, снисходительные къ шалостямъ, свойственнымъ дѣтскому возрасту, и мы ихъ любили, хотя, конечно, они не могли считаться образцовыми педагогами. Отмѣчу еще одного учителя нѣмецкаго языка, перекреста изъ евреевъ, человѣка очень

несимпатичнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Отталкивающая наружность, нечистоплотность, мстительность и корыстолюбіе дѣлали его предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ и презрѣнія. Впрочемъ, онъ вскорѣ былъ удаленъ за какую-то грязную и нечистоплотную продѣлку. Преподаватели географіи и исторіи въ старшихъ классахъ были люди недалекіе и строгіе.

Заканчивая свое описаніе учебнаго персонала корпуса, я считаю нужнымъ прибавить, что, сохранивъ для нѣкоторыхъ учителей комичныя черты характера, я былъ далекъ отъ мысли выставлять ихъ въ карикатурномъ свѣтѣ.

Это случилось по естественной ассоціаціи идей. Вспоминая, напримѣръ, о нашихъ милыхъ Александръ Михайловичахъ, я не могъ представить себѣ ихъ иначе, какъ подъ аккомпаниментъ хора воспитанниковъ: „Александръ Михайловичъ, здравствуйте, здравствуйте и т. д. Съ другой стороны, для полноты понятія о нашихъ научныхъ занятіяхъ, какъ безпристрастный историкъ, я бралъ самыя рельефныя черты въ своихъ преподавателяхъ и потому пропустилъ цѣлую серію учителей безличныхъ, если такъ можно выразиться. Послѣдніе не оставили во мнѣ никакихъ воспоминаній. Ни особеннымъ зломъ, ни особеннымъ добромъ они не отличались и помянуть ихъ нечѣмъ. Наши познанія по ихъ предметамъ были такъ же безцвѣтны, какъ и они сами“...

Н. А. Баумгартъ.
Профессоръ артиллеріи.

Д. Корсаковъ пишетъ: „большинство преподавателей было прекрасныхъ, были и выдающіеся. Изъ военныхъ наукъ преподавателями были — военной исторіи и тактики Ив. Ѳед. Ортенбергъ и генеральнаго штаба полковникъ Петръ Семеновичъ Лебедевъ. Послѣдній былъ чистый Демосѳенъ. Онъ такъ былъ краснорѣчивъ, что увлекалъ. Сверхъ того, онъ обладалъ необыкновенной памятью. Бывало, придетъ въ классъ и говоритъ пажамъ: „выбирайте какое хотите сраженіе какихъ бы то ни было временъ“. Когда тѣ называли первое пришедшее имъ на память, онъ сейчасъ же чертилъ его планъ и начиналъ объяснять. Лебедевъ, какъ ораторъ, пользовался извѣстностью и покойный Императоръ

Николай Павловичъ не разъ присутствовалъ на его публичныхъ лекціяхъ.

Артиллерію читали намъ генералъ Николай Андреевичъ Баумгартъ и генералъ Николай Ѳедоровичъ Эгерстромъ. Оба пользовались извѣстностью, какъ ученые артиллеристы.

З. А. Теляковскій.
Профессоръ фортификаціи.

Фортификацію читалъ Аркадій Захарьевичъ Теляковскій. Его сочиненія по фортификаціи пользовались извѣстностью и заграницею.

Физику преподавалъ Ѳед. Ѳед. Эвальдъ. Онъ былъ прекрасный преподаватель, чрезвычайно находчивый и умѣлъ возбудить интересъ въ воспитанникахъ.

Химію преподавалъ выдающійся профессоръ, артиллеристъ Шишковъ. Онъ же былъ профессоромъ и въ артиллерійской академіи.

Исторію — Иванъ Петровичъ Шульгинъ и Шакѣевъ, оба выдающіеся.

Русскій языкъ и словесность въ старшихъ классахъ: Класовскій — выдающійся, въ среднихъ: Петровъ—хорошій преподаватель.

По французскому языку Сюзоръ велъ свое дѣло прекрасно. Droin и Баккара занимались добросовѣстно въ среднихъ классахъ.

Изъ нѣмецкаго языка Беккеръ былъ выдающійся, Шеллендорфъ и Нувель преподавали въ среднихъ и младшихъ классахъ. Оба держали себя съ пажами недостаточно серьезно и потому тогда, какъ у Беккера былъ всегда полный порядокъ и тишина — съ Шеллендорфомъ пажи позволяли себѣ вольности, напр. когда онъ вызывалъ, они ему пѣли:

Herr Schellenberg
Я былъ въ лазаретѣ
Ich war krank.

Съ Нувелемъ же пажи были вовсе безъ церемоніи: обрѣзывали ему фалды. Вообще уроки Нувеля были не что иное, какъ балаганъ.

Географію преподавалъ Бѣлоха. Съ нимъ тоже пажи позволяли

себѣ балаганить. Бѣлоха былъ всегда ужасно грязенъ: губы его замазаны были мѣломъ, руки чернилами. Но преподавалъ онъ хорошо".

Генералъ-адъютантъ Рихтеръ въ такихъ выраженіяхъ отзывается о преподавателяхъ: „Преподаватели дѣлились на три категоріи. Къ первой принадлежали профессора, которыхъ боялись и уважали; ко второй—преподаватели, которыхъ любили, и, наконецъ, къ третьей—тѣ, къ которымъ относились безразлично, допуская съ нѣкоторыми изъ нихъ неумѣстныя шутки и приставанія. Вліяніе, естественно, имѣла первая категорія. Лекціи лицъ, принадлежащихъ къ ней, слушались въ тишинѣ и съ большимъ вниманіемъ и уроки для нихъ приготовлялись тщательно; методъ преподаванія заключался въ чтеніи лекцій, которыя записывались нѣкоторыми воспитанниками. Записки эти служили дополненіемъ къ печатнымъ руководствамъ и къ литографированнымъ листкамъ. Зубреніе, иначе сказать, заучиваніе наизусть, преслѣдовалось и особенное вниманіе обращалось на гладкое и толковое изложеніе предмета.

Постановка преподаванія исторіи и русской литературы ограничивалась перечисленіемъ фактовъ, не вдаваясь въ болѣе широкія разсужденія. О философіи исторіи не имѣли понятія, а что касается русской литературы, то ограничивались извѣстнѣйшими писателями, только вскользь упоминая о древнѣйшихъ источникахъ и пренебрегая былинами и народными сказаніями, не придавая имъ никакого значенія. Французскую классическую литературу пажи усваивали лучше, благодаря слѣдующему пріему: лучшія произведенія Корнеля и Расина весь классъ зналъ наизусть, слушая отвѣты товарищей или участвуя лично въ одной изъ ролей Сида, Гораціевъ, Аталлы и т. п.

А. В. Шакѣевъ.
Преподаватель исторіи.

Преподаватель французской литературы выбиралъ, напр., одну изъ сценъ извѣстнаго произведенія Корнеля, Расина или другихъ и распредѣлялъ роли между воспитанниками. Вызывались напр. Атала и пажи, участвующіе въ сценѣ изъ „Атала", выстраивались передъ учителемъ и громогласно съ нужными интонаціями разыгрывали сцену, которую весь классъ слушалъ.

Польза отъ подобнаго пріема была несомнѣнна: безъ особаго усилія знакомились съ лучшими произведеніями французской лите-

Генералъ-адъютантъ О. Б. Рихтеръ.

(Рисунокъ Зичи).

Изъ собственной Его Величества библіотеки.

ратуры и усваивали себѣ правильное произношеніе и пониманіе французскаго языка".

Теперь, когда передъ нами въ живыхъ образахъ прошелъ преподавательскій и воспитательскій персоналъ корпуса, мы можемъ притти къ кой-какимъ заключеніямъ насчетъ него. Однако, прежде, чѣмъ дѣлать какія бы то ни было заключенія, мы должны замѣтить, что, вообще говоря, оцѣнка бывшими питомцами ихъ учителей и воспитателей не только бываетъ необъективна, но и, большею частью, она односторонняя. Односторонняя она потому, что въ первый разъ она производится въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ совершенно не въ состояніи разбираться въ дебряхъ психологіи, а склоненъ считать случайно бросившуюся ему въ глаза черту характера того или другаго лица за господствующую, за самую выдающуюся, за ту, которая, главнымъ образомъ, отличаетъ его отъ многихъ другихъ. Чаще всего господствующей онъ считаетъ черту характера, проявившуюся у кого-нибудь въ отношеніи къ нему. Эту ошибку дѣлаютъ не только юноши, но и взрослые, дѣлаютъ они ее потому, что по свойственной человѣческому уму лѣни, они не пытаются вникать въ сущность психической природы людей, съ которыми сталкиваются, а довольствуются случайно подвернувшимися наблюденіями. Когда проходитъ много лѣтъ, юноша превращается во взрослаго, вступаетъ въ жизнь, которая забрасываетъ его впечатлѣніями и испытаніями всякаго рода, школьныя дѣла отходятъ на задній планъ, они забываются, теряются среди наплыва новыхъ впечатлѣній. Но вотъ настаютъ года, когда взоръ все чаще и чаще обращается къ прошлому, старое всплываетъ, и всплываетъ въ томъ видѣ, въ которомъ было воспринято. Тогда-то и появляются воспоминанія, съ отраженіемъ дѣтскихъ и юношескихъ впечатлѣній, неизбѣжно одностороннихъ и несовершенныхъ.

С. М. Добровольскій.
Преподаватель законовѣденія.

Сравнивая преподавательскій персоналъ временъ Императора Николая съ тѣмъ, который дѣйствовалъ въ предшествующее царствованіе, приходится признать, что первый стоитъ куда выше и по познаніямъ и по отношеніямъ къ своимъ ученикамъ. Хотя и онъ

грѣшитъ тѣмъ, что передъ учениками чувствуетъ себя какъ-то приниженно, въ чемъ то виноватымъ, но все же это не тотъ окончательно приниженный педагогъ эпохи Александра I, которому приходилось, подобно профессору Бутырскому, пускаться въ самыя унизительныя сдѣлки съ своими воспитанниками, но въ то же время это еще не тотъ учитель, который преисполненъ сознанія своей высокой миссіи, сознанія того, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, способствуетъ нравственному и умственному прогрессу своего народа; это еще не тотъ преподаватель, образъ котораго запечатлѣвается у ребенка въ видѣ человѣка, окруженнаго всеобщимъ почтеніемъ, являющагося авторитетомъ какъ для него, такъ и для его родителей. Въ преподавателѣ Николаевскихъ временъ все еще въ значительной мѣрѣ сидитъ Гоголевскій Лука Лукичъ Хлоповъ, всего и всѣхъ боящійся, трусившій только потому, что такая трусость вытекала изъ его обездоленнаго учительскаго положенія.

Совсѣмъ другое дѣло профессора. Дѣятельность Кавелина, Крюкова и цѣлой плеяды профессоровъ московскаго университета и среди нихъ сіявшаго яркою звѣздою Тимофея Николаевича Грановскаго, къ голосу котораго прислушивалась почти вся учащаяся и мыслящая Россія, сдѣлала то, что званіе профессора въ Николаевское время все болѣе и болѣе окружалось ореоломъ уваженія и почтенія. Дворянинъ-профессоръ въ интересующую насъ эпоху врядъ ли кого могъ удивить и врядъ-ли кому изъ вельможъ пришло бы въ голову, въ дни правленія Императора Николая Павловича, воображать себѣ, что приглашеніе профессора на обѣдъ, должно было оставить въ его памяти неизгладимый слѣдъ, и что объ этомъ обѣдѣ онъ еще долгое время будетъ вспоминать въ кругу своей семьи, какъ о счастливомъ днѣ въ своей жизни.

Чутко отражающіе настроеніе окружающаго ихъ общества юноши-пажи по свидѣтельству своихъ однокашниковъ относились съ полнымъ уваженіемъ къ профессорамъ; къ ихъ лекціямъ они готовились усердно и не позволяли себѣ никакихъ шалостей. Нельзя, однако, не отмѣтить, что и профессора и учителя въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ и въ своемъ преподаваніи дѣйствовали какъ-то ощупью, какъ будто на ихъ глазахъ были повязки. Происходило это отъ того, что и профессора и учителя, если что знали, то только свой предметъ, а вовсе не тѣхъ, кому они преподавали. Спеціальной педагогической подготовки т.-е. физіологическихъ и психологическихъ познаній у нихъ

не было т.-е. тѣхъ познаній, которыя помогли бы имъ разобраться въ природѣ ихъ учениковъ и, соображаясь съ этимъ, вести ученіе.

Какъ бы чувствуя это и, очень вѣроятно, дѣйствительно сознавая свою некомпетентность, они излагали свой предметъ, по возможности, понятно и такъ, чтобы заинтересовать своихъ слушателей, а затѣмъ помогали желавшимъ учиться, а не желавшихъ заниматься, оставляли въ покоѣ. Но ни тѣхъ, ни другихъ они ни къ чему не принуждали, такъ что вопроса о переутомленіи быть не могло, кромѣ того, они вполнѣ исполняли завѣты академика Миллера, мечтавшаго о томъ, чтобы въ ученикахъ поддерживалась жизнерадостность.

Судя по приведеннымъ воспоминаніямъ, во время уроковъ жизнерадостность царствовала въ корпусѣ. Господству ея способствовало сознаніе пажей, что сидѣть въ одномъ и томъ же классѣ можно подолгу и что только во второмъ классѣ честолюбивому пажу надо поналечь, чтобы попасть въ число 16 камеръ-пажей, что въ свою очередь обезпечивало выпускъ въ гвардію, и связанныя съ выходомъ туда преимущества. Такимъ образомъ, собственно говоря, въ теченіе курса, приходилось напрягать свои силы одинъ разъ. Счастливцы, которымъ удавалось оказаться въ числѣ избранныхъ, складывали затѣмъ оружіе, такъ какъ отлично понимали, что они достигли своей цѣли, завоевали столь желанное право сдѣлаться гвардейцами, а потому имъ остается одно—торжествовать побѣду и пожинать ея плоды, что они дѣлали, предаваясь, по большей части, кейфу въ камеръ-пажескомъ классѣ.

Не пугали пажей и публичные экзамены, производившіеся съ большою торжественностью, но на которыхъ, однако, спрашивали только лучшихъ воспитанниковъ. Въ концѣ царствованія Императора Николая начальство обратило вниманіе на такой не совсѣмъ нормальный порядокъ и приняло свои мѣры.

Вотъ, что по этому поводу говоритъ офиціальное Высочайшее повелѣніе, появившееся 27 февраля 1851 года.

К. Н. Шелейховскій.
Преподаватель математики.

„Образованіе двухъ старшихъ классовъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса представляло важныя неудобства, не

только останавливавшія успѣхи въ наукахъ, но и вредныя для воспитанниковъ.

Число камеръ-пажей (т. е. воспитанниковъ 1-го класса), имѣвшихъ право на производство въ офицеры гвардіи, ограничивалось 16-ю, почему невозможно было ожидать, чтобы воспитанники 2-го класса, число коихъ обыкновенно доходило до 35-ти, зная, что изъ нихъ только 16 могутъ воспользоваться преимуществами 1-го класса, всѣ занимались науками съ одинаковымъ рвеніемъ въ продолженіе цѣлаго года.

М-r Риффе.
Преподаватель французскаго языка.

Дѣйствительно, внимательное наблюденіе за успѣхами показало, что послѣ весьма продолжительныхъ общихъ усилій, 2-й классъ рѣзко раздѣлялся на двѣ части. Изъ нихъ слабѣйшая, потерявъ надежду поступить въ число 16-ти первыхъ, лишалась бодрости и оставляла занятія, несмотря ни на какія побужденія со стороны начальства. Въ другой, всегда превышавшей числомъ своимъ комплектъ камеръ-пажей, слишкомъ напряженное соревнованіе нерѣдко выражалось чувствами и дѣйствіями, совершенно противоположными тому благородному и возвышенному направленію оныхъ, которое начальство старается упрочить въ воспитанникахъ. Въ этомъ классѣ радовались неудачамъ товарища и различными средствами старались препятствовать его успѣхамъ.

Совершенно противоположный недостатокъ оказывался въ 1-мъ, камеръ-пажескомъ, классѣ: это отсутствіе всякаго соревнованія. Каждый изъ камеръ-пажей зналъ, что только важный проступокъ или совершенное нерадѣніе къ наукамъ можетъ лишить его камеръ-пажескаго званія и потому, разъ удостоившись онаго, считалъ цѣль свою какъ бы достигнутою, начиналъ заниматься слабѣе, и ежели лучшіе изъ нихъ оказывали успѣхи удовлетворительные, то это должно отнести къ благородному самолюбію, которое внушено имъ было съ малолѣтства, или внутреннему убѣжденію въ необходимости пріо-

брѣтать познанія, а не поощренію, заключающемуся въ преимуществахъ, при выпускѣ имъ предоставляемыхъ.

Чтобы весь второй классъ занимался науками, чтобы возбудить въ первомъ соревнованіе и, такимъ образомъ, приготовить успѣхъ не однѣми только мѣрами строгости, необходимо было преобразовать спеціальные классы Пажескаго корпуса.

Государь Императоръ Высочайше на это соизволилъ, въ видѣ опыта, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Число камеръ-пажей оставить по прежнему 16-ть.

2) При переводѣ пажей въ камеръ-пажескій классъ, назначать въ камеръ-пажи 16 отличнѣйшихъ по поведенію, успѣхамъ въ наукахъ и по фронту.

3) Затѣмъ, не ограничиваясь числомъ 16, переводить въ высшій классъ и пажей столько, сколько окажется, по выдержаніи экзамена, достойныхъ такого перевода.

4) Для перевода изъ 2-го класса въ 1-й и для выпуска изъ 1-го класса въ различные роды войскъ, принять слѣдующіе баллы:

а) Для перевода изъ 2-го класса въ 1-й пажи должны на экзаменѣ получить среднихъ балловъ не менѣе 8-ми и не имѣть ни въ одномъ предметѣ менѣе 6-ти, во фронтѣ не менѣе 8-ми, въ поведеніи также не менѣе 8-ми, причемъ пажи должны быть не моложе 16-ти лѣтъ.

б) Для выпуска изъ 1-го класса въ офицеры:

Въ полки лейбъ-гвардіи: 10 балловъ въ Законѣ Божіемъ и столько-же въ поведеніи; не менѣе 9-ти въ русскомъ и въ одномъ изъ иностранныхъ языковъ; не менѣе 8-ми среднихъ балловъ по всѣмъ предметамъ, и также ни въ одномъ изъ предметовъ не менѣе 6-ти балловъ; во фронтѣ не менѣе 9-ти.

Въ артиллерію, саперы и конные піонеры по 9 балловъ въ Законѣ Божіемъ, въ одномъ изъ спеціальныхъ предметовъ (артиллеріи, фортификаціи), въ русскомъ языкѣ и въ поведеніи; не менѣе 7-ми среднихъ балловъ и ни въ одномъ предметѣ не менѣе 6-ти балловъ; во фронтѣ—8.

Въ армію: не менѣе 8-ми въ Законѣ Божіемъ, въ русскомъ языкѣ и въ поведеніи; среднихъ балловъ 7 и ни въ одномъ предметѣ не менѣе 5-ти; во фронтѣ—8.

5) При выпускѣ въ офицеры:

а) Камеръ-пажей удостоивать всѣхъ производства въ гвардію.

и б) Пажей 1-го класса удостоивать выпуска въ гвардію, артилерію и армію, сообразно полученнымъ ими балламъ.

6) Тѣмъ изъ камеръ-пажей 1-го класса, кои не получатъ на экзаменѣ балловъ, назначенныхъ для выпуска въ гвардію, дозволяется оставаться въ корпусѣ еще на годъ.

7) Камеръ-пажи и пажи, оставшіеся въ корпусѣ по невыдержанію экзамена для производства въ офицеры въ гвардію еще на годъ и, по истеченіи сего срока, не получившіе требуемаго числа балловъ для производства въ гвардію, выпускаются офицерами въ тотъ родъ оружія, въ который они могутъ быть произведены по полученнымъ ими на экзаменѣ балламъ, съ тѣмъ, что камеръ-пажъ лишается, предъ выпускомъ, званія камеръ-пажа.

В. Я. Буняковскій.
Преподаватель математики.

8) Пажи 2-го класса выпускаются изъ корпуса на основаніи правилъ, для прочихъ военно-учебныхъ заведеній на предметъ этотъ установленныхъ.

9) Пажей 1-го класса, назначенныхъ послѣ экзамена къ производству въ офицеры гвардіи, удостоивать званія камеръ-пажей, но званіе это объявлять имъ лишь при самомъ производствѣ въ офицеры.

10) Пажи эти имѣютъ счастіе дежурить при Высочайшемъ Дворѣ, въ Петергофѣ, за камеръ-пажей.

11) При выпускѣ пажей 1-го класса, произведеннымъ въ камеръ-пажи въ исходѣ учебнаго года, Всемилостивѣйшее пособіе изъ кабинета производится по званію пажей.

12) Изъ остающихся на второй годъ пажей 1-го класса имѣютъ право на производство въ камеръ-пажи тѣ только, которыхъ средніе баллы будутъ превышать средніе же баллы нѣкоторыхъ изъ старшихъ воспитанниковъ 2-го класса, заслужившихъ производство въ камеръ-пажи.

и 13) Правила эти принять къ руководству, въ видѣ опыта, на три года, а затѣмъ директору Пажескаго корпуса представить соображенія о всѣхъ измѣненіяхъ, какія признаны будутъ необходимыми или полезными [51]).

Но такъ или иначе, несомнѣнно одно, что Пажескій корпусъ временъ Николая Павловича предоставлялъ нужныя средства тѣмъ,

кто хотѣлъ серьезно заниматься и съ готовностью шелъ на встрѣчу такому желанію. Этимъ многіе пажи и воспользовались.

Но если преподаватели были не совсѣмъ подготовлены къ той роли, которую брали на себя, то еще съ большимъ основаніемъ можно это сказать про корпусныхъ офицеровъ, которые по положенію о Пажескомъ корпусѣ, вышедшему въ 1827 году, смѣнили бывшихъ гувернеровъ. Бѣдствовалъ въ этомъ отношеніи не одинъ Пажескій корпусъ, а всѣ военно-учебныя заведенія. Одинъ изъ приказовъ конца царствованія Императора Николая, разсуждая о необходимости имѣть просвѣщенныхъ и опытныхъ педагоговъ, съ грустью задается вопросомъ „но гдѣ взять такихъ педагоговъ? Педагогія еще въ младенчествѣ не только у насъ, но и въ Европѣ". Далѣе тотъ же приказъ, обращаясь мыслью къ фронтовымъ офицерамъ, какъ къ лицамъ, которыя могли-бы выступить въ этой роли „просвѣщенныхъ педагоговъ", прибавляетъ: „на это очень немногіе фронтовые офицеры способны" [52]).

И. П. Быковъ.
Преподаватель фортификаціи и химіи.

Однако, надо отдать справедливость, они болѣе, чѣмъ рѣдко пытались выступить въ этой имъ несвойственной роли, они скромно и честно исполняли свои обязанности дежурныхъ офицеровъ и нѣкоторые изъ нихъ пользовались любовью, которая, какъ мы видѣли, побуждала ихъ питомцевъ и за стѣнами корпуса поддерживать съ ними дружескія отношенія.

Исполняли они и другое назначеніе—прививали дисциплину и обучали фронтовымъ тонкостямъ, т.-е., другими словами, давали военное воспитаніе, о которомъ такъ заботился Государь еще Великимъ Княземъ, находившій, что въ Пажескомъ корпусѣ оно поставлено очень неудовлетворительно и потому не желавшій имѣть пажей въ своихъ полкахъ. Кромѣ обращенія въ 1827 году корпуса въ строевомъ отношеніи въ роту и уничтоженія слишкомъ придворнаго званія пажескаго гофмейстера, средствомъ для обращенія пажей въ настоящихъ военныхъ Императоръ считалъ лагерные сборы, во время которыхъ весьма строго относился къ неисправностямъ пажей.

Вотъ, что разсказываетъ про лагерное житье князь Н. К. Имеретинскій.

„Шли мы въ лагерь, пишетъ кн. Имеретинскій въ іюнѣ, конечно, пѣшкомъ въ походномъ порядкѣ, дѣлали привалъ въ Красномъ Кабачкѣ, а ночлегъ въ деревнѣ Кикиники. Выступленіе происходило съ церемоніей, въ присутствіи Великаго Князя или начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, а имъ былъ тогда генералъ-маіоръ Я. И. Ростовцевъ. Великій Князь въ напутствіе задавалъ намъ такого страха, что мы нѣсколько верстъ шли въ смущеніи и молчаніи. Никто не умѣлъ такъ нагнать страху и дать почувствовать свою власть какъ Михаилъ Павловичъ. Помню, онъ пріѣхалъ разъ провожать кадетъ въ лагерь, но несмотря на всю свою зоркость и желаніе подтянуть, не нашелъ никакой неисправности и былъ спокоенъ, какъ вдругъ какой-то несчастный крестьянинъ, ѣхавшій по Петергофской дорогѣ, замѣшался въ середину колоннъ: „Куда ты лѣзешь, дурачина!“ грозно крикнулъ на него Великій Князь. Мужика тотчасъ же стащили въ канаву, но гроза не прошла. Великій Князь, бывшій верхомъ, вдругъ замѣтилъ, что лейбъ-гусарскій офицеръ Мурузи стоитъ у рѣшетки сада собственной своей дачи, но въ сюртукѣ и въ фуражкѣ. Михаилъ Павловичъ подъѣхалъ къ рѣшеткѣ и послѣ страшнѣйшаго распеканья отправилъ Мурузи подъ арестъ. У всѣхъ насъ пробѣжали мурашки по кожѣ: если уже офицеровъ, предъ которыми мы становились во фронтъ, казнятъ такъ безпощадно, то какъ же намъ не трепетать!

Кадетскій лагерь въ Петергофѣ — мѣсто общеизвѣстное. Въ мое время лагерь этотъ былъ снимокъ съ солдатскаго, Красносельскаго, но въ уменьшенномъ, карикатурномъ видѣ. Тѣ-же линейки, тѣ-же торчащіе на нихъ дежурные и дневальные; при проходѣ офицера они становились только на свое мѣсто у значка, но при появленіи генерала кричали: „дежурные на линію!“ При проѣздѣ лицъ Царской фамиліи кричали: „всѣмъ на линію!“

Пажи, подпрапорщики и инженеры помѣщались въ большихъ палаткахъ, по двѣ на каждый корпусъ. Кровати были широкія деревянныя, съ перегородкой посрединѣ; съ каждой стороны перегородки спалъ одинъ пажъ, такъ что на одной кровати помѣщались два воспитанника. Около серединныхъ столбовъ палатки сдѣланы были пирамиды для ружей и аммуниціи, а у входа и выхода были особыя отдѣленія палатки для корпусныхъ офицеровъ. Симметрія, предписан-

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“

Бивуакъ у Краснаго Кабачка, на походѣ въ лагерь 20 Іюня 1851 г.

(Рисунокъ пажа А. Ѳ. Мирковича).

ная уставомъ, соблюдалась въ интервалахъ палатокъ батальоновъ и полковъ, словомъ, во всемъ расположеніи лагеря. За пажескими палатками размѣщались обыкновенныя солдатскія для служителей; далѣе, столовые навѣсы, затѣмъ лазаретъ и домики Жирардота и директора. Тылъ лагеря замыкался конюшнями кавалерійскихъ юнкеровъ, а за ними виднѣлся огромный „задній плацъ“, гдѣ происходили всѣ ученья или всѣ мученья наши. Пространный разсказъ объ этихъ ученьяхъ былъ бы дѣломъ утомительнымъ и безполезнымъ. Ограничусь однимъ только эпизодомъ, гдѣ характеръ нашихъ лагерныхъ занятій обрисуется весьма отчетливо. Это было въ 1847 г., въ предпослѣднемъ году моей корпусной жизни. Главнымъ строевымъ начальникомъ на мѣсто Шлиппенбаха, назначенъ былъ генералъ-маіоръ Сутгофъ, директоръ школы подпрапорщиковъ. Онъ много читалъ французскихъ книгъ, особенно сочиненія Capefigue (за что его и прозвали „Капфикъ“), но Сутгофъ зналъ уставъ плохо по теоріи, а практически еще хуже; поэтому путался, суетился въ командованіи и часто самъ не зналъ, что ему и намъ было дѣлать. Какъ разъ дня за два до Царскаго смотра, окончательнаго въ лагеряхъ, Сутгофъ училъ насъ на заднемъ плацу часу въ пятомъ вечера. Утромъ шелъ дождь и плацъ былъ покрытъ огромными лужами. Ученье шло вяло, потому что начальникъ, занятый собственнымъ невѣдѣніемъ и не знавшій, чего именно ему требовать и чего добиваться, смотрѣлъ сквозь пальцы на то, какъ развернутый фронтъ шелъ не равняясь, какъ разрывались въ рядахъ, а пажи, сверхъ того, безъ церемоніи обходили лужи или прыгали черезъ нихъ. Вдругъ, слышимъ Сутгофъ торопливо останавливаетъ движеніе, командуетъ: „на плечо“ и видимъ, что онъ самъ пускается размашистымъ галопомъ на другой конецъ плаца. Оказалось, что на дорогѣ, окружавшей плацъ, со стороны Ольгинскаго павильона выѣхали дрожки и на нихъ статная фигура военнаго въ бѣлой конногвардейской фуражкѣ. Къ несчастью, ни Сутгофъ, ни мы не замѣтили, какъ Государь Николай Павловичъ остановился на углу плаца и смотрѣлъ около четверти часа на ученье, пока, наконецъ, не подозвалъ Сут-

А. А. Вальвикъ.
Преподаватель фехтованія.

гофа грознымъ движеніемъ руки. Мы стояли, какъ вкопанные, не спуская глазъ съ интересной группы. Сутгофъ также неподвижно стоялъ передъ дрожками, приложивъ руку къ каскѣ и склонившись до самой гривы своей лошади, какъ будто кто сверху нещадно билъ его батогомъ. Государь говорилъ оживленно, сопровождая каждое слово гнѣвнымъ жестомъ. Подъ конецъ его величественная фигура быстро приподнялась съ сидѣнья и онъ сталъ во весь свой богатырскій ростъ. Сутгофъ откачнулся въ сторону, и мы видѣли, какъ онъ суетливо засѣменилъ шенкелями и шпорами, чтобы повернуться по направленію, куда указывалъ Государь. Императоръ же протянулъ руку и указалъ на нашъ сводный батальонъ, потомъ, обращаясь къ Сутгофу съ выразительными жестами неудовольствія, онъ опять указывалъ прямо на насъ, поговорилъ еще минутъ пять съ возрастающимъ гнѣвомъ и, быстро опустившись на дрожки, уѣхалъ, не поздоровавшись съ нами издали, какъ обыкновенно бывало. Сутгофъ возвратился шагомъ, блѣдный, встревоженный, подъѣхалъ къ намъ и сказалъ: „Ну, господа, я васъ поздравляю!.. Государь все видѣлъ и страшно прогнѣвался!.. Вы нажили себѣ и мнѣ большую бѣду... А все пажи!.. Черезъ лужи попрыгивать изволятъ... лужъ боятся! Ну, вотъ достанется вамъ... увидите, что Государь на смотру скажетъ!“ На другой день былъ отдыхъ передъ смотромъ, и вотъ, наконецъ, наступило памятное утро. Грустно вышли мы на плацъ съ зловѣщимъ предчувствіемъ и построились въ общее каре, по полкамъ для ружейныхъ пріемовъ, съ которыхъ государь начиналъ смотръ. Императоръ пріѣхалъ, съ принцемъ Карломъ Прусскимъ, и мы съ перваго же шага увидѣли, чѣмъ дѣло должно кончиться. Государь началъ съ того, что не поздоровался съ нами, а медленно пошелъ по фронту, смотря каждому прямо въ глаза, весьма грозно и строго.

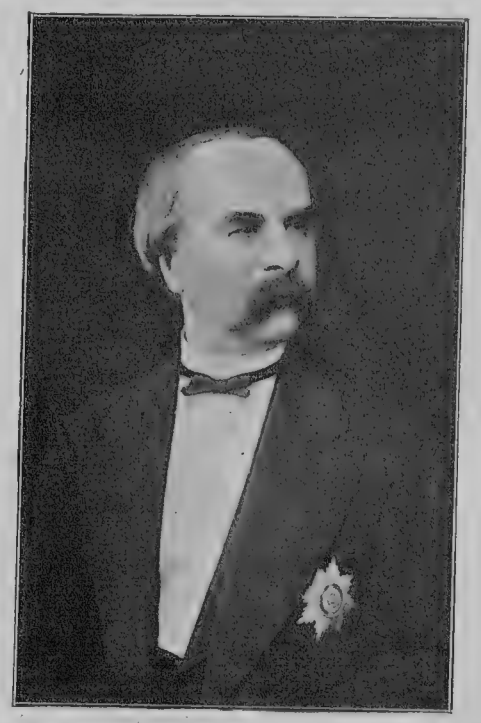
С. Е. Гавеманъ.
Преподаватель фехтованія.

15 сентября 1846 г.

(Съ рисунка Е. Лошкарева).

Литогр. „Т-ва Худож. Печ.“.

Подходя къ другимъ корпусамъ, государь поочередно здоровался съ ними, какъ всегда. Наконецъ, онъ обошелъ и дворянскій полкъ, велѣлъ всѣмъ взять „къ ногѣ“, кромѣ перваго батальона, и мы одни остались подъ ружьемъ. Начался смотръ ружейныхъ пріемовъ. Едва успѣли мы продѣлать первые два: „на плечо!“ и „на к-раулъ!“ какъ вдругъ Императоръ быстро повернулся въ нашу сторону и грозно прикрикнулъ: „Что дѣлаютъ пажи? Это что такое?.. Мамзели! Бѣлоручки!.. Съ плаца долой сгоню!“ Послѣ того онъ велѣлъ намъ взять „на плечо“ и перестать дѣлать пріемы, а самъ повернулся къ намъ спиной и продолжалъ смотрѣть другіе корпуса, которые разблагодарилъ и расхвалилъ на славу. Во все это время мы стояли подъ прикладомъ, такъ, что отекли руки. Унылые наши взгляды были прикованы къ Императору. Мы видѣли, какъ принцъ Прусскій приложилъ руку къ козырьку, наклонился на ухо къ Государю и съ замѣтнымъ чувствомъ просилъ о помилованіи насъ. Государь что-то отвѣтилъ ему, повернулся въ нашу сторону и велѣлъ взять къ ногѣ. Мы думали, что опала кончилась, не тутъ-то было! Началось линейное ученье. Извѣстно, какъ быстро вертѣлъ Николай I войсками на своихъ смотрахъ. Они продолжались не болѣе часу, но зато зѣвать нельзя было ни минуты, а, напротивъ, навастривать уши и глаза во всѣ стороны. Когда пошли развернутыми батальонами, царь опять сталъ страшно гнѣваться, бранилъ и прикрикивалъ на каждомъ шагу, тогда какъ въ другихъ корпусахъ то и дѣло раздавались восторженные крики отъ частыхъ его благодареній. Наконецъ, начался егерскій строй; мы разсыпали цѣпь, но все это оказалось изъ рукъ вонъ плохо. Впрочемъ, дѣйствительно, дѣло шло у насъ отвратительно: мы такъ растерялись, что не знали, куда дѣваться и что дѣлать. Государь выходилъ изъ себя: „Пажи что дѣлаютъ?.. Куда бросаются?... Угорѣлыя кошки! Бабы!“...



Н. К. фонъ-Критъ.
Дежурный офицеръ.
(По позднѣйшей фотографіи).

Кажется, кончилось тѣмъ, что насъ убрали съ плаца и отвели назадъ, къ юнкерскимъ конюшнямъ, такъ какъ государь рѣшительно

объявилъ, что не желаетъ больше насъ видѣть. Онъ окончательно разблагодарилъ всѣ другіе корпуса, собралъ старшихъ воспитанниковъ и поздравилъ ихъ съ предстоящимъ выпускомъ въ офицеры, а про насъ выразился: „что насъ надобно еще учить и проучить, а о выпускѣ чтобы мы и не думали“. Предъ отъѣздомъ съ плаца, государь передалъ это внушеніе Великому Князю Михаилу Павловичу, повторилъ выговоръ Сутгофу и всему нашему начальству и еще разъ приказалъ „учить и подтянуть 1-й батальонъ, особенно, пажей, а всѣмъ остальнымъ дать отдыхъ впредь до приказанія“.

А. К. Де-Симонъ.
Дежурный офицеръ.

Ну, и начали насъ проучивать! Вотъ и прислали намъ новыхъ учителей, да еще какихъ! Сначала пріѣхалъ начальникъ штаба генералъ Ростовцевъ съ очевиднымъ намѣреніемъ подтянуть. Муштровалъ онъ насъ, бранилъ, кричалъ.

Одна бѣда другую накликаетъ, и тутъ не обошлось безъ исторій горше первыхъ. Молодежь, это такой народъ, что его и обуздывать надобно съ тактомъ; иначе онъ или засмѣется или закуситъ удила! Ростовцевъ заикался, а въ раздраженіи этотъ недостатокъ доходилъ до высшей степени.

Поэтому именно въ то время, какъ начальникъ штаба воображалъ, что заставляетъ насъ трепетать, мы едва сдерживали хохотъ, а одинъ изъ насъ, пажъ Жемчужниковъ не могъ даже порядочно и сдержаться и разсмѣялся прямо въ глаза начальнику штаба. Ростовцевъ, до тѣхъ поръ сердившійся ex officio, разсердился уже на самомъ дѣлѣ, вызвалъ Жемчужникова предъ фронтъ, и если бы можно было уничтожить человѣка словомъ, то онъ бы, конечно, достигъ этой цѣли. Между прочими внушеніями, онъ сказалъ Жемчужникову: „знаете ли... что между мною и...и...и... вами... цѣлая б-б-б-ездна разницы!“

Мы думали, что Жемчужниковъ въ самомъ дѣлѣ будетъ солдатомъ, такъ какъ этою участью Ростовцевъ серьезно и настойчиво грозилъ ему; однако, дѣло кончилось долговременнымъ заключеніемъ въ карцерѣ. Вѣроятно, исторія эта дошла до Великаго Князя или до Государя, потому что вслѣдъ за тѣмъ прислали намъ, ради муштры и подтяжки, учебное страшилище всей гвардіи, генерала А....а. Этотъ

15 сентября 1846 г.

(Съ рисунка Е. Лошкарева).

Литогр. „Т-ва Худож. Печ.“.

генералъ имѣлъ свойство злиться, браниться и мучить учащихся хладнокровно. Я не въ состояніи описать, какъ онъ пилилъ и выводилъ изъ терпѣнія долгими и назойливыми ученіями.

Младшій сынъ А....ва воспитывался тогда въ Пажескомъ корпусѣ и ходилъ во второй перемѣнѣ. Пажи до того озлоблены были генераломъ А—мъ, что на каждомъ ученьѣ, какъ только мы поворачивались на заднюю шеренгу, на несчастнаго А....ва—сына сыпались толчки и пинки, со внушеніемъ: „на, вотъ, отнеси это твоему отцу“!

Даже по воскресеньямъ не было покоя: насъ водили въ церковный парадъ; онъ состоялъ въ томъ, что воспитанниковъ строили въ колонну въ верхнемъ Петергофскомъ саду, передъ дворцомъ, и держали тамъ на ногахъ все время, пока длилось богослуженіе въ придворной церкви. Вскорѣ послѣ несчастнаго смотра Государь, казалось, умилостивился надъ нами.

Онъ въ первый разъ со времени опалы поздоровался съ пажами.

Но едва успѣлъ Государь обойти головные взводы, какъ вдругъ онъ опять настроился иначе, сталъ передъ колонной и началъ самолично равнять ряды, рѣзко и грозно покрикивая и побранивая. Насъ опять обуялъ страхъ и трепетъ; ближайшіе начальники наши опять заходили на цыпочкахъ, боясь вмѣшиваться и распоряжаться. У самихъ корпусныхъ офицеровъ захватывало духъ, они сами оцѣпенѣли на флангахъ и только прерывающимся шопотомъ напоминали съ боковъ и сзади: „Господа, ради Бога, вниманіе... Государь равняетъ“!...

Б. Б. Гине.
Дежурный офицеръ и адъютантъ корпуса.

Подъ конецъ лагеря Николай Павловичъ обратилъ гнѣвъ на милость, выпускъ въ офицеры совершился своимъ порядкомъ, и вся эта непріятная исторія отошла въ область воспоминаній. Остается прибавить, что въ лагерное время воспитанниковъ старшихъ классовъ упражняли въ стрѣльбѣ боевыми патронами“ [53]).

Лагерное времяпрепровожденіе смѣнило привольное житье въ Павловскѣ, въ дни дежурства при дворѣ, о которомъ намъ такъ подробно разсказалъ П. Дараганъ, т.-е., иначе говоря, придворные обязанности уступили мѣсто военнымъ обязанностямъ.

Вотъ это постоянное выдвиганіе на первый планъ военнаго воспитанія и составляетъ отличительную черту жизни корпуса въ царствованіе Императора Николая.

Государь неуклонно велъ пажей по пути окончательнаго превращенія ихъ въ настоящихъ военныхъ. Другими словами, Императоръ велъ ихъ по той дорогѣ, по которой, какъ мы видѣли, вела ихъ и жизнь.

Но если въ корпусѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ пажъ могъ получить только военное воспитаніе, то кто же его воспитывалъ въ остальныхъ отношеніяхъ?—Что могъ и какъ могъ дѣлалъ К. К. Жирардотъ, но главными воспитателями являлись старшіе воспитанники—камеръ-пажи и старшіе пажи.

Такое значеніе камеръ-пажи пріобрѣли исторически. Какъ мы знаемъ, въ XVIII столѣтіи на пажа смотрѣли, какъ на юношу, обязаннаго, главнымъ образомъ, отправлять придворныя служебныя обязанности. При такой чисто служебной точкѣ зрѣнія, окончательно заслонявшей въ пажѣ ученика, камеръ-пажъ являлся его естественнымъ и ближайшимъ начальникомъ. Когда отсутствовалъ высшій начальникъ, допустимъ, гофмейстеръ или одинъ изъ учителей, камеръ-пажъ по предписанію этого высшаго начальника заступалъ его мѣсто. Первая извѣстная намъ инструкція, данная барону Шуди, касающаяся Пажескаго корпуса, если припомнитъ читатель, гласитъ слѣдующее: „когда публичныхъ столовъ не бываетъ, то въ таковыя времена пажей въ смотрѣніе поручить дежурнымъ камеръ-пажамъ, которые обыкновенно надъ пажами по чину смотрѣніе имѣть должны, чего ради въ небытность Вашу при дворѣ Ея Императорскаго Величества и всегда тѣхъ пажей камеръ-пажамъ въ смотрѣніи препоручать, дабы всѣ при сей должности и мѣстахъ находились, чтобы было порядочно и исправно, какъ выше въ пунктахъ изображено“.

Понадобилось много времени, чтобы пажъ-служащій превратился въ пажа-ученика. Можно сказать, что только Александръ II завершилъ эту эволюцію. Ясно, что и камеръ-пажъ-начальникъ съ трудомъ превращался въ камеръ-пажа-старшаго товарища. Замѣчательно, что превращеніе пажа-служащаго въ пажа-ученика произошло раньше,

чѣмъ превращеніе камеръ-пажа-начальника въ камеръ-пажа-старшаго товарища.

Намъ кажется, что объясненіе этого факта надо искать въ свойствахъ педагогическаго персонала и, главнымъ образомъ, воспитательскаго, т. е. офицерскаго, въ свойствахъ, о которыхъ мы говорили выше и которыя характеризуются такъ: они къ дѣлу воспитанія приспособлены не были; въ нихъ не было ни авторитета знанія, ни авторитета происхожденія, а потому воспитанники отворачивались отъ нихъ. Свободное мѣсто занимали камеръ-пажи и старшіе воспитанники, которые, не обладая авторитетомъ знанія, обладали авторитетомъ происхожденія. Они принадлежали къ одной и той же средѣ, какъ и ихъ младшіе товарищи, но имѣли преимущество передъ ними, были старше ихъ и такое преимущество вполнѣ признавалось. Они и пользовались и примѣняли въ отношеніи младшихъ свою подчасъ жестокую педагогику, о чемъ свидѣтельствуютъ записки одного изъ пажей, съ содержаніемъ которыхъ мы познакомимся въ слѣдующей главѣ.

Н. А. Бухъ.
Библіотекарь.

Въ концѣ концовъ, если военное воспитаніе закаливало характеръ и вырабатывало волю, то и камеръ-пажеское воспитаніе и воспитаніе старшихъ пажей приводило къ тѣмъ же результатамъ, съ тою только разницей, что одно желало достигнуть своей цѣли систематично и разумно, а другое,—такими средствами, которыя могутъ прійти въ голову юношамъ съ неразвитыми, а потому болѣе, чѣмъ часто, аберрирующими мозгами.

Итакъ, насколько возможно, мы подробно ознакомились и съ высшими начальствующими лицами, и съ учительскимъ персоналомъ, и съ офицерскимъ составомъ корпуса. Знакомство съ ними привело насъ и къ знакомству съ жизнью Пажескаго корпуса за тридцатилѣтній періодъ царствованія Императора Николая. Но говоря о людяхъ, мы мало говорили о мѣрахъ, какія проектировало и пыталось проводить въ жизни высшее начальство, для устраненія тѣхъ или другихъ недостатковъ.

Съ главнѣйшими изъ нихъ можно ознакомиться изъ Положенія о корпусѣ 1827 года. (Смотр. Прилож. № 7, т. II, стр. 63—65) изъ

устава для военно-учебныхъ заведеній второго класса (См. Приложенія т. II стр. 103—154).

Что касается, вообще говоря, мѣръ для развитія военно-воспитательнаго дѣла, понимая подъ ними всевозможныя инструкціи, приказы, правила, то царствованіе Императора Николая Павловича отличается удивительнымъ обиліемъ ихъ.

На это потрачено было такъ много труда, такъ много ума и времени, что нельзя не пожалѣть, что все это разбивалось о недостатокъ людей для проведенія въ жизнь.

Дѣла, служащія къ руководству, составляютъ въ архивѣ корпуса чуть ли не самыя почтенныя по размѣрамъ связки и чего только тамъ нѣтъ! Въ этомъ направленіи была произведена громадная детальная и въ высшей степени разумная работа. Черныя доски для убитыхъ, съ описаніемъ ихъ подвиговъ, и портретъ сдѣлавшагося столь извѣстнымъ пажа-фельдмаршала кн. И. Ѳ. Паскевича были помѣщены въ корпусъ по приказанію Государя. По распоряженію Царя велѣно воспитанниковъ знакомить съ подвигами героевъ разныхъ войнъ и разобрать архивъ корпуса для составленія краткаго историческаго очерка.

Неоднократно подтверждалось въ дни правленія Императора Николая, чтобы офицеровъ въ корпуса выбирали съ осторожностью; неоднократно повторялось о томъ, какъ важно и желательно привлечь хорошихъ преподавателей. Принимались мѣры, чтобы они не опаздывали въ классы. Стремились къ объединенію занятій по одному и тому же предмету, а для этого устанавливали контроль. Вырабатывались и обсуждались программы. Однимъ словомъ, организаторская работа кипѣла, но все разбивалось, повторяемъ еще разъ, о недостатокъ исполнителей [54]).

Н. Г. Фроловъ.
Переводчикъ „Космоса“ Ал. Гумбольдта.
(Изъ альбома Мухина).

Не даромъ англичане любятъ повторять: „не мѣръ, а людей!“. Дѣйствительно, мѣръ было много, а людей т. е. знающихъ, любящихъ и понимающихъ свое дѣло педагоговъ было очень мало: они считались единицами, но зато эти единицы, подобно Карлъ Ѳедоровичу Клингенбергу и К. К. Жирардоту, вкладывали свою душу въ дѣло воспитанія.

Если людей не доставало для педагогической работы, то одинаково чувствовался въ нихъ недостатокъ и на другихъ поприщахъ дѣятельности. Отсюда долженъ естественно рождаться такой вопросъ: а что Пажескій корпусъ способствовалъ пополненію этого недостатка въ людяхъ или нѣтъ?

На него можно смѣло отвѣтить: „да“. Но какъ же? готовъ съ недоумѣніемъ спросить себя читатель—людей недоставало для того, чтобы подготовлять пажей, и тѣмъ не менѣе, изъ пажей вырабатывались нужные люди. Тутъ какое то непримиримое противорѣчіе?

Постараемся объясниться. Познакомившись сначала съ обстоятельствами, которыя сопровождали у насъ появленіе пажей, мы затѣмъ прослѣдили, какъ условія русской жизни привели къ тому, что пришлось учредить Пажескій корпусъ. Прослѣдили мы и судьбу этого учебнаго заведенія въ XVIII столѣтіи и въ XIX въ царствованія Императоровъ Александра I и Николая I. По возможности пристально всматриваясь въ жизнь пажей и Пажескаго корпуса, мы въ то же время слѣдили за развитіемъ двухъ соціальныхъ процессовъ, совершавшихся въ русскомъ обществѣ и, въ особенности, рѣзко обозначившихся въ верхнихъ его слояхъ: за развитіемъ процесса подражанія и за развитіемъ творческаго контръ-процесса. Мы видѣли, что, зародившись еще до Петра, при дворѣ, который явился его очагомъ, подражательный процессъ въ теченіе XVIII вѣка все росъ и крѣпъ. Изъ высшихъ слоевъ постепенно онъ переходилъ въ низшіе.

Развивался онъ по законамъ, установленнымъ извѣстнымъ ученымъ Тардомъ: сначала подражали внѣшности иностранцевъ, блесткамъ цивилизаціи, а затѣмъ уже тому, что составляло ея сущность и что давало значительныя преимущества нашимъ западнымъ сосѣдямъ передъ нами. Но такъ или иначе, процессъ подражанія несъ съ собой просвѣщеніе, цивилизацію и культуру. Подражательный процессъ вызвалъ сначала инстинктивный протестъ противъ возможнаго національнаго обезличенія, потомъ, когда многое изъ того, что было воспринято, претворилось, вошло въ народное сознаніе, протестъ этотъ незамѣтно выросъ въ самосознаніе т. е. въ творческій процессъ. Во все время XVIII столѣтія подражательный процессъ господствовалъ надъ творческимъ. Въ началѣ XIX столѣтія, послѣ 1812 года, оба процесса достигли почти равной силы, они начали бороться. Въ царствованіе Императора Николая эта борьба олицетворилась въ знаменитой борьбѣ западниковъ и славянофиловъ; она затихла только въ послѣдующее

царствованіе, когда подражательный процессъ вспыхнулъ съ новою силою и, казалось, заглушилъ творческій. Иниціатива сначала безсознательнаго и затѣмъ сознательнаго подражанія или, другими словами, просвѣщенія, шла отъ двора, который при помощи высшихъ слоевъ общества распространялъ его въ массы. Лицами, съ дѣтства вращавшимися при дворѣ, были пажи. Они съ юныхъ лѣтъ всасывали въ себя западную культуру и цивилизацію, они дышали атмосферой, которая была пропитана и той и другой и затѣмъ разносили по лицу русской земли сѣмена просвѣщенія. Втянутые въ подражательный процессъ съ юныхъ лѣтъ, пажи испытали на себѣ въ теченіе XVIII и XIX столѣтій всѣ фазисы его развитія. Пережилъ эти фазисы и основанный для образованія пажей Пажескій корпусъ. Вступленіе въ XIX вѣкъ сопровождалось для пажей и Пажескаго корпуса вступленіемъ въ періодъ такого подражанія, которое пріобрѣтало характеръ все большей и большей осмысленности, что давало пажамъ возможность становиться впослѣдствіи все болѣе и болѣе сознательными проводниками западной культуры и цивилизаціи, т.-е., иначе говоря,—иниціаторами проведенія среди русскаго общества новыхъ западно-европейскихъ идей. Главное значеніе дворянства, его отличительная черта—пишетъ намъ знакомый Тардъ—заключается въ томъ, что въ немъ живетъ духъ иниціативы и отчасти духъ изобрѣтательности. Конечно, изобрѣтательность можетъ явиться достояніемъ самыхъ низшихъ слоевъ общества, но для того, чтобы плоды ея изобрѣтенія распространялись, нужно плоды эти поднять на извѣстную высоту.

Но мы знаемъ изъ предыдущаго, что рядомъ съ процессомъ подражанія и творческимъ процессомъ развивался еще процессъ: медленнаго превращенія Россіи изъ государства съ преобладающими военными интересами въ государство съ преобладающими мирными интересами. Медленность послѣдняго процесса сдѣлала то, что западноевропейская цивилизація и культура легче всего могли быть распространены въ массы, популяризованы среди нихъ людьми съ военнымъ закаломъ и въ военной формѣ. Пажескій корпусъ въ XVIII столѣтіи, хотя и не давалъ военнаго закала, но людей съ извѣстнымъ закаломъ и въ военной формѣ выпускалъ; въ XIX столѣтіи онъ сталъ понемногу давать и военный закалъ и, въ особенности, въ только-что разсмотрѣнное царствованіе Императора Николая.

Этого военнаго закала и, даже больше того, превращенія Пажескаго корпуса въ спеціальное военное учебное заведеніе требовало

и развитіе общественнаго организма Россіи, съ неизбѣжнымъ спутникомъ, раздѣленіемъ труда. Императоръ Николай, какъ мы видѣли, постарался превратить корпусъ въ спеціально-военное учебное заведеніе, но нужда въ людяхъ, способныхъ распространять и популяризировать западно-европейскія идеи сдѣлала то, что, несмотря на опредѣленно поставленныя спеціальныя задачи корпуса, воспитанниками его продолжали пользоваться на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ.

Теперь, думается намъ, понятно, почему мы смѣло сказали, что Пажескій корпусъ способствовалъ пополненію ощущавшагося недостатка въ людяхъ. Намъ остается сказать, что учебно-воспитательная роль корпуса сводилась къ слѣдующему. Большею частью, и въ XVIII вѣкѣ, и въ первой половинѣ XIX столѣтій пажъ, въ ранній періодъ своей жизни воспитывался и обучался дома, причемъ, по мѣрѣ развитія процесса подражанія, все болѣе и болѣе въ западно-европейскомъ духѣ. Въ корпусъ большинство изъ пажей поступало поздно и пробывало въ немъ очень недолго, рѣдко кто проходилъ всѣ его классы отъ начала до конца.

Н. А. Коровкинъ.
Писатель.
Вып. 1835 года.
(Изъ альбома Мухина).

Такимъ образомъ, основу воспитанія, а также и образованія, пажи получали дома, въ корпусѣ-же при помощи дисциплины, въ той или другой степени, закаливали имъ волю, вырабатывали характеръ; вырабатывался характеръ и другимъ путемъ: воздѣйствіемъ старшихъ товарищей на младшихъ. Первый способъ выработки характера такъ, какъ онъ практиковался въ корпусѣ, можетъ считаться нормальнымъ, а второй, хотя, несомнѣнно, закаливалъ волю, но, взамѣнъ того, причинялъ нѣкоторымъ натурамъ не мало вреда.

Что касается ученія, то для желающихъ учиться, корпусъ являлся дѣятельнымъ помощникомъ. Онъ помогалъ имъ расширять кругозоръ и развиваться; однако, ни любителей ученія, ни враговъ его онъ особенно не принуждалъ заниматься.

Въ концѣ концовъ, большинству корпусъ несомнѣнно развивалъ волю, меньшинству умъ и весьма немногимъ чувство.

Но, умъ и чувства у большинства развивались въ домашней обстановкѣ, подъ вліяніемъ среды, а воля въ той же домашней обстановкѣ развивалась лишь у меньшинства, слѣдовательно, корпусъ являлся какъ бы поправкой домашняго воспитанія. Эта поправка была настолько существенна, что она дѣлала лицъ, въ которыхъ наше отечество нуждалось, и въ силу процесса подражанія, и въ силу процесса превращенія Россіи изъ государства съ преобладающими военными интересами въ государство съ преобладающими мирными интересами, особенно пригодными для роли общественныхъ и государственныхъ дѣятелей.

На одномъ изъ церковныхъ парадовъ въ Петергофѣ Императоръ Николай обратился къ гостю своему принцу Карлу Прусскому, показалъ на пажей и сказалъ: „Ce sont les mêmes pages, que dans l'histoire“ [55]), т. е., слова Государя подтверждаютъ только-что сдѣланные нами выводы, подтверждаетъ ихъ и бѣглый обзоръ дѣятельности пажей въ царствованіе Императрицы Екатерины и Императора Александра I, подтвердитъ ихъ и тотъ краткій обзоръ дѣятельности пажей, который мы сейчасъ сдѣлаемъ.

Начать съ того, что въ теченіе всего почти царствованія Императора Николая военнымъ министромъ былъ бывшій пажъ—свѣтлѣйшій князь А. И. Чернышевъ. Генералъ-губернаторомъ Витебскимъ, Могилевскимъ и Смоленскимъ былъ одно время гонералъ-адъютантъ П. Н. Дьяковъ, а позже князь Урусовъ. Наказнымъ атаманомъ войска донскаго—генералъ-адъютантъ М. Г. Хомутовъ. Командующимъ войсками Царства Польскаго—генералъ-адъютантъ Э. Л. Рамзай. Посломъ въ Мюнхенѣ—князь Ив. Ив. Барятинскій, посланникомъ при шведскомъ и норвежскомъ дворахъ—Я. А. Дашковъ. Воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, будущаго Царя-Освободителя—бывшій директоръ Пажескаго корпуса генералъ-адъютантъ А. А. Кавелинъ. Гофмаршаломъ и, слѣдовательно, близкимъ человѣкомъ Цесаревичу и его семьѣ—В. Д. Олсуфьевъ. Воспитателемъ будущаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, нынѣ благополучно здравствующаго Великаго Князя Михаила Николаевича и его Августѣйшаго брата главнокомандующаго арміею въ Освободительную войну 1877—1878 года Великаго Князя Николая Николаевича — генералъ-адъютантъ А. И. Философовъ.

Занялъ постъ, требующій особеннаго довѣрія Царя, князь А. Ѳ. Голицынъ. Онъ былъ статсъ-секретаремъ по принятію прошеній на

Высочайшее имя подаваемыхъ. Авторъ воспоминаній Ѳ. Я. Мирковичъ занималъ постъ гродненскаго, минскаго и бѣлостокскаго генералъ-губернатора. Продолжали свою дѣятельность и тѣ изъ бывшихъ пажей, которые трудились въ прошлое царствованіе: графъ Н. И. Новосильцевъ въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта А. Н. Оленинъ въ качествѣ директора публичной библіотеки. Имя А. Н. невольно заставляетъ вспомнить имя другого пажа, который тоже весь отдался мирной научной работѣ, мы говоримъ о князѣ М. А. Оболенскомъ, стоявшемъ во главѣ Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, извѣстномъ археологѣ и археорграфѣ. Привлекала вниманіе пажей и литературная дѣятельность, Ѳ. Толстой выступалъ подъ псевдонимомъ Ростиславъ, писали и бывшіе пажи А. П. Башуцкій, Н. А. Коровкинъ, наконецъ прогремѣлъ своею повѣстью „Полинька Сиксъ“, К. А. Дружининъ.

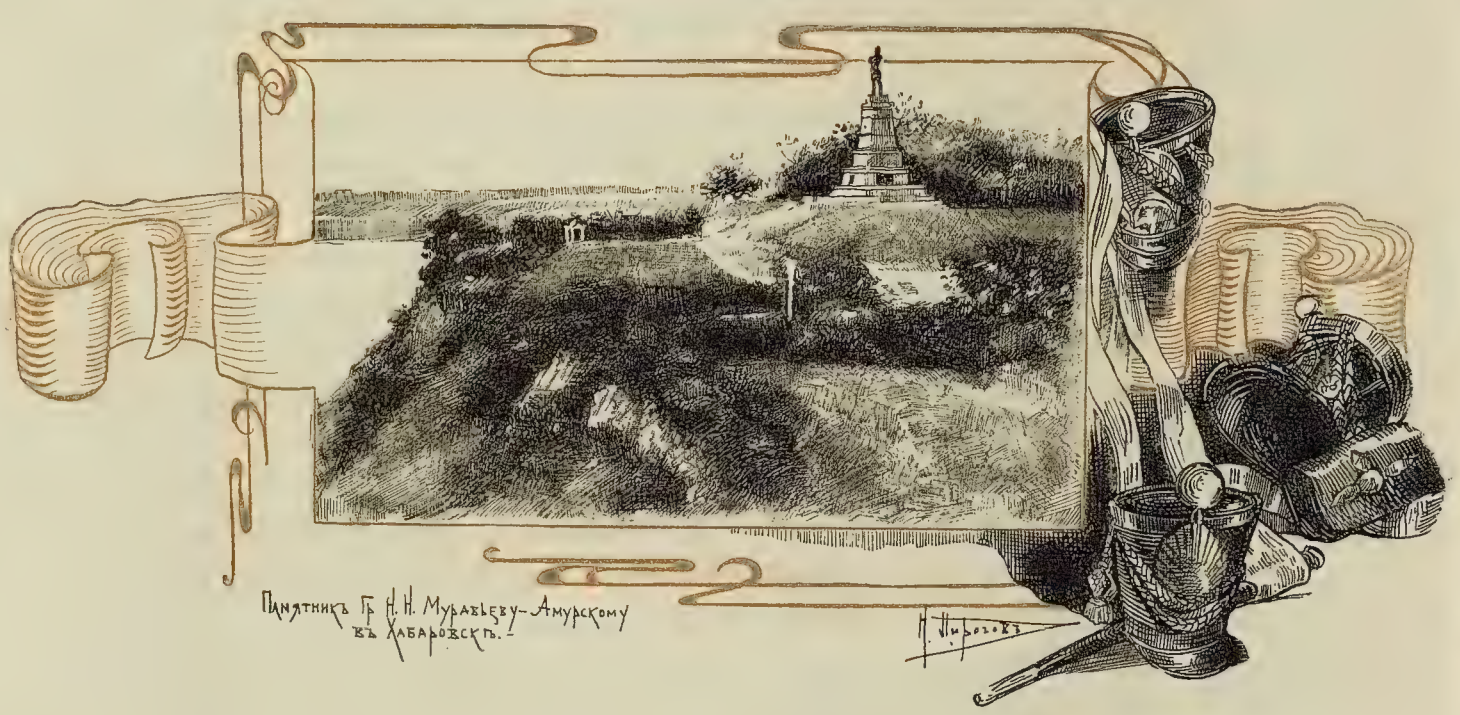
Принялъ дѣятельное участіе въ спорѣ славянофиловъ и западниковъ,—причемъ сталъ на сторону западниковъ—Н. Г. Фроловъ, другъ Т. Н. Грановскаго, посвятившаго его памяти нѣсколько очень теплыхъ и горячихъ строкъ [56]). Музыкальный міръ призналъ своимъ бывшаго пажа Бахметева. Примѣняли свои силы бывшіе пажи на педагогическомъ поприщѣ вообще и на военно-педагогическомъ въ частности. А. П. Языковъ 29 лѣтъ стоялъ во главѣ училища Правовѣдѣнія, Г. Ѳ. Гогель былъ помощникомъ директора Института путей сообщенія. Тринадцать лѣтъ Н. Н. Пущинъ управлялъ Дворянскимъ полкомъ. Были директорами 2 корпуса Ѳ. Я. Мирковичъ, а перваго московскаго Н. П. Анненковъ. Первымъ правителемъ дѣлъ въ военной академіи (нынѣ Николаевской академіи генеральнаго штаба) былъ Д. И. Циціановъ.

Продолжали пажи отличаться и на военномъ поприщѣ, многіе изъ государственныхъ дѣятелей эпохи преобразованія въ царствованіе Императора Николая сражались въ рядахъ войскъ. Такими были: Ѳ. С. Палютинъ, гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, И. П. Корниловъ, графъ К. К. Бенкендорфъ, графъ Н. В. Адлербергъ, Н. А. Краснокутскій, А. Д. Герстенцвейгъ, графъ, Л. Л. Гейденъ, П. П. Альбединскій и графъ Н. Орловъ.

Какъ въ прошлое царствованіе за отличіе получали бывшіе пажи, георгіевскій крестъ (см. т. II пр. № 17) и какъ и въ прошлое царствованіе складывали свои головы на поляхъ сраженія (т. II. прил. № 16).

Близко къ корпусу стояли послѣдовательно три бывшихъ пажа:

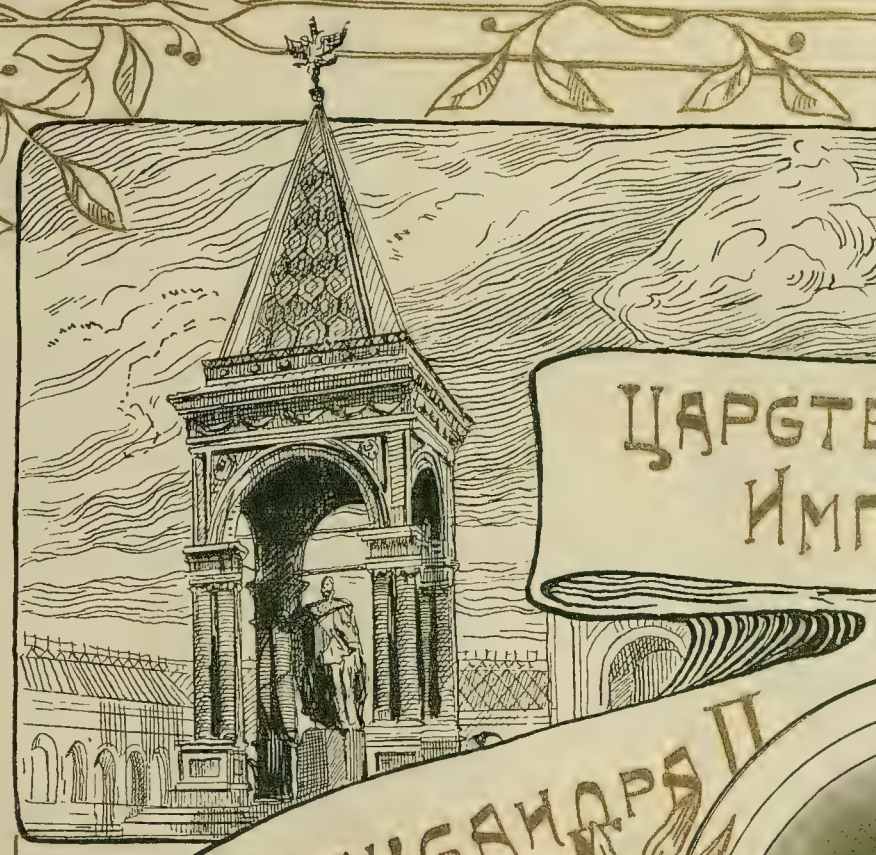
одинъ въ качествѣ его директора А. А. Кавелинъ, одинъ въ качествѣ Главнаго директора Пажескаго, кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка, графъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ и, наконецъ, въ качествѣ начальника штаба Его Высочества по военно-учебнымъ заведеніямъ, І. И. Ростовцовъ, которому въ послѣдующее царствованіе суждено было съиграть еще болѣе важную историческую роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Готовился и къ своей исторической роли и другой пажъ графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.



Памятникъ Гр. Н. Н. Муравьеву-Амурскому въ Хабаровскѣ.

Александръ.

Фототип. „Т-ва Худож. Печати".



Царствованіе Императора Александра II

I. И. Ростовцевъ

Глава IV.

Крымская кампанія.
Ея герой князь
Васильчиковъ.
Эпоха 60 годовъ. Начало преобразовательной дѣятельности.
Генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ и военно-учебное дѣло въ его время.
Пажескій корпусъ въ первые годы царствованія Императора Александра II.
Директора корпуса.
Пажескій корпусъ по воспоминаніямъ Л. И. Януша.
Пажи дѣятели.

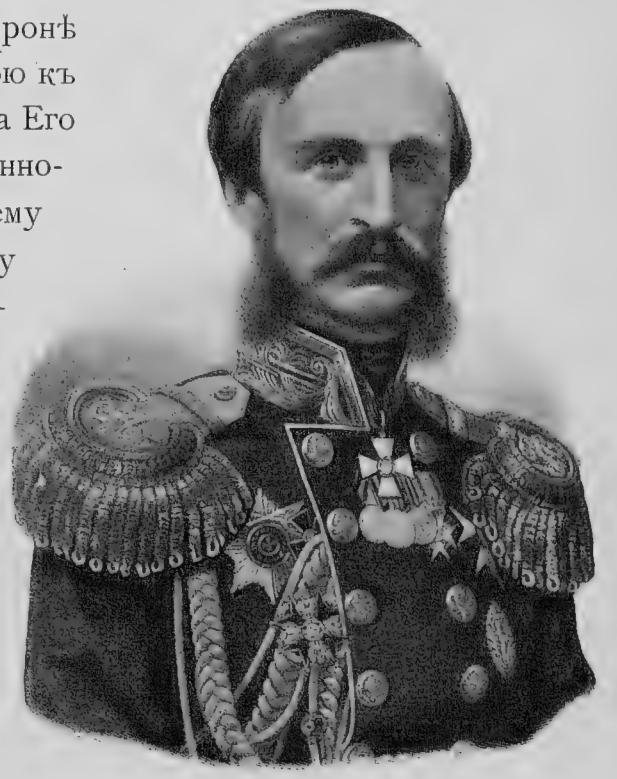
Н. Пироговъ

Графъ А. В. Адлербергъ.
Министръ Императорскаго двора.
(Съ портрета, хранящагося въ музеѣ корпуса).
Вып. 1836 г.

Въ разгаръ севастопольской кампаніи, этой тяжкой расплаты за предыдущіе грѣхи, за горделивое самомнѣніе, но въ то же время этого великаго залога мощи русскаго человѣка и лучшаго будущаго,—скончался Императоръ Николай. При послѣднихъ его минутахъ присутствовалъ его другъ дѣтства, министръ двора, бывшій пажъ Адлербергъ [1]), проведшій вмѣстѣ съ нимъ, въ передней Маріи Ѳеодоровны, ночь наканунѣ того дня, когда стало извѣстно, что Императоръ Александръ скончался, и затѣмъ все царствованіе Государя пользовавшійся его неизмѣннымъ расположеніемъ. Въ духовномъ завѣщаніи Николая Павловича въ статьѣ 14 (4 Мая 1844 года) сказано: „съ моего дѣтства два лица были мнѣ друзьями и товарищами, дружба коихъ ко мнѣ никогда не измѣнялась. В. Ѳ. Адлерберга любилъ я, какъ родного брата, и надѣюсь по конецъ жизни имѣть въ немъ неизмѣннаго и правдиваго друга. Сестра его Юлія Ѳедоровна Баранова воспитала троихъ моихъ дочерей, какъ добрая и рачительная родная. Обоимъ имъ прошу назначить въ мою память пенсіоны, сверхъ получаемыхъ, по 15 т. руб. серебр. Въ послѣдній разъ благодарю ихъ за братскую любовь“. Въ статьѣ 36-й (3 Марта 1845 года) того же завѣщанія значится: „В. Ѳ. Адлербергу оставляю часы, что я всегда ношу съ 1815 года и серебряную чашу, съ которой я голову обкачивалъ, въ память, что мы съ нимъ въ дѣтствѣ всегда любили ею играть, и одну пѣхотную шпагу. А сыну его Александру портретъ Владиміра Ѳедоровича, что въ Аничковѣ“ [2]).

Какъ всегда, пажи отдали послѣдній долгъ царю, сопровождая печальную колесницу съ факелами въ рукахъ, а затѣмъ по окончаніи крымской войны, въ 1856 г. какъ всегда участвовали въ коронаціон-

ныхъ торжествахъ, начавшихся въ первыхъ числахъ Августа и окончившихся въ концѣ Сентября [3]). Крымская кампанія, продолжавшаяся въ первый годъ правленія Александра, выдвинула не мало героевъ, изъ которыхъ только немногіе доживаютъ среди насъ свой славный вѣкъ. Въ числѣ ихъ были и пажи, и одинъ изъ нихъ князь Васильчиковъ, имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ не только у насъ, но и за границей, удостоился великой чести. Государь Императоръ приказалъ начертать его имя на мраморной доскѣ и доску эту помѣстить на одну изъ стѣнъ корпуса. „29 Декабря 1855 года бывшіе пажи устроили торжество въ честь генералъ-адъютанта В. И. Васильчикова. Пажи всѣхъ выпусковъ, разсказываетъ о немъ бывшій пажъ Ѳеофилъ Толстой, находящіеся въ Петербургѣ, желая выразить бывшему воспитаннику Пажескаго корпуса, нынѣ генералъ-адъютанту, Князю Васильчикову сочувствіе ихъ къ примѣрному, блистательному исполненію воинскихъ его обязанностей, при незабвенной оборонѣ Севастополя, обратились съ просьбою къ господину начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ, также бывшему пажу, объ исходатайствованіи имъ у Государя Императора дозволенія торжественно праздновать достойно-отличившагося члена многочисленнаго Пажескаго семейства.



Князь В. И. Васильчиковъ.
Начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона.
Вып. 1839 г.

„Царь похвалилъ, наградилъ, а семья радуется“.

Вотъ смыслъ и значеніе семейнаго торжества, происходившаго 29-го Декабря 1855 года.

Въ этотъ день пажеская семья собралась, чтобы привѣтствовать и благодарить одного изъ сыновъ своихъ, стяжавшаго Царскую признательность, при незабвенной оборонѣ Севастополя.

Многимъ не суждено было откликнуться на дружескій призывъ. Иные перешли уже въ вѣчность, другіе остались еще на стражѣ,

врагамъ лицомъ къ лицу: тѣмъ не менѣе, собраніе было многочисленно. Тутъ находились и маститые, заслуженные, старцы, выпусковъ предшествовавшихъ первой отечественной войнѣ, и юноши, едва выступившіе на служебное поприще. Повсюду раздавались братскія лобзанья и слышны были радостные возгласы. Товарищи, однокашники встрѣчались послѣ долгой разлуки, привѣтствовали другъ друга корпусными школьными прозваніями. Веселый, радушный говоръ кипѣлъ безъ умолка, во всѣхъ углахъ. „Тридцать лѣтъ съ костей долой", говорили многіе, одушевленные юношескими воспоминаніями. Въ самыхъ разговорахъ звучало что-то задушевное; рѣдко слышно было чопорное *вы*, — оно замѣнялось, братскимъ, кореннымъ русскимъ *ты*.

Вдругъ разговоры замолкли.

Въ дверяхъ залы показался празднуемый товарищъ и совоспитанникъ нѣкоторыхъ, близкій сердцу всѣхъ, князь Васильчиковъ, въ сопровожденіи Якова Ивановича Ростовцева, ревностнаго и достойнаго исполнителя чадолюбивыхъ предначертаній Главы русскаго семейства.

Умилительное чувство овладѣло присутствующими, когда г. начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ подвелъ князя къ фронту выстроенныхъ пажей, какъ-бы указывая юному поколѣнію на живой примѣръ воинскихъ доблестей, и предоставилъ чествуемому, въ знакъ высокаго уваженія къ его заслугамъ, лестный почетъ поздороваться съ ротою.

Воспитанники размѣстились около столовъ, устроенныхъ по распоряженію корпусного начальства въ одномъ изъ обширныхъ отдѣленій, а гости перешли, для обѣденнаго стола, въ великолѣпную залу Пажескаго корпуса.

При провозглашеніи тоста за здравіе Государя Императора, въ единодушномъ кликѣ „ура" отозвалось чувство восторженной любви и преданности. Долго оглашалась зала стократъ повторенными восклицаніями; изліяніе чувствъ крѣпчало, усиливалось съ каждымъ порывомъ; никому не хотѣлось умолкнуть прежде другихъ, пока, наконецъ, громкіе клики преобразовались въ торжественный, народный гимнъ „Боже, Царя Храни", исполненный стройнымъ хоромъ воспитанниковъ и всѣхъ присутствующихъ.

По окончаніи заздравныхъ тостовъ въ честь Царскаго Дома, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ провозгласилъ тостъ за здравіе князя Васильчикова.

Обложка альбома Авнатамова.

Альбомъ одно время выдавался воспитанникамъ корпуса по окончаніи курса.

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“.

Дружно разразилось громкое „ура“, весело взывали присутствующіе къ товарищу и брату. „Спасибо, Васильчиковъ, спасибо, товарищъ!“ кричали многіе въ порывѣ душевнаго восторга. Слышны были взаимныя поздравленія, братскія лобызанія. Пажеская семья радовалось и ликовала.

Не безъ труда добился генералъ-адъютантъ Ростовцевъ минуты молчанія, чтобы объявить новую, драгоцѣнную награду, дарованную князю Васильчикову.

Господинъ начальникъ Главнаго штаба прочиталъ приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, подписанный въ тотъ же день 29 Декабря:

Государь Императоръ, во вниманіе необыкновенныхъ воинскихъ заслугъ, оказанныхъ бывшимъ воспитанникомъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, генералъ-адъютантомъ княземъ Васильчиковымъ при оборонѣ Севастополя, — Высочайше повелѣть соизволилъ: на мраморной доскѣ, учрежденной при означенномъ заведеніи, по Высочайшему повелѣнію, объявленному въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 17 Марта текущаго года, № 2052, начертать:

Князь Викторъ Васильчиковъ
выпущенъ въ 1839 году
1854—1855 г.
Севастополь.

„Громкое ура привѣтствовало это новое доказательство Монаршаго вниманія. Всѣ присутствующіе оставили мѣста свои и столпились вокругъ князя Васильчикова; казалось, что каждый чувствовалъ себя лично награжденнымъ, узнавъ, что заслуги товарища увѣковѣчены на скрижаляхъ корпуса. Взирая на искренній неподдѣльный восторгъ, слушая задушевныя, нелицемѣрныя поздравленія—радостно было за храбраго воина — страшно стало за человѣка. „Не возгордись, князь!“ хотѣлось воскликнуть. Но стоило взглянуть на открытое, прямодушное выраженіе лица чествуемаго, чтобы убѣдиться, что заносчивое тщеславіе недоступно его сердцу.

Отвѣчая на привѣтствія: бывшаго директора корпуса генералъ-адъютанта Игнатьева, профессора Шульгина и камергера Горяинова, князь Васильчиковъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова.

„Не нахожу достойныхъ словъ для выраженія вамъ моей искренней признательности за честь, сегодня мнѣ оказываемую здѣсь — въ этой колыбели нашего общественнаго и служебнаго образованія.

Не нахожу ихъ потому, что подобный почетъ подобаетъ только человѣку, вполнѣ заслужившему вниманіе ваше.

Не мудрено, что мы держались въ Севастополѣ долѣе обыкновеннаго срока осады, — за оплотомъ, созданнымъ вдохновеніемъ Тотлебена. Тамъ 40 т. армія, предметъ непрестанной заботливости главнокомандующаго, соединенная подъ начальствомъ графа Сакена съ моряками черноморскаго флота, обороняла честь русскаго оружія, увлекаемая энергіею Корнилова, Нахимова, Хрулева, Семякина и самого Тотлебена.

Бюстъ князя В. И. Васильчикова.
(Хранится въ музеѣ Пажескаго корпуса).

Я тоже имѣлъ честь принадлежать къ этой арміи и награжденъ милостію Царскою, конечно, свыше посильныхъ трудовъ моихъ, получивши тѣ же награды, какъ и генералъ Тотлебенъ; — въ этомъ отношеніи, послѣдняя награда окончательно меня съ нимъ сравняла.

Позвольте же мнѣ принять этотъ праздникъ, какъ напутственную трапезу для тѣхъ изъ насъ, которымъ суждено принять дѣятельное участіе въ предстоящихъ еще кровавыхъ битвахъ, коими осуществится, конечно, изгнаніе враговъ изъ предѣловъ отчизны. Господа, товарищи, братья, за славу нашего Царя и благоденствіе Россіи. Ура!“.

Какъ описать впечатлѣніе, произведенное этими искренними словами? Многіе тронуты были до слезъ; каждому хотѣлось обнять скромнаго торжественника, достойнаго сподвижника незабвенныхъ севастопольцевъ. Послѣдній задушевный тостъ, провозглашенный генералъ-адъютантомъ Ростовцевымъ, за пажескую семью и пажеское гнѣздо“ возбудилъ восторженные, признательные клики.

По окончаніи обѣда или напутственной трапезы, по трогательному

выраженію празднуемаго воина, генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ пригласилъ присутствующихъ въ смежную комнату. Тамъ приготовлены были: съ одной стороны, мраморная бѣлая доска, окруженная воинскими доспѣхами и украшенная георгіевскимъ крестомъ, на которой начертано и было золотыми буквами имя князя Виктора; а съ другой стороны, прекрасная картина съ медальонами, представляющими, въ совокупности, виды: Севастополя въ день отбитія штурма 6 Іюня, знаменитаго Корниловскаго бастіона, полуразрушеннаго дома, занимаемаго княземъ Васильчиковымъ, перевязочнаго пункта и переправы войскъ на сѣверную сторону. (Картина эта написана безвозмездно даровитымъ художникомъ Айвазовскимъ. Рама и мольбертъ въ 4 арш. выш., исполнены по рисункамъ профессора архитектуры Пецольта).

Тогда одинъ изъ учредителей (бывшій фельдфебель и товарищъ князя Васильчикова, нынѣ командиръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка) генералъ Кушелевъ подвелъ князя къ возвышенію, на которомъ находилась картина, вставленная въ великолѣпную золотую раму и окруженная цвѣтами.

„Три чувства привлекли сюда многочисленную пажескую семью, сказалъ генералъ, указывая на присутствующихъ: радость, благодарность и гордость.

Мы радуемся, что Богъ возвратилъ тебя намъ невредимымъ изъ безчисленныхъ опасностей, тебя окружавшихъ.

Благодаримъ тебя, что блестящимъ, совѣстливымъ, святымъ исполненіемъ долга своего ты не измѣнилъ нашимъ кореннымъ, семейнымъ правиламъ.

Мы гордимся тобой, потому что среди самыхъ героевъ ты прослылъ героемъ.

Въ ознаменованіе этихъ чувствъ вся семья наша, отъ пажа до министра, проситъ тебя принять эту картину въ память нынѣшняго радостнаго дня. Она изображаетъ драгоцѣнныя для тебя мѣста, гдѣ ты такъ долго подвизался, такъ много перечувствовалъ, такъ усердно молился... но никогда не унывалъ.

Желаемъ отъ души, чтобы картина эта передала твоимъ отдаленнымъ потомкамъ: что въ родѣ ихъ былъ князь Викторъ, который въ числѣ доблестныхъ защитниковъ славнаго Севастополя былъ всегда изъ первыхъ при его оборонѣ и послѣднимъ перешелъ чрезъ мостъ на сѣверную сторону“.

Въ заключеніе задушевныхъ этихъ словъ, произнесенныхъ со всѣмъ увлеченіемъ глубокаго чувства, товарищи братски обнялись, и загремѣло вновь дружное, неумолкаемое „ура“; громче всѣхъ раздавались свѣжіе, звонкіе голоса воспитанниковъ. И они радовались, и они благодарили, и они гордились. Будущее поприще представлялось имъ свѣтлою зарею, ярко озаряющею каждое дѣяніе, каждый поступокъ и каждую заслугу.

Писатель Ѳ. М. Толстой.
Вып. 1827 г.
(Изъ альбома Мухина).

Честь и хвала, возымѣвшимъ благую мысль совершить семейное, поучительное торжество въ самой колыбели общественнаго и служебнаго нашего образованія.

Ѳ. Т. (Ростиславъ), бывшій воспитанникъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой [3а]).

Если 17 Марта Государь Императоръ повелѣлъ помѣстить на особую мраморную доску имя бывшаго пажа князя В. И. Васильчикова, то 18 Марта Государь повелѣлъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ учредить: мраморныя доски для начертанія на нихъ именъ бывшихъ воспитанниковъ, оказавшихъ необыкновенныя военныя отличія имена вносить по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ; подъ каждымъ именемъ означить годъ выпуска изъ заведенія и годъ и мѣсто, оказаннаго отличія. При томъ было повелѣно начертать слѣдующія имена:

Въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ

Александръ Баумгартенъ,
выпущенъ въ 1832 году.
1853 г.
Четати.

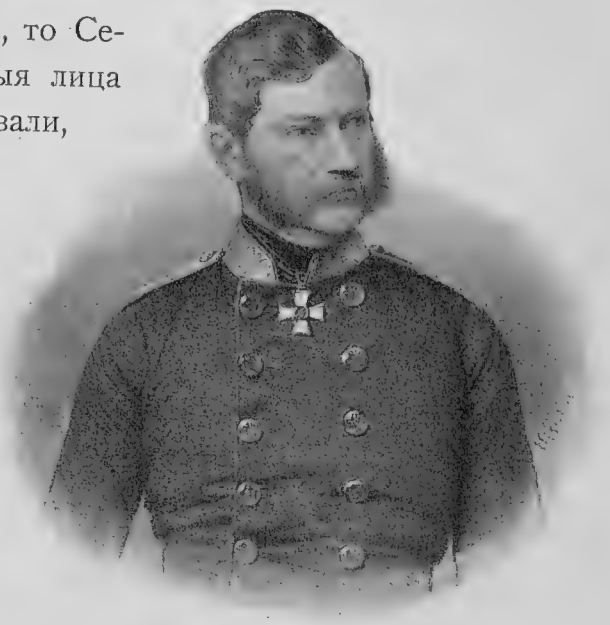
Въ Дворянскомъ полку

Михаилъ Огаревъ,
выпущенъ въ 1828 году.
1853 г.
Перовскій Фортъ.

Александръ Щеголевъ,
выпущенъ въ 1852 году.
Одесса.

Въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ
Францъ Тотлебенъ,
выпущенъ въ 1838 году.
1854 г.
Севастополь. [4])

Первыя непріятныя минуты отъ острой боли, причиненные нашими неудачами въ крымскую войну, прошли. Вскорѣ всѣ пріободрились, подняли опущенныя головы и принялись за дѣло, и, главнымъ образомъ, за дѣло реформъ. Если Іена и Ауерштедтъ образумили пруссаковъ, то Севастополь отрезвилъ насъ. Нѣкоторыя лица еще во время самой кампаніи чувствовали, что только сильный ударъ по національному самолюбію сниметъ съ нашихъ глазъ пелену самоупоенія, застилавшую отъ насъ дѣйствительность. Они считали его необходимымъ, жаждали его и въ своей жаждѣ доходили до безразсудства: „однажды вечеромъ, разсказываетъ извѣстный историкъ Бестужевъ-Рюминъ: зашелъ я къ Кудрявцеву и засталъ тамъ М. Н. Каткова, который, принеся стопу свѣжихъ иностранныхъ газетъ, съ восторгомъ выбиралъ изъ нихъ мѣста, гдѣ говорилось о нашихъ пораженіяхъ. Я зналъ, что Л. Д. Галаховъ пропускалъ уроки, хотя только и существовалъ ими, если этою цѣною можно было купить возможность услыхать вѣсточку о томъ, гдѣ и какъ насъ поколотили“ [5]).



А. К. Баумгартенъ.
Начальникъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

Сначала преобразовательныя работы шли сравнительно медленно, но съ приближеніемъ къ 60-мъ годамъ онѣ пріобрѣтали все болѣе и болѣе характеръ лихорадочной дѣятельности, а въ теченіе этихъ лѣтъ превратились въ какую-то спѣшку, какъ будто люди боялись, что

имъ не удастся все сдѣлать, это съ одной стороны, а съ другой — какъ будто они старались, что называется ratrapper le temps perdu. Горячка охватила всѣхъ. Вѣра въ спасительность просвѣщенія достигла высшихъ предѣловъ. Мы переживали, въ своемъ родѣ, вѣкъ просвѣщенія, когда всемогущество разума не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію и когда въ просвѣщеніи и въ одномъ только просвѣщеніи видѣли все спасеніе. Что же касается нравственнаго воспитанія и воспитанія воли, то они какъ-то стушевались передъ требованіями образованія. Другими словами, образованіе сдѣлалось какъ бы синонимомъ воспитанія или, иначе говоря, мысль Сократа, выраженная въ словахъ: „учите людей и вы ихъ сдѣлаете лучшими“, съ силою откровенія озарили умы русскихъ людей того времени. Они, какъ тотъ же Сократъ, были восхищены, „что умъ есть правило и начало всего существующаго“, причемъ совсѣмъ забыли моральный катехизисъ другого философа Канта, изъ котораго явствуетъ, что научное образованіе безъ развитія чувства нравственнаго долга недостаточно.

Такое превозношеніе ума надъ чувствомъ и волею для педагогическаго дѣла въ Россіи имѣло, между прочимъ, ту хорошую сторону, что оно заставило русскихъ людей серьезно заняться вопросами педагогики, изучать ее теоретически и не очень полагаться на традиціонный навыкъ, которому въ дѣлѣ воспитанія и даже образованія придавали слишкомъ большое значеніе еще съ до-петровскихъ временъ,—и, дѣйствительно, вскорѣ появились извѣстные „Вопросы жизни“ замѣчательнѣйшаго педагога Пирогова, раздались проповѣди Ушинскаго и Стоюнина, появились пылкія, можетъ быть, не совсѣмъ основательныя и зрѣлыя, статьи Писарева и исполненныя крайнихъ взглядовъ на свободу воспитанія и образованія статьи Льва Толстого. „Въ общемъ, какъ выражается одинъ изъ свидѣтелей охватившаго тогда всѣхъ интереса къ теоретическимъ вопросамъ воспитанія и образованія—старое время оставило въ наслѣдство по себѣ освященные вѣками рутинные обычаи жизни и воспитанія и крѣпкую вѣру массъ въ святость авторитетной старины, а потому и рѣшено было опровергнуть прежніе идолы, создать новую разумную вѣру въ святость и силу знаній науки, гуманнаго чувства, высокихъ идеаловъ. Авторитетомъ и образцомъ долженъ былъ служить просвѣщенный Западъ, откуда мы и начали широко черпать готовыя педагогическія идеи и самыя формы обученія и воспитанія. Благодаря такому своему происхожденію, идеи эти носили преимущественно общечело-

вѣческій характеръ безъ отношенія къ мѣсту и времени, имѣли въ виду всѣхъ и каждаго—безъ различія пола и возраста, званій и состояній, въ чемъ и заключалась ихъ сила и слабость: они были обаятельны, но не имѣли плоти и крови и могли послужить лишь основаніемъ для переработки будущей въ жизненную русскую дѣйствительность". Общее воодушевленіе охватило и военную среду. Императоръ Александръ II стоялъ во главѣ военно-учебныхъ заведеній, будучи еще Наслѣдникомъ; сдѣлавшись Императоромъ, 21-го Февраля 1855 года Государь пригласилъ членовъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ, членовъ главнаго штаба Его Величества по этимъ заведеніямъ, директоровъ, воспитателей и наставниковъ, въ С.-Петербургѣ находящихся, обучающихся въ военной академіи офицеровъ и фельдфебелей всѣхъ ротъ заведеній.

Государь вышелъ въ залу около половины второго пополудни; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, пріостановился и сказалъ:

„Господа, хотѣлъ всѣхъ Васъ видѣть у себя, чтобы проститься съ Вами, какъ Вашъ бывшій главный начальникъ. Шесть лѣтъ я былъ съ вами, и въ эти годы имѣлъ отъ васъ много душевнаго утѣшенія. Вы всѣ у меня здѣсь въ Моемъ сердцѣ. Я самъ прочту вамъ приказъ мой".

Чтеніе приказа 20 Февраля Государь началъ голосомъ громкимъ, но дойдя до словъ, гдѣ Его Величество припоминаетъ, что въ теченіе шести лѣтъ личное наблюденіе за военно-учебными заведеніями составляло пріятнѣйшую для сердца его заботу, — въ голосѣ Государя стали слышаться слезы, которыя превратились въ рыданія, когда онъ обратилъ слова приказа къ дѣтямъ. Всѣ бывшіе тутъ плакали. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ слова Государя были обращены къ генералъ-адъютанту Ростовцеву, Государь протянулъ ему руку, которую Ростовцевъ поцѣловалъ. Государь пріостановился чтеніемъ, обратился къ Ростовцеву, обнялъ и поцѣловалъ его. Окончивъ приказъ, Государь въ слезахъ перецѣловалъ всѣхъ членовъ совѣта и директоровъ корпусовъ; поцѣловавъ бывшаго тутъ-же директора Полтавскаго корпуса, сказалъ: „передайте это вашимъ", а къ начальнику военной академіи обратился съ слѣдующими словами: „надѣюсь, что военная академія будетъ и впредь давать такихъ же отличныхъ офицеровъ, какихъ она уже дала войскамъ". Обратясь затѣмъ къ стоявшимъ фельдфебелямъ всѣхъ корпусовъ, Государь сказалъ: „подите вы сюда ко мнѣ, ко мнѣ"! и снова въ голосѣ Его слышались слезы: „любите, дѣти, и радуйте

Вашего Государя, говорилъ онъ: какъ вы прежде радовали и любили своего Начальника, помните нашего Общаго отца и Благодѣтеля, передаю вамъ его и мое благословеніе", и съ этимъ положилъ обѣ руки на головы двухъ ближе другихъ стоявшихъ кадетъ; всѣ они бросились въ слезахъ цѣловать руку Государя. Государь цѣловалъ ихъ въ голову и рыдая сказалъ: „Я бы желалъ перецѣловать всѣхъ, передайте это вашимъ товарищамъ".

Первому кадетскому корпусу Его Величество сказалъ: „Жалую первому корпусу мундиръ незабвеннаго его благодѣтеля Государя Николая Павловича въ воспоминаніе отеческой его любви къ корпусу. Ротѣ Его Величества на погонахъ и эполетахъ носить вензелевое изображеніе его имени".

Затѣмъ Государь прочиталъ приказъ инженерному училищу 21-го Февраля о переименованіи его Николаевскимъ, и при словахъ приказа, гдѣ говорится про оборону Севастополя, Государь промолвилъ: „да, дѣйствительно, славная".

Обращаясь снова ко всѣмъ, Государь сказалъ: „во все время управленія моего военно-учебными заведеніями, я ничего не имѣлъ, кромѣ удовольствія; успѣхи воспитанія и образованія юношей радовали покойнаго Государя и Благодѣтеля нашего и обращали на меня его благоволеніе; они и меня радовать будутъ. Примѣры любви къ вѣрѣ, Государю, отечеству, примѣры неустрашимости и самоотверженія моихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній свидѣтельствуютъ о правилахъ, имъ внушенныхъ. Еще разъ благодарю всѣхъ, всѣхъ", заключилъ Государь и, возвращаясь во внутреннія комнаты, проходя мимо чиновъ штаба: „Штабу моему спасибо!" [6]).

Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что штабъ главнаго начальника военныхъ учебныхъ заведеній переименовывается въ главный штабъ Его Императорскаго Величества по военнымъ учебнымъ заведеніямъ и что, бывшій пажъ, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ назначается начальникомъ этого штаба съ правами и обязанностями, предоставленными главному начальнику военно-учебныхъ заведеній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вновь учреждена была должность помощника начальника главнаго штаба Его Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ съ присвоеніемъ ему правъ и обязанностей бывшаго начальника штаба этихъ заведеній. На эту должность назначенъ директоръ 2-го корпуса свиты Его Величества генералъ-майоръ Д. В. Путята. На основаніи вновь установленныхъ правилъ, начальникъ

Фототип. „Т-ва Худож. Печати".

Пажескій корпусъ временъ Императора Александра II

(Изъ альбома г. Авнатамова)

Фототипія Т-ва художеств. печати

главнаго штаба лично докладывалъ всѣ дѣла, касавшіяся внутренняго устройства, Государю Императору и объявлялъ, кому слѣдовало, состоявшіяся по нимъ Высочайшія повелѣнія; дѣла же, требовавшія соображенія военнаго министерства, сообщались начальникомъ главнаго штаба военному министру, который, смотря по роду дѣлъ сихъ, представлялъ ихъ съ своими заключеніями прямо на Высочайшее усмотрѣніе или вносилъ въ высшія государственныя установленія по принадлежности.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ умеръ 6-го Февраля 1860 г. Еще до его смерти были предприняты кое-какіе реформы: измѣнили обычное распредѣленіе времени — вставаніе назначено часомъ позже, а вслѣдствіе этого, завтракъ, ужинъ, начало и конецъ занятій отодвинулись назадъ; выработали правила выпуска въ гвардію; назначили опредѣленное время въ году для производства въ офицеры; измѣнили пріемы малолѣтнихъ; учредили первые и вторые спеціальные классы; допустили для изученія военныхъ наукъ, въ качествѣ экспертовъ въ корпусахъ, дворянъ средняго и высшаго образованія и недворянъ высшаго. Измѣнили въ нѣкоторыхъ чертахъ учебный планъ; къ 4 уже существовавшимъ классамъ прибавили 5 классъ, въ который перенесли часть занятій какъ изъ общихъ курсовъ, такъ и изъ спеціальнаго; ограничили еженедѣльное число уроковъ въ каждомъ классѣ 20-ью, для того, чтобы воспитанники имѣли бы возможность посвятить свободное время на чтеніе и на самостоятельные труды; усилили практическую сторону математики; преподаваніе естественной исторіи ограничили бесѣдами преподавателя по физіологіи и анатоміи животныхъ и растеній и сдѣлали этотъ предметъ необязательнымъ. Обязательнымъ признали одинъ только иностранный языкъ и, наконецъ, измѣнили программы въ частностяхъ [7]).

10 Февраля 1860 года въ должность главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній вступилъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. 11-го Февраля Его Высочество объявилъ въ приказѣ по ввѣренному ему вѣдомству, что Государь Императоръ, „сердечно сожалѣя о кончинѣ генералъ-адъютанта Ростовцева и высоко цѣня его 28-лѣтнюю примѣрно-усердную и добросовѣстную службу по военнымъ учебнымъ заведеніямъ, увѣренъ, что память о немъ навсегда сохранится въ сердцѣ каждаго изъ его подчиненныхъ и послужитъ всѣмъ имъ руководствомъ, какъ служить Богу и Государю вѣрою и правдою“.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ пробылъ три года во главѣ

военно-учебныхъ заведеній. При Его Высочествѣ преобразовательныя работы продолжались—и продолжались въ томъ же духѣ. Уже предшественникъ Великаго Князя Яковъ Ивановичъ указывалъ на то, что новое поколѣніе воспитанниковъ стало гораздо образованнѣе своихъ воспитателей. Тотъ же Яковъ Ивановичъ обратилъ вниманіе и на то обстоятельство, что крайне затруднительно, даже невозможно, имѣть хорошихъ воспитателей изъ офицеровъ, въ виду ограниченности ихъ содержанія. Августѣйшій главный начальникъ въ первый же годъ своего управленія заявилъ, что въ числѣ самыхъ насущныхъ нуждъ военно-учебнаго вѣдомства относится: „отысканіе воспитателей болѣе достойныхъ и болѣе способныхъ". Одновременно съ этимъ Его Высочество приказалъ составить „соображеніе объ улучшеніи быта воспитателей". Вскорѣ обращено было главнымъ начальникомъ вниманіе и на учебную часть,—потребованы были отъ всѣхъ заведеній мотивированные отзывы о необходимыхъ измѣненіяхъ въ учебномъ курсѣ пяти общихъ и двухъ спеціальныхъ классовъ. Всѣ представленныя мнѣнія были разсмотрѣны въ комиссіи подъ личнымъ предсѣдательствомъ Великаго Князя. Комиссіи этой указали руководящія начала. Заключеніе ея и предположенныя упрощенія программъ удостоились Высочайшаго утвержденія въ Августѣ 1862 года [8]).

На этомъ мѣстѣ остановимъ наше изложеніе и дадимъ слово директору педагогическаго музея генералъ-лейтенанту Аполлону Николаевичу Макарову, стоящему также во главѣ педагогическихъ офицерскихъ курсовъ, одному изъ дѣятелей преобразовательной эпохи.

Предварительно скажемъ, что штабъ Его Высочества, смѣнившій штабъ Его Величества, превратился съ назначеніемъ генерала Исакова въ главное управленіе. Такъ вотъ, что говоритъ генералъ Макаровъ.

„Въ Октябрѣ 1862 года, по представленію Августѣйшаго Главнаго Начальника Великаго Князя Михаила Николаевича, учрежденъ былъ, съ соизволенія Государя Императора, особый Комитетъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества, изъ представителей Военнаго Министерства, Военно-учебнаго вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія; этому комитету поручено было всесторонне обсудить необходимыя перемѣны, которыя слѣдовало внести въ устройство тогдашнихъ военно-учебныхъ заведеній для приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ вновь возникшими требованіями общаго и спеціально-военнаго образованія.

Выяснивъ главнѣйшіе недостатки существовавшей военно-учеб-

Внутренній видъ церкви въ царствованіе Императора Александра II

(Изъ альбома г. Авнатамова)

Фототипія Т-ва Художеств. Печати

ной системы, комитетъ пришелъ къ опредѣленному заключенію о необходимости преобразовать военно-учебныя заведенія на слѣдующихъ основаніяхъ:

Оставить за этими заведеніями обязанность подготовленія офицеровъ съ достаточнымъ общимъ и основательнымъ военнымъ образованіемъ.

Отдѣлить спеціальные классы отъ общихъ въ особыя заведенія.

Спеціальныя заведенія, подъ именемъ военныхъ училищъ, учредить въ столицахъ и организовать ихъ такъ, чтобы молодые люди, готовящіеся къ военной службѣ, были возможно ближе поставлены въ условія военнаго воспитанія и дѣйствительной службы.

Наконецъ, устройство общеобразовательныхъ военно-учебныхъ заведеній, подъ именемъ военныхъ гимназій, согласовать съ современными требованіями педагогики какъ въ воспитательномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи.

Эти основныя начала преобразованія военно-учебныхъ заведеній удостоились Высочайшаго утвержденія въ декабрѣ 1862 года. Вскорѣ затѣмъ Августѣйшій Главный Начальникъ военно-учебныхъ заведеній, по просвѣщенному почину и указаніямъ котораго было приступлено къ обновленію военно-учебной системы, былъ призванъ Монаршею волею къ управленію Кавказскимъ краемъ, и въ началѣ 1863 года на должность начальника военно-учебныхъ заведеній, вошедшихъ въ составъ Военнаго Министерства, былъ назначенъ попечитель Московскаго Учебнаго Округа свиты Е. В. генералъ-маіоръ Н. В. Исаковъ.

Я позволилъ себѣ предпослать эти нѣсколько словъ, чтобы имѣть право сказать, что новому начальнику военно-учебныхъ заведеній пришлось рѣшать трудную и сложную задачу.

Если среди нашего военнаго сословія можно было найти людей, вѣрно понимавшихъ требованія военной службы и тѣ начала, которыя слѣдовало положить въ организацію военныхъ училищъ, чтобы обезпечить надлежащую спеціально-военную подготовку молодыхъ людей для занятія офицерскихъ должностей въ русской арміи,—то правильное, на педагогическихъ началахъ основанное устройство общеобразовательныхъ военно-учебныхъ интернатовъ представляло много затрудненій. Людей, знакомыхъ съ требованіями педагогики, у насъ почти не было; русская педагогическая литература тогда еще только начиналась; даже педагоги-классики были извѣстны лишь самому незначительному числу русскихъ педагоговъ.

Недостатокъ педагогически-подготовленныхъ людей не смутилъ, однакоже, новаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Н. В. остановился на мысли, что къ дѣятельности въ военныхъ гимназіяхъ не-

Н. В. Исаковъ.
Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній.
(Рисунокъ художника Зичи).
Изъ собственной Его Величества библіотеки.

обходимо призвать образованныхъ людей вообще и затѣмъ придать такое направленіе военнымъ гимназіямъ, которое побудило бы этихъ людей самимъ позаботиться о своемъ педагогическомъ образованіи.

Встрѣтивъ въ лицѣ Д. А. Милютина, бывшаго тогда военнымъ министромъ, высоко-просвѣщеннаго руководителя Военнымъ Мини-

стерствомъ, Н. В., при содѣйствіи умѣло избранныхъ имъ помощниковъ въ предстоявшей преобразовательной работѣ, съ осени 1863 г. уже приступилъ къ постепенному переустройству военно-учебныхъ заведеній на новыхъ началахъ. Въ эту осень въ зданіи 2-го кадетскаго корпуса была образована 2-я военная гимназія, директоромъ которой былъ назначенъ полковникъ Г. Г. Даниловичъ, а въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса было устроено Павловское военное училище, начальникомъ котораго былъ назначенъ ген.-м. П. С. Ванновскій.

Въ то же время въ Москвѣ было открыто Александровское военное училище.

Преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, начавшись въ 1863 г., было закончено черезъ два года. Съ 1873 г. онѣ получили окончательную учебную организацію, какъ общеобразовательные семиклассные интернаты реальнаго характера, чуждые какихъ-либо профессіональныхъ цѣлей. Въ этомъ же году, на основаніи указаній опыта, было признано, что число воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ въ существующихъ военныхъ гимназіяхъ, оказывается недостаточнымъ для замѣщенія всѣхъ открывающихся вакансій въ пѣхотныхъ военныхъ и кавалерійскомъ училищахъ. Между тѣмъ военныя гимназіи представляли собою почти единственный источникъ для комплектованія военныхъ училищъ, такъ какъ число молодыхъ людей, поступавшихъ въ военныя училища по окончаніи курса въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ, было крайне ничтожное. Не признавая возможнымъ дальнѣйшаго отягощенія Государственнаго казначейства устройствомъ новыхъ военно-гимназическихъ интернатовъ, съ одобренія военнаго министра Д. А. Милютина, былъ выработанъ проэктъ устройства военныхъ гимназій для приходящихъ, съ допущеніемъ въ нихъ къ пріему малолѣтнихъ всѣхъ сословій, съ опредѣленной платой за обученіе. Проэктъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденія въ апрѣлѣ 1873 года, и въ этомъ же году были открыты двѣ гимназіи для приходящихъ учениковъ: въ Петербургѣ и Симбирскѣ.

Но военныя училища, пополняемыя воспитанниками военныхъ гимназій, какъ и дореформенные кадетскіе корпуса, далеко не могли удовлетворить ежегодной потребности арміи въ офицерахъ. Существовалъ большой контингентъ молодыхъ людей, которые, поступая по собственному желанію прямо въ полки, производились въ офицеры, по необходимости съ крайне ограниченнымъ общимъ и военнымъ

образованіемъ. Между тѣмъ новыя условія военной службы требовали офицеровъ съ болѣе высокимъ образовательнымъ цензомъ. И вотъ, въ 1863 году, въ Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній была начата работа надъ устройствомъ при Военныхъ Округахъ юнкерскихъ училищъ, успѣшное окончаніе которыхъ давало бы право на производство въ офицеры всѣмъ молодымъ людямъ, не прошедшимъ курса военныхъ училищъ, а равно и служащимъ въ войскахъ унтеръ-офицерамъ и урядникамъ. Согласно выработанному проекту, направленіе учебной части въ юнкерскихъ училищахъ принадлежало Главному Управленію военно-учебныхъ заведеній. Училища эти стали открываться съ 1864 года.

Вскорѣ послѣ открытія юнкерскихъ училищъ, являвшихся главнѣйшимъ источникомъ комплектованія армейскихъ войскъ офицерами, представилось необходимымъ принять мѣры для обезпеченія правильнаго пополненія ихъ; выяснилась потребность устроить такія учебныя заведенія, которыя подготовляли бы своихъ воспитанниковъ, посредствомъ законченнаго элементарнаго образованія и соотвѣтственнаго воспитанія, къ поступленію въ эти училища, на правахъ вольноопредѣляющихся. Необходимость учрежденія подобныхъ заведеній обусловливалась еще и тѣмъ, что, во-первыхъ, за недостаткомъ ежегодно освобождавшихся вакансій въ военныхъ гимназіяхъ многіе изъ военно-служащихъ дворянъ лишены были возможности опредѣлять своихъ сыновей въ военныя гимназіи, и, во-вторыхъ, что не малому числу дѣтей, предназначавшихся къ опредѣленію въ эти заведенія, приходилось отказывать въ пріемѣ по недостаточной ихъ учебной подготовкѣ. Кромѣ того, въ самихъ военныхъ гимназіяхъ нерѣдко оказывались такіе воспитанники, которые, по малоспособности, не могли слѣдовать за курсомъ этихъ заведеній, и потому, въ случаѣ отказа родителей взять ихъ на свое попеченіе, переводились въ военныя начальныя школы, по окончаніи которыхъ обязаны были прослужить извѣстные сроки въ званіи нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Въ виду такихъ соображеній, въ 1868 г. составленъ былъ проэктъ преобразованія существовавшихъ въ то время военныхъ начальныхъ школъ въ подготовительныя заведенія для юнкерскихъ училищъ, съ наименованіемъ ихъ военными прогимназіями. Согласно этому проэкту, выработанному въ Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній и утвержденному въ іюнѣ мѣсяцѣ 1868 года, военнымъ прогимназіямъ былъ приданъ элементарный закругленный учебный курсъ; въ

нихъ принимались преимущественно сыновья офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства, при этомъ болѣе способные воспитанники военныхъ прогимназій могли быть переводимы въ военныя гимназіи, если къ этому не встрѣчалось препятствій со стороны ихъ сословныхъ правъ.

Такимъ образомъ, во время управленія Николая Васильевича военно-учебнымъ вѣдомствомъ были созданы два ряда учебныхъ заведеній, подготовлявшихъ офицеровъ для русской арміи: съ одной стороны — военныя гимназіи, представлявшія собою семиклассныя общеобразовательныя заведенія реальнаго характера и военныя училища, дававшія молодымъ людямъ, оканчивавшимъ военно-гимназическій курсъ, спеціально военное образованіе; съ другой стороны — военныя прогимназіи, дававшія элементарное общее образованіе, и юнкерскія училища, отчасти дополнявшія общее образованіе поступавшихъ въ нихъ молодыхъ людей, главное же — дававшія имъ спеціальное образованіе и военное воспитаніе.

В. С. Панютинъ.
Варшавскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1809 г.

Но организаціонная дѣятельность Николая Васильевича не ограничилась устройствомъ этихъ двухъ рядовъ учебныхъ заведеній.

Предоставляя малоспособнымъ воспитанникамъ военныхъ гимназій возможность получить закругленное общее образованіе въ военныхъ прогимназіяхъ, Николай Васильевичъ позаботился и о такихъ воспитанникахъ военныхъ гимназій и прогимназій, для нравственной выработки которыхъ всѣ средства, представляемыя обыкновенными учебными заведеніями, оказываются недостаточными, для воспитанія которыхъ требуются особыя условія, не согласуемыя съ условіями жизни нормальныхъ учебныхъ заведеній.

Пребываніе нравственно ненормальныхъ дѣтей среди массы товарищей, несомнѣнно, дурно вліяетъ на послѣднихъ и значительно осложняетъ воспитательную работу; между тѣмъ, удаленіе порочныхъ мальчиковъ на попеченіе ихъ родителей часто оказывалось затруднительнымъ и не соотвѣтствовало благотворительной цѣли военно-учебныхъ заведеній — давать надлежащее воспитаніе сыновьямъ военнослужащихъ, часто по условіямъ своей службы не имѣющихъ къ тому никакихъ средствъ. Въ силу такихъ соображеній, въ 1868 году Вольская военная прогимназія получаетъ исправительно-воспитательный характеръ. Ей придается особая организація, частію заимствованная изъ устройства лучшихъ исправительно-воспитательныхъ заведеній Западной Европы; она предназначается для перевода въ нее трудныхъ по нравственному складу воспитанниковъ военныхъ гимназій и прогимназій; численный составъ ея воспитанниковъ ограничивается ста человѣками.

Устройствомъ Вольской военной прогимназіи общеобразовательная военно-учебная система получала ту законченность, при которой родители, отдавая своихъ сыновей въ военно-учебныя заведенія, могли быть спокойны, что ихъ дѣти получатъ надлежащее воспитаніе и соотвѣтственное своимъ способностямъ образованіе. При такой системѣ — благотворительная цѣль военно-учебныхъ заведеній могла быть достигаема въ полной мѣрѣ; военныя гимназіи могли держать свои учебныя требованія на должной высотѣ; общество же ограждалось отъ вступленія въ него недоучекъ, оставившихъ школу съ обрывками ни къ чему непригодныхъ знаній, не вооруженныхъ хотя бы элементарными орудіями для какихъ-либо практическихъ занятій.

Я уже сказалъ, что, по заключенію комитета, бывшаго подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича, устройство военныхъ гимназій слѣдовало согласовать съ современными требованіями педагогики какъ въ воспитательномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи. Осуществляя это требованіе на практикѣ и остановившись, въ виду недостатка педагогически-подготовленныхъ людей, на мысли привлекать къ дѣлу воспитанія въ военныхъ гимназіяхъ, по крайней мѣрѣ, людей возможно большаго образованія вообще, Николай Васильевичъ понималъ, однакоже, что правильная постановка дѣла можетъ быть достигнута только тогда, когда этимъ дѣломъ будутъ заниматься люди, получившіе спеціальную подготовку. Покойный Николай Васильевичъ твердо держался того убѣжденія, что

сложное дѣло воспитанія не можетъ и не должно представлять собою исключенія изъ всѣхъ разнообразныхъ видовъ человѣческой дѣятельности; если для занятія какимъ-угодно человѣческимъ дѣломъ требуется соотвѣтственная предварительная подготовка, то такая подготовка безусловно необходима и для дѣла воспитанія, какъ самаго важнѣйшаго изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.

Вполнѣ сочувствуя въ то же время мысли о полезности соединенія въ одномъ лицѣ и учителя и воспитателя, Николай Васильевичъ не могъ, однакоже, не видѣть, что осуществленіе этой мысли на практикѣ представитъ много разнообразныхъ, почти непреодолимыхъ затрудненій. Необходимость особаго учительскаго состава представлялась, поэтому, неизбѣжною. Признавая же вполнѣ справедливымъ, что правильная постановка дѣла обученія должна оказать могучее вліяніе и на воспитаніе нравственное, главный начальникъ сначала остановилъ свое вниманіе на организаціи дѣла подготовленія учителей. Вотъ почему, почти одновременно съ началомъ устройства военныхъ гимназій, въ 1865 году, при 2-ой военной гимназіи, подъ главнымъ руководствомъ ея директора, были открыты Педагогическіе курсы, на которыхъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, молодые люди, съ оконченнымъ уже высшимъ образованіемъ, подготовлялись, теоретически и практически, къ исполненію учительскихъ обязанностей въ военныхъ гимназіяхъ.

Для подготовленія же учителей, а частію и воспитателей, для военныхъ прогимназій, въ Москвѣ, съ 1866 года, была устроена Учительская семинарія военнаго вѣдомства.

Открытіе этихъ двухъ учрежденій для подготовленія учителей вполнѣ оправдало возлагавшіяся на нихъ надежды.

Педагогическіе курсы дали военнымъ гимназіямъ много очень хорошихъ учителей, изъ которыхъ одни и въ настоящее время все еще продолжаютъ работать на пользу военно-учебнаго вѣдомства, другіе же перешли на службу въ учебныя заведенія М-ва Народнаго Просвѣщенія и другихъ гражданскихъ учебныхъ вѣдомствъ.

Учительская семинарія, въ свою очередь, дала немало скромныхъ, но полезныхъ дѣятелей на учебно-воспитательномъ поприщѣ какъ въ заведеніяхъ военнаго вѣдомства, такъ и въ другихъ разнаго рода школахъ.

Не могу не обратить вниманіе и на то, что учрежденіе Педагогическихъ курсовъ много содѣйствовало поднятію общаго педагогическаго уровня учебно-воспитательнаго состава военныхъ гимназій.

Требованіе отъ учителя извѣстныхъ педагогическихъ знаній заставляло и воспитателей внимательнѣе относиться къ своему педагогическому самообразованію. Въ военныхъ гимназіяхъ, такимъ образомъ, создавалась та педагогическая атмосфера, которая будила мысль, уничтожала губительный формализмъ, ослабляла рутину, не давала мѣста шаблону.

В. А. Долгоруковъ.
Статсъ-секретарь по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ.
Вып. 1826 г.

Чтобы закончить очеркъ организаціонной дѣятельности Н. В. Исакова, остается упомянуть о начатомъ въ его время изданіи при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній ежемѣсячнаго журнала подъ названіемъ „Педагогическій Сборникъ“ и объ основаніи Педагогическаго Музея.

„Педагогическій сборникъ“ началъ издаваться съ 1864 года. Это изданіе было вызвано необходимостью печатнаго обсужденія всѣхъ педагогическихъ и дидактическихъ вопросовъ, въ примѣненіи къ учебно-воспитательной дѣятельности преобразовавшихся тогда военно-учебныхъ заведеній. Постоянные читатели этого журнала, издающагося и въ настоящее время, хорошо знакомы съ его серьезнымъ направленіемъ и тою чуткостью, съ какою редакція его относилась къ вопросамъ, въ то или другое время интересовавшимъ военно-учебное вѣдомство.

Основаніе Педагогическаго Музея было вызвано тою новою постановкою учебнаго дѣла, какая была придана послѣднему въ военныхъ гимназіяхъ, особенно въ младшихъ классахъ этихъ учебныхъ заведеній. Примѣненіе къ обученію принципа наглядности, твердо установленнаго психологіей дѣтскаго возраста, вызывало необходимость въ наглядныхъ учебныхъ пособіяхъ, а таковыхъ у насъ почти не было. Нужно было ознакомиться съ наглядными пособіями, употреблявшимися заграницей, оцѣнить ихъ цѣлесообразность, вызвать производство учебныхъ пособій у насъ въ Россіи, преслѣдуя въ то же время и

дешевизну ихъ изготовленія; нужно было создать постоянную выставку болѣе полезныхъ пособій для ознакомленія съ ними нашихъ военныхъ гимназій, необходимо было создать учрежденіе, которое являлось бы посредникомъ между военными гимназіями и вновь появившимися производителями учебныхъ пособій и т. д. Всѣ эти обязанности были возложены на Педагогическій Музей, начавшій свое существованіе съ 1863 г.

Впослѣдствіи предѣлы дѣятельности Музея, благодаря трудамъ его директора В. П. Коховского, значительно расширились. Съ 1871 г. Пед. Музей вошелъ въ составъ Музея прикладныхъ знаній, который своимъ устройствомъ всецѣло обязанъ благородной энергіи и заботливости Н. В. Исакова.

Въ стѣнахъ дорогого намъ Пед. Музея нѣтъ надобности распространяться объ его заслугахъ—всѣмъ бывшимъ и настоящимъ дѣятелямъ этого учрежденія онѣ хорошо извѣстны. Я напомню только, что, благодаря просвѣщенному почину покойнаго Николая Васильевича, 26-го декабря 1871 г. въ аудиторіи Музея было произнесено первое въ Россіи публичное народное чтеніе, иллюстрированное проэкціонными картинами. За истекшія послѣ того 30 лѣтъ народныя чтенія, а равно и чтенія въ войсковыхъ частяхъ, получили, какъ извѣстно, самое широкое распространеніе. Напомню, что устройствомъ научныхъ публичныхъ лекцій Музей содѣйствовалъ распространенію знаній среди интеллигентнаго петербургскаго общества, а устройствомъ бесѣдъ духовно-нравственнаго содержанія онъ привлекалъ и привлекаетъ въ свои аудиторіи десятки тысячъ народа ежегодно. Напомню, что, благодаря работѣ своихъ спеціальныхъ отдѣловъ, Музей далъ русскимъ школамъ образцы новыхъ учебныхъ коллекцій, изъ которыхъ нѣкоторыя достойно оцѣнены даже заграницей. Съ еще болѣе отраднымъ чувствомъ надо вспомнить, что Педагогическій Музей, работая по мѣрѣ силъ своихъ на пользу просвѣщенія, долгое время представлялъ собою единственное мѣсто въ Петербургѣ, въ которомъ педагоги различныхъ учебныхъ вѣдомствъ могли собираться для обсужденія интересовавшихъ ихъ вопросовъ, гдѣ они могли почерпать нравственныя силы для дальнѣйшей работы на пользу воспитанія молодыхъ поколѣній.

Проэктъ памятника графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, работы бывшаго пажа Н. С. Мусина-Пушкина. (Хранится въ музеѣ корпуса).

Наконецъ, съ высоко благоговѣйнымъ чувствомъ дѣятели Педагогическаго Музея вспоминаютъ милостивое признаніе важнаго образовательнаго значенія этого учрежденія, выраженное въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ III въ рескриптѣ, данномъ генералъ-адъютанту Исакову въ 4-й день августа 1889 года по случаю пятидесятилѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ.

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.
Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири.
Вып. 1827 г.

Изъ приведеннаго краткаго и самаго общаго очерка дѣятельности Николая Васильевича, какъ главнаго начальника военно-учебн. зав., ясно видно, что во время его начальствованія надъ этими заведеніями была создана полная и цѣльная военно-учебная система, которая вырабатывалась или при непосредственномъ участіи въ работѣ самого главнаго начальника, или подъ его руководствомъ и по его указаніямъ. Ясно видно, какъ много энергіи, мысли и любви къ дѣлу положено было Николаемъ Васильевичемъ въ эту организаціонную работу.

Къ сожалѣнію, время не позволяетъ мнѣ останавливаться на внутренней организаціи вновь формировавшихся военно-учебныхъ заведеній. Я укажу, однакоже, что въ военныхъ гимназіяхъ выработался новый типъ воспитателя, занявшаго положеніе, вполнѣ достойное его высокихъ обязанностей. Напомню, что педагогическимъ комитетамъ учебныхъ заведеній было придано вполнѣ серьезное значеніе, какъ коллегіальнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ должны были обсуждаться вопросы, касающіеся внутренней жизни заведеній. Напомню, что всѣ тѣ виды внѣ-классныхъ занятій, о которыхъ въ настоящее время такъ много говорятъ педагоги печатно и устно, были уже осуществлены въ военныхъ гимназіяхъ. Занятія ремеслами, цвѣтоводствомъ, огородничествомъ, садоводствомъ, разнаго рода экскурсіи, болѣе или менѣе отдаленныя прогулки и даже цѣлыя путешествія—все это

практиковалось въ военныхъ гимназіяхъ, въ той или другой степени, еще въ 60-хъ годахъ. Скажу наконецъ, что пѣніе и музыка, какъ средства эстетическаго воспитанія, какъ прекрасное пополненіе внѣклассnаго досуга воспитанниковъ, получили въ военныхъ гимназіяхъ свое начало и широкое распространеніе.

Не останавливаясь на всѣхъ этихъ средствахъ для правильнаго воспитанія юношества, я считаю только нужнымъ сказать, что отъ Николая Васильевича исходило то жизненное начало, которое лежало въ основѣ дѣла нашихъ военно-учебныхъ заведеній; онъ придавалъ учебно-воспитательной работѣ тотъ внутренній смыслъ, которымъ обусловливается воспитаніе человѣческаго духа.

Глубоко понимая дѣло воспитанія, Николай Васильевичъ въ то же время ясно сознавалъ и всѣ трудности его. Неудачи, которыхъ нельзя избѣжать въ какомъ-угодно дѣлѣ, а не только въ такомъ сложномъ, какъ воспитаніе, не смущали его, какъ главнаго начальника. Онъ встрѣчалъ ихъ съ свойственнымъ ему мужествомъ, не теряя убѣжденія въ правильности принятыхъ имъ руководящихъ началъ. Установивъ свое довѣріе къ тому или другому изъ своихъ подчиненныхъ, онъ нелегко лишалъ его этого довѣрія и тѣмъ поддерживалъ въ немъ твердую вѣру въ свои силы, увѣренность въ правильности своихъ дѣйствій.

И. П. Корниловъ.
Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа.
Вып. 1830 г.

Воспитавъ въ себѣ рѣдкое самообладаніе, всегда сохраняя удивительное спокойствіе, онъ и въ своихъ подчиненныхъ вселялъ то ровное душевное настроеніе, которое необходимо для здраваго обсужденія того или другого вопроса воспитанія.

Уважая трудъ своихъ подчиненныхъ, Николай Васильевичъ въ то же время давалъ имъ полную возможность совершенно откровенно высказывать ему свое мнѣніе. Мужественное отношеніе Николая

Васильевича къ правдѣ вселяло въ его подчиненныхъ самое глубокое къ нему уваженіе, насаждало правду и въ самое дѣло воспитанія.

Раздѣляя тотъ взглядъ, что воспитательная система не можетъ быть *дана*, а должна вырасти, Николай Васильевичъ предоставлялъ директорамъ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній много свободы въ подробностяхъ устройства дѣла. Онъ не любилъ стѣснять ихъ своими предписаніями, вполнѣ понимая, что живое дѣло воспитанія должно разрабатываться самою жизнію, что дѣло это, утративъ жизненность, сдѣлавшись исполненіемъ мертвыхъ правилъ, будетъ убито въ своемъ зародышѣ.

Посѣщая военно-учебныя заведенія, Николай Васильевичъ оставался въ нихъ подолгу, особенно при осмотрѣ внѣпетербургскихъ заведеній. Онъ всегда желалъ видѣть ихъ въ той будничной обстановкѣ, какою они жили обыкновенно. Присутствуя на урокахъ, смотря внѣклассныя занятія воспитанниковъ, обращая вниманіе на всѣ стороны жизни ихъ, онъ интересовался всѣми подробностями учебно-воспитательнаго дѣла и, разговаривая съ директоромъ, входилъ въ обсужденіе тѣхъ мѣръ, которыя могли бы содѣйствовать болѣе правильному теченію этого дѣла.

Съ глубокимъ уваженіемъ относился Николай Васильевичъ къ наукѣ и ея представителямъ; серьезно интересовался онъ и искусствомъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что указанныя сейчасъ основныя черты характера Николая Васильевича сильно отражались на внутренней сторонѣ жизни нашихъ военно-учебныхъ заведеній.

„Трудно было найти—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ директоръ одной изъ военныхъ гимназій: человѣка съ болѣе честнымъ и благороднымъ направленіемъ, какъ Н. В. Исаковъ, поставленный во главѣ в.-уч. заведеній. Громадная заслуга его заключалась въ томъ, что онъ обратилъ самое серьезное вниманіе на дѣло воспитанія въ военныхъ гимназіяхъ. Онъ старался уничтожить въ средѣ, окружающей воспитанниковъ, всякую ложь и обманъ, требуя отъ директоровъ самой полной съ нимъ откровенности“. Бывшіе воспитатели военныхъ гимназій, особенно перваго періода ихъ существованія, близко стоявшіе къ воспитанникамъ, хорошо знавшіе жизнь ихъ, съ истиннымъ удовольствіемъ вспоминаютъ эти годы своей дѣятельности. Для нихъ съ именемъ Николая Васильевича Исакова соединяется воспоминаніе

объ ихъ чистыхъ молодыхъ стремленіяхъ, объ ихъ свѣтлыхъ надеждахъ, съ которыми они дружно работали надъ дорогимъ для нихъ дѣломъ воспитанія юношества. И это дѣло для нихъ сдѣлалось дорогимъ, благодаря тѣмъ созданнымъ Николаемъ Васильевичемъ условіямъ, при которыхъ могла быть работа не на показъ, а для тѣхъ цѣлей воспитанія, достиженіе которыхъ, не поддаваясь постороннему контролю, могло, однакоже, давать воспитателю то нравственное удовлетвореніе, которое болѣе и болѣе связывало его съ дѣломъ, все сильнѣе и сильнѣе побуждало любить это дѣло.

Но каковы же были окончательные результаты дѣятельности военно-учебныхъ заведеній во время начальствованія надъ ними Н. В. Исакова?

На этотъ вопросъ можно дать нѣсколько вполнѣ опредѣленныхъ отвѣтовъ.

Многіе командиры отдѣльныхъ частей неоднократно заявляли, что вышедшіе на службу офицеры „смотрятъ серьезно на свои обязанности, уважаютъ свой долгъ, сами продолжаютъ начатое въ училищахъ образованіе и вообще обладаютъ достаточной подготовкой, чтобы быть надежными помощниками своихъ начальниковъ и разумными руководителями солдатъ“. Въ войну съ Турціей 1877 — 78 гг. общіе отзывы войсковыхъ начальниковъ свидѣтельствовали о томъ, что выпущенные изъ военныхъ училищъ офицеры, „отлично служа въ рядахъ арміи, свято и съ пониманіемъ дѣла исполняютъ свои обязанности“. Августѣйшій главнокомандующій Кавказской арміи почтилъ генералъ-адъютанта Исакова телеграммой, въ которой, между прочимъ, говоритъ: „бывшіе ваши воспитанники служатъ отлично, многіе геройски“. Наконецъ, въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II на одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ по Главному Управленію в.-уч. заведеній въ 1876 г. собственноручно соизволилъ начертать: „Дай Богъ, чтобы и впредь военно-учебныя заведенія наши приносили ту пользу, которую они приносятъ и о которой свидѣтельствуютъ почти всѣ начальники строевыхъ частей“.

Сами бывшіе воспитанники военныхъ гимназій, изъ которыхъ нѣкоторые достигли въ настоящее время уже довольно высокаго положенія въ военной службѣ, сохраняютъ о времени своего воспитанія отрадныя воспоминанія. Съ чувствомъ благодарности говорятъ они о тѣхъ заботахъ, объ ихъ умственномъ и нравственномъ воспитаніи, какими они окружены были въ годы своего отрочества и юности.

Прошло уже почти сорокъ лѣтъ со времени начала устройствъ военныхъ гимназій.

Съ теченіемъ времени жизнь развивается, мѣняются ея условія, вырабатываются новыя понятія, создаются новыя идеи. Неудивительно поэтому, что съ современной точки зрѣнія въ подробностяхъ дѣла воспитанія, какъ оно было поставлено въ военныхъ гимназіяхъ, можно указать на нѣкоторыя увлеченія, а, быть можетъ, и ошибки. Возможность тѣхъ и другихъ не отрицалъ и самъ покойный Ник. Васильевичъ. Въ своемъ скромномъ прощальномъ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Въ прошедшемъ, лежащемъ на моей отвѣтственности, военно-учебныя заведенія жили на глазахъ у всѣхъ, ничего не скрывая, своею будничною трудовою жизнью. Прислушиваясь къ одобренію и порицанію, они не скрывали и отъ себя, что много труда для нихъ еще предстоитъ впереди, но зато имъ было знакомо чувство нравственнаго вознагражденія, источникъ котораго—въ спокойствіи родителей за своихъ дѣтей".

Гр. К. К. Бенкендорфъ.
Чрезвычайный посланникъ, полномочный министръ при вюртембергскомъ дворѣ.
Вып. 1834 г.

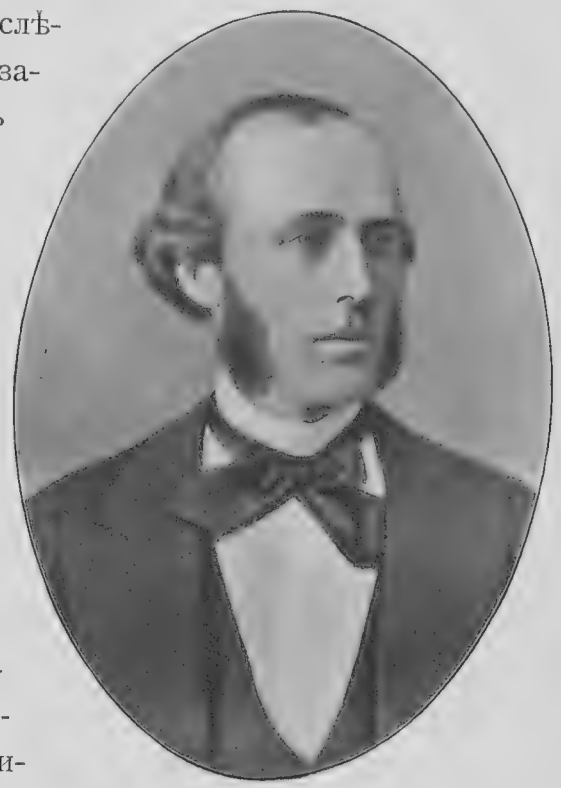
Для полной оцѣнки дѣятельности Н. В. Исакова, какъ главнаго начальника в.-уч. заведеній, не настало еще время. Но оно придетъ, и будущій историкъ русскаго воспитанія, остановивъ вниманіе на всемъ, сдѣланномъ Николаемъ Васильевичемъ для постановки дѣла воспитанія на правильныхъ педагогическихъ началахъ, высоко оцѣнитъ его и за то, что онъ сумѣлъ придать такое направленіе дѣятельности в.-уч. заведеній, при которомъ они могли уберечь своихъ воспитанниковъ отъ тѣхъ крайнихъ увлеченій, которыя, къ несчастію, встрѣчались среди русской воспитывающейся молодежи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія.

Послѣднія десять лѣтъ своей жизни Николай Васильевичъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта и принималъ участіе въ дѣлахъ Императорскаго человѣколюбиваго общества и Главнаго Управленія краснаго креста.

Послѣ смерти Николая Васильевича редакція журнала „Дѣтская Помощь“, посвященнаго вопросамъ общественной благотворительности, въ напечатанномъ ею некрологѣ покойнаго сдѣлала извѣстнымъ своимъ читателямъ, что Николаю Васильевичу принадлежатъ 27 оригинальныхъ статей, въ разное время напечатанныхъ въ этомъ журналѣ; въ этихъ статьяхъ были обрисованы новыя, твердыя и раціональныя начала для общественной благотворительности. Въ „Дѣтской Помощи“ были потомъ напечатаны: очеркъ литературныхъ трудовъ Николая Васильевича, его переписка съ редакторомъ и перечень напечатанныхъ имъ въ этомъ журналѣ статей.

Въ заключеніе, чтобы оправдать ту смѣлость, съ какою я рѣшился напомнить о покойномъ Николаѣ Васильевичѣ, позволю себѣ привести слѣдующія слова Сенеки, которыми онъ заканчиваетъ одно изъ своихъ писемъ къ Луцилію:

„Вспомни, какую пользу приносятъ намъ примѣры хорошихъ людей, и ты поймешь, что память о нихъ столь же полезна, какъ и самое присутствіе ихъ“ [9]).



Бар. А. Г. Жомини.
Управляющій министерствомъ иностран. дѣлъ.
Вып. 1835 г.

Подъемъ духа въ эти годы реформъ ощущали не одни реформаторы, не одни учащіе, но и учащіеся—и имъ передалась жажда знаній и стремленіе впередъ. „Общее движеніе шестидесятыхъ годовъ захватило и насъ, пишетъ одинъ изъ бывшихъ кадетъ:—мы въ складчину выписывали „Современникъ“. Каждую книжку любимаго журнала мы ожидали, какъ евреи манну небесную. Статьи старыхъ „боговъ“ чуть-чуть не проглатывались и непремѣнно сообщали вслухъ. Подымались безконечно горячіе споры—въ молодой душѣ росло что-

то свѣтлое, страстное, еще не опредѣлившееся, но уже розовымъ, сладкимъ туманомъ охватывавшее мечты и мысли. Жизнь казалась такъ прекрасна. Еще бы—мы готовились послужить ближнему, внести и свою долю въ общую весеннюю работу проснувшагося отечества. Даже тучи впереди никого не пугали. Напротивъ, сердце ждало грозы и радовалось ей. Въ немъ было что-то родственное съ таившимися въ ихъ нѣдрахъ молніями,—а въ громовыхъ ударахъ чудились сигналы къ пробужденію того, кто еще спалъ трудно и нудно въ душномъ и затхломъ ветхозавѣтномъ покоѣ".

Н. А. Краснокутскій.
Наказной атаманъ войска донскаго.
Вып. 1836 г.

У кадетъ, однако, дѣло не ограничилось тѣмъ, что они давали въ душѣ рости чему то свѣтлому, страстному, неопредѣлившемуся. Вскорѣ они перешли къ протесту, стали выказывать отрицательное отношеніе къ застывшимъ формамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и офиціальные историки корпусовъ. Вотъ, что говоритъ генералъ Лалаевъ въ своемъ „историческомъ очеркѣ образованія и развитія перваго московскаго кадетскаго корпуса": „Переходя къ нравственному состоянію тогдашнихъ кадетъ, нельзя не отмѣтить, что современные приказы по корпусу даютъ обильный матеріалъ для заключенія о постепенномъ упадкѣ въ заведеніи воспитательной дисциплины, особенно замѣтномъ въ 1858 году, и вообще о ненормальности отношеній большинства воспитанниковъ къ ихъ наставникамъ и къ установленнымъ въ корпусѣ правиламъ внутренняго порядка.

Въ названныхъ приказахъ и въ протоколахъ засѣданій воспитательнаго комитета за 1858 и 1863 гг. приведены длинные ряды серьезныхъ все чаще повторявшихся проступковъ воспитанниковъ подъ офиціальными рубриками—„неучтивые отвѣты" „неумѣстныя и неприличныя объясненія", „неисполненіе приказаній", „неоднократное слу-

шаніе“, „строптивость и упрямство“, „возбужденіе другихъ къ ослушанію“, „грубость и дерзость“, „самовольный уходъ изъ заведенія“, „присвоеніе и продажа чужой собственности“.

Въ приказѣ по корпусу отъ 17 Апрѣля 1858 года директоръ заявляетъ, что онъ замѣтилъ въ 1, 4 и неранжированной ротахъ многія отступленія отъ Высочайше утвержденнаго порядка пребыванія воспитанниковъ въ ротахъ, а въ 1-й ротѣ даже измѣненіе въ чтеніи молитвъ.

Въ приказѣ отъ 6 Сентября того же года какъ бы вновь предписывается воспитанникамъ такія элементарныя правила, которыя всѣ они должны были и безъ того знать и строго исполнять, а именно: 1) воспитанники III спеціальнаго класса должны находиться при своихъ ротахъ во время построенія и слѣдованія оныхъ въ классы къ обѣду при вечерней молитвѣ и утреннемъ осмотрѣ; 2) никто изъ воспитанниковъ прежде своихъ ротъ не долженъ приходить въ классы, роты же приводить и отводить строемъ по заведенному порядку; 3) во время лекцій только старшіе могутъ выходить изъ класса, если нужно исполнить какое-нибудь приказаніе учителя и т. п.

Не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ въ приказѣ отъ 13 Октября приводится новое уклоненіе воспитанниковъ отъ принятыхъ въ заведеніи правилъ.

„Дошло до моего свѣдѣнія, говоритъ директоръ: что нѣкоторые воспитанники дозволяютъ себѣ имѣть книги и выписывать журналы безъ предварительнаго на то разрѣшенія г. инспектора классовъ, какъ бы слѣдовало по существующему въ военно-учебныхъ заведеніяхъ порядку“. Въ приказѣ отъ 2 Февраля 1859 года заявлено, что нѣкоторыя изъ воспитанниковъ, вопреки существующимъ правиламъ, дозволяютъ себѣ занимать въ театрахъ кресла и мѣста позади креселъ.

Въ послѣдующихъ приказахъ еще чаще встрѣчаемъ указанія на различныя безпорядки и проступки кадетъ, какъ-то: порча и растрата казенныхъ вещей, нарушеніе установленной формы въ одеждѣ, составленіе подложныхъ разрѣшеній на отпускъ, посѣщеніе воспитанниками трактировъ, грубыя расправы съ служителями, заносчивыя объясненія съ начальствомъ, дерзкія выходки противъ офицеровъ и преподавателей, обманы и другія безнравственныя проявленія. Наконецъ, въ спискахъ воспитанниковъ, совершившихъ важные проступки, показано въ 1855 году—2; въ 1856—10; въ 1857—1; въ 1858—10; въ 1859—3; въ 1860—10; въ 1861 уже 25, а въ 1862—30.

Въ слѣдующемъ году цѣлая группа старшихъ кадетъ оказываетъ неповиновеніе самому директору заведенія; порядокъ нарушается теперь уже не единицами, а цѣлою массою воспитанниковъ: многіе изъ нихъ по рѣшенію мѣстныхъ комитетовъ наказываются розгами, лишеніемъ погоновъ, надѣваніемъ сѣрой куртки и арестомъ. Болѣе же виновные въ общихъ безпорядкахъ исключаются изъ корпуса съ опредѣленіемъ въ войска нижними чинами на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Но всѣ карательныя мѣры не могли, конечно, устранить зла, укоренившагося въ заведеніяхъ подъ совокупнымъ вліяніемъ многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ того времени.

Едва ли мы ошибемся, если выскажемъ здѣсь, что вышеописанный временной упадокъ воспитательнаго дѣла въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, обусловливаясь отчасти качествомъ личнаго состава тогдашнихъ руководителей, былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нѣкоторыхъ серьезныхъ недостатковъ въ самой организаціи кадетскихъ корпусовъ вообще, недостатковъ, повсюду выяснявшихся тогда все болѣе и болѣе и приведшихъ, наконецъ, къ сознанію необходимости коренной реформы нашей военно-учебной системы“ [10]).

Другой историкъ, и другого корпуса, а именно: 2-го московскаго Николая I корпуса, А. П. Поливановъ, близкій человѣкъ Пажескому корпусу, въ которомъ онъ пробылъ, къ сожалѣнію, не долгое время, воспитателемъ, но оставилъ самую хорошую память о себѣ, и свой человѣкъ 2-го московскому (воспитанникъ его, а затѣмъ послѣдовательно репетиторъ, воспитатель, преподаватель и инспекторъ), говоритъ слѣдующее:

„Признаки несоотвѣтствія старыхъ корпусныхъ порядковъ со вновь народившимися условіями жизни сказывались въ концѣ 50 годовъ. Въ то самое время, какъ генералъ Фрейгангъ назначался въ директора, въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича особая комиссія уже разрабатывала проэктъ преобразованія въ устройствѣ этихъ заведеній. Носились слухи о томъ, что преобразованіе удалитъ изъ корпусовъ почти всѣхъ строевыхъ чиновъ и это неизбѣжно должно было парализовать дѣятельность послѣднихъ, такъ какъ они утратили вѣру въ законность своего положенія, въ смыслѣ своей власти.

При такихъ-то условіяхъ давно надтреснувшее зданіе могло кое-какъ держаться только при архитекторѣ, отлично знающемъ всѣ его

трещины и гдѣ и какъ слѣдуетъ его скрѣплять; но такими архитекторами могли быть только самые испытанные педагогическою службою директора, а генералъ Фрейгангъ принужденъ былъ учиться дѣлу, когда оно стало уже разстраиваться, и руководить чинами только и думавшими объ устройствѣ своего будущаго положенія. Не мудрено, что, въ такую печальную для всѣхъ корпусовъ эпоху, 2-й московскій выказалъ больше чѣмъ, всѣ другіе, внутреннее разстройство. Приказы директора по корпусу даютъ возможность возстановить грустную картину нравственнаго упадка корпуса. Въ приказѣ 1 Февраля 1862 г. объявлено о сбавкѣ по одному баллу за поведеніе троимъ кадетамъ за самовольный уходъ изъ классовъ и игру въ карты, а черезъ 8 дней, 9 Февраля, мы уже читаемъ, что трое другихъ кадетъ ушли изъ корпуса въ 10 час. вечера и вернулись въ 4-мъ часу утра—двоимъ изъ нихъ сбавлено тоже всего по одному баллу, а родителямъ третьяго предложили взять его изъ заведенія. Укрывательство изъ классовъ встрѣчалось и въ прежнее время, уходъ же изъ корпуса былъ явленіемъ новымъ, и мягкое отношеніе директора къ виновнымъ не вызвало въ массѣ желанія держать себя лучше. Самымъ печальнымъ событіемъ этого перваго полугодія управленія генерала Фрейганга было то, что три воспитанника III спеціальнаго класса, и между ними одинъ фельдфебель, не закончивъ полнаго курса были выпущены на службу съ правами и со старшинствомъ своихъ прежнихъ товарищей II спеціальнаго класса. Приказъ (7 Марта) не указываетъ мотивовъ несвоевременнаго ухода фельдфебеля изъ заведенія, но можно безошибочно предположить, что произошло какое-нибудь столкновеніе съ кѣмъ-либо изъ старшихъ и не могло быть улажено, а отсюда нельзя не вывести заключенія, что самые излюбленные корпусомъ

Свѣтл. кн. В. Д. Голицынъ.
Оберъ-Шталмейстеръ Высочайшаго двора.
Вып. 1836 г.

кадеты перестали дорожить и заведеніемъ и своею послѣдующею карьерою.

Въ Ноябрѣ новое проявленіе своеволія и распущенности,—въ приказѣ 10 Ноября читаемъ: „Вчерашняго дня во время церковнаго богослуженія по случаю бракосочетанія одного дядьки, нѣкоторые воспитанники были въ церкви и пѣли на клиросѣ, что вовсе неумѣстно, безъ всякаго на то дозволенія“ [11]).

Итакъ, корпусная жизнь вышла изъ береговъ, русло оказалось слишкомъ узко, она искала новыхъ путей, рвалась на просторъ. Жажда знаній сопровождалась критикой, осуждающей корпусъ, а затѣмъ и дѣятельнымъ протестомъ.

Общее настроеніе отразилось и на Пажескомъ корпусѣ, и прежде всѣхъ почувствовать его вліяніе пришлось всесильному, вездѣсущему Карлу Карловичу Жирардоту, а за нимъ и камеръ-пажамъ, подчасъ слишкомъ рьяно игравшихъ роль воспитателей.

Обаянію Карла Карловича вскорѣ пришелъ конецъ. Такъ, однажды онъ, привыкшій къ тому, чтобы его слова цѣнились, чтобы его насмѣшки или намеки принимались во вниманіе, производили впечатлѣніе, вдругъ увидалъ, что они начинаютъ вызывать отпоръ. Дѣло происходило такъ: одинъ изъ пажей послѣ тифа сдѣлался нерѣдкимъ гостемъ въ лазаретѣ. Карлъ Карловичъ, проходя по лазарету, каждый разъ какъ-бы мимоходомъ бросалъ слова: „j'ai ici un jeune homme de ma connaissance, qui se porte aussi bien qu' un pont neuf“. Юноша пробовалъ сначала обращать это замѣчаніе въ шутку, вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и вскричалъ: „какъ вы смѣете это говорить, я попрошу доктора, чтобы онъ запретилъ вамъ входить въ эту комнату“.

Гр. Н. В. Адлербергъ.
Финляндскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1837 г.

Карлъ Карловичъ сдѣлалъ два шага назадъ, глаза его злобно блеснули, губы вытянулись и сдѣлались какъ-то особенно тонки и

Георгіевскій залъ корпуса въ царствованіе Императора Александра II

(Изъ альбома г. Авнатамова).

Фототип. „Т-ва Худож. Печати".

онъ сказалъ: „Я васъ обидѣлъ? Прекрасно, такъ будемъ же съ вами драться, какъ разъ въ залѣ находятся двѣ пушки".

— Я не шучу, возразилъ пажъ. Повторяю, я не потерплю вашихъ колкостей.

Далѣе полковнику пришлось убѣдиться, что ранѣе такъ старательно изучавшіеся пажами поклоны и придворныя церемоніи, изучаются ими кое-какъ и что, наконецъ, даже во дворцѣ пажи держатъ себя не такъ, какъ онъ того желалъ; одинъ изъ малышей-пажей, присланныхъ для игръ съ маленькими Великими Князьями, замѣтивъ, что они, увлеченные игрой, завязали платки узелками, самъ надѣлалъ ихъ на своемъ и пребольно оттузилъ Августѣйшаго проказника, за что заслужилъ одобреніе стараго адмирала, севастопольскаго героя и воспитателя Великаго Князя.

Наконецъ дѣло дошло до бенефисовъ. Таковой устроили преподавателю рисованія, съ которымъ пажи никакъ не могли поладить. Это былъ нѣкій Г. Ганцъ. Ему его воспитанники не прощали того, что онъ занимался рисунками такихъ учениковъ, которые брали у него отдѣльные уроки или же платили ему за исправленіе своихъ мараній и такимъ способомъ повышали свой общій баллъ. Но, можетъ быть, они съ этимъ какъ-нибудь и помирились бы, еслибы Г. Ганцъ, что называется, сидѣлъ смирно и своимъ тихимъ поведеніемъ искупилъ бы не совсѣмъ похвальные поступки. Не тутъ-то было. Не проходило урока, чтобы онъ не жаловался на кого-нибудь изъ учениковъ. Вотъ однажды двое изъ нихъ подошли къ нему съ папиросами въ зубахъ, онъ, вмѣсто того, чтобы ихъ просто выслать за неумѣстную шутку, записалъ въ журналъ, т. е. пожаловался. Результатомъ жалобы было строгое наказаніе. Этотъ случай вызвалъ взрывъ негодованія. Все недоброжелательство, до сихъ поръ таившееся, прорвалось наружу и единогласно рѣшено было устроить Ганцу бенефисъ или балаганъ, а для этого запастись у старшихъ классовъ линейками и затѣмъ по сигналу начать барабанить ими по партамъ, чѣмъ и принудить Ганца удалиться изъ класса. Но исполнить задуманный планъ не было такъ легко, какъ это казалось на первый разъ. Въ классѣ имѣлось не малое число маменькиныхъ сынковъ, которые изъ боязни готовы были итти сообща со всѣми, но изъ той же боязни могли предать въ критическій моментъ, а успѣхъ такого бенефиса, главнымъ образомъ, зависѣлъ отъ единодушія, и особенно важно оно было потому, что всякое наказаніе всегда бы-

ваетъ легче, когда налагается на весь классъ, а не на отдѣльныя личности.

Однако, нашелся выходъ. Рѣшено было, что по данному сигналу всѣ повернутся спиною къ Ганцу и будутъ барабанить линейками по оказавшимся передъ ними партамъ. Этимъ избѣгалась опасность измѣны со стороны маменькиныхъ сынковъ, такъ какъ ихъ боязливые взгляды не могли встрѣтиться со взглядомъ Ганца. Какъ только покончили вопросъ о маменькиныхъ сынкахъ, возникъ другой о сигналѣ.

Что должно послужить сигналомъ? спрашивали себя. Очевидно, не какой-нибудь звукъ, свистъ или что-нибудь подобное, такъ какъ звуковой сигналъ отдастъ подателя сигнала въ руки начальства. Думали, рядили и, наконецъ, остановились на слѣдующемъ: одинъ изъ лучшихъ учениковъ по рисованію выйдетъ и покажетъ свой рисунокъ учителю, а затѣмъ возвратится на свое мѣсто и въ тотъ моментъ, когда онъ опустится на скамейку, бенефисъ долженъ начаться. Такъ и сдѣлали. Въ первый же разъ, когда Ганцъ давалъ свой урокъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ подошелъ къ нему со своимъ рисункомъ, затѣмъ пошелъ обратно и, какъ только сѣлъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, повернулись спинами къ преподавателю и линейки весело запрыгали по партамъ, производя невообразимый шумъ, Ганцъ попробовалъ что-то говорить,—но увидавъ, что это напрасно, вышелъ изъ класса. Ему на смѣну пришелъ дежурный офицеръ, шумъ продолжался, тогда явился помощникъ инспектора, но и это не помогло и только, *когда* показался инспекторъ, все замолкло. Тутъ-то началась расправа: „первый по классу подъ арестъ“, послышалось приказаніе и на 10 дней первый отправился въ одиночное заключеніе. Затѣмъ пришелъ директоръ и попросилъ Ганца назвать виновниковъ, но Ганцъ только твердилъ одно: „они вдругъ всѣ повернулись и шумъ начался“. Кончилась вся эта исторія тѣмъ, что классъ былъ сведенъ внизъ и тамъ тѣ двое, которые незадолго передъ тѣмъ подошли къ тому же Ганцу и попросили огня, чтобъ закурить, отвѣдали березовой каши. Подвергли именно ихъ этому наказанію подъ тѣмъ предлогомъ, что они въ отместку за полученную уже кару и затѣяли все это безобразіе. Кромѣ того, до самыхъ праздниковъ классъ оставался безъ отпуска; это, впрочемъ, не очень огорчило воспитанниковъ, такъ какъ они чувствовали себя героями, и, дѣйствительно, всѣ остальные пажи превозносили ихъ подвигъ и въ особенности,

удивлялись тому, съ какимъ единодушіемъ привели они въ исполненіе задуманный планъ. Въ меньшихъ размѣрахъ и, въ сущности, безъ основанія произошло недоразумѣніе и съ учителемъ чистописанія. Этотъ бѣдняга давно подвергался, только вслѣдствіе своей забитости, всякимъ издѣвательствамъ и приставаніямъ. По происхожденію онъ былъ нѣмецкій еврей и обращаться съ нимъ безцеремонно считалось у пажей хорошимъ тономъ, и вотъ однажды одинъ изъ обитателей камчатки, напитавъ губку чернилами и вымаравъ ее мѣломъ, бросилъ ее въ Эберта и при этомъ еще крикнулъ со смѣхомъ: „ловите, ее Эбертъ!“. Губка угодила преподавателю въ плечо, а чернила, которыми она была пропитана, прыснули на лицо и бѣлую рубашку учителя.

А. Д. Герстенцвейгъ.
Варшавскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1837 г.

Всѣ были убѣждены, что уже на этотъ разъ Эбертъ не оставитъ дѣло безъ послѣдствія, что онъ выйдетъ изъ класса и пожалуется инспектору. Но вмѣсто этого, къ всеобщему удивленію, учитель вынулъ платокъ, обтеръ имъ лицо и сказалъ: „Господа, этой шалости довольно на нынѣшній разъ! Моя рубашка испорчена!“ прибавилъ онъ упавшимъ голосомъ и продолжалъ просматривать тетрадь одного изъ учениковъ. Пажи были поражены и чувствовали себя устыженными. „Какъ! вмѣсто того, чтобы пожаловаться, учитель покорился“. Настроеніе класса сразу перемѣнилось. Оно стало благопріятнымъ для еврея мученика. „Это было очень глупо съ твоей стороны! послышался упрекъ по адресу дерзкаго шалуна: Онъ бѣдный человѣкъ, а ты ему испортилъ рубашку! Стыдно!“ крикнулъ кто-то.

Виновникъ сталъ извиняться, въ отвѣтъ на что Эбертъ твердилъ ему только съ грустью въ голосѣ: надо учиться, учиться милостивый государь.

Послѣ этого всѣ притихли и въ слѣдующій часъ большая часть изъ пажей, какъ бы по соглашенію, старательно выводила буквы и

результатъ работы представляла на благоусмотрѣніе Эберта. Бѣдняга сіялъ. Онъ былъ положительно счастливъ въ этотъ день".

Какъ мы уже сказали, если можно такъ выразиться, общественное мнѣніе пажей возстало въ эту переходную эпоху и противъ тираніи камеръ-пажей, которые въ корпусѣ играли громадную роль и по-своему, вполнѣ своеобразными пріемами воспитывали своихъ младшихъ сотоварищей, точь-въ-точь какъ то дѣлали „закалы" въ кадетскихъ корпусахъ. Полковникъ Жирардотъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы и даже поощрялъ, такъ какъ камеръ-пажи помогали ему поддерживать дисциплину.

Дать пинекъ камеръ-пажу считалось во времена Николая Павловича вещью положительно невозможною. Если даже такой смѣльчакъ и находился, то онъ дорого платилъ за свою неумѣстную храбрость. Весь старшій классъ, какъ одинъ человѣкъ, заступался за своего обиженнаго собрата и виновникъ подвергался далеко не мягкому искупительному наказанію.

Ясно, что старшіе дѣлали, что хотѣли. Одно изъ любимыхъ ихъ занятій заключалось въ томъ, что они собирали новичковъ въ ночныхъ рубашкахъ въ одну комнату и тамъ заставляли ихъ бѣгать на подобіе лошадей въ циркѣ, причемъ камеръ-пажи, для полной иллюзіи, время отъ времени постегивали ихъ большими бичами.

Вотъ этимъ цирковымъ представленіямъ и другимъ истязаніямъ положилъ конецъ одинъ изъ среднихъ классовъ. Онъ вызвалъ камеръ-пажескій классъ на смертный бой и въ этомъ бою похоронилъ престижъ старшихъ. Послѣдніе притихли, умѣрили свои требованія и понемногу стали терять почву подъ ногами и изъ вершителей судебъ превратились въ то, чѣмъ они должны быть—хранителями лучшихъ традицій корпуса, примѣромъ для младшихъ. Однако, изрѣдка нѣтъ-нѣтъ да вспыхивало пламя, и казалось, заснувшіе инстинкты просыпались, но разстояніе между вспышками все болѣе и болѣе увеличивалось и самыя вспышки дѣлались все незамѣтнѣе и незамѣтнѣе. Теперь, что касается жажды знаній, которой томились всѣ тогда въ Россіи и юноши, и взрослые, и гимназисты, и кадеты—томились ею и пажи. Мы изъ предыдущаго знаемъ, что никогда среди пажей не глохъ интересъ къ наукѣ, всегда находились молодые люди, которые говорили спасибо за то доброе, что для нихъ сѣяли, и жадно его поглощали. Разница состояла лишь въ томъ, что мѣнялось количество такихъ лицъ, что зависѣло, съ одной стороны, отъ общественнаго

настроенія, котораго пажи могли служить точными барометрами, а съ другой и отъ личныхъ качествъ самихъ преподавателей [12]).

Такъ, когда съ молодымъ Государемъ во главѣ, общество въ началѣ XIX столѣтія искало просвѣщенія,—искали его и пажи; когда-же порывъ прошелъ и оно нѣсколько охладѣло, — охладѣло большинство пажей. Когда общество удивлялось тому, что дворянинъ можетъ быть профессоромъ, — большая часть пажей пренебрежительно относилась къ учителямъ. Когда въ царствованіе Императора Николая I престижъ профессора, благодаря Грановскому, Кавелину, Кудрявцеву и другимъ, выросъ,—большинство пажей стало внимательно слушать профессоровъ и усердно готовить имъ уроки. Когда впервые въ корпусѣ послѣ застоя въ началѣ царствованія Императора Николая живо стали преподавать: Жирардотъ французскій яз. Ортенбергъ нѣмецкій, Докушевскій математику, — большинство пажей со страстью принялось за изученіе этихъ предметовъ. Однимъ словомъ, всякая свѣжая струя увлекала въ своемъ теченіи и большинство пажей. Понятно, что, когда послѣ уже уставшаго и состарившагося Ортенберга въ классы въ качествѣ инспектора появился энергичный, просвѣщенный Винклеръ, всѣ встрепенулись.

Кн. В. И. Барятинскій.
Шталмейстеръ Высочайшаго двора.
Вып. 1837 г.

Въ послѣднее время Ортенбергъ приходилъ въ классъ съ неизмѣнной каской въ рукахъ и съ саблею на отмашь въ сопровожденіи тоже неизмѣннаго своего alter ego, писаря Миронова, несшаго въ рукахъ кофейный сервизъ, поднесенный Ортенбергу пажами. Ортенбергъ входилъ въ классъ, садился на ближайшую скамейку, сервизъ ставился передъ нимъ и онъ начиналъ распивать кофе, болтая съ

пажами и награждая ихъ сухариками. Большинство преподавателей относилось къ этому добродушно, нѣкоторые же, какъ напримѣръ, Бѣлоха, возмущались этимъ и негодовали. „П. П. Винклеръ былъ умный авторитетный человѣкъ. Прекрасный математикъ, онъ отлично зналъ исторію, военныя науки и вообще по познаніямъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Какъ инспекторъ, онъ обладалъ весьма цѣннымъ качествомъ — рѣдкимъ умѣніемъ выбирать талантливыхъ преподавателей и заставлять ихъ работать.

И это въ то время, когда годовая плата, не равномѣрная относительно того или другого преподавателя, въ общемъ была очень низка.

Такъ, преподаватель ариѳметики въ младшемъ классѣ Цильякусъ получалъ за годовой часъ 23 рубля.

А выбравъ ихъ или оцѣнивъ по достоинству уже имѣвшихся на лицо, П. П. старался съ ними ладить. Когда же приходилось выступать въ роли руководителя или блюстителя извѣстныхъ требованій, онъ эту роль проводилъ весьма умно. Такъ, даровитый Петръ Семеновичъ Лебедевъ, читавшій тактику, имѣлъ привычку пропускать уроки. Винклеръ, ему замѣтивъ это, однажды обратился къ нему со слѣдующими словами: „Петръ Семеновичъ, ты такъ занятъ, пропустилъ на прошлой недѣлѣ урокъ да вчера два урока. Слѣдующая недѣля у насъ относительно свободна. Выбирай два любые часа въ недѣлю, какіе хочешь, и я заранѣе тебѣ ихъ отдамъ“. Петръ Семеновичъ началъ отказываться, говорить, что это неудобно корпусу и прочее. Но Винклеръ настаивалъ на своемъ, увѣряя его, что ничего тутъ неудобнаго нѣтъ. Петру Семеновичу пришлось капитулировать и волей-неволей дать лишнихъ два-три урока. Продѣлавъ это нѣсколько разъ, Винклеръ отбилъ охоту у полковника Лебедева пропускать уроки. Какъ крупная и во всякомъ случаѣ выдающаяся личность, Винклеръ вскорѣ сталъ пользоваться большимъ значеніемъ въ корпусѣ, а поэтому при немъ и должность инспектора классовъ пріобрѣтала все большее и большее значеніе и, въ концѣ концовъ, Жирардоту пришлось уступить первенствующее мѣсто, которое и занялъ Павелъ Павловичъ [13]).

Выше мы говорили, что новый инспекторъ обладалъ способностью привлекать въ корпусъ талантливыхъ преподавателей. Вотъ два примѣра.

Павелъ Павловичъ держался того убѣжденія, что весьма важно заложить хорошій фундаментъ, а для этого, думалось ему, слѣдуетъ

Бѣлый залъ корпуса въ царствованіе Императора Александра II

(Изъ альбома г. Авнатамова).

Фототипія „Т ва Худож. Печ.“.

въ младшіе классы приглашать особенно выдающихся людей и даже ученыхъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ попросилъ профессора Классовскаго взять на себя преподаваніе русскаго языка, на что тотъ охотно и согласился.

„Однажды, разсказываетъ одинъ изъ бывшихъ пажей: вошелъ къ намъ въ пятый классъ весь сіяющій инспекторъ и заявилъ, что насъ ожидаетъ великое счастье, а именно: профессоръ Классовскій, извѣстный ученый и знатокъ русской литературы, согласился заняться преподаваніемъ русской грамматики, а затѣмъ и вести насъ дальше въ четвертомъ, третьемъ и слѣдующихъ классахъ, кромѣ того, и другой ученый, университетскій профессоръ Беккеръ, библіотекарь Императорской публичной библіотеки, взялся вести съ нами занятія по нѣмецкому языку“. Здоровье профессора Классовскаго, добавилъ инспекторъ: нынѣшнею зимою не совсѣмъ удовлетворительно, такъ что ему нѣсколько трудно заниматься, а потому онъ надѣется, что мы будемъ себя вести какъ можно спокойнѣе и лучше—тѣмъ болѣе, что упускать случая, пользоваться уроками такого учителя, никакъ не слѣдуетъ“.

И онъ въ насъ не ошибся. Мы очень гордились тѣмъ, что нашими учителями будутъ профессора, правда съ „камчатки“ раздавались голоса, что не слѣдуетъ давать воли „колбаснику“, но, въ общемъ, мы всѣ были за профессоровъ. „Колбасникъ“ при первомъ же знакомствѣ завоевалъ нашу симпатію. Это былъ мужчина высокаго роста, съ большимъ умнымъ лбомъ, съ привѣтливыми, не лишенными нѣкоторой доли насмѣшливости умными глазами. Онъ заявилъ намъ на хорошемъ русскомъ языкѣ, что онъ намѣренъ раздѣлить нашъ классъ на три части. Первую составятъ нѣмцы, хорошо знающіе нѣмецкій языкъ, къ которымъ онъ предъявилъ болѣе строгія требованія; вторая будетъ изучать стихи и грамматику и затѣмъ впослѣдствіи и литературу, а третью, прибавилъ онъ съ высшей степени располагающею улыбкою, составитъ „камчатка“. „Отъ васъ, сказалъ онъ: я потребую: чтобы вы въ каждый часъ списывали только четыре строчки, которыя я для васъ выберу изъ книги. Кончите вы переписывать эти четыре строчки и вы свободны, можете дѣлать все, что вамъ угодно, только подъ однимъ условіемъ—не мѣшать другимъ. И я вамъ обѣщаю, господа, что черезъ пять лѣтъ вы будете что-нибудь знать какъ изъ нѣмецкаго языка, такъ и изъ его литературы. Итакъ, кто же желаетъ попасть въ первую группу: вы, Штакель-

бергъ, конечно, вы, Ламсдорфъ, можетъ быть, кто-нибудь изъ русскихъ? Теперь, кто изъ васъ желаетъ принадлежать къ числу камчатниковъ?“ Пятеро или шестеро, ни слова не знавшихъ по нѣмецки, отозвались на этотъ призывъ. Они предобросовѣстно списывали свои четыре строчки, въ высшихъ классахъ 12 и даже 24. Беккеръ такъ умно выбиралъ нужныя строчки, такъ внимательно относился къ обитателямъ „камчатки“, что по истеченіи пяти лѣтъ, они, дѣйствительно, кое-что знали какъ изъ нѣмецкаго языка, такъ и изъ его литературы.

Гр. Ѳ. Л. Гейденъ.
Начальникъ Главнаго штаба. Финляндскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1840 г.

Я лично присоединился къ нѣмцамъ, продолжаетъ свой разсказъ бывшій пажъ. Началъ я съ того, что перевелъ, а затѣмъ и выучилъ очень трудное поэтическое описаніе грозы, затѣмъ, по совѣту профессора, я выучилъ наизусть спряженія, нарѣчія и предлоги, а послѣ этого принялся за чтеніе. Такой способъ изученія языковъ можетъ считаться одною изъ лучшихъ методъ. Кромѣ того, Г. Беккеръ посовѣтовалъ мнѣ выписать какой-нибудь дешевый иллюстрированный еженедѣльный журналъ. Картинки и короткія повѣстушки заинтересовали меня, и тѣмъ располагали къ чтенію. Вскорѣ я вполнѣ овладѣлъ языкомъ. Къ концу зимы я попросилъ у г-на Беккера одолжить мнѣ „Фауста“ Гете. Я его читалъ по-русски, былъ хорошо знакомъ съ Тургеневскимъ „Фаустомъ“ и я чувствовалъ теперь потребность прочесть великое твореніе на его родномъ языкѣ.

„Вы въ немъ ничего не поймете, оно слишкомъ философское произведеніе“, сказалъ мнѣ Беккеръ, дружески улыбаясь, но тѣмъ не менѣе онъ мнѣ принесъ небольшую книжку, съ пожелтѣвшими отъ старости листами, которые и заключали въ себѣ безсмертную драму. Онъ едва-ли предполагалъ, какую безграничную радость доставитъ мнѣ эта маленькая книга. Я всасывалъ въ себя смыслъ и благозвучіе

Фототипія „Т-ва Художеств. Печ.".

У Аничкова дворца.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ назначается Шефомъ 145 пѣх. Новочеркасскаго полка.

каждой строки и это съ первыхъ строкъ идеально прекраснаго посвященія, и вскорѣ я зналъ цѣлыя страницы наизусть. Монологъ Фауста въ лѣсу и, въ особенности, слова, въ которыхъ онъ выражаетъ свое пониманіе природы, приводили меня въ состояніе какого-то особеннаго воодушевленія. Это сильное впечатлѣніе и до сихъ поръ не миновало. Понемногу одна за другой всѣ строки сдѣлались для меня вѣрными друзьями.

Первые уроки профессора Классовскаго были для насъ настоящимъ откровеніемъ. Это былъ небольшой пятидесятилѣтній весьма подвижной человѣкъ, съ ясными умными глазами, съ немного саркастическимъ складомъ лица и высокимъ лбомъ поэта. Когда онъ впервые вошелъ въ классъ, онъ заявилъ тихимъ голосомъ, что онъ, вслѣдствіе продолжительной болѣзни, не можетъ громко говорить, а потому приглашаетъ насъ сѣсть поближе. Самъ же онъ поставилъ свой стулъ какъ можно ближе къ первому ряду. Мы же окружили его, какъ пчелы свою матку.

П. П. Альбединскій.
Лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ.
Виленскій, ковенскій, гродненскій генералъ-губернаторъ.
Варшавскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1843 г.

Предметъ преподаванія составляла русская грамматика, но вмѣсто скучнѣйшаго ученія о языкѣ, мы получили что-то совсѣмъ неожиданное. Правда, это была все та же грамматика, но представленная совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Какой-нибудь древне-русскій народный оборотъ давалъ поводъ профессору обратиться къ какой-нибудь строкѣ изъ Гомера или распространиться о древне-индѣйской Махабгаратѣ, съ которой онъ тутъ же знакомилъ насъ; въ другой разъ онъ приводилъ что-нибудь изъ Шиллера и къ этому присоединяется саркастическое замѣчаніе по поводу какого-нибудь предразсудка современнаго общества, затѣмъ опять слѣдовала грамматика, а за ней философскія или относящіяся къ теоріи поэзіи истины. Конечно, многое изъ сказаннаго забывалось, многаго мы не понимали, а многое понимали не глубоко. Но не въ томъ ли заключается волшебная при-

тягательная сила всякаго ученія, что передъ вами раскрываются все новые неожиданные, не вполнѣ ясные горизонты, которые манятъ васъ впередъ и побуждаютъ добраться до того, что представляется вашему умственному взору въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ? Съ блестящими глазами мы впивались въ учителя и это независимо отъ того положенія, въ которомъ находился каждый изъ насъ: одни стояли обнявшись, другіе сидѣли перевѣсившись черезъ парту, нѣкоторые выглядывали изъ-за спины профессора. Когда къ концу урока голосъ Классовскаго ослабѣлъ, мы еще болѣе напрягли наше вниманіе. Инспекторъ, проходя мимо, остановился, пріоткрылъ дверь, но увидавъ что мы какъ бы застыли вокругъ учителя, удалился на цыпочкахъ и, дѣйствительно, вниманіе было столь велико, что одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ учениковъ сидѣлъ, уставившись на Классовскаго, и какъ будто собирался воскликнуть: „вотъ ты каковъ“! а безнадежно тупой черкесъ не шевелился. У всѣхъ же остальныхъ въ глубинѣ ихъ сердца поднималось что-то хорошее и благородное, по мѣрѣ того, какъ передъ ними развертывался невѣдомый до тѣхъ поръ міръ. На меня лично Классовскій оказалъ громадное вліяніе, которое съ годами только росло. Онъ сыгралъ ту роль, которую для каждаго выдающагося мужчины и женщины въ Россіи игралъ его учитель литературы. Такой учитель долженъ составлять достояніе какой бы то ни было школы, такъ какъ онъ именно, а не кто другой, имѣетъ возможность всесторонне вліять на развитіе учениковъ. Каждый учитель знаетъ свой предметъ, который трудно связать съ остальными, только преподаватель словесности поставленъ въ такое положеніе, что онъ можетъ, оставаясь въ предѣлахъ программы, связать между собою различныя отрасли гуманитарныхъ знаній, дать имъ широкое философское толкованіе и пробудить въ сердцѣ и умѣ высшія стремленія и высокія мысли. Говоря о развитіи языка, о содержаніи эпоса, о народныхъ пѣсняхъ, о народной мудрости, а позже про современную беллетристику, про научную, политическую, и философскую литературу своей родины и про различныя эстетическія, политическія и философскія теченія, нашедшія въ ней свое отраженіе, учитель словесности обязанъ стремиться къ всестороннему развитію духовнаго я своихъ учениковъ, что выходитъ за границы и цѣли отдѣльныхъ учителей.

Впрочемъ, то же можно сказать и про естественныя науки. Недостаточно учить физикѣ или химіи, астрономіи или метеорологіи нужно

представить ученикамъ или студентамъ, независимо отъ размѣровъ курса названныхъ наукъ—философію естествознанія, общее естественно-историческое міросозерцаніе, что-нибудь въ родѣ того, что заключается въ первомъ томѣ Гумбольдтова Космоса. Философія и поэзія природы, методъ точныхъ наукъ и высшее пониманіе жизни природы, несомнѣнно, должны входить въ учебный планъ. Можетъ быть съ такою задачею могъ бы справиться преподаватель географіи, но для этого пришлось бы имѣть въ распоряженіи совсѣмъ другія учительскія силы, а то, что теперь преподается подъ этимъ именемъ, можетъ называться, чѣмъ угодно, только не географіей.

Преподаваніе физики во второмъ классѣ было отлично поставлено. Учитель физики велъ свое дѣло превосходно. Онъ былъ вполнѣ интеллигентный, нѣсколько наклонный къ сарказму человѣкъ, не терпѣвшій выучиванія наизусть и пріучавшій насъ не только излагать факты, но и вдумываться въ нихъ. Онъ былъ хорошимъ математикомъ, а потому и физику преподавалъ, опираясь на математику. Его вопросы и его объясненія были до того оригинальны и такъ прекрасны, что они твердо засѣли въ моей памяти—нашъ учебникъ физики былъ всѣмъ хорошъ, какъ и большинство учебниковъ того времени, составленныхъ подъ редакціею спеціалистовъ, но онъ уже порядочно устарѣлъ и нашъ преподаватель, ведшій дѣло по своей собственной системѣ, намѣревался составить для нашего класса родъ конспекта, который долженъ заключать обѣ руководящія идеи, но черезъ нѣсколько недѣль пришлось заняться этимъ мнѣ.

Какъ настоящій педагогъ, учителъ предоставилъ мнѣ это дѣло, а самъ читалъ только и отмѣчалъ отступленія. Когда мы дошли до теплоты, до электричества и магнетизма, то пришлось написать почти новую книгу. Эти записки были впослѣдствіи литографированы.

Въ томъ же второмъ классѣ преподавали и химію. Учитель относился къ своему предмету со страстью, онъ произвелъ нѣсколько весьма цѣнныхъ изысканій. Какъ разъ въ это время, выступили на сцену выдающіеся ученые, и на русскомъ языкѣ появилось нѣсколько прекрасныхъ переводовъ естественно-историческихъ сочиненій.

Всѣ увлекались естественными науками. Пятеро изъ нашего класса задумали устроить родъ своей собственной лабораторіи. Лабораторію эту пажи завели въ домѣ двухъ товарищей, отецъ которыхъ, старый адмиралъ, посмотрѣлъ на эту затѣю весьма симпатично, несмотря на то, что однажды мы чуть не сожгли весь домъ, уже не

говоря о томъ, что не разъ, а нѣсколько разъ наполняли комнаты невыносимымъ зловоннымъ запахомъ.

Хозяйки мирились съ этимъ неудобствомъ, а пажи, добывъ себѣ книгу въ видѣ руководства, усерднѣйше продѣлывали всѣ указанные въ ней опыты. Покончивъ съ химіею, они въ томъ же гостепріимномъ

Гр. Л. Н. Толстой. Д. В. Григоровичъ.
И. А. Гончаровъ. И. С. Тургеневъ. А. В. Дружининъ. А. Н. Островскій.
Въ мартѣ 1856 г. въ С.-Петербургѣ.

А. В. Дружининъ.
Писатель, основатель общества взаимопомощи нуждающимся литераторамъ.
Вып. 1843 г.

салонѣ занимались пѣніемъ и музыкою; вообще такъ незамѣтно текли недѣли за недѣлями. Большинство пажей изучало усердно и математику, а когда настало время, также добросовѣстно и законовѣдѣніе и военную исторію, и фортификацію“ [14]).

Лѣтомъ они увлекались съемкой въ лагерѣ и фортификаціонными постройками. Видимо они цѣнили наглядность своихъ занятій, ихъ практичность, они чувствовали, что впослѣдствіи это поможетъ имъ разобраться въ разныхъ трудностяхъ, какія представляются на служебномъ поприщѣ. Однимъ словомъ, всеобщій подъемъ духа отразился и на пажахъ, общая волна подхватила ихъ и понесла впередъ.

Въ 1868 г. корпусъ получилъ новое Положеніе, которое давало ему организацію, согласованную съ организаціею военныхъ гимназій

и военныхъ училищъ. Съ этого время онъ какъ бы пріютилъ подъ одну крышу два учебныхъ заведенія—гимназію и военное училище.

До своего преобразованія корпусомъ управляли двое директоровъ: генералъ Желтухинъ и генералъ Озеровъ.

Генералъ-лейтенантъ Желтухинъ до своего назначенія въ Пажескій корпусъ стоялъ во главѣ сначала Александровскаго сиротскаго корпуса, а потомъ перваго Московскаго.

Вотъ, что говоритъ про него официальный историкъ перваго московскаго корпуса. „Не болѣе, какъ за трехлѣтнее свое управленіе корпусомъ, покойный Владиміръ Петровичъ оставилъ въ своихъ питомцахъ такую добрую память, которая не изгладилась въ нихъ даже и по прошествіи четверти вѣка. 15 Февраля 1878 года, въ день погребенія Желтухина, на гробѣ его красовался большой вѣнокъ съ надписью изъ цвѣтовъ: „отъ московскихъ кадетъ“. И, дѣйствительно заботливость этого почтеннаго директора принесла заведенію не мало существенной пользы. Заботливо и участливо слѣдя своимъ просвѣщеннымъ взглядомъ за содержаніемъ и воспитаніемъ кадетъ, В. П. Желтухинъ постоянно поддерживалъ „заведеніе въ образцовомъ по всѣмъ частямъ состояніи“ [15]).

Гр. В. Н. Ламздорфъ.
Нынѣ министръ иностранныхъ дѣлъ.
Вып. 1862 г.

Ту же заботливость и вниманіе принесъ Владиміръ Петровичъ и въ Пажескій корпусъ, только здѣсь ему пришлось переживать тяжкое переходное время, когда новые порядки еще не успѣли установиться, а старые окончательно исчезнуть.

Въ 1861 году генерала Желтухина смѣнилъ генералъ-лейтенантъ Сергѣй Петровичъ Озеровъ. Вотъ, что про него говоритъ историкъ 2 московскаго Императора Николая I корпуса.

„Первый директоръ корпуса, открывшій его и прослужившій въ немъ 12 лѣтъ, Сергѣй Петровичъ Озеровъ, оставилъ по себѣ самую добрую, можно даже сказать, самую завидную память. Принадлежа къ старинному дворянскому роду, онъ получилъ весьма хорошее

образованіе. Въ архивѣ корпуса хранится огромное количество собственноручныхъ его записокъ, резолюцій, писемъ къ высокопоставленнымъ лицамъ, къ родителямъ кадетъ, къ офицерамъ, выпущеннымъ изъ 2-го моск. кад. корпуса на русскомъ и французскомъ языкахъ, всѣ эти документы отличаются безукоризненною грамотностью, изложеніемъ точнымъ и яснымъ, что въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія далеко не было заурядным явленіемъ, а стиль его писемъ на французскомъ языкѣ можно признать даже изящнымъ.

17-ти лѣтъ отъ роду Сергѣй Петровичъ вступилъ въ службу прапорщикомъ Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка (24-го ноября 1826 г.) и въ теченіе 11-ти лѣтъ несъ службу во фронтѣ. Въ 1831 г. при усмиреніи польскаго возстанія онъ принималъ участіе въ трехъ крупныхъ сраженіяхъ: на Гроховскихъ поляхъ, подъ Яндржіевомъ и при Остроленкѣ. Въ 1837 г. въ чинѣ капитана онъ зачисляется въ личные адъютанты къ Великому Князю Михаилу Павловичу, а въ 1847 г. въ чинѣ полковника назначается дежурнымъ штабъ-офицеромъ, по военно-учебнымъ заведеніямъ.

Н. К. Шильдеръ.
Впослѣдствіи историкъ и директоръ публичной библіотеки.
Вып. 1860 г.

Казалось бы, что 11-лѣтняя служба во фронтѣ и 12-лѣтнее пребываніе въ непосредственной близости къ такому образцовому и требовательному служакѣ, какимъ былъ В. К. Михаилъ Павловичъ, должны бы были выработать изъ Сергѣя Петровича знакомый типъ „фронтовика“, но въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему были хорошо извѣстны всѣ тонкости фронтовой выправки и всѣ мелочныя подробности фронтовыхъ экзерцицій, онъ хорошо ѣздилъ верхомъ и умѣлъ безошибочно командовать и батальономъ, и цѣлымъ отрядомъ, но все это отнюдь не влекло его къ себѣ. Фронтовую выправку кадетъ онъ всецѣло поручилъ усерднымъ мастерамъ этого дѣла,—батальонному и ротнымъ командирамъ, свою же душу онъ вкладывалъ въ дѣло ихъ нравственнаго воспитанія, въ облагораживаніе ихъ наклонностей. Самъ будучи вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, онъ высоко цѣнилъ внѣшній блескъ, изящество манеръ, но еще выше цѣнилъ онъ изящество внутреннее, т.-е. правдивость, искренность, любовь къ роднымъ, вѣжливость съ товарищами, почтеніе и благодарность къ старшимъ.

Директора корпусовъ дореформенной эпохи не раздѣляли своей власти ни съ какими органами въ родѣ учрежденныхъ впослѣдствіи „общихъ педагогическихъ комитетовъ“. Отвѣтственные единственно передъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, они имѣли вокругъ себя не сотрудниковъ, а подчиненныхъ. Отъ директора исходили приказанія, подчиненные приводили ихъ въ исполненіе, и слишкомъ частый, слишкомъ мелочной надзоръ надъ послѣдними свидѣтельствовалъ бы о томъ, что они не заслуживаютъ довѣрія. Вотъ почему, подобно другимъ директорамъ той эпохи, Сергѣй Петровичъ посѣщалъ кадетъ въ учебное и свободное время не часто; ближайшіе начальники какимъ-то образомъ умѣли заранѣе узнавать, когда и куда намѣренъ отправиться директоръ, и почти всегда умѣли показать ему то, что желали, и укрыть отъ его взора то, что было для нихъ невыгодно. Главною своею обязанностью директоръ почиталъ дать вѣрное направленіе дѣлу воспитанія, и эту обязанность онъ не упускалъ изъ вида никогда. Приказами по корпусу и еще чаще личными бесѣдами онъ внушалъ ротнымъ командирамъ и дежурнымъ офицерамъ, что несправедливости, а тѣмъ паче жестокости въ обращеніи съ дѣтьми, даже виновными, онъ не потерпитъ, что воспитатель не долженъ забывать, что замѣняетъ воспитанникамъ ихъ отсутствующихъ родителей.

Сергѣй Петровичъ не былъ ни суровымъ, ни неприступнымъ начальникомъ, но всѣ безъ исключенія подчиненные чувствовали къ нему такое уваженіе, что не рѣшались, пользуясь его добротою, перейти черту подчиненности, отнестись къ его требованіямъ съ пренебреженіемъ или же оспаривать ихъ цѣлесообразность. И директору должно было казаться, что въ жизни заведенія господствуетъ полная гармонія, что всѣ силы служащихъ согласно направлены къ достиженію блага. Довѣрчивость къ людямъ, видимо старающимся изо всѣхъ силъ схватить и тотчасъ же исполнить желаніе начальника, довѣрчивость къ такимъ людямъ, была характерною чертою того типа хорошо воспитанныхъ баръ, къ которому принадлежалъ Сергѣй Петровичъ. Отъ времени до времени до него доходили слухи, что въ корпусѣ не все ладно, что нѣкоторые изъ офицеровъ несправедливо обращаются съ дѣтьми; но такъ какъ всѣ эти слухи

передавались на ухо, то онъ относился къ нимъ такъ же, какъ порядочные люди относятся къ анонимнымъ письмамъ, т.-е. съ гадливостью. Открытыя заявленія, прямыя жалобы кадетъ, случавшіяся весьма рѣдко, Сергѣй Петровичъ никогда безъ подробнаго разбирательства не оставлялъ, но почти безъ исключенія оказывалось, что жалобщики

Пажи.
(Рисунокъ Зичи).
Изъ собственной Его Величества библіотеки.

преувеличивали серьезность дѣла, что тотъ или другой обжалованный офицеръ либо вполнѣ правъ, либо же совершилъ нѣкоторую безтактность и директоръ ограничивался снисходительнымъ выговоромъ.

Былъ, правда, за 12 лѣтъ управленія одинъ случай, когда директору пришлось, съ сильною болью сердца, раскаяться въ довѣрчивости къ ротному командиру, котораго онъ долго считалъ самымъ

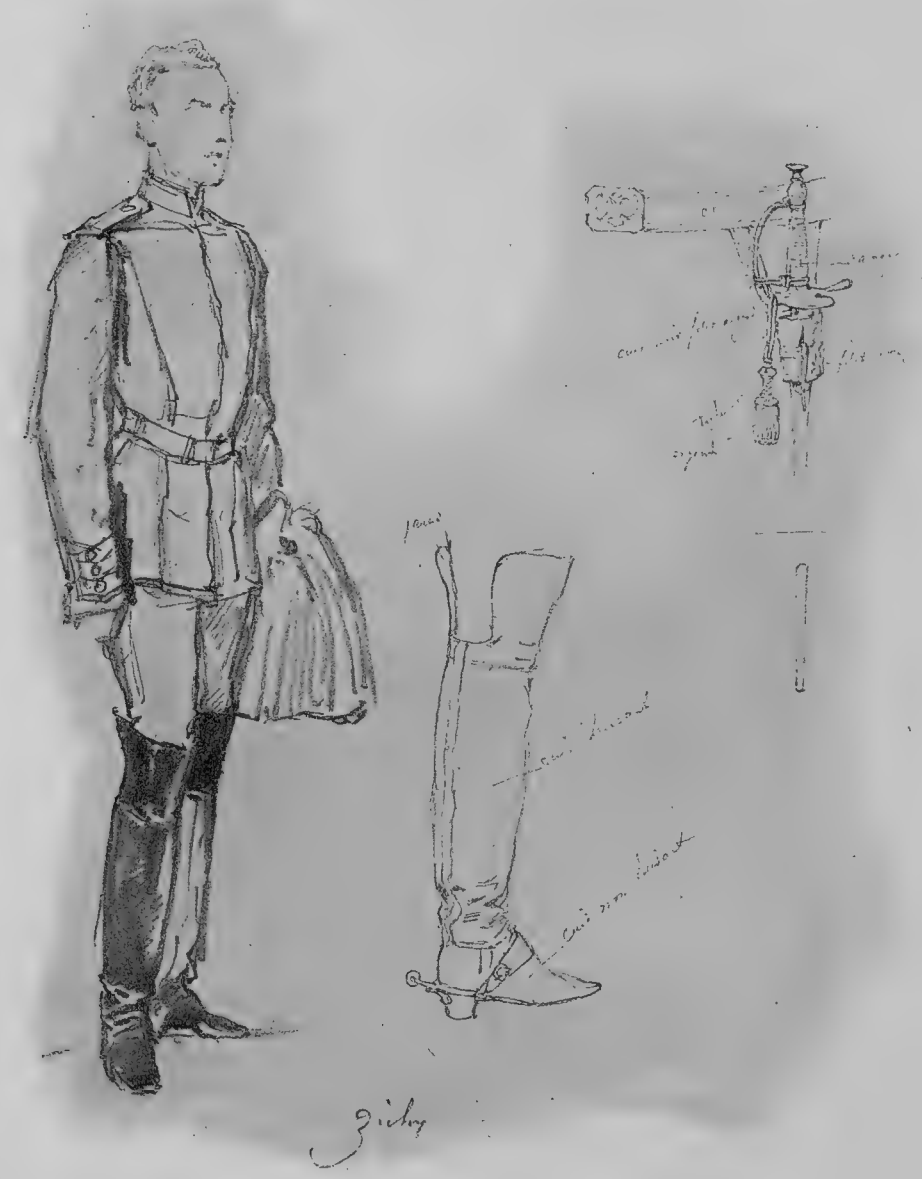
образцовымъ воспитателемъ, самымъ честнымъ и добрымъ человѣкомъ, и который оказался и дерзкимъ взяточникомъ, и тираномъ. Случай этотъ, о которомъ еще будетъ итти рѣчь, повелъ къ удаленію виновнаго отъ службы, къ возможному исправленію надѣланныхъ имъ несправедливостей, но не могъ измѣнить присущей природѣ Сергѣя Петровича довѣрчивости.

Несмотря на то, что кадеты видѣли своего директора не слишкомъ часто, несмотря на то, что они иногда считали себя обиженными своими ближайшими начальниками, а директоръ либо совсѣмъ объ этомъ не зналъ, либо зналъ, да не давалъ имъ желаемаго удовлетворенія, однако, всѣ кадеты его глубоко любили и были непоколебимо увѣрены въ томъ, что и онъ ихъ любитъ, какъ отецъ. Въ архивѣ корпуса, особенно въ дѣлахъ 1856 и 1857 годовъ хранится не мало писемъ къ Сергѣю Петровичу отъ бывшихъ питомцевъ корпуса, въ которыхъ они обращаются къ своему бывшему начальнику со всякаго рода просьбами, чаще всего прося у него отеческаго совѣта, какъ имъ слѣдуетъ поступить въ томъ или другомъ встрѣтившемся имъ трудномъ вопросѣ? Всѣ такія письма дышатъ самымъ теплымъ чувствомъ благодарности къ Сергѣю Петровичу за его прежнія о нихъ заботы и проникнуты увѣренностью, что онъ не откажетъ просителямъ ни въ добромъ совѣтѣ (наприм., касательно женитьбы), ни въ своей авторитетной протекціи (напр., о переводѣ въ другое мѣсто служенія). Отвѣты Сергѣя Петровича быстро слѣдуютъ за запросами, написаны самымъ сердечнымъ языкомъ, и просьбы почти всегда удовлетворены. Одинъ 14-лѣтній кадетъ, долго болѣвшій въ корпусѣ, былъ уволенъ въ 11-мѣсячный отпускъ въ деревню, гдѣ и умеръ 9-го іюня 1854 года. Отецъ умершаго, помѣщикъ Костромской губерніи, пишетъ Сергѣю Петровичу: „Не проходило дня, чтобы мой сынъ съ одушевленіемъ не вспоминалъ о васъ и о вашемъ почтенномъ семействѣ. По изустному завѣщанію покойнаго сохраняю на память три письма вашего превосходительства, собственноручно къ нему писанныя“. (Дѣло 1851 г., № 88, объ умерш. кадетахъ).

Вступивъ въ исправленіе должности директора корпуса въ 1849 г. полковникомъ и флигель-адъютантомъ, Озеровъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и утвержденъ въ должности 6 дек. 1851 г., въ день освященія пожалованнаго корпусу знамени. 23-го апрѣля 1861 г. онъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта, а 30-го августа того-же года назначенъ директоромъ Пажескаго Его Императорскаго Величе-

ства корпуса и въ ноябрѣ мѣсяцѣ распростился съ созданнымъ имъ и горячо имъ любимымъ 2-мъ московскимъ кадетскимъ корпусомъ.

Озеровъ, какъ директоръ, за 12 лѣтъ службы въ нашемъ корпусѣ пріобрѣлъ полную къ себѣ довѣренность начальника штаба ген.-адъют. Ростовцева и заслужилъ неоднократныя Монаршія благоволенія отъ Государя Императора Александра II, который по всту-



Пажъ. (Рис. Зичи).
Изъ собственной Его Величества библіотеки.

пленіи на престолъ удержалъ за собою главное начальство надъ военно-учебными заведеніями и не переставалъ близко слѣдить за ними. Но 6-го февраля 1860 года Яковъ Ивановичъ скончался, и черезъ 3 дня послѣ этого, Высочайшимъ приказомъ отъ 9-го февраля, глав-

нымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній былъ назначенъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Назначеніе Озерова въ Пажескій корпусъ состоялось черезъ 1½ года по вступленіи Великаго Князя въ управленіе, а это служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что новый главный начальникъ призналъ административныя и педагогическія качества Сергѣя Петровича достойными награды“ [16]).

Въ Пажескомъ корпусѣ Сергѣй Петровичъ Озеровъ пробылъ до 1865 года. Здѣсь ему такъ же, какъ и генералу Желтухину, пришлось переживать тяжелые годы. Изъ записокъ пажей мы познакомились съ настроеніемъ, которое царствовало тогда въ корпусѣ. Высокое качество души Сергѣя Петровича позволило ему выйти съ честью изъ труднаго положенія, въ которое его поставило довѣріе Государя.

Въ 1865 году на должность директора корпуса вступилъ съ оставленіемъ помощникомъ главнаго начальника, бывшій пажъ Никита Васильевичъ Корсаковъ. Изъ корпуса Н. В. Корсаковъ былъ выпущенъ въ Л.-Гв. Семеновскій полкъ, а штабсъ-капитаномъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній Великаго Князя Михаила Павловича. Съ 1849 по 1855 годъ военно-учебнымъ вѣдомствомъ управлялъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Во время реформъ Никита Васильевичъ былъ начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Въ 1865 году съ образованіемъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній Н. В. былъ назначенъ помощникомъ главнаго начальника и эту должность занималъ до 1888 года.

Среди пажей распространился слухъ, что генералъ Корсаковъ назначенъ былъ подтянуть ихъ.

„Ужасно мы боялись этого подтягиванія, пишетъ одинъ изъ нихъ: про Никиту Васильевича и его строгость ходили преувеличенные слухи и, повидимому, первое знакомство съ нимъ вполнѣ подтверждало ихъ.

Генералъ Корсаковъ вышелъ къ стоявшимъ въ строю пажамъ, сказалъ громовую рѣчь, въ которой только и слышалось: „Вы меня еще не знаете-съ, господа, я вамъ покажу-съ и т. д.“. Кто-то пошевелился во фронтѣ, Корсаковъ продержалъ насъ часа два въ строю. Ну, начало плохое!

Вскорѣ оказалось, что Никита Васильевичъ, несмотря на напускную строгость (впрочемъ, спуску онъ не давалъ) былъ человѣкъ

прекрасной души, съ истинною любовью относившійся къ воспитавшему его заведенію и его питомцамъ. Онъ и впослѣдствіи хорошо помнилъ своихъ воспитанниковъ“ [17]).

„Два года управленія корпусомъ генерала Корсакова—находимъ мы въ воспоминаніяхъ о Пажескомъ корпусѣ, писанныхъ со словъ генерала Я. А. Дружинина,—являются знаменательною эпохою въ исторіи корпуса, такъ какъ Корсакову поручили провести реформу, которая должна была создать изъ него два учебныхъ заведенія, соединенныхъ, одною кровлею: военную гимназію и военное училище.

Головы пажей.
Этюды Зичи.
(Изъ собственной Его Величества библіотеки).

Н. В. Корсакову были даны широкія полномочія къ проведенію реформы.

Весь воспитательный персоналъ былъ уволенъ; но никто изъ уволенныхъ не былъ въ претензіи, такъ какъ каждый получилъ двухгодичный окладъ жалованья съ производствомъ въ слѣдующій чинъ. Многіе потомъ прекрасно устроились на иныхъ поприщахъ.

Немного ранѣе назначенія Корсакова состоялось назначеніе Винклера директоромъ Михайловскаго-Воронежскаго корпуса; на мѣсто Винклера, по ходатайству Корсакова, былъ назначенъ Я. А. Дружининъ, который и является главнымъ сотрудникомъ Н. В. въ дѣлѣ осуществленія реформы.

Назначеніе Я. А. Дружинина инспекторомъ классовъ состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Корсаковъ, по отъѣздѣ Винклера, приказалъ Я. А. вступить во временное исправленіе должности инспектора классовъ впредь до утвержденія его въ этой должности. Время было горячее, работы было много и спѣшной; Н. В. Корсаковъ исполнялъ еще обязанности помощника главнаго начальника, поэтому

помощь и сотрудничество Я. А. были особенно цѣнны, тѣмъ болѣе что Я. А. былъ прекрасно знакомъ съ условіями и жизнью корпуса, и, пожалуй, лучше Корсакова зналъ особенности и трудности предстоящаго преобразованія. Въ самый разгаръ первоначальной работы пріѣзжаетъ какъ-то къ Дружинину Ѳ. К. Дитерихсъ. Ѳ. К. только-что закончилъ воспитаніе Е. И. В. Герцога Евгенія Максиміліановича Лейхтенбергскаго. Щедро одаренный Великой Княгиней Маріей Николаевной, получивъ 2,000 руб. пенсіи, 1,000 руб. аренды, Ѳ. К. Дитерихсъ не получилъ никакого опредѣленнаго назначенія. Представляясь Государю Императору по случаю окончанія воспитанія Герцога, Ѳ. К.,

Головы пажей.
Этюды Зичи.
(Изъ собственной Его Величества библіотеки).

былъ крайне обласканъ Государемъ Императоромъ и услышалъ между прочимъ, слѣдующія милостивыя слова „Ну, мы тебя устроимъ инспекторомъ въ Пажескій корпусъ“. Зная о предстоящемъ назначеніи Я. А. на эту должность, Ѳ. К. Дитерихсъ, съ обычной прямотой, отправился непосредственно къ Дружинину, и разсказалъ весь эпизодъ. Легко себѣ представить неожиданность такого оборота для Дружинина. Вечеромъ того дня Я. А. явившись съ докладомъ къ Корсакову, изложилъ всѣ бумаги и закончилъ такъ: „А теперь, Н. В., я прошу меня освободить отъ исполненія обязанностей инспектора классовъ и вашего помощника“. Н. В. Корсаковъ страшно переполошился и объявилъ, что онъ этого не допуститъ. Дѣйствительно, начавъ хлопотать, Корсакову удалось черезъ Исакова и Милютина отстоять Дружинина. Ѳ. К. Дитерихсу было велѣно состоять при главномъ начальникѣ, а весною, черезъ годъ, ему была предложена должность помощника инспектора классовъ при Николаевскомъ кава-

валерійскомъ училищѣ. Должность эту онъ однако, не принялъ, получивъ вскорѣ назначеніе директора Шакѣевскаго пансіона.

Первый вопросъ, который предстоялъ разрѣшить, былъ вопросъ о помѣщеніи. Предсѣдателемъ хозяйственнаго комитета Корсаковъ назначилъ Дружинина, предложивъ ему помѣщеніе для спеціальныхъ классовъ, которые было рѣшено совершенно отдѣлить отъ общихъ классовъ. По зрѣлому обсужденію единственнымъ выходомъ представлялось слѣдующее: квартира директора корпуса помѣщалась тамъ, гдѣ нынѣ лазаретъ общихъ классовъ и занимала большую площадь, вполнѣ достаточную для роты спеціальныхъ классовъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, Я. А. предложилъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе самому Корсакову, который съ полной готовностью отказался отъ прекрасной квартиры директора, тѣмъ болѣе, что онъ никогда и не предполагалъ ее занимать, такъ какъ управлялъ корпусомъ временно. Впослѣдствіи онъ, однако, переѣхалъ на новую квартиру, которая была образована изъ квартиры старшаго доктора Смѣльскаго и младшаго врача Юргенсона (нынѣшняя квартира директора). Такимъ образомъ, старшіе классы были переведены внизъ и вполнѣ отдѣлены отъ общихъ классовъ.

Весьма существенный вопросъ, который предстояло разрѣшить тогда же, былъ вопросъ о воспитательномъ персоналѣ корпуса. Такъ какъ преобразованіе корпуса было рѣшено произвести въ духѣ военныхъ гимназій, то на должности воспитателей предполагалось назначить лицъ гражданскаго вѣдомства. Нѣкоторая доля увлеченія новыми идеями Пирогова, Ушинскаго о воспитаніи сказывалась и во взглядахъ Н. В. Корсакова. Воспитатели набирались съ разныхъ концовъ, большинство съ университетскимъ образованіемъ, но ощупью, такъ какъ учрежденія, подготавливавшаго воспитателей, не было. Педагогическіе курсы при 2-й военной гимназіи были образованы всего годъ или 2 тому назадъ; они то доставили въ корпусъ контингентъ воспитателей, укрѣпившихъ тѣ начала, которыя были заложены самою реформою, таковы: А. Н. Острогорскій, Алексѣевъ, Анчутинъ и др.

Я. А. Дружинину стоило не мало труда уговорить Корсакова не торопиться пріемомъ статскихъ воспитателей. „Прихожу я однажды къ Корсакову, разсказываетъ Я. А.: вижу, сидятъ какіе то два длинноволосые, не то семинаристы, не то красные; присланы Исаковымъ на должность воспитателей. Н. В. разсказываетъ имъ уже о

казенныхъ квартирахъ; вижу, дѣло почти рѣшается. Подъ благовиднымъ предлогомъ вызываю Н. В. въ другую комнату: „ради Бога, Н. В., не берите ихъ; зачѣмъ намъ статскихъ; во всякомъ случаѣ, не кончайте, подождите, найдемъ". И дѣйствительно, мало по малу образовался составъ прекрасныхъ воспитателей. Впослѣдствіи Бушенъ продолжилъ эту плеяду, пригласивъ изъ Орловскаго корпуса офицеровъ, которыхъ онъ лично зналъ и, можно сказать, воспиталъ, а именно: Н. Н. Скалона, Гиргаса, Н. И. Вавравскаго, Боголюбова, О. Г. Гресбека и другихъ.

Графъ (князь съ 1857 г.) Н. А. Орловъ.
Посолъ въ Лондонѣ. Посолъ въ Парижѣ.
Посолъ въ Берлинѣ.
Вып. 1845 г.

Вообще увлеченій въ дѣлѣ реформы было не мало. Я. А. помнитъ, что на одномъ засѣданіи комиссіи по выработкѣ руководящихъ началъ реформы было высказано мнѣніе, что военно-учебныя заведенія вообще не нужны и кадетскіе корпуса слѣдуетъ уничтожить; тогда покойный Желтухинъ вскочилъ и воскликнулъ: „Не подпишу я такого рѣшенія, сниму мундиръ, а не подпишу". Но графъ Милютинъ стремился къ выработкѣ общеобразовательнаго типа школы. Съ этой цѣлью писалась цѣлая масса записокъ, часто нелѣпыхъ; какъ характерный признакъ времени. Я. А. указывалъ на А. Б. Ганике, который, какъ милости, просилъ переименовать его въ гражданскій чинъ. Корсаковъ, Исаковъ увлекались взглядами и пріемами Г. Г. Даниловича и, еслибъ не охлаждающее вліяніе Я. А. Дружинина, который всегда думалъ, что Пажескій корпусъ долженъ быть прежде всего военнымъ учебнымъ заведеніемъ, то, вѣроятно, и у насъ реформа была бы проведена во всей ея полнотѣ.

Корсаковъ горячо относился къ своимъ обязанностямъ директора. Постоянно собирались комитеты; Корсаковъ просилъ всѣхъ высказываться на этихъ комитетахъ вполнѣ свободно, „ибо, говорилъ онъ—

онъ и самъ на нихъ учился и бывалъ очень доволенъ, когда возникалъ какой-нибудь принципіальный споръ по существеннымъ вопросамъ воспитанія". Главнымъ ораторомъ былъ Алексѣевъ, а позднѣе Анчутинъ, котораго отрекомендовалъ Я. А. Дружинину его братъ; Анчутинъ не ладилъ съ Набелемъ, директоромъ Тульскаго Александровскаго корпуса. На первомъ же засѣданіи Анчутинъ сталъ такъ сильно возражать Алексѣеву, что вызвалъ большое вниманіе и пріятное удивленіе Корсакова.

Я. А. ставитъ личность Корсакова очень высоко: человѣкъ честный, добрый, онъ былъ, однако, очень вспыльчивъ. Я. А. часто говаривалъ: „я васъ боюсь, Н. В.: въ минуту горячки вы можете наговорить такихъ вещей, послѣ которыхъ мнѣ придется уйти, а мнѣ этого не хочется." И нерѣдко у нихъ происходили столкновенія, послѣ которыхъ Я. А. избѣгалъ встрѣчаться съ Корсаковымъ, но Корсаковъ самъ предобродушно всегда первый искалъ примиренія. Иногда, впрочемъ, Корсаковъ умѣлъ сдерживаться и владѣть собою" [18]).

По уходѣ Н. В. Корсакова директоромъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Дмитрій Христіановичъ Бушенъ. Лучшей его характеристикой можетъ послужить некрологъ и одинъ документъ, который мы вслѣдъ за некрологомъ и приведемъ.

„21-го сентября, послѣ тяжкой болѣзни, скончался директоръ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Бушенъ.

Не обширенъ официальный перечень заслугъ и отличій Дмитрія Христіановича, точно такъ же, какъ не долга была и его жизнь; онъ скончался на 46-мъ году жизни; но его дѣйствительныя заслуги, въ особенности въ кругу военно-воспитательной дѣятельности, и вся его жизнь, вызываютъ о немъ воспоминанія, какъ объ одномъ изъ честнѣйшихъ и симпатичныхъ людей. Смерть Бушена—большая потеря для нашего военно-учебнаго вѣдомства, смерть его—тяжкая потеря для Пажескаго корпуса. Для весьма значительной семьи, оставшейся послѣ покойнаго и состоящей изъ малолѣтнихъ дѣтей, смерть эта невознаградима. Бушенъ былъ нѣжный и заботливый отецъ, вѣрный другъ, честный и разумный общественный дѣятель.

Дмитрій Христіановичъ Бушенъ, окончивъ домашнее воспитаніе въ 1842 году, вступилъ на службу подпрапорщикомъ въ Днѣпровскій пѣхотный полкъ. Подъ ближайшимъ наблюденіемъ своего отца, заслуженнаго генерала Бушена, который въ то время командовалъ

дивизіею, Дмитрій Христіановичъ вполнѣ добросовѣстно и цѣлесообразно прошелъ первые шаги на военномъ поприщѣ, окрѣпнувъ въ тѣхъ правилахъ чести и долга, которыя онъ усвоилъ себѣ въ своей семьѣ. Въ 1845 году, Бушенъ былъ произведенъ въ прапорщики, а черезъ два года, уже въ чинѣ подпоручика, поступилъ въ военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба). По окончаніи курса высшаго военнаго образованія, въ 1849 году, причисленный къ генеральному штабу поручикъ Бушенъ принялъ участіе въ венгерской кампаніи. Затѣмъ, вмѣстѣ съ переводомъ въ генеральный штабъ, въ 1850 году, на Дмитрія Христіановича было возложено военно-ученое порученіе, по собранію матеріаловъ для историческаго описанія военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Огромная масса собранныхъ имъ матеріаловъ, часть которыхъ была добросовѣстно обработана,—уже послужила съ большою пользою для составленія извѣстнаго труда г. Дубровина по исторіи Кавказа. Во время пребыванія Дмитрія Христіановича на Кавказѣ, онъ участвовалъ въ дѣлахъ противъ кавказскихъ горцевъ, причемъ за оказанныя отличія награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ (нынѣ съ мечами).

Съ 1854 по 1863 годъ служебная дѣятельность Дмитрія Христіановича принадлежала академіи генеральнаго штаба, гдѣ онъ разновременно состоялъ въ должностяхъ правителя дѣлъ, штабъ-офицера для начальствованія надъ образуемыми офицерами и адъюнктъ-профессора тактики; кромѣ того, онъ читалъ лекціи тактики въ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1863 году, полковникъ Бушенъ былъ назначенъ исправляющимъ должность директора Орловско-Бахтина кадетскаго корпуса, вскорѣ преобразованнаго въ военную гимназію. Въ этой должности Дмитрій Христіановичъ состоялъ

Графъ П. А. Шуваловъ.
Лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ. Посолъ въ Лондонѣ.
Вып. 1845 г.

около 3½ лѣтъ, въ теченіе которыхъ успѣлъ достигнуть блестящихъ военно-воспитательныхъ результатовъ. Періодъ времени завѣдыванія Орловскою военною гимназіей — покойный Дмитрій Христіановичъ считалъ самымъ счастливымъ періодомъ своей служебной дѣятельности; бывшіе орловскіе воспитанники и воспитатели—до сихъ поръ вспоминаютъ „съ теплымъ чувствомъ своего директора, успѣвшаго поставить гимназію въ наилучшія воспитательныя условія. Мы вполнѣ увѣрены, что строки эти найдутъ отголосокъ въ сердцахъ многихъ молодыхъ людей, въ настоящее время украшающихъ ряды нашей арміи, уже въ званіи офицеровъ.

Отличное состояніе Орловской военной гимназіи обратило особенное вниманіе высшаго начальства на директора этого заведенія. Въ 1867 году, генералъ-маіору Бушену былъ ввѣренъ Пажескій Е. И. В. корпусъ. Дѣятельность покойнаго Дмитрія Христіановича, какъ директора этого корпуса, слишкомъ близка намъ, и слишкомъ всѣмъ извѣстна. Она совпала съ тѣми преобразованіями, которыя произведены въ Пажескомъ корпусѣ и которыя поставили это военно-воспитательное заведеніе вмѣстѣ съ тѣмъ въ условія заведенія военно-образовательнаго. Общее искреннее горе служащихъ, пажей и бывшихъ воспитанниковъ корпуса, которымъ была встрѣчена вѣсть о кончинѣ директора, — служатъ лучшимъ указаніемъ на значеніе дѣятельности покойнаго въ этой послѣдней должности. Вотъ перечень главныхъ фактовъ служебной дѣятельности покойнаго Дмитрія Христіановича. Еще разъ повторяемъ, — фактовъ этихъ немного по числу, но очень, очень много по ихъ внутреннему содержанію и значенію для нашей военно-воспитательной дѣятельности. Дмитрій Христіановичъ жилъ всего съ небольшимъ 45 лѣтъ; служилъ съ небольшимъ 29 лѣтъ; но какъ чиста была эта непродолжительная жизнь, какъ безукоризненна и полезна была эта служба — знаетъ всякій, кто зналъ покойнаго“!

А вотъ документъ, озаглавленный такъ:

ПРОТОКОЛЪ

общаго собранія служащихъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса 25-го сентября 1871 года.

Покойный Дмитрій Христіановичъ Бушенъ всегда заявлялъ желаніе воспитать своихъ дочерей дома въ семьѣ. Послѣ его смерти желаніе это становится трудновыполнимымъ, вслѣдствіе недостаточ-

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.".

Празднованіе столѣтія учрежденія Георгіевскаго ордена 26 ноября 1869 г.

въ Зимнемъ Дворцѣ.

ности семьи въ матеріальномъ отношеніи. Сослуживцы дорогого для нихъ покойнаго считаютъ своей обязанностью содѣйствовать, на сколько могутъ, осуществленію его желаній. Всѣ сошлись на мысли, что необходимо продолжать начатое уже образованіе его дочерей и, для обсужденія этого дѣла, собрались на другой день послѣ похоронъ Дмитрія Христіановича. На этомъ собраніи было постановлено:

1) Преподаватели обязываются давать дочерямъ Дмитрія Христіановича по нѣскольку уроковъ въ недѣлю безвозмездно; обязательство это исполняется во все время службы преподавателей въ Пажескомъ корпусѣ, имѣющіе возможность, продолжаютъ уроки и по выходѣ изъ заведенія. Уроки прекращаются тогда, когда образованіе дочерей Дмитрія Христіановича признано будетъ законченнымъ.

2) Воспитатели съ своей стороны также берутся давать уроки по нѣкоторымъ предметамъ.

3) Имѣя въ виду, что кто-либо изъ преподавателей, по непредвидѣннымъ и независящимъ отъ него обстоятельствамъ, будетъ поставленъ въ невозможность исполнить свое обязательство, а также принимая во вниманіе недостаточность безвозмездныхъ уроковъ для серьезнаго обученія, общество служащихъ считаетъ необходимымъ собрать особый денежный фондъ, обезпечивающій дѣло образованія дочери покойнаго.

4) Фондъ этотъ составляется изъ 3% сбора съ годоваго содержанія служащихъ.

5) Вычеты изъ содержанія производятся помѣсячно и начинаются съ преподавателей—1-го октября сего года, а съ остальныхъ служащихъ—съ 1-го января 1872 года.

6) Такъ какъ этотъ фондъ еще не обезпечиваетъ задуманнаго дѣла, то общество служащихъ принимаетъ пожертвованія отъ лицъ, которымъ дорога память Дмитрія Христіановича.

Примѣчаніе. Независимо отъ этого, для увеличенія денежнаго фонда, полезно было бы издать сборникъ для дѣтскаго чтенія въ память Дмитрія Христіановича Бушена, пользуясь трудами лицъ, знавшихъ покойнаго. Общество служащихъ предложило вести дѣло по изданію сборника г.г. Ильяшевичу и Острогорскому, которые и согласились на предложеніе.

7) Собираемыя деньги вносятся въ какое-либо изъ кредитныхъ учрежденій для храненія и приращенія процентами.

8) Для веденія денежной отчетности должна существовать особая шнуровая книга за казенной печатью инспектора классовъ; книга эта и денежные документы хранятся у казначея корпуса.

Н. И. Леонтьевъ.
Начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба.
Вып. 1845 г.

9) Въ томъ случаѣ, если-бы, по окончаніи образованія дочерей покойнаго Дмитрія Христіановича, изъ составленнаго для этого фонда, осталась какая-либо денежная сумма, то она должна расходоваться съ благотворительно-образовательной цѣлью по усмотрѣнію общества служащихъ.

10) Для завѣдыванія всѣмъ дѣломъ образованія дочерей покойнаго Дмитрія Христіановича составленіе программъ занятій, приглашеніе преподавателей и т. п.), а также для распоряженія денежнымъ фондомъ, общество служащихъ избрало изъ своей среды трехъ уполномоченныхъ:

1) Полковника Якова Александровича Дружинина.
2) Полковника Петра Николаевича Анчутина и
3) Капитана Алексѣя Николаевича Острогорскаго.

11) За выбытіемъ одного изъ нихъ производятся новые выборы.

12) Уполномоченные обязаны два раза въ годъ (въ сентябрѣ и маѣ) сбирать служащихъ для представленія имъ отчета, какъ въ веденіи дѣла образованія, такъ и въ расходованіи собранныхъ денегъ.

13) Кромѣ того, для дополненія и поясненія этихъ положеній, а также и по нѣкоторымъ другимъ уважительнымъ причинамъ, могутъ назначаться экстренныя собранія, для чего необходимо заявленіе, по крайней мѣрѣ, пяти членовъ общества служащихъ.

(Подписи лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ [19]).

На мѣсто Дмитрія Христіановича въ 1872 г. былъ переведенъ изъ 2-го московскаго корпуса П. И. Мезенцовъ. Про него А. И. Поливановъ пишетъ:

„Первый директоръ, преобразовавшій корпусъ въ военную гимна-

зію и управлявшій ею 7½ лѣтъ, оставилъ по себѣ такую же прекрасную память, какъ и первый директоръ корпуса С. П. Озеровъ.

Петръ Ивановичъ Мезенцовъ, окончивъ въ 1846 г. съ отличіемъ курсъ Военной академіи, позднѣе переименованной въ Николаевскую академію ген. штаба, почти всю свою службу провелъ не во фронтѣ, а при главномъ штабѣ, при департаментѣ генеральнаго штаба и при самой академіи. Съ 1858 г. онъ сдѣлался профессоромъ тактики и занималъ этотъ постъ вплоть до назначенія его директоромъ; въ послѣдній годъ его профессуры ему поручено было завѣдывать, въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера, обучающимися въ академіи офицерами. Изъ сказаннаго видно, что онъ 6 лѣтъ занимался учебнымъ дѣломъ и одинъ годъ воспитательскимъ.

О первомъ появленіи Петра Ивановича въ корпусѣ (2 московскомъ) и о первыхъ шагахъ его въ новой дѣятельности имѣются напечатанныя въ журналѣ „Развѣдчикъ“ воспоминанія одного кадета младшей роты и одного старшей, которыя живо обрисовываютъ сильное впечатлѣніе на массу кадетъ необычныхъ пріемовъ новаго директора въ дѣлѣ воспитанія.

Вотъ извлеченіе изъ воспоминаній о П. И. Мезенцовѣ, В. А. Березовскаго, издателя журнала „Развѣдчикъ“ (1898 г. № 381), бывшаго въ 1864 г. кадетомъ младшей роты: „Послѣ обѣда, до вечернихъ занятій у насъ было свободное время; въ этотъ день кадетъ почему-то не повели гулять. У входной двери залы я увидалъ полковника генеральнаго штаба, привѣтливо разговаривающаго съ двумя, тремя кадетами. Любопытные сейчасъ же пристроились, и вокругъ полковника образовалась цѣлая толпа. Болѣе часу, сидя на скамейкѣ, Петръ Ивановичъ ласково бесѣдовалъ съ нами; а мы, пользуясь случаемъ излить свои горести, взапуски разсказывали о томъ, что кашу даютъ съ ламповымъ масломъ, что на второе блюдо даютъ черные жареные сухари, что учитель чистописанія очень дерется и мажетъ по лицу чернилами и вообще все, что наболѣло въ кадетской душѣ. Петръ Ивановичъ отлично умѣлъ разобраться въ правдѣ и въ преувеличеніяхъ; кое надъ чѣмъ подтрунивалъ, а про другое и прямо говорилъ, что это нехорошо. Но вотъ раздался барабанъ и громкій голосъ дежурнаго офицера: „по классамъ!“ Но привычную толпу это не взволновало, ее трудно было заставить разойтись. Офицеръ направился прямо къ источнику, а мы съ любопытствомъ смотрѣли, какъ это онъ будетъ разговаривать съ полковникомъ: „Пол-

ковникъ, позвольте просить васъ теперь удалиться, такъ какъ кадеты должны заниматься по классамъ". — „Полковникъ Мезенцовъ, я на-„значаюсь директоромъ корпуса!" — отрекомендовался Петръ Ивано-„вичъ. Если бы молнія ударила въ толпу, то и тогда она не разсѣя-лась бы такъ стремительно... Директоръ направился въ сосѣдній классъ, а потомъ вошелъ къ намъ. Отвѣтивъ на его привѣтствіе, кадеты замерли... Долго Петръ Ивановичъ изыскивалъ способы вы-звать кадетъ на откровенный, обстоятельный отвѣтъ. Задавалъ онъ вопросы, но отвѣтомъ было гробовое молчаніе и, въ лучшемъ случаѣ, удавалось добиться: „такъ точно" или „никакъ нѣтъ!" Авторъ далѣе разсказываетъ, какъ Петру Ивановичу постепенно удалось побѣдить привычную боязнь, но зато удалось побѣдить вполнѣ, и прежнее недовѣріе замѣнилось горячею любовью.

А вотъ другой разсказъ кадета старшей роты Н. Ѳ. Быковскаго о томъ, какъ кадеты провели первое при Мезенцовѣ лѣто въ лагерѣ: „Въ мое время, говоритъ онъ: московскіе кадет. корпуса (1-й и 2-й Московскіе, Александринскій-Сиротскій и Александровскій-Брестскій) выступали на лѣто въ лагерь при с. Коломенскомъ. Лагерь нашъ былъ окруженъ огородами близлежащихъ селъ и деревень. Потому ли, что мы дѣйствительно были почти постоянно голодны, потому ли, что въ кадетахъ вообще лихость и удаль цѣнились выше всего, но только не проходило дня, чтобы изъ лагеря не выступала партія кадетъ съ цѣлью произвести фуражировку на близлежащихъ огоро-дахъ; обыкновенно рвались огурцы, малина, яблоки; крестьянамъ на-носился ущербъ не столько вслѣдствіе подобнаго рода мародерства, сколько топтались поля, огороды и ломались деревья. А потому между кадетами и крестьянами происходили по сему поводу нерѣдко серьезныя драки, похожія на небольшія сраженія, потому что кадеты выходили иногда съ ружьями. Въ особенности, въ этомъ отношеніи отличался 2-й московск. кад. корпусъ. Узнавъ о нашихъ лагерныхъ похожденіяхъ, П. И. Мезенцовъ, въ годъ назначенія своего въ долж-ность директора, передъ выступленіемъ въ лагерь собралъ старшій возрастъ, въ которомъ и я тогда находился, и въ пространной дружеской и весьма краснорѣчивой бесѣдѣ указалъ намъ на недо-стойное поведеніе кадетъ, грабящихъ огороды бѣдныхъ крестьянъ и, взявъ съ насъ слово, что это никогда не повторится болѣе, за-кончилъ свою рѣчь словами: „Господа, вы, воспитанники старшаго возраста, должны подать собою хорошій примѣръ; вы дали мнѣ

слово, что никто не перейдетъ лагерной черты безъ разрѣшенія начальства; я вамъ вѣрю, какъ дѣтямъ благородныхъ русскихъ дворянъ, а потому, чтобы доказать вамъ свое довѣріе, я прикажу снять кругомъ лагеря цѣпь часовыхъ". И мы твердо сдержали свое слово; никто не перешагнулъ лагерной черты, гордясь тѣмъ, что въ то время, когда прочіе корпуса были окружены цѣпью часовыхъ, у насъ ихъ никогда не было" [20]).

Здравые педагогическіе пріемы генералъ Мезенцовъ перенесъ и въ Пажескій корпусъ, въ которомъ пробылъ 7 лѣтъ уступивъ мѣсто извѣстному военному педагогу генералъ-маіору Ѳедору Карловичу Дитерихсу, съ дѣятельностью котораго и отчасти съ дѣятельностью генерала Мезенцова, насъ лучше всѣхъ можетъ познакомить бывшій воспитатель и ротный командиръ Л. И. Янушъ. Мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ даемъ слово Леониду Ивановичу, что послѣ генерала Дружинина онъ второй голосъ, раздающійся не изъ среды учащихся, а изъ среды учащихъ.

С. А. Грейгъ.
Управляющій морскимъ министерствомъ. Министръ Государственныхъ имуществъ. Государственный контролеръ. Министръ финансовъ.
Вып. 1845 г.

„Чтобы полнѣе оцѣнить произведенное на меня впечатлѣніе при переходѣ моемъ на службу въ Пажескій корпусъ, считаю нелишнимъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ поясненій.

Воспитательскую службу я началъ въ бывшей 2-й московской военной гимназіи, подъ начальствомъ тогда еще генералъ-маіора Петра Ивановича Мезенцова.

Благодаря просвѣщенной и умѣлой дѣятельности директора, гимназія эта была одною изъ лучшихъ, почему служить въ ней было не только пріятно, но и поучительно.

Директоръ дѣлалъ воспитателей полными участниками въ постановкѣ и веденіи воспитательнаго дѣла. Поэтому, каждая педагогическая мѣра проводилась воспитателями въ жизнь школы вполнѣ сознательно, что составляетъ самое важное условіе дѣйствительности

мѣропріятій. Все педагогическое дѣло было поставлено такъ, что воспитатели глубоко проникались здравыми педагогическими идеями и пользовались широкою свободой для проявленія самодѣятельности. Они постоянно и неизмѣнно встрѣчали въ директорѣ всякую поддержку и чувствовали, что пользуются его уваженіемъ — важнѣйшимъ изъ условій авторитета воспитателей среди воспитанниковъ. Всѣ эти условія давали возможность скоро освоиться съ трудными воспитательскими обязанностями и полюбить ихъ, а также—глубоко привязаться къ свѣтлой личности директора.

Къ великому прискорбію всего учебно-воспитательнаго персонала, Петръ Ивановичъ Мезенцовъ въ 1871 г. былъ переведенъ директоромъ въ Пажескій корпусъ, куда вскорѣ послѣдовали за нимъ и двое воспитателей 2-й московской военной гимназіи.

Съ перемѣной директора перемѣнился и весь характеръ службы и служебныхъ отношеній, вслѣдствіе чего изъ тринадцати воспитателей остались въ гимназіи только пять. Въ числѣ восьми, выбывшихъ изъ заведенія, былъ и я.

Тогда же, то есть въ 1872 году, я имѣлъ полную возможность перейти на службу въ Пажескій корпусъ, что избавило бы меня отъ тяжелой службы во 2-й московской военной гимназіи—и не рѣшился на этотъ переходъ. Причиною этого нежеланія перейти воспитателемъ въ Пажескій корпусъ была его репутація, упорно державшаяся какъ въ обществѣ, такъ и среди воспитателей военныхъ гимназій, не имѣвшихъ возможности лично провѣрить разные отзывы, толки и слухи про это заведеніе.

Л. И. Янушъ.
Ротный командиръ.

Всего больше отпугивали меня отъ Пажескаго корпуса разсказы про чрезвычайную распущенность пажей, привыкнувшихъ, будто-бы, относиться къ своимъ руководителямъ въ высшей степени дурно и непочтительно. Говорилось про невозможность правильнаго воспитательнаго воздѣйствія на пажей, вслѣдствіе вмѣшательства въ дѣла и распоряженія воспитателей со стороны высокопоставленныхъ и вліятельныхъ родителей и родственниковъ пажей. Наконецъ, много говорилось о весьма непра-

вильномъ отношеніи къ педагогамъ той части общества, дѣти которой воспитываются въ Пажескомъ корпусѣ, что и даетъ пажамъ смѣлость третировать своихъ воспитателей и преподавателей. Всѣ эти причины и побудили меня, несмотря на полную матеріальную необезпеченность, выйти въ отставку, а не просить перевода въ Пажескій корпусъ.

Вотъ какова была репутація корпуса и съ какимъ предостереженіемъ поступилъ я въ него воспитателемъ.

На переходъ на службу въ корпусъ, я рѣшился только послѣ того, какъ побывавъ въ январѣ 1878 г. въ Петербургѣ я получилъ весьма успокоительныя свѣдѣнія о корпусѣ отъ Петра Ивановича Мезенцова, который и рѣшилъ принять меня на имѣвшуюся въ виду воспитательскую вакансію.

Пока эта вакансія освобождалась, сильно разстроившій свое здоровье Петръ Ивановичъ Мезенцовъ успѣлъ оставить корпусъ, уступивъ свое мѣсто генералъ-маіору Ѳедору Карловичу Дитерихсу, при которомъ я получилъ мѣсто воспитателя.

Независимо отъ спеціальныхъ условій, выдѣлявшихъ нѣкоторыя неприглядныя особенности Пажескаго корпуса, онъ имѣлъ многіе недостатки, присущіе всѣмъ дореформеннымъ военно-учебнымъ заведеніямъ.

Преобразованіе Пажескаго корпуса въ духѣ военныхъ гимназій, началось со времени назначенія директоромъ Н. В. Корсакова и продолжалось при генералѣ Бушенѣ, бывшимъ передъ тѣмъ директоромъ Орловской военной гимназіи, пользовавшейся славой образцоваго заведенія. Бушенъ пригласилъ въ Пажескій корпусъ нѣкоторыхъ воспитателей изъ Орловской военной гимназіи, образовавшихъ въ корпусѣ ядро, около котораго сложилась прекрасная воспитательная корпорація, вынесшая на своихъ плечахъ реформу корпуса и надолго задавшая тонъ воспитательной дѣятельности заведенія. Подъ начальствомъ Бушена и П. И. Мезенцова, Пажескій корпусъ, благодаря дружнымъ усиліямъ воспитателей и преподавателей, не утрачивая нѣкоторыхъ своихъ специфическихъ свойствъ, началъ принимать характеръ благоустроеннаго учебно-воспитательнаго заведенія, въ которомъ уже стали очень трудны проявленія старыхъ, подчасъ очень грубыхъ, нравовъ.

Въ 1878 г. принялъ Пажескій корпусъ генералъ-маіоръ Ѳедоръ Карловичъ Дитерихсъ глубоко просвѣщенный, широко образованный

и испытанный педагогъ, каковымъ и полагается, по закону, быть директору.

Каковъ бы ни былъ контингентъ учениковъ школы, важный элементъ образованія характера ея составляетъ учебно-воспитательный персоналъ. Свойства лицъ учебно-воспитательнаго состава, а также—ихъ взаимныя отношенія оказываютъ самое рѣшительное вліяніе на весь ходъ дѣла школы. Если этотъ персоналъ обладаетъ образованіемъ, знаніями и вообще—качествами, необходимыми истиннымъ воспитателямъ, да еще вся корпорація дружно работаетъ на общую пользу заведенія, имѣя въ виду одну лишь эту пользу, то для такой корпораціи возможно достиженіе самыхъ широкихъ воспитательныхъ улучшеній. Такую корпорацію я и нашелъ въ Пажескомъ корпусѣ, поступивъ въ него воспитателемъ въ сентябрѣ 1878 года.

Г. И. Чертковъ.
Предсѣдатель комитета по устройству и преобразованію войскъ.
Вып. 1846 г.

Такъ какъ, за исключеніемъ двоихъ, всѣ тогдашніе воспитатели были переведены въ Пажескій корпусъ изъ военныхъ гимназій и принадлежали къ составу, если можно такъ выразиться, воспитателей перваго призыва, наиболѣе проникнутыхъ здравыми педагогическими воззрѣніями, то мнѣ и не пришлось встрѣтить въ корпусѣ чего-либо, незнакомаго мнѣ по прежней моей воспитательской службѣ. Наиболѣе виднымъ свойствомъ воспитателей корпуса того времени было полное отрѣшеніе отъ мелкаго личнаго самолюбія, мѣшающаго человѣку спокойно и съ пользою выслушивать указаніе на сдѣланную имъ ошибку. Это, помнится, очень поразило меня въ первомъ же засѣданіи частнаго воспитательнаго комитета.

Во 2-ой московской военной гимназіи такія засѣданія воспитательнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ директора, собирались по мѣрѣ накопленія воспитательныхъ вопросовъ, требовавшихъ со-

вмѣстнаго обсужденія всѣхъ воспитателей, а также — выработки соотвѣтственныхъ воспитательныхъ мѣръ. Отсутствіе правильной періодичности засѣданій воспитательнаго комитета обусловливалось новостью всего дѣла, необходимостью слѣдить за вновь нарождающимися явленіями школьной жизни.

Къ 1878 году, въ Пажескомъ корпусѣ уже прочно установились воспитательные порядки. Во главѣ заведенія стоялъ уже вполнѣ сложившійся педагогъ, а не пытающійся только установить новое для всѣхъ дѣло. Поэтому, я уже засталъ въ Пажескомъ корпусѣ прекрасный обычай, введенный Ѳ. К. Дитерихсомъ, ежесубботнихъ засѣданій частнаго воспитательнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ директора, состоящаго изъ инспектора классовъ, его помощника и всѣхъ воспитателей общихъ классовъ.

Такой комитетъ ежесубботно обсуждалъ успѣхи и поведеніе пажей за истекшую недѣлю. При этомъ, по поводу отдѣльныхъ воспитанниковъ, нерѣдко возникали вопросы общаго, принципіальнаго характера, которые и обсуждались сообща членами комитета. Случалось и такъ, что обсужденіе какого-нибудь проступка воспитанника приводило къ выясненію ошибки воспитателя, вызвавшей проступокъ. Въ такихъ случаяхъ ошибка откровенно указывалась, вырабатывались сообща способы устраненія такихъ ошибокъ впередъ,—и впавшій въ ошибку никогда не сводилъ этихъ товарищескихъ указаній ошибки на личную почву, а, слѣдовательно, спокойно все выслушивалъ, принималъ участіе въ обсужденіи всѣхъ сторонъ возникшаго вопроса, и воспитательное дѣло только улучшалось и укрѣплялось. Такіе случаи никогда не приводили къ непріязненнымъ отношеніямъ между воспитателями, такъ какъ, повторяю,—всѣ служили одному только дѣлу, забывая о лицахъ.

На воспитателяхъ лежитъ обязанность слѣдить не только за поведеніемъ, нравственнымъ развитіемъ своихъ воспитанниковъ, но и за ихъ научными успѣхами, а также — оказывать нуждающимся и учебную помощь. Отсюда вытекаетъ необходимость для воспитателя возможно частаго посѣщенія уроковъ своего класснаго отдѣленія. Сидя въ классѣ во время урока, воспитатель легко оцѣниваетъ способности своихъ воспитанниковъ, а также получаетъ возможность надлежащимъ образомъ помогать слабымъ ученикамъ готовить уроки — ему извѣстны требованія того или другого преподавателя. И эта обязанность свято и строго выполнялась воспитателями того времени. Бывали

примѣры настойчиваго, систематическаго посѣщенія воспитателями уроковъ какъ для достиженія приведенныхъ выше цѣлей, такъ и для освѣженія въ памяти курсовъ учебныхъ предметовъ. Такое отношеніе къ учебному дѣлу давало воспитателямъ сильное средство воздѣйствія на воспитанниковъ, которые всего скорѣе подчиняются авторитету знанія.

Будучи вполнѣ солидарными между собою, воспитатели старались установить возможно довѣрчивыя и дружественныя отношенія и къ преподавателямъ, что, въ большинствѣ случаевъ и удавалось.

Таковы были служебные нравы учебно-воспитательнаго состава корпуса того времени. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что каждый воспитатель того времени (за исключеніемъ одного, неизвѣстно почему ставшаго воспитателемъ), по своимъ познаніямъ, могъ не только замѣнять, на случай болѣзни, преподавателя какого-нибудь учебнаго предмета, но и самостоятельно вести преподаваніе этого предмета. Были среди воспитателей и такія лица, которыя могли преподавать и не одинъ, а нѣсколько учебныхъ предметовъ.

Не мудрено, что воспитатели пользовались авторитетомъ среди воспитанниковъ.

Однако, независимо отъ личныхъ свойствъ членовъ воспитательской корпораціи, авторитетъ ея и значеніе въ высокой мѣрѣ поддерживались директоромъ корпуса, Ѳедоромъ Карловичемъ Дитерихсомъ.

Превосходный и опытный педагогъ, онъ хорошо понималъ всю величину, а подчасъ и невыразимую тяжесть педагогическаго труда и, какъ самъ человѣкъ труда, легко могъ оцѣнить чужой трудъ и относился съ полнымъ уваженіемъ къ своимъ сотрудникамъ-подчиненнымъ. Это уваженіе безсознательно, невольно воспринимается и массою воспитанниковъ, что и составляетъ мощное средство установленія среди нихъ авторитета воспитателей. Авторитетъ же воспитателей—главный факторъ здоровой школьной жизни. Широко образованному, воспитанному, глубоко понимающему педагогику Ѳедору Карловичу не могло прійти въ голову не только сдѣлать при пажахъ замѣчаніе кому-либо изъ руководителей молодежи, но и неумышленно выказать кому-либо изъ нихъ невниманіе. Онъ хорошо понималъ полную противоположность учебно-воспитательнаго, хотя бы и военнаго, заведенія—и войсковой части, а также необходимость въ первомъ примѣнять мѣры, діаметрально провоположныя мѣрамъ въ по-

слѣдней. Вотъ, между прочимъ, почему никому изъ пажей не могло прійти въ голову мысли, допускающей возможность намѣреннаго навлеченія на кого-либо изъ воспитателей неудовольствія директора. Все это высоко поднимало значеніе воспитателей, что и принесло обильные плоды—Пажескій корпусъ, подъ начальствомъ Ѳедора Карловича, занялъ почетное мѣсто среди военно-учебныхъ заведеній.

Л. С. Маковъ.
Министръ внутреннихъ дѣлъ.
Министръ почтъ и телеграфовъ.
Вып. 1849 г.

Хорошо зная тяжесть воспитательскаго труда, Ѳедоръ Карловичъ дѣлалъ все возможное для облегченія этого труда, что, разумѣется, только увеличивало интенсивность воспитательской работы. Такое бережное отношеніе къ воспитательскимъ силамъ было вполнѣ правильно и великодушно. Воспитатели быстро разстраиваютъ свою нервную систему, запасаются мигренями и т. п. прелестями, что только усиливаетъ бремя труда. Служебныя преимущества воспитателей, на которыя такъ любятъ ссылаться люди непонимающіе воспитательской службы, вовсе не таковы, чтобы можно было говорить о воспитательской „карьерѣ“. Воспитатели совсѣмъ не карьеристы, а подвижники, лишенные почти выхода изъ своего тяжелаго служебнаго положенія. Заботливое отношеніе къ воспитателямъ Ѳедора Карловича, облегчая ихъ тяжкій трудъ, сильнѣе привязывало ихъ къ заведенію, отчего послѣднее только выигрывало.

Если и случалась необходимость указывать на ошибку, то Ѳедоръ Карловичъ, какъ человѣкъ уважающій человѣческую личность и достоинство подчиненныхъ, дѣлалъ такое указаніе въ такой безобидной, мягкой формѣ, что указаніе, подчасъ, бывало понятно только тому, къ кому оно относилось. Каждый, разумѣется, высоко цѣнилъ такое бережное отношеніе къ его самолюбію, что, несомнѣнно, было только полезно для общаго теченія жизни заведенія и преслѣдуемыхъ имъ цѣлей.

Воспитательныя мѣры, практиковавшіяся въ корпусѣ при Ѳедорѣ Карловичѣ, были строго согласуемы съ индивидуальными особенно-

стями, вызвавшихъ эти мѣры, воспитанниковъ. Не могло быть и рѣчи о какой нибудь карательной таксѣ въ примѣненіи къ провинившимся пажамъ. Не примѣнялся и педагогическій принципъ фонвизинскаго Тараса Скотинина: „у меня всякая вина виновата“—принципъ старательно примѣняемый иными „педагогами“, сдѣлавшимися таковыми по непонятнымъ и неизвѣстнымъ причинамъ.

При Ѳедорѣ Карловичѣ воспитательныя мѣры имѣли исключительную цѣль—воздѣйствовать на нравственность провинившагося, привести его къ сознанію своей вины или ошибки, а слѣдовательно—и рѣшимости избѣгать повторенія такихъ ошибокъ. Такихъ высокоумныхъ и истинно-педагогическихъ цѣлей достигали безъ суровыхъ и безпощадныхъ мѣръ взысканій, что вносило въ нравы воспитанниковъ мягкость и довѣрчивость къ своимъ руководителямъ. Послѣднее же обстоятельство и составляетъ ничѣмъ незамѣнимое средство предупрежденія и прекращенія проступковъ, то есть, осуществленія важнѣйшихъ воспитательныхъ задачъ.

П. А. Араповъ.
Чрезвычайный посолъ въ Португаліи.
Вып. 1856 г.

Благодаря строго и послѣдовательно проведенной, дѣйствительно, педагогической системѣ воздѣйствія на воспитанниковъ, получились превосходные результаты. Какъ бы крупна ни была шалость, совершенная кѣмъ-нибудь изъ пажей, и какъ бы велико ни было вѣроятное взысканіе за проступокъ, почти не помню примѣра, чтобы виновный не признался въ своемъ грѣхѣ. Признаваясь, онъ хорошо зналъ, что, взыскивая за проступокъ, къ нему отнесутся съ уваженіемъ за его мужество и правдивость, безъ которыхъ невозможно сознаніе своей ошибки.

Каждый долженъ признать высокую заслугу школы, добившейся такихъ воспитательныхъ результатовъ. А эти результаты получаются только тогда, когда во главѣ заведенія стоитъ истинный педагогъ, а его подчиненные - сотрудники дружно направляютъ свои усилія къ

достиженію великой цѣли воспитанія. При отсутствіи же этихъ условій школа никогда не будетъ истинно-воспитательной.

Непосредственныя отношенія Ѳедора Карловича къ воспитанникамъ отличались замѣчательною ровностью, спокойствіемъ и само-

К. В. Чевкинъ.
Главноуправляющій путями сообщенія.
Вып. 1822 г.

обладаніемъ. Несмотря на полное отсутствіе громоносныхъ рѣчей по адресу провинившихся, пажи относились къ нему съ уваженіемъ, не лишеннымъ нѣкоторой доли благоговѣйнаго страха. Не было, конечно, въ его отношеніяхъ къ пажамъ и противоположныхъ чертъ—любезничанія и популярничанья, къ которымъ иногда прибѣгаютъ лица недостойныя быть воспитателями. Никто изъ пажей не посмѣлъ бы подумать, что директоръ могъ бы кого-либо изъ нихъ спросить—не слишкомъ ли къ нимъ требователенъ тотъ или другой воспитатель.

Непреклонная требовательность исполненія установленныхъ порядковъ заведенія, борьба съ остатками старыхъ обычаевъ и подчасъ очень странныхъ традицій заведенія были даже причиной того, что воспитанники первыхъ годовъ директорства Ѳедора Карловича относились къ нему совершенно неправильно. Пажи же, прошедшіе весь курсъ подъ руководствомъ Ѳедора Карловича, поняли и оцѣнили

его благотворное на нихъ вліяніе и относятся къ нему съ глубочайшимъ уваженіемъ, благодарностью и любовью, такъ какъ, несмотря на кажущееся разстояніе между директоромъ и воспитанниками, послѣдніе были убѣждены въ томъ, что каждый ихъ шагъ, каждый успѣхъ и ошибка интересуютъ Ѳедора Карловича и вызываютъ его сочувствіе или соболѣзнованіе. Если прибавить къ этому увѣренность въ томъ, что директоръ, вспыливъ, не обругаетъ виновнаго, то легко понять какъ уваженіе къ нему воспитанниковъ, такъ и любовь ихъ.

Назову теперь воспитателей, заслуживавшихъ этого имени, которыхъ я нашелъ въ Пажескомъ корпусѣ въ сентябрѣ 1878 г. Это были подполковники: Иванъ Ѳедоровичъ Бурачковъ, Николай Ивановичъ Вавравскій, Оскаръ Густавовичъ Гресбекъ, Степанъ Ниловичъ Лавровъ, Михаилъ Михайловичъ Литвиновъ и Николай Николаевичъ Скалонъ.

Къ сожалѣнію, этотъ составъ недолго продержался въ корпусѣ. Кто умеръ, кто—получилъ новое назначеніе. Только С. Н. Лавровъ, да Н. Н. Скалонъ пробыли довольно долго въ корпусѣ: первый до января 1892 г., а второй—до марта 1895 года, т. е., до своей смерти. Однако, направленіе служебной дѣятельности, данное выше назван-

Внутренній видъ православной церкви.

ной, замѣчательной воспитательной корпораціей держалось долго—во все время директорства Ѳ. К. Дитерихса, хотя воспитательскій составъ и сильно измѣнился, причемъ случались и неудачи въ выборѣ

Подарокъ пажей ротному офицеру В. Э. Саксу. Вып. 1877 г.

(Подарокъ этотъ хранится въ музеѣ Пажескаго корпуса).

людей. Но, при прочно установившемся характерѣ служебной дѣятельности, и неудачные воспитатели вынуждены были подчиняться общему настроенію — и не портили дѣла. Правда, чѣмъ сильнѣе измѣнялся личный составъ воспитательской корпораціи, тѣмъ болѣе и болѣе утрачивались прежнія дружескія частныя отношенія членовъ ея. Но, при благотворномъ служебномъ вліяніи директора, это ослабленіе личныхъ связей не разстраивало единства служебныхъ усилій — и дѣло воспитанія шло, правильно развиваясь и совершенствуясь.

И такъ, вступивъ на службу въ Пажескій корпусъ, я, съ первыхъ же шаговъ, вынесъ изъ знакомства съ воспитателями самыя отрадныя впечатлѣнія.

Перейду теперь къ впечатлѣніямъ, вызваннымъ знакомствомъ съ воспитанниками.

Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза внѣшняя благовоспитанность пажей, чѣмъ они рѣзко отличались отъ своихъ сверстниковъ-военныхъ гимназистовъ, не отличавшихся особой элегантностью.

Эта благовоспитанность пажей чрезвычайно облегчала управленіе ими какъ въ предѣлахъ класснаго отдѣленія, такъ и цѣлаго возраста—во время дежурствъ. Правда, нѣкоторыя замкнутыя личности въ проявленіяхъ благовоспитанности находили хорошее средство для того, чтобы держаться на нѣкоторомъ разстояніи отъ воспитателей и преподавателей. Это, разумѣется, затрудняло воспитательскую работу надъ такими личностями. Бывали случаи злоупотребленія обрядами вѣжливыми, когда утрированіе этой вѣжливости принимало оттѣнокъ неуваженія къ старшему. Но такія попытки были очень рѣдки и не ускользали отъ опытныхъ глазъ воспитателей—и быстро пресѣкались.

При первомъ же знакомствѣ съ пажами я замѣтилъ среди нихъ присутствіе особой любви къ соблюденію военныхъ, строевыхъ требованій чинопочитанія и другихъ обрядностей военной службы. Они усердно слѣдили другъ за другомъ въ этомъ отношеніи и не прощали тому, кто, напримѣръ, при встрѣчѣ съ товарищемъ не отдавалъ ему воинской чести. Это, конечно, представляетъ симпатичную черту нравовъ Пажескаго корпуса.

Но медаль имѣетъ и обратную сторону. Не могу скрыть и того, что бывали случаи и очень странныхъ воззрѣній пажей на воинскія обязанности. Нѣкоторые изъ нихъ признавали себя обязанными отдавать установленную честь только гвардейскимъ офицерамъ, а отнюдь

не армейскимъ. Однажды такой пажъ былъ остановленъ на улицѣ молодымъ армейскимъ офицеромъ, которому онъ не отдалъ чести— и былъ имъ препровожденъ въ корпусъ, гдѣ онъ, конечно, былъ подвергнутъ взысканію. Однако, взысканіе не достигло цѣли — пажъ Л—въ такъ и остался при убѣжденіи, что армейскій офицеръ — не офицеръ и корпусное начальство совершило грубую несправедливость, подвергнувъ его незаслуженному имъ взысканію. Не берусь объяснять это уродливое явленіе, а только констатирую странный фактъ.

Внутренній видъ православной церкви корпуса.

Не послѣднее мѣсто среди разныхъ странностей занимаетъ убѣжденіе пажей въ томъ, что воспитатель, завѣдующій младшимъ классомъ, никакъ не можетъ быть признаваемъ начальникомъ пажей старшаго класса. Они до того крѣпко держатся за это заблужденіе, что способны оказать неповиновеніе и устроить манифестацію, извѣстную подъ именемъ *балагана,* противъ такого „узурпатора“ власти.

Внѣшній видъ католической церкви.

Много было употреблено усилій къ тому, чтобы сломить это дикое воззрѣніе пажей—и результаты не соотвѣтствуютъ затратѣ воспитательныхъ силъ, и если вспышки протеста, балаганы, по поводу такой „узурпаціи“, почти прекратились, то только вслѣдствіе серьезнаго усиленія авторитета воспитателей.

Что касается такъ называемыхъ балагановъ, то они, большею частью, вызываются ошибками воспитателей или преподавателей, хотя съ перваго взгляда, и кажется такой балаганъ ничѣмъ не вызваннымъ.

Обыкновенно отдѣленный воспитатель производилъ разслѣдованіе совершеннаго безпорядка, выяснялъ какъ причины его, такъ и мѣру вины каждаго участника балагана и воспитательный комитетъ налагалъ на виновныхъ взысканія.

При этомъ никогда не практиковались массовыя взысканія, такъ какъ они, обыкновенно, совершенно теряютъ значеніе взысканія и

даже—могутъ вызывать не только пренебреженіе къ мѣрѣ взысканія, но и новые проступки.

Внутренній видъ католической церкви.

Главный поводъ къ балаганамъ даетъ неодинаковость требованій, напримѣръ, на дежурствахъ разныхъ воспитателей. Если воспитатели вполнѣ солидарны въ своихъ требованіяхъ, то и балаганы невозможны по поводу этихъ требованій, какъ бы они ни казались воспитанникамъ обременительными.

Нерѣдко балаганы вызываются личными свойствами и недостатками воспитателей: подозрительностью, обидчивостью, неумѣньемъ объективно отнестись къ воспитанникамъ, неопытностью и т. д.

Опытный, владѣющій собою воспитатель, большею частью, можетъ разстроить попытку устроить балаганъ.

Вообще, балаганы случались, большею частью, въ первые годы моей службы въ Пажескомъ корпусѣ, пока еще не получились результаты вліянія на заведеніе разумныхъ воспитательныхъ мѣръ, клонившихся къ устраненію недостатковъ, унаслѣдованныхъ отъ „добраго стараго времени“.

Внутренній видъ католической церкви.

Очень рѣдки были случаи балагановъ, устраиваемыхъ пажами своимъ отдѣленнымъ воспитателямъ. Если же они и случались, то были вызываемы какими-либо чрезвычайными причинами, лежащими въ свойствѣ самого воспитателя. Я могу указать только на одинъ такой случай балагана своему воспитателю, человѣку чрезвычайно подозрительному, недовѣрчивому (что не мѣшало пажамъ его обманывать, причемъ одинъ изъ нихъ успѣлъ искусною симуляціей нервной болѣзни вызвать хлопоты воспитателя объ избавленіи симулянта отъ многихъ непріятныхъ ему обязанностей), считавшему только себя безупречнымъ. Кромѣ этого, онъ пользовался своею діалектическою ловкостью, чтобы выманивать

у пажей откровенныя признанія ошибокъ, а потомъ—воспользоваться этою довѣрчивостью далеко не къ выгодѣ пажа. Своими нравственными качествами этотъ воспитатель возбуждалъ къ себѣ общее нерасположеніе какъ воспитанниковъ, такъ и сослуживцевъ, которые искренно радовались его выходу изъ корпуса, гдѣ онъ недолго и прослужилъ. За исключеніемъ этого воспитателя, балаганы устраивались только воспитателямъ чужихъ отдѣленій, причемъ долженъ сказать, что причины нѣкоторыхъ балагановъ лежали на душѣ описаннаго выше неудачнаго воспитателя. Онъ своеобразно относился къ нѣкоторымъ подробностямъ жизненнаго обихода заведенія. Считалъ, напримѣръ, неважнымъ соблюденіе полнаго порядка въ строю и даже увлекался до подтруниванія надъ пажами, шедшими хорошо въ строю къ обѣду, давая имъ почувствовать, что не такими пустяками можно вызвать его одобреніе. Понятно, что слѣдующій за нимъ очередной дежурный воспитатель, требовавшій соблюденіе порядка въ строю, вызывалъ этимъ требованіемъ неудовольствіе и, какъ выраженіе неудовольствія,—балаганъ.

Внутренній видъ католической церкви.

Судя по нѣкоторымъ особенностямъ балагановъ, вовсе не находившимися въ соотвѣтствіи съ современными имъ условіями жизни заведенія (надежда на огульныя взысканія за общій безпорядокъ, на отмѣну ненравящагося требованія или распоряженія и т. п.) эти подчасъ очень бурныя, выраженія неудовольствія слѣдуетъ, мнѣ кажется, разсматривать, какъ печальное наслѣдіе „добраго стараго времени“, когда отношенія руководителей къ юношеству исчерпывались понятіемъ командованія и начальствованія. Съ наступленіемъ же новыхъ воспитательныхъ порядковъ, получившихъ наибольшее развитіе во время директорства Ѳ. К. Дитерихса,

недостатки и уродливости старыхъ нравовъ все болѣе и болѣе смягчались, сглаживались, что и привело къ замѣтному уменьшенію числа балагановъ.

Балаганы были только одною изъ особенностей старыхъ пажескихъ преданій. Не послѣднее мѣсто между ними занимала особенность отношеній старшихъ возрастомъ и классомъ воспитанниковъ къ младшимъ товарищамъ. Эти отношенія характеризуются словомъ „подтяжка“.

Не имѣя ни малѣйшаго понятія о подтяжкѣ ни по воспоминаніямъ о времени моего воспитанія въ старомъ кадетскомъ корпусѣ, ни по обычаямъ и нравамъ военной гимназіи, я старательно наблюдалъ этотъ антипатичный обычай, свойственный, какъ я узналъ, очень немногимъ военно-учебнымъ заведеніямъ.

Основаніе подтяжки составляетъ обычное право каждаго старшаго воспитанника на безусловное подчиненіе и повиновеніе ему младшаго, каковы бы ни были требованія старшаго. Иногда подтяжка принимала весьма неприглядныя формы насилія и издѣвательства, противъ которыхъ не смѣлъ протестовать подтягиваемый.

Подтяжка проявлялась въ самыхъ разнообразныхъ, подчасъ, трудно уловимыхъ формахъ. Напримѣръ, экстерны, являясь утромъ къ урокамъ, обязывались являться, по уставной формѣ, къ интернамъ старшаго въ возрастѣ или ротѣ класса; младшій классъ былъ лишаемъ старшимъ бывать въ опредѣленной части помѣщенія и т. п. При подобныхъ явкахъ младшихъ къ старшимъ, послѣдніе, оставаясь недовольными пріемами являвшихся, заставляли ихъ являться къ себѣ по многу разъ, что принимало характеръ издѣвательства надъ безотвѣтнымъ и безправнымъ младшимъ товарищемъ.

Случалось, что, по уходѣ дежурнаго воспитателя, убѣжденнаго въ общемъ снѣ пажей, въ вечернее засѣданіе педагогическаго комитета, старшій классъ поднималъ съ постелей младшій, хотя многіе успѣвали уже заснуть, выстраивалъ ихъ и заставлялъ маршировать. Бывали прямо случаи побоевъ, наносимыхъ старшими, ради подтяжки, младшимъ, что вызывало иногда намѣренныя манкировки уроковъ пажами, подвергавшимися такому преслѣдованію. Трудно перечислить и сотую долю способовъ подтяжки—такъ они были многочисленны и разнообразны.

Воспитатели горячо боролись съ этою неприглядною особенностью пажескихъ нравовъ. Замѣтивъ проявленіе подтяжки, воспита-

тели воздвигали гоненіе противъ виновнаго въ этомъ проступкѣ класса, не пропуская состоящимъ въ немъ воспитанникамъ ни малѣйшей оплошности, ошибки, не говоря уже о проступкахъ. Всякое лыко ставилось имъ въ строку. Помимо этихъ репрессалій шла горячая бесѣда отдѣленнаго воспитателя о несправедливости, жестокости и отвратительности подтяжки, существованіе которой не вяжется съ истинными чувствами товарищества.

Дружныя усилія воспитателей въ значительной степени ослабили этотъ дурной обычай, но совсѣмъ его уничтожить не удалось—слишкомъ эта дикость въѣлась въ нравы, составляя существенную часть пажескихъ традицій. Кромѣ этого, борьба воспитателей съ этимъ уродливымъ явленіемъ пажеской жизни сильно парализовалась прочнымъ существованіемъ подтяжки въ спеціальныхъ классахъ, дававшихъ, въ этомъ отношеніи, тонъ жизни общихъ классовъ корпуса.

Въ спеціальныхъ классахъ подтяжка питалась служебно-дисципли-

Приготовительныя классы корпуса, на углу Литейной и Кирочной.

нарнымъ строемъ ихъ жизни. Весь старшій классъ являлся начальниками пажей младшаго класса. По старымъ преданіямъ, прежде были присвоены пажамъ старшаго класса обширныя дискреціонныя права относительно младшаго, которыми они нерѣдко злоупотребляли, что вполнѣ понятно. Еще не установившійся юноша, вчера еще трепе-

тавшій передъ властью старшихъ, самъ ставъ старшимъ, спѣшилъ возможно широко воспользоваться давно желанною властью—и штрафной журналъ наполнялся записями прегрѣшеній младшихъ товарищей, за которыя имъ приходилось нести разныя кары. Пажъ младшаго класса проходилъ мимо какого-нибудь дома, подъ окномъ котораго сидѣлъ не видимый имъ товарищъ старшаго класса—въ журналѣ появлялась запись: „такой-то не отдалъ чести“. Случались даже подобныя записи пажей младшаго класса, вовсе и не бывшихъ на улицѣ въ тотъ день, когда бывала записана ихъ мнимая неисправность. И это не всегда ими опротестовывалось, такъ какъ такой протестъ былъ бы преступнымъ отрицаніемъ принципа: „начальникъ не можетъ ошибаться“.

Ни одинъ пажъ младшаго класса не смѣлъ пройти мимо фельдфебельской кровати—это священный обычай, которымъ пользовались особо ретивые сторонники старыхъ преданій, какъ средствомъ сугубой подтяжки младшаго товарища. Пажи старшаго класса дежурили по ротѣ, а младшаго—были наряжаемы дневальными по отдѣленіямъ роты. При вступленіи на дежурство дневальные были обязаны являться и дежурному по ротѣ камеръ-пажу и фельдфебелю. Бывали случаи, что дежурный, оставшись недовольнымъ манерою явки дневальнаго, приказывалъ ему повторить ритуалъ явки—и самъ занималъ такое мѣсто, чтобы дневальный, идя къ нему кратчайшимъ путемъ, былъ вынужденъ пройти мимо фельдфебельской кровати, чего онъ не смѣлъ сдѣлать. Тогда дневальный обязанъ былъ сдѣлать большой крюкъ—обойти огромную спальню, чтобы только не осквернить священное мѣсто своими ногами! Эта продѣлка возмутительнаго издѣвательства иногда повторялась нѣсколько разъ сряду на потѣху старшаго класса и въ поученіе младшему. Приходившіе на уроки экстерны подвергались той же муштрѣ.

Въ курительной комнатѣ младшему классу былъ назначенъ особый уголъ, отдѣленный отъ участка старшаго класса воображаемой чертой, за которую никто изъ младшихъ не смѣлъ перешагнуть. Младшіе въ присутствіи старшихъ, даже въ курилкѣ, не смѣли стоять въ свободной позѣ—виновный въ нарушеніи почтительности сейчасъ же призывался къ порядку и несъ кару въ формѣ наряда на большее или меньшее число неочередныхъ лишнихъ дневальствъ.

Утромъ дневальные были обязаны будить оба класса: младшій раньше, а старшій позже. Разбудивъ старшихъ, дневальный былъ обя-

А. А. Бильдерлингъ.
(Нынѣ командиръ 17-го армейскаго корпуса; участникъ войны 1877—1878 г.).
Вып. 1863 г.

занъ стоять на опредѣленномъ мѣстѣ и, черезъ опредѣленные промежутки времени, громко докладывать — сколько минутъ остается старшему классу до времени строя къ утренней молитвѣ.

Случалось даже, что младшій классъ выстраивался къ утренней молитвѣ раньше старшаго, когда нѣкоторые пажи этого класса еще лежали въ постеляхъ. Послѣднее обстоятельство не мѣшало нѣкоторымъ изъ лежащихъ въ постеляхъ покрикивать на младшихъ товарищей, стоявшихъ, по ихъ мнѣнію, недостаточно хорошо въ строю.

Тяжелую картину представляла рота спеціальныхъ классовъ, шедшая куда-нибудь строемъ. Впереди шелъ младшій классъ въ идеальномъ порядкѣ—и съ выраженіемъ нѣмого испуга на лицахъ, съ глазами неподвижно устремленными на затылокъ впереди идущаго товарища. За ними слѣдовалъ старшій классъ въ полномъ почти безпорядкѣ, разговаривая и намѣренно идя не въ ногу!

Для выхода на прогулку старшій классъ самовольно присвоилъ себѣ право итти путемъ, безусловно воспрещеннымъ для младшаго.

Много другихъ нелѣпостей составляли привилегію старшаго класса.

Съ теченіемъ времени многое измѣнилось къ лучшему. Смѣю утверждать, что смягченію этихъ уродливыхъ отношеній немало содѣйствовали воспитатели общихъ классовъ, разъяснявшіе грубость и жестокость такихъ отношеній пажамъ VII класса, готовившимся къ переходу въ спеціальные классы. Бывали случаи, что пажи VII класса давали своему воспитателю слово, достигнувъ старшаго спеціальнаго класса, бороться съ нелѣпымъ, дикимъ и жестокимъ обычаемъ подтяжки. И дѣйствительно, подтяжка сильно ослабѣла и утратила тотъ отталкивающій характеръ издѣвательства надъ человѣческой личностью, какой она имѣла въ прежніе годы. Много способствовало упорядоченію отношеній между классами и разумное вмѣшательство начальства.

Подтяжка до того вкоренилась въ нравы заведенія, что, обостряясь временами, дѣлала просто невыносимою жизнь младшихъ воспитанниковъ, подлежавшихъ воздѣйствію подтяжки. Этимъ объясняется сравнительно ничтожное число интерновъ VI кл., жившихъ въ корпусѣ и значительное количество такихъ пажей VII кл. Благодаря воспитательнымъ мѣрамъ, нравы улучшались, слабѣла и подтяжка. Соотвѣтственно этому ослабленію возрастало и количество живущихъ въ корпусѣ интерновъ VI кл. Временами же число такихъ интерновъ VI класса превышало количество пажей интерновъ VII класса во 2-й ротѣ—явное свидѣтельство рѣзкаго улучшенія и упорядоченія отношеній между классами. Лѣтъ 18 назадъ немыслимо было видѣть возню и борьбу пажа VI кл. съ товарищемъ VII кл.—такая дерзость

была бы строго наказана блюстителями пажескихъ традицій. Въ послѣдніе же 5—6 лѣтъ, сплошь и рядомъ, можно было видѣть, какъ пажи VI кл. нетолько возятся съ товарищами VII кл., но и прямо задираютъ ихъ, пристаютъ къ нимъ—до того смягчились и стали правильными товарищескія отношенія между враждебными, по дикому обычаю, классами!

А. А. Непокойчицкій.
Начальникъ штаба дѣйствующей арміи 1877—1878 г.
Вып. 1832 г.

Эта благотворная перемѣна составляетъ всецѣло великую заслугу Ѳедора Карловича и руководимыхъ имъ воспитателей.

Помню, какъ я былъ удивленъ, увидѣвъ въ первый разъ въ корпусномъ саду пажей старшаго спеціальнаго класса, гуляющими не въ форменныхъ фуражкахъ, а въ офицерскихъ—разныхъ полковъ. Оказалось, что и это старый обычай, по которому каждый пажъ старшаго спеціальнаго класса носилъ въ свободное время и въ предѣлахъ корпусной территоріи офицерскую фуражку того полка, въ который онъ желалъ выйти изъ корпуса на службу. Постепенно и этотъ странный обычай былъ отмѣненъ.

Не поступая еще на службу въ Пажескій корпусъ, я привыкъ слышать о томъ, что въ этомъ заведеніи можно пройти и отлично кончить курсъ, ничего не дѣлая, такъ какъ баллы за ученическіе отвѣты, будто-бы, ставятся съ непозволительною щедростью.

Ознакомившись же съ дѣломъ, я увидѣлъ что эта слава совершенно не заслужена заведеніемъ. Учебныя требованія при Ѳедорѣ Карловичѣ Дитерихсѣ были такъ велики и серьезны, что учебные успѣхи пажей были постоянно выше успѣховъ ихъ сверстниковъ-воспитанниковъ другихъ военно-учебныхъ заведеній. Эта сравнительная высота успѣховъ пажей неоспоримо доказывается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Каждый учебный годъ бывали воспитанники, переводимые въ Пажескій корпусъ изъ другихъ военно-учебныхъ заве-

деній, и не было примѣра, чтобы на первой же четвертной аттестаціи эти новички не понижали своихъ среднихъ отмѣтокъ на два и на три балла, сравнительно съ баллами, полученными ими въ другомъ заведеніи. Случалось и наоборотъ—пажи, дурно учившіеся въ корпусѣ, были переводимы въ другія военно-учебныя заведенія,—и тамъ они оказывались не только удовлетворительными, но, иногда, и хорошими учениками. Эти факты краснорѣчиво говорятъ въ пользу отличной постановки учебнаго дѣла, а также—строгости постановки балловъ въ Пажескомъ корпусѣ, чѣмъ онъ обязанъ неутомимымъ трудамъ Ѳедора Карловича Дитерихса.

1. В. Гурко.
Фельдмаршалъ.
Вып. 1846 г.

Однако, разъ сложившіяся воззрѣнія очень долго держатся въ обществѣ, несмотря на то, что факты, послужившіе основаніемъ для такого взгляда на дѣло, давно уже перестали существовать. Такъ было, да есть и теперь (я разумѣю исключительно время директорства Ѳедора Карловича Дитерихса) неправильное отношеніе къ Пажескому корпусу, считаемому, все-таки, какимъ-то благотворительнымъ учрежденіемъ для малолѣтнихъ, привилегированныхъ лѣнтяевъ, что представляется вопіющею несправедливостью къ этому заведенію.

Если пажи въ массѣ и не проявляютъ научной любознательности, а, какъ истые сыны конца XIX в., учатся исключительно ради полученія хорошихъ, дающихъ извѣстныя выгоды балловъ, то, все-таки они учатся и выносятъ изъ корпуса знанія, чѣмъ далеко не всякое учебное заведеніе можетъ похвалиться. Что пажи пріобрѣтаютъ въ корпусѣ знанія—это доказывается неопровержимымъ фактомъ—очень большимъ количествомъ выпущенныхъ изъ корпуса офицеровъ, ежегодно поступающихъ въ военную академію. Да и не въ одну эту Академію поступаютъ бывшіе пажи. Въ послѣднія 5—6 лѣтъ пажи,

окончившіе курсъ общихъ классовъ, поступали по трудному (вслѣдствіе огромнаго числа конкуррентовъ) и блестяще выдержанному ими экзамену въ высшія техническія учебныя заведенія, что, конечно, дѣлаетъ честь корпусу, такъ какъ свидѣтельствуетъ хорошую постановку въ немъ учебнаго дѣла.

Прекрасной постановкой учебнаго дѣла корпусъ обязанъ дѣятельности отличныхъ преподавателей; первое мѣсто между ними принадлежитъ, къ великому прискорбію, уже покойному протоіерею Константину Борисовичу Селинину. Это былъ очень строгій, скупой на баллы преподаватель, и — тѣмъ не менѣе — очень любимый и уважаемый воспитанниками. Такія же чувства питали къ нему и всѣ сослуживцы. Чрезвычайно умный, краснорѣчивый и находчивый ораторъ, благодушный, снисходительный къ людямъ, прямой и честный, свободный отъ ханжества и лицемѣрія — онъ невольно внушалъ всѣмъ уваженіе и любовь. Онъ былъ надѣленъ всѣми качествами, необходимыми преподавателю и священнослужителю. Со смертью о. К. Б. Селинина Пажескій корпусъ понесъ такую потерю, которая неизвѣстно когда, будетъ вознаграждена".

Замѣчаніе почтеннаго автора воспоминаній на счетъ практичности пажей относится къ 80 годамъ и отчасти къ девяностымъ. Шестидесятые и семидесятые года наоборотъ были годами, когда пажей охватилъ общій подъемъ духа, общій приливъ идеализма, доходившій до того, что чисто матеріалистическія стремленія идеализировались на столько, что и они почти утрачивали свой грубо матеріалистическій характеръ. Большинство изъ пажей увлекалось въ той или иной степени наукою, а нѣкоторые столь серьезно, что по выходѣ изъ общихъ классовъ корпуса или даже изъ спеціальныхъ отдавались научнымъ занятіямъ; такъ напримѣръ, одинъ изъ нихъ — Г. Э. Зенгеръ, нынѣ управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, по выходѣ изъ младшаго спеціальнаго класса, подготовился къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, прошелъ историко-филологическій факультетъ университета, а затѣмъ долгое время занималъ мѣсто профессора Варшавскаго университета.

Другой — А. А. Жандръ, выйдя въ офицеры и сдѣлавъ кампанію 1877—1878 гг. (причемъ подъ Телишемъ онъ получилъ двѣ штыковыя раны), по окончаніи войны вышелъ въ отставку держалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, поступилъ въ университетъ, кончилъ его, занимался въ заграничномъ университетѣ, защитилъ диссертацію на

17 марта 1845 г. Св. крещеніе Великаго Князя Александра Александровича, впослѣдствіи Императора Александра III въ Зимнемъ Дворцѣ, 20 мая 1868 г. Св. крещеніе Великаго Князя Николая Александровича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора въ Царскомъ Селѣ въ Большомъ Дворцѣ.

ученую степень и недавно получилъ каѳедру физіологіи въ Варшавскомъ университетѣ. Наконецъ, третій—баронъ П. А. Раушъ фонъ-Траубенбергъ, выйдя изъ корпуса въ Преображенскій полкъ и сдѣлавъ съ нимъ кампанію, черезъ нѣкоторое время вышелъ въ отставку, выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, поступилъ студентомъ въ одинъ изъ германскихъ университетовъ, получилъ тамъ степень доктора за защиту диссертаціи на географическую тему и возвратился къ себѣ на родину, гдѣ въ данный моментъ состоитъ шталмейстеромъ двора Великаго Князя Константина Константиновича. Однако, желаніе фактически подтвердить, на сколько общее увлеченіе наукой отразилось на Пажескомъ корпусѣ, отклонило насъ въ сторону. Возвратимся къ корпусу.

Мы уже сказали, что въ дни царствованія Императора Александра зданіе Пажескаго корпуса пріютило въ своихъ стѣнахъ два учебныхъ заведенія—военную гимназію и военное училище. Выше рѣчь шла, главнымъ образомъ, о Пажескомъ корпусѣ, какъ о военной гимназіи. Пажескимъ корпусомъ какъ военнымъ училищемъ, мы интересовались гораздо меньше, и теперь скажемъ мы о немъ немного. Въ немъ установились чисто строевыя отношенія, общія всѣмъ училищамъ. Отъ другихъ училищъ онъ отличался тѣмъ, что пажи и камеръ-пажи спеціальныхъ классовъ несли придворную службу, отъ которой, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, были избавлены пажи общихъ классовъ. Кромѣ того, спеціальные классы Пажескаго корпуса получили официальное назначеніе готовить офицеровъ для службы преимущественно въ гвардіи, что въ предыдущія царствованія не считалось главною его задачею, такъ какъ въ гвардію выходили только 16 камеръ-пажей, остальные въ армію.

Намъ остается сказать, что, строго говоря, Пажескій корпусъ былъ даже раздѣленъ не на два, а на три учебныя заведенія, такъ какъ въ извѣстной зависимости отъ него находились поселенныя на углу Кирочной и Литейной „приготовительные классы“, основанные въ 1878 году (см. Прилож. № 12. т. II. стр. 197—201).

Итакъ, царствованіе Императора Александра II какъ бы раскололо корпусъ на двѣ части, причемъ одна, бо̀льшая, стала преслѣдовать исключительно общеобразовательныя цѣли. Корпусъ-гимназія призналъ значеніе домашняго воспитанія и образованія пажей, призналъ, что его роль должна сводится къ тому, чтобы служить поправкой, но, главнымъ образомъ, не домашняго воспитанія, а домашняго обра-

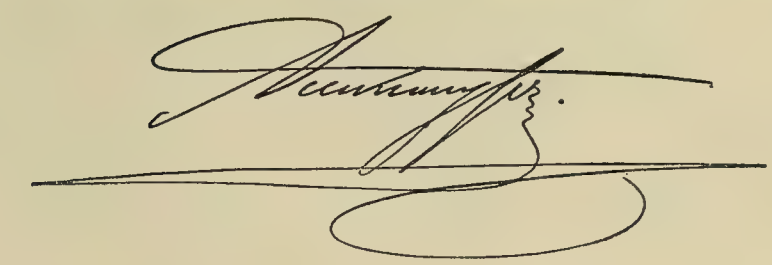
зованія. Ставъ на эту точку зрѣнія, онъ задался тѣми же цѣлями, которыя корпусу указывалъ академикъ Миллеръ: готовить полезныхъ для отечества гражданъ. Корпусъ-училище поставилъ себѣ вполнѣ опредѣленную и ясную цѣль—готовить къ военной службѣ молодыхъ людей, рѣшившихся спеціализироваться въ военной службѣ. Когда роли заведеній-близнецовъ распредѣлились, то пришлось допустить со стороны пріемъ въ спеціальные классы пажей-кандидатовъ, желающихъ посвятить себя военной службѣ; въ особенности пришлось это сдѣлать потому, что многіе молодые люди, кончившіе общіе классы и убѣдившись, что ихъ не манитъ военная карьера, въ спеціальные классы не переходили.

Всѣ эти перемѣны приводили къ тому, что для одной части корпуса искусственнымъ путемъ былъ нарушенъ ходъ эволюціи, постепенно превращавшей Пажескій корпусъ въ военное учебное заведеніе, а для другой, такимъ же искусственнымъ путемъ, ходъ этотъ былъ ускоренъ. Но таковы законы исторіи, являющіеся въ свою очередь продуктами психологическихъ законовъ, что никакія человѣческія усилія измѣнить ихъ не могутъ. Одинъ изъ этихъ историческихъ законовъ можетъ быть формулированъ такъ: разъ начавшаяся эволюція прекращается только тогда, когда окружающая среда перестаетъ благопріятствовать ея развитію. Въ теченіе царствованія Императора Александра II военный духъ, какъ свидѣтельствуетъ Л. И. Янушъ, царилъ въ общихъ классахъ корпуса, царилъ онъ потому, что медленно совершавшійся процессъ превращенія Россіи изъ государства съ преобладающими военными интересами въ государство съ преобладающими мирными интересами способствовалъ господствующему положенію военныхъ людей. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что государство и въ царствованіе Императора Александра II пользовалось въ качествѣ государственныхъ дѣятелей военными, въ числѣ которыхъ было не мало пажей.

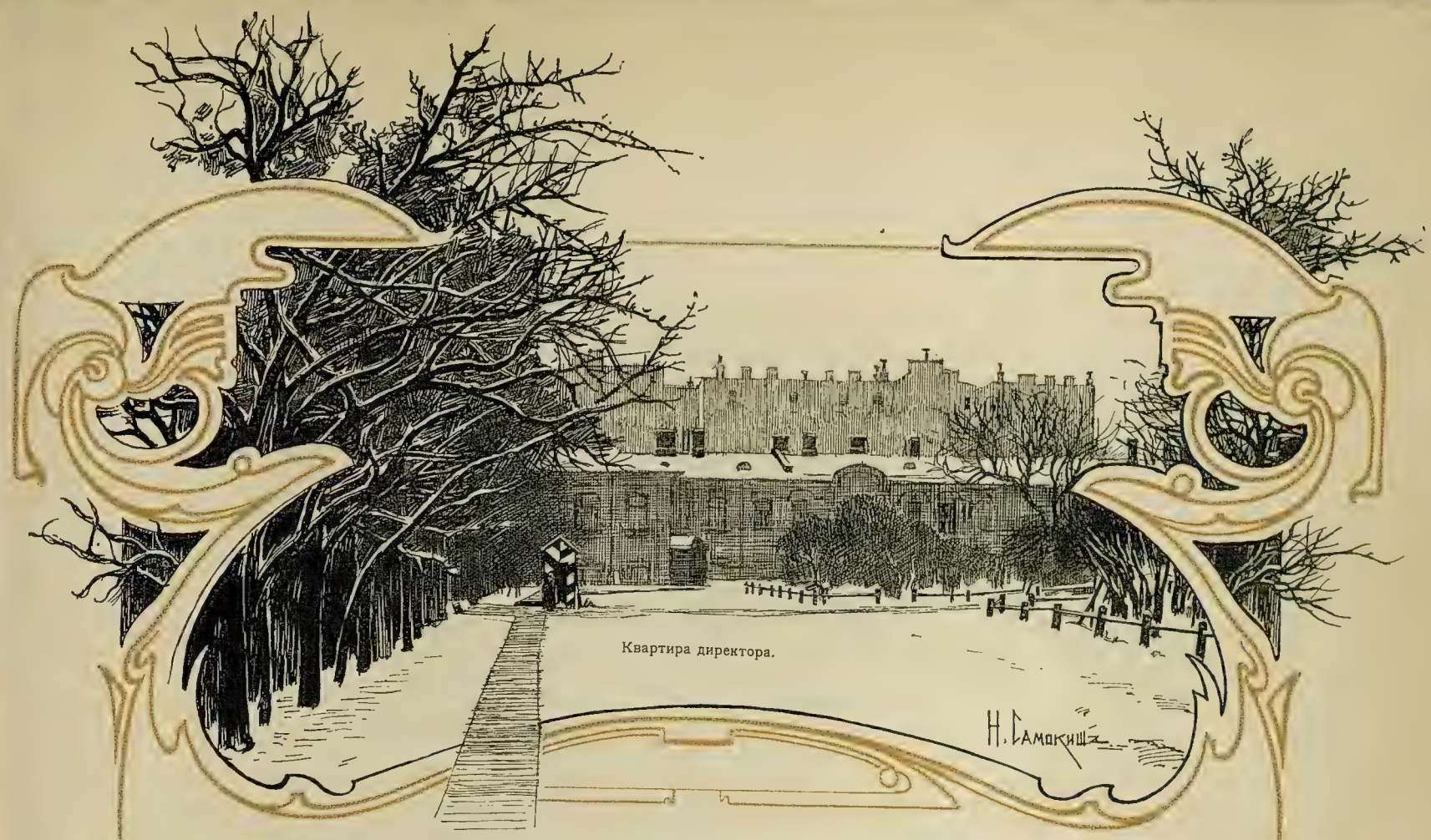
Передъ нами прошла цѣлая галлерея портретовъ пажей-дѣятелей. Открылась она Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ и закончилась Іосифомъ Владиміровичемъ Гурко. Одинъ принялъ видное участіе въ освобожденіи крестьянъ, другой не менѣе видное участіе въ освобожденіи славянъ.

Дополняетъ дѣятельность этихъ двухъ выдающихся пажей третій бывшій пажъ—графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій: онъ расширилъ предѣлы Россіи присоединеніемъ обширнаго Амурскаго края. Около

этихъ трехъ лицъ группируется цѣлый рядъ видныхъ государственныхъ дѣятелей. Одно перечисленіе занимаемыхъ ими должностей, сдѣланное нами подъ портретомъ каждаго изъ нихъ, указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ бывшихъ пажахъ-государственныхъ дѣятеляхъ и въ царствованіе Императора Александра II правительство нуждалось какъ въ носителяхъ западно-европейскаго просвѣщенія, какъ въ распространителяхъ его въ массѣ. Достойно вниманія и то обстоятельство, что сравнительно съ прошлымъ царствованіемъ въ эту эпоху усиленной дѣятельности, напряженной работы выдвинулось гораздо большее число пажей, т. е. иначе говоря, когда появилась нужда въ людяхъ, бывшіе пажи не замедлили приняться за работу, а правительство въ свою очередь не замедлило воспользоваться ихъ услугами.



Фототип. „Т-ва Худож. Печати“.



Глава V.

Царствованіе Императора Александра III и Пажескій корпусъ въ наши дни.

Реформы царствованія Императора Александра III.
Музей корпуса.
Уходъ генерала Дитерихса.
Перемѣны въ жизни корпуса послѣднихъ лѣтъ.
Педагогическіе офицерскіе курсы.
Заключеніе.

„Высочайшимъ манифестомъ, даннымъ въ 1-й день марта 1881 г.—пишетъ генералъ Лалаевъ—Государь Императоръ возвѣстилъ Россіи о вступленіи Своемъ на прародительскій Престолъ, а во 2-й день того же мѣсяца Его Величеству благоугодно было принять на Себя званіе Шефа Павловскаго и Александровскаго военныхъ училищъ.

Вскорѣ за тѣмъ генералъ-адъютантъ графъ Милютинъ, согласно прошенію его, былъ Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности Военнаго Министра, которую онъ занималъ съ 16-го мая 1861-го года. Военно-учебныя заведенія сохраняютъ признательное воспоминаніе о томъ, что еще въ 1845—1848 гг. Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ послужилъ дѣлу ихъ благоустройства своими просвѣщенными тру-

Квартира инспектора.

дами въ званіи начальника учебнаго отдѣленія въ Штабѣ Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича; всѣ же дѣятели военно-учебнаго вѣдомства въ періодъ съ 1863-го по 1881-й годъ никогда не забудутъ сердечныхъ заботъ тогдашняго Военнаго Министра, направленныхъ ко благу воспитывавшагося подъ высшимъ его начальствомъ юношества и того участія, съ которымъ онъ неустанно слѣдилъ за усовершенствованіемъ въ нашемъ отечествѣ всѣхъ отраслей военно-учебнаго дѣла. Въ Монаршемъ вниманіи къ таковымъ заслугамъ, Государю Императору благоугодно было учредить въ военныхъ гимназіяхъ: Симбирской, Тифлисской, 3-й Петербургской и 3-й Московской по одной стипендіи имени графа Милютина.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 22-й день мая 1881 года, командиръ 12-го армейскаго корпуса, числящійся по Генеральному Штабу и въ 1-мъ Павловскомъ военномъ училищѣ, генералъ-адъютантъ Ванновскій, Всемилостивѣйше назначенъ Управляющимъ Военнымъ Министерствомъ. Съ тѣхъ поръ военно-учебныя заведенія, въ общемъ направленіи ихъ дѣятельности, руководствуются высшими указаніями Петра Семеновича; его же просвѣщенной заботливости о преуспѣяніи у насъ военно-учебнаго дѣла и всеподданнѣйшему предстательству предъ Верховнымъ вождемъ русской арміи обязана она тѣми средствами, кои Всемилостивѣйше дарованы нынѣ для расширенія способовъ казеннаго призрѣнія и воспитанія сыновей военнослужащихъ, для существенныхъ улучшеній во внутреннемъ устройствѣ военно-учебныхъ заведеній и для увеличенія числа ежегодно выпускаемыхъ изъ нихъ въ войска офицеровъ.

По Высочайшему приказу отъ 4-го іюля того же года Главный Начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Исаковъ, согласно прошенію его, былъ уволенъ отъ таковой должности, съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Генералъ-адъютантъ Исаковъ болѣе 18-ти лѣтъ сряду стоялъ во главѣ военно-учебныхъ

заведеній, которыя всегда будутъ глубоко чтить свѣтлую его память. Послѣдній приказъ свой по военно-учебному вѣдомству бывшій Главный Начальникъ заключилъ слѣдующими словами: „Разставаясь съ военно-учебными заведеніями, я сердечно, искренно благодарю всѣхъ, съ кѣмъ служилъ; благодарю за ихъ постоянный, не легкій трудъ, за ихъ доброе отношеніе къ дѣтямъ, за серьезное обереженіе юношей и за ту всегда готовую помощь и разумный, честный совѣтъ, которыми я широко пользовался во все время нашей почти девятнадцатилѣтней совмѣстной службы". Въ ознаменованіе же продолжительной полезной дѣятельности бывшаго Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, Государь Императоръ соизволилъ повелѣть, чтобы въ интернатѣ первой Московской военной гимназіи была отдѣлена одна казенная вакансія съ наименованіемъ ея „стипендіей генералъ-адъютанта Исакова".

Вслѣдъ за тѣмъ на должность Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній Всемилостивѣйше назначенъ помощникъ Начальника Главнаго Штаба, Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Н. А. Махотинъ, который вступилъ въ новую должность 9 іюля 1881 года. Незадолго передъ тѣмъ состоявшій съ 1878 года Помощникомъ Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній генералъ-лейтенантъ Кузьминъ-Короваевъ былъ отчисленъ, по растроенному здоровью, отъ таковой должности, на которую тогда же былъ назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ баронъ Л. Л. Зедделеръ.

Баронъ Л. Л. Зедделеръ.
Помощникъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній.
Вып. 1851 г.

Въ первый же годъ нынѣшняго благополучнаго царствованія предпринято было подробное изслѣдованіе установившейся у насъ, съ 1863 года, военно-учебной системы и внутренней организаціи военныхъ училищъ и гимназій, въ связи съ выяснившимися уже на практикѣ результатами ихъ почти

двадцатилѣтней дѣятельности. Такое изслѣдованіе указало необходимость нѣкоторыхъ преобразованій, и къ исходу 1881 года былъ выработанъ общій планъ ихъ, основныя положенія котораго заключались въ слѣдующемъ:

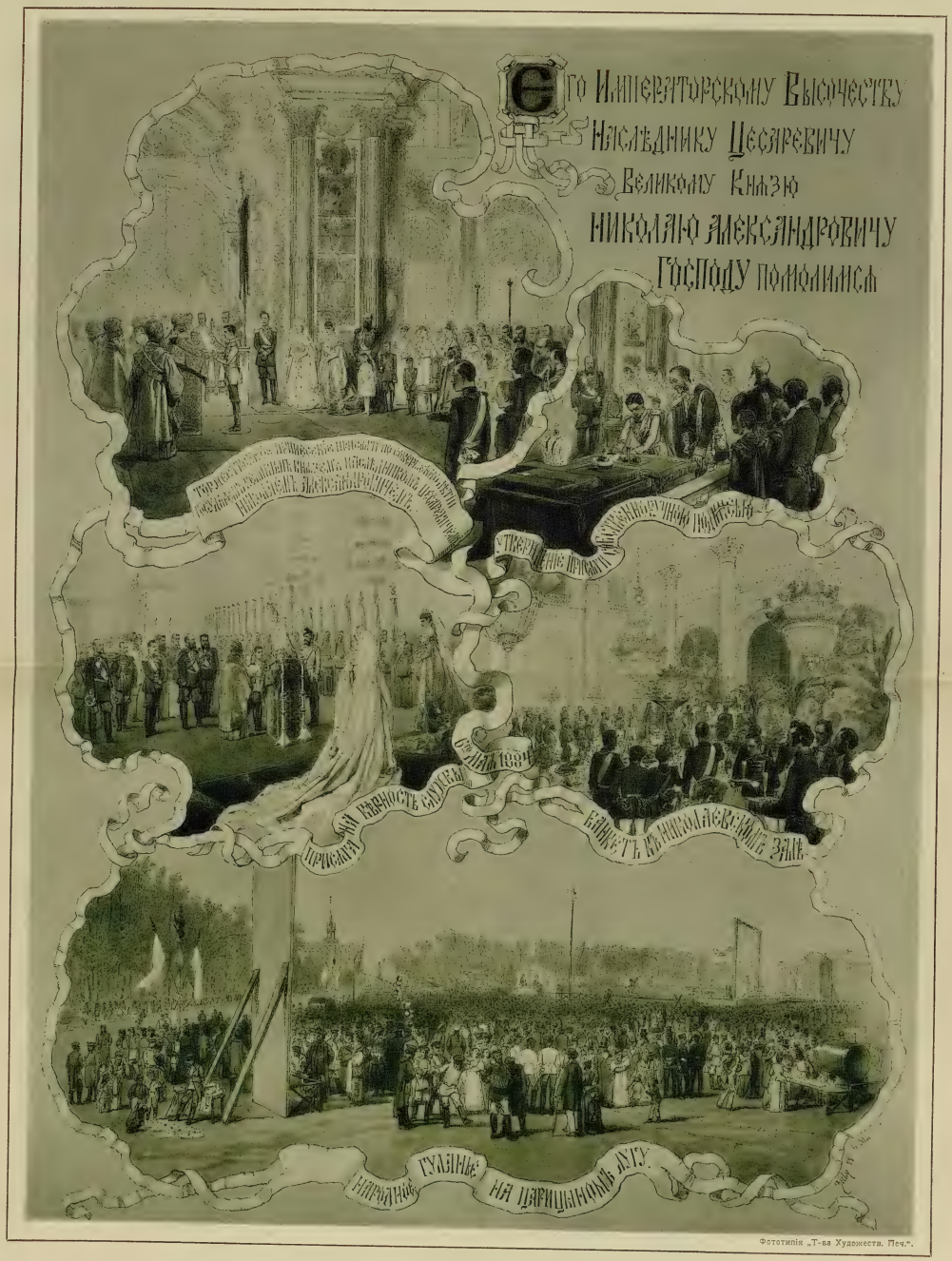
1) Въ видахъ обезпеченія потребнаго для пополненія нашей арміи контингента офицеровъ, достаточнаго въ количественномъ и вполнѣ надежнаго въ качественномъ отношеніи, необходимо сохранить въ военномъ вѣдомствѣ учебно-воспитательныя заведенія не только съ курсомъ спеціально-военнымъ, но и съ курсомъ общеобразовательнымъ.

Плацъ.

2) Дальнѣйшимъ развитіемъ общеобразовательныхъ военно-учебныхъ заведеній слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы ежегодно выпускаемое изъ нихъ число воспитанниковъ могло замѣщать всѣ открывающіяся вакансіи въ военныхъ училищахъ, даже при усиленномъ ихъ составѣ.

3) Для достиженія болѣе успѣшныхъ результатовъ въ учебной подготовкѣ будущихъ офицеровъ необходимо поставить на первомъ планѣ военно-училищнаго курса теоретическое и практическое изученіе предметовъ военныхъ, присоединивъ къ этому курсу лишь тѣ изъ общеобразовательныхъ предметовъ, кои выгодно дополняли бы общее развитіе юнкеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, подробности организаціи учебныхъ занятій въ названныхъ училищахъ требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій соотвѣтственно указаніямъ опыта предшествовавшихъ лѣтъ.

4) Въ виду того, что въ послѣднее десятилѣтіе (1870—1880 гг.) болѣе трети ежегодныхъ выпусковъ изъ военныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскаго училищъ обращалось на комплектованіе офицерскихъ вакансій въ артиллеріи и войскахъ инженерныхъ, необходимо постепеннымъ сокращеніемъ размѣровъ выпуска въ спеціальные роды ору-



Фототипія „Т-ва Художеств. Печ.".

Празднованіе совершеннолѣтія Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора въ С.-Петербургѣ 6 мая 1884 г.

жія сдѣлать названныя училища, согласно основной цѣли ихъ учрежденія, источникомъ пополненія офицерами только пѣхоты и кавалеріи.

5) Относительно пріема малолѣтнихъ въ общеобразовательныя военно-учебныя заведенія, для болѣе правильнаго выполненія благотворительнаго ихъ назначенія, слѣдуетъ измѣнить существующій порядокъ въ смыслѣ предоставленія большихъ преимуществъ сыновьямъ военнослужащихъ вообще, особенно же убитыхъ или раненыхъ на войнѣ офицеровъ и кавалеровъ ордена Св. Георгія, какъ равно и всѣмъ круглымъ сиротамъ офицеровъ.

Баронъ А. Н. Корфъ.
Амурскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1849 г.

6) Установившаяся организація учебно-воспитательнаго дѣла въ военныхъ гимназіяхъ, удовлетворяя общимъ педагогическимъ требованіямъ, оказывается недостаточно согласованною съ главною цѣлью учрежденія сихъ заведеній, прямо предназначенныхъ къ тому, чтобы готовить воспитанниковъ къ переходу въ военныя училища. Для устраненія такого существеннаго недостатка признано цѣлесообразнымъ: а) возстановить наименованіе военныхъ гимназій кадетскими корпусами, такъ какъ оно точнѣе опредѣляетъ прямое ихъ назначеніе; б) сохранивъ установившійся въ этихъ заведеніяхъ общеобразовательный учебный курсъ и общія основы воспитанія, уравнять ихъ въ средствахъ содержанія и придать всему строю внутренней ихъ жизни такой характеръ, который вполнѣ отвѣ-

Садъ.

чалъ бы цѣли учрежденія подготовительныхъ военно-воспитательныхъ заведеній; в) замѣщать впредь должности воспитателей исключительно военными офицерами, назначаемыми съ самою строгою разборчивостью, и г) оставивъ по прежнему раздѣленіе воспитанниковъ на группы по возрастамъ и классамъ, присвоить этимъ группамъ наименованіе ротъ, съ установленіемъ вновь должности ротныхъ командировъ, избираемыхъ изъ наиболѣе опытныхъ и надежныхъ воспитателей.

и 7) изъ военныхъ прогимназій, какъ заведеній, принимавшихъ на воспитаніе преимущественно сыновей лицъ не-дворянскаго происхожденія и не-военнаго званія, и къ тому-же пополнявшихъ своими выпусками лишь незначительную часть вакансій въ юнкерскихъ училищахъ, представляется необходимымъ сохранить на будущее время, съ переименованіемъ въ военныя школы, только двѣ—собственно для

Въ саду на прогулкѣ.

воспитанія и элементарнаго образованія малолѣтнихъ, удаляемыхъ изъ военныхъ гимназій по малоспособности или по нравственной испорченности; остальныя за тѣмъ военныя прогимназіи, съ учительскою семинаріей военнаго вѣдомства, а также педагогическіе курсы при 2-й Петербургской военной гимназіи, упразднить, съ обращеніемъ послѣдовавшихъ при этомъ сбереженій на развитіе другихъ военно-учебныхъ заведеній.

Вышеприведенныя основныя соображенія, изложенныя съ подробными мотивами во всеподданнѣйшемъ докладѣ Военнаго Министра,

Фототипія „Т-ва Художеств. Печати".

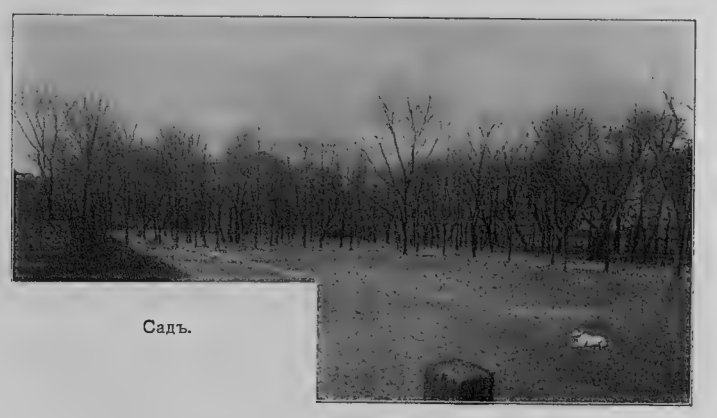
Празднованіе дня рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны

14 ноября 1887 года.

удостоились въ 15-й іюня 1882 года Высочайшаго одобренія, причемъ Его Величеству благоугодно было собственноручно положить резолюціи по отдѣльнымъ пунктамъ доклада. Совокупность таковыхъ указаній послужила военно-учебной администраціи главнымъ руководствомъ въ направленіи дальнѣйшихъ организаціонныхъ работъ, причемъ принято было основнымъ правиломъ, чтобы предстоявшія реформы приводились въ исполненіе постепенно, по мѣрѣ открывающихся матеріальныхъ средствъ въ самомъ вѣдомствѣ, безъ обремененія государственнаго казначейства новыми ассигнованіями.

Кн. С. Н. Трубецкой.
Оберъ-гофмаршалъ.
Вып. 1849 г.

Что касается подробностей внутренняго устройства самихъ заведеній, то ближайшее ознакомленіе съ ними привело къ сознанію необходимости болѣе точнаго установленія примѣняемыхъ въ заведеніяхъ правилъ физическаго и нравственнаго воспитанія. Такая необходимость представлялась тѣмъ болѣе настоятельною, что всѣ прежнія узаконенія по части воспитанія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ были отмѣнены съ изданіемъ XV книги дѣйствующаго нынѣ Свода воен. постан. 1869 г., вошедшія-же въ составъ этой книги новыя постановленія о названныхъ заведеніяхъ ограничивались, согласно измѣнившейся тогда системѣ кодификаціи, лишь общими положеніями. А потому лѣтомъ же 1881 г. приступлено было къ разработкѣ на основаніи имѣвшихся матеріаловъ, полной инструкціи по воспита-



Садъ.

тельной части для военныхъ гимназій и прогимназій. Согласно этой инструкціи, общая цѣль воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы установить въ душѣ каждаго питомца нравственную норму во всей ея чистотѣ и привести въ строгое согласіе съ этою нормою всѣ его дѣйствія, затѣмъ развить духовныя способности воспитанника и преподать ему требуемыя знанія и умѣнья и, наконецъ, обезпечить физическому его организму, въ зависимости отъ прирожденныхъ свойствъ здоровье, крѣпость и силу, необходимыя для того, чтобы тѣло человѣка всегда служило надежнымъ и покорнымъ орудіемъ истинно-просвѣщеннаго духа. Сообразно таковой общей цѣли, въ инструкціи по воспитательной части были подробно изложены правила для устройства въ заведеніяхъ внутренняго порядка, основныя требованія физическаго и нравственнаго воспитанія и общія обязанности воспитателей. По утвержденіи Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, инструкцію эту, въ началѣ 1882 года, предписано было принять: военнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ—къ непремѣнному руководству, а прочимъ заведеніямъ—къ свѣдѣнію и соображенію, какъ сборникъ руководящихъ указаній по части физическаго и нравственнаго воспитанія.

Кн. Н. И. Святополкъ-Мирскій.
Наказной атаманъ войска донского.
Вып. 1849 г.

Въ этомъ же году былъ установленъ новый порядокъ отпуска денежныхъ суммъ на столовое довольствіе воспитанниковъ Пажескаго Его Величества корпуса и юнкеровъ военныхъ училищъ, который въ слѣдующемъ же году примѣненъ и къ прочимъ военно-учебнымъ заведеніямъ. При разработкѣ указанныхъ въ вышеупомянутой инструкціи общихъ правилъ относительно продовольствія воспитанниковъ, приняты были за основаніе главнѣйшія требованія вновь установленнаго для военно-учебныхъ заведеній пищевого режима; для того же,

чтобы поставить размѣры отпускаемыхъ заведеніямъ суммъ на столовое довольствіе въ соотвѣтствіе какъ съ гигіеническими требованіями новаго пищевого режима, такъ и съ современными заготовительными цѣнами, испрошено было Высочайшее повелѣніе о томъ чтобы впредь, неустанавливая постояннаго размѣра ассигнованій на продовольствіе воспитанниковъ, ежегодно представлять въ Военный Совѣтъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ табельныхъ цѣнахъ, кои на предстоящій годъ являются необходимыми по состоянію современныхъ цѣнъ на жизненные припасы. Такимъ образомъ, по смѣтѣ расходовъ на 1883-й г. было уже опредѣлено на столовое довольствіе воспитанниковъ всѣхъ заведеній на 25% болѣе прежняго на этотъ предметъ ассигнованія.

Зимой на каткѣ.

Вскорѣ затѣмъ Государю Императору благоугодно было отмѣнить установленное въ 1880 году взиманіе платы за интерновъ Пажескаго Его Величества корпуса, Высочайше утвердить новыя правила для производства въ слѣдующіе чины воспитателей и преподавателей военно-учебныхъ заведеній и Всемилостивѣйше даровать особыя преимущества лицамъ, находящимся на службѣ въ Тифлисскомъ и Сибирскомъ кадетскихъ корпусахъ.

Въ 22-й день іюля 1881 года по военному вѣдомству объявлено было, что „во Всемилостивѣйшемъ вниманіи къ вѣковымъ заслугамъ бывшихъ въ Имперіи кадетскихъ корпусовъ, питомцы которыхъ, прославивъ русское оружіе въ достопамятныхъ войнахъ прошлаго и текущаго столѣтій, доблестно подвизались на различныхъ поприщахъ полезнаго служенія Престолу и отечеству“,—Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: 1) всѣ военныя гимназіи именовать на будущее время кадетскими корпусами и 2) въ память того, что военно-учебныя заведенія въ Имперіи всего болѣе обязаны своимъ развитіемъ царственной заботливости Императоровъ Николая I и Александра II, именовать: приготовительный пансіонъ Николаевскаго кавалерійскаго училища Николаевскимъ, а 3-ю Петербургскую военную гимназію—Александровскимъ кадетскими корпусами.

Для возможнаго ускоренія постепенной замѣны въ кадетскихъ корпусахъ гражданскихъ воспитателей военными, въ исходѣ того же года послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе на ходатайство Военнаго Министра о томъ, чтобы при увольненіи отъ службы тѣхъ гражданскихъ воспитателей бывшихъ военныхъ гимназій, кои уже пріобрѣли право на пенсію, удостоивать ихъ, въ видѣ изъятія, производства въ слѣдующіе чины по сокращеннымъ срокамъ, съ цѣлью увеличенія причитавшихся имъ пенсіонныхъ окладовъ изъ эмеритальной

У главнаго подъѣзда передъ отправленіемъ на придворную службу.

кассы. Кромѣ того, въ 28-й день іюня 1885 года Высочайше утверждено положеніе Военнаго Совѣта объ устройствѣ быта всѣхъ тѣхъ чиновъ военно-учебнаго вѣдомства, кои подлежали отчисленію отъ должностей вслѣдствіе упраздненія нѣкоторыхъ заведеній или же измѣненія ихъ штатовъ.

Въ 1883 г. закрыты были педагогическіе курсы, готовившіе преподавателей преимущественно для элементарныхъ классовъ военныхъ гимназій, тогда какъ въ кадетскихъ корпусахъ все обученіе получило уже характеръ систематическій. Далѣе рѣшено было помѣщав-

Фототипія „Т-ва Художеств. Печ.".

Георгіевскій праздникъ 26 ноября 1887 года.

шіеся отдѣльно отъ Пажескаго корпуса приготовительные его классы присоединить къ корпусу и произвести всѣ необходимыя для того строительныя работы стоимостью до 225 тысячъ рублей. Въ то же время изданы новыя правила о взиманіи платы за своекоштныхъ пансіонеровъ и экстерновъ военно-учебныхъ заведеній, а также установленъ новый порядокъ учрежденія въ нихъ стипендій.

Въ 24-й день іюля 1884 года состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи въ штатъ кадетскихъ корпусовъ новой должности командира строевой роты, образованной изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ, причемъ предписаны къ руководству временныя правила объ обязанностяхъ ротныхъ командировъ и „Инструкція для военно-подготовительныхъ занятій въ кадетскихъ корпусахъ“. Въ слѣдующемъ году установлена новая форма обмундированія для офицеровъ и воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній; тогда же учреждены званія вице-фельдфебеля и вице-унтеръ-офицеровъ въ строевыхъ ротахъ кадетскихъ корпусовъ и издана „Инструкція должностнымъ кадетамъ“, съ дополнительными указаніями въ особыхъ циркулярныхъ предписаніяхъ.

Н. И. Анненковъ.
Строитель Закаспійской желѣзной дороги.
Вып. 1853 г.

Лѣтомъ 1885 года старшія роты кадетскихъ корпусовъ въ первый разъ были выведены, для строевыхъ занятій въ лагери, повсемѣстное устройство которыхъ потребовало болѣе 100 тысячъ рублей; тогда же увеличенъ былъ для названныхъ заведеній отпускъ суммъ на постоянные лагерные расходы. Строевыя роты изъ воспитанниковъ общихъ классовъ Пажескаго Его Величества корпуса и кадетскихъ корпусовъ: Николаевскаго, 1-го, 2-го и Александровскаго, въ составѣ сводnаго батальона, выводятся въ лагерь подъ г. Петергофомъ, гдѣ ежегодно представляются на Высочайшій смотръ. Какъ въ первый, такъ и въ послѣдующіе годы,

Государю Императору благоугодно было, за найденную правильность военной подготовки этого батальона, объявить Монаршее благоволеніе начальствующимъ лицамъ и Царское „спасибо“ воспитанникамъ. Строевыя роты Московскихъ кадетскихъ корпусовъ удостоились счастія представиться на Высочайшій смотръ 14 Мая 1886 года.

Съ переименованіемъ, въ 1882 году, военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса было повелѣно, чтобы заведенія эти продолжали руководствоваться дѣйствовавшими тогда постановленіями впредь до измѣненія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Непосредственно за тѣмъ приступлено было къ составленію проэкта Положенія и штата для кадетскихъ корпусовъ, причемъ приняты въ соображеніе всѣ прежнія постановленія о военно-учебныхъ заведеніяхъ, изданныя съ 1830 года. Главными же источниками при разработкѣ проэкта послужили дѣйствовавшія тогда законоположенія о бывшихъ военныхъ гимназіяхъ и Высочайше одобренныя 15 Іюня 1882 года основанія необходимыхъ преобразованій въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Швейцарская.

Въ составъ проэктированнаго Положенія вошли нижеслѣдующія главы: I. Цѣль и составъ заведеній; II. Управленіе; III. Пріемъ; IV. Воспитаніе и внутренній порядокъ; V. Обученіе; VI. Выпускъ и увольненіе изъ заведеній и VII. О чинахъ кадетскихъ корпусовъ, съ приложеніемъ штата, общаго для всѣхъ корпусовъ, кромѣ Финляндскаго и 3-го Московскаго. Подробно разсмотрѣнный въ Военномъ Совѣтѣ проэктъ Положенія о кадетскихъ корпусахъ удостоился Высочайшаго утвержденія въ 14-й день Февраля 1886 года.

Въ новомъ законѣ прежде всего установлены основныя цѣли и общее направленіе воспитанія и обученія кадетъ. Въ четвертой главѣ Положенія указано, что воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, живо проникнутое духомъ христіанскаго вѣроученія и строго согласованное съ общими началами русскаго государственнаго устройства, имѣетъ

главною цѣлью подготовленіе воспитывающихся юношей къ будущей службѣ Государю и Отечеству посредствомъ постепенной, съ дѣтскаго возраста, выработки въ кадетахъ тѣхъ вѣрныхъ понятій и стремленій, кои служатъ прочною основой искренней преданности Престолу, сознательнаго повиновенія власти и закону и чувствъ чести, добра и правды.

Въ отношеніи внутренняго устройства корпусовъ постановлено, что кадеты каждаго изъ нихъ дѣлятся на роты, причемъ старшая рота получаетъ строевую организацію. Начальство надъ ротой ввѣряется ея командиру, подъ общимъ руководствомъ котораго каждымъ изъ ротныхъ отдѣленій завѣдываетъ, по всѣмъ частямъ воспитанія, особый офицеръ-воспитатель; онъ же непосредственно ведетъ дѣло строевой подготовки ввѣренныхъ ему воспитанниковъ.

Бар. В. А. Фредерикс.
Чрезвычайный посланникъ уполномоченный министръ при вюртембергскомъ и баденскомъ дворахъ.
Вып. 1854 г.

Въ старшей ротѣ строевое обученіе ведется съ ружьями, въ видахъ окончательной подготовки кадетъ, по фронтовой части, къ предстоящему имъ переходу въ военныя училища; въ младшихъ же ротахъ таковыя занятія признаны преждевременными, какъ въ виду необходимости удѣлять здѣсь достаточное число часовъ на другіе виды обязательныхъ для кадетъ физическихъ упражненій, такъ и потому, что опытъ доказалъ полную возможность сообщать молодымъ людямъ основательную строевую подготовку въ двухгодичный срокъ пребыванія ихъ въ старшей ротѣ кадетскаго корпуса и затѣмъ въ таковой же срокъ обученія ихъ въ военномъ училищѣ.

Въ лѣтнее время всѣ неуволенные въ отпускъ кадеты выводятся въ лагерное расположеніе, причемъ строевыя роты, въ полномъ составѣ, должны пробыть въ лагерѣ отъ пяти до шести недѣль, которыя посвящаются, главнымъ образомъ, военно-подготовительнымъ занятіямъ; результаты этихъ занятій ежегодно провѣряются особо назна-

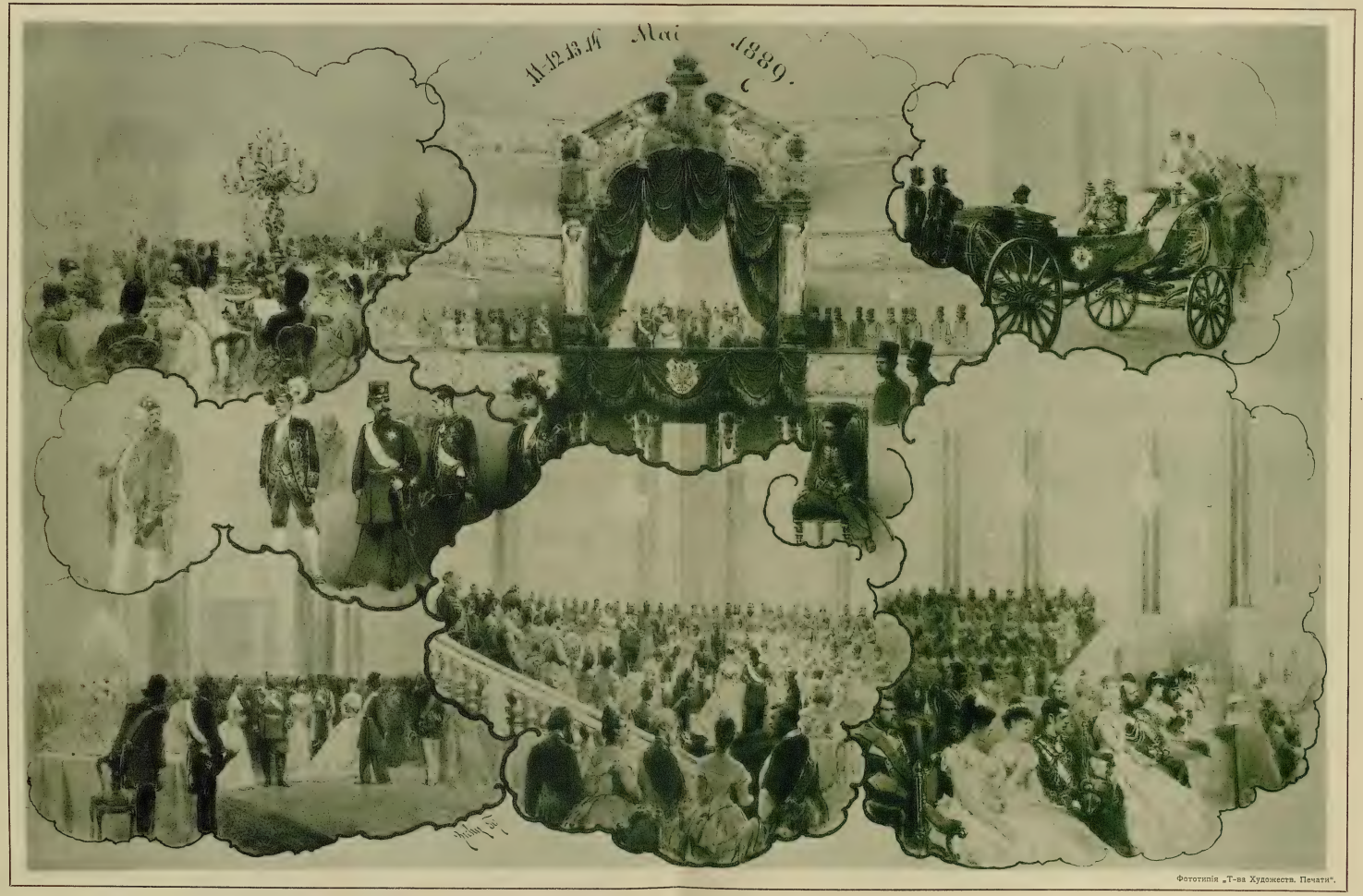
чаемыми лицами и, на основаніи ихъ донесеній, заведеніямъ даются соотвѣтственныя указанія.

Относительно обученія въ кадетскихъ корпусахъ, въ пятой главѣ новаго закона постановлено, что оно должно развивать умственныя способности учащихся и сообщать имъ основательное знаніе истинъ вѣры и общеобразовательныхъ предметовъ, необходимыхъ какъ для дальнѣйшаго спеціально-военнаго ихъ образованія, такъ и для предстоящей имъ, впослѣдствіи, служебной и житейской дѣятельности. Далѣе законъ указываетъ, что система обученія въ кадетскихъ корпусахъ должна быть вполнѣ согласована съ основными требованіями физическаго и нравственнаго воспитанія, а совокупныя усилія всѣхъ преподавателей и воспитателей должны быть постоянно направлены къ тому, чтобы поддерживать въ каждомъ изъ порученныхъ имъ кадетъ здоровье, силу и бодрость тѣла и духа, строгую дисциплину ума и воли, любознательность и склонность къ умственному труду. Весь учебный курсъ кадетскихъ корпусовъ распредѣленъ по семи послѣдовательнымъ классамъ и затѣмъ перечислены всѣ входящіе въ составъ его учебные предметы. Наконецъ, въ новое Положеніе введенъ рядъ статей, опредѣляющихъ какъ кругъ обязанностей и предѣлы власти, такъ и предметы вѣдѣнія и отвѣтственность каждаго изъ должностныхъ чиновъ, начиная съ директора корпуса; тутъ же приведены всѣ постановленія о служебныхъ правахъ и преимуществахъ названныхъ чиновъ. Впослѣдствіи изданы были подробныя правила о порядкѣ отправленія воспитанниковъ при переводѣ ихъ изъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя училища и въ военныя школы.

Спальня третьей роты.

Высочайше утвержденный одновременно съ Положеніемъ новый штатъ для кадетскихъ корпусовъ введенъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1887 года, причемъ ежегодные денежные отпуски на содержаніе этихъ заведеній возросли на сумму до 85 тысячъ рублей. Въ томъ

Пріѣздъ Шаха Персидскаго 11 мая 1889 г.



Парадный обѣдъ въ Зимнемъ Дворцѣ 11 мая, парадный спектакль въ Маріинскомъ театрѣ 12 мая, спектакль въ Эрмитажѣ 13 мая, парадный завтракъ въ Аничковомъ Дворцѣ и отъѣздъ Шаха 14 мая.

же году издано новое расписаніе дней, въ которые воспитанники военно-учебныхъ заведеній увольняются отъ классныхъ занятій.

На основаніи ст. 23-й Положенія о кадетскихъ корпусахъ, подробныя правила физическаго и нравственнаго воспитанія въ этихъ заведеніяхъ, какъ и устройства въ нихъ внутренняго порядка, опредѣляются утверждаемою Военнымъ Министромъ инструкціею по воспитательной части. Для выполненія такого требованія закона, безотлагательно по выходѣ его приступлено было къ пересмотру изданной въ 1882 году инструкціи. Послѣ тщательной переработки всего ея содержанія, съ необходимыми дополненіями по указанію опыта, новый проэктъ инструкціи по воспитательной части утвержденъ Военнымъ Министромъ 14-го апрѣля 1886 года. Нынѣ дѣйствующая инструкція эта заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла, изъ которыхъ въ первыхъ двухъ подробно изложены правила относительно распредѣленія времени учебныхъ занятій, физическихъ упражненій, прогулокъ и отдыха воспитанниковъ, постояннаго надъ ними надзора, устройства помѣщеній съ ихъ обстановкой, одежды и продовольствія кадетъ, поддержанія опрятности и вообще всѣхъ гигіеническихъ и санитарныхъ мѣръ. Затѣмъ въ отдѣлѣ нравственнаго воспитанія выяснены какъ основныя цѣли его и направленіе, такъ и общія воспитательныя средства. Здѣсь послѣдовательно приведены главныя указанія относительно религіозно-нравственнаго воспитанія вообще, укорененія въ кадетахъ вѣрноподданническаго долга, выработки характера каждаго изъ нихъ, развитія въ немъ трудолюбія, исполнительности и заботливости о самообразованіи, тщательнаго огражденія воспитанниковъ отъ постороннихъ вредныхъ вліяній и положительнаго воздѣйствія на нихъ со стороны наставниковъ, производительнаго употребленія досуга, поддержанія школьной дисциплины, принятой системы наградъ и наказаній, веденія педагогической отчетности, уста-

Спальня второй роты.

новленія между совоспитывающимися добраго товарищества и упроченія въ юношахъ необходимой для жизни нравственной устойчивости; вмѣстѣ съ тѣмъ инструкція требуетъ, чтобы кадетскіе корпуса надежно подготовляли каждаго изъ воспитанниковъ къ предстоящей ему трудовой жизни, строго умѣренной и сопряженной съ лишеніями, пріучая его, при всякомъ случаѣ, относиться съ полнымъ уваженіемъ и живымъ сочувствіемъ къ высокому долгу и званію воина. Совокупность же всѣхъ мѣръ нравственнаго воспитанія, примѣняемыхъ, согласно данной инструкціи, въ каждомъ изъ корпусовъ, должна прочно установлять въ его питомцахъ необходимыя основы для приготовленія изъ нихъ впослѣдствіи искренно и дѣятельно вѣрующихъ христіанъ, вѣрныхъ и самоотверженныхъ слугъ Россіи, добрыхъ и почтительныхъ сыновей, честныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ, образованныхъ, дѣльныхъ, крѣпкихъ тѣломъ и сильныхъ духомъ воиновъ серьезно смотрящихъ на службу государству и обществу не какъ на средство, а какъ на благороднѣйшую цѣль своей жизни. Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ инструкціи обстоятельно изложены главныя обязанности ротныхъ командировъ и офицеровъ-воспитателей въ кадетскихъ корпусахъ, а въ заключеніи этого отдѣла указано, что на всѣхъ служащихъ въ названныхъ заведеніяхъ лежитъ нравственная обязанность усерднымъ и честнымъ служеніемъ своему долгу, строгою исполнительностью, постоянною заботливостью о ввѣренныхъ имъ частяхъ, благимъ примѣромъ собственной жизни и добрыми между собою отношеніями единодушно способствовать успѣху воспитательнаго дѣла. Инструкцію эту предписано принять общимъ классамъ Пажескаго корпуса и кадетскимъ корпусамъ къ

Свѣтл. кн. А. К. Имеретинскій.
Начальникъ главнаго военно-суднаго управленія.
Варшавскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1855 г.

непремѣнному руководству; военнымъ же школамъ и оставшимся еще военнымъ прогимназіямъ указано примѣнять инструкцію — на сколько окажется возможнымъ по особенностямъ внутренней ихъ организаціи.

Во второмъ отдѣлѣ названной инструкціи, излагающемъ основныя правила физическаго воспитанія, указано между прочимъ, что особаго вниманія воспитателей требуетъ періодъ пробужденія въ юношахъ половой жизни, а за тѣмъ рекомендованы общія мѣры для возможнаго предупрежденія ранневременнаго полового развитія и порождаемыхъ имъ порочныхъ наклонностей.

Образъ въ спальнѣ третьей роты и входъ въ лазаретъ.

Въ то же время спеціальною комиссіей при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній былъ впервые разработанъ проэктъ полной инструкціи врачамъ сихъ заведеній; утвержденная Военнымъ Министромъ въ апрѣлѣ 1885 года инструкція эта заключаетъ въ себѣ подробныя указанія по нижеслѣдующимъ отдѣламъ: 1) наблюденіе за здоровьемъ воспитанниковъ вообще; 2) пользованіе больныхъ воспитанниковъ и надзоръ за лазаретомъ; 3) участіе врачей въ обсужденіи учебно-воспитательныхъ вопросовъ въ мѣстныхъ педагогическихъ комитетахъ и 4) пользованіе служащихъ и ихъ семействъ. Согласно инструкціи, каждый лазаретъ долженъ состоять изъ двухъ совершенно изолированныхъ между собою отдѣленій: одного для незаразныхъ и другого для заразныхъ больныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ заведеніямъ предписаны подробныя правила для предупрежденія и ограниченія развитія въ нихъ инфекціонныхъ болѣзней, а въ 1886 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о введеніи въ штатъ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ сестеръ милосердія, назначаемыхъ, для ухода за больными воспитанниками, отъ

Пріемная въ лазаретѣ.

учрежденій Россійскаго Общества Краснаго Креста. Наконецъ, въ самое послѣднее время изданы правила о порядкѣ пользованія больныхъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній на санитарно-лѣчебныхъ станціяхъ.

Послѣ изданія Положенія для кадетскихъ корпусовъ приступлено было къ разработкѣ проэкта новаго Положенія о Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, причемъ главными источниками служили всѣ изданныя для него, съ 1868 года, постановленія, а также основныя статьи новаго закона о кадетскихъ корпусахъ. По разсмотрѣніи въ Военномъ Совѣтѣ проэктовъ Положенія и штата для названнаго корпуса, они удостоились Высочайшаго утвержденія въ 5-й день января 1889 года. На основаніи этого законоположенія Пажескій корпусъ состоитъ изъ семи общихъ классовъ, съ курсомъ кадетскихъ корпусовъ, и двухъ спеціальныхъ классовъ, съ военно-училищнымъ курсомъ. Въ трехъ младшихъ классахъ положено имѣть исключительно пажей-экстерновъ, съ платою за каждаго изъ нихъ по 200 руб. въ годъ; въ остальныхъ же классахъ опредѣлено содержать 150 казеннокоштныхъ пажей-интерновъ, съ допущеніемъ, по мѣрѣ возможности, и приходящихъ учениковъ, Корпусъ раздѣляется на три роты, изъ коихъ въ составъ первой входятъ пажи и камеръ-пажи спеціальныхъ классовъ, въ составъ второй — пажи VII и VI общихъ классовъ и въ составъ третьей—пажи всѣхъ остальныхъ классовъ; первая и вторая роты имѣютъ строевую организацію. Всѣ роты подраздѣляются на отдѣленія и каждымъ изъ нихъ, подъ руководствомъ ротнаго командира, завѣдываетъ особый офицеръ-воспитатель. Относительно подробностей веденія учебно-воспитательнаго дѣла въ корпусѣ, онъ руководствуется соотвѣтственными правилами и программами, издаваемыми для кадетскихъ корпусовъ и для военныхъ училищъ; но, въ виду исключительныхъ условій комплектованія Пажескаго корпуса, преподаваніе въ немъ иностранныхъ языковъ поставлено значительно шире, чѣмъ въ кадетскихъ корпусахъ, и ведется здѣсь по особо утвержденной программѣ. Въ 1891 году по-

Комната въ лазаретѣ.

26го Іюля 1889 года

Божіею милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая и прочая

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ 26й день сего Іюля, въ церкви Большаго Петергофскаго Дворца, въ Нашемъ присутствіи, торжественно совершено бракосочетаніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича съ Дочерью Его Высочества Владѣтельнаго Князя Черногоріи Княжною Милицею Николаевною.

Возвѣщая о семъ радостномъ для сердца Нашего событіи и повелѣвая супругу Великаго Князя Петра Николаевича Милицу Николаевну именовать Великою Княгинею съ титуломъ Императорскаго Высочества, Мы вполнѣ убѣждены, что вѣрные подданные Наши соединятъ теплыя мольбы ихъ съ Нашими къ Всемогущему и Всемилосердному Богу о дарованіи постояннаго незыблемаго благоденствія любезнымъ сердцу Нашему новобрачнымъ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 26й день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ девятое, Царствованія же Нашего въ девятое.

слѣдовало Высочайшее утвержденіе „Временныхъ правилъ о пріемѣ въ Пажескій корпусъ и прохожденіи въ немъ курса“, измѣнившихъ установленный Положеніемъ порядокъ, причемъ штатный комплектъ

Столовая.

заведенія опредѣленъ въ 170 интерновъ и 160 экстерновъ, а число общихъ классовъ ограничено пятью старшими. Таковыя правила повелѣно ввести въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, впредь до выясненія вопроса о томъ, какъ отразится новый порядокъ пріема на комплектованіи

Столовая.

названнаго корпуса. Въ скоромъ времени Высочайше повелѣно было открыть параллельное отдѣленіе въ младшемъ спеціальномъ классѣ Пажескаго корпуса; вышеприведенными же „Временными правилами“ положено постепенно открывать, въ послѣдующіе три года, такія отдѣленія въ обоихъ спеціальныхъ и въ VII и VI общихъ

классахъ, если число воспитанниковъ въ каждомъ изъ нихъ будетъ превышать установленную норму.

Что касается подробностей организаціи учебнаго дѣла въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ военнаго вѣдомства, то еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ приступлено было къ пересмотру установленнаго въ 1873 году плана военно-гимназическаго курса, въ видахъ приданія ему возможно-бо́льшей законченности; съ этою цѣлью признано было необходимымъ, возвысивъ экзаменныя требованія для поступленія въ младшій классъ военныхъ гимназій, дополнить курсъ старшихъ классовъ введеніемъ церковной исторіи, краткой исторіи русской словесности и новѣйшей политической исторіи какъ отечественной, такъ и всеобщей. Составленные въ 1880—1881 гг. проэкты новыхъ учебныхъ программъ были представлены въ іюлѣ 1881 года Управляющему Военнымъ Министерствомъ, который призналъ необходимымъ предварительно вызвать мнѣнія директоровъ и педагогическихъ комитетовъ военныхъ гимназій о таковыхъ проэктахъ, для окончательнаго сужденія объ ихъ удобопримѣнимости на практикѣ. Въ началѣ слѣдующаго же года всѣ представленные отзывы были подробно разсмотрѣны въ учрежденной при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній комиссіи, результаты работъ которой выразились: а) въ опредѣлительныхъ заключеніяхъ относительно общей постановки учебнаго курса военныхъ гимназій на будущее время, съ нѣкоторыми сокращеніями противъ прежняго, преимущественно, по славянской грамматикѣ, геометрическому черченію, естествознанію и географіи; б) въ проэктированіи нормальнаго распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ, съ назначеніемъ числа еженедѣльныхъ уроковъ

П. В. Оржевскій.
Виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1856 г.

(часовыхъ) въ каждомъ изъ нихъ по всѣмъ предметамъ, причемъ объемъ собственно элементарнаго курса былъ ограниченъ предѣлами крайней необходимости, дабы дать болѣе простора курсу систематическому, и в) въ окончательной редакціи подробныхъ программъ всего курса, съ руководящими указаніями относительно преподаванія каждаго предмета и съ поименованіемъ принятыхъ учебныхъ руководствъ и пособій. Выработанные такимъ путемъ проэкты „Общей программы и инструкціи для преподаванія учебныхъ предметовъ въ военныхъ гимназіяхъ“ были утверждены Военнымъ Министромъ 29-го Мая 1882 года и тогда же предписаны къ руководству. Въ общихъ положеніяхъ этой инструкціи указана непремѣнная обязанность каждаго заведенія изыскивать всѣ мѣры къ тому, чтобы обученіе воспитанниковъ содѣйствовало, главнымъ образомъ, упроченію въ каждомъ изъ нихъ тѣхъ нравственныхъ основъ, кои необходимы для ревностнаго выполненія предстоящаго ему впослѣдствіи высокаго долга — быть вѣрнымъ и полезнымъ слугой Государя и Отечества. Далѣе инструкція указываетъ, что обученіе должно развивать въ воспитанникахъ спокойную наблюдательность и вѣрность взгляда на вещи, способность яснаго и быстраго соображенія и пониманія даннаго вопроса, скромность, твердость и рѣшительность въ сужденіяхъ о предметахъ, отнюдь не выходящихъ за предѣлы доступнаго и подлежащаго ихъ личному сужденію, точность и краткость въ выраженіи собственныхъ мыслей и передачѣ сообщеннаго другими, наконецъ, нравственное мужество и энергическую рѣшимость исполнять собственными силами предстоящую задачу, даже въ случаѣ малой вѣроятности успѣха; въ то же время всѣ воспитанники, съ самаго начала ученія, должны быть тщательно пріучаемы къ тому, чтобы строго и добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ и аккуратно выполнять задаваемыя работы. Для успѣшнаго достиженія вышеуказанныхъ главныхъ цѣлей обученія, въ инструкціи 1882 года для военныхъ гимназій

Спальня спеціальныхъ классовъ.

постановлено было, чтобы учебный курсъ этихъ заведеній, отнюдь не заключая въ себѣ излишняго матеріала, былъ строго соображенъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, съ возможностью основательнаго усвоенія, въ назначенное время, всѣхъ преподаваемыхъ знаній воспитанниками среднихъ способностей, безъ ущерба правильности физическаго и нравственнаго воспитанія. Тою же инструкціей названныя заведенія продолжали руководствоваться и по переименованіи въ кадетскіе корпуса, до изданія для нихъ новыхъ программъ въ 1889 году.

Въ упомянутой выше Инструкціи по воспитательной части указана необходимость обращать особенное вниманіе на то, что внѣклассное чтеніе книгъ воспитанниками, какъ самостоятельное, такъ и съ воспитателями, имѣетъ первенствующее, послѣ учебной работы, значеніе въ ряду образовательныхъ средствъ и вообще оказываетъ весьма сильное вліяніе на развитіе и направленіе юношей въ нравственномъ отношеніи. Въ виду такого важнаго воспитательнаго значенія строгаго выбора книгъ для внѣ-класснаго чтенія, къ изданнымъ въ 1882 году учебнымъ программамъ приложены перечни литературныхъ произведеній, разрѣшенныхъ къ выдачѣ воспитанникамъ по выбору преподавателей русской словесности и политической исторіи. Вслѣдъ за тѣмъ особой комиссіи поручено было составленіе полнаго „Каталога книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ“; каталогъ этотъ, въ которомъ рекомендованы книги отдѣльно для младшаго, средняго и старшаго возрастовъ, въ общемъ числѣ свыше 1200 заглавій, по разсмотрѣніи въ Педагогическомъ комитетѣ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, былъ утвержденъ и предписанъ къ руководству, а незадолго предъ тѣмъ издана вновь составленная подробная „Инструкція по содержанію библіотекъ военно-учебныхъ заведеній“. Въ этой инструкціи установленъ нормаль-

Залъ спеціальныхъ классовъ.

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.".

Пажескій Е. И. В. корпусъ въ 1902 г.

ный составъ библіотекъ какъ въ военныхъ училищахъ, такъ и въ кадетскихъ корпусахъ, и даны подробныя правила для храненія книгъ, веденія инвентаря всему библіотечному имуществу и его ревизіи; затѣмъ указаны наиболѣе удобные способы каталогизаціи библіотечныхъ книгъ и опредѣленъ порядокъ выдачи ихъ служащимъ въ заведеніяхъ лицамъ и самимъ учащимся.

Съ начала 1889—1890 учебнаго года въ число предметовъ, входящихъ въ курсъ кадетскихъ корпусовъ, признано необходимымъ вновь ввести основы законовѣдѣнія. Въ 1863 году, при первоначаль-

Н. К. Шильдеръ.

Историкъ.
Директоръ Императорской публичной библіотеки.
Вып. 1860 г.

номъ устройствѣ военныхъ училищъ, въ эти заведенія былъ перенесенъ изъ бывшихъ кадетскихъ корпусовъ весь прежній курсъ законовѣдѣнія. Согласно послѣдней программѣ, утвержденной въ 1883 году, въ составъ общей части этого предмета, преподававшейся въ младшемъ классѣ при одной лекціи въ недѣлю, входили: общія понятія о государствѣ, его историческое происхожденіе и назначеніе для человѣчества, элементы государства и ихъ организація и, наконецъ, дѣятельность государства, законодательная и административная;

въ старшемъ же классѣ, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, изучалась судебная дѣятельность государства. Въ виду того, что такая постановка преподаванія законовѣдѣнія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ показалъ опытъ, не могла удовлетворить требованіямъ основательной подготовки будущихъ офицеровъ, въ 1887 году поручено было особой комиссіи проэктировать новый планъ преподаванія законовѣдѣнія въ названныхъ заведеніяхъ. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса привело комиссію къ тому заключенію, что курсъ законовѣдѣнія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ долженъ быть ограниченъ изученіемъ въ главныхъ чертахъ лишь отечественнаго законодательства, съ болѣе подробнымъ изложеніемъ нашихъ военно-уголовныхъ законовъ; но прежде, чѣмъ приступать къ такому изученію, совершенно необходимо сообщить воспитанникамъ основныя понятія о наиболѣе существенныхъ условіяхъ каждаго благоустроеннаго человѣческаго общежитія. Согласно такому заключенію, комиссія вновь составила проэктъ общаго плана распредѣленія по классамъ курса законовѣдѣнія въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ. При этомъ главною цѣлью преподаванія законовѣдѣнія въ старшемъ классѣ кадетскихъ корпусовъ поставлено своевременное сообщеніе оканчивающимъ здѣсь общее образованіе юношамъ правильныхъ и ясныхъ понятій о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ каждый человѣкъ неизбѣжно находится въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, какъ равно и о томъ, что власть и законъ представляютъ собою существеннѣйшіе элементы всякаго организованнаго общежитія; вмѣстѣ съ тѣмъ, элементарная часть законовѣдѣнія, выясняя кадетамъ основныя юридическія понятія, будетъ служить подготовительнымъ курсомъ для успѣшнаго прохожденія въ военныхъ училищахъ дальнѣйшихъ частей этого предмета. Собственно же въ военныхъ училищахъ преподаваніе русскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ должно, главнымъ образомъ, имѣть въ виду развитіе и упроченіе въ будущихъ офицерахъ сознательнаго убѣжденія въ исторической необходимости и цѣлесообразности тѣхъ основъ государственнаго строя Россіи, кои

Входъ изъ зала спеціальныхъ классовъ въ бѣлый залъ.

составляютъ коренной источникъ ея могущества и вѣрнѣйшій залогъ правды, порядка и благоденствія въ родной странѣ. Наконецъ, болѣе подробное изученіе нашихъ военно-уголовныхъ законовъ, въ связи съ законами обще-уголовными, должно сообщать юнкерамъ старшаго класса теоретическія и практическія знанія, прямо необходимыя для предстоящей имъ служебной дѣятельности по отправленію военнаго правосудія. По всеподданнѣйшему докладу таковыхъ предположеній о введеніи законовѣдѣнія въ число положенныхъ въ кадетскихъ корпусахъ учебныхъ предметовъ, 21 марта 1889 года послѣдовало Высочайшее на то соизволеніе; вслѣдъ за тѣмъ, проэктированная комиссіей и исправленная по указаніямъ Военнаго Министра программа этого предмета для кадетскихъ корпусовъ утверждена въ установленномъ порядкѣ и, на основаніи ея, тогда же приступлено къ составленію новаго руководства по законовѣдѣнію. Руководство это, предназначенное для кадетскихъ корпусовъ, подъ заглавіемъ: „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи“, было въ рукописи разсмотрѣно Военнымъ Министромъ, а затѣмъ отпечатано и разослано по заведеніямъ, съ подробными указаніями относительно порядка введенія новаго предмета съ открытіемъ учебнаго курса 1889—1890 г. Въ составъ перваго отдѣла вновь изданнаго руководства входятъ основы ученія о нравственности и изложеніе главныхъ нравственныхъ обязанностей человѣка и нравственныхъ добро-

Бѣлый залъ корпуса тотчасъ направо отъ выхода изъ залы спеціальныхъ классовъ.

Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ.
Нынѣ командующій войсками Одесскаго воен. округа.
Вып. 1847 г.

дѣтелей; второй отдѣлъ посвященъ элементарному ученію о правѣ, а въ третьемъ отдѣлѣ излагается, въ главныхъ чертахъ, организація основныхъ формъ общежитія: семейства, гражданскаго общества и государства. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ съ большею подробностью разсматриваются: элементы государства (верховная власть, территорія и народъ) правительственныя установленія и дѣятельность государства, законодательная, административная и судебная; при разсмотрѣніи же административной дѣятельности обстоятельно выяснена общая организація полиціи безопасности и благосостоянія, государственныхъ финансовъ и вооруженныхъ силъ. Къ началу слѣдующаго учебнаго года, по разсмотрѣніи представленныхъ донесеній о ходѣ вновь введеннаго преподаванія законовѣдѣнія въ каждомъ изъ кадетскихъ корпусовъ, имъ даны дополнительныя указанія для болѣе правильнаго и точнаго выполненія утвержденной программы.

Бѣлый залъ.
Выходъ въ георгіевскій залъ.

На основаніи ст. 34-й Положенія о кадетскихъ корпусахъ, Высочайше утвержденнаго 14-го февраля 1886 года, общая программа учебнаго курса этихъ заведеній, съ нормальною таблицей числа еженедѣльныхъ уроковъ, а также инструкція для преподаванія учебныхъ предметовъ, утверждаются Военнымъ Министромъ. Для разработки проэкта таковой программы съ инструкціей, при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній въ томъ же году была учреждена особая комиссія изъ директоровъ и инспекторовъ классовъ, какъ Петербургскихъ, такъ и нѣкоторыхъ иногородныхъ кадетскихъ корпу-

Выходъ изъ бѣлаго зала въ георгіевскій залъ.
Портретъ фельдмаршала кн. Паскевича.

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“.

Лагерь общихъ классовъ въ Петергофѣ.

Съ картины бывшаго ротнаго командира Л. И. Януша.

(Хранится въ музеѣ корпуса).

совъ; „той комиссіи поручено было, послѣ тщательнаго пересмотра изданныхъ въ 1882 году для бывшихъ военныхъ гимназій учебныхъ программъ, проэктировать необходимыя въ нихъ сокращенія съ тою главною цѣлью, чтобы, на сколько возможно, еще облегчить обремененіе учащихся умственною работой".

Практическія требованія современной жизни,—сказано въ данной кадетскимъ корпусамъ Инструкціи по воспитательной части—вызываютъ въ человѣкѣ постоянно возростающее напряженіе его силъ и способностей; но воспитаніе должно всегда помнить, что чрезмѣрный избытокъ умственныхъ усилій наноситъ неисправимый вредъ не только физическому, но и духовному развитію человѣка. Если каждая школа обязана содѣйствовать равномѣрному развитію духовныхъ и физическихъ силъ юношей, то требованіе это несомнѣнно пріобрѣтаетъ особую важность въ школѣ военной, готовящей своихъ питомцевъ для дѣятельной службы при усиленныхъ тѣлесныхъ трудахъ и лишеніяхъ; непосильныя же умственныя занятія въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ, при сидячей комнатной жизни воспитанниковъ, неизбѣжно дѣлаютъ изъ нихъ людей слабыхъ тѣломъ и духомъ, безхарактерныхъ и нервно-раздражительныхъ. По смыслу закона, кадетскіе корпуса имѣютъ цѣлью доставлять малолѣтнимъ, предназначаемымъ къ военной службѣ въ офицерскомъ званіи общее образованіе и соотвѣтствующее ихъ предназначенію воспитаніе (Положеніе, ст. I). А потому названныя заведенія, прилагая всевозможныя заботы къ охраненію и укрѣпленію здоровья будущихъ офицеровъ, непремѣнно должны сообщать своимъ воспитанникамъ твердое нравственное направленіе, достаточное умственное развитіе и основательную научную подготовку, постепенно пріучая каждаго изъ нихъ къ серьезному

М. И. Чертковъ.

Бывшій наказной атаманъ войска донскаго, а затѣмъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ, нынѣ варшавскій генералъ-губернаторъ.
Вып. 1847 г.

труду и къ строгому выполненію всѣхъ лежащихъ на нихъ обязанностей.

Руководствуясь такими соображеніями, назначенная для переработки учебнаго плана 1882 года комиссія проэктировала значительныя измѣненія въ программахъ русскаго языка и начальныхъ свѣдѣній изъ естественной исторіи, а въ программахъ по всѣмъ прочимъ предметамъ намѣтила частныя сокращенія и перестановки нѣкоторыхъ отдѣловъ курса. Въ Маѣ 1887 г. вновь выработанные проэкты исправленныхъ программъ, съ объяснительною запиской, были разосланы всѣмъ директорамъ кадетскихъ корпусовъ для предварительнаго просмотра и, по полученіи ихъ отзывовъ, подвергнуты всестороннему разсмотрѣнію въ Педагогическомъ комитетѣ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, съ участіемъ въ его засѣданіяхъ нѣкоторыхъ лицъ учебно-воспитательнаго состава самихъ заведеній. Результаты такого разсмотрѣнія выразились, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ заключеніяхъ: 1) первенствующее значеніе въ курсѣ кадетскихъ корпусовъ должно сохранить за Закономъ Божіимъ, математикой и языками, причемъ курсу старшаго класса надо придать преимущественно характеръ повторительный по этимъ предметамъ; 2) необходимо перенести изъ кадетскаго курса въ военныя училища преподаваніе исторіи русской церкви и краткой исторіи русской словесности; 3) слѣдуетъ опредѣлить продолжительность каждаго класснаго урока, вмѣсто цѣлаго часа, въ 50 минутъ, съ обращеніемъ освободившихся при этомъ пяти еженедѣльныхъ часовъ на увеличеніе времени, посвящаемаго для физическихъ упражненій;

Георгіевскій залъ. Выходъ въ пріемную.

Пріемная.
Портретъ В. Кн. Михаила Павловича.
Выходъ въ залу третьей роты.

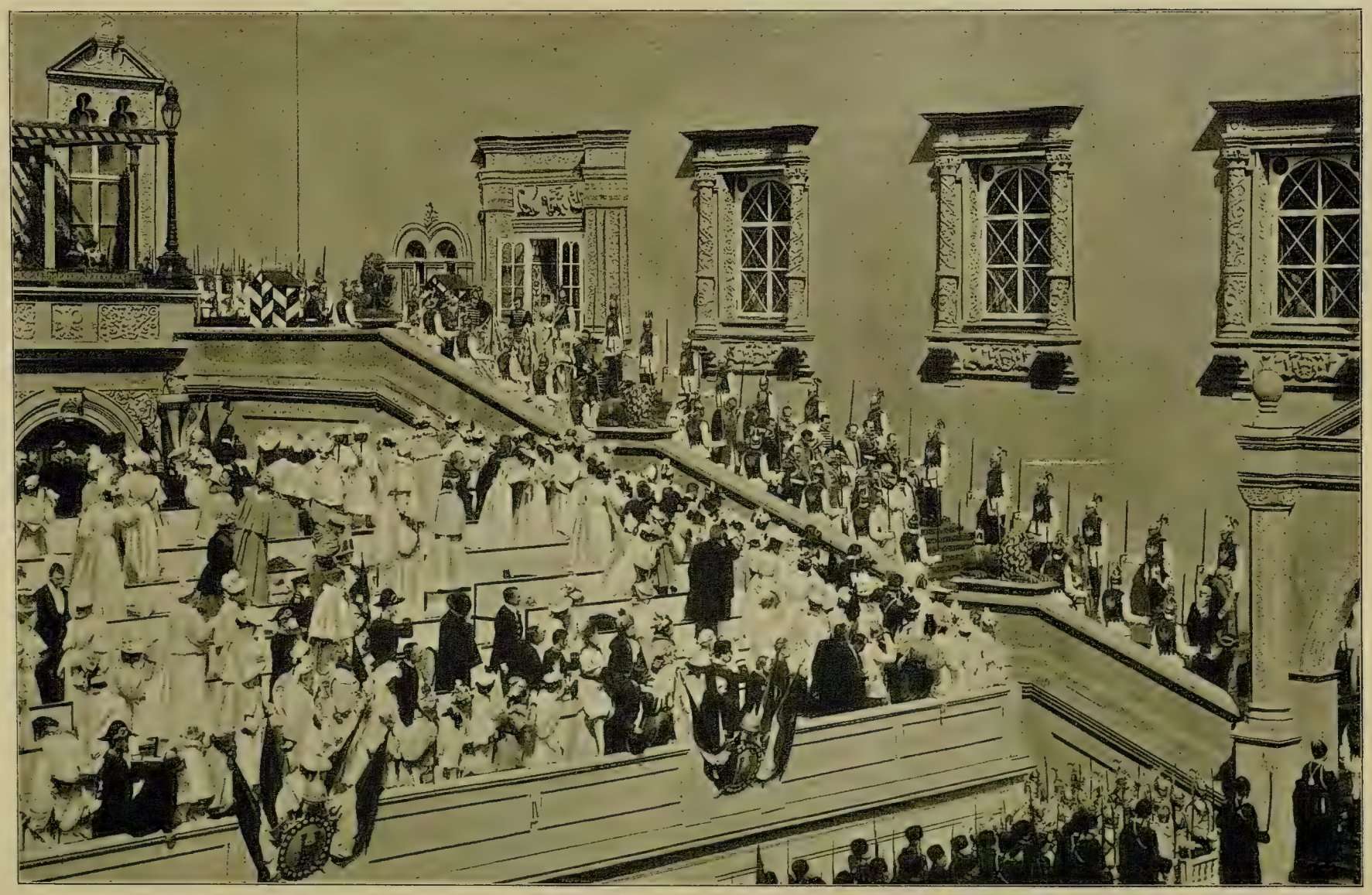
4) при распредѣленіи классныхъ занятій должно стремиться къ тому, чтобы воспитанникамъ приходилось ежедневно готовить уроки не болѣе, какъ по тремъ предметамъ, и 5) на будущее время существенно важно поставить общимъ правиломъ, чтобы по каждому предмету во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ былъ принятъ одинъ и тотъ же учебникъ, содержаніе котораго должно вполнѣ соотвѣтствовать утвержденной программѣ. Окончательно редактированная на вышеизложенныхъ основаніяхъ „Общая программа и инструкція для преподаванія учебныхъ предметовъ въ кадетскихъ корпусахъ“ были представлены на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Военный Министръ, подробно разсмотрѣвъ и одобривъ представленный трудъ, положилъ на докладѣ 7 мая 1889 года слѣдующую резолюцію: „Вновь выработанныя программы утверждаю; да послужатъ онѣ на вящшую пользу нашему юношеству. Признаю весьма цѣлесоотвѣтственнымъ указаніе на обязательность однихъ и тѣхъ же руководствъ для всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и на ограниченіе числа ихъ по классамъ, равно и требованіе о повтореніи курсовъ по тѣмъ учебникамъ, по которымъ предметы повторяемые были изучены. Тѣмъ не менѣе, недостаточно сжатія программъ; надо, чтобы преподаватели ограничивались строго необходимымъ учебнымъ матеріаломъ для обогащенія знаніями и свѣдѣніями своихъ учениковъ и чтобы преподаватели памятовали, что кромѣ предмета, преподаваемаго каждымъ изъ нихъ, всякій кадетъ обязанъ изучать и другіе предметы. Надо всецѣло тщиться не обременять дѣтей и юношей массою свѣдѣній, а давать имъ твердыя основы и главныя положенія. Да благословитъ Господь введеніе новыхъ программъ“.

Вновь утвержденныя въ 1889 году для кадетскихъ корпусовъ учебныя программы въ іюлѣ того же года предписано принять къ руководству, причемъ заведеніямъ даны необходимыя указанія для постепеннаго перехода, въ преподаваніи каждаго предмета, отъ прежнихъ къ новымъ программамъ, которыя будутъ примѣнены уже въ полномъ объемѣ, по всѣмъ предметамъ, съ начала 1892 — 93 учебнаго года.

Число еженедѣльныхъ уроковъ *во всѣхъ семи классахъ кадетскаго курса,* по каждому изъ входящихъ въ составъ его учебныхъ предметовъ, на основаніи какъ прежняго, такъ и нынѣ дѣйствующаго распредѣленія, представляется въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Предметы.	По распредѣленію:	
	существовавшему въ 1880 году.	дѣйствующему нынѣ.
Законъ Божій	18	14
Русскій языкъ и словесность . . .	33	30
Французскій языкъ	28	28
Нѣмецкій языкъ	26	26
Математика	42	39
Начальныя свѣдѣнія изъ естественной исторіи	10	8
Физика	8	9
Космографія	2	2
Географія	11	10
Исторія всеобщая и русская . . .	13	14
Законовѣдѣніе	—	2
Чистописаніе	7	5
Рисованіе	12	13
Итого.	210	200

Съ изданіемъ новыхъ программъ и инструкціи для преподаванія учебныхъ предметовъ въ кадетскихъ корпусахъ, предстояло сдѣлать соотвѣтственныя измѣненія и въ дѣйствующихъ правилахъ для производства экзаменовъ. Съ этою цѣлью въ концѣ 1889 года образована при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній комиссія, которой поручено пересмотрѣть изданную въ 1878 году „Инструкцію объ испытаніи воспитанниковъ“, съ послѣдовавшими измѣненіями, и проэктировать новыя правила для производства пріемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. При предстоявшей работѣ комиссіи было предложено озаботиться изысканіемъ всѣхъ мѣръ къ возможному устраненію замѣчаемаго нынѣ особеннаго утомленія и нервнаго напряженія у большинства воспитанниковъ въ періодъ годичныхъ испытаній, а также и къ тому, чтобы на производство экзаменовъ отдѣлялось какъ можно менѣе учебнаго времени, столь необходимаго для обстоятельнаго прохожденія положенныхъ курсовъ по каждому изъ предметовъ. По всестороннемъ обсужденіи вопроса о наивыгоднѣйшихъ способахъ производства экзаменовъ въ кадетскихъ корпусахъ, комиссія выработала проэктъ новой инструкціи, заклю-



Коронаціонныя торжества 1896 г.

„Т-ва ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ“

чающей въ себѣ подробныя правила для испытанія кадетъ при пріемѣ, при переводѣ изъ класса въ классъ и при окончаніи курса. До утвержденія же этой инструкціи на основаніи 37-й ст. Положенія о кадетскихъ корпусахъ, признано необходимымъ вызвать мнѣнія самихъ заведеній относительно практической удобопримѣнимости проэктированныхъ правилъ, и съ этою цѣлью вновь составленный проэктъ былъ разосланъ директорамъ кадетскихъ корпусовъ. Представленные уже отъ всѣхъ заведеній отзывы по этому предмету, въ связи съ проэктомъ комиссіи, подвергнуты въ 1891 году подробному обсужденію въ Педагогическомъ комитетѣ Главнаго Управленія. По окончательной же обработкѣ проэктированной инструкціи, новыя правила для производства испытаній въ кадетскихъ корпусахъ будутъ предписаны къ руководству въ непродолжительномъ времени.

Графъ П. А. Шуваловъ.
Бывшій чрезвычайный и полномочный посолъ при Его Величествѣ Императорѣ Германскомъ, а затѣмъ варшавскій генералъ-губернаторъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта. Вып. 1849 г.

Кромѣ классныхъ учебныхъ занятій, опредѣленныхъ вышеуказанною „Общею программой“, въ кадетскихъ корпусахъ положены по закону слѣдующія внѣ-классныя занятія: строевое обученіе, гимнастика, фехтованіе, плаваніе, музыка, пѣніе и танцованіе. Строевое обученіе кадетъ, какъ уже было сказано, производится, подъ ближайшимъ руководствомъ ротныхъ командировъ, отдѣленными офицерами-воспитателями, на основаніи утвержденной Военнымъ Министромъ инструкціи для военно-подготовительныхъ занятій.

Что касается гимнастики, то въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ она впервые введена, какъ одно изъ средствъ правильнаго физическаго воспитанія, уже болѣе полувѣка тому назадъ. Въ 1835 году военно-учебнымъ заведеніямъ предписано было „преподавать гимна-

стику не въ видѣ забавы, но въ видѣ науки въ полномъ развитіи, ибо упражненіе въ гимнастикѣ можетъ служить съ чрезвычайною пользой не только для пріобрѣтенія ловкости и гибкости въ членахъ, но и для развитія и укрѣпленія тѣлесныхъ силъ". Въ томъ же законѣ указывалось, что „гимнастическія упражненія должны быть располагаемы такъ, чтобы отъ легчайшихъ переходить къ труднѣйшимъ и симъ доводить воспитанниковъ до ловкости и проворства, а также пріучать ихъ къ опасностямъ и преодолѣнію оныхъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было „обучать воспитанниковъ музыкѣ и упражнять ихъ въ играхъ, служащихъ не только къ забавѣ, но и къ возбужденію вниманія и упражненію глазомѣра. Но съ тѣхъ поръ постояннымъ препятствіемъ для правильной постановки и надлежащаго развитія дѣла обученія воспитанниковъ гимнастикѣ служилъ недостатокъ спеціально-подготовленныхъ къ тому руководителей, такъ какъ неоднократныя попытки военно-учебнаго вѣдомства (въ 1840, 1847, 1854, 1865, 1869 и 1875 гг.) организовать приготовленіе учителей и мониторовъ гимнастики не достигли желательныхъ результатовъ.

Залъ третьей роты.

Въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія, согласно ихъ уставамъ, гимнастика преподается обязательно для пансіонеровъ, наемными учителями, на плату которымъ въ каждомъ заведеніи, вмѣстѣ съ учителемъ пѣнія, по штатамъ назначено 500 руб.; относительно же цѣли, способа и объема преподаванія гимнастики въ названныхъ заведеніяхъ, какъ равно средствъ подготовки для нихъ знающихъ учителей, никакихъ указаній до послѣдняго времени не существовало. Въ 1888 году, по Высочайшему повелѣнію, была учреждена комиссія для подробной разработки вопроса о введеніи въ гражданскія учебныя заведенія препо-

Музей корпуса въ старомъ помѣщеніи.

даванія военной гимнастики; въ составъ этой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Попечителя Петербургскаго учебнаго округа, входили члены отъ Министерствъ: народнаго просвѣщенія, военнаго и внутреннихъ дѣлъ. Руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что гимнастика должна не только способствовать общему физическому развитію учениковъ, но и облегчать предстоящее большинству ихъ воинское обученіе на службѣ въ войскахъ, въ запасѣ арміи или въ ополченіи, комиссія приняла за основаніе своей работы вновь проэктированную въ 1888 году инструкцію для преподаванія гимнастики въ кадетскихъ корпусахъ. Лѣтомъ 1889 г. въ Петербургѣ организованъ былъ, при содѣйствіи военнаго вѣдомства, временной курсъ для подготовленія руководителей гимнастики; въ слѣдующіе два года повторялось устройство такихъ подготовительныхъ курсовъ. Выработанныя же упомянутою комиссіей программы и инструкціи для преподаванія гимнастики въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ утверждены Министромъ народнаго просвѣщенія, а вслѣдъ за тѣмъ поручено было двумъ работавшимъ въ комиссіи членамъ отъ Военнаго Министерства составленіе, на основаніи утвержденной инструкціи, подробнаго руководства по гимнастикѣ, въ первой части котораго должны быть изложены строевыя упражненія, во второй—вольныя гимнастическія движенія и въ третьей—упражненія на снарядахъ; двѣ первыя части нынѣ уже отпечатаны и примѣняются на практикѣ, а послѣдняя часть готовится къ изданію и должна появиться въ началѣ будущаго года.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

Бывшій чрезвычайный посолъ и полномочный министръ при Оттоманской Портѣ, а затѣмъ послѣдовательно министръ Государственныхъ имуществъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта. Вып. 1849 г.

Въ кадетскихъ корпусахъ, по основной цѣли ихъ учрежденія, на тѣлесныя упражненія должно быть обращено усиленное вниманіе, а потому законъ требуетъ, чтобы всѣ вышеуказанныя внѣклассныя занятія кадетъ производились на основаніи подробной инструкціи,

утвержденной Военнымъ Министромъ. Для разработки проэкта таковой инструкціи, въ 1887 году была учреждена при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній спеціальная комиссія.

Ознакомившись съ тогдашними способами веденія въ кадетскихъ корпусахъ физическихъ упражненій и вообще внѣ-классныхъ занятій, комиссія признала, что для единообразной и правильной постановки въ названныхъ заведеніяхъ таковыхъ занятій совершенно необходимо изданіе для нихъ столь же опредѣлительныхъ программъ и руководящихъ указаній, какъ то сдѣлано по предметамъ класснаго преподаванія. Прежде всего комиссія выработала проэктъ частной инструкціи для производства гимнастическихъ упражненій, который, въ видѣ опыта, примѣнялся на практикѣ въ нѣкоторыхъ кадетскихъ корпусахъ съ начала учебнаго курса 1888—1889 года. При дальнѣйшихъ работахъ комиссіи принято было за основаніе всѣхъ расчетовъ то сообра-

Учительская.

женіе, что въ кадетскихъ корпусахъ, сверхъ времени, назначеннаго для обязательнаго приготовленія классныхъ уроковъ, на всѣ внѣ-классныя занятія можетъ быть еженедѣльно удѣляемо для каждаго воспитанника: въ двухъ младшихъ классахъ—отъ 10-ти до 13-ти, а въ остальныхъ классахъ—отъ 9-ти до 12-ти часовъ. Руководствуясь такимъ соображеніемъ, комиссія составила примѣрныя распредѣленія времени для всѣхъ занятій на каждый изъ шести учебныхъ дней недѣли; при этомъ внѣ-классныя занятія вообще подраздѣлены на двѣ главныя группы: 1) обязательныя занятія для всѣхъ кадетъ—строевое обученіе, гимнастика съ подвижными играми, плаваніе (въ

Коронаціонныя торжества 1896 г.

„Т-ва ХУДОЖ.СТВ. ПЕЧАТИ"

лѣтнее время), хоровое пѣніе, танцованіе и фехтованіе (для двухъ старшихъ классовъ) и 2) занятія по особому назначенію или по собственному выбору учащихся—пѣніе въ церковномъ хорѣ, музыка и ручной трудъ. Затѣмъ приступлено было къ разработкѣ общаго наставленія для вышеисчисленныхъ занятій, въ которомъ предстояло выяснить воспитательное и образовательное значеніе какъ всей совокупности ихъ, такъ и каждаго изъ указанныхъ отдѣловъ; на основаніи же этихъ общихъ положеній были составлены подробныя программы для всѣхъ внѣ-классныхъ занятій, съ распредѣленіемъ упражненій по каждой ихъ отрасли соотвѣтственно возрасту и силамъ воспитанниковъ.

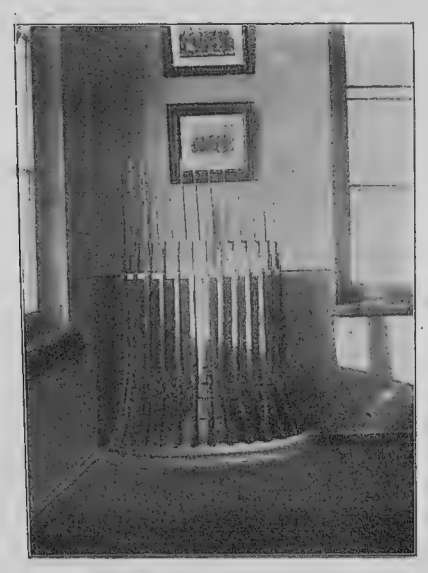
Гр. Н. А. Протасовъ-Бахметевъ.
Нынѣ главноуправляющій собственной Е. И. В. канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи.
Вып. 1852 г.

Выработанный комиссіей проэктъ заключалъ въ себѣ: I. Общую программу внѣ-классныхъ занятій; II. Таблицы числа еженедѣльныхъ уроковъ по каждой отрасли занятій какъ въ учебные мѣсяцы, такъ и въ лѣтнее время; III. Общія основанія постановки въ кадетскихъ корпусахъ всѣхъ внѣ-классныхъ занятій и IV. Руководящія указанія и подробныя программы по каждому ихъ отдѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду крайняго недостатка въ нашей учебной литературѣ соотвѣтствующихъ потребностямъ кадетскихъ корпусовъ методическихъ руководствъ по обученію гимнастикѣ съ подвижными играми, плаванію, пѣнію, танцованію, фехтованію и ручному труду, предположено издать таковыя руководства, для чего уже исполнены нѣкоторыя, вполнѣ обезпечивающія успѣхъ дѣла, подготовительныя работы. До настоящаго времени, по заказу Главнаго Управленія, составлены и отпечатаны: 1) Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій и 2) Подробное наставленіе для производства гимнастическихъ упражненій и за-

нятій подвижными играми. Въ 1889 году проэктъ комиссіи былъ разосланъ, для предварительнаго разсмотрѣнія, во всѣ кадетскіе корпуса, отзывы которыхъ приняты въ соображеніе при обсужденіи проэкта въ Педагогическомъ комитетѣ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній. Затѣмъ, въ видахъ окончательной провѣрки степени удобопримѣнимости на практикѣ всѣхъ проэктированныхъ правилъ, таковыя утверждены для временнаго руководства впредь до изданія требуемой закономъ инструкціи.

Залъ второй роты.

Наиболѣе существеннымъ условіемъ для успѣшнаго веденія внѣ-классныхъ занятій, согласно новымъ правиламъ, несомнѣнно представляется возможное обезпеченіе кадетскихъ корпусовъ надежнымъ составомъ непосредственныхъ руководителей этихъ занятій, изъ которыхъ строевое обученіе прямо возложено самимъ закономъ на офицеровъ-воспитателей, подъ руководствомъ ротныхъ командировъ. Изъ прочихъ же внѣ-классныхъ занятій особыя затрудненія въ этомъ отношеніи представляются для гимнастики съ подвижными играми, фехтованія и плаванія. Желательные успѣхи въ этихъ отрасляхъ физическаго воспитанія, представляющихъ особую важность въ школѣ военной, всего вѣрнѣе могутъ быть достигнуты при томъ условіи, если обученіе названнымъ предметамъ непосредственно ведется ближайшими наставниками воспитанниковъ. Для возможнаго выполненія такого условія, военно-учебнымъ вѣдомствомъ были организованы въ лѣтніе мѣсяцы 1890 и 1891 гг. временные курсы, съ цѣлью сообщенія лицамъ, избраннымъ изъ воспитательскаго



Во второй ротѣ.

состава всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, какъ теоретическихъ свѣдѣній, такъ и практическаго умѣнья, необходимыхъ для руководства занятіями кадетъ по различнымъ отраслямъ физическаго образованія; на этихъ курсахъ производилось преподаваніе теоріи физическихъ упражненій вообще, гимнастики съ подвижными играми, фехтованія, плаванія и ручного труда. Такимъ образомъ, военно-учебное вѣдомство уже и теперь имѣетъ, въ числѣ наставниковъ своихъ заведеній, болѣе 50-ти лицъ, спеціально подготовленныхъ къ дѣлу обученія воспитанниковъ по различнымъ отраслямъ физическихъ упражненій; для увеличенія же этого числа нынѣ рѣшено, въ виду успѣшности занятій на первыхъ двухъ подготовительныхъ курсахъ, возобновлять устройство таковыхъ же, по мѣрѣ надобности, и въ послѣдующіе годы.

Кн. Г. С. Голицынъ.
Главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ.
Вып. 1856 г.

Съ выходомъ наставленія для внѣ-классныхъ занятій завершено изданіе всѣхъ тѣхъ инструкцій, кои требуются закономъ въ дополненіе и развитіе основныхъ постановленій по организаціи воспитанія и обученія въ кадетскихъ корпусахъ".

Во второй ротѣ.

Всѣ только-что указанныя измѣненія коснулись и Пажескаго корпуса. Они были оформлены въ изданномъ въ 1889 году Положеніи о немъ, которое мы приводимъ цѣликомъ въ приложеніи № 13.

Не коснулись корпуса двѣ перемѣны, во-первыхъ, не пришлось его переименовывать, такъ какъ во все царствованіе Императора Александра II онъ продолжалъ носить прежнее наз-

ваніе а, во-вторыхъ, не пришлось вмѣсто статскихъ воспитателей назначить военныхъ, такъ какъ таковыхъ въ Пажескомъ корпусѣ за всѣ сто лѣтъ не было, даже тогда, когда офицеры-воспитатели носили названіе гувернеровъ.

Кромѣ того, нельзя не обратить вниманіе и на то обстоятельство, что всѣ перемѣны вводились опытною рукою директора Ѳедора Карловича Дитерихса, съ дѣятельностью котораго мы познакомились въ предыдущей главѣ. Опытность покойнаго генерала способствовала тому, что корпусъ перешелъ къ новой жизни какъ-то незамѣтно, само собой.

Нечего и говорить, что отношеніе корпуса къ придворному вѣдомству остались тѣ же. Пажи, какъ и раньше, продолжали нести свою придворную службу, которая, какъ и въ предшествующее царствованіе, отнюдь не мѣшала ихъ занятіямъ. Прежде всего имъ

Н. Н. Скалонъ и маленькіе пажи, отправлявшіе придворную службу.

пришлось отправлять свои обязанности при похоронахъ покойнаго Государя. Въ моментъ пораненія Императора, одинъ изъ нихъ, нынѣ ротный командиръ 1-й роты, подполковникъ Николай Ѳедоровичъ Мексмонтанъ проходилъ мимо и былъ контуженъ. Какъ всегда, они дежурили у гроба Августѣйшаго покойника и затѣмъ сопровождали траурную колесницу, везшую останки усопшаго Императора.

И. Е.
30 Окт
1853.

Собственноручный рисунокъ Императора Александра II.

Хранится въ музеѣ корпуса.

Хромолитогр. „Т-ва Худож. Печ."

Въ 1883 году пажи отправились въ Москву на коронаціонныя торжества и исполнили тамъ традиціонно установившуюся службу. Одной изъ наиболѣе рѣзкихъ перемѣнъ, и то относительно коснувшейся жизни корпуса, когда она потекла обыденнымъ порядкомъ, было уничтоженіе приготовительныхъ классовъ, какъ самостоятельнаго учрежденія.

Нельзя не отмѣтить и еще одно обстоятельство, имѣющее большое значеніе для корпуса.

23 Мая 1890 г. за № 99, послѣдовалъ приказъ по Пажескому корпусу такого содержанія: „Близость полковника Скалона къ интересамъ Пажескаго корпуса и постоянная заботливость его обо всемъ, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ корпусу, внушили ему счастливую мысль— положить основаніе историческому музею Пажескаго корпуса. Для этого собраны имъ печатанныя и рукописныя произведенія, рисунки какъ бывшихъ пажей, такъ и лицъ, служившихъ въ Пажескомъ корпусѣ, списки убитыхъ, георгіевскихъ кавалеровъ, записанныхъ на мраморную доску бывшихъ воспитанниковъ корпуса, а также и нѣсколько біографій бывшихъ пажей, печатные и рукописные матеріалы, относящіеся къ исторіи Пажескаго корпуса, планы зданія Пажескаго корпуса съ начала нынѣшняго столѣтія, альбомы видовъ, отдѣльные портреты, альбомы фотографическихъ карточекъ бывшихъ пажей и служившихъ въ корпусѣ лицъ учебно-воспитательнаго состава и другіе предметы, какъ памятники прошлаго. Признавая всю пользу задуманнаго дѣла, предлагаю полковнику Скалону принять на себя завѣдываніе возникающимъ историческимъ музеемъ и для сего: а) составить опись всему собранному; б) размѣстить все собранное въ особомъ шкафу, въ соотвѣтствующемъ порядкѣ и си-

Н. Н. Скалонъ.

стемѣ; в) завести особую шнуровую книгу для внесенія всего того, что имѣется уже въ наличности, и того, что будетъ поступать впослѣдствіи, причемъ записать подъ № 1 рисунокъ камеръ-пажа въ парадной формѣ, собственноручной работы Его Величества въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Рисунокъ этотъ подаренъ покойнымъ Государемъ, какъ знакъ милостиваго его вниманія къ Пажескому корпусу, имѣющему назначеніе воспитывать дѣтей и внуковъ лицъ, заслуженныхъ передъ Государемъ и отечествомъ".

При веденіи шнуровой книги, предписываю руководствоваться существующими законоположеніями относительно отчетности и храненія казеннаго имущества.

Выражаю надежду, что со стороны лицъ, служащихъ въ Пажескомъ корпусѣ, а также, при посредствѣ пажей, со стороны ихъ отцовъ и родственниковъ бывшихъ пажей будетъ оказываться посильная поддержка въ доставленіи предметовъ, могущихъ содѣйствовать росту музея, благодаря которому установится бо́льшая связь между прошлымъ, настоящимъ и будущимъ въ жизни Пажескаго корпуса".

Прекрасная мысль полковника Скалона, такъ сочувственно встрѣченная директоромъ корпуса, нашла не только отзвукъ въ сердцахъ бывшихъ пажей, но и вызвала въ нихъ потребность поблагодарить почтеннаго Николая Николаевича. Одинъ изъ бывшихъ питомцевъ написалъ по этому случаю стихотвореніе и посвятилъ его тому, кто такъ вѣрно понялъ значеніе прошлаго для настоящаго и неразрывную связь, существующую между тѣмъ и другимъ.

Дѣйствительно, не даромъ благодарили бывшіе питомцы своего ротнаго командира. Пишущему эти строки пришлось, правда, очень недолго, всего одинъ мѣсяцъ, вѣдать наслѣдіе полковника Скалона. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что имѣется въ наличности, онъ подробно познакомился съ работою нынѣ покойнаго устроителя музея. Надо было только удивляться, какъ могъ человѣкъ, и безъ того не мало занятый, въ короткій срокъ сдѣлать такъ много. Всякій, занимающійся собираніемъ коллекцій или матеріаловъ, знаетъ, какъ приходится слѣдить за тѣмъ, чтобы не упускать ни одного удобнаго кстати подвернувшагося случая, и какую для этого нужно питать любовь къ этому дѣлу. Н. Н. Скалонъ былъ всецѣло проникнутъ желаніемъ собирать все, что только онъ могъ собрать. Хорошо заложенный фундаментъ обезпечиваетъ возведеніе всей постройки. Послѣ

Посвящается Н. Н. Скалону

Вы первый мысль благую дали
Музей прекрасный основать,
И этимъ самымъ Вы желали
Тѣснѣй насъ съ корпусомъ связать.
Своей Вы цѣли уже достигли:
Но насъ плѣнило стариной,
И только мы теперь постигли
Какъ милъ намъ корпусъ дорогой!
Вѣдь здѣсь учились Дѣды наши,
Про то Музей намъ говоритъ,
И видитъ всякъ, старанья Ваши
Полковникъ, каждый оцѣнитъ!
Музей — есть лучъ воспоминанья
О нашихъ предкахъ и отцахъ;
И вотъ Пажей за трудъ, признанье
Излить спѣшу въ своихъ стихахъ.
Я Вамъ ручаюсь что имя Ваше
Въ сердцахъ Пажей вѣчно будетъ жить
И вся семья родная наша
До гроба будетъ Васъ любить!!!!.....

Рис. [illegible]

Князь А. Черкасскій

18 5/II 91

смерти перваго устроителя музей перешелъ въ руки Георгія Сергѣевича Осипова, который, какъ нынѣ, такъ и тогда занимаетъ мѣсто помощника инспектора классовъ. Георгій Сергѣевичъ энергично продолжалъ работу своего предшественника. Онъ не только собиралъ матеріалъ, но на основаніи уже собраннаго попытался дать общую картину развитія Пажескаго корпуса, надѣясь, что она еще болѣе заинтересуетъ бывшихъ пажей и возбудитъ въ нихъ охоту еще горячѣе отнестись къ задачамъ музея. Небольшую свою брошюру, озаглавленную „Извлеченіе изъ сообщенія пажамъ, по поводу задачъ историческаго музея Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса“, Георгій Сергѣевичъ въ 1898 году выпустилъ въ свѣтъ. Она являлась прекраснымъ дополненіемъ къ уже существовавшимъ въ печати „Матеріаламъ для исторіи Пажескаго корпуса“ графа Г. Милорадовича.

Графъ Г. А. Милорадовичъ.
Авторъ книги „Матеріалы для исторіи пажескаго Е. И. В. корпуса“.
Вып. 1857 г.

Какъ показываетъ само заглавіе брошюры, это — извлеченіе изъ сообщенія, сдѣлать которое Георгій Сергѣевичъ считалъ нужнымъ для того, чтобы и среди юношей возбудить интересъ къ родному прошлому, а также возбудить въ нихъ желаніе способствовать освѣщенію еще неясныхъ сторонъ этого прошлаго. Онъ полагалъ, что разъ пажи поймутъ историческое значеніе старины, получатъ любовь къ ней, они будутъ просить и своихъ родныхъ оказать имъ помощь въ дѣлѣ собиранія остатковъ прошлаго и будутъ просить съ настойчивостью и горячностью, свойственными молодымъ существамъ, когда что-нибудь ихъ захватило за живое. Эта настойчивость сыновей, внуковъ, племянниковъ и другихъ родственниковъ, по вѣрному расчету полковника Осипова, могла въ значительной степени способствовать тому, что родные, имѣющіе не мало заботъ на своихъ плечахъ, побуждаемые настойчивостью увлеченныхъ юношей, въ состояніи будутъ удѣлить и частичку своего времени для того, чтобы

оказать посильную помощь осуществленію задачъ музея. Сообщеніе принесло свои плоды. Но сравнительно недолго пришлось Георгію Сергѣевичу вѣдать музей. Прямыя его обязанности, въ высшей степени кропотливыя и требующія постояннаго и напряженнаго вниманія, вынудили его съ сожалѣніемъ отказаться отъ ставшаго ему дорогимъ дѣла. Музѣй приняли отъ него мы, но на очень короткій срокъ. Черезъ мѣсяцъ по желанію директора корпуса графа Келлера, мы его передали прикомандированному къ нашему учебному заведенію, нынѣ ротмистру Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Его Величества полка Александру Ѳедоровичу Шидловскому, который и посвятилъ ему свои силы. За его завѣдываніе музей, умѣщавшійся въ одной комнатѣ—выросъ въ цѣлыхъ пять. Портреты пажей-дѣятелей, занимавшихъ небольшую часть стѣны, едва умѣщаются теперь на двухъ стѣнахъ. Библіотека трудовъ пажей и бывшихъ служащихъ едва помѣщается въ громадномъ шкафу. Всѣмъ бывшимъ пажамъ составленъ карточный каталогъ, куда заносятся біографическія о нихъ свѣдѣнія по мѣрѣ того, какъ они накопляются. На этомъ мы остановимъ наше перечисленіе трудовъ Александра Ѳедоровича и не потому, что этимъ только ограничилась его плодотворная дѣятельность, а просто потому, что пришлось бы помѣщать цѣлую опись всего того, что сдѣлано имъ за 4 года.

О. фонъ-Фрейманъ.
Авторъ книги „Пажи за 185 лѣтъ".
Вып. 1868 г.

Однако, справедливость требуетъ сказать, что если Александръ Ѳедоровичъ поработалъ, то назначенный въ 1896 году директоромъ Пажескаго корпуса генеральнаго штаба генералъ-маіоръ, георгіевскій кавалеръ, бывшій пажъ Ѳедоръ Эдуардовичъ графъ Келлеръ явился вдохновителемъ его дѣятельности. Графъ принялъ горячо къ сердцу идею создать ко дню юбилея безмолвнаго, но краснорѣчиваго свидѣтеля, который могъ бы лучше всякихъ словъ показать значеніе Пажескаго корпуса въ русской жизни. Графу хотѣлось, чтобы любой скептикъ, посмотрѣвъ на стѣны, на которыхъ висятъ портреты пажей-дѣятелей, писателей, профессоровъ, художниковъ, музыкантовъ,

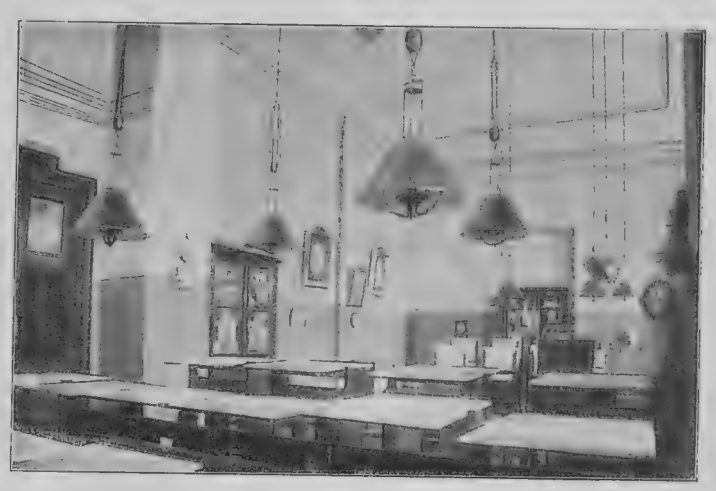
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

Съ рисунка пажа Ростовскаго.

(Хранится въ музеѣ корпуса).

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“.

общественныхъ дѣятелей, фельдмаршаловъ, предсѣдателей государственнаго совѣта, министровъ, пословъ, посланниковъ, генералъ-губернаторовъ, высшихъ придворныхъ чиновъ, начальниковъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій и профессоровъ,—принужденъ былъ бы сказать: „да, нынче счастье, завтра счастье, но надо же когда-нибудь умѣніе, знаніе и талантъ“. Хотѣлось графу, чтобы тотъ же скептикъ, подойдя къ громадному библіотечному шкафу, хранящему произведенія бывшихъ пажей и бывшихъ и настоящихъ служащихъ, просмотрѣвъ имена авторовъ и встрѣтивъ не мало знакомыхъ именъ, принужденъ былъ бы сказать: „а я не зналъ, что онъ былъ пажъ, авторъ этого извѣстнаго сочиненія, да кромѣ того я не зналъ, что бывшіе пажи такъ много писали и по столь разнообразнымъ отраслямъ знанія“. А разнообразіе предметовъ, относительно которыхъ бывшіе пажи въ той или другой формѣ высказывались, дѣйствительно велико. Тутъ и землевѣдѣніе, тутъ и астрономія, и администрація, и медицина, и народное образованіе, и критика, и беллетристика, и все это не на одномъ только русскомъ, но и на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

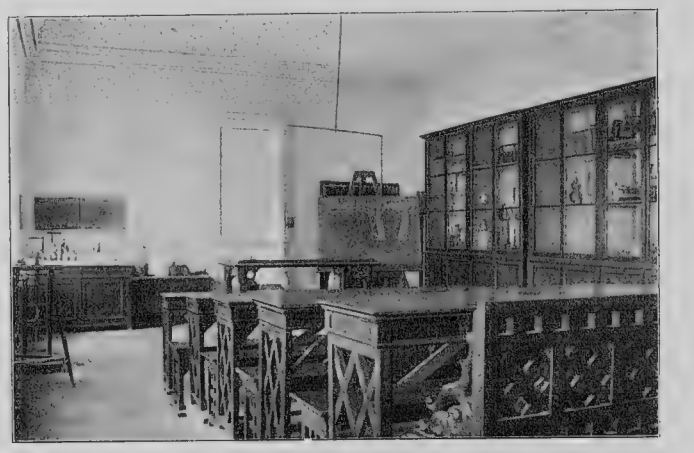


Рисовальный классъ.

Наконецъ, хотѣлось графу, чтобы, пройдя въ Георгіевскій залъ и познакомившись съ біографическими данными лицъ, портреты которыхъ тамъ висятъ и изъ которыхъ многіе имѣли по двѣ степени Георгія, тотъ же скептикъ принужденъ былъ бы признаться, что, конечно, многое можно отнести на долю случая, этого, по выраженію Конта, Dieu des ignorants, но все,—конечно, нѣтъ.

Думалъ графъ и о томъ, чтобы уже значительно поколебленный скептикъ, придя въ уютную-симпатичную церковь, имѣлъ бы возможность на черныхъ мраморныхъ доскахъ прочесть имена тѣхъ, которые, вѣрные долгу присяги и традиціямъ сложили свою голову на полѣ брани. Графу казалось, что познакомившись со всѣми только-что названными нѣмыми и непреложными доказательствами плодо-

творной и самоотверженной службы питомцевъ корпуса, скептикъ принужденъ будетъ сдаться и, по меньшей мѣрѣ, признать, что корпусъ какъ военно-учебное заведеніе не даромъ просуществовалъ сто лѣтъ и оправдалъ надежды, которыя возлагали на него наши Государи, всегда заботливо и милостиво относившіеся къ его воспитанникамъ и, во вниманіе къ заслугамъ ихъ дѣдовъ и родителей, воспитывавшихъ ихъ на своемъ иждивеніи.



Физическій кабинетъ.

И то, что хотѣлось графу сбылось: стѣны музея корпуса и библіотечный шкафъ — своего рода muraille parlante, но только не испещренная моральными сентенціями, какъ то было во времена Ангальта въ первомъ корпусѣ, а безпристрастная свидѣтельница Высочайшаго довѣрія къ бывшимъ пажамъ.

Графъ Ѳедоръ Эдуардовичъ Келлеръ былъ назначенъ директоромъ корпуса Высочайшимъ приказомъ 1894 года 4-го Ноября и 11 Ноября послѣдовалъ приказъ по корпусу за № 185 бывшаго его директора генерала Дитерихса:

Гимнастическій залъ.

„Высочайшимъ приказомъ 4-го сего Ноября я получилъ новое назначеніе съ отчисленіемъ отъ должности директора Пажескаго Е. И. В. корпуса.

Не могу скрыть, что я съ глубокимъ сердечнымъ сожалѣніемъ разстаюсь съ корпусомъ, съ которымъ въ теченіе почти 17-ти лѣтъ успѣлъ сродниться, въ которомъ за эти 17 лѣтъ сосредоточивалась вся моя дѣятельность. Достаточно сказать, что за время моего директорства болѣе 600

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III.

(Съ портрета, рисованнаго пажемъ Буяльскимъ въ 1883 г.)

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“.

молодыхъ людей окончили воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, чтобы понять насколько интересы заведенія должны были слиться съ личными моими интересами и насколько воспослѣдовавшій нынѣ разрывъ этихъ интересовъ неминуемо долженъ отозваться переломомъ въ моей жизни. Разставаясь нынѣ съ столь дорогимъ мнѣ Пажескимъ корпусомъ, я прежде всего со смиреннымъ благоговѣніемъ и глубочайшимъ благодареніемъ преклоняюсь передъ особымъ благословеніемъ свыше, явно сопровождавшимъ мою 17 лѣтнюю дѣятельность; вступая въ 1878 году въ должность, я въ корпусѣ засталъ и затѣмъ постепенно пріобрѣталъ въ высшей степени цѣнныхъ сотрудниковъ по всѣмъ частямъ управленія заведеніемъ; только ихъ дружному, прямодушному и вполнѣ добросовѣстному содѣйствію Пажескій корпусъ обязанъ лестными отзывами о немъ ближайшаго начальства и утвердившеюся зъ нимъ доброю славою въ общественномъ мнѣніи. Не имѣя по совѣсти возможности отдать въ этомъ отношеніи кому-либо преимущества, отъ глубины души благодарю всѣхъ своихъ помощниковъ и сотрудниковъ, какъ по части воспитательной, такъ по учебной, медицинской, строевой, административной и хозяйственной,—въ особенности, да будетъ мнѣ позволено это сказать, тѣхъ изъ нихъ, совѣтомъ и помощью которыхъ я пользовался всѣ 17 лѣтъ—за безупречное, нелицемѣрное служеніе ихъ дѣлу.

На гимнастикѣ.

Группа пажей на внутреннемъ дворѣ.

Обращаясь затѣмъ мысленно къ сотнямъ бывшихъ и настоящихъ своихъ воспитанниковъ, я не могу не упомянуть съ глубокою благодарностью о завидныхъ, основанныхъ на обоюдномъ довѣріи, от-

ношеніяхъ ко мнѣ молодежи. Такія откровенныя частныя отношенія, по существу своему заключавшія въ себѣ задатки къ нравственному совершенствованію, имѣли результатомъ ту нравственную дисциплину, тотъ духъ благовоспитанности и правдивости, которые характеризуютъ нынѣшнихъ нашихъ воспитанниковъ. Отъ глубины души благодарю ихъ и уповаю, что, продолжая путь нравственнаго совершенствованія, они цѣлью своего пребыванія въ корпусѣ поставятъ поддержаніе и упроченіе чести и добраго имени заведенія, имѣющаго счастье носить имя Августѣйшаго нашего монарха.

Съ удовольствіемъ благодарю, наконецъ, всѣхъ нижнихъ чиновъ, какъ штатныхъ, такъ и вольнонаемныхъ служителей, за добросовѣстную честную ихъ службу; особенно пріятно отмѣтить фактъ, что не малое число изъ нихъ состоятъ на службѣ въ корпусѣ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; душевное мое имъ спасибо.

Кн. Л. П. Урусовъ.
Нынѣ посолъ въ Парижѣ.
Вып. 1857 г.

Я покидаю Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ, но прожившіи 17 лѣтъ его жизнью, я порвать душевной связи съ нимъ не могу; его интересы остаются близкими моему сердцу, а Высочайше дарованное мнѣ отличіе—оставленіе въ спискахъ корпуса и право носить его мундиръ—связываетъ меня съ нимъ до конца моей жизни. Да благословитъ Господь и впредь столь дорогое мнѣ заведеніе".

31 Января послѣдовалъ приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ:

„Высочайшимъ приказомъ отъ 4-го Ноября 1894 года директоръ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, генералъ-лейтенантъ Дитерихсъ назначенъ состоять для порученій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній сверхъ штата, причемъ Государю Императору благоугодно было во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ продолжительной и полезной службѣ генералъ-лейтенанта

Фототипія „Т-ва Художеств. Печати".

Коронаціонныя торжества въ 1896 году.

Дитерихса въ должности директора Пажескаго корпуса, зачислить его въ списки названнаго заведенія.

Почти вся долголѣтняя свыше 40-лѣтняя служба Ѳедора Карловича Дитерихса была посвящена имъ всецѣло учебно-педагогическому дѣлу. Вступивъ въ 1868 году въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, для порученій, онъ вслѣдъ затѣмъ занималъ послѣдовательно должности помощника инспектора классовъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, инспектора классовъ Нижегородскаго графа Аракчева гимназіи (нынѣ кадетскій корпусъ), начальника бывшаго подготовительнаго пансіона при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ. Затѣмъ директора 3-ей С.-Петербургской военной гимназіи (нынѣ Александровскій кадетскій корпусъ), наконецъ, въ 1878 году ему было ввѣрено управленіе Пажескимъ Е. И. В. корпусомъ, гдѣ онъ и состоялъ директоромъ до 4-го Ноября 1894 года, т. е. 16 лѣтъ сряду.

Всѣ, кому пришлось получить воспитаніе подъ отечески заботливымъ руководствомъ Ѳедора Карловича Дитерихса, я увѣренъ сохранятъ къ нему навсегда чувство глубокой благодарности.

Выражая ему за продолжительную полезную его службу признательность, позволяю себѣ надѣяться, что вѣдомство военно-учебныхъ

Манежъ.

заведеній и впредь найдетъ въ немъ просвѣщеннаго и опытнаго дѣятеля, готоваго посвятить свои силы, опытность и знаніе разработкѣ вопросовъ, обсужденныхъ въ центральномъ управленіи съ цѣлью упроченія и постепеннаго развитія военно-учебныхъ заведеній".

11-го Февраля состоялись проводы Ѳедора Карловича. Во время этихъ проводовъ ему былъ поднесенъ адресъ и прочитаны стихи, написанные бывшимъ врачемъ корпуса Н. Зенкевичемъ и бывшимъ воспитателемъ, нынѣ инспекторомъ классовъ 1-го петербургскаго кадетскаго корпуса Владиміромъ Викторовичемъ Квадри.

„Глубокоуважаемый Ѳедоръ Карловичъ! Почти 17 лѣтъ Вы были нашимъ начальникомъ и руководителемъ въ великомъ дѣлѣ образованія и воспитанія юношества;—такъ начинается адресъ: неустанный, ровный трудъ Вашъ въ серьезной постановкѣ и веденіи учебнаго дѣла, неуклонная требовательность въ исполненіи пажами ихъ обязанностей, неусыпная заботливость о поддержаніи авторитета воспитателей и преподавателей при неизмѣнной сердечности отношенія къ питомцамъ и полномъ довѣріи къ ихъ порядочности и чувству чести, гуманность обращенія со всѣми безъ различія принесли обильные плоды: умственное развитіе, нравственная дисциплина, духъ благовоспитанности, высокоразвитое сознаніе чувства долга и чести представляютъ свойства воспитанниковъ Пажескаго корпуса, дающія ему право на высокое мѣсто въ ряду военно-учебныхъ заведеній. Болѣе 600 офицеровъ, Вами выпущенныхъ, служатъ живыми свидѣтелями благотворнаго вліянія Вашего на молодежь.

Верховая ѣзда въ спеціальныхъ классахъ.

Обаяніе Вашей личности сказалось и на насъ, имѣвшихъ честь служить подъ Вашимъ начальствомъ. Строгій и требовательный къ себѣ, недоступный воздѣйствію случайныхъ, хотя-бы и сильныхъ вліяній, руководимый только соображеніями справедливости и здравой педагогики, тонкій цѣнитель свойствъ людей, приходившихъ въ соприкосновеніе съ Вами,—Вы всегда проявляли уваженіе къ достоинствамъ человѣка, снисходительность къ его слабостямъ и сердечную доброту ко всѣмъ безъ различія. Никогда не поступаясь интересами службы, на службѣ начальникъ,—Вы были въ частной жизни главою

Коронаціонныя торжества 1896 г.

„Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ“

товарищескаго круга. Благодаря Вамъ и глубокочтимая семья Ваша служила центромъ объединенія и взаимнаго сближенія нашихъ семействъ.

Нужно было испытать исключительную силу широко развитой Вашей гуманности, какъ испытали мы ее, чтобы понять всю горечь нашу, вызванную новымъ Вашимъ назначеніемъ. Глубоко потрясенные этой печальной для насъ неожиданностью, мы находимъ утѣшеніе единственно въ мысли, что новое назначеніе Ваше безсильно прервать духовную связь Пажескаго корпуса съ Вами.

Занятія при орудіяхъ въ спеціальныхъ классахъ.

Нынѣ мы пользуемся незабвенной годовщиной Вашего назначенія Директоромъ Пажескаго корпуса, чтобы выразить Вамъ, дорогой Ѳедоръ Карловичъ, всю глубину нашего къ Вамъ уваженія и безграничной благодарности за истинно благородныя отношенія къ намъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ нашей нелегкой службы.

Чтобы навсегда сохранить въ Пажескомъ корпусѣ уважаемое имя Ваше, мы и бывшіе питомцы Ваши, выпущенные изъ корпуса офицеры — рѣшили учредить премію Вашего имени, присуждаемую педагогическимъ комитетомъ достойнѣйшему и бѣднѣйшему пажу, выходящему изъ корпуса на службу. Объ этомъ ходатайство уже возбуждено.

А пока, какъ внѣшнее выраженіе нашихъ чувствъ, просимъ Васъ принять жетонъ съ именами вѣчно Вамъ признательныхъ, искренно и глубоко любящихъ Васъ, бывшихъ сотрудниковъ Вашихъ".

Стихотвореніе, сочиненное въ честь Ѳ. К. Дитерихса

Н. У. Зенневичемъ.

Къ былымъ товарищамъ въ семью,
Ихъ зову радостно покорный,
Сбираясь, лиру я свою
Сперва настроилъ въ тонъ минорный,

При мысли злой, что этотъ пиръ,
Собравшій насъ, есть пиръ разлуки,
Да съ *кѣмъ* еще?.. Ужъ гдѣ тутъ звуки
Торжественно-веселыхъ лиръ?..
Но этотъ доводъ былъ мгновенный,
Его тотчасъ другой смѣнилъ:
Вѣдь Ѳедоръ Карлычъ драгоцѣнный
На почвѣ пажеской пустилъ
Благіе корни такъ глубоко,
Что какъ бы въ сторону далеко
И не ушелъ *вѣтвями* онъ,
Но этой силой *корневою*
На вѣки съ почвою родною
Останется соединенъ.
И эта мысль, какъ жезлъ волшебный,
Преобразуетъ все во мнѣ:
Тонъ элегичный на хвалебный
Смѣняю въ творческомъ огнѣ;
И, чувства растопивъ, какъ лаву
Друзья, вашъ старый лейбъ-поэтъ
Зоветъ васъ всѣхъ пропѣть съ нимъ „Славу“
Тому, кто столько славныхъ лѣтъ
Стоялъ на стражѣ вашей чести,
Оплотомъ твердымъ вашихъ силъ,
И чуждый страха, кривды, лести,
Свой свѣтлый духъ во все вносилъ,
Кто сѣялъ дѣломъ и словами
Добро на многіе года
И будетъ жить всегда межъ вами,
Хоть и уходитъ навсегда...
Ну, пойте-жъ „Славу“, господа!

11 февраля
95 г.

Н. Зенкевичъ.

Стихотвореніе, сочиненное въ честь Ѳ. К. Дитерихса

В. В. Квадри.

Стихи мои не хороши:
Отлично самъ я знаю это,
Но Вы простите отъ души
Порывъ случайнаго поэта.
Семнадцать лѣтъ назадъ тому,
Оставивъ дѣтище родное,
Покорный року своему,
Вы взяли на руки другое.
Капризно было то дитя
И избаловано не мало:

Фототипія „Т-ва Худож. Печ.“.

„Смерть Іоанна Грознаго“

(Поставлена ротнымъ командиромъ П. И. Шумиловымъ, играна пажами 19 января 1902 г.)

Д. Е. Шевичъ.
Нынѣ посолъ въ Мадридѣ.
Вып. 1858 г.

Надъ нимъ работать не шутя
Пришлось Вамъ съ самаго начала.
Но кто всѣмъ сердцемъ и умомъ
Ко благу общему стремится,
Увѣренъ тотъ въ себѣ самомъ
И никогда не утомится.
Святому дѣлу своему
Себя вы отдали всецѣло
И, всей душой служа ему,
Прямой дорогой шли Вы смѣло.
Хоть терній разныхъ и шиповъ
Порой немало вы встрѣчали,
Но Вы легко, безъ лишнихъ словъ
Ихъ силой правды побѣждали.
Заслуги Ваши перечесть
Я не берусь и не сумѣю:
Мнѣ не по силамъ эта честь,
О чемъ я искренно жалѣю.
Скажу одно: въ нашъ бѣдный вѣкъ,
Эгоистичный и реальный—
Еще дороже человѣкъ
Съ душою теплой, идеальной.
И этой истинѣ простой
Примѣръ есть вѣрный и отличный—
Вашъ образъ милый, дорогой
И всѣмъ глубоко симпатичный.
Кончаю такъ я рѣчь мою:
Пусть Васъ минуютъ всѣ невзгоды,
Пусть Васъ и милую семью
Хранитъ Господь на долги годы!

11 февраля 1895 г.

В. Квадри.

Не прошло и пяти лѣтъ послѣ сердечныхъ проводъ генерала Дитерихса, какъ его бывшимъ сослуживцамъ и пажамъ пришлось провожать его къ мѣсту вѣчнаго покоя.

31-го Января 1899 года, Ѳедоръ Карловичъ скончался. Ежедневно отъ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера у изголовья его гроба дежурными стояли близкіе его сердцу пажи. А 3-го Февраля, въ день погребенія, останки сопровождала первая рота съ ружьями.

Итакъ, Ѳедоръ Карловичъ покинулъ корпусъ черезъ нѣсколько дней послѣ кончины „Царя-Миротворца“. Быть руководителемъ пажей на коронаціонныхъ торжествахъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора довелось графу Ѳедору Эдуардовичу Келлеру.

Ѳедоръ Эдуардовичъ пять лѣтъ стоялъ во главѣ родного заведенія. Въ 1900 году графъ покинулъ корпусъ. На его мѣсто былъ назначенъ начальникъ штаба 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба полковникъ Николай Алексѣевичъ Епанчинъ, ранѣе того нѣсколько лѣтъ подрядъ преподававшій тактику въ спеціальныхъ классахъ корпуса. Какъ при Ѳедорѣ Карловичѣ Дитерихсѣ, такъ при графѣ Келлерѣ, такъ и въ первые два года управленія корпусомъ генерала Епанчина придворная служба пажей шла всѣмъ извѣстнымъ установленнымъ порядкомъ. Въ эти годы адъютантъ корпуса А. Д. Дегай вновь составилъ руководство для службы пажей при Высочайшемъ дворѣ, которое мы помѣщаемъ въ приложеніи № 9.

Учебное дѣло, подъ руководствомъ инспектора классовъ, генералъ-маіора А. А. Даниловскаго, продолжало итти по пути, намѣченному Положеніемъ о корпусѣ 1889 г. Въ августѣ мѣсяцѣ 1902 года на мѣсто генерала Даниловскаго назначенъ полковникъ Александръ Карловичъ Линденбергъ. За послѣднее время существеннымъ измѣненіемъ въ постановкѣ учебнаго дѣла явилась отмѣна для общихъ классовъ переходныхъ экзаменовъ.

На коронаціи въ Москвѣ.

Фронтовыми занятіями руководили за описываемый періодъ, какъ и прежде, офицеры-воспитатели соотвѣтствующихъ отдѣленій, подъ наблюденіемъ ротныхъ командировъ.

Составъ корпуса 1894—1895 г.

„Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ"

Гимнастикой руководили, по преимуществу офицеры-воспитатели, окончившіе лѣтніе гимнастическіе курсы; ручнымъ трудомъ и фехтованіемъ—также офицеры, прошедшіе названные курсы.

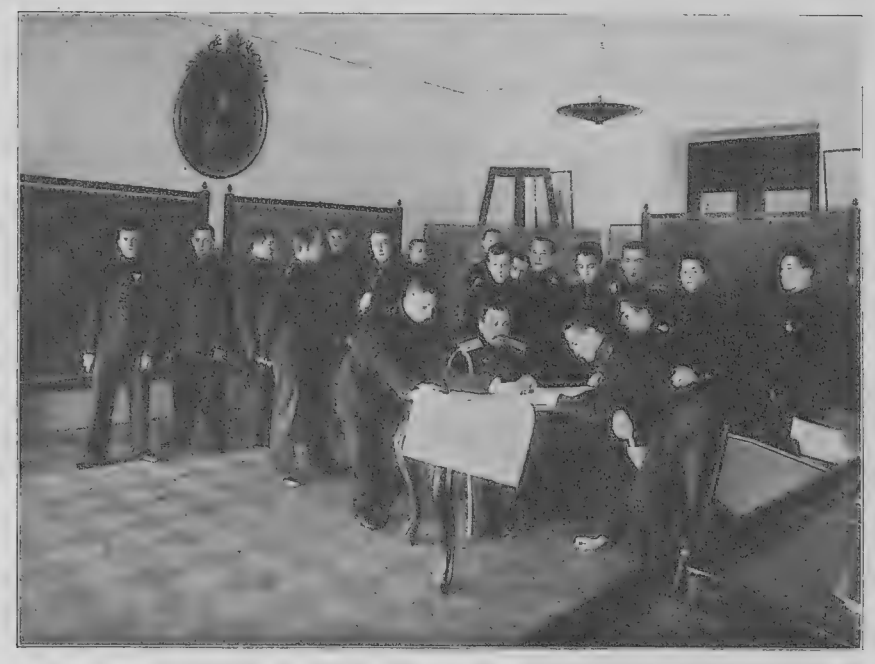
За внѣклассными занятіями: пѣніемъ, музыкой, скульптурными работами и рисованіемъ пажей-любителей наблюдалъ ушедшій осенью этого года въ отставку ротный командиръ второй роты Н. И. Шами-

На коронаціи въ Москвѣ.

ловъ. Пажескій оркестръ—дѣло его рукъ. Кромѣ того, Н. И., неоднократно, тоже, ставилъ пажескіе спектакли; одинъ изъ нихъ, состоявшійся 19-го Января 1902 года, удостоили своимъ посѣщеніемъ Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, Государь Наслѣдникъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Великая Княгиня Марія Павловна, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Великая Княгиня Ольга Александровна, Великая Княжна Елена Владиміровна и Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій. Въ память этого посѣщенія въ залѣ спеціальныхъ классовъ помѣщена мраморная доска съ именами Августѣйшихъ особъ, удостоившихъ своимъ присутствіемъ пажескій спектакль.

Такія же доски находятся и въ бѣломъ залѣ корпуса въ память первыхъ посѣщеній корпуса Государями: Николаемъ I, Александромъ II, Александромъ III и нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ, а также и Государынь Императрицъ: Александры Ѳеодоровны, Маріи Александровны и нынѣ здравствующихъ Императрицъ: Маріи Ѳеодоровны и Александры Ѳеодоровны.

Мраморныя доски находятся и въ музеѣ корпуса, въ память посѣщенія его нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, а также и Государынею Императрицею Александрою Ѳеодоровною.



Занятія по тактикѣ.

Въ музеѣ же имѣются и портреты, рисованные пажами, Императора Александра II, Александра III и Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Замѣтною перемѣною на жизни корпуса отозвалось уничтоженіе лагерей подъ Петергофомъ для общихъ классовъ; спеціальные классы продолжали ходить, какъ и прежде, въ лагерь подъ Красное. Только въ концѣ лѣта камеръ-пажей и пажей выпускного класса прикомандировывали, опять-таки, какъ и раньше, къ тѣмъ гвардейскимъ полкамъ, куда они пожелали выйти. Со временъ Императора Александра II Пажескій корпусъ получилъ спеціальное назначеніе комплектовать гвардію.

Составъ корпуса 1900—1901 г.

„Т-во художеств. печати"

Еще не отозвались, но отзовутся на жизни корпуса двѣ новыя мѣры: расширеніе правъ зачисленія въ пажи-кандидаты и учрежденіе при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній педагогическихъ курсовъ для подготовленія офицеровъ къ воспитательской дѣятельности въ кадетскихъ корпусахъ.

Въ царствованіе Императора Николая I установлено было, что сыновья и внуки особъ первыхъ трехъ классовъ имѣютъ право на зачисленіе своихъ дѣтей въ пажи-кандидаты.

На основаніи приказа по военному вѣдомству, отъ 20-го Августа 1901 года, за № 289, могутъ быть зачислены въ пажи-кандидаты Высочайшаго Двора слѣдующіе малолѣтніе:

а) Сыновья и внуки лицъ, состоящихъ или состоявшихъ на государственной службѣ въ чинахъ первыхъ трехъ классовъ, а равно и произведенныхъ въ чины третьяго класса съ увольненіемъ въ отставку.

Гр. А. П. Игнатьевъ.
Бывшій Иркутскій генералъ-губернаторъ, а затѣмъ Кіевскій, Волынскій и Подольскій. Нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта. Вып. 1859 г.

б) Сыновья и внуки лицъ, занимавшихъ или занимающихъ должности посланниковъ, губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства, если лица эти при занятіи означенныхъ должностей состояли или состоятъ въ чинахъ не ниже генералъ-маіора или дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

в) Сыновья и внуки генералъ-маіоровъ, убитыхъ въ бояхъ или умершихъ отъ ранъ, полученныхъ во время военныхъ дѣйствій, а также сыновья генералъ-маіоровъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ или походахъ противъ непріятеля, прослужившихъ въ томъ чинѣ не менѣе пяти лѣтъ.

и г) Правнуки лицъ первыхъ двухъ классовъ, носящіе фамиліи своихъ прадѣдовъ.

Весною 1899 года по приказанію военнаго министра генералъ-адъютанта Куропаткина былъ составленъ проэктъ организаціи курсовъ для подготовленія офицеровъ-воспитателей къ воспитательской дѣятельности въ кадетскихъ корпусахъ.

15-го Іюня былъ объявленъ слѣдующій приказъ по военному вѣдомству: „Высочайше утвержденнымъ 1-го минувшаго Мая мнѣніемъ Военнаго Совѣта постановлено:

1. Учредить при Главномъ Управленіи Военныхъ Учебныхъ Заведеній на основаніи прилагаемаго при семъ положенія педагогическіе курсы для подготовки офицеровъ къ воспитательской дѣятельности въ кадетскихъ корпусахъ. Занятія на курсахъ должны были начинаться 1-го сентября, а кончаться къ 1-му іюня".

Предметами изученія были назначены: а) основы анатоміи и физіологіи человѣка, причемъ предложено обращать вниманіе на особенности физіологіи дѣтскаго и юношескаго возрастовъ, б) гигіена въ связи съ гигіеной тѣлесныхъ упражненій и исторіей физическаго воспитанія, в) начало логики, психологіи и психо-физіологіи въ примѣненіи къ дѣлу воспитанія, г) историческій очеркъ развитія педагогическихъ идей и современное ученіе о воспитаніи.

Кромѣ поименованныхъ теоретическихъ занятій, слушатели должны были изучать дѣйствующія инструкціи по воспитательной и учебной частямъ для кадетскихъ корпусовъ. Это изученіе предоставлялось самостоятельной работѣ слушателей. Въ дополненіе къ этимъ инструкціямъ имъ рекомендовалось чтеніе такихъ педагогическихъ сочиненій и статей, изъ которыхъ могутъ быть заимствованы примѣры, иллюстрирующіе положенія инструкцій.

Ближайшее руководство этого рода занятіями поручалось отдѣльному лицу. Въ дополненіе знаній, получаемыхъ слушателями на лекціяхъ имъ, предполагалось рекомендовать для самостоятельнаго чтенія болѣе цѣнныя сочиненія, которыя они затѣмъ должны бы были реферировать при собраніи всѣхъ слушателей и въ присутствіи членовъ конференціи.

Намъ нечего распространяться о значеніи курсовъ: вся прошедшая передъ нами болѣе чѣмъ столѣтняя жизнь Пажескаго корпуса представляетъ не что иное, какъ краснорѣчивве ходатайство объ ихъ учрежденіяхъ. Мы лишь можемъ пожелать, чтобы оправдался слухъ, о томъ, что къ уже имѣющимся курсамъ для воспитателей присоединятся въ скоромъ времени курсы для преподавателей.

Фототип. „Т-ва Худож. Печати".

Группа нынѣ служащихъ и прежде служившихъ въ Пажескомъ корпусѣ.
1902 г.

Педагогическіе курсы для воспитателей и педагогическіе курсы для преповавателей—это лучшій залогъ процвѣтанія корпуса въ послѣдующей его жизни.

Мы кончили. Постараемся теперь резюмировать все сказанное въ этой книгѣ.

К. К. Максимовичъ.
Нынѣ наказной атаманъ войска донскаго.
Вып. 1867 г.

Когда болѣе или менѣе организовавшаяся и окрѣпшая христіанская церковь, вступила на путь обращенія средневѣковыхъ варваровъ, ринувшихся на разлагавшуюся Римскую Имперію, она встрѣтилась съ непреоборимымъ препятствіемъ: звѣрь свилъ въ варварѣ такое прочное гнѣздо, что, казалось, въ немъ не могло найтись мѣста для духа. Было съ чего прійти въ отчаяніе, но церковь нашла выходъ изъ своего труднаго положенія. Понявъ, что этого звѣря обратить въ христіанина можно не только не сразу, а очень и очень не скоро, она

Лагерь общихъ классовъ въ Петергофѣ.

рѣшилась дѣйствовать постепенно, другими словами, церковь пошла на уступки. Цѣль моя, сказала она себѣ, способствовать тому, чтобы въ каждой отдѣльной личности человѣкъ-звѣрь покорился-бы человѣку-духу, но этого достичь я могу лишь въ томъ случаѣ, если дамъ этой личности посильную задачу, исполненіе которой незамѣтно

улучшитъ ея первобытную природу. Звѣриное начало въ средневѣковомъ варварѣ, главнымъ образомъ, выражается въ его потребности драться. Совсѣмъ уничтожить такую потребность невозможно, но умѣрить ее вполнѣ мыслимо, стоитъ лишь ограничить кругъ ея примѣненія, а для этого надо ясно поставить цѣль.—Церковь цѣль поставила: войну съ невѣрными. „Только съ невѣрными можешь ты драться“—объявила она средневѣковому варвару: „и тогда ты будешь воиномъ Христа“. Вотъ эти-то воины Христа, поставившіе себѣ задачею борьбу съ невѣрными, и были не кто иные, какъ рыцари.

Лагерь спеціальныхъ классовъ въ Красномъ Селѣ.

Но чтобы бороться удачно, надо было выучиться бороться, а чтобы выучиться—надо было учиться и, по возможности, съ раннихъ лѣтъ.

На Дудергофскомъ озерѣ.

Отсюда ясно, что къ рыцарямъ, сдѣлавшимся извѣстными своими пріемами въ борьбѣ съ нехристями, стали стекаться ученики. Но такъ какъ, съ одной стороны, тогдашніе пути сообщенія далеко не способствовали быстротѣ передвиженія, а съ другой — выучиться скоро

Фототипія „Т ва Худож. Печ.".

Учебно-воспитательный персоналъ корпуса въ 1902 году.

трудному дѣлу искусно владѣть оружіемъ нельзя было, то и возникла мысль поселять у прославившихся своими подвигами рыцарей учениковъ на жительство на нѣсколько лѣтъ, пока они не сдѣлаются сами достойными получить званіе рыцаря. Но за всякое ученіе платятъ. Платили и ученики, только не деньгами, а своими услугами. Вотъ эти ученики рыцарей, проживавшіе въ ихъ семействахъ, и стали извѣстны подъ названіемъ пажей.

Когда пажи подростали и дѣлались способными принять участіе въ сраженіяхъ, то на нихъ, для практики, возлагали обязанность принимать участіе въ томъ, что называется эксплоатаціею побѣды, т. е. въ преслѣдованіи, и здѣсь-то они набивали себѣ руку.

Рыцарство, по мѣрѣ того, какъ феодализмъ уступалъ мѣсто абсолютизму, все болѣе и болѣе превращалось въ придворную знать и, въ концѣ концовъ, дѣло дошло до того, что рыцарь окончательно растворился въ вельможѣ. Въ то-же время, пажъ-рыцарь въ зародышѣ превратился въ пажа—будущаго придворнаго. Завершилась эта метаморфоза въ царствованіи Людовика XIV, который для мелкихъ владѣтельныхъ князей раздробленной Германіи служилъ недосягаемымъ идеаломъ, въ особенности, относительно всего, что касалось придворной жизни.

Современникъ Людовика XIV—Петръ Великій, рѣшивъ посѣтить чужіе края, снарядилъ посольство, которому постарался придать европейскій обликъ. Однимъ изъ средствъ достичь этого—было включить въ персоналъ посольства нѣсколькихъ пажей.

Такимъ образомъ, въ 1697 г. впервые на Руси появилось званіе пажа. Въ дѣйствительности, съ настоящею службою и жизнью пажей Петръ познакомился въ томъ-же году у курфюрста бранденбургскаго. Прошло 13 лѣтъ. Петръ послѣ Прусскаго похода объявилъ императрицею Екатерину I и окружилъ ее европейскимъ дворомъ, причемъ въ 1721 году этотъ дворъ, по свидѣтельству современниковъ, не уступалъ въ блескѣ своимъ западнымъ собратіямъ. Слѣдовательно, въ 1711 году званіе пажа дѣлается придворнымъ званіемъ въ Россіи.

Но какъ ни заимствовалъ Петръ почти цѣликомъ иностранныя формы, онѣ не могли убить русской сущности. Стольники царицы—пажи дореформеннаго двора, очень туго пріобрѣтали обликъ пажей двора Людовика XIV, да и время было такое, что внѣшній блескъ только прикрывалъ внутреннюю подудикость.

Петровскіе пажи, повидимому, мало учились, но они были у

источника свѣта, откуда онъ разливался по всей Россіи, они видѣли кипучую дѣятельность Царя-работника и постепенно втягивались въ нее и закаливались въ жизненной борьбѣ. Такимъ образомъ, въ ту

Взрывъ на озерѣ подъ руководствомъ преподавателя В. В. Квадри.

тяжелую эпоху, когда съ такимъ трудомъ совершался процессъ преобразованія Россіи появились отдѣльные пажи, изъ которыхъ нѣкоторыхъ Петръ провелъ черезъ свою суровую жизненную школу. Затѣмъ при Екатеринѣ I и при Петрѣ II, въ хаосѣ интригъ всякаго рода и въ борьбѣ партій, они какъ будто заброшены, чувствуютъ себя сиротливо, но болѣе смѣлые сами принимаютъ участіе въ нихъ. При Аннѣ Іоанновнѣ, въ періодъ полновластія ненавистника русскихъ и всего русскаго, они совсѣмъ затираются, существованіе ихъ виситъ на волоскѣ, ихъ терпятъ только, какъ украшеніе, и совсѣмъ не заботятся о нихъ: у нихъ даже нѣтъ начальника. Но, какъ тяжелый кошмаръ продолжается не вѣчно, и только по пробужденіи остается послѣ него чувство неловкости и какой-то приниженности, такъ и тяжелыя времена бироновщины прошли, оставивъ послѣ себя непріятное впечатлѣніе о чемъ-то трудномъ. Престолъ заняла дочь Петра, Россія вздохнула; хотя и не сразу, но дѣла пошли совсѣмъ

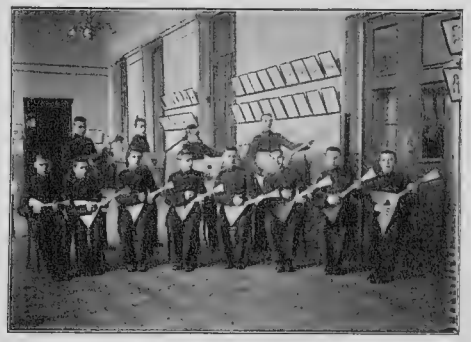
Завѣдующій лазаретомъ и медицинскій персоналъ корпуса.

„Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ“

иначе. Русскіе люди подняли голову, но не вездѣ. Пажамъ судьба не улыбалась. Имъ назначили въ гофмейстеры человѣка сомнительнаго происхожденія, повидимому, еврейскаго, — заштатнаго преподавателя (информатора) Императора Петра II, который на первыхъ же порахъ обратилъ большее вниманіе на казенное сукно, чѣмъ на своихъ воспитанниковъ. Этого господина до того заинтересовали выгодныя операціи съ казеннымъ имуществомъ, что онъ имъ отдался всею душею, но, надо полагать, недостаточно осмотрительно, потому что онъ попался и его изгнали.

Лишившись этого доблестнаго руководителя, пажи получили другого и на этотъ разъ вполнѣ порядочнаго человѣка. Съ этихъ поръ о нихъ начинаютъ думать. Императрица желаетъ, чтобы они были образованы, а главное, чтобы они отличались тѣмъ лоскомъ, которымъ такъ щеголяютъ французскіе пажи, ей хочется, чтобы и у насъ при Дворѣ было такъ, какъ въ Версали. Гофмаршалъ Сиверсъ подъискиваетъ человѣка, знакомаго съ тамошними порядками, и въ 1759 году 20-го октября на основаніи меморіала, поданнаго барономъ Шуди, издаетъ инструкцію, предназначенную упорядочить дѣло воспитанія и отчасти образованія молодыхъ людей, призванныхъ слу-

Музыканты.

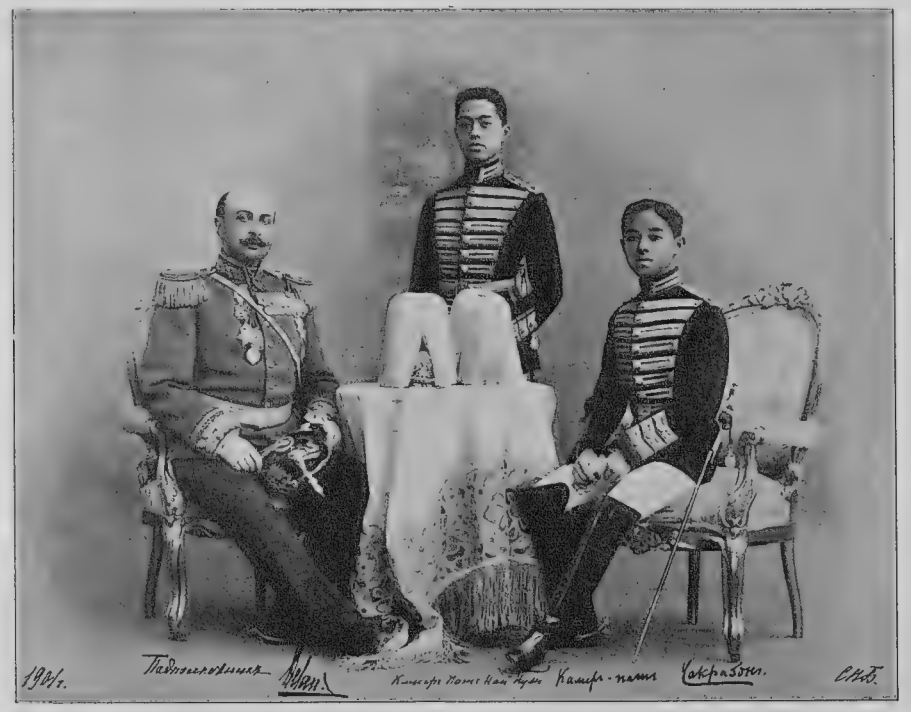


Балалаечники.

жить при Дворѣ въ качествѣ пажей. Для большаго удобства онъ собираетъ всѣхъ ихъ и поселяетъ въ домъ адмирала Крюйса. Это была первая попытка обратить придворную школу въ придворный пансіонъ.

Два года спустя послѣ этой попытки умерла Императрица Елисавета. Процарствовавъ очень недолго, Императоръ Петръ III уступилъ тронъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Черезъ три года послѣ своего вступленія на престолъ, Государыня, увлеченная желаніемъ создать „новую породу людей“, поручаетъ извѣстному академику Мил-

леру, отцу русской исторіи и заявившему себя своею дѣятельностью въ морскомъ корпусѣ педагогу, составить планъ для обученія пажей. Ей видимо хочется сдѣлать изъ нихъ не только людей, по внѣшнему виду напоминающихъ европейцевъ, чего желала Императрица Елисавета, но европейцевъ по взглядамъ, по убѣжденіямъ. Миллеръ пишетъ этотъ планъ, но проходитъ 20 лѣтъ, — Великая Императрица



Принцъ Чакрабонъ Сіамскій, окончившій первымъ курсъ въ 1902 г., его товарищъ Най-пумъ и состоящій при принцѣ Полковникъ А. Д. Дегай.

успѣваетъ разочароваться въ своей любимой мечтѣ создать „новую породу людей“; тогда она ставитъ себѣ болѣе скромную задачу: образовать ту, которая уже существуетъ, по методамъ новой, австрійской системы. Показать и привить Россіи этотъ методъ былъ призванъ нѣкій Янковичъ-де-Миріево. Ему же подъ руководствомъ Завадовскаго, впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія, было поручено ввести и самую систему. Въ числѣ другихъ учебныхъ заведеній былъ въ 1785 г. преобразованъ и Пажескій корпусъ, и этимъ своимъ преобразованіемъ какъ бы признанъ въ учебномъ отношеніи стоящимъ на ряду со всѣми учебными заведеніями Имперіи. Отъ нихъ онъ отличался тѣмъ, что состоялъ въ вѣдомствѣ Императорскаго Двора.

Въ такомъ видоизмѣненномъ видѣ корпусъ просуществовалъ 12 лѣтъ, пока Императоръ Павелъ не назначилъ директора и не произвелъ кой-какія незначительныя реформы, показывавшія намѣреніе

Фототип. „Т-ва Худож. Печати“.

Первая рота Пажескаго Е. И. В. корпуса въ 1902 году.

Государя обратить его въ настоящее военно-учебное заведеніе. Но намѣренія эти такъ и остались намѣреніями. Другія дѣла отвлекли вниманіе Императора и корпусъ дожилъ остальные три года его царствованія, какъ будто ожидая той поры, когда его организуютъ какъ слѣдуетъ и дадутъ возможность зажить новою спокойною жизнью съ яснымъ сознаніемъ тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя надлежитъ достигать.

И онъ ея дождался: 13-го октября 1802 года, въ 10 часовъ утра, въ присутствіи всѣхъ чиновъ корпуса было прочитано Положеніе, вводившее Пажескій корпусъ въ семью военно-учебныхъ заведеній и превращавшее его въ правильно дѣйствующій механизмъ.

Отнынѣ можно было надѣяться, что механизмъ не остановится въ своей дѣятельности и что только изрѣдка придется подправлять его, но не исправлять, какъ это дѣлалось до сихъ поръ. Новое положеніе не порывало связи пажей со Дворомъ, не удаляло ихъ отъ русскихъ Государей, но признавало, что для того, чтобы быть на высотѣ требованій, уже въ то время предъявляемыхъ военнымъ искусствомъ, необходимо систематическое общее и военное образованіе, которое въ томъ только случаѣ будетъ итти успѣшно, если главною обязанностью пажей будетъ ученіе, а второстепенною—придворная служба: какъ разъ обратное тому, что было до его введенія. Въ XVIII столѣтіи пажи, главнымъ образомъ, отправляли придворную службу и, между прочимъ, учились. Это былъ отголосокъ традиціи Петра I, считавшаго, что ученіе должно имѣть практическій характеръ, должно имѣть характеръ выучки, и ученикъ, какъ только онъ становится способнымъ работать, долженъ безъ дальнѣйшихъ околичностей приниматься за дѣло и поступать на службу военную, гражданскую или придворную. Жизнь измѣнила этотъ взглядъ, придворная служба слилась

Кн. М. И. Хилковъ.
Министръ путей сообщенія.
Вып. 1852 г.

впослѣдствіи и съ гражданскою и съ военною, военная съ гражданскою; ученіе перестало быть подготовкою къ дѣлу и постепенно превращалось въ украшеніе, въ культуру ума, въ принадлежность порядочнаго человѣка, претендующаго быть европейцемъ. Весьма понятно, что пажи не избѣгли общей участи и что для нихъ ученіе сдѣлалось какимъ-то придаткомъ къ главной обязанности—придворной службѣ. Этому порядку вещей и положило предѣлъ новое Положеніе.

Гр. В. Н. Ламздорфъ.
Министръ иностранныхъ дѣлъ.
Вып. 1862 г.

Съ 13-го октября 1802 года Пажескій корпусъ послѣ долгихъ треволненій вступилъ, наконецъ, въ новую жизнь, которая и потекла съ тѣхъ поръ относительно ровно, спокойно, только изрѣдка нарушаясь тѣми или другими измѣненіями, или небольшими нововведеніями. Такъ періоду сознательной зрѣлой дѣятельности предшествуетъ въ жизни отдѣльныхъ людей періодъ исканій, колебаній, порывовъ, сомнѣній. Трудно переживать это время и легко неокрѣпшему существу погибнуть.

Выдержитъ оно эту борьбу съ своими порывами и съ средою, завоюетъ себѣ положеніе, заставитъ себя признать или приспособится къ окружающему, — оно можетъ быть увѣрено, что впредь никакія невзгоды и бури житейскія его не сломятъ. Ему остается только развиваться, итти по намѣченному пути.

Восемнадцатый вѣкъ для нашего корпуса, какъ разъ и былъ этимъ труднымъ временемъ, когда для него рѣшался гамлетовскій вопросъ—„to be, or not to be?“, на который весь складъ тогдашней жизни отвѣтилъ: „to be“, слѣдствіемъ чего и явилось Положеніе 10-го октября. Понятно, новый порядокъ прививался не сразу, но къ 1810 году онъ уже установился и Пажескій корпусъ пріобрѣлъ несомнѣнный военный обликъ. Какъ разъ въ это время перевели его

Фототип. „Т-ва Худож. Печати".

Вторая рота Пажескаго Е. И. В. корпуса въ 1902 году.

на жительство на Садовую, въ домъ кавалеровъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, точнѣе говоря, въ домъ, подаренный Императоромъ Павломъ мальтійскому ордену.

Странна судьба этого ордена. Сначала рыцарски-духовный орденъ, возникшій въ Іерусалимѣ подъ названіемъ госпитальеровъ, съ цѣлью оказывать помощь больнымъ и раненымъ, онъ съ теченіемъ времени

Г. Э. Зенгеръ.
Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.
Вышелъ изъ младшаго спеціальнаго класса въ 1867 г.

все болѣе и болѣе превращался въ рыцарскій. Неудачи, испытанныя въ борьбѣ съ мусульманами, вынудили его покинуть Святую Землю и переселиться на Родосъ. Перемѣна мѣста повела за собой перемѣну въ названіи: рыцарей-госпитальеровъ стали звать родосскими рыцарями. Черезъ нѣсколько вѣковъ и оттуда пришлось удалиться и переселиться на Мальту. Новое мѣсто жительства въ третій разъ измѣнило названіе ордена. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался извѣстенъ подъ названіемъ мальтійскаго. Тутъ, какъ и въ Святой Землѣ, и на Родосѣ, онъ оставался вѣренъ завѣту церкви и храбро боролся съ невѣрными.

Стратегическое положеніе Мальты не могло не обратить вниманія Наполеона мечтавшаго добраться до Индіи и тамъ нанести чувстви-

тельный ударъ вѣковой соперницѣ Франціи—Англіи. По дорогѣ въ Египетъ Наполеонъ завладѣлъ островомъ. Мальтійцы и ихъ гросмейстеръ Гомпешъ разбрелись во всѣ стороны. Тутъ-то ихъ и принялъ подъ свое державное покровительство Императоръ Павелъ. Въ 1798 г. Императоръ былъ провозглашенъ гросмейстеромъ всѣми отдѣленіями, носившими названіе пріорствъ. Часть кавалеровъ, пріютившихся въ Россіи и помѣстившихся во дворцѣ Воронцова, въ благодарность, соорудила православную церковь, украсивъ ее, а также и нѣкоторые священные сосуды, и теперь хранящіеся въ ней, мальтійскими крестами.

Архимандритъ Серафимъ.
Настоятель Суздальскаго Спасоеѳиміева монастыря
въ мірѣ Л. М. Чичаговъ.
Вып. 1875 г.

Прошло 9 лѣтъ. Императоръ Александръ не пожелалъ носить названіе гросмейстера. Ордену пришлось покинуть Россію. Съ тѣхъ поръ онъ хотя и существуетъ еще въ Германіи, но роли никакой не играетъ.

Такимъ образомъ, по странному стеченію обстоятельствъ въ домѣ бывшаго пажа графа Воронцова на Садовой, послѣ долгаго скитанія замеръ продуктъ рыцарства—мальтійскій орденъ оставивъ по себѣ память въ православной церкви.

По не менѣе странному стеченію обстоятельствъ и тоже послѣ многихъ перипетій, на смѣну мальтійцамъ, въ тотъ же домъ явились пажи, явились въ тотъ моментъ, когда они пріобрѣли окончательный военный обликъ, т. е. сдѣлались тѣмъ, чѣмъ были въ рыцарскія времена на Западѣ—юношами, стремившимися, главнымъ образомъ, всесторонне подготовиться къ труднымъ обязанностямъ воина.

Итакъ, въ то время, какъ въ лицѣ мальтійскихъ кавалеровъ рыцарскій духъ гасъ, въ лицѣ пажей онъ вновь пробуждался. Но средневѣковые пажи пріобрѣтали въ домахъ старыхъ рыцарей не одни знанія современнаго имъ военнаго дѣла, они проникались въ нихъ слѣдующими завѣтами рыцарскаго кодекса:

1) Ты будешь вѣрить всему тому, чему учитъ Церковь, и будешь исполнять всѣ ея предписанія.

2) Ты будешь охранять Церковь.

Фототип. „Т-ва Худож. Печати".

Третья рота Пажескаго Е. И. В. корпуса въ 1902 году.

3) Ты будешь относиться съ уваженіемъ къ слабому и сдѣлаешься его защитникомъ.

4) Ты будешь любить страну, въ которой родился.

5) Ты не отступишь передъ врагомъ.

6) Ты будешь вести съ невѣрными безпощадную и постоянную войну.

7) Ты не будешь лгать и останешься вѣренъ данному слову.

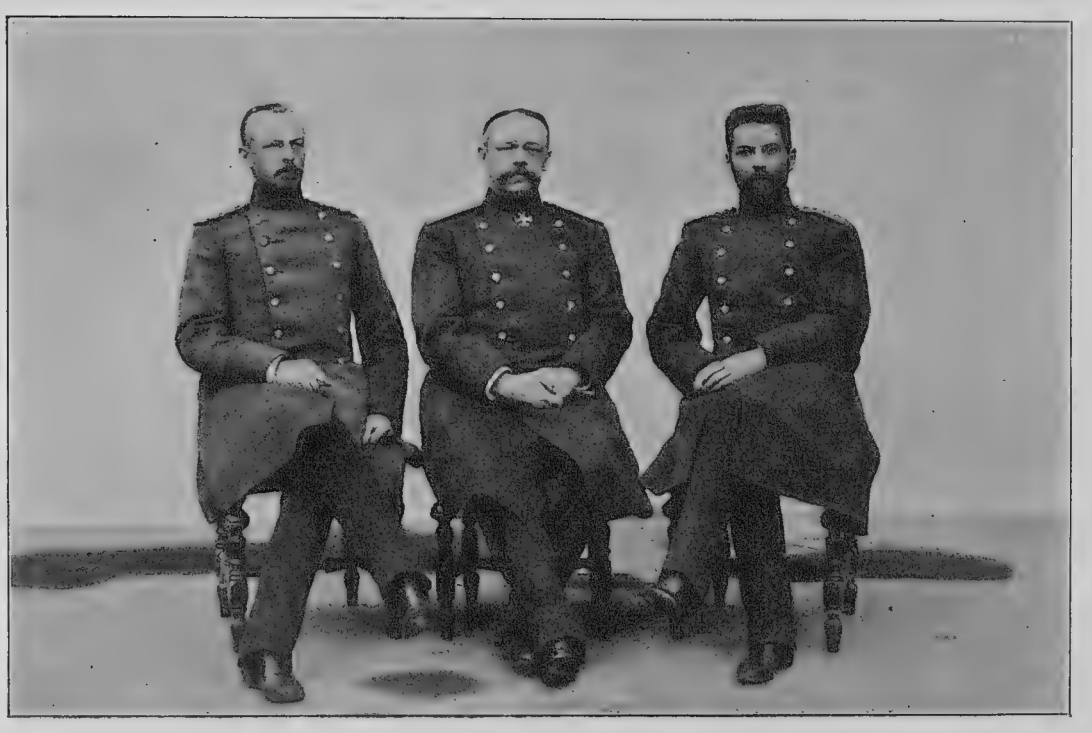
8) Ты будешь щедръ и будешь всѣмъ благотворить.

9) Ты вездѣ и повсюду будешь поборникомъ справедливости и добра противъ несправедливости и зла.

Р. И. Менжинскій.
Штатный преподаватель Исторіи, 40 лѣтъ прослужившій въ корпусѣ.

Какъ-бы въ напоминаніе этихъ предписаній церковь корпуса украшена мальтійскими крестами, являющимися въ данномъ случаѣ эмблемою рыцарства, которому пажи обязаны своимъ происхожденіемъ. Вотъ почему эта эмблема въ то-же время сдѣлалась и эмблемою Пажескаго корпуса, о чемъ свидѣтельствуетъ и Высочайше утвержденный пажескій знакъ — эмалированный бѣлый мальтійскій крестъ.

Все царствованіе Императора Александра I Пажескій корпусъ, подобно остальнымъ своимъ собратьямъ корпусамъ, продолжалъ итти своею дорогою, мало справляясь съ тѣмъ, куда и какъ идутъ его сосѣди. Въ своемъ внутреннемъ бытѣ онъ, однако, отразилъ особенность той эпохи.... 23-хъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, Государь только и мечталъ о томъ, какъ лучше насадить всевозможныя знанія въ своемъ отечествѣ, какъ лучше познакомить общество съ послѣднимъ словомъ науки Запада ни что не щадилось для этой цѣли: ни средства, ни труды. Суровая дѣйствительность безжалостно разбила многія мечты молодого Монарха, оставивъ нетронутымъ только то, что отвѣчало ея несомнѣннымъ потребностямъ. Разочарованный, Государь



Ротные командиры.
Н. Ф. Мексмонтанъ. В. Ф. Потѣхинъ и Д. Н. Черноярovъ.

уже въ зрѣлыхъ годахъ обратился къ Утѣшителю всѣхъ страждущихъ и, найдя у Него успокоеніе, воспрянулъ духомъ и отдался новой мечтѣ: заставить подростающее поколѣніе съ юныхъ лѣтъ проникнуться истинами божественнаго ученія.

Такимъ образомъ, если Императрица Екатерина, разочаровавшись въ возможности создать новую породу людей, ограничилась болѣе скромной задачей—просвѣтить ту, которая существуетъ, то Императоръ Александръ, усумнившись въ необходимости насаждать

Низшіе служащіе корпуса съ ихъ начальствомъ.

„Т-во художеств. печати"

въ своихъ подданныхъ знанія, взялъ на себя еще болѣе скромную задачу: воспитывать ихъ такъ, какъ учитъ Церковь. Другими словами, начавъ съ воспитанія, Бабка кончила образованіемъ, Внукъ, начавъ съ образованія, перешелъ къ воспитанію. Но колеблясь во всемъ, въ одномъ Императоръ Александръ былъ твердо убѣжденъ, а именно въ томъ, что дисциплина есть душа арміи и что выучка и внѣшняя выправка играютъ въ военномъ дѣлѣ немаловажную роль. Особенную цѣну и тому и другому Императоръ сталъ придавать во вторую половину своего царствованія.

Ученіемъ увлекались въ Пажескомъ корпусѣ въ первую половину царствованія Императора Александра, фронтомъ и выправкой—во вторую.

Настало царствованіе Императора Николая, энергичнаго организатора военнаго образованія и воспитанія. Если царствованіе его Августѣйшаго Брата было царствомъ мечты и сердца, то царствованіе Николая Павловича было царствомъ воли. Во дни его правленія, военныя учебныя заведенія шедшія до тѣхъ поръ вразбродъ, были приведены, что называется, къ одному знаменателю. Имъ данъ былъ общій уставъ и всѣ мелочи ихъ жизни были строго регламентированы. Пришлось ассимилироваться съ ними и своеобразному Пажескому корпусу. Каждая эпоха выдвигаетъ нужныхъ ей людей. Эпоха Императора Александра выдвинула въ корпусѣ сначала гувернера, потомъ гофмейстера Карла Ѳедоровича Клингенберга, гуманнаго, добраго какъ бы созданнаго для того, чтобы любовно возиться съ пажами,—ихъ воспитывать и манить къ неопредѣленному хорошему идеалу. Эпоха Императора Николая, когда большинству казалось, что всѣ вопросы рѣшены, что каждое явленіе имѣетъ свое удовлетворительное объясненіе, что искать нечего, а потому надо заботиться о сохраненіи уже установившихся формъ и объ углубленіи въ ихъ смыслъ,—выдвинула знаменитаго въ лѣтописяхъ корпуса Карла Карловича Жирардота.

Настала эпоха шестидесятыхъ годовъ, своего рода сознательно пережитая, русская эпоха просвѣщенія. Увлеченіе умомъ и вопросами образованія, которые становились куда выше вопросовъ воспитанія, двинуло впередъ педагогическое дѣло въ Россіи и, въ частности, военно-педагогическое дѣло. Наука сдѣлалась лозунгомъ и пажей, они увлекались ею съ юнымъ пыломъ. Къ этому времени Пажескій корпусъ представлялъ изъ себя два заведенія: военную гимназію и воен-

ное училище, соединенныя подъ одною кровлею и объединенныя однимъ общимъ, традиціоннымъ со временъ Елисаветы Петровны, названіемъ „Пажескій корпусъ“.

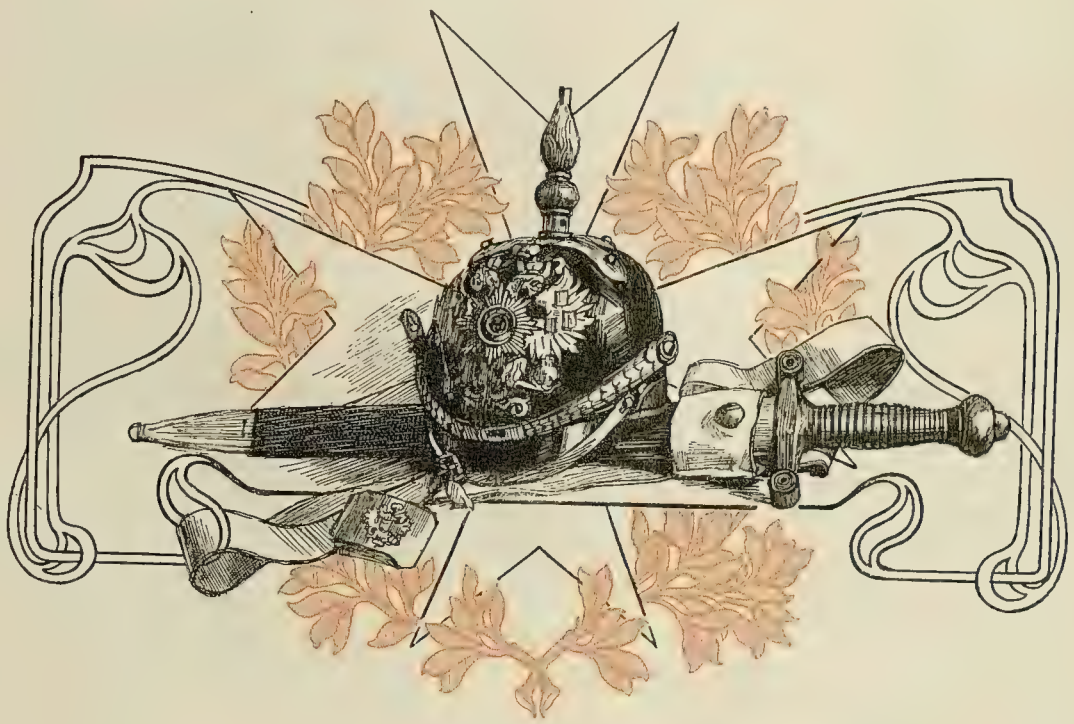
Увлекаясь по очереди чувствомъ, волей и умомъ, русскіе люди нашли, наконецъ, что истина въ примиреніи этихъ трехъ элементовъ духовной дѣятельности человѣка. Этотъ взглядъ отразился и на педагогическомъ дѣлѣ. Здѣсь пришли и къ другому убѣжденію, что если необходимо стремиться къ гармоническому развитію духовнаго „я“ человѣка, то не менѣе того необходимо, чтобы существовала гармонія между физическимъ „я“ человѣка и между его духовнымъ „я“. Попытка создать что-то среднее между военною гимназіею и кадетскимъ корпусомъ привела къ преобразованію военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса. Пережилъ это преобразованіе и Пажескій корпусъ. Но если и преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи отразилось въ немъ сравнительно мало, то и новая реформа мало чѣмъ нарушила ходъ жизни корпуса. Корпусъ, повинуясь внушеніямъ жизни, незамѣтно, но настойчиво все усиленнѣе требовалъ отъ пажей серьезной подготовки къ отвѣтственной военной службѣ.

Конная статуя генералъ-фельдмаршала І. Гурко, исполненная по рисунку бывшаго пажа А. А. Бильдерлинга бывшимъ пажемъ академикомъ-скульпторомъ И. Н. Шредеромъ.

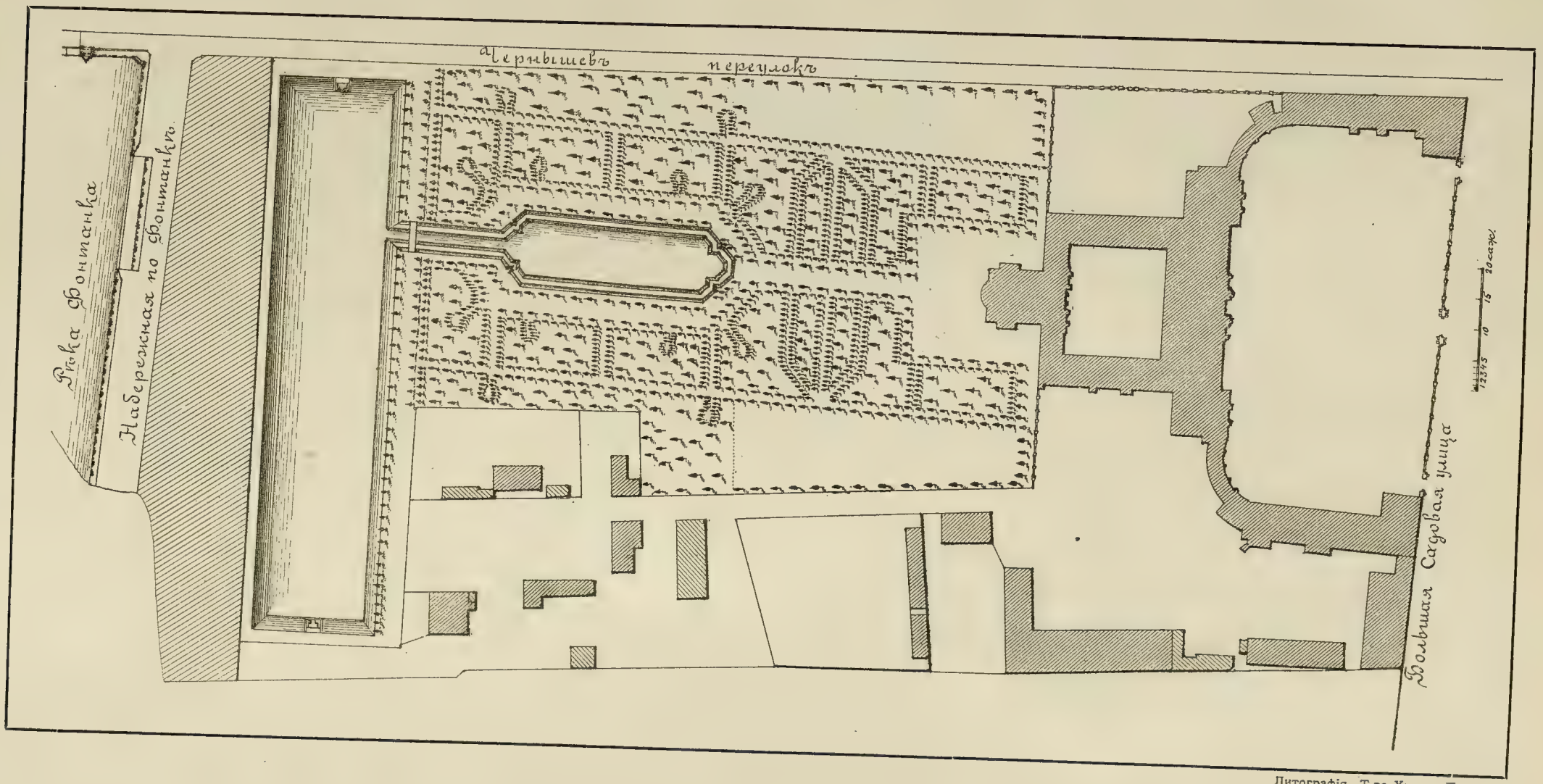
Извѣстный академикъ и историографъ Миллеръ, которому не менѣе извѣстный Иванъ Ивановичъ Бецкій поручилъ въ 1765 году написать планъ для обученія пажей, мечталъ создать изъ Пажескаго корпуса разсадникъ будущихъ государственныхъ дѣятелей. Первое время казалось, что дѣйствительность не оправдаетъ его надеждъ, но зато теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мечталъ академикъ не напрасно. Стоитъ для этого отправиться въ музей корпуса и посмотрѣть на двѣ стѣны увѣшенныя сверху до низу портретами пажей-государственныхъ дѣятелей.

Оправдалась и надежда Государя Александра I, пожелавшаго превратить Пажескій корпусъ въ военно-учебное заведеніе: стоитъ

пройти въ георгіевскій залъ корпуса и взглянуть тамъ на 103 портрета георгіевскихъ кавалеровъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ по двѣ, а нѣкоторые по три и по четыре степени, этого столь почетнаго знака отличія, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Если же посѣтитель, осмотрѣвшій георгіевскій залъ, не полѣнится зайти въ церковь и тамъ взглянуть на мраморныя черныя доски, на которыхъ увѣковѣчены имена 80 воспитанниковъ, сложившихъ въ теченіе ста лѣтъ свои головы на поляхъ сраженій, то ему станетъ вполнѣ понятно съ какимъ неподдѣльнымъ чувствомъ восторга и благодарности пажи всѣхъ выпусковъ прочли приказъ 10 Октября 1902 г. изъ котораго имъ стало извѣстно, это Государю Императору благоугодно было пожаловать корпусу знамя съ юбилейною лентою и съ надписью „1802—1902 г.“.



Н. Самокишъ.



Литографія „Т-ва Худож. Печ.“.

Планъ зданія корпуса въ 1800 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Глава I.

1. Tarde. Les lois de l'imitation. Etude sociologique. Seconde édition. 1895. Намъ кажется, что нигдѣ законы подражанія не получили такого блестящаго подтвержденія, какъ въ соціальной исторіи Россія, гдѣ они, благодаря историческимъ условіямъ, могли проявиться въ наивозможнѣйшей чистотѣ потому именно, что долгое время надъ всѣми процессами, совершавшимися въ нашемъ отечествѣ, почти что господствовалъ подражательный процессъ, въ свое время игравшій не малую роль и во Франціи, и въ Германіи, и въ Англіи, но въ этихъ странахъ онъ проявился слабѣе не потому, что народы, населявшіе ихъ, были болѣе самостоятельны и самобытны, а потому, что общія основы западно-европейской цивилизаціи не допускали слишкомъ рѣзкихъ отличій въ духовной жизни наслѣдниковъ римскаго духовнаго богатства, тогда какъ мы, подобно глухой стѣнѣ отдѣленные отъ остальной Европы сначала татарскимъ игомъ, а затѣмъ Ливонскимъ и Тевтонскимъ орденами, а также и Польшею, не желавшею, чтобы мы воспользовались благами иностранной культуры и цивилизаціи,—пріобрѣли вполнѣ своеобразный духовный обликъ.

Когда мы, что называется, дорвались до долго запретнаго плода и стали подражать, то процессъ обозначился особенно рельефно именно потому, что было слишкомъ большое различіе между любымъ европейцемъ и его современникомъ русскимъ.

2. Мы различаемъ понятіе *цивилизація* отъ понятія *культура*. Для насъ всѣ тѣ побѣды, которыя человѣкъ одерживаетъ въ области духа въ борьбѣ духовнаго начала съ началомъ звѣрскимъ, являются побѣдами цивилизаціи. Всѣ же побѣды человѣка въ борьбѣ его съ внѣшнею природою мы считаемъ побѣдами культуры.

3. „Вопросы философіи и психологіи“ 1847 г. кн. 36. Пр. В. О. Ключевскій. „Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка“ историко-психологическій очеркъ. стр. 142.

4. Ib. стр. 146.

5. Ib. стр. 147—148.

6. Рындъ многіе считаютъ ошибочно до-петровскими пажами.

7. Пр. П. О. Ключевскій. „Боярская дума“. Изд. I. 1882 г. Москва. стр. 400—402.

8. „Въ стольномъ чину состояли царицыны стольники, которые по своей должности, по лѣтамъ и по положенію были отчасти тоже, что пажи“. Забѣлинъ. „Бытъ царицъ“. Москва. Изд. 2. 1872 г. стр. 521—523.

9. Пр. С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи“ т. XIII стр. 161.

10. Забѣлинъ. „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи“. Москва. 1872 г. ч. I. Характеръ начальнаго образованія въ до-петровское время; стр. 79.

11. Забѣлинъ. ib. стр. 55.

12. Забѣлинъ. ib. стр. 78.

13. Забѣлинъ. ib. стр. 74.

14. Забѣлинъ. ib. Русская личность и русское общество наканунѣ реформы стр. 89.

15. Забѣлинъ. ib стр. 115.

16. Забѣлинъ. „Бытъ царей“ 1872 г. Изд. 2. стр. 67.

17. С. М. Соловьевъ. „Публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ“. Москва. 1872 г., стр. 27.

18. Что дѣйствительно Петръ имѣлъ намѣреніе пользоваться иностранцами, только какъ людьми необходимыми, и при всякомъ удобномъ случаѣ выдвигать русскихъ, на это указываетъ Валишевскій, смотр. Valichevsky. „Pierre le Grand". Quatrième édition. Paris. 1897, p. 133 et 244. Указываетъ на это слѣдующій фактъ:

„Всѣмъ извѣстно, какъ Петръ любилъ Лефорта: когда при взятіи одной изъ маневренныхъ крѣпостей послѣдній обжогъ себѣ лицо, Петръ оставался при немъ почти неотлучно днемъ и ночью, когда же онъ черезъ 15 дней поправился, на радостяхъ произвелъ его въ генералы; когда старикъ умеръ, Петръ, находившійся въ это время въ Воронежѣ, бросилъ все, прискакалъ въ Москву и съ непокрытой головой шелъ за гробомъ". (Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго). „Но когда первый посолъ Лефортъ возвратился изъ своего путешествія, въ которомъ участвовалъ и дворянинъ Петръ Михайловъ, учредившій послѣ возвращенія орденъ Андрея Первозваннаго, получилъ этотъ орденъ второй посолъ Головкинъ, а не первый—Лефортъ". (Д. Бантышъ-Каменскій. „Историческое собраніе списковъ кавалерамъ четырехъ россійскихъ орденовъ". Москва. 1814 г. стр. 57—58).

19. Н. Волковъ. „Дворъ русскихъ императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ". Петербургъ. 1900 г. Списокъ всѣмъ придворнымъ чинамъ XVIII ст. по категоріямъ и по старшинству пожалованія, стр. 159, 172, 202.

20. М. Веневитиновъ. „Русскіе въ Голландіи, Великое посольство 1697—1698 г." Москва. 1897 г. стр. 34, 44; Приложенія, стр. 205.

20. Голиковъ. „Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи". Москва. 1837 г. т. I. стр. 319.

21. Scharfenort. „Die Pagen am Brandenburg-Preussischen Hofe". 1415—1895. Berlin 1895. r. s. 44.

22. Scharfenort. ib. s. 49.

23. Голиковъ. ib. стр. 119.

24. Голиковъ. ib. стр. 523.

25. Въ „Русской Старинѣ" за 1872 г. кн. VI стр. 802—844 помѣщена статья подъ названіемъ: „Обиды прусскаго посла". Это, собственно говоря, не статья, а переводъ съ приложеніемъ подлинника, извлеченныхъ изъ главнаго императорско-королевскаго секретнаго архива въ Берлинѣ депешъ, бывшаго при дворѣ Петра Великаго посланника Георгъ Іоганна Кейзерлинга. Разсказывая постигшее его несчастіе, ссору съ Меньшиковымъ изъ-за дѣвицы Монсъ, Кейзерлингъ говоритъ, что, когда государь обратился къ Меньшикову со словами; „ты всегда затѣваешь то, чего самъ не понимаешь, а я долженъ отвѣчать за твои глупости, а потому совѣтую тебѣ помириться съ Кейзерлингомъ", Меньшиковъ собственноручно вытолкнулъ изъ комнаты и вдоль лѣстницы находившихся при немъ (Кейзерлингѣ) лакея и пажа (прочая прислуга отправилась домой съ экипажемъ). (Der Prinz Menschikoff-hierauf meinen bei mir gehabten, einen Laquaien und Pagen (weileu die anderen mit den Kutschen nach Hause gefahren waren) selbst mit eigener Hand zuvor zur Stuben hinaus und die Stiegen herunter gestossen. Стр. 815). Далѣе говоритъ Кейзерлингъ: „Лейбъ-гвардейцы Меньшикова меня низвергли съ трехъ каменныхъ ступеней и мало того проводили толчками черезъ весь дворъ, гдѣ я нашелъ своего лакея одного, пажъ поѣхалъ за экипажемъ", стр 815.

26. Голиковъ. ib. т. II. стр. 418.

27. Голиковъ. ib. т. V. стр. 300.

29. Голиковъ. ib. т. IV, стр. 302

30. Голиковъ. ib. т. IV, стр. 459.

31. Н. Волковъ. ib. стр. 159.

32. Н. Волковъ. ib. стр. 172.

33. Н. Волковъ. ib. стр. 172.

34. Н. Волковъ. ib. стр. 159.

35. Н. Волковъ. ib. стр. 4. Подробности о Монсѣ см. Гельбигъ „Русскіе избранники и случайные люди". „Русск. стар." 1886 г. стр. 85—87, тамъ же и библіографія.

36. Н. Волковъ. ib. стр. 5.

37. О. Р. фонъ-Фреймань. „Пажи за 185 лѣтъ" 1711—1896 Фридрихсгамъ, 1894—1897. Подъ такимъ заглавіемъ выпусками появлялся въ теченіе трехъ лѣтъ сборникъ біографій, иногда подробныхъ, иногда весьма короткихъ, а иногда вмѣсто біографіи давались только свѣдѣнія, куда тотъ или другой пажъ былъ выпущенъ. Отличительною чертою этого сборника является умалчиваніе источниковъ, откуда то или другое свѣдѣніе берется. Это въ значительной степени обезцѣниваетъ книгу г. Фреймана. Что же касается самихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ ней, то, несмотря на нѣкоторую неточность и неполноту, положительно неизбѣжныхъ при трудахъ подобнаго рода, они тѣмъ не менѣе пополняютъ существовавшій до сихъ поръ пробѣлъ въ данныхъ о пажахъ, игравшихъ видную роль въ исторіи Россіи. Хотя раньше

Фреймана списки издавали и нѣкій Авнатамовъ и графъ Милорадовичъ, но они въ сравненіи съ трудомъ Г. Фреймана въ счетъ итти не могутъ. Біографіи бывшаго пажа О. Фреймана все-таки являются первымъ серьезнымъ трудомъ въ этомъ родѣ, въ значительной степени облегчающимъ работу тому, кто поставитъ себѣ цѣлью дать по возможности обстоятельныя и вполнѣ научно-обработанныя свѣдѣнія о пажахъ, кончившихъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ

38. О. Фрейманъ ib. стр. 1—9.

39. Пр. С. Ѳ. Платоновъ. „Первые политическіе шаги Бориса Годунова. 1584—1594 г." (Отрывокъ). Извлечено изъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Іюнь 1898 г. стр. 18 сказано. У Варкоча („Sammlung kleiner Schriften" etc. von B. von Wichmann, 1820 p., 189) упоминается дворецкій Hoffmeister Бориса Michael Kosof.

40. „Русск. Стар." 1872 г. т. VI ib. стр. 840. „Sein Hof-Marchall, General-Adjutanten und Hofunker empfingen mich bei meiner Kutsche. Его (кн. Меньшикова) гофъ-маршалъ, генералъ-адъютанты и камеръ-юнкера встрѣтили меня у кареты".

41. Подробности о П. Ягужинскомъ можно найти въ недавно вышедшемъ „Сборникѣ біографій кавалергардовъ", 1721 – 1762. Составленъ подъ редакціею С. Панчулидзева. С.-Петербургъ 1901 г. стр. 1—21. Первый вышедшій томъ этого сборника безспорно составляетъ вкладъ въ сокровищницу русской исторіи. Всѣ свѣдѣнія провѣрены. Источники тщательно указаны. Біографіи каждаго кавалергарда составлены, по возможности, по архивнымъ даннымъ, критически провѣреннымъ. Если и есть пропуски или нѣкоторыя неточности, то самыя незначительныя въ родѣ той, напримѣръ, что въ біографіи интересующаго насъ П. Ягужинскаго категорически сказано былъ—камеръ-пажъ, и совершенно не указано, откуда это свѣдѣніе взято. Между тѣмъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли Ягужинскій былъ пажемъ, болѣе чѣмъ спорный и положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы это утверждать, нѣтъ.

42. О Девьерѣ можно получить свѣдѣнія у Гельбига: „Русскіе избранники и случайные люди". Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями В. Б. „Русск. Старина" за 1886 г. Апрѣль, стр. 76—79. Тамъ же приведены и библіографическія данныя о немъ (стр. 79).

43. „Походный журналъ 1724 года" С.-Петербургъ; на стр. 41—49 помѣщенъ проэктъ церемоніала коронаціи Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны. Пунктъ 2 этого проэкта гласитъ: „Пажи съ гофмейстеромъ пойдутъ напереди всего наряда и войдутъ въ церковь на тѣ мѣста, которыя имъ показаны будутъ; они же напередъ изъ соборной церкви при выходѣ пойдутъ, такимъ же порядкомъ, какъ выше сего означено, въ церковь св. Архангела Михаила. Подъ заглавіемъ „Маршъ отъ церкви Святого Михаила Архангела до монастыря и назадъ до залы торжества" значится:

1) Одна половина драбантовъ съ комендантомъ; трубачи и литавры напереди.
2) Лакеи.
3) Пажи съ ихъ гофмейстеромъ.
4) Карета верховнаго маршалка.
5) Скороходъ.
6) Ея Величество Императрица въ своей каретѣ, кавалерамъ и офицерамъ ея двора по обѣимъ сторонамъ кареты итти пѣшкомъ, также и гайдукамъ въ пропорціональномъ разстояніи отъ помянутыхъ офицеровъ по сторонамъ.
7) Генералъ-поручикъ Лесси съ двумя герольдами верхами.
8) Арапы всѣ въ одинъ рядъ.

Всѣмъ пажамъ Ея Величества Императрицы, когда она въ каретѣ ко Красному крыльцу подъѣдетъ, собраться у онаго и пропустить весь нарядъ, который въ залу торжества пойдетъ и потомъ итти послѣ шляхтичевъ въ замкѣ.

9) Ѣхать въ каретѣ онымъ двумъ господамъ, которые при Ея Величествѣ Императрицѣ опредѣлены. При обѣихъ каретахъ Верховнаго маршала и господъ имѣетъ быть лакей въ ливреѣ Ея Величества Императрицы, чтобъ во всей церемоніи иной ливреи не явилось и на сторонахъ у каретныхъ дверей быть по одному пажу.

10) Другая половина драбантовъ.

44. „Походный журналъ 1722 г."—стр. 113—114.

45. Ib. стр. 122—123.

46. Полн. Собр. Зак. 22 Января 1722 г. № 3890.

47. Scharfenort, ib. s. 31—32.

48. Полковникъ Н. Мельницкой. „Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи (сухопутнаго вѣдомства)" С.-Петербургъ 1857 г. т. I, стр. 13. Четыре тома „сборника" полковника Мельницкого являются неоцѣненнымъ источникомъ для всякаго занимающагося исторіею просвѣщенія въ Россіи. Матеріалъ собранъ чрезвычайно добросовѣстно и систематично распредѣленъ. Всѣ свѣдѣнія отличаются точностью и достовѣрностью.

49. Гр. Григ. Милорадовичъ. „Матеріалы для исторіи Пажескаго Е. И. В. корпуса 1711—1875“ Кіевъ 1876 г. стр. 14. Книга графа Милорадовича отличается тѣмъ же недостаткомъ, какъ и книга другого бывшаго пажа О. Фреймана и лишена тѣхъ достоинствъ, которыя составляютъ отличительную черту четырехъ книгъ Н. Мельницкого. А именно, графъ Милорадовичъ такъ-же, какъ и О. Фрейманъ, не указываетъ на источники, откуда онъ почерпнулъ тѣ или другія свѣдѣнія, тогда какъ Н. Мельницкой весьма тщательно сообщаетъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, по повѣркѣ оказалось, что всѣ свѣдѣнія, приведенныя графомъ Милорадовичемъ, отличаются полною достовѣрностью и, большею частью, взяты изъ архивовъ. На нихъ можно вполнѣ смѣло положиться. Жаль только, что сгруппированы они безъ всякой опредѣленной системы.

50. Инструкціи эти впервые извлечены изъ архива Министерства Императорскаго Двора В. Н. Волковымъ и помѣщены въ его книгѣ, на которую мы неоднократно ссылались на стр. 50—72.

51. Представить себѣ эту карьеру мы можемъ на основаніи слѣдующихъ источниковъ: гр. Гр. Ал. Милорадовичъ „Матеріалы для исторіи Пажескаго Е. В. корпуса.“„Камеръ-Фурьерскій журналъ временъ Анны Іоановны, 1830—1841 г.“ В. О. Михневичъ, „Исторія карточной игры на Руси“. Историческій Вѣстникъ за 1901 г. № 1. K. Walichewsky, „L'heritage de Pierre le Grand. Regne des femmes. Gouvernement des favorits“. Тѣ главы, гдѣ встрѣчаются черты нравовъ временъ Анны Іоанновны. Въ арх. Минист. Импер. Двора представляетъ интересъ въ этомъ отношеніи дѣло № 7, по описи 352/1343, стр. 35, 36: „указъ двора Нашего гофъ-фурьеру Симонову“:

„Повелѣваемъ выдать двора Нашего камеръ-пажамъ Самарину и Добрынину, за издержанные во время присутствія Нашего собственныя ихъ карты, по пятидесяти рублевъ каждому, итого сто рублей, записавъ въ расходъ съ росписомъ. Данъ С.-Петербургъ, Октября 28 дня 1737 года“. „Описаніе коронаціи Ея Величества Императрицы и Самодержицы Всероссійской Анны Іоанновны, торжественно отправленной въ царствующемъ градѣ Москвѣ 28 Апрѣля 1730 г.“. Печатано въ Москвѣ при Сенатѣ, Октября 31 дня 1830 г.

52. Всѣ подробности объ одеждѣ и формѣ обмундированія съ указаніями источниковъ мы выдѣлили въ приложеніи № 20 во второмъ томѣ.

53. О Лялинѣ, какъ о пажѣ, говоритъ пр. В. А. Бильбасовъ въ его сочиненіи. „Исторія Екатерины II“. С.-Петербургъ 1890 г. т. I. ст. 24. Однако, ни у Милорадовича, ни у Фреймана мы на это не находимъ никакихъ указаній; не удалось намъ также найти и списковъ въ арх. Минист. Имп. Двора, гдѣ бы встрѣчался Лялинъ, это, впрочемъ, опроверженіемъ показанія В. А. Бильбасова отнюдь не можетъ служить, такъ какъ списки пажей не сохранились полностью, а попадаются случайно среди массы дѣлъ, касающихся совсѣмъ другихъ предметовъ. Гельбигъ (ib. стр. 168) также ничего не знаетъ о Лялинѣ, какъ о пажѣ.

54. Про Шубина можно сказать то-же, что и про Лялина, съ тою только разницею, что пажемъ его называлъ не В. А. Бильбасовъ, а К. Валишевскій въ своемъ сочиненіи „La dernière des Romanof—Elisabeth 1-re impératrice de Russie 1741—1762“. Paris 1902. Troisième édition p. 49. Правда, въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія Валишевскій говоритъ о немъ, то какъ о гвардейскомъ сержантѣ (стр. 23), то какъ о простомъ солдатѣ (стр. 65). Гельбигъ тоже молчитъ о Шубинѣ, какъ о пажѣ (ib. стр. 159—160).

55. Гр. Гр. Ал. Милорадовичъ ib стр. 128—129. Пояснить эту исторію съ Голицынымъ. можетъ статья С. Н. Шубинскаго, помѣщенная въ „Русск. стар.“ за 1873 г. Мартъ, стр. 336—353, подъ заглавіемъ „Императрица Анна Іоанновна. Придворный бытъ и забавы“. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ указаны источники, послужившіе для ея составленія, что даетъ возможность въ случаѣ желанія еще ближе познакомиться съ условіями жизни въ царствованіе Анны Іоанновны. На стр. 351—353, подъ заглавіемъ отъ редакціи помѣщено описаніе знаменитой картины В. И. Якоби, „Утро во дворцѣ Анны Іоанновны въ 1740 г.“. Наконецъ, на стр. 354—360, приводится подъ заглавіемъ „Ледяной домъ“ описаніе очевидца, нѣкоего Крафта. Извлеченіе изъ его книги, составляющей одну изъ значительныхъ библіографическихъ рѣдкостей и вышедшей подъ заглавіемъ „Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санкпетербургѣ въ Январѣ мѣсяцѣ 1740 г. Ледянаго дома и всѣхъ, находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ, съ приложенными при томъ гравированными фигурами, а также и нѣкоторыми примѣчаніями о бывшей въ 1740 г. во всей Европѣ жестокой стужѣ, сочиненное для охотниковъ до натуральной науки черезъ Георга Вольфганга Крафта, Санкпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ члена и физики профессора. Печатано при Императорской Академіи Наукъ 1741 г. въ 4 долю 36 стр. и 6 рисунковъ“. Рисунки книги воспроизведены при упомянутой статьѣ „Русск. старины“.

56. Въ приложеніи № I, т. II стр. 6—9.

57. Смотри т. II приложеніе № 2. Тамъ же примѣчаніе № 11, гдѣ указаны источники,

позволяющіе прійти къ только-что высказаннымъ заключеніямъ. О томъ, что на пажей возлагалось то, что называется эксплоатаціею побѣды, мы нашли указанія у Montze'я Institutions d'éducation militaire jusqu'en 1789. Paris 1866, а именно: Chaque lance, пишетъ Монтцей: devait être accompagnée d'un page, ily avait donc dans chaque compagnie même nombre de ces jeunes aspirants. Quand ils avaient employé leurs premières ans sous le toit de leur seigneurs ou patrons à se former autant que possible au métier des armes ces jeunes pages suivaient une lance dans les compagnie d'ordonnance Comme l'archer ou le couletier ils escarmouchaient tantôt à pied tantôt à cheval et aprés la victoire il servaient surtout à poursuivre l'ennemi étant armés plus lègèrement que les hommes d'armes (p. 20).

Глава II.

1. Вопросъ національнзма интересуетъ Валишевскаго. Въ своемъ уже названномъ нами сочиненіи „La dernière des Romanov" онъ возвращается къ нему нѣсколько разъ и на основаніи фактовъ приходитъ къ аналогичному съ нами рѣшенію его. Въ этомъ отношеніи интересны стр. 27—28, а также стр. 94—101. Для насъ мнѣніе Валишевскаго потому дорого, что онъ самъ въ качествѣ иностранца и иностранца, далеко не расположеннаго къ Россіи, что особенно ярко сказывается въ только-что приведенномъ сочиненіи, склоненъ преувеличивать значеніе не русскаго элемента и видѣть его вліяніе тамъ, гдѣ его нѣтъ. Но и онъ долженъ признаться, что Les Chouvalov se poussant au premier rang marquent le progrès d'une évolution réelle dans le sens national (p. 101).

2. Крузацъ, историкъ королевскаго прусскаго кадетскаго корпуса, говоритъ по этому поводу слѣдующее: Es ist eine bekannte Thatsache dass in diesen Iahrhunderten die Edelleute aller Länder, also auch Deutchlands sich in grosser Menge nach Frankreich begaben, um dort ein Bildungs-Cursus durchzumachen, dass die Deutche Sprache mit Französischen Ansdrücken durchwebt war, dass in höheren Kreisen nur Französisch gesprochen, die Wissenchaft meist nach Französischen Büchern gelehrt, jedes Modell der feinen Sitte und des guten Geschmackes von Frankreich entliehen wurde (Crousaz. Geschichte des Königlich-preussischen Kadetten-Corps. Berlin 1857. S. 6). Тотъ же Крузацъ ссылается для подкрѣпленія того, что онъ называетъ вполнѣ извѣстнымъ фактомъ, на показанія Iacob von Wallenhausen'a, разсуждавшаго на ту же тему въ 1617 году въ своемъ сочиненіи „Militia Galicana".

3. Сочиненія кн. М. М. Щербатова т. II статьи историко-политическія и философскія подъ редакціею И. И. Хрущева и А. Г. Воронова, С.-Петербургъ 1898 г. „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", стр. 202.

4. А. А. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ". „Осьмнадцатый вѣкъ". Историческій Сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ, Москва 1868 г. кн. 2, стр. 424—427.

5. В. А. Бильбасовъ ib. т. I, стр. 232—236.

6. Арх. Пажескаго Е. И. В. корпуса, 1835 г., д. № 49.

7. Матеріаломъ на основаніи котораго мы могли написать только что приведенныя строки, посвященныя характеристикѣ службы, которую обязаны были нести при дворѣ Императрицы Елизаветы пажи и камеръ-пажи, послужилъ во-первыхъ камеръ-фурьерскій журналъ за 1731—1761 г. Затѣмъ гр. Милорадовичъ. „Матеріалы для исторіи Пажескаго Е. И. В. корпуса".

„Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ, благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и Священнѣйшаго коронованія Ея Августѣйшаго Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, иже бысть вшествіе 28 Февраля, коронованіе 25 Апрѣля 1742 г. Печатано при Императорской Академіи наукъ въ Санкпетербургѣ, 1744 г.". Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что вообще описаніе всѣхъ коронацій можно найти въ „Исторіи Кавалергардовъ". С. Панчулидзева, С.-Петербургъ, 1899 г. т. I, стр. 1—172 и въ двухъ статьяхъ В. Жмакина, помѣщенныхъ въ „Русск. стар." за 1883 г. Мартъ стр. 499—538, Апрѣль стр. 1—36. Что же касается самого чина вѣнчанія, то въ этомъ отношеніи представляетъ интересъ книга Е. В. Барсова „Древне-русскіе памятники Священнаго вѣнчанія царей на царство, въ связи съ греческими ихъ оригиналами, съ историческимъ очеркомъ чиновъ царскаго вѣнчанія въ связи съ развитіемъ идеи царя на Руси". Москва 1883 г.

Дѣла арх. Минист. Иностр. дѣлъ, подъ заглавіемъ: „Дѣла о коронаціяхъ Россійскихъ Государей", Св. 4, дѣло № 14. Къ этимъ дѣламъ приложены свитки, на которыхъ обозначены порядокъ, въ какомъ Императрица Елизавета Петровна шествовала къ столу, отъ стола на аудіенцію въ Грановитую палату и т. д.

В. Михневичъ, „Карточная игра на Руси“. ib. В. А. Бильбасовъ, ib. т. I, стр. 165, 171, 203

Дѣло арх. Минист. Импер. Двора за 1746 г., подъ № 15 стр. 77, связ. 352/1343. Изъ этого дѣла видно, кто долженъ былъ сопровождать Императрицу въ ея поѣздкѣ въ Ригу. „Къ Высочайшей апробаціи кому назначено будетъ ѣхать при Ея Императорскомъ Величествѣ въ Ригу“.

1) Оберъ-гофмейстеръ.
2) Оберъ-егермейстеръ.
3) Оберъ-шталмейстеръ.
4) Дѣйствительный тайный совѣтникъ.
5) Оберъ-гофмаршалъ.
6) Гофмаршалъ.
7) Шталмейстеръ.

Камергеры 14
Камеръ-юнкеры 6
Штатсъ-дамы 01
Фрейлинъ 01
Камеръ-пажей 8
Пажей 32
Учитель пажевъ Яганъ Фридрихъ Леботъ.

Камеръ-пажи

1) Алексѣй Шубинъ.
2) Михаилъ Сафоновъ.
3) Иванъ Нероновъ.
4) Левъ Воиновъ.
5) Петръ Туркманъ.
6) Петръ Шереметьевъ.
7) Аристархъ Кашкинъ.
8) Алексѣй Мельгуновъ.

Пажи:

1) Геннадій Полозовъ.
2) Александръ Корсаковъ.
3) Василій Коръ.
4) Григорій Ляпуновъ.
5) Алексѣй Думановъ.
6) Петръ Кудаковъ.
7) Алексѣй Будаковъ.
8) Иванъ Шуваловъ.
9) Иванъ Шуваловъ другой.
10) Филиппъ Каръ.
11) Александръ Болтинъ.
12) Князь Семенъ Мещерскій.
13) Николай Коковинскій.
14) Алексѣй Крокъ.
15) Михаилъ Масловъ.
16) Александръ Нарышкинъ.
17) Иванъ Нарышкинъ.
18) Филиппъ Черновъ.
19) Яганъ Христіанъ Петерсонъ.
20) Христіанъ-Вильгельмъ Петерсонъ.
21) Кн. Петръ Мещерскій.
22) Александръ Якубовичъ.
23) Иванъ Ешковъ.
24) Князь Ѳеодоръ Щербатовъ.
25) Дмитрій Марковъ.
26) Андрей Кошелевъ.
27) Павелъ Нероновъ.
28) Петръ Козодавлевъ.
29) Дмитрій Олсуфьевъ.
30) Василій Лавровъ.
31) Кн. Сергѣй Мещерскій.

Второй лейбъ-медикусъ.
Третій лейбъ-медикусъ.

Гофъ-штабъ-квартирмейстеровъ 2
Оберъ-мундшенковъ 2
Камеръ-фурьеровъ 2
Оберъ-кофе-шенкъ 1
Камеръ-декера 3
Лекари 2
Камеръ-юнгферы 14
Камеръ-медхенъ 2
Камеръ-лакеевъ 14
Лакеевъ 83
Камеръ-лакеевъ 14
Лакеевъ 83
Гайдуковъ 28
Скороходовъ 12
Карлы 3
Музыкантовъ 24
Трубача 3
Литаврщиковъ 4
Вальторнистовъ 5
Бандуристовъ 2
Итальянской комп. музыкантовъ 18 и нѣкоторыя съ женами.

Частный архивъ г-на И. Толстого, у котораго хранится Шуваловскій архивъ. Здѣсь мы нашли указанія на то, что пажи посылались извѣщать о той или другой милости въ разныя города Россіи.

8. П. С. З. № 9124. Указъ именной о приготовленіи придворнымъ и другимъ первоклассным чинамъ платьевъ и экипажей по случаю бракосочетанія Великаго Князя Петра Ѳеодоровича. В. Бильбасовъ, т. I, стр 165.

А. Васильчиковъ ib. стр. 424.

9. С. В. Ешевскій, сочиненія по русской исторіи. Москва 1900 г. „Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны“ стр. 8—9.

10. Л. Е. Евдокимовъ. „Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны.“ С.-Петербургъ 1898 г. вып. II стр. 273.

11. Дополненіе къ камеръ-фурьерскому журналу 1746 г.

12. Милорадовичъ ib. стр. 16—17.

13. Сочиненія Д. И. Иловайскаго. Москва 1884 г. „Графъ Яковъ Сиверсъ“ 481 стр.

14. Милорадовичъ ib. стр. 16.

15. Камеръ-фурьерскій журналъ за 1752 г.

16. Scharfenort ib S. 32. Die Strafen, mit denen die Pagen zu Zucht und Gehorsam erzogen wurden, bestanden in dem Entrichten eines Küchenschillings d. h. in einer in der Küche vorgenommenen exemplarischen Züchtigung.

17. Объ образованіи императрицы Елизаветы Петровны Валишевскій говоритъ слѣдующее: La façon dont elle fut élevée correspond au nouveau type d'éducation introduit dans le pays par la reforme de Pierre le Grand. Au villaged' Ismailovo où la tzarevna voisina avec ses cousines germaines Catherine et Anne Ivanovny on voyait en présence les deux Russies. Le code domestique du pope Silvestre—„le Domostroi" demeurait en vigeur dans la maison de la tzarine Prascovie, l'austère et pieuse veuve du tzar Ivan. On n'y étudiait que les Ecritures saintes. A l'autre bout du village Elisabeth eut une gouvernante française, M-me Latour, qui se fit appeler aussi comtesse de Launay et qui revenue en France vers 1750 et installée à Villejuif y passa pour la compagne légitime d'un chevalier de Marville. Elle peut bien n' avoir pas toujours donné à son élève les préceptes et les exemples les plus édifiants. Elle fut supplée par de nombreux précepteurs dont un français encore—Rambour. Malheureusement leur enseignement glissait sur un fond de paresse incoercible. Tenant physiquement de son pére, la fille de Pierre le Grand était plus voisine, par l'esprit, de sa mère, l'inculte paysanne livonienne Lire lui fut toujours un ennemi et ecrire une torture.

Au surplus la nouvelle éducation à l'européenne, comme on la comprenait alors en Russie ne comportait pas beaucoup de savoir. Très superficielle, elle se reduisait à l'études des langues. Elisabeth parla assez bien le français, passablement l'allemand et s'étant mis encore dans la mémoire quelques mots d'italien et d'anglais qui devenait à la mode, elle passa pour fort instruite. Comme on ne touchait guère alors aux lettres françaises sans faire des vers, elle en fit et nous possedons quelques échantillons de sa muse, une élégie entre autre, sur le depart pour la Siberie d'un ami, qui eut le tort d'en revenir mal à propos. (Dernière des Romanov, ib. p. 38—39), Несмотря на кажущееся противорѣчіе только-что приведенныхъ строкъ съ нашимъ утвержденіемъ, что Императрица Елизавета Петровна могла считаться одной изъ образованныхъ женщинъ своего времени, въ концѣ концовъ, онѣ подтверждаютъ наше мнѣніе.

Изъ словъ Валишевскаго выходитъ, что Елизавета Петровна въ сущности ничего не знала. Съ нашей современной точки зрѣнія – да, тѣмъ болѣе, что она была искренно убѣждена, что въ Англію можно проѣхать сухимъ путемъ, но вѣдь и Екатерина предполагала, что въ Мореѣ живутъ спартанцы, которые отличаются спартанскимъ духомъ и въ словѣ *еще* дѣлала четыре ошибки, а вѣдь никто не упрекаетъ её въ необразованности. Все дѣло въ томъ, чтобы оцѣнить ту или другую историческую личность, принявъ во вниманіе условія исторической обстановки. Ставъ на эту точку зрѣнія, Елизаветѣ Петровнѣ отнюдь нельзя отказать въ эпитетѣ образованной женщины.

Такъ и оцѣнилъ образованіе Императрицы П. П. Петровъ. („Царевна Анна Петровна" 1708—1728. Біографическій очеркъ. „Памятники новой русской исторіи" В. Кашпиревъ. С.-Петербургъ 1871 г. стр. 56—56). Хорошое знаніе двухъ языковъ да умѣніе войти, поклониться, да легко танцовать,—вотъ чѣмъ ограничивалось при извѣстномъ образѣ жизни, при частыхъ балахъ, маскарадахъ и ассамблеяхъ женское образованіе даже въ высшемъ обществѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка—и это было не у насъ однихъ, но и въ государствахъ, издавна слывшихъ за страны образованныя. Дочери Петра Великаго получили, слѣдовательно, лучшее по своему времени воспитаніе.

18. В. А. Бильбасовъ ib. т. I стр. 83.

19. В. А. Бильбасовъ ib. т. I стр. 79—81.

20. О рыцарскихъ академіяхъ можно найти свѣдѣнія, во-первыхъ, въ уже извѣстномъ намъ сочиненіи Крузаца Geschichte des Königlich-preussischen Kadeten-Corps. S—22—31. Здѣсь кстати сказать, что сочиненіе Крузаца до сихъ поръ не утратило своего значенія какъ въ общей части, гдѣ трактуется о войнѣ и военномъ призваніи и о первоначальныхъ военныхъ школахъ европейскихъ государствъ, такъ и въ спеціальной, относящейся до исторіи кадетскаго корпуса, нечего и говорить, что добросовѣстность и умѣлое обращеніе съ фактами составляетъ его отличительную черту. Кромѣ того, несмотря на свой официально приподнятый тонъ и, можетъ быть, нѣсколько напыщенный вѣрноподданническій патріотизмъ, оно отличается – правдивостью. Крузацъ не умалчиваетъ факты и не прикрашиваетъ ихъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о рыцарскихъ академіяхъ можно найти у Фридлендера. (Friedlaender. Die königliche Allgemeine Kriegs-Schule und das höhere Militär—Bildungswesen 1765—1813. Berlin 1854. Въ этомъ сочиненіи легко прослѣдить эволюцію рыцарскихъ академій и превращеніе ихъ въ другія военно-образовательныя учебныя заведенія какъ высшія, такъ и низшія. Наконецъ, кое-что, но сравнительно съ Фридлендеромъ, мало—говоритъ о рыцар-

скихъ академіяхъ и Poten. Geschichte des Militär Erziehungs und Bildungswesens in den Länden deutscher Zunge. Berlin. 1896.

21. О кадетскихъ ротахъ можно составить себѣ вѣрное понятіе по общей части сочиненія Крузаца. Тому, кто желаетъ болѣе подробно ознакомиться съ нимъ, надо заглянуть въ книгу Монтцея „Institution d'éducation militaire jusqu'en 1789. Livre premier. Ch. I—IV и livre second ch. 1. Сочиненія Монтцея носитъ на себѣ отпечатокъ чисто французскій. Во-первыхъ, объ источникахъ большею частью авторъ молчитъ, во-вторыхъ, приподнятый трескучій тонъ сказывается уже на первыхъ страницахъ. Vaincue par les Romains: пишетъ Монтцей" la nation Gauloise s'était civiliscé sous leur influence sans se laisser gagner par leur vices. Elle était devenue Gallo-Romaine, quand l'invasion victorieuse des Germains la replongea dans une espéce de barbarie. De ces trois éléments, romain, gaulois et germain, naquit enfin cette nation Française qui se maintient à la tête de toutes les autres (p. 3).

Однако, по сочиненію Монтцея можно составить себѣ вполнѣ ясное понятіе о зарожденіи и развитіи кадетскихъ ротъ, но яснымъ это понятіе сдѣлается только тогда, когда читатель самъ потрудится разобраться въ не совсѣмъ систематичномъ изложеніи автора. Авторъ даетъ факты и элементы эволюціи, но не самую эволюцію.

21. Crousaz, ib. S. 52 — 53.

22. Crousaz, ib. Ein vollkommenres System, welches auf dem Fundamente dieser Academien erwuchs, und mit dem unser preussisches Vaterland voranging ist dasjenige der Kadetten Erziehung.

Diese letsere gestaltete den von Frainkreich eingeführten Namen, welcher an ihrer Spitze stand zu einem Begriffe den er in seiner Heimath nicht gehabt hatte. Sie trat, nach einigen Formationen des Ueberganges 1717 als eine ganz entschiedene Maassregel auf: sowohl die Ausschlisslchkeit ihres militärischen Characters als durch die volle Wohlhat, welche sie den unbegüterten 'Adel des Inlandes, zum Aufschwunge seiner Existenz und seines Bewusstseins spendete (S. 7).

23. О томъ, что Ягужинскій подалъ мысль объ основаніи шляхетскаго корпуса, говоритъ въ своей „Исторіи русской педагогики, С.-Петербургъ, 1897 г. стр. 325", М. И. Демковъ. Свѣдѣніе это онъ, вѣроятно, почерпнулъ отъ полковника Мельницкого: „Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ", гдѣ на стр. 7 сказано: „Онъ (Минихъ) возымѣлъ намѣреніе осуществить проектъ графа Ягужинскаго". Что проектъ открытія корпуса могъ принадлежатъ графу Ягужинскому, болѣе чѣмъ вѣроятно, такъ какъ Ягужинскій 18 Ноября 1731 года былъ назначенъ въ почетную ссылку посломъ въ Берлинъ, гдѣ пробылъ три года (Сборникъ біографій Кавалергардовъ А. Голомбіевскій (стр. 18—19).

Интересно замѣтить, какъ упомянутые, нами выше историки военнаго образованія Монтцей и Крузацъ относятся къ факту открытія у насъ кадетскаго корпуса. Монтцей говоритъ „Il n'existait donc plus ni academie, ni école militaire, sous quleques formes qne ce fût. On avait crée et détruit, on avait donné l'exemple et il aurait fallu aller le reprendre chez une nation consideré cencore comme barbare. Le marechal comte de Munich établit avec l'autorisation de l'impéra trice Anna Ivanowna une école de cadets dans laquelle en domptant le caractère feroce des gentilhommes russes on put en former des sujets capables de défendre l'Etat et de commander sous les ordres du maître. Ib. p. 115.

Крузацъ говоритъ: „Die Kaiserin Anna stiftete 1731 г. nach dem Rathe Münnich's die erste Schule für Kadetten des Landheeres" (ib. 11). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Gleich im Anfange des Jahres 1732 tritt es als eine bemerkensverthe Thatsache herfor, dass das Corps des cadet mit der 1731 von des Kaiserin Anna nach dem Rathe Münichs gestifteten ersten Land-Kadettenschule Russlands dadurch in Verbindung kam dass die Feldfebels Greiff und Ulrich am 8 Januar nach Petersburg entsendet wurden und dort bei dem neu hervorgegangenen Institute als Oftiziere placirt zu werden. Man sieht hieraus deutlich das Russland die Preussiche Kadetten-Institution nach Verlauf fon erst 15 Jahren nicht blos in der Hauptidee nachahmte sondern sie auch wohl in einzelnen Organismus nachzubilden suchte da es Preussische Militärpersonen die in Kadettenwesen routinirt waren, kommen liess" (ib. S. 72).

Приведенные отрывки какъ нельзя болѣе характеризуютъ обоихъ авторовъ, къ которымъ намъ не разъ приходилось обращаться и которыхъ мы отчасти характеризовали. Мантцей тамъ, гдѣ онъ имѣетъ смутное понятіе о предметѣ, пускается въ рискованныя, имѣющія слабую подъ собой почву соображенія. Крузацъ свидѣтельствуетъ факты и толкуетъ ихъ очень осторожно и основательно.

Что же касается Д. М. Демкова, то его „Исторія педагогики" отнюдь исторіею не можетъ быть названа. Это сборникъ весьма полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній, но далеко не такихъ документально вѣрныхъ, какими являются свѣдѣнія, сообщенныя Мельницкимъ. Но общей идеи, какой нибудь исторической картины или картины эволюціи въ сочиненіи Демкова нѣтъ.

24. Montzey, ib. p. 81.

25. Н. Мельницкой, ib., стр. 10. С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи". Москва, 1869 г. т. XIX, стр. 276.

26. В. А. Бильбасовъ, ib. стр. 78—79.

27. K. Walischewsky: „La derniére des Romanov", ib. 239—241. А. К. Воронцова, V т. стр. 12. Какъ только-что приведенныя строки напоминаютъ сѣтованія нѣмца Jacob von Wallhausen'a, относящіяся къ XVII стол. 1617 г., denn wir Teutschen, sein also mit verderber Affection und Oppinion eingenommen, dass wir denjenigen son echts à la mode de France gekleidet, gebardet und in ihren lächerlichen Sitten unterwiesen ist der gilt nichts, ist ein Bauerflegel, ein Hopf u dergl".

Wenn es uns Teutschen umb der Sprach willen zu thun ist, können wir dieselbe nit sowohl in unserm Vaterlande und Schulen lernen als in Frankreich? Seyn unscre adelcihe Höflichkeiten und Tugenden (quod citra sit) arrogantiam nict viel besser und mannhafter als bey frembden Nationen?). Krousaz, ib., S. 6.

28. И. Забѣлинъ. „Опыты и изслѣдованія по русской исторіи" т. II, стр. 447. Приведены они у Валишевскаго ib p. 838.

29. Гр. Милорадовичъ ib. стр. 17.

30. Гр. Милорадовичъ ib. стр. 18—19.

31. Ар. Мин. Двор. $\frac{352}{1343}$ д. № 15, стр. 100, 1749 г.

Желаютъ въ выпускъ.

Камеръ-пажи:

Петръ Шереметевъ въ напольный капитаны.
Иванъ Нероновъ въ измайловскій полкъ.

Пажи:

Александръ Римскій-Корсаковъ.
Иванъ Юшковъ.
Кн. Ѳеодоръ Щербатовъ.
Дмитрій Марковъ.
Павелъ Нероновъ.
Въ отпуску { Петръ Козодавлевъ.
Василій Каровъ.
Григорій Ляпуновъ.
Иванъ Шуваловъ.
Александръ Болтинъ.
Князь Семенъ Мещерскій.
Алексѣй Брокъ.
Михаилъ Масловъ.
Кн. Петръ Мещерскій.

Комнаты Его Императорскаго Величества
Камеръ-пажъ Иванъ Древинкъ. } въ пѣхотные полки.
Пажъ Семенъ Прохоровъ.

32. Н. Волковъ ib. стр. 164.

33. Н. Волковъ ib. стр. 164.

34. В. А. Бильбасовъ ib. т. I, стр. 61.

35. Сочиненія Д. И. Иловайскаго ib. „графъ Яковъ Сиверсъ" стр. 448—452. Свѣдѣнія о Карлѣ Ефимовичѣ Сиверсѣ имѣются и у Гельбига ib. стр. 166.

36. Составить себѣ понятіе о личности Джона Локка можно по біографическому очерку Е. Ѳ. Литвиновой, входящему въ изданіи „Жизни замѣчательныхъ людей" Ф. Павленкова. С.-Петербургъ 1892. Тамъ же указана и литература о немъ. Педагогическое его значеніе оцѣнено въ фундаментальной исторіи педагогика Шмидта. Сочиненіе же Локка „Мысли о воспитаніи" переведены на русскій яз. между прочимъ г. Петромъ Вейнбергомъ и изданы въ 1890 г. Имъ мы и пользовались. Въ предисловіи г. Я. Гуревичъ перечисляетъ всѣ ранѣе вышедшіе по русски переводы.

37. О Руссо писано было не мало. Библіографію о немъ можно найти въ „Исторіи Западной Европы“. Н. И. Карѣевъ. С.-Петербургъ из. 2, т. III стр. 184—187. Примѣчаніе. По нашему чуть ли не лучшимъ сочиненіемъ о немъ является переведенная на русскій яз. біографія Морлея. „Эмиль“ Руссо вышелъ также въ переводѣ. Мы пользовались французскимъ оригиналомъ. Что же касается педагогической оцѣнки Руссо, то она столько разъ дѣлалась и продолжаетъ дѣлаться, что трудно указать на что-нибудь особенно оригинальное.

38. Въ журналѣ „Самообразованіе“ за 1901—1902 въ № 20, № 21 и № 22.

39. Меморіалъ Шуди приводится въ „Матеріалахъ по исторіи Пажескаго Е. И. В. корпуса“ гр. Милорадовича ib. стр. 23—26. Приведенъ онъ тамъ не цѣликомъ.

О сажаніи на цѣпь Crousaz ib. S. 102. Рѣчь идетъ о Фридрихѣ Великомъ и о его преобразованіяхъ въ кадетскомъ корпусѣ. По этому поводу Крузацъ замѣчаетъ слѣдующее „Thatsächlich ist auch der Eingang des neuen Systems ein recht schwerer gewesen denn die damaligen Kadets könnten die Humanität noch nicht vertragen; sie waren durch ihre Befreiung von Profos, den Qetten und der körperlichen Strafe vorerst nur zur Ungebührlichkeit veranlasst, und die Wissenschaft wurde von diesen Kindern eines rauhen Geistes in nächster Zeit nur um so weniger gewürdigt. Въ pendant къ этому интересно вспомнить одну черточку изъ жизни Бранденбургскихъ пажей XVII и начала XVIII столѣтія. Историкъ Шарфенортъ разсказываетъ слѣдующее: (Scharfenort b-S. 42). „Nur einer der Pagen blieb nachdem Friedrich sich zur Ruhe gelegt in dem kleinen Schlafcabinet, ausser ihn noch des Königs grosser englischer Leibhund. Des „Kammerjunge“, wie er in einem Manuskript genannt wird schlief vor des Konigs Bett auf einer Matratze und der Leibhund hat dem Jungen wo nicht allemal doch oftmals zum Hanptkissen dienen müssen. Der Kammerjunge hat nicht viel schlafen sondern Achtung geben müssen auf des Königs Begehren, insonderheit haf er müssen des Nachts dem Könige die Kammerbecken reichen und auch wol fürhalten“. Эти два мѣста двухъ патріотически настроенныхъ авторовъ лучше чѣмъ что-либо подтверждаютъ сдѣланное на стр. нашего очерка заключеніе, что средневѣковая грубость только постепенно уступала мѣсто цивилизаціи.

40. Гр. Миллорадовичъ ib. стр. 21.

42. Свѣдѣнія объ оберъ-гофмейстерѣ баронѣ Минихѣ помѣщены въ архивѣ кн. Воронцова, кн. II стр. 435—436. Кромѣ того, о немъ же упоминаетъ Н. Е. Волковъ въ уже названной книгѣ, стр. 159. Регламентъ подъ заглавіемъ „Проектъ генеральнаго придворнаго регламента, представленный оберъ-гофмейстеромъ барономъ фонъ-Минихомъ Императрицѣ Елизаветѣ“ помѣщенъ въ той же II книгѣ Арх. кн. Вор. стр. 449—471.

43. Копія инструкціи хранится въ музеѣ Пажескаго Е. И. В. корпуса.

44. K. Walischewsky ib. „La derniere des Romanov“ ib. p. 238.

45. Krousaz ib. s. 52.

46. Moutzey ib. p. 194.

47. Кстати замѣтить, что и иностранные историки говорятъ о томъ, что Пажескій корпусъ основанъ при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Crousaz по этому поводу замѣчаетъ слѣдующее „Kaiserin Elisabetth stifnete das Pagen-Institut welches am meisten einen aristokratischen Charcater und eine bevorzugte Stellung hatte (S. 11). Свѣдѣнія эти Крузацъ почерпнулъ изъ сочиненія нѣкоего Josepf Tansky, озаглавленнаго такъ: Tableau statistique. politique et moral du système militaire de la Russie. Paris 1833.

48. Характеристику Шуваловыхъ даетъ намъ Валишевскій въ dernierè „Des Romanov“ p. 130—134 и надо отдать справедливость довольно безпристрастную. Съ перваго взгляда, впрочемъ, кажется, что Валишевскій нападаетъ, но потомъ на повѣрку выходитъ, что онъ только очень рѣзко подчеркиваетъ недостатки.

49. Очень полныя библіографическія данныя объ Ив. Ив. Шуваловѣ даетъ въ примѣчаніи переводчикъ Гельбига („Русскіе избранники и случайные люди“) стр. 179—180.

О роли Ив. Ив. Шувалова въ семилѣтнюю войну можно составить себѣ понятіе по арх. Шувалова, хранящемуся у г. Ил. Толстого. Тамъ же находятся и письма различныхъ лицъ, съ которыми Ив. Ив. познакомился въ свою поѣздку заграницу и которыя характеризуютъ то пріятное и успокаивающее впечатлѣніе, которое онъ производилъ на окружающихъ. Видимо, если даже отбросить все то льстивое и трескучее, которое въ нихъ заключается, что Ив. Ив. пришелся по душѣ большинству изъ тѣхъ, съ кѣмъ его сталкивала судьба.

50. О томъ, что гр. М. И. Воронцовъ былъ дѣйствительно пажемъ, свидѣтельствуетъ какъ бы служебная записка, помѣщенныя на стр. 264—266 Арх. князя Воронцова въ книгѣ V,

51. Свѣдѣнія о К. Бороздинѣ взяты изъ упомянутаго уже изданія О. фонъ-Фреймана стр. 10—11.

Глава III.

1. Императрица Екатерина не только писала объ этомъ, но и дѣлала попытки въ этомъ направленіи. О нихъ можно себѣ составить понятіе по брошюрѣ академика А. С. Лаппы-Данилевскаго, озаглавленной такъ: „Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II." С.-Петербургъ, 1898 г. стр. 33—36.

2. Ак. А. Н. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи". С.-Петербуръ, т. I, стр. 23.

3. А. Н. Пыпинъ, ib. стр. 25.

4. С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи". Москва, 1869 г. т. XIX, стр. 275—276.

5. Н. Мельницкой, ib. т. I, стр. 10.

6. П. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры", т. II, стр. 242.

7. Объ Ив. Ив. Бецкомъ можно найти подробности у Демкова „Исторія русской педагогики" т. II, стр. 306 и 318.

8. Е. Шумигорскій. „Екатерина Ивановна Нелидова". С.-Петербургъ. Изд. 2. 1902 г.

9. Мельницкой, ib. стр. 63—64.

10. Мельницкой, ib. стр. 69.

11. Мельницкой, ib. стр. 82—83.

12. А. В. Висковатовъ. „Краткая исторія перваго кадетскаго корпуса", стр. 42—43.

13. Полное Собраніе Законовъ Росс. Импер., т. XVII, № 12, 741. Мельницкой, ib. стр. 65—66.

14. П. Милюковъ, ib. т. II, стр. 298. М. Демковъ, ib. т. II, стр. 330.

15. П. Милюковъ, ib. стр. 299—301. О системѣ Янковича де Миріево не мало говоритъ и М. Демковъ въ своей исторіи педагогіи (350—369); на страницѣ 369 онъ указываетъ и источники, по которымъ можно составить себѣ понятіе о самой системѣ.

16. П. Милюковъ, ib., стр. 303—304.

17. П. Милюковъ, ib., стр. 305—306. Дальнѣйшій разсказъ мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ. Въ „Вѣстникѣ Воспитанія", за 1898 г. въ Ноябрьской книжкѣ, въ отдѣлѣ, озаглавленномъ *критика и библіографія* помѣщенъ разборъ книжки А. С. Архангельскаго, „Императрица Екатерина II въ исторіи русской литературы и образованія. Казань", 1897 г. Разборъ статьи носитъ названіе: „Изъ исторіи екатерининской школы" и принадлежитъ перу нѣкоего Г. В. Каллашъ. Это собственно не простой разборъ а исправленіе слишкомъ оптимистическаго взгляда Архангельскаго. Опирается Г. Каллашъ на факты, почерпнутые имъ главнымъ образомъ изъ двухъ сочиненій „Чернявскій, Матеріалы по исторіи народнаго образованія въ Екатерининскомъ намѣстничествѣ при Екатеринѣ II и Павлѣ I (1784—1805). 1895 г.", и „Адріяшевъ. Матеріалы для исторіи учебныхъ заведеній Черниговской дирекціи съ 1789—1832 г., Кіевъ. 1865 г.". Заимствованныя изъ послѣдняго сочиненія отрывки, приведенные въ статьѣ Г. Каллаша, мы и предложили вниманію читателя (стр. 23—27). Намъ кажется, что точка зрѣнія г. Каллаша на дѣла просвѣщенія при Императрицѣ какъ на дальнѣйшее развитіе эволюціи совершенно вѣрна, а исправленія, сдѣланныя къ труду г. Архангельскаго, неопровержимы, такъ какъ опираются на факты, которые говорятъ сами за себя.

19. П. Милюковъ. „Главныя теченія русской исторической мысли". Москва. 1898 г. стр. 74—79. Въ „Современникѣ" за 1854 г. т. XLVII 674 была помѣщена статья С. М. Соловьева „Гергардъ Фридрихъ Миллеръ".

20. Всѣ названныя бумаги хранятся въ Моск. Арх. Министер. Иностр. Д. подъ № 412 въ двухъ папкахъ № 1 и № 2.

21. Планъ обученія пажей при Императорскомъ Дворѣ въ подлинникѣ на нѣмецкомъ языкѣ, на которымъ мы его и приводимъ въ приложеніи № 3 (т. II стр. 33—41) хранится въ Арх. Министр. Иностр. Дѣлъ въ портф. № 412 подъ № 16.

22. Г. Милорадовичъ, ib стр. 32—33.

23. Г. Милорадовичъ, ib стр. 32.

24. М. Сухомлиновъ. „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію" т. I. С.-Петербургъ. 1889 г. стр. 544—547.

25. А. Милорадовичъ, ib стр. 33—35; 68—74.

26. Насколько этотъ проэктъ занималъ Государыню, можно судить по тому, что внукъ Екатерины Первой, Августѣйшій главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, былъ названъ Константиномъ, именемъ перваго основателя Константинополя на мѣстѣ древней Византіи, а также послѣдняго греческаго императора изъ дома Палеологовъ. Греки явились

у колыбели новорожденнаго русскаго Великаго Князя; кормилицей его была гречанка по имени Елена и первымъ его слугою былъ грекъ Дмитрій Курута. Когда же Константинъ сталъ подростать, то товарищи его дѣтскихъ игръ были избраны греки. Въ числѣ ихъ находился нѣкій Калагеоргій бывшій впослѣдствіи екатерининскимъ губернаторомъ. Все это дѣлалось для того, чтобы Константинъ Павловичъ, съ первыхъ же дней своего дѣтства, могъ ознакомиться съ греческимъ языкомъ, на которомъ онъ и говорилъ очень недурно.

Мысль о томъ, чтобы сдѣлать Константина главою греческаго народа, не покидала Императрицу и въ послѣдующіе годы и для перваго шага осуществленія ее, ею былъ придуманъ довольно странный способъ. Такъ, самъ секретарь Государыни, извѣстный Храповицкій, записалъ въ дневникѣ своемъ подъ 17 Августомъ 1787 года, т. е. черезъ два года, послѣ появленія плана для обученія пажей, подписаннаго Завадовскимъ: „въ сундукѣ отыскалъ для себя и читалъ тайный проэктъ Потемкина, „чтобъ, воспользовавшись персидскими неустройствами занять Баку и Дербентъ и, присоединивъ Гилянъ, назвать Албаніею, для будущаго наслѣдника Великаго Князя Константина Павловича", а 7 Іюля 1787 года, Храповицкій передаетъ мысль Екатерины о томъ, чтобы Молдавію и Валахію оставить независимыми для будущей Имперіи подъ названіемъ Дакіи. Спустя нѣкоторое время, 7 Іюля того же года, Екатерина съ твердостью и видомъ удовольствія говорила Храповицкому, что пусть турки идутъ, куда хотятъ; греки могутъ составить монархію для Константина Павловича и однажды въ 1789 году сообщала ему, что, подѣливъ Турцію, можно дать куски Англіи, Франціи и Гишпаніи, а остатокъ добавила она, довольно для Великаго Князя Константина Павловича, pour un cadet de la maison.

Чтобъ пріучить грековъ къ Россіи, въ Петербургѣ былъ учрежденъ греческій кадетскій корпусъ. Въ областяхъ, пріобрѣтенныхъ Россіей при Черномъ морѣ на пути къ Константинополю, учреждались города съ громкими греческими названіями. Города эти какъ будто должны были служить переходною полосою, между двумя сосѣдними исторіями русской и греческой.

Сама Императрица стала носить и вводить въ моду дамскіе наряды, называвшіеся „греческіе". Въ свою очередь сами греки стали смотрѣть на Константина Павловича, какъ на будущаго своего государя. Когда былъ убитъ суліотами сынъ извѣстнаго Али-Паши, то они отправили въ Петербургъ депутацію, которая должна была поднести это оружіе какъ трофей Константину Павловичу и выразить ему желаніе грековъ, чтобы онъ занялъ престолъ Константина Палеолога. На рѣчь этой депутаціи Константинъ Павловичъ отвѣтилъ по-гречески. Кромѣ того, въ бумагахъ его воспитателя гр. Н. П. Салтыкова сохранилось письмо, вложенное въ конвертъ съ слѣдующею надписью: Его Величеству, кротчайшему греческому самодержцу Константину III. Авторъ этого письма, выражая желаніе, чтобы Всевышній хранилъ Великаго Князя Константина въ вожделѣнномъ здравіи, писалъ: „Провидѣніе со временемъ при помощи стихіевъ, да поспѣшествуетъ согласно сердечнымъ желаніямъ вашихъ слугъ, истребить тирана несправедливо владѣющаго тономъ предка вашего Константина Великаго, да прославится симъ Высочайшее Имя вашего Императорскаго Высочества; къ тому Божью помощью все приготовлено, все распоряжено, васъ подъ варварскимъ игомъ стенающіе греки инымъ не дышутъ, какъ истребленіемъ варвара и славою, помазанника нареченнаго свыше къ избавленію ихъ".

Е. Карновичъ. „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ". С.-Петербургъ 1899 г. стр. 3, 5—10. О греческомъ корпусѣ идетъ рѣчь и у Н. Мельницкого ib. т. I стр., по Мельницкому это учебное заведеніе извѣстно подъ названіемъ „Греческой гимназіи"; Карновичъ, вѣроятно, потому зоветъ его корпусомъ, что эта гимназія была въ нѣкоторой зависимости отъ Артиллерійскаго и инженернаго кадетскаго корпуса.

27. В. Бильбасовъ. „Императрица Екатерина„ т. II стр. 226—227.

28. „Воспоминанія Н. П. Брусилова". „Историческій Вѣстникъ" 1893 г. № 4 стр. 46—57. Воспоминанія эти Вл. Боцяновскій снабдилъ предисловіемъ въ которомъ далъ біографическія свѣдѣнія о Н. Брусиловѣ. В. П. Саитовъ снабдилъ ихъ пояснительными примѣчаніями. Н. П. Брусиловъ родился, какъ это видно изъ его „воспоминаній" въ 1782 году въ Орловской губерніи, гдѣ отецъ его былъ помѣщикомъ, и восьми лѣтъ поступилъ въ Пажескій корпусъ, откуда въ 1796 году, не пройдя полнаго курса, вмѣстѣ съ другими своими товарищами по приказанію Павла I былъ выпущенъ поручикомъ въ армію въ Московскій гренадерскій полкъ. Извѣстно, какъ тяжко жилось военнымъ въ короткое царствованіе Павла I, переполненное арестами ссылками разжалованіями. Число лицъ, возвратившихся на службу, благодаря манифесту Александра I, и исключенныхъ Павломъ I простиралось до 12,000 человѣкъ. Гвардейскіе офицеры всегда носили съ собою запасъ денегъ на случай, если бы прямо со смотра пришлось отправиться въ Сибирскія тундры. Примѣры такого рода бывали, а потому Брусиловъ, не

смотря на всѣ свои симпатіи къ военной службѣ, года черезъ два вышелъ въ отставку и поступилъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній на Высочайшее имя. Въ 1820 году онъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Вологду, гдѣ и пробылъ до 1834 г. Вологда обязана ему устройствомъ бульвара и сада, разведеннаго на соборной горѣ. Женатъ онъ былъ два раза. Первая жена его умерла отъ холеры, вслѣдствіе чего самъ Брусиловъ всегда очень боялся этой болѣзни. Въ 1834 году вышелъ въ отставку, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ 29 Апрѣля 1849 года. Погребенъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ. Вотъ и все, что можно сказать о его біографіи. Что касается его литературной дѣятельности, то началась она очень рано. Еще будучи въ корпусѣ, онъ издавалъ рукописную газету, въ которой осмѣивалъ какъ умѣлъ своихъ товарищей. Первой печатной работой былъ переводъ его комедіи Мерсье Гваделупскій житель, сдѣланный подъ руководствомъ дяди. Всѣ послѣдующія работы были или переводами или подражаніями. Самъ Брусиловъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ говоритъ о своей дѣятельности: Карамзинъ и Дмитріевъ „издали бездѣлки“, ну какъ же мнѣ отстать отъ нихъ? и я издалъ „Бездѣлки“. Мало этого написалъ бѣдную „Машу“ въ подражаніе „Бѣдной Лизѣ“. „Мое путешествіе“ въ подражаніе де-Местру и еще двѣ или три повѣсти въ подражаніе, не знаю уже кому“.

29. „Молодость А. А. Башилова. Записки его о временахъ Екатерины II и Павла I“, съ предисловіемъ А. Н. Майкова. „Памятники Новой Русской Исторіи“. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, С.-Петербургъ, т. III, отд. II, стр. 5—8.

Вотъ, что мы находимъ объ А. А. Башиловѣ у А. Майкова: „Александръ Александровичъ Башиловъ (умершій въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ сенаторомъ) былъ пажемъ при Императрицѣ Екатеринѣ, а затѣмъ и камеръ-пажемъ и однимъ изъ довѣреннѣйшихъ флигель-адъютантовъ Императора Павла I. Такимъ образомъ, онъ могъ видѣть вблизи русскую придворную жизнь конца прошлаго вѣка (съ 1793 г. по 1800 г.). Въ воспоминаніяхъ своихъ объ этомъ времени (несмотря на то, что они записаны лишь въ 1841 г.) Башиловъ набросалъ чрезвычайно живую картину того переворота, который произвело въ жизни русскаго двора и общества восшествіе на престолъ Павла I. Кромѣ того, Башиловъ былъ не только современникомъ, но отчасти и свидѣтелемъ революціонныхъ войнъ и посѣтилъ Парижъ въ составѣ перваго русскаго посольства, отправленнаго въ республиканскую Францію. Впечатлѣнія русскаго придворнаго Павловскихъ временъ въ столицѣ французской республики, уже пережившей терроръ и директорію, и его сужденія по этому поводу въ высшей степени любопытны и характеристичны“.

30. Воспоминанія Н. П. Брусилова. ib. стр. 57—61.

31. А. Н. Корсаковъ, „Степанъ Ивановичъ Шешковскій“. Историч. Вѣстникъ, 1885 г. т. XIII, стр. 682. Селивановъ. „Изъ давнихъ воспоминаній“, Русск. Арх. 1869 г. стр. 164—165.

32. Какъ о Козодавлевѣ, такъ и о другихъ бывшихъ пажахъ мы почерпнули наши свѣдѣнія изъ книги О. фонъ-Фреймана „Пажи за 185 лѣтъ“.

33. О Челищевѣ смотрѣть Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791. Дневникъ Челищева изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. С.-Петербургъ 1886 г.

34. О Радищевѣ существуетъ цѣлая литература. Мы со своей стороны, какъ основную статью рекомендуемъ статью М. И. Сухомлинова „А. Н. Радищевъ“, помѣщенную въ „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ по русской литературѣ и просвѣщенію“ т. I, стр. 541—671.

35. 9 Ноября 1796 года, Нелидовъ былъ произведенъ въ подполковники, а 21 Января 1897 года въ генералъ-адъютанты. Копія съ только-что приведеннаго перваго приказа подписана флигель-адъютантомъ Нелидовымъ. Послѣдняя имъ подписанная копія приказа относится къ 21 Апрѣля 1797 г.

36. Г. Милорадовичъ. ib. стр. 49.

37. Арх. Минист. Двора 352/1343, д. 60; № 94 (183).

38. Арх. Паж. корп. 1800 г. д. № 18.

39. Арх. Паж. корп. 1800 года, д. № 5. Какъ видно изъ д. № 6 1801 года, озаглавленнаго такъ: „О переименованіи Лейбъ-пажей пяти человѣкъ по прежнему въ камеръ-пажи“ это званіе уничтожено 27 Марта 1801 г. при Императорѣ Александрѣ I.

Глава I.

Царствованіе Императора Александра I (1801—1810).

1. Федоръ Яковлевичъ Мирковичъ, 1789 — 1866. Его жизнеописаніе. С.-Петербургъ. 1899 г. стр. 13.

2. В. Е. Якушкинъ. Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ. „Русск. Стар." 1886 г. Іюль. стр. 153.

3. М. Н. Макаровъ. „Воспоминаніе о коронаціи Императора Александра I". Памятники новой русской исторіи. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, издаваемыхъ В. Каперевымъ. С.-Петербургъ. 1871 г. стр. 49.

4. М. Н. Макаровъ, ib. ст. 49—50.

5. Н. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I". Его жизнь и царствованіе. С.-Петербургъ. 1897 г. т. II, стр. 65—66.

6. Архивъ Пажескаго корпуса. 1801 г. д. № 11, стр. 14—17.

7. Н. Шильдеръ, ib. т. II, стр. 66.

8. М. Н. Макаровъ, ib. стр. 50—52.

9. М. Н. Макаровъ, ib. стр. 53.

10. Н. Шильдеръ, ib. стр. 66.

12. Н. Шильдеръ, ib. стр. 66.

13. Н. Шильдеръ, ib. стр. 69—70.

14. Н. Шильдеръ, ib. стр. 70.

15. О. фонъ-Фрейманъ. „Пажи за 185 лѣтъ". Біографіи бывшихъ пажей съ портретами. Вып. I. ib. стр. 34—38. С.-Петербургъ 1894 г.

16. О. фонъ-Фрейманъ. Вып. I, стр. 69—71.

17. Н. Шильдеръ, ib. т. I, стр. 163.

18. Н. Шильдеръ, ib. т. II, стр. 25, 45.

19. О. фонъ-Фрейманъ, ib. Вып. I, стр. 41—54. М. И. Сухомлиновъ. „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію". С.-Петербургъ. 1889 г. т. I, стр. 541—671.

20. Н. Шильдеръ, ib. т. II, стр. 69, 15.

21. Н. Шильдеръ, ib. т. II, стр. 116.

22. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи". т. I. С.-Петербургъ. 1890 г. стр. 205—208.

23. О. фонъ-Фрейманъ. Выпускъ 3—4. 1895 г. стр. 230.

24. М. Н. Макаровъ, ib. стр. 75—80, 81.

25. Архивъ Паж. корпуса, 1801 г., д. № 11, стр. 20.

26. Архивъ Паж. корпуса, 1801 г., д. № 11, стр. 23.

27. Архивъ Паж. корпуса, 1801 г., д. № 5, стр. 1—3.

28. Н. Шильдеръ, ib. т. II, стр. 46. Арх. Паж. корп. 1801 г. д. № 5, стр. 4.

29. Н. Шильдеръ, ib. т. II, стр. 47.

31. Н. Шильдеръ, ib. т. II, стр. 106—107.

32. Н. Шильдеръ, ib. т. II, стр. 106.

33. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры". Изд. 2, 1899 г. стр. 312.

34. Милюковъ, ib. стр. 312—313.

35. Götze. „Fürst Golizin und seine Zeit". Leipzig 1882 г. Музей Паж. корп. Кн. Голицынъ.

36. Н. Шильдеръ, ib. т. II, стр. 4.

37. Н. Мельницкой. „Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи". С.-Петербургъ. 1857 г. т. I, ч. II, стр. 5—6.

38. Мельницкой, ib. стр. 6

39. Мельницкой, ib. стр. 6.

40. Мельницкой, ib. стр. 6.

41. Лалаевъ. „Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Главному ихъ Управленію". Отъ основанія въ Россіи школъ до исхода перваго двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича. 1700—1880. С.-Петербургъ. 1880 г. стр. 114.

42. Лалаевъ, ib. стр. 131. Богдановичъ. „Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время". 1869 г., т. I, приложенія стр. 85.

43. Лалаевъ, ib. стр. 113—114.

44. „Историческое обозрѣніе второго кадетскаго корпуса". С.-Петербургъ. 1862 г. стр. 161
45. Ib. стр. 161—162.
46. Лалаевъ, Ib. стр. 115.
47. Лалаевъ, Ib. стр. 115.
48. Богдановичъ, Ib. стр. 74.
49. Богдановичъ, Ib. стр. 203.
50. Богдановичъ. Ib. стр. 204.
51. Богдановичъ. Ib. стр. 204—205.
52. Богдановичъ. Ib. стр. 205.
53. Богдановичъ. Ib. стр. 205.
54. Богдановичъ. Ib. стр. 54.
55. Богдановичъ. Ib. стр. 205—207.
56. Максимовскій. „Историческій очеркъ развитія главнаго инженернаго училища". 1819—1869 гг. С.-Петербургъ 1869, стр. 27—51.
57. „Историческій очеркъ образованія Артиллерійскаго училища". 1820—1870 гг. С.-Петербургъ 1870, стр. 30—67.
58. Мельницкой. Ib. стр. 101—104.
59. Глиноецкій. „Русскій генеральный штабъ въ царствованіе Императора Александра I" „Военный сборникъ" 1874 г. № 10, стр. 239—246.
60. Général de Clausewitz. „Théorie de la grande guerre". Traduction du colonel de Vatry. Introduction. Paris 1889. Chap. II et chap. III, p. 122—157.
61. Baron de Jomini. „Précis de l'art de la guerre ou nouveau tableau analitique de principales combinaisons de la stratégie, de la grande tactique et de la politique militaire". Nouvelle édition revue et augmentée d'aprés les appendices et documents du général Jomini par T. Lecomte. Paris. Chap. VI art. 43 p. 180—181.
62. Военный журналъ, издаваемый служившимъ по квартирмейстерской части отставнымъ маіоромъ Рахмановымъ. С.-Петербургъ 1810 г., кн. I. Имена подписавшихся.
63. Н. Шильдеръ. Ib. т. IV, стр. 13—14.
64. Лалаевъ. Ib. часть II, стр. 8—10.
65. Н. Шильдеръ. Ib. т. IV, стр. 16.
67. „Русская жизнь въ началѣ XIX стол." „Русск. Стар." 1891 г. № 3. Н. Дубровинъ. Ib., стр. 541—542.
68. Н. Дубровинъ, ib., стр. 544—545.
69. Le comte Rodolphe de Maistre. „Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maïstre, précédés d'une notice biographique par son fils". Paris 1851. Tome second p. 306—307.
70. Н. Дубровинъ, ib., стр. 541. Примѣч. № 3.
71. Туганъ-Мирза-Барановскій. „Нѣмецъ-педагогъ въ Россіи". „Русск. Стар." 1873 г. № 6, стр. 858—859.
72. Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, т. I, С.-Петербургъ 1897 г., стр. XIV.
73. Д. Корсаковъ, К. Д. Кавелинъ, „Вѣст. Европ." 1885 г. Май, стр. 26.
74. Федоръ Яковлевичъ Мирковичъ, ib., стр. 14.
75. Собр. соч. К. Д. Кавелина, ib., стр. XIV.
76. „Г. Н. Грановскій и его переписка", т. I, Біографическій очеркъ А. Станкевича. Изд. второе. Москва 1897 г., стр. 10.
77. Якушкинъ, ib., стр. 156—159. Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I". Изд. второе. С.-Петербургъ 1885 г., стр. 346—354.
78. С. Аксаковъ. Разныя сочиненія. Москва 1858 г., стр. 7—9.
79. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи", ib., т. I, стр. 56.
80. Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", ib., стр. 346—354.
81. Н. Дубровинъ, ib. „Русск. Стар". 1898 г., № 12, стр. 499.
82. Н. Дубровинъ, ib. „Русск. Стар." 1899 г., № 3, стр. 540—545.
83. С. Аксаковъ, ib., стр. 7—9.
84. С. Весинъ. „Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ" С.-Петербургъ 1881 г., стр. 73—80.
85. Н. Дубровинъ. „Русск. Стар." 1898 г. № 12, стр. 499.
86. Н. Дубровинъ, ib., стр. 499.
87. Собр. сочиненій К. Д. Кавелина, ib., стр. XIII—XIV.
88. Д. А. Корсаковъ. „Кавелинъ" Вѣст. Европы. 1886 г. Май, стр. 21.
89. Лалаевъ, ib., стр. 116.
90. Н. Дубровинъ, ib. „Русск. Стар." 1899, стр. 540.

91. Н. Дубровинъ, ib., стр. 543.

92. Н. Дубровинъ, ib., стр. 543.

93. F. M. Klinger. Ausgewählt Werke. Erster Band. Stutgart 1878. Biografische Einleitung. S. IV—VI. M. Rieger. Klinger in seiner Reife. Darmstadt 1896. S. 246—405.

94. Ausgewählte Werke. Ib. S. IV.

95. Rieger. Ib. S. 58, 219, 446—497.

96. Ausgewählte Werke. Ib. S. VII.

97. Ausgewählte Werke. Ib. S. III—VI.

98. Hettner. „Geschichte der alegemeinen Litteratur".

99. Ausgewählte Werke. Ib. S. VI—VII.

100. Война за Баварское наслѣдство возникла вслѣдствіе того, что Іосифъ II, желая вознаградить себя за потерю Силезіи, рѣшился воспользоваться представившимся случаемъ сдѣлать это на счетъ Баваріи, въ которой по смерти Максимиліана-Іосифа прекратилась линія Виттельсбаховъ. Право наслѣдовать въ баварскихъ земляхъ получилъ Карлъ-Теодоръ Пфальцскій изъ линіи Зульцбаховъ. Но такъ какъ и онъ не оставилъ потомства, то и явилась возможность для Австріи прибѣгнуть къ традиціоннымъ пріемамъ своей политики: браками и наслѣдствами расширять свои владѣнія. Но король Прусскій Фридрихъ II не дремалъ и рѣшился помѣшать исполненію проэкта Іосифа II, выставивъ кандидатомъ на наслѣдство Карла Пфальцъ-Цвайбрюкскаго. Этотъ дипломатическій пріемъ не привелъ къ желанному результату, а потому пришлось прибѣгнуть къ „ultima ratio regis" т. е. къ пушкамъ. 11 Іюня 1778 г. въ союзѣ съ саксонцами пруссаки вторглись въ Богемію.

101. Въ сущности, ни та, ни другая сторона войны не желала, вотъ почему она и ограничилась стратегическими и тактическими передвиженіями, продолжавшимися почти-что годъ и закончились 13 Мая 1779 г. Тешенскимъ миромъ вслѣдствіе вмѣшательства Франціи и Россіи. По этому миру Австрія кое-что пріобрѣла, а именно: часть Инна съ Браунау, но зато и отказалась отъ всякихъ притязаній на Баварію.

102. Въ виду того, что во время этой войны добычею служили жизненные припасы, то она и была прозвана солдатами картофельною войною. Описана она у Реймана Reimann. „Geschichte des Bayerischen Erbfolgekrieges". Leipzig 1869. (Meyer. Conversation-Lexicon B, II, S. 635.

102. Ausgewählte Werke. Ib. S. VII.

103. Rieger. Ib. S. 1. Ранѣе своего назначенія библіотекаремъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ Николай обучалъ Великаго Князя (Conversation-Lexicon B. XII S. 942). Изъ записокъ Саблукова, „Русск. Арх." 1869 стр. 1877). Родился онъ въ Страсбургѣ 27 Декабря (нов. стиля) 1837 г. и началъ свою дѣятельность въ качествѣ секретаря французскаго посольства. Затѣмъ какимъ-то образомъ оказался частнымъ секретаремъ у князя Голицына, служившаго посланникомъ въ Вѣнѣ (1761 г). Въ 1763 г. онъ возвратился обратно въ Страсбургъ и въ 1769 г. отправился въ Россію въ качествѣ преподавателя Великаго Князя Павла Петровича. Писалъ онъ разсказы, стихотворенія, а также театральныя піесы. Стихи и проза его вышли въ Берлинѣ въ 8 томахъ (Berlin. 1792—1810), а театральныя произведенія въ 2 томахъ въ Кенигсбергѣ въ 1811 г. О немъ существуетъ монографія Гершау: Aus dem Leben des Freiherrn Nicolay. Hamburg. 1834. О немъ же есть свѣдѣнія въ Mémoires secrets sur la Russie; Paris 1801—1802. T. I 315 и U. J. v. Sivers, „Deustche Dichter in Russland".

104. Rieger Ib. S. 2. Сравнить съ записками Саблукова. „Русск. Арх." 1869 стр. 1880.

105. Rieger. S. 9.

106. Rieger. S. 49—50, 62.

107. Rieger. Ib. S. 73.

108. Rieger. Ib. S. 216—217, 229.

109. Rieger. Ib. 424—425. Клингеръ испросилъ себѣ вознагражденіе за свою даровую директорскую службу и получилъ его: ему дали имѣніе въ Курляндіи.

110. Rieger. Ib. S. 569—570.

111. Rieger. Ib. S. 424—425, 437, 632—633.

112. Rieger. Ib. S. 611.

113. Rieger. Ib. S. 617.

114. Rieger. Ib. S. 551—554.

115. Rieger. Ib. S. 83—84, 202—205, 211, 223, 554—555.

116. Rieger. Ib. S. 463—467 Betracgtungen, въ которыхъ выражены его взгляды, уже ранѣе высказанные въ романахъ. Писалъ онъ первые какъ разъ въ то время, когда сочинялъ положеніе о Пажескомъ корпусѣ. Rieger. Ib. S. 446—447.

117. Rieger. Ib. S. 431—432.

118. Rieger. Ib. S. 447.

119. Бестужевъ-Рюминъ. „Русская исторія". С.-Петербургъ. 1872 г. стр. 5.

120. Въ заключеніе скажемъ, что біографія Клингера помѣщается подъ названіемъ: „Biographlshe Einleitung" въ Штутгарскомъ изданіи Ausgewählte Werke въ 1 томѣ; составлена очень хорошо, безпристрастно и, въ краткомъ видѣ, даетъ понятіе объ этой, наполненной приключеніями жизни нѣмецкаго поэта, проведшаго полъ-вѣка на русской службѣ. Что же касается книги Ригера Klinger in seiner Reife, то ее никакъ нельзя назвать безпристрастной. Книга вся посвящена той эпохѣ жизни Клингера, которую онъ провелъ въ Россіи, а между тѣмъ авторъ, повидимому, плохо знакомый съ русскимъ языкомъ, пользовался почти-что только иностранными источниками, которымъ онъ, почему то, чрезвычайно довѣряетъ. Кромѣ того, совершенно не понимая ни русской жизни, ни русской исторіи, г. Ригеръ безъ всякаго стѣсненія дѣлаетъ самые смѣлые выводы, въ родѣ того, что проявившаяся въ клингеровскомъ фантастатическомъ, сатирическомъ романѣ, носящемъ заглавіе „Исторія Золотого Пѣтуха",— непріязнь къ христіанству отнюдь не можетъ быть объяснена тѣмъ, что онъ имѣлъ возможность наблюдать русскіе церковные порядки, такъ какъ они въ своемъ грубомъ сплетеніи, съ варварскою темною народною жизнью, съ западной точки зрѣнія, врядъ ли могли считаться проявленіями христіанства (Rieger. Ib. S. 60). Но и этого мало, касаясь въ своемъ разсказѣ нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, напримѣръ князя Голенищева-Кутузова Смоленскаго, занимавшаго одно время мѣсто директора корпуса, Ригеръ только изъ удовольствія брыкнуть знаменитаго полководца, говоритъ: это былъ тотъ самый князь Голенищевъ-Кутузовъ, который въ качествѣ главнокомандующаго арміи въ 1812 и 1813 г. создалъ себѣ, правда, историческое, но мало славное имя (Rieger. Ib. стр. 216). Въ другомъ мѣстѣ, то же удовольствіе побуждаетъ его отпустить по адресу того же князя Голенищева-Кутузова такую фразу: но когда дѣло дошло до Бородинскаго сраженія, онъ (Кутузовъ) не показался и съ утра до ночи всѣмъ управлялъ Барклай. Однимъ словомъ, съ книгой Ригера повторилось то же, что и съ книгой профессора Брикнера „Geschichte Russlands bis zur Ende des 18 Jahrhunderts v. A. Brückner B. I. Gotha 1896 г. по поводу которой чрезвычайно мѣтко замѣтилъ П. Полевой въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1898 г. т. 71 стр. 265: „Странное, безотрадное, тяжелое впечатлѣніе производятъ нѣкоторыя книги, печатаемыя въ Европѣ о Россіи. Читая ихъ, никакъ не можешь освоиться съ мыслью о томъ, что просвѣщенные люди, живущіе въ концѣ XIX вѣка въ просвѣщенныхъ центрахъ европейскихъ, толкующіе свободно обо всякихъ отвлеченностяхъ, приступающіе во всеоружіе знанія къ рѣшенію запутанѣйшихъ вопросовъ по древней исторіи Китая, по этнографіи Малайскаго племени, по первобытнымъ понятіямъ людей каменнаго вѣка, о религіи или искусствѣ,—обо всемъ судятъ здраво, безпристрастно и болѣе или менѣе вѣрно, но стоитъ только тѣмъ же ученымъ заговорить о Россіи, картина мѣняется. Логика, прилагаемыя къ всякимъ другимъ предметамъ ученаго изслѣдованія, оказывается непримѣнимою при разсужденіи о тѣхъ или другихъ сторонахъ русской жизни или исторіи". Все что касается литературной дѣятельности Клингера, его взглядовъ, его настроеній, все это чрезвычайно добросовѣстно и хорошо освѣщено г. Ригеромъ, но Россія и русскіе у него изображены изъ рукъ вонъ плохо, невѣрно и пристрастно.

121. Архивъ Пажескаго корпуса 1802 г. № 25 (I). „Письма отъ разныхъ лицъ къ Главноуправляющему надъ Пажескимъ корпусомъ къ Генералъ-Маіору Клингеру по разнымъ предметамъ". Стр. 3.

122. Арх. Паж. кор. Ib. № 25 (I) стр. 5 (1802).

123. Арх. Паж. кор. Ib. № 25 (I) стр. 5 (1802).

124. Арх. Московскаго отд. Главнаго Штаба, Высочайшій приказъ 20-го, 23, 24, 26 Сентября 1802 г.

125. Арх. Паж. кор., ib. № 25 (I) стр. 9 (1802).

126. Арх. Паж. кор., ib. № 25 (I) стр. 7. Музей Пажескаго корпуса. Изъ Сенатскихъ дѣлъ о Пажеск. кор., д. № 5191. стр. 2.

127. Арх. Паж. кор., ib. № 25 (I) стр. 10, (1802).

128. „Историческій очеркъ образованія и развитія артиллерійскаго училища", ib. стр. 28. „Русск. Стар." 1870 г. Май, стр. 420 изъ статьи Н. Титова.

129. Г. Милорадовичъ, ib. стр. 75—88. Сравнить съ дѣломъ № 5191 (о Пажескомъ корпусѣ) Музей корпуса. стр. 35 и стр. 17 (8).

130. Арх. Паж. кор. д. № 25, (I) (1802).

131. Арх. Паж. кор. № 25, (I) стр. 19.

132. Арх. Паж. кор. № 26, стр. 162 (1802).

133. Арх. Паж. кор. № 25, стр. 23 (1802).

134. Арх. Паж. кор. № 26, стр. 161 (1802).

135. Арх. Паж. кор. № 26, стр. 178 (1802).

136. Арх. Паж. кор. № 26, стр. 177. „Историческое обозрѣніе 2-го кадетскаго корпуса“, ib. стр. 162.

137. Арх. Паж. кор. № 26, стр. 182 (1802).

137. Арх. Паж. кор. № 26, стр. 181 (1802).

138. Арх. Паж. кор. № 25, (I) стр. 21—22 (1802).

140. Федоръ Яковлевичъ Мирковичъ, ib. стр. 17—18.

141. Арх. Паж. кор. 1807 г. д. № 17, стр. 13.

142. Арх. Паж. кор. 1807 г. д. № 21, стр. 10.

143. Арх. Паж. кор. 1802 г. д. № 26, стр. 164.

144. Арх. Паж. кор. 1802 г. д. № 26, стр. 116.

145. Арх. Паж. кор. 1802 г. д. № 26, стр. 270.

146. Арх. Паж. кор. 1803 г. д. № 4, стр. 77.

147. Арх. Паж. кор. 1802 г. д. № 26, стр. 211.

147. Арх. Паж. кор. 1802 г. д. № 26, стр. 72.

149. Арх. Паж. кор. 1802 г. д. № 26, стр. 67, 71, 72.

150. Арх. Паж. кор. 1802 г. д. № 26, стр. 18.

151. Федоръ Яковлевичъ Мирковичъ, 16 стр. 18.

151. Федоръ Яковлевичъ Мирковичъ, 16 стр. 16—17.

Глава II.

Царствованіе Императора Александра I (1810—1825).

1. Судьбы Мальтійскаго ордена хорошо изложены въ уже извѣстномъ намъ сочиненіи „Geschischte des Rittertums. Henne-Am-Rhyn“. Leipzig 1893 г. Даны объ этомъ орденѣ подробности и у С. А. Панчулидзева, въ „Исторіи Кавалергардовъ“, т. II, тамъ же можно найти и библіографическія указанія.

2. Въ этомъ отношеніи интересны выдержки изъ записокъ С. А. Порошина приведенныя въ сочиненіи Н. К. Шильдера. „Императоръ Павелъ I“. С.-Петербургъ 1901 г., на стр. 64. Наконецъ, 16 Декабря 1765 года, Порошинъ отмѣтилъ: „пылъ также обращается въ мысляхъ какой-то corps. de Chevalrerie“.

По странной случайности, Мальтійскій орденъ также послужилъ предметомъ игры для воображенія будущаго великаго магистра. „Читалъ я“ пишетъ Порошинъ 28 Февраля 1765 года Великому Князю Ершову „исторію объ орденѣ Мальтійскихъ кавалеровъ“. Изволилъ онъ потомъ забавляться и привязавъ къ кавалеріи свой флагъ адмиральскій, представлялъ себя кавалеромъ Мальтійскимъ“—Черезъ нѣсколько дней, 4 Марта, Порошинъ снова занесъ въ дневникъ указаніе на подобную же забаву, „представлялъ себя посломъ Мальтійскимъ и говорилъ передъ маленькимъ княземъ Куракинымъ рѣчь“.

3. Манифестъ, въ которомъ Императоръ Павелъ объявлялъ себя гросмейстеромъ, помѣщенъ въ упомянутомъ сочиненіи Н. К Шильдера „Павелъ I“, стр. 347.

4. О судьбахъ ордена въ Россіи мы взяли свѣдѣнія изъ „Русск. стар.“ за 1883 г. № 9, стр. 457—468, изъ статьи носящей заглавіе „Петербургъ при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ“ 1796—1801. Статья эта есть выдержка изъ записокъ Гейнриха Реймерса.

5. Реймерсъ ib., стр. 461—466.

6. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Св. № 133; д. 61, стр. 2—4.

7. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. св. № 133. д. № 61, стр.

8. Ib. стр. 7.

9. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Свод. № 123, д. № 24.

10. Моск. Арх. Гл. Шт. свѣд. № 123, д. № 47, д. о пажеск. кор.

Дѣло о Маньковскомъ, о которомъ рѣчь идетъ дальше, хранится въ Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. связ. № 123, д. № 14.

12. П. Дараганъ. „Воспоминанія перваго камеръ-пажа Великой Княгини Александры Ѳеодоровны“. 1817—1819. Оттискъ изъ Руск. Стар. 1875 г. т. XII. С.-Петерб. 1875 г., стр. 8—9.

13. Моск. отд. Арх. Гл. Шт., 1810 г., д. № 5, ib.

14. Моск. отд. Арх. Гл. Шт., 1823 г., № 9, ib.

15. Моск. отд. Арх. Гл. Шт., 1816 г., № 42.

16. Арх. Паж. кор. 1809 г., д. № 32.

17. Арх. Паж. кор. 1818 г., д. № 44.

18. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1822 г., ib.
19. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1814 г., д. № 10, ib.
20. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1814 г., д. № 10, ib.
21. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1817 г., д. № 23, ib.
22. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1810 г., д. № 4, ib.
23. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1817 г., д. № 37, ib.
24. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1812 г., д. № 32, ib.
25. Арх. Паж. кор. 1819 г., д. № 68.
26. Генер.-маіоръ Лалаевъ. „Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Главному Управленію". С.-Петербургъ 1880 г., стр. 133.
27. „Русск. Ст." 1879 г., № 2, стр. 305, 312, 313.
28. Арх. Паж. кор. 1819 г., д. № 71.
29. А. С. Гангебловъ, „Воспоминанія Декабриста", Москва 1888 г. стр. 247.
30. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1811 г., д. № 4, ib.
31. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1811 г., д. № 4, ib.
32. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1811 г., д. № 89, ib
33. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1811 г., д. № 54, ib.
34. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1811 г., д. № 50, ib.
35. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1812 г., д. № 27, ib.
36. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1812 г., д. № 27, ib.
37. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1812 г., д. № 27, ib.
38. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1812 г., д. № 41, ib.
39. Моск. Отд. Арх. Главн. Шт. 1812 г., д. № 27.
40. Моск. Отд. Арх. Главн. Шт. 1812 г., д. № 41.
41. Моск. Отд. Арх. Главн. Шт. 1820 г., № 27.
42. Частное письмо 2 Мая 1820 г., изъ архива М. А. Веневитинова.
43. Москов. Отд. Арх. Главн. Шт. 1820 г., д. № 27.
44. А. Гангебловъ. Воспоминаніе „Декабриста". Москва. 1888 г. стр. 258.
45. „Русская старина". 1870 (т. II, стр. 638—47). Статью и библіографію о немъ можно найти въ историко-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова. С.-Петербургъ. 1890 г. Вып. 24, стр. 126—144.
46. П. Дараганъ, „Записки перваго камеръ-пажа Великой Княгини Александры Ѳеодоровны" ib. стр. 11—12.
47. Моск. Отд. Арх. Главн. Шт. 1816 г., д. № 15.
48. С. А. Венгеровъ, ib. стр. 132—133.
49. П. Дараганъ, ib. стр. 3.
50. Военно-Ученый Арх. Главн. Штаба. Отд. I. 1021.
51. Моск. Отд. Арх. Главн. Шт. 1810 г., д. № 6.
52. Арх. Паж. корп. 1817 г. Формулярные списки, д. № 86.
53. П. Милюковъ. „Главныя теченія русской исторической мысли". Москва. 1848 г., стр. 264—265. О Лермонтовѣ дальше взято оттуда-же стр. 265.
54. Моск. Отд. Арх. Главн. Шт. 1811 г. д. № 50.
55. Изъ бумагъ П. Я. Дашкова, I. Tolstoi. Remarques jonrnaliéres—le 17 Decembre 1810 à S. Petersbourg.
56. Г. Милорадовичъ, ib. 43 стр. „Всемірная Иллюстрація" 1886 г. Пажескій Е. И. В. корпусъ, № 923, стр. 219.
57. А. Гангебловъ, ib. стр. 244—247.
58. Арх. Паж. кор. 1817 г., д. № 81.
59. Дараганъ ib. стр. 47. Кромѣ указанныхъ въ ссылкахъ мѣсть записокъ П. Дарагана и А. Гангеблова, мы пользовались и другими мѣстами изъ ихъ воспоминаній. Объ обоихъ названныхъ авторахъ можно найти свѣдѣнія у О. ф.-Фреймана пажи за 185 лѣтъ. О П. Дараганѣ на стр. 216 сказано: „Лейбъ-Гвардіи въ Конно-піонерный эскадронъ прапорщикомъ, былъ Тульскимъ губернаторомъ; г.-л. въ отставкѣ. Авторъ „Воспоминаній перваго камеръ-пажа Императрицы Александры Ѳеодоровны". Русск. Стар. (1875 г. IV). Дополняются они нѣкоторыми свѣдѣніями, сообщеными имъ самимъ въ началѣ своихъ воспоминаній. О А. Гангебловѣ сказано: изъ грузинскихъ дворянъ, сынъ генералъ-маіора Семена Георгіевича и жены его Екатерины Спиридоновны Манвеловой. Произведенъ Л.-гв. въ Измайловскій полкъ прапорщикомъ Г. былъ замѣшанъ въ событіяхъ 14 Декабря 1825 г. Во время ареста въ Петропавловской крѣпости прекрасно иллюстрировалъ „Жиль Блаза". Г. былъ назначенъ въ Кавказскій Саперный баталіонъ, въ которомъ участвовалъ въ походѣ противъ Персіянъ, Турокъ и Кавказскихъ

Горцевъ. По болѣзни уволенъ 6 Іюня 1832 г. поручикомъ". Его воспоминанія напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1868, д. № 10. (ib стр. 223). Интересно замѣтить, что въ воспоминаніяхъ, изданныхъ отдѣльною книжкою, Гангебловъ, говоря о броженіи умовъ въ Пажескомъ корпусѣ и разсказывая о тайномъ обществѣ существовавшемъ въ немъ, повторилъ то, что онъ совершенно добровольно показалъ въ слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ. Показаніе его хранится въ Архивѣ Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній „въ секретныхъ дѣлахъ".

Глава III.

1. Баронъ Корфъ. Восшествіе на престолъ Императора Николая I, С.-Петербургъ 1857 г. Изд. 3, стр. 45—46.

2. Автобіографическія воспоминанія В. А. Бельгарда. Русск. Стар. 1899 г. 166—167.

3. Н. Шильдеръ. т. IV, стр. 426.

4. П. Милюковъ, ib. т. II, стр. 324. (У насъ въ текстѣ сдѣлана опечатка вмѣсто 13 Іюля поставлено 15 Іюля.

5. О попыткѣ обратить всѣ учебныя заведенія въ военно-учебныя заведенія мы встрѣчаемъ указанія въ статьѣ пр. А. И. Введенскаго „Судьбы философіи въ Россіи". Вопросы философіи и психологіи. 1898 г. кн. 42, стр. 345.

6. Генералъ-маіоръ Лалаевъ. Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній подвѣдомственныхъ Главному Управленію. С.-Петербургъ, 1880 г. стр. 109—111.

7. Подробности объ этомъ пансіонѣ Александра Яковлевича Филиппова можно найти въ Запискахъ педагога барона Корфа, Русск. Стар. 1884 г. № 3, стр. 566—573.

8. Пыляевъ. „Замѣчательные чудаки и оригиналы". С.-Петербургъ, 1898 г. стр. 23—24.

9. Русск. Стар. 1880 г., № 11, стр. 758—761.

10. Арх. Пажескаго корпуса 1829 г. д. № 15.

11. Военно-Ученый Арх. Гл. Шт., отд. I, д. № 410.

12. Арх. Паж. корп. 1838 г. д. № 82. Въ музеѣ корпуса хранится небольшая брошюра посвященная памяти К. О. Клигенберга откуда мы и взяли рисунки подарка и медали.

13. Н. Шильдеръ. Великій квязь Николай Павловичъ. Русск. Стар. Іюль. 1901 г. стр. 27—28.

14. Записки Дениса Васильевича Давыдова, Лондонъ, 1861 г., стр. 11. Русск. Стар. 1902 года, Іюль, стр. 28—29. Н. Шильдеръ. Великій князь Николай Павловичъ.

15. Н. Мельницкой. ib. т. II, ч. III. стр. 7—10.

16. А. Д. Галаховъ. Мои сношенія съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ. 1850—1858 г. Русск. Стар. 1879, № 2, стр. 326—327.

17. И. И. Введенскій (1813—1855), по его письмамъ. Русск. Арх. № 5, 1901 г. стр. 123.

18. Записки кн. П. С. Голицына, Русск. Стар. 1880 г. № 12, стр. 884—887.

19. Арх. Паж. корп. 1826 г. д. № 65, стр. 65.

20. Арх. Паж. корп. 1826 г. д. № 65, стр. 52.

21. Арх. Паж. корп. 1826 г. д. № 65, стр. 57.

22. Арх. Паж. корп. 1826 г. д. № 62.

23. Арх. Паж. корп. 1826 г. д. № 62, стр. 15.

24. Н. Мельницкой, т. II, ч. III, стр. 19.

25. П. О. Лузановъ. Августѣйшіе кадеты и ихъ участіе въ лагерныхъ сборахъ военно-учебныхъ заведеній. С.-Петербургъ, 1902 г., стр. 41, 119.

26. Арх. Паж. корп. 1826, д. № 88.

27. Арх. Паж. корп. 1826 г. д. № 90.

28. Г. Милорадовичъ, ib. стр. 53—54.

29. Изъ записокъ гр. Корфа помѣщ. въ Русск. Стар.

30. Арх. Паж. корп. 1826 г. № 60. Н. Мельницкой ib т. II, ч. III, стр. 11—11.

31. Уставъ этотъ, такъ какъ онъ касается во всѣхъ отношеніяхъ и Пажескаго корпуса, мы приводимъ во II томѣ настоящаго сочиненія подъ № 9, на стр. 103—154.

32. Н. Мельницкой, ib., т. II, ч. III, стр. 38—39.

33. Изъ рукописныхъ воспоминаній О. Б. Рихтера.

34. Воспоминанія К. К. Жерве, Историческ. Вѣстн. 1898 г. № 6, стр. 766—767.

35. Изъ рукописныхъ воспоминаній А. Ѳ. Мирковича.

36. Арх. Паж. корп. 1835 г. д. № 44.

37. Автобіографическія воспоминанія В. А. Бельгарда, ib., стр. 164—165, 167. Подъ пор-

третомъ ошибочно написано Карлъ вмѣсто Валеріанъ и невѣрно показанъ годъ, выпуска: 1827 вмѣсто 1830 года. Біографическія данныя о В. А., планъ 75 и у О. фонъ-Фреймана.

38. Арх. Паж. корп. 1827 г. д. № 48.

39. Арх. Паж. корп. 1827 г. д. № 48.

40. Сообщено намъ покойнымъ Н. Шильдеромъ, взято по всѣмъ вѣроятіямъ изъ дѣлъ Военно-ученаго Архива Гл. Шт. изъ тѣхъ дѣлъ, на которые мы имѣли тоже случай ссылаться. Въ Архивѣ Пажескаго корпуса за 1829 г. подъ № 70, храниться дѣло, которое вполнѣ подтверждаетъ вѣрность полученнаго государемъ впечатлѣнія.

41. Г. Милорадовичъ, ib., стр. 246.

42. О А. Кавелинѣ, бар. Корфъ въ своемъ сочиненіи. Восшествіе на престолъ Императора Николая, говоритъ на стр. 128, 137, 154—155. Остальныя свѣдѣнія о бывшемъ директорѣ почерпнуты изъ формулярнаго его списка хранящагося въ архивѣ Военно-учебныхъ заведеній.

43. Изъ рукописныхъ воспоминаній Семеки о которомъ біографическія данныя можно найти въ сочин. О. фонъ-Фреймана.

44. Въ уже упомянутомъ сочиненіи бар. Корфъ говоритъ объ П. И. Игнатьевѣ на стр. 139—140.

45. Кн. Н. К. Имеретинскій. Изъ записокъ стараго преображенія. Русск. Стар. 1901 г. № 3, стр. 571—572.

46. Арх. Паж. корп. 1840 г д. № 98.

47. Наставленіе это хранится въ музеѣ корпуса, оно напечатано.

48. Арх. Паж. корп. 1825 г. д. № 41.

49. Арх. Паж. корп. 1829 г. д. № 19, стр. 57.

50. Данныя о И. Ѳ. Ортенбергѣ мы почерпнули изъ его послужнаго списка хранящагося въ Арх. Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній.

51. Воспоминанія князя Н. К. Имеретинскаго помѣщены были въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1887 г. Воспоминанія Н. А. Боровкова въ Наблюдателѣ за 1889 г. Записки Д. Н. Корсакова хранятся въ музеѣ корпуса. О всѣхъ этихъ лицахъ можно найти свѣдѣнія у О. фонъ-Фреймана.

Глава IV.

Царствованіе Императора Александра II.

1. Alphonse Balleydier. Hstoire de l'empereur Nicolas (Trente années de règne). Paris 1857 t. II, p. 338.

2. Изъ послужного списка графа В. Ѳ. Адлерберга.

3. Кромѣ дѣла о похоронахъ и о коронаціонныхъ торжествахъ имѣется еще брошюра графа Г. А. Милорадовича, вышедшая въ 1883 г. въ Кіевѣ подъ заглавіемъ „Воспоминанія о коронаціи Александра II, камеръ-пажа Двора Его Величества. (Изъ дневника графа Милорадовича 1856 г.).

3 а. Г. Милорадовичъ. Матеріалы для исторіи Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, ib., стр. 253. Перепечатки изъ № 4, „Русскаго Художественнаго Листка“, издаваемаго В. Тимомъ.

4. О фонъ-Фрейманъ, ib., стр. 285—287.

5. Е. Шмурло. Очеркъ жизни и научной дѣятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, (1829—1881). Юрьевъ 1899 г., стр. 58.

6. Н. Мельницкой, ib., т. IV, стр. 437—440.

7. Г. М. Лалаевъ. Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, стр. 100—105.

8. Г. М. Лалаевъ, ib., стр. 116—117.

9. А. Н. Макаровъ. Памяти Николая Васильевича Исакова. Рѣчь произнесенная передъ панихидой, совершенной въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, 25 Февраля по случаю десятилѣтія со дня смерти Н. В. Исакова.

10. Г. М. Лалаевъ. Историческое образованіе и развитіе перваго Московскаго кадетскаго корпуса. С.-Петербургъ 1878 г., стр. 111—113.

11. А. Поливановъ. Пятидесятилѣтіе Московскаго Императора Николая I кадетскаго корпуса. Историческій очеркъ. Москва 1899 г., стр. 51—53.

12. Изъ воспоминаній пажа К. хранятся въ музеѣ корпуса.

13. Изъ рукописныхъ воспоминаній Я. А. Дружинина, записанныхъ К. К. Дометти.

14. Изъ воспоминаній пажа К.

15. Г. М. Лалаевъ. Историческое образованіе и развитіе перваго Московскаго кадетскаго корпуса, ib., стр. 96—97.

16. А. Поливановъ, ib., стр. 17—20.

17. О. фонъ-Фрейманъ, ib., стр. 340.

18. Изъ рукописныхъ воспоминаній Я. А. Дружинина, ib.

19. Некрологъ былъ помѣщенъ въ „Русск. Инвал.“. Подлинникъ протокола хранится у дочери Д. Х. Бушена, г. Пистолькорсъ.

20. А. Поливановъ, ib., стр. 59—61.

21. Изъ рукописныхъ воспоминаній Л. И. Януша.

Глава V.

Царствованіе Императора Александра III.

Для составленія этой главы мы широко воспользовались очеркомъ генерала Лалаева. „Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній“, часть III. 1881—1891 гг. С.-Петербургъ 1892 г., съ сокращеніями мы напечатали изъ этого очерка стр. 1—71. Кромѣ того послужили намъ въ качествѣ матеріала разнаго рода приказы.

Замѣченныя ошибки и опечатки.

Стран.	Строка.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
2	5 сверху	вслѣдствіи	вслѣдствіе
25	2 сверху	partie pris	parti pris
43	1 снизу	поражаешся	поражаешься
47	13 сверху	княгины	княгини
57	15 снизу	ни дѣлалъ саксонецъ	не дѣлалъ
61	12 сверху	въ царствованіе	въ царствованіи
63	17 сверху	другіе	другія
69	20 сверху	генелогіи	генеологіи
77	7 сверху	обер-гофмейстеру	оберъ-гофмейстеру
77	13 сверху	старавшемся	старавшимся
78	1 снизу	французскіе комедіи	французскія комедіи
80	14 снизу	мѣнѣе	менѣе
87	10 сверху	Янковичъ-де-Маріево	Янковичъ-де-Миріево
88	10 сверху	ни выйдетъ	не выйдетъ
88	9 снизу	изчезнетъ	исчезнетъ
91	15 сверху	должны была	должна была.
93	3 снизу	разыскать	розыскать
102	6 снизу	балотированіе	баллотированіе
103	3 сверху	балотироваться	баллотироваться
103	3 сверху	балы	баллы
103	17 сверху	не для какихъ	ни для какихъ
109	1 снизу	купцевъ	купцовъ
110	7 снизу	чувствовалось	чувствовалась
110	3 снизу	не только	ни только
112	17 сверху	професіи	профессіи
115	1 сверху	позолоченными	позолочеными
115	8 сверху	вождѣленный	вожделѣнный
116	3 снизу	двадцати-двухъ-лѣтнимъ юношой	двадцатидвухъ-лѣтнимъ юношей
119	6 снизу	образованныя	образованные
120	18 снизу	кориуса	корпуса
133	7 снизу	отдѣльные отрывочно-высказанные	отдѣльныя отрывочно-высказанныя
134	13 сверху	пресѣчанія	пресѣченія
137	13 сверху	справедливые	справедливыя
141	2 сверху	вслѣдствіи	вслѣдствіе
165	1 снизу	счастливымъ, беззаботнымъ	счастливому, беззаботному
168	13 снизу	28 Іюля	28 Іюня
169	14 сверху	продолжавшіейся	продолжавшійся
170	4 снизу	нѣсомнѣнно	несомнѣнно
173	16 снизу	основные	основныя
174	18 сверху	инстиктивно	инстинктивно
175	1 сверху	XXX	XIX
175	14 сверху	or not be	or not to be
177	19 сверху	Иванъ	Иванѣ
190	13 снизу	расчитанъ	разсчитанъ
224	6 сверху	они	онѣ
226	9 сверху	одни и тѣ-же	однѣ и тѣ-же
241	18 сверху	съ слѣдующаго содержанія письмомъ	съ письмомъ, слѣдующаго содержанія
244	18 снизу	священическія	священническія
251	4 снизу	расчитывая	разсчитывая
259	1 сверху	рыцарей	рыцарскій
268	14 сверху	навѣшенными	навѣшанными
269	8 снизу	прочіе	прочія.
269	14 сверху	сопряженные	сопряженныя
272	8 сверху	расчеты	разсчеты
277	20 сверху	основный	основной
278	12 снизу	суженіе	съуженіе
292	7 сверху	резомируя	резюмируя
292	8 снизу	вспомнитъ	вспомнить
296	15 сверху	ее	ея
296	11 сверху	они	онѣ
298	3 сверху	вниманія начальство	вниманіе начальства
301	3 сверху	всевозможныя дурныя	всевозможные, дурные
301	3 сверху	молодыя	молодые
304	10 сверху	Адлебергъ	Адлербергъ
315	5 сверху	maniere	manière
324	1 сверху	негодныя	негодные
324	2 снизу	Адлерберъ	Адлербергъ
326	1 снизу	садиился	садился
329	7 снизу	массонамъ	масонамъ.
347	3 сверху	окруженнный	окруженный
378	2 сверху	опомнится	опомниться
382	6 сверху	педогогической	педагогической

Стран.	Строка.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
387	5 сверху	свидѣльствуетъ	свидѣтельствуетъ
409	9 сверху	быти	были.
417	подъ рисунк.	вмѣсто Карлъ читать Валерьянъ	и вмѣсто 1827 г. читать 1830 г.
420	11 сверху	Государъ	Государь
421	9 сверху	зимній	Зимній
431	подъ рисунк.	Перовскаго	Боровкова
439	6 сверху	вторые	вторыя
469	4 сверху	пажей	пажами
477	14 снизу	начинавшемъ	начинавшимъ
479	14 сверху	Иванъ	Иваномъ
484	8 сверху	большіе	большія
485	19 сверху	идеальныя	идеальные
493	11 снизу	всякія	всякіе.
506	1 сверху	единственныя полезныя	единственные, полезные.
512	10 снизу	отражающіе	отражающее.
519	подъ рисунк.	Вальвикъ	Вальвиль.
531	10 сверху	археоргрaфъ	археографъ.
540	21 сверху	быв-вшихъ	быв-шихъ.
541	1 сверху	причиненные	причиненныя.
543	3 сверху	они	онѣ.
545	15 сверху	экспертовъ	экстерновъ.
545	10 сверху	кое-какіе	кое-какія.
553	3 снизу	не обратить вниманіе	ни обратить вниманія
562	8 сверху	кто еще спалъ	что еще спало
563	13 снизу	нѣкоторыя	нѣкоторые
564	16 снизу	2-го	2-му
570	1 снизу	зависѣло	зависило
577	14 снизу	учителъ	учитель
587—588		кававалерійскомъ	кавалерійскомъ
593	21 сверху	дочери	дочерей.
610	16 сверху.	соблюденіе	соблюденія
629	1 сверху	15-й іюня	15-й день іюня
667	18 сверху	зъ	за
668	9 сверху	носитъ	носить
668	9 сверху	Аракчева	Аракчеева
678	10 снизу	имъ,	имъ
678	4 снизу	краснорѣчивье	краснорѣчивое
679	2 сверху	преповавателей	преподавателей
679	9 снизу	прійти	притти
681	2 снизу	подудикость	полудикость

гдѣ встрѣчается слово проэктъ, проэктировать, проэктированный, нужно читать проектъ, проектировать, проектированный.

1/2 – 20 f